ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГИИ

Степи Европы в эпоху средневековья

3

ТОМ

МОНЕТОНОС

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГИИ

СТЕПИ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Том 3

Половецко-золотоордынское время

Сборник научных работ

ДОНЕЦК 2003

МОНЕТОНОС

ББК Т4(4)4я43
С79

С79 Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Сб. науч. работ/ Гл. ред. А.В.Евглевский; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т. – Т.3. – Донецк: ДонНУ, 2003. – 493 с. – (Тр. по археологии).

Продолжающееся издание научных работ по археологии степей Европы в эпоху средневековья.

Рассчитан на специалистов в области археологии, этнологии, истории, антропологии, нумизматики, эпиграфики, краеведения, студентов исторических специальностей и всех тех, кто интересуется древней историей.

Рекомендовано к печати ученым советом Донецкого национального университета

Утверждено к печати ученым советом Института археологии НАН Украины

Главный редактор Евглевский А.В. (Донецк, ДонНУ)

Редакционная коллегия тома академик НАНУ Толочко П.П. (Киев, Институт археологии)
д-р ист.наук, Беспалов Н.Е. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук, Добров П.В. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук, Ерхов Г.П. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук, Крапивин А.В. (Донецк, ДонНУ)
член-кор. НАНУ Моця А.П. (Киев, Институт археологии)
д-р ист.наук, Никольский В.Н. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук, Пирко В.А. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук, Плетнева С.А. (Москва, Институт археологии)
д-р ист.наук, Сухобоков О.В. (Киев, Институт археологии)

Сборник подготовлен в рамках выполнения внутривузовской г/б темы 00-1вв/3 (руководитель – Добров П.В., доктор исторических наук, профессор), финансируемой Министерством образования и науки Украины

Серия основана в 2000 г.

Издание утверждено ВАК Украины

ISBN 966-7277-95-X
966-639-079-5(Т.3)

© Донецкий национальный университет, 2003

© Автор проекта А.В.Евглевский, 2003

© Алексейчук С.Н., Балановский А.В., Васильев Д.В., Горелик М.В., Гречкина Т.Ю., Евглевский А.В., Зиливинская Э.Д., Кищенко В.Г., Кравченко Э.Е., Круглов Е.В., Кульбака В.К., Лесничий П.П., Нарожный Е.И., Отин Е.С., Поливанов А.М., Поливанов Н.Н., Рассамакин Ю.Я., Шалобудов В.Н., Юдин А.И., 2003

© Выполнение переводов с русского: на английский – Вавилова С.Н., Волкова Т.Я.; на немецкий – Полынкин В.А., Чоботарь А.В.; на французский – Роменская А.В., 2003

© Иллюстрация на обложке художника О.В.Федорова, 2003

МОНЕТОНОС

THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCE OF UKRAINE
DONETSK NATIONAL UNIVERSITY

PROCEEDINGS IN ARCHAEOLOGY

THE EUROPEAN STEPPES IN THE MIDDLE AGES

Volume 3

The Polovets and Golden Horde times

Book of Collected Works

DONETSK 2003

МОНЕТОНОС

The European Steppes in the Middle Ages. V. 3. The Polovets and Golden Horde Times. Book of Collected Works/ Ed.-in-Chief A.V.Yevglevsky; Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine; Donetsk National University. – V.3. – Donetsk: Donetsk National University, 2003. – 493 pp. (Proceedings in Archaeology).

A periodical edition of scholarly publications in archaeology of the European steppes in the Middle Ages.

The book is intended for specialists in archaeology, ethnology, history, anthropology, numismatics, epigraphy, and local lore, for students of history and all those who are interested in ancient history.

Recommended for publication by the Learned Board of the Faculty of History of Donetsk National University

Approved by the Learned Board of the Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine

Editor-in-chief: Yevglevsky A.V. (Donetsk National University)

Editorial Board:
Academician of the National Academy of Science of Ukraine
Tolochko P.P. (Kyiv, Institute of Archaeology)
Doctor of History Bespalov N.Ye. (Donetsk, Donetsk National University)
Doctor of History Dobrov P.V. (Donetsk, Donetsk National University)
Doctor of History Krapivin A.V. (Donetsk, Donetsk National University)
Associate Member of the National Academy of Science of Ukraine
Motsa A.P. (Kyiv, Institute of Archaeology)
Doctor of History Nikolsky V.N. (Donetsk, Donetsk National University)
Doctor of History Pirko V.A. (Donetsk, Donetsk National University)
Doctor of History Pletneva S.A. (Moscow, Institute of Archaeology)
Doctor of History Suhobokov O.V. (Kyiv, Institute of Archaeology)
Doctor of History Yerkhov G.P. (Donetsk, Donetsk National University)

This edition is prepared within the framework of the University Research Program 00-1вв/3 (with Professor Dobrov P.V., Doctor of History as a supervisor) financed by the Ministry of Education and Science of Ukraine

The series was launched in 2000

ISBN 966-7277-95-X
966-639-079-5(V.3)

© Donetsk National University, 2003

© Project initiator A.V.Yevglevsky, 2003

© Alexeichuk S.N., Balanovsky A.V., Gorelik M.V., Grechkina T.Yu., Kishchenko V.G., Kravchenko E.Ye., Kruglov E.V., Kulbaka V.K., Lesnichiy P.P., Narozhny E.I., Otin E.S., Polivanov A.M., Polivanov N.N.; Rassamakin Yu.Ya., Shalobudov V.N., Vasilyev D.V., Yevglevsky A.V., Yudin A.I., Zilivinskaya V.D., 2003

© Translation from Russian into: English – Vavilova S.N., Volkova T.Ya.; German – Polynkin V.A., Chobotar'A.V.; French – Romenskaya A.V., 2003

© Cover illustration by O.V.Fyodorov, 2003

NATIONALE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN DER UKRAINE
INSTITUT FÜR ARCHÄOLOGIE
NATIONALE UNIVERSITÄT DONEZK

ARCHÄOLOGISCHE STUDIEN

DIE STEPPEN EUROPAS IM MITTELALTER

Band 3

Zeit der Kumanen und der Goldenen Horde

Sammelband von Forschungsbeiträgen

DONEZK 2003

Die Steppen Europas im Mittelalter. Band 3. Die Zeit der Kumanen und der Goldenen Horde. Sammelband von Forschungsbeiträgen/ Hrsg. von A.V. Jevglevskij; Institut für Archäologie der Nationalen Akademie der Wissenschaften der Ukraine; Nationale Universität Donezk. – Band 3. – Donezk: Nationale Universität Donezk, 2003. – 493 S. (Archäologische Studien).

In dieser Reihe werden Beiträge zur Archäologie der mittelalterlichen Steppen Europas veröffentlicht.

Diese Schriftenreihe wendet sich vorwiegend an das Fachpublikum aus den Bereichen Archäologie, Ethnologie, Geschichte, Anthropologie, Numismatik, Landeskunde und an die Studenten der Fakultäten für Geschichte sowie an alle Personen, die sich für die Geschichte des Altertums interessieren.

Vom Wissenschaftlichen Rat der Fakultät für Geschichte der Nationalen Universität Donezk zur Herausgabe empfohlen

Vom Wissenschaftlichen Rat des Instituts für Archäologie der Nationalen Akademie der Wissenschaften der Ukraine zur Veröffentlichung zugelassen

Redaktionsleitung: A.V. Jevglevskij (Nationale Universität Donezk)

Redaktion:
Akademiemitlied P.P. Toločko (Kyiw, Institut für Archäologie)
Dr. habil. N.Je. Bespalov (Donezk, Nationale Universität Donezk)
Dr. habil. P.V. Dobrov (Donezk, Nationale Universität Donezk)
Dr. habil.G.P. Jerchov (Donezk, Nationale Universität Donezk)
Dr. habil. A.V. Krapivin (Donezk, Nationale Universität Donezk)
Korrespondierendes Akademiemitglied A.P. Mozja (Kyiw, Institut für Archäologie)
Dr. habil. V.N. Nikolskij (Donezk, Nationale Universität Donezk)
Dr. habil. V.A. Pirko (Donezk, Nationale Universität Donezk)
Dr. habil. S.A. Pletneva (Moskau, Institut für Archäologie)
Dr. habil. O.W. Suchobokov (Kyiw, Institut für Archäologie)

Der vorliegende Sammelband wurde im Rahmen des innerhochschulischen Forschungsprojektes Nr. 00-Ibb/3 (Leitung: Prof. Dr. Dobrov P.V.) herausgegeben, das vom Ministerium für Bildung und Wissenschaft der Ukraine finanziert wird

Die serie ist 2000 gegrünolet

ISBN 966-7277-95-X
966-639-079-5 (Bd. 3)

© Nationale Universität Donezk, 2003

© Projektautor: A.V. Jevglevskij, 2003

© Alexejčuk S.N., Balanovskij A.V., Gorelik M.V., Grečkina T.Ju., Jevglevskij A.V., Judin A.I., Kiščenko V.G., Kravčenko E.Je., Kruglov Je.V., Kulbaka V.K., Lesničij P.P., Naroshnij Je.I., Otin Je.S., Polivanov A.M., Polivanov N.N., Rassamakin Ju.Ja., Šalobudov V.N., Vassiljev D.V., Zilivinskaja E.D., 2003

© Übersetzungen aus dem Russischen: Vavilova S.N., Volkova T.Ja., (Englisch); Polynkin V.A., Tschobotar A.V. (Deutsch); Romenskaja A.V. (Französisch), 2003

© Umschlagsbild: Fedorov O.V., 2003

INSTITUT D'ARCHÉOLOGIE DE L'ACADÉMIE NATIONALE
DES SCIENCES DE L'UKRAINE
UNIVERSITÉ NATIONALE DE DONETSK

TRAVAUX D'ARCHEOLOGIE

STEPPES DE L'EUROPE DE L'EST A L'EPOQUE DU MOYEN AGE

Volume 3

Epoque des Polovec et de la Horde d'or

Recueil des travaux de recherche

DONETSK 2003

Les steppes de l'Europe a l'époque du Moyen âge. Vol.3. Epoque des Polovec et de la Horde d'or. Recueil des tr. de recherche/ Red. en chef Evglevskij A.V.; Institut d'archéologie de l'Académie des sciences de l'Ukraine; Université Nationale de Donetsk. – Vol. 3. – Donetsk: Université Nationale de Donetsk, 2003. – 493 p. (Travaux d'archéologie).

Ce recueil représente une édition périodique des travaux de recherche archéologiques des steppes de l'Europe à l'époque du Moyen âge.

Ce recueil est destiné aux spécialistes d'archéologie, d'ethnologie, d'histoire, d'antropologie, de numismatique, d'épigraphie, d'ethnographie régionale, aux étudiants de facultés d'histoire et à tous ceux qui s'intéressent à l'histoire ancienne.

Recommandé à la publication par le Conseil de chercheurs de la faculté d'histoire de l'Université Nationale de Donetsk.

Agréé à la publication par le Conseil de chercheurs de l'Institut d'archéologie de l'Académie Nationale des sciences de l'Ukraine

Rédacteur en chef Evglevski A.V. (Donetsk, Université Nationale de Donetsk)

Conseil de rédaction:
Toločko P.P., académicien de l'Académie Nationale des sciences de l'Ukraine (Kiev, Institut d'archéologie)
Bespalov N.E., docteur en histoire (Donetsk, Université Nationale de Donetsk)
Dobrov P.V., docteur en histoire (Donetsk, Université Nationale de Donetsk)
Erkhov G.P., docteur en histoire (Donetsk, Université Nationale de Donetsk)
Krapivin A.V., docteur en histoire (Donetsk, Université Nationale de Donetsk)
Mocja A.P., membre associé de l'Académie Nationale des sciences de l'Ukraine (Kiev, Institut d'archéologie)
Nikolskij V.N., docteur en histoire (Donetsk, Université Nationale de Donetsk)
Pirko V.A., docteur en histoire (Donetsk, Université Nationale de Donetsk)
Pletniova S.A., docteur en histoire (Moskou, Institut d'archéologie)
Suhobokov O.V., docteur en histoire (Kiev, Institut d'archéologie)

Le prèsent recueil constitué dans le cadre du projet de recherches universitaires intitulé comme 00-1вв/3 (directeur Dobrov P.V., docteur en histoire, professeur), financé par le Ministère de l'Education et de la Science de l'Ukraine

Série est fondée en 2000

ISBN 966-7277-95-X
966-639-079-5(V.3)

© Université Nationale de Donetsk, 2003

© Auteur du projet A.V. Evglevski, 2003

© Aleksejĉuk S.N., Balanovski A.V., Evglevski A.V., Gorelik M.V., Greĉkina T.Û., Kišĉenko V.G., Kravĉenko E.E., Kruglov E.V., Kulbaka V.K., Lesničij P.P., Narožny E.I., Otine E.S., Polivanov A.M., Polivanov N.N., Rassamakin Û.Â., Šalobudov V.N., Ûdin A.I., Vasiliev D.V., Zilivinskaâ E.D., 2003

© Traductions du russe en anglais: Vavilova S.N., Volkova T.Â.; en allemand: Polynkin V.A., Ĉobotar A.V.; en français: Romenska A.V., 2003

© Ilustration de la couverture par Fedorov O.V., 2003

Предисловие

Нынешний том объединил на своих страницах материалы половецкого и золотоордынского периодов степей Восточной Европы, хотя первоначально их предполагалось подготовить как самостоятельные выпуски. Увы, собрать должное количество полновесных работ по каждому из этих периодов не удалось.

В сборнике помещено 14 статей: по 7 из Украины и России. Хронологические рамки их охватывают, за исключением одной (Е.В.Круглова), XII-XIV вв. Объединение в одном томе материалов половецкого и золотоордынского времени считаем полезным ходом, так как доказывать, что половецкое (в широком смысле) население Степи органично влилось в государственную структуру Улуса Джучи. В культурной жизни изменилось многое, но одним из основополагающих мостов, соединяющих в одно целое два традиционно разделяющихся в литературе хронологических периода, явилось прежнее население Степи с его устоями в духовной сфере. В условиях новых общественно-политических отношений и проникновения ислама эти кочевые традиции не стерлись механическим путем, как это многие считают еще до сих пор, а преобразовались в новую степную культуру с ее двумя, взаимообогащающимися частями – кочевой Степью и золотоордынскими городами. Именно такая, не всегда археологически улавливаемая подоснова, лежит в большинстве статей сборника.

Думаем, что сборник, содержащий разнообразнейший фактический материал половецко-золотоордынского времени, впервые представленный вместе в таком большом объеме, послужит хорошей базой для будущих разысканий. Как и прежде, мы надеемся, что к исследованиям указанного культурного пласта присоединятся не только археологи, но и специалисты иных направлений: антропологи, этнографы, филологи, религиеведы, историки, нумизматы и др.

Открывает сборник статья **Е.В.Круглова "Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников".** Материал посвящен проблеме источниковедческого обоснования критериев выделения в памятниках номадов IX – нач.XI в. Северного Прикаспия печенегов и огузов, их разграничению между собой. Автор считает, что Северное Прикаспие – уникальный для поставленной цели географический регион. Именно здесь, по его мнению, печенеги и огузы могли сохранить свои индивидуальные этнографические черты, как в период их проживания в одном регионе, так и в половецкое время, когда в Восточной Европе появились кимако-кипчакские племена. Кроме того, в статье ставится задача определения времени и характера нарушения анатомической целостности скелетов погребенных и сопровождавших их частей коня. Исследователь убедительно доказывает, что лишь в небольшой части памятников разрушение костных останков связано с ограблениями могил. Для остальных же случаев речь должна идти об распространении у кочевников обряда обезвреживания погребенных. Условием появления подобного обряда у средневековых номадов Северного Прикаспия могли быть, по мнению автора, прямые этнические контакты с потомками салтовского населения.

Цели, поставленные Е.В.Кругловым, актуальнейший вопрос этнической дифференциации археологических памятников, методика исследования ученого, базирующаяся на повышенной степени педантизма, предопределили наше решение о включении в том раннехронологической работы.

Д.В.Васильев, Т.Ю.Гречкина, Э.Д.Зиливинская "Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги". Городище Самосделка, расположенное в дельте Волги, было известно как памятник золотоордынского времени. Лишь в 1990 гг. выявлены материалы более ранних периодов. Исследования 2000-2003 гг. позволили вскрыть сооружения, относящиеся к XI-XIII вв.

Тщательнейшая фиксация и основательный анализ всех объектов городища, а также сопоставление этих материалов с некоторыми другими памятниками позволили авторам прийти к выводам, что на формирование населения дельты Волги в домонгольский период большое влияние оказал огузский компонент, пришедший с низовий р.Сырдарьи в IX-X вв. Но, главное, исследователи выдвинули смелое и, кажется, вполне реальное предположение об идентификации города, располагавшегося в XI-XIII вв. на месте городища Самосделка, с городом Саксин – центром одноименной области, населенной огузами и булгарами.

Е.С.Отин "Вопросы исторической ономастики Северного Приазовья". Блок из 4 статей Е.С.Отина является филологическим в своей основе. Тем не менее, эти работы удачно легли не только в русло проблематики тома, но и всей стратегической концепции серии, где нашим основным приоритетом является стремление к соединению усилий специалистов различных областей знания, направленных на реконструкцию средневековой истории Степи. Все предлагаемые здесь материалы исследователя опубликованы в предыдущие годы в различных филологических периодических изданиях на украинском языке. Несколько исправленные в деталях, они сохранили свою прежнюю оригинальность, получив в археологическом издании новое звучание и значительно расширив круг читателей.

Открывает блок статья, посвященная одной из наиболее ярких и загадочных страниц истории взаимоотношений средневековых Руси и Степи – локализации места битвы Игоря с половцами. В ней

дан критический анализ существующих вариантов этимологии гидронима Каяла в тексте "Слова о полку Игореве".

Две другие работы исследователя связаны с этимологией слова Калка, где в 1223 г. произошла историческая битва русских с татаро-монголами. В одной из них, с учетом данных исторической топонимики, содержится критика гипотезы К.В.Кудряшова о месте этой битвы. Е.С.Отин убедительно доказывает маловероятность того, что она происходила в верховье р.Кальчик (урочище Каменные Могилы). Анализ географических названий, проведенный в статье, показывает, что древнерусский гидроним Калка в словообразовательном плане не тождественен современному названию Калка в гидронимии р.Кальмиус. Это, по убеждению ученого, следует учитывать при определении "места камениста", где находился стан Мстислава и произошла битва. В следующей статье Е.С.Отина, касающейся происхождения слова Калка, рассматриваются существующие этимологии этого названия.

Четвертая работа ученого информирует нас об интересном лингво-культурном явлении – гапаксе *тарголове*, отмеченном в тексте Ипатьевской летописи, где сообщается о пленении половцами северского князя Игоря в 1185 г., рассматривая толкования и варианты его перевода на современный язык.

А.М.Поливанов "«Восточная» гипотеза о месте битвы Игоря с половцами (р.Россошь, бассейн среднего течения Дона)". Внимание к "Слову о полку Игореве", по праву вошедшего в сокровищницу мировой культуры, не ослабевает, несмотря на его достаточно хорошую изученность. Работа А.М.Поливанова, в этом смысле, более чем оригинальна и выглядит смелым шагом, хотя отсутствие анализа многих статей и монографий по данной проблематике несколько обедняет исследование. Но следует учитывать то, что автор не является профессиональным ученым.

Представляя труд А.М.Поливанова, невозможно не сказать об истоках зарождения его "восточной" гипотезы. Ее появление связано с именем Николая Николаевича Поливанова – горного инженера по профессии, родственника автора статьи, ревнителя русской старины, глубоко изучившего памятник древнерусской литературы. Увлеченный поэзией "Слова", Н.Н.Поливанов написал драматическую трилогию "Внук Бояна", которая до сих пор так и не стала достоянием общественности. Прочтение драмы привело нас к мысли, что это произведение просто необходимо опубликовать. Мы убеждены, что драма косвенно может оказаться весьма полезной археологам, историкам и всем тем, кто занимается исследованием "Слова".

Э.Е.Кравченко "Погребение знатного воина XIII в. на реке Калка". Уникальное грунтовое погребение, ставшее предметом изучения автора, без сомнения, только обозначает начало историографии данного памятника. Точка зрения, предложенная исследователем, подводит нас к знаменательной и одновременно трагической дате – концу мая 1223 г. В основе предложенной Э.Е.Кравченко датировки памятника лежит обнаруженная в нем лицевая маска, отнесенная по 6 известным подобным находкам, к 1200-1240 гг. Такие хронологические рамки очень узки, и это обстоятельство не может не настораживать, однако, подождем реакцию на эту статью специалистов. Опираясь на тот факт, что большинство памятников с масками исследователи связывают с черными клобуками, Э.Е.Кравченко относит комплекс к той же этнокультурной группе.

В.Г.Кищенко "Стрелы древних и средневековых культур Евразии: Реконструкция". К сожалению, стрелы, фиксируемые только в погребальных памятниках, доходят до археолога, как правило, лишь в виде металлических наконечников, хотя и случаются редкие исключения, когда остаются ветхие фрагменты от древков, детали крепления и следы от красящих веществ. Одним словом, степное средневековое население практически не "оставило" нам материала для реконструкций стрел, не считая, естественно, металлических и костяных наконечников. Источниковая база оказалась ограниченной не только из-за воздействия времени, условий нахождения памятника и природных факторов, а еще потому, что, во-первых, степень фиксации материала в процессе археологических раскопок во многих случаях оставляет желать лучшего, а во-вторых, реалии сегодняшнего дня, к сожалению, не позволили привлечь в достаточной степени необходимые архивные материалы и существующую специальную литературу. Поэтому от первоначальной цели реконструкции только стрел кочевых средневековых племен, что соответствовало бы хронологическим рамкам сборника, пришлось отказаться. А вот ценных данных о стрелах более ранних, прежде всего кочевнических культур, в процессе работы встречалось несравненно больше. В результате собранный интереснейший ранний материал лег в основу статьи. И дело тут не только в желании поместить в сборник исключительно выразительный материал, но и в том, что, несмотря на все многочисленные специфические особенности стрел различных по времени степных культур, есть у них и ряд общих характеристик, которые в условиях "собственного" дефицита материала, в известной степени, могут оказаться весьма полезными для медиевистов.

Такое восприятие, наверное, будет естественным, так как вся система реконструкции В.Г.Кищенко практически полностью построена на фрагментарно сохранившихся данных. Собирались они из

огромного массива опубликованных материалов археологических экспедиций и научных статей. В этих условиях иногда приходилось воссоздавать облик стрелы не совсем корректным, с научной точки зрения, способом, соединяя детали, происходящие не только от разных образцов, но и из разных памятников, могильников, регионов. Конечно же, такой сбор элементов и в хронологическом отношении был весьма пестрым. Налицо, казалось бы, нарушение многих принятых в археологии принципов, однако, относительно данной категории вещевого мира древних более радикального способа реконструкций, на наш взгляд, нет, и пока не предвидится. В силу категоричности этой формулировки стоило попробовать реконструировать стрелу так, как позволяют источники. Зато в воссоздании облика стрелы источниковую базу имеет буквально все: ее параметры (длина и диаметр), порода дерева, типы наконечников и свистунков, система крепления и материал крепежных элементов, форма и расцветка оперения и древка, форма ушка и другие детали. В отдельных случаях, когда не было иного выхода, имеет место и импровизация автора, однако, при этом всегда учитывались баллистические факторы стрелы и все необходимые этнокультурные "привязки".

В.Н.Шалобудов, П.П.Лесничий "Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья)". Статья посвящена изучению колесного транспорта средневековых кочевников Восточной Европы, точнее – на примере двух экземпляров рассматриваются конструктивные особенности легких двухколесных повозок типа арбы. Изучив хорошо сохранившиеся детали повозок из захоронений XII-XIV вв., обнаруженных у сел Большемихайловка и Чапаевка в бассейнах рр.Орели и Самары, авторы предложили, на наш взгляд, весьма убедительную и прекрасно графически исполненную реконструкцию. Исследователи подчеркивают высокую степень точности и качества обработки деревянных деталей повозок. Большой интерес вызывают различные инженерные решения их ходовой части при единообразии съемных кузовов, использовавшихся и отдельно в качестве решетчатых гробовищ. Примечательно и то, что обе рассмотренные повозки не имели металлических частей. Изготавливались такие повозки, по убеждению авторов, непосредственно на стойбищах, с чем, очевидно, следует согласиться.

Ю.Я.Рассамакин "Погребение знатного кочевника на реке Молочной. Опыт реконструкции вещевого комплекса". Статья Ю.Я.Рассамакина – это не только редкий опыт реконструкции древних вещей, она посвящена одному из наиболее выразительных и не потревоженных памятников золотоордынского времени Восточной Европы. Неординарность памятника состоит в наличии в комплексе большого количества редких и социально значимых вещей. Другой уникальной особенностью погребения является относительно хорошо сохранившийся набор деревянных предметов. Они представлены посудой (миской, тарелкой и черпаком), вооружением (колчан и лук), деталями повозки (колеса и части каркаса), седлом и гробовищем-колодой. Большинство деревянных вещей сохранили форму, конструкторские особенности и размеры, что позволило сделать достаточно точные и весьма убедительные реконструкции, многие из которых не имеют аналогов в специальной литературе.

М.В.Горелик "Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния военного дела монголов и европейской культуры". В работе автор приводит весомые доказательства того, что одна из групп шлемов, найденных на территории Центральной Европы от Пруссии до Болгарии, была изготовлена в империи Чингизидов, в основном в Улусе Джучи (Золотая Орда). Подчеркивается, что в Пруссии и в соседних с ней Польше и Литве в результате монголо-русских походов 2-й пол.XIII в., теснейшим контактам монголофила Александра Невского с прусской знатью и по иным причинам сложился своеобразный комплекс оборонительного доспеха (шлем и панцирь).

Если исследование шлемов эпохи Золотой Орды имеет относительно большую литературу, то об оригинальном типе клинкового оружия – фальшьонах в странах постсоветского пространства практически ничего не известно, что, конечно же, не может не вызывать к статье повышенного интереса. Более того, на сегодняшний день, "фальшьон" из Каирки (Присивашье), обнаруженный в погребении знатного воина, по нашим сведениям, единственный экземпляр в классе клинкового оружия, встреченный в памятниках поздних кочевников Восточной Европы, т.е., по сути дела, является уникальной находкой. Едва ли не абсолютная дата Каирки 3/1, определенная входящими в комплекс джучидскими дирхемами 2-й пол.XIV в., позволяет направить изучение данного предмета в русло хронологической детализации и его генезиса. В этом плане, по мнению автора, особо перспективным видится рассмотрение рукояти "фальшьона", которая является прототипом основной линии оформления рукоятей клинкового оружия на Ближнем Востоке.

Е.И.Нарожный "О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона". В последние годы значительно возрос интерес исследователей к так называемым "святилищам" поздних кочевников Восточной Европы. Статья Е.И.Нарожного выделяется среди прочих тем, что вопросы хронологии и семантики "святилищ" автор рассматривает в тесной взаимосвязи, фокусируя свои выводы на одном из узловых аспектов – определении верхней границы их функционирования. Цели и задачи автор сводит к двум вопросам. Первый – это уточнение и укрепление позиций тех

исследователей, которые считают, что в условиях господства золотоордынских ханов половецкий этнос сохранился как значимое социокультурное явление. Второй вопрос непосредственно выводится из первого. Суть состоит в том, что если первый тезис верен, то это означает, что половецкие святилища в XIII-XIV вв., очевидно, продолжали функционировать.

А.И.Юдин, А.В.Балановский "Об этнокультурной принадлежности некоторых поселений развитого средневековья Лесостепного Правобережья Волги". Анализируя этнокультурную принадлежность некоторых поселений развитого средневековья Лесостепного Правобережья Волги, авторы приходят к выводу о их русском происхождении. Находки русского производства достаточно часто встречаются на поселениях Золотой Орды, но обычно они немногочисленны. Однако в последние годы наметился их значительный рост и более того, в лесостепной зоне Нижней Волги стал известен целый ряд памятников, оставленных практически только русским населением. Исследователи предполагают, что в Волго-Донском междуречье оно могло появиться в результате колонизации еще в домонгольское время или вследствие постепенного переселения в пограничную зону между Золотой Ордой и Русью, занимая свободные места наиболее залесенных участков, как это происходило западнее, в Лесостепном Прихоперье. В то же время исследователи отмечают, что те поселения по берегу Волги, на которых обнаруживают типично русские материалы, не имеют культурных слоев домонгольского времени; возникновение этих поселений целиком связано с образованием Золотой Орды в сер.XIII в.

Э.Д.Зиливинская, С.Н.Алексейчук "Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища". Важной составляющей в археологическом изучении мира степей Восточной Европы XIII-XIV вв. являются золотоордынские города. Остатки одного из них, Сарай ал-Махруса, находятся на Селитренном городище на левом берегу р.Ахтуба. Этот город, иногда еще называемый в литературе Сараем-Бату, изучен гораздо слабее, нежели новая столица Золотой Орды – Сарай-Берке. Исследования, ныне проводящиеся на территории Селитренного городища, не перестают радовать специалистов новыми открытиями.

В работах, посвященных золотоордынским городам, неоднократно отмечался усадебный характер застройки этих городов. Усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан занимали значительную площадь, состояли из дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек. Одну из таких зажиточных усадеб в 1987-89 гг. раскопала Поволжская экспедиция под руководством Г.А.Федорова-Давыдова на раскопе XV Селитренного городища. Изучению этой усадьбы и посвящена статья.

Э.Е.Кравченко "Средневековый комплекс поселения Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье". Еще одному поселенческому материалу посвящена работа Э.Е.Кравченко. Памятник, раскопанный в 1992 г. в Ляпинской балке (устье р.Кальмиус), примечателен тем, что, во-первых, он многослойный (эпоха бронзы, салтово-маяцкая культура, золотоордынское время); во-вторых, рядом с поселением обнаружен уникальный, хорошо представленный вещами, грунтовой могильник золотоордынского времени. Соотнесение хронологических позиций, полученных независимыми друг от друга исследованиями этих двух памятников, одновременно публикуемых в данном сборнике, не может не вызывать повышенного интереса.

Появление во 2-й пол.XIV в., в период междоусобной борьбы в Золотой Орде, в степях Северо-Восточного Приазовья подобных поселений, по мнению Э.Е.Кравченко, может быть связано с относительно спокойной обстановкой на этих землях и перемещением на них населения с охваченных войной территорий.

А.В.Евглевский, В.К.Кульбака "Грунтовой могильник золотоордынского времени Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье". В могильнике авторы увидели уникальное сочетание многих культурных тенденций, происходивших в период наивысшего расцвета Золотой Орды. Это и отражение процесса оседания кочевников на землю и имущественное неравенство, мирное сосуществование и переплетение язычества и ислама, дальние торговые связи.

Коллектив археологической научно-исследовательской группы ДонНУ, которая осуществила подготовку сборника, и редколлегия тома искренне благодарят всех тех, кто, так или иначе, способствовал выходу его в свет. В числе их – проректор по научно-исследовательской работе А.Б.Ступин, декан романо-германского факультета В.Д.Калиущенко, переводчики С.Н.Вавилова, Т.Я.Волкова, В.А.Полынкин, А.В.Роменская, А.В.Чоботарь и др. Особые слова признательности адресуем декану филологического факультета Е.С.Отину, чье внимание, поддержка и советы самым непосредственным образом повлияли на выход в свет предлагаемого тома.

А.В.Евглевский

Е.В.Круглов

ПЕЧЕНЕГИ И ОГУЗЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В настоящее время известно несколько больших групп погребальных памятников "поздних кочевников", археологическая интерпретация которых допускает возможность предполагать для них печенего-огузскую этнокультурную атрибуцию. Территориально их можно разделить следующим образом:

– погребения степей Северного Прикаспия IX – нач.XI в.;

– погребения степей Северного Причерноморья X – сер.XI в.;

– кочевнические погребения Белой Вежи 2-й пол.X – нач.XII в.;

– погребения черных клобуков Поросья XII в.;

– погребения кочевников Восточного Маныча и Южных Ергеней сер.XI – нач.XIII в.;

– погребения кочевников Днестро-Дунайского междуречья сер.XI – нач.XIII в.

Поскольку хронология всех этих групп памятников различна, очевидно, что разной будет являться и степень конкретной этнической "чистоты" кочевников, их оставивших.

Основные особенности погребального обряда печенегов и огузов были выявлены С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1958, с.153-164), преимущественно, на материалах погребений черных клобуков Поросья и курганного могильника Белой Вежи. К этому времени печенеги и огузы, в основном, уже утратили свое этнополитическое господство в южнорусских степях. В связи с этим повышенный интерес вызывают археологические материалы IX – нач.XI в. Северного Прикаспия. С большой долей уверенности можно предположить, что именно на этой территории печенеги и огузы могли не успеть перемешаться ни друг с другом, ни с появившимися в Восточной Европе в половецкое время кимако-кипчакскими племенами. Следовательно, именно на этом материале есть наиболее реальная возможность выделения самых ранних и наиболее этнически "чистых" погребальных комплексов интересующих нас групп кочевников.

Исследования В.А.Кригера (Кригер В.А., 1985а; 1986; 1993) и В.А.Иванова (Иванов В.А., 1990; 1993а; 1993б) археологических памятников Заволжья и Южного Приуралья, в основном, подтвердили выводы С.А.Плетневой. На территории региона были выделены две группы погребальных памятников IX – нач.XI в., отличающиеся друг от друга величиной количественного распространения некоторых частных и локальных признаков погребальной обрядности. Усилиями этих исследователей для печенегов было признано характерным сооружение в уже существующих простых земляных курганах неглубоких впускных прямоугольных могил, наличие костей коня на дне могильных ям вместе с погребенным, лежащим вытянуто на спине и ориентированным головой на запад, отсутствие женских погребений и бытовых предметов этнографического характера. Установлено, что и для огузов также было характерно использование уже существующих простых земляных насыпей, сооружение простых прямоугольных могильных ям, вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных головами на запад с сезонными отклонениями к северу и югу. Отличает одних от других наличие в могилах у огузов разнообразных деревянных конструкций – перекрытий, гробов, колод, а также растительных и древесных подстилок. Одной из основных отличительных особенностей погребального обряда огузов было признано пространственно-вертикальное соотношение положения останков покойного и сопровождавшего его коня. Было установлено, что останки животных в виде шкур с черепами и костями скаковых конечностей укладывались огузами над человеком – в заполнениях могил, на крышках гробов, колод, перекрытиях. Встречаются также погребения со шкурой коня, лежащей на ступеньке, но для кочевников IX – нач.XI в. Северного Прикаспия такие захоронения оказались не характерны. Важной особенностью погребального обряда огузов признано наличие довольно значительного количества женских и детских захоронений. Из могильного инвентаря, обнаруживаемого именно в этих погребениях, были выделены предметы этнографического характера: бронзовые копоушки, птицевидные и крыловидные нашивки, привески. Этническими маркерами, видимо, следует считать также и бляхи-решмы – особые украшения кожаных ремней оголовья конской сбруи, фиксируемые, обычно, в мужских погребениях.

Источниковедческие проблемы археологических памятников 2-й пол.IX – нач.XI в.

1. Проблема отбора источников

Задача выделения полного круга археологических комплексов печенегов и огузов IX – нач.XI в. на территории Северного Прикаспия, в основном, была решена выходом двух работ – моей статьи (Круглов Е.В., 2001б) и книги Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001). Их практически одновременное появление означает, что тематика печенегов и огузов окончательно выделилась из общей археологии так называемых "поздних кочевников". Одновременно с этим выявилось и несколько новых достаточно серьезных проблем. Созрела необходимость не столько максимально полного учета всех имеющихся материалов по данному вопросу, что вполне естественно, сколько потребовалось более надежное источниковедческое обоснование самих критериев принадлежности тех или иных уже достаточно хорошо известных археологических памятников к кругу именно печенего-огузских. Поскольку хронология древностей этих кочевников фактически остается неразработанной, не вполне ясным представляется общеархеологическое соотношение погребальных комплексов печенегов и огузов как между собой, так и с культурами других кочевых и полукочевых народов центральноказахстанского, северокаспийского и причерноморского регионов – хазар, салтовских и волжских болгар, протовенгров, кимаков, а также половцев и кыпчаков.

В чем суть проблемы? В.А.Кригер свои основные выводы сделал на основе анализа 93 погребальных комплексов Заволжья и Южного Приуралья. Между тем, анализ этих материалов позволяет с большей или меньшей достоверностью связывать непосредственно с населением печенего-огузского круга только 71 погребение. Из числа исключенных 22 комплексов, четыре относятся к более ранней эпохе, VI-VIII вв. (Верхнепогромное, 1/12; Мертвые Соли, 1, 2, 3); пять – к более поздней, XI-XII вв. (Бережновка-I, 4/4; Калиновка, 54/1; Карасу-I, 10; Красная Деревня, 1/1; Челкар-III, 12). Два погребения из кургана у п.Золотая Нива хотя и датируются IX в., но в настоящее время определяются как волжско-болгарские. Кроме этого, в структуре печенего-огузских ныне не рассматриваются и 11 захоронений лесостепной Башкирии (Иткучуково; Нагаево, 1, 2, 3; Старое Мусино, 1/1, 1/2, 2, 3, 4/1, 4/2, 5/2), как территориально удаленные от зоны степей. Вместе с несколькими погребениями рубежа VIII-IX вв., определенными протовенгерскими (Воробьево, Луговское, Немчанка, Палимовское, Палласовка, Ромашкино, 116 км), все перечисленные археологические памятники инокультурны относительно древностей печенего-огузского круга. Часть из них была связана с населением Хазарского каганата (болгарами или хазарами), а часть могла быть оставлена ранними башкирами, кочевниками кимакского или половецко-кыпчакского происхождения.

Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов в составе своей выборки из 552 захоронений на территории Степного Поволжья и Приуралья учли уже 159 погребальных памятников (2001, с.162-211, № 1-130, 291-308). Не имея возможности детально обсудить все использованные этими исследователями материалы, некоторая часть которых мне не известна, укажу, что среди них достаточно уверенно могут быть выделены:

– предсалтовские погребения VI – рубежа VII-VIII вв.: № 68 – Верхнепогромное-I, 1/12; № 111 – Нагишкин(? ошибка – Жирноклеевский !); № 220 – Рисовое, 13/12; № 43 – Саратов; № 93 – Старица, 7/8, 7/16; № 82 – Степной, 1/15; № 71А – Царев, 66/2; № 98 – Черноярский грунтовый могильник, п.1-3;

– раннесалтовские и собственно салтовские памятники VIII – нач.IX в. типа Соколовской Балки или близкие к ним: № 64 – Барановка, 27, Волгогр.обл.; № 103 – Восточный Маныч /1966/ левый берег, 19[1]; № 136 – Горшковка; № 108 – Джангар, 31/2; № 94 – Капитанский, 12/1; № 116 – Кастырский-V, 11; № 304 – Мечеть; № 117 – Слободской, 3;

– захоронения сер.XI – нач.XIII в. соответствующие, в основном, памятникам 2-й хронологической группы Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966), близкие к погребениям половецко-кыпчакского круга, но отличающиеся от них особенностями ритуальной обрядности и используемого могильного инвентаря: № 38 – Александровка; № 110 – Белая Вежа, н.15/4, н.18/вп. погр.; № 123 – Высочино-IV, 2/5; № 308 – Гусевка; № 91 – Дмитриевский, 8/2; № 101 – Зензели; № 61 – Калиновский, 26/1, 26/2; № 18 – Каратугайская волость, 2; № 24 – Карасу-I, 10; № 92 – Кузин, 1/1; № 109 – Купцын-Толга, 46/2; № 50 – Кураевский сад; № 313 – Кыз-тепе; № 85 – Ольховатка; № 27 – Челкар-III, 12; № 253 – Флориновское;

– погребения XII в. первых трех групп черных клобуков Поросья (захоронения без костей коня или

[1] Известно также и погребение Восточный Маныч /1965/ правый берег, 19, но и оно относится к XI-XII вв.

только со шкурой коня, по С.А.Плетневой): № 176-201 – Бурты, Гадомка, Гороховатка, Забара, Зеленки, Кагарлык, Краснополка, Липовец, Поток, Степанцы, Цозаровка, Шандры, Юзефовка;

– материалы 2-й пол.XIII-XIV в.: № 118 – Арпачин-II, 40; № 51 – Бережновка-II, 74; № 102, 103 – Восточный Маныч /1966/ левый берег, 9/1, 48; № 89 – Глазуновский, 1, 5; № 108 – Джангар, 33; № 91 – Дмитриевка; № 68 Б – Заяры, 1/1[2]; № 87 – Первомайский-VII, 26 (кенотаф целого коня); № 93 – Старица, 5;

– культурно неопределенные в рамках IX-XIвв. памятники: № 97 – Барановка-1972, 2/3, Астр.обл.; № 42 – Васильевка; № 103 – Восточный Маныч, 4/2; № 56 – Иловатка, 1, 2; № 106 А – КВЧ-48, 1/2; № 90 – Кленовский; № 221 – Красноперекопский; № 122 – Новоалександровка-I, 35/2,4; № 63 – Новониколький-I, 3/8; № 119 – Тузлуки 8/2; № 49 – Черная Падина;

– псевдоархеологические этнографические предметы декоративно-прикладного ювелирного искусства кавказских кабардинцев XIX в.: № 301 – Волгоград (см.: Жирница, 1988).

Таким образом, уже в результате простой выборочной оценки лишь некоторой части средневековых захоронений, учтенных Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым, выяснилось, что не менее 12-15% из использованных ими материалов не относится к печенего-огузскому кругу памятников. Часть их или просто вызывает те или иные сомнения в степени обоснованности подобной интерпретации, или требует дополнительного обоснования такой принадлежности. В результате у неискушенных читателей, мало или совсем не знакомых с фактическим материалом, формируется чрезвычайно расплывчатое и не вполне адекватное реальной действительности представление о погребальной и материальной культуре этих кочевников[3]. Понятно, что полностью избежать подобных ошибок при нашем достаточно субъективном восприятии археологических материалов пока не удавалось никому. Но задача исследователя как раз и заключается в сведении их к минимуму. Однако, если даже ведущие специалисты оказываются не в состоянии уверенно различать схожие до деталей погребальные культуры разных групп степных кочевников VI-XIV вв., что же можно говорить об остальных?

Поднимаемая проблема может быть и не имела бы столь особого значения, если бы Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, статистически просчитав величину распространения тех или иных признаков погребального обряда учтенных ими захоронений, не стали бы после этого оперировать усредненными количественными показателями – коэффициентами сходства памятников и т.п. В связи с подобной постановкой вопроса, величина возможной погрешности и цена ошибки становятся уже слишком высокими. Подобное представление об археологической культуре печенегов и огузов вызывает недоумение. В чем же тогда заключается этнокультурная специфика археологических памятников именно этих кочевников? Вопросов возникает много, но становится очевидной необходимость детального и скорейшего обсуждения не столько достаточно спорных результатов научных исследований, сколько самих археологических источников и используемой методики их изучения.

Интерпретация кочевнических памятников пред- и раннехазарского времени как огузо-печенежских была характерна для российской археологии периода 50-60 гг. XX в. Мне уже приходилось указывать, что даже в фундаментальной работе Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966) в составе памятников огузо-печенежского круга 1-го хронологического периода учитывалось также и достаточно большое количество пред- и раннехазарских комплексов, хронология и этнокультурная принадлежность которых в то время просто не была еще ясна (Круглов Е.В., 1990, с.104). Для середины 60 гг. подобное являлось нормальным и естественным отражением обычного процесса простого количественного накопления материала и начальной стадии его научной апробации. К памятникам "поздних кочевников" в то время относили любое подкурганное захоронение, сопровождаемое в могиле останками коня. Факт существования курганных захоронений в структуре древностей населения Хазарского каганата впервые установила экспедиция Л.С.Клейна (Клейн Л.С. и др., 1972, с.132-134), хотя отдельные подобные захоронения были извест-

---

[2] Учет этого памятника в статье (Круглов Е.В., 2001б) среди огузо-печенежских ошибочен. Стремена с широкой плоской подножкой без выделенной петли для путалища датируются не ранее XIII-XIV вв. Также ошибочно это погребение было учтено и Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым (2001, с.135, рис.6, 17-18).

[3] Чем можно объяснить воспроизведение роговых накладок сложносоставных луков "гунно-болгарского" типа из раннехазарских предсалтовских погребений 2-й пол.VII в. Авиловский, 1 и Верхнепогромное-I, 1/12 с подзаголовком "костяные накладки луков из погребений огузов и печенегов" (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.148, рис.19, 21-22, 26-32)?

ны и раньше. Проявление подобных тенденций в наше время можно объяснить только самым крайним невниманием к трудам своих коллег. Круг предсалтовских и раннесалтовских подкурганных захоронений кочевнического типа (наиболее известные из них: Портовое; Соколовская Балка, 11; Кривая Лука-XXVII, 5), связанных с традициями коренного населения Хазарского каганата и достаточно хорошо отличимых от печенего-огузских древностей, уже давно и довольно четко был определен (Амброз А.К., 1981, с.13; Айбабин А.И., 1985, с.191-205; Семенов А.И., 1988, с.102-105, рис.4, 4а; Круглов Е.В., 1989в; 1990; 1992а; 1992б). Хотя основные характерные особенности этих памятников хорошо известны, сами они до сих пор остаются слабо изученными. Из числа наиболее плодотворных современных разработок по данному вопросу пока можно назвать только теоретическую статью А.В.Комара (Комар А.В., 1999).

Некоторые проблемы, как и прежде, вызывают вопросы узкой этнокультурной атрибуции некоторых групп этих комплексов (болгарские или хазарские), а также возможность выделения наиболее поздних памятников этого круга, оказавшихся синхронными с самыми ранними захоронениями печенегов и огузов. Погребения типа Барановки, 27, Волгогр.обл. (Круглов Е.В., 1992д), Горшковки (Красильников К.И., 1978), Кеп (Сорокина Н.П., 1969), материлы случайных раскопок кургана "Мечеть" близ ст. Нагавской (Раев Б.А., 1979, с.64, 79-83, № III/279, 283, 300) обладают всеми основными специфическими особенностями захоронений хазар VIII в., но датируются они, судя по всему, уже IX в. Малочисленность таких памятников, территориально расположенных к западу от Волги, позволяет пока лишь ставить вопрос о принципиальной возможности сохранения у некоторых групп населения Хазарского каганата традиций использования курганов для своих захоронений также и в IX в. (Семенов А.И., 1982, с.280). Все подобные памятники не следует смешивать с памятниками печенегов и огузов, хотя бы по причине их явной разнокультурности и разной территориальной расположенности. Интересно, что на салтовский характер некоторых таких комплексов указывают и сами Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, не объясняя при этом, какое конкретное отношение они имеют к печенегам и огузам (2001, с.89, 104).

Еще несколько захоронений VIII – нач.IX в., но уже из числа обнаруженных на территории степей Северного Прикаспия, Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов также включают в круг памятников "поздних кочевников" (Атпа-II, 2; Тамар Уткуль, 3; Яман, 2/2). При этом исследователи определили данные комплексы допеченежскими (2001, с.105). Вопрос о том, кому же конкретно они могли принадлежать, снова не рассматривается. Кочевнических памятников с довольно ранними датами в степях Северного Прикаспия известно уже немало (Заяры, 1/А, 1/3; Карасу, 20; Комсомольский, 1/1; Кривая Лука-III, 1/23; Фриденберг, 7/1; Царев, 11, 23/1; Эльтон-83, 7/2). В одной из работ аналогии Тамар Уткулю, 3 В.А.Иванов предложил искать среди захоронений хазар Азово-Каспийского междуморья (Иванов В.А., 2001, с.160). Полагаю, что для подобного сравнения ни ранней даты, ни особенностей этого памятника (сооружение подбоя и наличие в погребении сложносоставного лука "хазарского" типа и лепного глиняного сосуда) еще недостаточно. То, что Атпа-II, 2, Тамар Уткуль, 3 и Яман, 2/2 действительно отличаются от более поздних захоронений огузов, сомнений не вызывает. Но почему тогда их нельзя считать печенежскими, мало понятно. Ближайшие аналогии этим трем комплексам находятся не в Азово-Каспийском междуморье, а на территории Южноуральской лесостепи. Это хорошо известное погребение 2 Ямаши-Тауского кургана 2, некоторые захоронения Хусаиновских, I-х и II-х Бекешевских, Лагеревских, Ишимбаевских курганов (Мажитов Н.А., 1981, с.30-90), ныне связываемые с протобашкирами (Бисембаев А.А., Книсарин Б.А., 2000, с.94). Некоторые из них объединяет довольно необычная деталь обряда, не фиксирующаяся ни в более ранних погребениях хазарского круга, ни в более поздних захоронениях огузов, – использование в качестве загробной пищи плечевой или бедренной кости коня. Вместе с немногочисленными протовенгерскими памятниками, также датирующимися рубежом VIII-IX вв. (Воробьево, Луговское, Немчанка, Палимовское, Палласовка, Ромашкино, 116 км), именно эти материалы способны помочь нам в определении реального времени появления печенегов на территории Северного Прикаспия.

Несомненно существует отмеченная также Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым проблема более надежного обоснования этнокультурной атрибуции в качестве печенего-огузских некоторых мало и совсем безынвентарных захоронений, не сопровождающихся останками шкур коней или специфическим погребальным инвентарем (2001, с.126). Обычно все исследователи решали этот вопрос положительно. Но следует иметь ввиду, что интерпретировать соответствующим образом, да и то лишь с некоторой долей достоверности, мы можем только погребения из могильников, расположенных в зонах наибольшей концентрации достоверно определяемых захоронений огузского круга. Это районы Волгоградского Заволжья и Нижнего Дона (могильники Белая Вежа, Заплавное, Средняя Ахтуба, Степана Разина). Подобные захоронения

могли принадлежать или уже исламизированному населению, или кочевникам, находившимся на наиболее нижних ступенях социальной иерархии своего общества.

Не менее серьезна и сложна проблема выделения наиболее поздних погребальных комплексов печенегов и огузов. На основании данных письменных источников предполагается, что эти кочевники сравнительно быстро смешались друг с другом. Считается, что после установления половецкого господства они стали сливаться также и с половцами. Это – достаточно спорная и крайне уязвимая точка зрения, но так или иначе, она прочно закрепилась в современной историографии (Плетнева С.А., 1958, с.165-172; 1981, с.219). Следовательно, если атрибуция погребальных комплексов "поздних кочевников" IX – нач.XI в. в качестве печенего-огузских при условии их правильного выделения достаточно очевидна, то предлагаемая Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым атрибуция некоторых неполовецких памятников XI – нач.XIII в. только как печенего-огузских требует гораздо более глубокого обоснования. Наиболее взвешенно к решению этого вопроса подошла С.А.Плетнева. Как известно, "чистые" печенежские и огузские памятники она выделяет только для периода X – нач.XI в. Для периода XI – нач.XII в., помимо половецких, исследовательница отмечает существование исключительно только смешанных печенего-торко-половецких погребений (Плетнева С.А., 1981, с.218). Действительно, чтобы уверенно говорить о сохранении печенегами и огузами своей этнической специфики также и в XI – нач.XIII в., необходимо иметь погребения, четко датированные этим временем, но с характерными признаками погребальной обрядности IX – нач.XI в. Между тем, таких погребений нет, и каких-то новых археологических данных для положительного решения этого вопроса за прошедшие 20 лет так и не появилось. Все известные в настоящее время неполовецкие памятники XI – нач.XIII в. южнорусских степей не позволяют говорить о них как о печенего-огузских. Абсолютно все они несут на себе элементы и каких-то иных (одной или нескольких) кочевых культур.

В работе Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова совершенно неприемлемы не только принципы отбора материала, но и методы его предварительного группирования для последующего изучения. Так, погребения Белой Вежи 2-й пол.X – нач.XII в. были объединены с памятниками Волго-Донского междуречья 2-й пол.IX – нач.XI в., а комплексы черных клобуков Поросья XII в. с памятниками кочевников левобережья Днепра X – сер.XI в. (2001, с.162-209). В результате совершенно необоснованным объединением заведомо разновременных, а возможно, даже и разнокультурных археологических памятников, характерные особенности одной локальной группы кочевников просто растворились в материалах другой. Где гарантии того, что любая иная группировка исходного материала не дала бы совершенно другие результаты, при которых анализируемые источники не смогли бы получить совершенно иную оценку?

В результате подобной "экзекуции" археологического материала разброс коэффициентов сходства погребений отдельных регионов между собой, по Г.Н.Гарустовичу и В.А.Иванову составил 0,54-0,82 (2001, с.74, табл.2). Этого оказалось вполне достаточно для рождения некоторых "выводов". Но дело заключается в том, что наиболее существенные отклонения от усредненных показателей сходства изначально уже были обеспечены исходной группировкой изучаемых археологических источников – специфическим характером погребений средневековых кочевников Белой Вежи и Поросья, большинство которых, как известно, являются не впускными в более древние курганы, как в остальных районах степи, а основными. Именно поэтому материалы "Заволжья-Приуралья" и "Правобережья Нижнего Днепра", почти не имеющие основных захоронений, оказались так близки друг другу с самым высоким коэффициентом связи 0,82. Наибольший интерес, между прочим, здесь вызывает минимальный показатель сходства погребений "Нижнего Дона" (Нижний Донец-Белая Вежа-Волго-Дон-Сарпинская низменность) и "Левобережья Днепра" (Поросье-Верхнее Подонцовье) – 0,54, но и он также оказывается не вполне объективен, т.к. из всех материалов Поросья была выборочно использована лишь наименьшая часть погребений. Показатели сходства остальных групп погребений между собой равны 0,67-0,77, т.е. статистически выявленные различия между памятниками не превысили величину в 10%. Фактически это означает, что все изучаемые памятники должны быть признаны однокультурными. То, что это совсем не так, прекрасно видно и без применения статистических методов. Поскольку основные этнические различия между печенегами и огузами, эмпирически выявленные С.А.Плетневой и В.А.Кригером, по своей сути характеризуются пока лишь всего тремя признаками – характером взаиморасположения останков погребенного и ритуальной шкуры коня относительно друг друга, наличием-отсутствием в могилах деревянных конструкций и этнографических предметов, полагаю, что названные Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым цифры сходства-различия не столь уж далеки от истины. Но, поскольку они были получены путем

"анализа" спорной в своей исходной основе группировки заведомо разновременного и, скорее всего, все же разнокультурного материала, принять их мы не можем даже к сведению. Выводы этих исследователей об особенностях сходства или различия погребального обряда печенегоогузов методически неприемлемы уже изначально, а сам материал должен быть признан нуждающимся в дополнительной проработке. Первый опыт работы по разделению погребений печенегов и огузов статистическим методом оказался крайне неудачен.

Дело заключается не только в разной этнокультурной оценке отдельных источников, известных лишь сравнительно узкому кругу специалистов, но и в методике их выявления, отбора и последующего анализа. Если Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым были выборочно использованы только некоторые древности черных клобуков, то тогда почему ими не была учтена довольно представительная серия погребений XI – нач.XIII в. Восточного Маныча и Южных Ергеней, также явно отличных от половецких, синхронных и, возможно, однокультурных именно черноклобуцким материалам? Методика раскопок этих курганов, к сожалению, мало отличалась от работ Н.Е.Бранденбурга, но сам материал был полностью опубликован И.В.Синицыным и У.Э.Эрдниевым, хорошо известен и пригоден для обработки. Что лежит в основе списка из 29 "представительных признаков" (Гарустович Г.Н., Иванов В.И., 2001, с.82-83, табл.4) печенегов и огузов евразийских степей, на основе чего и как они были выделены? Этого мы не знаем. Совершенно произвольный и неконкретный чисто описательный список разнопорядковых признаков способен без каких-либо особых усилий охарактеризовать практически все любые другие археологические памятники средневековых кочевников Восточной Европы. Выделение археологических культур кочевников средневековья целесообразно проводить по сочетанию всего лишь нескольких признаков погребальной обрядности.

Логика включения Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым в свое исследование древностей черных клобуков понятна и объяснима. В историографии достаточно прочно утвердилось представление, что появление этой группы памятников было связано с последствиями разгромного половецкого нашествия 2-й четверти XI в. и вынужденным перемещением в Поросье некоторой части печенегов-огузов, перешедших здесь под покровительство русских князей. Но эти памятники отражают собой реалии совершенно иной исторической эпохи, сложившейся уже после полной потери кочевниками политического преобладания в южнорусских степях и установления там половецкого господства. В связи с этим поросские материалы требуют исключительно только индивидуального и комплексного рассмотрения, как узко локальная и достаточно специфическая группа археологических памятников. Просчитывать их вместе с более ранними материалами 2-й пол.IX – нач.XI в. Степного Поднепровья, особенно в той форме, как это сделали на страницах своей книги Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, ошибочно. Неверной представляется попытка отрыва черноклобуцких памятников 2, 3 и 10 групп (погребения с частями коня) от древностей 4-9 групп (погребения с целым конем). В кургане № 250 у с.Цозаровка основным было погребение 4 группы с целым конем, определяемое как половецкое, а впускными являлись два погребения 2 группы с частями коня, определяемые как печенежские. В этом же кургане находились еще два этнически неопределимых погребения 8 и 9 групп без костей коня (Плетнева С.А., 1973, с.30-33). Подобное сочетание нескольких разнотипных захоронений в одном кургане и для открытой степи представляет собой довольно редкое явление. Не будет ли более логичным предположение о том, что все разнотипные погребения этого кургана являлись одним семейно-родовым кладбищем, наиболее раннее захоронение которого было оставлено общим предком-родоначальником? Встречаясь в курганах одних и тех же могильников, все достаточно разнотипные поросские захоронения, за исключением лишь отдаленного от них Каменского могильника, являлись не только одновременными, но и однокультурными. Не стоит особенно преувеличивать роль и значение половецкого этнического влияния на черных клобуков. Половцам не было особой необходимости в прямом переселении на территорию Поросья. В их полном распоряжении оставалась бескрайняя степь, освоению которой они и посвятили весь XII и начало XIII в. Половецкое влияние, скорее всего, могло быть лишь культурно-идеологическим (военно-политическим). Они принесли с собой новые типы оружия и конского оснащения, которые, несомненно, очень быстро распространились и среди соседних с ними народов. Учитывая именно это, различия между погребениями с целым конем и погребениями со шкурами коня у самих черных клобуков, равно как и само существование такого различия, исследователи объясняют не столько этническими, сколько социальными причинами (Плетнева С.А., 1958, с.172). Несогласие с этими, ставшими аксиомными, положениями должно быть хотя бы минимально обосновано.

Включение в состав памятников IX – нач.XI в. Северного Прикаспия некоторых древностей XI-XII вв. можно объяснить только культурно-хронологи-

ческой близостью последних к черноклобуцким материалам Поросья. Печенего-огузскую атрибуцию отдельных погребений черных клобуков теоретически было возможно предполагать на основании данных русских летописей. Но почти все ныне известные немногочисленные материалы кочевников XI-XII вв. Северного Прикаспия (Александровка; Архара, 21/2; Бережновка-I, 4/4; Бурлук; Верхнерубежный-I, 10/1; Дорофеевский, 1/5; Зензели; Гусевка; Калиновка, 26/1, 26/2, 54/1; Карасу-I, 10; Каратугайская волость, 2; Красная Деревня, 1/1; Кузин, 1/1; Купцын Толга, 46/2; Ложки; Лола-II, 8/3, 11/1; Ольховатка; Первомайский-VII, 61/1; Три Брата-I, 11/6; Челкар-III, 12) не имеют ничего общего с древностями населения печенего-огузского круга. Существование этих памятников отражает традиции и быт кочевого населения с совершенно иной погребальной обрядностью и материальной культурой. Удила без перегиба, стремена с расплющенной треугольной верхней частью дужки и лопастями или выступами в месте соединения дужки с подножкой, колчаны и налучья с характерными фигурными костяными или роговыми петлями с несколькими отверстиями для крепления к поясу, луки с фронтальными срединными накладками, специфические рукояти плетей, изготовленные из головок трубчатых костей животных, лазуритовые подвески, серьги с напускными шипастыми бусинами не были характерны для захоронений печенегов и огузов IX – нач.XI в. Северного Прикаспия.

Считается, что все перечисленные выше предметы погребального инвентаря получают распространение в Восточной Европе лишь в нач.XI в. Это могло быть связано с приходом сюда групп кочевников кимакского, а не половецко-кыпчакского происхождения (Макарова Т.И., 1962, с.131-134; Флёрова В.Е., 2001, с.50-56). По-видимому, указанные предметы материальной культуры первоначально даже являлись своеобразным этническим индикатором именно этих кочевых групп, но впоследствии некоторые из них (стремена, петли колчанов и налучий, накладки луков) получили повсеместное распространение. Материалы случайных находок из Зензелей (Синицын И.В., 1933, с.95-96; СОМК, инв. № 1441/1-6) и Флориновского (Кравченко А.А., 1978, с.196-204) показывают возможность использования отдельных предметов погребального инвентаря, характерного для X – нач.XI в. (украшения поясной и сбруйной ременной гарнитуры, бляхи и бубенчики из цветных металлов), также и кочевниками XI – нач.XII в. Но для последних подобные вещи были уже анахроничны и не характерны. При этом следует понимать, что, если на "западе" погребения с пограничными вещами вполне могут отражать традиции еще прежнего населения, то на "востоке" они же могут встречаться в погребениях новых групп кочевников. Относительная редкость подобных захоронений, преимущественно случайный характер их обнаружения, говорят о сравнительной кратковременности и переходности подобного пограничного периода и чрезвычайно сложной, крайне неустойчивой военно-политической ситуации, сложившейся в 1-й пол.XI в. в южнорусских степях. Именно поэтому, уже в 1966 г. Г.А.Федоров-Давыдов уверенно отделял подобные материалы как от древностей самих огузо-печенегов, так и от половцев, выделив их все во 2-й хронологический период (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.115). Поэтому безальтернативное включение некоторых подобных памятников в состав древностей печенего-огузов требует более глубокого обоснования, без которого оно не может быть принято.

Интерпретация черноклобуцких древностей 2, 3 и 10 групп как печенего-торческих, по существу, основывается на совершенно так никем и не доказанном предположении, что эти кочевники и в XII в. в неизменном виде сохраняли все особенности свойственного им обряда погребения человека вместе с головой и шкурой коня. Но уже А.Г.Атавиным (Атавин А.Г., 1984) было замечено, что в действительности в погребениях печенегов и огузов IX – нач.XI в. господствовала традиция сохранения в шкурах коней скаковых конечностей, отчленяемых по 1-й (путовый) и 2-й (пястный и плюсневой) суставы. Начиная же с XI в., а особенно со 2-й пол.XIII в., в степи практически повсеместно распространился обряд отчленения скаковых конечностей по 3-й (локтевой и коленный) сустав[4]. После появления этой статьи говорить об этнокультурной близости средневековых погребений со шкурами коня без учета особенностей членения скаковых конечностей в них методически стало совершенно недопустимо (Круглов Е.В., 1989б, с.35-36). Выводы А.Г.Атавина, возможно, следует рассматривать как основу для разработки качественно совершенно иной типологии погребений средневековых кочевников. Ситуацию прекрасно иллюстрируют две хорошо известные работы С.А.Плетневой, посвященные погребениям кочевнических курганов Бе-

[4] Включение А.Г.Атавиным погребений Бережновка-Южн. гр., 9/6 и Белая Вежа, н.19/1, п.56 с конечностями коня, отчлененными по 3-й сустав, в число памятников IX – нач.XI в. ошибочно, первое относится к XI-XII вв., второе датируется не ранее 2-й четверти XII в. Между тем, они разнокультурны не только по отношению к памятникам IX – нач.XI в., но и между собой.

лой Вежи. В более ранней захоронения с частями коня исследовательница разделяет на группы без учета характера членения конечностей коня (Плетнева С.А., 1963, с.237). В основу типологии здесь было положено местоположение костей коня относительно останков погребенного. Несколько противореча самой себе, С.А.Плетнева почему-то включила в группу захоронений со шкурами коня, положенных на одном уровне с погребенными, также и погребение 56 из н.19/1 с конем, лежащим на крышке гроба. Однако это захоронение не только самое позднее среди кочевнических погребений Белой Вежи, но и инокультурно по отношению к ним. В другой работе (Плетнева С.А., 1990, с.18) исследовательница различает погребения с конем уже по характеру членения скаковых суставов. В 4-й тип кочевнических захоронений Белой Вежи оказались включены погребения, в которых конечности коня были отчленены по 1-й сустав, а в 5-й тип – по 2-й. При этом захоронения с одинаковым местоположением останков коня относительно погребенного попали в разные группы, а погребение 56 из н.19/1 со скаковыми конечностями, отчлененными по 3-й сустав, вполне естественно не попало ни в одну из них. Разную отчленяемость скаковых конечностей коня в шкурах исследовательница объяснила не разной хронологией памятников, а социально-экономическими причинами (Плетнева С.А., 1990, с.26). Представляется, что момент истины в этом сложном вопросе, как всегда в таких случаях, находится посредине. Однако вместо продолжения крайне перспективных теоретико-практических разработок данного вопроса или хотя бы упоминания о самом существовании таких проблем в современной археологии "поздних кочевников", в работе Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова совершенно ничего о них не говорится! К сожалению, это означает лишь то, что археология "поздних кочевников" в этом принципиально важном и основном вопросе фактически оказывается отброшенной к состоянию 50-70 гг. прошлого века.

Традиция сохранения в шкурах коней скаковых конечностей, отчленяемых по 1-й сустав, характерна для памятников IX – нач.XI в. Появление захоронений с конечностями коня, отчлененных по 2-й сустав, отмечается, в основном, в самых поздних погребениях огузского круга 2-й пол.X – нач.XI в. Свое наибольшее распространение этот обряд получает в XI-XII вв., т.е. уже в половецкое время. Поскольку общая хронология процессов распространения и смены этих обрядов пока не вполне ясна, представляется интересным рассмотреть их соотношение друг с другом по разным территориальным группам памятников. Для погребений IX – нач.XI в. Северного Прикаспия оно составляет 23:94 или 1:4, с устойчивым преобладанием погребений со скаковыми конечностями, отчленяемыми по 1-й сустав. По материалам курганного могильника Белой Вежи 2-й пол.X – XI в. эти обряды соотносятся друг с другом как 10:7, с преобладанием погребений со скаковыми конечностями, отчлененными уже по 2-й сустав. В захоронениях черных клобуков XII в. Поросья, судя по работам С.А.Плетневой, а также в материалах кочевнических погребений Восточного Маныча и на Южных Ергенях господствовало членение скаковых конечностей коня уже исключительно только по 2-й и 3-й суставы.

При внешней схожести этих обрядовых действий идеологическое содержание их для самих кочевников, скорее всего, было совершенно разным. Но, к сожалению, пока еще никто так и не попытался ответить на вопрос, были ли подобные различия связаны с возможной инфильтрацией в печенего-огузскую среду какого-то иного неполовецкого населения и его постепенным этническим усилением, или же это могло объясняться простой эволюционной трансформацией погребального обряда самих печенегов и огузов. В любом случае, после появления работы А.Г.Атавина без четкого ответа именно на этот вопрос этническая интерпретация черноклобуцких погребений 2, 3 и 10 обрядовых групп исключительно только как печенего-огузских становится абсолютно гипотетичной. Ведь по опубликованным С.А.Плетневой материалам археологических раскопок Н.Е.Бранденбурга и сведениям русских летописей совершенно ясно и четко представляется, что печенеги в черноклобуцком союзе занимали отнюдь не господствующее место, а роль огузов (торков) была в этом районе вообще минимальна. Так как эти этносы все же исторически оказались зафиксированы в Поросье, следовательно, они или уже кардинально резко изменили свои прежние погребальные обряды, или этническую специфику населения этого района определяли совсем не они. Действительно, памятники Поросья довольно сильно отличаются от достоверных захоронений печенегов и огузов IX – нач.XI в. Между ними явно ощущается культурно-хронологический разрыв, относящийся к XI в., археологические памятники которого в самой степи, за исключением района Белой Вежи, пока еще четко не выделены. Материалы кочевников Белой Вежи, Восточного Маныча и Южных Ергеней этот разрыв заполняют лишь отчасти, представляя собой несколько иную линию этнокультурного развития некоторой части кочевого населения Восточной Европы.

Большое количество захоронений с останками целого коня, использование которого было не характерно для погребальных традиций огузо-печенегов IX – нач.XI в., позволяет предполагать господ-

ство в черноклобуцком военно-политическом союзе кочевых групп, отличных как от печенегов, так и от огузов. Но отсутствие в погребальных конструкциях камня и невысокий процент распространения восточной ориентировки отличает их и от половцев. Такой особой группой могли быть остающиеся до сих пор этнокультурно неопределенными берендеи (баяндуры), появившиеся в Восточной Европе практически одновременно с половцами или даже несколько раньше их. С 1146 по 1193 гг. кочевники Поросья фигурируют на страницах Ипатьевской летописи в 24 записях из 47, в том числе: черные клобуки – 14, берендеи – 17, торки – 8, печенеги – 3, коуи – 2, каепичи – 1. Берендеи упоминаются в русских летописях гораздо чаще остальных племен, видимо, именно они и были в Поросье наиболее крупным, влиятельным и этнически господствующим населением (Плетнева С.А., 1958, с.218). Все это еще раз позволяет усомниться в целесообразности статистического объединения материалов погребений черных клобуков Поросья XII в. с древностями кочевников левобережья Днепра X – сер.XI в.

Особое место занимают материалы кочевнических погребений Белой Вежи. Этническая интерпретация исследованных здесь захоронений как огузо-печенежских, при явном преобладании огузов (Плетнева С.А., 1990, с.95-96), оспорена быть не может. В Белой Веже ясно и четко ощутим мощный огузский этнический след. Как ни покажется странным, но пока я не могу говорить о присутствии в Белой Веже печенегов. В любом случае, эти материалы имеют хронологию, также отличную от хронологии основной массы погребений этих кочевников периода их господства на территории Северного Прикаспия. Огузы (огузо-печенеги), попавшие в Белую Вежу во 2-й пол.X в., уже в 1-й пол.XI в. испытали мощную этнокультурную инфильтрацию в свою среду баяндуров или каких-то других кочевых неполовецких племен. Возможно, именно поэтому им и удалось пережить опустошительное половецкое нашествие 1-й пол.XI в., и они продолжали оставаться в городе до 1116 г. Но в результате к этому времени кочевники Белой Вежи потеряли свою прежнюю этническую "чистоту", что также позволяет усомниться в целесообразности процедуры статистического объединения материалов погребений из малых курганов Белой Вежи с погребениями кочевников 2-й пол.IX – нач.XI в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Необходимо также разделять погребения из малых курганов Белой Вежи и кочевнические захоронения из насыпей 18 и 19/1, п.56, как разновременные и разнокультурные.

Возникает вопрос, где баяндуры (берендеи) или близкие им другие неполовецкие племена могли обитать до своего переселения в Поросье и в район Белой Вежи, и какое отношение они вообще могли иметь к печенегам и огузам? Как известно, восточно-тюркский или, вероятнее всего, даже монгольский этнический суперстрат, состоящий из подразделений йемеко-кимакских племен – баяндуров, имуров и каи, входил в состав Огузской конфедерации в качестве младшего сочлена. Эти кочевые подразделения первоначально обитали в междуречье Оби и Иртыша и были союзниками огузов еще в их борьбе с печенего-кангарским объединением Приаралья (Агаджанов С.Г., 1977). Но при этом, в состав самих огузских этнических групп ни на территории Центрального Казахстана, ни в Северном Прикаспии они не входили. В пользу этого говорят как относительно устойчивая "чистота" захоронений Северного Прикаспия, совершенных по огузскому погребальному обряду, так и довольно позднее появление в Восточной Европе предполагаемых захоронений берендеев. Для периода IX – нач.XI в. можно говорить лишь о нереализованной возможности некоторого этнического влияния баяндуров и каев на кочевое население Дешт-и-Огуза, тесно соприкасавшегося и с Хазарским каганатом, и с Хорезмом. Появление берендеев и каев в Восточной Европе объяснялось резким усилением давления на них половецко-кыпчакских племен (Гуркин С.В., 2001, с.24-37). Однако археологические памятники, отражающие особенности этой неясной миграции, в целом, датируются уже XI – нач.XII в. и находятся, таким образом, на грани и вне не только печенежско-огузского, но и половецкого хронологических периодов. Вслед за Г.А.Федоровым-Давыдовым, я не нахожу возможным объединять эти материалы с древностями печенежско-огузского круга, т.к. почти все они достаточно уверенно отделяются друг от друга уже на предварительном этапе простого сбора археологических источников. Вопрос обоснования возможности существования археологических памятников печенегов и огузов в половецкое время следует считать открытым. Решить эту задачу без разработки детальной хронологии предметов погребального инвентаря будет невозможно. Но это – самое "слабое звено" всей археологии средневековых кочевников Восточной Европы.

2. Проблема сохранности погребений

В моих статьях 2001 г. (Круглов Е.В., 2001а; 2001б) в границах степной зоны Северного Прикаспия было учтено 238 захоронений средневековых кочевников IX-XI вв. огузо-печенежского круга, происходящих из 231 закрытого погребального памятника и нескольких разного рода случайных на-

ходок[5]. Отдельно учитывались материалы кочевников Белой Вежи. Полагая, что мне не удалось добиться максимально полного учета всех возможных источников по истории этих кочевников, я предложил вниманию специалистов лишь общую оценку этих материалов, максимально свободную от условных статистических характеристик. Все использованные памятники были описаны по достаточно подробной программе в таблицах приложения. Надеюсь, что основная задача последней выполнена. При минимальных временных затратах все учтенные в ней данные могут быть проверены, дополнены или уточнены. При необходимости они могут быть как исправлены, так и переработаны в кодированную форму уже для непосредственного использования в статистических подсчетах в каком угодно сочетании.

Основной вывод этой работы заключается в том, что общее количество погребальных памятников IX – нач.XI в. с печенежскими признаками на территории Северного Прикаспия оказалось крайне незначительно. Ряд принципов выделения памятников этих кочевников, высказанных в работах В.А.Иванова, я не могу принять. Видимо, в будущем этот вопрос также потребует дополнительного изучения. Абсолютное большинство учтенных на территории Северного Прикаспия захоронений, полагаю, были сооружены по огузскому погребальному обряду. Анализ собранных материалов позволил выявить несколько дополнительных особенностей, свойственных именно для огузского обряда (Круглов Е.В., 2001а; 2001б, с.429-440, приложение):

– значительное количество захоронений совершалось в курганных насыпях, бэровских буграх и дюнах, имевших вытянутые удлиненные формы;

– погребения, в основном, сооружались в небольших семейно-клановых родовых могильниках. Выявлено наличие совместных и коллективных погребений;

– скаковые конечности в сопровождавших погребенных шкурах коней сохранялись по 1-й или, реже, по 2-й сустав. Не было выявлено ни одного захоронения печенего-огузского круга, достоверно датирующегося IX – нач.XI в., с сохранением скаковых конечностей по 3-й сустав. Шкуры животных в захоронениях оказались представлены в сложенном и растянутом вариантах. Изредка встречаются захоронения с "аккуратно" разложенными отчлененными скаковыми конечностями, расположение которых копировало сложенную шкуру, но таковой по своей сути не являлось;

– естественная анатомическая целостность и сохранность скелетов большого количества захоронений еще в древности была нарушена полностью, частично или хотя бы незначительно. Помимо разрушения останков погребенных, имело место и разрушение естественной целостности конских шкур. Выражающееся в самых разнообразных формах состояние разрушения погребений у средневековых кочевников Северного Прикаспия IX – нач.XI в. следует считать всеобщим признаком.

Вопрос о степени распространения и о характере выявленных разрушений пока представляется мне наименее ясным и наиболее дискуссионным. Без явных следов разрушения было выявлено крайне незначительное количество памятников. Почти все кочевнические погребения Белой Вежи при их ближайшем рассмотрении также оказались потревоженными еще в древности. Трудно сказать, почему раньше исследователи не обращали на это свое внимание. Пожалуй, все дело в том, что ориентировка и поза погребенных, ряд других обычных обрядовых признаков достаточно четко фиксировались авторами раскопок даже у полностью разрушенных скелетов. Это позволяло археологам-кочевниковедам ограничиваться простым учетом обычных особенностей погребальной обрядности. Возможно, что в некоторых случаях работа с этими материалами у специалистов не выходила за пределы простого сбора и анализа основной текстуальной информации, шла без визуального ознакомления с планами самих погребений.

В свое время я уже отмечал существование ярко выраженных признаков неестественного состояния сохранности костных останков в почти одной трети захоронений Северного Прикаспия (Круглов Е.В., 1994, с. 39-40). Тогда я считал это результатом предпогребального состояния тел умерших, отражавшего условия их смерти. Работа над статьей (Круглов Е.В., 2001б) показала мне, что состояние общей разрушенности костных останков погребенных и сопровождавших их жертвенных шкур коней в самых разных формах и проявлениях фиксируется в гораздо бóльшей части анализируемых захоронений. Почти везде, за очень редким исключением, это состояние являлось отражением многообразных форм постпогребального ритуального воздействия на останки умерших. Это потребовало ввести в состав обрядовых признаков средневековых кочевников признак XI-12 "Характеристика сохранности человеческих останков". В действительности ситуация оказалась еще более разительной. Разные состояния разрушения погребений оказались объективной реальностью, требующей более тщательного фиксирования, осмысления и интерпретации. Поэтому мне фактически заново при-

[5] Каждый скелет в совместных погребениях учитывался как отдельный комплекс.

шлось собрать и изучить большинство существующих планов кочевнических погребений Северного Прикаспия и создать их полные текстовые описания.

Основные проблемы поднимаемой темы в значительной степени психологические. Констатация существования фактов разрушения ставит целый комплекс новых вопросов. В состоянии ли мы отделить проявления действительно широко распространенных норм и явлений ритуальной обрядовой практики разрушения останков погребенных от разного рода случайных, не обрядовых постпогребальных древних и современных силовых воздействий на останки погребенных? В состоянии ли мы вообще с точки зрения психологии современного человека правильно определить и оценить подобные случаи? Не могло ли практически всеобщее распространение самых разнообразных форм разрушения костных останков погребенных и сопровождавших их шкур коней исказить познавательные возможности изучаемых захоронений, основного археологического источника наших представлений о средневековых кочевниках? Признаюсь, что однозначных ответов на все эти вопросы я пока не вижу. Полагаю, что среди общих обычных проблем средневековых кочевников IX – нач.XI в. огузского (печенего-огузского) круга Северного Прикаспия назрела необходимость проведения экспертизы с целью определения возможности использования разрушенных погребений в качестве полноценного археологического источника.

Все вышеперечисленное, вместе взятое, вызвало необходимость появления этой работы. В условиях практически полной неопределенности поднимаемого вопроса, полагаю, что введение и использование любых количественных характеристик погребальной обрядности средневековых кочевников IX – нач.XI в. до четкого определения круга всех источников по проблемам печенегов и огузов будет преждевременным и, как можно было убедиться на неудачных результатах работы наших коллег, даже бесполезным. В лучшем случае предлагаемые выводы будут отражать лишь некоторые, самые общие тенденции распространения тех или иных действий обрядово-погребальной практики древних, а в худшем – субъективные взгляды самих исследователей, искажающие объективную реальность. Количественные характеристики тех или иных особенностей погребального обряда могут не отражать реальной степени распространения тех или иных обрядовых действий также и в связи с возможным структурно-функциональным изменением их некоторой первоначальной части вследствие постпогребальных разрушений. Необходимо установить время и характер имеющихся разрушений, получить квалифицированные советы, пожелания и уточнения коллег. Все это необходимо для определения уровня информативной возможности каждого конкретного захоронения и всей их совокупности в целом, определения степени надежности и самой возможности дальнейшего полноценного научного исследования данных материалов[6].

Группы погребений

В относительно качественно и полно исследованных курганных могильниках Северного Прикаспия различаются следущие виды группирования захоронений IX – нач.XI в.:

– сочетание в одном кургане из нескольких одиночных погребений: Белая Вежа, к.10, 35, 38, нас.19; Верхнепогромное-I, 3; Волжский-II, 2; Заяры, 1; Заплавное-I, 3; Карасу-I, 11; Колобовка-I, 6; Красный Октябрь, Самарск.обл.; Кривая Лука-III, 1; -XV, 2; Ленинск, 3; Маяк Октября-90, 1; Средняя Ахтуба, 1, 3; Старица, 21; Степана Разина, 4; Черноярский, 1, 2;

– сочетание в одном кургане из разновременных одиночных подзахоронений одного к другому в одну могильную яму[7]: Калиновский, 28; Кос Оба, 11; У-85 (Барун), 3;

– сочетание в одном кургане из одиночного захоронения и разновременных одиночных подзахоронений одного к другому в одну могильную яму: Дюкер, 27; Эльтон-85, 7;

– сочетание в одном кургане из одного или нескольких одиночных и парного погребений: Заплавное-I, 3;

– одиночные и совместные единичные погребения в составе курганных могильников: Алешкин; Бахтияровка-I; Бахтияровка-II; Большой Царын; Букановский; Васильевка; Волчанский; Журов; Заканальный; Зубовка; Ильевка; Кано-B; Кировский-II; Комсомольский; Косика; Красная Деревня; Красный Октябрь, Волгогр.обл.; Кривая Лука-V; -VI; -VII; -XXXV; Купцын Толга; Никольское-V; Новая Квасниковка; Новоникольское-I; Покровка-I; -II; Пятнадцатый поселок; Рахинка; Степаневка-II; Сухая Саратовка-II; Торгунское; Трясиновский; Ченин; Эльтон-83; Химкомбинат-Б;

[6] Примечание Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова о том, что ими в статистических подсчетах не использовались материалы разрушенных погребений (2001, с.162) в связи с данной постановкой вопроса также нуждается в более конкретных пояснениях.

[7] Все подобные эпизоды следует рассматривать как вариант совместных погребений.

– сочетание из нескольких одиночных погребений из разных курганов одного могильника: Быково-I; -II; Верхнепогромное-II; Верхний Балыклей-II; Капитанский; Киляковка; Маляевка-V; Первомайский-VII; Приозерное; Царев;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений и одновременного парного: Вертячий; Колобовка-III; Покровка-VIII;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений, двух и более одиночных погребений в одном кургане: Белая Вежа; Верхнепогромное-I; Громки; Колобовка-I; Кривая Лука-XV; Ленинск; Средняя Ахтуба; Степана Разина; Черноярский; Эльтон-84;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений и разновременных индивидуальных подзахоронений одного к другому в одном кургане: Кос Оба; У-85 (Барун);

– комбинация захоронений одного могильника из нескольких одиночных погребений из разных курганов, двух и более одиночных погребений в одном кургане и одновременного парного захоронения: Заплавное-I; Карасу-I; Старица;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений, нескольких одиночных погребений в одном кургане и разновременных подзахоронений одного к другому в одном кургане: Калиновский.

Таким образом, количественно преобладают сочетания из нескольких захоронений, большинство которых можно считать погребальными памятниками родственных друг другу небольших групп кочевников. Хронологический диапазон их существования не мог быть особенно большим. Появление таких групп отражало процесс закрепления кочевого населения на конкретных территориях. С наибольшей вероятностью этими кочевниками являются огузы. Конкретные особенности расположения погребений на территории могильника могли отражать особенности кровного родства умерших.

Случайные находки и захоронения, лишенные достоверных сведений о характере погребального обряда

Из общего количества учтенных памятников 31 погребение является разного рода случайными находками. К ним примыкают материалы нескольких погребений, по разным причинам не сохранивших достоверных документальных сведений об особенностях погребального обряда:

Асат Бай-III (Мелентьев А.Н., 1967, л.39); **Батаевка** (Пигарев Е.М., 1997, с.105-106; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *10*); **Водянское, 1/1** (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.240, № 2); **Волжский**, Астраханская обл. (Пигарев Е.М., 1997, с.107-109); **Головка** (Раев Б.А., 1979, с.85); **Гришанкин** (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.135, № 29); **Досанг** (Рыков П.С., 1929, с.154); **Колобовка**, совместное парное погребение (Спицын А.А., 1895, с.90-91); **Лапас** (Филипченко В.А., 1959, с.239-242); **Лапин** (Гаврилина Л.М., 1987, с.61); **Маяк Октября-91, 3/3, 4/1**[8] (Каталог, 2001, с.14-15,25, № 15, 16, 19); **Новоникольское** (Ильина А.И., Шишкин П.Н., 1929, с.16; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.48-49, № 228); **Оленный остров, -/13** (АКМЗ, инв.№ 5505-5507); **Оленье, 1/1** (Круглов Е.В., 1989а, л.31-32); **Петропавловка** (Шнайдштейн Е.В., 1991, с.12); **Рахинка** (Гаврилина Л.М., 1993, с.85); **Саратов** (Ляхов С.В., 1997, с.230-232); **Сероглазово** (СОМК, инв.№ 1103, 2342-2346); **Средняя Ахтуба** (Конкин В.Н., 1969, с.268-271); **Суслы** (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.98, № 17); **Таловая** (Раев Б.А., 1979, с.81, 84-85); **Тинаки** (Арзютов Н., 1933, с.103-106); **Уральск** (Кригер В.А., 1979, с.177-178); **Ханская могила** (Нефедов Ф.Д., 1899, с.32-33); **Хошеутово** (Гаврилина Л.М., 1985, с.216); **Челкар**, г.Сасай (Максимов Е.К., 1969, с.133-137); **Челкар-III, 13** (Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999, с.129, 137); **473-я верста** (АКМЗ, инв.№ 4919-4920); **Энгельс,** бывший Покровск (Гаврилина Л.М., 1993, с.85); **Янайкино** (Кригер В.А., 1979, с.177).

Повышенное количество случайных находок является характерной спецификой археологических памятников кочевников IX – нач.XI в. Северного Прикаспия и отражает чрезвычайно высокую степень насыщенности ими территории региона. Как правило, большинство находок были сделаны в ходе строительных или сельскохозяйственных работ. Часть погребений выявлена развеянными на песчаных дюнах. Полноценно использовать эти материалы затруднительно. Введенные в статистические расчеты они способны исказить реальное распространение тех или иных обрядовых явлений. Лишь в некоторых случаях места находок были осмотрены археологами. Иногда им удавалось зафиксировать формы могильных ям, положение и ориентировку погребенных, собрать, описать и сохранить некоторые или даже большинство вещей по-

[8] Материал сохранился в виде полевых фотографий и коллекции предметов погребального инвентаря.

гребального инвентаря (рис.1). Но практически нигде им не удавалось получить сведения о комплектности костных останков погребенных и сопровождавших их коней, их пространственном соотношении относительно друг друга.

Захоронения без признаков разрушения

Из общего числа учтенных памятников только в 29 комплексах следов внешнего воздействия на скелетизированные останки погребенных и сопровождающих их шкур коней выявлено не было:

Алексашкино, 4/2 (Мельник В.И., 1977, л.10; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *6*); **Болгарский, 1/3** (Гуцалов С.Ю., 1993, с.91-94; Круглов Е.В., 2001б, с.422, рис.15, *7-8*); **Быково-I, 10/11** (Смирнов К.Ф., 1960, с.201), **16/9** (Смирнов К.Ф., 1960, с.215-216; Круглов Е.В., 2001б, с.414, рис.11, *4-5*); **Заплавное-I, 3/3,** (Шилов В.П., 1958, л.28-34; Круглов Е.В., 2001б, с.412, рис.10, *9-11*), **3/7** (Шилов В.П., 1958, л.37-40; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *9-10*); **Заяры, 1/А, 1/2, 1/3** (Шишкин П.Н., Ильина А.И., 1928; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.119-121, № 105)[9]; **Зубовка, 9/2** (Мамонтов В.И., 1992, с.33, 35; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *3*); **Калиновский, 12/19** (Шилов В.П., 1959, с.359, 363-364, 384; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *4*) и **28/1** (Шилов В.П., 1959, с.384)[10]; **Карасу-I, 20**[11] (Кушаев Г.А., 1975, л.32-35; Кокебаева Г.К., 1980, с.99-100, 102); **Колобовка-III, 1/2** (Сергацков И.В., 1999, л.13); **Кривая Лука-VII, 9/16; -XV, 2/6, 3/8; -XXXV, 1/6** (Дворниченко В.В. и др., 1975, л.175-179, 206; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1980, л.49-51; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981, л.184-186); **Купцын Толга, 46/5** (Шнайдштейн Е.В., 1981, с.109; Круглов Е.В., 2001б, с.412, рис.10, *7-8*); **Приозерное, 4/1** (Лукашов А.В., 1985, л.17-18, 31-32); **Пятнадцатый поселок, 3/7** (Шилов В.П., 1958, л.81-89; Гаврилина Л.М., 1991, с.147-155; Круглов Е.В., 2001б, с.412, рис.10, *1-3*); **Рахинка, 3** (Кригер В.А., 1985б, л.42-45; Круглов Е.В., 2001б, с.412, рис.10, *4*); **Ровное, 4/7** (Синицын И.В., 1966, с.35-37); **Средняя Ахтуба, 3/4** (Шилов В.П., 1958, л.4-5, 14); **Степана Разина, 4/8** (Мерперт Н.Я., 1967, с.96-97); **Увак, 10/2** (Федорова-Давыдова Э.А., 1969, с.262-266; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *5*); **Элиста-III, 29/1** (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971, с.93); **Эльтон-84, 2/5** (Лукашов А.В., 1984, л.16-17); **Ясырев, 8/17** (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, с.50).

В нескольких случаях при явном нарушении сохранности конских шкур, останки самих погребенных потревожены не были. Материал отдельных погребений дал возможность предполагать связывание ног без разрушения целостности скелетов. Такие эпизоды анализируются отдельно.

Ограбленные погребения, выявленные в ходе археологических раскопок

Археологи постоянно встречают в своей полевой практике захоронения с разрушенными скелетами погребенных, объясняя их древними ограблениями могил. При этом, каких-либо доказа-

---

[9] Планы этих погребений изданы крайне схематично.

[10] Включен условно – отсутствует чертеж погребения.

[11] На материалах этого памятника мы сталкиваемся с крайней формой небрежности археологов во время раскопок. Сфотографированные отдельно друг от друга конь во входной яме и погребенный в камере подбоя в реальности ориентированы в одном направлении – на запад (!). Не соответствует плану погребения его поперечный разрез. Ширина входной ямы и камеры подбоя на разрезе равные, при этом во входной яме могилы показана ступенька, оставшаяся неотмеченной на плане погребения. На плане кургана широкой частью входной ямы является западная сторона, а не восточная, как на плане погребения. Стрелкой на плане кургана указано направление ориентировки останков коня – на запад. С северной стороны входной ямы пунктиром обозначен западный край подбоя, а восточный совмещен со входной ямой. Все это означает, что опубликованный Г.К.Кокебаевой план захоронения является результатом крайне грубого и неверного совмещения отдельно выполненных планов входной ямы с останками коня и камеры подбоя с останками погребенного. При этом возникает такой вопрос: зачем авторам раскопок потребовалось снимать кости коня до расчистки останков погребенного, ведь фактически они не мешали расчистке скелета человека. Очевидно, что останки погребенного располагались гораздо ближе к останкам коня.

Мной предлагается принципиально иная реконструкция внешнего вида данного захоронения (рис.7, 7), с которой в частной беседе согласился В.А.Кригер, работавший в 70-е гг. в пединституте г.Уральска. Все другие возможные варианты реконструкции опирались бы на гораздо бóльшее количество предположений.

тельств, как правило, никто не приводит. Полагаю, что действия грабителей во все исторические времена носили чрезвычайно практичный и рациональный характер. Как правило, все они имели большой опыт и четко отработанные методы обнаружения в курганах древних могил. Почти всегда грабители вели раскопки только в центре насыпей – месте наибольшей вероятности обнаружения захоронений. Поскольку ценных и редких предметов в погребениях поздних кочевников встречается мало, их захоронения, обычно располагавшиеся в насыпях более древних курганов, специально интересовать грабителей не могли. Разрывая курганы, грабители уничтожали на пути к древнему золоту основных погребений практически все и, обычно, не засыпали после раскопок свои ямы. Сохраняясь на поверхности курганов до наших дней, они, как правило, визуально бывают хорошо видны еще до начала археологических раскопок. В профилях бровок таких курганов всегда отмечаются разнообразные воронки и заплывшие шурфы. На фоне мягкого супесчаного грунта остальной части насыпи хорошо фиксируется их крайне плотное заполнение. Позу и ориентацию погребенных, местоположение относительно человека конских останков и погребальных вещей удается проследить крайне редко. Обычно эти детали обряда отмечаются лишь тогда, когда в ходе чисто случайных причин ограблению подвергалась лишь какая-то часть древнего захоронения. Кости погребенных и остатки могильного инвентаря при ограблениях разбросаны крайне хаотично, и, что очень важно, они обнаруживаются не только на дне могил, но и в их заполнении. Поэтому вещи, явно относящиеся к одному комплексу, могут фиксироваться на чрезвычайно большой площади и быть смешанными с материалами из других так же разрушенных погребений. Обнаружение целых и ценных вещей при действительных ограблениях крайне проблематично и случайно. Дорогие и привлекательные предметы из золота, бронзы грабители в могилах не оставляли. Изредка сохранявшиеся в остатках таких погребений единичные изделия из бронзы, кости, рога и железа их или не интересовали, или же просто оставались незамеченными. Обнаруживаемые предметы имеют чрезвычайно низкую степень сохранности и обычно крайне фрагментарны. Деревянные и кожаные изделия не сохраняются. Железные вещи, подвергавшиеся в условиях длительного соприкосновения с открытым воздухом интенсивной коррозии, оказываются наиболее уязвимыми. Определить, что из себя функционально представлял в древности тот или иной предмет по невыразительным обломкам порой не представляется возможным. Подобные захоронения мало что добавляют к нашим сведениям о культуре древнего кочевого населения IX – нач.XI в. Полноценное использование их в статистических разработках достаточно проблематично и всегда должно оговариваться.

Достоверно выделяется 18 ограбленных погребений, разделяющихся на частично и полностью разрушенные. Еще для шести случаев (Верхний Балыклей-II, 6/5; Калиновский, 4/1; Комсомольский, 1/1 (рис.2); Маляевка-V, 6/1; Торгунское, 1/5; Эльтон-83, 7/2) можно предполагать воздействия на останки погребенных иного рода, не связанные с ограблениями. Эти эпизоды будут рассмотрены отдельно. Ограбленными могли быть и некоторые из полностью разрушенных погребений, но для подобного заключения достоверными данными мы не располагаем.

1. Погребения, частично разрушенные при ограблениях

Заплавное-I, 2/1 (Шилов В.П., 1958, л.23-24). Погребение мужчины с конем разрушено грабительской воронкой. In situ сохранились лишь берцовые кости ног и стопы. Остальные кости скелета человека беспорядочно перемешаны между собой и со скаковыми конечностями коня. Инвентарь обнаружен только в сохранившейся части ямы: стремена, фрагменты сабли, соединительное кольцо, обломки блях. **Капитанский, 10/1** (Шилов В.П., 1964, л.24-25). In situ зафиксированы фрагменты черепа, малая берцовая кость, стопы обеих ног скелета взрослого человека, вероятно, женщины, по положению которых были определены поза и ориентировка. Все остальные кости скелета разрушены. Инвентарь обнаружен только в сохранившейся части могильной ямы: стремена, седло, бронзовые бляхи. При наличии предметов сбруи кости коня не отмечены. **Киляковка, 1/5** (Мыськов Е.П., 1993, с.70-73, рис.1, *9-15*; 2, *1-11*; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *14*). Вся верхняя часть скелета мужчины и скаковые конечности шкуры коня разрушены грабительским раскопом. In situ сохранились правое крыло таза, бедренные и берцовые кости ног, кости предплечья правой руки взрослого человека, по положению которых были определены поза и ориентировка погребенного. Инвентарь находился лишь в сохранившейся части могильной ямы: фрагменты сабли, стремена, наконечники стрел, пряжки, остатки колчана, накладка лука. **Эльтон-84, 1/1** (Лукашов А.В., 1984, л.7-9). Бедренные кости ног скелета взрослого человека и фрагменты инвентаря обнаружены в заполнении могильной ямы погребения более раннего времени. In situ сохранились не замеченные грабителями скаковые конеч-

ности сложенной шкуры коня. Инвентарь: фрагменты сабли, наконечники стрел, пряжка, остатки колчана, бронзовая бляха.

2. Погребения, полностью разрушенные при ограблении

Васильевка, 1/1 (Васильева И.Н., 1979, с.213, 235, рис.17, *4*). Средневековое погребение разрушило основное погребение эпохи бронзы, но также было полностью уничтожено. Обнаруженный в заполнении ямы нож с волютообразным навершием достоверно связывать с остатками какого-то конкретного захоронения невозможно. **Верхнепогромное-II, 14/21** (Шилов В.П., 1957, л.68-69). Погребение взрослого человека полностью разрушено. Зафиксирован череп коня. Инвентарь: костяная трубочка, бронзовая бляха, клык животного. **Волжский-II, 2/9** (Мыськов Е.П., 1983, л.27-28; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *15*). Погребение полностью разрушено современной ямой. Кости скелета мужчины были беспорядочно разбросаны. Инвентарь: бронзовая бляха, перстень, фрагмент сабли. **Калиновский, 30**. (Шилов В.П., 1959, с.388, 517, рис.71, *8*). Погребение полностью уничтожено при строительстве мавзолея XIV в. Инвентарь – фрагмент бронзовой копоушки. **Киляковка, 5/8 А** (Мыськов Е.П., 1985, л.11-13). Погребение взрослого человека полностью уничтожено грабительской воронкой. Отмечены остатки черепа и скаковых конечностей шкуры коня. **Маляевка-V, 5/3** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.17, 42, рис.2, *5*). Разрозненные кости скелета взрослого человека, обломки черепа, зубы, копыта и путовые кости коня обнаружены под грабительским перекопом в заполнении и на дне могильной ямы. Инвентарь слабовыразителен. **Маляевка-V, 9/2** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.23, 45, рис.5, *4*). Погребение мужчины с черепом и шкурой коня полностью разрушено. Кости человека и фрагменты железных предметов встречались в заполнении могильной ямы. **Маляевка-V, 11/2** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.25, 46, рис.6, *3*). Погребение взрослого человека с черепом и шкурой коня было полностью разрушено грабительской воронкой. Кости и фрагменты железных предметов встречались в заполнении могильной ямы. **Мишкина Пристань, 2***[12] (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.82, 304, табл.I, *10, 28*). На месте могильной ямы выявлена грабительская воронка, в заполнении которой находились перемешанные кости человека и коня, бронзовые пряжка и соединительное кольцо. **Молчановка-II, 3/2*** (Синицын И.В., 1959, с.137). В плотном заполнении и на дне могильной ямы встречались кости полностью разрушенного скелета взрослого человека. Инвентарь: фрагменты стремян и наконечник стрелы. **Новый Рогачик, 2/1** (Мамонтов В.И., 1979, л.30-32). Погребение взрослого человека с конем полностью разрушено грабительской воронкой. Инвентарь: фрагменты стремян, пряжки, кремень, накладка лука. **Старица, 38/1** (Шилов В.П., 1961, л.110-111). Погребение полностью разрушено. Среди разбросанных костей скелета взрослого мужчины и скаковых конечностей коня собраны фрагменты стремени, сабли, неопределенные железные предметы. **Химкомбинат-Б, 4/2** (Мамонтов В.И., 2000а, с.254-255, 266, рис.4, *2, 8-10*). Погребение полностью разрушено грабительской воронкой. Выделено по беспорядочно разбросанным останкам взрослого человека и инвентарю – фрагментам удил, наконечнику стрелы, бронзовым бляхам. **Эльтон-84, 2/15** (Лукашов А.В., 1984, л.24). Кости скелета взрослого человека, череп и скаковые конечности шкуры коня полностью разрушены. Инвентарь: неопределенные фрагменты железных предметов.

Захоронения с различными формами нарушения естественного состояния костных останков скелетов погребенных и сопровождающих их шкур коней, не имеющие явных признаков ограбления

Далеко не все случаи нарушения сохранности останков могут быть объяснены ограблением. Не следует забывать и о деятельности землеройных грызунов, второго после грабителей бича всех степных археологических объектов. Особенно актуально это для впускных захоронений средневековых кочевников, многие из которых располагались в верхнем супесчаном грунте курганов. Обычно авторы отчетов интерпретируют случаи нарушения естественного состояния сохранности костных останков погребенных, не связанные с ограблениями, деятельностью грызунов. Но действия животных были хаотичны и не несли систематического характера. В целом ряде случаев они достаточно легко определимы. Грызуны могли смещать отдельные мелкие кости погребенных, но перемещать длинные кости и черепа они не могли. Поэтому доста-

[12] Отмеченные звездочкой (*) погребения в статье (Круглов Е.В., 2001б) не учитывались.

точно однообразные и специфические случаи разрушения скелетов вряд ли являлись результатом только их жизнедеятельности.

В последние годы археологам на целом ряде средневековых аланских бескурганных могильников Дона и Северного Кавказа (Верхнесалтовский, Дмитровский, Клин-Ярский, Маяцкий, Рубежанский, Старосалтовский) удалось зафиксировать захоронения с самыми разнообразными вариантами нарушения естественной сочлененности и местоположения костей человеческих останков, смещение которых нельзя было объяснить ограблениями могил. Подобные случаи были интерпретированы как возможные проявления обряда преднамеренного обезвреживания погребенных (ООП) (Флёров В.С., 1989; 1992; 1993; 2000а; 2000б; Аксенов В.С., 2002). В структуре салтово-маяцкой археологической культуры Хазарского каганата обряд ООП был зафиксирован и в погребальной практике этнических хазар. Так, захоронения из курганов Соколовская балка, 11 (Клейн Л.С. и др., 1972, с.132-134; Флёров В.С., 1993, с.54), Дорофеевский, 13 (Круглов Е.В., 1992г, с.152-158), Барановский, 13 (Круглов Е.В., 1992д, с.177-179), Шиловский, 1 (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.183-190; Комар А.В., 2001, с.14) имеют явные признаки именно ООП, а не ограбления.

Обряд обезвреживания погребенных мог выражаться самыми различными способами: связыванием длинных конечностей, обычно ног, смещением отдельных костей, смещением значительной части костей, полным разрушением целостности скелета. Проявлением этого обряда считается отсутствие в погребении отдельных костей, например, черепа или целого отдела скелета, например, костей ног или грудной клетки. Крайним вариантом являлось удаление из могил нескольких или даже большинства костей. Вариантом этого обряда могло быть и совмещение той или иной степени разрушения анатомической сохранности скелета со смещением или удалением того или иного числа костей.

Выделение в реальной археологической практике ООП потребовало пересмотра результатов многих старых раскопок, особенно тех, в которых состояние разрушенности скелетов, те или иные необычные особенности стратиграфии могил до сих пор не получили какого-то определенного толкования (Флёров В.С., 2000б, с.10). Понятно, что подобный пересмотр не всегда возможен в силу несовершенства методики многих старых раскопок и неполноты сохранившейся отчетной и полевой документации. Но именно с позиций существования ООП и стало возможным дать оценку многочисленным случаям разрушения скелетизированных останков погребенных и сопровождающих их коней в археологической культуре огузов (огузо-печенегов), населявших в IX-XI вв. степи Северного Прикаспия. Только сейчас, с позиций уже достаточно хорошо известных археологических признаков ООП, становится возможным оценить некоторую совершенно не понимаемую и даже не воспринимаемую ранее информацию, зафиксированную в ходе многолетних археологических раскопок многими полевыми исследователями. При этом, вполне естественно, что далеко не все погребения с нарушением сохранности останков могут быть объяснены исключительно только последствиями ритуального вскрытия могил. Я далек от того, чтобы абсолютно все такие случаи объяснять только требованиями ООП. Проблема достоверной идентификации различий искусственного расчленения трупа и естественного распада останков скелета вследствие элементарного разложения, несомненно, полностью пока еще не решена. Изучение вопроса осложняется и реальным существованием разного рода постпогребальных разрушений, далеко не всегда связанных с самой погребальной обрядностью. Некоторые отдельные сдвиги и смещения костей вполне могли иметь и естественные причины. Но, тем не менее, позволю предположить, что большинство их все же могло быть проявлением ритуальных действий, близких именно к ООП. Во всяком случае, продолжать игнорировать существование подобных особенностей в погребениях огузо-печенегов, объявлять их все результатом только ограблений или последствий жизнедеятельности грызунов невозможно. Между тем, до настоящего времени единственным позднекочевническим погребением с опознанными явными признаками ООП являлось захоронение близ с.Успенка Астраханской обл. (рис.8). Автор раскопок прямо сопоставила зафиксированное в полевых условиях особое состояние обнаруженного скелета взрослой женщины не с ограблением, а с явлением его ритуального разрушения (Шнайдштейн Е.В., 1989, с.271).

Ниже даны описания самых разнообразных состояний нарушения сохранности захоронений. Многие их них подготовлены автором на основе информации, документально зафиксированной в полевых дневниках, отчетах, научных публикациях, подтверждаемых планами погребений или фотографиями[13]. Разумеется, что в некоторых эпизо-

[13] Крайне признателен за ценные советы А.В.Евглевскому, Т.М.Потемкиной и В.С.Флёрову, высказанные ими при подготовке данной статьи к публикации.

дах вполне возможны отдельные ошибки и некоторые неточности. Имеется много претензий к планам погребений, которые иногда даже не совпадали с полевыми фотографиями. Отчетные характеристики многих захоронений слишком неполны и расплывчаты. Довольно часто авторы раскопок, кроме общего упоминания не вполне обычного состояния скелетов, конкретный характер непосредственно наблюдаемых ими нарушений естественного положения костных останков погребенных оставляли без элементарного описания. Особенно часто это относится к кистям рук, коленным чашечкам, стопам ног, а также к нижним челюстям черепов. Достаточно сказать, что почти никто не подсчитывал в разрушенных захоронениях сохранившиеся и отсутствующие кости. Поэтому не всегда было ясно, как следует понимать отсутствие тех или иных костей на планах – как небрежность самих археологов или их действительное отсутствие. В некоторых случаях оказались не описаны явные развороты тел. Именно поэтому предлагаемое группирование эпизодов является достаточно условным и несколько произвольным.

А. Особенности сохранности одиночных погребений

Одиночные трупоположения погребенных являются основным видом захоронения у средневековых кочевников. Общепринятой позой погребенных было положение умерших вытянуто на спине. Особым, редко встречающимся вариантом трупоположения погребенных у кочевников были развороты тел на бок. Положение рук в погребальном обряде значения не имело (Круглов Е.В., 2001б, с.429-440, приложение, признаки XIII-15). Не придавалось значение и особенностям полового диморфизма.

1. Разрушение конских шкур без разрушения останков погребенных

Средневековых погребений с разрушенными черепами и шкурами коней оказалось достаточно много. Выявлено существование большого количества захоронений с останками или только черепа, или только разрушенных шкур, от которых, зачастую, сохраняются только кости трех, двух или даже одной скаковой конечности. Поскольку большинство таких случаев одновременно сопровождалось разрушением останков погребенных, все такие эпизоды рассматриваются уже в других разделах[14]. Здесь же приводится описание только тех захоронений, в которых предполагаемое разрушение конских шкур сочетается с неразрушенными останками погребенных.

Верхний Балыклей-II, 5/1 (Скрипкин А.С., 1980, л.9; Яворская Л.В., 1997, с.148-150, 156, рис.1, 2; Круглов Е.В., 2001б, с.406, 414, рис.6, *1*; 11, *2-3*). Лежащий на перекрытии в засыпи могилы череп коня был перевернут. Инвентарь: удила, стремена, седло, многочисленные украшения сбруйных ремней, оружие. **Громки, 2/1** (Мамонтов В.И., 1977, л.20; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *11*). При наличии задних скаковых конечностей шкуры и стремян передние конечности и череп коня отсутствуют. **Журов, 2/1** (Круглов Е.В., 1992а, с.135-139, рис.1; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *1*). Кенотаф. Шкура коня со скаковыми конечностями, без черепа. Инвентарь: стремена, наконечник стрелы, сабля, набор поясных или сбруйных блях. **Киляковка, 4/1** (Мыськов Е.П., 1993, с.74-79, рис.3, 4, *1-2*; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *7*). Череп коня, лежащий на деревянном перекрытии над скелетом, разбит на мелкие части и разбросан. Кости сложенной шкуры в полной сохранности. В заполнении ямы и на черепе коня ременные бляхи. С погребенной: серьги, бубенчики, браслеты, птицевидные нашивки, ключи, бляхи, ножницы, грузик-пломба. **Тамар Уткуль, 3** (Горбунов В.С. и др., 1983; Иванов В.А., 2001, с.155-157, рис.2) (рис.5, *9*). Череп и скаковые конечности коня фиксировались на разных глубинах в засыпи входной ямы основной могилы (0,2-0,6 м) и были явно потревожены. Свод и нижняя челюсть черепа коня расположены отдельно друг от друга[15]. Отдельно от костей коня найдены фрагменты удил. С погребенным: глиняный сосуд, использованная в качестве загробной пищи бедренная кость коня, накладки лука, наконечники стрел, поясной набор

---

[14] Барановка-70, 1/1 и 1/2; 23/1, Астр.обл.; Быково-I, 10/16; -II, 26/5; Верхнепогромное-I, 1/3, 3/7; Верхний Балыклей-II, 7/1, 8/1; Дюкер, 27/9; Ильевка, 9/1и 1/2; Кара Оба, 6/1; Карасу-I, 6/1, 8/1, 11/1, 11/2, 18/1; Киляковка, 3/2; Колобовка-I, 3/4, 6/1, 6/2; Комсомольский, 1/1; Кос Оба, 7/2; Кривая Лука-V, 4; -XV, 2/2; Ленинск, 3/7; Маляевка-V, 11/5; Новоникольское-I, 7/13; -II, 1/7; Первомайский-VII, 10/1, 12/3; Приозерное, 2/3; Светлое Озеро, 6/6; Средняя Ахтуба, 1/5; Старица, 7/18; Челкар-II, 8/1; Черноярский, 2/2; Шульц, А 11/1; Эльтон-83, 7/2; -85, 7/1 и др.

[15] Отчетная информация об обнаружении костей коня в засыпи входной ямы могилы и о характере их расположения в публикации В.А.Иванова опущена.

с пряжкой и бляхами. **Фриденберг** (Мирное), **7/1** (Рыков П.С., 1926, с.123; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.134, 317, табл.XIV, *5, 29-31*). Справа от колоды со скелетом мужчины находились кости скаковых конечностей коня без черепа. Инвентарь: накладка лука, бронзовая пряжка, кресало, кремень, нож. **Ченин, 8/4** (Лукашов А.В., 1980, л.21-30; Круглов Е.В., 2001б, с.400, 402, 404, 406, 414, рис.3-5; 6, *2*; 11, *6-7*). В засыпи могильной ямы зафиксированы кости трех скаковых конечностей сложенной шкуры коня. Кости четвертой обнаружены в насыпи кургана. С конем и погребенным – богатый и чрезвычайно разнообразный могильный инвентарь. **Царев, 11** (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993, с.188, рис.3, *2*, 194-196, рис.6, *5-6*; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *14*). Череп коня разбит и разбросан. Инвентарь: стремена, удила. **Черноярский, 2/1** (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.5-6; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *12*). При наличии задних скаковых конечностей коня кости передних конечностей и череп отсутствуют. Инвентарь: накладка лука, костяная пряжка. **Яшкуль, 1/1 и 1/8** (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1986, л.7-15). Выделенные автором раскопок как два отдельных погребения – останки коня (п.1) и человека (п.8) – явно относятся к одному захоронению. При наличии скаковых конечностей и предметов сбруи, череп коня отсутствовал.

2. Связывание ног погребенных

Предполагаемое связывание ног погребенных реконструируется на основе большой группы захоронений с перекрещенными и неестественно сомкнутыми костями ног. Добиться подобного положения мертвых тканей можно было только их связыванием. Случаи, совмещающие предполагаемые связывания ног с различными вариантами нарушения костных останков человека, рассматриваются отдельно. Ниже указаны только погребения без явного нарушения естественной целостности скелетов умерших.

Вертячий, 6/1 (Мамонтов В.И., 1978, л.32-34; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *11-12*). Кости ног скелета мужчины полусогнуты в коленях и сведены пяточными костями. Инвентарь: удила, стремена, седло, колчан, наконечники стрел, нож. **Волжский-II, 2/4** (Мыськов Е.П., 1993, с.69-71, рис.1, *1-8*; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *1*). Скелет взрослой женщины лежал вытянуто с разворотом корпуса влево. Ребра правой половины грудной клетки располагались над позвоночным столбом. Кости ног согнуты в коленях и сведены стопами. Над скелетом, на перекрытии, в беспорядке лежали смещенные кости двух скаковых конечностей, ребро и лопатка коня. Череп животного обнаружен не был. Инвентарь: грузик-пломба, перстень, бляхи. **Маяк Октября-90, 1/2** (Комаров А.М. и др., 1990, л.19) (рис.6, *11*). Скелет взрослого человека лежал вытянуто с разворотом корпуса влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги сведены в коленях и берцовых костях. **Новая Квасниковка-I, 6/1** (Ляхов С.В., 1997, с.220-224, рис.3, 4; Круглов Е.В., 2001б, с.414, рис.11, *1*). Кости правой ноги погребенного мужчины резко согнуты в коленном суставе и положены поверх бедренной кости левой ноги. Инвентарь: удила, колчан, наконечники стрел, накладки лука, серьга, кресало, пряжка, нож. **Светлое Озеро, 2/1** (Ляхов С.В., 1997, с.217). Стопы погребенного сомкнуты. **Черноярский, 1/1** (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.4; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *8*). Скелет взрослого человека лежал по центру могильной ямы, на правом боку, вытянуто. Кости ног перекрещены в коленях. При наличии скаковых конечностей, череп коня отсутствует. Инвентарь: стремена, пряжка. **Яман, 2/2** (Попов С.А., 1976, л.3-9; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.132, рис.3, *1-18*). Впускное погребение в поле уже существующего кургана. Кости коня (скаковые фаланги, лопатки, крестец и фрагменты черепа) из насыпи, вероятнее всего, связаны с полностью разрушенным более ранним основным захоронением. Кости ног погребенного сведены в коленях и берцовых костях, стопы отсутствуют. Стопы ног и кисти рук, отсутствующие на плане, по информации автора раскопок были разрушены во время расчистки скелета. С погребенным обнаружено: бедренная кость коня (загробная пища), железная сабля без рукояти, срединная обкладка лука, берестяной колчан с древками стрел, два отдельных железных наконечника стрел, бронзовые пряжки и многочисленные накладки поясного набора, железное кресало, бронзовая серьга.

3. Погребения с отсутствием отдельных костей скелета

Комплектность скелета может быть полной или частичной. Во многих погребениях комплектность останков неполная. Чаще всего отсутствуют мелкие кости, но иногда не хватает длинных костей и даже черепа.

Алешкин, 1/2 (Гуренко Л.В., 1993, с.36-41, рис.1, *2*; 2, *1-8*; 3; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *10*). У скелета мужчины отсутствует кисть правой руки. Инвентарь: удила, стремена, колчан, наконечник стрелы, накладки лука. **Атпа-II, 2*** (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.145, рис.16, *13*) (рис.5, *4*).

У скелета мужчины отсутствует череп. **Бахтияровка-I, 32/12**[16] (Кригер В.А., 1984, л.10-12; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *13*). Скелет взрослого человека лежал на правом боку, скорченно. Левая рука слегка согнута в локтевом сгибе, кисть находилась у бедер. Правая рука вытянута под скелетом. Кости ног согнуты в коленях, стопы отсутствовали. Шейные и поясничные позвонки, возможно, смещены. При наличии черепа и задних скаковых конечностей коня, на плане не были отмечены кости передних конечностей, возможно, они отсутствовали. Инвентарь: удила, колчан, пряжки, кресало, соединительные кольца, бляха, костяная бусина, глиняный сосуд с гирляндоподобным орнаментом. **Блюменфельд** (Цветочное), **2/1** (Рау П.Д., 1920, л.15-17; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.168-170, 310, табл.VII, 7-8) (рис.7, *1-2*). Реконструкция захоронений этого кургана, предложенная Г.Н.Гарустовичем, А.И.Ракушиным, А.Ф.Яминовым, не убедительна. В отчете П.Д.Рау достаточно четко и вполне ясно указано, что в кургане были обнаружены крестообразно расположенные по отношению друг к другу могильные ямы двух разновременных захоронений. На глубине 0,7 м, исключительно только над п.1, было расчищено перекрытие, выложенное из продольных ивовых и поперечных дубовых досок. Все земляное заполнение погребения над перекрытием было переполнено кусками угля, обожженной земли и пережженными костями. Здесь же находился и полный скелет барана. На перекрытии располагались кости черепа и 4 скаковых конечностей растянутой шкуры коня. Скелет взрослой женщины был обнаружен под деревянным перекрытием в выдолбленной из цельного ствола ивы колоде. На плане у скелета отсутствуют кисти рук и грудные позвонки. Инвентарь: удила, стремена, бронзовые бляхи, браслеты со стеклянными вставками, серьга, бубенчик, свинцовый грузик-пломба, ножницы. Безынвентарное п.2 было явно разрушено при сооружении п.1. Кости скелета взрослого мужчины оказались свалены грудой в северной части ямы. Поскольку автор раскопок П.Д.Рау отметил "сидячее" положение останков этого погребенного, наиболее вероятно, что это было скорченное захоронение эпохи бронзы. **Быково-II, 26/5** (Мерперт Н.Я., 1957, л.23; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *4*). У скелета женщины отсутствуют кисти обеих рук. При наличии передних скаковых конечностей отсутствуют череп и задние конечности коня. **Верхний Балыклей-II, 8/1** (Скрипкин А.С., 1980, л.45; Яворская Л.В., 1997, с.152-153, 159, рис.4; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *5*). У скелета мужчины отсутствуют кисти рук и стопы ног. При наличии черепа, задних скаковых конечностей коня и предметов сбруи, кости передних конечностей отсутствуют. Инвентарь: удила, стремена, костяная пряжка, накладки лука, кресало. **Заплавное-I, 1/3** (Шилов В.П., 1958, л.19) (рис.6, *3*). У скелета мужчины отсутствуют кости правой руки, ребра, лопатки и ключицы грудной клетки. Инвентарь: кресало, пряжка. **Ильевка, 9/1** и **9/2** (Мамонтов В.И., 1970, л.18-19; Круглов Е.В., 2001б, с.422, рис.15, *1-2*). Выделенные автором раскопок как два отдельных погребения останки коня (п.1) и человека (п.2) явно относятся к одному захоронению. У скелета взрослого человека на плане не отмечены кисти рук. Череп коня сильно раздроблен. Положение скаковых конечностей имитирует положение сложенной шкуры, но таковой не является. С костями коня: удила, стремя, бляхи, пряжка, костяной наконечник стрелы, фрагменты керамики, кремень. **Кано-В, 1/1** (Кушева-Грозевская А., 1928, с.5, 13-15; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.139, 317, табл.XXVI, *1, 8, 11, 15*). Положение костей ног женщины не зафиксировано, видимо, они отсутствовали. Инвентарь: грузик-пломба, бляхи, бубенчики, копоушка. **Кара Оба, 6/1** (Синицын И.В., 1956, с.127-128, рис.28; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *7*). У скелета мужчины отсутствовал череп. При наличии скаковых конечностей, череп коня также отсутствовал. Инвентарь: нож. **Колобовка-I, 6/2** (Мамонтов В.И., 1973, л.14-15; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *2*[17]). У скелета взрослого человека отсутствуют кисти обеих рук. Вместе с погребенным обнаружено одно копыто коня. Инвентарь: кремень от кресала. **Колычево-II, 2/2** (Мажитов Н.А., Рутто Н.Г., 1974, л.11-12). У скелета погребенного отсутствовали кости ног. Над скелетом – череп и конечности коня. **Красный Октябрь, 1/1***, Самарская обл. (Васильева И.Н., 2000, с.272, 289, табл.5). Лежащий в колоде скелет взрослого человека был разрушен. In situ сохранились позвонки, левая лопатка, плечевая кость левой руки, ребра правой стороны грудной клетки, кости правой руки, кисти обеих рук, кости таза, бедренные кости ног. На плане не отмечены ребра левой стороны грудной клетки, предплечье левой руки, берцовые кос-

[16] Описание данного захоронения (Кригер В.А., 1984, л.10-12) неполно и несколько противоречиво. Текст, предлагаемый автором, основан на личных наблюдениях, высказанных еще при подготовке отчета.

[17] Подписи к ранее изданным планам погребений Колобовка-I, 6/1 и 6/2 (Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *2-3*) перепутаны местами.

ти ног и стопы. Отсутствовал череп человека, погребенного положили в могилу, видимо, без головы – сохранившиеся шейные позвонки вплотную подходили к стенке колоды. Инвентарь: стремена, остатки седла, наконечники стрел, соединительные кольца. **Красный Октябрь, 1/2***, Самарская обл. (Васильева И.Н., 2000, с.272, 290, табл.6). Скелет взрослого человека был разрушен. In situ сохранились ребра правой половины грудной клетки, позвонки, кости обеих рук, таза, бедер и берцовые кости правой ноги. Череп погребенного отсутствовал. На плане не отмечены берцовые кости левой ноги и стопы обеих ног. Сверху, на левой стороне грудной клетки лежал череп коня, в связи с чем наличие или отсутствие костей левой стороны грудной клетки, шейных и грудных позвонков по плану не определяется. При наличии черепа, скаковые конечности коня в погребении не обнаружены. Инвентарь: удила, стремена, украшения ремней сбруи – бляхи и решмы, соединительное кольцо, колчан с креплениями и наконечниками стрел, пряжка, нож, бляхи. **Новоникольское-II, 1/7** (Шилов В.П., 1975, с.32-33, рис.24, *8*; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *6*). У скелета женщины отсутствуют кисти рук, большеберцовая кость правой ноги, стопы ног. При наличии предметов сбруи и одного ребра коня, скаковые конечности и череп последнего отсутствуют. Инвентарь: удила, стремя, височное кольцо. **Первомайский-VII, 10/1** (Мамонтов В.И., 2000б, с.13, рис.34, *4*; 38, *1-4*; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *4*). У скелета мужчины отсутствуют лопатка, ключица и плечевая кость левой руки. От разрушенного и смещенного черепа коня сохранилась одна нижняя челюсть. Кость передней скаковой конечности смещена к конскому черепу. Инвентарь: бубенчики, нож, пряжки, гребень. **Покровск-VIII, 4/1*** (Веддер Дж. и др., 1993, с.44, 108, рис..41) (рис.4, *7*). Безынвентарное погребение с южной ориентировкой погребенного, не характерной для захоронений IX-XI вв. У скелета отсутствовали шейные и грудные позвонки, значительная часть ребер, некоторые фаланги пальцев рук и ног, бедренная кость левой ноги. На месте левой бедренной кости фиксировалась нора, однако, именно здесь in situ располагалась и кость скаковой конечности коня. **Приозерное, 2/3** (Лукашов А.В., 1985, л.17-18) (рис.6, *8*). Кисть левой руки скелета взрослого человека отсутствовала. При наличии черепа, передних скаковых конечностей шкуры коня и предметов сбруи, кости задних конечностей в могиле отсутствовали. Инвентарь: удила, пряжка, седло, стремена. **Средняя Ахтуба, 3/2** (Шилов В.П., 1958, л.14) (рис.6, *5*). У скелета женщины отсутствуют кисти рук, берцовые кости левой ноги, стопы обоих ног. **Средняя Ахтуба, 3/7** (Шилов В.П., 1958, л.16) (рис.6, *6*). У скелета мужчины отсутствуют предплечье правой руки, кисти обеих рук, кости таза и ног. **Степана Разина, 3/2** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97) (рис.5, *2*). У скелета ребенка, лежащего в деревянном гробу, отсутствуют часть ребер правой стороны грудной клетки, кости правого предплечья и кисти обеих рук. **Степаневка-II, 6/1**[18] (Мамонтов В.И., 1990, л.78-79; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *8*). У скелета мужчины отсутствуют кости правой руки. Инвентарь: удила. **Цаган Усн-VII, 4/9** (Шилов В.П., 1987, л.38-40; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *13*). У скелета мужчины отсутствуют череп, плечевая кость левой руки, ключица и часть ребер левой половины грудной клетки. Инвентарь: стремена, бляхи, бубенчик, нож, наконечник стрелы, накладка лука. **Черноярский, 1/2** (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.5). Скелет погребенного лежал на правом боку. Кости его верхней части отсутствовали. In situ сохранились кости рук и ног. Кости ног полусогнуты в коленях. **Черноярский, 4/5** (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.14-15). Скелет взрослого человека лежит на левом боку, скорченно. Правая рука слегка согнута в локте, кисть перед черепом, левая сильно согнута, кисть перед грудной клеткой, под челюстью. Кости ног согнуты под прямым углом к туловищу. Берцовая кость правой ноги отсутствует. В ногах погребенного – разрушенные кости черепа и скаковых конечностей коня. Инвентарь: фрагменты стенок и венчика гончарного сосуда, накладки лука. В насыпи кургана также находились кости полного остова коня с подогнутыми скаковыми конечностями без сопровождающего инвентаря, связь которого с п.5 достоверно не была установлена. **Эльтон-85, 7/1** (Лукашов А.В., 1985, л.3-4; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, *2*) (рис.9, *4-18*). У скелета женщины отсутствуют ребра правой половины грудной

[18] Северная ориентировка погребенных не характерна для захоронений IX-XI вв. Возможно, это предсалтовское погребение сивашовского типа 2-й пол.VII в. Расположение черепа и костей скаковых конечностей растянутой шкуры коня слева и справа от останков человека позволяет считать это проявлением признака 36 – "положение коня непосредственно на останках человека", что, предположительно, дало возможность связать памятник с захоронениями огузо-печенежского круга (Круглов Е.В., 2001б, с.436). Но вопрос пока остается открыт.

клетки и, возможно, кисть левой руки. Задние скаковые конечности растянутой шкуры коня находятся в положении in situ, передние смещены, череп отсутствует. Это, а также наличие в засыпи могильной ямы отдельных ребер коня свидетельствуют о преднамеренном характере разрушения шкуры животного. Инвентарь: стремя, бронзовые птицевидные нашивки, копоушки, привеска, бубенчик, бусины, вставка перстня, ножницы, разновес, грузик-пломба.

4. Захоронения со смещением отдельных костей скелетов погребенных

а. Смещение или разрушение черепа

Быково-II, 3/5 (Смирнов К.Ф., 1960, с.227, 229, рис.22, *8-15*). Череп женщины разбит. Инвентарь: удила, стремена, бляхи, грузик-пломба. **Верхнепогромное-II, 19/1** (Шилов В.П., 1958, л.111). Череп погребенного мужчины разбит. **Колобовка-I, 3/4** (Мамонтов В.И., 1973, л.8, 10). Череп взрослого человека смещен. При наличии скаковых конечностей, череп коня отсутствует. **Новоникольское-I, 7/13** (Шилов В.П., 1975, с.23, 28, рис.17, *7*; Гаврилина Л.М., 1991, с.151-152, рис.3; Круглов Е.В., 2001б, с.412, рис.10, *5-6*). Лежащие сверху на колоде череп и скаковые конечности коня смещены. Над погребением в насыпи кургана найдены фрагменты лепного сосуда и бронзовая бляха. Череп мужчины разрушен. Инвентарь: удила, стремена, украшения ремней сбруи, сабля, колчан, наконечники стрел, накладки лука. **Старица, 21/2** (Шилов В.П., 1961, л.32-33; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *7*). Череп женщины разбит. Инвентарь: бронзовые копоушка, бубенчики, перстень. **Черноярский, 2/2** (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.6-7; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *5*). Череп человека отделен от позвоночного столба и перевернут. Кости рук неестественно близко прижаты к скелету, кисти соприкасались под тазом, возможно, были связаны. Череп коня сильно разрушен. Инвентарь: стремя, нож, пряжка, колчан, наконечник стрелы, накладки лука.

б. Смещение черепа и костей грудной клетки погребенных

Громки, 3/2 (Мамонтов В.И., 1977, л.21-22) (рис.6, *4*). У скелета подростка смещены череп и шейные позвонки. **Дюкер, 27/9** (Цуцкин Е.В., 1982, л.124-125). In situ сохранились кости таза, рук и ног скелета взрослого человека, вероятно, женщины. Кости верхней части туловища смещены. Над погребенным – остатки перекрытия и лежащий на нем череп коня. Костей скаковых конечностей не обнаружено. **Калиновский, 1/7** (Шилов В.П., 1959, с.328-329, 511, 513-514, 516, рис.4, *1*; 66, *14-15, 22, 27*; 67, *7*; 68; 70; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *9*). Скелет мужчины обернут берестой и положен в гроб. Череп перевернут. Верхняя часть ребер правой стороны грудной клетки, шейные и грудные позвонки смещены, стопы ног вывернуты. При наличии двух скаковых конечностей коня, отсутствует череп животного. Инвентарь: стремя, кинжал, кресало, колчан, наконечники стрел, поясной ремень с пряжкой и бляхами. **Покровск-I, 17/2*** (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с.30, 111, рис.31). Череп погребенного мужчины лежал на основании, на костях грудной клетки. Отдельные ребра грудной клетки и позвонки были смещены. При наличии костей скаковых конечностей коня, череп животного отсутствовал. Инвентарь: фрагменты железных предметов. **Степана Разина, 4/4** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97). Череп скелета ребенка разрушен. Позвонки в месте соединения грудного и поясничного отделов смещены.

в. Смещение костей рук

Быково-I, 14/3 (Смирнов К.Ф., 1960, с.207-209, рис.15, *4-5*). Локтевая кость правой руки скелета мужчины обнаружена на черепе. Инвентарь: нож, пряжка, соединительное кольцо, колчан, древки и наконечники стрел. **Косика, -/3** (Дворниченко В.В. и др., 1984, л.31-33). Скелет взрослого человека лежит с разворотом в плечах и грудной клетке влево. Зафиксировано смещение лопатки и плечевой кости правой руки. Инвентарь: удила, стремена, костяная пряжка, колчан, наконечники стрел, кремень.

г. Смещение костей черепа, рук и грудной клетки

Верхний Балыклей-II, 6/5 (Скрипкин А.С., 1980, л.26-27; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *19*). Верхняя часть скелета женщины разрушена. In situ сохранились тазовые и бедренные кости ног. Берцовые кости ног погребенной потревожены грабительским раскопом, полностью уничтожившим соседнее захоронение. Инвентарь: бубенчик, бляха, шило. **Карасу-I, 6/1** (Кушаев Г.А., 1974, л.36-37) (рис.5, *3*). Все кости верхней части скелета взрослого человека были перемешаны в местах своего первоначального расположения. In situ сохранились кости ног: несколько согнутая в колене левая и вытянутая правая. Шкура коня разрушена. Передние скаковые конечности обнаружены в засыпи могильной ямы, задние находились в районе расположения ног погребенного. Череп животного отсутство-

вал. Инвентарь: птицевидная нашивка. **Карасу-I, 8/1** (Кушаев Г.А., 1975, л.14-16) (рис.4, *5*). Череп, плечевая кость и предплечье левой руки, а также ребра скелета взрослого человека смещены. In situ сохранились кости правой руки, поясничные позвонки, тазовые кости, кости ног. В засыпи ямы находились смещенные кости шкуры коня. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, накладки лука, кресало. **Карасу-I, 11/1** (Кушаев Г.А., 1975, л.19-21) (рис.4, *4*). Смещены кости верхней части скелета погребенного – череп, кости рук, ребра, позвонки, левое крыло таза, скаковые конечности коня. Череп коня не обнаружен. Инвентарь: удила, стремена, костяная пряжка, колчан, наконечник стрелы, накладки лука, кресало, бляхи. **Кос Оба, 7/2** (Железчиков Б.Ф., 1998, с.13-14, рис.7, 2) (рис.6, *7*). Потревожены и смещены с мест своего первоначального расположения череп, ребра грудной клетки, верхняя часть позвонков, плечевая кость правой руки, кисти рук скелета мужчины. От шкуры коня in situ сохранилось одно копыто задней ноги, все кости остальных скаковых конечностей были вынесены в насыпь. Череп коня не обнаружен. **Красная Деревня, 15/8** (Лукашов А.В., 1981, л.41; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *7*). У скелета мужчины in situ сохранились кости левого крыла таза и ног, а также задние скаковые конечности коня. Практически по всей площади дна ямы прослеживался темный тлен органической подстилки. Все кости верхней части скелета человека находились на одной глубине в местах своего первоначального расположения и были перемешаны между собой. Слева от тазовых костей погребенного лежали обломки черепа коня и его передние скаковые конечности. Один фрагмент челюсти был обнаружен лежащим на остатках плах деревянного перекрытия. Отдельные позвонки скелета погребенного находились в сочленении.Инвентарь: колчан, наконечники стрел, седло, бронзовые пряжка и бляхи. **Кривая Лука-V, 4** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.50, 126, рис.35) (рис.6, *9*). В засыпи могильной ямы основного погребения зафиксированы смещенные кости черепа коня, два ребра и череп мужчины зрелого возраста без нижней челюсти и, отдельно, один фрагмент нижней челюсти. Кости грудной клетки, лопатки и ключицы, часть шейных и грудных позвонков, плечевая кость правой руки человека потревожены. Среди переломанных и смещенных ребер находился фрагмент второй части нижней челюсти погребенного. Остальные кости скелета сохранили положение in situ. Все кости, за исключением черепа погребенного, были покрыты толстым слоем берестяного луба. Потревоженные скаковые конечности растянутой шкуры коня лежат на костях человека. Инвентарь: колчан, костяной наконечник стрелы, пряжка. **Кривая Лука-XV, 2/2** (Дворниченко В.В. и др., 1975, л.171-172). В местах первоначального расположения обнаружены смещенные кости черепа, ребра, лопатки, ключицы, позвонки, плечевая кость левой руки, правое крыло таза скелета мужчины. Остальные кости потревожены не были. Над лежавшей in situ правой рукой погребенного располагались смещенные кости черепа коня и барана. Костей скаковых конечностей коня не отмечено. Инвентарь: колчан, накладки лука, нож, пряжка. **Маляевка-V, 11/5** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.26, 46, рис.6, *6*). Кости скелета подростка потревожены. In situ сохранились предплечье левой руки, поясничные позвонки, правое крыло таза, кости ног. Череп и остальные кости скелета погребенного смещены в местах первоначального расположения. От черепа коня сохранился лишь один зуб. В заполнении могилы над грудной клеткой и берцовыми костями ног обнаружены лежащие в сочленении на остатках деревянного перекрытия одна передняя и одна задняя скаковые конечности коня. Инвентарь: фрагменты удил и стремян. **Шульц** (Красный Октябрь), **А 11/1** (Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.174-175). Верхняя часть скелета взрослого человека разрушена. In situ сохранились кости ног человека. В засыпи над бедренными костями находились перемещенные кости черепа и двух скаковых фаланг коня. Нижняя челюсть животного обнаружена в районе ступней погребенного. Инвентарь: удила, пряжка. **Эльтон-83, 7/2** (Лукашов А.В., 1983, л.9-10; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *11*). Яма перекопа, нарушая засыпь захоронения, непосредственно до останков самого погребенного не доходила. Тем не менее, положение черепа, костей левой половины грудной клетки, правой руки скелета мужчины было нарушено. Правые лопатка и ключица, плечевая и локтевая кости правой руки и правое крыло таза оказались смещены. Ребра левой половины грудной клетки и кисти рук отсутствовали. Кости позвоночного столба не потревожены. При наличии предметов сбруи и скаковых конечностей растянутой шкуры коня, череп животного отсутствовал. Инвентарь: стремя, блок-чумбур, колчан, соединительные кольца, наконечник стрелы, пряжка.

д. Смещение костей ног

Быково-I, 10/16 (Смирнов К.Ф., 1960, с.201-202, рис.11, *21-22*). Кости ног скелета женщины были смещены и разбросаны на разной глубине. При наличии костей задних конечностей коня, череп и

передние конечности отсутствовали. Инвентарь: нашивка и нож.

е. Одновременное смещение некоторых костей верхней и нижней частей скелета

Барановка-70, 1/1 и 1/2, Астр.обл. (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.17). Выделенные автором раскопок как два отдельных погребения останки коня (п.2) и человека (п.1) явно относятся к одному захоронению. Череп, кости рук, бедренная кость левой ноги, берцовые кости и стопы обеих ног скелета взрослого человека смещены. В засыпи погребения обнаружены смещенные череп и скаковые конечности коня. Инвентарь: стремя, нож, кремень, накладка лука, костяной наконечник стрелы. **Дюкер, 27/4** (Цуцкин Е.В., 1982, л.108-112). У скелета взрослого человека смещены череп, кости правой руки, предплечье левой руки, тазовые кости, бедренные кости ног. In situ сохранились поясничные позвонки, часть ребер, лопатка, плечевая кость левой руки, берцовые кости ног погребенного. Смещены лежащие в засыпи череп и скаковые конечности коня. Инвентарь: удила, стремена, пряжка, бляхи. **Карасу-I, 11/2** (Кушаев Г.А., 1975, л.20-21) (рис.4, *3*). По Г.А.Кушаеву, данное погребение основное. In situ сохранились череп, шейные и грудные позвонки, ребра левой половины грудной клетки, кости левой руки скелета взрослого человека, череп и передние скаковые конечности коня. Остальные кости скелета человека и скаковые конечности шкуры коня не были отмечены на плане захоронения, и, судя по полевой фотографии данного погребения, были сложены в центре ямы. Инвентарь: удила, бляхи, птицевидные нашивки, зеркало, нож, бусы. **Карасу-I, 18/1** (Кушаев Г.А., 1975, л.30-32) (рис.4, *1*). Смещены череп, плечевая кость, лопатка и ключица левой руки, ребра правой стороны грудной клетки, предплечье и кисть правой руки, правое крыло таза, бедренная кость правой ноги скелета взрослого человека. В засыпи могилы найдены зубы полностью разрушенного черепа коня. Скаковые конечности растянутой шкуры коня находятся слева от погребенного в положении in situ. Инвентарь: пряжки, накладки лука, наконечники стрел, нож. **Кривая Лука-XVI, 1/1** (Дворниченко В.В. и др., 1976, л.6). Смещены череп, часть позвонков, ребра правой половины грудной клетки, левое крыло таза, бедренные кости, берцовая кость правой ноги скелета взрослого человека. Инвентарь: бляхи, пряжка, нож, соединительные кольца. **Солодовка-I, 4/1*** (Глухов А.А., 2001, л.13-15). Впускное погребение обнаружено в заполнении могильной ямы основного захоронения раннего железного века. Вся верхняя часть скелета мужчины была полностью разрушена, а кости смещены и перемешаны в местах их первоначального расположения. In situ сохранились все кости левой ноги, а также берцовые кости и стопы правой. Выше них обнаружены 4 копыта коня. Инвентарь: костяная крышка кармана и фрагменты железных креплений каркаса колчана, нож, бронзовая серьга. **Средняя Ахтуба, 1/3** (Шилов В.П., 1958, л.4). Все кости верхней половины скелета взрослого человека и стопы его ног смещены. При наличии передних скаковых конечностей шкуры коня, задние конечности и череп животного отсутствуют. **Старица, 7/18** (Шилов В.П., 1960, л.53-55; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *5*). Смещены череп, ребра грудной клетки, плечевая кость левой руки, берцовые кости и стопы обеих ног скелета взрослого человека. In situ сохранились позвоночный столб, плечевая кость и предплечье правой руки, таз, бедренные кости ног. От коня сохранилось копыто одной конечности. Инвентарь: стремена, колчан, бубенчики, поясные бляхи, кресало, нож.

5. Сочетание нескольких вариантов нарушения естественного положения останков человека

а. Смещение костей верхней части скелета и связывание ног

Верхнепогромное-I, 3/7 (Шилов В.П., 1975, с.49, 55-56, рис.42, *2-3*; 37, *7*) (рис.6, *2*). Череп, ребра, плечевая кость правой руки скелета женщины смещены. Шейная и грудная части позвоночного столба, кости левой руки, кисти обеих рук на плане погребения не отмечены. In situ сохранились поясничная часть позвоночного столба, предплечье правой руки, таз и ноги. Берцовые кости ног перекрещены в голеностопных суставах. От шкуры коня осталось только одно копыто. Черепа коня не зафиксировано. Инвентарь: нашивка, нож. **Заплавное-I, 3/4** (Шилов В.П., 1958, л.34-35; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *5*). Скелет женщины лежал на правом боку, вытянуто. Череп, кости позвоночника, ребра грудной клетки и плечевая кость правой руки погребенной смещены непосредственно на местах своего первоначального расположения. In situ сохранились предплечье правой, кости левой рук, таза и ног, согнутые в коленях и сведенные стопами. Инвентарь: бубенчик, зеркало, гребень, грузик-пломба. **Кривая Лука-III, 1/10** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.32, 178, рис.87, *2*). Череп скелета мужчины несколько приподнят. Кости ног сведены в коленях и перекрещены в голеностопных суставах. Инвентарь – бубенчик.

б. Смещение костей верхней части скелета, удаление отдельных костей

Барановка, 23/1, Астр.обл. (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с.50-53, рис.31, *7-12*; 32; 33; Круглов Е.В., 2001б, с.422, рис.15, *4*). В насыпи кургана, на глубине 0,2 м от современной поверхности, в яме овальной формы был обнаружен череп коня. Авторами раскопок были прослежены границы ямы. Между отметками -0,2м и -0,75м от верха кургана непосредственно под этой ямой (скорее всего, также еще в насыпи кургана) было зафиксировано пятно погребения 23/1. На глубине -0,75 м, при высоте кургана 0,65 м, в лучшем случае соответствующей уровню древнего горизонта, были обнаружены фаланги скаковых конечностей коня, остатки железных креплений колчана, наконечники стрел, бронзовые бляхи, пряжка и соединительные кольца. Скелет взрослого человека лежал на дне ямы. На плане у него отмечено смещение правой ключицы, отсутствие кистей обеих рук, костей левой стопы. Слева от останков погребенного на плане зафиксирована одна скаковая конечность коня, отчлененная по 1-й сустав. Других костей коня на дне ямы обнаружено не было. На поясе погребенного найдены бронзовые бляхи и бубенчик. Из-за отсутствия полной ясности в объяснении причин нахождения костей коня и вышеуказанных вещей в заполнении совершенно неограбленной могилы у авторов раскопок возникла неуверенность в определении характера данного погребения в качестве основного или впускного. Они также полагают, что погребенный мог лежать в подбое. Между тем, особых оснований для последнего утверждения нет, однако, можно предположить, что, скорее всего, авторы раскопок в действительности наблюдали разный состав земляного заполнения данного погребения, первичный и вторичный, предположив, что первый является заполнением подбоя, а второй – входной ямой в него. При уверенной интерпретации данного памятника как основного захоронения (разрушенное погребение № 2 этого кургана было определено самими авторами раскопок как впускное, а каких-либо других захоронений обнаружено не было), череп и конечности шкуры коня могли появиться в заполнении данной могилы только лишь в ходе вторичного проникновения в нее. Именно в ходе него и могло произойти изъятие из погребения черепа и шкуры коня, а также пояса вместе с прикрепленным к нему колчаном со стрелами. **Близнецы, 3/2*** (Смирнов К.Ф., 1957, л.34-35). Скелет мужчины 50 лет был частично разрушен расположенной рядом с ним ямой с кострищем. У погребенного отсутствовали: верхняя часть черепа, плечевая кость левой руки, кости предплечья правой, кисти обеих рук, левое крыло таза, бедренная и большая берцовая кость левой ноги. Часть отсутствовавших костей была обнаружена в кострище. Сдвинуты: нижняя челюсть, располагавшиеся в сочленении кости предплечья левой руки, поясничные позвонки, правое крыло таза. Копыта и пальцевые фаланги двух скаковых конечностей коня найдены в районе ног погребенного, копыто и пальцевые фаланги третьей конечности коня найдены над левой частью грудной клетки человека, череп коня отсутствовал. Инвентарь: фрагменты железного стремени, роговые накладки сложного лука, а также две обгоревшие осиновые плашки. **Буканов-ский, 1/1** (Цыбин М.В., 1986, с.257, 260, рис.2, *1*) (рис.6, *1*). У скелета взрослого человека отсутствуют обе лопатки, левая ключица, ребра левой половины грудной клетки, крестец. Ребра правой половины грудной клетки смещены. Инвентарь: стремена, нож. **Верхнепогромное-I, 1/3** (Шилов В.П., 1975, с.41-45, рис.32, *2*; 34; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *9*). У скелета подростка смещены все ребра грудной клетки. Обе лопатки и ключицы, а также шейные и поясничные позвонки на плане не отмечены, видимо, они отсутствуют. Остальные кости скелета, в том числе грудные позвонки потревожены не были. В заполнении могилы обломки черепа коня. Инвентарь: удила, стремена, пряжка, простые бляхи, обложенные золотой фольгой особые бляхи, бронзовые бубенчики, копоушки, птицевидные нашивки, привеска. **Верхнепогромное-I, 3/4** (Шилов В.П., 1975, с.49, 55, рис.37, *18*; 42, *1*; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *14*). In situ у скелета подростка сохранились череп, шейные и грудные позвонки, ребра, кости левой руки, таза, бедро левой ноги. Отсутствуют кисти обеих рук, правое крыло таза, крестец, поясничные позвонки, бедренные кости правой ноги, берцовые кости и стопы ног. На плане погребения выявлено явное смещение плечевой кости и предплечья правой руки. Они в состоянии сочленения с лопаткой и ключицей были отделены от остальной части туловища и перевернуты лопаткой вверх. Инвентарь: птицевидная нашивка и привески. **Верхний Балыклей-II, 7/1** (Скрипкин А.С., 1980, л.34; Яворская Л.В., 1997, с.158, рис.3; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *8*). Кости скелета женщины потревожены, но зафиксированная в отчете автором раскопок информация об этом не была включена в публикацию материалов комплекса. Череп человека разрушен. Грудные позвонки, кисти рук и стопы ног отсутствовали. Ребра, лопатки и кости рук смещены относительно позвоночного столба. При наличии скаковых конечностей, одна из которых была потревожена, в погребении также отсутствовал и череп коня. Инвентарь: стремена, нож, ножницы, браслеты, зеркало, бронзовые бляхи. **Зака-**

нальный, 4/4 (Мамонтов В.И., 1967, с.29, 34-36; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *3*). Череп женщины смещен и перевернут. Ребра левой половины грудной клетки, кисть левой руки и стопа правой ноги отсутствуют. Инвентарь: нож, ножницы, золотая обкладка особой бляхи, бронзовые птицевидные нашивки, копоушки и браслеты. **Калиновский, 1/3** (Шилов В.П., 1959, с.326, 329, рис.4, *6*; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *2*). Череп женщины был расколот по линии глазниц на две части, отсутствуют кисти рук. **Калиновский, 42/1** (Шилов В.П., 1959, с.373, рис.21, *5*, с.393; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *12*). Череп и скаковые конечности коня находились in situ в засыпи могилы. У скелета ребенка смещены плечевая кость и предплечье левой руки. Ребра грудной клетки, обе лопатки, ключицы, кисти и стопы обеих рук и ног отсутствуют. **Киляковка, 3/2** (Мыськов Е.П., 1993, с.71-74, рис.1, *9-15*; 2, *1-11*; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *3*). Нижняя челюсть черепа мужчины смещена. Несколько позвонков шейного и грудного отдела отсутствуют. Возможно, отсутствуют и кисти обеих рук. От шкуры коня сохранились кости задних конечностей и разбитый череп. Инвентарь: удила, стремена, колчан, наконечники стрел. **Колобовка-I, 6/1** (Мамонтов В.И., 1973, л.14-15; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *3*). Череп мужчины смещен и перевернут. На плане погребения не отмечены лопатки и ключицы погребенного. Череп коня разрушен, при наличии задних скаковых конечностей, кости передних не обнаружены. Инвентарь: стремена. **Комсомольский, 1/1** (Мамонтов В.И., 1976, л.4-5) (рис.2). In situ сохранились отдельные кости грудной клетки, плечевые кости обеих рук, локтевая кость левой руки взрослого человека. Берцовые кости и стопы ног разрушены грабительским лазом, также уничтожившим и нижерасположенное основное погребение кургана. Остальная часть захоронения не была затронута грабителями, однако предплечье правой руки, лучевая кость левой руки, кисти обеих рук, поясничные позвонки и тазовые кости отсутствовали, а череп, отдельные ребра, бедренные кости ног погребенного оказались смещены. При наличии черепа коня, находившегося над останками человека, костей скаковых конечностей в могиле обнаружено не было. Инвентарь: удила, накладки сложного лука, наконечники стрел. **Красный Яр, 17/1*** (Пшеничнюк А.Х., 1984, л.17-18). Нижняя челюсть погребенного мужчины смещена вправо, на черепе имеется пробитое круговое отверстие. Кисть и кости предплечья правой руки отсутствовали. Зафиксировано наличие фаланг лишь двух задних скаковых конечностей коня. Череп и передние скаковые конечности животного отсутствовали. Инвентарь: роговые накладки лука, железные наконечники стрел. **Кривая Лука-III, 1/11** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.32). У скелета юноши череп несколько приподнят, стопы ног отсутствуют. Инвентарь: кресало. **Кривая Лука-VI, 1/5** (Дворниченко В.В и др., 1977, с.61-62, 136, 172, 175, 178, рис.45; 81, *1*; 84, *4*; 87, *6*; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *7*). У скелета зрелого мужчины отсутствуют ключица, лопатка, ребра левой половины грудной клетки, кисти обеих рук. Плечевая кость и предплечье левой руки находятся в естественном сочленении. Кости правой руки смещены к позвоночному столбу. Перекрытие, прослеженное слева и справа над останками погребенного, непосредственно над скелетом не фиксировалось. Оно могло быть уничтожено только при разрушении костей грудной клетки скелета. При наличии сбруи, череп и скаковые конечности коня отсутствуют. Инвентарь: стремя, наконечники стрел, щиток пряжки. **Лбище, -/4** (Васильев Д.В., 1993, л.13-14; Круглов Е.В., 2001б, с.422, рис.15, *5-6*). Д.В.Васильевым, автором раскопок, был зафиксирован разворот верхней части скелета погребенного вправо. Кости правой руки, в состоянии сочленения с лопаткой и ключицей, оказались смещены к виску. Отмечено отсутствие кисти левой руки, плюсны и фаланг пальцев обеих ног. Инвентарь: удила, стремена, кресало, нож. **Ленинск, 3/7** (Шилов В.П., 1956, л.12-13; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *10*). Череп, плечевые кости рук скелета взрослого мужчины смещены. Кости предплечья правой руки, большинство ребер грудной клетки, лопатки и ключицы, поясничные позвонки, левое крыло таза, крестец, кисти рук, кости стопы левой ноги отсутствуют. При наличии в погребении копыта коня, череп и другие конечности отсутствуют. Инвентарь: обойма кармана сумки, бляхи, бронзовый наконечник стрелы. **Новоузенск, 2/1*** (Ким М.Г., 1977, л.25-26). Скелет погребенного потревожен. План захоронения (в отчете) и полевая фотография не соответствуют друг другу. Череп сдвинут и обращен лицевой стороной на север. Значительная часть ребер сдвинута, большая часть костей правой стороны грудной клетки смещены за череп человека. Лопатка и кости правой руки сдвинуты ближе к черепу и к позвоночному столбу. Кости левой руки, наоборот, отодвинуты в сторону от погребенного. Кисти рук и стопы ног отсутствуют. Инвентарь: остатки колчана с железными креплениями каркаса и костяной крышкой кармана, железные наконечники стрел. На крышке кармана колчана вырезано граффити. **Осинки-I, 4/1*** (Пятых Г.Г., 1975, л.3). Скелет погребенного частично разрушен. Отсутствуют: кости левой стороны грудной клетки, кисть правой руки, берцовые кости одной ноги и большая берцовая кость другой, стопы ног. Смещены: лопатка,

плечевая и кости предплечья правой руки, правое крыло таза. Инвентарь: железная пряжка. **Первомайский-VII, 12/3** (Мамонтов В.И., 2000б, с.15, рис.34, *7*; 38, *5-9*; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *2*). У скелета мужчины смещены череп и кости правой руки. Правая лопатка и ключица отсутствуют. При наличии скаковых конечностей шкуры и предметов сбруи, череп коня не был обнаружен. Инвентарь: стремена, колчан, наконечники стрел, накладки лука, соединительное кольцо. **Светлое Озеро, 6/6** (Ляхов С.В., 1997, с.219, рис.2, с.222; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *1*). Череп погребенного отодвинут от шейных позвонков, нижняя челюсть расположена отдельно. Плечевая кость правой руки находится на костях грудной клетки, кости предплечья отсутствуют. Крестец и правое крыло таза смещены к черепу. При наличии скаковых конечностей, отсутствует череп коня. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, нож. **Свинуха, 13**[19](Арзютов Н.К., 1930, с.11-12; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.199-200, 328, табл.XXV, *1-2, 6-12, 22*) (рис.7, *3-4*). Основное погребение. У скелета ребенка, лежащего в колоде, отсутствуют череп, кости левой руки, предплечье правой руки, берцовые кости и ступни ног. Кости таза и грудной клетки смешаны. In situ сохранились бедренные кости и плечевая кость правой руки. Инвентарь: удила, пряжка, игральные альчики, свинцовый грузик-пломба. **Солянка, 3/1** (Скворцов Н.Б., 2000, *л.*18-20; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *13*). Зафиксирован лаз в северную часть могильной ямы погребения. In situ сохранились кости таза, ног и позвоночного столба скелета мужчины. Нижняя челюсть смещена к левому плечу, остальные кости черепа отсутствовали. Плечевая кость и предплечье левой руки вместе с левой лопаткой и ключицей сдвинуты к тазу. Ребра левой половины грудной клетки, правые лопатка и ключица, плечевая кость правой руки, а также кисти обеих рук отсутствуют. Ребра правой половины грудной клетки и предплечье правой руки смещены к южной стенке могильной ямы. Налицо явно выборочный характер разрушения скелета погребенного, при котором непотревоженными остались кости позвоночного столба. При наличии стремян, костей коня не обнаружено. Инвентарь: стремена, колчан, накладки лука, бубенчик, нож. **Средняя Ахтуба, 1/5** (Шилов В.П., 1958, *л.*4; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *8*). Ребра грудной клетки скелета женщины перемешаны, кисти обеих рук отсутствуют. При наличии черепа коня, скаковые конечности шкуры отсутствуют. **Средняя Ахтуба, 3/5** (Шилов В.П., 1958, л.15) (рис.6, *10*). Скелет женщины лежал в гробу. Локтевая кость правой руки смещена к колену. Череп разрушен и смещен, ребра и позвонки на плане погребения не отмечены. Лопатки и ключицы не потревожены. Инвентарь: перстень и щиток пряжки. **Средняя Ахтуба, 3/6** (Шилов В.П., 1958, л.15-16) (рис.6, *12*). У скелета лежащей в гробу женщины отсутствуют предплечье левой руки, кисти рук. Череп смещен. **Старица, 21/5** (Шилов В.П., 1961, *л.*36-37; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *11-12*). У скелета женщины смещена часть ребер левой половины грудной клетки, отсутствуют кисти рук и стопы ног. Инвентарь: предметы сбруи, бронзовые бубенчики, птицевидные нашивки, ключи. **Степана Разина, 1/10** (Мерперт Н.Я., 1957, *л.*36-37; 1967, с.93; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *4*). Погребение взрослого человека с размерами карлика. Зубы сильно стерты, швы деформированного черепа срослись. In situ у скелета сохранились череп, плечевые кости рук, грудной и поясничный отделы позвоночного столба, таз и бедренные кости ног. Смещены ребра, шейные позвонки. Предплечье и кисти обеих рук, берцовые кости и стопы обеих ног, а также отдельные ребра и позвонки отсутствовали. Инвентарь: бронзовые серьга, птицевидные нашивки, привески, бубенчик, глиняный сосуд. **Степана Разина, 2/3** (Мерперт Н.Я., 1957, *л.*37; 1967, с.96-97). У скелета взрослого человека отсутствуют кисти обеих рук, разрушена нижняя челюсть, сдвинуты и перемешаны ребра левой половины грудной клетки, левые лопатка и ключица. **Степана Разина, 4/2** (Мерперт Н.Я., 1957, *л.*37; 1967, с.96-97) (рис.5, *1*). Верхняя часть скелета взрослого человека разрушена. Череп перевернут. Длинные кости рук, ребра, шейные и грудные позвонки смещены. Предплечье правой руки и кисти обеих рук отсутствуют. **Торгунское, 1/5** (Лукашов А.В., 1982, *л.*7-8; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *12*). В засыпи и на дне северо-западной части могильной ямы находи-

[19] К погребению приписываются хранящиеся в фондах СОМК (Инв. № 30425-30428) серебряная серьга и бляхи поясного набора, упоминание о которых в тексте полевого отчета Н.К.Арзютова, автора раскопок, отсутствует. Скаковые конечности коня из этого захоронения отчленены по 3-й сустав, что было характерно для золотоордынского времени, к которому относятся и все остальные средневековые погребения этого могильника. К IV хронологическому периоду относил это захоронение и Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.255, № 281). Не является ли использование данного памятника в составе огузо-печенежских древностей досадной ошибкой, а приписанный к нему инвентарь происходит из какого-то иного объекта?

лись разбросанные кости верхней части скелета взрослого человека. Остальные кости скелета отсутствуют. Инвентарь: бляхи и бубенчик. Сохранившиеся кости погребенного и вещи были обнаружены вне грабительского раскопа, уничтожившего всю остальную часть захоронения. **У-85** (Барун), **1/5** (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985, л.20-21; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *6*). На плане погребения зафиксировано смещение черепа, костей грудной клетки, плечевой кости правой руки скелета мужчины. Предплечье и кисть правой руки не отмечены. На скелете человека лежали кости коня: на груди – череп, на тазе и за ступнями – скаковые конечности растянутой шкуры. Инвентарь: золотая серьга, накладки лука, удила, наконечники стрел, нож, колчан, кресало, пряжки. **У-85** (Барун), **4/2** (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985, л.40, 44-46; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, *13*). У скелета мужчины отсутствуют кисти обеих рук. Предплечье правой руки смещено. Инвентарь: со шкурой коня – покрытые серебряными инкрустированными пластинами стремена, седло, украшенное декоративной бронзовой аппликацией и бляхами, с погребенным – бусина. **Царев, 23/1** (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993, с.203-204, рис.8, *8-11*; 9, *2*; 10, *3-5*; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *13*). Череп, лопатки и ключицы, ребра грудной клетки, позвонки скелета женщины смешаны в местах своего первоначального расположения. Возможно, отсутствовали тазовые кости, не отмеченные на плане. In situ сохранились только лишь кости рук и ног. Инвентарь: бляхи, колчан, наконечник стрелы, нож, глиняный сосуд. **Челкар-II, 8/1** (Кушаев Г.А., 1968) (рис.5, *5*). Юго-западная часть могильной ямы разрушена, частично срыта ступенька. Череп взрослого человека смещен и перевернут. Ключица, плечевая кость и предплечье правой руки в состоянии сочленения смещены, кисть правой руки отсутствует. Кости левой руки также смещены, предплечье и кисть – в сочленении. Левое крыло таза и часть ребер левой половины грудной клетки смещены. Череп коня разрушен, кости вынесены в насыпь. При наличии в погребении трех скаковых конечностей шкуры, кости четвертой конечности отсутствуют. Инвентарь: копье.

в. Смещение костей нижней части скелета, удаление костей

Ленинск, 4/4 (Шилов В.П., 1956, л.26-28; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *9*). In situ сохранились ребра, шейные и грудные позвонки, кости обеих рук и левой ноги скелета мужчины. Череп, лопатки, ключицы, поясничные позвонки, кисть правой руки, правое крыло таза, берцовые кости и стопа правой ноги отсутствуют. Крестец, левое крыло таза и бедренная кость правой ноги смещены. Потревожены череп и кости скаковых конечностей шкуры коня. Инвентарь: стремена, удила, фрагменты сабли, накладки лука, нож, пряжка и большое количество бронзовых блях. **Никольевка, -/1**[20] (Цыбин М.В., 1986, с.257, 260, рис.2, *2*) (рис.6, *13*). У скелета взрослого человека были смещены бедренные и берцовые кости ног. Ребра, позвонки, предплечья, кисти обеих рук, таз и стопы ног отсутствуют. Кости коня разделены на две части: череп и передние конечности располагаются in situ на ступеньке, задние конечности смещены и находятся на дне ямы вместе с погребенным. Та часть ступеньки, где они первоначально должны были бы располагаться, срыта. Инвентарь: удила, стремена.

г. Смещение костей верхней и нижней частей скелета, удаление отдельных костей

Волчанский, 6/1 (Васильева И.Н., 1985, с.173-178, рис.1; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *5*). Скелет мужчины сильно разрушен. In situ сохранились отдельные кости ребер, предплечья рук, кисть правой руки, крестец, правое крыло таза, бедренная кость правой ноги человека, под которыми была зафиксирована подстилка из коры. Бедренная кость левой ноги погребенного смещена. Рядом с этими костями находились не отмеченные авторами раскопок на плане захоронения остатки черепа человека, а также лежащие в общей куче лопатки, позвонки, скаковые конечности, копыта и остатки черепа коня. Плечевые кости рук, большая часть ребер и позвонков грудного отдела, кисть левой руки, левое крыло таза, берцовые кости и стопы ног погребенного отсутствовали. И.Н.Васильева, опубликовавшая материалы этого памятника, объясняет разрушение захоронения исключительно только

[20] Бескурганное грунтовое погребение датировано X-XI вв., но основания для этого только стратиграфические – захоронение было перекрыто слоем славяно-русского поселения XII-XIII вв. (Цыбин М.В., 1986, с.257). Отчленение скаковых конечностей коня по 3-й сустав говорит о его довольно поздней дате. Возможно, это – памятник кочевников черноклобуцкого круга XI-XII вв. В этом случае использование его среди огузо-печенежских материалов является ошибкой.

деятельностью землеройных грызунов. Но как грызуны могли сместить череп человека, сложить в одну кучу череп и кости коня и куда-то деть остальные кости погребенного, она оставила без объяснения. Инвентарь: стремена, кресало, колчан, наконечники стрел, нож. **Громки, 3/1** (Мамонтов В.И., 1977, л.20; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *2*). Череп, кости правой руки и ног скелета мужчины смещены. Кисти рук и тазовые кости отсутствуют. In situ сохранились кости левой руки, ребра и позвонки. **Красный Октябрь, 1/2,** Волгогр.обл. (Новожилов В.В., Клепиков В.М., 1997, с.65, 77, 79, рис.8, *2*; 10, *5-8*; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *1*). Череп скелета погребенного мужчины раздроблен. Шейные и грудные позвонки удалены вместе с лопатками. Несколько ребер смещены. Отсутствует кисть левой руки. Берцовые кости и стопы ног раздроблены и разбросаны по дну могилы на месте первоначального расположения, часть костей удалена. Над погребенным находились передние скаковые конечности шкуры коня в сочленении (находка в насыпи Г), без черепа и задних конечностей. Инвентарь: накладки лука, колчан, наконечники стрел. **Ленинск, 3/2** (Шилов В.П., 1956, л.6, 8-9; Круглов Е.В., 2001, с.420, рис.14, *9*). Череп, плечевая кость и предплечье левой руки, часть ребер, бедро левой ноги смещены. Часть ребер, позвонки, плечевая кость и предплечье правой руки, кисти рук и стопа левой ноги скелета отсутствуют. In situ сохранились тазовые кости, бедренная, берцовые кости и стопа правой ноги. Обнаруженные в засыпи могилы кости копыт и скаковых конечностей коня потревожены, череп отсутствовал. Инвентарь: стремена, фрагменты сабли, накладки лука, наконечники стрел, бляха, пряжки. **Маляевка-V, 6/1** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.17-18, 43, рис.3, *4*; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *12*). Заполнение могильной ямы было до глубины -1,05 м потревожено грабительской воронкой. Располагавшиеся на перекрытии череп и скаковые конечности шкуры коня были перемещены в заполнение соседнего захоронения. До дна могилы 6/1 (-1,35 м) грабители не дошли. Тем не менее, обнаруженные кости скелета мужчины оказались потревожены. Череп погребенного был смещен. Лопатки, ключицы, верхняя часть ребер, шейные и грудные позвонки, плечевые кости и кисти рук, берцовые кости и стопы ног отсутствовали. In situ сохранились поясничные позвонки, нижняя часть ребер, предплечья рук, таз и бедренные кости ног. Инвентарь: стремена, нож, пряжка, остатки колчана. **Маяк Октября-90, 1/1** (Комаров А.М. и др., 1990, л.18-19; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *15*; 14, *1*[21]). Нижняя челюсть черепа женщины, шейные и грудные позвонки смещены к ребрам правой стороны грудной клетки, один позвонок находился между ног. Берцовые кости правой ноги отсутствуют, стопа этой ноги оказалась смещена. При наличии предметов сбруи и фаланги одной скаковой конечности коня, череп и остатки других конечностей отсутствуют. Инвентарь: стремя, бубенчики, зеркало, нож, кинжал. **Мирное, 1/6** (Ляхов С.В., 1997, с.225-226, 228, рис.5; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *6*). Скелет ребенка сильно поврежден. Бедренная кость правой ноги смещена. На плане погребения отсутствуют позвонки, предплечья и кисти обеих рук, правое крыло таза, берцовые кости и стопы обеих ног. Остальные кости скелета не потревожены. Среди них был собран разнообразный инвентарь: птицевидные нашивки, привески, бубенчики, перстень, бусы, костяные ложка, ковш, пряжка и пронизка. **Сухая Саратовка, 1/5** (Галкин Л.Л., 1975, л.2-4; Ляхов С.В., 1997, с.226-227, 229, рис.6; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *1, 2*). Кости рук, ребра, тазовые и берцовые кости и стопы ног скелета женщины отсутствовали. In situ сохранились отдельные кости черепа, позвоночный столб, бедренные кости ног. В засыпи могилы на деревянном перекрытии in situ были зафиксированы череп и кости скаковых конечностей растянутой шкуры коня. Инвентарь: ножницы, зеркало, бубенчики, птицевидные нашивки, привески, бусы, бляхи. **Трясиновский, 1/1** (Мышкин В.Н., Турецкий М.А., 1993, с.27-29, рис.1, *1-5*; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *3*). У скелета взрослого человека отсутствуют лопатка и большинство ребер левой половины грудной клетки, предплечье левой руки, кисти обеих рук, стопа левой ноги. Отдельные ребра правой половины грудной клетки смещены. Берцовая кость левой ноги разрушена, возможно, была сломана. Череп коня разрушен, от него сохранились лежащие поверх правой плечевой кости десять зубов. Сохранились три из четырех скаковых конечностей шкуры коня. Инвентарь: стремена, нож и пряжка. **Эвдык-I, 7/8** (Шилов В.П., 1983, л.7; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *11*). Большинство костей скелета ребенка отсутствовали, череп смещен. In situ сохранились берцовые кости ног, по которым определены поза и ориентировка погребенного, остатки органической подстилки. Над скелетом – смещенные череп коня без нижней

[21] В данном издании план погребения воспроизведен дважды. Подпись к рис.14, *1* содержит досадную опечатку.

челюсти и две скаковые конечности шкуры. Инвентарь: удила, стремена.

д. Смещение костей верхней и нижней частей скелета, связывание ног

Рубежка, -/3 (Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980, с.300, рис.1; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, *10*). Череп мужчины перевернут, его нижняя челюсть смещена к левому крылу таза и предплечью левой руки. Бедренные кости ног перекрещены выше колен. Отсутствие ребер и смещение берцовых костей обеих ног у погребенного на плане захоронения, опубликованном авторами раскопок, не подтверждается полевой фотографией памятника. На фото ясно видны все ребра, и зафиксировано смещение только лишь большеберцовых костей, малоберцовые, продолжавшие направление бедренных костей, сохранили расположение in situ. Рядом с черепом человека находились разрушенные кости черепа коня. Скаковые конечности шкуры не зафиксированы. Инвентарь: удила, нож, пряжки, накладка лука, фрагменты керамики.

е. Смещение костей верхней части скелета, удаление отдельных костей, связывание ног

Нежинское, 1/4 (Кривцова-Гракова О.А., 1928, с.288, рис.1) (рис.5, *6*). Плечевая кость и предплечье правой руки погребенного мужчины, ребра правой стороны грудной клетки смещены. Кисти рук, тазовые кости, крестец, стопы обеих ног на плане отсутствуют. Кости ног согнуты в коленях вправо и сведены голеностопными суставами. При наличии черепа коня, кости скаковых конечностей шкуры отсутствуют. Инвентарь: удила, пряжки, бляхи. **Степана Разина, 4/3** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97). Скелет взрослого человека развернут на правый бок. Ключицы и лопатки плечевых отделов, кисти рук погребенного отсутствуют. Кости грудной клетки смещены. Ноги согнуты в коленях.

ж. Смещение костей верхней и нижней частей скелета, удаление отдельных костей, связывание ног

Кировский-II, 2/2 (Васильева И.Н., 1979, с.232-233, рис.16) (рис.5, *10*). Кости обеих рук, лопатка, ключица и ребра левой стороны грудной клетки, правое крыло таза, берцовые кости правой ноги у скелета взрослого человека отсутствуют. Ребра правой стороны грудной клетки смещены. Кости левой ноги погребенного согнуты в коленном суставе. Кости черепа, правая лопатка и ключица, шейные и грудные позвонки сохранились в сочленении. В сочленении находились и поясничные позвонки, крестец и левое крыло таза, кости левой ноги, бедренная кость правой. Кости верхней и нижней частей скелета между грудными и поясничными позвонками смещены относительно друг друга. Смещение составляет 0,3-0,4 м и не может быть связано с деятельностью грызунов. Видимо, еще до полного истлевания мягких тканей и связок скелет погребенного непосредственно в могильной яме был рассечен и растянут на две части. Верхние поясничные позвонки были расположены с некоторым изгибом по отношению к основной оси скелета. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, бляхи. **Успенка, -/1** (Шнайдштейн Е.В., 1989, с.269-271, рис.1; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *16*). Грунтовое бескурганное погребение было случайно обнаружено на склоне оврага на самом краю первой надпойменной террасы левого берега р. Ахтуба. Южная сторона могильной ямы была разрушена современной траншеей, в которой еще до начала раскопок оказались отдельные кости черепа и скаковых конечностей коня, характер и местоположение которых остались не выясненными. In situ у скелета женщины сохранились череп, ребра правой стороны грудной клетки, поясничные позвонки, кости обеих рук, таза и бедер. Зафиксировано смещение костей левой стороны грудной клетки, грудных и шейных позвонков, ребер. Берцовые кости и стопа левой ноги отсутствуют. Частично сохранилась смещенная большеберцовая кость правой ноги, возможно, сломанная. Пяточная кость правой ноги была обожжена. Е.В.Шнайдштейн, автор раскопок, предположила, что разрушенные ниже колен кости ног погребенной могли быть связаны кожаным ремнем, украшенным 67 серебряными бляхами, но, судя по известным аналогиям, вполне вероятно, что данные бляхи могли быть и остатками украшений кожаных сапог. Инвентарь: серебряные серьга и перстень, бронзовые браслеты, обтянутые золотой фольгой особые бляхи, 225 серебряных блях, 973 бисерины, нож, ножницы (рис.8, *1-21*).

з. Переворачивание тела, смещение костей верхней и нижней частей скелета, удаление отдельных костей, связывание ног

Кара Оба, 10/1 (Синицын И.В., 1952, с.72, рис.30; 1956, 130-131) (рис.5, *7*). В засыпи могильной ямы зафиксировано пятно перекопа, при расчистке которого обнаружены смещенные сюда кости скелета человека: тазовые, бедро левой ноги, поясничные позвонки, крестец. Здесь же был обна-

ружен глиняный сосуд. На дне могильной ямы in situ обнаружены остальные кости скелета мужчины, лежащего на животе, лицом вниз. Кисти рук упирались в дно, локти подняты вверх. Кости ног ниже колен перекрещены. Инвентарь: колчан, соединительные кольца, пряжка, накладки лука, наконечники стрел.

6. Значительное или полное разрушение (смещение) останков погребенных

Акбулак (Зарецкий И.А., 1941, с.153). При раскопках колодцем небольшого кургана был обнаружен полностью разрушенный скелет взрослого человека, перекрытый песчаниковыми плитами. На поверхности плит были найдены обломки черепа коня. Инвентарь: с человеком – фрагменты железных предметов; с конем – фрагменты удил, стремян, соединительные кольца, костяной наконечник стрелы, бронзовые пряжка и бляхи. **Бахтияровка-II, 55/5** (Кригер В.А., 1983, л.23, 27-28; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *14*). В засыпи могильной ямы зафиксированы остатки деревянного перекрытия. На нем располагались кости коня: у западного края череп, от которого сохранились только небольшие фрагменты и зубы, в центре и у восточного края – скаковые конечности растянутой шкуры. На дне ямы – полностью разрушенный скелет мужчины, кости которого, однако, были не беспорядочно разбросаны, а только лишь слегка потревожены непосредственно на местах их первоначального расположения. Поза и ориентировка погребенного определены. Прослежены следы камышовой подстилки. Инвентарь: стремена, наконечники стрел, сабля, колчан, кресало, кремень, черешки стрел, пряжка, бляхи. В северо-восточном углу могилы in situ обнаружены кожаные подпружные ремни, украшенные набором бронзовых блях и решм. **Большой Царын, 3/5** (Цуцкин Е.В., 1977, л.19). Ниже воронки позднего перекопа на одной глубине были обнаружены сильно потревоженные кости скелета взрослого человека, по расположению которых была установлена ориентировка погребенного. Инвентарь: бронзовые бляхи, свинцовый грузик-пломба. **Быково-I, 21/3** (Мерперт Н.Я., 1957, л.7-8; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *6*). Скелет взрослого человека, сопровождаемого конем, оказался полностью разрушен. Поза и ориентировка его, предположительно, были определены. Инвентарь: удила, седло. **Верхнепогромное-II, 15/2** (Шилов В.П., 1957, л.71-72). Отмечена плохая сохранность большинства костей скелета ребенка, характер которой в условиях отсутствия плана погребения не определен. Инвентарь: птицевидные нашивки, привески, зеркало. **Дюкер, 27/5** (Цуцкин Е.В., 1982, л.112-115). Скелет взрослого человека был полностью разрушен. Ориентировка погребенного установлена. В заполнении и среди костей человека находились череп и скаковые конечности коня. Прослежены остатки деревянного перекрытия и подстилки. Инвентарь: стремена, бляха. **Жарсуат-I, 1/2** (Железчиков Б.Ф., 1998, с.58, рис.38, *2*). Погребение обнаружено в заполнении могильной ямы более раннего захоронения. Полностью перемешанные кости скелета взрослого человека и остатки инвентаря находились в полном беспорядке на дне ямы. По сохранившимся in situ берцовым костям ног поза и ориентация погребенного установлены. Зафиксировано наличие деревянного перекрытия и расположенных на нем скаковых конечностей коня, количество которых не было определено. Череп коня не зафиксирован. Инвентарь: кресало, костяной наконечник стрелы. **Калиновский, 4/1** (Шилов В.П., 1959, с.340, рис.9, *1*; 66, *26*; 67, *5, 11-12*; 69, *1-4, 8-9, 14*; 71, *10*). Захоронение мужчины было полностью разрушено. Ориентировка и поза погребенного не установлены. Грабительским раскопом уничтожена восточная часть могильной ямы. Останки скелета человека, барана, скаковые конечности разрушенной шкуры коня, а также весь инвентарь: стремена, кресало, нож, пряжка и бляхи были обнаружены в полностью перемешанном состоянии в западной и центральной частях могильной ямы вне грабительского раскопа. В засыпи этой части ямы был обнаружен череп коня без нижней челюсти, заполнение ямы имело обычный темный цвет и было насыщено обильными вкраплениями углей. **Калиновский, 9/3** (Шилов В.П., 1959, с.339, рис.9, *1*, с.356; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *11*). Кости скелета подростка находились в полном беспорядке. Череп и верхние позвонки были обожжены. Ориентировка и поза погребенной установлены. Инвентарь: привеска. **Капитанский, 11/1** (Шилов В.П., 1964, л.26-27). Останки скелета взрослого человека и череп коня полностью перемешаны на местах своего первоначального расположения. Инвентарь: фрагменты стремян, пряжки, наконечник стрелы, накладки лука. **Карасу-I, 1/1** (Кушаев Г.А., 1974, л.21-29) (рис.4, *6*). В центре насыпи – воронка. Скелет мужчины и шкура коня полностью разрушены. Скаковые конечности коня были разбросаны на разной глубине в засыпи ямы. Скопление костей человека и череп коня обнаружены на дне ямы. По сохранившейся in situ бедренной кости правой ноги погребенного его поза и ориентировка были установлены. Инвентарь: удила, стремена, пряжка, копье, фрагменты сабли, наконечник стрелы, кольчужные кольца, накладки лука, колчан, накладки передней луки седла. **Карасу-I, 4/6 Б** (Кушаев Г.А., 1974, л.21-29) (рис.4, *2*). Погребение на-

ходилось в заполнении могильной ямы захоронения 6 А раннего железного века. Все кости скелета человека, а также череп и скаковые конечности коня, могильный инвентарь находились на одной глубине. Скелет человека был полностью разрушен, но его разбросанные останки сохраняли определенную степень упорядоченности. Череп находился у восточной стенки, возможно, скелет до разрушения был ориентирован на СВ. Перемешанные ребра правой и левой половин грудной клетки располагались отдельно друг от друга по обе стороны от сохранивших положение in situ позвонков. Кости ног, таз и крестец смещены к черепу, а кости рук концентрировались по центру ямы. Севернее костей человека располагались скаковые конечности коня, также лежащие в положении in situ. Передние скаковые конечности вместе со стременем находились в центре ямы, задние – у восточной стенки. Остатки черепа коня обнаружены в центре. Инвентарь: птицевидная нашивка, бубенчик, нож, накладки лука. **Киляковка, 4/2** (Мыськов Е.П., 1993, с.73, 79-80, рис.2, 12-16; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *17*). Кости скелета женщины, скаковые конечности коня, бронзовые бляхи и некоторые другие невыразительные остатки погребального инвентаря обнаружены как в заполнении, так и на дне могилы. На дне ямы фиксировались остатки растительной подстилки и угли. **Кривая Лука-III, 1/23** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.36, 172, 178, 180-181, рис.22; 81, *2*; 87, *3, 5;* 89, *3;* 90; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *8*). Кости скелета мужчины, череп и кости скаковых конечностей шкуры коня были полностью перемешаны на местах первоначального расположения. In situ сохранилась правая стопа погребенного, по положению которой была установлена его ориентировка. На дне ямы – камышовая подстилка, в заполнении, на перекрытии – череп и одна скаковая конечность коня. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы, оббивка верхнего края деревянного сосуда, бляхи и соединительное кольцо. **Кривая Лука-XV, 2/9** (Дворниченко В.В. и др., 1975, л.184-185). Кости скелета мужчины, лежащего в дощатом гробу, а также череп и конечности шкуры коня разрушены. In situ сохранились большая берцовая кость правой ноги и малая берцовая левой, по которым установлены поза и ориентировка погребенного. Инвентарь: смещенные пять фрагментов концевых и две, лежащие in situ, срединные накладки лука, колчан, наконечник стрелы, пряжка. **Покровка-II, 1/1** (Веддер Дж. и др., 1993, с.23-24, 26, 90, рис.22; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *4*). Могильная яма имеет форму трапеции, ограниченную размерами 1,1х0,8х0,6 м, заполнение которой состояло из супеси, насыщенной вкраплениями угля и древесного тлена. В яме расчищены останки скелета взрослого мужчины, аккуратно уложенные плотным скоплением. Среди костей найдена бронзовая пряжка. Авторы раскопок интерпретируют комплекс как вторичное перезахоронение. **Сары Айдин, 4/1** (Синицын И.В., 1956, с.101). Скелет человека разрушен. Инвентарь: нож. **Солодовка, 5/4** (Мыськов Е.П., 1993, с.81-83, рис.5, *10-17*; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *4*[22]). Кости скелета мужчины были полностью перемешаны на местах первоначального расположения. Ориентировка погребенного определена предположительно. В западной части ямы над костями человека in situ обнаружены кости черепа, а в восточной части – четыре смещенные скаковые конечности и копыта сложенной шкуры коня. На черепе животного находились бронзовые бляхи уздечных ремней. С погребенным: накладка лука, наконечники стрел, колчан. **Старица, 21/3** (Шилов В.П., 1961, л.32, 34; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *3*). Останки скелета мужчины перемешаны в местах своего первоначального расположения. Отдельные кости скелета находились в сочленении. Поза и ориентировка погребенного установлены. Прослежены остатки растительной подстилки. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, нож, пряжка. **Степана Разина, 4/1** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.97). Погребение разрушено. Сложенные кости скелета взрослого человека обнаружены у более широкой стенки могильной ямы. **Тамар Уткуль** (Кумакский, также Черный Яр), **1** (Смирнов К.Ф., 1956, л.29-30). Основное погребение было полностью разрушено ямой, в своих размерах практически полностью совпадавшей с размерами самой могилы. Ее заполнение состояло из большого количества пережженной земли, древесного угля, кусков тонких необожженных кольев и хвороста, остатков деревянного поперечного перекрытия. В заполнении этой ямы, располагаясь на остатках перекрытия, были выявлены разбросанные, но хорошо сохранившиеся обломки черепа, копыт, пальцевых и пястных фаланг двух скаковых конечностей коня. Костей двух других скаковых конечностей зафиксировано не было. Частично вместе с костями коня, частично на дне могильной ямы, на месте первоначального естественного расположения находились разбросанные кости скелета взрослого мужчины, имевшие довольно хорошую сохранность. Их общее расположение позволило автору раскопок установить позу и ориентировку погребенного. Череп коня покрыт

[22] План погребения в данном издании по ошибке был перевернут.

обрывками кожаных уздечных ремней, в свое время украшенных бронзовыми и серебряными бляхами, из которых, однако, удалось сохранить только одну. Все остальные предметы инвентаря также были собраны среди костей человека и коня: обкладки боковых граней полок седла, железные пряжка и соединительное кольцо, остатки колчана с железными креплениями каркаса и костяной накладкой кармана, срединная и фронтальная тыльная накладки лука, золотая серьга. Семь железных наконечников стрел найдены в колчане в положении in situ. **Ханата, 5/18** (Шнайдштейн Е.В., 1985, с.79; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *7*). Останки скелета взрослого человека, череп и скаковые конечности коня полностью перемешаны на местах своего первоначального расположения. Ориентировки человека и коня определены. Инвентарь: бронзовые бляхи. **Шульц** (Красный Октябрь), **F 10/16** (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.188). Обнаружено полностью перемешанное скопление костей скелета человека и скаковых конечностей коня. Инвентарь: удила, бляхи.

Б. Особенности сохранности останков погребенных в совместных и коллективном захоронениях кочевников Северного Прикаспия

Совместные захоронения относятся к особым типам погребений средневековых кочевников. Различаются:

– разновременные парные подзахоронения одного погребения к другому в одну могильную яму: Калиновский, 28/1 и 28/2; Кос Оба, 11/1 и 11/2; У-85 (Барун), 3/3 и 3/4; Эльтон-85, 7/2, скелеты 1 и 2;

– одновременные двойные (Вертячий, 7/5, скелеты 1 и 2; Заплавное-I, 3/6; скелеты 1 и 2; Колобовка-III, 1/3, скелеты 1 и 2) и коллективные погребения (Старица, 30/4, скелеты 1-4);

– неопределенные парные (Никольское-V, 1/4, скелеты 1 и 2) и двойные (Карасу-I, 24/1 и 24/2; Покровка-VIII, 1/8 и 1/9).

По степени сохранности останков выделяются непотревоженные и разрушенные (полностью или частично) погребения.

1. Полностью разрушенные погребения

Карасу-I, 24/1 и 24/2 (Кушаев Г.А., 1975, л.44) (рис.5, *8*). Основное погребение 24/2 принадлежит взрослому человеку, сопровождаемому останками скаковых конечностей коня, зафиксированных на разных глубинах в засыпи могильной ямы. Наличие черепа коня не оговаривается. Впускное захоронение 24/1 принадлежит ребенку и располагается в засыпи основного. По расположению отдельных костей скелета была определена ориентировка погребения 24/2. Инвентарь: фрагменты железных удил и нож. **Покровка-VIII, 1/8 и 1/9** (Веддер Дж. и др., 1993, с.32, 98, рис.31, *1*; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, *18*). В насыпи кургана на одной глубине обнаружены лежащие в сочленении берцовые кости ног, обломки бедер и другие кости скелета мужчины (1/8). Вместе с ними на той же глубине находились фрагменты костей ребенка 8-9 лет (1/9). Инвентарь: свинцовый грузик-пломба.

2. С полностью или частично разрушенным одним погребением и частично разрушенным вторым

Заплавное-I, 3/6 (Шилов В.П., 1958, л.35-37; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, *6*). Двойное захоронение женщины (скелет 1) и ребенка грудного возраста (скелет 2). У останков женщины разрушен череп, отсутствует одна из костей правого предплечья (к сожалению, ни по чертежу, ни по тексту непонятно, какая именно) и, возможно, кисти рук. От останков младенца сохранился разрушенный череп, информации о наличии каких либо других костей нет. Инвентарь: удила, стремена, ножницы, бронзовые бубенчики, копоушки, птицевидная нашивка. **Колобовка-III, 1/3** (Сергацков И.В., 1999, л.13-16; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, *5-6*). Двойное захоронение мужчины 20-22 лет (скелет 1) и ребенка 3 лет (скелет 2). У скелета мужчины были потревожены и смещены шейные позвонки и все ребра. Кисти обеих рук, лопатки и ключицы на плане не отмечены, возможно, они отсутствовали. В положении in situ сохранились кости черепа, грудные и поясничные позвонки, кости обеих рук и таза. Налицо явное выборочное разрушение одних отделов скелета при сохранении других. Кости ног сближены и сведены в голеностопных суставах, возможно, в момент захоронения они были связаны. Зафиксировано разрушение и останков ребенка, лежащего вдоль правой ноги взрослого. Возможно, in situ сохранились верхняя часть его черепа, кости левой руки и таза. Ребра, позвонки, кости ног и правой руки смещены. На перекрытии в заполнении ямы располагались череп коня, покрытый бронзовыми бляхами, а также кости скаковых конечностей шкуры. Задние находились в центре ямы, а передние лежали под черепом коня. С конем: удила, стремена. Ремни сбруи покрыты многочисленными серебряными бляхами. В заполнении могильной ямы обнаружен отдельно лежащий железный наконечник стрелы. С погребенным: нож, наконечники стрел, остатки колчана, накладки лука,

поясные бляха и пряжка. **Кос Оба, 11/1 и 11/2** (Кригер В.А., 1979, с.175, рис.1; Железчиков Б.Ф., 1998, с.16, рис.9, *2, 5, 7, 12-24, 17*; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *9*). Останки скелета взрослого человека из п.11/1 расположены на гл. 1,1 м от поверхности и были полностью перемешаны на месте своего первоначального расположения. Поза и ориентировка погребенного определены. Над ним, на глубине 0,3-0,9 м от поверхности фиксировались кости коня: обломок копыта, шесть позвонков, обломок челюсти, плечевой эпифиз. Погребение 11/2 располагалось на глубине 1 м от поверхности, в 0,4 м к югу от п.11/1. Череп скелета мужчины был отделен от шейных позвонков и перевернут, предплечье левой руки, кисти обеих рук и крестец отсутствовали. Факт наличия в данном погребении только одной задней скаковой конечности коня (Кригер В.А., 1979, с.175) не подтверждается текстом отчета и повторной публикацией материалов данного памятника (Железчиков Б.Ф., 1998, с.16), в которых речь идет об обнаружении между ног погребенного копыта, таранной кости, двух фаланг, трех базиподий и трех путовых конечностей коня, лежащих в сочленении. При наличии костей трех скаковых конечностей сложенной на ногах человека шкуры коня, череп и кости еще одной скаковой конечности отсутствовали. Инвентарь: колчан, накладка лука, костяной наконечник стрелы, пряжка. **Старица, 30/4** (Шилов В.П., 1961, л.98-102; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, *7-8*). В насыпи кургана эпохи бронзы на глубине 2,2 м от поверхности находилось коллективное захоронение останков четырех человек. Форма могильной ямы достоверно не прослежена. На остатках деревянных перекрытий над погребенными покоились четыре конских черепа, в ногах скелетов in situ находились скаковые конечности сложенных шкур. Череп и кости конечностей пятого коня лежали в засыпи еще выше и были разрушены. Все погребенные взрослые, лежали вытянуто на спине, ориентированы на СЗ. У скелета женщины (1) отсутствовали кости верхней части черепа, ребра левой половины грудной клетки, левая рука, левое крыло таза, кисть правой руки. In situ сохранились кости правой половины грудной клетки, позвонки, плечевая кость и предплечье правой руки, правое крыло таза, кости и стопы ног. Нижняя челюсть смещена и располагалась на плечевой кости правой руки. От мужского скелета (2) не сохранились череп, тазовые кости, кости позвоночного столба, отдельные ребра. Локтевая кость левой руки несколько смещена. Все остальные кости сохранились. От женского скелета (3) не сохранились череп, кости правой руки, кисть левой руки, поясничные позвонки, бедренная кость правой ноги. Левая нога слегка согнута в колене, стопы ног соприкасались, видимо, были связаны. Тазовые кости смещены. In situ сохранились кости левой руки без кисти, ребра грудной клетки, шейные и грудные позвонки, кости левой ноги, берцовые кости правой ноги, стопы. От скелета, пол которого остался неопределенным (4), in situ сохранились только берцовые кости ног. Череп, плечевая кость правой руки, часть ребер и позвонков, кисти рук, тазовые кости, стопы ног отсутствовали. Плечевая кость левой руки, предплечья обеих рук, часть ребер и позвонков, лопатки, бедренные кости обеих ног были смещены в местах своего первоначального расположения. Инвентарь: стремена, пряжки, колчан, наконечники стрел, кресало, ножи, копоушка. Ранее я полагал, что здесь мы имеем дело с многократным проникновением в могилу для совершения дополнительных подзахоронений, во время которых более ранние погребения преднамеренно разрушались (Круглов Е.В., 2001а, с.61). Ознакомление с другими известными случаями разрушения коллективных захоронений подсказало возможность и иной интерпретации данного комплекса, как одновременного захоронения всех умерших с последующим таким же одновременным разрушением их скелетизированных останков со смещением и удалением из могилы некоторых костей. **У-85** (Барун), **3/3 и 3/4** (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985, л.31, 35-37; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, *10*). Скелет юноши (3/3) был обнаружен на глубине 1,2 м от поверхности насыпи на спине, вытянуто, головой на ЮВ. Кисть левой руки и стопа левой ноги отсутствовали. Инвентарь: колчан, наконечники стрел. Скелет мужчины 40 лет (3/4) находился в 0,15 м от п.3/3, на глубине 0,8 м от поверхности, также на спине, вытянуто, но головой на ЮЗ. Берцовые кости левой ноги отсутствуют. На останках погребенного лежали кости коня. На плане отмечены череп и одна скаковая конечность. Инвентарь: удила, стремена, деревянная чаша, остатки колчана, наконечник стрелы, пряжка, накладки лука, соединительные кольца с обоймами. **Эльтон-85, 7/2** (Лукашов А.В., 1985, л.4-5; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, *1*). В материалах данного погребения под одним номером были объединены два разновременных погребения-подзахоронения. Частично разрушенный скелет взрослого человека (1) был найден на глубине 1,06 м. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на З. Отсутствуют кости левого крыла таза, левой ноги, предплечья обеих рук и стопы обеих ног. На расстоянии 0,15 м к северо-востоку на глубине 1,16 м находился еще один скелет взрослого человека (2). Он также лежал на спине, вытянуто, позвоночным столбом на З. Кости левой руки отсутствовали, от правой сохранилась плечевая кость. Нет стопы

правой ноги. Над скелетом зафиксировано дерево от перекрытия. Отделенный от позвоночного столба череп обнаружен рядом со скелетом 1 на глубине 0,95 м от поверхности. В ногах, у локтя правой руки, у правого колена, а также на месте смещенного черепа in situ располагались копыта и фаланги скаковых конечностей шкуры коня, уложенной непосредственно на останки погребенного. Черепа коня обнаружено не было (рис.9, *3*). Инвентарь: бронзовая бляха.

3. С полностью или частично разрушенным одним погребением и полностью сохранным вторым

Вертячий, 7/5 (Мамонтов В.И., 1979, л.8-9) (рис.6, *14*). Впускное парное погребение в кургане. На дне могилы – скелеты взрослого мужчины и подростка, лежащих вытянуто на спине, но ориентированных в противоположные друг от друга стороны, взрослый – на З, подросток – на В. Скелет взрослого человека (1) не имеет признаков какого-либо разрушения. Череп скелета подростка (2) смещен и перевернут. Бедренная кость его правой ноги сломана или разрублена. Инвентарь: с останками мужчины – колчан, наконечники стрел, кожаная сумка, с подростком – кресало и кремень. **Калиновский, 28/1 и 28/2** (Шилов В.П., 1959, с.383-386, рис.25, *2*; 26, *3*; 60, *9, 12-13*; 61, *9, 12-16*; 62, *8-9, 14, 20, 33*; 65; Круглов Е.В., 2001б, с.426, рис.17, *1-3*). Осознание причастности исследованных в к.28 обоих погребений к одной этнокультурной группе памятников долгое время тормозилось отсутствием соответствующих аналогий. В настоящее время памятник, обладающий крайне богатой библиографией, органично вписывается в структуру древностей именно огузского круга. В полностью исследованном Калиновском могильнике к.28 располагался между к.4 и 30, в самом центре цепочки насыпей, содержащих впускные погребения 2-й пол.IX – нач.XI в. Его диаметр 8, а высота 0,32 м. Исследованные погребения выявлены непосредственно друг над другом. Впускное п.28/1 было ориентировано длинной осью по линии ЮЗЗ-СВВ. Оно прорезало по диагонали до отметки – 0,06 м в материке (0,62 м от поверхности) верхнюю часть засыпи ямы основного п.28/2, ориентированного по линии СЗ-ЮВ. Случайным такое взаиморасположение захоронений в столь маленьком кургане быть не может. Отклонение ориентировки длинных осей могильных ям, вызвавшее нарушение одной ямы другой, объясняется сезонной разновременностью комплексов. Поскольку скелет п.28/1 принадлежал женщине старческого возраста, а скелет п.28/2 – мужчине, можно предположить, что они составляли одну семейную пару. Информации о нарушениях сохранности костных останков скелета п.28/1 при отсутствии плана погребения не имеется. Могильного инвентаря нет. В засыпи п.28/2, на уровне дна п.28/1 располагался плохо сохранившийся череп коня, характер разрушения которого остался не выяснен. Челюсти черепа окрашены окисью бронзы. Кости скаковых конечностей шкуры отсутствовали. В засыпи ямы найдены железные удила. Заполнение могильных ям обоих погребений состояло из однородных комков красной обожженной глины, порой ошлакованных, перемешанных с кусками древесного угля, золы, обгорелыми обломками дерева и песком. В некоторых местах на обожженной обмазке фиксировались отпечатки жердей и камыша. В.П.Шилов, автор раскопок памятника, интерпретировал указанные фрагменты остатками печки или жертвенника. В засыпи ямы, на глубине 0,7-0,95 м от дна, зафиксирована прослойка необожженной глиняной обмазки желто-зеленого цвета толщиной 0,25 м. Непосредственно на ней фиксировалась прослойка из крупных (0,30х0,25 м) ошлаковавшихся кусков глины, самана и обуглившегося дерева, мощностью до 0,2 м. Отмеченные прослойки были нарушены в западной и восточной частях. Обнаруженные на дне ямы кости скелета мужчины и предметы могильного инвентаря были беспорядочно разбросаны. In situ сохранились берцовые кости и стопа левой ноги человека, по которым определены его поза и ориентировка. Скелет был разрушен через узкий лаз, выявленный в западной части могильной ямы, заполненный золой без включения кусков обожженной обмазки и древесного угля. Инвентарь: копье, кинжал, накладки лука, остатки колчана, наконечники стрел, золотое височное кольцо, бляхи, пряжки, соединительное кольцо. **Никольское-V, 1/4** (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с.108-115, рис.86-93; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, *3-4*). Скелет взрослого мужчины (1) был без каких-либо признаков разрушения. Сопровождался лежащим над ним черепом и скаковыми конечностями коня. Инвентарь: удила, стремена, седло, подпружные пряжки, кинжал, наконечник стрелы, кресало, деревянный сосуд. Ремни на черепе коня и близ седла украшены многочисленными накладками, решмами. Скелет женщины (2) находился справа от скелета мужчины, на правом боку, вытянуто, головой на ЮЗ, лицом на Ю. Учитывая не очень большие размеры ямы, какого-либо иного расположения тела, чем в положении на боку, просто не могло быть. Левая рука согнута в локте, кисть перед грудью. Кости пра-

вой руки – под туловищем. Ноги сведены в коленях и берцовых костях. С этим скелетом был связан второй череп коня, сопровождаемый удилами и стременами, но без скаковых конечностей. Непосредственно над скелетом женщины остатки перекрытия фиксировались довольно фрагментарно, возможно, они были разрушены. В связи с этим, останки погребенной можно интерпретировать не только как синхронносовместные с мужским скелетом 1, но и как несколько более позднее подзахоронение к нему. Последнее, даже более предпочтительно. Инвентарь: бубенчики, бляха, нож.

Сохранность останков погребенных у кочевников Белой Вежи

Кочевнические захоронения Белой Вежи, исследованные Волго-Донской археологической экспедицией, были подробно описаны и изданы О.А.Артамоновой и С.А.Плетневой (Артамонова О.А., 1963, с.164-168, рис.110-112; Плетнева С.А., 1963, с.218-235; 1990, с.9-40, рис.2-14). Поскольку они были оставлены населением, достаточно прочно связанным с большим центром городского типа, это не могло не отразиться в формировании особой специфики данных памятников. Появление нового массового материала позволяет не только ее выявить, но и оценить ряд неясных особенностей погребального обряда кочевников Белой Вежи.

Для курганов **1, 2, 3, 4/1, 4/2, 6, 7, 9, 13, 14** какая-либо информация о характере погребального обряда не сохранилась в связи с утратой полевых документов в годы Великой Отечественной войны. Курган (К.) **5** (рис.10, *2*). Положение многих костей скелета нарушено; череп, фаланги пальцев рук и ног отсутствуют. Инвентарь: удила, наконечники стрел, пряжка, накладка лука. К. **8** (рис.10, *3*). Ребра и таз разрушены, шейные и поясничные позвонки отсутствуют. Инвентарь: удила, стремя, шпора, накладки лука, колчана, наконечник стрелы. К. **10/1**. Нарушений сохранности скелета не выявлено. Отсечена правая половина черепа. К. **10/2** (рис.10, *7*). Все ребра и кости грудины перемешаны, фаланги пальцев рук отсутствуют. Плечевая кость левой руки сломана непосредственно в могильной яме со сдвигом левых лопатки и ключицы. Инвентарь: наконечники стрел, нож, накладки лука, в засыпи – лепной сосуд. К. **11**. Мелкие кости рук и ног отсутствуют. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы, нож, колчан. К. **12**. Ноги перекрещены, фаланги пальцев рук и ног растащены, ребра раздавлены. Инвентарь: кресало. К. **15**. Отмечен след сабельного удара на черепе. Грудная клетка разрушена. Фаланги пальцев рук и частично ног отсутствуют. К. **16**. Череп раздавлен, мелкие кости рук и ног, ребра правой стороны грудной клетки, часть позвоночника и крестец отсутствуют. Инвентарь: удила, сабля. К. **20**. Фаланги пальцев рук и ног, локтевая кость правой руки отсутствуют. К. **21**. Ребра раздавлены. Лучевая кость правой руки перемещена за левое плечо. Инвентарь: удила, копье, наконечники стрел, кресало, пряжка, нашивка. К. **27** (рис.10, *6*). Погребение сильно изрезано ходами грызунов, но несмотря на это, все кости скелета сохранили целостность своего расположения. Отсутствовали лишь фаланги пальцев рук и отчасти ног. Инвентарь: колчан, нож, наконечник стрелы. К. **28**. Фаланги пальцев правой руки и левая ключица отсутствуют. Инвентарь: нож, кремень. К. **29**. Череп и грудная клетка скелета ребенка раздавлены, фаланги пальцев рук и ног и плечевая кость вынесены в заполнение могилы. К. **33**. Тазовые кости разрушены, ребра раздавлены. Мелкие кости рук и ног отсутствовали. К. **34** (рис.11, *3*). Череп разрушен, лицевая часть раздроблена, затылок сплющен. Длинные кости плохой сохранности. Ребра раздавлены и перемешаны. Мелкие кости рук и ног отсутствовали. Инвентарь: седло, пряжка, сабля, наконечники стрел. К. **35/1**. Сохранились обломки черепа, пять ребер, шесть позвонков, бедренная кость левой ноги ребенка. К. **35/2**. Отсутствуют мелкие кости рук. К. **36** (рис.10, *10*). Левая ключица перемещена в угол ямы, малоберцовая кость левой ноги сдвинута к тазу, почти все мелкие кости рук и ног отсутствуют. Инвентарь: нож, кремень. К. **37** (рис.11, *1*). Положение ребер нарушено. Локтевая кость правой руки и шейные позвонки отсутствуют, мелкие кости рук и ног разбросаны. Инвентарь: удила, бронзовые бубенчики, копоушка, два серебряных браслета, ножницы, золотой перстень, золотая бусина. К. **38/1**[23] (11, *11*). Мелкие кости рук и ног отсутствуют. Лучевая кость правой руки перевернута. К. **38/2** (рис.11, *4*). Скелет взрослой женщины лежал на правом боку с вытянутой левой и немного согнутой правой ногой, с согнутыми в локтях и сомкнутыми близ таза руками. Сохранность костей скелета хорошая, положение некоторых из них нарушено – фаланги пальцев рук сдвинуты или отсутствуют. К. **39**. Сохранились развалившиеся кости черепа, левой руки, ног, левое крыло таза. Лобная кость скелета пробита. Инвентарь: нож, кресало, колчан. К. **40** (рис.11, *2*). Лучевая кость

[23] В публикациях С.А.Плетневой 1963 и 1990 гг., эти погребения имеют разную нумерацию. В моей статье (2001б), а также в данной работе использована нумерация С.А.Плетневой 1963 г.

правой руки найдена под тазом, коленная чашечка левой ноги – среди костей грудной клетки. Все ребра перемешаны, фаланги пальцев рук и ног разбросаны. Инвентарь: удила, седло, стремена, пряжка, накладки лука. К. **41** (рис.11, *5*). Череп и скаковые конечности коня находятся на разных глубинах, череп разрушен. Пяточная кость левой ноги скелета пробита железным гвоздем. Плюсна и фаланги пальцев левой ноги отсутствуют. Инвентарь: удила, седло, стремя, пряжки. К. **42**. Несмотря на наличие в могиле большого количества сурчин, положение костей скелета не нарушено. К. **43** (рис.10, *1*). Ребра перемешаны, но позвонки не потревожены. Фаланги пальцев кистей рук, коленная чашечка и кости ступни левой ноги отсутствуют. Позвоночный столб искривлен, кости таза расположены выше костей грудной клетки, кости левой ноги находятся выше правой. Скорее всего, погребенный был положен с разворотом на правый бок. Инвентарь: удила, пряжка, наконечники стрел, нож, кресало. К. **45**. Кенотаф – череп и конечности шкуры коня. К. **46** (рис.11, *10*). Череп отсечен от позвоночного столба. Ребра переломаны и перемешаны, но позвонки не потревожены. Фаланги пальцев рук и ног отсутствуют. К. **47** (рис.10, *4*). Череп разрушен, ребра левой стороны грудной клетки отсутствуют, ребра правой перемешаны, но позвонки не потревожены. При полной сохранности костей ног, покрытых тленом от кожаной обуви, отсутствуют коленные чашечки. Инвентарь: удила, пряжка, ножницы. К. **48** (рис.11, *9*). Череп рассечен саблей и раздавлен положенным сверху черепом коня, возможно, смещен. Фаланги пальцев обеих рук и стопы правой ноги отсутствуют, плюсна и часть большеберцовой кости левой ноги срезаны. Инвентарь: удила. К. **49** (рис.10, *9*). Череп отчленен и поставлен на затылочное отверстие. Левая половина скелета приподнята относительно правой, таз искривлен. Возможно, это свидетельствует о развороте останков погребенного вправо. Фаланги пальцев обеих рук и стоп обеих ног отсутствуют. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы, колчанные петли. К. **53** (рис.10, *11*). Поясничные и часть грудных позвонков, часть ребер левой стороны грудной клетки и большинство фаланг пальцев рук и ног отсутствовали. Ребра грудной клетки, в основном ее правой стороны, в сочлененном состоянии были смещены в направлении от костей плечевого пояса к тазу. Кости таза раздавлены. Инвентарь: удила, седло, наконечник копья, нож. К. **54** (рис.10, *8*). Большая часть костей отсутствует: ребра правой стороны грудной клетки, поясничные и грудные позвонки, предплечье левой руки, кисти рук, тазовые кости. Сохранились шейные позвонки, левая часть грудной клетки, длинные кости правой руки, плечевая кость левой руки, кости ног. Инвентарь: удила, стремя, крепления колчана, кресало, бронзовая пряжка, нож. К. **56** (рис.10, *5*). Лицевая часть черепа раздавлена, крестец, нижняя часть позвоночника и фаланги пальцев рук и ног отсутствуют, ребра переломаны, ключицы смещены. Инвентарь: удила, стремя, кресало. К. **59**. Фаланги пальцев рук и ног отсутствуют. К. **60**. Кенотаф – череп и две скаковые конечности шкуры коня. Череп коня разбит. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы. Насыпь (Н.) **19/1, п.15** (рис.11, *8*). Череп раздавлен. Правая часть костей грудной клетки повреждена: ребра, грудина, ключица и лопатка были сдвинуты. Мелкие кости стоп смещены. При наличии костей скаковых конечностей, череп коня отсутствует. Инвентарь: костяная пряжка, бронзовые бляхи, накладки лука, бусы, кресало, нож. Н. **19/1, п.22** (рис.11, *6*)[24]. Череп и нижняя челюсть погребенной разделены. Плечевая кость правой руки смещена к черепу. Правая ключица на плане не отмечена. Кисти рук – на тазовых костях, таз разрушен. Кости ног сближены в коленях, берцовые параллельны друг другу. Кости левой ноги смещены относительно правой. Стопы ног в беспорядке, частично отсутствуют. При наличии черепа коня, скаковые конечности не обнаружены. Шейные позвонки коня расположены отдельно от черепа. Инвентарь: удила, накладки седла. Н. **19/1, п.26** (рис.11, *7*). Зафиксирован перелом поясничного позвонка. Нет нижних ребер. Кости предплечья и кисти левой руки разбросаны. Стопы в беспорядке. При наличии предмета сбруи, костей коня не было. Инвентарь: стремя, пряжка, нож, кольцо, серьга, бусы. Н. **19/1, п.29**. Кости плохой сохранности, следы прижизненных переломов. Кости таза разрушены. Стопы ног смещены. Инвентарь: удила, стремя, нож.

С.А.Плетнева, зафиксировав достаточно многочисленные случаи разрушения сохранности скелетов в курганах Белой Вежи, объясняет их исключительно деятельностью землеройных грызунов. Но в этом могильнике есть несколько погребений, которые, несмотря на обнаруженные в них многочисленные сурчины, тем не менее оказались совер-

[24] План погребения, опубликованный С.А.Плетневой, не соответствует плану и фотографии О.А.Артамоновой.

шенно не нарушены (рис.10, б). В то же время, ряд погребений, где сурчины вообще не были отмечены авторами раскопок, наоборот, оказались довольно сильно нарушенными. В связи с этим возникает несколько вопросов. Почему при почти всегда сохранявших положение in situ позвонках позвоночного столба оказывались разрушенными только ребра (грудные клетки) погребенных? Почему фаланги пальцев рук и ног оказывались удаленными даже и в тех случаях, когда ничего не сообщается о существовании нор грызунов? Почему их норы в реальности оказались показаны всего только на двух планах погребений? Достоверных ответов на эти вопросы мы, очевидно, уже не получим. Остается быть благодарным всем авторам раскопок Белой Вежи, прежде всего О.А.Артамоновой и С.А.Плетневой, скрупулезно обращавших свое внимание на все подобные ньюансы и, более того, достаточно подробно сохранивших в своих дневниках и опубликованных работах информацию подобного рода.

Особый вариант трупоположения погребенных – развороты тел, положение на боку и животе

Общепринятая поза погребенных у средневековых кочевников – вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Особую группу захоронений составляют погребения с разворотами тел умерших и их положением на боку и животе. Поскольку такие трупоположения тел погребенных для кочевников не характерны, рассмотрим эти случаи отдельно.

В 4-х эпизодах погребенные лежали вытянуто на правом боку (Белая Вежа, 38/2; Заплавное-I, 3/4; Никольское-V, 1/4, скелет 2; Черноярский, 1/1, 1/2). Выявлено 4 захоронения с разворотами тела вправо (Белая Вежа, 43, 49; Лбище, -/4; Степана Разина, 4/3) и 3 влево (Волжский-II, 2/4; Косика, -/3; Маяк Октября-90, 1/2). Известно также одно захоронение на животе (Кара Оба, 10/1) и 2 скорченных на боку: слабоскорченное на правом (Бахтияровка-I, 32/12) и сильноскорченное на левом (Черноярский, 4/5).

Впервые подобные погребения были обнаружены в Белой Веже (к. № 38/2; 43; 49), однако в двух последних курганах они до сих пор не получили соответствующего определения. Все внимание исследователей концентрировалось на материалах лишь первого захоронения. Оно было интепретировано как мусульманское и отнесено к беднейшей части кочевого населения Белой Вежи (Плетнева С.А., 1990, с.13). Вряд ли это предположение можно считать единственно возможным. Погребения на боку совершались по языческому обряду и сопровождались черепами и шкурами коней. Не менее заманчивой представляется возможность объяснить существование подобных захоронений у кочевников контактами с салтовским населением, для которого и было характерно положение погребенных на боку. Считается, что последние продолжали обитать в Белой Веже и после крушения Хазарского каганата.

Достоверных половозрастных определений этих захоронений немного. В 12 случаях они, предположительно, определялись как мужские, в 3-х – как женские. Последние встречаются как в виде одиночных захоронений, так и в коллективных.

Выделяются несколько вариантов воздействия на останки погребенных в захоронениях этого типа:

– допогребальные, в виде связывания ног (Волжский-II, 2/4; Заплавное-I, 3/4; Кара Оба, 6/1; Маяк Октября-90, 1/2; Никольское-V, 1/4, скелет 2; Черноярский, 1/1);

– постпогребальные, в виде:

а. Смещения костей рук (Белая Вежа, 38/2; Косика, -/3; Лбище, -/4);

б. Смещения черепа, костей позвоночника, ребер и грудной клетки (Белая Вежа, к.43, к.49; Заплавное-I, 3/4; Степана Разина, 4/3);

в. Удаления отдельных костей (Бахтияровка-I, 32/12; Белая Вежа, к.43; Кара Оба, 6/1; Лбище, -/4; Степана Разина, 4/3; Черноярский, 1/2, 4/5).

Если положение тел погребенных на боку вряд ли может быть объяснено требованиями обряда разрушения, то развороты тел легко могут быть объяснены исключительно именно нормами этого обряда. Почти во всех вышеперечисленных эпизодах развороты тел на бок осуществлялись, по-видимому, непосредственно в самой могильной яме, но не сразу, а спустя какое-то время после помещения туда тела, скорее всего, в момент самого начала истлевания у трупа связок и мягких тканей. Наблюдаемые при этом смещения отдельных костей являлись вторичным следствием производимых разворотов тел.

Обряд обезвреживания погребенных у кочевников Северного Прикаспия

Итак, у 235 скелетов из 229 погребений были выявлены разные формы и варианты нарушения анатомической целостности и общей сохранности останков умерших или сопровождавших их ритуальных останков шкур коней. Большая часть таких случаев не была связана с ограблениями. Вместе со случайными находками это составляет 90% всех известных ныне захоронений кочевого населения IX – нач.XI в. Северного Прикаспия. Все ли вышерассмотренные эпизоды были связаны с проявлениями обряда обезвреживания по-

гребенных, разумеется, неясно[25]. Однако, замечу, что именно с позиций ООП существование значительного количества разрушенных захоронений получает наиболее реальное объяснение.

Воздействия на скелетизированные останки погребенных, не связанные с ограблениями, выявляются следущие:

– без явного разрушения – в виде связывания ног, разворота тела погребенного человека или с разрушением сопровождавшей человека шкуры коня;

– с нарушением анатомической сохранности и целостности останков самого человека;

– с сочетанием особенностей обоих указанных вариантов.

Характерной особенностью разрушенных погребений IX – нач.XI в. Северного Прикаспия является проведение всех основных ритуальных действий над останками непосредственно в самих могильных ямах. В этом заключается основное отличие обряда обезвреживания погребенных этой эпохи от близких по своей сути погребальных обрядов населения катакомбной общности эпохи бронзы. У последнего разложение трупов совершалась, как правило, еще до предания тел умерших земле и вне могильной ямы. Соответственно, катакомбные захоронения интерпретировались, в основном, как вторичные, различающиеся друг от друга способами укладки человеческих останков, уже освобожденных от мягких тканей (Мельник В.И., 1991). Из общего количества средневековых погребений IX – нач.XI в. только одно может быть интерпретировано как вторичное перезахоронение – Покровка-II, 1/1 (Веддер Дж. и др., 1993, с.23-24, 26). Кости скелета взрослого человека в этом захоронении были уложены плотным скоплением в могильной яме с размерами 1,1х0,8 м (Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, *4*). Изучение положения костных останков средневековых погребений IX – нач.XI в. Северного Прикаспия говорит о разрушениях, связанных, в основном, со вторичным проникновением в могилы. В связи с этим, одним из условий, а одновременно и доказательством реального существования обряда ООП эпохи средневековья являются стратиграфические наблюдения за слоями, перекрывающими костные останки погребенных, структурой заполнения могильных ям, наличием находок в них (Флёров В.С., 1989, с.178). Поскольку значительная часть кочевнических погребений IX-XI вв., за очень редким исключением, это – впускные захоронения в насыпях уже существовавших древних курганов, к сожалению, в настоящее время приходится констатировать факт практически полного отсутствия документированных стратиграфических данных. Тем не менее, сведения об особенностях заполнения могильных ям отдельных погребений все же имеются (Барановка, 23/1, Астр.обл.; Калиновский, 4/1, 28/2; Кара Оба, 10/1; Кривая Лука-V, 4). Обычно же, в нашем распоряжении оказываются лишь косвенные данные о структуре заполнения могил: упоминания об обнаружении фрагментов керамики и каких-то иных предметов, наличии кострищ или углей, остатков разрушенных деревянных перекрытий. Основная находка в засыпи средневековых погребений – костные останки шкур коней и сопровождающие их предметы сбруи и узды, изучение которых и дает некоторые ответы на поставленные вопросы.

Другим условием существования ООП считается массовость и однообразие основных способов обезвреживания погребенных (Флёров В.С., 1989, с.178). В этом еще одно отличие ООП эпохи средневековья от обрядов населения катакомбной общности эпохи бронзы, не являвшихся основными для населения. Нарушение целостности и сочлененности костных останков умерших в целом ряде археологических культур раннего средневековья следует считать не отклонением от нормы, а самым обычным явлением. Скорее наоборот, отклонением от нормы следует считать сохранение останков погребенных непотревоженными и неразрушенными.

А. Особенности разрушения останков коня

Особенностью почти всех средневековых кочевнических захоронений является погребение человека в сопровождении коня. Покойного в иной мир должен был сопровождать полностью экипированный для дальней дороги в мир мертвых конь. Но в могилах огузов (печенегогузов) IX-XI вв. Северного Прикаспия погребенных сопровождают собственно не кони, а, скорее всего, их имитации – конские шкуры с оставленными внутри скаковыми конечностями. Напомню, что шкуры при этом укладывались у кочевников в двух вариантах – в сложенном виде или в виде растянутого чучела, а скаковые конечности выбирались у них до первого или,

[25] Сейчас важно не только то, что могло быть в уже исследованных погребениях первопричиной описанных выше разрушений – ООП, деятельность землеройных грызунов или небрежность самих археологов, а то, чтобы при дальнейших раскопках таких захоронений подобный вопрос аргументировано решался бы самими полевыми исследователями.

реже, до второго сустава. Вместе со скаковыми метаподиями в могилах иногда находят ребра, лопатки и хвостовые позвонки (Быково-II, 26/5; Волжский-II, 2/4; Косика, -/3; Новоникольское-II, 1/7; Приозерное, 4/1; Старица, 21/5; Эльтон-84, 2/15 и -85, 7/1). Кочевники, несомненно, действовали по принципу замещения частью целого. Однако возможно и иное понимание данного обряда, когда основной смысл ритуального действия заключался в создании покойному условий, наименее способствующих каким-либо посмертным перемещениям самого умершего. В пользу реальности подобного предположения говорит изучение положения в могилах сложенных шкур. Довольно часто они (кости ног) располагаются очень далеко от черепа коня, и мы вправе поэтому предполагать существование двух самостоятельных обрядовых действий – отдельное друг от друга помещение в могилы черепов и шкур коней. Но трудно даже представить себе, как погребенный мог бы "перемещаться" в потустороннем мире на таком животном.

В некоторых захоронениях конские черепа еще в древности были разбиты или даже полностью разрушены (Белая Вежа, к.60; Верхнепогромное-I, 1/3; Ильевка, 9/1 и 1/2; Киляковка, 4/1; Кос Оба, 11/1). В ряде случаев от них сохранялись одни только зубы (Карасу-I, 18/1; Маляевка-V, 11/5; Трясиновский, 1/1). В других, при наличии скаковых конечностей шкур, черепа коней отсутствовали (Белая Вежа, нас.19/1, п.15; Быково-II, 26/5; Волжский-II, 2/4; Громки, 2/1; Жарсуат-I, 1/2; Журов, 2/1; Калиновский, 1/7; Кара Оба, 6/1; Карасу-I, 6/1; Колобовка-I, 3/4, 6/2; Кос Оба, 7/2, 11/2; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр.обл.; Ленинск, 3/7; Маяк Октября-90, 1/1; Первомайский-VII, 12/3; Светлое Озеро, 6/6; Средняя Ахтуба, 1/3; Покровка-VIII, 4/1; Фриденберг, 7/1; Черноярский, 1/1, 2/1; Эльтон-83, 7/2; -85, 7/1, 7/2; Яшкуль, 1/1 и 1/8). В некоторых захоронениях фиксировалось наличие скаковых конечностей шкур коней далеко не в полном объеме, а только трех, двух и даже одной конечности (Быково-I, 10/16, -II, 26/5; Верхний Балыклей-II, 8/1; Волжский-II, 2/4; Громки, 2/1, Карасу-I, 6/1; Киляковка, 3/2; Колобовка-I, 6/1, 6/2; Кос Оба, 11/2; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр.обл.; Ленинск, 3/7, 4/4; Маляевка-V, 11/5; Маяк Октября-90, 1/1; Приозерное, 2/3; Покровка-VIII, 4/1; Средняя Ахтуба, 1/3; Степаневка-II, 6/1; Челкар-II, 8/1; Черноярский, 2/1; Шульц, А 11/1; Эвдык-I, 7/8). В ряде погребений были обнаружены только копыта, без каких-либо иных костей конских скаковых конечностей (Верхнепогромное-I, 3/7; Карасу-I, 11/2, 24/2; Колобовка-I, 6/2; Кос Оба, 7/2; Ленинск, 3/7; Маляевка-V, 9/2; Светлое Озеро, 2/1; Старица, 7/18). Встречаются захоронения только с черепами коней, без скаковых конечностей (Акбулак; Белая Вежа, нас.19/1, п.22; Верхнепогромное-I, 1/3, -II, 14/21; Дюкер, 27/9; Калиновский, 28/2; Капитанский, 11/1; Комсомольский, 1/1; Нежинское, 1/4; Новоникольское-V, 1/4, скелет 2; Средняя Ахтуба, 1/5). В некоторых захоронениях кости коня располагались не только отдельно друг от друга, но и на разных глубинах (Тамар Уткуль, 3). Ряд погребений содержал лишь одни предметы сбруи, потребность в которых при отсутствии останков самого коня мало понятна (Кривая Лука-VI, 1/5; Солянка, 3/1).

Разумеется, что все подобные случаи можно объяснять как проявлением разного рода случайных явлений, так и действиями социально-экономических причин. Так или иначе, но в реальной действительности все это выглядит несколько аномально. Полагаю, однако, что многие подобные случаи, если не их большинство, мы можем интерпретировать как специфическую и достаточно явную форму проявления обряда ООП. "Недостающие части" черепов и скаковых конечностей шкур коней случайно или целенаправленно изымались из погребений при повторных вскрытиях могил и ритуальных разрушениях останков погребенных. Именно с позиций ООП возникает вполне логичное, наиболее простое и понятное объяснение подобным фактам – человек лишался возможности использования коня, как основного средства своего посмертного передвижения.

Насколько мне известно, разрушение коня, как одно из проявлений ООП, впервые было зафиксировано и соответствующим образом определено С.А.Плетневой в материалах Дмитровского катакомбного могильника салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1989, с.229). Ритуальное разрушение останков коня было зафиксировано В.С.Флёровым и на Маяцком могильнике (Флёров В.С., 1984, с.162, рис.10). Но, если в погребениях салтово-маяцкой культуры разрушение останков коня, в целом, носит единичный характер, то в культуре кочевого населения Дешти-Огуза IX – нач.XI в., видимо, в связи со специфическими особенностями их погребальной обрядности, подобные действия приобретают уже массовый характер. В то же время, в материалах кочевнического могильника Белой Вежи проявления особенностей этого обряда практически не фиксируются. Но, по-видимому, это объясняется тем, что здесь мы имеем явную инфильтрацию в огузскую этническую среду кимакского

населения с несколько иными культурными традициями.

Де-факто, использование для похорон не целого остова коня, а только его шкуры фактически означало, что сопровождавший погребенного ритуальный конь "разрушался" еще до помещения его в погребение. Шкуры коней, расположенные в засыпях могил, кочевники во второй раз разрушали уже как препятствие, затрудняющее доступ к главной цели, – скелету самого человека. Чаще всего, видимо, все это происходило достаточно целенаправленно. Кочевник эпохи средневековья был неотделим от принадлежащего ему коня. Конь и всадник воспринимались как единое целое. Это подтверждают погребения, в которых анатомическая сохранность черепа и скаковых конечностей шкуры коня были нарушены без разрушения останков лежащего под ним человека (Верхний Балыклей-II, 5/1; Киляковка, 4/1; Новоникольское-I, 7/13; Тамар Уткуль, 3; Фриденберг, 7/1; Ченин, 8/4; Черноярский, 2/1; Яшкуль, 1/1 и 1/8). В большинстве же эпизодов с отсутствующими в могилах черепами коней, разрушением или смещением их относительно возможного первоначального положения одновременно фиксируется и разрушение костей верхней части скелетов самих погребенных – их черепов, грудной клетки и рук. Полагаю, что все такие случаи были явно взаимосвязаны между собой (Акбулак; Барановка-70, 1/1 и 1/2; Барановка, 23/1, Астр.обл.; Бахтияровка-II, 55/5; Быково-II, 26/5; Верхнепогромное-I, 1/3; Верхний Балыклей-II, 7/1; Волчанский, 6/1; Дюкер, 27/4; Ильевка, 9/1 и 1/2; Калиновский, 1/7; Кара Оба, 6/1; Карасу-I, 4/6 Б, 6/1, 11/1, 11/2, 18/1; Киляковка, 3/2; Колобовка-I, 3/4, 6/1; Кос Оба, 7/2; Красная Деревня, 15/8; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр.обл.; Кривая Лука-V, 4; Ленинск, 3/2, 3/7, 4/4; Маляевка-V, 6/1, 11/5; Первомайский-VII, 10/1; Светлое Озеро, 6/6; Средняя Ахтуба, 1/3; Трясиновский, 1/1; Челкар-II, 8/1; Черноярский, 2/2, 4/5; Шульц, А 11/1; Эльтон-83, 7/2, -85, 7/1, 7/2).

Степень сохранности конских останков не всегда зависела от степени разрушения останков человека. В заполнении некоторых могил, при ниже лежащих полностью или частично разрушенных человеческих останках, были зафиксированы прекрасно сохранившиеся в положении in situ черепа и скаковые конечности шкур коней. Но это говорит лишь о том, что в некоторых случаях конь укладывался в могилу не сразу после похорон, а только после соблюдения требований ООП. Характерно, что даже при полном разрушении анатомической сохранности скелетов погребенных, археологам довольно часто удавалось определить не только позу и ориентировку их самих, но также и местоположение, а в некоторых случаях даже и способ укладки конских шкур (Бахтияровка-II, 55/5; Жарсуат-I, 1/2; Карасу-I, 4/6 Б; Кривая Лука-III, 1/23; Кумакский, 1/1; Солодовка, 5/4).

Представляется, что для наиболее ранних огузских погребений Северного Прикаспия IX в. было характерно укладывание шкур коней непосредственно в засыпях могильных ям без сооружения над погребенными деревянных перекрытий. Но в этом случае тяжелые и объемные конские шкуры со временем оседали до уровня залегания останков людей. В результате, именно эти погребения, как уже отмечалось (Круглов Е.В., 2001б, с.419-421), воспринимались изучавшими их специалистами, в том числе и мной, как печенежские, что, как сейчас все более выясняется, было не совсем верно. Для погребений X – нач.XI в. постепенно становится характерным сооружение в засыпях могил деревянных перекрытий, а также использование гробов или колод. По-видимому, так огузы пытались отделять не засыпаемые грунтом останки погребенного от остальной части могильной ямы, заполняемой землей. Деревянные конструкции в условиях усиления ООП становятся просто необходимыми для предотвращения попадания грунта на костные останки погребенных и облегчения их последующего разрушения.

Общепризнано, что виды, местоположение и способы укладки шкур коня в погребальном обряде кочевников являются наиболее значимыми, этноопределяющими признаками. Признание объективной реальности ООП в культуре кочевников Северного Прикаспия IX-XI вв. с неизбежностью ставит несколько методических вопросов. В условиях чрезвычайно широкого распространения ООП, помещение останков коня в могилу являлось существенным, но далеко не всегда завершающим актом погребального обряда. Как правило, спустя некоторое время после похорон, останки коня, согласно канону помещаемые в могиле в засыпи над человеком, в рамках ООП с объективной неизбежностью разрушались так же, как и ниже лежавшие останки человека. Основной вопрос заключается в том, насколько, в какой степени и в каких конкретно случаях особенности ООП изменяли или могли изменять первоначальное расположение в могилах конских останков. Иными словами, насколько в разрушенных, но фактически не ограбленных погребениях останки коней, их черепа и скаковые конечности шкур, фиксируемые археологами в момент раскопок, отражают их действительное первоначальное расположение. Ответ на этот вопрос

требует индивидуального рассмотрения материалов каждого конкретного погребения и является наиболее принципиальным и основным. Без этого вряд ли будет целесообразно ставить и пытаться разрешать целый ряд некоторых других вопросов. Особенно актуально это для погребений огузов и печенегов, основное различие между которыми заключалось именно в местоположении останков шкуры коня относительно погребенного человека. Поэтому в нарушенных захоронениях практикующим полевым археологам необходимо уметь выделять и обязательно подробно оговаривать существование конских останков, как целых костей, так и их фрагментов, сохранявших свое первоначальное расположение. Следует признать, что в настоящее время эта проблема решается достаточно гипотетически, зачастую лишь на уровне логических предположений, что не может быть признано удовлетворительным. В будущем проблема достоверной и точной типологической идентификации подобных захоронений, конечно же, должна решаться исключительно только самими полевыми исследователями, которые, однако, должны быть с надлежащей степенью ответственности методически и психологически подготовлены к необходимости таких определений.

Б. Особенности разрушения человеческих останков

В одиночных погребениях ритуальному воздействию в равной мере подвергались останки как мужчин, так и женщин, представители абсолютно всех возрастов, от малолетних детей до престарелых, члены разных социально-имущественных прослоек. Почти все погребенные при этом сопровождались необходимым минимумом инвентаря, состав которого, как правило, был устойчив и постоянен: сбруйная упряжь, оружие, отдельные бытовые предметы, амулеты и различные этнографические украшения костюма. В использовании некоторых предметов наблюдается половозрастное распределение. По отношению к погребальному инвентарю проявления ООП могли проявляться в виде помещения в могилы колчанов с древками стрел без наконечников (Бахтияровка-II, 55/5; Быково-I, 14/3, 16/9; Верхний Балыклей-II, 5/1; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр.обл.; Никольское-V, 1/4; Ровное, 4/7) или – клинков сломанных сабель без рукоятей (Карасу-I, 1/1; Ленинск, 3/2, 4/4).

Важным проявлением ООП считается обнаружение фрагментов керамики и остатков разного рода ритуальных действий, обнаруживаемых в засыпях могильных ям (Флёров В.С., 1993, с.54-55). Следы тризн в засыпях могильных ям средневековых погребений обычно встречаются лишь в виде отдельных фрагментов венчиков и стенок глиняных сосудов (Быково-II, 3/5; Ильевка, 9/1 и 1/2; Карасу-I, 11/2; Новая Квасниковка, 6/1; Новоникольское-I, 7/13; Рахинка, 3; Рубежка, -/3; Черноярский, 4/5). Только однажды в заполнении был найден совершенно целый сосуд (Кара Оба, 10/1). В случайно обнаруженных погребениях из Волжского (Астраханская обл.), Петропавловки, Средней Ахтубы, Челкара (г.Сасай), ограбленных из Киляковки, 5/8 А, Маляевки-V, 5/3 и Старицы, 38/1, принадлежность обнаруженных фрагментов керамики к средневековым погребениям осталась не доказана. У кочевников Северного Прикаспия обычай ставить в могилу целый глиняный сосуд особого распространения не имел (Батаевка; Бахтияровка-I, 32/12; Быково-II, 10/11; Заяры, 1/3; Степана Разина, 1/10; Тамар Уткуль, 3; Царев, 23/1). Гораздо чаще в могилах встречаются остатки деревянных чаш, укреплявшихся по венчику металлическими оковками (Верхний Балыклей-II, 7/1; Киляковка, 3/2; Кривая Лука-III, 1/23; Купцын Толга, 46/5; Нежинское, 1/4; Никольское-V, 1/4; Торгунское, 1/5; У-85 (Барун), 3/4). Так или иначе, практически все перечисленные памятники также имеют те или иные следы нарушения сохранности костей человеческого скелета.

Более часто в засыпях могильных ям фиксируются угольно-золистые прослойки (около 30 случаев: Круглов Е.В., 2001б, приложение, таблицы, признак IX-11). Зафиксировано три случая обнаружения железных наконечников стрел в заполнениях могильных ям (Алешкин, 1/2; Колобовка-III, 1/3; Ченин, 8/4), которые, вероятно, отражали такую редкую особенность ООП, как стрельбу в могилу. Из погребения Барановка, 23/1, Астр.обл. в насыпь кургана были перемещены череп и скаковые конечности коня, а также колчан со стрелами и остатками поясного ремня, украшенного набором бронзовых блях, пряжкой и соединительными кольцами. В Акбулаке после разрушения останков человека могильная яма была заложена крупными песчаниковыми плитами.

В условиях общей нарушенности скелетов предметы погребального инвентаря ритуальному воздействию практически не подвергались. Основной целью проникновения в могилы были почти исключительно только костные останки самих умерших или сопровождавшие их шкуры жертвенных коней. При этом ориентировка, поза погребенных и ряд других обычных обрядовых признаков достаточно четко и легко фиксировались даже у полностью разрушенных скелетов практически на всех описываемых памятниках.

Несомненно, что кочевники сами разрушали скелетизированные останки своих ранее умерших родственников. Сохранившаяся сочлененность отдельных суставов у некоторых скелетов (Верхнепогромное-I, 3/4; Карасу-I, 4/6 Б; Кировский-II, 2/2; Кривая Лука-VI, 1/5; Солянка, 3/1; Старица, 7/18; Степана Разина, 4/4), случаи перемещения черепов с еще не отделившимися нижними челюстями, развороты тел на бок позволяют предположить, что разрушения останков происходили непосредственно в самих могильных ямах еще до полного истлевания на костях мягких тканей и связок.

Нарушения скелетов людей и сопровождающих их шкур коней могли быть как полными, так и частичными. Другие их виды, несмотря на некоторое разнообразие зафиксированных вариантов, выделить пока не представляется возможным. При неполном разрушении, в основном, нарушалась верхняя половина скелетов. Лишь изредка при этом разрушались также берцовые кости и стопы ног. При этом разрушители хорошо знали расположение останков умерших. Порой они настолько точно вскрывали заполнения могил, что нарушив целостность какой-то одной части скелета, не трогали других костей. Лишь трижды разрушители предпочли частично срыть оставленные вдоль длинных стен заплечики (Никольевка, -/1; Калиновский, 28/2; Челкар-II, 8/1). Возможно, первоначально могилы не всегда полностью заполнялись грунтом. Прямого подтверждения этого нет, но практически нигде при описании разрушений авторы раскопок не отмечали наличия переломанных костей, что было бы неизбежно при их извлечении из массы земляного грунта. Полностью же разобрать скелет человека можно было только лишь при условии отсутствия заполнения. Практически везде смещенные кости погребенных и сопровождающие их вещи лежали на дне могил, исключительно в одной горизонтальной плоскости.

Очевидно, что конкретная степень воздействия на костные останки от простого связывания ног до полного разрушения и удаления костей в древности была строго упорядочена и подчинялась каким-то неизвестным нам законам, соблюдение которых зависело от разного рода субъективных психологических факторов. Кости человека не разбрасывались хаотично. Обычно, они лишь слегка сдвигались и оставлялись в местах своего первоначального расположения. Нарушалась лишь естественная связь между отдельными частями скелета. Основная анатомическая схема скелетов обычно полностью сохранялась. Даже при полном разрушении скелетов большинство костей оставались расположенными вблизи своих изначальных мест. Именно поэтому в расположении останков даже полностью разрушенных скелетов легко определяется как первоначальное положение тел, так и их ориентировка. Лишь в очень редких случаях кости перемешивались более значительно.

Нарушение верхней части скелетов погребенных обычно сопровождалось смещением, разрушением, перемещением или удалением черепа. Отделение от черепа нижней челюсти характерным не было, хотя достоверно утверждать это нельзя – на многих планах нижние челюсти просто не показаны. Прослеживается тенденция: разрушив и отделив череп от шейных позвонков, оставлять его вблизи останков других органов. Наиболее часто той или иной степени разрушения подвергались грудная клетка, кисти рук и стопы ног. Длинные кости рук обычно разрушались одновременно с разрушением грудной клетки. Во многих случаях смешивались ребра грудной клетки, а позвонки позвоночного столба не трогались. Отделение черепа, разрушение костей грудной клетки, стоп и берцовых костей были более характерны для мужских захоронений. Кисти рук и стопы ног довольно часто удалялись. Последнее было особенно характерно для погребений курганов Белой Вежи.

Бедренные кости ног и крылья таза самостоятельным объектом разрушения не были и чаще всего оставались in situ на своих местах. Лишь иногда нарушалось положение какой-то одной длинной кости или одного крыла таза. Полностью они разрушались лишь при полном или значительном разрушении большинства костей скелета. Практически не получила распространения такая особенность разрушения, как складывание костей погребенных в груду.

Считается, что сообществам, специально практиковавшим разрушение погребенных, была присуща парность захоронений (Флёров В.С., 1993, с.20; 2000б, с.19). Видимо, поэтому основные особенности сохранности человеческих останков, зафиксированные в совместных погребениях средневековых кочевников, были практически те же самые, что и в одиночных захоронениях. Два памятника (Карасу-I, 24/1 и 24/2; Покровка-VIII, 1/8 и 1/9) сильно разрушены. Достоверно определить, были ли это разновременные подзахоронения или одновременные двойные погребения, не удалось. В обоих случаях это были захоронения взрослого и ребенка. Отмечены ситуации, когда один скелет находился в полной сохранности, а другой – в той или иной степени разрушения (Вертячий, 7/5; Калиновский,

28/1 и 28/2; Никольское-V, 1/4). В двух случаях сохранными были погребения взрослых мужчин, в одном – женщины. В остальных захоронениях прослеживались самые разнообразные формы разрушения останков погребенных. Но, как правило, это были захоронения с разной степенью сохранности скелетов, одного разрушенного в бóльшей степени или даже полностью, другого – лишь частично (Заплавное-I, 3/6; Колобовка-III, 1/3; Кос Оба, 11/1 и 11/2; Старица, 30/4; У-85 (Барун), 3/3, 3/4; Эльтон-85, 7/2). Действиями грабителей или землеройных грызунов такое выборочное разрушение скелетов объяснить практически невозможно. Подобная черта была зафиксирована практически на всех известных аланоболгарских могильниках с обрядом ООП и является их характерным признаком.

Разрушенный скелет со смещенными или удаленными костями – не единственный признак ООП (Флёров В.С., 1993, с.56). Зачастую ноги погребенных были неестественно согнуты или даже перекрещены в коленях и голеностопных суставах, что позволяет предполагать возможность связывания ног (Бахтияровка-I, 32/12; Вертячий, 6/1; Верхнепогромное-I, 3/7; Волжский-II, 2/4; Заплавное-I, 3/4; Кара Оба, 10/1; Карасу-I, 6/1; Кировский-II, 2/2; Кривая Лука-III, 1/10; Маяк Октября-90, 1/2; Нежинское, 1/4; Никольское-V, 1/4; скелет 2; Новая Квасниковка, 6/1; Рубежка, -/3; Светлое Озеро, 2/1, 6/6; Старица, 30/4, скелет 3; Успенка, -/1; Черноярский, 1/1, 1/2, 4/5). Возможно, предложенные археологические признаки связывания ног покойных могут показаться спорными и гипотетическими, но несомненно, что существование самого обряда вполне реально. Вероятно, потребуется поиск каких-то иных характеристик, обосновывающих реальность практикования этого обряда. Связывание ног, как одно из проявлений ООП, можно считать наиболее простой и самой естественной формой дополнительного внешнего воздействия на естественное состояние останков человека, осуществляемое в момент самого начала подготовки тела к захоронению. Тем самым, уже в самый начальный момент положения тела в могилу, погребенные лишались возможности встать и выйти из нее.

Огузо-салтовские этнические контакты, как возможное условие появления у кочевого населения Северного Прикаспия обряда обезвреживания погребенных

Считается, что способы обезвреживания погребенных у разных народов в древности особой оригинальностью не отличались. В большинстве случаев они сводились к непосредственному разрушению останков самого скелета, являвшегося вместилищем духа покойного (Флёров В.С., 1993, с.59). В связи с этим хочется обратить внимание специалистов на имеющееся, как мне кажется, значительное, хотя и не совсем полное, сходство известных в настоящее время основных проявлений ООП у населения Дешт-и-Огуза и Хазарского каганата. Полагаю, что тюркоязычные кочевые огузы, впервые появившиеся в степях Северного Прикаспия уже в сер.IX в., легко могли воспринять все основные формы и особенности этого обряда в Восточной Европе в ходе непосредственных этнических контактов с населением Хазарского каганата. В пользу возможности такого предположения можно отметить следущие факты:

– одновременное существование кочевнических (огузских) и хазаро-болгарских погребений как в бескурганных могильниках бэровских бугров волжской дельты (Косика, Лбище), так и в курганных могильниках (Вертячий, Царев). К сожалению, хронология этих памятников относительно друг друга пока не ясна;

– распространение в кочевой среде погребений с положением тел умерших на боку, характерных для захоронений женщин салтово-маяцкой культуры;

– существование у кочевников коллективных и парных захоронений, обычных и характерных также для населения салтово-маяцкой культуры;

– широкое распространение этнографических культовых предметов, в частности копоушек, – специфической категории погребального инвентаря, широко распространенной у населения Хазарского каганата.

До настоящего времени северокаспийские огузские копоушки сопоставлялись только с хорошо известной копоушкой из подкурганного погребения сросткинской культуры из Ур-Бердари (Савинов Д.Г., 1979, с.63). Но эти материалы практически одновременны друг другу и, в целом, датируются 2-й пол.X – нач.XI в. (Гаврилина Л.М., 1985, с.224). Поэтому типологически довольно поздняя и до сих пор вроде бы единственная в кругу кимакских древностей копоушка из Ур-Бердари сама может считаться предметом поволжского (огузского) происхождения. Между тем, существенные типологические различия между салтовскими и огузскими копоушками особого значения не имеют, так как это легко может быть объяснено разной хронологией основных групп этих памятников. Вполне возможно, что потомки салтовских женщин, всту-

павших в браки с огузскими мужчинами-воинами, как раз и стали хранителями и продолжателями традиций использования подобных украшений. Публикация типологически наиболее ранней кочевнической копоушки из Заяр, 1/А, возможно, относящейся еще к IX – нач.X в. (Шишкин П.Н., Ильина А.И., 1928; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.119-121, № 105, с.332, т.XXIX, 9), позволяет частично заполнить технохронологический разрыв между салтовскими и огузскими изделиями этого круга.

Именно через салтовских женщин в огузской среде мог получить распространение и обычай ООП. В одной из своих работ С.А.Плетнева, опираясь на материалы Маяцкого могильника, отметила, что погребения возмужалых и зрелых салтовских женщин наиболее всего отличаются от всех остальных максимально возможной степенью разрушения скелетов (Плетнева С.А., 1983, с.15). Преимущественное нарушение именно женских скелетов для погребений хазарского периода Саркела отмечает также и В.С.Флёров (Флёров В.С., 1989, с.182). Следовательно, именно потомки салтовских женщин могли быть носителями и основными хранителями традиций ООП также и в огузском обществе.

Высказанное выше предположение позволяет объяснить существование у населения Дешт-и-Огуза неразрушенных погребений, наибольшая часть которых принадлежит богатым и знатным мужчинам, воинам-профессионалам, батырам: Быково-I, 16/9; Заплавное-I, 3/3; Карасу-I, 20; Кривая Лука-XV, 2/6; Купцын Толга, 46/5; Никольское-V, 1/4; Пятнадцатый поселок, 3/7; Рахинка, 3. Еще несколько захоронений крайне высокого социального ранга (Верхний Балыклей-II, 5/1; Тамар Уткуль, 3; Ченин, 8/4) обнаруживают признаки разрушения не погребенных, а только лишь сопровождающих их конских шкур. Еще в одном эпизоде (Новая Квасниковка, 6/1), при явном связывании ног, останки самого погребенного также не были разрушены. Профессиональные воины-батыры явно составляли отдельную социально-общественную прослойку, вероятнее всего, полностью выделившуюся из основного общества. Именно поэтому чаще всего они и погребались в местах, территориально достаточно удаленных от формирующихся родовых кладбищ остального населения, и, видимо, поэтому не требовали по отношению к себе применения обрядов разрушения.

Время и характер огузо-салтовских контактов пока не вполне ясен и напрямую может быть связан с историческими судьбами населения Хазарского каганата. Этнические контакты салтовского населения и огузов могли начаться уже в кон.IX в. Вопрос о верхней дате алано-болгарских могильников окончательно еще не решен. Отмечено, что ни на Дмитриевском, ни на Маяцком катакомбных могильниках нет достоверных вещей X в. (Флёров В.С., 1993, с.94; 2000а, с.85). Но и хронология археологических древностей Дешт-и-Огуза разработана еще явно недостаточно. Жители уничтоженных печенегами салтовских поселений легко могли найти поддержку именно у огузов. Заимствовать обряды разрушения погребенных кочевники-огузы могли и от жителей Белой Вежи, являвшихся прямыми потомками салтовского населения прежнего Саркела. Несмотря на свою интенсивную христианизацию, беловежцы сохраняли немало прежних языческих верований, в том числе и обычай практически сплошного ритуального разрушения скелетов погребенных (Флёров В.С., 1989, с.181-184; Плетнева С.А., 1990, с.39). ООП и обычай сооружения двойных погребений и подзахоронений являлись наиболее характерными особенностями жителей Саркела-Белой Вежи. О.А.Артамонова отметила связь этих обрядов с традициями населения, коренного для Белой Вежи, преимущественно, представленного европеоидами-брахикранами среднеазиатского типа и, в меньшей степени, долихокранами средиземноморского (Артамонова О.А., 1963, с.49). Возможным решением блока поднимаемых вопросов может стать антропологическое изучение костных останков средневековых кочевнических погребений Северного Прикаспия IX – нач.XI в.[26]

О существовании тесных огузо-хазарских этнических контактов имеется достаточно много данных. Хазары считали огузов родственным себе народом. Какие-то группы хазар в IX-X вв. обитали среди огузов на Сырдарье. Считается, что ябгу этих хазар и ябгу огузов в письменных источниках были абсолютно идентичны друг другу. Происхождение огузской династии сельджукидов в литературе связывается именно с этими группами хазар (Вайнберг Б.И., 2001, с.42). Хорошо известно, что территория Хазарского каганата на юге и северо-западе была окружена мощной линией фортификационных сооружений. Но с востока, где располагались основные печенего-огузские кочевья, страна была полностью открыта. Между тем, Волга выше широты расположения современного Волгограда ни в зимнее, ни в летнее время какой-либо серьезной

[26] Антропологический материал в настоящее время изучается и готовится к печати М.А.Балабановой.

преграды для кочевников не представляла. Следовательно, после проникновения на территорию Хазарского каганата печенегов каких-либо особых противоречий между появившимися в Заволжье огузами и хазарами просто не существовало. Между ними, скорее всего, даже не существовало четко установленной границы. По сообщениям Ибн-Фадлана и Константина Багрянородного, огузы и хазары с самого начала своих контактов были союзниками в общей борьбе с печенегами. Позднее огузы, платившие дань хазарам, могли легко и беспрепятственно проникать на территорию каганата. Известно, что отец Сельджука Тукак был полководцем в войске хазар. Сам Сельджук, основатель огузской династии, с раннего детства воспитывался при дворе хазарского кагана. Только после принятия огузской верхушкой ислама, дружественные отношения сменились враждебными, но и при этом какие-то группировки огузов постоянно продолжали находиться на территории каганата, являясь, по сообщению Ибн-Фадлана, заложниками хазар. Сам Сельджук довольно длительное время также был огузским заложником у хазар. Именно его непосредственное окружение могло состоять из тех среднеазиатских воинов-мусульман, которые находились на постоянной службе у хазар. Именно поэтому поволжские группировки огузов, оставшиеся в язычестве, беспрепятственно могли кочевать по территории каганата. Впоследствии, ранив царя хазар мечом и булавой, Сельджук вызвал на себя гнев и был изгнан из каганата. Тем не менее, даже после явного разрыва хазаро-огузские связи продолжали сохраняться. Хорошо известно, что дети и даже внуки Сельджука имели еврейские имена, что могло быть лишь результатом длительного культурного влияния хазар на огузов (Кестлер А., 2001, с.135-136).

Таким образом, длительная политическая зависимость огузов от Хазарского каганата, пусть во многом и номинальная, общность хозяйственной деятельности, при явном культурно-экономическом превосходстве населения Хазарского каганата, с неизбежностью должны были проявиться и в идеологической сфере. Одним из возможных заимствований кочевниками огузского круга и могло быть широкое распространение в их среде ООП. Отметим важный для нас вывод В.С.Флёрова о том, что обезвреживание погребенных путем проникновения в могилу и разрушения человеческих останков получало распространение, преимущественно, у оседлого населения (Флёров В.С., 2000б, с.18). Значительное количество женских и детских захоронений, существование погребений знати, основных и коллективных захоронений, широкое распространение обряда разрушения останков умерших, формирующиеся и обозначающиеся на местности собственные родовые могильники, существование зимников – все это позволяет определить огузское общество накануне половецкого нашествия, как находящееся на переходе от второй стадии кочевания к третьей. К началу XI в. держава огузских ябгу являлась раннефеодальным государством со стационарным аппаратом управления, фискально-налоговой системой и аильной системой кочевания населения (Агаджанов С.Г., 1969, с.120, 146).

Карта распространения огузских погребальных памятников (Круглов Е.В., 2001б, с.396, рис.1) убедительно показывает, что их кочевья находились не только в Заволжье и Южном Приуралье, но и на всей территории восточных районов Хазарского каганата. Степные просторы Сарпинской низменности, Волго-Донское междуречье и Черные земли уже в 1-й пол.X в. населяли именно огузы. Алешкин, Барановка (Астраханская обл.), Большой Царын, Букановский, Вертячий, Волжский (Астраханская обл.), Головка, Дюкер, Заканальный, Ильевка, Капитанский, Косика, Кривая Лука-III, V, VI, VII, XV, XVI, XXXV, Купцын Толга, Лбище, Никольевка, Никольское-V, Оленье, Первомайский-VII, Старица, Таловая, Трясиновский, У-85 (Барун), Ханата, Химкомбинат, Цаган Усн-VII, Эвдык-I, Яшкуль-86, наконец, кочевнический могильник Белой Вежи – вот неполный список археологических памятников Правобережья Волги, Подонья и Сарпинской низменности, в которых огузское присутствие фиксируется достаточно убедительно. Это подтверждает сведения Масуди, отмеченные еще Г.А.Федоровым-Давыдовым, о проникновении этих кочевников в самом начале X в. на территорию Хазарского каганата (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.139). Эта же ситуация описывается и анонимным автором Худуд-ал-Алема. Но уже ал-Истахри в том же X в. писал, что Итиль (Волга) являлась границей между кимаками и огузами. Очевидно, что к кон.X – нач.XI в. огузы, находясь под давлением кимаков (баяндеров и каев), постепенно начинают смещаться через территорию Волго-Доно-Манычского междуречья на Нижний Дон, в Подонцовье и степное Приазовье[27].

Пока неясно, было ли начало проникновения огузов на территорию Хазарского каганата резуль-

[27] Большое количество огузских захоронений исследованы здесь В.Ф.Клименко и И.Ф.Ковалевой.

татом какой-то единовременной военной миграции, или же они по воле хазарского кагана беспрепятственно заняли территориальную нишу, опустевшую еще в 1-й пол.IX в. после завершения событий гражданской войны в Хазарском каганате, ухода кавар и самих хазар вместе с венграми в Среднее Подунавье и последущего прохождения через эти территории печенегов. Так или иначе, но огузы заняли на территории каганата почти все земли, ранее занимаемые самими хазарами, за исключением лишь некоторых районов Сало-Манычского междуречья и Восточного Приазовья, где этническая ситуация для этого времени пока не совсем понятна. После разрушения в 965 г. Саркела Святославом, действовавшим в союзе с огузами, все эти земли беспрепятственно вошли в состав их владений (Агаджанов С.Г., 1969, с.37, 89, 148, 150). Представляется, что разгром каганата без такого союза был бы просто невозможен. Полагаю, что именно огузы в том же 965 г. захватили и ограбили столицу Хазарского каганата, город Итиль (Кестлер А., 2001, с.129). Долгое время огузы, особенно группы, непосредственно обитавшие на территории каганата, являлись своеобразным буфером, избавлявшим его от угроз с востока, но, в конце концов, именно они стали одними из основных могильщиков этого государства. Период наивысшего усиления могущества кочевников Дешт-и-Огуза приходится на 2-ю пол.X – самое начало XI в. Огузское общество уже находилось на переходе от второй стадии кочевания к третьей. Одним из проявлений особенностей этого населения стал обряд обезвреживания погребенных. Вопрос же о дальнейших судьбах огузского населения в половецкое время пока следует считать открытым.

Вместо заключения

Через обряд обезвреживания погребенных или непосредственного силового воздействия на останки умерших предков прошло большинство средневековых народов Евразии. Не избежали его и тюркоязычные огузы. Как известно, отношения жизни и смерти мыслились тюрками как органический взаимопереход одного в другое. Для живых это означало постоянное переживание прошлого в себе, физическое присутствие в себе всех ушедших предков, которых они помнили до десятого колена. По представлениям саяно-алтайских тюрков, умершие полностью не исчезали, их души оставались на земле и должны были постоянно заботиться о продолжавших жить родственниках. Но всегда ли предки "заботились" о потомках? До новейшего времени в среде тюркоязычных гагаузов, являвшихся прямыми потомками средневековых огузов, при любом подозрении на возможность умершего стать вампиром, сохранялся обычай наносить ему удар ножом в сердце (Флёров В.С., 1993, с.56). Отношение к предкам не исчерпывалось благоговением и страхом перед ними. Потомки стремились к постоянной близости и поддержанию отношений со своими предками. Умершие, по их представлениям, мыслились полномочными представителями живущих в мире, населенном божествами и духами. Уход в землю не означал разрыва родства, у сторон оставались равные обязанности по отношению друг к другу. Конкретная связь между ушедшими предками и живущими потомками в тюркской культуре осознается не через родство по крови, а через родство по кости. Тюрки полагали, что у членов одного рода были одинаковые кости. Например, название "сеок", кроме значения – "род, поколение", у алтайцев имело еще один смысл – "кость, останки, кладбище". Тувинское выражение "хоронить, погребать, участвовать в похоронах" в буквальном переводе означает "держать его кость". Кости – то, что остается от умершего предка и сохраняет сущностные свойства былой и будущей жизни. Неудивительно поэтому, что кости воспринимались как тот самый "минимум живого", который был способен стать источником новых рождений. Именно с костью связывались все основные представления о жизненной силе рода, постоянно и непрерывно передаваемой из поколения в поколение (Сагалаев А.М., Октябрьская И.В., 1990, с.30-32, 39-40).

Целенаправленное изучение ООП только начинается. Сейчас еще трудно говорить о всех признаках этого обряда и о всех возможных приемах обезвреживания. Но все возрастающее количество погребальных памятников с ООП делает изучение особенностей этого обряда все более и более необходимым. В настоящее время могильники со следами обряда обезвреживания открыты на громадных пространствах степей Евразии. К сожалению, пока только катакомбные аланские погребения салтово-маяцкой культуры позволили проследить черты ООП с наиболее убедительной полнотой и доказательностью. Но все это связано, скорее, с методикой и организацией полевых археологических работ, психологической неподготовленностью современных исследователей к восприятию подобных обрядовых действий древних, чем с реальной действительностью. Данная статья, в основном, как раз и является попыткой поиска этого решения. Но это – только лишь первичная постановка некоторых из возникших вопросов.

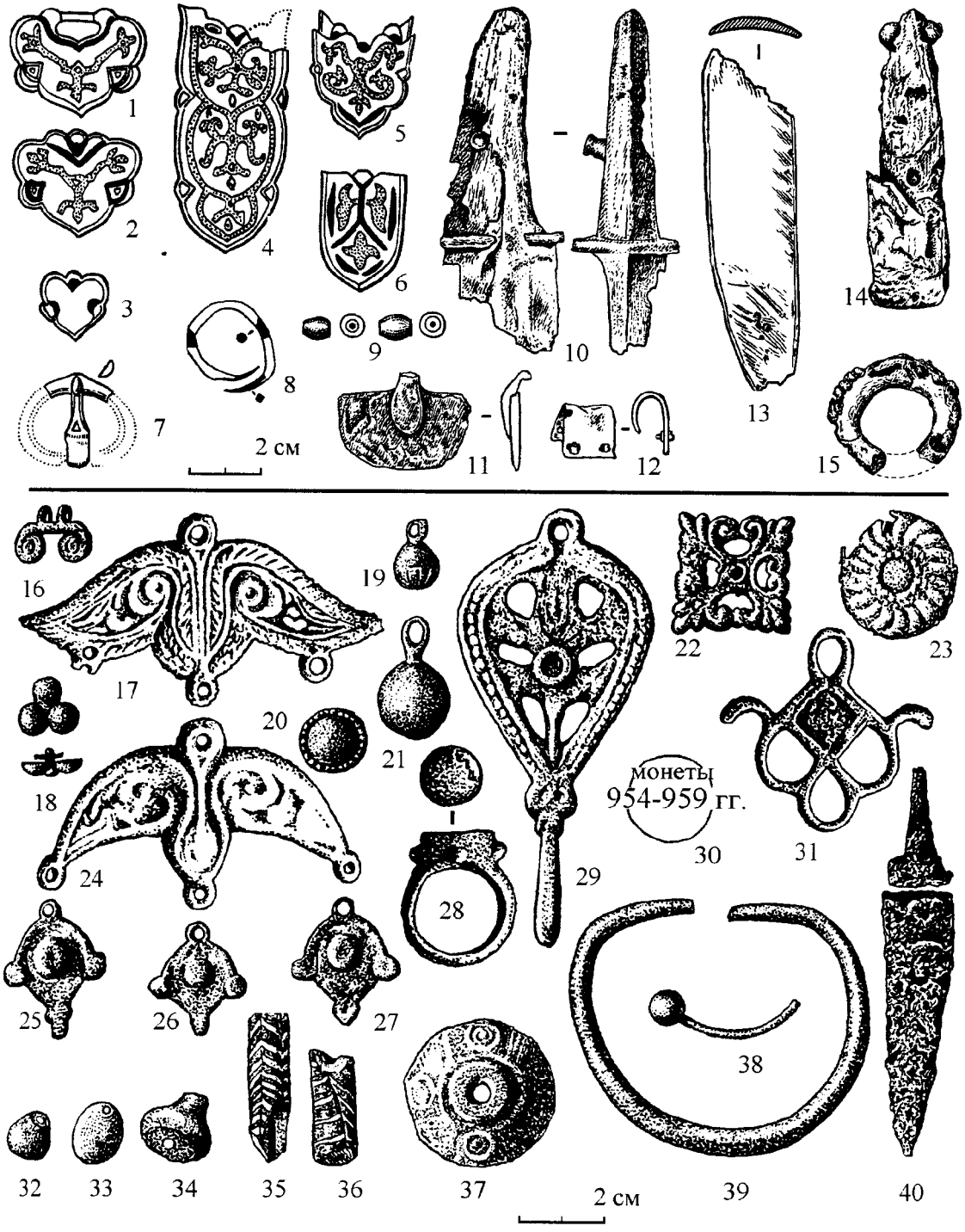

Рис. 1. Инвентарь случайных находок. *1-15 – Челкар, г.Сасай; 16-40 – Лапас.*
Fig. 1. The stock of occasional finds. *1-15 – Chelkar, the town of Sasay; 16-40 – Lapas.*
Abb. 1. Inventar von zufälligen Funden. *1-15 – Tschelkar, die Stadt Sassaj; 16-40 – Lapas.*
Dess. 1. Objets trouvés par hasard. *1-15 – Ĉelkar, ville de Sasaj; 16-40 – Lapas*

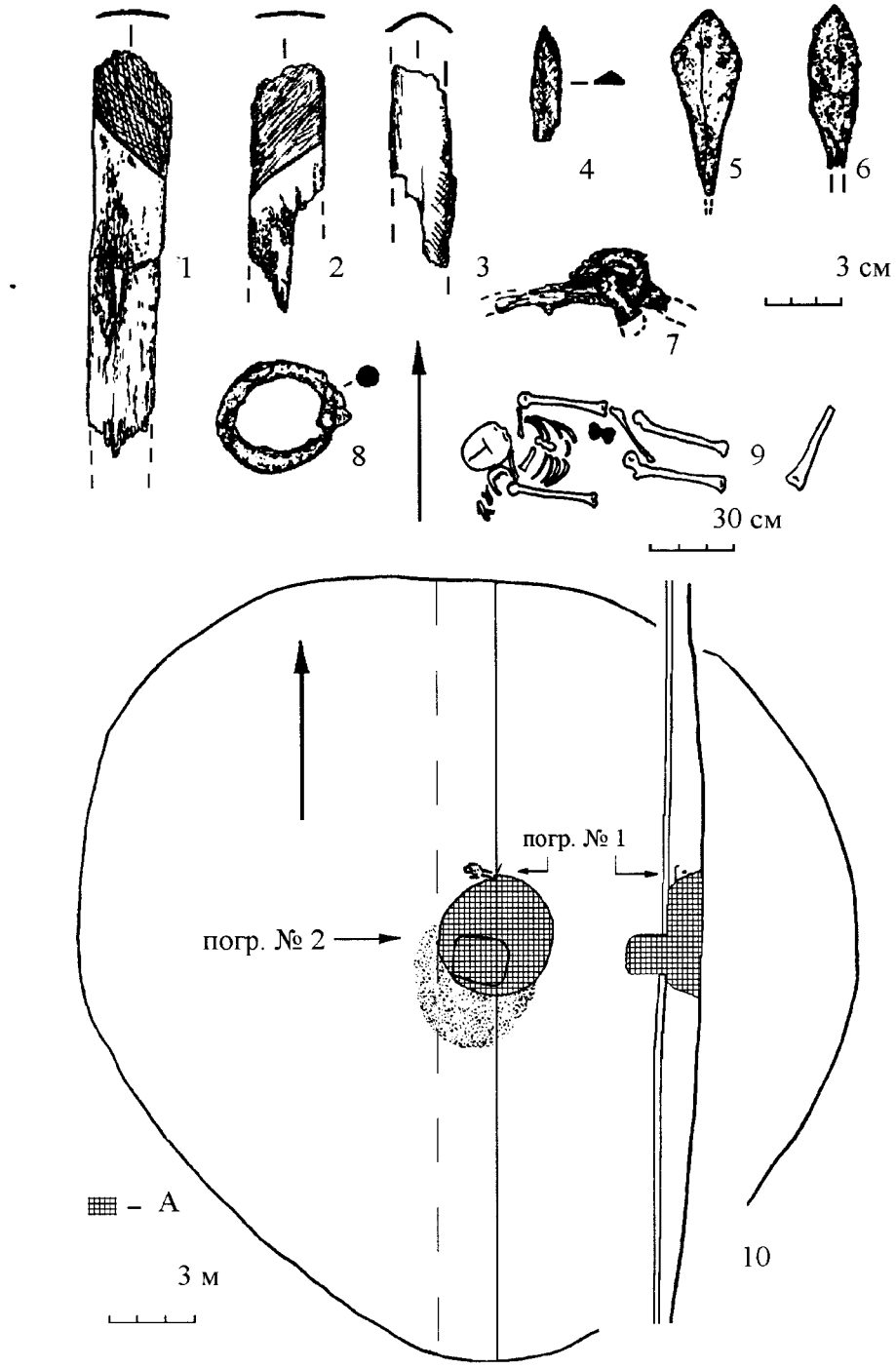

Рис. 2. Комсомольский, к.1. *1-9 – план и инвентарь погребения 1; 10 – план кургана 1. А – грабительский перекоп.*

Fig. 2. Komsomolskiy, burial mound 1. *1-9 – the plan and stock of burial 1; 10 – burial mound 1 plan. A – unlawful diggings.*

Abb. 2. Komsomolskij, Kurgan 1. *1-9 – Grundriss und Inventar der Bestattung 1; 10 – Grundriss des Kurgans 1; A – Raubgrabung.*

Dess. 2. Komsomolskij, tumulus 1. *1-9 – plan et mobilier du tombeau 1; 10 – plan du tumulus 1. A – fouille mise au pillage*

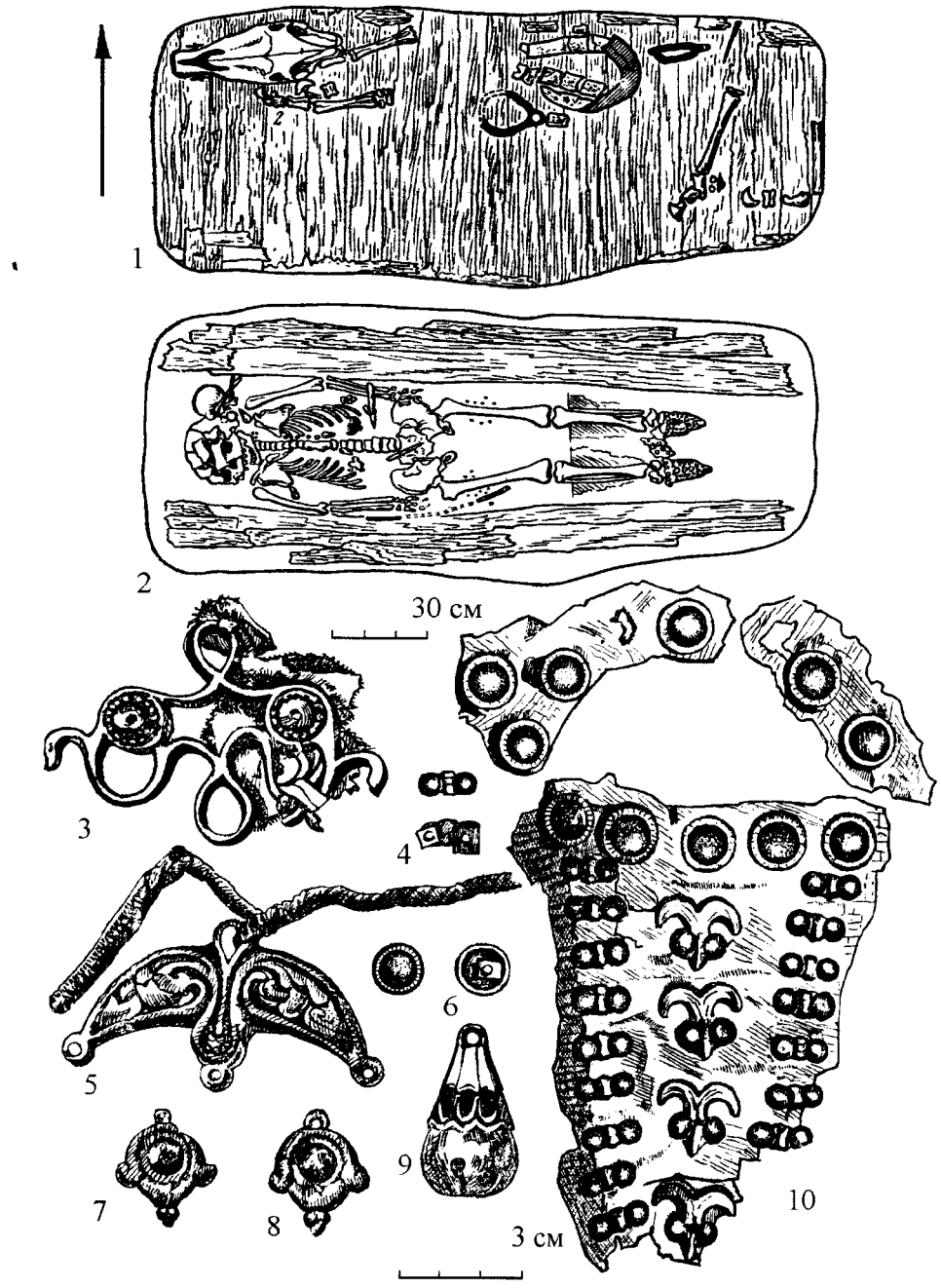

Рис. 3. Увак, 10/2. Планы и инвентарь погребения 2.
Fig. 3. Uvak, 10/2. Burial 2 plans and stock.
Abb. 3. Uvak, 10/2. Lageplan und Inventar der Bestattung 2.
Dess. 3. Uvak, 10/2. Plans et mobilier du tombeau 2

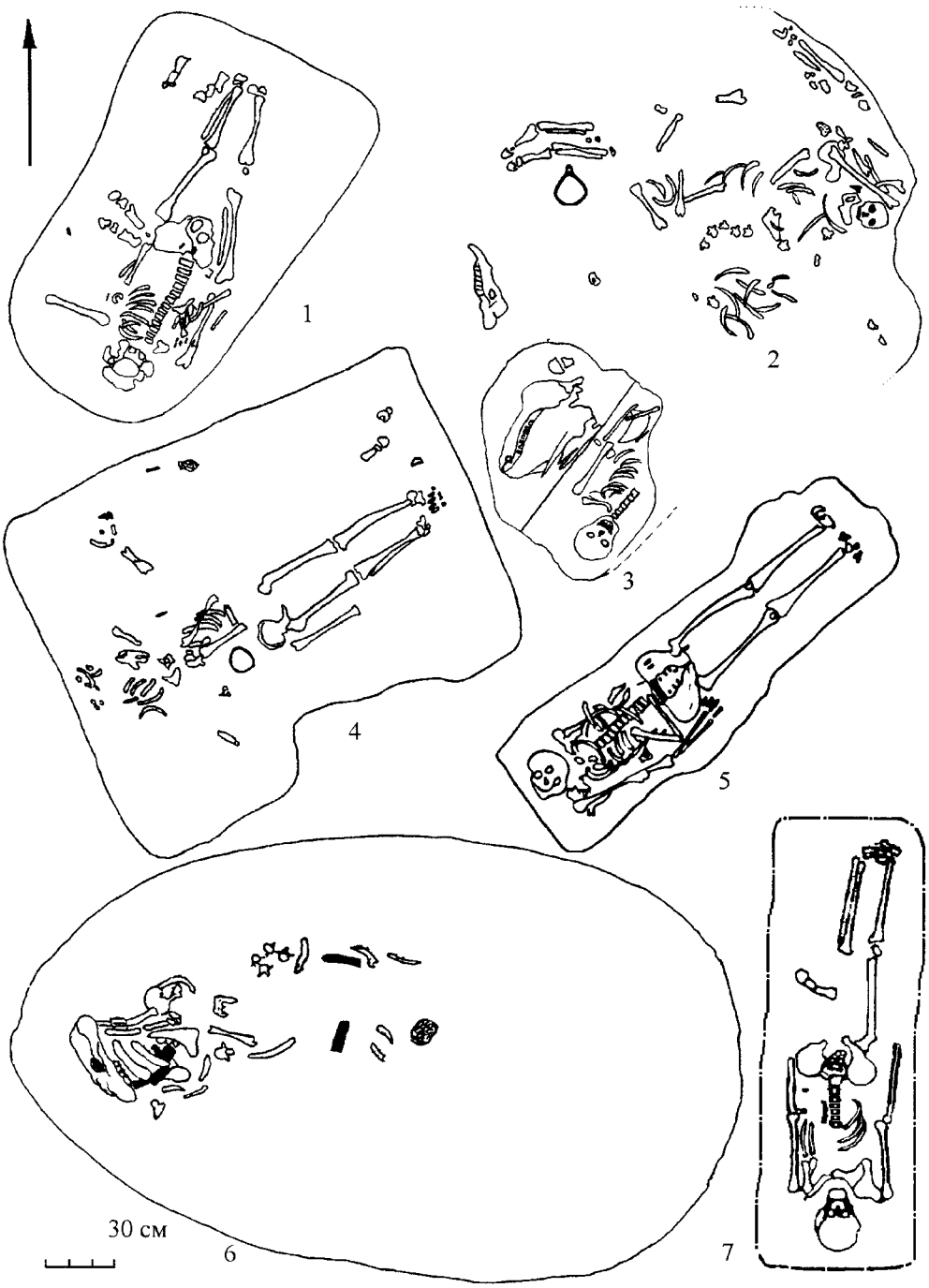

Рис. 4. Планы погребений. *1 – Карасу-I, 18/1; 2 – Карасу-I, 4/6 Б; 3 – Карасу-I, 11/2; 4 – Карасу-I, 11/1; 5 – Карасу-I, 8/1; 6 – Карасу-I, 1; 7 – Покровск-VIII, 4/1.*

Fig. 4. Burial plans. *1 – Karasu-I, 18/1; 2 – Karasu-I, 4/6 Б; 3 – Karasu-I, 11/2; 4 – Karasu-I, 11/1; 5 – Karasu-I, 8/1; 6 – Karasu-I, 1; 7 – Pokrovsk-VIII, 4/1.*

Abb. 4. Lagepläne der Bestattungen. *1 – Karasu-I, 18/1; 2 – Karasu-2, 4/6 Б; 3 – Karasu-I, 11/2; 4 – Karasu-I, 11/1; 5 – Karasu-I, 8/1; 6 – Karasu-I, 1; 7 – Pokrovsk-VIII, 4/1.*

Dess. 4. Plans des tombeaux. *1 – Karasu-I, 18/1; 2 – Karasu-I, 4/6 Б; 3 – Karasu-I, 11/2; 4 – Karasu-I, 11/1; 5 – Karasu-I, 8/1; 6 – Karasu-I, 1; 7 – Pokrovsk-VIII, 4/1*

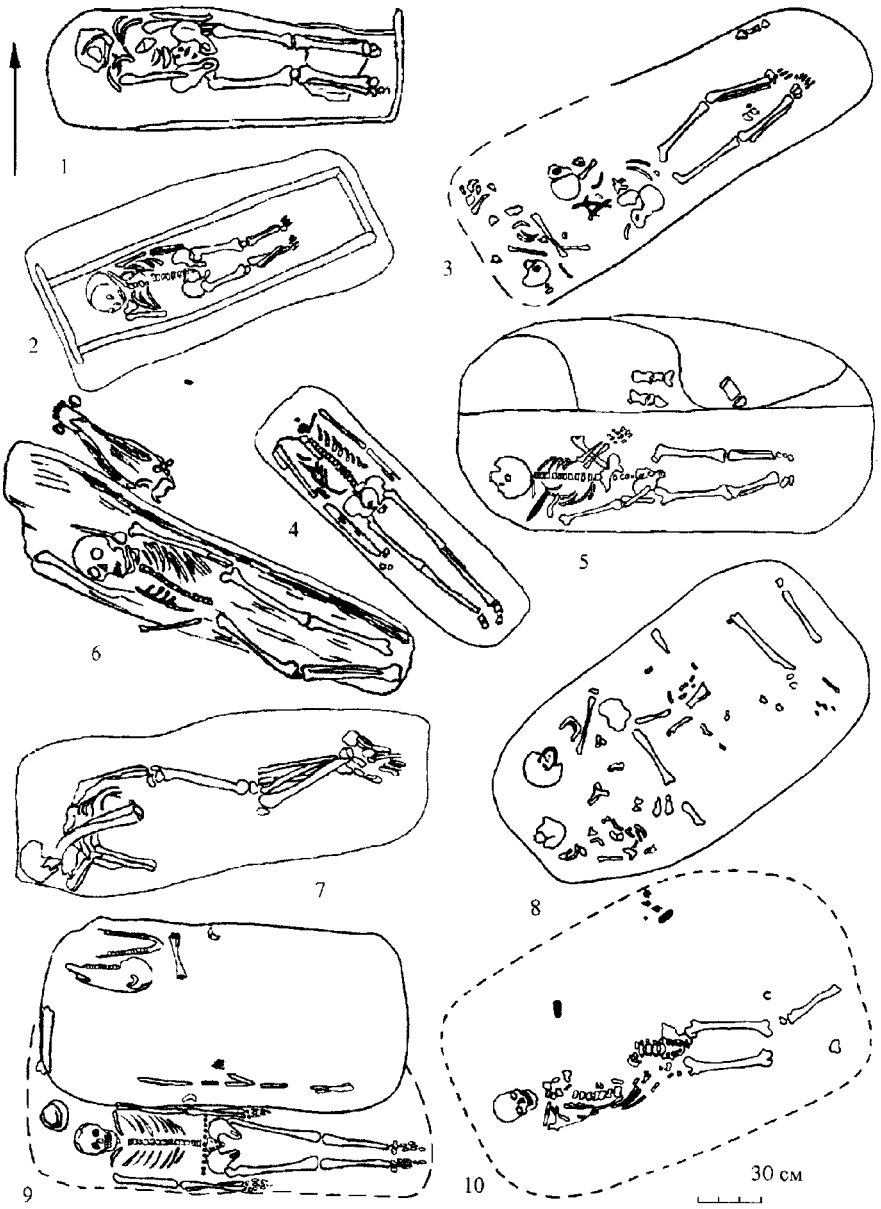

Рис. 5. Планы погребений. *1 – Степана Разина, 4/2; 2 – Степана Разина, 3/2; 3 – Карасу-I, 6/1; 4 – Атпа, 2/2; 5 – Челкар, 8; 6 – Нежинское, 1/4; 7 – Кара Оба, 10/1; 8 – Карасу-I, 24/1 и 24/2; 9 – Тамар Уткуль, 3; 10 – Кировский-II, 2/2.*

Fig. 5. Burial plans. *1 – Stepan Razin's, 4/2; 2 – Stepan Razin's, 3/2; 3 – Karasu-I, 6/1; 4 – Atpa, 2/2; 5 – Chelkar, 8; 6 – Nezhinskoye, 1/4; 7 – Kara Oba, 10/1; 8 – Karasu-I, 24/1 and 24/2; 9 – Tamar Utkul, 3; 10 – Kirovsky-II, 2/2.*

Abb. 5. Lagepläne der Bestattungen. *1 – von Stepan Rasin, 4/2; 2 – von Stepan Rasin, 3/2; 3 – Kapasu-I, 6/1; 4 – Atpa, 2/2; 5 – Tschelkar, 8; 6 – Neyinskoje, 1/4; 7 – Kara Oba, 10/1; 8 – Kapasu-I, 24/1 und 24/2; 9 – Tamar Utkul, 3; 10 – Kirovskij-II, 2/2.*

Dess. 5. Plans de tombeaux. *1 – Stepan Razin, 4/2; 2 – Stepan Razin, 3/2; 3 – Karasu-I, 6/1; 4 – Atpa, 2/2; 5 – Ĉelkar, 8; 6 – Nĕžynskoĕ, 1/4; 7 – Kara-Oba, 10/1; 8 – Karasu-I, 24/1 et 24/2; 9 – Tamar Utkul, 3; 10 – Kirovskij-II, 2/2*

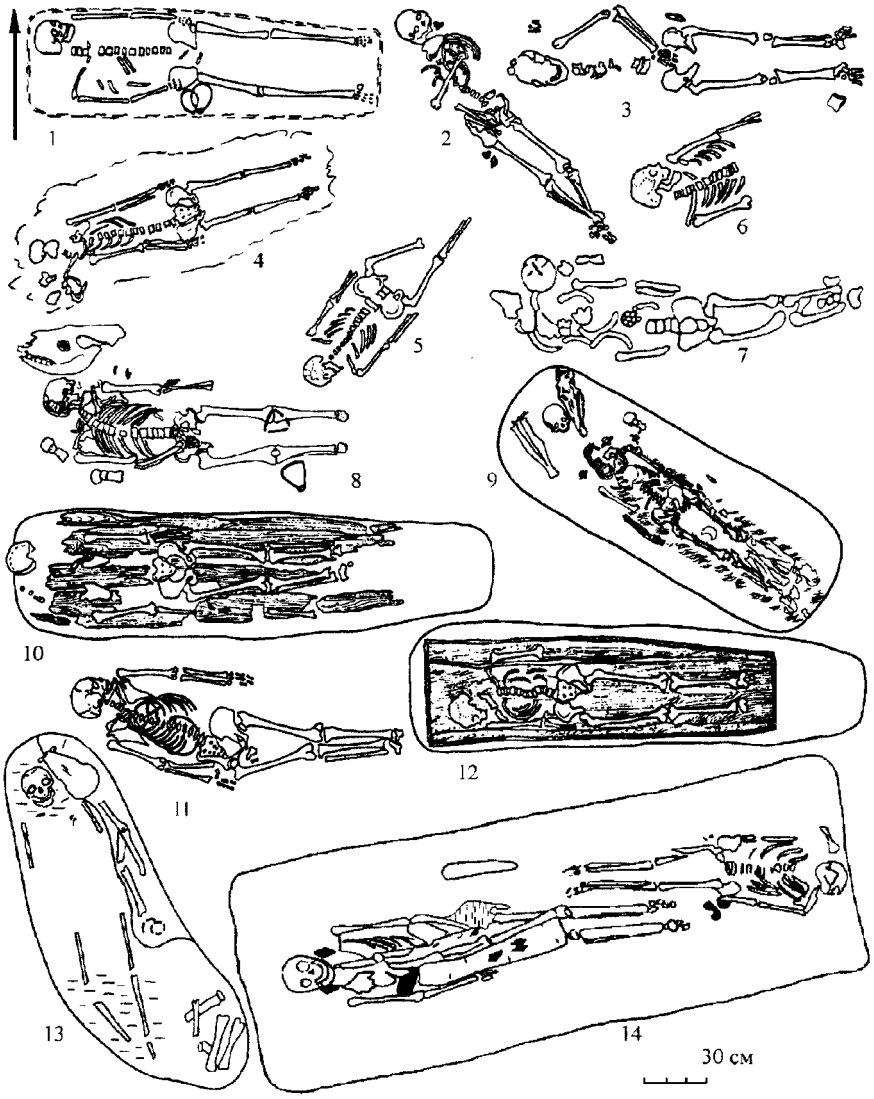

Рис. 6. Планы погребений. *1 – Букановский, 1/1; 2 – Верхнепогромное-I, 3/7; 3 – Заплавное-I , 1/3; 4 – Громки, 3/2; 5 – Средняя Ахтуба, 3/2; 6 – Средняя Ахтуба, 3/7; 7 – Кос Оба, 7/2; 8 – Приозерное, 2/3; 9 – Кривая Лука-V, 4; 10 – Средняя Ахтуба, 3/5; 11 – Маяк Октября-90, 1/2; 12 – Средняя Ахтуба, 3/6; 13 – Никольевка; 14 – Вертячий, 7/5.*

Fig. 6. Burial plans. *1 – Bukanovsky, 1/1; 2 – Verkhnepogromnoye-I, 3/7; 3 – Zaplavnoye-I, 1/3; 4 – Gromki, 3/2; 5 – Sredn'aya Akhtuba, 3/2; 6 – Sredn'aya Akhtuba, 3/7; 7 – Kos Oba, 7/2; 8 – Prioz'ornoye, 2/3; 9 – Krivaya Luka-V, 4; 10 – Sredn'aya Akhtuba, 3/5; 11 – Mayak Okt'abr'a-90, 1/2; 12 – Sredn'aya Akhtuba, 3/6; 13 – Nikolyevka; 14 – Vert'achy, 7/5.*

Abb. 6. Lagepläne der Bestattungen. *1 – Bukanovskij, 1/1; 2 – Verchnepogromnoje-I, 3/7; 3 – Saplavnoje-I , 1/3; 4 – Gromki, 3/2; 5 – Srednjaja Achtuba, 3/2; 6 – Srednjaja Achtuba, 3/7; 7 – Kos Oba, 7/2; 8 – Priosjornoje, 2/3; 9 – Krivaja Luka-V, 4; 10 – Srednjaja Achtuba, 3/5; 11 – Majak Oktjabrja-90, 1/2; 12 – Srednjaja Achtuba, 3/6; 13 – Nikoljevka; 14 – Wertjatschi, 7/5.*

Dess. 6. Plans de tombeaux. *1 – Bukanovskij, 1/1; 2 – Verhnĕpogromnoĕ-I, 3/7; 3 – Zaplavnoê-I, 1/3; 4 – Gromki, 3/2; 5 – Srĕdnââ Ahtuba, 3/2; 6 – Srĕdnââ Ahtuba, 3/7; 7 – Kos Oba, 7/2; 8 – Priozernoê, 2/3; 9 – Krivaâ Luka-V, 4; 10 – Srĕdnââ Ahtuba, 3/5; 11 – Maâk Oktâbrâ -90, 1/2; 12 – Srĕdnââ Ahtuba, 3/6; 13 – Nikoljĕvka; 14 – Vertâĉij, 7/5*

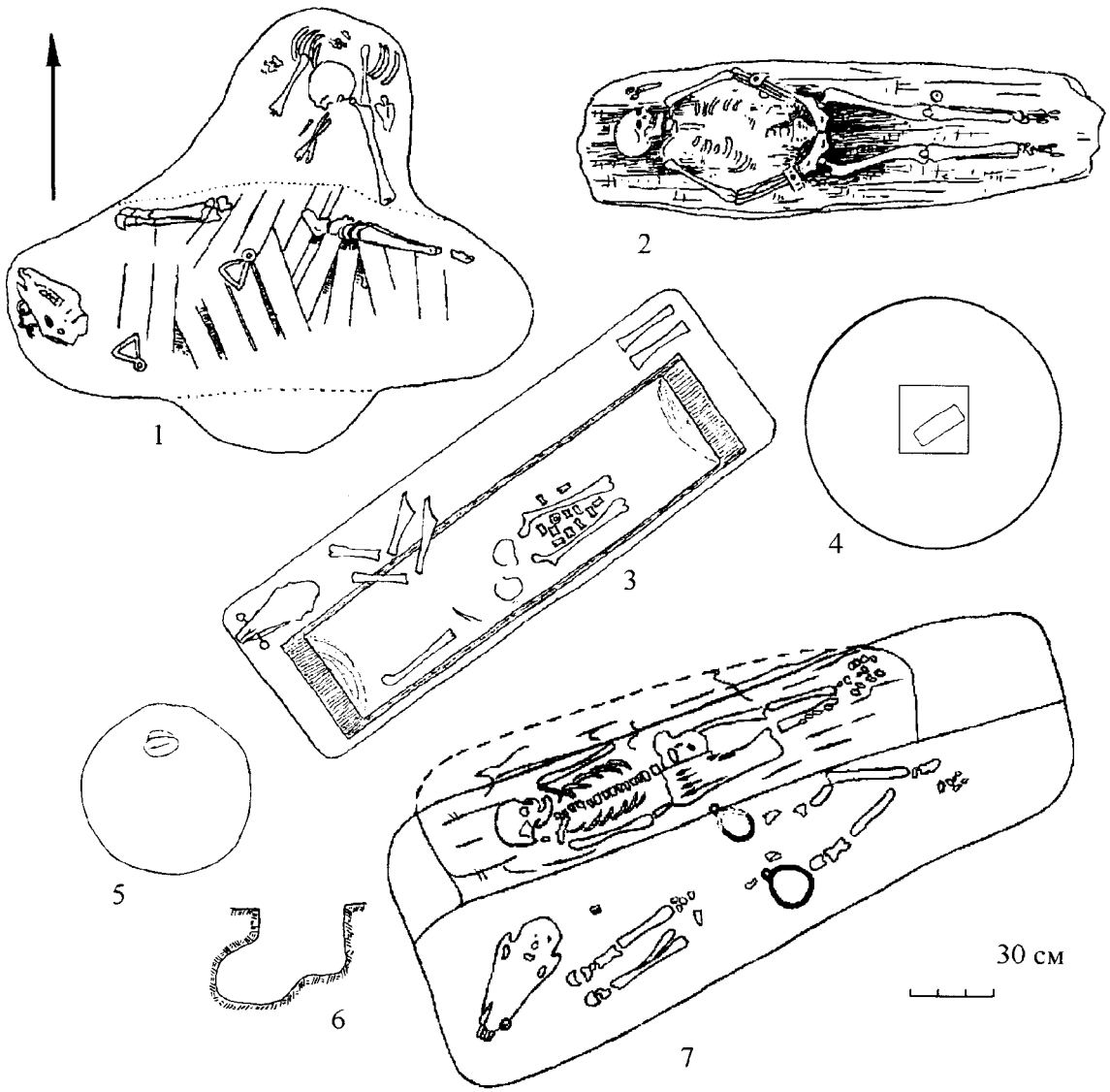

Рис. 7. Планы погребений. *1-2 – Блюменфельд; 3-4 – Свинуха, 13; 5-7 – Карасу-I, 20, где 7 – реконструкция автора. 1-4 – без масштаба.*

Fig. 7. Burial plans. *1-2 – Blumenfeld; 3-4 – Svinukha, 13; 5-7 – Karasu-I, 20, where 7 is the author's reconstruction. 1-4 is without reference to any scale.*

Abb. 7. Lagepläne der Bestattungen. *1-2 – Blumenfeld; 3-4 – Svinukha, 13; 5-7 – Karasu-I, 20, wo 7 die Rekonstruktion durch den Autor ist. 1-4 – ohne Maßstab.*

Dess. 7. Plans de tombeaux. *1-2 – Blumenfeld; 3-4 – Svinuha, 13; 5-7 – Karasu-I, 20, où 7 – reconstruction de l'auteur. 1-4 – sans échelle*

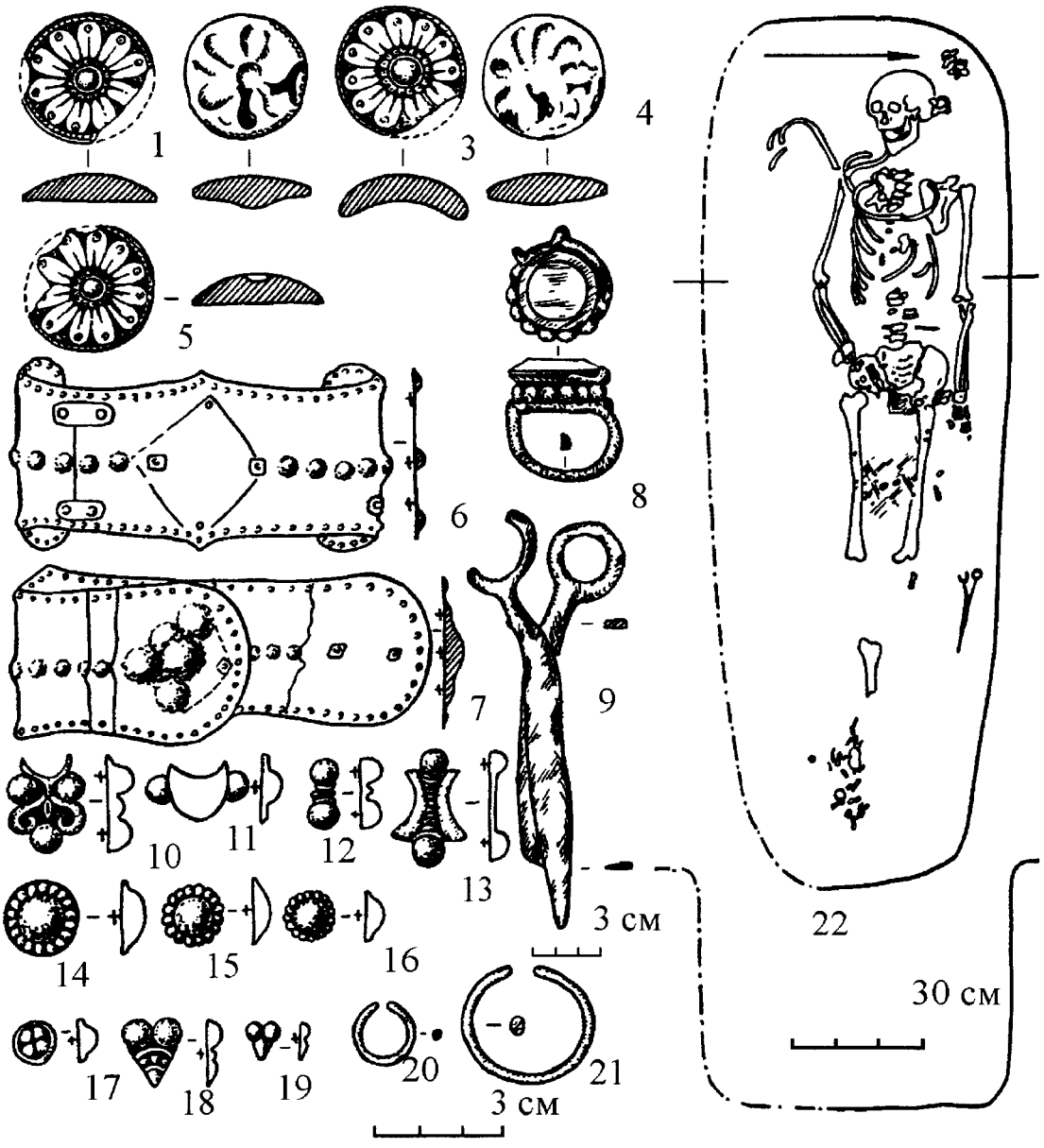

Рис. 8. Успенка. План и инвентарь погребения.
Fig. 8. Uspenka. The burial plan and stock.
Abb. 8. Uspenka. Lageplan und Inventar der Bestattung.
Dess. 8. Uspenka . Plan et mobilier du tombeau

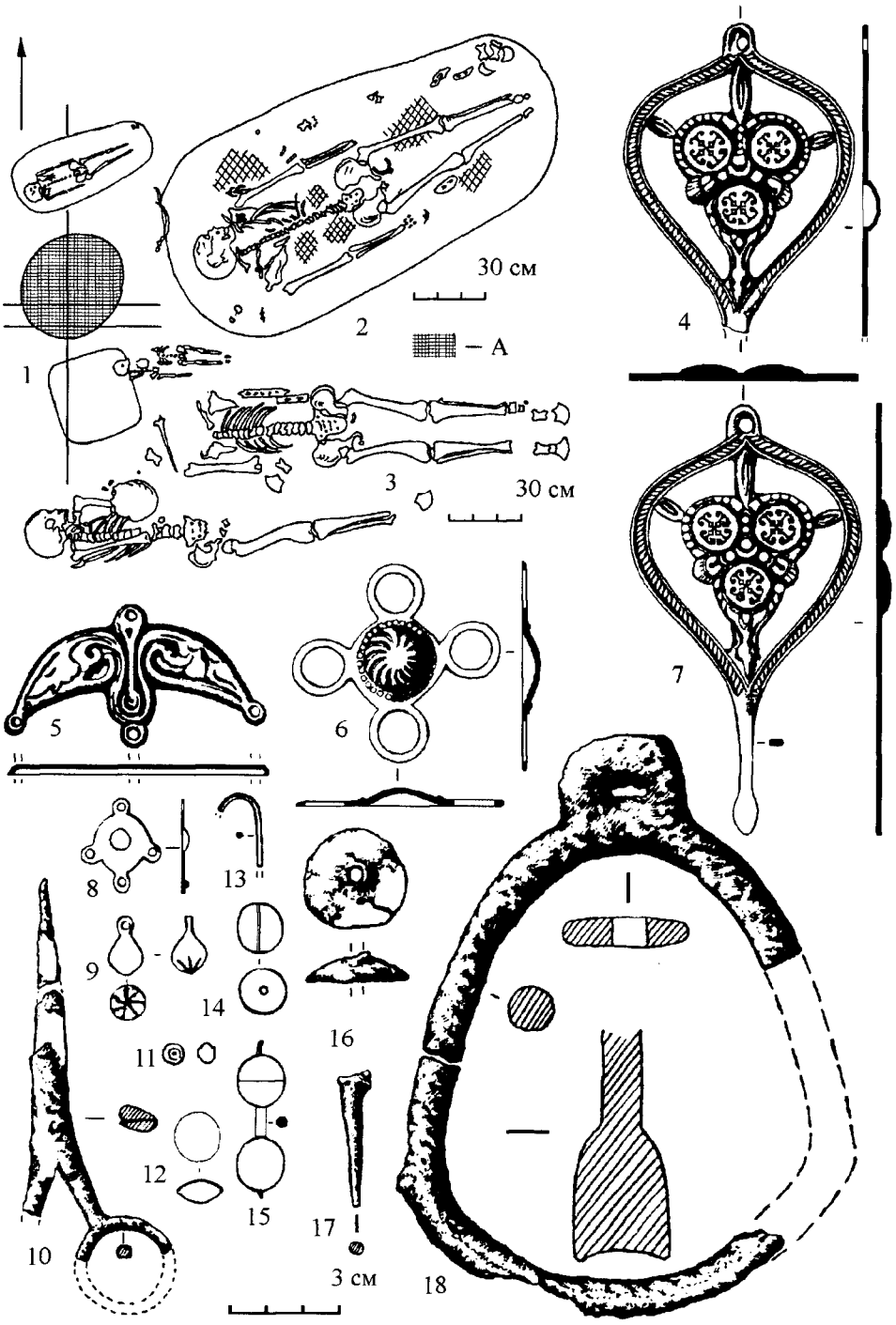

Рис. 9. Эльтон-85, курган 7. *1 – деталь плана кургана; 2, 3 – планы погребений 1 и 2; 4-18 – инвентарь из погребения 1. А – грабительский перекоп.*

Fig. 9. Elton-85, burial mound 7. *1 – a detail in the burial mound plan; 2, 3 – plans for burials 1 and 2; 4-18 – the stock of burial 1. A – unlawful diggings.*

Abb. 9. Elton-85, Kurgan 7. *1 – ein Teil des Kurgangrundrisses; 2, 3 – Lagepläne der Bestattungen 1 und 2; 4-18 – Inventar aus der Bestattung 1. A – Raubgrabung.*

Dess. 9. Elton-85, tumulus 7. *1 – un détail du plan du tumulus; 2, 3 – plans du tombeau 1 et 2; 4-18 – mobilier du tombeau 1. A – fouille mise au pillage*

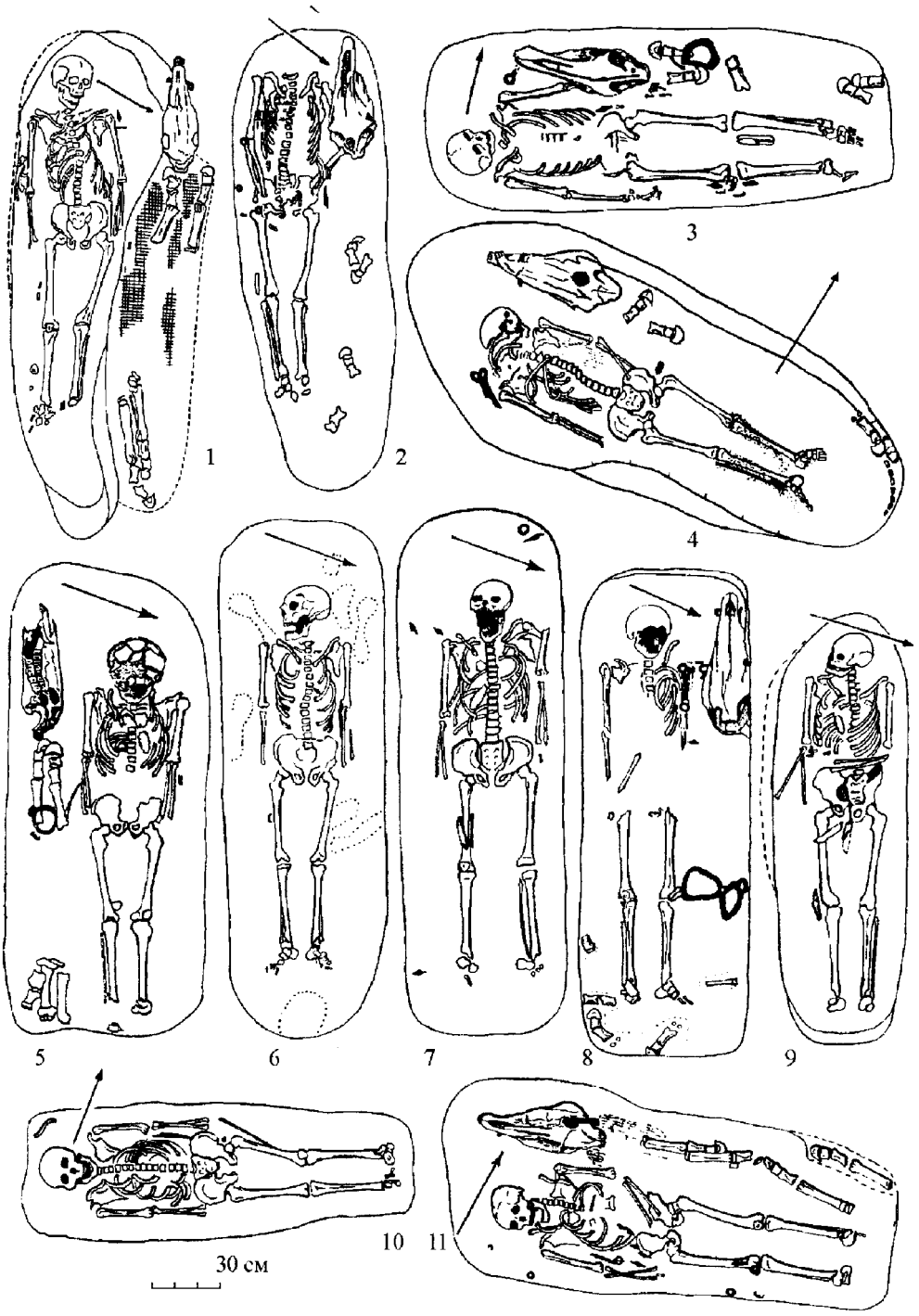

Рис. 10. Белая Вежа, планы погребений. *1 – к.43; 2 – к.5; 3 – к.8; 4 – к.47; 5 – к.56; 6 – к.27; 7 – к.10/2; 8 – к.54; 9 – к.49; 10 – к.36; 11 – к.53.*

Fig. 10. Belaya Vezha, burial plans. *1 – burial mound 43; 2 – burial mound 5; 3 – burial mound 8; 4 – burial mound 47; 5 – burial mound 56; 6 – burial mound 27; 7 – burial mound 10/2; 8 – burial mound 54; 9 – burial mound 49; 10 – burial mound 36; 11 – burial mound 53.*

Abb. 10. Belaja Wesha, Lagepläne der Bestattungen. *1 – Kurgan 43; 2 – Kurgan 5; 3 – Kurgan 8; 4 – Kurgan 47; 5 – Kurgan 56; 6 – Kurgan 27; 7 – Kurgan 10/2; 8 – Kurgan 54; 9 – Kurgan 49; 10 – Kurgan 36; 11 – Kurgan 53.*

Dess. 10. Bělaâ Veža, plans de tombeaux. *1 – tumulus 43; 2 – tumulus 5; 3 – tumulus 8; 4 – tumulus 47; 5 – tumulus 56; 6 – tumulus 27; 7 – tumulus 10/2; 8 – tumulus 54; 9 – tumulus 49; 10 – tumulus 36; 11 – tumulus 53*

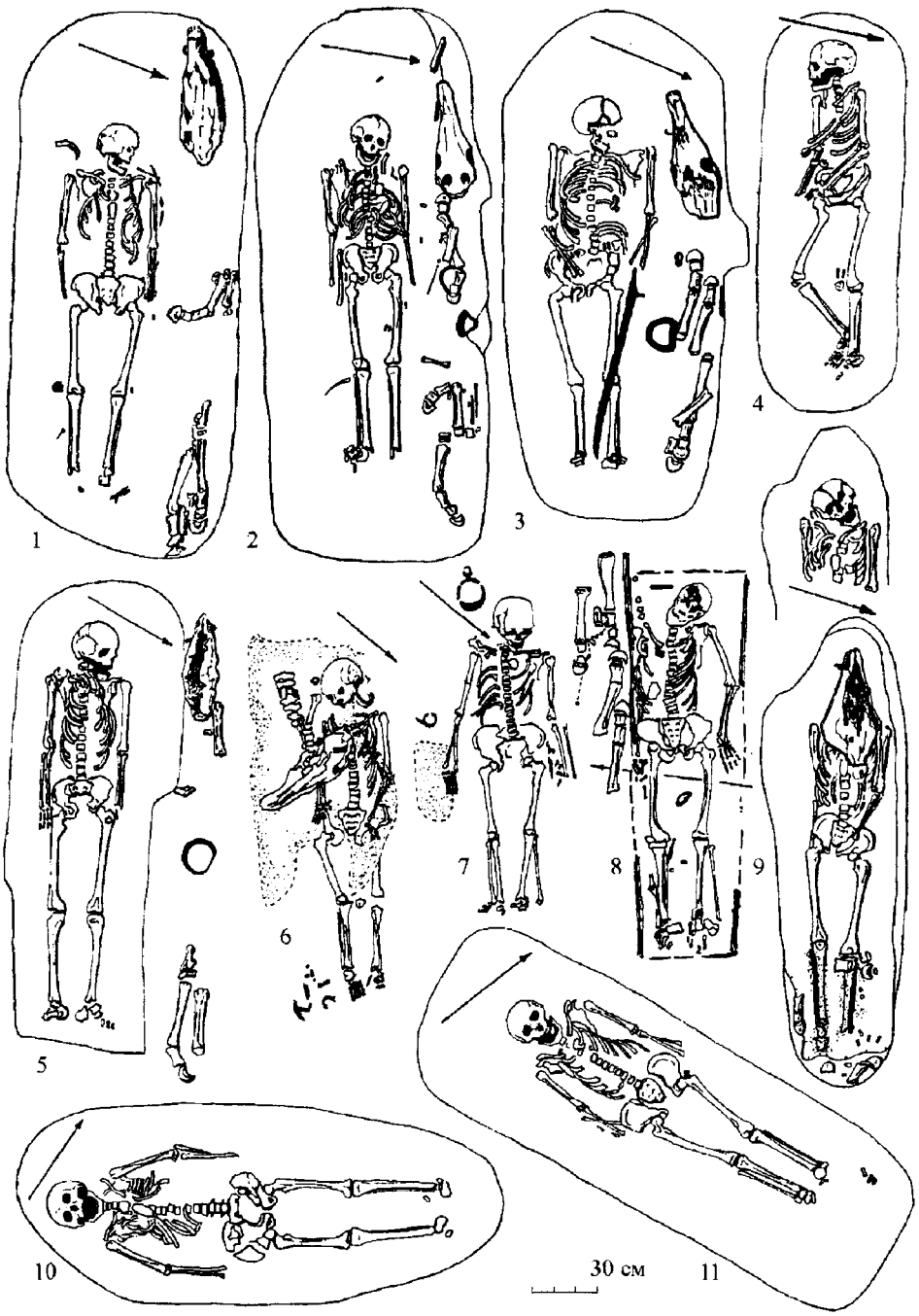

Рис. 11. Белая Вежа, планы погребений. *1 – к.37; 2 – к.40; 3 – к.34; 4 – к.38/2; 5 – к.41; 6 – нас.19/1, п.22; 7 – нас.19/1, п.26; 8 – нас.19/1, п.15; 9 – к.48; 10 – к.46; 11 – к.38/1.*

Fig. 11. Belaya Vezha, burial plans. *1– burial mound 37; 2 – burial mound 40; 3 – burial mound 34; 4 – burial mound 38/2; 5 – burial mound 41; 6 – mound 19/1, burial 22; 7 – mound 19/1, burial 26; 8 – mound 19/1, burial 15; 9 – burial mound 48; 10 – burial mound 46; 11 – burial mound 38/1.*

Abb. 11. Belaja Wesha, Lagepläne der Bestattungen. *1 – Kurgan 37; 2 – Kurgan 40; 3 – Kurgan 34; 4 – Kurgan 38/2; 5 – Kurgan 41; 6 – Erdschüttung 19/1, Bestattung 22; 7 – Erdschüttung 19/1, Bestattung 26; 8 – Erdschüttung 19/1, Bestattung 15; 9 – Kurgan 48; 10 – Kurgan 46; 11 – Kurgan 38/1.*

Dess. 11. Bělaâ Veža, plans de tombeaux. *1 – tumulus 37; 2 – tumulus 40; 3 – tumulus 34; 4 – tumulus 38/2; 5 – tumulus 41; 6 – talus 19/1, tombeau 22; 7 – talus 19/1, tombeau 26; 8 – talus 19/1, tobeau 15; 9 – tumulus 48; 10 – tumulus 46; 11 – tumulus 38/1*

Приложение

Название памятника		Действия по отношению																																																					
		К коню						К человеку																																																
								Смещения и разрушения костей																								Отсутствие (удаление) костей																						Иное		
	Отграбления могил	Разрушения не выявлены	Разрушения череца коня	Разрушения шкур	Отсутствие черепа коня	Отсутствие передних ск. конечностей	Отсутствие задних ск. конечностей	Действия не выявлены	Верхняя часть черепа	Нижняя челюсть	Шейный и грудной отделы позвоночника	Поясничный отдел позвоночника	Правые лопатка и ключица	Правая сторона грудной клетки	Левые лопатка и ключица	Левая сторона грудной клетки	Плечевая кость правой руки	Кости предплечья правой руки	Плечевая кость левой руки	Кости предплечья левой руки	Кисть правой руки	Кисть левой руки	Правое крыло таза	Левое крыло таза	Бедренная кость правой ноги	Бедренная кость левой ноги	Берцовые кости правой ноги	Берцовые кости левой ноги	Кости стопы правой ноги	Кости стопы левой ноги	Смещение большинства костей	Верхняя часть черепа	Нижняя челюсть	Шейный и грудной отделы позвоночника	Поясничный отдел позвоночника	Правые лопатка и ключица	Правая сторона грудной клетки	Левые лопатка и ключица	Левая сторона грудной клетки	Плечевая кость правой руки	Кости предплечья правой руки	Плечевая кость левой руки	Кости предплечья левой руки	Кисть правой руки	Кисть левой руки	Правое крыло таза	Левое крыло таза	Бедренная кость правой ноги	Бедренная кость левой ноги	Берцовые кости правой ноги	Берцовые кости левой ноги	Кости стопы правой ноги	Кости стопы левой ноги	Неясные разрушения	Связывание ног	Положение на боку и развороты тел
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
Акбулак			x			x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Алешкин. 1/2		x																																										x												
Атпа-II. 2									x	x																																														
Барановка-70. 1/1 и 1/2. Астр			x	x					x	x							x	x	x	x	x	x					x	x	x	x																										
Барановка-72. 23/1. Астр			x	x		x	x						x																															x	x								x			
Бахтияровка-I. 32/12						?					x	x			x																																					x	x		x	x
Бахтияровка-II. 55/5			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Близнецы. 3/2				x	x	x				x		x								x			x									x									x	x		x	x		x		x		x					
Блюменфельд. 2/1		x																																x										x	x											
Большой Царын. 3/5	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Букановский. 1/1		x												x																								x	x																	
Быково-I. 10/16				x	x	x																			x	x	x	x	x	x																										
Быково-I. 14/3		x																x																																						
Быково-I. 21/3			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Быково-II. 3/5		x							x																																															
Быково-II. 26/5				x	x		x																																					x	x											
Васильевка. 1/1	x				x	x	x																																							x	x	x	x	x	x	x	x			
Вертячий. 6/1		x						x																																															x	
Вертячий. 7/5. Скелет 2					x	x	x		x	x															x																															
Верхнепогромное-I. 1/3		x	x			x	x							x		x		x																x	x	x		x						x	x											
Верхнепогромное-I. 3/4					x	x	x						x				x	x																	x									x	x	x		x		x	x	x	x			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
Верхнепогромное-I. 3/7				x	x	x	x		x	x			x	x	x	x	x																	x							x	x	x	x											x	
Верхнепогромное-II. 14/21	x		x			x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Верхнепогромное-II. 15/2					x	x	x																																																x		
Верхнепогромное-II. 19/1					x	x	x		x	x																																														
Верхний Балыклей-II. 5/1			x					x																																																
Верхний Балыклей-II. 6/5	x				x	x	x		x	x			x	x	x	x	x	x	x	x							x	x	x	x	x			x									x	x												
Верхний Балыклей-II. 7/1				x	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x														x									x	x							x	x				
Верхний Балыклей-II. 8/1				x		x																												x									x	x							x	x				
Волжский-II. 2/4				x	x		x	x																																																x	x
Волжский-II. 2/9	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Волчанский. 6/1			x	x					x	x																x					x			x	x	x	x	x	x	x		x			x		x			x	x	x	x			
Громки. 2/1				x	x	x		x																																																
Громки. 3/1					x	x	x		x	x			x				x	x							x	x	x	x	x	x	x													x	x	x	x				x	x			
Громки. 3/2					x	x	x		x	x	x																																													
Дюкер. 27/4			x	x					x	x	x		x		x		x	x		x	x	x	x	x	x	x			x	x	x																										
Дюкер. 27/5			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Дюкер. 27/9						x	x		x	x	x		x	x	x	x																																										
Жарсуат-I. 1/2				x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x			x	x	x																										
Журов. 2/1					x																											x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x			
Закапальный. 4/4					x	x	x		x	x																												x	x					x							x					
Заплавное-I. 1/3					x	x	x		x																											x	x	x	x	x	x		x												
Заплавное-I. 2/1	x			x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x					x																										
Заплавное-I. 3/4					x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x				x	x																																				x	x
Заплавное-I. 3/6. Скелет 1		x							x	x																																x		x	x											
Заплавное-I. 3/6. Скелет 2					x	x	x		x	x																								x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x			
Ильевка. 9/1 и 9/2			x	x																																								x	x											
Калиновский. 1/3					x	x	x		x																																			x	x											
Калиновский. 1/7				x	x				x	x	x		x	x																																												
Калиновский. 4/1	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Калиновский. 9/3					x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Калиновский. 28/2						x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x					x																										
Калиновский. 30	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Калиновский. 42/1		x												x		x			x	x															x		x	x	x	x					x	x						x	x			
Кано-В. 1/1					x	x	x																																																	
Капитанский. 10/1	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x					x																										
Капитанский. 11/1			x			x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Кара Оба. 6/1					x																											x	x																							
Кара Оба. 10/1					x	x	x					x											x	x		x																													x	x
Карасу-I. 1/1			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x		x	x	x	x	x																										
Карасу-I. 4/6 Б			x						x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Карасу-I. 6/1				x	x	x			x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																																	
Карасу-I. 8/1			x	x					x	x	x		x	x	x	x			x	x		x																																		
Карасу-I. 11/1			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x		x																																	
Карасу-I. 11/2				x								x	x	x			x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
Карасу-I. 18/1			x						x	x			x	x	x			x	x		x		x		x																															
Карасу-I. 24/1	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Карасу-I. 24/2	x		x	x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Киляковка. 1/5	x			x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x		x	x		x		x						x																									
Киляковка. 3/2			x	x		x				x																							x										x	x											
Киляковка. 4/1			x					x																																															
Киляковка. 4/2	x			x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Киляковка. 5/8 А	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Кировский-II. 2/2					x	x	x				x	x	x	x							x			x		x	x		x	x						x	x	x	x	x	x										x		
Колобовка-I. 3/4				x	x				x	x																																												
Колобовка-I. 6/1			x	x		x			x				x		x																					x		x																
Колобовка-I. 6/2				x	x		x																																					x	x										
Колобовка-III. 1/3. Скелет 1		x									x			x		x																			x		x							x	x									x	
Колобовка-III. 1/3. Скелет 2										x	x	x	x	x	x	x	x	x			x	x			x	x	x	x	x	x	x																								
Колычево-II. 2/2		x																																												x	x	x	x	x	x	x	x			
Комсомольский. 1/1	x					x	x		x	x															x	x	x							x							x		x		x	x	x	x	x			x	x	x			
Косика. -/3		x										x					x	x																																					x
Кос Оба. 7/2				x	x	x	x		x	x	x		x	x	x	x	x				x	x																																		
Кос Оба. 11/1			x	x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Кос Оба. 11/2				x	x				x	x																																		x		x								
Красная Деревня. 15/8			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																																
Красный Октябрь. 1/2. Волг				x	x		x		x					x		x											x	x	x	x				x		x		x							x								
Красный Октябрь. 1/1. Самар					x	x																									x	x			x			x				x								x	x	x	x			
Красный Октябрь. 1/2. Самар						x	x																								x	x	?			?	?															x	x	x			
Красный Яр. 17/1					x	x				x																															x			x											
Кривая Лука-III. 1/10					x	x	x		x	x																																												x	
Кривая Лука-III. 1/11					x	x	x		x	x																																											x	x		
Кривая Лука-III. 1/23			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Кривая Лука-V. 4			x	x					x	x	x		x	x	x	x	x																																						
Кривая Лука-VI. 1/5					x	x	x												x	x																			x	x														
Кривая Лука-XV. 2/2			x			x	x		x	x	x	x		x	x	x			x			x	x																																	
Кривая Лука-XV. 2/9			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x				x	x	x																								
Кривая Лука-XVI. 1/1					x	x	x		x	x	x	x	x		x	x							x	x	x	x	x																													
Лбище. -/4		x										x					x	x																																						x
Ленинск. 3/2				x	x	x	x		x	x			x		x				x	x						x								x	x	x	x	x	x	x	x		x	x						x		x		
Ленинск. 3/7				x	x	x			x	x							x		x																x	x	x	x	x		x		x	x		x					x		x		
Ленинск. 4/4			x	x			x																x	x							x	x			x	x		x					x		x						x		x		
Маляевка-V. 5/3	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Маляевка-V. 6/1	x		x	x					x	x																								x		x		x		x		x		x	x						x	x	x	x		
Маляевка-V. 9/2	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Маляевка-V. 11/2	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																									
Маляевка-V. 11/5			x	x		x	x		x	x	x		x	x	x	x	x	x	x		x	x																																			
Маяк Октября-90. 1/1				x	x		x		x	x	x																		x																					x				
Маяк Октября-90. 1/2					x	x	x	x																																													x	x
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
Мирное. 1/6					x	x	x																		x									x	x	x		x			x			x							x	x	x	x			
Мишкина Пристань. 1/1	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																											
Молчановка. 3/2	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																											
Нежинское. 1/4						x	x							x			x	x																	x		x							x	x	x	x					x	x		x	
Никольевка. -/1				x																													x			x				x			x		x	x	x	x					x	x			
Никольское-V. 1/4. Скелет 2						x	x	x																																															x	x
Новая Квасниковка. 6/1		x						x																																														x	
Новоникольское-I. 7/13			x	x					x	x																																													
Новоникольское-II. 1/7					x	x	x																																					x	x				x		x	x			
Новоузенск. 2/1									x	x			x	x	x	x	x	x	?	?																									x	x						x	x			
Новый Рогачик. 2/1	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x													x	x						x	x			
Осинки-I. 4/1					x	x	x							x			x	x				x				?													x					x	x	x	x								
Первомайский-VII. 10/1			x	x																																x			x																
Первомайский-VII. 12/3					x				x	x							x	x			x														x																				
Покровка-I. 17/2					x				x	x	x	x	x	x	x	x																																							
Покровка-II. 1/1					x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																								
Покровка-VIII. 1/8	x				x	x	x			x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x							x																								
Покровка-VIII. 1/9	x				x	x	x			x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																								
Покровка-VIII. 4/1				x	x	x																												x		x		x							x								
Приозерное. 2/3							x																												x										x								
Рубежка. -/3			x			x	x		x	x																	x	x	x	x																							x	
Сары Айдин. 4/1					x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																								
Светлое Озеро. 2/1																																																								x	
Светлое Озеро. 6/6					x				x	x			x				x				x			x																	x														x	
Свинуха. 13														x		x							x	x								x	x	x	x	x		x			x	x	x	x	x					x	x	x	x			
Солодовка. 5/4			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Солодовка-I. 4/1					x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																																
Солянка. 3/1					x	x	x			x				x	x			x	x	x												x				x			x	x														
Средняя Ахтуба. 1/3				x	x		x			x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x							x	x																										
Средняя Ахтуба. 1/5						x	x					x	x	x	x																																									
Средняя Ахтуба. 3/2					x	x	x																																																		
Средняя Ахтуба. 3/5					x	x	x		x	x								x																x	x		x		x																
Средняя Ахтуба. 3/6					x	x	x		x	x																																		x	x	x										
Средняя Ахтуба. 3/7					x	x	x																												x						x			x	x	x	x	x	x	x	x	x	x			
Старица. 7/18				x	x	x	x		x	x			x	x	x	x			x								x	x	x	x																										
Старица. 21/2					x	x	x		x	x						x																																								
Старица. 21/3					x	x	x		x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																										
Старица. 21/5		x														x																													x	x						x	x			
Старица. 30/4. Скелет 1		x								x				x																		x						x	x		x	x	x		x								
Старица. 30/4. Скелет 2		x																			x											x	x		x												x	x						
Старица. 30/4. Скелет 3		x							x	x			x										x	x	x									x					x		x	x												x	
Старица. 30/4. Скелет 4		x							x	x			x	x	x	x	x	x	x	x					x	x					x			x								x	x	x	x					x	x			
Старица. 38/1	x			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																								
Степана Разина. 1/10					x	x	x				x			x		x																		x		x		x		x		x	x	x					x	x	x	x			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
Степана Разина. 2/3					x	x	x			x					x	x																																						
Степана Разина. 3/2					x	x	x																														x				x			x	x										
Степана Разина. 4/1					x	x	x																								x																								
Степана Разина. 4/2					x	x	x		x	x	x		x	x	x	x		x	x	x																				x				x	x												
Степана Разина. 4/3					x	x	x							x		x																				x		x																		x
Степана Разина. 4/4					x	x	x		x	x	x	x																																											
Степаневка-II. 6/1																																				x				x	x			x											
Сухая Саратовка-II. 1/5		x											x																			x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x		
Тамар Уткуль (Кумакский). 1			x	x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Тамар Уткуль. 3			x	x				x																																															
Торгунское. 1/5	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Трясиновский. 1/1			x	x										x														x										x					x	x	x							x		
У-85 (Барун). 1/5		x							x	x	x		x	x		x	x																									x			x		x								
У-85 (Барун). 3/3					x	x	x																																					x								x		
У-85 (Барун). 3/4																																																				x			
У-85 (Барун). 4/2		x															x																												x	x									
Увак. 2/6				x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Успенка. 2			x	x		?			x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Успенка. -/1			x	x							x		?			x												x																							x		x		?	
Фриденберг. 7/1					x			x																																															
Ханата. 5/18			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Химкомбинат- Б. 4/2	x				x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Цаган Усн-VII. 4/9		x																														x	x				x				x										x		
Царев, 11			x					x																																														
Царев. 23/1					x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x					x	x																								?	?								
Челкар-II. 8/1			x	x			x		x	x			x		x		x	x	x	x		x		x																			x											
Ченин. 8/4				x				x																																														
Черноярский. 1/1					x			x																																													x	x
Черноярский. 1/2					x	x	x																									x	x	x	x	x	x	x	x											x	x
Черноярский. 2/1				x	x	x		x																																													
Черноярский. 2/2			x						x	x																																											
Черноярский. 4/5																																																				x	x
Шульц. А 11/1			x	x		x			x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																																
Шульц. F 10/16			x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Эвдык-I. 7/8			x	x		x			x	x														x		x					x			x																			
Эльтон-83. 7/2				x	x				x	x			x			x	x	x			x	x	x																															
Эльтон-84. 1/1	x				x																				x	x				x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Эльтон-84. 2/15	x		x	x					x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x																							
Эльтон-85. 7/1				x	x									x																											x													
Эльтон-85. 7/2. Скелет 1					x	x	x																																		x		x	x	x		x		x	x	x			
Эльтон-85. 7/2. Скелет 2				x	x				x																								x								x	x	x	x	x					x				
Яман. 2/2					x	x		x																																													x		
Яшкуль. 1/1 и 1/8					x			x																																													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
Белая Вежа. 5		x																														x	x																						
Белая Вежа. 8		x												x		x							x	x									x	x																						
Белая Вежа. 10/1					x	x	x		x	x																																														
Белая Вежа. 10/2					x	x	x							x	x	x	x																										x	x							x	x			
Белая Вежа. 11																																												x	x							x	x			
Белая Вежа. 12					x	x	x							x		x																											x	x							x	x		x	
Белая Вежа. 15					x	x	x		x					x		x																											x	x							x	x			
Белая Вежа. 16		x							x	x																								x		x							x	x							x	x			
Белая Вежа. 20					x	x	x																																	x			x	x							x	x			
Белая Вежа. 21		x												x		x		x																																			x	x			
Белая Вежа. 27					x	x	x																																					x	x							x	x			
Белая Вежа. 28					x	x	x																															x							x										
Белая Вежа. 29					x	x	x	x	x					x		x																									x						x	x						x	x			
Белая Вежа. 33					x	x	x							x		x							x	x																												x	x			
Белая Вежа. 34		x							x	x				x		x																																					x	x			
Белая Вежа. 35/1					x	x	x		x	x																										x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x		x	x	x	x			
Белая Вежа. 35/2																																												x	x										
Белая Вежа. 36					x	x	x								x													x																x	x							x	x			
Белая Вежа. 37													x			x					x	x												x						x															
Белая Вежа. 38/1					x	x	x										x																																								
Белая Вежа. 38/2					x	x	x																																						x	x										x
Белая Вежа. 39					x	x	x																											x	x	x	x	x	x	x	x				x									
Белая Вежа. 40		x												x		x		x										x	x																										
Белая Вежа. 41			x					x																						x																										
Белая Вежа. 42					x	x	x	x																																																	
Белая Вежа. 43		x												x		x																																								x		x
Белая Вежа. 45		x																																																						
Белая Вежа. 46					x	x	x		x	x				x		x																																								
Белая Вежа. 47		x							x	x				x																										x																
Белая Вежа. 48		x							x	x																		x																											
Белая Вежа. 49					x	x	x		x	x																																														x
Белая Вежа. 53		x											x	x	x	x																			x			x			x													x
Белая Вежа. 54		x													x	x		x																	x		x						x	x	x	x	x								
Белая Вежа. 56		x							x	x			x	x	x	x																			x										x	x										
Белая Вежа. 59					x	x	x																																						x	x										
Белая Вежа. 60			x			x	x																									x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Белая Вежа. 19/1 п.15					x				x				x	x															x	x																										
Белая Вежа. 19/1 п.22						x	x		x	x							x						x	x		x		x	x	x					x																				
Белая Вежа. 19/1 п.26					x	x	x					x								x		x								x	x																								
Белая Вежа. 19/1 п.29																							x	x						x	x																							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56

Литература и архивные материалы

Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад.

Агаджанов С.Г., 1977. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана// Известия АН Туркменской ССР. Вып.4. Сер. общ. наук. Ашхабад.

Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина// СА. № 3.

Аксенов В.С., 2002. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры// РА. № 3.

Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Арзютов Н.К., 1930. Отчет 1930 г.// Личный архив И.В.Синицына// Архив ИИМК РАН. Ф.79, д. № 120, 121.

Арзютов Н., 1933. Погребения поздних кочевников Калмыцкой области// ИНВИК. Вып.6. Саратов.

Артамонова О.А., 1963. Могильник Саркела – Белой Вежи// МИА. № 109.

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара.

Бисембаев А.А., Книсарин Б.А., 2000. Некоторые аспекты этнополитической истории Южного Приуралья и Западного Казахстана в VIII-XI веках// Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. 3. Новосибирск.

Вайнберг Б.И., 2001. Туркестанские хазары// Поволжье в средние века. ТДК. Нижний Новгород.

Васильев Д.В., 1993. Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике Лбище в Володарском районе Астраханской области в 1993 г.// Архив АКМЗ.

Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья// Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Васильева И.Н., 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области// Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Васильева И.Н., 2000. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье// История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.

Веддер Дж., Егоров В.Л., Дэвис-Кимбол Дж., Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., Яблонский Л.Т., 1993. Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 г.// Курганы левобережного Илека. Вып.1. М.

Гаврилина Л.М., 1985. Кочевнические украшения X в.// СА. № 3.

Гаврилина Л.М., 1987. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв.// Археологические исследования Калмыкии. Элиста.

Гаврилина Л.М., 1991. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X в. Нижнего Поволжья// Материалы по археологии Калмыкии. Элиста.

Гаврилина Л.М., 1993. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Галкин Л.Л., 1975. Отчет о работах в Саратовском Заволжье 1975 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 6469.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.

Глухов А.А., 2001. Отчет о работе археологического отряда "Гюлистан" Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета в 2001 году// Архив ВОКМ, д.№ 171.

Горбунов В.С., Васильев В.Н., Иванов В.А., 1983. Отчет о раскопках и разведке в Оренбургской области и Башкирской АССР в 1983 г.// Архив ИА РАН.

Гуренко Л.В., 1993. Новые курганные материалы Донского Правобережья// ДВДС. Вып.3.

Гуркин С.В., 2001. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI вв.// Донская археология. Вып.3-4 (12-13).

Гуцалов С.Ю., 1993. Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка-I (Актюбинская область)// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1975. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне 1-й очереди строительства КАРОС в 1975 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 5250.

Дворниченко В.В., Малиновская И.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.// Древности Астраханского края. М.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Отчет о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с.Косика в 1984 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 10879.

Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 6719.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1980. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди КАРОС в Черноярском р-не Астраханской области в 1980 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 8254.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди КАРОС в 1981 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 9905.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем// Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Железчиков Б.Ф., 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград.

Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999. Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане// Нижневолжский археологический вестник. Вып.2. Волгоград.

Жирница, 1988. Середина XIX в. Серебро, чернь// Серебро в фондовых собраниях Государственного объединенного музея КБА СССР. Комплект открыток. Минеральные Воды.

Зарецкий И.А., 1941. Пос. Благословенка и Акбулак// Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.; Л.

Иванов В.А., 1990. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н.э.// Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Иванов В.А., 1993а. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и в Приуралье// Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

Иванов В.А., 1993б. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Иванов В.А., 2001. Средневековые погребения могильника Тамар-Уткуль на Илеке// Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург.

Ильина А.И, Шишкин П.Н, 1929. Материалы к археологической карте Нижневолжского края. Сталинград.

Каталог выставки, 2001.Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Волгоград.

Кёстлер А., 2001. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб.

Ким М.Г., 1977. Отчет о полевых археологических исследованиях у ст.Новоузенск Саратовской обл., произведенных в 1977 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 6773.

Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В., 1972. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону// АО 1971 г. М.

Кокебаева Г.К., 1980. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана// История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата.

Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии)// Vita Antiqua. № 2. К.

Комар А.В., 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк.

Комаров А.М., Мамонов А.Е., Овчинникова Н.В., 1990. Отчет о раскопках курганных могильников в Ленинском районе Волгоградской области в 1990 г.// Архив ВОКМ, д. № 101.

Конкин В.Н., 1969. Украшение из половецкого погребения// СА. № 2.

Кравченко А.А., 1978. Кочевническое погребение XII в. у с.Флориновское// Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Красильников К.И., 1978. Раннепеченежское погребение в с.Горшковке// СА. № 4.

Кривцова-Гракова О.А., 1928. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.// ТСА РАНИОН. Т.4.

Кригер В.А., 1979. Погребение и случайные находки IX-XI вв. на территории Уральской области// Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Кригер В.А., 1983. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г.// Архив ВОКМ, д. № 73.

Кригер В.А., 1984. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 г.// Архив ВОКМ, д. № 44.

Кригер В.А., 1985а. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIV вв.)// Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кригер В.А., 1985б. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском и Ленинском районах Волгоградской области// Архив ВОКМ, д. № 46.
Кригер В.А., 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников)// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
Кригер В.А., 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980. Позднекочевнические погребения у пос.Рубежка и Алебастрово Уральской области// СА. № 1.
Круглов Е.В., 1989а. Отчет о разведках археологических памятников в Волгоградской области в 1989 г.// Архив ВОКМ, д. № 49.
Круглов Е.В., 1989б. Некоторые замечания о погребальном обряде средневековых кочевников VII-XI вв.// Тезисы докладов VI научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград.
Круглов Е.В., 1989в. К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганных погребений салтово-маяцкой культуры (по материалам восточной группы памятников)// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов конференции. Донецк.
Круглов Е.В., 1990. О подкурганных захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
Круглов Е.В., 1992а. Печенежский кенотаф из Журова кургана// Исследования по археологии Юга Восточной Европы. Элиста.
Круглов Е.В., 1992б. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности// Вопросы этнической истории Волго-Донья. Тезисы докладов конференции. Пенза.
Круглов Е.В., 1992в. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности// Межрегиональная конференция "Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды". Тезисы докладов конференции. Волгоград.
Круглов Е.В., 1992г. Хазарские погребения на реке Аксай// ДВДС. Вып.2. Волгоград.
Круглов Е.В., 1992д. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// СА. № 3.
Круглов Е.В., 1994. К вопросу о печенегах// Проблемы всеобщей истории. Волгоград.
Круглов Е.В., 2001а. О некоторых особенностях погребального обряда огузов// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.
Круглов Е.В., 2001б. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол.IX – 1-й пол.XI в.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк.
Кушаев Г.А., 1968. Отчет о раскопках 1968 г.// Архив ИА им.А.Х.Маргулана Республики Казахстан.
Кушаев Г.А., 1974. Отчет о раскопках 1974 г.// Архив ИА им.А.Х.Маргулана Республики Казахстан.
Кушаев Г.А. 1975. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г.// Архив ИА им.А.Х.Маргулана Республики Казахстан.
Кушева-Грозевская А., 1928. Золотоордынские древности ГИМ из раскопок 1925-1926 г. в Нижнем Поволжье. Саратов.
Лукашов А.В., 1980. Отчет о работе Палласовского отряда Заволжской экспедиции ВГПИ за 1980 г.// Архив ВОКМ, д. № 120.
Лукашов А.В., 1981. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1981 г.// Архив ВОКМ, д. № 121.
Лукашов А.В., 1982. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в Палласовском районе Волгоградской области за 1982 г.// Архив ВОКМ, д. № 66.
Лукашов А.В., 1983. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в 1983 г.// Архив ВОКМ, д. № 122.
Лукашов А.В., 1984. Отчет о работе Заволжской экспедиции в 1984 г.// Архив ВОКМ, д. № 138.
Лукашов А.В., 1985. Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда экспедиции ВГПИ в 1985 г.// Архив ВОКМ, д. № 139.
Ляхов С.В., 1997. Новые кочевнические погребения и отдельные находки X-XI вв. Нижнего Поволжья// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов.
Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
Мажитов Н.А., Рутто Н.Г., 1974. Отчет о работах в 1974 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 5500.
Макарова Т.И., 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв.// АСГЭ. Вып.4.
Максимов Е.К., 1969. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района// Древности Восточной Европы. М.
Мамонтов В.И., 1967. Отчет о работе археологического отряда ВОКМ в 1967 г.// Архив ВОКМ, д. № 25.
Мамонтов В.И., 1970. Отчет о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АН СССР и ВОКМ

в 1970 г.// Архив ВОКМ, д. № 29.
Мамонтов В.И., 1973. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Ленинском и Калачевском районах Волгоградской области в 1973 г.// Архив ВОКМ, д. № 32.
Мамонтов В.И., 1976. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1976 г.// Архив ВОКМ, д. № 35.
Мамонтов В.И., 1977. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1977 г.// Архив ВОКМ, д. № 36.
Мамонтов В.И., 1978. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1978 г.// Архив ВОКМ, д. № 37.
Мамонтов В.И., 1979. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского областного отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1979 г.// Архив ВОКМ, д. № 38.
Мамонтов В.И., 1990. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПИ за 1990 г.// Архив ВОКМ, д. № 69.
Мамонтов В.И., 1992. Курганный могильник Зубовка// ДВДС. Вып.2.
Мамонтов В.И., 2000а. Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа Б// Нижневолжский археологический вестник. Вып.3. Волгоград.
Мамонтов В.И., 2000б. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский-VII). Волгоград.
Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993. Средневековые погребения Царевского курганного могильника// ДВДС. Вып.3.
Мелентьев А.Н., 1967. Отчет Заволжского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР о разведке в Северном Прикаспии// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 3585.
Мельник В.И., 1977. Отчет Питерского отряда Средневолжской экспедиции ИА АН СССР о разведках и раскопках, произведенных в 1977 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 6562.
Мельник В.И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.
Мерперт Н.Я., 1957. Отчет о работе Сталинградской экспедиции в 1957 г.// Архив ИА РАН. Р-I, д. № 1972.
Мерперт И.Я., 1967. Раскопки в Нижнем Поволжье// Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.
Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926. Отчет об археологических разведках по р.Торгуну в 1924 г.// ТНВОНОК. Вып.35, ч.1. Саратов.
Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года// Археологические памятники Нижнего Поволжья. Вып.1. М.
Мыськов Е.П., 1983. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда в 1983 г.// Архив ВОКМ, д. № 43.
Мыськов Е.П., 1985. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда в 1985 г.// Архив ВОКМ, д. № 183.
Мыськов Е.П., 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе// ДВДС. Вып.3.
Мышкин В.Н., Турецкий М.А., 1993. Раскопки курганов у х.Трясиновский// ДВДС. Вып.3.
Нефедов Ф.Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг.// Материалы по археологии восточных губерний. Т.3. М.
Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985. Исследование курганов в зоне строительства системы КАРОС на землях совхоза Джангр Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 34.
Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1986. Исследование курганов на трассе канала Волга-Чограй в 1986 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 43.
Новожилов В.В., Клепиков В.М., 1997. Охранные раскопки в Среднеахтубинском районе Волгоградской области// Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.
Пигарев Е.М, 1997. Два погребения кочевников IX-XI вв. на территории Астраханской области// Очерки исследователей Астраханского края. Вып.2. Астрахань.
Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
Плетнева С.А., 1963. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи// МИА. № 109.
Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков// САИ. Е1-19. М.
Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. М.
Плетнева С.А., 1983. Средневековые "амазонки" в европейских степях// Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М.
Попов С.А., 1976. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1976 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 5960.
Пшеничнюк А.Х., 1984. Отчет о результатах археологических исследований в 1984 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 10346.
Пятых Г.Г., 1975. Отчет о раскопках и разведках в зоне строительства Куйбышевского обводнительно-оросительного канала в 1975 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 5870.
Раев Б.А., 1979. Каталог археологических коллекций. Новочеркасск.
Рау П.Д., 1920. Отчет о раскопках в 1920 г.// Личный архив И.В.Синицына// Архив ИИМК. Ф.79, д. № 35.
Рыков П.С., 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.// ИКИИЮВО. Вып.I. Саратов.
Рыков П.С., 1929. Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае, произведенные в 1928 году// ИНВИК. Вып.3. Саратов.
Савинов Д.Г., 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири// История, археология и этнография Сибири. Томск.
Сагалаев А.М., Октябрьская И.В., 1990. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск.
Семенов А.И., 1982. Рец.: Раев Б.А., 1979. Каталог археологических коллекций МИДК. Новочеркасск// СА. № 4.
Семенов А.И., 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы// АСГЭ. № 29.
Сергацков И.В., 1999. Отчет об археологических исследованиях у села Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 1999 г.// Архив ВОКМ, д. № 172.
Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А., 2001. Курганный могильник Маляевка-V// Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып.1. Волгоград.
Синицын И.В., 1933. Древние памятники Приморского района Калмобласти// ИНВИК. Т.6. Саратов.
Синицын И.В., 1952. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане// КСИИМК. Вып.XLV.
Синицын И.В., 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане// Труды ИИАЭ АН КазССР. Т.1. Алма-Ата.
Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953)// МИА. № 60.
Синицын И.В., 1966. Древние памятники Саратовского Заволжья// Археологический сборник. Саратов.
Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971. Элистинский курганный могильник. Элиста.
Скворцов Н.Б., 2000. Охранные археологические раскопки курганного могильника Солянка-I в Николаевском районе Волгоградской области в 2000 г.// Архив ВОКМ, д. № 152.
Скрипкин А.С., 1980. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области в 1980 г.// Архив ВОКМ, д. № 88.
Смирнов К.Ф., 1956. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Чкаловского музея в 1956 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1255.
Смирнов К.Ф., 1957. Отчет о работе Чкаловской экспедиции ИИМК АН СССР, ГИМ и Оренбургского краеведческого музея в 1957 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 1686.
Смирнов К.Ф., 1960. Быковские курганы// МИА. № 78.
Сорокина Н.П., 1969. Средневековые погребения из некрополя г.Кепы на Таманском полуострове// Экспедиции ГИМ. М.
Спицын А.А., 1895. Отчет о поездке летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города// ОАК за 1893 год. СПб.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Федорова-Давыдова Э.А., 1969. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области// Древности Восточной Европы. М.
Филипченко В.А., 1959. Погребение X в. в Астраханской области у с.Лапас// СА. № 2.
Флёров В.С., 1984. Маяцкий могильник// Маяцкое городище. М.
Флёров В.С., 1989. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар// Проблеми на прабългарската история и култура. София.

Флёров В.С., 1992. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребенных// Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
Флёров В.С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград.
Флёров В.С., 2000а. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
Флёров В.С., 2000б. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.
Флёрова В.Е., 2001. Резная кость Юго-Востока Европы X-XII века. СПб.
Цуцкин Е.В., 1977. Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции КНИИИФЭ и КГУ в 1977 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 8.
Цуцкин Е.В., 1982. Отчет о работе археологической экспедиции КНИИИФЭ в 1982 г.//Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 29.
Цыбин М.В., 1986. Погребения средневековых кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье// СА. № 3.
Шилов В.П., 1956. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском районе Волгоградской области за 1956 г.// Архив ВОКМ, д. № 5.
Шилов В.П., 1957. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Волгоградской области в 1957 г.// Архив ВОКМ, д. № 6.
Шилов В.П., 1958. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском и Пролейском районах Сталинградской области за 1958 г.// Архив ВОКМ, д. № 8.
Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник// МИА. № 60.
Шилов В.П., 1960. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1960 г.// Архив ВОКМ, д. № 10.
Шилов В.П., 1961. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 2380.
Шилов В.П., 1964. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 г.// Архив ВОКМ, д. № 16.
Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
Шилов В.П., 1983. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1983 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 9589.
Шилов В.П., 1987. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА РАН СССР и КНИИИФЭ в 1987 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 12351.
Шишкин П.Н., Ильина А.И., 1928. Отчет о раскопках курганов близ хутора Заяры Среднеахтубинского района Нижневолжского края в 1928 г.// Архив ИИМК РАН. Ф.2, д. № 224.
Шнайдштейн Е.В., 1970. Отчет о полевых исследованиях Черноярского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1970 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 4711.
Шнайдштейн Е.В., 1981. Раскопки курганной группы Купцын Толга// Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.
Шнайдштейн Е.В., 1984. Отчет об археологических раскопках в Ахтубинском районе Астраханской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. №10341.
Шнайдштейн Е.В., 1985. Раскопки курганной группы Заханата// Древности Калмыкии. Элиста.
Шнайдштейн Е.В., 1989. Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области// СА. № 4.
Шнайдштейн Е.В., 1991. Археологические памятники Нижнего Поволжья IX-XI вв. Астрахань.
Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимбол Дж., Егоров В.Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка-1 и Покровка-2 в 1993 г.// Курганы левобережного Илека. Вып.2. М.
Яворская Л.В., 1997. Средневековые погребения у пос.Верхний Балыклей// Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.

Summary

E.V.Kruglov (Volgograd, Russia)

Pecheneg and Oguz Tribes: Certain Problems of Archeological Sources

The article deals with certain problems of the archeology of medieval pecheneg and oguz tribes which inhabited South Russia steppes in IX-XI c. A.D. Among the basic problems is a more reliable historical substantiation of the criteria for attributing archeological finds to the class of pecheneg and oguz monuments and the research technique.

The natural anatomic integrity of the skeletons of the buried and the accompanying horses' skins was disturbed in many burial places as early as ancient times. All the cases of this kind are described in the article. However, it is only in a number of cases that these disturbances can be accounted for by graves robbery. The author argues that the main reason for the skeletons destruction lies in the rite of rendering the buried harmless which spread among the nomads. This rite could have emerged among the nomads of the North Pre-Caspian origin due to direct ethnic contacts of the oguz with the descendants of Saltovsky population.

Je.V.Kruglov (Wolgograd, Russland)

Petschenegen und Ogusen: einige Probleme der archäologischen Quellen

Im vorliegenden Artikel werden einige Probleme der Archäologie bei der Erforschung von Petschenegen und Ogusen behandelt, die im 9.-11. Jh. die südrussischen Steppen bevölkert haben. Unter den wichtigsten Problemen sind die Notwendigkeit einer zuverlässigeren quellenkundlichen Begründung der Kriterien für die Zuordnung mancher archäologischen Denkmäler denen von Petschenegen und Ogusen.

Die natürliche anatomische Ganzheit der Skelette von Beerdigten und der Felle der ihnen beigegebenen Pferde wurde in den meisten Bestattungen schon in alten Zeiten verletzt. Im Beitrag werden solche Fälle beschrieben. Allerdings lassen sich diese Zerstörungen nur in wenigen Fällen durch Ausraubung erklären. Der Verfasser deutet die Hauptursachen dafür als Folge der Verbreitung bei den Nomaden des Brauches, die Bestatteten unschädlich zu machen. Als eine Voraussetzung für die Entstehung dieses Brauches bei den Nomaden konnten direkte ethnische Kontakte der Qgusen mit den Nachkommen der Chasaren angegeben.

E.V.Kruglov (Volgograd, Russie)

Peĉeneg et oguz: certains problèmes des sources archéologiques

Dans cet article on donne l'analyse de certains problèmes de l'archéologie des Pétchénègs et les Oguz du Moyen Âge peuplant les steppes de la Russie méridionale aux IX-XI sciècles. Y sont traîtés des critères de l'appartenance des monuments archéologiques aux Pétchénègs et aux Oguz.

L'integrité anatomique naturelle des squelettes des inhumés et des peaux de chevaux enterrés avec eux dans de nombreuses inhumations a été troublée encore dans l'antiquité. Dans l'article on a décrit tous les cas pareils. Mais seulement dans certains épisodes des destructions des enterrements on peut expliquer ces destructions par le pillage des tombes. L'auteur estime que les motifs principaux de destruction consiste en propagation chez nomades du rite de mettre les inhumés hors état de nuire. Les contacts ethniques directs des Oguz avec les descendants de la population salte pouvaient être les conditions de l'apparition de ce rite chez les nomades.

Статья поступила в редакцию в июне 2003 г.

Д.В.Васильев, Т.Ю.Гречкина, Э.Д.Зиливинская

ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА – ПАМЯТНИК ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА В НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ[1]

Астраханская область богата памятниками археологии. Разведки выявили здесь большое количество неолитических стоянок, довольно плотно было заселено Нижнее Поволжье в эпоху бронзы, савроматское и сарматское время. В XIII-XIV вв. здесь находился центр Золотой Орды, государства, которое оказало огромное влияние на историю и культуру многих народов Восточной Европы. В то же время памятники раннего средневековья и непосредственно домонгольского периода до недавнего времени не были известны. В последнее десятилетие XX в. эта лакуна начала постепенно заполняться: были найдены и частично обследованы археологические памятники, которые с достаточной долей уверенности можно отнести к домонгольскому периоду. Открытие их позволяет по-новому взглянуть на культурно-историческое развитие Нижнего Поволжья в раннем и развитом средневековье. В частности, хорошо известный по письменным источникам факт, что этот регион являлся одним из центров Хазарского каганата, нашел, наконец, археологическое подтверждение. Одним из крупных памятников, относящихся к хазарскому времени, является городище Самосделка.

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в Дельте, на правом берегу р.Старая Волга или Бирюль (рис.1). Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружен высохшими протоками. Предполагаемой восточной границей городища является современное русло реки, северной и северо-западной – старое пересохшее русло Волги – ерик Воложка. Воложка заполняется водой лишь в годы высоких паводков и тянется с северо-востока на юго-запад. Ерик отходит от современного русла напротив села. На "мысу" между старым и новым руслами находится невысокая (до 3 м от поверхности воды) всхолмленная возвышенность, образованная напластованиями культурного слоя городища. Длина возвышенности, вытянутой вдоль старого русла Волги с северо-востока на юго-запад – около 2 км, ширина – около 500-700 м. На поверхности возвышенности отмечена наиболее высокая концентрация подъемного материала. Граница распространения подъемного материала на юге – два глубоких пересохших ерика, отмечающих расположение старых протоков Волги. В северо-восточной части возвышенности находятся жилые и хозяйственные постройки Самосдельской животноводческой фермы № 3, а также до 1999 г. было устроено сенохранилище.

Городище располагается на землях, которые принадлежат современному селу Самосделка. Земли эти были приобретены Астраханским губернатором, генерал-поручиком Н.А.Бекетовым в 1769 г. 27 августа. В урочище между Биртюлью и Новостанной на 1000 десятин удобной и неудобной земли он основал два села "Образцовую Ватагу" и "Образцовое". Последнее было названо так потому, что в нем впервые были устроены приспособления для посола рыбы, и предполагалось превратить его в образцовое хозяйство. Села заселялись колодниками и штрафными людьми. Чуть позже, еще при губернаторстве Н.А.Бекетова, до 1773 г., поселение "Образцовое" было переименовано в село Самосделка (Государственный архив, ф.194, оп.1, д.3115, л.28).

В статистических отчетах кон.XIX в. Астраханской губернии появляется другое название с.Самосделка – Голодное. Такое название было дано ему в народе за тяжелые условия труда на рыбных промыслах, систематический голод, заразные болезни, уносившие большое количество рабочего люда (Государственный архив, ф.194, оп.1, д.1, л.15).

С 1927 г. и до настоящего времени Самосдельский сельсовет, образованный в 1920 г., входит в состав Камызякского района. Таким образом, никакой преемственности между современным поселением и памятником археологии IX-XV вв. – городищем Самосделка – не существует. Надо отметить тот факт, что о наличии на землях Самосделки археологического памятника было известно уже в кон.XIX в. В документах Астраханского губерн-

[1] Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 02-06-80251.

ского статистического комитета за 1894-1898 гг. существует такое распоряжение губернатора, датированное 17 июля 1898 г.:

"Секретарю стат. Комитета Зубовичу.

Предлагаю Вам отправиться для исследования в археологическом отношении местности против села Самосделки по углу реки Старой Волги и Биртюль. Предстоит сделать описание этой местности, произвести в назначенных пунктах раскопки, составить опись найденным вещам, сдать их в Петровский музей на хранение и представить мне отчет по поездке. На расходы по проезду, найму рабочих и покупку инструментов ассигнуется Вам сумма в количестве 50 рублей" (Государственный архив, ф.37, оп.1, д.34, л.78). Результаты этих исследований в архивах не сохранились и о городище, по всей видимости, скоро забыли.

По рассказам старожилов с.Самосделка, в 20-30 гг. XX в. на территории городища, там, где сейчас располагается раскоп, находились постройки колхозного рыбзавода и маяк. По р.Воложке рыбаки ходили в море на промысел. Наверное, от

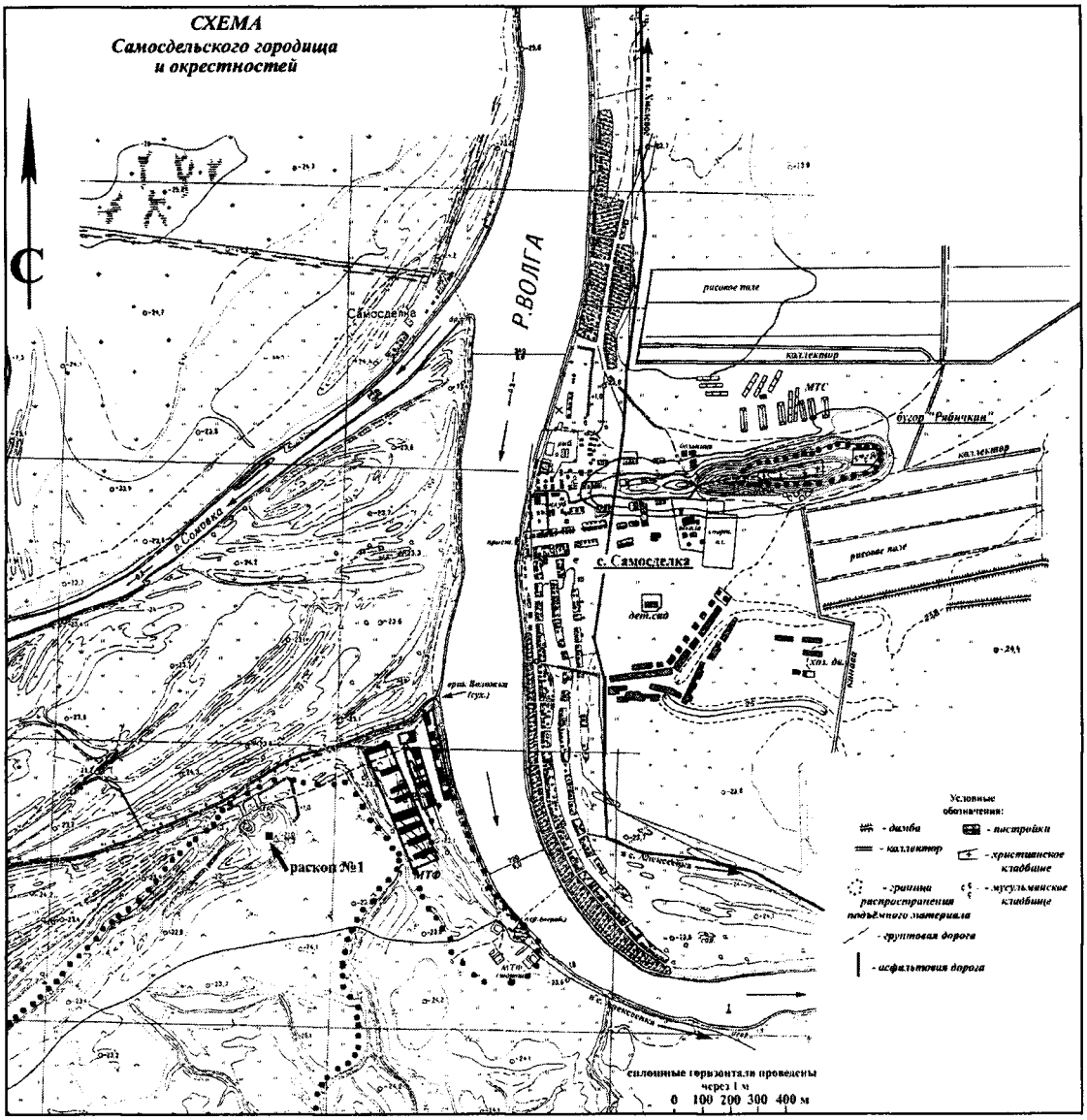

Рис. 1. План городища Самосделка.
Fig. 1. The layout of Samosdelka fortified ancient settlement.
Abb. 1. Lageplan des Samosdelka-Burgwalls.
Dess. 1. Plan du site de Samosdelka

причалов рыбзавода и сохранились на северном склоне возвышенности две глубоких ямы, видные на местности до сих пор и обозначенные на плане. С существованием в северной части городища рыбзавода и соляных складов можно связать и очень высокую степень засоленности почвы. Особенно это сказывается на керамике: после извлечения из влажной земли ее приходится очень долго отмачивать в чистой воде, чтобы вышла вся соль. Засоленность почвы также обусловила очень плохую сохранность железных, бронзовых и прочих металлических изделий.

Городище "Самосдельное" золотоордынского времени упоминается в книге В.Л.Егорова (Егоров В.Л., 1985, 118). Но настоящим "открытием" городища Самосделка можно считать 1989 г., когда учитель местной сельской школы А.А.Пухов принес в Госдирекцию охраны памятников истории и культуры обломки лепных и гончарных керамических сосудов и другие археологические артефакты, датировавшиеся IX-XIV вв. Именно значительная коллекция керамического материала, собранная на территории городища и относящаяся к периоду IX-X вв. позволила в свое время возбудить интерес к данному памятнику и сделать предположение о наличии на нем слоев хазарского времени (Васильев Д.В., 1998, с.48-50; Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000, с.24-25).

В 1990 г. были произведены первые разведки на городище под руководством С.А.Котенькова. К этому времени, во 2-й пол.80 гг. XX в., в восточной части городища была сооружена животноводческая ферма. На запад от фермы были прорыты противопожарные траншеи и силосные ямы, которые нарушили культурный слой городища на значительной площади. Именно эти работы привели к выбросу на поверхность массового археологического материала. Концентрация основной массы находок отмечалась в непосредственной близости от фермы, поскольку она была окружена тремя рядами противопожарных траншей глубиной до 2 м и шириной около 3 метров. В отвалах траншей, а также силосных ям отмечались массовые выбросы на поверхность богатейшего подъемного материала из нарушенного культурного слоя – фрагментов керамики, костей животных и человека, изделий из стекла, кости, дерева, металлов. В бортах траншей четко читались обнажения культурных слоев городища, просматривались многочисленные фрагменты мощных стен и конструкций из обожженного кирпича, а также многочисленные хозяйственные ямы грушевидной формы, землянки и полуземлянки, кирпичные постройки из обожженного и сырцового кирпича разнообразных форматов. В 1999 г. траншеи были полностью засыпаны Госдирекцией охраны историко-культурного наследия, но, к сожалению, на местности не было оставлено никаких ориентиров, поэтому их обнаружение может представлять некоторую трудность в ходе будущих исследований.

В северной и северо-восточной части городища со стороны древней береговой линии (отмеченной на местности изумрудно-зеленым травяным покровом, более ярким, чем на возвышенности) к возвышенности примыкает система дамб, высотой до 1 м, образующих три пересохших запруды правильной прямоугольной формы, тянущихся вдоль городища почти на 500 метров.

Кроме того, имеются значительные выходы культурного слоя в 900 м к югу от места разделения Воложки и Старой Волги, ниже по течению главного русла, где река на повороте подмывает береговой обрыв, в районе бывшей паромной переправы. Здесь массовыми находками являются фрагменты лепной керамики. К сожалению, эта часть городища расположена наиболее низко, и культурный слой залегает ниже современного уровня стояния воды или непосредственно на этом уровне. Площадь между основной частью городища и паромной переправой в настоящее время занята рисовыми полями, поэтому сказать что-либо о наличии там культурного слоя пока трудно. Скорее всего, городище тянулось вдоль по берегу Старой Волги от современной фермы до современной паромной переправы (около 1 км).

Как стало известно из рассказов местных жителей, еще в 50 гг. XX в., пока не была насыпана берегоукрепительная дамба от фермы до парома и пересыпаны наиболее глубокие ерики, местность южнее сенохранилища ежегодно заливалась водой в половодье, а в период низкого стояния воды оставалась заболоченной. До 20 и даже 30 гг. XX в. ерик Воложка еще оставался полноводным руслом и был судоходным. Следовательно, можно предположить, что основная часть городища располагалась в древности на острове посреди Волги, который отделялся протокой от восточной части городища в районе современной паромной переправы. Таким образом, правобережная половина городища состояла, как минимум, из двух частей – северной правобережной (главной, расположенной на островке) и южной правобережной (низинной). Снятый Д.В.Васильевым и Д.В.Кутуковым в 1994-1995 гг. топографический план городища наглядно показал расположение главной части городища на островке, окруженном пересохшими протоками.

В 1994 г. было выявлено наличие культурных напластований IX-XIV вв. и на левом берегу Ста-

рой Волги, на территории с.Самосделка, а именно – на бэровском бугре "Рябичкин", где расположены современные мусульманское и христианское кладбища. Кроме того, находки золотоордынских монет и керамики известны и на территории села, поэтому территорию села и бугра "Рябичкин" можно считать левобережной частью городища, причем, на наш взгляд, эта часть городища наиболее молодая, относящаяся, преимущественно, к эпохе Золотой Орды. Общая площадь памятника, известная на данный момент, составляет около 2 км^2 (Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В., 2001, 156-157).

Проводившиеся в 1990-94 гг. рекогносцировочные работы на городище показали, что наиболее мощные культурные отложения, наблюдавшиеся в бортах вышеупомянутых траншей и силосных ям, имеют толщину около 2,5-3 м и располагаются в центральной части возвышенности около фермы (на древнем островке). С удалением от "центра" городища мощность культурного слоя уменьшается. На некоторых, как правило, слегка пониженных участках, культурные отложения перекрыты по поверхности мощным слоем окатанных водой обломков керамики, костей животных, обожженного кирпича, смешанных с большим количеством речной ракушки. По всей видимости, наличие этих отложений можно рассматривать как свидетельства долговременных периодов затопления городища.

Как следует из отчетов С.А.Котенькова за 1990-95 гг., из-за высокого уровня стояния грунтовых вод и частичной заболоченности территории памятника, основное внимание было сосредоточено на определении границ городища и сборе подъемного материала (Котеньков С.А., 1991; 1992; 1993; 1994; 1995; 1996). Но точные границы установить так и не удалось по тем же причинам. Предположительно площадь городища определена в 1035000 м^2 (103,5 га), (900х1150 м). Охранные мероприятия 1992 г., проводимые на памятнике, позволили выяснить степень разрушения центральной части городища в результате хозяйственной деятельности. Общая площадь, нарушенная траншеями и ямами, составляет около 8000 м^2.

Для выяснения стратиграфии культурных слоев городища в 1992 г. на С-З борту первой с северной стороны силосной ямы был заложен небольшой раскоп размерами с севера на юг – 9 м и с запада на восток – 4 м (Котеньков С.А., 1993). В ходе раскопочных работ на нем были выявлены части полуразрушенных конструкций и сооружений из жженого кирпича, уходящие в борта раскопа. Из-за малой площади раскопа точное распределение обнаруженных ям и конструкций по строительным периодам было затруднительным, поэтому они были датированы только относительно друг друга. Ограниченные сроки работ и необходимость расширения площади раскопа не позволили довести раскоп до материка. Работы последующих лет мало что добавили к уже известному. По непонятным причинам раскопки 1992 г. так и не были продолжены. Экспедиции, организованные для продолжения исследования городища, ограничивались сбором подъемного материала для уточнения географических границ городища и работой по консервации культурного слоя – засыпке прорытых противопожарных траншей и силосных ям (Котеньков С.А., 1994; 1995; 1996).

В 1992 г. городище Самосделка посетили сотрудники Отдела охранных раскопок ИА РАН Е.И.Савченко и Д.С.Коробов. Ими были также проведены небольшие разведочные работы на этом памятнике (Савченко Е.И., 1993).

Спасательные работы по консервации культурного слоя городища тяжелой техникой, проведенные Госдирекцией по охране историко-культурного наследия Астраханской обл. в 1996-1999 гг., нарушили дерновый слой, в результате чего в настоящее время происходит интенсивное разрушение современной дневной поверхности. Тогда же, при засыпке противопожарных траншей и силосных ям вокруг сенохранилища фермы, располагавшегося на территории городища, бульдозерами была срыта часть культурного слоя, и в настоящее время территория, прилегающая к поселку молочно-товарной фермы, представляет собой сплошной незадернованный участок с обнаженным культурным слоем. На поверхности земли повсюду встречаются в огромных количествах обломки кирпича, фрагменты керамики, костяные и металлические изделия. В ходе исследований 2000 г. была собрана богатая коллекция подъемного материала с разрушающейся территории городища. Положение с сохранностью культурного слоя в настоящее время обостряется тем, что молочно-товарная ферма с территории городища не была перенесена, а была лишь передана в частные руки. Имеющиеся обнажения культурного слоя еще сильнее вытаптываются скотом, что препятствует образованию дернового покрова. В настоящее время северная правобережная часть городища представляет собой возвышенность, поверхность которой имеет красный цвет от огромного количества мелких фрагментов керамики и кирпича, она даже получила у местного населения название "Красные пески". Участки, избежавшие разрушения техникой, имеют травяной покров. Как уже отмечалось, культурный слой залегает в непосредственной бли-

зости от дневной поверхности, поэтому в отдельных местах на поверхности можно наблюдать кости человеческих скелетов из уже разрушенных погребений.

Исследования памятника в настоящее время

Новый этап исследования Самосдельского городища начался в 2000 г., когда Еврейским Университетом в Москве в рамках "Хазарского проекта" (координатор проекта И.А.Аржанцева) была организована археологическая экспедиция. В 2000 г. работы возглавила Т.Ю.Гречкина. В экспедиции принимали участие сотрудники астраханского ГНПУ "Наследие", Астраханского краеведческого музея, Астраханского педуниверситета и Института археологии РАН. Раскопки велись в островной части городища – на самой высокой ее точке (высота от современного уреза воды – около 4 м). Раскоп был заложен с тем расчетом, чтобы продолжить и расширить раскоп 1992 г. В раскопе площа-

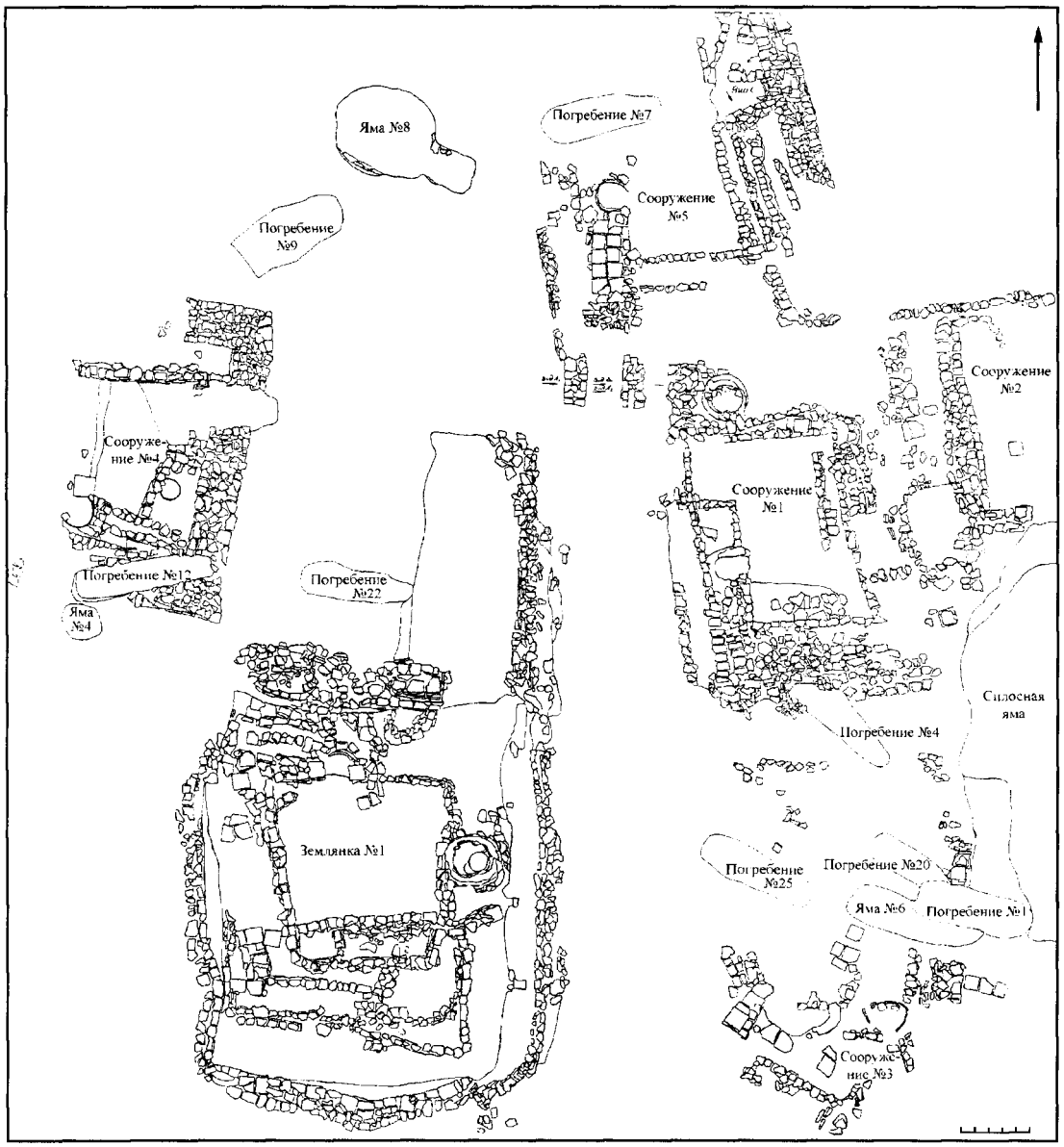

Рис. 2. Самосдельское городище, план раскопа № 1 на уровне III штыка (III период).
Fig. 2. Samosdelka fortified ancient settlement, the layout of dig-out № 1 at the IIId spade's depth (the IIId period).
Abb. 2. Samosdelka Burgwall, Lageplan der Grabung 1 in der Ebene des 3. Spatenstichs (3. Periode).
Dess. 2. Le site de Samosdelka, plan de la fouille № 1 au niveau de III pelle (III periode)

дью 100 м² были исследованы сооружения из обломков обожженного кирпича вторичного использования на глиняном растворе. Отапливались жилища тандырами и системами канов. Необходимо отметить чрезвычайную плотность застройки в островной части городища. Небольшие по площади жилища (землянки и полуземлянки) располагались очень тесно, котлованы жилищ прорезали более древние постройки. В результате первого сезона работ на этом раскопе не удалось выяснить не только количество строительных периодов, исследованных в раскопе, но и количество самих жилищ, так как все они оказались большей своей частью за пределами раскопа. По всей видимости, строители жилищ старались использовать максимально не только площадь, но и строительный материал: весь или почти весь кирпич, даже обломки, из стен сооружений предшествующих периодов использовался вторично. Этот факт тоже вносил определенную трудность в определение последовательности возникновения сооружений. Ситуация на раскопе была настолько сложной, что для прояснения ее нужно было расширить вскрываемую площадь.

Раскопками 2000 г. был вскрыт самый поздний, золотоордынский слой городища. Однако выбрав заполнение современной силосной ямы, попавшей в границы раскопа, удалось дойти до материкового слоя, который находится на глубине 320 см от современной поверхности и проследить характер находок из различных слоев. На уровне материка были обнаружены остатки сгоревшей турлучной хижины. Из того же слоя происходили обломки красноглиняных лепных сосудов огузского облика и булгарской красноглиняной гончарной посуды с вертикальным полосчатым лощением.

Раскопки были продолжены в 2001-2003 гг.* Раскоп 2000 г расширен в настоящее время до 304 м². Это позволило полностью или почти полностью проследить планировку нескольких жилищ. Более четко стали выделяться и периоды существования данной части городища. Сейчас их известно более восьми, но не все комплексы полностью раскопаны и обработаны. К самому позднему (I по нашей нумерации периоду) относятся многочисленные погребения, впущены с уровня современной дневной поверхности и перерезающие жилые постройки на раскопе. Всего таких погребений исследовано 27. Большая часть их совершена по мусульманскому обряду и не содержит инвентаря. Первоначально эти погребения были приняты нами за позднесредневековые. Однако в двух погребениях были обнаружены прекрасно сохранившиеся кожаные сапоги с многослойной подошвой и деревянными гвоздиками. Опрос населения показал, что на этом месте в 1-й трети XX в. находилось кладбище. Следующий (II) период связан с функционированием городища в золотоордын ское время в нач.XIV в. Постройки, относящиеся к этому времени, сохранились на раскопе весьма фрагментарно. Это или отдельные, не связанные с чем-либо остатки стен, или фрагменты жилищ с горизонтальными дымоходами в виде канов, печами-тандырами и глинобитными лежанками-суфами. Стены жилищ сырцовые или из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Условно эти постройки можно отнести к 1-й трети XIV в., так как монеты позже 30-40 гг. XIV в. в этой части городища не встречаются, а монеты, происходящие с I и II штыков раскопа, датируются 1310-1320 гг.

Наиболее хорошо сохранились постройки, относимые нами к III периоду существования (рис.2, 18). Здесь было обнаружено несколько наземных жилищ и большая землянка. Три дома и землянка были обращены входами на небольшую площадку (примерно 4х6 м), то есть они образовывали своеобразный жилой комплекс.

У восточного борта раскопа находилось сооружение № 1, которое представляло собой прямоугольное в плане жилище (рис.2). Стены его были сложены из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе, пол заглублен относительно дневной поверхности на 30-40 см. Внешние размеры сооружения составляют приблизительно 5,8х4,2 м.

Южная стена его была сильно разрушена и представляла собой развал в один-два слоя кирпичей. Западная стена имела ширину 65 см. Она имела панцирное строение: фасы ее были сложены из обломков кирпичей, обращенных торцевой частью наружу, а середина стены была забита глинистой массой. Нижний слой восточной обкладки стены находился на уровне верхней поверхности суфы, примыкающей к стене. Уровень нижнего пола на-

---

* Руководителями экспедиции являются Э.Д.Зиливинская (ИА РАН) и Т.Ю.Гречкина (ГНПУ "Наследие"), начальником раскопа - Д.В.Васильев (Астраханский университет). Обработкой керамического материала занимается сотрудник Государственного музея Востока С.Б.Болелов, нумизматических коллекций - сотрудник Института востоковедения РАН - Е.Ю.Гончаров. В экспедиции также работала группа почвоведов, сотрудников Института географии РАН в составе: М.А.Бронникова, Э.П.Зазовская, И.В.Турова.

ходится на 30-40 см ниже уровня дневной поверхности, то есть пол был заглублен, а западная стена поставлена на земляную ступеньку. Вход в помещение находился в западной стене примерно в 3,4 м от ЮЗ угла здания. Только в этой части помещения нет суфы, пристроенной к внешней стене, однако и в этом месте прослеживается кладка стены в три слоя кирпичей. Возможно, вход имел высокий порог, который защищал от попадания влаги в заглубленное помещение, с шириной прохода в 90 см. К северу от него прослеживался сильно разрушенный участок западной стены. Северная стена сооружения также была почти полностью разобрана. Вероятно, она имела такое же строение, как и западная стена. Сохранилась южная обкладка ее из обломков обожженных кирпичей, направлен-

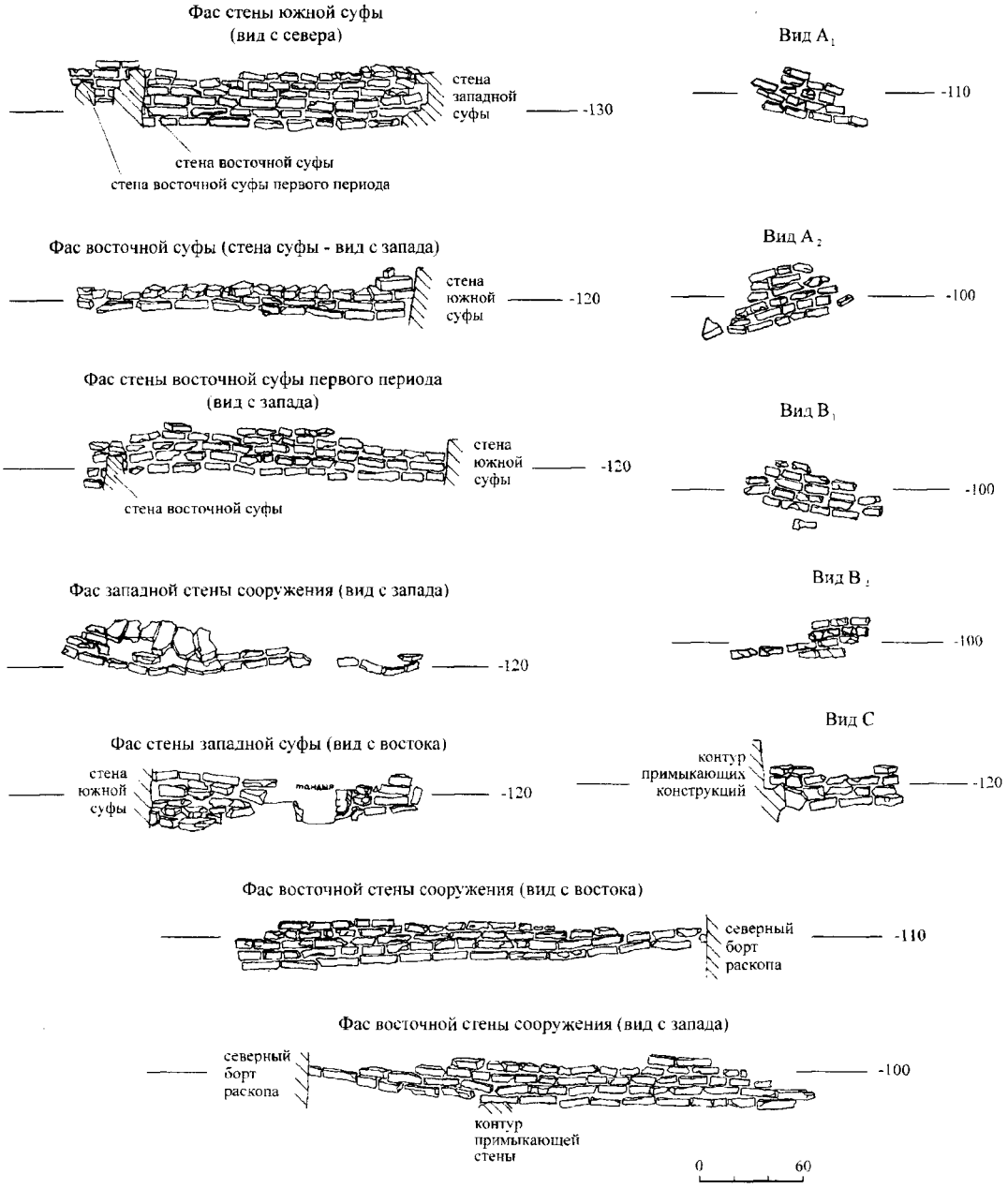

Рис. 3. Фасы элементов конструкций сооружения № 5.
Fig. 3. The fronts of the construction elements of structure 5.
Abb. 3. Frontseite der Teile vom Bauwerk 5.
Dess. 3. Les faces des éléments de la construction № 5

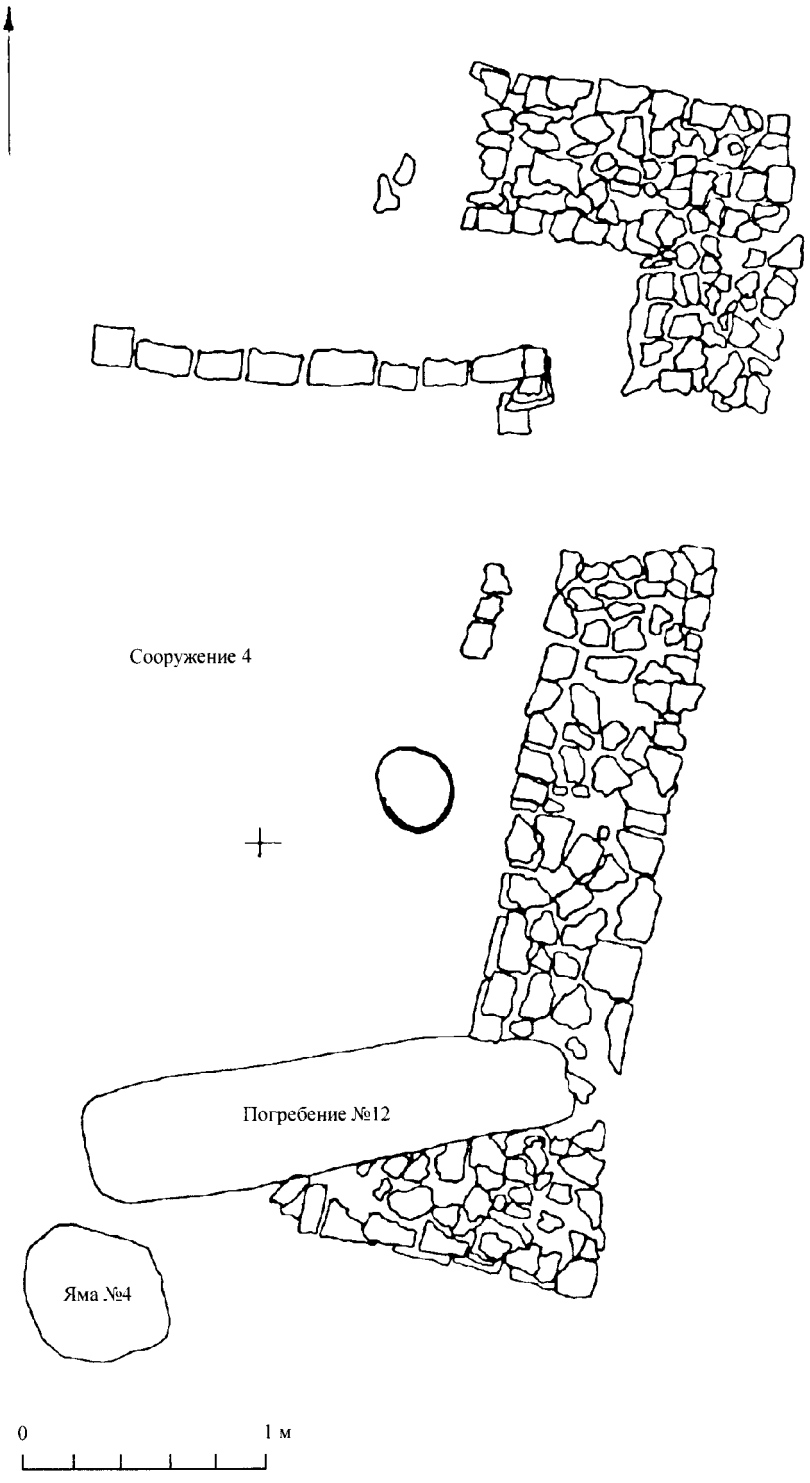

Рис. 4. Сооружение № 4, I строительный период.
Fig. 4. Structure 4, the 1st construction period.
Abb. 4. Bauwerk 4, 1. Bauperiode.
Dess. 4. Construction № 4, I periode de construction

ных торцевой частью к югу. Кладка сохранилась на высоту 3-4 слоев. Нижний слой кладки также положен на земляную ступеньку высотой 30-35 см над уровнем пола. Тандыр № 4, пристроенный с северной стороны к этой стенке, имеет, вероятнее всего, более позднее происхождение. Он был встроен в стену уже после разрушения сооружения № 1, а остатки ее кладки были использованы для его укрепления.

Стены образовывали помещение размерами 4,6х3,2 м. Внутренние конструкции сооружения № 1 сохранились несколько лучше, чем стены. За время существования постройки в ней было сделано несколько перестроек. В целом можно выделить четыре строительных периода.

В I строительном периоде вдоль южной стены помещения был сооружен двухканальный кан. Общая ширина его составляла 80 см. Впоследствии каналы кана были заложены обломками кирпичей. Печь, вероятно, находилась к северу от этого кана за его пределами. Здесь под слоем пола более позднего периода был обнаружен развал сооружения из сильно перекаленных кирпичей. Предполагаемая печь находилась в 120 см от западной стены помещения. Сверху она была перекрыта толстым (10 см) слоем спекшейся золы.

К I периоду относится и суфа, сооруженная вдоль северной стены. Подпорная стенка суфы была сложена из обломков кирпичей и имела высоту до 6 слоев кладки. Нижний слой лежал на уровне пола I строительного периода. Длина суфы составляла 158 см, ширина – 35 см в восточной части и 15 см в западной. В перевязку со стенкой северной суфы была положена подпорная стенка суфы, идущей вдоль восточной стены. Длина стенки 150 см. Ширина восточной суфы 42-43 см. В СВ углу суфы прямо на ее поверхность был поставлен тандыр диаметром 55 см. Потом (возможно во II или в III строительных периодах) прямо в остатки тандыра была встроена печка круглой в плане формы. Стенки ее были сложены из обломков кирпичей. Внутренний диаметр печки составлял 35 см, устьем она открывалась на запад.

Во II периоде был построен кан вдоль западной стены помещения. Западная стенка кана являлась обкладкой восточного фасада стены. Кладка ее сохранилась на 6 слоев. Средняя и восточная стенки кана при дальнейших перестройках были срублены и до одного слоя кирпичей. Общая длина кана составляла 180 см, ширина – 45 см. Каналы имели ширину 11-12 см. Тандыр находился в северной части кана, на том же месте, где потом был встроен тандыр III периода, т.е. в 180 см от северной стены помещения. Тандыр ограничивала стенка высотой 3-4 слоя кладки, остатки которой видны в забутовке суфы III периода.

В III периоде суфы, сложенные вдоль северной и восточной стен остались прежними. Южная суфа была расширена до 107 см. Нижний слой кладки был поставлен на остатки печи I строительного периода. У западной стены к стенке кана II периода вплотную была пристроена еще одна стенка из обломков кирпичей. Благодаря этой стенке ширина суфы стала составлять 60 см. Стенки кана II периода были частично срублены, каналы забутованы. Сверху кан был перекрыт половинками кирпичей, которые своим краем были врезаны в западную стену сооружения. На месте тандыра II периода был поставлен новый тандыр диаметром 38 см. Он имел широкое (20 см) устье, направленное на восток. Стенки тандыра имели высоту 20-30 см. К северу от тандыра была пристроена небольшая прямоугольная суфа шириной 55 см и длиной 75 см.

Таким образом в III строительном периоде в помещении не было кана и оно отапливалось тандыром у западной стены и печкой на суфе у СВ угла.

В IV строительном периоде была расширена на 35 см восточная суфа. Стенка ее сохранилась в северной части помещения.

Пол в помещении был глинобитным, многослойным. Верхний пол находился на отметках – 139-144. Нижний пол имел отметки – 155-160. В середине помещения пол имел существенное понижение. На нем были прослежены следы тлена от камышовой циновки.

Крыша сооружения № 1, скорее всего, была сделана из камыша. Слой тлена от рухнувшего камышового перекрытия был расчищен в СВ и СЗ углах помещения.

Сооружение № 2 было пристроено почти вплотную к западной стене сооружения № 1 (рис.2). Расстояние между стенами построек составляло примерно 30 см. Западная стена была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе в 3-4 ряда. Кладка сохранилась на высоту 3 слоев. Восточный край стены был выложен торцами кирпичей и был ровным, западный край был рваным. Длина стены составляла 3,6 м, ширина 40-50 см. Южная и северная стены имели аналогичное строение. Пол сооружения № 2 был земляным со следами прокаленности. Он был заглублен на 10-15 см относительно основания кладки стен. В центре пола была расчищена квадратная ямка размерами 25х25 и глубиной 5 см. Такое впечатление, что она осталась от целого кирпича, который был заглублен в пол. Возможно, он являлся основани-

ем столба, поддерживавшего крышу. Никаких других внутренних конструкций в сооружении № 2 найдено не было.

Сооружение № 3 располагалось в ЮВ углу раскопа (рис.2). Оно было сильно разрушено поздними погребениями. Стены его практически не прослеживались. При зачистке был найден участок вымостки пола сооружения № 3, который состоял из двух целых кирпичей и двух половинок. Размеры кирпичей 21х21х4,5 см и 22х22х4,5 см. В одном кирпиче в центре была просверлена дырочка. Вероятно, он прикрывал тошну. В том же квадрате был расчищен развал большого двуручного сосуда (хума), который был наполовину заглублен относительно дневной поверхности.

У северного борта раскопа находилось сооружение № 5. Оно представляло собой жилой дом прямоугольный в плане с капитальными стенами из обломков обожженного кирпича и глинобита (рис.2, 3). Северная часть сооружения находилась

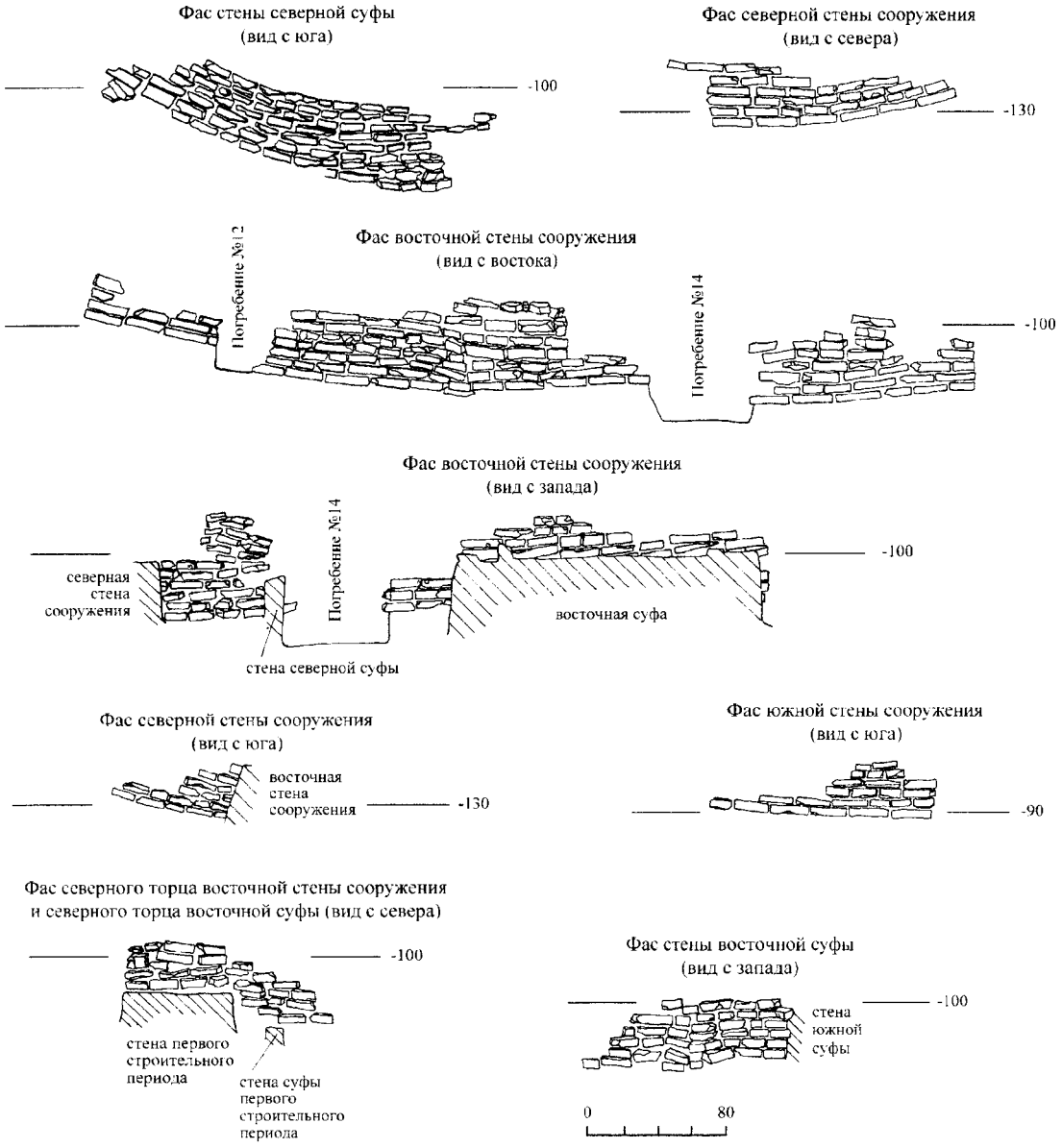

Рис. 5. Фасы элементов конструкций сооружения № 4.
Fig. 5. The fronts of the construction elements of structure 4.
Abb. 5. Frontseite der Teile vom Bauwerk 4.
Dess. 5. Les faces des éléments constructifs de la construction № 4

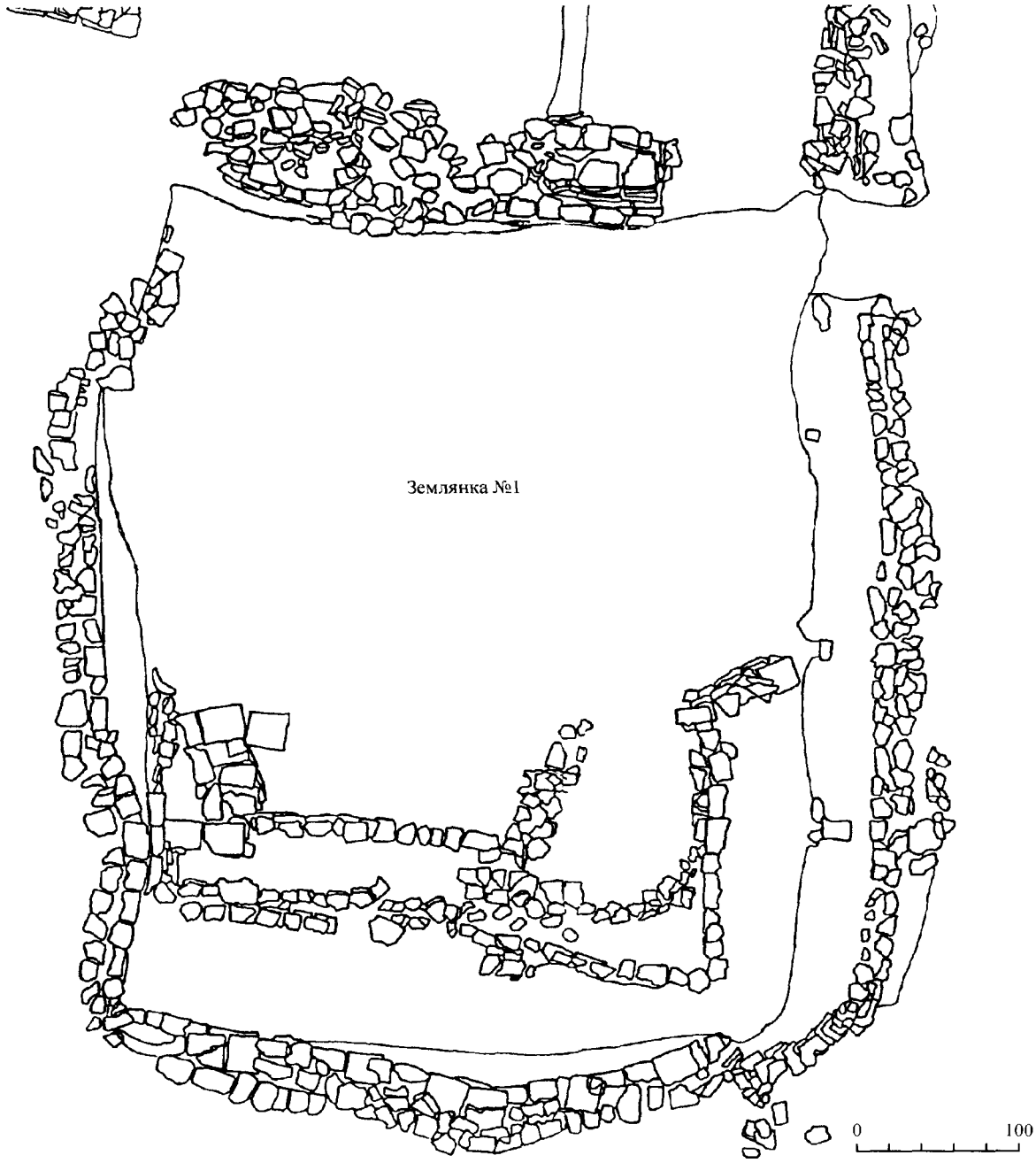

Рис. 6. Землянка № 1, конструкции I-IV строительных периодов.
Fig. 6. Dug-out 1, the structures of the 1st to 4th construction periods.
Abb. 6. Erdhütte 1, Baugruppen aus der 1. bis 4. Bauperiode.
Dess. 6. La hutte № 1, eléments des phases I – IV de construction

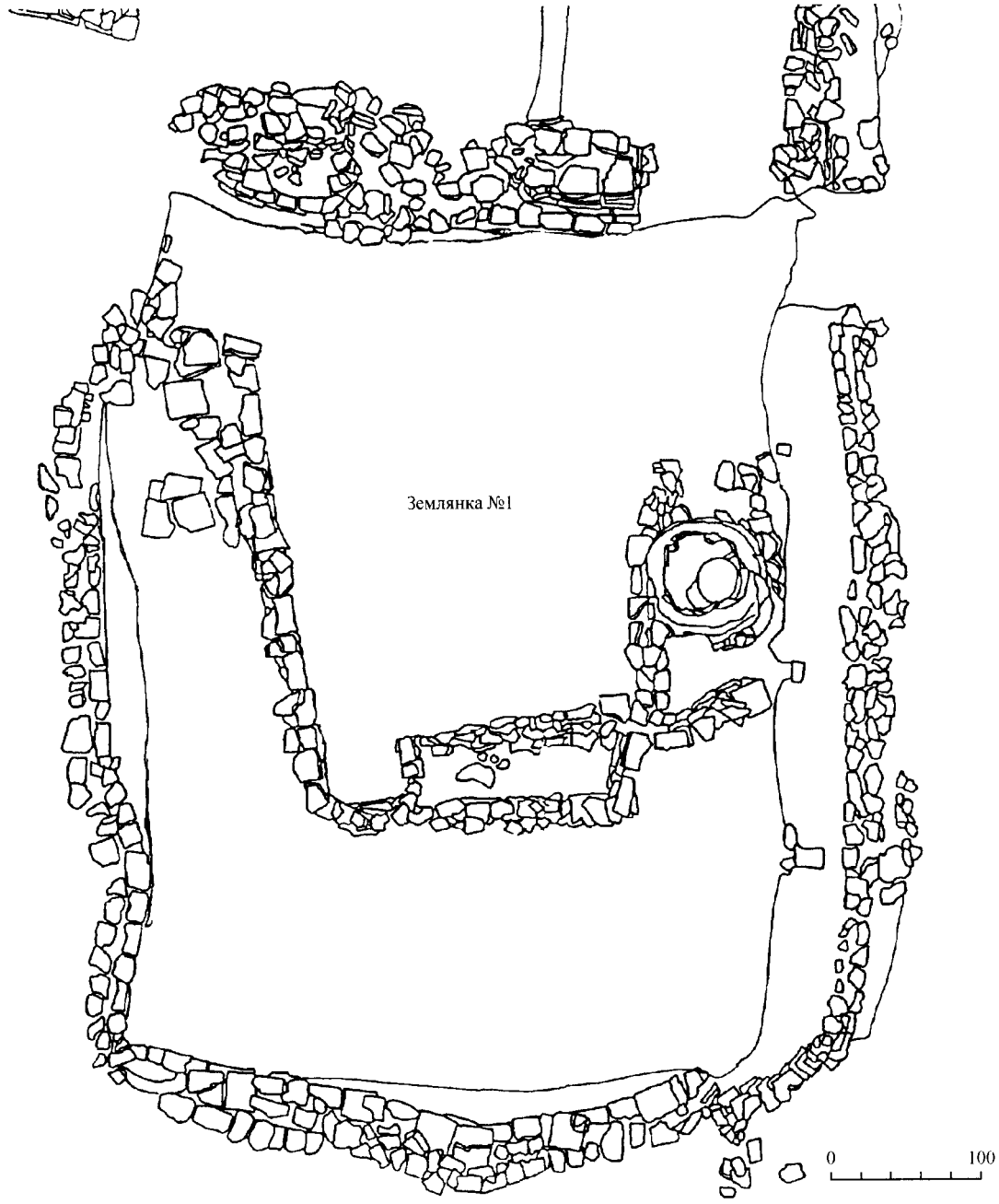

Рис. 7. Землянка № 1, конструкции V-VI строительных периодов.
Fig. 7. Dug-out 1, the structures of the 5th to 6th construction periods.
Abb. 7. Erdhütte 1, Baugruppen aus der 5. und 6. Bauperiode.
Dess. 7. La hutte № 1, eléments des phases V - VI de construction

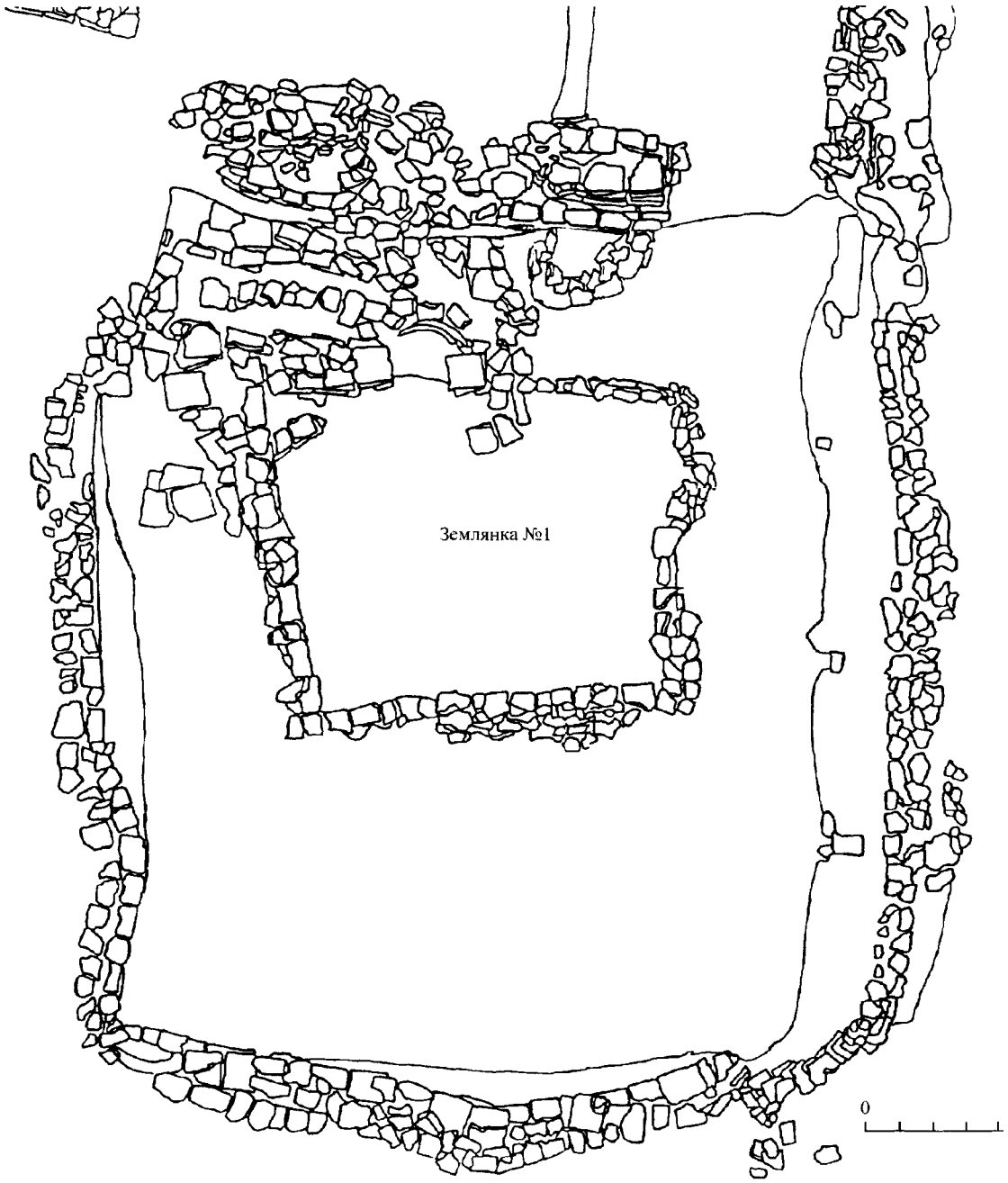

Рис. 8. Землянка № 1, конструкции VII строительного периода.
Fig. 8. Dug-out 1, the structures of the 7th construction periods.
Abb. 8. Erdhütte 1, Baugruppen aus der 7. Bauperiode.
Dess. 8. La hutte № 1, eléments de la phaseVII de construction

за пределами раскопа. Восточная стена сооружения № 5 была найдена на I штыке. Стена капитальная, сложена панцирной кладкой из крупных и мелких обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Восточный и западный фасы стены образованы половинками и крупными обломками кирпичей, положенных вперевязку. Массив стены заполнен более мелкими и бесформенными обломками. После разборки стены в нижнем слое кладки были обнаружены целые кирпичи следующих размеров: 19х20х4 см, 20х22х4 см, 22х22х4 см, 22х22х4 см, 20х19х4 см, 22х22х4 см, 19х20х4 см, 20х21х4 см, 19х22х4 см, 22х20х4 см, 22х22х4 см, 20х20х4,5 см. Восточная стена имела ширину 50-55 см и длину 2,9 м от северного борта раскопа. Основание стены лежало на нивелировочной подушке толщиной 16-20 см.

Западная стена сооружения № 5 также была панцирной, но имела другую конструкцию. Панцирь из обломков кирпичей, обращенных торцами наружу, облицовывал восточный и западный фасы стены, а середина была глинобитной. Стена имела ширину 60 см, северный конец ее был разрушен, и в длину она сохранилась на 3,9 м.

Южный конец западной стены представлял собой участок сплошной кладки из обломков кирпичей. Длина его 75-80 см, ширина 35 см. Восточный, южный и западный фасы этой стены были ровными, северный край был рваным. В 62 см к востоку от него находилась еще одна кладка длиной 82 см, шириной 30 см и высотой в 5 слоев. Она также имела три ровных края и рваный восточный. Представляется вероятным, что эти два участка кладки представляют собой пилоны, оформляющие проход шириной 60-62 см. Правда, этот проход ведет прямо на кан III строительного периода в сооружении, что довольно неудобно, но проход мог функционировать в I и II строительных периодах, а в III мог быть сделан какой-то другой. Или же этот проход сохранялся в течение всей жизни дома, в результате чего южный конец кана III периода разрушился. Проход из сооружение № 5 вел на небольшую (1,2х1,0 м) площадку, с восточной стороны которой находился вход в сооружение № 1.

Южная стена сооружения № 5 отсутствовала. Возможно, она шла как продолжение к востоку кладки восточного края прохода. В любом случае она должна была вплотную примыкать к северной стене сооружения № 1 или быть общей с ним. Таким образом, мы можем измерить только ширину сооружения № 5 (по оси З-В). Внешняя ширина равна 4,55-4,6 м, ширина комнаты – 3,2-3,3 м. Внутри сооружения № 5 было выявлено четыре строительных периода. Возможно, их было больше, но точно сказать сложно, так как часть конструкций осталась под северным бортом раскопа.

К I периоду, вероятно, относятся остатки суфы, пристроенной к восточной стене помещения. Большая часть ее находится за пределами раскопа. Суфа имела ширину 88 см. Подпорные стенки суфы были сложены из обломков кирпичей, обращенных ровным краем наружу. Внутри суфы были видны остатки стенок криволинейного кана. Стенки и дно каналов его были прокалены до красного цвета. В канале был найден грубый лепной глиняный светильник, обожженный на костре или прокалившийся в результате горения масла. Эта суфа относится к I периоду условно. Трудно сказать, как соотносится она с другой суфой I периода, расположенной также вдоль восточной стены, но дальше к северу. Наиболее вероятным нам кажется предположение, что эти суфы находились в разных помещениях, а стенка, отделявшая помещения друг от друга была легкой фахверковой и не сохранилась.

К I периоду относится двухканальный кан, проложенный вдоль восточной стены. Ширина его 57 см. Стенки сильно разрушены. Восточной стенкой кана, вероятно, являлась стена помещения. Средняя и западная стенки состояли из сильно прокаленных, до красного цвета, раскрошившихся кирпичей. Дно каналов кана также было прокалено до красного цвета. Каналы кана имели ширину 14-15 см. Кан, вероятно, тянулся до южной стены помещения. Стенки его здесь не сохранились, но были отчетливо видны следы прокаленности.

Во II строительном периоде кан также проходил вдоль восточной стены, но суфа, в которой он находился, была расширена до 75 см. Подпорная стенка ее, сложенная из обломков кирпичей, обращенных торцом наружу, насчитывала 5 слоев. Она также продолжалась до южной границы помещения.

В III периоде помещение было кардинально перестроено. Восточная суфа была оставлена прежней, была сооружена южная суфа, а кан перенесен к западной стене. Таким образом, суфа стала П-образной. Стенка южной суфы была врезана в стенку восточной суфы в 2,1 м от ее северного конца. Стенка сложена из обломков в 6 слоев кладки. В 47 см к югу от этой стенки, параллельно ей, на поверхности суфы положен в ряд 1 слой обломков кирпичей. Предположительная ширина южной суфы – 150 см.

Вдоль западной стены сооружения был устроен двухканальный кан. Общая ширина его – 77-78 см, длина (с тандыром) – 250 см. Стенки кана

были сложены из обломков кирпичей и имели в высоту до 5 слоев кладки. Ширина каналов колебалась от 8 до 15 см. Сверху каналы были перекрыты большими целыми кирпичами. Размеры кирпичей – 32х32х7 см. Южный конец кана был разрушен. Возможно, он разрушился в результате того, что в этом месте находился проход с улицы. Кан отапливался тандыром, пристроенным с северной стороны. Тандыр был цилиндрический, диаметром 50 см. Высота его – 25 см. Устье было обращено к востоку и имело ширину 23 см. На внутренней поверхности тандыра были сделаны насечки в виде косых перекрещивающихся пучков линий, прочерченных 5-зубцовой гребенкой.

В IV периоде была сделана небольшая перестройка: расширена восточная суфа. Ширина ее была увеличена до 105 см. Стенка суфы была сложена в той же технике и упиралась в стенку южной суфы.

Пол сооружения во все периоды был земляным. Прослежено 3-4 слоя пола. На некоторых слоях были видны остатки камышовой циновки.

Сооружение № 4 находилось у западного борта раскопа. Оно представляло собой наземный дом прямоугольный в плане с капитальными стенами из обожженного кирпича (рис.2, 4, 5). Западная часть дома была разрушена. Северная стена сооружения № 4 сложена панцирной кладкой из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Северный и южный ее фасы сложены из половинок кирпичей, обращенных торцевой частью наружу и рваным концом вовнутрь толщи стены. Середина стены была забутована более мелкими и бесформенными обломками кирпичей. Кладка крайних рядов имеет хорошую перевязку. Стена имела толщину 65-70 см и высоту 5-6 слоев кладки. Нижний слой лежал на глиняной подушке толщиной 9 см. Стена имела длину 140 см от СВ угла здания, западный конец ее был разрушен.

Восточная стена сооружения № 4 сохранилась на полную длину, которая составляла по внешнему контуру 5,0 м, по внутреннему контуру – 3,6 м. В северной и южной частях она была нарушена поздними погребениями. Восточная стена была сложена также панцирной кладкой, аналогично северной стене здания. Ширина ее составляла 68-70 см. Кладка сохранилась в высоту до 9 слоев. В северной части стены находился дверной проем. Он начинался в 50 см от СВ внутреннего угла помещения. Проход имел ширину 106 см. Порог находился на уровне третьего слоя кладки стены.

Южная стена сооружения № 4 также была панцирной. Стена имела длину 140-220 см и ширину 70-75 см. Кладка сохранилась в высоту до 6 слоев. Следует отметить, что все стены сооружения № 4, как внешние, так и внутренние, сильно искривлены и деформированы в результате просадки почвы. Это объясняется тем, что стены поставлены без фундамента не на плотный однородный материк, а на мощный культурный слой, имеющий различную плотность. Определенную роль в просадке конструкций, вероятно, сыграл и постоянно повышающийся уровень грунтовых вод.

Внутри сооружения № 4 прослеживаются конструкции, относящиеся к двум строительным периодам. Конструкции II строительного периода сохранились полностью, а конструкции I периода фрагментарно, поэтому целесообразнее начать описание со II периода.

Во II периоде вдоль южной стены помещения был сооружен двухканальный кан диной 1,5 м. Стенки его были сложены из обломков кирпичей и имели ширину 15-18 см. В высоту они сохранились на 4-5 слоев кладки. Ширина каналов кана составляла 13-17 см. Кан отапливался тандыром, который находился с западной его стороны. Тандыр имел диаметр 28 см, стенки его сохранились на высоту до 28 см. На внутренней поверхности тандыра были сделаны насечки 8-зубцовой гребенкой. Насечки были в виде прочерченных вертикально пучков линий, чередующихся с горизонтальными отрезками волнистой линии. Устье тандыра находилось с северной стороны. В полу перед устьем был положен кирпич размерами 31х31х6 см.

К кану примыкала суфа. Западная стенка суфы проходила параллельно восточной стене помещения, на расстоянии 55-60 см от нее. Северная стенка суфы была положена вровень с южным торцом прохода в помещение. Обе стенки были сложены из обломков обожженных кирпичей, направленных торцами к наружным краям стенок. На некоторых кирпичах прослеживались остатки известковой обмазки. Подпорные стенки суфы имели высоту 6-7 слоев кладки (30-35 см). Сверху суфа была покрыта слоем глиняной обмазки толщиной 5-8 см. После снятия слоя обмазки в суфе обнаружился тандыр I периода.

Еще одна суфа шириной 72-73 см была сделана во II периоде вдоль северной стены помещения. Подпорная стенка ее была также сложена из крупных обломков кирпичей, обращенных торцами наружу. Кладка стены насчитывала 9 слоев кирпичей, причем два нижних находились ниже уровня пола. У 6 нижних слоев кладки в 30 см от восточной стены комнаты был виден поворот стенки к югу. Кирпичи этой перпендикулярной стенки были перерублены. До восточной стены комнаты доходят только 3 верхних слоя кладки. Пол помещения во II периоде был глинобитным.

В I периоде вдоль северной стены была сделана суфа шириной 72-73 см, т.е. она была точно такой же, как и во II периоде (рис.4). Нижние 6 слоев кладки стенки суфы II периода относятся к I периоду. В 30 см от восточной стены помещения стенка суфы поворачивала к югу. Вероятно, в I периоде вдоль восточной стены была сооружена узкая (30 см) суфа, и вход в помещение вел прямо через нее. Восточная суфа была перерезана поздним погребением, но сохранилась ее часть к югу от него на длину 1,2 м. На кладку ее подпорной стенки была поставлена северная стенка восточной суфы II периода. Интересно, что основание внешней восточной стены помещения также находится выше по уровню, чем основание стенки суфы I периода. Можно предположить, что в I периоде пол помещения был заглублен относительно дневной поверхности, как это прослеживается в сооружениях № 1 и № 2.

К I строительному периоду относится и тандыр, найденный в толще суфы II периода. Западный край его перерезан стенкой суфы II периода. Тандыр был круглым в плане, конически расширяющимся книзу. Его верхний диаметр 30 см, нижний диаметр 40 см, высота 33 см. Стенки его сильно прокалены, гладкие, без насечек. Никаких остатков кана, отходящего от этого тандыра, обнаружено не было.

В южной части раскопа находилась землянка № 1 (рис.2, 6-8, 20-22). Большей частью она была вскрыта в 2001 г., но южная ее часть была исследована в 2002 г., для чего была сделана прирезка вдоль южного борта раскопа. Землянка 1 представляла собой прямоугольную в плане яму, стенки которой были облицованы крупными обломками кирпича на глиняном растворе. Кирпичи повернуты торцами вовнутрь помещения. По оси З-В шири-

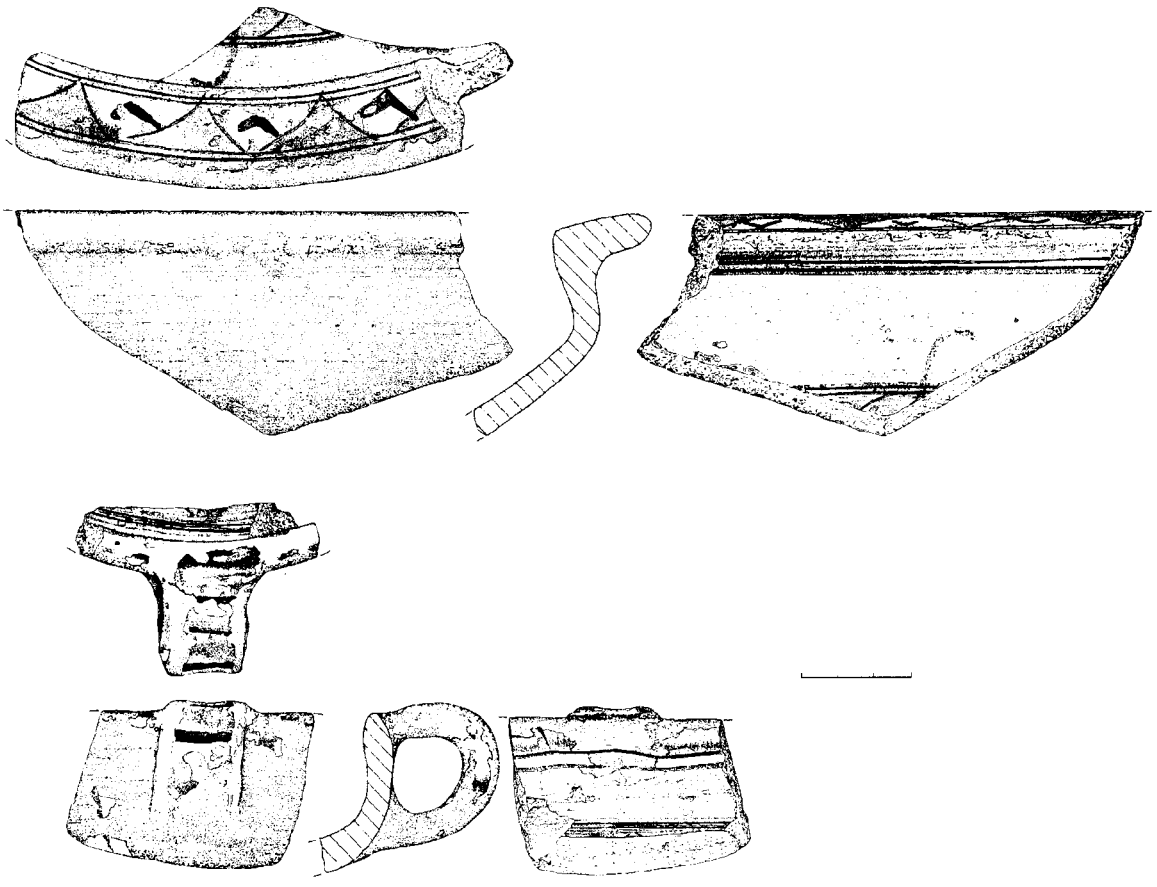

Рис. 9. Поливная керамика (Ширван) из заполнения землянки № 1.
Fig. 9. Glazed earthenware (Shirvan) from the finds of dug-out 1.
Abb. 9. Glasurkeramik (Schirwan) aus den Funden in der Erdhütte 1.
Dess. 9. Céramiques émaillées (Ŝirvan) extraites de la hutte № 1

на землянки составляла 4,6-4,8 м. По оси С-Ю длина – 5,6 м. В землянку вел вход в виде коридора шириной 120 см. Он находился с северной стороны землянки. Восточная стена коридора являлась продолжением стены основного помещения землянки.

Яма землянки имела слоистое заполнение. В верхней части находились мощные (до 1 м) наслоения золы. Под ними был найден и расчищен слой тлена от камыша или тростника. Слой лежал неровно. У восточной стены он прослеживался на отметках –133, -137. К центру землянки он понижался до – 181, -182. В южной части слой тлена также лежал значительно ниже, на отметках –169 у восточной стены и –204 у центральной оси землянки. Этот тлен, вероятно, является остатком камы-

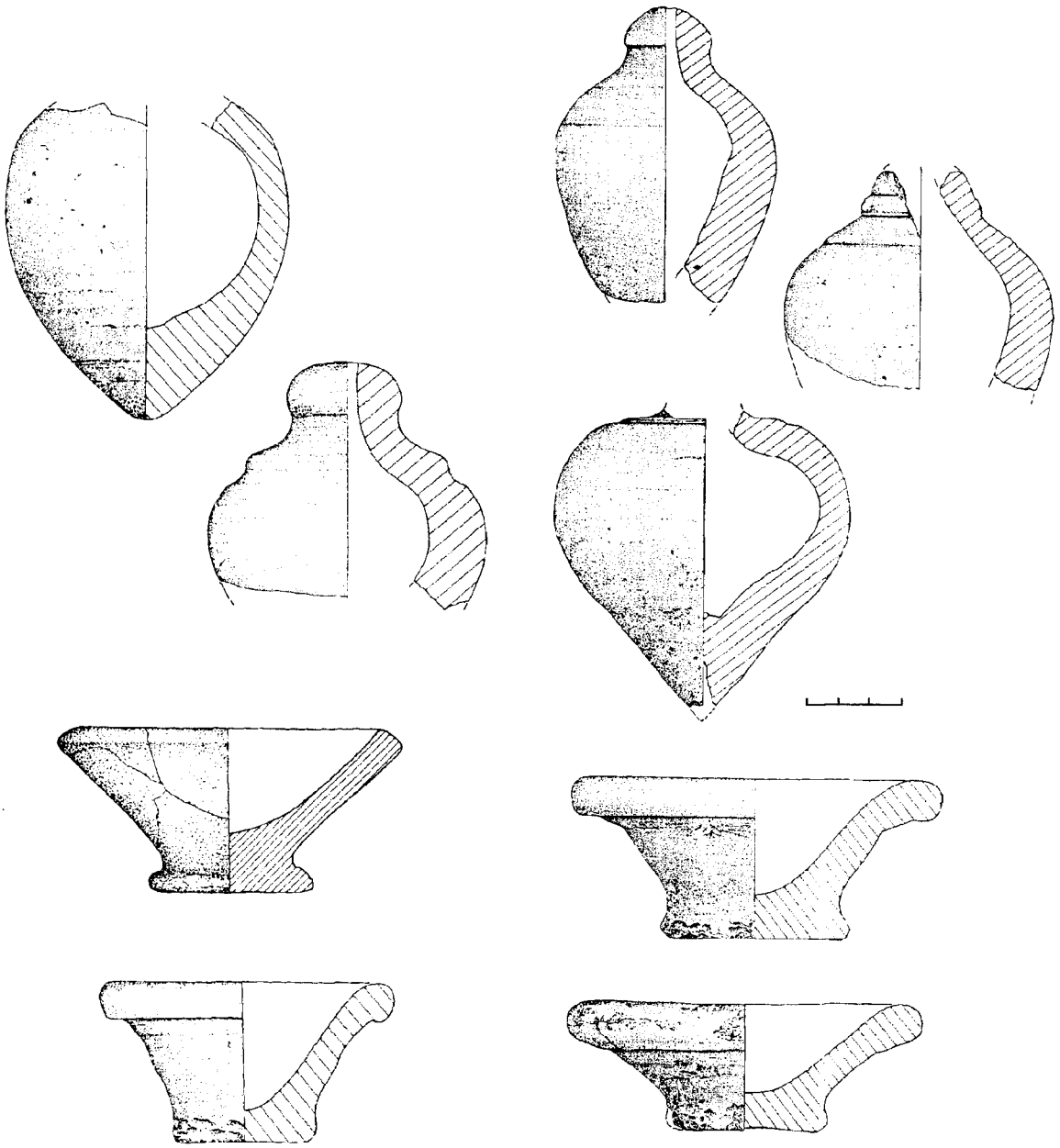

Рис. 10. Сфероконусы и красноглиняные чаши из заполнения землянки № 1.
Fig. 10. Spheric cones and red-clay cups from the finds of dug-out 1.
Abb. 10. Sphärenkegel und Rotlehmschalen aus der Füllung der Erdhütte 1.
Dess. 10. Les sphéres coniques et coupes en argile rouge extraites de la hutte № 1

шового перекрытия землянки, которое рухнуло уже после того, как она пришла в запустение. Под тленом находился собственно слой заполнения землянки в виде зеленовато-серого комковатого суглинка с золой, углями, костями и керамикой. Выше тлена находился слой мусора, которым засыпали яму землянки. В заполнении землянки на всех уровнях находилось большое количество костей, керамики, железных, медных и стеклянных предметов. Но закрытым комплексом можно считать только ту ее часть, которая находится ниже уровня рухнувшего перекрытия.

Стены землянки были сложены из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. В результате просадки культурного слоя, они были сильно искривлены как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях.

Восточная стена землянки сложена из обломков кирпичей в 2-3 ряда, ширина ее 20-30 см. Южный ее конец прослеживался со II штыка. Высота стены составляла 32 слоя кирпичей (2 м от уровня пола) в южной части и 24 слоя (1,5 м) в северной. Нижний слой кирпичей восточной стены начинался не с уровня пола, а с уровня поверхности суфы, т.е. на 4 слоя кирпичей (25-30 см) выше, чем прилегающая к ней южная стена. Кирпичи обкладки стены были явно использованы вторично, некоторые из них носили следы известковой обмазки. Формат кирпичей разный. В основном это квадратные кирпичи со сторонами 20, 21,5, 22, 23, 24 и 25 см. Толщина их колеблется от 3,5 до 6 см. Встречаются отдельные большеформатные кирпичи со стороной 31-33 см и толщиной 4-6 см. Кладка на глиняном растворе, вперевязку. В 5,0 м от ЮВ угла кирпичная обкладка восточной стены становится сырцовой. Сырцы имели длину 24 см и толщину 6 см. Длина сырцового участка стены – 1,0 м. Северный конец его выходит за пределы основного помещения землянки и образует стену прохода в помещение. Дальнейшие исследования показали, что здесь находился первоначальный вход в землянку, который впоследствии был заложен сырцом. Порог этого входа находился на уровне третьего слоя кладки стены. В 130 см от ЮВ угла в кирпичной кладке стены был сделан вертикальный проем с ровными границами. Он начинался с на 70 см выше уровня суфы и заканчивался на уровне 20 слоя кладки. Ширина проема 10 см, высота 55 см. В 120 см к северу от первого проема находился еще один. Он начинался с уровня суфы, имел высоту 110 см и ширину 10 см. В эти проемы, скорее всего, был вставлен какой-то деревянный крепеж, который не сохранился.

Южная стена имела высоту 16-17 слоев кирпичей от своего основания. Основание ее находилось на 4 слоя кирпичей ниже, чем основание восточной стены. В углу, образованным этими стенами, первые 4 слоя восточной стены и 8 слоев южной стены положены не вперевязку. Между ними имеется щель шириной 25 см в нижней части, которая постепенно сужается кверху. Выше кладка стен перевязана, для чего кирпичи в углу положены под углом 45 градусов к обеим стенам. В южной стене пятый, шестой, седьмой и восьмой слои кладки частично были сложены из сырцовых кирпичей большого формата. Длина их достигала 50 см, а толщина – 7-8 см. В восточной части южной стены нижние 4-5 слоев кладки сильно просели. Этот прогиб был заполнен 4 слоями сырцовой кладки. Дальше к западу на кирпичной кладке лежат только 2 слоя сырца. Выше кладка была сделана из обломков кирпичей и имела такое же строение, как и восточная стена. В ЮЗ углу землянки кладка южной стены сложена вперевязку с западной стеной только на уровне трех нижних слоев кладки. Выше кладка имеет неровный край, который не доходит до западной стены на 20-50 см. Это пространство было забутовано глиной. Таким образом, создается впечатление, что верхняя часть южной стены была положена на уже имевшуюся нижнюю часть, которая некоторое время уже существовала и успела просесть. Причем нижняя часть южной стены сложена вперевязку только с западной стеной, а верхняя часть перевязана с восточной стеной.

Западная стена землянки была шириной 25-35 см и сложена в 3 ряда обломков кирпичей. В северной части она имела высоту 25 слоев кладки, а в южной части 13 слоев от основания. В 130 см от СЗ угла верхняя часть кладки стены, начиная с седьмого слоя, выступает вовнутрь землянки на 20 см. Это стало возможно, так как в этой части не была соблюдена перевязка кирпичей, и образовался вертикальный шов. В нижней части кладка идет вровень с остальной плоскостью стены. Северный конец западной стены сложен вперевязку с северной стеной.

Северная стена имела высоту 19-21 слой кирпича от основания (150-160 см). Ширина ее около 70 см. В северной стене имелся скользящий вдоль восточной стены проход шириной 80 см. Порог находился на уровне третьего слоя кладки и был сложен из сырцовых кирпичей. Он был обложен досками, отпечатки которых прослеживались на сырцах. В СВ углу, образованном нижними слоями кладки восточной и северной стен, в сырцовом заплыве найдено отверстие для столбика диаметром 10 см и глубиной 10 см. Возможно, оно служило для крепления двери.

Проход в землянку был завален битым кирпичом. После разборки завала был расчищен ко-

ридор, ведущий в основное помещение землянки с северной стороны. Его длина – 4,0 м, ширина – 1,2-1,4 м. Восточная стена прохода являлась продолжением стены землянки. Она была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Ширина ее 30-40 см. Южный конец стены длиной 40-45 см был сложен из сырцов. В 65 см от входа в основное помещение землянки в стене прослеживался вертикальный проем шириной 12-15 см и глубиной 12 см. Возможно в нем был закреплен брус, поддерживавший крышу прохода.

Западная стенка прохода не сохранилась. Тем не менее, на то, что он имел ширину 140 см, указывает строение северной стены землянки. Участок кладки стены, примыкающей к входу в землянку, имеет ровный фасад не только с южной стороны, но и с северной. Длина его 60-70 см. Остальная кладка стены имеет рваный северный край, так как он примыкал к котловану землянки и не был виден. Таким образом, в землянку вел коридор шириной 140 см, который сужался на входе в землянку до 80 см. Пол прохода был земляным, он имел уклон с севера на юг от –193 до –211.

Пол землянки был земляным. Вдоль всех четырех стен была сделана невысокая (15-25 см высотой) суфа. После выборки заполнения суфы в ее массиве появились остатки многочисленных стенок, которые можно отнести к семи строительным периодам.

В I строительном периоде была сделана Г-образная суфа вдоль южной и восточной стен (рис.6). Подпорная стенка была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе и имела ширину 10-15 см. Высота ее – 2-3 слоя. Южная суфа имела ширину 80 см в западной части и 50 см в восточной. Восточная суфа была шириной 55-60 см и длиной 2,3 м.

Во II строительном периоде стенка суфы была укреплена. С внешней стороны к стенке I периода была пристроена стенка из обломков кирпичей. В западной части она примыкала вплотную к южной стенке I периода, а в восточной части отстояла от нее на 25-30 см. Ширина южной суфы во II строительном периоде – 100-110 см, восточной суфы – 70 см. От южной стены землянки стена поворачивала на восток под тупым углом. Ширина ее подпорной стенки 10-15 см, высота – 2-3 слоя. В средней части южной суфы видны следы ремонта. К стенке снаружи был пристроен участок стены длиной 85 см и шириной 20 см.

В III строительном периоде суфа была Г-образная, пристроенная к южной и восточной стенам. Ширина южной суфы – 150 см, восточной – 150-180 см. Западный конец подпорной стенки сложен из целых кирпичей (2 кирпича), положенных в 2-4 слоя. Размеры кирпичей – 24х24х5 см. Ссеверный конец восточный стены суфы был разрушен стенкой южной суфы V периода.

В IV строительном периоде была пристроена небольшая суфа вдоль западной стены, и вся суфа стала П-образной. Участок новой суфы имел размеры 80х60х70 см.

В V периоде суфа примыкала к западной и южной стенам и южной части восточной стены (рис.7). Западная суфа имела ширину 1,0 м. Стенка южной суфы находилась на расстоянии 180 см от южной стены. В 3,1 м от западной стены землянки стена южной суфы поворачивает к югу, продолжается на 50 см и снова поворачивает к востоку, соединяясь со стенкой суфы I и II периодов.

В VI строительном периоде суфа была П- образной вдоль западной, южной и восточной стен. Южная суфа имела ширину – 2,3-2,5 м. В ЮЗ ее углу стенка образовывала полукруг диаметром 50 см. Вероятно эта стенка образовывала обкладку тандыра или круглой печи. Западная суфа осталась той же, только была слегка надстроена. Восточная суфа имела ширину 90 см и длину 4,0 м. Ее подпорная стенка имела такое же строение, но высота ее составляла 3-4 слоя. В восточной суфе была сделана тошна (умывальник). В 2,8 м от ЮВ угла землянки, вплотную к восточной стене был вкопан горлом вниз сосуд (хумча) с отбитым дном. Впоследствии сосуд был раздавлен, поэтому размеры его можно определить лишь приблизительно: диаметр горла – 26 см, диаметр сосуда примерно 60 см, высота – 50 см.

В VII строительном периоде суфа была сделана вдоль всех четырех стен (рис.8). Южная и западная суфы остались прежними. Стенка восточной суфы была продолжена еще на 50 см до соединения с подпорной стенкой северной суфы. Северная суфа шла вдоль всей северной стены землянки. Проход в землянку вел прямо на суфу, а уже потом на пол. Суфа имела ширину 110-120 см и высоту 2-5 слоев кладки. В том месте, где суфа примыкала к проходу, уровень ее был несколько ниже, вероятно оттого, что здесь постоянно ходили. В восточной части северной суфы находился двухканальный кан длиной 150 см. Каналы его заканчивались у западной стены землянки. Стенки кана были сложены из крупных обломков кирпичей. Их ширина 15-20 см, высота – 4 слоя кладки. Ширина каналов – 10-20 см. У западной стенки кана каналы соединялись. В конце северного канала была обнаружена круглая яма сажеприемника диаметром 10 см и глубиной 6 см. Каналы кана были перекрыты целыми кирпичами. Кан отапливался тандыром, расположенным

в центральной части суфы, у ее южной стенки. Тандыр слегка расширялся книзу. Его верхний диаметр 32 см, нижний – 38 см. Высота тандыра 40 см. Устьем он открывался на юг. Ширина устья 20 см.

Возле входа, к западу от него в суфе была устроена тошна полукруглая в плане. Ее диаметр 54 см. Колодец тошны был сложен из рваных обломков кирпичей. Кладка шла вглубь на 5 слоев.

В VII периоде печь в ЮЗ углу суфы перестала функционировать. Ее устье было заложено кирпичами, которые продолжали линию стены южной суфы. Также была засыпана и перекрыта поверхностью суфы тошна в восточной суфе.

Перестроек интерьера в землянке, скорее всего, было больше, так как некоторые обрывки стенок не укладываются в предложенную схему. Это свидетельствует о длительности существования землянки.

Находки, происходящие из землянки 1, исчисляются тысячами. В основном это фрагменты грубых лепных сосудов и круговой красноглиняной керамики. Среди поливной керамики преобладает импорт, в котором четко выделяется большая группа ширванской керамики (рис.9) и незначительное количество иранской люстровой керамики с полихромной росписью. Золотоордынская керамика составляет менее 5% от всего керамического комплекса и находилась она, в основном, в верхней части засыпи землянки, над тростниковой крышей. В землянке обнаружено большое количество обломков сфероконусов (более 10 сосудов), что позволяет предположить наличие здесь какой-либо мастерской. Очень интересны небольшие красноглиняные чашечки конической формы с отогнутым венчиком на сплошном поддоне. Верхний диаметр их колеблется от 9 до 11 см, диаметр дна составляет 4-6 см, высота – 4-5 см (рис.10).

Изделия из кости были представлены, в основном, "коньками". Большое количество металлических изделий из железа и меди было сильно окислено, поэтому большей частью они не подлежали реставрации. Довольно много было изделий из стекла. Это – фрагменты браслетов, бусы, фрагменты стеклянных сосудов, в том числе и из цветного стекла сирийского или египетского производства. Особого внимания заслуживает штампованная кашинная подвеска с бирюзовой поливой, найденная в нижней части заполнения землянки, под ее перекрытием (рис.11). Подобные подвески встречаются на памятниках Средней Азии (Атагаррыев Е., 1965, с.11-12; Давидович Е.А., Литвинский Б.А., 1956, с.124; Дресвянская Г.Я., 1969, с.80-84; Неразик Е.Е., 1976, с.104, рис.58) в домонгольское время, причем позже XII – нач.XIII в. они там не известны (Дресвянская Г.Я, 1969, с.84).

Сооружения, относящиеся к III периоду датировать точно пока еще сложно. По своей планировке, а также по интерьеру, состоящему из Г-образных или П-образных суф, канов, тандыров и тошнау, они напоминают жилища золотоордынских городов (Егоров В.Л., 1970, с.172-193; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.46-77). Тем не менее,

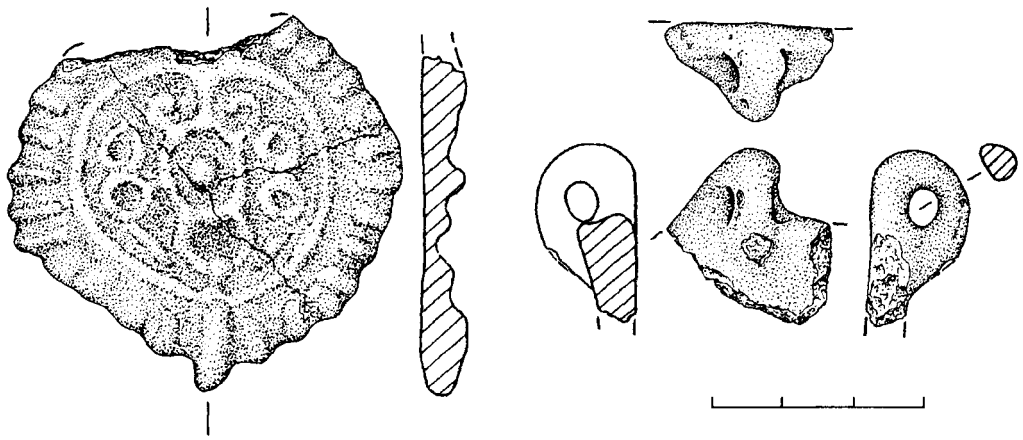

Рис. 11. Кашинные подвески с бирюзовой поливой.
Fig. 11. Turquoise-glazed kashin pendants.
Abb. 11. Kaschin-Gehänge mit Türkisbelag.
Dess. 11. Suspensions en argile de très haute qualité émaillées couleur émeraude

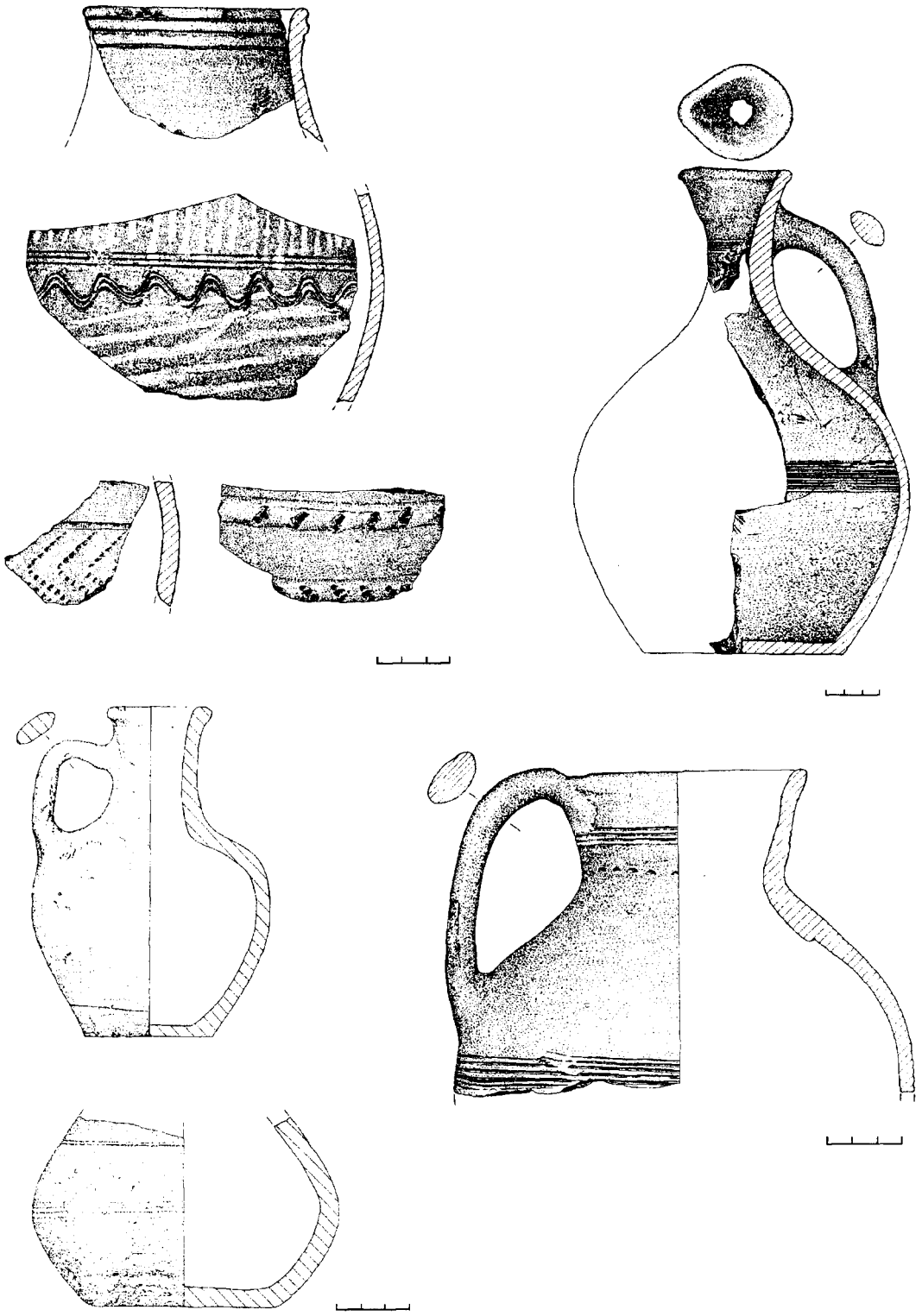

Рис. 12. Круговая керамика из раскопа № 1.
Fig. 12. Circular ceramics from dug-out 1.
Abb.12. Rundkeramik aus der Grabung 1.
Dess. 12. Poteries de la fouille № 1

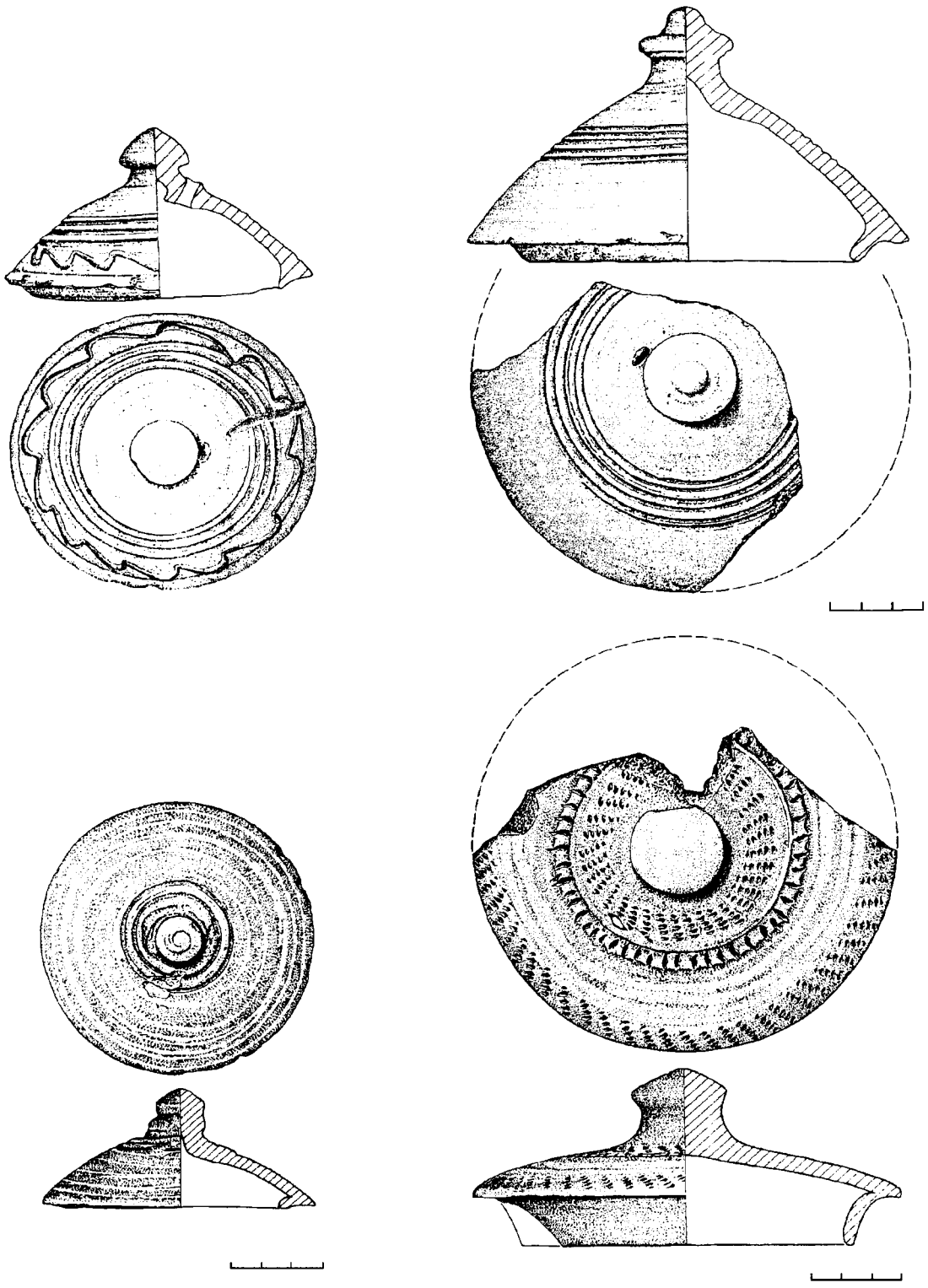

Рис. 13. Красноглиняные крышки из раскопа № 1.
Fig. 13. Red-clay lids from dug-out 1.
Abb. 13. Rotlehmdeckel aus der Grabung 1.
Dess. 13. Les couvercles en argile rouge de la fouille № 1

облик этих построек и их внутренние конструкции имеют ряд отличий от хорошо известных нам домов золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Для всех золотоордынских городищ характерно обилие построек из сырцового кирпича как крайне дешевого и удобного материала. Даже в столичном Сарае большинство зажиточных усадеб было построено из сырца (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.52-94). На Самосделке сырцовый кирпич встречен пока только в самых верхних слоях. При относительно больших размерах раскопа все постройки III периода возведены только из обломков и местами целых обожженных кирпичей. Вероятно, в более ранние периоды здесь имелось такое количество кирпичных зданий, что кирпич из разрушенных построек являлся даже более дешевым материалом, нежели сырец. На вторичное использование кирпичей указывают также следы известкового раствора на них при том, что все кладки сложены на глиняном растворе. Обращает на себя внимание и качество изготовления кирпича. Все кирпичи вылеплены из теста грубого замеса, с большой примесью органики, поэтому они очень пористые и рыхлые, что не характерно для золотоордынских кирпичей. Вылеплены кирпичи также очень грубо, многие из них имеют неправильную форму и плохой обжиг. Размеры кирпичей весьма разнообразны: 20х21х3,5 см, 22,5х21х4 см, 22-22,5х22-22,5х3,5-4 см, 23-23,5х23-23,5х3,5-5 см, 24-25х24-25х3,5-5 см. Реже встречаются большеформатные кирпичи: 26-27,5х26-27,5х4-6,5 см, 30-33х30-33х4-7 см и даже 39-40х39-40х8-9 см. В основном, кирпичи квадратные, но нельзя отвергать вероятность того, что существовали и прямоугольные, так как кирпичи, найденные в раскопе, большей частью битые. На золотоордынских городищах Нижнего Поволжья преобладает формат 21-22х21-22х4-5 см (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.72). На Самосделке, даже в однозначно золотоордынских слоях применялся кирпич более раннего времени, поэтому аналогии следует искать в памятниках домонгольского периода.

В Волжской Болгарии домонгольского времени были найдены кирпичи размерами 35,5х36х5 см и 25,5х25,5х5 см, 26х26х5 см (Смирнов А.П., 1941, с.150; Смирнов А.П., 1976, с.4; Халиков А.Х., 1979, с.11). Известны форматы кирпичей в крепостях хазарского времени. В Саркеле существовали кирпичи двух стандартов – 24х24х5 см и 27х27х7 см (Раппопорт П.А., 1959, с.14, 17), а в Семикаракорах преобладал кирпич размеров 26х26х6 см, но также были отмечены кирпичи 22,5-23,5х22,5-23,5х4,5-5,5 см, 24-25х24-25х4-5 см, 26-28х26-28х5-6,5 (Флёров В.С., 2001, с.61-63). В Азербайджане в IX в. были распространены кирпичи форматов 22х22х4 см, 23х23х4 см и 24х24х5 см, а в XII-XIII вв. – 25-26х25-26х5 см (Минкевич-Мустафаева Н.В., 1965, с.26, 38). Встречался также кирпич меньших размеров – 20х20х4 см (Фоменко В.П., 1965, с.47, 49). В Хорезме для строительства применялся преимущественно сырцовый кирпич, а обожженный играл вспомогательную роль (Воронина В.Л., 1952, с.87, 88; Воронина В.Л., 1953, с.3). Сырцовый и обожженный кирпич, применявшийся в постройках Хорезма, имел квадратную форму, причем размеры его со временем уменьшались. Если для VI-VIII вв. характерны кирпичи размерами 38х38х9 см, то во времена хорезмшахов сторона кирпича составляет 30-25 см (Воронина В.Л., 1952, с.90, 91; Воронина В.Л., 1953, с.7; Толстов С.П., 1962, с.281, 283), но известны и меньшего размера – 23х23 4,5 см (Толстов С.П., 1962, с.288). В Отраре в XII-XIII вв. наряду с прямоугольным кирпичом (20-22х10-11х3,5 см) существовал квадратный кирпич 25-27х25-27х5-7 см, но он применялся для отмостки полов (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с.15, 20). На других городищах Южного Казахстана зафиксированы кирпичи меньших размеров – 22х22х4-5 см (Байпаков К.М., 1986, с.139).

Большеформатный квадратный кирпич стандартов 28х28х5 см, 30-31х30-31х5 см и 35-36х35-36х5-6 см был известен в Центральной Азии как материал для мощения полов. Для сооружения стен использовали кирпич прямоугольной формы (Древнемонгольские..., 1965, с.83, 316, 347).

На Самосделке мы имеем практически все перечисленные форматы кирпичей, поэтому трудно говорить о прямом заимствовании. Возможно, обилие кирпичей различных стандартов объясняется полиэтничностью населения. Можно предположить также, что за время существования городища стандарты могли меняться, но проследить это можно только при наличии неразобранных сооружений. Постройки III периода целиком сложены из кирпичей, взятых из ранних сооружений, относящихся к различным периодам.

В некоторых наземных домах на городище Самосделка пол был заглублен относительно дневной поверхности. Несколько домов с заглубленным полом золотоордынского времени исследовано на Царевском городище (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, рис.8; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.47), но в целом такие жилища не типичны для золотоордынских городов. Дома с заглубленным полом занимают промежуточное положение между землянками и наземными домами. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, в больших землянках жили рабы, а в маленьких – беднейшие полусвободные жители

городов (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.45). В усадьбе на Царевском городище заглубленные в землю дома были предназначены для слуг, возможно, бывших рабов. На Самосделке наблюдается несколько иная картина. Среди исследованных построек землянка отличается не только большими размерами, но и лучшим благоустройством. Этот комплекс богаче находками, причем многие из них (поливная керамика, стеклянные сосуды и украшения) говорят об определенном достатке ее обитателей.

Г.А.Федоров-Давыдов отмечал, что совершенно не характерным для планировки золотоордынских домов является наличие проходов, ведущих через поверхность суфы (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.75). Такие проходы через суфу встречаются в домостроительстве Отрара и на некоторых других городищах Южного Казахстана (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с.36, рис.15, с.46-47, рис.19-20, с.77, рис.32; Байпаков К.М., 1986, с.149, рис.61; Ерзакович Л.Б., 1983, с.83, рис.1). На нашем раскопе в трех жилищах зафиксированы проходы через суфу.

Для золотоордынских домов характерна большая суфа, занимающая основную часть помещения и очень небольшая площадь пола (Егоров В.Л., 1970, с.185; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.74). На суфе обычно могла спать целая семья. На Самосделке мы имеем довольно узкие суфы от 60 до 100 см. Площадь их не превышает площади пола. Очень невелики и каны. Если в жилых помещениях домов Селитренного городища и других нижневолжских памятников кан проходит обычно вдоль одной из стен и имеет длину до 2,5-3 м, то все каны построек III периода на Самосделке занимают только одну из половинок суфы или короткий ее отрезок. Длина их составляет 140-160 см.

На проблеме появления канов в жилищах следует остановиться особо. В.Л.Егоровым было доказано, что система отопления в виде канов была заимствована монголами у джурдженей и киданей и получила свое дальнейшее развитие в золотоордынском домостроительстве Нижнего Поволжья (Егоров В.Л., 1976, с.185-187). В Южном Казахстане и Семиречье каны были известны еще в VII-VIII и X-XI вв., (Агеева Е.И., 1962, с.148-149; Сенигова Т.Н., 1962, с.158-159; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.69-74, БайпаковК.М., 1980, с.431; Чуйская..., 1950, с.49, табл.XIX; Неразик Е.Е., 1968, с.203-204). Появление канов в Средней Азии в домонгольское время исследователи связывают с тюркизацией местного населения центрально-азиатскими элементами сначала уйгурского, а затем – огузо-кипчакского происхождения (Неразик Е.Е., 1972, с.64-69, Ерзакович Л.Б., 1983, с.90). С.М.Ахинжанов и Л.Б.Ерзакович высказали предположение, что в нижневолжские города Золотой Орды каны могли быть занесены кимако-кипчакским населением из Южного Казахстана и Приаралья (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.69). С этим мнением категорически не согласен Г.А.Федоров-Давыдов, считавший, как и В.Л.Егоров, что появление канов в Золотой Орде связано исключительно с монгольским влиянием (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.75). Нам представляется, что не следует полностью отвергать гипотезу С.М.Ахинжанова и Л.Б.Ерзаковича. Вполне возможно, что на городище Самосделка каны были принесены еще в домонгольское время огузским населением низовьев Сырдарьи. Это предположение основывается и на анализе керамики, происходящей из жилых комплексов III периода.

Таким образом, можно констатировать, что исследованные жилые постройки Самосдельского городища имеют ряд отличий от аналогичных сооружений в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. С учетом анализа находок (об этом далее), можно предположить, что они возникли еще в домонгольское время в XII – нач.XIII в. и, возможно, продолжали существовать во 2-й пол.XIII в.

В настоящее время ведутся раскопки большого многокомнатного дома более раннего периода. Вскрыты слои X – нач.XI в., которые содержат остатки сильно разрушенных сооружений из турлука – камыша, обмазанного глиной. Об их архитектуре сказать что-либо сложно, так как они были сожжены и практически полностью уничтожены поздними ямами. В качестве строительного материала использовался и камень – ракушечник и известняк, также взятый из развалин более раннего периода. Самые ранние культурные слои городища будут изучены в ходе раскопок будущих лет.

Отдельный блок исследований Самосдельского городища составили комплексные почвенно-ландшафтные исследования, проводимые группой сотрудников и аспирантов Института географии РАН и факультета почвоведения МГУ. Долгосрочной задачей этих исследований является реконструкция жизни поселения, включающая характеристику палеоландшафтной обстановки и ее изменений, а также хозяйственной деятельности населения. Некоторые результаты исследований получены уже в настоящее время. Так, например, период возникновения и функционирования поселения (до начала XIV в.) можно отнести ко времени наиболее низкого за последнее тысячелетие уровня стояния Каспия и существенной аридизации кли-

мата в регионе. Территория памятника, расположенная в настоящее время в средней дельте Волги, в период существования поселения функционировала в режиме поймы и находилась вне сферы действия катастрофических непериодических колебаний уровня Каспия. Ландшафтно-климатические условия района исследований в период существования поселения, как и в настоящее время, наиболее благоприятствовали рыболовецко-скотоводческому типу хозяйствования. Лимитирующим фактором для развития земледелия являлась влагообеспеченность. Развитие пахотного земледелия, как и в настоящее время, было возможно только при искусственном орошении. Природные ресурсы территории допускали также развитие мелкотоварного гончарного производства, строительных ремесел на местной сырьевой базе. В XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря. Район городища Самосделка оказался в прибрежной зоне дельты, особенно опасной в период катастрофических нагонов. Бедствия природного характера могли послужить причиной упадка и даже гибели поселения (Turova I.V., Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P., 2001, p.112; Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А., 2001, с.43-47). Запустение островной части городища в середине XIV в. подтверждается и археологическими данными. Еще одним важным результатом почвоведческих исследований явилась серия радиоуглеродных дат, по которым нижние слои культурного слоя можно отнести к IX-X вв.

О населении города

Город являлся центром транзитной торговли, что особенно наглядно показали его раскопки. Специфика данного памятника такова, что основным датирующим материалом и материалом, который может дать культурную интерпретацию слоя, является керамика. Представительную группу находок составляют гончарные поливные и неполивные сосуды. Это кухонная посуда (котлы, горшки) и столовая посуда (кружки, миски, блюда, крышки, кувшины, чаши и пр.) Имеется значительное количество фрагментов бракованной поливной и неполивной красноглиняной керамики, что говорит о местном ее производстве. Данная керамика довольно легко интерпретируется. На фоне хорошо выделяющегося компонента импортной керамики (в основном, поливной) – хорезмийской, закавказской, ширванской, абсолютное большинство гончарной посуды из слоев X-XII вв. составляет посуда булгарского производства – сделанная булгарскими мастерами непосредственно на месте (рис.12; 13). Столь значительные масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Булгарией в X-XII вв., о большом булгарском компоненте среди населения городища в тот же период и, предположительно – о булгарской торгово-ремесленной фактории, существовавшей на этом месте в X-XIII вв. Эта фактория является самым южным из известных на настоящий момент пунктом волжско-булгарской экономической и политической экспансии.

Обращает на себя внимание довольно представительная группа лепной или доведенной на гончарном круге керамики, происходящей как из культурных слоев, так и с поверхности городища. Это и кухонная и столовая посуда – горшки, котлы, сковороды, кружки, крышки горшков и тандыров (рис.13-17). Украшены сосуды довольно разнообразным орнаментом – ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, наколами камышинкой и полой косточкой, отпечатками зубчатого штампа, свисающими "гирляндами", процарапанными по сырой глине рисунками-граффити. Венчики сосудов украшены защипами, пальцевыми вдавлениями, насечками. Очень разнообразны ручки сосудов – петлевидные ручки горшков, декорированные насечками, имитирующими рога барана, часто встречаются зооморфные ручки, стилизованно изображающие пасущегося барана. Нередко встречаются богато украшенные раковинообразные ручки (так называемые "ушки") от котлов с шаровидным туловом, витые ручки из двух или трех жгутов, ступенчатые зооморфные ручки. Кроме этого, керамика зачастую богато декорируется налепами в виде рогов барана.

К этой группе относятся в частности крупные горшки с косыми насечками или пальцевыми вдавлениями по верхнему краю. Они изготовлены из плохо промешанной глины с обильными примесями, но имеют ровный цвет черепка на изломе, т.е. здесь можно предположить горновой обжиг. Подобная форма с похожими типами орнаментации достаточно хорошо известна в керамике Среднего Поволжья, а именно в комплексах болгарского времени, где она датируется IX-X вв. (Хлебникова Т.А., 1984, с.95-98, 216-219). С.А.Плетнева неоднократно указывала, что такая форма принадлежит различным кочевым племенам хазарского каганата: болгарам, хазарам, печенегам и гузам (Плетнева С.А., 1959, с.230-237; 1967, с.104). Считается, что эта группа керамики генетически связана со степными комплексами Центрального Казахстана и Приаралья. Действительно, в так называемых позднегузских керамических комплексах

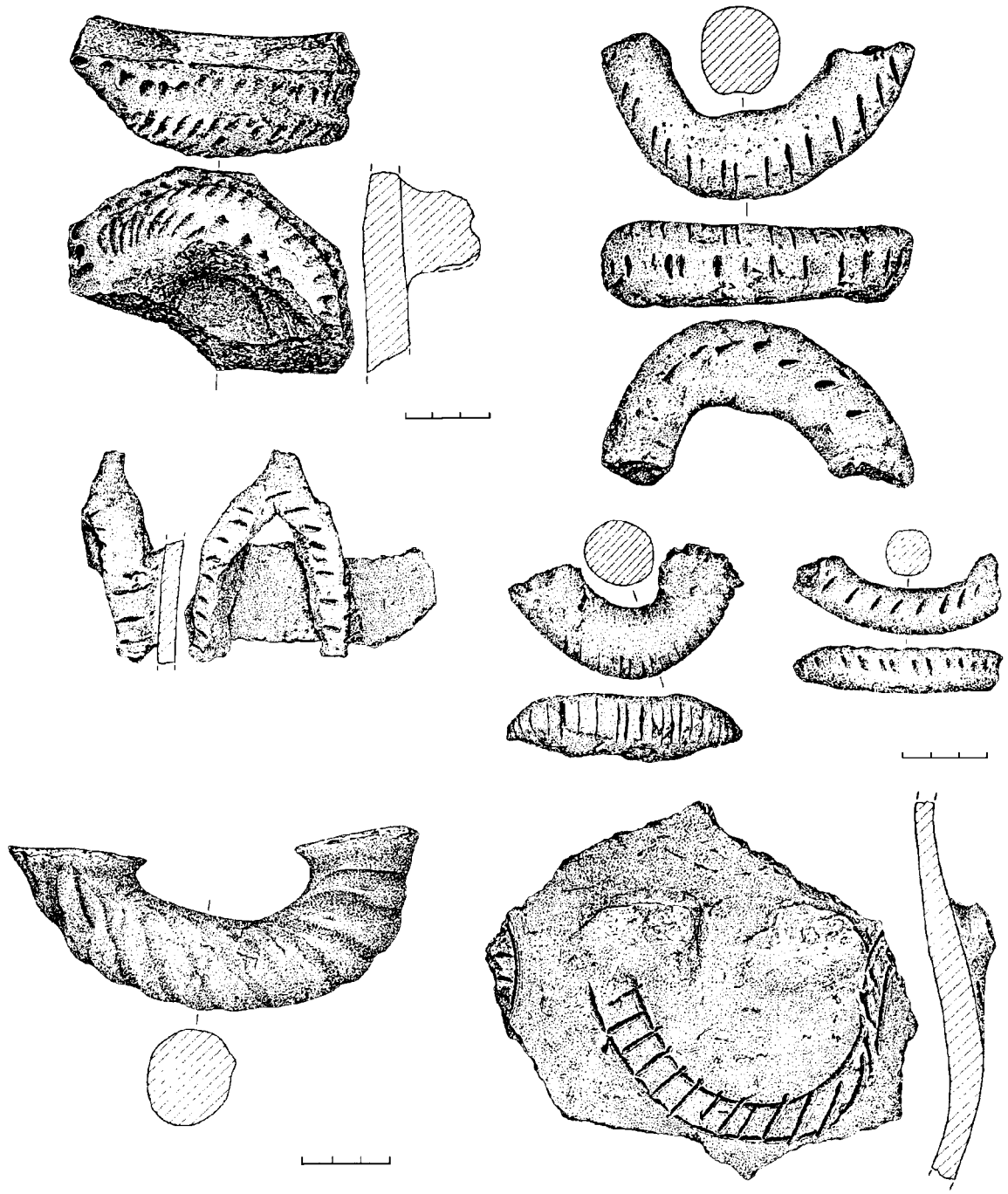

Рис. 14. Ручки лепных сосудов из раскопа № 1.
Fig. 14. Holders of modelled vessels from dug-out 1.
Abb. 14. Henkel der Tongefäße aus der Grabung 1.
Dess. 14. Les anses des récipients faits à la main de la fouille № 1

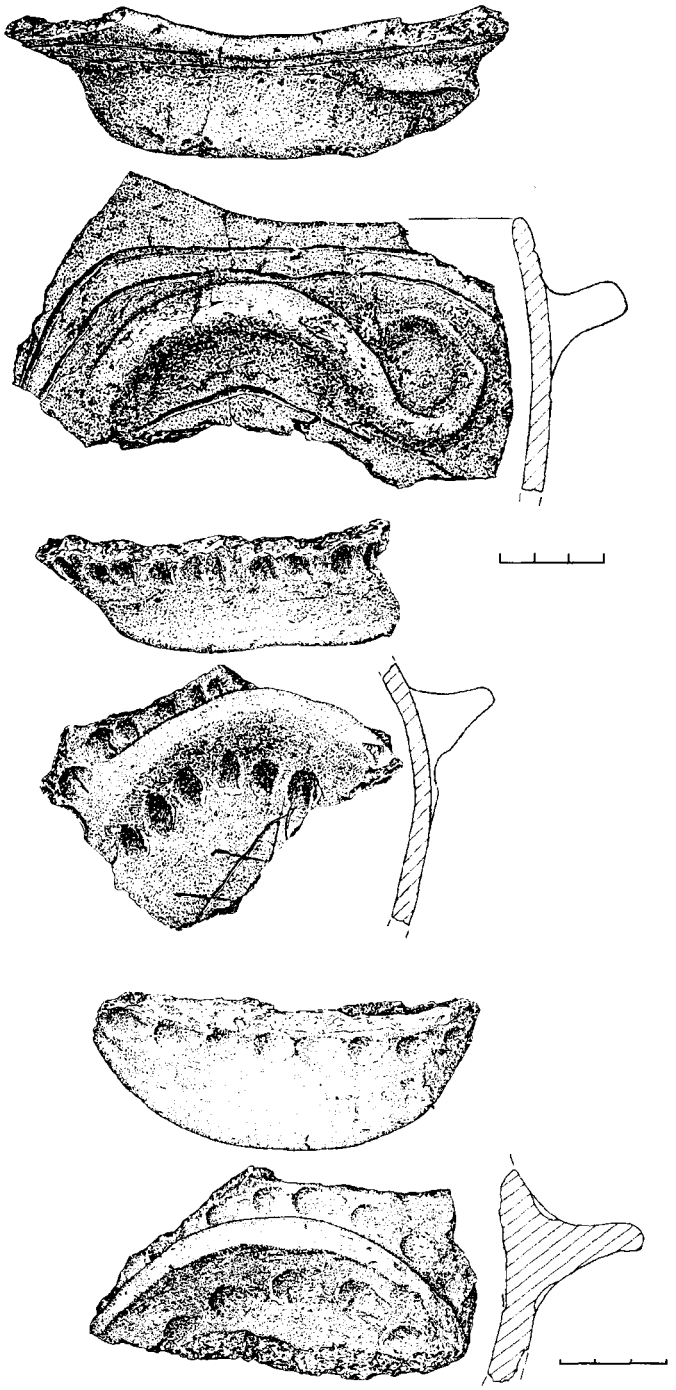

Рис. 15. Ручки лепных сосудов из раскопа № 1.
Fig. 15. Holders of modelled vessels from dug-out 1.
Abb.15. Henkel der Tongefäße aus der Grabung 1.
Dess.15. Les anses des récipients faits à la main de la fouille № 1

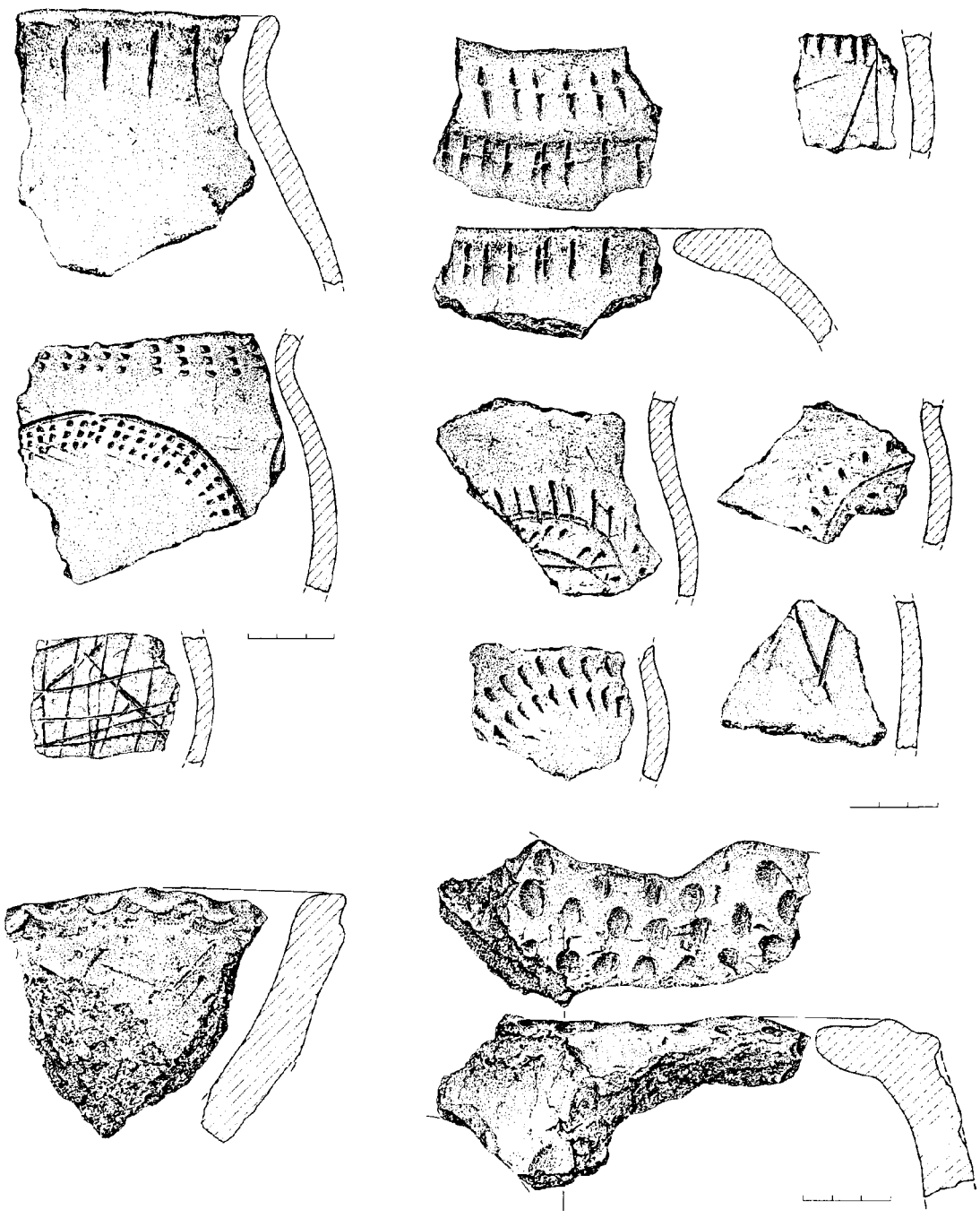

Рис. 16. Лепная керамика из раскопа № 1.
Fig. 16. Modelled earthenware from dug-out 1.
Abb. 16. Bosselierte Keramik aus der Grabung 1.
Dess.16. Céramiques faites à la main de la fouille № 1

низовий Сырдарьи (городища Асанас, Кескенкуюк-кала) хорошо известны лепные горшки с широкой, слабо выделенной горловиной, по краю которой сделаны насечки или пальцевые вдавления (Толстов С.П., 1947, с.65-67; Вактурская Н.Н., 1979, с.130-131). Генетически этот тип орнамента, возможно, связан с поздними аварскими керамическими комплексами, широко представленными в низовьях Амударьи (Ток-кала) (Гудкова А.В., 1964, с.59, 66; Левина Л.М., 1971, с.65, рис.15) и в средневековых курганных могильниках Устюрта (Древняя..., 1987, с.208, 232-235).

На многих сосудах, относящихся к группе хозяйственных, отмечен налепной валик, украшенный пальцевыми вдавлениями и насечками. Чаще всего он располагался на горловине или на плечиках сосуда. Подобный декоративный элемент в Юго-Восточном Приаралье впервые появляется на позднем этапе джетыасарской культуры и впоследствии широко распространяется в керамических комплексах гузских "болотных городищ", которые датируются VIII-IX вв. (Толстов С.П., 1947, с.65-67; Гудкова А.В., 1964, с.59, 66; Вактурская Н.Н., 1979, с.130-131). В этих керамических комплексах такой налепной валик с насечками сочетается с прорезным елочным орнаментом по венчику или под ним (Левина Л.М., 1971, с.23, рис.6, 15).

К этой же категории посуды относятся плоские крышки с массивной петлевидной ручкой, часто декорированные пуансонным орнаментом. Этот вид керамических изделий также находит аналогии в Низовьях Сырдарьи и, возможно, восходит к крышкам, широко распространенным на этой территории во все периоды существования джетыасарской культуры (Левина Л.М., 1971, рис.13, 15, 16).

Широко распространены ручки лепных сосудов, небольших горшков или кружек, которые были украшены насечками или вдавлениями. Аналогичная керамика встречается на территории Сырдарьинской дельты в VII-VIII вв. (Вактурская Н.Н., 1979, с.131), на Северном Кавказе в так называемых "хазарских" комплексах (Магомедов М.Г., 1983, с.124), а также в Тьмутаракани (Плетнева С.А., 1963, с.30, рис.16).

Таким образом, как мы видим, подобного рода керамика имеет довольно широкие территориальные аналогии. В Восточной Европе мы ее можем найти, прежде всего, среди материалов подонских городищ Хазарии (в частности, в материалах Саркела), где она связывается исследователями с кочевническим компонентом населения (Плетнева С.А., 1959, с.230-242). Кроме этого, известна подобная керамика на так называемых "болотных" городищах Янгикентской группы, обнаруженных С.П.Толстовым в низовьях Сырдарьи (Толстов С.П., 1947, с.57-67). Здесь в 1946 г Хорезмской экспедицией были обследованы городища Джанкент (Янгикент), Куюк-Кескен-кала и Большая Куюк-Кала. С.П.Толстов высказал мнение, которое продолжает бытовать и у большинства современных исследователей, о принадлежности "болотных городищ" огузам. Также отдельные формы керамики имеют прямые параллели с керамическим материалом Средней Сырдарьи (Отрар). Традиционно район Средней Сырдарьи принято считать областью, заселенной печенегами (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.190). Оба этих мнения базируются на схожести керамического материала, обнаруженного на данных городищах, и керамикой огузо-печенежского круга из Восточной Европы.

В связи с этим хотелось бы высказать несколько предположений по вопросу расселения огузов и печенегов в Восточной Европе и в Низовьях Волги в частности. С.П.Толстов впервые обратил внимание на закономерность в расселении огузов и печенегов в Азии и Европе – на их тяготение к дельтовым и низовым районам (Толстов С.П., 1947, с.90). Иллюстрирует он это расселением огузов в низовьях Сырдарьи, в низовьях Волги, борьбой огузов и печенегов в низовьях Дона, отмечает расселение печенегов в болотистых низовьях Днепра и Дуная. Он также считает, что огузы низовий Сырдарьи вели комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовецкое хозяйство, и именно этим объясняется их стремление к подобного рода экологическим нишам. Однако Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, полемизируя с С.П.Толстовым, утверждают, что анализ погребального обряда огузов и печенегов прямо говорит об их кочевом образе жизни, и оставляют открытым вопрос об этнической принадлежности материальной культуры нижнесырдарьинских городищ (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.97). По их мнению, нижнесырдарьинские городища были заселены родственными между собой племенами приаральского происхождения, связанные культурными и экономическими узами с Хорезмом. Присутствие же в их среде огузов или печенегов было весьма незначительным (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.98). В.А.Иванов и Г.Н.Гарустович утверждают, что собственно огузы приходят в низовья Сырдарьи с востока лишь в нач.IX в. и с этого времени становятся соседями печенегов, а затем и вытесняют их с традиционных территорий кочевания (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.106). Оставим вопрос о происхождении населения нижнесырдарьинских городищ в

стороне. В настоящий момент, не проводя дополнительные исследования в Низовьях Сырдарьи, невозможно ответить на него со всей определенностью. Ограничимся предположением, что элементы культуры "болотных городищ" попали в Восточную Европу именно в составе культуры огузов.

В книге "Таба и ал-хайаван", написанной ал-Марвази, придворным врачом сельджукских султанов, содержится информация, почерпнутая им из сочинений Джайхана: "...Одни из них (огузов) живут в городах, другие живут в степях и пустынях, владея палатками и юртами. Их степи граничат со страной Мавераннахра, а часть их примыкает к землям Хорезма" (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.24). Однако эти данные относятся к более позднему периоду, чем интересующий нас.

На наш взгляд, необходимо провести разделение огузского мира на кочевой и оседлый или полуоседлый компоненты. Под термином "огузский мир" мы понимаем те племена и роды, которые были втянуты в процесс культурного, этнического и политического смешения в Азии и Европе в связи с миграцией огузов на Запад.

Возможно также, что огузский мир, состоявший из множества этнических компонентов, содержал и племена, имевшие в основе своего хозяйства не только кочевое скотоводство, как и предполагал С.П.Толстов. Он считал наличие комплексного скотоводческо-рыболовецко-земледельческого хозяйства не признаком оседания кочевников на землю, а пережитком предшествующих форм хозяйствования, той экономикой, на базе которой и сформировалось кочевое скотоводство, как более рентабельное в степях. Старые же формы хозяйствования сохранились лишь в экологических нишах, подобных дельте Сырдарьи (Толстов С.П., 1947, с.99).

Однако, в отличие от кочевых компонентов огузского "мира", изученных сравнительно неплохо по курганным захоронениям, оседлый или полуоседлый образ жизни огузов лишь начинает изучаться. Вполне вероятно, что инфильтрация огузов в низовья Сырдарьи и частичное вытеснение представителей джеты-асарской культуры с занимаемых территорий началось раньше – в VIII в., причем эти процессы наложились на начало экологической катастрофы – усыхание Сырдарьи – приведшей к исчезновению части "болотных городищ". Часть населения этих городищ уходит в Хорезм (Кердер) (Гудкова А.В., 1964, с.140), а затем – дальше на Запад, часть остается на местах, подчинившись огузам. Низовья Сырдарьи становятся центром племенного огузского объединения. Поэтому, не зная достоверно, были ли люди, ушедшие с "болотных городищ" на запад, действительно огузами, но, зная о близости их контактов с огузами, близости огузской и джетыасарской материальных культур, мы условно будем именовать их оседлыми или полуоседлыми огузами.

В связи с этим нами было выдвинуто предположение о возможности выделения в составе населения городища огузского компонента (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003, с.134; Vasil'ev, 2003, p.29). Дело в том, что в настоящий момент мы не можем разделить огузскую и печенежскую керамику, поскольку и та, и другая изучены довольно слабо. Мы можем лишь предположить, что огузская керамика – это керамика, частично заимствованная кочевыми огузами у оседлых или полуоседлых представителей джеты-асарской культуры, составивших основу населения нижнесырдарьинских городищ и развивавшаяся в результате смешения джетыасарской и общетюркской керамических традиций. Корни керамического комплекса печенежских племен, несомненно, очень близкого огузскому, следует искать на Средней Сырдарье, где он развивался также на основе смешения тюркских кочевнических и местных оседлых или полуоседлых традиций керамического производства.

Существует интересное мнение, что именно огузо-печенеги составляли гарнизон города-крепости Саркел, защищавшей западные рубежи Хазарского каганата (Артамонов М.А., 2001, с.414, 419, 423-424). Из письма хазарского царя Иосифа министру эмира Кордовы Хасдаю ибн Шафруту известно о том, что его охраняет гвардия из хорезмийцев-мусульман. Уже упоминавшийся нами ал-Марвази сообщает: "Когда они (огузы) стали соседями мусульманских стран, часть из них приняла ислам. Они стали называться туркменами" (Гарустович Г.Н., ИвановВ.А., 2001, с.24). В связи с этим можно сделать предположение об огузской принадлежности так называемых ал-арсийа – гвардейцев хазарского царя. Это предположение объясняет пути проникновения огузов в дельту Волги в X веке. Оговоримся, однако, что М.А.Артамонов считал, что вопрос о происхождении ал-арсийа недостаточно разработан и соотносил этот этноним с аорсами (Артамонов М.А., 2001, с.553-555), не отрицая, однако, возможности найма хазарами на службу и кочевников-тюрок.

В связи с этим немаловажно будет упомянуть об одной находке прошлых лет. В 1999 г. нами было исследовано одно очень интересное захоронение в составе грунтового могильника городища X-XI вв. Мошаик на восточной окраине г.Астрахань. Это было мусульманское погребение с типич-

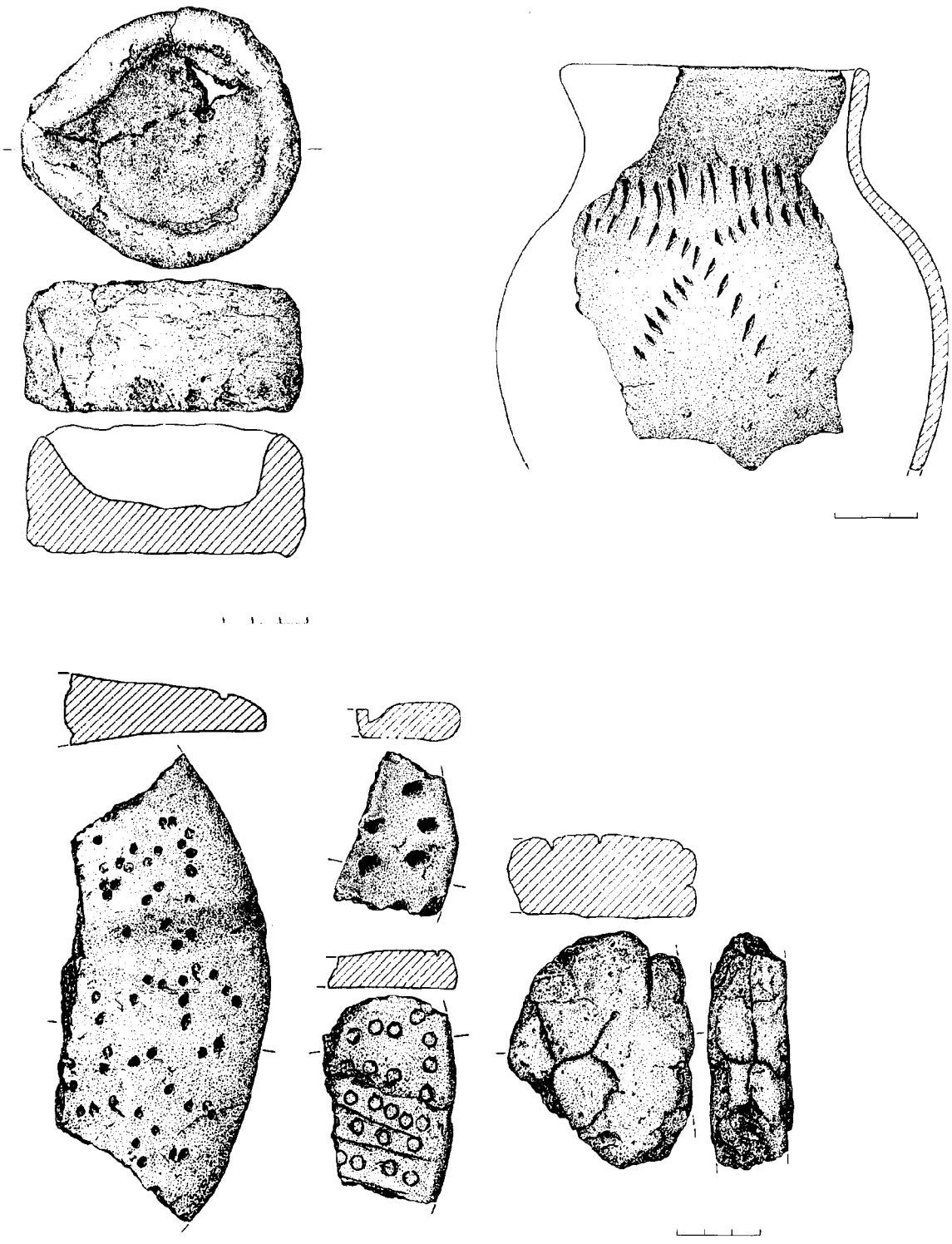

Рис. 17. Лепная керамика из раскопа № 1.
Fig. 17. Modelled earthenware from dug-out 1.
Abb. 17. Bosselierte Keramik aus der Grabung 1.
Dess.17. Céramiques faites à la main de la fouille № 1

Рис. 18. Раскоп № 1, общий вид с на уровне III штыка.
Fig. 18. Dug-out 1, the general layout at the IIId spade's depth.
Abb. 18. Grabung 1. Gesamtansicht in der Ebene des 3. Spatenstichs.
Dess. 18. Fouille № 1, plan general au niveau de III pelle

Рис. 19. Сооружение № 1, вид с севера.
Fig. 19. Structure 1, the northern view.
Abb. 19. Bauwerk 1, Ansicht vomNorden.
Dess. 19. Construction № 1, vue du Nord

Рис. 20. Землянка № 1, вид с юга.
Fig. 20. Dug-out 1, the southern view.
Abb. 20. Erdhutte 1, Ansicht vom Süden.
Dess. 20. La hutte № L vue du Sud

Рис. 21. Землянка 1, сооружения у восточной стены.
Fig. 21. Dug-out 1, the structures at the eastern wall.
Abb. 21. Erdhutte 1, Bauwerke am Ostwall.
Dess. 21. La hutte № 1, eléments près du mur d'Est

Рис. 22. Землянка № 1, сооружения VII строительного периода.
Fig. 22. Dug-out 1, the structures of the 7th construction period.
Abb. 22. Erdhütte 1, Bauwerke der 7. Bauperiode.
Dess. 22. La hutte № 1, eléments de la phase VII de construction

но огузским сосудом, причем находилось оно в окружении захоронений хазарского периода. Это позволило нам предположительно интерпретировать памятник как могильник огузского поселения, возникшего либо на последнем этапе существования Хазарского каганата, либо сразу после его падения (Васильев Д.В., 2001, с.48-54).

Известно, огузы и хазары смогли найти общий язык и составить союз против печенегов, зажав бежавшие из Приаралья печенежские орды в клещи с запада и востока (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.107), поэтому понятно, от кого, прежде всего, могли охранять дельту Волги огузы. Эти люди влились в общий "котёл", в котором происходило образование народов, населявших Низовья Волги в древности. Они закрепляли за собой определенную территорию и начинали жить так, как жили веками – занимаясь скотоводством на дельтовых и пойменных лугах, ограниченных реками, но богатых травами, которые, к тому же, можно было запасать на зиму. Вполне вероятно, что среди них в данных условиях ускорился процесс оседания на землю. Мы можем связать огузский компонент населения городищ Самосделка и Мошаик именно с этими наемниками-огузами. И почти наверняка существует еще множество до сих пор не обнаруженных стоянок огузов, расположенных по берегам рек и прикрывавших хазарскую столицу с севера и востока.

Почему же именно огузы, и почему не кочевые, а полуоседлые? Ведь присутствие огузов на Нижней Волге давно и хорошо проиллюстрировано многочисленными курганными захоронениями – как на левом берегу, в Заволжье, так и на правом. В.А.Иванов и Г.Н.Гарустович даже выдвинули предположение, что огузы смогли создать на правом берегу Волги своеобразный плацдарм еще в хазарское время и совершали набеги на столичные регионы Хазарии (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.107-108). Но, во-первых, в условиях дельты и поймы Волги невозможно вести полностью кочевое хозяйство с круглогодичным кочеванием. На примере материалов городища Самосделка мы можем говорить о том, что имеем дело не с кочевым, а именно с полукочевым населением, материальная культура которого очень близка культуре населения "болотных городищ" Нижней Сырдарьи. Во-вторых, нам известно, что многие так называемые "болотные городища" огузов Нижней Сырдарьи прекращают существование примерно в VIII в. в связи с усыханием русел Сырдарьи, на которых они располагались. В результате этой эко-

логической катастрофы огузы переселяются южнее и западнее – в Северный Хорезм, на Устюрт. Возможно, в связи с этим они были вынуждены искать новые места обитания в регионах со схожими природно-климатическими условиями, одним из которых и явилась дельта Волги.

Итак, предположим, что на последнем этапе существования Хазарского каганата Самосдельское городище частично заселяется огузами – "федератами", которые несли службу у хазарского царя и защищали восточную границу государства от набегов печенегов. После того, как каганат пал, огузы продолжают населять город, но он, скорее всего, становится сезонным – уменьшается летом и увеличивается зимой за счет кибиток кочевников, подкочевывавших к городу.

Город, разросшийся и ставший более благоустроенным к XI в., как это видно из результатов раскопок, можно предположительно соотнести с легендарным Саксином, о котором упоминает средневековый путешественник, купец и писатель Абу Хамид ал-Гарнати, называя его городом гузов (Ал-Гарнати..., 2000, с.98-99).

О наличии огузского компонента в составе населения Самосдельского городища в X-XII вв. мы уже упоминали. Есть довольно веские основания полагать, как пишет Г.А.Фёдоров-Давыдов со ссылкой на мнения М.И.Артамонова, Ф.Вестберга и Б.Н.Заходера, что Саксин – это часть восстановленного Итиля, последней столицы Хазарии. Сведения ал-Гарнати косвенно подтверждают эту точку зрения (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.208). Но был ли это город в полном смысле этого слова? Может быть, это было зимнее убежище кочевников типа половецких "городов" Сугрова, Балина или Шарукани? Ал-Гарнати сообщает, что в городе Саксин (Саджсин) "существует сорок племен гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком". Тот же ал-Гарнати упоминает среди населения города еще и булгар, сувар, хазар (вероятно, остатки населения, сохранившегося со времен Хазарского каганата). Причем, каждое из этих племен имело свою соборную мечеть и свой квартал (Ал-Гарнати..., 2000, с.98-99). Кроме того, путешественник упоминает о "тысячах" купцов из Магриба и из других стран, которых он видел в Саксине, что говорит о значительных торговых связях Саксина и об их интенсивности. Да и сам ал-Гарнати, будучи купцом, приехал в Саксин по торговой надобности. По материалам раскопок последних лет мы можем с уверенностью сказать, что именно огузский и булгарский компоненты составляли основу населения Самосдельского городища X-XIII вв., что делает еще более вероятной локализацию Саксина именно на месте Самосдельского городища.

Г.А.Федоров-Давыдов убедительно доказал местоположение Саксина на Нижней Волге, проанализировав многочисленные свидетельства восточных источников о городе и одноименной области (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.253-261). Однако он считал, что город Саксин перестал существовать задолго до монгольского нашествия, еще в XII в., передав лишь свое имя локальной группе половцев, кочевавших в Нижнем Поволжье (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.260). Вопрос о локальной группе половцев, которую Г.А.Федоров-Давыдов выделил для Нижнего Поволжья и о характере хозяйства населения Нижней Волги в предмонгольское время требует отдельного тщательного исследования.

Наряду со свидетельствами восточных авторов об области "Саксин", Г.А.Федоров-Давыдов рассматривает сообщения русских и венгерских источников, которые знают народ "саксин" (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.260).

Вопрос о локализации Саксина М.И.Артамонов связывал с локализацией последней хазарской столицы, поскольку он тоже придерживался мнения о том, что Саксин – это восстановленный квартал Итиля (Артамонов М.А., 2001, с.609). Хазарскую столицу М.И.Артамонов предлагал искать в районе современного с.Селитренного на левом берегу Ахтубы в Астраханской обл. (Артамонов М.А., 2001, с.519-562). Предполагаемое расположение города в окрестностях золотоордынского Селитренного городища позволяло связать в единую логическую схему преемственности столицы двух крупнейших степных государств. Г.А.Федоров-Давыдов отметил, что подобная традиция отождествления Саксина с Сараем впервые появилась в арабской литературе XIV-XV вв. Многие исследователи XX в. были убеждены, что Сарай был построен рядом с Саксином или на его месте (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.261). Эта версия вполне согласуется со свидетельством Рубрука о городе Суммеркенте, который располагался близ Сарая на Итиле и был окружен водой. Г.А.Федоров-Давыдов писал, что "эти свидетельства порождают представления о единой линии преемственности хазарского Итиля – гузского Саксина – золотоордынского Сарая" (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.261). Однако, он тут же оговаривается, что до сих пор в районе Селитренного городища не найдено никаких свидетельств существования более древнего города, чем золотоордынская столица.

Единственным аргументом против этого может быть находка Л.Н.Гумилевым фрагментов ке-

рамики хазарского времени в Волго-Ахтубинской пойме напротив Селитренного (Гумилев Л.Н., 2001, с.58-59). Однако попытки автора отождествить местонахождение небольшого количества разрозненной керамики с остатками "смытого рекой" города выглядят довольно несерьезно.

А.В.Шевченко, рассматривая некоторые особенности краниологических характеристик серии черепов с грунтового могильника "Хан-Тюбе" в Астраханской обл., обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов, относившихся по мнению автора раскопок, Е.В.Шнайдштейн, к XIV в., с показателями половецких черепов (Шевченко А.В., 1980, с.139). Зато прослеживалось сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и особенно – на могильнике хазарского Саркела (Шевченко А.В., 1980, с.159). На основании этого А.В.Шевченко предлагает передатировать могильник более ранним временем и предполагает, что антропологические характеристики и некоторые черты погребального обряда, отличающиеся от типично золотоордынских и мусульманских, сохранились с хазарских времен у населения города Саксин, остатки которого должны располагаться где-то неподалеку (Шевченко А.В., 1980, с.167). При этом он также оспаривает мнение М.И.Артамонова о локализации Итиля в районе Селитренного городища, указывая на то, что расстояния между хазарскими городами, указанные в арабских источниках в днях пути, не поддаются исчислению в абсолютных цифрах, поскольку "день пути" – мера весьма субъективная, но в любом случае, локализация Итиля (и Саксина) в районе Селитренного добавляет к расстоянию, например от Семендера (в районе нынешнего Кизляра) как минимум лишние 3-4 дня пути (150-180 км) по сравнению с локализацией хазарской столицы в дельте Волги (Шевченко А.В., 1980, с.166-168). Остается добавить, что между интересующим нас Самосдельским городищем и могильником Хан-Тюбе расстояние около 20 км и оба этих памятника располагаются в дельте Волги.

Учитывая тот факт, что в дельте Волги существует, по крайней мере, еще одно поселение, возникшее в предмонгольское (или позднехазарское) время – а именно городище Мошаик – мы можем присоединиться к мнению А.В.Шевченко в том, что в дельте Волги в предмонгольское время существовало оседлое население, отличавшееся самобытностью верований и погребального обряда. Некоторые черты оседлости с домонгольского времени прослеживаются в языческих погребениях грунтового могильника "Маячный бугор" недалеко от райцентра Красный Яр, на северо-восточной границе дельты Волги (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000, с.22). Здесь была выявлена группа погребений, датировавшихся по монетам кон.XIII – нач.XIV в. и отличавшихся "неполовецкими" и немусульманскими чертами (южная ориентировка, наличие погребального инвентаря, при этом практически полное отсутствие оружия, сбруи, наличие семян культурных растений и т.д.)

Именно здесь, на наш взгляд, начинается формирование материальной культуры саксин, четко отделяемых русскими летописями от половцев, которая, кстати, до сих пор еще не выделена в археологических исследованиях. Она формировалась, судя по всему, на основе огузской и булгарской материальных культур. Это обстоятельство противоречит мнению Г.А.Федорова-Давыдова о распространении наименования "саксин" именно на какую-то группу половецкой общности. Огузы, населявшие Самосдельское городище в большинстве, судя по анализу пищевых остатков (костей животных, рыб и птиц) вели хозяйство, базировавшееся на придомном скотоводстве, рыболовстве и частично – охоте. Из злаков культивировалось, судя по всему, лишь просо – традиционная культура, характерная для всех кочевых и полукочевых народов.

Эти обстоятельства подтверждают мнение С.П.Толстова о комплексном земледельческо-скотоводческо-рыболовецком хозяйстве полуоседлых огузов. Булгары Самосдельского городища, видимо, выполняли роль поставщиков ремесленных товаров и организаторов торговли. Даже если город, как пишет ал-Гарнати, находился под политическим господством огузов, то значение булгарской материальной культуры было весьма велико.

По материалам из слоев XII-XIII вв. и раннезолотоордынского времени видно, что на позднем этапе существования городища прослеживается тенденция слияния двух керамических традиций – огузской и булгарской: булгарская в целом керамика приобретает некоторые черты, для нее не характерные – формы, орнаментацию – заимствованные из культуры огузов.

Заключение

Подведем некоторые итоги. На основании вышесказанного, можно предположить наличие в Восточной Европе не только кочевого, но и оседлого или полуоседлого компонента в составе многоплеменного огузского мира. Мы считаем, что население дельты Волги в домонгольский период сформировалось во многом благодаря наличию такого полуоседлого компонента, образовавшегося в ре-

зультате прихода в Нижнее Поволжье части огузов с низовий Сырдарьи в IX-X вв. В частности, материалы Самосдельского городища подтверждают предположение С.П.Толстова о комплексном земледельческо-скотоводческо-рыболовецком хозяйстве полуоседлых огузов. Мы также выдвигаем предположение об идентификации города, располагавшегося на месте Самосдельского городища в XI-XIII вв. с городом Саксин, центром одноименной области, городом, населенным огузами и булгарами, которые четко дифференцируются по элементам материальной культуры. На последнем этапе существования города наблюдаются процессы взаимопроникновения двух культур, которые были прерваны монгольским нашествием.

В XIII в. город захватывается монголами и разрушается. Здесь уместно вспомнить слова Рубрука о городе Суммеркенте в дельте Волги: "При среднем рукаве (Волги) находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда вода разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины" (Путешествия..., 1957, с.185). В золотоордынское время площадь поселения на территории городища значительно сокращается (Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В., 2001а, с.43). Низовья Волги в XIII в. становятся столичным регионом нового государства – Золотой Орды, здесь возводятся новые величественные и многолюдные города, с которыми старый торговый центр не мог уже конкурировать.

Вероятно также, что сокращение площади поселения произошло вследствие подъема уровня воды в Волге. В 30 гг. XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, которое могло послужить причиной упадка поселения (Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А., 2001, с.47). Самые поздние золотоордынские монеты в островной части городища относятся к нач.XIV в. Возможно именно в это время жизнь в городе замирает, а в его левобережной части, где была обнаружена монета хана Кильдибека, население оставалось до периода "Великой замятни", до 1360 гг. Как писал в XIV в. З.Казвини: "Саксин в настоящее время затоплен; от него не осталось и следов, но вблизи существует теперь другой город – Сарай Берке – столица государя этой страны" (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.261).

Впрочем, подробная периодизация жизни города Саксин, выявление периодов его упадка и расцвета – дело будущего.

Литература и архивные материалы

Агеева Е.И., 1962. Памятники Средневековья (раскопки на городище Баба-Ата)// Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972. Древний Отрар. Алма-Ата.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата.

Ал-Гарнати о гузах, печенегах, хазарах и булгарах, 2000// Из глубины столетий. Казань.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа// МИА. № 62.

Артамонов М.А., 2001. История хазар. СПб.

Атагаррыев Е., 1965. О некоторых средневековых украшениях из Шехр-Ислама// Известия АН ТССР, серия общественных наук. № 1. Ашхабад.

Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. Известия АН КазССР. Вып.2.

Байпаков К.М., 1981. раскопки городища Куйрук-тобе, 1981// АО 1980.

Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата.

Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А., 2001. Городище "Самосделка": предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований// Материалы Всероссийской научно-практической конференции Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Вактурская Н.Н., 1979. Новые данные о городище Асанас// Этнография и археология Средней Азии. М.

Васильев Д.В., 1998. Памятник "Самосдельское городище"// Вопросы краеведения. Материалы VI и VII краеведческих чтений, посвященных 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вып.4-5. Волгоград.

Васильев Д.В., 2001. Новые исследования на городище Мошаик// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000. Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003. Исследования на Самосдельском городище (к

вопросу об огузских древностях в дельте Волги)// Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона. Йошкар-Ола.
Воронина В.Л., 1952. Строительная техника древнего Хорезма// Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.1. М.
Воронина В.Л., 1953. Древняя строительная техника Средней Азии// Архитектурное наследство. Вып.3.
Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа.
Государственный архив Астраханской области. Ф.37, оп.1, д.34.
Государственный архив Астраханской области. Ф.194, оп.1, д.3113.
Государственный архив Астраханской области. Ф.194, оп.1, д.1.
Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В., 2001. Предварительная хронология существования Самосдельского городища// XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. международной научной конференции. Оренбург.
Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В., 2001а. Предварительные итоги исследований на Самосдельском городище в дельте Волги// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.
Гудкова А.В., 1964. Ток-кала. Ташкент.
Гумилев Л.Н., 2001. Открытие Хазарии. М.
Давидович Е.А., Литвинский Б.А., 1956. Археологический очерк Исфаринского района// Труды АН ТаджССР. Т.XXXI. Душанбе.
Древнемонгольские города, 1965. М.
Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, 1978. Ташкент.
Дресвянская Г.Я., 1969. Бусы с городищ Старого Мерва// Труды ЮТАКЭ. Т.XIV. Ашхабад.
Егоров В.Л., 1970. Жилища Нового Сарая// Поволжье в Средние века. М.
Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
Ерзакович Л.Б., 1983. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв.// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
Котеньков С.А., 1991. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1990 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 15862, 15863, 15864, 15865, 15866.
Котеньков С.А., 1992. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1991 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 16126, 16127.
Котеньков С.А., 1993. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1992 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 17671, 17672.
Котеньков С.А., 1994. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1993 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 18242, 18243.
Котеньков С.А., 1995. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1994 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 18867, 18868.
Котеньков С.А., 1996. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1995 году// Архив ИА РАН, Р-1, № 18164.
Левина Л.М., 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э.// Труды Хорезмской экспедиции. М.
Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.
Минкевич-Мустафаева Н.В., 1965. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956-58 гг.// МИА. № 133.
Неразик Е.Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М.
Неразик Е.Е., 1968. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья// История, археология и этнография Средней Азии. М.
Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи// МИА. № 75.
Плетнева С.А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища// Керамика и стекло древней Тьмутаракани. М.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. М.
Раппопорт П.А., 1959. Крепостные сооружения Саркела// МИА. № 75.
Савченко Е.И., 1993. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1992 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 17943, 17944.
Сенигова Т.Н., 1962. Шахристан// Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата.
Смирнов А.П., 1941. Сувар// Труды ГИМ. Вып.16. М.
Смирнов А.П., 1976. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар// Сред-

невековые памятники Поволжья. М.
Толстов С.П., 1947. Города гузов// СЭ. № 3.
Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1969. Город и область Саксин в XII-XIV вв.// МИА. № 169.
Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище// Вестник московского ун-та. История. № 1.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Флёров В.С., 2001. "Семикаракоры" – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону// СА. № 2.
Фоменко В.П., 1965. Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-Кала в 1958 г.// МИА. № 133. М.; Л.
Халиков А.Х., 1979. Кирпичное здание на XVII раскопе// Новое в археологии Поволжья. Казань.
Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
Чуйская долина, 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции// МИА. 14.
Шевченко А.В., 1980. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе)// Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.
Turova I.V., Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P., 2001. A settlement in the delta of Volga river: preliminary results of environmental study// 7th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Final Programme and Abstracts. Esslingen.
Vasil'ev D., 2003. Preliminary results of researches on Samosdelskoye site in connection with oguz problem// European Association of Archaeologists. 9th annual meeting. Final program and abstracts. S.-Petersburg.

Summary

D.V. Vasilyev, T.Yu.Grechkina, E.D.Zilivinskaya (Astrakhan, Moscow, Russia)

Samosdelka Settlement: the Monument of the Pre-Mongol Period in the Lower Reaches of the Volga

Samosdelka settlement situated in the Astrakhan province in the Volga estuary has been known as the Golden Horde memorial. It was only in the 1990s when the evidence referring to earlier periods was revealed. Recent studies (2000-2003) have permitted to discover the structures dating back to the XI-XIII c. Among them there are several one-room houses with the heating system in the form of kangs running inside benches and a dug-out with brick-lined walls. The major bulk of the finds is constituted by ceramic items, which can be divided into two big groups. They are Bulgaria-made pottery pieces and modelled earthenware items similar to those found in the Khazar ancient settlements situated along the Don where they are attributed to the nomadic component of the population. Besides, the earthenware of this type was found in the so-called "marsh" settlements discovered by S.P. Tolstov in the lower reaches of the Syr-Darya.

On the basis of the analysis of the finds discovered in Samosdelka settlement and in some other monuments it can be concluded that formation of the Volga estuary population within the pre-Mongol period was largely influenced by the Oguz component from the lower reaches of the Syr-Darya in the IX-X c. The identity of the town situated on the site of Samosdelka settlement in XI-XIII c. with the town of Saxin, the centre of the province of the same name populated by the Oguz and the Bulgar, can be assumed.

D.V. Vassiljev, T.Ju. Grečkina, E.D. Zilivinskaja (Astrachan, Moskau, Russland)

Burgwall Samosdelka – Baudenkmal aus der vormongolischen Zeit am unteren Wolgalauf

Der Burgwall Samosdelka, der im Gebiet Astrachan im Wolga-Delta liegt, galt als Baudenkmal aus der Zeit der Goldenen Horde. Erst in den 1990er Jahren wurden Materialien entdeckt, die sich auf frühere Zeiten beziehen. Im Rahmen der jüngsten Forschungen wurden in den Jahren 2000 bis 2003 Bauwerke ausgegraben, die aus dem 11. bis 13. Jh. stammen. Darunter sind einige Einzimmerhäuser mit dem Heizungssystem in der Form von Kanen (Heizluftkanälen), die in den Sufen (Ofenbänken) angelegt sind, und die Erdhütte mit den Wänden, die mit

Ziegelstein verkleidet sind. Unter den Funden ist die Keramik überwiegend. Sie lässt die sich in 2 große Gruppen einteilen: bulgarisches Tongeschirr und bosselierte Keramik, deren Analoga unter den Gegenständen der Don-Burgwälle Chasariens vorhanden sind, wo sie von den Forschern mit der Nomadenkomponente in Verbindung gebracht wird. Darüber hinaus ist die derartige Keramik in den sogenannten "Sumpf". Burgwällen feststellbar, die S.P. Tolstoj am unteren Lauf der Syr-Darja entdeckt hat.

Aufgrund der Analyse der Funde im Samosdelka-Burgwall und in manchen anderen Baudenkmälern kann man schlussfolgern, dass die Ogusen-Komponente, die im 9. und 10. Jh. von den unteren Syr-Darja-Gebieten zugezogen war, die Bevölkerung des Wolga-Deltas wesentlich beeinflusste. Man könnte auch annehmen, dass die im 11. bis 13. Jh. an Stelle des Samosdelka-Burgwalls gelegene Stadt mit der Stadt Saksin, Hauptstadt der gleichnamigen Gegend, zu identifizieren ist, die von Ogusen und Bulgaren bevölkert war.

D.V.Vasiliev, T.Û.Grečkina, E.D.Zilivinskaâ (Astrakhan, Moscou, Russie)

Le site de Samosdelka situé dans le courant bas de la Volga – monument de la période prémongole

Le site de Samosdelka, situé dans le delta de la Volga de l'oblast' d'Astrakhan, n'était connu que comme monument de l'époque de la Horde d'Or. Ce n'est que dans les années 1990 qu'avaient été découverts les matériaux ayant rapport aux époques antérieures. Les recherches de ces dernières années (2000-2003) ont permis de découvrir des constructions datant des XI-XIII siècles. Parmi ces dernières on trouve quelques maisons à une pièce disposant d'un système de chauffage sous forme d'espaces vides à l'intérieur des soufs, et une hutte en terre possédant des murs recouverts de briques. Le butin essentiel est représenté par les céramiques qu'on peut diviser en deux grands groupes. Ce sont des specimens de poterie de production bulgare et des vaisselles faites à la main dont on trouve des analogues dans des fouilles provenant des sites de Khazarie des rivages du Don où leur présence est expliquée par le caractère nomade d'une partie de la population. On trouve de pareilles céramiques sur des sites dits " de marécages " découverts par S.P.Tolstoï dans le courant bas du fleuve Syrdaria.

L'analyse des matériaux du site de Samosdelka et quelques autres monuments permet d'avancer une hypothèse de l'influence importante de l'élément oguz sur la formation de la population du delta de la Volga dans la période prémongole. On peut également avancer une hypothèse d'identification du site ancien avec la ville de Saksin, chef-lieu de l'oblast' portant le même nom et qui est peuplée par les oguz et les bulgares.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2003 г.

Э.Е.Кравченко

ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ВОИНА XIII В. НА РЕКЕ КАЛКЕ

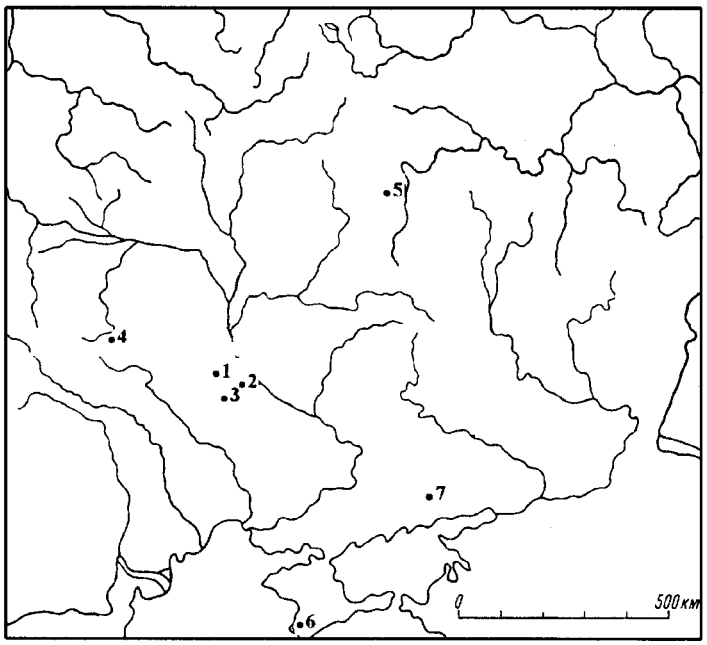
Среди памятников позднекочевнического времени в степях Восточной Европы имеется очень небольшая и специфическая группа предметов вооружения, находящих аналоги на землях Древней Руси. Рассеянные по степным просторам Северного Причерноморья они, обычно, относятся к категории случайных находок. В связи с этим данные предметы очень тяжело связать с конкретными событиями, нашедшими отражение в исторических источниках (Каталог случайных находок, 1993, с.55, 56, № 331, рис.67, №№ 332, 333, 334, рис.69; Дедов В.Н., Швецов М.Л., 1987; Сібільов М.В., 1950). Археологические памятники, содержащие подобные предметы, встречаются крайне редко, в связи с чем каждый комплекс, даже, если он дошел до нас в разрушенном виде, представляет немалый интерес. К числу таких находок можно отнести погребение, обнаруженное в 1,5 км к северу от населенного пункта Куйбышево Волновахского р-на на юге Донецкой обл. (рис.1).

Комплекс был найден при следующих обстоятельствах. Весной 1990 г. во время полевых работ учениками общеобразовательной школы с.Кировское (А.Бондаренко и З.Ширинovым) и их преподавателями (Г.Г.Малибаш и А.В.Москаленко) были обнаружены кости человека, коня и шлем с маской. Из земли были извлечены также сабля, наконечник ножен, стремя, обрывки кольчуги, бронзовая пуговица. Все предметы вместе с костями коня и человека были переданы в школьный музей с.Кировское, где и находятся по сей день. Из свидетельств очевидцев, присутствовавших при раскопках, ясно, что кости человека, коня и сопровождавшие их предметы залегали компактно. Это свидетельствует в пользу того, что данный комплекс представлял собой разрушенное эрозивными процессами погребение. Никаких данных об ориентации погребенного, расположении по отношению к нему костей коня и предметов получить не удалось.

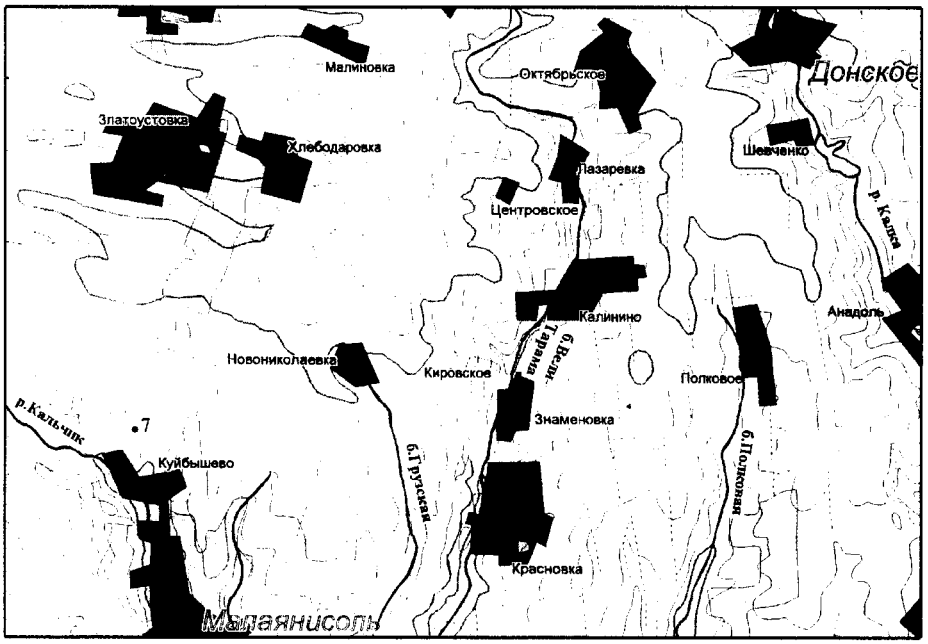
В мае 2001 г. местонахождение и прилегающая к нему территория были осмотрены автором данной статьи и членами туристическо-краеведческой организации "Степной Шлях" П.П.Шевчун и Л.П.Шевчун. Были опрошены местные жители, произведен предварительный осмотр района находки и зачищен склон балки, на котором было обнаружено погребение. Осмотр местонахождения показал, что комплекс располагался в верховьях балки на ее левом склоне в 2-2,5 м от дна и 4-5 м от верха. Сама балочка представляется довольно древней. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в 10-15 м вниз по балке от места находки на дне ее имеются выходы гранитных плит, которые вода прорезала на глубину 50-60 см. Балочка впадает в крупную обводненную балку, являясь ее правым, крайним к реке ответвлением. Балка же представляет собой левый приток р.Кальчик, называемой местными жителями как Калка. Опрос показал, что население данной местности называет Калкой не только участок Кальчика, но иногда Калками называют и его левые притоки. В связи с этим, далее в тексте мы употребляем то название реки, которое фигурирует у живущего на ней населения, и по имени реки даем соответственное название комплексу. От места находки река отделена высоким крутым холмом, на вершине которого расположена курганная группа (3 небольших насыпи 0,4-2 м высотой). Этот холм как бы замыкает, отгораживает обширную, пересеченную многочисленными балками долину от р.Калки, с правого берега которой эта долина абсолютно не просматривается. Именно в этой долине и находится балочка, в которой было обнаружено погребение. Вне сомнений, данный комплекс не имел курганной насыпи. Мало того, топография в районе места находки свидетельствует, что погребение было произведено не на ровной поверхности, а в ярке.

Описание и анализ инвентаря

Шлем цилиндроконический с вырезом спереди под маску (рис.2, *2*) имеет диаметр до 22 см и высоту 27,5 см. Он изготовлен из железной пластины толщиной 2-2,5 мм посредством кузнечной сварки из двух частей. Незаметный на внешней поверхности и хорошо видный внутри шлема сварочный шов проходит по центру лобной и затылочной частей предмета. Верхушку венчает навершие конической формы с отверстием в верхней части (d=1,3-1,5 см). Нижняя часть навершия имеет фигурное завершение (4 подтреугольных выступа). Навершие крепится к корпусу шлема при помощи двух заклепок. Характерное завершение верхней части шлема свидетельствует, что данный предмет не имел штыря с яловцом. Не исключено, что отверстие предназначалось для крепления конского хвоста, венчавшего шлем. В лобной части предмета, над вырезом, имеется небольшое отверстие (d=0,4 см) для штифта, при помощи которого к шлему присоединялась маска. Внешняя поверхность затылочной части предмета сохранила несколько участков со следами серебрения, причем, в одном месте, похоже, серебрение было нанесено поверх гравированного орнамента. Шлем сильно кор-

А

Б

Рис. 1. А). Карта-схема местонахождений портретных масок: *1 – Ковали; 2 – Липовец; 3 – Ротмистровка; 4 – Городище; 5 – Серенск; 6 – Херсон; 7 – Куйбышево (Калкинский комплекс).* Б). Локализация местонахождения комплекса у с.Куйбышево.

Fig. 1. A) Scheme layout of portrait masks location: *1 – Kovali; 2 – Lipovets; 3 – Rotmistrovka; 4 – Gorodische; 5 – Serensk; 6 – Kherson; 7 – Kuibyshevo (Kalka complex).* Б) Burial complex location near the village of Kuibyshevo.

Abb. 1. A) Lageplan der Gesichtsmasken: *1 – Kovali; 2 – Lipovec; 3 – Rotmistrovka; 4 – Gorodistsche; 5 – Serensk; 6 – Cherson; 7 – Kujbyschevo (Komplex Kalka).* Б) Lokalisierung des Komplex-Fundortes in der Nähe des Dorfes Kujbyschevo.

Dess. 1. A). Carte-schéma de lieux de localisation de portraits-masques: *1 – Kovali; 2 – Lipovec; 3 – Rotmistrovka; 4 – Gorodiŝ̂e; 5 – Serensk; 6 – Herson; 7 – Kuibyŝevo (complexe de Kalka).* Б). Localisation du complexe près du village Kuibyŝevo

родирован, деформирован, имеет трещины и выколы. Возможно, шлем имел бармицу. В пользу этого свидетельствуют три заклепки на внешней поверхности предмета (с боков и на затылочной части).

Маска овальной формы (рис.2, *1*), ее размеры 18x24 см. Изготовлена из листа железа толщиной 2-2,5 мм. Она имеет четко проработанные черты верхней части лица: слегка раскосые миндалевидные прорези глаз с оглазиями, составляющий прямую линию со лбом сильно выступающий нос, в нижней части которого имеются два подтрапециевидных отверстия для дыхания.

С другой стороны, нижняя часть лица проработана очень схематично. Так, практически отсутствует подбородочный выступ, абсолютно не оформлен рот, представляющий собой два узких отверстия, разделенных перемычкой. Тем не менее, есть данные, свидетельствующие, что маска из калкинского комплекса имела утраченные в древности детали. Так, в районе ушей есть два штифта-заклепки. Еще один штифт находится в подбородочной части предмета. Возможно, при помощи их к маске крепились утраченные в древности "уши" и художественно оформленная "нижняя часть лица" из другого металла или какого-либо материала. Так или иначе, воин, носивший эту маску, мог дышать как ртом, так и носом. В верхней части маски, в центре лба имеется массивная подтреугольная пластина с направленным внутрь штифтом. При его помощи предмет крепился к шлему. Правая сторона лба маски имеет современное повреждение, образовавшееся, когда маску снимали со шлема. Согласно сообщению ребят, в момент находки маска была прикреплена к шлему в боевом положении. Об этом свидетельствует стесанность ржавчины на штифте маски и отверстии в центре шлема, а также то, что сейчас, в связи с современным повреждением, присоединить маску к шлему невозможно. В пользу этого говорит и фотография, сделанная сразу же после находки, на которой шлем и маска лежат на склоне яра в собранном виде.

Находился ли шлем в могиле на голове погребенного, установить сложно. Против этого свидетельствует как отсутствие на обломках черепа человека следов ржавчины, так и отсутствие на внутренней поверхности шлема и особенно маски каких-либо следов характерного налета, образующегося благодаря наличию под предметом разлагающейся органики. С другой стороны, на внешней поверхности затылочной части шлема есть отпечатки волос (?), которые, впрочем, могли являться отпечатком подстилки, на которую был положен погребенный, или конского хвоста, венчающего шлем.

Сабля (рис.3, *3*) имеет слабоизогнутый (кривизна 1,6 см) узкий (3 см) клинок, общая длина которого была не менее 100 см. Конец клинка обломан в древности, после чего не затачивался. Не сохранилось навершие рукояти. В целом, длина сабли вместе с рукоятью достигала не менее 108-110 см. Рукоять имеет наклон (около 10°) в сторону лезвия. Брусковидное перекрестие с мысовидным выступом в центральной части и с суживающимися концами. С левой стороны от него отходит узкая пластина, примыкающая к стержню рукояти, через которую проходит заклепка (рис.3, *2*). Деревянные обкладки рукояти сабли крепились на плоском черешке при помощи заклепок. Острие клинка (16-20 см) имело обоюдоострую заточку. Сабля находилась в ножнах, от которых сохранились слабо заметные остатки перержавевшей обоймы и изготовленный из тонкой железной пластины наконечник (рис.3, *1*). Наконечник уплощенно-цилиндрической формы размерами: 9,6x3,7 см.

Из прочих предметов, имеющих отношение к погребению, следует назвать обломки от насквозь проржавевшей кольчуги, фрагмент костяной колчанной петли (рис.3, *4*) и бронзовую шаровидную пуговичку с петлей (рис.3, *5*).

Выше указывалось, что вместе с костями человека были обнаружены кости коня. В школьном музее с.Кировское находятся кости ног и ряд измельченных костей лошади. Ребер и черепа с удилами обнаружено не было. Из предметов конского снаряжения было найдено одно арочное стремя с уплощенной верхней частью дужки, в которой имеется прорезь для путлища. Подножка – неширокая, овальная в плане, имеет слегка загнутые наружу края (рис. 3, *6*).

По сохранившимся останкам нельзя с уверенностью сказать, был ли уложен в могилу целый остов коня или его чучело. Череп и другие кости коня могли быть уничтожены деятельностью яра (направленного по линии запад-восток), либо выброшены школьниками.

В целом, сохранившиеся предметы, а также полученная в процессе осмотра места находки и опроса местных жителей информация свидетельствуют, что калкинский комплекс является воинским захоронением с конем, маской, шлемом, кольчугой, саблей, возможно, луком (о котором говорит наличие фрагмента костяной колчанной петли). Погребение близко памятникам, раскопаным в Поросье в кон.XIX в., таким как курган 53 у с.Ковали и курган 47 у с.Липовец (Кирпичников А.Н., 1971, с.29, рис.20, табл.III). Отличается рассматриваемое нами погребение от описанных отсутствием бытовых предметов и курганной насыпи над могилой.

Датировка

Датировка калкинского комплекса определяется следующим образом. В свое время в рецензии на работу Н.В.Пятышевой А.Н.Кирпичников относил комплексы, содержащие портретные маски, к черным клобукам и датировал их в пределах 1200-1240 гг. (Кирпичников А.Н., 1966, с.215-217). В более поздней работе он еще раз подтвердил сделанные ранее выводы (Кирпичников А.Н., 1971, с.29). К предмонголь-

скому времени относили подобные находки С.А.Плетнева (Плетнева С.А., 1973) и Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966).

Здесь следует указать, что маску из Ротмистровки А.Н.Кирпичников за счет некоторых ее деталей ("меньшее портретное искусство", "монголоидность", "дыхательные отверстия расположены не в носу, а во рту", "отсутствие колец и бронзовых ушей") был склонен относить к более позднему времени (Кирпичников А.Н., 1966, с.215; 1971, с.29), хотя и с некоторой степенью сомнения (Кирпичников А.Н., 1966, с.215). Следует признать, что по сравнению с портретными масками из Ковалей (Кирпичников А.Н., 1971, табл.III), Липовца (Кирпичников А.Н., 1971, рис.26), Серенска (Кирпичников А.Н., 1971, рис.27), маска с р.Калки действительно выглядит бо-

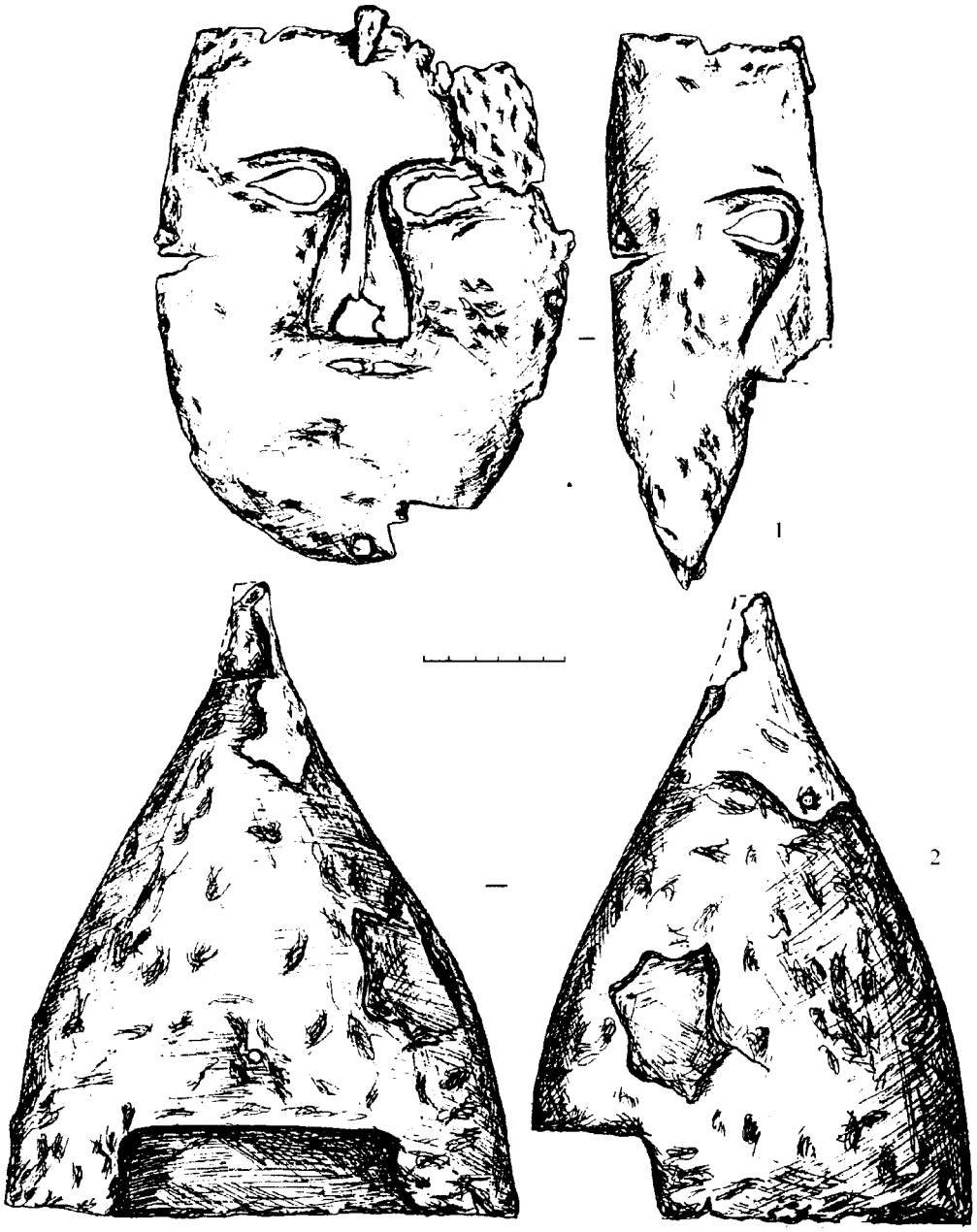

Рис. 2. Инвентарь погребения у с.Куйбышево. *1 – маска; 2 – шлем.*
Fig. 2. Objects from the burial near the village of Kuibyshevo. *1 – mask; 2 – helmet.*
Abb. 2. Inventar einer Bestattung in der Nähe des Dorfes Kujbyschevo. *1 – Maske; 2 – Helm.*
Dess. 2. Mobilier de la sépulture près du village Kuibyševo. *1 – masque; 2 – casque*

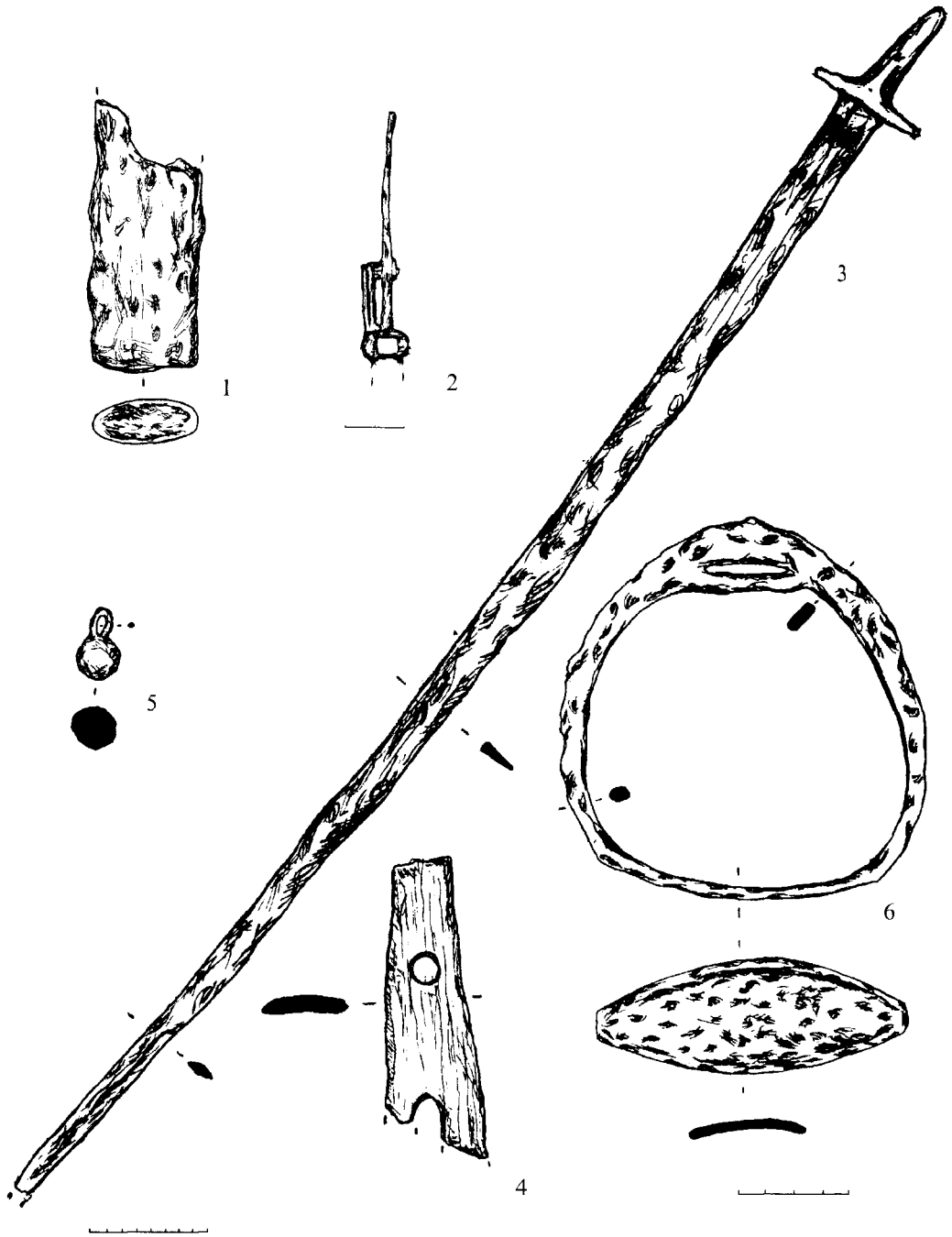

Рис. 3. Инвентарь погребения у с.Куйбышево. *1 – наконечник ножен; 2 – вид рукояти сабли в профиль; 3 – сабля; 4 – фрагмент колчанной петли; 5 – бронзовая шаровидная пуговичка; 6 – стремя.*

Fig. 3. Objects from the burial near the village of Kuibyshevo. *1 – scabbard tip; 2 – sabre hilt side-view; 3 – sabre; 4 – fragment of quiver loop; 5 – bronze round button; 6 – stirrup.*

Abb. 3. Inventar einer Bestattung in der Nähe des Dorfes Kujbyschevo. *1 – Säbelscheidenspitze; 2 – Profil des Säbelgriffes; 3 – Säbel; 4 – Teilstück der Köcherschlinge; 5 – kegelförmiger Knipf aus Bronze; 6 – Steigbügel.*

Dess. 3. Mobilier de la sépulture près du village Kuibyševo. *1 – la pointe d'une gaine; 2 – vue de profil de la poignée de sabre; 3 – sabre; 4 – fragment de boucle d'un carquois; 5 – bouton de bronze en forme de boule; 6 – étrier*

лее схематично. Тем не менее, примитивным назвать это изображение нельзя. Если она и не имела накладных деталей (уши, нижняя часть лица), что в связи с наличием заклепок на соответствующих местах более чем сомнительно, изображение лица на ней следует признать лишь несколько упрощенным по сравнению с поросскими масками. Каких-либо следов серебрения на внешней поверхности маски с Калки не видно.

Еще одной деталью, отличающей калкинскую находку от поросских, является иная разновидность шлема. Так, если маски из Ковалей и Липовца крепились к шлемам с "пирамидальной" верхней частью, то калкинская маска крепилась к цилиндроконическому шлему.

В целом, исследуемая маска входит в небольшое число находок, основная часть которых (5 из 7) была обнаружена на русских землях. Как нам представляется, несмотря на отдельные ее черты, которые А.Н.Кирпичников относил к поздним признакам, она датируется тем же домонгольским, а точнее предмонгольским временем. Этому не противоречит место, характер находки и общая датировка других, присутствующих в данном комплексе предметов.

Так, стремя, согласно классификации С.А.Плетневой, относится к типу Д-III, который она датирует домонгольским временем (Плетнева С.А., 1973, с.15, 17; рис.5, *9*). Согласно классификации Г.А.Федорова-Давыдова, калкинское стремя близко типу Д-II (2-я пол.XIII – XIV в.) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.13, 15, 116, рис.1). С другой стороны, довольно узкая плоская подножка сближает это стремя с типом Д-III (кон.XII – нач.XIII в.) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.13, 15, 115, рис.1).

Близкий тип стремени (тип VII) относил к домонгольскому времени и А.Н.Кирпичников (Кирпичников А.Н., 1973, с.50, 51; рис.29, табл.XV, 4).

Пуговица (рис.3, *5*) и колчанная петля (рис.3, *4*) из калкинского комплекса имеют более широкие хронологические рамки (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.32, 70).

Сабля, сочетает в себе такие признаки, как слабая кривизна и небольшая ширина клинка, наклон в сторону лезвия рукояти и средняя длина клинка. В целом, по совокупности этих признаков калкинская сабля относится к разновидности № 5 ($К_1У_2П_2$), которая датируется 2-й пол.XII-XIV в. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.121, 145). Большинство сабель этой разновидности относится к золотоордынскому времени. Тем не менее, есть и ранние, домонгольские экземпляры (например, Елизаветовский 57/1 – XII – 1-я пол.XIII в.).

Как видим, материалы погребения с р.Калки позволяют датировать комплекс как домонгольским, так и золотоордынским временем. Как было сказано выше, исследователи связывают такого типа находки с черноклобуцкими древностями (Кирпичников А.Н., 1966, 1971; Плетнева С.А., 1973), что, по-видимому, не лишено оснований. Так, из семи известных в настоящее время масок (Ротмистровка, Ковали, Липовец, Городище, Серенск, Херсон, Калка), пять найдено на русских землях. Три из них обнаружены на территориях, заселенных черными клобуками, причем две (Ковали и Липовец) входят в состав типично черноклобуцких комплексов. Несмотря на то, что исследуемое погребение на Калке полностью разрушено, нам представляется, есть все основания отнести его к той же группе памятников. Абсолютное большинство, если не все комплексы с масками, исследователи датируют домонгольским временем. Нам представляется, что публикуемый комплекс относится к самому концу домонгольского периода, в пользу чего свидетельствует облик отдельных предметов (сабля, стремя), сочетающих в себе ранние и поздние признаки.

Историческая ретроспектива

Калкинское погребение имеет специфические черты, к которым относятся: отсутствие курганной насыпи, необычность места захоронения (склон яра у дна), отсутствие бытовых предметов, обломанный и не заточенный конец сабли, благодаря чему полноценное использование ее было невозможно.

Время, которым датируется данный комплекс, место, где он был найден, его близость поросским древностям, перечисленные выше его специфические черты дают нам основание связать это погребение с трагическими событиями, разыгравшимися на Калке в конце мая 1223 г.

Не рассматривая в настоящей работе летописные сообщения, повествующие о калкинском побоище, следует сказать, что многочисленные попытки локализации по летописным свидетельствам места битвы не привели к положительным результатам. Район, где произошло сражение, размещали на широких просторах Приазовья от г.Мариуполя (Карамзин Н.М., 1991, с.486) до территории заповедника "Каменные Могилы", где недавно в память о якобы происшедшей здесь битве был водружен крест.

Трудности, связанные с локализацией места побоища, обусловлены как неопределенностью летописных сообщений, так и многочисленными редакциями их в угоду тем или иным правителям (Романов В.К., 1981, с.79-103). В данном случае, мы имеем погребальный комплекс, обнаруженный на р.Калке и имеющий явные признаки того, что погребенного не просто похоронили. Его спрятали. Наличие могилы в низине, отсутствие кургана, а, скорее всего, вообще каких-либо отметок на поверхности, могло быть обусловлено боязнью, что над могилой могут надругаться. Это вполне могло соответствовать обстановке на данной территории во время или сразу после битвы. В пользу этого свидетельствует поврежденность маски (отсутствие деталей, которые вооб-

ще могли быть из драгметаллов) и оружия (обломанный конец сабли). Не исключено, что покойника могли перенести с находящегося неподалеку места битвы и похоронить – спрятать. По всей видимости, социальный статус погребенного был очень высок, чтобы его просто оставить без погребения, а обстановка не позволяла выполнить все требования погребального обряда.

Подводя итог, можно сказать, что наличие в данной местности нескольких речек, носящих название "Калка", сообщение Ипатьевской летописи под 1237 г. о татарах, с которыми русские бились на "Калкох" (ПСРЛ, т.II), факт обнаружения здесь уникального погребения, несущего явные признаки того, что оно было произведено в экстремальных условиях, свидетельствуют, что битва 1223 г. произошла неподалеку от места обнаружения данного погребального комплекса. Приведенные данные говорят в пользу того, что место Калкинского побоища 1223 г. надо искать где-то близ границ нынешних Володарского и Волновахского р-нов Донецкой обл., а никак не у г.Мариуполя и, тем более, не на территории заповедника "Каменные Могилы", где, в лучшем случае, мог находиться лагерь киевского князя.

Литература и архивные материалы

Дедов В.Н., Швецов М.Л., 1987. Находка древнерусского меча в Донбассе// СА. № 1.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.

Карамзин Н.М., 1991. История государства российского. Т.3. М.

Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области, 1993// Археологический альманах. № 1. Донецк.

Кирпичников А.Н., 1966. Рецензия на: Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. М., 1964// СА. № 4.

Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие// САИ. Вып. Е1-36. Т.3.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв.// САИ. Вып. Е1-36.

Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков// САИ. Вып. Е1-19.

ПСРЛ, 1908. Т.II. СПб.

Романов В.К., 1981. Статья 1224 г. о битве на Калке Ипатьевской летописи// Летописи и хроники. 1980. М.

Сібільов М.В., 1950. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського// Археологія. Вип.VI.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Summary

E.Ye.Kravchenko (Donetsk, Ukraine)

A Noble Warrior's Interment of XIIIth c. on the River Kalka

The materials presented in the paper have enabled us to date the burial complex under investigation back to the period before the Mongolian invasion. It has been shown that researchers attribute the monuments of this type to the antiquities of the Black Klobuks (Black Hoods) (A.N.Kirpichnikov, 1966, 1971; S.A.Pletneva, 1973) which appears to be sufficiently grounded. Thus, out of seven portrait masks that have been known hitherto (Rotmistrovka, Kovali, Lipovets, Gorodische, Serensk, Kherson, Kalka) five samples were found on the territories of Rus. Three of those masks were found on the territories that had been traditionally inhabited by the Black Klobuks (Black Hoods), with two of them (Kovali and Lipovets) belonging to the grave objects complexes typical of the Black Klobuks. Although the interment on the river Kalka has been almost utterly ruined, it could be definitely attributed to the same group of monuments.

The time the complex is dated to, its location not far from the antiquities on the river Ross, and its specific features presented here have enabled us to link the interment with the tragic events of May 1223 on the Kalka. We assume that the Kalka battle took place not far from the burial complex. The following facts are consistent with the assumption: 1) there are several rivers named "Kalka" in the area; 2) the Ipatievsky chronicle of 1237 gives evidence that the Tatars fought with the Russians on the "Kalkokh" (ref.: ПСРЛ, vol. II), 3) the unique character of the interment under investigation demonstrates that the deceased was obviously buried under extraordinary circumstances.

The data presented here give strong evidence in favour of the assumption that the place of the Kalka battle should be searched for somewhere in the area of the contemporary Volodarsky and Volnovakha districts of the Donetsk province, while the assumption that it could be found near the town of Mariupol or even on the territory of "Kamenny Mogily" reservation is in direct conflict with the evidence.

E.Je.Kravčenko (Donezk, Ukraine)

Bestattung eines vornehmen Kriegers aus dem 13. Jh. an der Kalka

Der bemerkenswerteste Fund aus dieser Bestattung ist die Schutzmaske, die an den Helm befestigt wurde. Fünf von sieben heute bekannten Masken wurden in russischen Gebieten gefunden (Rotmistrovka, Kovali, Lipovec, Gorodistsche, Serensk, Cherson, Kalka). Die Forscher verbinden die Funde dieser Art mit den Gegenständen aus der Zeit der Schwarzkappen.

Der Grabkomplex wird mit der 1. Hälfte des 13. Jh. datiert. Die Stelle, an der er entdeckt wurde, seine Nähe zu den alten Siedlungen an der Ros sowie seine ungewöhnliche Lage lassen diese Bestattung mit der Schlacht Ende Mai 1223 an der Kalka verknüpfen.

Das Vorhandensein einiger Flüsse in dieser Gegend, die den Namen Kalka tragen, die Angaben der Ipatjev-Chronik aus dem Jahr 1237 über die Tataren, gegen die die Russen an der Kalka (PSRL, Band-II) gekämpft haben sowie die Entdeckung an dieser Stelle einer einzigartigen Bestattung, die deutlich auf die Beerdigung unter extremen Bedingungen schließen lässt, sind ein beredtes Zeugnis davon, dass die Schlacht von 1223 in der Nähe dieser Bestattung ausgetragen wurde.

E.E.Kravĉenko (Donetsk, Ukraine)

L'inhumation d'un guerrier noble au XIII s. bord du fleuve Kalka

Un masque de protection attachée au casque est trouvaille la plus remarquable de l'inhumation. Ainsi cinq sur sept des masques trouvés (Rotmistrovka, Kovali, Lipovec, Gorodiŝce, Serensk, Herson, Kalka) furent découverts sur klobuks noirs.

Le complxes est daté de la I-re moitié du XIII siècle. L'endroit même, sa ressemblance á d'autres monuments du bassin du fleuve Ros', sa disposition sur place évoquent le souvenir de la batallie sur Kalka fin , mai 1223. L'existence de quelques rivières portant le nom "Kalka" sur ces terrains des indices de travaux urgents au cours de l'inhumation ainsi que l'inscription de la batallie des russes contre des tatares sur "Kalkoh", figurant dans les Annales d'Ipatiev de 1237 témoignent que la batallie s'était déroulée á proximité de cette nécropole.

Статья поступила в редакцию в июне 2002 г.

В.Г.Кищенко (†)

СТРЕЛЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ

Набор лучника – лук и стрелы – второй после копья вид оружия, появившийся у древнего человека и сохранивший свое бытование в традиционных культурах до этнографической современности. Во многом из-за этого научные разыскания по этим категориям мира вещевого, по-прежнему, не потеряли актуальности. Более того, при тщательном взгляде на данный предмет исследования выявляются все новые и новые лакуны познания.

Появление лука и стрел было вызвано необходимостью ведения дистанционной стрельбы, применяемой на охоте, в целях самообороны и военном деле. Их применение позволило человеку систематически заниматься охотой и выделить данный вид деятельности наравне с земледелием и скотоводством.

Оружие в традиционных культурах было не просто средством ведения войны и охоты, но также являлось социальным маркером, символом власти, обладающим сверхъестественной силой, защищающей богатство, власть и благополучие. Свидетельством этого являются магические и религиозные воззрения. Например, по-поводу лука и стрел в гимне Ригведы сказано: "Прямолетящая (стрела), сбереги нас", ... "облако стрел, заостренных временем, выпущено, лети, порази противников, не оставь ни одного врага живым" (Деревянко Е.И., 1987, с.152). Наиболее яркое проявление этого феномена – появление богини-стрелы и молитвы, обращенные к ней.

Геродот писал, что скифами был изготовлен котел, который легко вмещал 600 ведер. "Царь их по имени Ариант, желая знать число скифского народа, приказал, чтоб каждый скиф принес по одному остроконечию своей стрелы, а кто не принесет, тому грозит смертью; и как снесено было чрезвычайное множество остроконечий, то вздумалось ему из них оставить памятник; для того он соорудил из них сей медный сосуд" (Геродот, 1976, с.129). Луку и стрелам приписывалось свойство исцелять болезни, увеличивать мужскую силу и "очищать от скверны"; по стрелам гадали. "Союзный клятвенный договор скифы заключают следующим образом. В большую глиняную чашу наливают вино и смешивают его с кровью заключающих договор, уколов их тело шилом или слегка надрезав ножом, а в ту чашу погружают меч, стрелы и дротик, после чего произносят многие заклятия; и засим ту чашу выпивают как заключающие договор, так и достойнейшие из их сопроводителей" (Геродот, 1976, с.125).

Кремневые стрелки использовались во многих культурах в качестве амулетов: "их обворачивали в серебро и золото и носили, как привески, или в виде бус ожерелья, не только в эпоху этрусков, но и в Византии, а местами, например, у туарегов Северной Африки и у казанских татар носят еще и теперь. По-видимому, им приписывалась известная лечебная или предохранительная сила, судя по тому, что и теперь еще простолюдины не только в России, но и в Западной Европе признают кремневые стрелки «громовыми», упавшими с неба во время грозы, и приписывают им разные чудодейственные качества. Особенно распространен взгляд, что они помогают от колики, зубной боли и при родах. Поэтому многие крестьяне, особенно крестьянки (даже иногда лица несколько образованные) неохотно уступают имеющиеся у них каменные стрелки, если даже им предлагают за них сравнительно значительную сумму" (Анучин Д.Н., 1887, с.403).

В Древнем Китае существовал обычай, когда китайские императоры в знак особой благосклонности награждали высших сановников-воевод красным луком с красными стрелами или черным луком с черными стрелами, причем красный лук (соответственно и стрелы) был более редкой и, очевидно, более важной наградой, чем черный (Комиссаров С.А., 1988, с.78).

Стрелы служили и в качестве своеобразных текстов. Так, чжурчжэни, требуя дань с подвластных племен, посылали наконечники стрел с зарубкой. "Они служили [условными] знаками. Для спешного дела были стрелы с тремя зарубками" (Деревянко Е.И., 1987, с.149), а у многих тюрок стрела с "золотым копьецом" служила в качестве пайцзы (Худяков Ю.С., 1986, с.99).

У гуннов стрела выполняла еще и платежную функцию. Тот, кто выдвинется вперед из цепи во время облавы на зверей на один перестрел, платил

---

† Перед самым выходом сборника в свет В.Г.Кищенко скоропостижно скончался

штраф – 5 стрел. За утерю стрелы – под суд. Кто возьмет чужую стрелу, платит штраф – одну лошадь (Руденко С.И., 1962, с.27).

"Лук и стрелы играли необычайно важную роль в жизни многих тюркских народов и в ряде случаев превратились в своеобразные символы. Так, у шорцев численность родов определялась по количеству луков. Ряд названий тюркских племен тесно связан с названием лука и стрел. В древнетюркских рунических памятниках неоднократно встречается название одного из тюркоязычных народов Средней Азии – «десятистрельный народ», «народ десяти стрел». Один из возможных вариантов этимологии названий двух больших групп огузов «бузок» и «учок» также связывается с названием стрелы – «ок». Лук и стрелы, как это убедительно доказывает турецкий исследователь Осман Туран, были символами социально-правовых отношений в тюркских племенах. Лук выражал у древних тюрок положение сюзеренства, господства, а стрела – вассальности, подчиненности. Кроме этого, стрела символизировала приглашение к участию в походе, охоте или в каком-либо торжестве, а также была знаком уважения и любви" (Курылев В.П., 1978, с.20-21).

Б.Ф.Адлер в 1903 г. писал: "... почти нет народа в Северной Азии, у которого наряду с одеждой, санями, принадлежностями для добывания огня, не клали бы покойнику лука и стрел, необходимых и в загробной жизни. Лук или его модель вешается и над люлькой ребенка, чтобы отгонять злых духов. На грудь тот же народ надевает себе, наподобие нашего креста, маленький лучок со стрелкой. Лук и стрелы играют роль и в трудных случаях жизни северного "дикаря". У якутов, например, при трудных родах ставятся маленькие фигурки и в них стреляют из маленьких луков маленькими стрелками, чтобы облегчить роды. Тот же народ жертвует водяному Баянаю лук и стрелы, выезжая на первую весеннюю, важную для него рыбную ловлю. Немудрено поэтому, что, по понятию тунгусов, стрелы – семя бога дождя, и что в честь лука и стрелы сочинялись торжественные гимны и песнопения. У народов с примитивной культурой, с бедной фантазией, как бакаиры (на Шингу), создалось также представление, что людей создал герой Кери из тростника, идущего на выделку стрел" (Адлер Б.Ф., 1903, с.189).

Исходя из вышеприведенных данных, становится понятно, что значение этого оружия в жизни древних культур было огромно и, следовательно, не могло не отложиться глубокой исторической памятью во всех сферах бытия древних. Поэтому не случаен тот огромный интерес археологов и историков-оружиеведов, который они проявляют к луку и стрелам. Но если относительно реконструкции лука на протяжении не менее двух веков его попытки изучения предпринимались неоднократно, то та же исследовательская процедура относительно стрел до сих пор явно остается в тени. Причиной тому является исключительная трудность исследования, ввиду крайне скупой соответствующей информационной базы, дошедшей до нас (истлевание всех элементов стрелы, нередко и наконечников в археологическом комплексе).

Прошли века, и сегодня современнику не безынтересно знать, как выглядели стрелы наших пращуров. Какие стрелы были у киммерийцев и скифов, хуннов, тюрков, руссов и хазар, половцев и татаро-монголов? Исследование этих проблем, наряду с вопросами выяснения конструктивных особенностей стрел, материалов из которых они изготавливались и техники их производства, явились целью предлагаемой работы.

* * *

Прежде чем приступить к описанию конструктивных особенностей, боевых свойств стрел и техники их изготовления, установим порядок, по которому будет производиться изложение материала, что позволит последовательно и структурно верно считывать предлагаемую нами информацию.

1. Древко (длина, диаметр, раскрас).
2. Наконечник (материал, тип, форма, размеры).
3. Свистунок (материал, форма, размеры).
4. Оперение (материал, длина, ширина флажков).
5. Ушко (материал, размеры).

Древки. Древко – основная часть дистанционного оружия, к которому крепился наконечник, обеспечивающий эффективность поражения. Для изготовления древка применялось прямослойное дерево, чтобы после обработки получалась гладкая поверхность. В зависимости от природной зоны, где изготовлялось древко, применяли березу, ель, сосну, кедр, тополь, ясень, кизил, иву, явор и, возможно, некоторые другие породы, а также тростник, бамбук и камыш.

Тростник – наиболее подходящий материал для изготовления древков, так как он произрастает по берегам практически всех водоемов Евразии. Основным недостатком тростника является его хрупкость. Повысить его прочность можно было, закалив стебель на огне, как это делалось, например, в небольшом гималайском княжестве Бутан (Черненко Е.В., 1981, с.26). К недостаткам тростника относится и его трубчатость, поэтому для изготовления стрелы необходимо было дополнительно делать деревянные черешки, как для наконечника, так и для ушка (Черненко Е.В., там же).

Наиболее широко для изготовления древков стрел применялись подходящие по своим качествам береза, сосна и ель. Деревья рубили поздней осенью, когда их волокна содержали минимальное количе-

ство влаги. От тщательно подобранных и просушенных бревнышек прямослойной древесины откалывали длинные чурочки, первоначально значительно превышающие толщину будущего древка.

Полуфабрикат для стрел, называвшийся на Руси "стрельной стружкой" или "деревцами стрельными", изготавливавшийся из березы, высоко ценился на Востоке: в Иране, Крыму, Ногайской Орде и др. Известно, что некому купцу Искандеру шахом Аббасом было приказано приобрести в Москве 60 тысяч "древец стрельных". А в Азербайджане существует поговорка, сравнивающая стройного человека со стрелой из древесины явора, что, вероятно, указывает на выбор этой породы для изготовления в прошлом древок стрел (Паланджнян В.А., 1955, с.65, 66).

На характер полета стрелы, особенно в момент удара тетивы по ее хвостовику, большое значение оказывал так называемый "прогиб" стрелы. Установлено, что, чем больше прогиб, тем выше летит стрела, тем больше рассеивание и меньше точность попадания. Чем большую вибрацию приобретает древко в момент отрыва от тетивы, тем с меньшей точностью оно возвращается в нужное положение. Это означало, что стрелы, изготовленные из длинных тонких прутьев, выигрывая в технологии изготовления, значительно уступали в эффективности. Поэтому древки старались делать из старых деревьев, одиночно стоящих на опушках, и использовать ту сторону дерева, где годовые кольца были уже более просмоленные, т.е. южную часть. Кроме того, лучшей частью дерева считалась та, которая была ближе к корню, так называемая комлевая часть, поскольку, чем ближе древесина к корневой части, тем она более плотная и упругая (Соловьев А.И., 1987, с.31).

При изготовлении стрелы нижнюю часть древка немного расширяли к ушку с тем, чтобы зарубка, необходимая для фиксации стрелы на тетиве, была чуть шире тетивы, а по глубине – чуть больше диаметра тетивы. Глубокая зарубка за счет перекоса задерживала стрелу при выходе из тетивы. К наконечнику древко сужалось и диаметр его равнялся диаметру упора черешкового наконечника, а у втульчатых стрел диаметр древка равнялся диаметру втулки наконечника.

Следующей стадией обработки заготовки для древка было обстругивание ее ножом, затем в комлевом торце заготовки делали неглубокое отверстие, в которое забивали черешок наконечника, после чего посредством струга древко доводили до нужных форм и размеров. И, наконец, следовала окончательная отделка: выскабливание, выглаживание и, нередко, полировка древка с помощью костяного ножевого струга и каменного бруска с полукруглыми желобками (Медведев А.Ф., 1966а, с.50).

Диаметр древков скифских стрел у основания наконечников составлял 2-4 мм и 3-6 мм у ушка (Бессонова С.С., 1973, с.246). У савроматов и сарматов диаметр древков равнялся 5-6 мм (Смирнов К.Ф., 1961, табл.11-38; Синицын И.В., 1959, с.116, рис.37, *3*; Синицын И.В., 1960, с.32, рис.9, *4*; Рыков П.С., 1925, с.52).

Длина стрелы зависела от нескольких факторов и, в первую очередь, от длины и типа лука, от силы и антропологических данных стрелка (включая длину рук), от функционального назначения, поэтому длина стрелы была индивидуальна для каждого стрелка. Правила стрельбы из лука рекомендуют: наложить стрелу на тетиву и максимально растянуть лук – древко стрелы отсечь у наружной части рукоятки лука (Медведев А.Ф., 1966а, с.52). В сарматских погребениях на р.Илек (Мечетсайский могильник) древки стрел в наборе были одинаковой длины. В кургане 5, погребении 26 обнаружено 29 стрел длиной 50 см. В кургане 3, погребении 11 было 5 стрел длиной 60 см. В кургане 2, могиле 5, стрел – свыше 20, их длина – 60 см. В кургане 7, погребении 7 найдено 10 стрел длиной 75 см (Смирнов К.Ф., 1975, с.90, 100, 108, 118). Длина скифских стрел из Трехбратного кургана составляла около 40 см. Бессонова С.С. указывает, что оставшаяся длина древок – 30-32 см, и уточняет, что они были обмотаны возле наконечника (Бессонова С.С., 1973, с.246). В гробнице 2 кургана 4 группы Страшной могилы длина стрел составляла около 50 см (Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н., 1973, с.143). А в погребении 1 гробницы 2 курганного могильника в урочище Носаки длина стрел была 42-43 см (Бидзиля В.И. и др., 1977, с.143). О размерах стрел других культур указано в информации, размещенной рядом с рисунками.

Древки стрел, как правило, раскрашивались различными красками. "Владыка вынул из своего золотого колчана красную, расписную киноварью стрелу и отдал Чуу Мэргэн" (Лубсан Данзан, 1973, с.121). Причины раскраски стрел были различны. В одних случаях они раскрашивались с целью быстрого изъятия нужной стрелы из колчана, когда в нем находились стрелы с различными по своему функциональному назначению наконечниками. Для этого каждому типу наконечника соответствовал свой раскрас древка. Узор или сплошное окрашивание размещали у наконечника или ушка, в зависимости от того, как помещались стрелы в колчане. Если стрелы лежали в колчане наконечниками вверх – раскрас у наконечника, если оперением вверх – раскрас у оперения и ушка. В других случаях, не связанных с охотничье-боевой функцией, раскрас носил тотемный, социальный, половозрастной или сакральный характер. У некоторых народов древки окрашивались полностью одной крас-

кой (белой, красной, зеленой, черной и т.д.), различными оттенками охры и другими красящими веществами, дающими множество цветов и их оттенков. Нередко краской наносили определенных размеров пояски, узоры, геометрический орнамент и, возможно, разного рода знаки.

Интересны таштыкские древки. Они целиком окрашены в красный или черный цвет. Поверх краски или вместо нее древки иногда облицовывали тонкими листочками золота (Вадецкая Э.Б., 1987, с.73).

В золотоордынских погребениях встречаются древки стрел, обвитые у основания узкой лентой, шириной до 1 см, с позолотой или тончайшей золотой фольгой: Кащеевка 2/1 (Ефимов К.Ю., 1999, с.101), Тузлуки 9/14 (Беспалый Е.И., 1980).

Наконечники. Первые наконечники стрел, как известно, были деревянными. В результате обработки огнем (за счет расплавленной древесной смолы) конец древка становился тяжелее и тверже. Стрелы с такими древками имели слабую убойную силу и были неустойчивыми в полете. Много позже стали изготавливать древки с утолщенным концом. Эта часть, как правило, достигала 1/3 длины стрелы. Еще позднее мастера, накопив опыт, стали использовать для производства наконечников стрел деревья более плотных и тяжелых пород. Деревянные наконечники стрел применялись в качестве охотничьих, использовали их, при необходимости, и в боевых целях. Деревянные наконечники дожили до этнографической современности (Бернштам А.Н., 1952, с.319; Гаврилова А.А., 1965, с.23; Вайнштейн С.И., 1970, с.30; Дьяконова В.П., 1970, с.96, 97, табл.1, 10-12; Кызласов Л.Р., 1979, с.90).

Кремневые наконечники, найденные в культурных слоях палеолитических стоянок, дают основание утверждать о наличии лука и стрел в раннем палеолите. Наконечники делали из рога, моржового "зуба", бивней мамонтов, а также из трубчатых костей крупных животных (Шмидт А.В., 1997, с.29). В позднем палеолите уже господствовали костяные и кремневые наконечники. К позднепалеолитическим относятся костенковско-стрелецкие, сунгирские, сюренские, свидерские и аренсбургские наконечники стрел (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984, с.222-225, табл.80, *18, 19*; 81, *6, 7*; 82, *5, 6*; 99, *1-8*; 100, *17, 18, 24*). Незначительное количество наконечников, обнаруженных на этих стоянках во время раскопок, свидетельствует об еще ограниченном применении лука и стрел в эпоху палеолита. Они еще не стали массовым видом оружия, как это произошло в мезолитическую эпоху.

Наконечники стрел эпохи меди-бронзы в Евразии изготавливались преимущественно из кремня и кости, реже – из обсидиана и других горных пород. В XVII-XVI вв. до н.э. появляются бронзовые наконечники. Кремневые и обсидиановые сосуществовали вместе с бронзовыми, преимущественно на Кавказе. В Закавказье же обсидиановые наконечники не потеряли своего значения и в начале раннего железного века. Персидские воины и в V в. до н.э. были вооружены стрелами с обсидиановыми наконечниками. Такая их живучесть (даже в культурах с развитой бронзовой индустрией) объясняется не только доступностью сырья и экономией металла, а, прежде всего, тем, что кремневые и обсидиановые наконечники больше отвечали требованиям ведения войны и способам охоты. По боевым качествам они не только не уступали бронзовым, но и превосходили их. Экспериментально доказано, что, например, индейские обсидиановые наконечники глубже проникают в тело животного, чем такие же по форме стальные. Кроме того, кремневые наконечники при столкновении с костью раскалываются и вынуть осколки довольно сложно. Такие лопнувшие наконечники или их осколки, застрявшие в костях, встречены в захоронениях эпохи энеолита-бронзы. Однако трудоемкость изготовления кремневых наконечников, по сравнению с бронзовым литьем, обеспечивающим их массовое производство, а также усовершенствование защитного доспеха свели на нет применение кремневого оружия (Братченко С.Н., 1989, с.76).

Появление первых бронзовых двухлопастных наконечников стрел можно отнести к нач.II тыс. до н.э. Одна двухлопастная стрела с выступающей втулкой была найдена в Палестине (в гробнице № 303В в Газе), датируется египетским скарабеем из того же погребения 1850-1750 гг. до н.э. Черешковые бронзовые наконечники стрел впервые появляются в Средней Азии в сер.II тыс. до н.э., но распространение таких наконечников было крайне ограничено как в количественном отношении, так и территориально (Кузьмина Е.Е., 1966, с.36-37).

Массовое использование втульчатых бронзовых наконечников стрел скифского типа началось сначала на территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья в VIII-VI вв. до н.э., а чуть позже – практически на всем пространстве Евразии от Тихого океана до Балканского полуострова. И только немногие народы Средней и Центральной Азии, на периферии скифского мира, применяли бронзовые наконечники стрел, характерные для этих мест. Однако к сер.V в. до н.э. и эти народы перешли к применению скифского лука, а следовательно, и к применению наконечников скифского типа (Збруева А.В., 1952, с.91; Литвинский Б.А., 1965, с.80; Медведская И.Н., 1972, с.83; Іллінська В.А., 1973, с.13).

В скифскую эпоху в Евразии господствовали бронзовые наконечники стрел, а появившиеся в это время железные широкого применения не нашли. Известны случаи отдельных находок железных на-

конечников в скифских наборах VII-VI вв. до н.э. (Мелюкова А.И., 1964, с.18). В наборах V-IV вв. до н.э. они очень редки.

Почему железо не вытеснило бронзу в производстве наконечников стрел, как оно совершенно вытеснило ее в производстве других видов скифского вооружения? Б.Н.Граков объяснял это преимуществами техники литья над техникой ковки наконечников. Литье из бронзы при сравнительно малых затратах времени и сил могло обеспечить потребность в большом количестве стрел, необходимых воинам и охотникам, для которых лук со стрелами был основным видом оружия. Находки в Северном Причерноморье бракованных бронзовых наконечников стрел, а также обломков литейных форм свидетельствуют об их местном производстве (Мелюкова А.И., 1964, с.30).

На бронзовые наконечники стрел, изготавливаемые в районах Северного Кавказа и Северного Причерноморья, мастерами-литейщиками наносились, вероятнее всего, личные знаки или клейма в виде различно сочетающихся уголков, треугольников, полос, крючков (Черненко Е.В., 1981, с.100, рис.75). По-видимому, данные знаки и клейма выполняли роль товарных знаков, гарантирующих качество изделий, т.к. наконечники являлись предметом торговли на всем пространстве скифского мира.

К концу I тыс. до н.э. бронзовые наконечники стрел постепенно вытесняются железными. Происходило это не повсеместно и не одновременно. У сарматов Поволжья и Южного Приуралья железные наконечники стрел появляются со 2-й пол.IV в. до н.э. (Хазанов А.М., 1971, с.36), у хуннов Центральной Азии – во II в. до н.э. (Худяков Ю.С., 1986, с.47, рис.14).

Хуннский период, очевидно, следует считать начальной фазой в широком типообразовательном процессе развития железных наконечников (Худяков Ю.С., 1986, с.209).

Мы предлагаем при классификации металлических черешковых наконечников стрел включать в исследовательские разработки такие понятия, как наконечники безупорные и с упором.

Металлические наконечники стрел, как известно, разделяются по форме насада на втульчатые и черешковые. Черешковые делятся на наконечники плоские, безупорные и с упором.

Совершенно не касаясь вопросов классификации наконечников и технологии их производства, рассмотрим причины, побудившие изготовителей безупорных наконечников стрел (а они, безусловно, были первыми и массовыми) перейти к производству черешковых наконечников с упором.

В кон.I тыс. до н.э. – нач.I тыс. н.э. в связи с совершенствованием защитного вооружения увеличились размеры и вес наконечников стрел. Появились большие, так называемые "гуннские" луки, длина которых достигала 1,6 м и больше. Стрелы стали мощными, дистанция стрельбы увеличилась, а вот сила удара стрел желала быть лучшей. Менялись геометрические формы, размеры, вес наконечников, а процесс эффективной стрельбы "топтался" на месте. У стрел с безупорным наконечником в момент попадания в цель сила удара уменьшалась из-за отсутствия жесткого упора между древком и наконечником. Древко раскалывалось и оползало по черешку на боевую головку. Происходило разложение массы стрелы на две составляющие: вес наконечника и вес древка. Соотношение этих величин нам известно, оно находится в пределах от 1:3 до 1:7. Получалось, что вместо удара массой 35-80 г (вес стрелы), фактическая сила удара составляла только 5-15 г (вес наконечника). Кроме того, диаметр древка стрелы с безупорным наконечником был одинаковым на протяжении всей длины, в результате чего древко в момент выстрела изгибалось, что отрицательно отражалось на аэродинамических свойствах стрелы. Отсюда – потеря скорости и, как следствие, снижение убойной силы стрелы; резко снижалось и прицельное ведение стрельбы. Наконечник с упором сразу решал все эти проблемы. Это очень важный и, на наш взгляд, перспективный исследовательский аспект, но, к сожалению, нам неизвестно, где, когда и какой народ первым начал применять черешковый упор на наконечниках стрел.

Одним из шагов решения этого вопроса может быть анализ результатов, полученных Ю.С.Худяковым. Исследуя закономерности развития вооружения средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии, Ю.С.Худяков рассматривает эволюцию развития железных наконечников стрел со II в. до н.э. до IX-X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, с.215, 216, табл.96, 97). Опираясь на эти данные, определим процент черешковых наконечников с упором от общего количества стрел.

Периоды	Всего (шт.)	В том числе с упором (шт.)	Содержание наконечников с упором в %
II в. до н.э. – I в. н.э.	14	2	15,3
II-V вв.	29	13	44,8
VI-VIII вв.	30	25	83,3
IX-X вв.	75	70	93,3

Табл. 1. Эволюция развития железных наконечников стрел с упором по материалам Южной Сибири и Центральной Азии

Получаем наглядную картину о времени перехода кочевников Южной Сибири и Центральной Азии на черешковые наконечники стрел с упором. Аналогичная картина, кстати, характерна и для аскизской культуры. Из 262 железных наконечников стрел, найденных на территории, населенной народами аскизской культуры в X-XIV вв., черешковых – 262, из них с упором – 262 (100 %) (Кызласов И.Л., 1983, табл.XIX-XXI).

Применение упора на наконечниках улучшило аэродинамические свойства стрелы. Древко у наконечника стало сострогиваться до диаметра упора и постепенно, на протяжении 10-15 см, обрабатывалось и выходило на диаметр основной части древка. Возле ушка диаметр древка уменьшался и на протяжении длины оперения (10-15 см) сострогивался и выходил также на диаметр основной части древка. В результате такой обработки вес стрелы уменьшался на 13-18%. Древко приобрело веретенообразную форму, исчез прогиб, появлялась возможность вести мощную и прицельную стрельбу.

Рассматривая значение упоров для черешковых наконечников стрел, необходимо обратить внимание и на черешок. Здесь перспективным может оказаться выяснение закономерностей и соотношений длины и формы черешков. Боевые головки наконечников стрел, за редким исключением, – явление больше интернациональное, а черешки – больше национальное, тяготеющее к индивидуальной культуре, этносу и локальной территории. Так, например, А.М.Хазанов акцентировал внимание на том, что основная масса железных стрел сарматской культуры IV в. до н.э. – IV в. н.э. имела сравнительно постоянную длину черешков 1,5-2 см. Появившиеся на рубеже IV-III вв. до н.э. и широко распространившиеся в III-II вв. до н.э. наконечники с треугольной головкой (Хазанов А.М., 1971, с.37) всегда имеют короткий черешок. Наконечники с длинными черешками в позднесарматское время не обнаружены (Хазанов А.М., 1971, с.40).

Известный корпус железных наконечников стрел племен кокэльской культуры I-V вв. составлял 286 экз. Длина черешков, не считая единичных экземпляров, равнялась 2-3 см (Худяков Ю.С., 1986, с.75, рис.28). В процентном отношении от общего количества черешки длиной 2 см составили 51%, а 3 см – 49%. Длина черешков наконечников стрел кокэльской культуры не менялась на протяжении всего существования последней.

Аналогичное явление наблюдалось и у древнетюркских железных наконечников стрел VI-X вв. Из 232 наконечников, не считая единичных экземпляров, черешки длиной 4 см имели 93% наконечников (Худяков Ю.С., 1986, с.148, рис.65). Следовательно, за почти 500-летнее существование кокэльской и древнетюркской культур размеры черешков наконечников стрел оставались неизменными.

Кроме длины черешков, необходимо сказать и об их сечении. Черешки имеют круглое, квадратное или многогранное сечение, но при разработке типологии наконечников такая характеристика, к сожалению, игнорируется. Одной из отличительных особенностей аскизских ромбических и укороченноромбических наконечников является наличие ранее не встречавшегося метода обработки черешков – насечки (Кызласов И.Л., 1983, табл.XIX-XX).

Период IX-X вв. характеризуется бурным всплеском в типообразовании железных наконечников. Особенно ярко он отразился у ведущих в военной области того времени кочевых этносов – кыргызов и кимаков. У кыргызов зафиксирован 21 тип небронебойных наконечников и 19 типов бронебойных. Всего 40 типов. У кимаков – 22, у тюрок – 27, у курыкан – 18, у байырку – 28, у шивэй – 24 типа наконечников стрел (Худяков Ю.С., 1986, с.212-213).

В это же время в среднеамурских памятниках чжурчжэней появились довольно оригинальные наконечники. Среди них группа с Z-образным сечением пера – это плоские и граненые наконечники стрел. О них имеются сообщения в китайских источниках: "... по внешнему виду (наконечники стрел) похожи на бурав. При попадании такую стрелу невозможно вытащить" (Деревянко Е.И., 1987, с.104). Возможно, об этих же стрелах говорится: "В древности хороший стрелок мог пробить одевших семислойную толстую броню. Эти наконечники стрел были распространены только в Приморье и Приамурье" (Деревянко Е.И., 1987, с.104).

Монголы во время своих завоевательных походов очень широко использовали разнообразное оружие, захваченное ими у побежденных народов. Некоторые формы наконечников стрел они, несомненно, заимствовали у кочевых и полукочевых народов Сибири и использовали пленных кузнецов-оружейников. Поэтому название "монгольские" или "татарские" наконечники стрел закономерно лишь для Восточной Европы, куда они действительно были занесены татаро-монголами (Медведев А.Ф., 1966б, с.54).

Характерной особенностью всех монгольских наконечников является устойчивое соотношение длины черешка и длины пера. Длина черешка у них, как правило, составляет 2/3 или 3/4 длины пера (Медведев А.Ф., 1966б, с.55). Пропорции пера – отношение ширины к длине – у

татаро-монгольских наконечников значительно выше, чем у древнерусских, от 1:3 до 1:6 – у татар и от 1:2 до 1:4 – у русских, при более крупных наконечниках у татаро-монголов (Медведев А.Ф., 1966б, с.55, 56, 58).

Особенностью некоторых бронзовых и железных наконечников стрел является наличие отверстий на лопастях. Просечные отверстия имеют довольно разнообразные формы. Круглые – у хуннов (Худяков Ю.С., 1986, рис.6, 13, 14, 24-25) и племен верхнеобской культуры (Худяков Ю.С., 1986, рис.49, *6*). Круглые и лунообразные – у древних тюрков (Овчинникова Б.Б., 1998, с.285; Худяков Ю.С., 1986, рис.64, *3-4, 9-10, 17-18*). Полулунные, фигурные, в виде запятой – у хакасов (Кызласов И.Л., 1983, табл.XIX, 1, 4-10, 12; Овчинникова Б.Б., 1998, с.285). Крестообразные – у чжурчжэней и бохайцев Приморья (Деревянко Е.И., 1987, с.105, рис.19, *6, 8, 18*). Отверстия, очевидно, указывали на личную принадлежность стрелы. И, чем сложнее узор высечки, тем выше было общественное положение владельца. Вероятно, явлением того же порядка являются золотые, позолоченные и инкрустированные серебром наконечники, в разное время и у разных культур выполнявших ту же функцию.

Несмотря на массовое производство наконечников стрел, они были весьма дорогим изделием. Поэтому после окончания битвы победители занимались их сбором для повторного использования. "И еще сказал Чингиз-Хан: Аранай Хасар, Дахай, Сухэй и Чахуркан пусть вчетвером будут собирающими далеко [летящие стрелы], собирающими близко [падающие стрелы]" (Лубсан Данзан, 1973, с.101).

Для улучшения проникающей способности стрел, все металлические наконечники затачивались. У каждого стрелка имелись специальные бруски, изготовленные из минералов или горной породы, или металлические напильники. Такие приспособления для заточки наконечников найдены в савроматских, сарматских, золотоордынских и др. погребальных памятниках (Смирнов К.Ф., 1975, с.37; Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972, с.10; Ефимов К.Ю., 1999, с.97, табл.2, *3*).

Свистунки. Массовое применение свистунков начинается в средневековье, и особенно оно было характерно для стрел кочевников Южной Сибири, Северной и Центральной Азии. Впервые же "поющие стрелы", как их еще называли, появились у хуннов в кон.I тыс. до н.э. Изобретение свистунков китайская хроника приписывает хуннскому шаньюю (хану) Модэ (Бичурин Н.Я., 1950, с.46). Время правления Модэ кон.III – нач.II в. до н.э.

Свистунок – это костяной полый шарик диаметром, как правило, 10-15 мм (Худяков Ю.С., 1986, рис.6, *14*), с двумя сквозными отверстиями для крепления на черешке наконечника и на древке. В I тыс. н.э. – 1-й пол.II тыс. н.э. появляются бочкообразные (овальные) (Гаврилова А.А., 1965, с.73; Арсланова Ф.Х., 1991, с.67), цилиндрические (Асеев И.В. и др., 1984, табл.XII, 13; Деревянко Е.И., 1987, с.58) и биконические (Немеров В.Ф., 1982, с.170) формы. С изменением размеров наконечников стрел менялись и размеры свистунков. Бочкообразные имели высоту 15-34 мм и диаметр 10-22 мм (Асеев И.В., 1980, с.98, 99, табл.XXXI, 11), цилиндрические – высоту 20-100 мм и диаметр 20-40 мм (Деревянко Е.И., 1987, с.58), биконические – высоту 20-75 мм и диаметр 12-31 мм (Немеров В.Ф., 1982, с.171, табл.1, 8, 9).

В верхней части, обращенной к наконечнику, свистунки имели круглые (Вайнштейн С.И., 1970, с.17; Дьяконова В.П., 1970, табл.I, 41-45), квадратные (Гаврилова А.А., 1965, рис.13, *10, 11*) и эллипсовидные (Немеров В.Ф., 1982, с.170) отверстия. Количество отверстий колебалось от одного до трех. Квадратные и эллипсовидные отверстия – двойные (Асеев И.В. и др., 1984, табл.XXXVI, 7-10; Немеров В.Ф., 1982, с.170), они делались перпендикулярно или под углом к вертикальной оси свистунка. Длина квадратного или эллипсовидного отверстия – 6-12 мм, ширина – 2-3 мм. Диаметр круглых отверстий – 2-4 мм.

Известны случаи, когда свистунки и наконечники стрел изготавливались монолитно из одного куска кости (Асеев И.В., 1975, с.222; Ковычев Е.В., 1981, табл.2, *21*), железа (Кызласов И.Л., 1983, табл.XIX, 1, 2; Медведев А.Ф., 1966, с.60) или дерева (Дьяконова В.П., 1970, табл.III, 31-33; Кызласов Л.Р., 1979, с.90).

Некоторые сохранившиеся наконечники с частично разбитыми или лопнувшими свистунками (Медведев А.Ф., 1966б, рис.3, *11;* Дьяконова В.П., 1970, табл.I, 51, 53) показывают, что данные свистунки жестко насаживались на черешок между наконечником и древком стрелы. В момент попадания стрелы в цель свистунок от удара деформировался и лопался. Во избежание жесткого крепления свистунка между наконечником и древком подматывалась амортизирующая обмотка. Вращательное движение стреле придает оперение, прикрепленное на древке специальным способом (о чем будет сказано ниже), т.е. оперение спускается до выреза на пятке стрелы и слегка загибается дугой влево или вправо. Поэтому стрела могла вращаться только при наличии специального оперения определенной формы и круглого, трех- или четырехгранного наконечника небольшого размера и веса. Во всех остальных случаях, особенно когда размеры железных наконечников по ширине достигали 50 мм

и выше, вращательный полет стрелы был исключен.

Пронзительный звук свистунок издавал за счет скорости полета и своей конструкции. Свист психологически воздействовал на противника, а его лошади в бою становились неуправляемыми (Худяков Ю.С., 1986, с.150). Свистунки могли использоваться для сигнальных стрел, указывающих направление стрельбы (Худяков Ю.С., 1986, с.42, 43). В XVI-XVII вв. у селькупов для поражения летящей утки первоначально выпускалась "свистящая" стрела (куваль-тище). Она издавала в полете звук, похожий на свист ястреба. Утка приводнялась и тогда уже по ней стреляли "утиной" стрелой (Гемуев И.Н., Соловьев А.И., 1984, с.42).

Встречаются заготовки, точно копирующие форму свистунков. Но они не имеют боковых отверстий, как у завершенных экземпляров. Вероятно, это незаконченные свистунки или изделия, выполняющие функции соединительных муфт наконечника и древка (Асеев И.В. и др., 1984, табл.XII, 3, 4; Худяков Ю.С., 1986, с.150) или утяжелителя стрелы. Так, в селькупской традиции находим сообщение, что зачастую для увеличения дальности полета стрелы и ее проникающей способности на древки надевали специальные муфты-утяжелители. Вариант такого утяжелителя из железа известен на экземпляре охэ (наконечник ромбического сечения), найденном в районе Обь-Енисейского канала. Аналогичную конструкцию имеет наконечник из курганного могильника Ямки. По-видимому, в этом качестве мог выступать и один из костяных цилиндриков, обнаруженный в Кыштовском могильнике (Молодин В.И., 1979, с.105). Утяжелители, изготовленные из кости и раскрашенные горизонтальными полосками, обнаружены при раскопках Мангазеи (Белов М.И. и др., 1979, с.76, 77).

По мнению медиков-хирургов, у свистунка была еще одна функция. При ранении стрелой он, на наш взгляд, выполнял роль расширителя, активно ускоряющего потерю крови раненых.

Оперение. Оперение придавало стреле устойчивость в полете и возможность вести прицельную стрельбу. В молении Даниила Заточника (XII в.) красноречиво сказано: "Не оперив стрелы, прямо не стрелити" (Медведев А.Ф., 1966а, с.50).

Использовали перья определенных видов птиц. В основном, это были птицы, характерные для данного географического района. Но тогда, когда был выбор, чаще всего использовались перья орлов и в несколько меньшей степени – коршунов, ястребов, филинов, журавлей, лебедей. В одних культурах предпочитали маховые перья и так, чтобы на одной стреле были одинаковой твердости перья и обязательно с одного крыла. При этом, в любом случае, только шесть перьев (маховые) крыла были пригодны для оперения стрел (Соловьев А.И., 1987, с.30). Другие предпочитали оперять стрелы из хвостовых перьев птиц, объясняя это тем, что последние более жесткие и не так намокают (Руденко С.И., 1962, с.25; Гемуев И.Н., Соловьев А.И., 1984, с.41; Соловьев А.И., 1987, с.31). Отказ одного из хуннских шаньюев (Учжулю-жоди) уступить Китаю определенный участок земли мотивировался тем, что "на этом клине растет очень хороший лес, годный на древки стрел, и водятся орлы, коих перья употребляются на опушку стрел" (Руденко С.И., 1962, с.25-26). Многие народы специально выращивали орлов для этих целей, так как их перья были довольно ходовым видом купли-продажи. Продавались и сами птицы.

Изготовление оперения начиналось с того, что с целого пера сдиралось опахало вместе с тонкой полоской наружного слоя стержня. Полученные половинки намазывались клеем и наклеивались на древко, отступая от торца на 2-4,5 см. Изгиб перьев при этом должен быть направлен в одну сторону. Многие изготовители стрел начало оперения на древке дополнительно крепили сухожилиями, конским волосом, кожаными полосками, растительными нитками. Стрелы эпохи мезолита оперялись целыми перьями, которые привязывались к древку с помощью растительных нитей и клеились древесным клеем (Ошибкина С.В., 1989, с.37).

Оперение делалось двух-, трех- и четырехрядным. Персы в средние века называли перья (оперение) предвестниками смерти и считали, что 4 предвестника лучше, чем 3, но хорасанцы, славившиеся на арабском Востоке своей искусной стрельбой, употребляли трехрядное оперение, что не вредило их славе (Arab Archery, 1945, p.110-112). Длина оперения определялась весом и размером древка стрелы и равнялась от 12 до 25 см, с преобладанием перьев длиной в 12-15 см. Соотношение длины оперения к длине стрелы составляло от 1:3 до 1:7. Однако опытные стрелки делали оперение длиной 6-10 см. Ширина флажков оперения колебалась от 0,7 см до 2 см, но в большинстве случаев она равнялась 1 см (Руденко С.И., 1962, с.25; Медведев А.Ф., 1966а, с.51). Форму оперения стрелы придавали путем обрезания пера, и оно имело вид ласточкина хвоста, овала, треугольника, ромба, эллипса или капли.

"В арабских наставлениях рекомендуется стрелой, оперенной с левого крыла, целиться в правую сторону цели и наоборот (Arab Archery, 1945, p.53-54). Это наблюдение средневековых лучников, полученное большим опытом, способствовало бо-

лее точной стрельбе, так как в полете стрела с загнутыми лопастями оперения могла, вращаясь, отклоняться, хотя и незначительно, но именно в ту сторону, куда направлен изгиб пера. Подмечено, что, чем ближе оперение к вырезке для тетивы, тем стрела точнее в полете, чем дальше – тем она быстрее. Естественно, лучники отдавали предпочтение точности стрельбы" (Медведев А.Ф., 1966а, с.51).

Оперение у североазиатских стрел плотно прилегает к древку или, наоборот, соединено с ним очень непрочно своими концами. Плотное соединение достигается приклеиванием, обвязыванием или прибивкой пера; неплотное – защемлением концов пера в щели древка или легкой обмоткой его концов.

Интересную информацию об оперении стрел азиатских и северных народов в кон.XIX – нач.XX в. находим у Б.Ф.Адлера.

– Стрела без оперения, но на нижнем конце стрелы есть подражание перу, нарисованное краской.

– Оперение из 2 перьев, привязанных параллельно древку (айны, остяки).

– Оперение из 2 привязанных и наполовину защемленных по дужке перьев (айны).

– 2-3 пера, у которых бородка до половины отрезана (алеуты, эскимосы).

– 2-3 пера, расположенные по дужке (коряки, эскимосы, алеуты, индейцы Сев.Америки).

– Конец пера зажимается в щель в древке (чукчи, эскимосы).

– Оперение из замшевой кожи, прибитой к древку (южносибирская форма).

– Древко расщеплено, в расщеп проткнуто перо или кусочек замши (киргизы, гиляки Сахалина).

– Оперение плотно приклеено; обычное число перьев – 3 (монгольские, тюркские и тунгусские племена Северной Азии от Урала до центральных областей Русской Америки) (Адлер Б.Ф., 1903, с.186-187).

Для стрел с крупными наконечниками оперение, очевидно, делалось 3-4 рядное и длина его достигала 25-30 см.

Ушки. Еще одним важным конструктивным элементом стрелы является ушко. При изготовлении древка один из его концов немного расширялся, приобретая грушевидную форму для производства зарубки, необходимой при фиксации стрелы на тетиве лука.

Ушки были цельными и составными (костяные яблочки и втоки). Втоки – это тонкие, вогнутые с одной стороны костяные пластинки. По способу крепления на древке различают втоки двух типов. I тип – присоединяется к древку следующим образом: втоки приклеивались к концу древка с двух сторон и крепко обматывались. Такие втоки найдены в ряде памятников срубной культуры эпохи бронзы (Синицын И.В., 1959, с.74-76; Скарбовенко В.А., 1981, с.15). Аналогии срубным втокам не прослежены в культурах более позднего времени. II тип представляет собой пластинки, которые при совмещении образовывали костяное яблочко. Они крепились на древке, как черешковые наконечники. Концевые яблочки также представлены двумя типами, различающимися по способу крепления. I тип – конической формы стержень, округлый в сечении, заканчивающийся у основания выемкой и двумя шипами. II тип – округлый стержень, полый внутри, оканчивающийся глубоким овальным вырезом. Способ насада на древко – втулка.

Отдельно ушки, как правило, делались при изготовлении стрел из камыша, тростника или бамбука. К древку они крепились при помощи тканевой обмотки и клея. Если у ушка был черешок, то он обматывался тканью, смазывался клеем и внатяжку вставлялся в древко. Они, как правило, изготавливались из наиболее твердых пород деревьев, рога или кости (Синицын И.В., 1953, с.82, рис.35, *2*; Шаповалов Т.А., 1976, с.164, рис.7, *20*). Кроме того, ушки и втоки в некоторых культурах изготавливались из металла. Например, в Шанцуньлине (Китай, X в. до н.э.) найдены бронзовые короткие трубки с четырьмя небольшими выступами с внешней стороны закрытого конца (Комиссаров С.А., 1988, с.78).

Размеры выреза для тетивы на древке стрелы должны были четко соответствовать конструкции лука и диаметру тетивы, так как глубокое ушко могло тормозить полет стрелы, а при мелком – стрела не удерживалась на тетиве. Наличие ушка на стреле диктовалось способом стрельбы из лука. Обязательным наличие ушка было при стрельбе из лука первым, вторым, третьим и четвертым (монгольским) способом по Д.Н.Анучину (Анучин Д.Н., 1887, с.369-371). Для пятого "средиземноморского" способа ушко на стреле было не обязательным, поэтому практически все западноевропейские лучники пользовались стрелами без ушка (Синицын И.В., с.89, рис.25, *1*). На стрелах были только зарубки для фиксации стрелы на тетиве. Такие стрелы были, например, у английских лучников.

Древко – сучья различных деревьев.
Длина стрелы[1] 100-150 см, диаметр древка 10-20 мм*[2].
Наконечник – кость трубчатая*.
Первые палеолитические стрелы, вероятно, изготовлены путем обжига одного конца сучка или более ровной палки на костре, в результате чего конец древка получал конусообразную форму и твердость за счет затвердения оплывшей древесной смолы. Обратив внимание на неустойчивый полет стрелы и слабую убойную силу, человек стал применять древки с утолщенным верхним концом из деревьев более твердых пород, а позже и наконечники, изготовленные из сколов трубчатых костей, в результате за счет смещения центра тяжести в сторону наконечника, увеличилась убойная сила стрелы*.
Оперение отсутствовало. Наконечник крепился к древку при помощи древесного клея и растительного волокна.

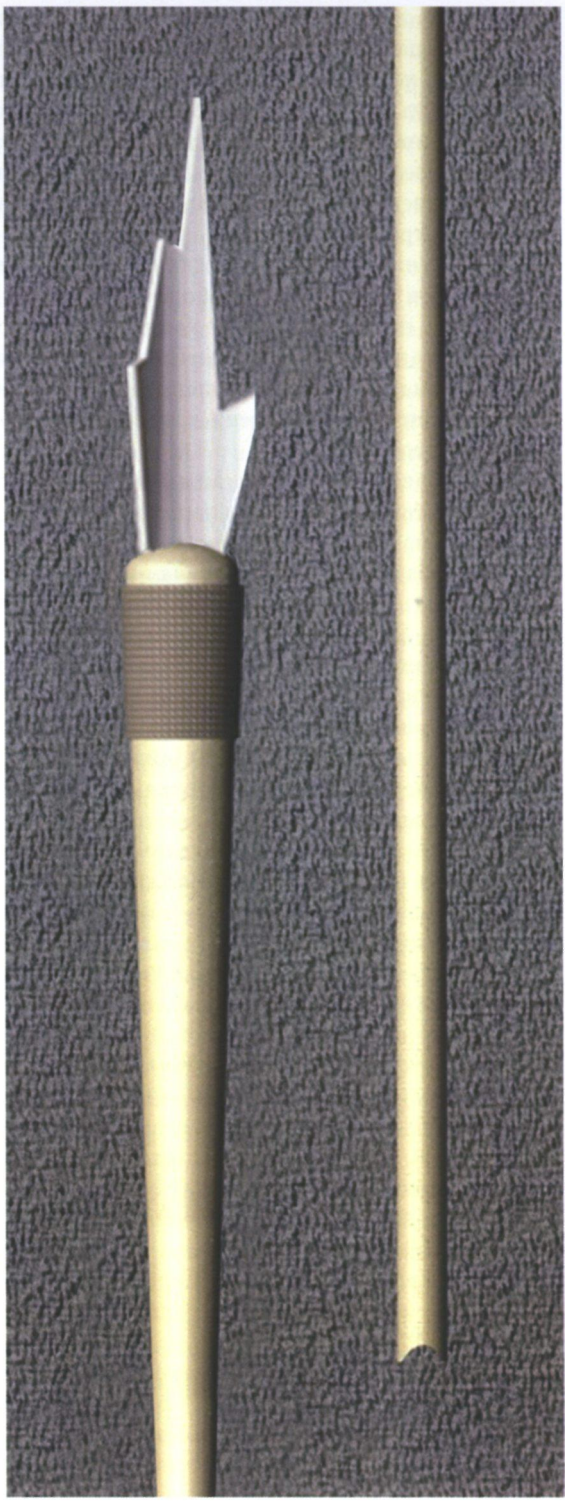

Рис. 1. Поздний палеолит.
Fig. 1. Late Paleolithic period.
Abb. 1. Späte Altsteinzeit.
Dess. 1. Paléolythe tardif

[1] Длина стрелы и длина древка – разные величины, использовавшиеся автором реконструкций в зависимости от имеющихся источниковых данных.

[2] Здесь и далее звездочками отмечены авторские реконструкции.

Древко – береза, сосна, ель, тополь.
Длина древка 100-150 см*, диаметр 10-15 мм*.
Наконечник кремневый 63х18 мм, вероятно, крепился растительным волокном и клеем, полученным от деревьев (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984, с.180, рис.82, *9, 10*).
Оперение отсутствовало, поскольку стрельба велась с небольшого расстояния из-за незначительной упругости лука (сук)*.

Рис. 2. Поздний палеолит. Сунгирь. Костенковско-стрелецкая культура.
Fig. 2. Late Paleolithic period. Sunguir. Kostenkovsko-strelets culture.
Abb. 2. Späte Altsteinzeit. Sungir. Kostenkower Schützenkultur.
Dess. 2. Paléolythe tardif. Sungir. Culture kostenkovsko-strelezkaâ

Древко – береза, сосна, ель.
Длина древка – 58 см, диаметр – 10 мм внизу (Ошибкина С.В., 1989, с.36, 222, табл.15, *3*).
Древко стрелы завершалось раздвоенным концом, приспособленным для упора на тетиву (Ошибкина С.В., 1989, с.36).
Наконечник кремневый, постаренсбургского типа (Ошибкина С.В., 1989, с.219, табл.12, *2*) крепился к древку при помощи смолы и сухожилий* (Ошибкина С.В., 1989, с.219, табл.12, 2, с.37).
Оперение крепилось к древку при помощи смолы и сухожилий (Ошибкина С.В., 1989, с.36). Простейший способ крепления оперения состоял в присоединении к древку всего пера, "плашмя, как оно получается от птицы, так что оба опахала шли в дело" (Анучин Д.Н., 1887, с.378).
Длина оперения 10-20 см*, ширина пера 25-40 мм*.

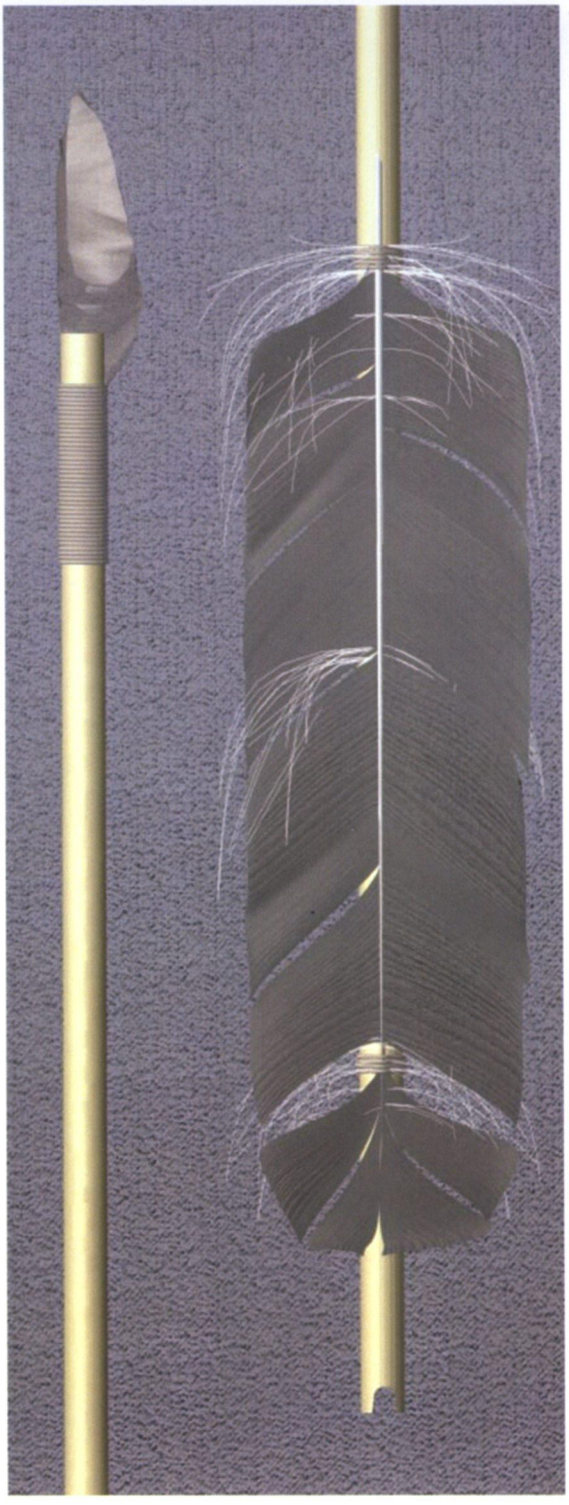

Рис. 3. Мезолит. Нижнее Веретье I. Прионежье.
Fig. 3. Mesolithic period. Nizhnee Veretye I. Onezhskoye Lake area.
Abb. 3. Mesolithikum. Nishneje Weretje I. Onegaseegebiet.
Dess. 3. Mésolythe. Nižneĕ Veretjĕ I. Le bord de l'Onega

Древко – береза, сосна, ель.
Длина древка – 65,5 см, диаметр 10 мм (Ошибкина С.В., 1989, с.36, табл.15, *2*).
Древко стрелы к основанию завершалось раздвоенным концом, приспособленным для упора на тетиву (Ошибкина С.В., 1989, с.36).
Наконечник (кость с кремневым вкладышем) – вкладышевой формы (тип VI), вытянутой формы (Ошибкина С.В., 1989, с.36, табл.13, *13*, с.220).
Длина костяного наконечника 18 см.
Оперение крепилось к древку при помощи смолы и сухожилий (Ошибкина С.В., 1989, с.37). Простейший способ крепления оперения состоял в присоединении *к древку всего пера, "плашмя, как оно получается от* птицы, так что оба опахала шли в дело" (Анучин Д.Н., 1887, с.378).
Длина оперения 10-20 см*, ширина пера 25-45 мм*.

Рис. 4. Мезолит. Нижнее Веретье I. Прионежье.
Fig. 4. Mesolithic period. Nizhnee Veretye I. Onezhskoye Lake area.
Abb. 4. Mesolithikum. Nishneje Weretje I. Onegaseegebiet.
Dess. 4. Mésolythe. Nižneĕ Veretjĕ I. Le bord de l'Onega

Длина древка – 65,5 см (Ошибкина С.В., 1989, табл.15, *2*, с.36), диаметр – 8 мм в нижней части и 17 мм у наконечника (Ошибкина С.В., 1989, табл.15, *2*).
Материал – ветки сосны (Ошибкина С.В., 1989, с.36).
Наконечник костяной, биконический, высотой 20 мм, диаметр – 18 мм, закреплен сухожилием и смолой (Ошибкина С.В., 1989, табл.13, *2*, с.36, 37) в 3-х местах*.
Оперение – цельное перо, прикрепленное к древку с помощью смолы и сухожилий*.
Размер пера – длина 10-15 см*, ширина пера – 20-40 мм*.

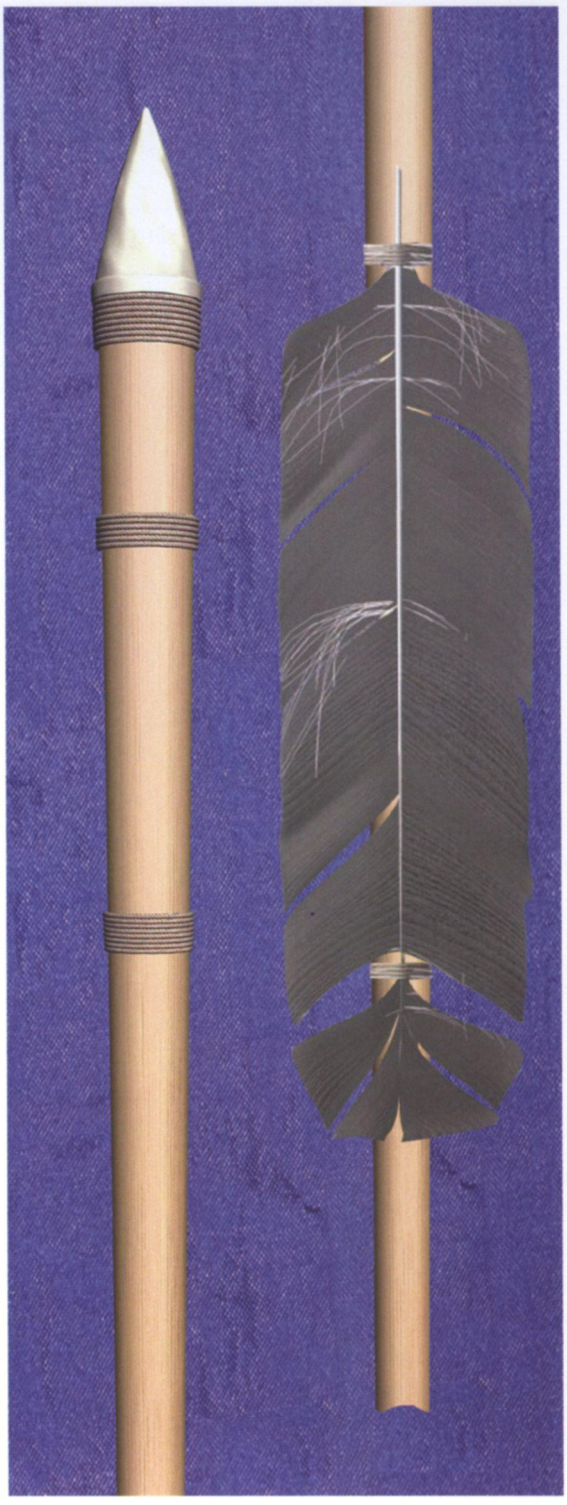

Рис. 5. Мезолит. Северо-Восток Евразии. Нижнее Веретье I.
Fig. 5. Mesolithic period. North-east of Eurasia. Nizhnee Veretye I.
Abb. 5. Mesolithikum. Nordosten Eurasiens. Nishneje Weretje I.
Dess. 5. Mésolythe. Nord-Est de l'Eurasis. Nižneě Veretjě I

Древко – береза, сосна, ель.
Длина стрелы 67 см, диаметр 7 мм (Шишлина Н.И., 1990, с.32-34; Братченко С.Н., 1989, с.78).
Наконечник – кремневый (Березанская С.С., Цвек Е.В., Клочко В.И., Ляшко С.Н., 1994, с.28-34, рис.13; Синицын И.В., 1959, с.187; Шишлина Н.И., 1990, с.29-30; Братченко С.Н., 1989, с.77-78).
Наконечник и оперение крепились на древке сухожилиями или растительными нитями на клею.
Форма оперения – овальное, длина 10-12 см*, ширина флажка 10-15 см*.
Ушко – костяной вток, тип I, орнаментировано (Шишлина Н.И., 1990, с.31, рис.IV, А).
Вток приклеивался к концу древка с двух сторон и крепко обматывался сухожилием или растительной нитью на клею (Шишлина Н.И., 1990, с.32).
Аналоги срубным втокам в культурах более позднего времени не зафиксированы (Шишлина Н.И., 1990, с.32).

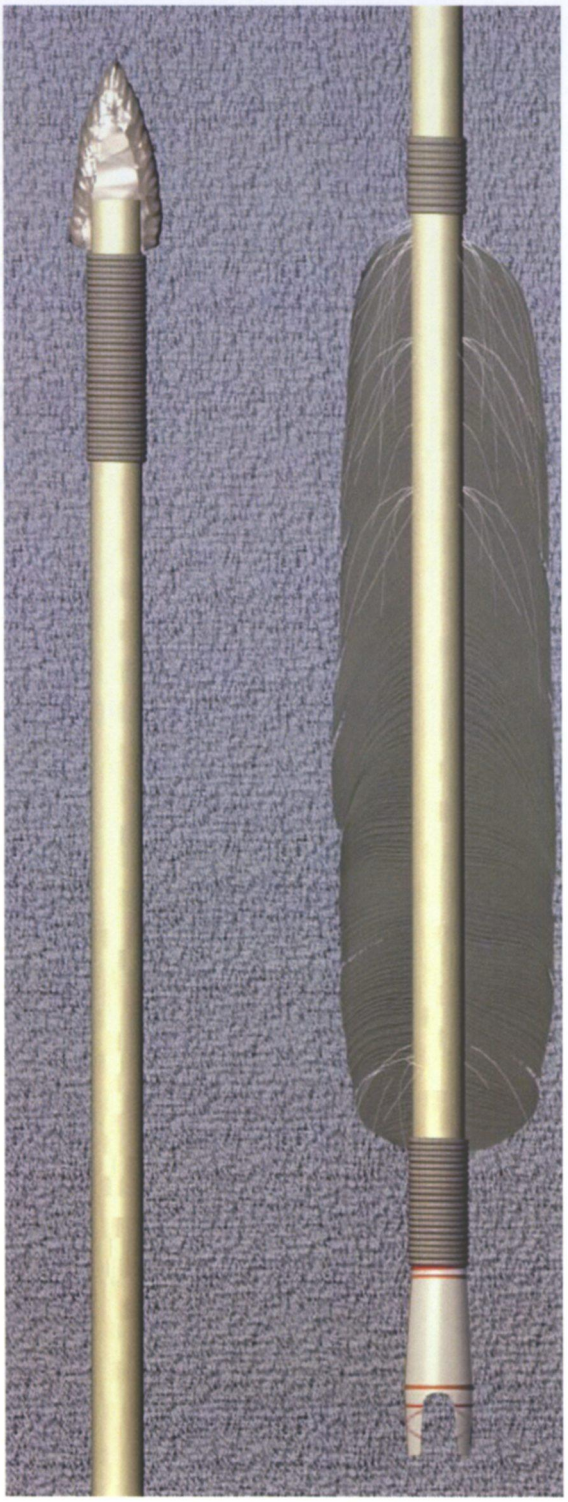

Рис. 6. Срубная культура. XVI – сер.XII в. до н.э.
Fig. 6. Timber grave culture. XVI c. – middle XII c. B.C.
Abb. 6. Zimmerungsgrabkultur. 16. Jh. bis Mitte 12. Jh. v. Chr.
Dess. 6. La culture de rondins. XVI – moitié du XII siècle avant J-Ch.

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 60 см (Щепинский А.А., 1962, с.57; Тереножкин А.И., 1976, с.45), диаметр древка 5 мм (реконструкция по диаметру втулки наконечника)*.
Наконечник бронзовый, длина – 4,2 см (2-х лопастной) "новочеркасского" типа (Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.49, рис.9, *9-43*, Іллінська В.А., 1973, с.24-26, рис.8).
Обмотка у наконечника, оперения и втока была из сухожилий; в погребении у с.Квитка у наконечника сохранились остатки сухожилий (Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984, с.49, рис.9, *10, 23, 24, 25, 32*).
Вероятно, ушко киммерийской стрелы имело форму и раскрас втока облика срубного периода (Шишлина Н.И., 1990, с.31-32).
Длина оперения 7-8 см*, ширина флажка 10 мм (клинообразное, 3-х рядное)*.

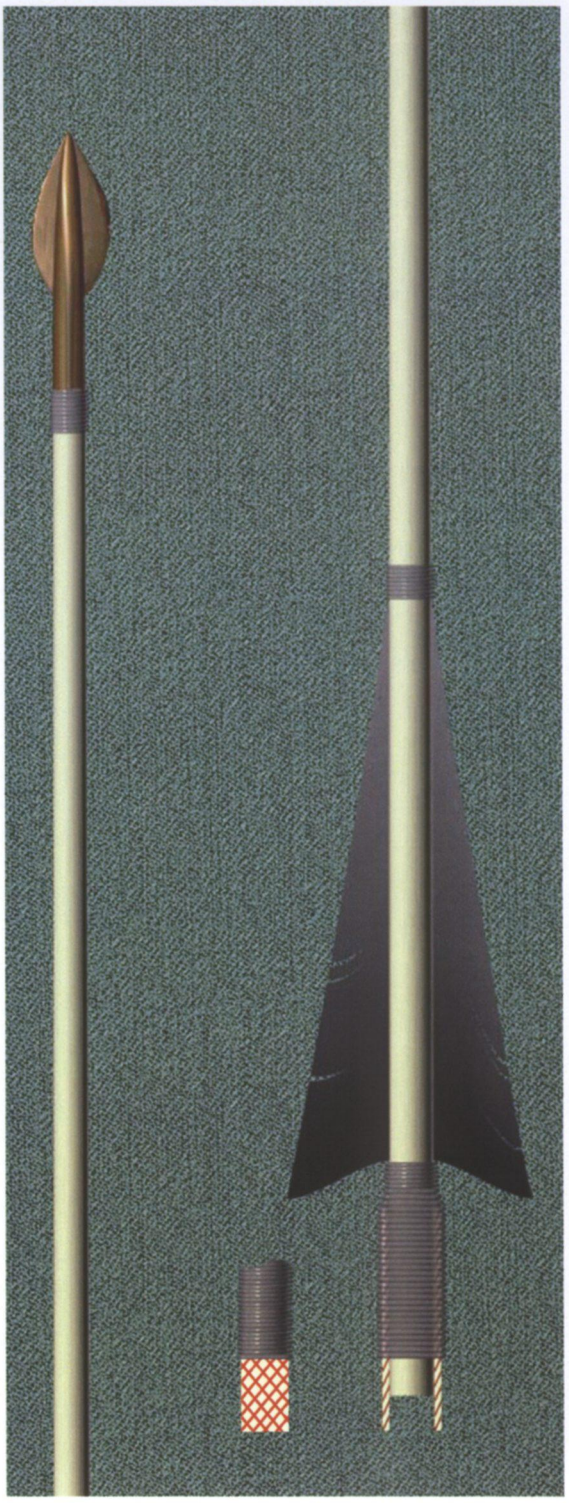

Рис. 7. Киммерийцы. Материалы погребений у с.Зольное, к.10 (Крым) и с.Квитки, Черкасской обл., Украина.

Fig. 7. Cimmerians. Interment material: at the village of Zolnoye, burial mound 10 (the Crimea) and the village of Kvitki, Cherkassy province, Ukraine.

Abb. 7. Kimmerer. Materialien der Bestattungen am Dorf Solnoje, Kurgan 10, die Krim und am Dorf Kwitki, Gebiet Tscherkassy, Ukraine.

Dess. 7. Cimmériens.Objets des tombeaux près du village Zolnoě, tumulus 10 (Crimée) et du village Kvitky, oblast de Čerkasy, Ukraine

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина 60 см (Смирнов К.Ф., 1961, с.32), диаметр древка 5 мм.
Наконечник – бронзовый, 3-х лопастной, втульчатый (Смирнов К.Ф., 1961, с.112, рис.13, Д-1; Синицын И.В., 1959, с.197).
Оперение – 3-х рядное по аналогии с сарматским (Синицын И.В., 1960, с.103, 162), форма – ласточкин хвост, длина 7,5 см*, ширина флажка 10 мм*.
Раскрас древка – красный в нижней части стрелы (Смирнов К.Ф., 1961, с.32).

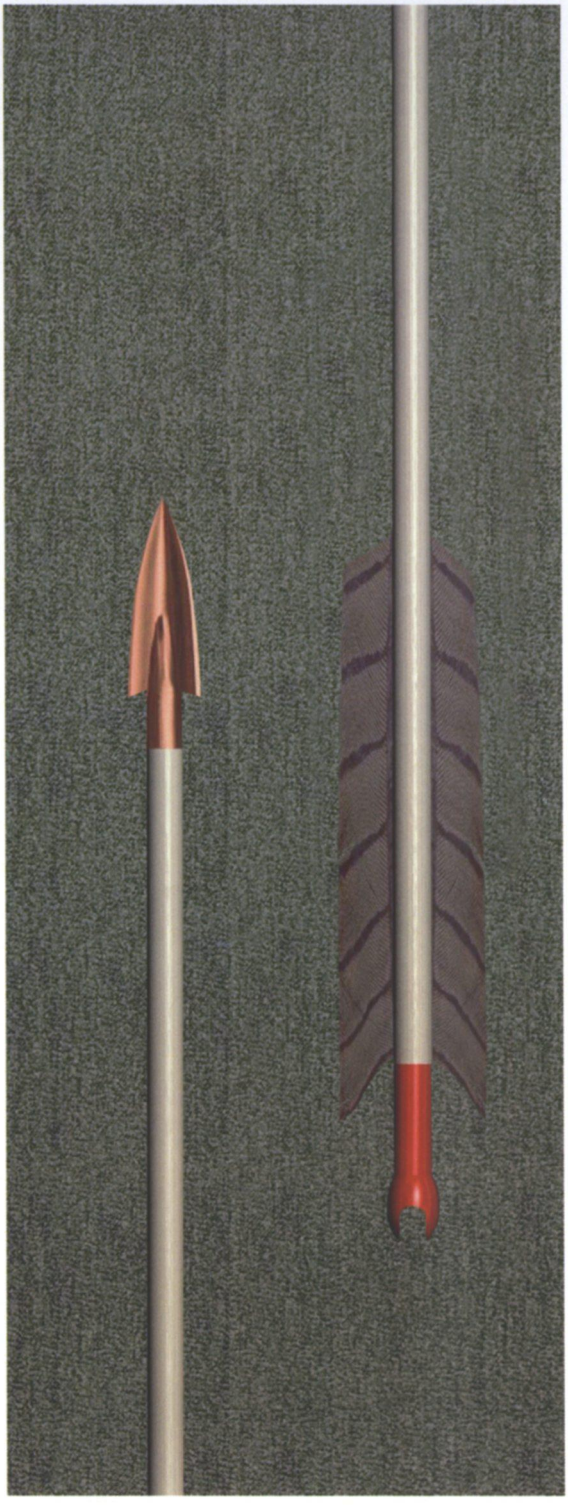

Рис. 8. Савроматы. VI в. до н.э. Нижнее Поволжье, Южный Урал.
Fig. 8. Savromatians. VI c. B.C. The lower Volga area, Southern Urals.
Abb. 8. Sauromaten. 6. Jh. v. Chr. Unterer Wolgaraum, Südural.
Dess. 8. Savromates. VI siècle avant J-Ch. Partie basse de la Volga, Ural du Sud

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина стрелы 60 см, диаметр древка 5 мм (Смирнов К.Ф., 1961, с.32).
Наконечник – бронзовый, 3-х лопастной, втульчатый (Смирнов К.Ф., 1961, с.112, рис.13, Д-1).
Оперение – 3-х рядное по аналогии с сарматским (Синицын И.В., 1960, 103, 162), форма – ласточкин хвост, длина 7,5 см*, ширина флажка 7 мм*.
Раскрас древка – белый в нижней части стрелы (Смирнов К.Ф., 1961, с.32).

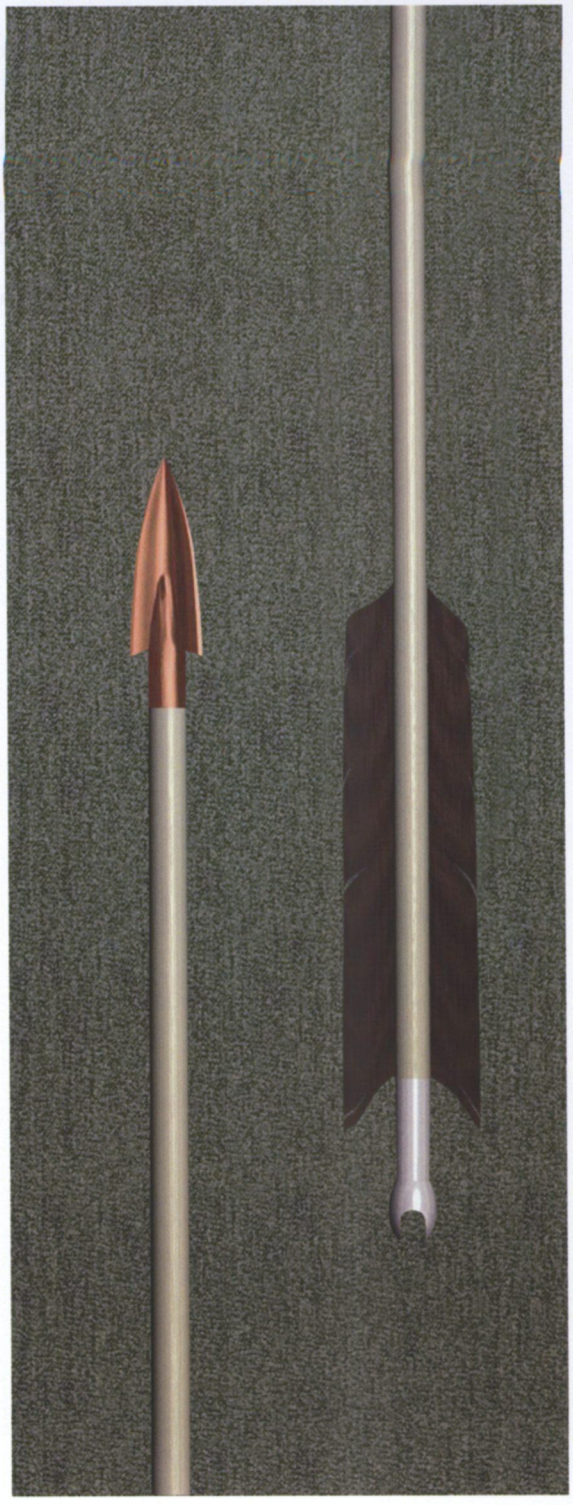

Рис. 9. Савроматы. VI в. до н.э. Нижнее Поволжье.
Fig. 9. Savromatians. VI c. B.C. The lower Volga area.
Abb. 9. Sauromaten. 6. Jh. v. Chr. Unterer Wolgaraum.
Dess. 9. Savromates. VI siècle avant J-Ch. Partie basse de la Volga

Древко – береза, сосна, ель.
Длина стрелы 43 см, диаметр 4-6 мм.
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный, со скрытой втулкой.
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина – 7 см*, ширина флажка – 10 мм*.
Раскрас (Бидзиля В.И. и др., 1977, с.143).
У ушка, в районе разреза для тетивы – ярко-красная полоса длиной 1,2 см;
у наконечника – черная полоса 1,3 см. Черная окраска у наконечника подчеркнута красной каемкой шириной 0,3 см с обеих сторон.

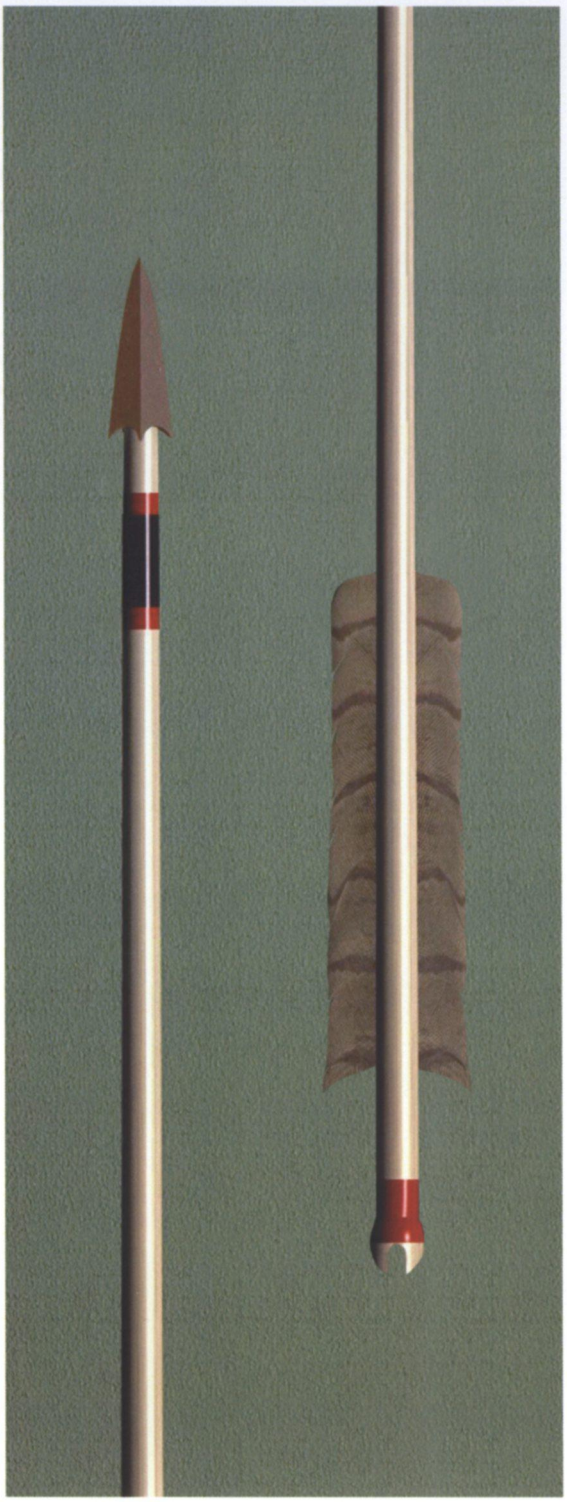

Рис. 10. Скифы. V-IV вв. до н.э. Курганный могильник Носаки, курган 12, гробница 2.
Fig. 10. Scythians. V-IVc. B.C. Mound burial Nosaki, burial mound 12, tombstone 2.
Abb. 10. Skythen. 5.-4. Jh. v. Chr. Kurgan-Grabstätten Nossaki, Kurgan 12, Grabmal 2.
Dess. 10. Scythes. V-IV siècles avant J-Ch . Tumulus Nosaki, tumulus 12, tombeau 2

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина стрелы 60 см (Граков Б.Н., 1971, с.91), диаметр древка 6 мм.
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный, со скрытой втулкой, отд.III, тип 9 (Мелюкова А.И., 1964, рис.1).
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина 7 см*, ширина флажка – 10 мм*.
Раскрас стрелы – красными и черными поясками друг под другом под наконечником (Мелюкова А.И., 1964, с.16; Граков Б.Н., 1971, с.91). Ушко окрашено красным цветом, а выше три красных полоски по древку*.

Рис. 11. Скифы. V-IV вв. до н.э.
Fig. 11. Scythians. V-IVc. B.C.
Abb. 11. Skythen. 5.-4. Jh. v. Chr.
Dess. 11. Scythes. V-IV siècles avant J-Ch.

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 60 см (Мелюкова А.И., 1980, с.92), диаметр древка у наконечника 0,2-0,4 см и 0,4-0,6 см у ушка (Бессонова С.С., 1973, с.246).
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный, со скрытой втулкой (Мелюкова А.И., 1964, рис.1).
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное, форма – ласточкин хвост, длина 7 см*, ширина флажка – 10 мм*.
Раскрас – черная полоска под наконечником (Граков Б.Н., 1971, с.91).

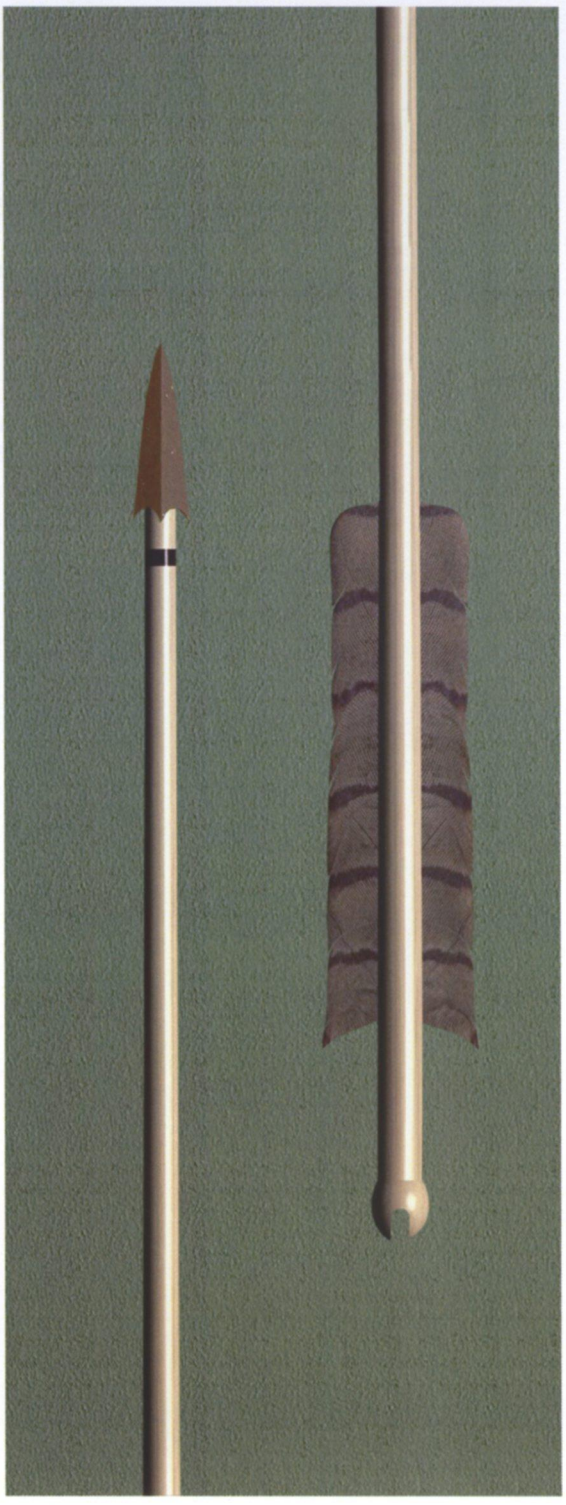

Рис. 12. Скифы. V-IV вв. до н.э.
Fig. 12. Scythians. V-IVc. B.C.
Abb. 12. Skythen. 5.-4. Jh. v. Chr.
Dess. 12. Scythes. V-IV siècles avant J-Ch.

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина древка – 50 см, диаметр древка 0,2-0,4 см у наконечника и 0,3-0,6 см у ушка (Бессонова С.С., 1973, с.246).
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина 7 см*, ширина флажка 10 мм*.
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный (Алексеев А.Ю., 1983, табл.1, *1*, с.73).
Раскрас – красный поясок у наконечника по образцу стрелы из кургана Толстая Могила (колчанный набор 4 центрального погребения) (Черненко Е.В., 1975, с.154) и из Чертомлыкского кургана (Алексеев А.Ю., 1983, с.75, 76).

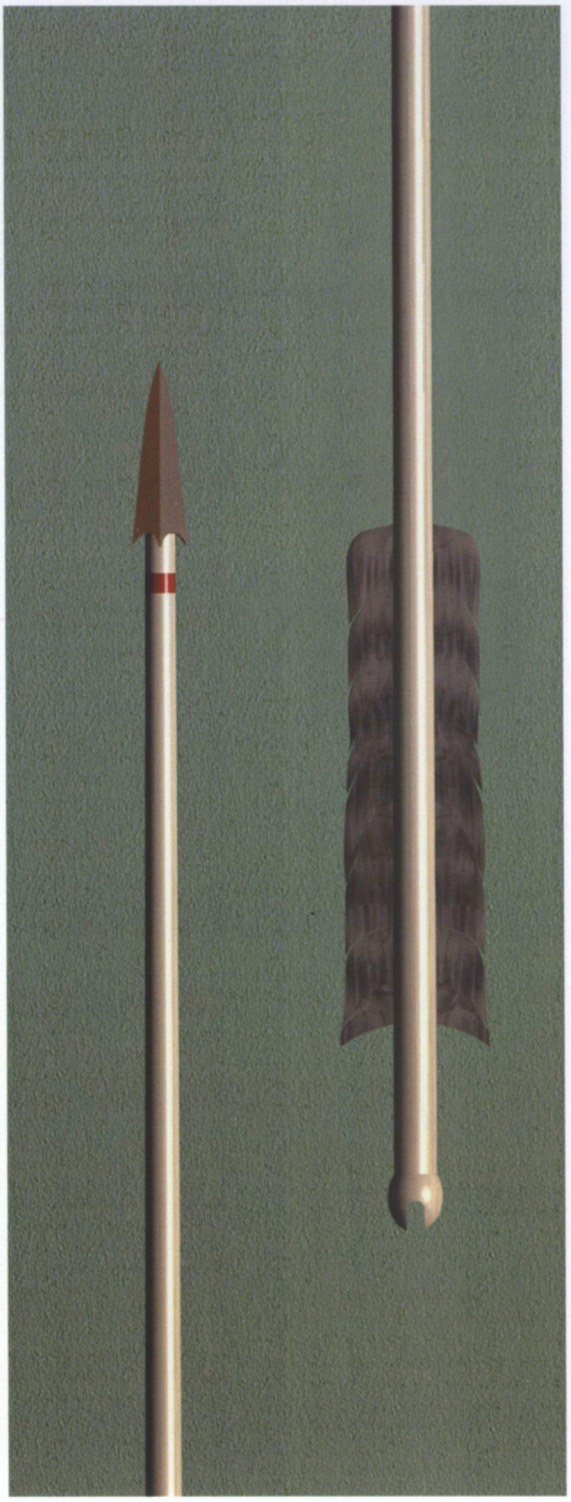

Рис. 13. Скифы. V-IV вв. до н.э.
Fig. 13. Scythians. V-IVc. B.C.
Abb. 13. Skythen. 5.-4. Jh. v. Chr.
Dess. 13. Scythes. V-IV siècles avant J-Ch.

Древко – береза, сосна.
Длина древка – 40-45 см, диаметр древка 0,3-0,6 см у основания, у наконечника до 0,2-0,4 см (Бессонова С.С., 1973, с.246).
Наконечник – бронзовый 3-х гранный, со скрытой втулкой, отдел III, тип.9 (Мелюкова А.И., 1964, рис.1).
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина – 7 см*, ширина флажка – 10 мм*.
Ушко – ширина выемки 2,5-3,5 мм.
Раскрас древка возле выемок желтый, с продольной черной полосой (Бессонова С.С., 1973, с.246-247, рис.2, *15-18*).

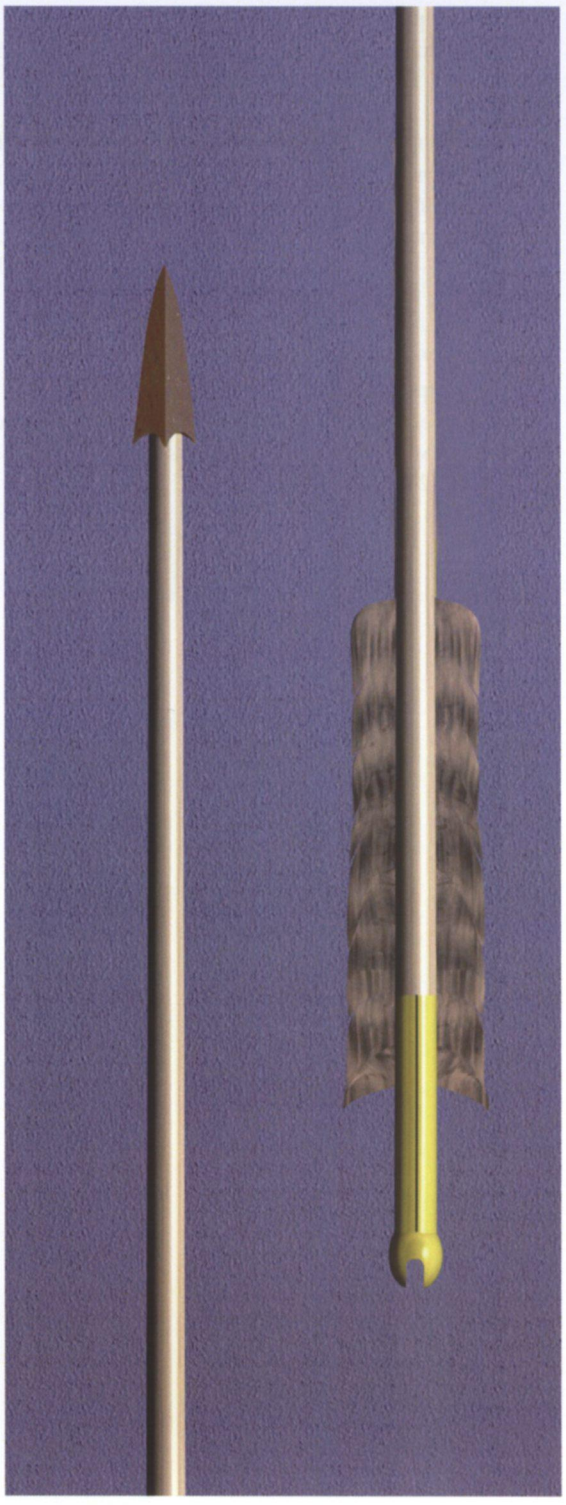

Рис. 14. Скифы. IV в. до н.э. Трехбратный курган. Керчь.
Fig. 14. Scythians. IV c. B.C.Trekhbratny burial mound. Kerch.
Abb. 14. Skythen. 4. Jh. v. Chr. Dreigräberkurgan. Kertsch.
Dess. 14. Scythes. IV siècle avant J-Ch. Tumulus de trois frères. Kerč.

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина древка – 40 см, диаметр древка у основания 0,3-0,6 см, у наконечника 0,2-0,4 мм (Бессонова С.С., 1973, с.246).
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный, со скрытой втулкой, отдел III, тип.9 (Мелюкова А.И., 1964, рис.1).
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина 7 см*, ширина флажка 10 мм*.
Ушко – ширина выемки 3,5 мм.
Раскрас древка: возле ушка красным, ушко раскрашено белыми и черными полосами (Бессонова С.С., 1973, с.246-247, рис.2, 15-18).

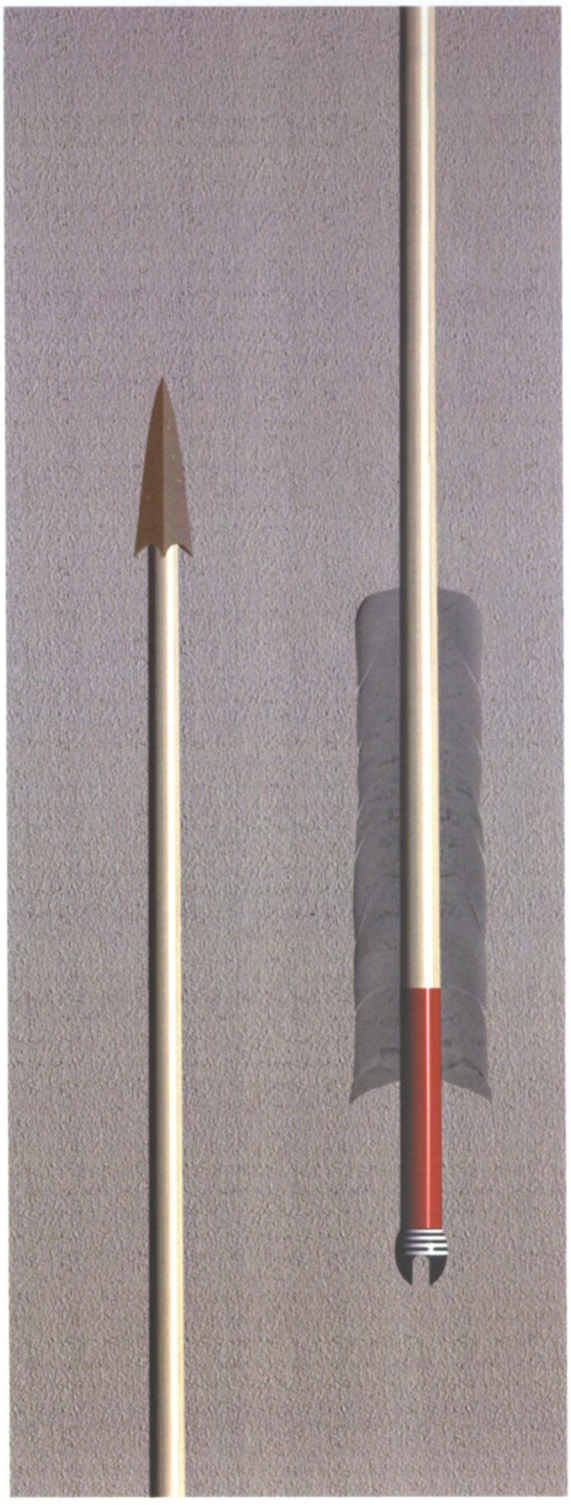

Рис. 15. Скифы. IV в. до н.э. Трехбратный курган. Керчь.
Fig. 15. Scythians. IV c. B.C. Trekhbratny burial mound. Kerch.
Abb. 15. Skythen. 4. Jh. v. Chr. Dreigräberkurgan. Kertsch.
Dess. 15. Scythes. IV siècle avant J-Ch. Tumulus Trehbratnyj (de trois frères). Kerč

Древко – береза, сосна.
Длина древка – 40 см, диаметр древка у основания 0,4-0,6 см, у наконечника 0,2-0,4 см (Бессонова С.С., 1973, с.246).
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный, со скрытой втулкой, 9 тип, III отдел (Мелюкова А.И., 1964, рис.1).
Ушко – ширина выемки 3,5 мм.
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина 7 см*, ширина флажка 10 мм*.
Ушко – ширина выемки 3,5 мм.
Раскрас древка возле ушка – красный, длина около 50 мм с продольной черной полосой (Бессонова С.С., 1973, с.246-247).

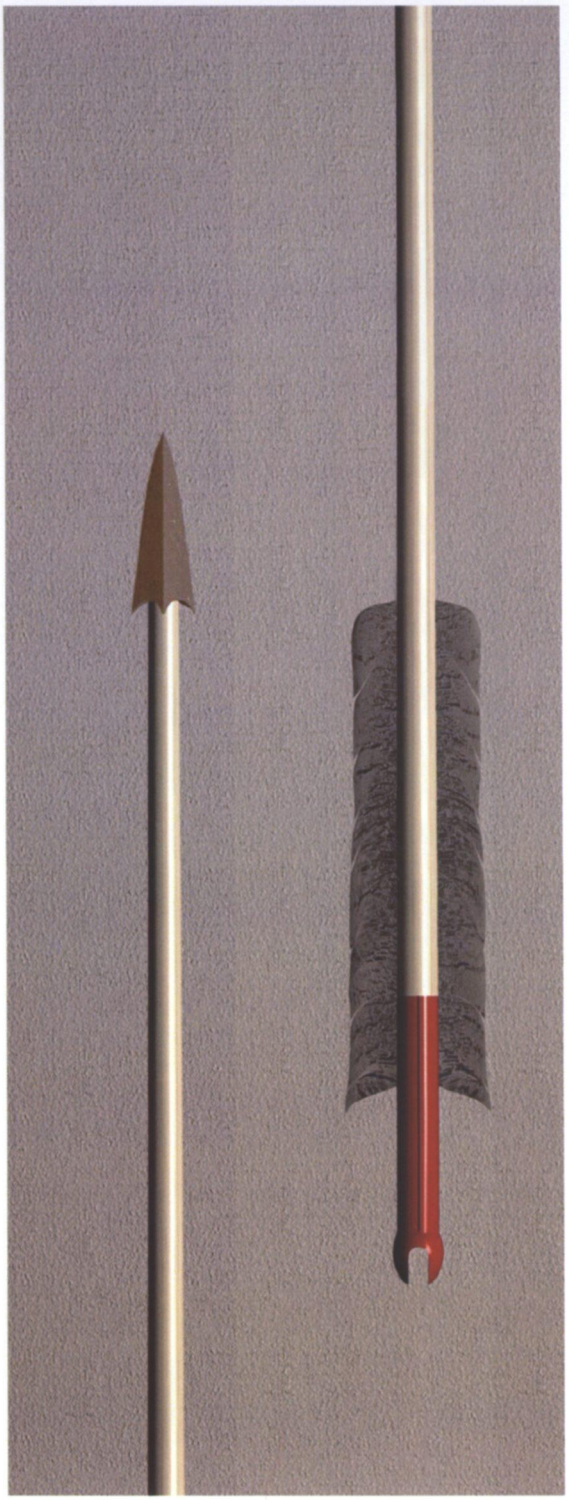

Рис. 16. Скифы. IV в. до н.э. Трехбратный курган. Керчь.
Fig. 16. Scythians. IV c. B.C. Trekhbratny burial mound. Kerch.
Abb. 16. Skythen. 4. Jh. v. Chr. Dreigräberkurgan. Kertsch.
Dess. 16. Scythes. IV siècle avant J-Ch. Tumulus Trehbratnyj (de trois frères). Kerč

Древко – береза, сосна.
Длина древка – 40 см, диаметр древка у основания 0,4-0,6 см, у наконечника 0,2-0,4 см (Бессонова С.С., 1973, с.246).
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный, со скрытой втулкой, отдел III, тип 9 (Мелюкова А.И., 1964, рис.1).
На наличие оперения указывает изображение скифских стрел на пантикапейских и фанагорийских монетах IV-III вв. до н.э. (Анохин В.А., 1986, табл.3, *110*; 4, *133, 145*; 5, *146, 147*).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина 7 см*, ширина флажка 10 мм*.
Ушко – ширина выемки 3,5 мм.
Раскрас древка – возле ушка красные, белые и черные пояски (Бессонова С.С., 1973, с.246-247).

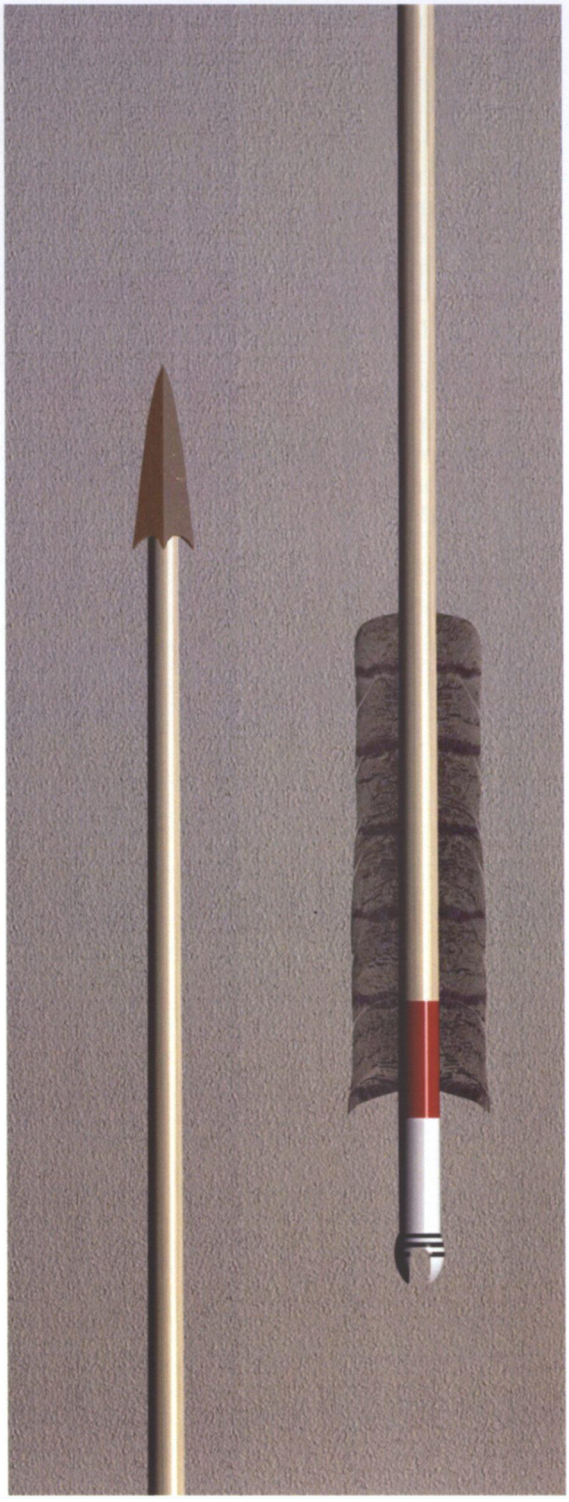

Рис. 17. Скифы. IV в. до н.э. Трехбратный курган. Керчь.
Fig. 17. Scythians. IV c. B.C. Trekhbratny burial mound. Kerch.
Abb. 17. Skythen. 4. Jh. v. Chr. Dreigräberkurgan. Kertsch.
Dess. 17 . Scythes. IV siècle avant J-Ch. Tumulus Trehbratnyj (de trois frères). Kerč

Древко – береза, сосна, ель.
Длина стрелы 80 см, диаметр древка 7 мм, незначительно уменьшается к наконечнику и расширяется к ушку до 9 мм (Руденко С.И., 1953, с.261).
Наконечник – бронзовый, 3-х гранный, пирамидальный, со скрытой втулкой*.
Оперение – 3-х рядное, длина 12 см*, ширина флажка – 10 мм*, форма – ласточкин хвост. Крепилось при помощи клея и сухожилия*.
Древко орнаментировано черной и красной красками (Руденко С.И., 1953, с.261, табл.LXXXV, 3).

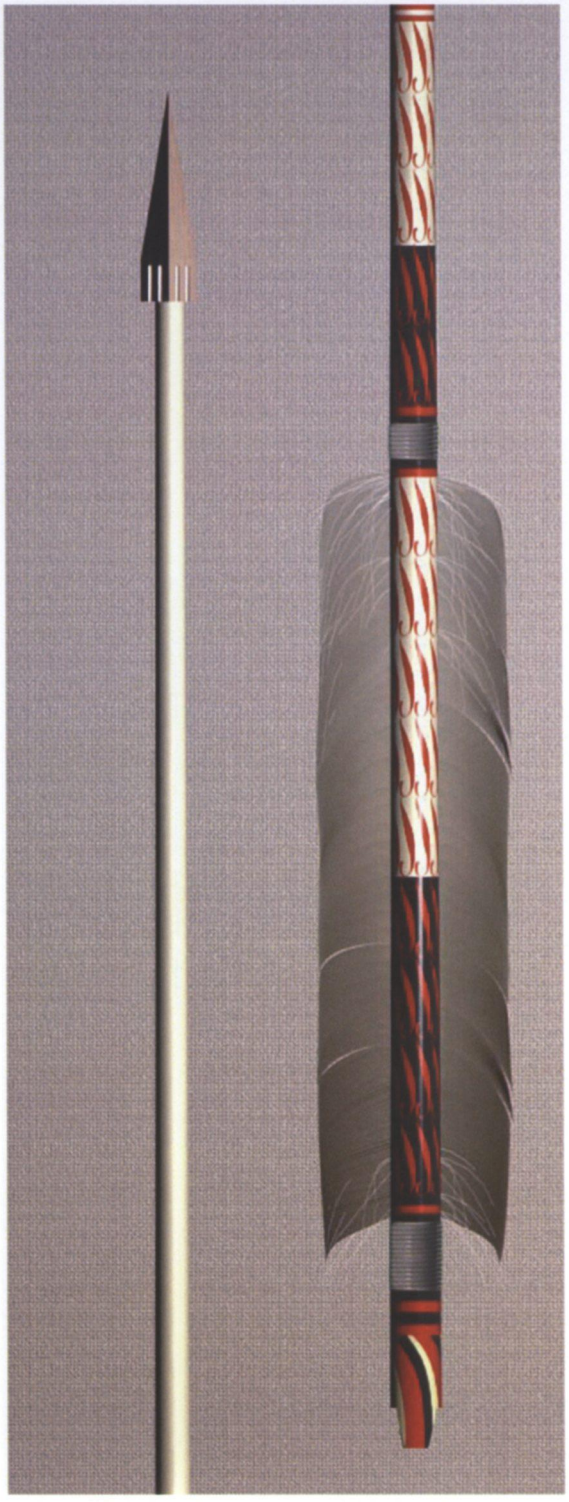

Рис. 18. Скифское время. Пазырыкская культура. Горный Алтай.
Fig. 18. Scythian time. Pazyryk culture. Altai highlands.
Abb. 18. Skythenzeit. Pasyryk-Kultur. Gebirgsaltai.
Dess. 18. Le temps des scythes. Culture Pazyryk. Altaj des montagnes

Древко – береза, сосна, ель.
Длина древка 75 см, диаметр 8 мм (Кубарев В.Д., 1987, с.69, 159).
Наконечник – костяной, 3-х гранный, втульчатый.
Оперение – 3-х лопастное*, длина 12 см*, ширина флажка 8-10 мм*, форма – ласточкин хвост.
Раскрас древка – красный, в нижней части – полосы черного цвета (Кубарев В.Д., 1987, с.69).

Рис. 19. Скифское время. Пазырыкская культура. Уландрык. Горный Алтай.
Fig. 19. Scythian time. Pazyryk culture. Ulandryk. Altai highlands.
Abb. 19. Skythenzeit. Pasyryk-Kultur. Ulandryk. Gebirgsaltai.
Dess. 19. Le temps des scythes. Culture Pazyryk. Ulandryk. Altaj des montagnes

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина стрелы 65 см, диаметр древка 5 мм (Мошкова М.Г., 1989, с.185).
Наконечник – железный, 3-х лопастной, черешковый (Хазанов А.М., 1971, с.38).
У наконечника древко обматывалось на клею растительной нитью или сухожилиями (Бернштам А.Н., 1952, с.307; Синицын И.В., 1960, с.161-162).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32), форма – ласточкин хвост, длина 8 см*, ширина флажка 10 мм*.
Перья прикреплялись кожицей в несколько оборотов (Мошкова М.Г., 1989, с.185).
Раскрас – красный цвет древка и оперения, преимущественно нижних концов (Мошкова М.Г., 1989, с.185).

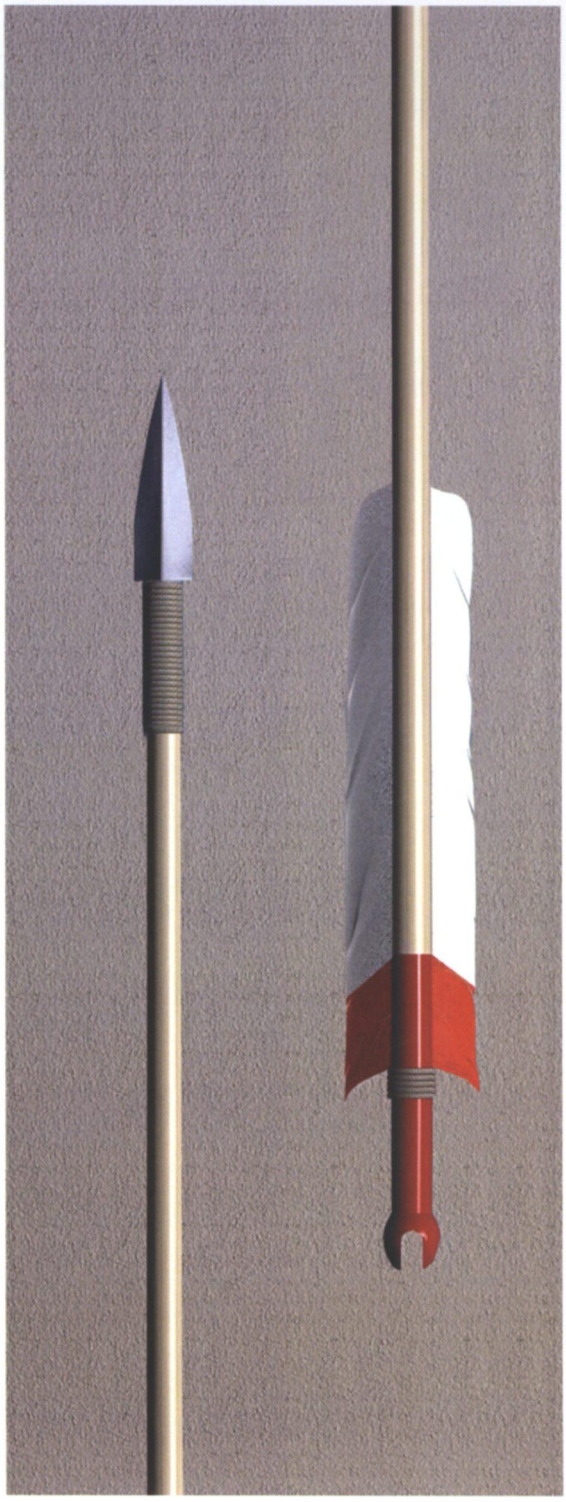

Рис. 20. Сарматы. II в. до н.э. – IV в. н.э. Нижнее Поволжье.
Fig. 20. Sarmatians. II c. B.C. – IV c. A.C. The lower Volga area.
Abb. 20. Sarmaten. 2. Jh. v. Chr. 4. Jh. n. Chr. Unterer Wolgaraum.
Dess. 20. Sarmates. II siècle avant J-Ch. Partie basse de la Volga

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина древка 50 см, диаметр 4-5 мм (Синицын И.В., 1960, с.32). У наконечника древко обматывалось на клею сухожилиями (Бернштам А.Н., 1952, с.307, рис.133; Синицын И.В., 1960, с.161-162).
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Синицын И.В., 1959, с.200; Синицын И.В., 1960, с.161-162).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32), форма – ласточкин хвост*, длина 8 см*, ширина флажка 10 мм*.
Перья прикреплялись кожицей в несколько оборотов (Синицын И.В., 1960, с.32; Хазанов А.М., 1971, с.42; Мошкова М.Г., 1989, с.185).
Раскрас древка темно-зеленый (Синицын И.В., 1960, с.103; Мошкова М.Г., 1989, с.185).

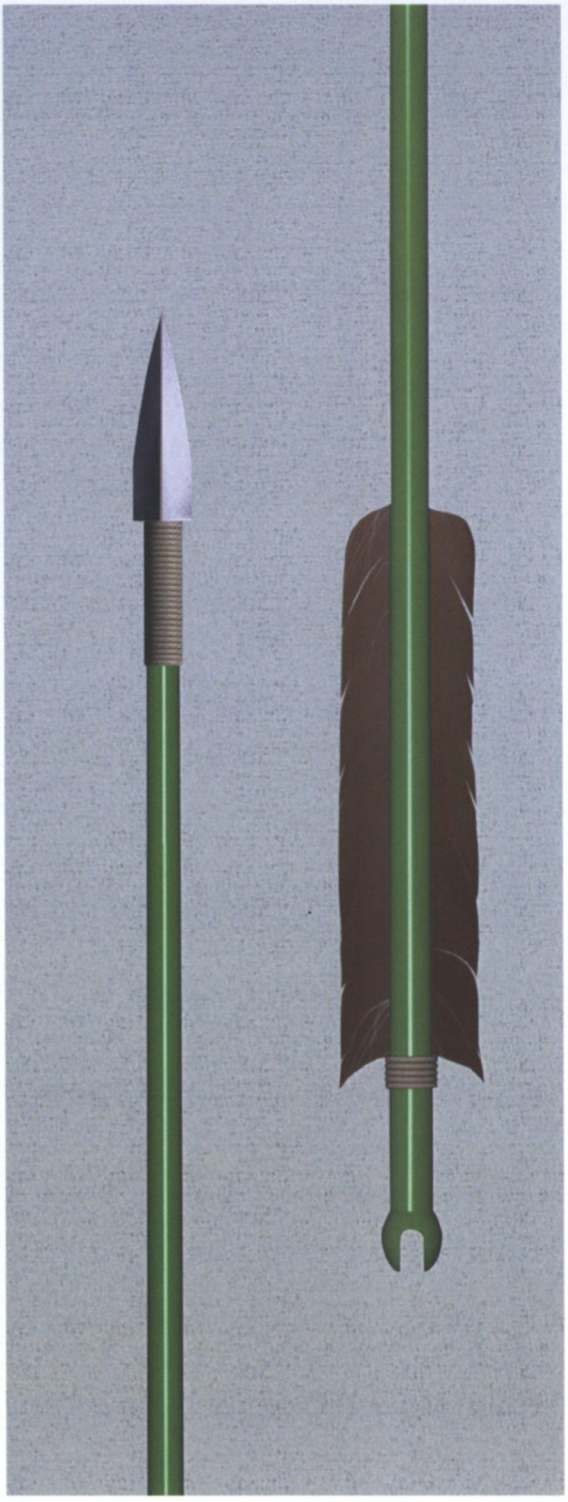

Рис. 21. Сарматы. I в. до н.э. – II в. н.э. Бережновка-II. Нижнее Поволжье.
Fig. 21. Sarmatians. I c. B.C. – II c. A.C. Berezhnovka-II settlement. The lower Volga area.
Abb. 21. Sarmaten. 1. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. Berezhnovka-II. Unterer Wolgaraum.
Dess. 21. Sarmates. I siècle avant J-Ch. – II siècle après J-Ch. Berežnovka-II. Partie basse de la Volga

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина стрелы 50 см, диаметр древка 5 мм (Синицын И.В., 1960, с.32).
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Синицын И.В., 1960, с.103).
У наконечника древко обматывалось на клею сухожилиями (Бернштам А.Н., 1952, с.307, рис.133).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32), форма – ласточкин хвост, длина 10 см*, ширина флажка 10 мм*.
Перья прикреплялись кожицей в несколько оборотов (Синицын И.В., 1960, с.32; Мошкова М.Г., 1989, с.185).
Раскрас древка – красный (Синицын И.В., 1960, с.161-162).

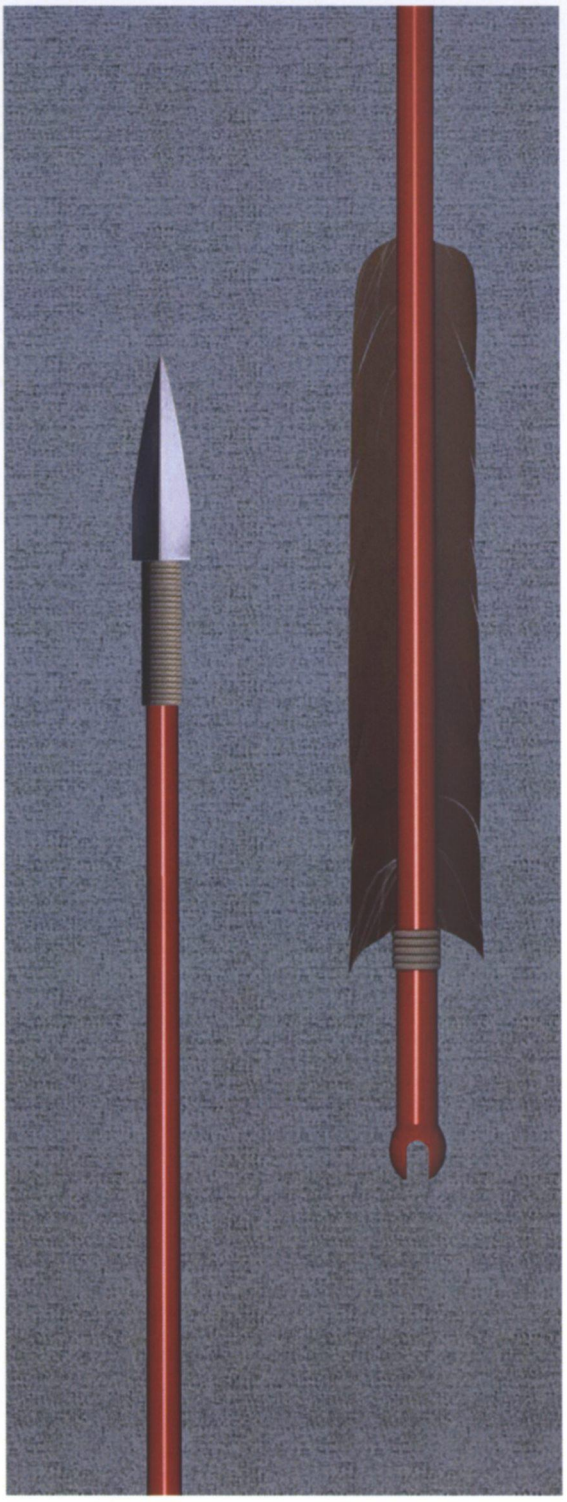

Рис. 22. Сарматы. I в. до н.э. – II в. н.э. Бережновка-II. Нижнее Поволжье.
Fig. 22. Sarmatians. I c. B.C. – II c. A.C. Berezhnovka-II settlement. The lower Volga area.
Abb. 22. Sarmaten. 1. Jh. v. Chr.- 2. Jh. n. Chr. Berezhnovka-II. Unterer Wolgaraum.
Dess. 22. Sarmates. I siècle avant J-Ch. – II siècle après J-Ch. Berežnovka-II. Partie basse de la Volga

Древко – береза, сосна, камыш.
Длина древка 50 см, диаметр 5 мм (Синицын И.В., 1960, с.32).
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Синицын И.В., 1959, с.200). Насаживался в расщепленный конец древка, который затем стягивался растительной нитью. Аналогичный способ скрепления наконечника прослежен А.Н.Бернштамом (Бернштам А.Н., 1952, с.307, рис.133).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32, 161-162), перья прикреплялись кожицей в несколько оборотов (Синицын И.В., 1960, с.161-162, Хазанов А.М., 1971, с.42), форма – ласточкин хвост, длина 9 см*, ширина флажка 10 мм (Синицын И.В., 1960, с.32, 161-162).
Раскрас древка – ярко-зеленый.

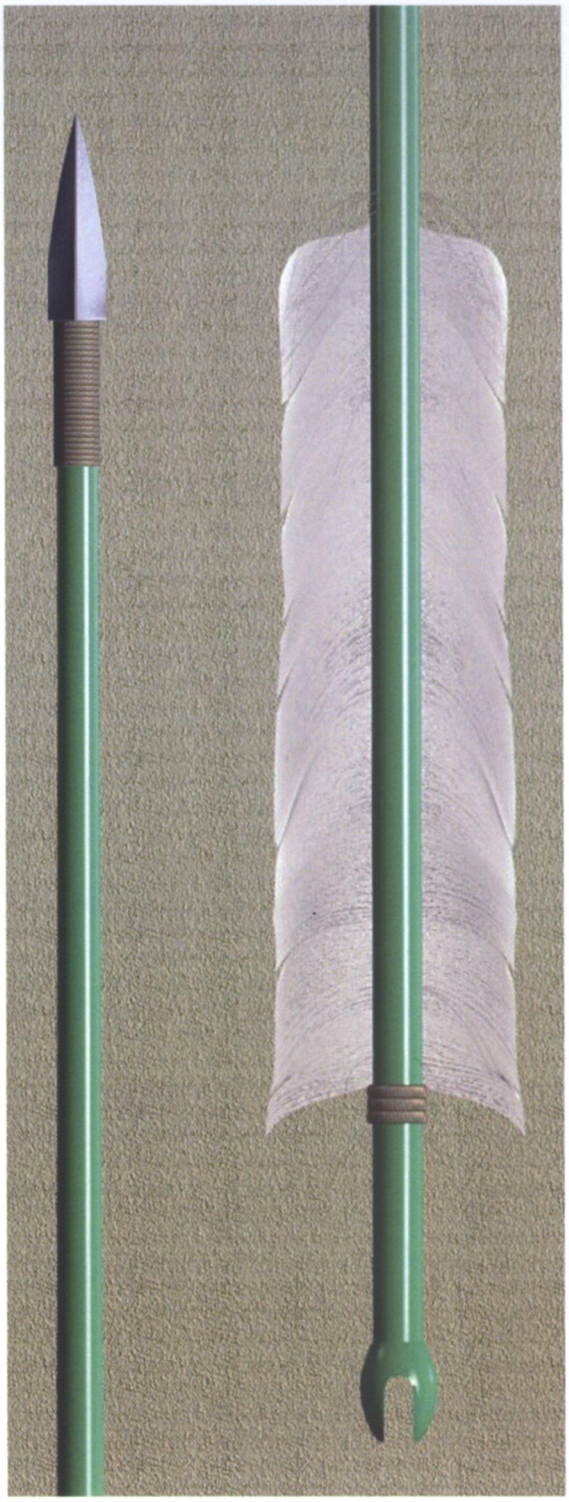

Рис. 23. Сарматы. I в. до н.э. – II в. н.э. Бережновка-II. Нижнее Поволжье.
Fig. 23. Sarmatians. I c. B.C. – II c. A.C. Berezhnovka-II settlement. The lower Volga area.
Abb. 23. Sarmaten. 1. Jh. v. Chr.- 2. Jh. n. Chr. Berezhnovka-II. Unterer Wolgaraum.
Dess. 23. Sarmates. I siècle avant J-Ch. – II siècle après J-Ch. Berežnovka-II. Partie basse de la Volga

Древко – береза.
Длина стрелы 50 см (Смирнов К.Ф., 1975, с.108; Рыков П., 1925, с.52), диаметр древка 5 мм.
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Хазанов А.М., 1971, с.36, Синицын И.В., 1959, с.117). Черешок наконечника стрелы вставлялся в расщеп древка, затем сверху древка производилась обмотка растительным волокном. Нити обмотки плотно прилегали друг к другу. Число витков достигало 25 (Рыков П., 1925, с.52; Бернштам А.Н., 1952, с.306).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32, рис.9, 4), форма оперения – ласточкин хвост, длина 8 см*, ширина флажка 10 мм*.
Вырез для тетивы прожигался шириной 4 мм, глубиной 6 мм.
Раскрас древка – розовые и черные полосы, ширина полос 6-18 мм (Рыков П., 1925, с.52), ширина раскраса 10 см (Рыков П., 1925, с.36).
Ушко окрашивалось в черный цвет.

Рис. 24. Сарматы. I-IV вв. Сусловский курганный могильник. Среднее Поволжье.
Fig. 24. Sarmatians. I-IV c. Suslovsky mound burial. The medium Volga area.
Abb. 24. Sarmaten. 1.-4. Jh. Suslover Kurgan-Grabstätte. Mittlerer Wolgaraum.
Dess. 24. Sarmates I-IV siècles. Tumulus de Suslov. La partie moyenne de la Volga

Древко – береза.
Длина стрелы 50 см, диаметр древка 5 мм (Рыков П., 1925, с.52).
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Хазанов А.М., 1971, с.36).
Черешок наконечника вставлялся в расщеп древка, затем сверху древка производилась обмотка растительным волокном. Нити обмотки плотно прилегали друг к другу. Число витков достигало 25 (Рыков П., 1925, с.52; Бернштам А.Н., 1952, с.306).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32, рис.9,4), форма – ласточкин хвост, длина 8 см*, ширина флажка 10 мм*.
Вырез для тетивы прожигался шириной 4 мм, глубиной 6 мм.
Раскрас древка – голубые и белые полосы, ширина полос 6-18 мм (Рыков П., 1925, с.52), ширина раскраса древка 10 см (Синицын И.В., 1959, с.197).
Ушко окрашивалось в черный цвет.

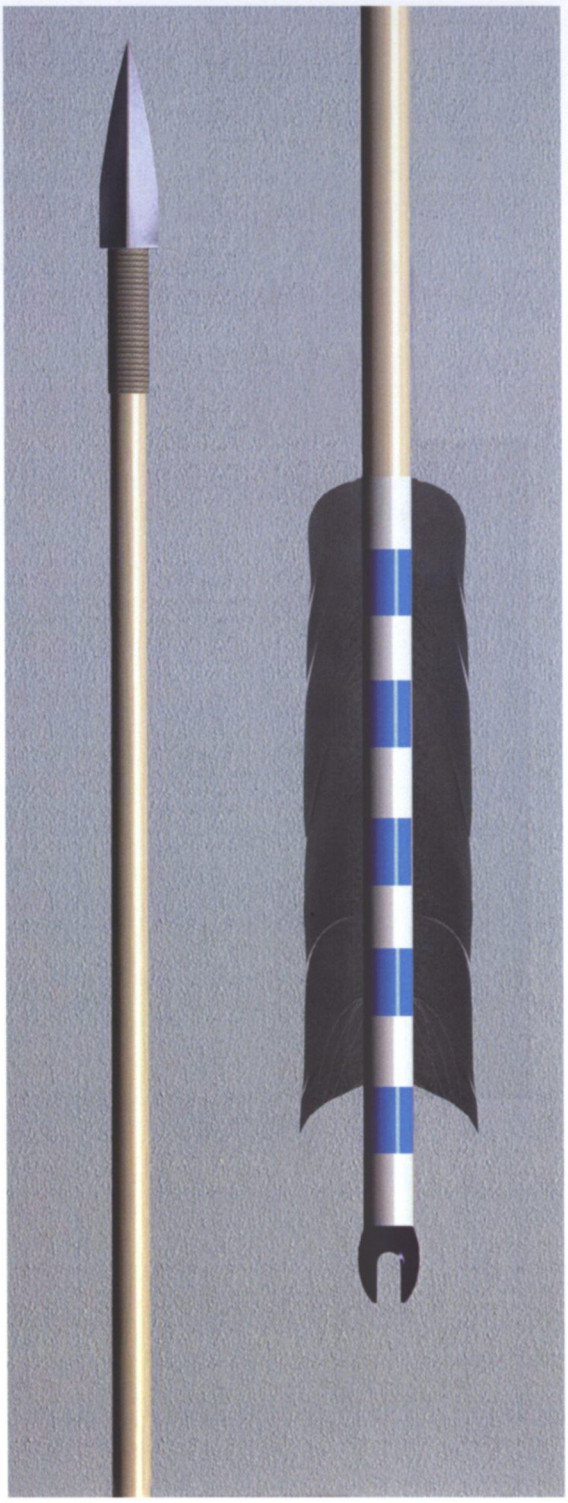

Рис. 25. Сарматы. I-IV вв. Сусловский курганный могильник. Среднее Поволжье.
Fig. 25. Sarmatians. I-IV c. Suslovsky mound burial. The medium Volga area.
Abb. 25. Sarmaten. 1.-4. Jh. Suslover Kurgan-Grabstätte. Mittlerer Wolgaraum.
Dess. 25. Sarmates I-IV siècles. Tumulus de Suslov. La partie moyenne de la Volga

Древко – береза.
Длина стрелы 50 см (Рыков П., 1925, с.52), диаметр древка 5 мм.
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Хазанов А.М., 1971, с.36).
Черешок наконечника стрелы вставлялся в расщеп древка, затем сверху древка производилась обмотка растительным волокном. Нити обмотки плотно прилегали друг к другу, длина обмотки – 20 см. Число витков достигало 25 (Рыков П., 1925, с.52; Берштам А.Н., 1952, с.306).
Оперение – 3-х гранное (Синицын И.В., 1960, с.32, рис.9, *4*), форма – ласточкин хвост, длина 8-10 см*, ширина флажка 10 мм*.
Вырез для тетивы прожигался шириной 4 мм, глубиной 6 мм (Рыков П., 1925, с.36, 52).
Раскрас древка – желтой краской нижняя часть, длина раскраса 10 см (Рыков П., 1925, с.36).
Ушко окрашивалось в черный цвет.

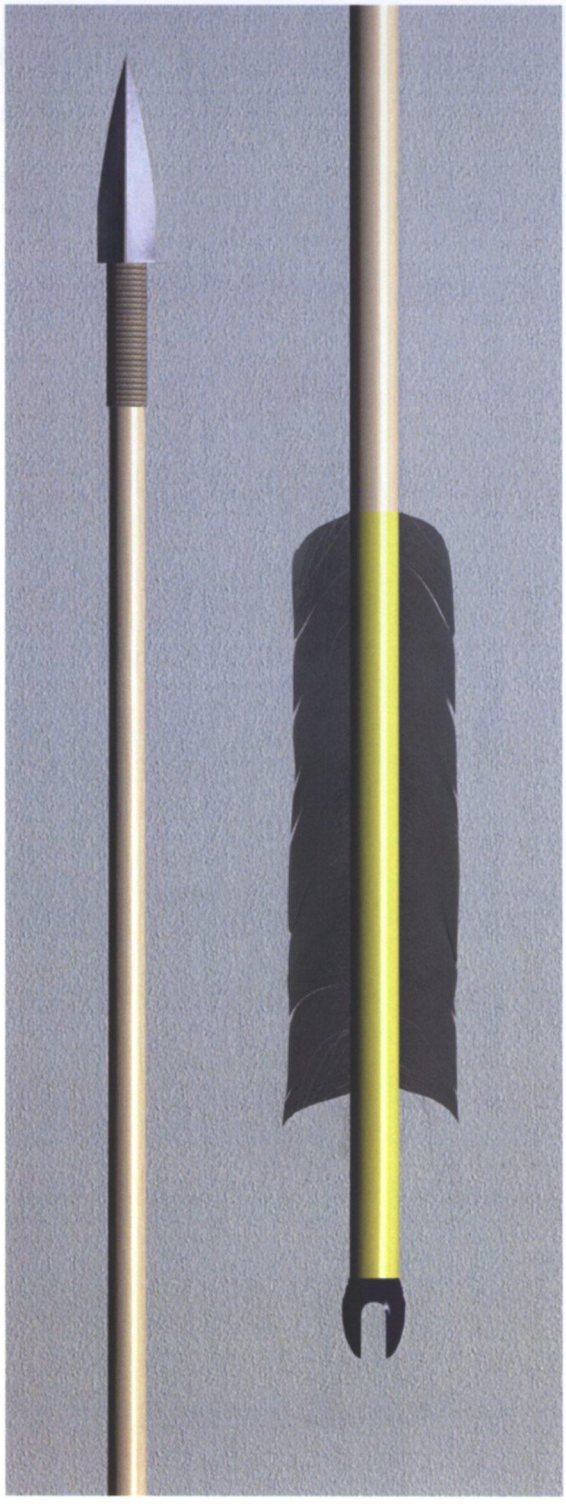

Рис. 26. Сарматы. I-IV вв. Сусловский курганный могильник. Среднее Поволжье.
Fig. 26. Sarmatians. I-IV c. Suslovsky mound burial. The medium Volga area.
Abb. 26. Sarmaten. 1.-4. Jh. Suslover Kurgan-Grabstätte. Mittlerer Wolgaraum.
Dess. 26. Sarmates I-IV siècles. Tumulus de Suslov. La partie moyenne de la Volga

Древко – береза.
Длина стрелы 50 см (Рыков П., 1925, с.52), диаметр древка 5 мм.
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Хазанов А.М., 1971, с.36).
Черешок наконечника вставлялся в расщеп древка, затем сверху производилась обмотка растительным волокном. Нитки обмотки плотно прилегали друг к другу (Рыков П., 1925, с.52; Бернштам А.Н., 1952, с.305).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32, рис.9, 4), форма – ласточкин хвост, длина 8 см*, ширина флажка 10 мм*.
Вырез для тетивы прожигался шириной 4 мм, глубиной 6 мм.
Раскрас древка голубыми и красными полосами, ширина полос 6-18 мм (Рыков П., 1925, с.52).
Ширина раскраса древка 10 см (Рыков П., 1925, с.36).
Ушко окрашивалось в синий цвет.

Рис. 27. Сарматы. I-IV вв. Сусловский курганный могильник. Среднее Поволжье.
Fig. 27. Sarmatians. I-IV c. Suslovsky mound burial. The medium Volga area.
Abb. 27. Sarmaten. 1.-4. Jh. Suslover Kurgan-Grabstätte. Mittlerer Wolgaraum.
Dess. 27. Sarmates I-IV siècles. Tumulus de Suslov. La partie moyenne de la Volga

Древко – береза.
Длина стрелы 54 см, диаметр древка 5 мм.
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Рыков П., 1925, с.10). Черешок наконечника вставлялся в расщеп древка, затем сверху древка производилась обмотка растительным волокном. Нити обмотки плотно прилегали друг к другу, длина обмотки 2 см (Рыков П., 1925, с.52, рис.9, *4*; Бернштам А.Н., 1952, с.305).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32, рис.9, *4*), форма – ласточкин хвост, длина 8-10 см*, ширина флажка 10 мм*.
Вырез для тетивы прожигался шириной 4 мм, глубиной 6 мм.
Раскрас древка – синие и белые полосы, ширина полос 6-18 мм (Рыков П., 1925, с.52).
Ушко окрашивалось в синий цвет (Рыков П., 1925, с.32).

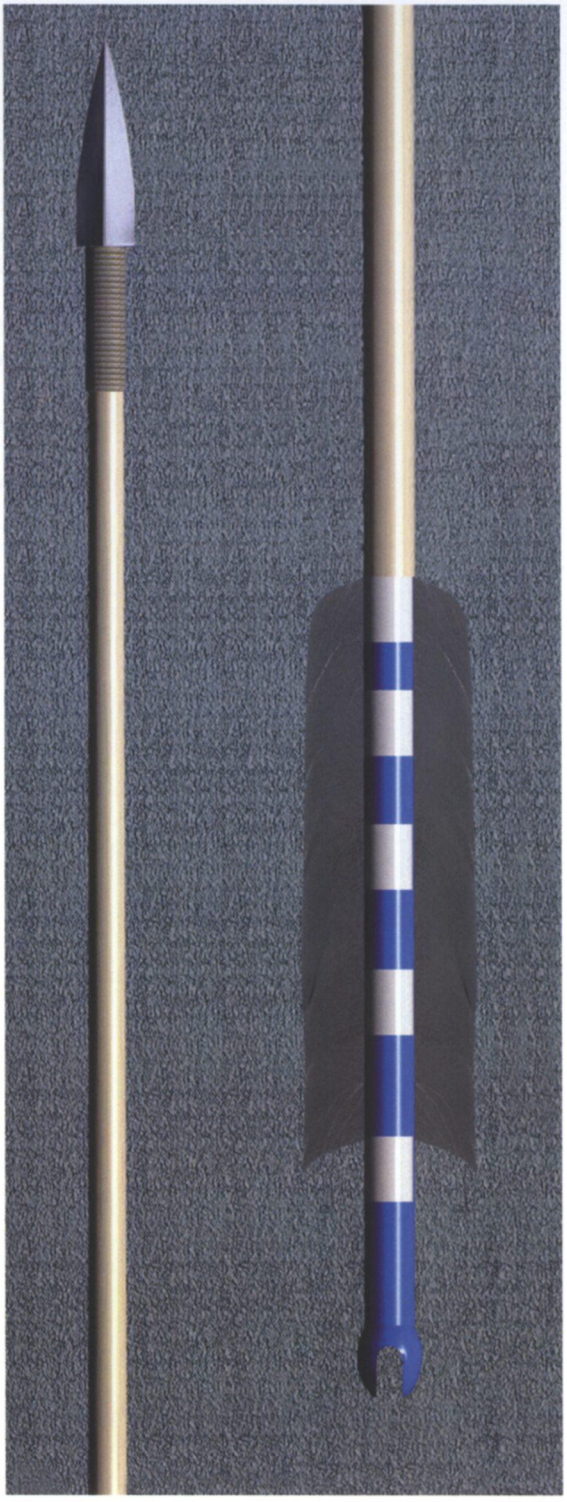

Рис. 28. Сарматы. I-IV вв. Сусловский курганный могильник. Среднее Поволжье.
Fig. 28. Sarmatians. I-IV c. Suslovsky mound burial. The medium Volga area.
Abb. 28. Sarmaten. 1.-4. Jh. Suslover Kurgan-Grabstätte. Mittlerer Wolgaraum.
Dess. 28. Sarmates I-IV siècles. Tumulus de Suslov. La partie moyenne de la Volga

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 54 см, диаметр древка 5 мм (Рыков П., 1925, с.52).
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Рыков П., 1925, с.10). Черешок наконечника стрелы вставлялся в расщеп древка, затем сверху древка производилась обмотка растительным волокном. Нитки обмотки плотно прилегали друг к другу. Число витков достигало 25 (Рыков П., 1925, с.9, 32, 52; Бернштам А.Н., 1952, с.306).
Оперение – 3-х рядное (Синицын И.В., 1960, с.32, рис.9, *4*), форма – ласточкин хвост, длина 10 см*, ширина флажка 10 мм*.
Вырез для тетивы прожигался шириной 4 мм, глубиной 6 мм.
Раскрас древка – зеленые и белые полосы, ширина полос 6-18 мм (Рыков П., 1925, с.52).
Ушко окрашивалось в темнозеленый цвет.

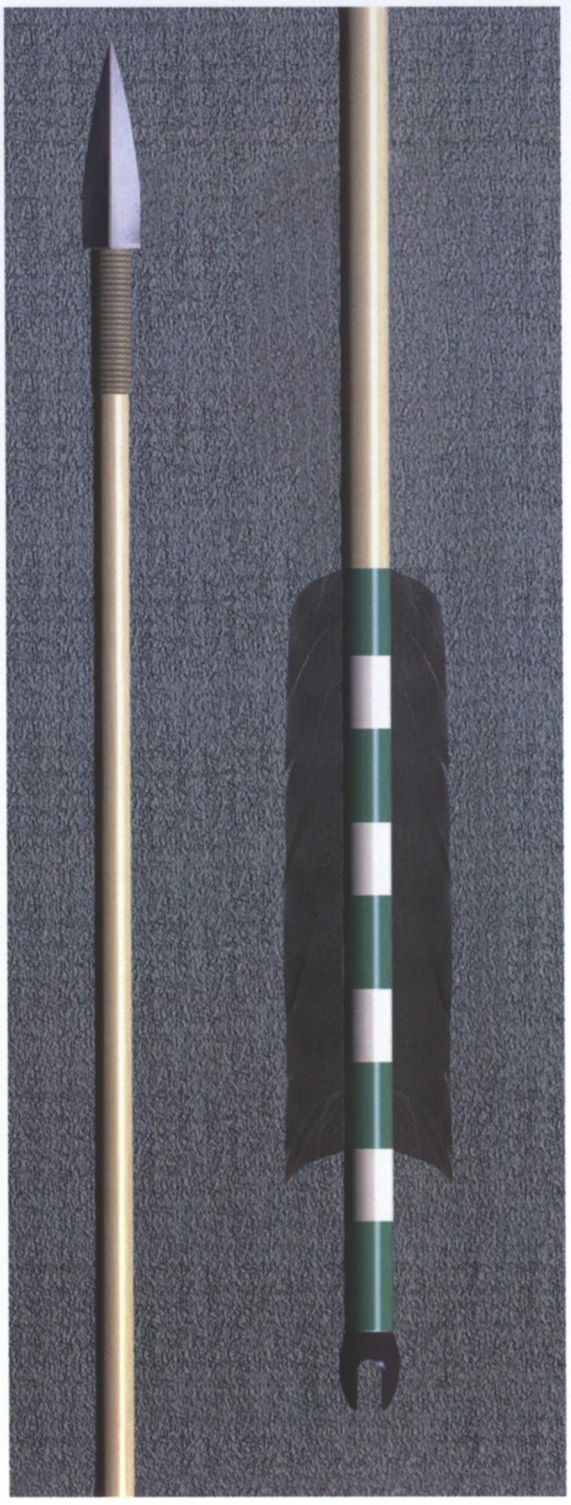

Рис. 29. Сарматы. I-IV вв. Сусловский курганный могильник. Среднее Поволжье.
Fig. 29. Sarmatians. I-IV c. Suslovsky mound burial. The medium Volga area.
Abb. 29. Sarmaten. 1.-4. Jh. Suslover Kurgan-Grabstätte. Mittlerer Wolgaraum.
Dess. 29. Sarmates I-IV siècles. Tumulus de Suslov. La partie moyenne de la Volga

Древко – береза, сосна, ель.
Длина стрелы, исходя из размеров лука до 140 см, была порядка 70-80 см (Руденко С.И., 1962, с.25), диаметр древка 5-7 мм (Ванштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, с.255, табл.III, 49-51).
Наконечник – железный, 3-х лопастной, ярусный, черешковый (Худяков Ю.С., 1986, с.31, рис.5, *17*).
Свистунок – костяной с 3 круглыми отверстиями (Худяков Ю.С., 1986, с.48).
Древко под свистунком обмотано конским волосом, а затем покрыто берестой*.
Оперение – 3-х рядное, ромбовидной формы, длина 11,5 см, ширина посредине – 1 см (Руденко С.И., 1962, с.25, табл.IV, 10-12).
Ушко – диаметр 10 мм*, ширина зарубки 5 мм*, глубина 7,8 мм (Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, с.255, табл.III, 49-51).
Раскрас – в нижней части красными и черными полосами*.

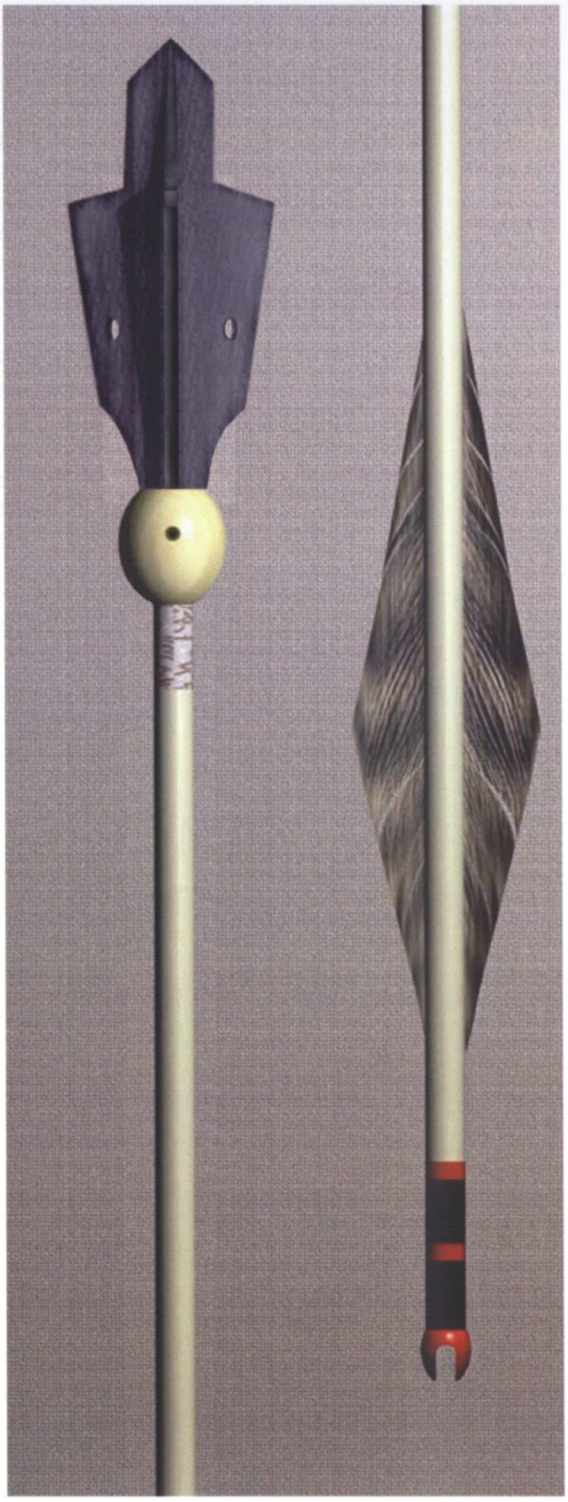

Рис. 30. Хунны. I в. до н.э. Алтай, Тува, Забайкалье, Монголия.
Fig. 30. Hunns. I c. B.C. Altai, Tuva, the tracts of land to the east of Lake Baikal, Mongolia.
Abb. 30. Hunnen im 1. Jh. v. Chr. Altai, Tuwa, Transbaikalgebiet, die Mongolei.
Dess. 30. Les Huns du I siècle avant J-Ch. Altaj, Tuva, le bord de Bajkal, Mongolie

Древко – береза, сосна, ель.
Длина стрелы 50-75 см, диаметр древка от 7 мм у ушка и до 4 мм у наконечника (Кызласов Л.Р., 1979, с.107, рис.73, 74).
Наконечник – деревянный, но у этого типа стрел встречаются и железные наконечники.
Очевидно, это была цельная деревянная стрела с деревянным свистунком, а красные "глазки" – это условно обозначенные отверстия на свистунке. Такие стрелы, видимо, были задействованы в культовой сфере, но, возможно, применялись при охоте на пушного зверя или птиц.
Оперение – по Л.Р.Кызласову – отсутствует (Кызласов Л.Р., 1979, с.107), что маловероятно, так как без него невозможна прицельная стрельба. Исходя из конструкции стрелы, оно было 2-х рядным, элипсообразной формы*, длина 7 см*, ширина флажка 10 мм*.
Раскрас – стрела черная, у наконечника и ушка широкие красные полосы по 30 мм (Кызласов Л.Р., 1969, с.91, рис.73, *7, 8*).

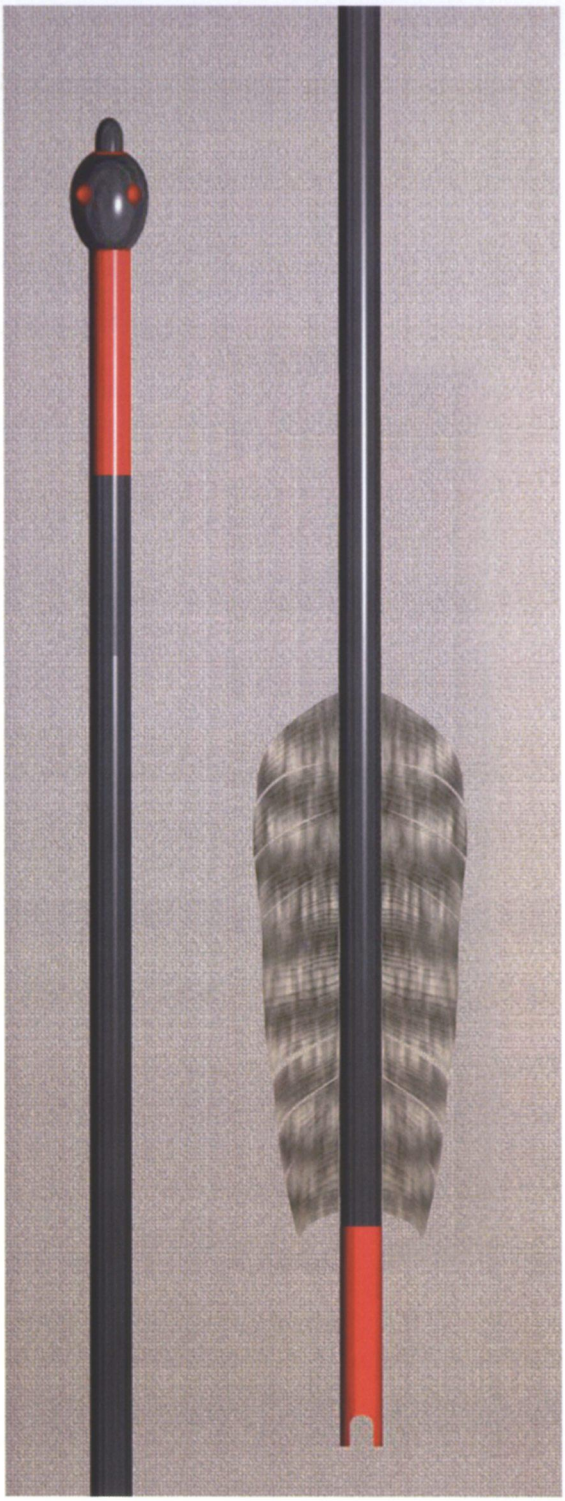

Рис. 32. Гунно-сарматское время. I-V вв. Кокэльская культура. Тува. "Глазастая" (клювовидная) стрела.

Fig. 32. Hunnish-Sarmatian period. I-V c. Kokel culture. Tuva."Sharp-eyed" (beak-shaped) arrow.

Abb. 32. Hunnen- und Sarmatenzeit. 1. bis 5. Jh. n. Chr. Zeit von Kokel. Tuwa. "Scharfsichtpfeil" (schnabelförmig).

Dess. 32. Le temps des Huns et Sarmates. I-V siècles. Culture de Kokel. Tuva. Flèche "aux yeux" (en forme de bec)

Древко – береза, сосна, ель.
Длина стрелы 60 см, диаметр древка 7 мм, к ушку и наконечнику немного сужается (Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, табл.III, КЭ32, 47-51, с.257; Кызласов Л.Р., 1979, с.107).
Наконечники – железный 3-х лопастной ромбовидной формы, черешковый (Худяков Ю.С., 1986, с.69, рис.25, *20*).
Свистунок – костяной с 3-мя отверстиями, высотой 22 мм, диаметром 12 мм*.
В верхней части древка под свистунком обмотка сухожилиями*.
Оперение по форме и размеру практически идентично гуннским стрелам*, ромбовидной формы, длина 11,5 см*, высота флажка 1 см (Руденко С.И., 1962, с.25).
Ушко – глубина арочного выреза 8 мм, ширина 5 мм (Ванштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, с.257, табл.III, КЭ-32, 47-51).
Древко окрашено красной краской у наконечника на 4 см, у ушка 6 см (Ванштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, с.255, табл.III, 49-51).

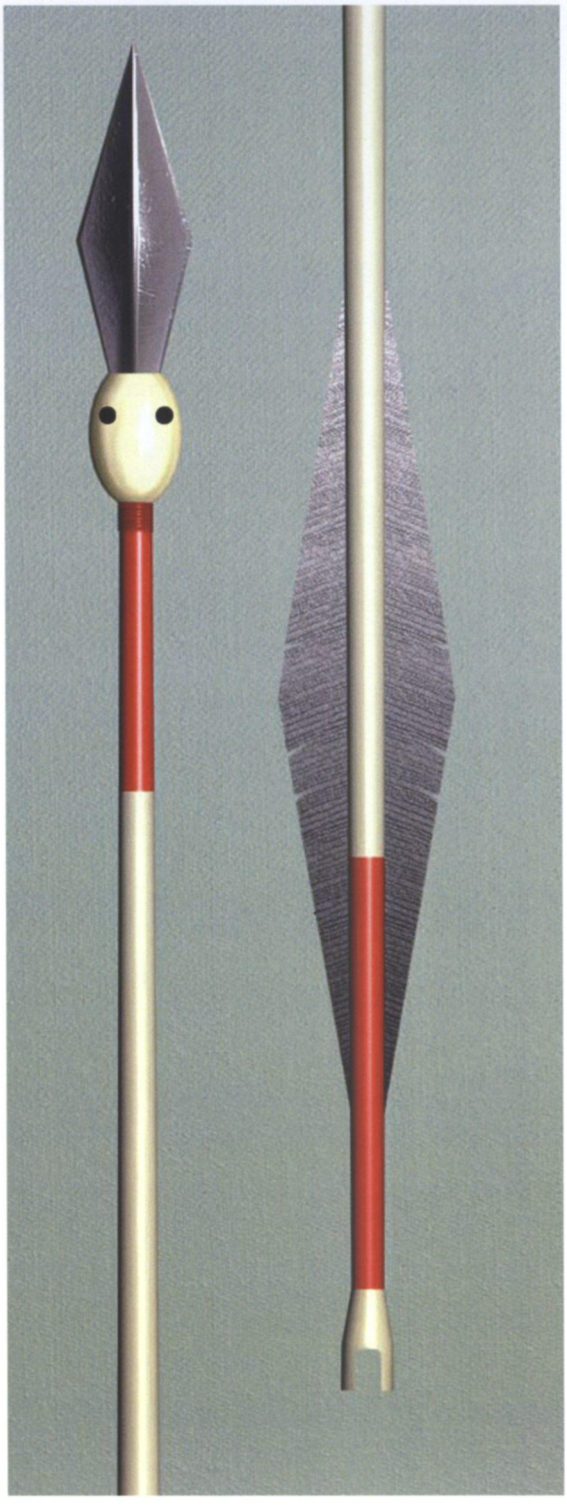

Рис. 33. Гунно-сарматское время. Кокэльская культура. I-V вв. н.э. Тува.
Fig. 33. Hunnish-Sarmatian period. Kokel culture. I-V c. A.D. Tuva.
Abb. 33. Hunnen- und Sarmatenzeit. Zeit von Kokel. 1-5. Jh. n. Chr. Tuwa.
Dess. 33. Le temps des Huns et Sarmates. Culture de Kokel. I-V siècle après J-Ch. Tuva

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 75 см, диаметр древка 7 мм.
Наконечник – железный, 3-х лопастной, ярусный (Худяков Ю.С., 1986, с.93, рис.36, *10-20*).
На древке близ ушка полосками золотой фольги сделаны пояски-метки, которые служили для определения функционального назначения стрелы (Вадецкая Э.Б., 1987, с.73-74; Худяков Ю.С., 1986, с.99; 1978, с.167).
Свистунок – костяной, с 3 круглыми отверстиями диаметром 2,5 мм, его высота 17 мм, диаметр 16 мм (Худяков Ю.С., 1986, с.99).
Оперение – 3-х рядное, элипсовидной формы (Худяков Ю.С., 1986, с.99), длина 13 см*, ширина флажка 12 мм, учитывая вес наконечника и свистунка*. Оперение с обеих сторон дополнительно закрепляется в несколько оборотов конским волосом. А под свистунком подматывается на ширину 15 мм шелковая желтая нить.
Раскрас древка – красный (Вадецкая Э.Б., 1987, с.73).

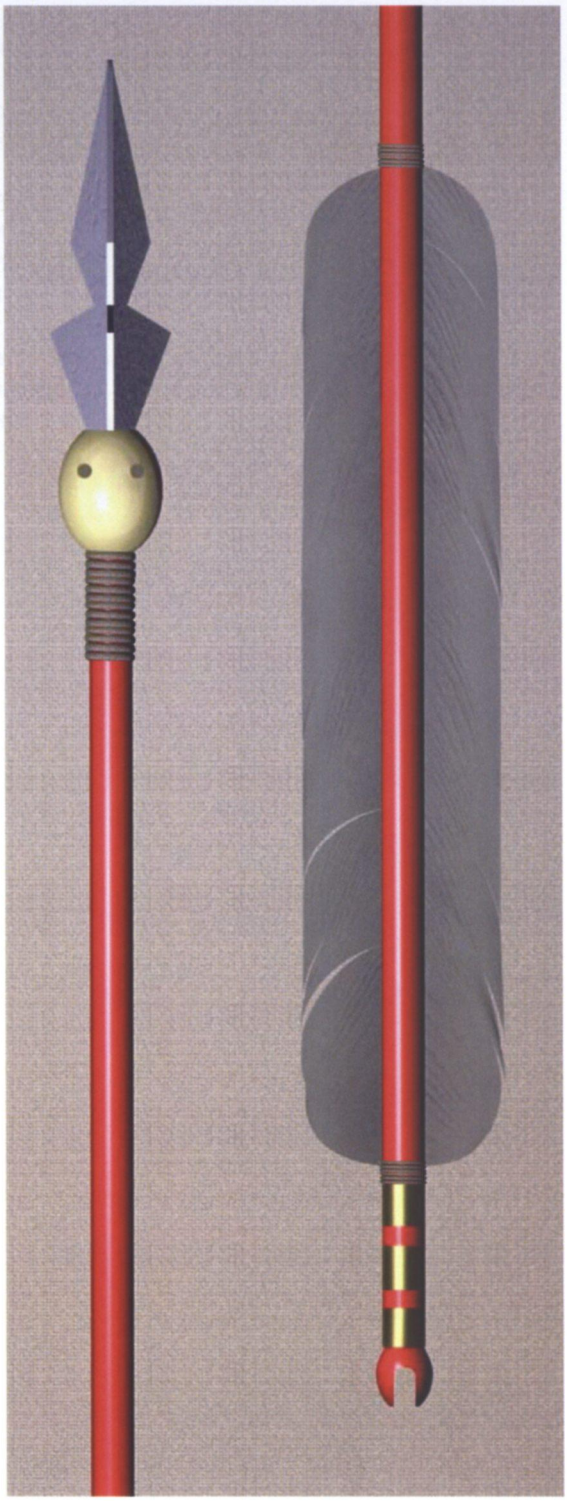

Рис. 34. Таштыкская культура. I-V вв. Минусинская котловина.
Fig. 34. Tashtyk culture. I-V c. Minusinsk basin.
Abb. 34. Taschtyk-Kultur. 1.-5- Jh. Minussinsker Talkessel.
Dess. 34. Culture de Tastyk. I-V siècles. La combe de Minusinsk

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 70 см, диаметр древка 8 мм (Овчинникова Б.Б., 1998, с.285).
Наконечник – черешковый, 3-х лопастной, ромбовидный с круглыми отверстиями в лопостях (Худяков Ю.С., 1984, с.68, рис.1, 2).
Свистунок – костяной (Овчинникова Б.Б., 1998, с.285) с 3-мя отверстиями, высота 17 мм, диаметр 16 мм*.
В верхней части стрелы под свистунком имеется обмотка из берестяных полос (Овчинникова Б.Б., 1998, с.285).
Оперение – по аналогиям большинства тюркских стрел удлиненное (Худяков Ю.С., 1984, с.71), форма – ласточкин хвост, длина 15-20 см*, ширина флажков 12 мм*.
Раскрас древка – чередующиеся полосы красного и черного цветов (Овчинникова Б.Б., 1998, с.285).

Рис. 35. Тюрки. VI-VIII вв. Алтай, Тува, Минуса, Монголия.
Fig. 35. Turki. VI-VIII c. Altai, Tuva, Minusa, Mongolia.
Abb. 35. Türken. 6.-8. Jh. Altai, Tuva, Minussa, die Mongolei.
Dess. 35.Turcs.VI-VIII siècles. Altaj, Tuva, Minusa, Mongolie

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 74 см, диаметр древка у ушка 8 мм, у наконечника 5 мм (Вайнштейн С.И., 1966, с.305, рис.17).
Наконечник – железный, 3-х лопастной, с круглыми отверстиями, черешковый (Худяков Ю.С., 1986, с.143, рис.64, 3).
Свистунок – костяной (Овчинникова Б.Б., 1998, с.285) с 3 отверстиями, длина 19 мм, диаметр 12 мм*.
Обмотка свистунка в нижней части сделана конским волосом*.
Оперение удлиненное (Худяков Ю.С., 1984, с.71), форма – ласточкин хвост, длина оперения 16 см*, ширина флажков 12 мм*.
Ушко – ширина выемки 5 мм, глубина выемки 7-8 мм (Вайнштейн С.И., 1966, с.324, рис.17).
Раскрас в нижней части чередующиеся черные и красные полосы (Вайнштейн С.И., 1966, с.305, 324, рис.17).

Рис. 36. Тюрки Центральной Азии. VI-VIII вв.
Fig. 36. Turki of Central Asia. VI-VIII c.
Abb. 36. Türken Zentralasiens. 6.-8. Jh.
Dess. 36. Turcs de l'Asie centrale. VI-VIII siècles

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 70-75 см. У Ю.С.Худякова размер стрелы – 48 см. Учитывая размер кыргызского лука 140 см (Худяков Ю.С., 1980, с.71), длина стрелы должна быть в пределах 70-80 см, диаметр древка 8 мм, к ушку и наконечнику слегка сужается.
Наконечник – железный, черешковый, плоский, асимметрично-ромбический (Худяков Ю.С., 1980, с.95, табл.XXIX, 1).
Свистунок – костяной с 3 отверстиями, длиной 31 мм и диаметром 17 мм. Под свистунком зеленая шелковая нитка, длина обмотки 10 мм*.
Оперение клиновидной формы, 2-х рядное, длина 12,5 см*, ширина флажка до 20 мм*.
Ушко – арочной формы, глубиной 5 мм (Худяков Ю.С., 1980, с.11).
Раскрас – две полосы на расстоянии 18 см от конца ушка по 7 мм шириной каждая. Полосы зеленая и красная (Худяков Ю.С., 1980, с.112, 133).

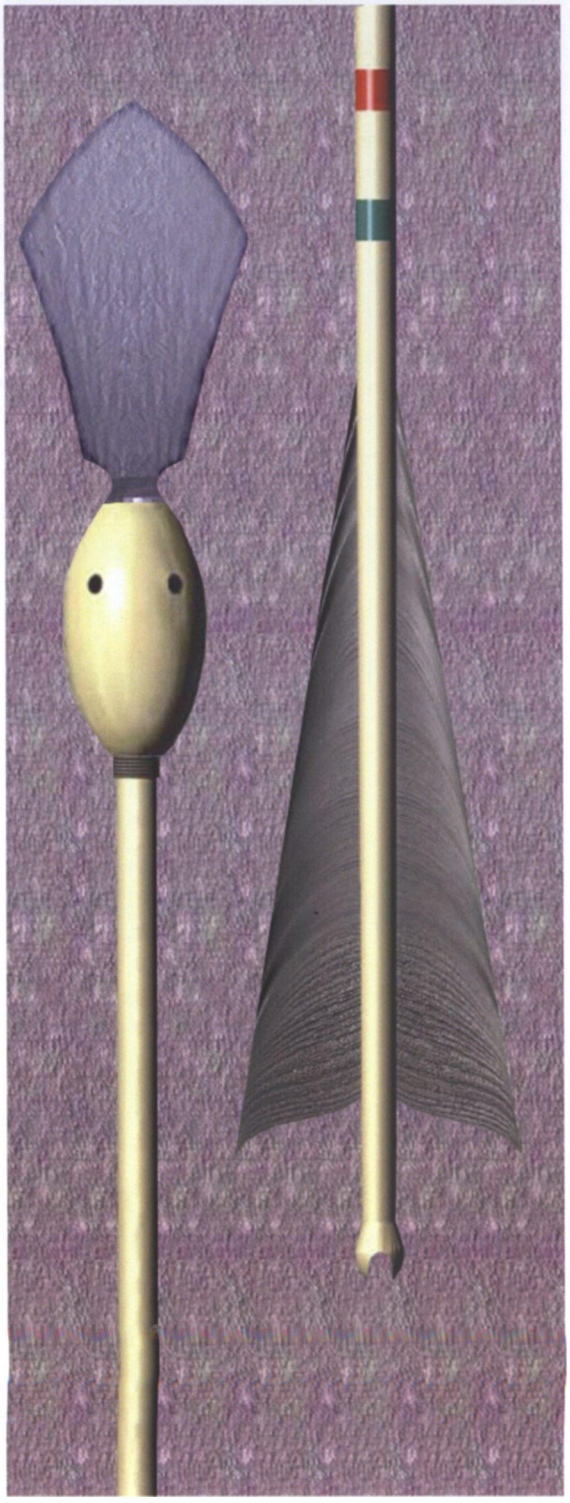

Рис. 37. Енисейские Кыргызы. VI-XII вв. Минусинская котловина. Тува.
Fig. 37. Yenisei Kirghiz. VI-XII c. Minusinsk basin. Tuva.
Abb. 37. Jenissej-Kirgisen. 6. bis 12. Jh. Minussinsker Talkessel. Tuva.
Dess. 37. Kyrgyz de l'Enissej. VI-XII siècles. La combe de Minusinsk. Tuva

Древко – береза, ясень.
Длина стрелы 60 см (Каминский В.Н., 1982, с.50), диаметр древка 8 мм, у ушка и наконечника немного сужается (Каминский В.Н., 1982, с.50). Возле наконечника и ушка обмотка из конского волоса или сухожилий (Каминский В.Н., 1982, с.50, рис.10, 11).
Наконечник – железный, 3-х гранный, черешковый (Каминский В.Н., 1982, с.50).
Оперение – 3-х рядное, форма – ласточкин хвост, длина 10 см, ширина флажка 12 мм*. В верхней части оперение крепилось конским волосом шириной 10 мм.
Раскрас – синий (индиго) в нижней части (Каминский В.Н., 1982, с.50).

Рис. 38. Аланы. VII-X вв. Мощевая Балка. Северный Кавказ.
Fig. 38. Alans. VII-X c. Moshchevaya Balka. Northern Caucasus.
Abb. 38. Alanen. 7. bis 10. Jh. Mostschevaja Balka. Nordkaukasus.
Dess. 38. Les Allains. VII-X siècles. Moščevaâ Balka. Caucase du Nord

Древко – береза, сосна, ель.
Длина древка стрелы 83,5 см, диаметр древка 8 мм (Кызласов И.Л., 1981, с.205).
Наконечник – железный, 3-х лопастной, с вырезом в лопастях в виде запятых, черешковый (Кызласов И.Л., 1983, табл.XIX, 6), закреплен сухожильной обмоткой (Кызласов И.Л., 1981, с.205, рис.74, 62; 1983, с.18-19, табл.XIX-XXI).
Свистунок – костяной овальной формы с плавными перехватами на концах, длина 30 мм, диаметр 20 мм (Кызласов И.Л., 1983, с.75, 80, 82, табл. XIX, 1, 2, 5, 6). Под свистунком шелковой ниткой сделана подмотка трехцветная желто-красно-зеленая как у ушка шириной 21 мм. Оперение сверху и снизу закреплено конским волосом, сверху шириной 20 мм, снизу – 20 мм.
Оперение – вероятно, было 3-х рядное*, ширина флажка 20 мм*, форма – ласточкин хвост, длина – 15 см. Аналогично монгольским*.
Раскрас на ушке – выше прорези желтой, красной и зеленой краской в виде 3 примыкающих вплотную друг к другу поясков. По древку – красный винтовой узор (Кызласов И.Л., 1981, с.205).

Рис. 39. Хакасы. Аскизская культура. X-XIV вв. Алтай, Минусинская котловина, Тува.
Fig. 39. Khakas. Askiz culture. X-XIV c. Altai, Minusinsk basin, Tuva.
Abb. 39. Chakassen. Askiser Kultur. 10. bis 14. Jh. Altai, Minussinsker Talkessel. Tuva.
Dess. 39. Les Hakass. Culture des Askiz. X-XIV siècles. Altaj, la combe de Minusinsk, Tuva

Древко – береза, сосна.
Длина зажигательной стрелы превышает обычную на 20-25 см и имеет общую длину 125 см*, диаметр древка 10 мм*.
Наконечник – железный, 2-х лопастной, втульчатый, длина 6,6 см, с конусовидной втулкой (Седова М.В., 1971, с.87; Медведев А.Ф., 1966а, с.52).
Оперение длиной 15 см*, форма – ласточкин хвост*, ширина флажка 20 мм*.
Паклевый ком грушевидной формы*, длиной 17 см, диаметром 6 см*. Воспламеняющийся материал – промасленная пакля*.

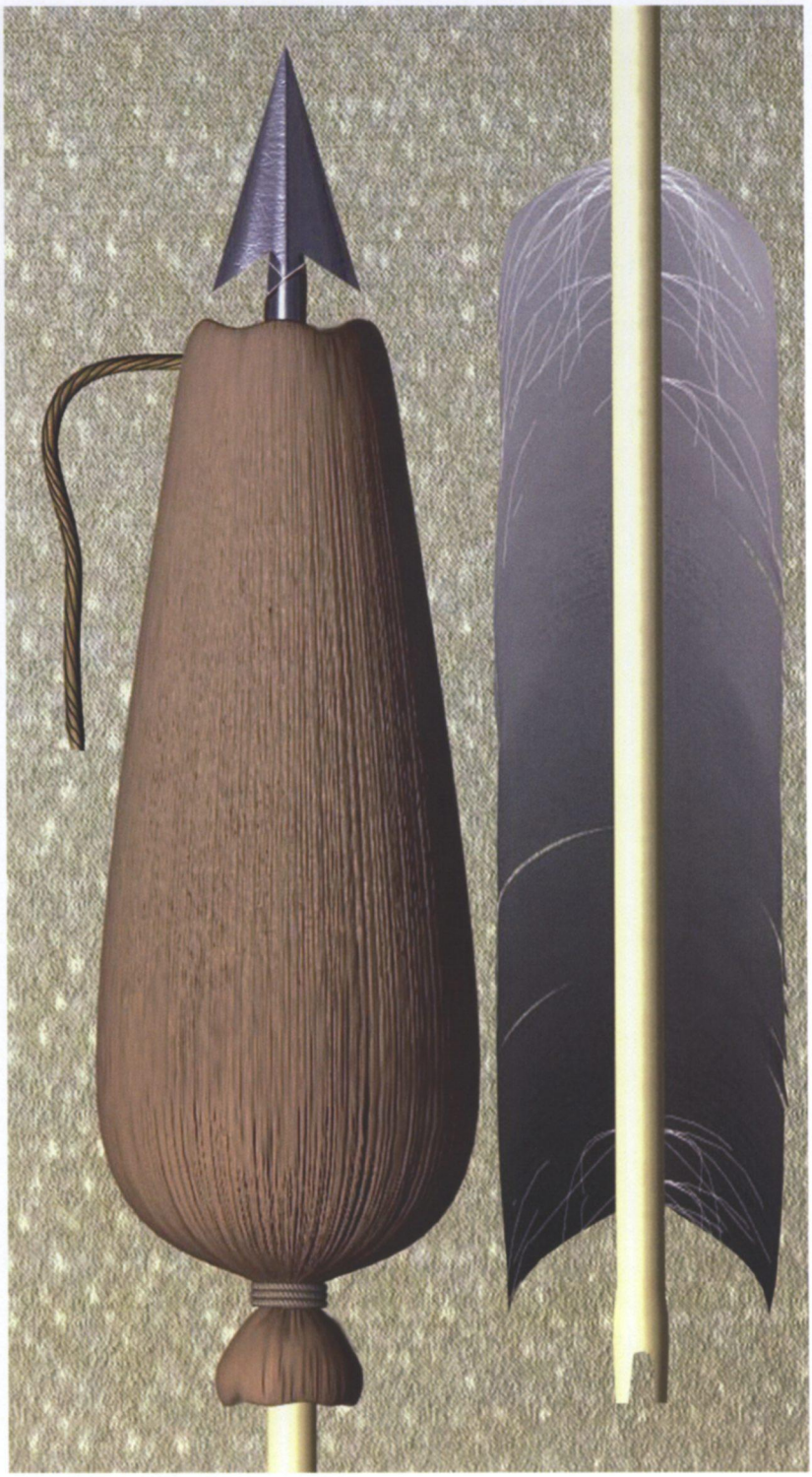

Рис. 40. Зажигательная средневековая стрела.
Fig. 40. Igniting medieval arrow.
Abb. 40. Mittelalterlicher Brandpfeil.
Dess. 40. Flèche incendiaire du Moyen Age

Древко – береза, сосна.
Длина зажигательной стрелы превышает обычную стрелу на 15-20 см и имеет общую длину 100-125 см*.
Древко диаметром 10 мм*.
Наконечник – железный, 2-х лопастной, втульчатый, длиной – 5,4 см, с корпусовидной втулкой (Гончаров В.К., 1950, с.94-95; Медведев А.Ф., 1966а, с.52; Седова М.В., 1971, с.87)
Длина оперения – 15 см*, ширина флажка 15 мм*, форма – ласточкин хвост*.
Мешочек длиной 12см*, диаметром 25 мм с воспламеняющимся материалом (сера, порох).

Рис. 41. Зажигательная стрела. VIII-XII вв.
Fig. 41. Igniting arrow. VIII-XII c.
Abb. 41. Brandpfeil. 8.-12. Jh.
Dess. 41. Flèches incendiaires. VIII-XII siècles

Древко – береза.
Длина стрелы 80 см*, диаметр древка 9 мм (Медведев А.Ф., 1966а, с.51, 52).
Древко обмотано спирально полоской черной кожи (Шапошникова О.Г., 1978).
Наконечник – железный, плоский, ромбический, черешковый (Медведев А.Ф., 1966а, с.68; Федоров Г.Б.,1953, с.108, рис.45, *1*).
Наконечник вставлялся в расщеп древка и обматывался растительной ниткой.
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост, длина 10 см*, ширина флажка 15 мм*. Оперение с двух сторон дополнительно закреплялось красной шелковой ниткой шириной по 20 мм сверху и снизу*.
Ушко – костяное, в сечении с одной стороны овальное, с другой – круглое.
На его внешней стороне нанесены красный и черный круговые пояски (Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968, с.189, рис.10, *8*).

Рис. 42. Поздние кочевники. 2-я пол.XI – 1-я пол.XIII в. Каменка 26/1.
Fig. 42. Late nomads. 2nd half of XIth c. – 1st half of XIIIth c.Kamenka 26/1.
Abb. 42. Späte Nomaden. 2. Hälfte des 11. Jh. – 1. Hälfte des 13. Jh. Kamenka 26/1.
Dess. 42. Les nomades tardifs. 2-me moitié du XI – 1-re moitié XIII siècles. Kamenka 26/1

Древко – береза.
Длина стрелы 50 см, диаметр 6 мм, древко к ушку и наконечнику сужается до 5 мм (Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986, с.26).
Наконечник железный, плоский, ромбовидный, черешковый (Медведев А.Ф., 1966а, с.66, 115, табл.30, 39) прикреплен к древку при помощи сухожилий, а сверху обмотка покрыта берестой. Длина обмотки берестой 7 см.
Оперение – 3-х рядное, длина оперения 5 см (Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986, с.26), ширина флажка 7 мм, форма – ласточкин хвост. Верхняя часть оперения обмотана красной нитью шириной 10 мм. Древко орнаментировано красными линиями в виде сетчатого узора, оканчивающегося двумя параллельными линиями, доходящими до наконечника.

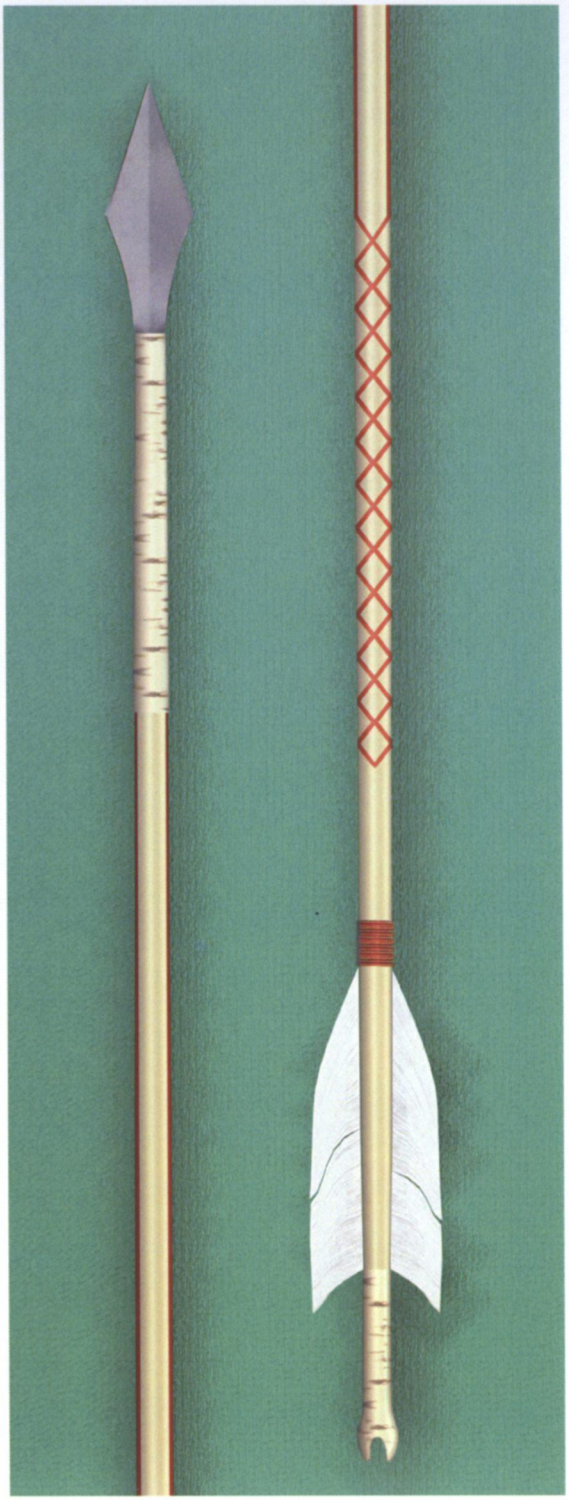

Рис. 43. Половцы. Конец XIII – 1-я четв. XIV в. Заможное 5/3 (Чингульский курган)[3]. Северное Приазовье.

Fig. 43. Polovtzy. Late XIII c. – 1st quarter of XIVth c. Zamozhnoye 5/3 (Chingul burial mound). Northern Azov area.

Abb. 43. Kumanen. Spätes 13. und 1. Viertel des 14. Jh. Samoshnoje 5/3 (Tschinguli-Kurgan). Norden des Asowschen Meerraumes.

Dess. 43. Poloveĉ. A la limite des XIII – 1-er quartier du XIV siècles. Zamožnoě 5/3 (tumulus de Čingul). Les bords nord de la mer d'Azov.

[3] Автор благодарит В.В.Отрощенко за согласие опубликовать данную стрелу.

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 90 см, диаметр древка 7 мм (Медведев А.Ф., 1966а, с.50).
Наконечник – бронебойный в виде кинжальчика ромбического сечения с перехватом у основания и упором, железный, черешковый (Гончаров В.К., 1950, с.94; Федоров Г.Б., 1953, с.106; Медведев А.Ф., 1966а, с.50, табл.19, *14*, с.85; Арциховский А.В., 1969, с.398; Седова М.В., 1971, с.89).
Оперение – 2-х рядное, овальное (Медведев А.Ф., 1966а, с.51), форма – каплеобразная*, длина 15 см*, ширина флажка 14 мм*. Укреплено винтообразной обмоткой по клею конским волосом. Длина шага обмотки 5-10 мм (Медведев А.Ф., 1966а, табл.11, 15-17). Концы оперения закреплены сплошной обмоткой на клею конским волосом длиной 2 см. Аналогичным является и крепление наконечника, только обмотка еще обклеена берестой (Медведев А.Ф., 1966а, с.51-52).

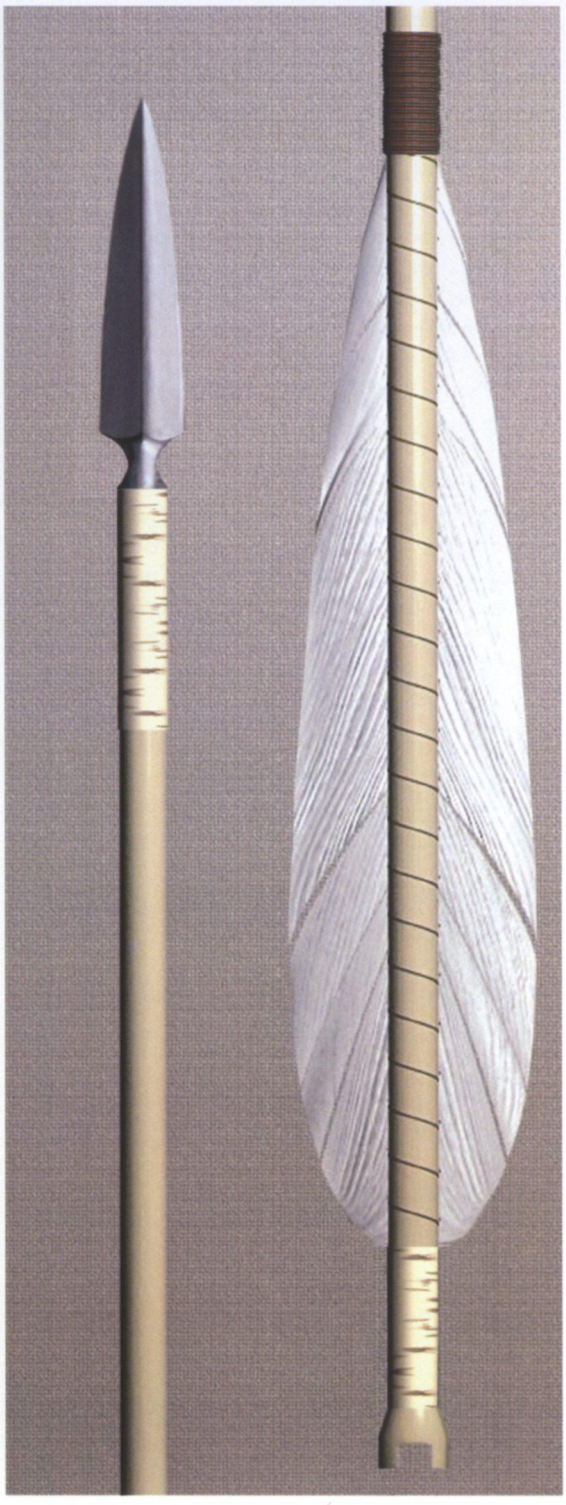

Рис. 44. Киевская Русь. 1-я четв.XI в.
Fig. 44. Kievan Rus. 1st quarter of XI c.
Abb. 44. Kyiwer Rus. 1. Viertel des 11. Jh.
Dess. 44. Russie kiévienne. Le 1-er quartier du XI siècle

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 90 см, диаметр древка 9 мм. Древко стрелы полностью обклеено берестой (Худяков Ю.С., 1991, с.125-126).
Наконечник – железный, плоский, асимметрично-ромбической формы, черешковый (Худяков Ю.С., 1991, с.105, рис.57, 5).
Обмотка древка у наконечника, очевидно, сделана шелковой нитью с применением животного клея, на 1 см больше длины черешка наконечника, ниже свистунка сверху закрыта берестой*.
Свистунок биконической формы костяной с 2 прямоугольными прорезями. Длина 30 мм, диаметр max 18 мм (Медведев А.Ф., 1966а, с.60; Худяков Ю.С., 1991, с.125-126).
Оперение вероятно, было 3-х рядное, так как в противном случае, значительные размеры наконечника и наличие свистунка не позволили бы придать стреле устойчивость при полете*; длина 20 см*, ширина флажка 20 мм*. Форма оперения – ласточкин хвост.

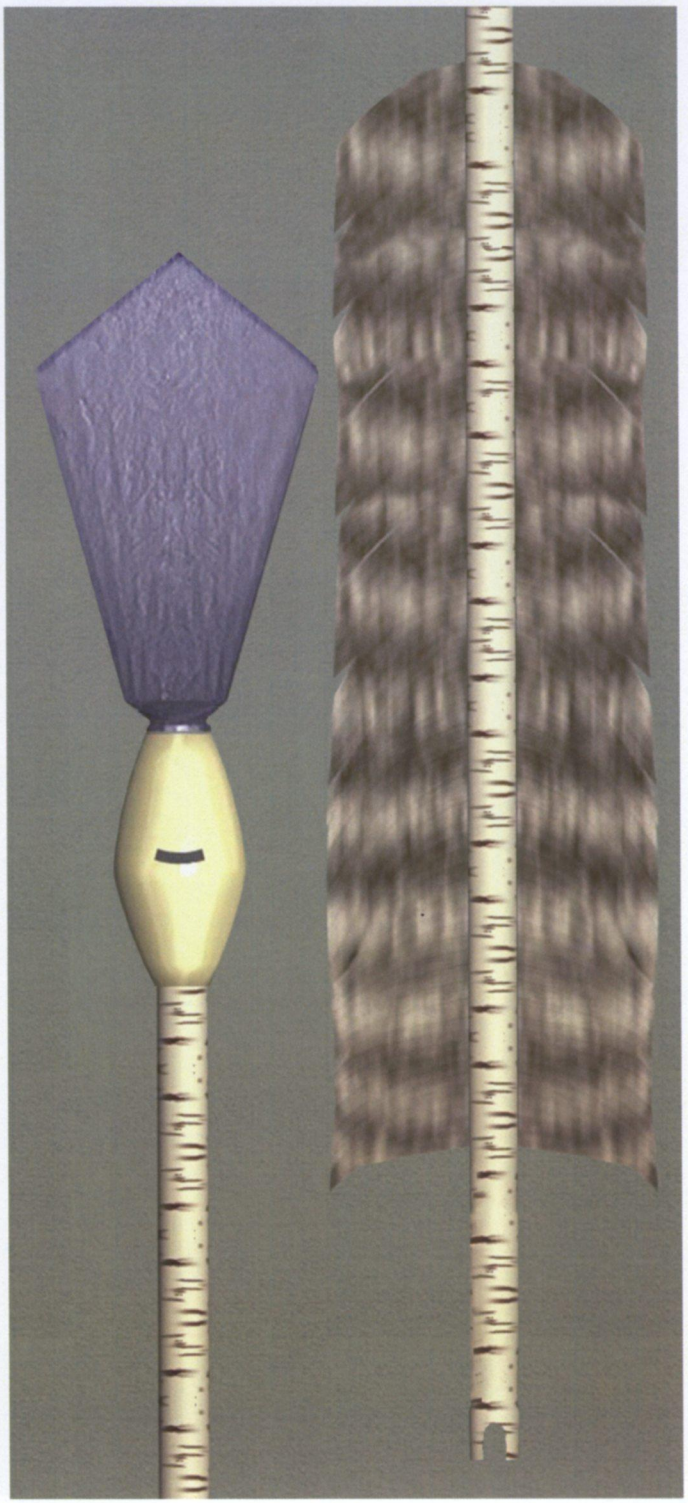

Рис. 45. Монголы. XI-XIV вв. Тува, Забайкалье, Монголия.
Fig. 45. Mongols. XI-XIV c. Tuva, the tracts of land to the east of Lake Baikal, Mongolia.
Abb. 45. Mongolen. 11.-14. Jh. Tuva, Transbaikalgebiet, die Mongolei.
Dess. 45. Les Mongoles. XI-XIV siècles. Tuva, les bords de Bajkal, Mongolie

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 75 см, диаметр древка 9 мм (Медведев А.Ф., 1966а, с.50).
Наконечник – плоский, клиновидный, черешковый (Гончаров В.К., 1950, с.94; Федоров Г.Б., 1953, с.106; Медведев А.Ф., 1966а, с.50, 67, табл.18, *11*; Арциховский А.В., 1969, с.398; Седова М.В., 1971, с.89).
Крепление наконечника стрелы – ниткой, а сверху обмотка обклеена берестой (Медведев А.Ф., 1966а, с.51-52).
Оперение – 3-х рядное*, форма – ласточкин хвост*, длина 13 см*, ширина флажка 12 мм*. Укреплено винтообразной обмоткой по клею ниткой. Длина шага обмотки 5-10 мм. Концы оперения закреплены сплошной обмоткой на клею ниткой зеленого цвета длиной до 2 см*.
Нижняя часть окрашена светло-зеленой краской*.

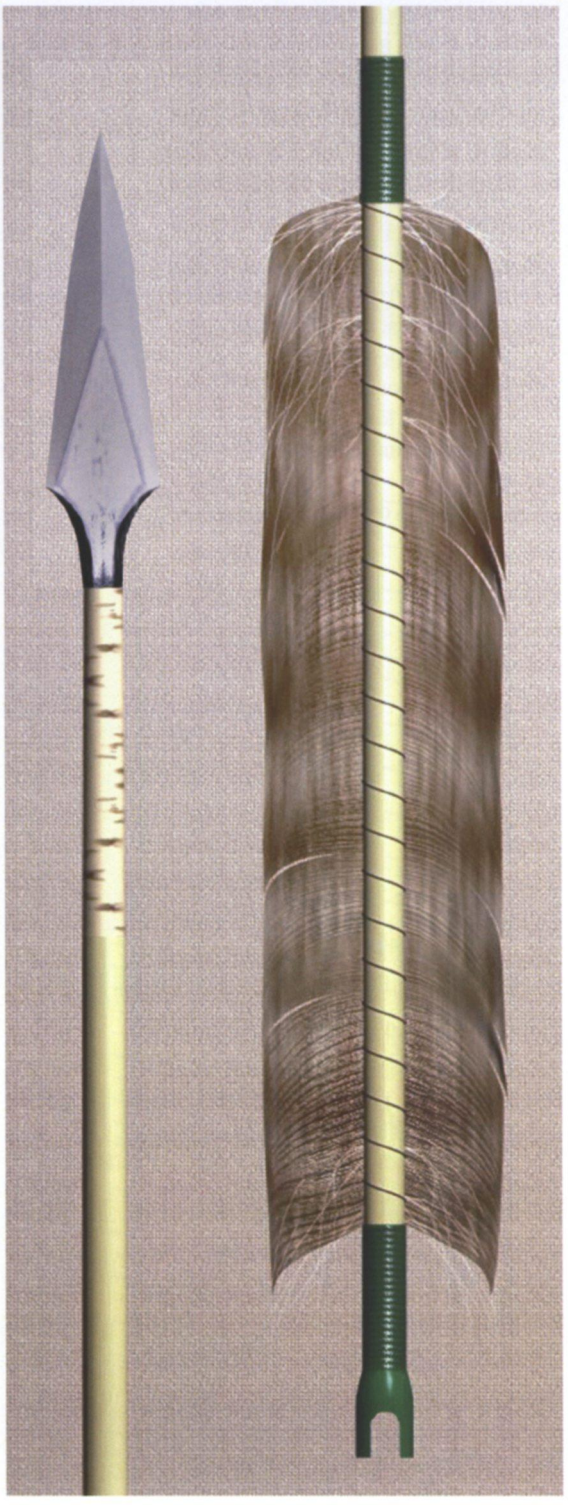

Рис. 46. Киевская Русь. XII в.
Fig. 46. Kievan Rus. XII c.
Abb. 46. Kyiwer Rus. 12. Jh.
Dess. 46. Russie kiévienne. XII siècle

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы 80 см, диаметр древка 9 мм (Медведев А.Ф., 1966а, с.50).
Наконечник – железный, черешковый с упором, крупный ромбический (Медведев А.Ф., 1966а, с.69, табл.30Б, 44).
Оперение – 3-х рядное (Медведев А.Ф., 1966а, с.51), длина 14 мм*, ширина флажка 15 мм*, форма – ласточкин хвост*.
Укреплено винтообразной обмоткой по клею ниткой красного цвета. Длина шага обмотки 5-10 мм. Концы оперения закреплены сплошной обмоткой на клею ниткой красного цвета до 2 см.
Аналогично и крепление наконечника, но эта обмотка еще обклеена берестой (Медведев А.Ф., 1966а, с.51-52).
Нижняя часть окрашена красной краской.

Рис. 47. Русь. XIII-XIV вв.
Fig. 47. Rus. XIII-XIV c.
Abb. 47. Rus. 13.-14. Jh.
Dess. 47. Russie. XIII-XIV siècles

Древко – береза, сосна.
Длина стрелы – 80-90 см (Медведев А.Ф., 1966а, с.52), диаметр древка – 9 мм.
Наконечник – секторовидный крупный срезень (Медведев А.Ф., 1966а, с.76, табл.30, 66).
Древко у наконечника обвито двумя узкими золотыми полосками (Ефимов К.Ю., 1999, с.101), шириной 1 см*.
Оперение – 3-х рядное, форма – ласточкин хвост*, его длина из-за значительного веса и размера наконечника гораздо больше обычных – 20 см*, ширина флажка – 20 мм*. Концы оперения закреплены сплошной обмоткой на клею шелковой белой нитью длиной по 2 см*. У наконечника древко обмотано белой шелковой нитью шириной 70 мм.
Древко покрашено в белый цвет и его спирально обвивает тонкая проволока (Михлин Б.Ю., Швецов М.Л., 1978, с.14).
Между оперением и ушком шелковая обмотка покрыта берестой.

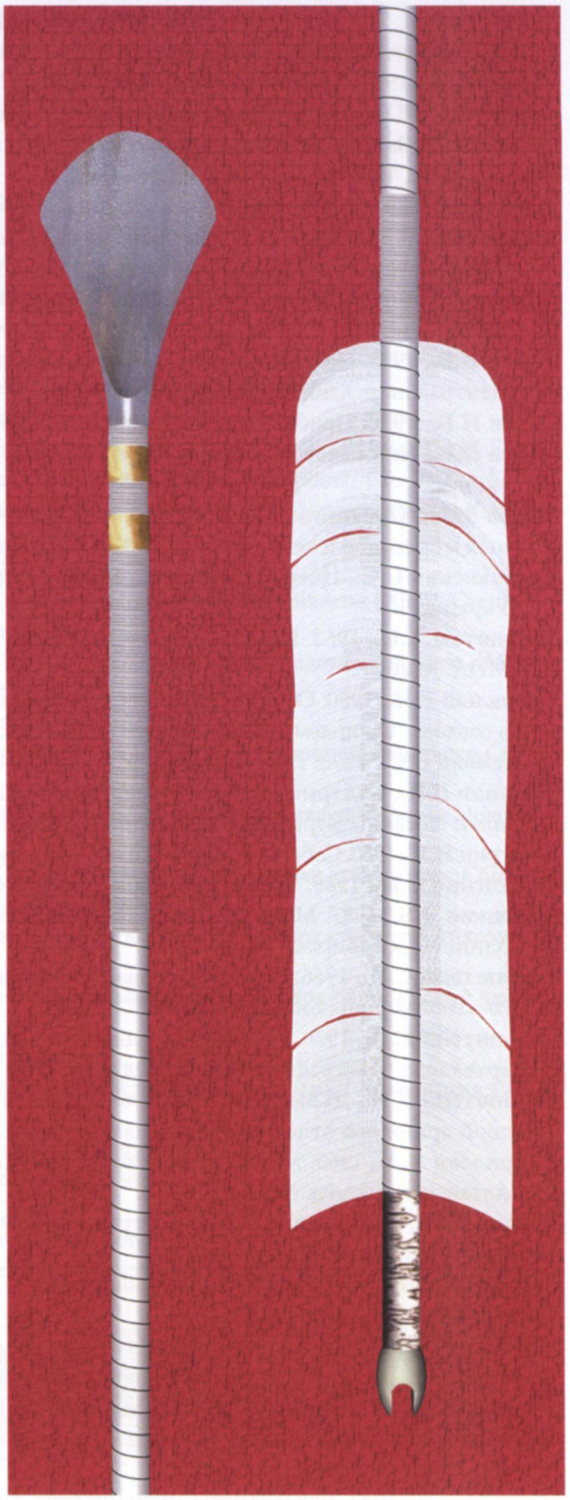

Рис. 48. Кочевники Золотой Орды. 2-я пол.XIII – сер.XIV в. Васильевка 1/20. Северное Приазовье.

Fig. 48. Golden Horde nomads. 2nd half of XIII – middle of XIV c. Vasilyevka 1/20. Northern Azov area.

Abb. 48. Nomaden der Goldenen Horde. 2. Hälfte des 13. bis Mitte des 14. Jh. Vassiljevka 1/20. Norden des Asowschen Meerraumes.

Dess. 48. Les nomades de la Horde d'Or. 2-me moitié du XIII – milieu du XIV siècle. Vasiljevka 1/20. Bords du nord de la mer d' Azov

Литература и архивные материалы

Адлер Б.Ф., 1903. Луки и стрелы Северной Азии// Русский антропологический журнал. № 3-4. М.

Алексеев А.Ю., 1983. О наконечниках стрел из Чертомлыкского кургана// АСГЭ. № 24.

Алексеев И.В., 1980. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск.

Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. К.

Анучин Д.Н., 1887. О древнем луке и стрелах// Труды V археологического съезда в Тифлисе 1881. М.

Арсланова Ф.Х., 1991. Некоторые образцы наконечников стрел кимаков Верхнего Прииртышья// Проблемы сревневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Арциховский А.В., 1969. Оружие// Очерки русской культуры XIII-XIX веков. Ч.1. Материальная культура. М.

Асеев И.В., 1975. Предки позднейших монголов на территории Забайкалья// Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

Асеев И.В., 1980. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В., 1984. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея, материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. М.

Березанская С.С., Цвек Е.В., Клочко В.И., Ляшко С.Н., 1994. Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. К.

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая// МИА. № 26.

Беспалый Е.И., 1980. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства орошаемого участка у хут.Тузлуков в совхозе "Орошаемый" Багаевского района Ростовской области в 1980 г.// Архив АКМ. КВФ, № 9935/1-2.

Бессонова С.С., 1973. Погребение IV в. до н.э. из Трехбратного кургана// Скифские древности. К.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П., 1977. Курганные могильники в уроч. Носаки// Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. К.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч.1. М.; Л.

Братченко С.Н., 1989. Лук і стріли доби енеоліту-бронзи півдня Східної Європи// Археологія. № 4.

Вадецкая Э.Б., 1987. Модели оружия таштыкской эпохи// Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Вайнштейн С.И., 1966. Памятники Казылчанской культуры// Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Т.II. Л.

Вайнштейн С.И., 1970. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году// Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Т.III. Л.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966. Памятники в могильнике Кокэль// Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.

Гаврилова А.А., 1965. Могилы тюркского времени// Могильник Кудэргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.

Гемуев И.Н., Соловьев А.И., 1984. Стрелы селькупов// Этнография народов Сибири. Новосибирск.

Геродот, 1976. Историки Греции. М.

Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. К.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Деревянко Е.И., 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.

Дьяконова В.П., 1970. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль// Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Т.III. Л.

Ефимов К.Ю., 1999. Золотоордынское погребение из могильника "Олень-Колодезь"// Донская археология. №№ 3-4. Ростов-на-Дону.

Збруева А.В., 1952. Лук и стрелы ананьинского времени населения Прикамья// Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т.5. М.

Іллінська В.А., 1973. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів// Археологія. № 12.

Каминский В.Н., 1982. О конструкции лука и стрел Северокавказских аланов// КСИА. Вып.170.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984. Погребение воина у с.Квитки в Поросье// Вооружение скифов и сарматов. К.

Ковычев Е.В., 1981. Лук и стрелы восточнозабайкальских племен I тысячелетия н.э.// Военное дело

древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
Комиссаров С.А., 1988. Оружие Китая эпохи поздней бронзы// История и культура Восточной Азии. Новосибирск.
Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии// САИ. Вып.В4-9.
Курылев В.П., 1978. Оружие казахов// Сб. МАЭ. Т.XXXIV.
Кызласов И.Л., 1981. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.)// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.// САИ. Е3-18.
Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.
Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.
Литвинский Б.А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел// СА. № 2.
Лубсан Данзан, 1973. Алтан Тобчи (Золотое сказание). М.
Медведев А.Ф., 1966а. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв.// САИ. Е1-36.
Медведев А.Ф., 1966б. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе// СА. № 2.
Медведская И.Н., 1972. Некоторые вопросы хронологии наконечников стрел Средней Азии и Казахстана// СА. № 3.
Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов// САИ. Д1-4.
Мелюкова А.И., 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершие// Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Михлин Б.Ю., Швецов М.Л., 1978. Отчет о работах Азовского отряда Северскодонецкой эксп. ИА АН УССР в 1972 г.// НА ИА НАН Украины, 1978/33 "г".
Молодин В.И., 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск.
Мошкова М.Г., 1989. Среднесарматская культура// Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Немеров В.Ф., 1982. Наконечники стрел ундугунской культуры// Археология Северной Азии. Новосибирск.
Овчинникова Б.Б., 1998. Древнетюркские лучники Саяно-Алтая (Тува)// Военная археология. Сборник материалов Международной конференции 2-5 сентября 1998 г. СПб.
Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986. Половецький комплекс Чингульського кургану// Археологія. № 53.
Ошибкина С.В., 1989. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР// Археология СССР. Мезолит СССР. М.
Паланджнян В.А., 1955. Урартские древки стрел// Кармир-Блур. Т.III. Ереван.
Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма// Археология СССР. Палеолит СССР. М.
Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Л.
Руденко С.И., 1962. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.
Рыков П., 1925. Сусловский курганный могильник. Саратов.
Седова М.В., 1971. Предметы вооружения из Ярополча Залесского// КСИА. Вып.125.
Синицын И.В., 1953. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС// КСИИМК. № 50.
Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.)// МИА. № 60.
Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.)// МИА. № 78.
Скарбовенко В.А., 1981. Погребение эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника// Древние и средневековые памятники Поволжья. Куйбышев.
Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов// МИА. № 101.
Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.
Соловьев А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск.
Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. К.
Федоров Г.Б., 1953. Городище Екимауцы// КСИИМК. № 50.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Худяков Ю.С., 1980. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири// Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции в Кемерово. Кемерово.

Худяков Ю.С., 1984. Вооружение древних тюрков Центральной Азии// Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.

Худяков Ю.С., 1985. Железные наконечники стрел из Монголии// Древние культуры Монголии. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1986. Комплекс вооружения кимаков// Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1991. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1968. Погребения поздних кочевников в Степном Крыму// Археологические исследования средневекового Крыма. К.

Черненко Е.В., 1975. Оружие из Толстой Могилы// Скифский мир. К.

Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. К.

Шаповалов Т.А., 1976. Поселение срубной культуры у с.Ильичевка на Северском Донце// Энеолит и бронзовый век Украины. К.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Гребенников Ю.С., Балушкин А.М., Довженко Н.Д., Елисеев В.Ф., Клюшинцев В.Н., Ребедайло Г.П., 1978. Отчет о работе Ингульской археологической экспедиции за 1978 г.// НА ИА НАН Украины, 78/11.

Шишлина Н.И., 1990. О сложном луке срубной культуры// Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. Вып.74.

Шмидт А.В., 1997. Древнейшие костяные наконечники стрел Алтайского края// Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул.

Щепинский А.А., 1962. Погребение начала железного века у Симферополя// КСИА АН УССР. № 12.

Arab Archery, 1945. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 "A book on the excellence of the bow and arrow" and the description there of. Translated and adited by Nabih Amin Faris and Robert Potter Elmer. Princeton University press. Princeton-New Jersey.

Summary

V.G.Kischenko (Donetsk, Ukraine)

The Arrows of Ancient and Medieval Cultures of Eurasia: Reconstruction

The main objective of the present work is to reconstruct the arrows of the nomads beginning from the time of their appearance in the late Neolithic age till the end of the Middle Ages. The present research has been undertaken exclusively on the basis of archaeological data. As far as we know, such comprehensive study has never been attempted before in the world archaeological practice.

The data accumulated through scrupulous studies have enabled us, on the one hand, to specify more strictly certain well-known types of arrows, and, on the other hand, to establish their look and design, the technology of their manufacturing, and their killing power.

Since any material thing is an integral part of culture, this reconstruction could contribute to a more general picture of not only military but also many other aspects of life of traditional societies.

The investigation has shown that neither a design nor the colouring of the ancient arrows reveal any signs of manufacturer's improvisation. Every element of the arrow (its parameters (the length and diameter), the sort of wood, types of arrowheads and whistles (svistunki), the elements of a fastening system, the form and colouring of the shaft and feathering, the form of the lug and other details follow the prototype pattern.

Although in different epochs the arrows of the steppe cultures had numerous specific features, there were also some common characteristics. The most important of them were the usage of definite sorts of wood, and general parameters of the shaft and the lug. Moreover, observations have enabled us to establish some evolution sequences. These are, for instance, the typology of arrowhead, it being developed in search of the optimum form and materials to reduce air resistance, the improvement of the fastening system, etc. As for the arrow colouring and decoration, they pose a special problem for attributing the specific colouring and decorative features to a particular culture, ethnos, tribe or family.

V.G. Kiščenko (Donezk, Ukraine)

Pfeile aus den altertümlichen und mittelalterlichen Kulturen Eurasiens: Rekonstruktion

Der Zweck des vorliegenden Beitrages ist, die Form der Nomadenpfeile von ihrer Entstehung im späten Paläolithikum an bis zum späten Mittelalter zu rekonstruieren. Dieses für die Geschichtswissenschaft einmalige Vorhaben wurde ausschließlich auf der Basis von archäologischen Angaben verwirklicht.

Die gesammelten Tatsachen ermöglichten, in einigen Fällen relativ gut bekannte Pfeiltypen zu präzisieren, und in anderen Fällen zum ersten Mal die Konstruktion, Herstellungstechnologie, Kampfeigenschaften und die Gestalt der Pfeile festzustellen.

Dieses Rekonstruktionsversuch der Gestalt von altertümlichen und mittelalterlichen Pfeilen wird als ein Kettenglied in der Wiederherstellung von nicht nur Militärwesen der Nomaden, sondern auch vieler anderer Seiten des Lebens der traditionellen Kollektive verstanden, als Gegenstand, der eine untrennbare Komponente der Kultur ist.

In den Konstruktionen und Farbausprägungen der Pfeile fehlen die Elemente der Autorenimprovisation vollständig, d.h. eine Quellenbasis hat buchstäblich alles: Pfeilabmessungen (Länge und Durchmesser), Holzsorte, Endstücktypen von Pfeilen und Pfiffpfeilen, Befestigungssysteme einzelner Elemente, Form und Farbenzusammenstellung des Federkleides und des Schaftes, Ösenform und andere Kleinigkeiten.

Obwohl die analysierten Pfeile unterschiedlicher Steppenkulturen und verschiedener Zeiten zahlreiche spezifische Besonderheiten aufweisen, haben sie jedoch eine Reihe von Gemeinsamkeiten. Darunter sei die Tendenz zur Ausnutzung von bestimmten Holzsorten, die Gemeinsamkeit der Abmessungen des Schaftes selbst und der Öse hervorzuheben. Wichtig ist, dass das zu veröffentlichende Material einige Evolutionsreihen aufzeichnete. Das sind, zum Beispiel, die Entwicklungstypologie der Endstücke vor allem in der Richtung, optimale Form und Holzsorte zu finden, die am besten den Luftwiderstand überwinden; Vervollkommnung des Befestigungssystems einzelner Pfeilteile u.a. Abgesondert steht die künstlerische (dekorative) und farbige Bearbeitung des Pfeils. Das Problem besteht in der Bestimmung spezifischer Besonderheiten in der farbigen und ornamentalen Übertragung dieser oder jener Kultur, dieses oder jenes Volkes, Stammes oder Ventils.

V.G.Kiščenko (Donetsk, Ukraine)

Les flèches des cultures anciennes et moyenageuses de l'Eurasie: Reconstruction

La partie principale de l'article est consacrée à la présentation de l'apparence des flèches de nomades à partir de leur apparition pendant l'époque du paléolithe tardif jusqu'au Moyen Age développé. C'est tout un premier essai dans la science historique mondiale qui n'a pour base que des données archéologiques.

Des faits ramassés ça et là ont permis, dans certains cas, de préciser des types relativement connus de flèches, dans d'autres cas ils ont permis, pour la première fois, d'établir la construction, la technologie de fabrication, les propriétés de combat et l'apparence des flèches.

Cette tentative de reconstruction de l'apparence des flèches anciennes et moyenâgeuses se propose de servir de maillon dans la reconstitution non seulement de l'art militaire des nomades mais aussi d'autres côtés de la vie des collectivités traditionnelles, comme l'objet qui est un composant indissoluble de la culture.

Les constructions et présentations en couleur des flèches ne comportent point d'éléments improvisés par l'auteur ce qui veut dire que tout vient de la source: paramètres des flèches (longueur et diamètre), espèce d'arbre, types de pointes de flèches et de sifflets (svistunok), système de fixation d'éléments, forme et couleur du plumage et de la hampe, forme du chas et d'autres détails.

Malgré nombreuses particularités spécifiques des flèches étudiées provenant des cultures de steppes et appartenant aux différentes époques elles comportent quelques caractéristiques communes. Il convient de noter une tendance à l'utilisation des espèces déterminés d'arbres, des paramètres communs de la hampe et du chas. Mais l'essentiel est que cette étude ébauche certaines séries évolutionnistes. Comme, par exemple, la typologie de l'évolution des pointes de flèches qui va du côté de la recherche des formes optimales et de la matière qui servirait le mieux à résister au vent; le perfectionnement du système de fixation des parties de la flèche etc. Le traitement artistique (décoratif) et de couleur de la flèche sont un peu à part. Le problème consiste en la définition des particularités de l'expression des couleurs et des ornements dans une telle ou telle culture, telle ou telle ethnie, tribu ou clan.

Статья поступила в редакцию в июне 2003 г.

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВИЧА КИЩЕНКО (1937-2003)

Перед самым выходом в свет данного тома пришло печальное известие. 26 ноября 2003 г., в день своего рождения, перестало биться сердце одного из авторов сборника – Валентина Григорьевича Кищенко. Он был большим любителем археологии, одним из крупнейших коллекционеров Донецкого края, путешественником и просто замечательным и архипорядочным человеком.

В.Г.Кищенко родился 26 ноября 1937 г. в г.Караганда. В 1956 г., окончив горный техникум, он был принят на шахту в должности горного мастера. После службы в армии вернулся на шахту; работал мастером, спасателем, начальником отдела горноспасательной службы. Позже работал зам. директора объединения "Металлист", зам. директора Донецкого физико-технологического института, а с 2000 г. до последнего своего дня находился на должности научного сотрудника того же института.

Увлечение историей и археологией началось у Валентина Григорьевича со школьной скамьи. В силу суровых жизненных обстоятельств тех лет оно не стало профессией, однако, осталось на всю жизнь. Первоначально это выразилось в коллекционировании предметов старины. Однако их сбор не ограничивался простым собирательством. Он сопровождался интенсивной работой со специальной литературой, критическим ее анализом. Полученными знаниями Валентин Григорьевич щедро делился с окружающими, особенно с представителями молодого поколения. В частности, в свои юные годы с ним был знаком и главный редактор настоящего издания. Тесные контакты между ними сохранялись и в последующие годы, а к концу жизни Валентина Григорьевича они переросли в научное сотрудничество.

Любовь к древней истории родного края Валентин Григорьевич передал и своим детям. Путешествия по донецким степям, "охота" с аквалангом за древними амфорами, лежащими на дне Азовского моря, сбор с отцом различных предметов седой старины помогли сделать его сыновьям выбор в мире увлечений.

Со временем данных, которые можно было добыть из книг, стало недоставать. И тогда началась серьезная проработка музейных собраний, сначала в г.Донецке, а затем и в других городах. Но и этого всего В.Г.Кищенко было мало. Он знакомится с профессиональными археологами, регулярное общение с которыми окончательно предопределило его стремление к исследовательской работе. Его коренастая фигура в неизменной белоснежной рубашке (других не носил), с улыбкой на устах, в широкополой шляпе стала привычной во многих научных учреждениях, с сотрудниками которых Валентин Григорьевич поддерживал регулярные контакты. Со временем, собранный объем материалов стал столь велик, что

вызвал необходимость в их научной систематизации. Первой большой попыткой и, к сожалению, последней, стала работа по реконструкции стрел древних и средневековых культур Евразии, публикуемая в данном сборнике. На наш взгляд, она – самая выразительная из всех представленных в редакцию серии "Степи Европы в эпоху средневековья", т.3.

Многие замыслы Валентина Григорьевича, опять-таки, к огромному сожалению, остались нереализованными, во многом из-за масштабности его планов. Внезапная кончина не позволила, например, воплотить в жизнь идею создания выставки реконструированных им стрел, максимально приближенных к оригиналам разных времен и народов. Конструктивные элементы стрел были изготовлены Валентином Григорьевичем, в основном лично, с использованием таких же материалов, какие шли на изготовление у древних. Источниками для воссоздания их облика послужили данные археологии, а также собранные по крупицам описания и изображения отдельных деталей, содержащиеся в письменных источниках.

Несмотря на возраст и ранее перенесенный инфаркт, В.Г.Кищенко продолжал работать, не сбавляя темпа. Его пытливый ум требовал новой и новой информации, сбором которой Валентин Григорьевич занимался до последнего дня своей жизни.

Людей, с которыми встречался В.Г.Кищенко, непременно поражало его внутреннее обаяние и глубокая порядочность, а высокая эрудиция делала его интересным собеседником. Жизнерадостным, веселым человеком, всегда готовым прийти на помощь в трудную минуту, таким Валентин Григорьевич запомнился всем тем, кто его знал.

Редакция сборника

В.Н.Шалобудов, П.П.Лесничий

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОВОЗОК (по материалам половецких погребений Поднепровья)

В жизни всех кочевых народов исключительно важную, определяющую роль играли транспортные средства, позволявшие за короткий промежуток "таборного" кочевания осваивать значительные территории. Необходимость сезонных миграций, снаряжение торговых караванов и военных экспедиций заставляли степняков жить в постоянном движении. Кочевник рос в седле, и весь его быт был подчинен максимальной мобильности. Однако, если небольшой военный отряд мог передвигаться целиком на верховых конях, то откочевка всей орды обязательно требовала использование колесного транспорта.

Широкое применение номадами различных типов повозок засвидетельствовано еще в эпоху бронзы. Детали двух и четырехколесных повозок встречаются в погребениях ямной и катакомбной культур (Избицер Е.В., 1993, с.5-7; Ковалева И.Ф., 1999, с.97-103). Сохранились и их многочисленные изображения на камне, как иллюстрации к мифу, отображавшему, в частности, борьбу жизни и смерти в образе колесничего на небесной колеснице (Кузьмина Е.Е., 1974, с.83-85; Новгородова Э.А., 1984, с.72-76; Ковалева И.Ф., 1993, с.71, 72). Широко известны также модельки повозок из глины и металла (Ковалевская В.Б., 1977, с.27-31). Важную роль повозка играла и в сложных эсхатологических представлениях скифов, которые античными авторами нередко назывались не иначе, как "живущие в повозках" (Бессонова С.С., 1982, с.104, 112-115). Уже в IV в. до н.э. повозки, как правило, в разобранном состоянии становятся обычной "социальной" принадлежностью погребений скифской знати (Бессонова С.С., 1982, с.103, 104, 111, 112).

Средневековые кочевники шли по пути усовершенствования колесного транспорта, когда каждая повозка максимально отвечала требованиям мобильности, маневренности, грузоподъемности, практичности, надежности, простоты в изготовлении и взаимозаменяемости деталей при ремонте. Наиболее тяжелые и мощные повозки-платформы были у монголов. Для увеличения прочности в них впервые стали применяться чугунные втулки колес в качестве подшипников скольжения. Разнообразные втулки, обнаруженные при раскопках монгольской столицы Каракорума, исчисляются сотнями экземпляров (Терехова Н.Н., 1974, с.69-71). Описание подобных повозок для перевозки целых юрт находим у Гильома Рубрука: "Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков..." (Путешествия в Восточные страны, 1957, с.91).

Наиболее удобными и многофункциональными были легкие двухколесные повозки с решетчатым кузовом типа арбы, получившие широкое распространение у половцев. Они могли использоваться не только для парадного выезда, транспортировки домашнего скарба, обустройства зимовища или укрепленного лагеря, но оказались незаменимыми в военных походах. На них с удобством перевозились запасы оружия, провиант и военные трофеи. При наличии больных и тяжелораненых подобный транспорт был необходим, позволяя поддерживать высокую скорость передвижения отрядов. Использование огромного числа повозок кочевниками упоминается в русских летописях. Игорю и его войску, находящемуся в поле Половецком, нужно было прислушиваться не к топоту коней, не к крикам испуганных птиц, а к визгу и скрипу несмазанных тележных колес половцев (Слово о полку Игореве, 1950, с.12, 395). И не кибиток "веж", а повозок военного назначения, на которых перевозили доспехи и запасы стрел (Кирпичников А.М., 1961, с.77; Рыбаков Б.А., 1991, с.72, 73). Внешний вид двух- и четырехколесных половецких веж передан на миниатюрах Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи (лл. 232 (об.); 237 (об.); 242 (об.). Они изображены запряженными одной лошадью с оглоблями и мягким хомутом. Кучер (возница) всегда управляет повозкой, сидя на спине лошади. По наблюдениям В.В.Бартольда, подобный способ управления повозками получил широкое распространение и у монголов. А в качестве доказательства того, что их кибитки-арбы были двухколесными он приводит слова Чингиз-хана Ван-хану: "Мы с тобой что две оглобли у кибитки; когда поломается одна, быку не свезти кибитки; мы с тобой что два колеса у кибит-

ки; сломайся одно, ей не двинуться" (Бартольд В.В., 1966а, с.407).

О степени и характере использования транспортных средств в половецкой среде можно опосредованно судить по летописным сообщениям, а также исследованиям С.А.Плетневой, когда уже в 1-й пол.XII в. в восточноевропейских степях кочевало не менее 12-15 орд, причем преобладали 40-тысячные. При общем количестве населения примерно 500-600 тыс. человек в кочевом хозяйстве даже малой семьи из пяти человек насчитывалось стадо, соответствующее по поголовью 25 лошадям и это, не учитывая степных богачей, имеющих во владении стада, состоявшие из 10 тыс. коней и 100 тыс. овец (Плетнева С.А., 1990, с.115). При развитом у половцев деревообрабатывающем ремесле повозки изготовлялись в большом количестве. У монголов, по свидетельству Гильома Рубрука, также существовали легкие повозки с решетчатыми кузовами: "... они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того, с одного краю делают небольшой выход; после этого покрывают этот ящик или домик черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю. ...Один богатый Маол, или Татарин имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200. Самая слабая из женщин (muliercula) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна". Рубрук также подчеркивает, что при разделении труда у монголов управлением повозок занимались женщины, а их изготовлением мужчины: "Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки..."(Путешествия в Восточные страны, 1957, с.91, 92, 101).

Использование при изготовлении повозок дерева твердых пород, дефицитного в степи, и большие затраты времени при обработке деталей определяли их довольно значительную ценность. Телеги берегли, ремонтировали и не использовали на топливо. По всей видимости, это и послужило одним из факторов помещения в погребения по принципу pars pro toto кузовов, снятых с колес, при использовании последних в дальнейшем. Следует принять во внимание также и то, что изготовление колес было достаточно трудоемким процессом, требовавшим к тому же высокой квалификации мастера.

Известно, что несущие основную нагрузку колеса и оси выходили из строя гораздо чаще. Кочевники, чтобы не бросать повозки с незначительными повреждениями и не перераспределять поклажу при дальних переходах, должны были иметь их запас, что находит прямые параллели в хозяйственной деятельности чумаков-фурщиков (Слабєєв І.С., 1964, с.37). Самостоятельное же существование "решетчатых гробов", функционально крайне неудобных в качестве погребального сооружения, представляется маловероятным, учитывая количественную ограниченность их материального мира.

"Решетчатые гробы", интерпретируемые нами как кузова, встречаются, в основном, в погребениях половецкого времени (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.149; Шалобудов В.Н., 1992, с.114, 118). Однако отдельные их находки зафиксированы в аварских памятниках, датирующихся по составу инвентаря VII в. (Археология Украинской ССР, 1986, с.226, рис.54, *2-11*; рис.54, *15, 16*; с.228). Экспедицией Днепропетровского университета наиболее ранний "решетчатый гроб" – кузов найден в погребении сер.XI в. у с.Преображенка в степном Поднепровье (Безверхий А.П., 1990, с.119, 124). Количество повозок в половецких погребениях по сравнению с отдельными кузовами невелико. В исследованном нами регионе их всего четыре, что чуть более 6% от общего количества решетчатых кузовов. В целом, по публикациям кочевнических погребений степной Украины и Крыма, Поволжья нами отмечены еще 12 повозок, сведения о которых приведены в "Приложении".

К сожалению, большинство отчетных и публикационных сообщений не несут информации о конструктивных деталях повозок, позволяющих провести их реконструкцию. Однако можно отметить, что все они целиком деревянные, двухколесные с решетчатыми кузовами. Конская сбруя рассчитана на езду верхом. Единственная повозка с железными шипами на ободе и металлическими деталями крепления кузова исследована Д.И.Эварницким у с.Афанасьевка в степном Поднепровье. Кузов последней был окрашен яркой карминной краской и отделан снаружи костяными резными украшениями, что позволяет считать ее парадной. Погребение принадлежало богатой женщине и датируется монетами хана Джанибека (1341-1357 гг.) – золотоордынским временем (Эварницкий Д.И., 1907, с.115-117, 123-126).

Для реконструкций нами привлечены наиболее подробно зафиксированные детали повозок, в основном, из погребений, исследованных в степном Поднепровье.

Конструкция кузова – наиболее единообразная деталь половецких повозок. Это узкая прямоугольная рама от 1,8 до 2 м длиной и шириной соответственно 0,5-0,8 м. Продольные, квадратные в сечении, брусья всегда выполнены из

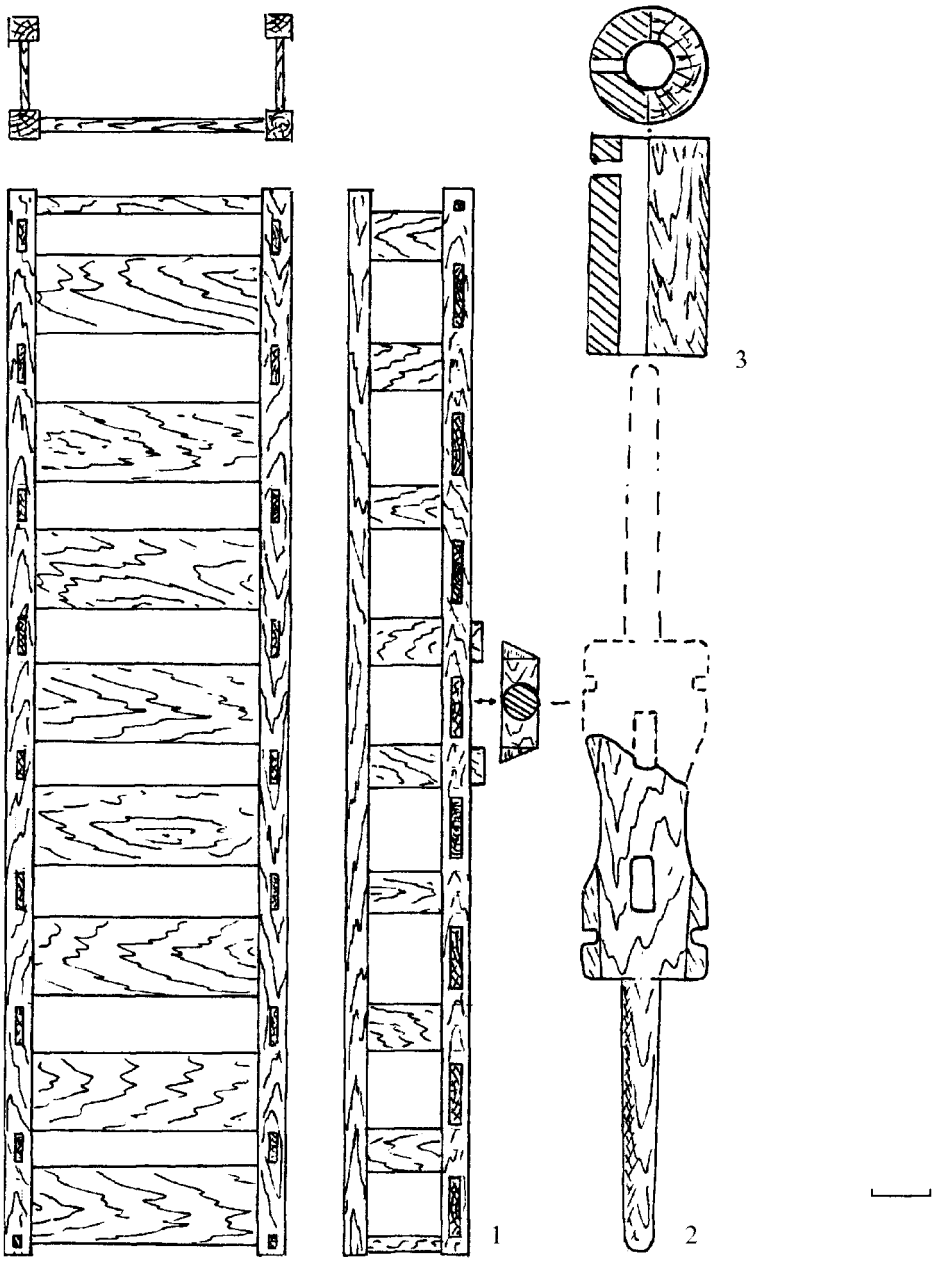

Рис. 1. Детали позднекочевнических повозок. *1, 2 – кузов и ось повозки из погребения у с.Больше-михайловка-II, 1/2; 3 – муфта повозки из погребения у г.Павлоград-I, 7/1.*

Fig. 1. Details of late nomadic carts: *1, 2 – cart body and axle from burial near Bolshemikhailovka-II, 1/2; 3 – cart coupling from burial near Pavlograd-1, 7/1.*

Abb. 1. Teile der spätnomadischen Fuhrwerke. *1, 2 – Wagenkasten und Achse des Fuhrwerkes aus der Bestattung in der Nähe des Dorfes Bolschemichajlovka-II, 1/2; 3 – Muffe des Fuhrwerkes aus der Bestattung in der Nähe von Pavlograd-1, 7/1.*

Dess. 1. Pièces des charrettes des nomades des siécles plus avancés. *1, 2 – la carrosserie et l'axe de la charrette du tombeau 2, du kourgane 1, du groupe II prés du village Bolŝemikhajlovka; 3 – le manchon de la charrette du tombeau 1, du kourgane 7, groupe I, prés de la ville Pavlograd*

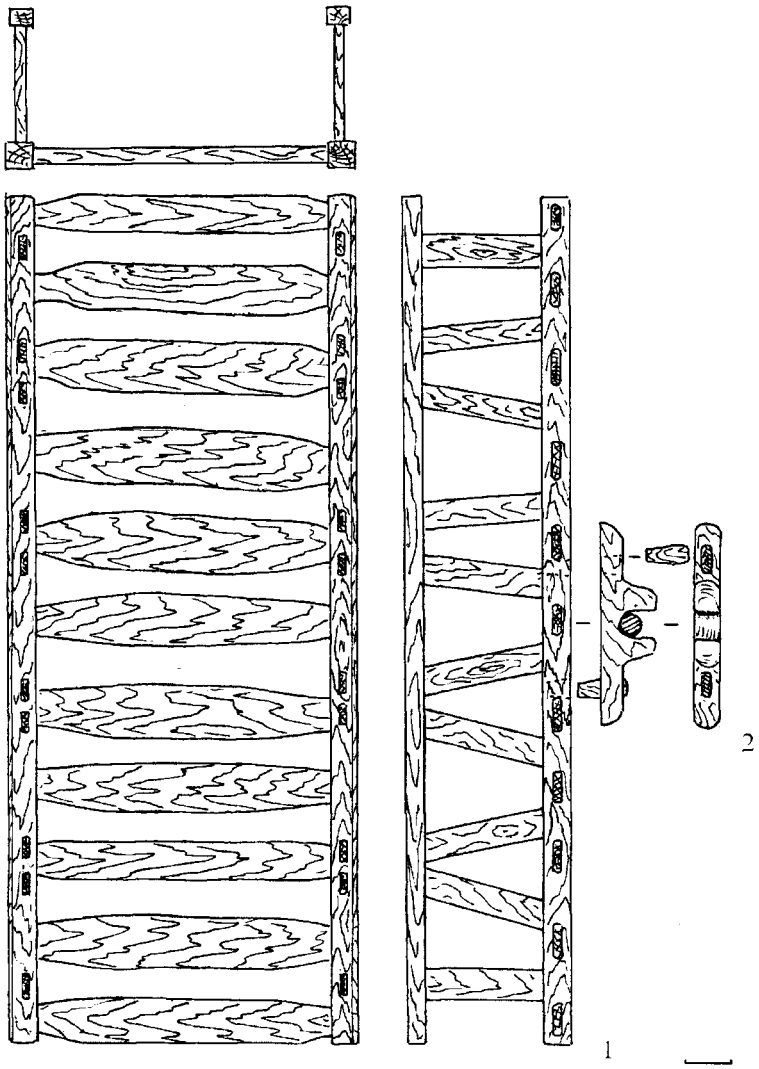

Рис. 2. Детали позднекочевнических повозок. *1, 2 – кузов и деталь крепления оси из погребения у с. Чапаевка, 1/3.*

Fig. 2. Details of late nomadic carts: *1, 2 – cart body and detail of axle fastening from burial near Chapayevka village, 1/3.*

Abb. 2. Teile der spätnomadischen Fuhrwerke. *1, 2 – Wagenkasten und Befestigungsstück des Fuhrwerkes aus der Bestattung in der Nähe des Dorfes Tschapajevka, 1/3.*

Dess. 2. Pièces des charrettes de nomades des siécles plus avancés. *1, 2 – la carrosserie et les détails de la fixation de l'axe du tombeau 3, kourgane 1 prés du village Ĉapaévka*

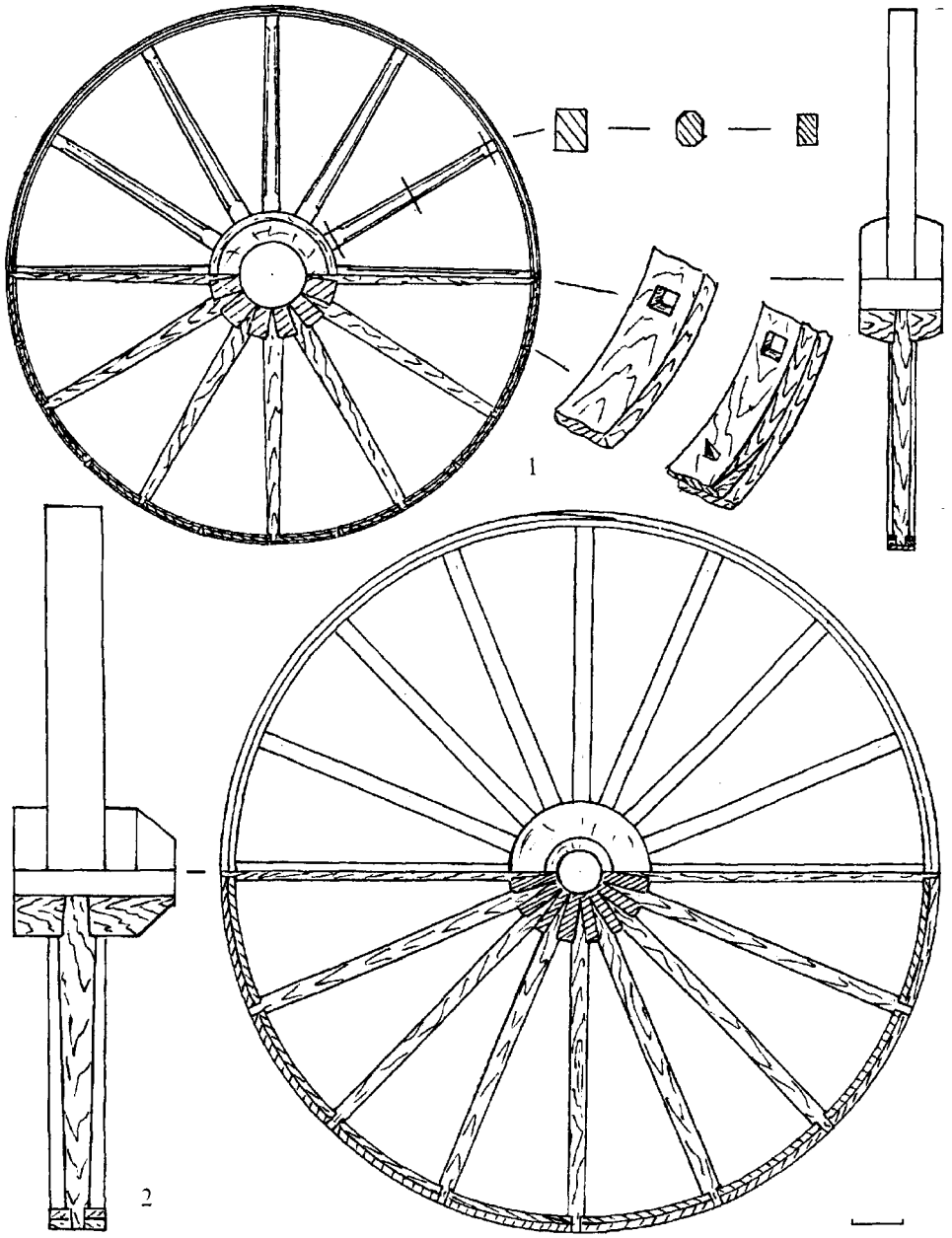

Рис. 3. Колеса позднекочевнических повозок из курганов у с.Большемихайловка. *1 – колесо и фрагменты обода из погребения Большемихайловка-II, 1/2; 2 – колесо из погребения Большемихайловка-I, 5/2.*

Fig. 3. Wheels of late nomadic carts from burial mounds near Bolshemikhailovka. *1 – wheel and rim fragments from burial Bolshemikhailovka-II, 1/2; 2 – wheel from burial Bolshemikhailovka-I, 5/2.*

Abb. 3. Die Räder der spätnomadischen Fuhrwerke aus den Kurganen in der Nähe des Dorfes Bolschemichajlovka. *1 – das Rad und die Teile der Felge aus der Bestattung in der Nähe des Dorfes Bolschemichajlovka-II, 1/2; 2 – das Rad aus der Bestattung in der Nähe des Dorfes Bolschemichajlovka-I, 5/2.*

Dess. 3. Les roues des charrettes de nomades des siècles plus avancés du kourgane prés du village Bolŝemihajlovka. *1 – une roue et des pièces de la jante du tombeau 2, kourgane 1, groupe II; 2 – une roue du tombeau 2, kourgane 5, groupe I*

прочного дерева лиственных пород – дуба или бука. Соединяющие их поперечные планки при толщине в среднем 2 см, как правило, шире расстояния между ними. Вертикальные стойки бортов, не превышающие 0,3-0,5 м, уже зазоров, образованных планками дна, чем достигалось увеличение прочности несущей конструкции. Верхний брус всегда тоньше, а иногда и уже нижнего. Жесткая связь бортов в углах отсутствовала, что позволяет предположить их фиксацию ремнями.

Эталонным примером вышеописываемого кузова может служить "решетчатый гроб" из погребения Большемихайловка-II, 1/2 (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.143-145) (рис.1, *1*). Более совершенным в технологическом отношении можно считать кузов из погребения Чапаевка 1/3 (Шалобудов В.Н., 1992, с.115, рис.1, *1*, с.116, рис.2). При близких основных параметрах, дополнительная жесткость конструкции достигалась в нем расположением стоек бортов под углом друг к другу (рис.2, *1*). Единственный случай отступления от прямоугольной формы кузова отмечен нами в погребении Соколово-IV, 3/11, где за счет выгнутости продольных стенок ему была придана ладьевидная форма (Шалобудов В.Н., 1993, с.95, 96, рис.2, *1, 2, 4*).

Гораздо более разнообразны колеса повозок, что позволяет нам детально описать наиболее сохранившиеся экземпляры.

В погребении Большемихайловка-II, 1/2 колеса диаметром 1,05 м – наименьшие из всех нам известных (рис.3, *1*). Колеса состояли из бочонковидных ступиц высотой 16 см, максимальным диаметром 25 см и диаметрами оснований 20 см. Внутренний диаметр ступицы 11 см. В средней части ступиц были прорезаны 12 отверстий, предназначавшихся для крепления прямоугольных в сечении спиц, ширина которых у ступицы составляла 4 см при толщине 3 см. Средняя часть спиц за счет проработки боковых граней в сечении восьмигранная, постепенно переходящая к концам в прямоугольную, площадью сечения 3х2 см у обода. Входящая в прорези ступиц часть спиц затесана на клин, а крепящаяся в ободе – квадратная, сечением 2х2 см. Общая длина спиц составляла 46 см. По сохранившимся фрагментам обода длиной 40 см можно восстановить конструкцию последнего. Ширина обода – 5 см. Он состоял из трех наложенных друг на друга слоев древесины толщиной от 1 до 1,5 см. В двух внутренних прорезаны квадратные отверстия по размеру сечения спиц, третий – внешний слой обода – перекрывал их и крепился к лежащим выше слоям четырехгранными деревянными гвоздиками-шипами, вбитыми по одному между спицами с внешней стороны обода. Подобная конструкция, помимо придания колесу высоких амортизационных свойств, обеспечивала и дополнительную долговечность, позволяя заменять при износе обода лишь верхний его слой. Обод вышеописанной конструкции был зафиксирован и у колес повозки из погребения Большемихайловка-I, 5/2 (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.147, 148). Колеса диаметром 1,4 м имели ступицы цилиндрической формы, односторонне сужавшиеся на конце, высотой 32 см, диаметром 25 см с отверстием для оси диаметром 8 см. В ступице прорезаны 16 прямоугольных отверстий сечением 5х3 см для спиц длиной по 65 см. Их сечение также прямоугольное: от 7х3 см у ступицы до 3,5х3 см у обода (рис.3, *2*). Плохая сохранность обода шириной 11 см не позволила зафиксировать точное число слоев дерева, но их толщина колебалась от 1,5 до 2 см.

Значительный интерес представляют колеса повозки из погребения могильника Мамай-Гора 43/2 в Нижнем Поднепровье (Каприцын И.И., 1993, с.264-267). При диаметре в 1,4 м колеса имели очень маленькую ступицу, высота которой составляла около 20 см, диаметр 25 см и диаметр отверстия 10 см. В ступицу входили 24 фигурные спицы, обмотанные полосками бересты. Обод шириной до 10 см овального сечения состоял из одного слоя дерева толщиной 1 см (рис.4, *2*).

Обмотка спиц по всей длине берестой, предохранявшая их от растрескивания и продлевавшая срок службы колеса, имеет глубокие корни. Подобный прием был известен в скифское время. Примером может служить колесница из 5 Пазырыкского кургана, спицы колес которой также были обмотаны берестой по клею (Руденко С.И., 1960, с.232-236).

Уникально устройство колес повозки из погребения Виноградное 30/3. Колеса диаметром 1,4 м имели цилиндрические ступицы длиной 31 см, диаметром 25 см при толщине стенок до 6 см. Они состояли из двух хорошо подогнанных половинок, которые связывались веревками в специально оставленных кольцевых желобках. Обод каждого колеса был изготовлен из тонкого ствола дерева и обтесан до диаметра 7 см. Концы каждого обода были косо срезаны и плотно крепились внакладку (Рассамакин Ю.Я., 2000, с.98).

Колеса остальных известных нам повозок сохранились хуже, что затрудняет их полную реконструкцию. Так, у колес повозки из погребения Чапаевка 1/3 не восстанавливается диаметр, что не позволяет судить о характере обода. Ступица цилиндрической формы длиной 48 см, наружным диаметром 23 см и внутренним – 12 см. В ней со смещением на 7 см от поперечной оси прореза-

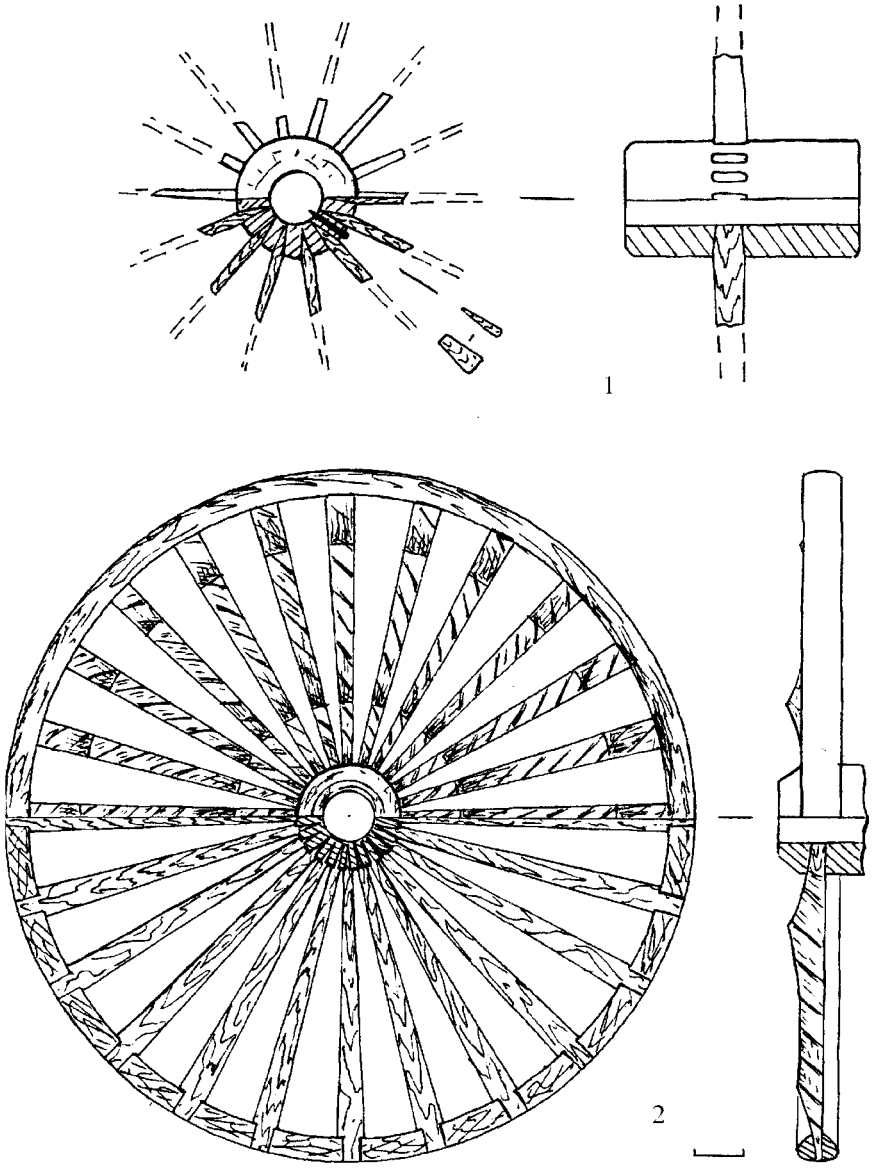

Рис. 4. Колеса позднекочевнических повозок. *1 – фрагменты колеса из погребения у с.Чапаевка, 1/3; 2 – колесо из погребения могильника Мамай-Гора, 43/2.*

Fig. 4. Wheels of late nomadic carts: *1 – wheel fragments from the burial near Chapayevka village, 1/3; 2 – wheel from the burial of Mamai-Gora cemetery, 43/2.*

Abb. 4. Die Räder der spätnomadischen Fuhrwerke. *1 – die Teile des Rades aus der Bestattung in der Nähe des Dorfes Tschapajevka, 1/3; 2 – das Rad aus der Bestattung des Gräberfeldes Mamaj-Gora, 43/2.*

Dess. 4. Les roues des charrettes de nomades des siècles plus avancés. *1 – le fragment de la roue du tombeau 3, kourgane 1 prés du village Čapaévka; 2 – une roue du tombeau 2, kourgane 43 du sépulcre Mamaj-Gora*

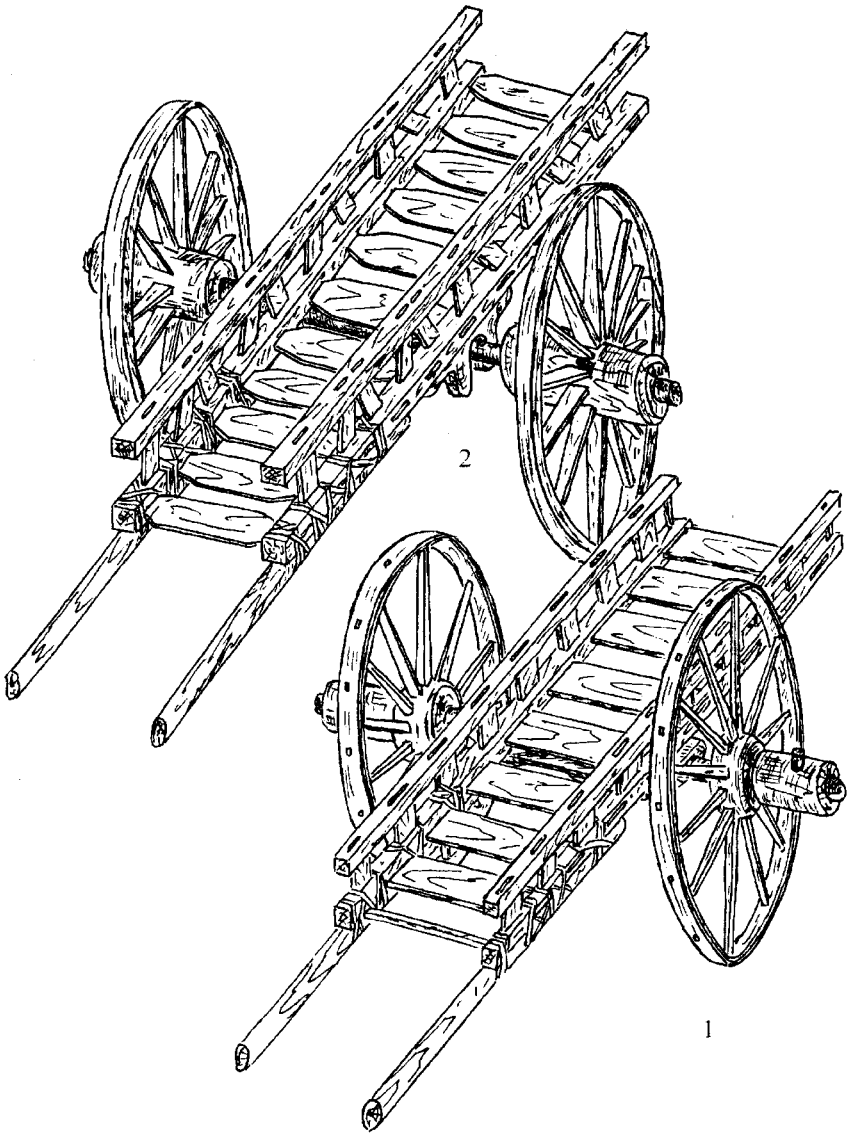

Рис. 5. Реконструкция позднекочевнических повозок. *1 – повозка из погребения у с.Большемихайловка-II, 1/2; 2 – повозка из погребения у с.Чапаевка, 1/3.*

Fig. 5. Reconstruction of carts of the late nomadic period: *1 – cart from the burial near Bolshemikhailovka-II village, 1/2; 2 – cart from the burial near Chapayevka village, 1/3.*

Abb. 5. Rekonstruktion der spätnomadischen Fuhrwerke. *1 – das Fuhrwerk aus der Bestattung in der Nähe des Dorfes Bolschemichajlovka-II, 1/2; 2 – das Fuhrwerk aus der Bestattung in der Nähe des Dorfes Tschapajevka, 1/3.*

Dess. 5. La reconstruction des charrettes de nomades des siècles plus avancées. *1 – la charrette du tombeau 2, kourgane 1, groupe II prés du village Bolšemihajlovka; 2 – la charrette du tombeau 3, kourgane 1, près du village Čapaévka*

но 14 прямоугольных пазов для спиц, размерами 7х1,4 см. В одной из ступиц между спицами вбит длинный деревянный клин сечением 4х1,5 см, который, очевидно, закреплял колесо на оси неподвижно (рис.4, *1*). Колеса повозки, найденной в погребении Павлоград-I, 7/1, не поддаются реконструкции (Шалобудов В.Н., 1990, с.114, 116, 117). Однако стоит отметить найденную в нем длинную (до 40 см) муфту диаметром 20 см и внутренним каналом для оси 8 см. Деревянная чека вставлялась в круглое поперечное отверстие, просверленное у ее края (рис.1, *3*).

Наибольшее число деталей, позволяющих с большой долей достоверности реконструировать половецкую двухколесную повозку кон.XII в., удалось зафиксировать в погребении Большемихайловка-II, 1/2 (рис.5, *1*). Решетчатый кузов крепился к неподвижной оси при помощи врезанных в ней пазов, расстояние между которыми составляло 45 см. В них входили нижние концы средних бортовых стоек. Прорезанные в широкой части оси парные отверстия прямоугольной формы служили для ремней, дополнительно страховавших кузов (рис.1, *2*). Овальные в сечении оглобли с нижней частью кузова соединялись ремнями. Колеса, вращавшиеся на неподвижной оси внутренней стороной ступицы, примыкали к ее плоским выступающим частям, не касаясь бортов. С наружной стороны они должны были фиксироваться дополнительными муфтами. О необходимости такой детали свидетельствуют как запас длины оси, так и обнаружение нами подобной муфты в погребении с повозкой у г.Павлограда (рис.1, *3*). Аналогичное крепление колес отмечено у повозки скифского времени из 5 Пазырыкского кургана (Руденко С.И., 1960, с.232-236).

Совершенно другое устройство ходовой части демонстрирует нам повозка из погребения XIII-XIV вв. у с.Чапаевка, кузов которой рассматривался выше (рис.5, *2*). Он удерживался на подвижной оси только под своим весом. Повозка разбиралась простым поднятием кузова. Это достигалось за счет открытых снизу пазов, в которых должна была вращаться ось. Упоры с пазами соединялись с кузовом при помощи клиньев, что, однако, не исключало наличия дополнительных страховочных ремней (рис.2, *2*). Можно добавить, что наглухо на оси фиксировалось только одно колесо, второе же оставалось свободным, что не давало оси сломаться при поворотах повозки из-за разной скорости вращения колес. Повозку из Чапаевки можно считать наиболее совершенной в изготовлении и практичной в эксплуатации. Она демонстрирует прогресс в развитии колесного транспорта у средневековых кочевников.

Приведенные нами варианты двухколесной повозки-арбы не претендуют на полноту типов. Очевидно, при накоплении новых материалов появятся и другие, отличающиеся деталями устройства. Однако можно с уверенностью утверждать, что по степям Восточной Европы в XII-XIV вв. передвигалось большое количество экипажей, запряженных одной лошадью и управляемых, по всей видимости, в основном, женщинами.

Кузова повозок сыграли особую роль в половецком погребальном обряде, став одним из его этноидентифицирующих признаков (Плетнева С.А., 1958, с.173). Устойчивость захоронений половцев в кузовах- "решетчатых гробах" подтверждается и тем, что в отдельных случаях при отсутствии реального кузова, в могилу помещалась его имитация из отдельно лежащих под скелетом поперечных плашек (Плетнева С.А., 1981, с.218). Частота встречаемости последних в половецких погребениях XII-XIV вв. позволяет рассматривать их как один из способов отправления покойника в мир мертвых. Однако это неординарное явление погребальной практики половцев осталось вне внимания современников. Отсутствуют данные и в тюркско-монгольском эпосе (Липец Р.С., 1982, с.226), что и не удивительно, учитывая то, что тюркско-монгольские фольклорные материалы крайне редко содержат сведения, отражающие какой-либо законченный цикл действий, обрядов, обычаев, связанных со смертью человека (Дьяконова В.П., 1974, с.260). По всей видимости, повозка выполняла многоплановую роль и в погребальном обряде, являясь средством доставки тела умершего к месту погребения (Нестеров С.П., 1990, с.55), престижным погребальным сооружением, "сакрально организующей" внутримогильное пространство. В этом отношении интерес представляет сообщение Санан-Сэцэна о погребении Чингиз-хана в повозке (Бартольд В.В., 1966, с.391).

Приложение. Памятники поздних кочевников с повозками

№	Пункт	Положение	Ориентация, пол, возраст	Детали повозки	Тягло
1	2	3	4	5	6
1	Афанасьевка 7/1	Основ.	З, женщина	Двухколесная "колесница" положена боком вниз (окрашена карминно-розовой краской). Имела металлические детали крепления кузова и колес. Верхнее колесо имело 18 спиц при диаметре 1 аршин и 14 вершков (134 см)	Нет
2	Белая Гора 2/1	Основ.		Деревянные части кибитки покрывали могилу	
3	Богачевка 10/1	Впуск.	СВ, женщина, 50-60 лет	Колеса положены поверх "решетчатого гроба"	Чучело лошади с остатками седла, стременем
4	Большая Белозерка 11/2	Впуск.	В, женщина	На уступе у С стенки 2 колеса, детали повозки. Погребенная в решетчатом гробу	Чучело лошади с удилами и стременем
5	Большемихай-ловка-I, 5/2	Впуск.	В, женщина, пожилая	Вход в подбой закрывали 2 колеса	На ступеньке у Ю стенки могилы – полный костяк лошади, ориентированный на З, под седло
6	Большемихай-ловка-II, 1/2	Впуск.	СЗ, мужчина, взрослый	Погребенный в решетчатом гробу, у ступеньки у СВ стенки могилы вплотную поставлены 2 колеса, детали повозки	На ступеньке вдоль СВ стенки – чучело лошади под седло, ориентированное на СЗ
7	Виноградное 30/3	Впуск.	ЮЗЗ, мужчина, взрослый	Колеса и детали повозки составляли основу перекрытия. Погребенный в колоде	Вдоль С стенки ямы на перекры-тии чучело лоша-ди под седло
8	Луганск, 2	Впуск.			
9	Мамай-Гора 43/2	Впуск.	ЮЗ, женщина, 30-35 лет	Детали повозки и два колеса в качестве перекрытия могилы. Диаметр колес – 1,4 м. Погребенная в решетчатом гробу	Нет
10	Павлоград-I, 7/1	Впуск.	ЮВВ, мужчина, молодой	Погребенный в решетчатом гробу, вход в подбой закрывали стенки и дно повозки, 2 колеса	На ступеньке вдоль С стенки входной ямы чучело лошади под седло
11	Пески 2/1	Основ.		Скелет человека в кузове	
12	Родионовка 3/1	Основ.	СВ, мужчина	Погребение перекрыто поверх материкового выкида 2 колесами (диаметр до 2 м); на уровне заплечиков – второе перекрытие из деталей повозки. Погребенный в решетчатом гробу	Нет
13	Станица Ладожская	Впуск.	Мужчина	Деревянные колеса лежали на груди погребенного	
14	Три Брата-I, 12/1	Основ.	Женщина	Погребение перекрыто наружной и внутренней дверцами кибитки, частью каркаса в виде "деревянных стержней". Дверцы окрашены в красный цвет. Внутренняя дверца имела точеные балясины	
15	Три Брата-I, 14/2	Основ.		Деревянная часть кибитки покрывала могилу	
16	Чапаевка 1/3	Впуск.	ЮЗ, женщина, пожилая	Погребенная в решетчатом гробу, поверх которого лежали детали повозки, колесо	Нет

	Форма могилы	Период[1]	Источник
	7	8	9
1	Прямоугольная яма ("черное пятно") 2,49х1,07 м (3,5х1,5 аршин)	IV	Дневники раскопок Д.И. Эварницкого, 1907// Труды XIII АС. М. Т.I. С.113-117, 123 –127
2		IV	Зяблин Л.П., 1955. О "татарских" курганах// СА. XXII. С.91; Федоров-Давыдов Г.А.,1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. С.130, 131, 252
3	Яма со ступенькой (?) в северной части	III	Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с.Богачевка. К. С.15, 16, 51, рис.26
4	Прямоугольная яма с подбоем в южной стенке	III	Болтрик Ю.В., Отрощенко В.В., Савовский И.П., Шелапов С.М., 1976. Работы скифского отряда Запорожской экспедиции // АО 1975 г. М. С.307
5	Узкая прямоугольная яма (широтное направление); под Ю стенкой – ступенька; под С – подбой	III	Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р. Волчьей// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. С.147-149, рис.3, *1– 9*
6	Прямоугольная яма (ориентирована по оси СЗ-ЮВ) размерами 2х1,7х1,3 м	III	Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р.Волчьей// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. С.143-147, рис.2
7	Прямоугольная яма, ориентированная по оси ЮЗЗ-СВВ, с сильно закругленными углами 2,5х0,9 м. По всему периметру имела уступы	IV	Рассамакин Ю.Я., 2000. Погребение средневекового кочевника у с.Виноградное на р.Молочной// Етноси України. Історико-культурологічний часопис. К. С.94-103
8		---	Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. С.257
9	Бобовидная яма с расширением в З части к низу (2,45х1,2 м)	III	Каприцын И.И., 1993. Средневековые погребения из кургана 43 могильника Мамай-Гора// Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып.4. Запорожье. С.264-267, рис.1, *2, 14*
10	Прямоугольная яма со скругленными углами, подбоем в южной стенке, 2-мя ступеньками	IV	Шалобудов В.Н., 1990. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях// Исследования по археологии Поднепровья. С.114, 116, 117, рис.3, *5, 12*
11		---	Зяблин Л.П., 1955. О "татарских" курганах// СА. XXII. С.91; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. С.130, 257
12	Яма с заплечиками, прямоугольной формы (2,65х0,9 м	IV	Куприй Н.М., 1990. Погребение знатного половецкого воина на берегу Утлюкского лимана// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск. С.142-144
13		---	Зяблин Л.П., 1955. О "татарских" курганах// СА. XXII. С.91
14		IV	Зяблин Л.П., 1955. О "татарских" курганах// СА. XXII. С.91; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. С.131, 255
15		IV	Зяблин Л.П., 1955. О "татарских" курганах// СА. XXII. С.91; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. С.131, 255
16	Прямоугольная яма 2,2х1,2х1 м	IV	Шалобудов В.Н., 1992. Повозка из кочевнического погребения у с.Чапаевка// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. С.113-119

[1] Нумерация периодов дана по: Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Литература и архивные материалы

Археология Украинской ССР, 1986. Т.3. К.

Бартольд В.В., 1966. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов// Сочинения. Т.IV. М.

Бартольд В.В., 1966а. О колесном и верховом движении в Средней Азии// Сочинения. Т.IV. М.

Безверхий А.П., 1990. Датировка и этническая принадлежность кочевнического погребения у с.Преображенка// Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Бессонова С.С., 1982. О скифских повозках// Древности Степной Скифии. К.

Болтрик Ю.В., Отрощенко В.В., Савовский И.П., Шелапов С.М., 1976. Работы скифского отряда Запорожской экспедиции// АО 1975. М.

Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с.Богачевка. К.

Дьяконова В.П., 1974. Отражение погребального обряда тувинцев в фольклоре// Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.

Зяблин Л.П., 1955. О "татарских курганах"// СА. Т.XXII.

Избицер Е.В., 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа/ Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Каприцын И.И., 1993. Средневековые погребения из кургана № 43 могильника Мамай-Гора// Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.

Кирпичников А.М., 1969. Битви стародавньої Русі// УІЖ. № 1.

Ковалева И.Ф.,1993. Погребения всадников и возничих в курганах Надпорожья// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Ковалева И.Ф., 1999. О новом типе деревянных катакомбных повозок// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. М.

Кузьмина Е.Е., 1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории населения южнорусских степей// ВДИ. № 4.

Куприй Н.М., 1990. Погребение знатного половецкого воина на берегу Утлюкского лимана// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск.

Липец Р.С., 1982. Отражение погребального обряда в тюркско-монгольском эпосе// Обряды и обрядовый фольклор. М.

Нестеров С.П., 1990. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.

Новгородова Э.А., 1984. Мир петроглифов Монголии. М.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.

Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С.А., 1990. Половцы. М.

Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. М.

Рассамакин Ю.Я., 2000. Погребение средневекового кочевника у с.Виноградное на р.Молочной// Етноси України. Історико-культурологічний часопис. К.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.

Рыбаков Б.А., 1948. Военное дело// История культуры Древней Руси. Т.I. М.; Л.

Рыбаков Б.А.,1991. Петр Бориславович: поиск автора "Слова о полку Игореве". М.

Слабєєв І.С., 1964. З історії нагромадження первісного капіталу на Україні (чумацький промисел, його роль в соціально-економічному розвитку України XVIII – першої половини XIX ст.). К.

Слово о полку Игореве/ Под ред. В.А.Андриановой-Перетц, 1950. М.; Л.

Терехова Н.Н., 1974. Технология чугунолитейного производства у древних монголов// СА. № 1.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир, 1988. Новосибирск.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Шалобудов В.Н., 1990. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях// Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Шалобудов В.Н., 1992. Повозка из кочевнического погребения у с.Чапаевка// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Шалобудов В.Н., 1993. Позднекочевнические погребения с керамикой (по материалам археологической

экспедиции ДГУ)// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р.Волчьей// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
Эварницкий Д.И., 1907. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии// Тр.XIII АС. Т.I. М.

Summary

V.N.Shalobudov, P.P.Lesnichiy (Dnepropetrovsk, Ukraine)

Experience of Reconstruction of Late Nomads' Carts (on the Material of Polovets Burials in the Dneper Region)

The article deals with the problem of studying wheel transport of the medieval nomads of Europe. In particular light two-wheel carts of bullock-cart type from the Polovets burial places of Ukraine are regarded. Having studied well preserved cart parts from the XII-XIVth century burial places near Bolshemikailovka and Chapayevka villages of Dnepropetrovsk province, the authors proposed their reconstruction. First of all, great attention was paid to high degree of precision and neatness of treatment achieved by the Polovets skilled workers. Various engineer solutions of the running gear of carts despite the uniformity of the removable bodies used separately as latticed coffins are of great interest. The earlier cart dated by the XIIth century according to the burial stock had the wheels fastened to the intricate immovable axle and fixed with the additional inserts. The cart of the XIVth century was simpler and easier to exploit, it had a freely rotating axle which could be easily changed when it was broken.

Two-wheel carts regarded in the article had no metal parts and they were mass produced directly at the stands. They essentially increased the mobility of the Polovets hordes while the nomads changed their stands and strengthened the fighting efficiency of the military detachments allowing to carry weapon and ration stock.

V.N. Šalobudov, P.P. Lesničij (Dnepropetrovsk, Ukraine)

Versuch einer Rekonstruktion der Wagen aus der späten Nomadenzeit (nach Grabungen der Kumanen-Grabstätten im Dneprraum)

Im vorliegenden Beitrag wird der Radtransport der mittelalterlichen Nomaden Europas untersucht, und zwar leichte zweirädrige Wagen, genannt Arba, die in den Kumanen-Bestattungen der nördlichen Schwarzmeersteppen vorkommen. Nach der Untersuchung von gut erhaltenen Wagenteilen aus den Bestattungen des 12. bis 14. Jh. in der Nähe der Dörfer Bolschemichajlovka und Tschapajevka im Gebiet Dnepropetrovsk schlugen die Autoren vor, sie zu rekonstruieren. Besondere Beachtung gilt in erster Linie der genauen Präzision und der Bearbeitungssorgfalt, die von den Kumanen-Meistern erreicht wurden. Interessant sind auch verschiedene technische Lösungen des Fahrwerkes bei der Einheitlichkeit des abnehmbaren Aufbaus, der getrennt als "Gittersarg" ausgenutzt wurde. Bei den früheren durch das Inventar mit dem 13. Jh. datierten Wagen wurden die Räder an komplizierte feste Achse befestigt und zusätzlich durch Buchsen fixiert. Der Wagen aus dem 14. Jh. war einfacher und betriebsleichter. Er hatte eine frei drehbare Achse, die beim Bruch leicht ersetzt werden konnte.

Die im Beitrag beschriebenen Zweiradwagen hatten keine Metallteile und wurden direkt in den Nomadenlagern massenweise hergestellt. Durch den Eisatz dieser Wagen wurde der Nachschub schneller, was die Mobilität der Kumanenhorden und deren Kampffähigkeit wesentlich erhöhte.

V.N.Šalobudov, P.P.Lesničij (Dniepropetrovsk, Ukraine)

Reconstruction des charrettes de nomades tardifs (d'après les fouilles de nécropoles sur les bords du Dniepr)

On traîte le probléme de l'étude des véhicules à roues servant aux nomades médévaux de l'Europe. Notamment on examine de légères charrettes à deux roues type "arba" qu'on trouve dans des nécropoles

polovetskiennes des steppes au Nord de la mer Noire. L'examen détaillé des pièces intactes des charrettes provenant des nécropoles des XII – XIV s. s. aux environs des villages Bolŝemihajlovka et Ĉapaevka de l'oblast de Dniepropetrovsk, a permis aux auteurs d'entreprendre leur reconstruction. La maîtrise des artisans polovetskiens attire surtout l'attention par sa précision et sa minutie. Des pièces motrices intéressantes par sa diversité et, par contre, l'uniformité des carrosseries détachables, utilisées séparément en qualité de "cercueil grillagé"attirent l'attention par leurs solutions du génie. Les roues d'une charette plus précoce, datée du XII s., attacheés á l'axe immobile et fixées par de moyeux supplémentaires. Une charrette du XIV siécle plus simple et plus légère a une axe librement rotatoire qui est facilement changeable en cas de panne.

Les charrettes à deux roues n'avaient pas de pièces métaliques et étaient fabriquées en masse sur les campements mêmes. Elles augmentaient considérablement la mobilité des polovetskiennes pendant leus déplacements et renforçaient en même temps la combativité des détachements militaires.

Статья поступила в редакцию в феврале 2001 г.

Ю.Я.Рассамакин

ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО КОЧЕВНИКА НА РЕКЕ МОЛОЧНОЙ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА

Степные пространства, прилегающие к р.Молочной, которую К.В.Кудряшов идентифицировал с летописной рекой Сутень, рассматриваются исследователями в качестве одного из центров кочевий приморских или лукоморских половцев (Кудряшов К.В., 1949, с.134; Плетнева С.А., 1974, с.13-24). В основе данных выводов лежали, преимущественно, письменные источники. Археологические материалы эпохи средневековья, происходившие с этой территории, до кон.70 гг. XX в. были немногочисленны. Раскопки Молочанской экспедиции в 1951-52 гг., а также спорадические исследования отдельных курганов в разное время дали небольшую серию погребений, не представлявших, как отмечал впоследствии А.И.Тереножкин, самостоятельного интереса (Тереножкін О.І., 1960, с.16). Поэтому Г.А.Федоров-Давыдов в сводке памятников Северного Приазовья, в которую вошли все известные к тому времени кочевнические погребения, большинство из них, в том числе и на р.Молочной, не смог надежно соотнести с определенным хронологическим периодом (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.258, 259). Лишь в последние десятилетия благодаря раскопкам экспедиций Института археологии НАН Украины в зонах орошения, охвативших территории вдоль правого берега р.Молочной и ее притоков, ситуация существенно изменилась. Были исследованы многочисленные погребения в курганах, грунтовый могильник, а также несколько святилищ. Предварительные данные свидетельствуют о принадлежности значительной части исследованных памятников к половецкому и золотоордынскому времени, хотя на этой территории представлены также и более ранние памятники средневековых кочевников.

Наиболее ярким памятником, несомненно, является курган, исследованный на р.Чингул, который показал, насколько неразработанными остаются еще многие проблемы в изучении мира кочевников азово-черноморских степей XI-XIV вв. К таким проблемам, например, можно отнести хронологию, определение этнической принадлежности погребений, социальной структуры общества кочевников (Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986, с.14-36). Именно в контексте изучения Чингульского кургана особый интерес вызывают территориально близкие к нему и аналогичные по обряду захоронения памятники. Одним из них является погребение 3 кургана 30, исследованное в 1985 г. Запорожской экспедицией у с.Виноградное, Токмакского р-на, Запорожской обл., на правом высоком берегу р.Молочной, в 8 км южнее Чингульского кургана.

Описание погребального комплекса

Погребение было впущено в центр кургана (высота 1,6 м, диаметр 48 м), сооруженного в эпоху бронзы над погребениями ямной и катакомбной культур. Могильное сооружение представляло собой яму с уступами по всему ее периметру. Остатки этих уступов удалось зафиксировать в восточной части ямы лишь благодаря тому, что край погребальной конструкции находился в бровке (рис.1, *1*). Глубина уступов составляет 0,75 м от поверхности кургана, ширина – 0,2-0,3 см. Основная часть могилы была зафиксирована в насыпи с глубины 1,4 м, благодаря перекрытию, просевшему ниже уступов. Несомненно, первоначальная глубина уступов от уровня впуска погребения была значительно большей. Многолетняя распашка поверхности кургана значительно разрушила его вершину, а вместе с ней и верхнюю часть погребальной конструкции. Основу перекрытия составляли два больших колеса **повозки (арбы)**, уложенных плашмя и частично перекрывавших одно другое в центре ямы (рис.1, *2*). На колеса, вдоль длинных стен, были уложены рядами тонкие и хорошо обработанные планки: с севера – длиной до 1,2 м, а с юга – длиной до 1 м (рис.1, *1, 3*). Ширина длинных планок составляла 2,5 см, коротких – 1,5 см. В сечении планки овальные, толщиной до 1,5 см. В планках через определенные промежутки были просверлены сквозные отверстия (рис.7, *4*). Всего было зафиксировано 6 рядов длинных и 9-10 рядов коротких планок, лежавших в два слоя, но, видимо, первоначальное количество планок на уровне уступов было значительно большим, так как их фрагменты встречались в заполнении ямы. Поперек ямы, в центре, лежал брус, прямоугольный в сечении, шириной 9 см, толщиной 3 см. Он перекрывал длинные и заходил под короткие планки. Сохранившаяся длина бруса 0,85 м (рис.1, *1, 3*). Вдоль северной стенки ямы, на длинных планках, лежало чучело коня: череп, передние и задние конечности, размещенные в анатомическом поряд-

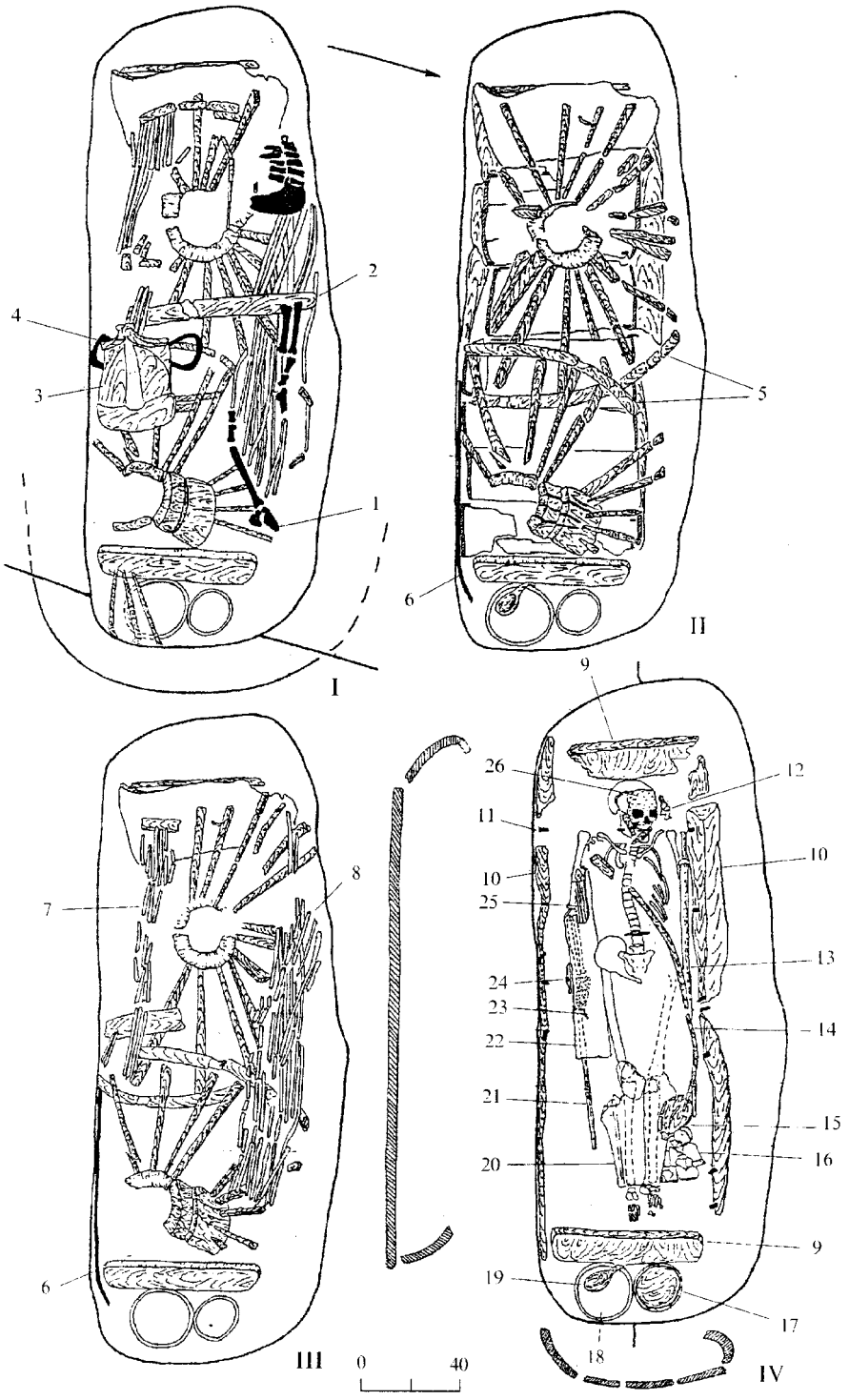

Рис. 1. Виноградное, к.30, погр.3. План погребения: *I – полный вид перекрытия с остатками чучела лошади, седла и деревянного поперечного бруса; II – основание перекрытия из двух колес повозки и деревянной пики; III – перекрытие с остатками планок каркаса повозки; IV – план погребения в гробовище 1 – кости лошади; 2 – деревянный брус; 3 – седло; 4 – железные стремена; 5 – остатки колес повозки 6 – деревянная пика; 7 – длинные планки каркаса; 8 – короткие планки каркаса; 9 – торцевые стенки гробовища; 10 – колода-гробовище; 11 – железные гвозди; 12 – кость овцы; 13 – сабля;14 – лук; 15 –*

деревянная тарелка; 16 – сосуд; 17 – деревянная миска с тамгой; 18 – медный котел; 19 – деревянный черпак; 20 – кожаные сапоги; 21 – остатки деревянного стержня; 22 – деревянный колчан; 23 – обломок серебряной гривны в руке; 24 – костяная петля колчана; 25 – стрелы с железными наконечниками; 26 – остатки ткани на лицевой части черепа).

Fig. 1. Village of Vinogradnoye, b.30, burial. 3. Burial layout: *I – general view of covering with remains of stuffed horse, saddle and wooden transverse squared beam; II – covering base made of two cart wheels and wooden pike; III – covering with remains of cart frame planks; IV – burial layout (1 – horse bones; 2 – wooden squared beam; 3 – saddle; 4 – iron stirrups; 5 – cart wheels remains; 6 – wooden pike; 7 – long planks of the cart frame; 8 – short planks of the cart frame; 9 – butt-end of the log-coffin; 10 – log-coffin; 11 – iron nails; 12 – sheep bone; 13 – sabre; 14 – bow; 15 – wooden plate; 16 – vessel; 17 – wooden bowl with tamga; 18 – copper cauldron; 19 – wooden dipper; 20 – leather boots; 21 – remains of a wooden pivot; 22 – wooden quiver; 23 – fragment of a silver grivna in the hand; 24 – bone quiver hinge; 25 – arrows with iron heads; 26 – cloth remains on facial part of the skull).*

Abb. 1. Dorf Vinogradnoje, Kurgan 30, Bestattung 3. Beerdigungsplan: *I – Vollansicht der Überdachung mit den Resten eines ausgestopften Pferdes, eines Sattels und eines Holzquerbalkens; II – Unterlage der Überdachung aus zwei Fuhrwerkrädern und einer Holzlanze; III – Überdachung mit den Resten einer Planke des Fuhrwerkgestells; IV – Lageplan der Bestattung im Grab (1 – Pferdeknochen; 2 – Holzbalken; 3 – Sattel; 4 – eiserne Steigbügel; 5 – Reste der Fuhrwerkräder; 6 – Holzlanze; 7 – lange Gestellplanken; 8 – kurze Gestellplanken; 9 – Stirnwände des Grabes; 10 – Baumstammsarg; 11 – Eisennägel; 12 – Schafsknochen; 13 – Säbel; 14 – Bogen; 15 – Holzteller; 16 – Gefäß; 17 – Holzschüssel mit Tamga; 18 – Kupferkessel; 19 – hölzerne Schöpfklle; 20 – Lederstiefel; 21 – Reste eines Holzstabes; 22 – hölzerner Köcher; 23 – Bruchstück einer Silbergriwna in der Hand; 24 – Knochenschlinge des Köchers; 25 – Pfeile mit eisernen Spitzen; 26 – Gewebereste auf der Gesichtsseite des Schädels).*

Dess. 1. Village Vinogradnoê, tumulus 30, sép.3. Plan de la sépulture: *I – vue générale de la couverture avec les restes d'un empaillé de cheval, une selle et une traverse; II – base de couverture composée de deux roues et d'une pique en bois; III – couverture et les restes de lattes de la charpente du char; IV – plan de la sépulture en cercueil (1 – os de cheval; 2 – poutre en bois; 3 – selle; 4 – étriers en fer; 5 – restes de roues du char; 6 – pique en bois; 7 – lattes longues de la charpente; 8 – lattes courtes de la charpente; 9 – parois de face du cercueil; 10 – cercueil-billot; 11 – clous en fer; 12 – os de mouton; 13 – sabre; 14 – arc à tir; 15 – assiette en bois; 16 – récipient; 17 – bassine en bois à estampille (tamga); 18 – chaudron en cuivre; 19 – puisoir en bois; 20 – bottes de cuir; 21 – restes d'une barre en bois; 22 – carquois en bois; 23 – fragment de torque dans la main; 24 – boucle en os du carquois; 25 – flèches aux pointes de fer; 26 – restes du tissu sur la face du crâne)*

ке (рис.1, *1*). Способ членения ног коня по классификации А.Г.Атавина относится к типу II (по пястный сустав) (Атавин А.Г., 1984, с.139). В зубах сохранились остатки двучленных **удил** с подвижными большими кольцами, размеры которых из-за плохой сохранности установить не удалось. Под нижней челюстью коня была найдена **костяная ворворка**, орнаментированная штампованными кружочками. Диаметр ворворки – 2 см, высота – 1,7 см (рис.5, *2*). У южной стенки ямы, в центре, было уложено **седло** с симметрично расположенными по обе его стороны железными **стременами** и двумя железными пряжками (рис.1, *1*). Такое размещение стремян свидетельствует о том, что седло было уложено с путлищем и подпружными ремнями. Стремена несколько отличаются одно от другого по форме и пропорциям, но оба, имея выступы у подножек, соответствуют типу Г-IV по классификации Г.А.Федорова-Давыдова. Одно из стремян обладает более округлой формой за счет удлиненной дуговидной подножки. Это стремя имеет также шаровидные утолщения, симметрично расположенные на дужке выше выступов. Высота этого стремени – 14,8 см, ширина на уровне выступов – 15,5 см (она же и максимальная), ширина подножки – 6,5 см (рис.12, *2*). Высота второго стремени – 15 см, максимальная ширина – 14 см, а на уровне выступов – 11,8 см, ширина подножки – 4,5 см (рис.12, *1*). Одна из пряжек овальной формы, размерами 4,5 см в длину и 4 см в ширину, с подвижным язычком длиной 4 см (рис.12, *4*). Другая пряжка также овальной формы, но с прямым основанием длиной 3,5 см, шириной 3,2 см, с подвижным язычком длиной 4 см (рис.12, *3*). Вдоль южной стенки ямы, над восточным колесом, находилось длинное **деревянное острие** длиной 1,1 м, диаметром 1,5 см. Один конец заострен, второй ровно срезан и уплощен. В уплощенной части было сделано отверстие диаметром 0,7 см (рис.2, *5*).

Все описанные вещи на уровне перекрытия были закрыты толстым слоем камки (морской травы). Погребальная яма ниже уступов имела прямоугольную форму с сильно закругленными углами длиной 2,5 м, шириной 0,95 м, глубиной от уступов 0,95 м. Яма была ориентирована по оси ЮЗЗ-СВВ. Погребенный лежал в деревянном гробовище, которое занимало практически все пространство ямы (рис.1, IV). Между восточной стенкой ямы и торцевой стенкой гробовища, в ногах у погребенного,

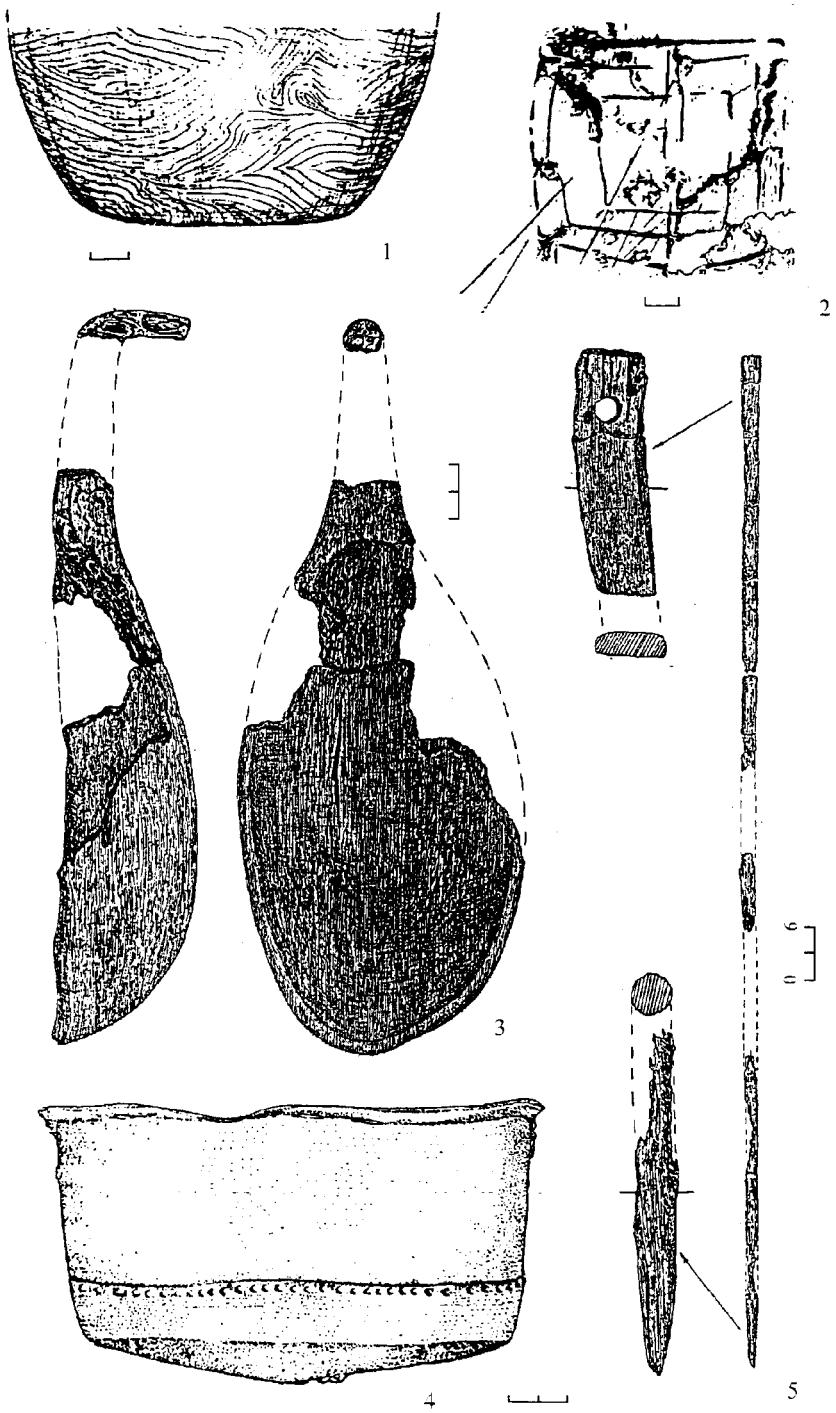

Рис. 2. Инвентарь погребения: *1 – деревянная миска; 2 – тамга на дне миски; 3 – деревянный черпак; 4 – медный котел; 5 – деревянная пика и ее детали крупным планом.*

Fig. 2. Burial objects: *1 – wooden bowl; 2 – tamga on the bowl bottom; 3 – wooden dipper; 4 – copper cauldron; 5 – wooden pike and its details in close-up.*

Abb. 2. Bestattungsinventar: *1 – Holzschüssel; 2 – Tamga auf dem Schüsselboden; 3 – Holzschöpfkelle; 4 – Kupferkessel; 5 – Holzlanze und ihre Teile (vergrößert).*

Dess. 2. Mobilier de la sépulture: *1 – bassine en bois; 2 – estampille (tamga) sur le fond de la bassine; 3 – puisoir en bois; 4 – chaudron de cuivre; 5 – pique en bois et ses détails en gros plan*

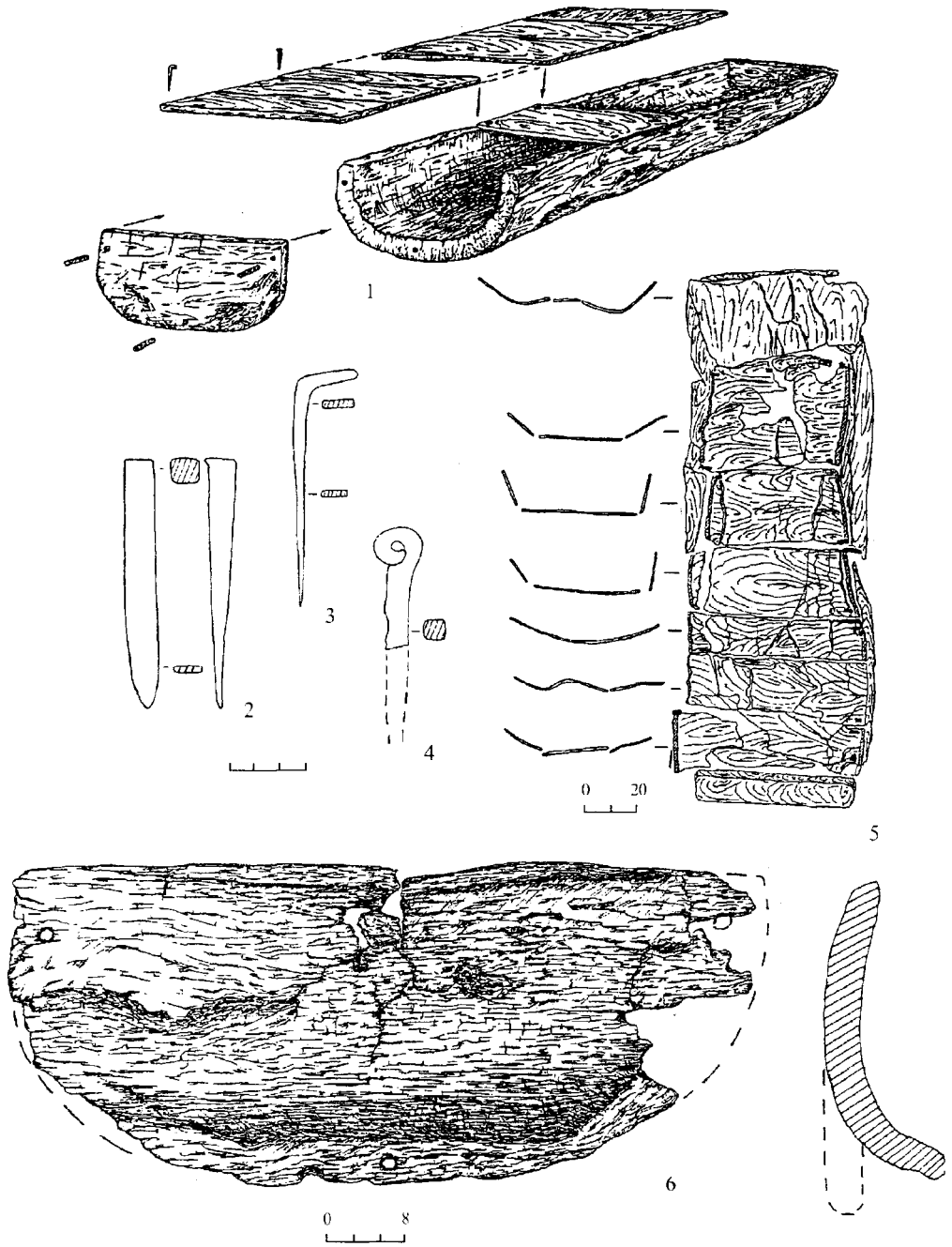

Рис. 3. Гробовище: *1 – реконструкция общего вида гробовища и его конструкции (без масштаба); 2, 3 – железные гвозди; 4 – обломок железного стержня с петлей; 5 – доски перекрытия гробовища in situ; 6 – торцевая стенка гробовища.*

Fig. 3. Log-coffin: *1 – reconstruction of the log-coffin general view and its design (without reference to any scale); 2, 3 – iron nails; 4 – fragment of iron pivot with a loop; 5 – log-coffin cover planks in situ; 6 – butt-end of the log-coffin.*

Abb. 3. Grab: *1 – Rekonstruktion der Gesamtaussicht des Grabes und seiner Konstruktion (ohne Maßstab); 2, 3 – Eisennagel; 4 – Bruchstück des Eisenstabs mit Schlinge; 5 – Überdeckungsbretter des Grabes in situ; 6 – Stirnwand des Grabes.*

Dess. 3. Cercueil: *1 – reconstruction de la vue générale du cercueil et de sa construction (pas d' échelle); 2, 3 – clous en fer; 4 – fragment d'une barre de fer à la boucle; 5 – planches de la couverture du cercueil in situ; 6 – paroi de face du cercueil*

стояли медный котел и глубокая деревянная миска. **Котел** склепан из нескольких тонких листов: стенки – из двух, а днище – из одного. Край котла резко отогнут, образуя горизонтальный венчик, дно слегка выпуклое, со следами ремонта в центральной части в виде латки, закрывавшей образовавшееся от длительного употребления отверстие. Железная дужка котла плохо сохранилась. Высота котла 16 см, диаметр без учета загнутого края 27,5х30 см (рис.2, *4*). Внутри котла находились кости барана и деревянный черпак (ковш), висевший на загнутой крючком ручке. Черпак (ковш) удлиненно-овальной формы (18,2х9,5 см), с короткой ручкой, конец которой загнут под прямым углом и ровно срезан. Общая длина изделия – 27 см, высота – 5 см, толщина стенок – 0,6 см (рис.2, *3*). На его внутренних стенках, так же, как и на внутренних стенках котла, сохранились следы пищи. Котел вместе с черпаком (ковшом) были накрыты тонкой деревянной крышкой с небольшой металлической нашлепкой в центре, очевидно, прикрепленной для увеличения тяжести крышки. Форма и размеры последней не восстанавливаются.

Глубокая **деревянная миска**, стоявшая рядом с котлом, была худшей, чем черпак, сохранности, особенно в верхней части. Привенчиковая часть не сохранилась, поэтому первоначальную высоту миски можно лишь предполагать в пределах не менее 12 см, при диаметре 21 см (рис.2, *1*). На днище, с внешней стороны миски, был прочерчен тамгообразный знак в виде трех вписанных один в другой квадратов, которые пересекались через центр одной прочерченной линией. Здесь же прослеживались еще несколько косых линий, но относятся ли они непосредственно к тамге, неясно. Размеры тамги – 7,0х7,5 см (рис.2, *2*).

Гробовище представляло собой выдолбленную колоду, которая была ровно обрезана с торцевых сторон и тщательно обтесана топором. Следы этой обработки хорошо видны на внешней поверхности колоды. Верхний край гробовища по всему периметру горизонтально срезан для укладки досок перекрытия (рис.3, *1*).Толщина стен гробовища составляла около 7 см. Торцевые стенки сделаны из досок, форма которых была подогнана под сегментовидную форму профиля гробовища-колоды (рис.3, *1*). Каждая торцевая стенка плотно крепилась внакладку к торцам колоды при помощи трех деревянных штифтов. Такая система прослежена по хорошо сохранившейся восточной торцевой стенке, размерами 0,58х0,23 м, толщиной 4 см. Диаметры отверстий под штифты – 0,7 см (рис.3, *6*).[1] Гробовище было перекрыто семью досками, которые плотно прилегали одна к другой (рис.3, *5*). Ширина досок варьирует от 0,16 до 0,4 м, толщина – 3-4 см, длина – 0,6 м. По углам доски прибивались к гробовищу железными гвоздями. Только одна доска, закрывавшая изголовье, осталась незакрепленной. Она же отличалась от других досок не продольной, а поперечной направленностью древесных волокон. Гвозди представлены двумя группами, в зависимости от характера их вбивания: а) в виде острого стержня с квадратным сечением, без шляпки, с незначительно раскованным от ударов сверху тупым концом и уплощенным специальной расковкой острым концом (рис.3, *2*); б) в виде прямоугольного или квадратного в сечении острого стержня с согнутым под прямым углом и расплющенным от ударов тупым концом (рис.3, *3*). Некоторые гвозди напоминают плоские скобы. Длина гвоздей составляла 9-12 см с максимальным сечением 1х1 см (рис.3, *2, 3*)[2]. Гвозди были вбиты небрежно, иногда косо, а верхушки некоторых из них выступали над поверхностью досок на 0,5-1,0 см, судя по сохранившимся на них отпечаткам дерева.

Погребенный, взрослый мужчина, лежал на спине в вытянутом положении, головой на ЮЗЗ (рис.1, IV). Лицо умершего было накрыто куском ткани[3]. Очевидно, эта деталь обряда объясняет, по-

---

[1] В тексте отчета (Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. и др. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1985 г.// Архив ИА НАН Украины, 1985/4) автор первоначально описал систему крепления торцевых стен, как вставленных внутрь колоды, возможно, в специальные пазы. Но после доставки монолита погребения в Киев и последующей детальной разборки гробовища удалось уточнить систему крепления его отдельных частей.

[2] Над гробовищем был найден при расчистке железный стержень, квадратный в сечении, с одним обломанным концом, а вторым – загнутым в петлю (сохранившаяся длина – 4,8 см, сечение – 0,9х0,9 см, диаметр петли – 1,8 см) (рис.3, 4). Несомненно, это изделие было вбито в дерево (в одну из досок перекрытия гробовища) и выступало из него на сохранившуюся длину, но его функция не ясна. Не исключено, что речь может идти и о принадлежности этого предмета к повозке, части которой могли быть использованы в качестве перекрытия гробовища.

[3] Интересную параллель этой детали обряда находим у Жана де Люка (1625 г.) при описании им похорон у татар-мусульман: "Покойников обертывают в табу или кладут в деревянный гроб, покрывая их лицо чем-то вроде полотна, которое называется ими кези". (Описание перекопских и ногайских татар...).

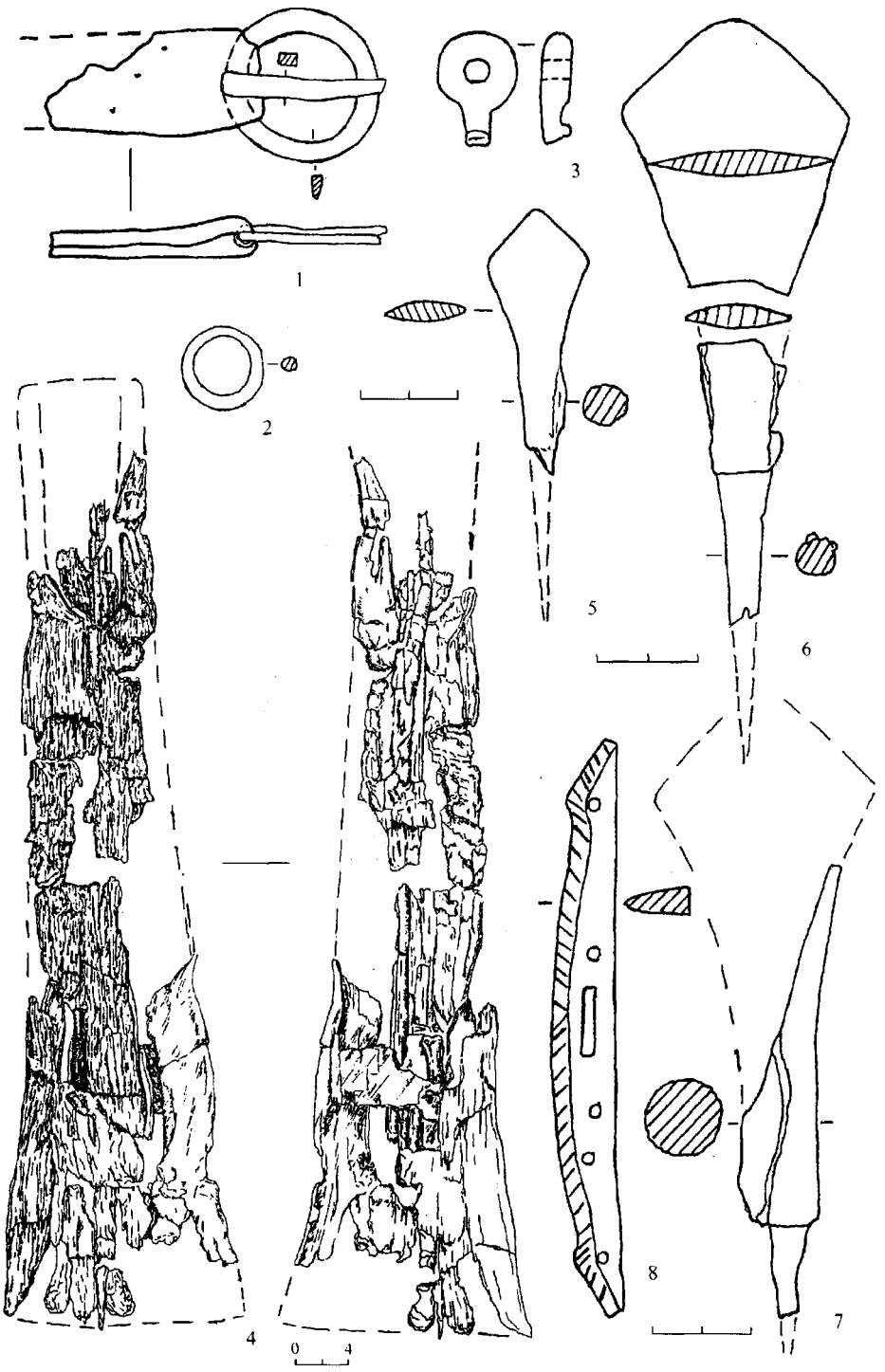

Рис. 4. Колчан: *1 – медная пряжка с остатками кожаного ремня; 2 – медное кольцо портупеи; 3 – железный крючок; 4 – деревянный колчан; 5-7 – железные наконечники стрел; 8 – костяная петля.*

Fig. 4. Quiver: *1 – copper buckle with leather belt remains; 2 – copper ring of shoulder-belt; 3 – iron hook; 4 – wooden quiver; 5-7 – iron arrowheads; 8 – bone loop.*

Abb. 4. Köcher: *1 – Kupferschnalle mit Lederriemenresten; 2 – Kupferring des Degengehänges; 3 – Eisenhaken; 4 – Holzköcher; 5-7 – eiserne Endstücke der Pfeile; 8 – Knochenschlinge.*

Dess. 4. Carquois: *1 – fibule de cuivre avec les restes de la ceinture de cuir; 2 – anneau de cuivre du ceinturon; 3 – agrafe de fer; 4 – carquois en bois; 5-7 – pointes de flèches en fer; 8 – boucle en os*

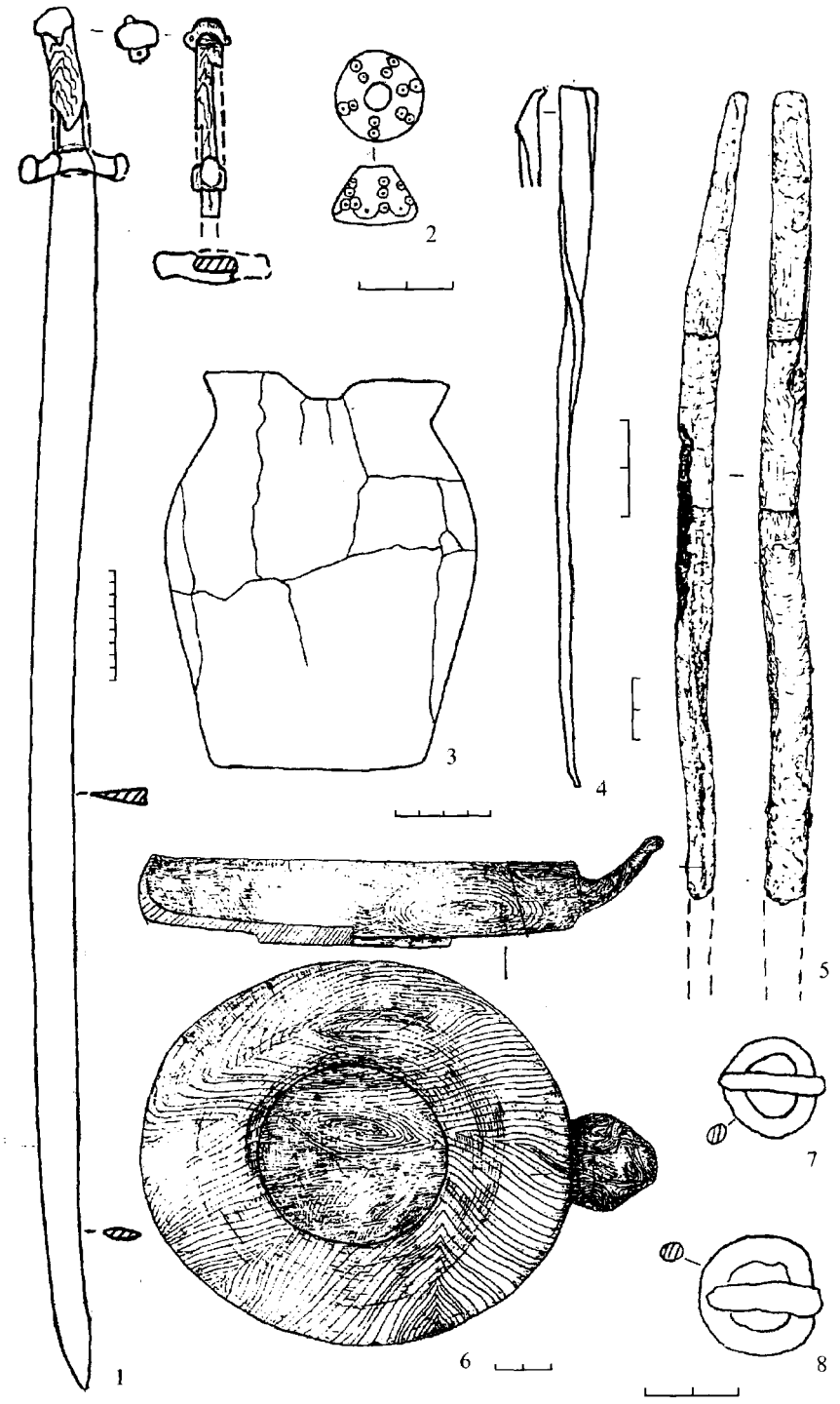

Рис. 5. Инвентарь погребения: *1 – сабля; 2 – костяная ворворка; 3 – сосуд; 4 – обломок серебряной гривны; 5 – часть деревянного стержня; 6 – деревянная тарелка; 7, 8 – железные пряжки портупеи.*

Fig. 5. Burial objects: *1 – sabre; 2 – bone vorvorka; 3 – vessel; 4 – fragment of a silver grivna; 5 – part of a wooden pivot; 6 – wooden plate; 7, 8 – iron buckles of a shoulder-belt.*

Abb. 5. Bestattungsinventar: *1 – Säbel; 2 – knöcherner Säbelschmuckstück; 3 – Gefäß, 4 – Bruchstück der Silbergriwna; 5 – Teil des Holzstabes; 6 – Holzteller; 7, 8 – Eisenschnallen des Degengehänges.*

Dess. 5. Mobilier de la tombe: *1 – sabre; 2 – vorvorka en os; 3 – récipient; 4 – fragment de torque d'argent; 5 – partie d'une barre en bois; 6 – assiette de bois; 7, 8 – agrafes de fer d'un ceinturon*

чему доска гробовища над головой умершего не была прибита.

Умерший был погребен в **кафтане**, сшитом из гладкого малинового шелка. Кафтан запахивался влево и застегивался у подбородка при помощи бронзового бубенчика-пуговицы, продевавшейся в петлю из тонкой полоски ткани на другой стороне запаха кафтана. На поясе кафтан завязывался с помощью узкой узорчатой ленты. Вдоль всего запаха кафтана была нашита полихромная лента, а ниже пояса основу кафтана составляла узорчатая ткань.

На ногах погребенного сохранились **кожаные поножи**, сшитые из толстой кожи и доходившие до колен, где заканчивались овальным выступом. У щиколоток их нижняя часть ровно срезана. Сохранились и фрагменты более тонкой кожи плохой сохранности[4].

У черепа, слева, лежал позвонок животного (овцы?). Вдоль костяка, справа, был уложен **деревянный колчан** с тремя стрелами. Длина колчана составляет не менее 70 см, ширина основания – 20 см, ширина верхней части, где расположен карман, - 10 см. Ширина кармана, сделанного в виде овального выреза, составляет 6-7 см (рис.4, *4*). Три железных наконечника стрел, с перьями ромбической формы, имели разные размеры. Наименьший имел длину с черешком около 8 см и ширину пера 2 см (рис.4, *5*), средний – соответственно около 14 см и 4,5 см (рис.4, *6*). Форма и размеры третьего, самого большого, не восстанавливаются. От него сохранилась лишь черешковая часть (рис.4, *7*). Слева к колчану вплотную примыкала **костяная петля**, которая крепилась с помощью четырех круглых отверстий вдоль прямого основания. Ремень портупеи проходил в центре петли через прорезь шириной 1,4 см. Общая длина петли – 11 см. По внешнему краю петля украшена косыми насечками (рис.4, *8*). Под колчаном найдены две железные пряжки, фрагмент железного крючка, а у головки правой бедренной кости – медное кольцо. Очевидно, крючок заменял вторую, нижнюю петлю для подвешивания колчана (рис.4, *3*). Пряжки небольших размеров, округлые, с прямым основанием, размерами 2,8х2,8 и 2,3х2,3 см (рис.5, *7, 8*). Еще одна, третья пряжка, точное местоположение которой осталось неясным[5], имела круглую форму диаметром 3 см, с рамкой треугольного сечения шириной 0,4 см и с язычком из четырехугольного в сечении, приостренного стержня длиной 3 см, загнутого вторым, тупым концом в кольцо вокруг основания рамки. На пряжке сохранились остатки кожаного ремня шириной 1,6 см, который был завернут вокруг рамки, и, видимо, прошит. Для язычка пряжки была оставлена прорезь (рис.4, *1*). Медное кольцо диаметром 1,5 см изготовлено из круглой проволоки диаметром 0,15 см и имело спаянные между собой концы (рис.4, *2*). Возможно, это кольцо играло роль соединителя ремней портупеи.

Под колчан уходил длинный **деревянный стержень**, округлый или овальный в сечении, лежавший вдоль правой ноги. К сожалению, второй конец этого стержня проследить под колчаном не удалось. Лишь его отдельные фрагменты сохранились на прилегающей к дну могилы стороне сильно спрессованного колчана. Длина сохранившейся части стержня – 0,55 м, диаметр – 1,5 см (рис.5, *5*). Вполне вероятно, что это остатки рукояти плети или жезла.

Слева, на руке, рукоятью на уровне плеча, лежала слабоизогнутая железная **сабля** в деревянных ножнах, которые завершались железным наконечником. Рукоять сабли оканчивалась железным колпачком-навершием с двумя выступами в основании. Один из этих выступов представлял собой небольшое кольцо с отверстием (рис.5, *1*). Перекрестие фиксировалось в виде небольших стержневидных выступов с утолщениями на концах. Выступы перекрестия отходили от пластинчатой обоймы, крепившейся к основанию деревянной рукояти и имевшей прямоугольное отверстие для черенка сабли. Длина сабли – 1,17 м, рукояти – 12 см (рис.5, *1*).

---

[4] Детальная характеристика одежды и обуви возможна только после специальных исследований и реставрации.

[5] Для более качественного изучения и изъятия тканей, погребение было вырезано монолитом и доставлено в Киев, где ткани были извлечены реставраторами А.К.Елкиной и М.Г.Степан. Но, к сожалению, в процессе этой работы, сопровождавшейся также снятием оставшегося инвентаря и костей скелета, некоторые мелкие находки, недоступные для фиксации в полевых условиях, были смещены. К таким находкам относятся железные пряжки и железный крючок. Можно утверждать, что первые две пряжки под колчаном связаны с портупейным ремнем, к которому крепились колчан и налучье. Третья пряжка, с остатками ремня, наиболее вероятно, является пряжкой ремня для сабли. Аналогичное расположение двух разных ремней с отдельно уложенными саблей, колчаном и луком (очевидно, вместе с налучьем) характерно для погребений кочевников. В частности, ярким примером является погребение в Чингульском кургане (Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986). Эта особенность была отмечена и в комплексе Пришиб, 6/2 (Рассамакин Ю.Я., Колосов К.Ген., 1992, с.23, 24).

У наконечника ножен сабли, в ногах умершего, находился развал глиняного **лепного сосуда** с плоским дном, удлиненным туловом и прямым, резко отогнутым венчиком. Поверхность сосуда – черного цвета, заглажена и покрыта слоем нагара. Высота сосуда – 16,4 см, диаметр венчика – 10,4 см, дна – 9 см (рис.5, *3*). Рядом с сосудом стояла деревянная, сильно деформированная **миска** с невысокими загнутыми, слегка утончающимися к венчику стенками, и невысоким плоским круглым поддоном. С одной стороны к стенке миски примыкает фигурная ручка, напоминающая схематическое изображение лепестка. Подобные ручки известны значительно выразительнее на металлических аналогах данного типа посуды. Изделие, очевидно, изготовлено при помощи токарного станка. Диаметр миски – 14 см, высота – 2,5 см (рис.5, *6*).

На умершем, по диагонали, лежал разогнутый сложносоставной **лук**, верхняя часть которого сохранилась лишь фрагментарно. Лук состоял из пяти частей: двух концов, двух плечиков и центральной части с костяной накладной пластиной (рис.6). Деревянные части лука деформированы, но их первоначальная форма и детали крепления поддаются реконструкции. Обе концевые части имели, судя по хорошо сохранившемуся нижнему концу (относительно скелета располагался в ногах), по два углубления для тетивы[6] (рис.6, *3, 4*). Длина нижнего конца – 26 см (рис.6, *3*). Две части составляли плечи лука: нижнее сохранилось полностью (рис.6, *1*), верхнее представлено фрагментом (рис.6, *2*). Длина целого плеча – 36 см, ширина – 2,5 см; ширина второго – 3,6 см. Центральная часть представлена планкой длиной около 27 см, шириной 2,5 см. Ее концы не сохранились (рис.6, *6*). Эта часть была укреплена костяной накладкой длиной 26,5 см, шириной 2 см (рис.6, *5*). Все части, кроме концов для тетивы, сужались с обеих сторон и соединялись между собой внакладку. Концы для тетивы имели ровные косые срезы для соединения с суженными концами плечиков. Места стыков всех частей укреплялись с обеих сторон узкими тонкими планочками, что хорошо видно по одному из концов нижнего плеча (рис.6, *1*). Поверхность составных частей лука была покрыта грубыми глубокими расчесами и оклеена берестой. Исключение составляла центральная часть костяной накладки, но концы ее с внешней стороны также имели специальную обработку, по границам которой можно судить, какая часть накладки оставалась открытой.

В правой руке умершего был зажат обломок распрямленной витой серебряной гривны длиной 17,5 см (рис.5, *4*). Под скелетом встречались кусочки тонкой, плохо сохранившейся, золотистой фольги.

Реконструкция и аналогии отдельным находкам из комплекса

Описанный выше погребальный комплекс вызывает большой интерес по ряду причин. Одна из них состоит в том, что было исследовано неразграбленное погребение с относительно хорошо сохранившимся набором деревянных предметов, что значительно расширяет наши далеко неполные знания в области материальной культуры средневековых кочевников азово-черноморских степей. Эти предметы представлены посудой (мисками и черпаком), вооружением (колчан и лук), деталями повозки (колеса и части каркаса), седлом, острием неясного назначения и, конечно, гробовищем[7]. Погребальные комплексы, аналогичные по сохранности описанному выше, встречаются в практике археологов крайне редко. Большинство из упомянутых выше предметов, несмотря на сильную деформацию, сохранили форму, детали конструкции и размеры, что позволяет произвести достаточно точные реконструкции.

Повозка (арба). Колеса повозки имели диаметр 1,4 м. Обод каждого колеса был изготовлен из тонкого ствола дерева и грубо обтесан топором до диаметра 7 см (рис.7, *1*). Концы каждого обода были косо срезаны и плотно крепились между собой внакладку (рис.8, *1*). Ступицы имели длину 31 см, диаметр 25 см, толщину стенок до 6 см (рис.7, *5*). Они были составлены из двух хорошо подогнанных половинок, которые связывались веревками в специально оставленных кольцевых желобах. Торцы ступиц были хорошо подтесаны. Спицы входили в сквозные узкие пазы, оставленные на ободе и на ступице, ближе к внутреннему краю последней. Каждое колесо содержало около 19 спиц. Спицы представляли собой грубо обтесанные рейки длиной 0,55-0,6 м. Части спиц, которые входили в пазы, были стесаны до толщины 2-2,5 см и, если в центральной части спицы имели квадратное или прямоугольное сечение, то в местах входа в обод и в ступицу они приобретали форму тонкой планки. При этом подтеска каждой спицы на противоположных концах производилась в разных направлениях, с учетом противоположных направлений пазов на ступице и ободе (рис.8, *2*). Конструктивно данные колеса отличаются от ряда опубликованных в последние десятилетия находок, хотя и принадлежат к аналогичным двухколесным повозкам. Эти отличия проявляются в деталях крепления спиц и в системе строения обода (Шалобудов В.Н., Ярема-

[6] Верхний конец представлен только фрагментом нижней части.

[7] Определения пород дерева см. в Приложении 1.

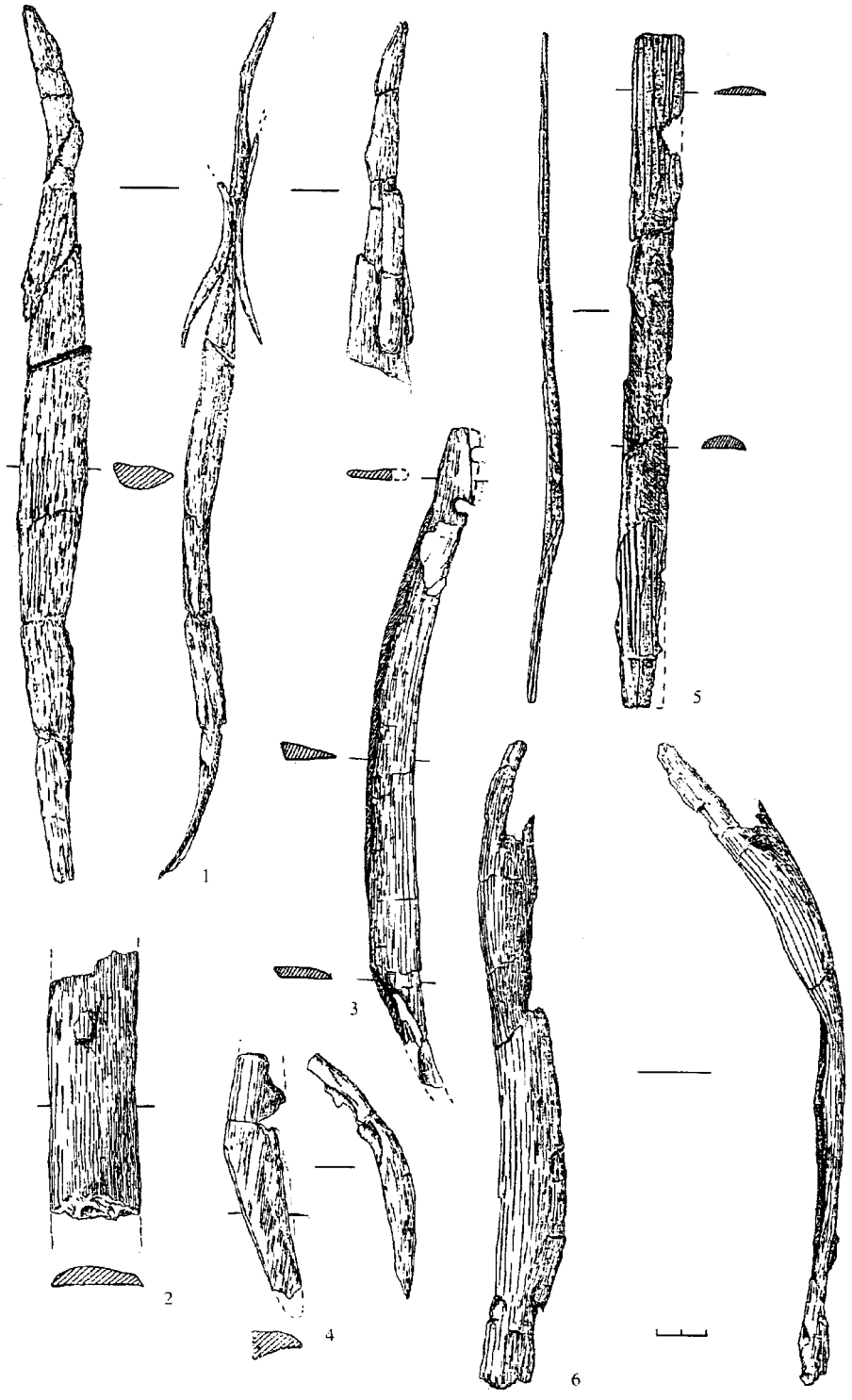

Рис. 6. Детали лука: *1, 2 – деревянные плечи; 3, 4 – концевые части; 6 – центральная часть; 5 – костяная пластина.*

Fig. 6. Bow details: *1, 2 – wooden arms; 3, 4 – ending parts; 6 – central part; 5 – bone plaque.*

Abb. 6. Bogenteile: *1, 2 – Holzschulter; 3, 4 – Endteile; 6 – Zentralteil; 5 – Knochenplatte.*

Dess. 6. Détails d'un arc à tir: *1, 2 – épaules en bois; 3, 4 – parties de bas; 6 – partie centrale; 5 – plaque en os*

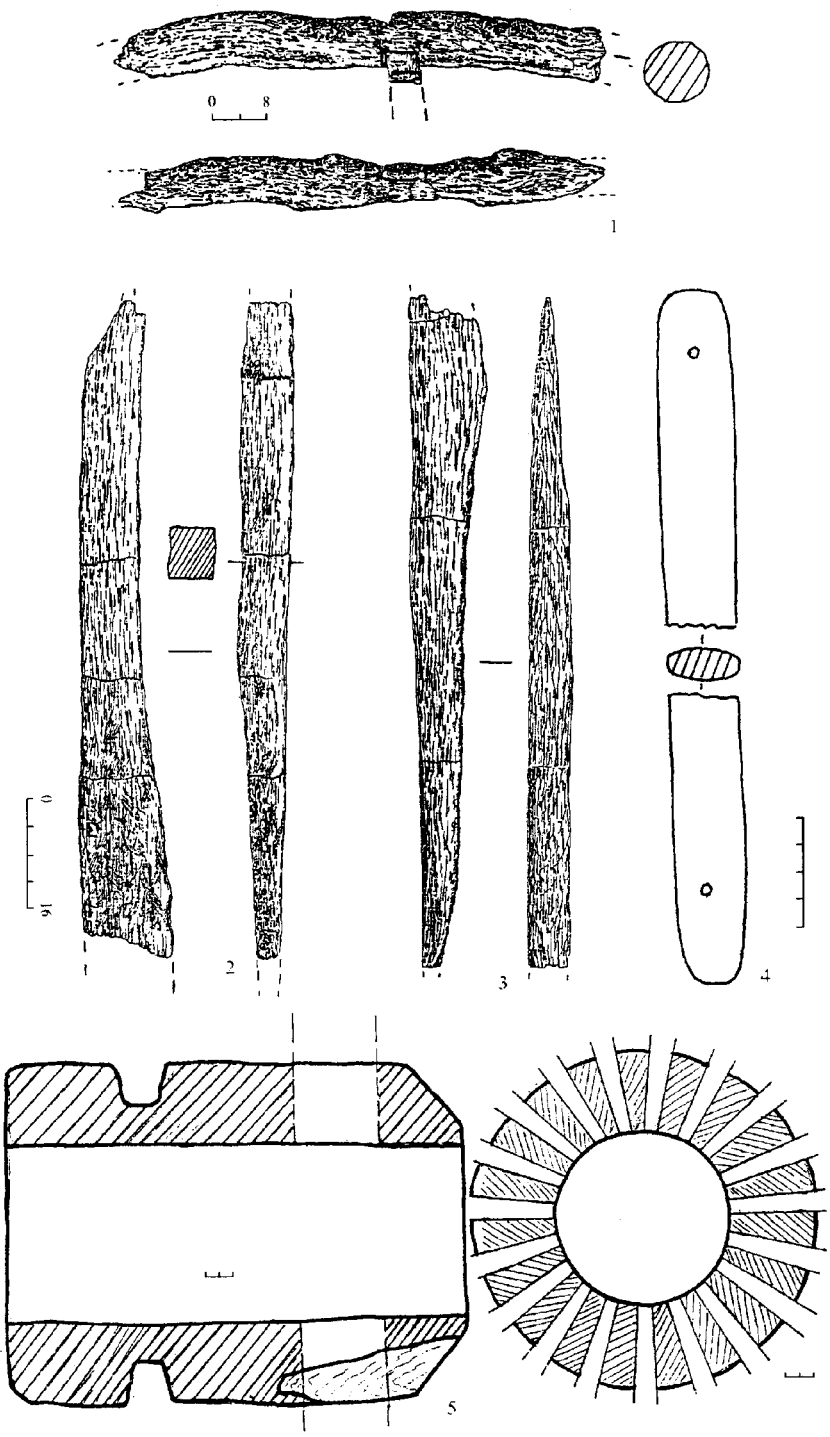

Рис. 7. Повозка: *1 – фрагмент обода с вставленной спицей; 2, 3 – спицы; 4 – фрагмент планки каркаса повозки; 5 – реконструкция ступицы колеса.*

Fig. 7. Cart: *1 – rim fragment with the spoke installed; 2, 3 – spokes; 4 – plank fragment of the cart frame; 5 – reconstruction of the wheel hub.*

Abb. 7. Fuhrwerk: *1– Reifenfragment mit eingestellter Radspeiche; 2, 3 – Radspeichen; 4 – Leistenfragment des Fuhrwerkgestells; 5 – Fragment der Radnabe.*

Dess. 7. Char: *1 – fragment de jante avec un rayon monté; 2, 3 – rayons; 4 – fragment d'une latte de la charpente du char; 5 – reconstruction du moyeu de roue*

ка В.Н., 1985, с.145-149, рис.2, 3). Правда, в колесах из комплекса у с.Большемихайловка-XII, 1/2 наблюдается та же асимметричность размещения спиц по отношению к ступице, т.е. пазы для последних были устроены ближе к одному краю ступицы обода (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.147, рис.3, *2*).

К сожалению, повозку (арбу) нет возможности полностью реконструировать. Очевидно, не все ее части были уложены в могилу, другие же могли быть использованы, например, для перекрытия гробовища (возможно, распиленные борта) (см. прим.2). Узкие планки разных размеров могли быть частью легкого разборного каркаса, благодаря системе отверстий, через которые они могли крепиться между собой веревками или кожаными ремешками (рис.8, *3, 4*). Изображения таких повозок у половцев известны, например, в Радзивилловской летописи (Плетнева С.А., 1958, рис.25-27). Конструкция повозки с каркасом, которая может быть аналогом нашей находке, изображена Бопланом при описании крымских и ногайских татар (Боплан Г., 1990, с.54) (рис.8, *5*).

Седло. Хорошая сохранность деталей дает возможность реконструировать седло. Передняя лука изготовлена из одного куска дерева. Ее внешняя сторона плоская, вдоль края оставлена неглубокая ложбинка (рис.9,*1*). Внутренняя сторона выпуклая, переходит в выступы с ровной поверхностью, к которым крепились полки (рис.9, *2*). В нижней части, с обеих сторон луки, были врезаны специальные пазы для соединения с ленчиками. На внутренней поверхности луки, в местах крепления к полкам, нанесены косые насечки. Высота луки составляет 15 см, ширина – 26 см. Кроме того, в местах крепления к полкам с обеих сторон луки просверлены по два сквозных отверстия. По форме передняя лука имела уплощенную, выделенную с обеих сторон выступами, вершину шириной 15 см.

Задняя лука имела плавноокруглый верхний контур и вогнутое основание с небольшим полукруглым вырезом в центре (рис.10, *1, 2*). С обеих сторон этого выреза, с внешней стороны луки, были сделаны специальные косые срезы для прочного прилегания луки в наклонном положении к полкам. Вдоль этих срезов просверлены отверстия для крепления к полкам (по два с каждой стороны). Кроме них, есть еще два отверстия для привязывания специальных подпорок, в виде круглых деревянных стержней со сквозными продольными отверстиями и косо срезанными концами в соответствии с углом наклона задней луки (рис.3, *4*). Ширина задней луки – 27 см, высота – 11 см. Высота подпорок – 4 см, диаметр от 2 до 1,5 см.

Из полок лучше сохранилась правая. Длина полок составляла 37 см, ширина – 11 см (рис.11, *1*). Более узкие ленчики заканчиваются упором для крепления к передней луке. В центре оставлено выделенное возвышение, заканчивающееся упором для фиксации задней луки. На полках имеется система отверстий. Впереди – по два отверстия с обеих сторон от места соединения передней луки, причем на ленчике хорошо видны следы починки: старые отверстия были забиты деревянными "пробками", а рядом с ними просверлены новые отверстия. У переднего края ленчиков сделаны также по два отверстия, очевидно, для крепления нагрудного ремня коня. В месте соединения задней луки в полках были также проделаны отверстия для крепления, которые соответствовали отверстиям на задней луке. Передняя и задняя луки, несомненно, крепились к полкам с помощью несохранившихся кожаных ремешков, которые продевались через отверстия и прочно завязывались. Общая длина седла достигала 40 см, ширина – 30 см, высота – 17-18 см. Для путлища в полках были оставлены продольные прорези шириной 2,3 см, а для крепления подпружных ремней – по три отверстия вдоль среза возвышения (рис.13).

Самые близкие аналогии описанному седлу находим в погребениях у сс.Смелое и Пришиб на Северском Донце (Швецов М.Л., 1984, с.264-270, рис.2-4), а также в Чингульском кургане[8]. Но в отличие от последних, седло из Виноградного имеет совершенно другую форму передней луки, аналогий которой мы назвать пока не можем. Хорошая сохранность седла из Виноградного позволяет отнести его к числу уникальных находок конского снаряжения, обнаруженных в погребениях поздних кочевников азово-черноморских степей.

Лук. К уникальным находкам можно отнести, очевидно, и лук, поскольку выше описанные сохранившиеся детали позволяют достаточно точно реконструировать как его общий вид, так и отдельные конструктивные особенности. Этому способствуют и находки близких по конструкции сложных луков, известных в других, правда, предшествующих по времени, погребений. В качестве примеров можно привести лук из комплекса Мощевой Балки кон.VIII – нач.IX в. или лук из комплекса на р.Гогопс (Милованов Е., Иерусалимская А., 1976, с.40-43, рис.1-4; Савин А.М., Семенов А.И., 1992, с.201-205). Отметим, что лук из Виноградного име-

[8] Седла из Чингульского кургана еще не изданы. Их сохранность значительно хуже, чем описанное. Лучше сохранились передние луки, близкие по форме луке из погребения в Смелом (Швецов М.Л., 1984, с.264-267). Одна из них была покрыта тонким серебряным листом и декорирована двумя позолоченными украшениями, близкими по типу известным коньковидным подвескам.

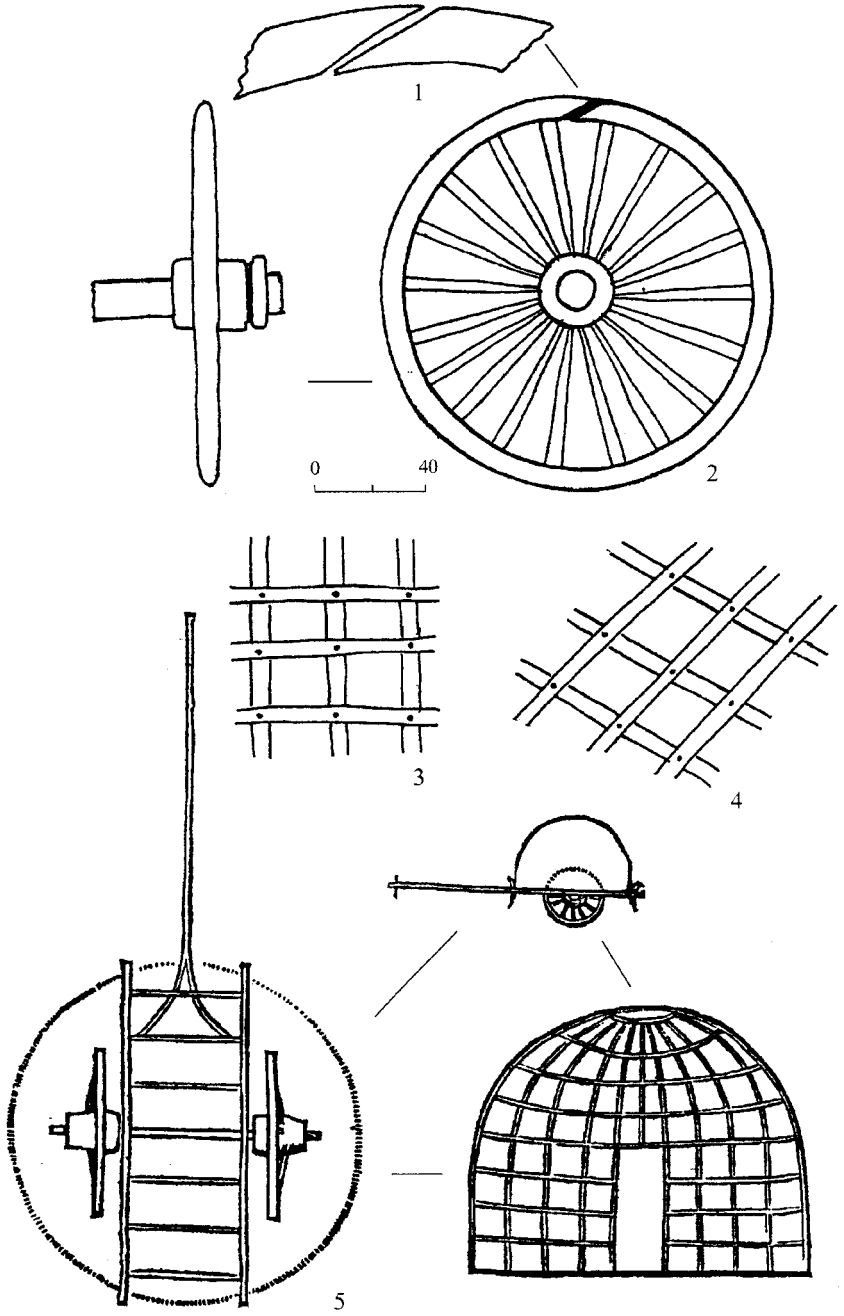

Рис. 8. Реконструкция деталей конструкции повозки: *1 – стык концов обода; 2 – реконструкция колеса; 3, 4 – варианты крепления планок каркаса повозки; 5 – рисунок повозки татар по Боплану.*

Fig. 8. Reconstruction of cart construction details: *1 – rim ends joint; 2 – wheel reconstruction; 3, 4 – variants of plank fastening of the cart frame; 5 – Beauplan's drawing of a Tatar cart.*

Abb. 8. Rekonstruktion von Fuhrwerksteilen: *1 – Trennfuge der Felgenenden; 2 – Rekonstruktion eines Rades; 3, 4 – Varianten der Leistenbefestigungen des Fuhrwerkgestells; 5 – Zeichnung eines Tatarenfuhrwerkes nach Beauplan.*

Dess. 8. Reconstruction des détails de la charpente du char: *1 – jonction des bouts de la jante; 2 – reconstruction de la roue; 3, 4 – variantes de fixation des lattes de la charpente du char; 5 – dessin du char des tatares d'après Beauplan*

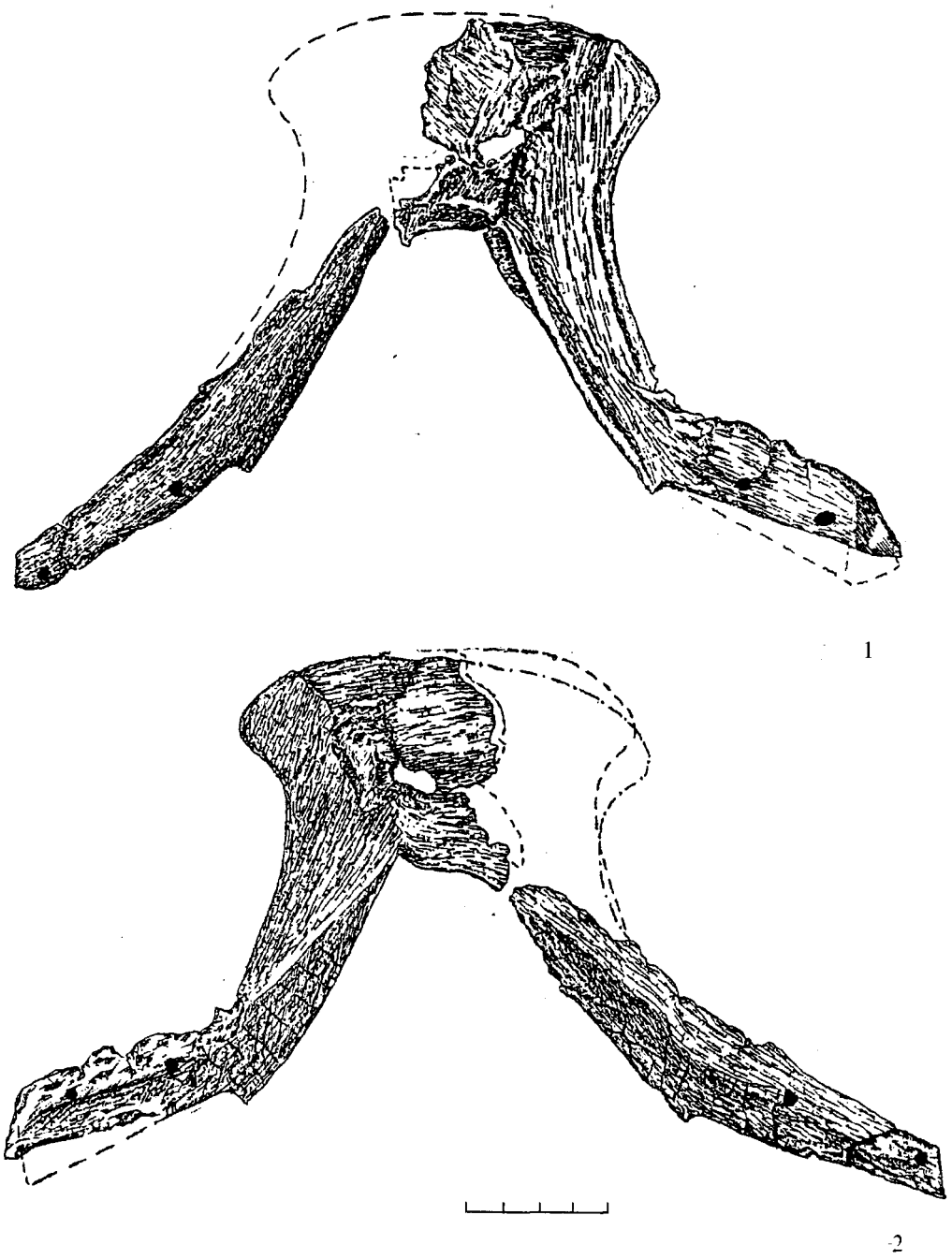

Рис. 9. Передняя лука седла: *1 – вид спереди; 2 – вид сзади.*
Fig. 9. Saddle pommel: *1 – front view; 2 – back view.*
Abb. 9. Vorderer Sattelbogen: *1 – Vorderansicht; 2 – Rückansicht.*
Dess. 9. Pommeau: *1 – vue de devant; 2 – vue de derrière*

ет только одну костяную накладку. В целом же, луки в комплексах поздних кочевников азово-черноморской степной зоны сохраняются крайне редко, да и то во фрагментах или же благодаря наличию костяных накладок. Поэтому публикуемый лук дает важные сведения для характеристики этого типа оружия развитого средневековья, известного больше по изображениям на каменных половецких статуях и по миниатюрам в письменных источниках (Плетнева С.А., 1974; Горелик М.В, 1987, рис.6, *7*).

Колчан. Редкой находкой можно считать и найденный в погребении тип колчана, представляющий собой деревянный, расширяющийся вниз футляр, очевидно, подпрямоугольного сечения. Несмотря на сильную спрессованность и деформацию профиля колчана, можно заметить, что он изготовлен из нескольких частей. Основная часть футляра, на которой был вырезан карман, видимо, была аккуратно выдолблена из одного куска дерева и имела слегка выпуклую поверхность с прямыми бортами, высоту которых трудно установить точно (не менее 9-10 см в основании). На торцы этих бортов была наложена тонкая плашка с поперечно идущими волокнами, образовавшая заднюю, плоскую стенку футляра. Верхняя часть колчана плохо сохранилась, поэтому трудно сказать точно, закрывался ли он крышкой. На сохранившейся части кармана она не фиксировалась (рис.4, 4). Нужно отметить также незначительное количество стрел в колчане – три. Ту же картину мы наблюдаем и в Чингульском кургане, где в колчане были обнаружены всего пять стрел (Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986, с.26).

Одежда и обувь. Одежда и обувь из погребения в настоящее время существенно дополняют аналогичные находки последних лет. Близкие детали обуви найдены в комплексах у пгт.Пришиб, 4/2, у с.Видножино, 2/1 (Рассамакин Ю.Я., Колосов Ю.Ген., 1992, с.10, 11, 23, рис.8, *6*)[9]. Одежда из Виноградного близка кафтанам из Чингульского кургана и из п.4 кургана у с.Великая Знаменка (Плешивенко А.Г., 1988, с.48).

Погребальная обрядность

Повышенный интерес к памятнику из Виноградного вызывает и его близость по способу захоронения, конструктивным особенностям могилы, набору и размещению вещей погребению из Чингульского кургана: яма с уступами по всему периметру, наличие гробовища, размещение посуды в ногах за пределами гробовища, распределение вещей возле умершего, ориентация на запад с незначительным отклонением к югу. Это может свидетельствовать об этнической, социальной и хронологической близости этих и аналогичных памятников. На данный тип погребений (Таганча, Липовцы, Ковали и др.) обратила внимание Н.В.Пятышева в связи с изучением шлемов с масками, которые она отнесла к половецким памятникам (Пятышева Н.В., 1964, с.14-20). Исследовательница датировала комплекс из Таганчи 1-й пол.XIII в., а остальные – кон.XIII – 1-й пол.XIV в. Такую позднюю датировку памятников поддержал М.В.Горелик, основывая свой вывод на наличии шлемов с деталями, характерными для монгольского времени (Горелик М.В., 1987, с.192, 193).

Гробовища поздних кочевников делятся на два больших отдела: колоды и дощатые гробы. В нашем случае гробовище занимает по конструкции промежуточное положение, так как является не просто выдолбленной колодой, а имеет сборную конструкцию с накладными торцевыми стенками и поперечным дощатым перекрытием. Система крепления торцевых стенок с помощью деревянных штифтов аналогична креплению досок бортов к продольным лагам в погребении Чингульского кургана. Но наличие "ящичной" конструкции гробовища и перекрытие с колесами повозки не могут дать надежной датировки, хотя подавляющее большинство памятников, учтенных Г.А.Федоровым-Давыдовым, были отнесены к золотоордынскому времени (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.130, 131). На р.Волчьей исследованные в последние десятилетия погребения с колесами датировались по вещам не ранее рубежа XII-XIII вв. (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.149). Если учесть общую близость погребального комплекса из Виноградного чингульскому погребению, с одной стороны, а с другой, – погребениям, которые сопровождаются джучидскими монетами, где есть много сходных обрядовых черт, включая конструкцию могил, наличие колод и ящиков (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с.90-92, рис.1-4; 1981, с.97, рис 2, *11-15*; Шалобудов В.Н., 1982, с.60-62, рис.1, 2; 1990, с.111-117, рис.2, 3, *1-4*)[10], логично было бы соотнести публикуемый комплекс по времени

[9] Раскопки Запорожской экспедиции ИА НАН Украины в 1986 и 1988 гг.

[10] См. также опубликованные комплексы, сведенные в таблицы и сопровождаемые общим описанием, в книге П.П.Толочко "Кочевые народы степей и Киевская Русь" (Толочко П.П., 1999, с.185-192). Особенно интересен комплекс из кургана 3 у с.Родионовки, датируемый по дирхемам 40 гг. XIV в. (Толочко П.П., 1999, с.191).

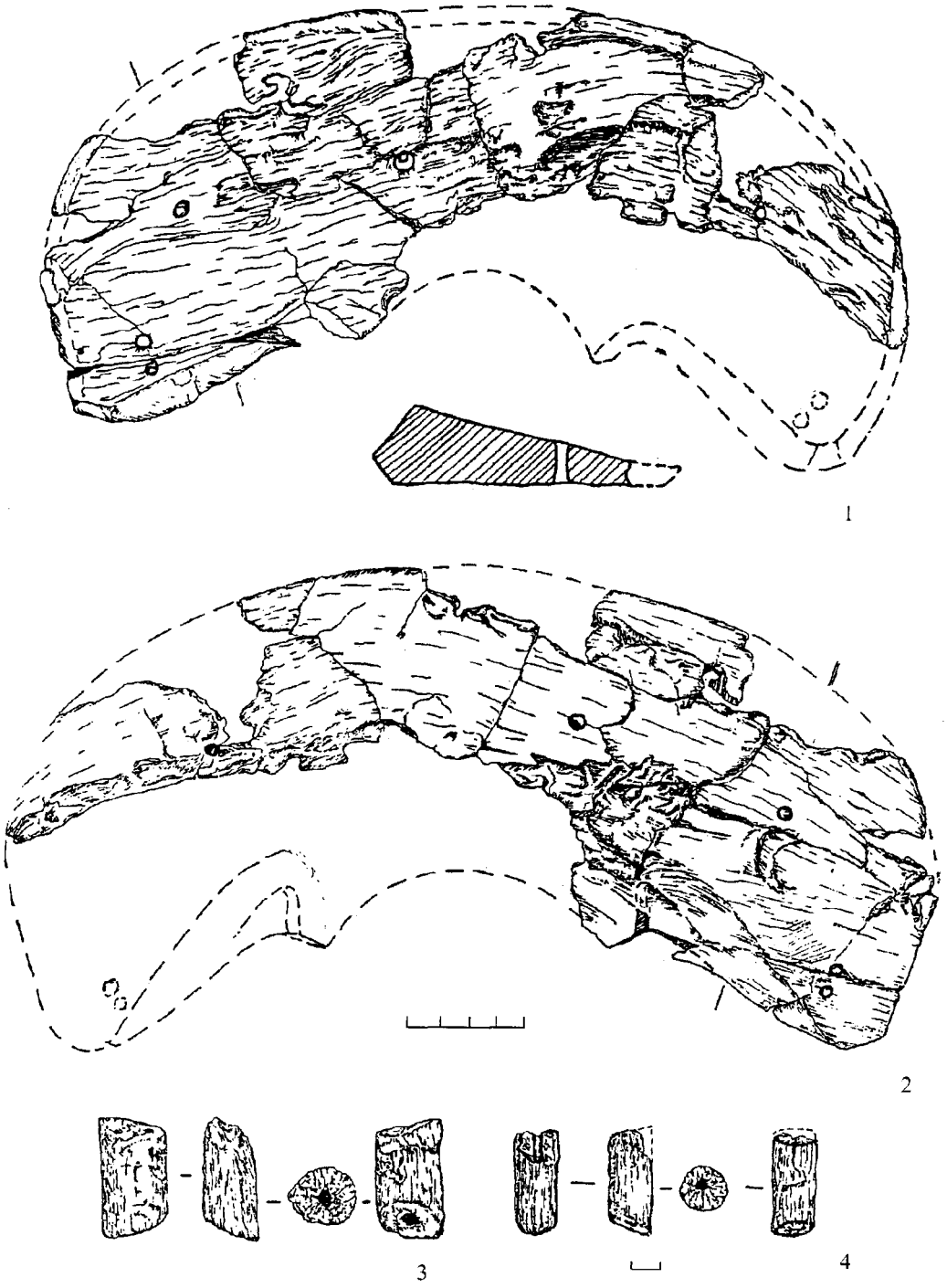

Рис. 10. Детали седла: *1, 2 – задняя лука (1 – вид спереди; 2 – вид сзади); 3, 4 – подпорки под заднюю луку.*

Fig. 10. Saddle details: *1, 2 – rear arch (1 – front view; 2 – back view); 3, 4 – rear arch supports.*

Abb. 10. Sattelteile: *1, 2 – hinterer Sattelbogen (1 – Vorderansicht; 2 – Rückansicht); 3, 4 – Stützen für den hinteren Sattelbogen.*

Dess. 10. Détails de la selle: *1, 2 – troussequin (1 – vue de devant; 2 – vue de derrière); 3, 4 – supports de troussequin*

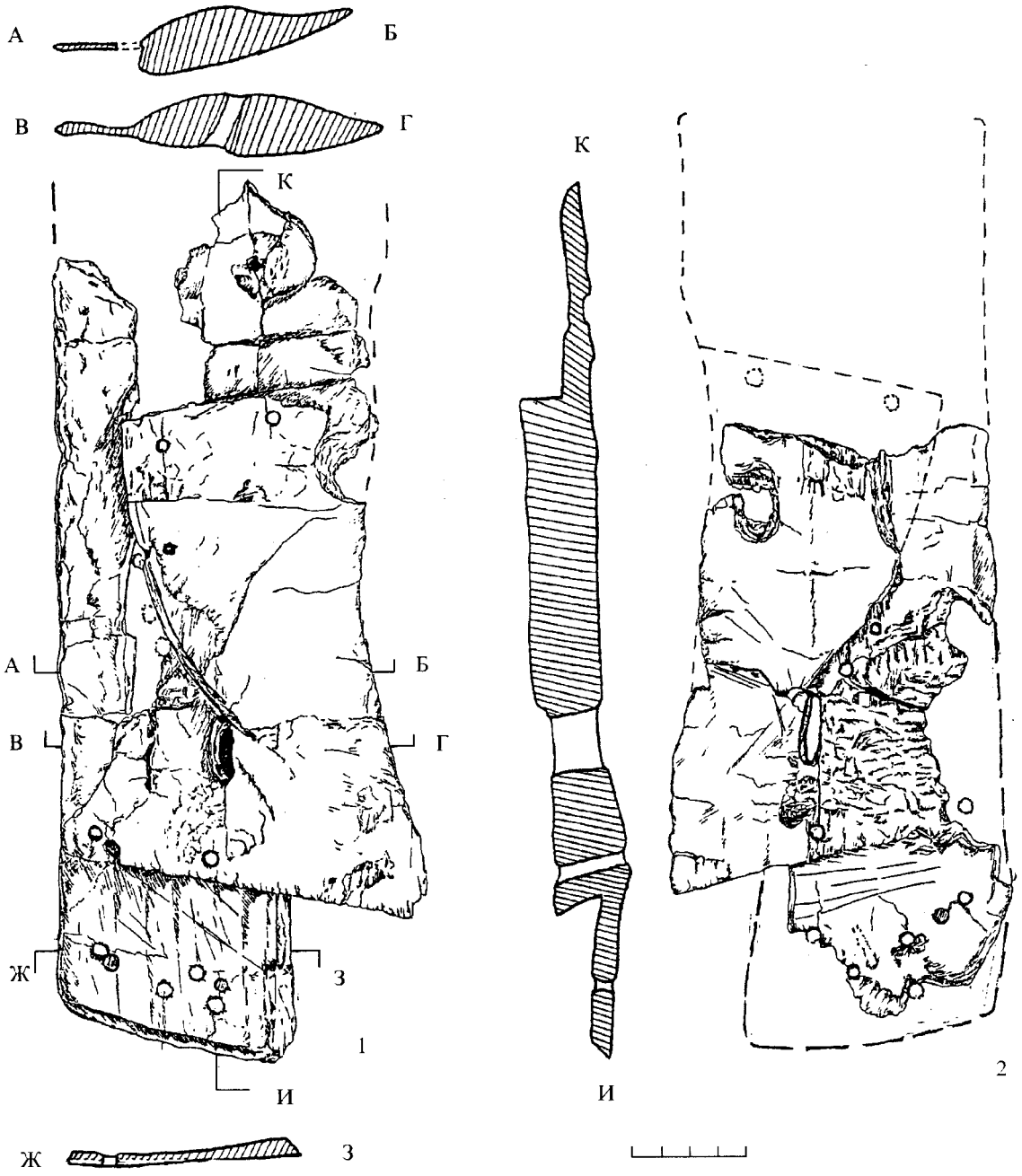

Рис. 11. Полки седла: *1 – правая полка; 2 – левая полка.*
Fig. 11. Saddle sides (shelves): *1 – right side; 2 – left side.*
Abb. 11. Sattelflächen: *1 – rechte Fläche; 2 – linke Fläche.*
Dess. 11. Rayons de la selle: *1 – rayon droit; 2 – rayon gauche*

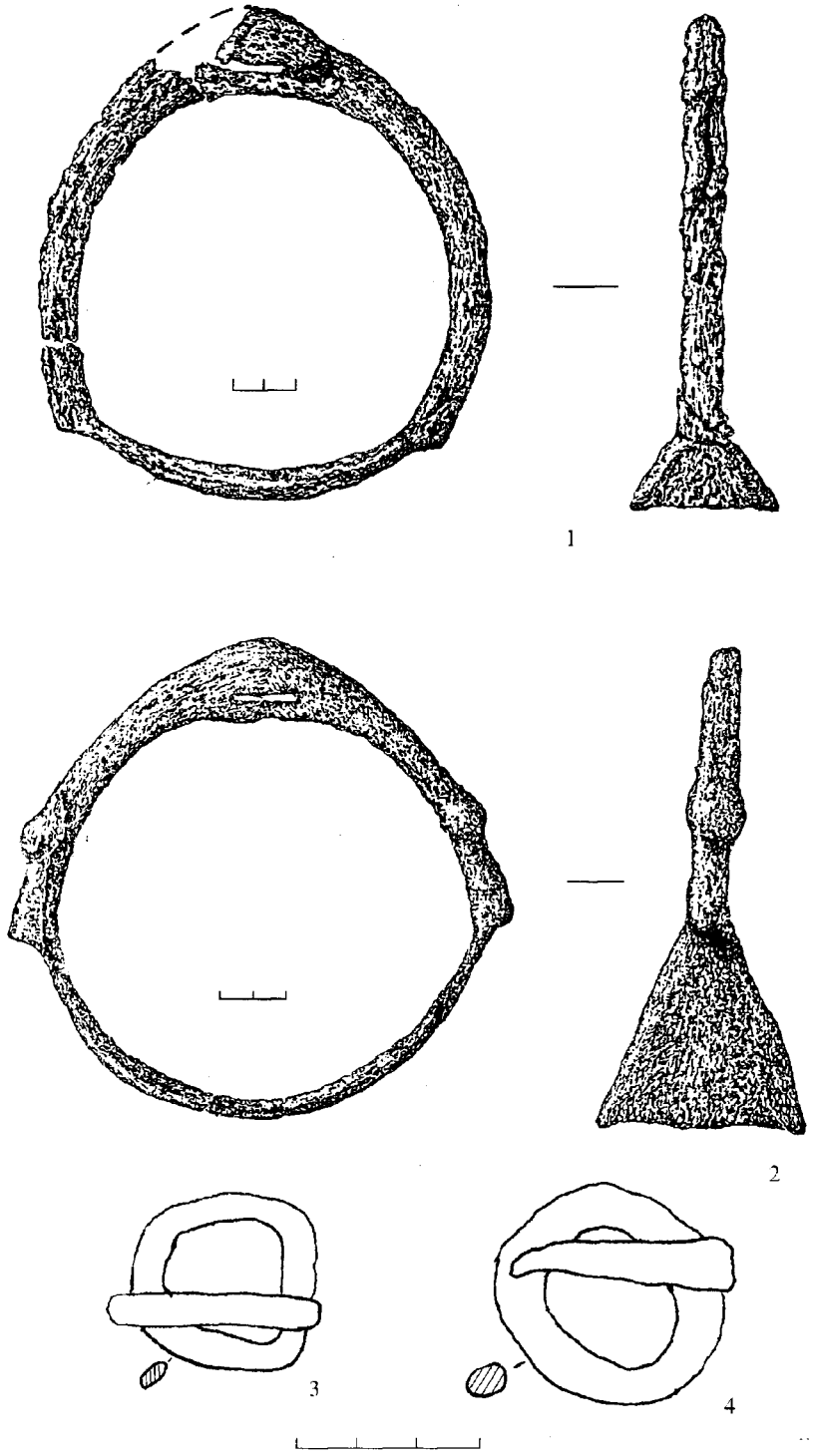

Рис. 12. Железные стремена *(1, 2)* и железные пряжки *(3, 4)*.
Fig. 12. Iron stirrups *(1, 2)* and iron buckles *(3, 4)*.
Abb. 12. Eisenbügel *(1, 2)* und Eisenschnallen *(3, 4)*.
Dess. 12. Etriers en fer *(1, 2)* et agrafes en fer *(3, 4)*

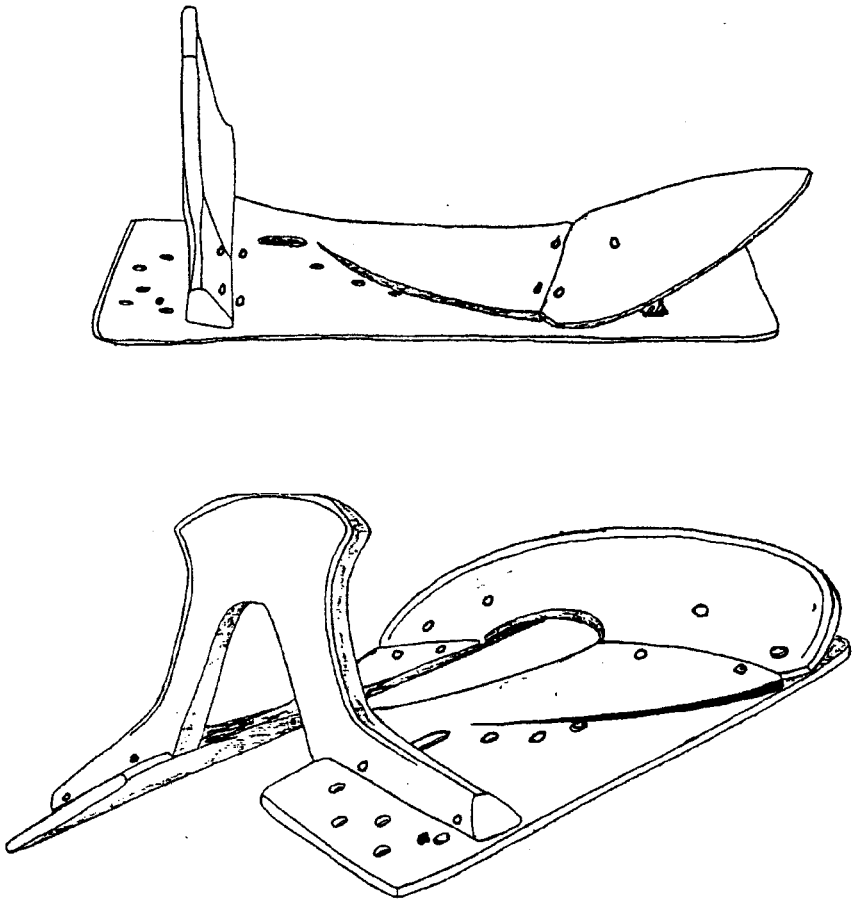

Рис. 13. Реконструкция седла (без масштаба).
Fig. 13. Saddle reconstruction (without reference to any scale).
Abb. 13. Sattelrekonstruktion (ohne Maßstab).
Dess. 13. Reconstruction de la selle (sans échelle)

между чингульским, имеющим исключительно дозолотоордынские (домонгольские) вещи, и комплексами, датирующимися джучидскими монетами, а именно, приблизительно в интервале между сер.XIII – нач.XIV в. Представляется, что погребения в дощатых гробовищах с западной ориентацией, в ямах с уступами, с выразительным и богатым инвентарем определяют достаточно поздний период половецкой истории, который связан уже с ранним золотоордынским временем, получая дальнейшее развитие в кон.XIII – 1-й пол.XIV в. Правда, подобный вывод нуждается в более детальной аргументации.

Для этого времени этническая атрибуция подобных памятников еще более затруднена, чем для предыдущих периодов позднекочевнической истории. Сложность решения данной проблемы была отмечена в свое время Г.А.Федоровым-Давыдовым, а позже специально рассматривалась А.О.Добролюбским (Добролюбский А.О., 1984, с.73-80; 1986, с.31-46).

На этническую атрибуцию половецкого комплекса указывает наличие обломка распрямленной серебряной гривны в руке (Швецов М.Л., 1980, с.199, 200; Гриб В.К., 1986, с.54, 55; Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1987, с.128-135; Шалобудов В.Н., 1990, с.107-118). Распрямленные гривны, источником которых явились шейные гривны, хорошо известны как по изображениям на каменных бабах (Плетнева С.А., 1974), так и в погребениях (Моруженко А.А., Евглевский А.В., 1993, с.121, 122). Практически полная сводка подобных находок (56 погребений) и анализ их сложного семиотического статуса, далеко выходящего за пределы их традиционного определения как распрямленных гривен-жезлов, символов высокого социального статуса умерших, дана недавно А.В.Евглевским, который отмечает распространение такой формы (т.е. распрям-

ление гривны) обрядовой практики кочевников только на ограниченной территории азово-причерноморских степей от Кубани, Маныча и Дона на востоке, до Южного Буга на западе. Время существования данной традиции исследователь определяет периодом от рубежа XII-XIII вв. до 1-й трети XIV в. (Евглевский А.В., 1998, с.142-147).

Специфическое богатство инвентаря, включающее социально важные и религиозно значимые у кочевников вещи – обломок распрямленной гривны в руке, набор посуды и бронзовый котел, повозка говорит о нерядовом положении умершего в обществе (Швецов М.Л., 1980, с.201; Плетнева С.А., 1981, с.215; Гриб В.К., 1986, с.55 и др.). Вероятно, можно говорить о принадлежности погребенного к еще сохранившейся в раннезолотоордынское время родовой половецкой знати (Добролюбский А.О., 1978, с.107-119).

Инвентарь погребения	Порода дерева
1. Гробовище – колода	Ива
2. Доски перекрытия гробовища	Ива
Колесо (в восточной части перекрытия): 3. Обод 4. Спицы	 Ива 8 – ива 3 – дуб 1 – граб 1 – сосна 1 – ясень
Седло: 5. Луки 6. Полки 7. Подпорка (тонкая) 8. Подпорка (толстая)	 Ива Тополь Ива Тополь
9. Пика	Дуб
10. Миска с тамгой	Ива (?)
11. Черпак (ковш)	Ива
12. Миска с поддоном и ручкой	Клен
Колчан: 13. Футляр 14. Нижняя часть 15. Древки стрел	 Тополь Береза 1 – береза 2 – тополь
16. Древко под колчаном	Ива (?)
Лук: 17. Концы 18. Плечи, центральная часть 19. Накладки на стыки частей	 Ясень Клен Липа
20. Крышка медного котла	Бук

Приложение. Определение пород дерева из погребения 3, кург. 30 у с.Виноградное[11].

Supplement. Identification of wood species from burial 3, burial mound 30 near v. of Vinogradnoye.

Anlage. Bestimmung von Holzsorten aus der Bestattung 3 des Kurgans 30 in der Nähe des Dorfes Vinogradnoje.

Annexe. Définition des races d'arbres de la sépulture 3, tumulus 30 près du village Vinogradnoê

[11] Определения сделаны Е.В.Козюменко, за что автор выражает ему свою признательность.

Литература и архивные материалы

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.

Боплан Гійом, 1990. Опис України. К.

Горелик М.В., 1987. Ранний монгольский доспех (IX – 1-й пол.XIV в.)// Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.

Гриб В.К., 1986. Об одном из атрибутов власти в погребениях поздних кочевников// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.

Добролюбский А.О., 1978. О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда// Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Добролюбский А.О., 1984. К проблеме этнической атрибуции и датировки погребений средневековых кочевников в причерноморских степях// Северное Причерноморье. К.

Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.

Евглевский А.В., 1998. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв.// Археологический альманах. № 7. Донецк.

Кудряшов К.В., 1949. Половецкая степь. М.

Милованов Е., Иерусалимская А., 1976. Лук из Мощевой Балки// СГЭ. Вып.XLI.

Моруженко А.А., Евглевский А.В., 1993. Исследование кургана у села Птичье, в бассейне р.Волчья// ДАС. Вып.3. Донецк.

Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625), 1992// ЗИООИД. Т.XXIV. Одесса.

Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986. Половецький комплекс Чингульського кургану// Археологія. Вип.53.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.

Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е 4-2.

Плетнева С.А., 1981. Кочевники восточноевропейских степей в X-XIII вв. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плешивенко А.Г., 1988. Кафтан из половецкого погребения// Международные связи в средневековой Европе. Запорожье.

Пятышева Н.В., 1964. Железная маска из Херсонеса. М.

Рассамакин Ю.Я., Колосов Ю.Ген., 1992. Курганная группа у пгт.Пришиб. К.

Савин А.М., Семенов А.И., 1992. Средневековый лук из находок на р.Гогопс// Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы докладов конференции к 90-летию М.П.Грязнова. Санкт-Петербург.

Тереножкін О.І., 1960. Кургани в долині р.Молочної// АП УРСР. Т.VIII. К.

Толочко П.П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Шалобудов В.Н., 1982. Позднекочевнический могильник XIV в. у с.Котовка// Древности степного Поднепровья. Днепропетровск.

Шалобудов В.Н., 1990. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях// Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья// Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1981. Позднекочевнические погребения Приорелья// Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск.

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р.Волчьей// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1987. Гривны в погребениях средневековых кочевников// Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск.

Швецов М.Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников// СА. № 2.

Швецов М.Л., 1984. Позднекочевническое погребение у с.Смелое на Северском Донце// СА. № 1.

Summary

Yu.Ya.Rassamakin (Kiev, Ukraine)

A Noble Nomad's Interment on the River Molochnaya: Experience of Reconstruction of a Set of Objects

The article deals with one of the most impressive and untouched monuments of the early period of the Golden Horde in Eastern Europe. A set of objects found in the interment contains a great number of rare and socially non-trivial goods. A kaftan (a long tunic with a waist-girdle) made of smooth crimson silk, a copper cauldron, and a straightened grivna are of particular interest.

The interment has a unique stock of well-preserved wooden articles. They are: kitchen utensils (a bowl, a plate and a dipper), armament pieces (a quiver and a bow), cart details (wheels and frame parts), a saddle, a point of indefinite purpose and a log coffin.

Despite of some deterioration most of the goods preserved their form, construction details and proportions, which permitted their rather precise reconstruction. Some of those reconstructions attempts have no analogues available in special literature.

The funeral rite peculiarities and the objects typology enabled us to date the monument back to the period of the late XIIth - early XIVth cc.

As for the stock composition, it is quite specific and mainly consists of household goods, weapons being represented only by the things traditional and compulsory for a nomad: a bow, a quiver and a sabre. It gives the evidence that the deceased belonged to the tribal nobility, although being a warrior was not the main, or at least the only, status for him.

Ju.Ja. Rassamakin (Kyiw, Ukraine)

Grabstätte eines vornehmen Nomaden am Fluss Molotschnaja: Versuch einer Rekonstruktion des Gegenständekomplexes

Der vorliegende Beitrag behandelt eines der ausgeprägtesten und am besten erhaltenen Denkmäler Osteuropas aus der Zeit der frühen Goldenen Horde. Seine Besonderheit besteht darin, dass es eine große Anzahl von seltenen und sozial ungewöhnlichen Sachen hat. Darunter sind ein Kaftan aus glatter karmesinroter Seide, ein Kupferkessel und eine geradegebogene Griwna. Eine weitere einmalige Besonderheit der Bestattung bildet ein verhältnismäßig gut erhaltener Satz von Holzgegenständen. Dazu gehören u.a. Geschirr (Schüssel, Teller und Schöpfkelle), Rüstung (Köcher und Bogen), Teile eines Fuhrwerkes (Räder und Gestellteile), Sattel, Spitze unbestimmten Zwecks und ein Baumstammsarg.

Die meisten dieser Gegenstände bewahrten trotz mancher Schäden ihre Form, Bauteile und Abmessungen; das ermöglichte ziemlich genaue Rekonstruktionen, die in der Fachliteratur ihresgleichen suchen.

Der Bestattungsritual und die Typologie des Sachensatzes lassen dieses Denkmal mit dem späten 12. bis zum frühen 14. Jh. datieren.

Spezifische Besonderheiten im Inventar, wo Wirtschaftsgegenstände dominieren, Waffen aber nur unter den für einen Nomaden traditionellen und verbindlichen Gegenständen wie Bogen, Köcher und Säbel vorkommen, lassen den Bestatteten dem Stammadel zuordnen, dessen militärische Funktion wahrscheinlich nicht dominierend oder wenigstens nicht die einzige war.

Û.Â.Rassamakin (Kiev, Ukraine)

La tombe d'un nomade noble au bord de la rivière Moloĉna: Tentative de reconstruction d'un complexe à effets

L'article est consacré à l'un des plus expressifs monuments intacts de l'Europe de l'Est daté de la deuxième moitié du XIII – début XIV s.s.appartenant à l'époque de la Horde d'or précoce. Sa particularité consiste en la présence dans le complexe d'un grand nombre d'objets rares, extraordinaires sur le plan social. On découvre d'entre eux: un caftan en soie unie couleur framboise, un chaudron de cuivre et une torque dépliée. Une deuxième

particularité extraordinaire de la sépulture est la présence d'un ensemble d'objets en bois assez bien conservés. Ce sont des objets de vaisselle (une bassine, une assiette et un puisoir), des objets d'armes (un carquois et un arc à tir), des détails d'un char (les roues et des parties de la charpente), une selle, et un cercueil en forme de billot.

Malgré certains défauts, la plupart de ces objets a bien conservé sa forme, les éléments de sa charpente et ses dimensions, ce qui a permis d'effectuer des reconstructions assez précises dont plusieurs n'ont pas d'analogues dans la littérature spéciale.

Les particularités de l'ensemble d'objets où prédominent ceux de la vie courante, alors que des éléments d'armes sont plutôt traditionnels comme un arc à tir, un carquois et une épée tous obligatoires pour un nomade, font attribuer l'appartenance du défunt à la noblesse dont une fonction militaire n'aurait pas dû être principale ni tout au moins unique.

Статья поступила в редакцию в марте 2002 г.

М.В.Горелик

ШЛЕМЫ И ФАЛЬШЬОНЫ: ДВА АСПЕКТА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ МОНГОЛЬСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ДЕЛА

Монгольское нашествие, как известно, отложило "свой" отпечаток на все стороны жизни народов, ставших его жертвами. Не были исключением и народы Европы. Однако некоторое время спустя, покоренная Русь и оказавшиеся в опасной близости от завоевателей народы юго-востока Балтии, Венгрии, Нижнего Подунавья стали внимательно присматриваться к оружию монголов.

Нам уже приходилось писать о том влиянии, которое монгольский панцирь из мягкого материала (к которому изнутри приклепаны железные пластины), названный нами "усиленный хатангу дегель", оказал на генезис и развитие европейского доспеха типа coat of plates (Горелик М.В., 1983, с.255). Из последнего, как известно, развился классический цельнокованый рыцарский доспех Европы XV-XVII вв. Достаточное внимание нами было уделено и монгольским *лукам* (Горелик М.В., 1979, с.90; 1990, с.156-157; 2002, с.30).

Проблемы взаимовлияния Орды и Руси, Орды и Восточной Европы в военном деле давно интересуют многих исследователей. Некоторые вопросы нашли подробное освещение в ряде работ, включая недавно вышедшую нашу (Горелик М.В., 2002, с.25-27). В данной статье мы рассмотрим лишь два аспекта оружейных взаимосвязей между монголами и Европой, недостаточно освещенных в предыдущих работах. Первая ее часть посвящена одной группе шлемов, найденных на территории Центральной Европы, вторая – уникальному образцу клинкового оружия, обнаруженном в хорошо датированном богатом захоронении золотоордынского латника в нижнем течении Южного Бута.

Монгольские шлемы из северных и южных регионов Центральной Европы

На севере и юге Центральной Европы при разных обстоятельствах найдено несколько шлемов, интерпретация которых вызвала целый ряд вопросов, и, прежде всего, выяснение места их изготовления. Часть из них составляет серии, что весьма важно для истории культуры регионов, где они были изготовлены и найдены.

В 1-й четверти XX в. у с.Плоское в 13 км от Тирасполя (западное пограничье Золотой Орды) И.Я.Стемпковским в одном из раскопанных курганов было обнаружено погребение, хорошо датирующееся серебряными монетами золотоордынского хана Токты (1290-1312 гг.) и золотой монетой византийского императора Иоанна II Комнина (1118-1143 гг.). В погребении был найден комплект оружия: копье, топорик, наконечники стрел, кольчуга и шлем (Гошкевич В.И.,1930, с.109, рис.10).

Шлем (рис.1, *1*) представляет собой сложное изделие, в виде невысокой сферической тульи, составленной из четырех секторов, соединенных по линии наложения вертикально расположенными полосками с парой заклепок на каждой; в местах заклепок полоски расширяются треугольными выступами. Сверху приклепано навершие в виде низкого конуса со шпилем, увенчанным бипирамидальным завершением. Околыш шлема – широкий, расширяющийся книзу, склепан из 12-13 подпрямоугольных пластин. Спереди к околышу приклепан козырек длиной 16 см и горизонтальная узкая налобная пластина. К нижнему краю шлема с боков и сзади приклепана полоса металла, верхний край которой мелко и часто насечен зубилом, а нижний нарублен прямоугольниками с пазами между ними; прямоугольники свернуты в трубки, в которые вставлялся прут, продевавшийся, в свою очередь, через кольца верхнего ряда кольчужного плетения бармицы. Данный шлем замечателен тем, что имеет почти все признаки, характерные для монгольских шлемов: шпиль, козырек, наборный околыш, мелкая насечка краев (Горелик М.В., 1987, с.188-192, рис.10, *2, 5, 8, 10, 32*; рис.11, *8, 14*; 2002, с.75, *7, 8, 9, 13, 17-19*; Peers C.J., 1992, с.6). Сочетание их в одном предмете делает его одним из эталонных образцов монгольских шлемов вообще.

В Историческом музее южноболгарского г.Казанлыка хранится замечательный шлем, найденный в Ясеново (р-н г.Стара Загора) (рис.1, *3*). Авторы публикации коллекций музея датировали его IX-X вв. (Гетов Л., Цанова Г., 1967, № 110); английский же исследователь Д.Николль сначала датировал его XII-XIII вв., связав его происхождение с балканскими номадами или Византией (Nicolle D., 1988a, с.40), позднее ограничил его происхождение последней, а в датировке вернулся к мнению болгарских авторов (Nicolle D., 1996, с.76-77).

Шлемы из Ясеново и Плоского конструктивно и типологически близки. Разница состоит лишь в некоторых деталях: отсутствии навершия у первого из них; околыш у шлема из Плоского свернут из одной широкой полосы металла с одним клепаным швом, а не собран из склепанных пластин; вместо козырька у последнего – чуть отогнутый наружу край. Кроме того, на ясеновском шлеме присутствует яркий золотоордынский ремесленный признак – мелкая частая насечка вдоль краев узких вертикальных полос, перекрывающих стыки секторов тульи, а также на нижней стороне трубчатых петель-держателей бармицы – на нижнем ободе околыша. Самой же примечательной деталью ясеновского шлема является личина на лобной части околыша, где очень грубо, примитивно с изнанки выколочены асимметричные брови, переходящие в линию "носа", и два столь же асимметричных глаза. Эта личина мешает исследователям правильно интерпретировать предмет, хотя, на наш взгляд, из-за

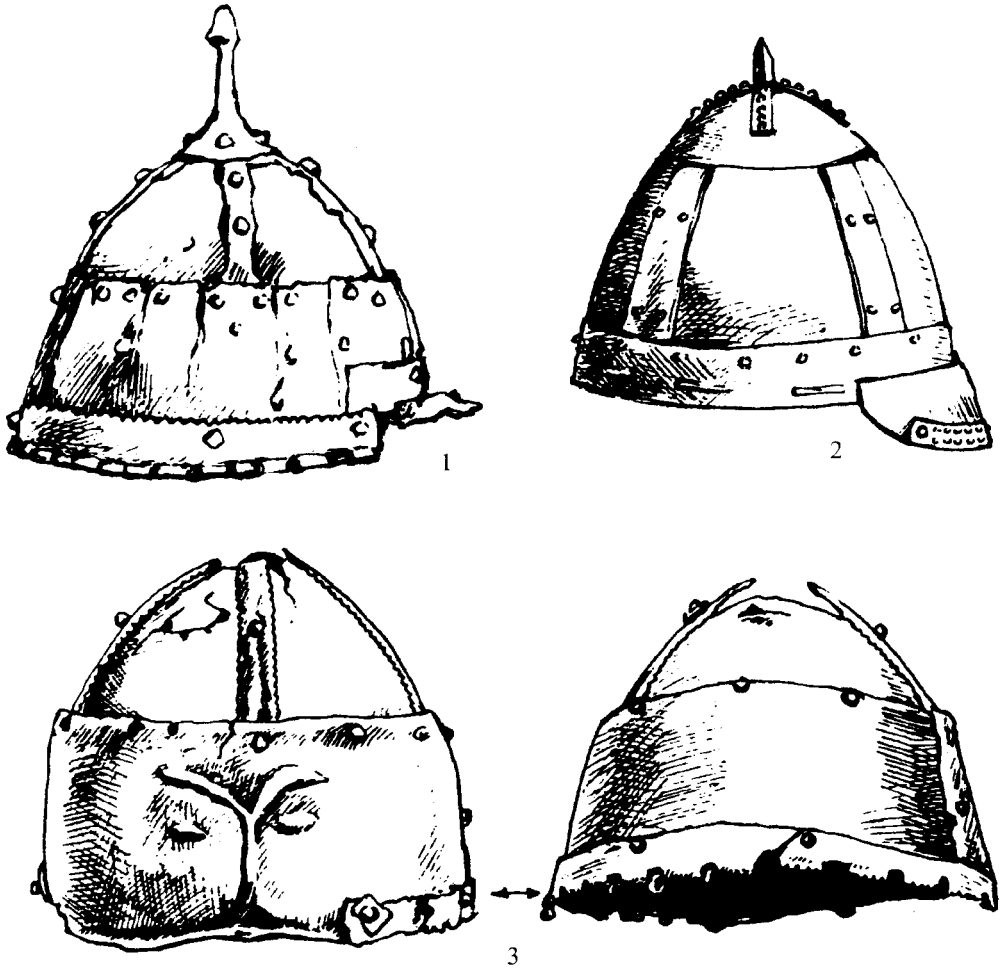

Рис. 1. Шлемы золотоордынского времени. *1 – шлем из кургана у с.Плоское, р-н Тирасполя, кон.XIII – нач.XIV в.; 2 – шлем из Коврово, Калининградская обл.; 3 – шлем из Ясеново, р-н г.Стара Загора, Болгария.*

Fig. 1. Helmets of the Golden Horde period. *1 – helmet from the barrow near Ploskoye vil., Tiraspol vicinity, late XIIIth – early XIVth cc.; 2 – helmet from Kovrovo, Kaliningrad region; 3 – helmet from Yasenovo, Stara Zagora vicinity, Bulgaria.*

Abb. 1. Helme aus der Zeit der Goldenen Horde. *1 – Helm aus dem Kurgan am Dorf Ploskoje bei Tiraspol, spätes 13. Jh. – frühes 14. Jh.; 2 – Helm aus Kowrowo, Gebiet Kaliningrad; 3 – Helm aus Jasenovo, bei Stara Sagora (Zagora), Bulgarien.*

Dess. 1. Casques de l'époque de la Horde d'Or. *1 – casque trouvé dans le tumulus près du village Ploskoé, région de Tiraspol, fin du XIII – début du XIV siècles ; 2 – casque trouvé à Kovrovo région de Kaliningrad ; 3 – casque trouvé à Âsenovo, région de Stara Zagora, Bulgarie*

полного непрофессионализма работы, на самом деле, она мало что может сказать о какой-либо традиции.

Конструктивно и типологически близок шлему из Плоского случайно найденный при пахоте в 80 гг. XIX в. в районе Айссельбиттена (ныне Ковровo) на востоке приморской зоны полуострова Самбия в Восточной Пруссии (ныне Калининградская обл.) шлем (Седов В.В., 1987, табл.CXXX, 5). В связи со случайностью находки и отсутствием контекста, в наших выводах приходится исходить только из признаков самого шлема. Эти признаки: сфероконическая тулья, склепанная из четырех секторов посредством вертикальных полосок металла, наложенных поверх стыков; козырек, украшенный понизу полоской латуни с каемками из выпуклых точек. Подобное украшение очень характерно для южносибирских, кыргызских мастеров металла XIII-XIV вв. (Кызласов И.Л., 1983, табл.XIV, 42, 43; XVII, 21; XXII, 12; XXXV, 1, 10, 13; XXXVII, 5, 18, 21, 22, 27; XXXVIII, 4). Сверху пластины тульи соединены округлым подвершием, которое увенчано граненым острием и крестообразно приклепанными латунными полосками, вдоль которых выбиты выпуклые точки, как на окантовке козырька.

Но как шлем с такими яркими монгольскими признаками мог оказаться в земле пруссов? Исторические и археологические в том числе предметы вооружения, дают картину многих и реальных, прямых и опосредованных монголо-прусских контактов. Так, В.Л.Янин показал, что очень важной опорой Александра Невского в Новгороде, теснейшим образом сотрудничавшего с монголами и непосредственно приведшего их туда, была влиятельнейшая группа боярства – прусских эмигрантов (Янин В.Л., 1974, с.92). В.И.Кулаков, начальник Балтийской археологической экспедиции, ведущей раскопки в Калининградской обл., любезно сообщил нам о недавней находке в типичном прусском дружинном погребении XIII в. останков ярко выраженного монголоида. Прямые контакты, причем, как правило, военные, имели место в 60-70 гг. XIII в., когда коалиции в составе галицко-волынских князей вместе с монголами сначала под командованием Бурундая, а позже Ногая и Тулибуги воевали в Польше и Литве (Галицко-Волынская летопись под 1251 г., 1260 г., 1276 г., 1277 г., 1281 и 1282 гг.). Даже, когда сами монголы в армиях коалиций не присутствовали, их оружие, точнее доспехи монгольского образца красовались, сияя, на дружинниках князя Даниила Галицко-Владимирского, что было отмечено Галицко-Волынской летописью еще под 1251 г. Великолепный экземпляр шлема монгольского типа, но со специфической неточностью в детали и с прекрасными таушировками золотом в восточнохристианском стиле, вышедший, как мы предположили, из придворной оружейной мастерской Даниила Галицкого (Горелик М.В., 2002, с.77, *10*), был найден в кочевническом погребении "Хургишца" в Ватра Молдовичей на северо-западе румынской Молдовы (Spinei V., 1982, с.195, fig.36).

Влияние монгольского доспеха на вооружение польско-прусской Балтии оказалось столь сильным, что там к XIV в. сложился целый комплекс оборонительного вооружения, связанный происхождением с монгольскими образцами. Так, голова рыцаря, изображенного на печати Данцигской (Гданьской) комтурии Тевтонского ордена сер.XIV в., защищена шлемом отнюдь не какого-либо из европейских типов того времени, а ордынским сфероконическим, склепанным из нескольких секторов металла шлемом (Nowakowski A., 1994, fig.30) (рис.3, *2*). В монгольского типа ламеллярные панцири и сложно конической формы клепанные ордынские шлемы облачены рыцари на печатях герцогов Мазовецких: Тройдена (ум. в 1341 г.) и Земовита 1343 г. (Thordeman B., 1939, fig.264, 255) (рис.3, *3, 4*), причем, шлем на голове рыцаря с печати Земовита – точная копия ясеновского шлема. Уникальное горельефное изображение воинов-пруссов, сражающихся с тевтонскими братьями, которое украшает высеченную в 1300 г. капитель колонны собора в столице Тевтонского ордена – Мариенбурге (ныне Мальборк), показывает прусских латников, облаченными в остроконечные сфероконические шлемы, называвшиеся тевтонцами "прусскими" (prusche helm), и панцири с нарукавьями до локтя, "разлинованными" горизонтальными полосами (Nowakowski A., 1994, fig.35, 36) (рис.3, *1*). Так всегда изображались ламинарные – из полос металла или твердой кожи или ламеллярные – из пластинок металла или твердой кожи, соединенных плетением в полосы, которые в обоих типах брони соединялись горизонтально вплетавшимися в отверстия в металле или коже тонкими ремешками или тесьмой панцири. Они были основными типами панциря у монголов, стимулировавших их изготовление на севере Центральной Европы. Такой панцирь в полном виде найден при раскопках братской могилы ополченцев о.Готланд, павших в 1361 г. в бою с датским войском под стенами г.Висбю (Thordeman B., 1939, fig.196-198).

Несомненно, именно в эту "монголо-прусскую" традицию вписываются находки еще двух шлемов с территории исторической Пруссии. Один из них случайно найден в Мельно около г.Альтенштайна (ныне Ольштын) в Восточной Пруссии (рис.2, *6*). Шлем – с угловатым переходом от высокого, чуть сужающегося кверху, почти цилиндрического околыша к конической тульe, плавно переходящей в высокое тонкое навершие цилиндрического сечения; навершие увенчано тонким железным

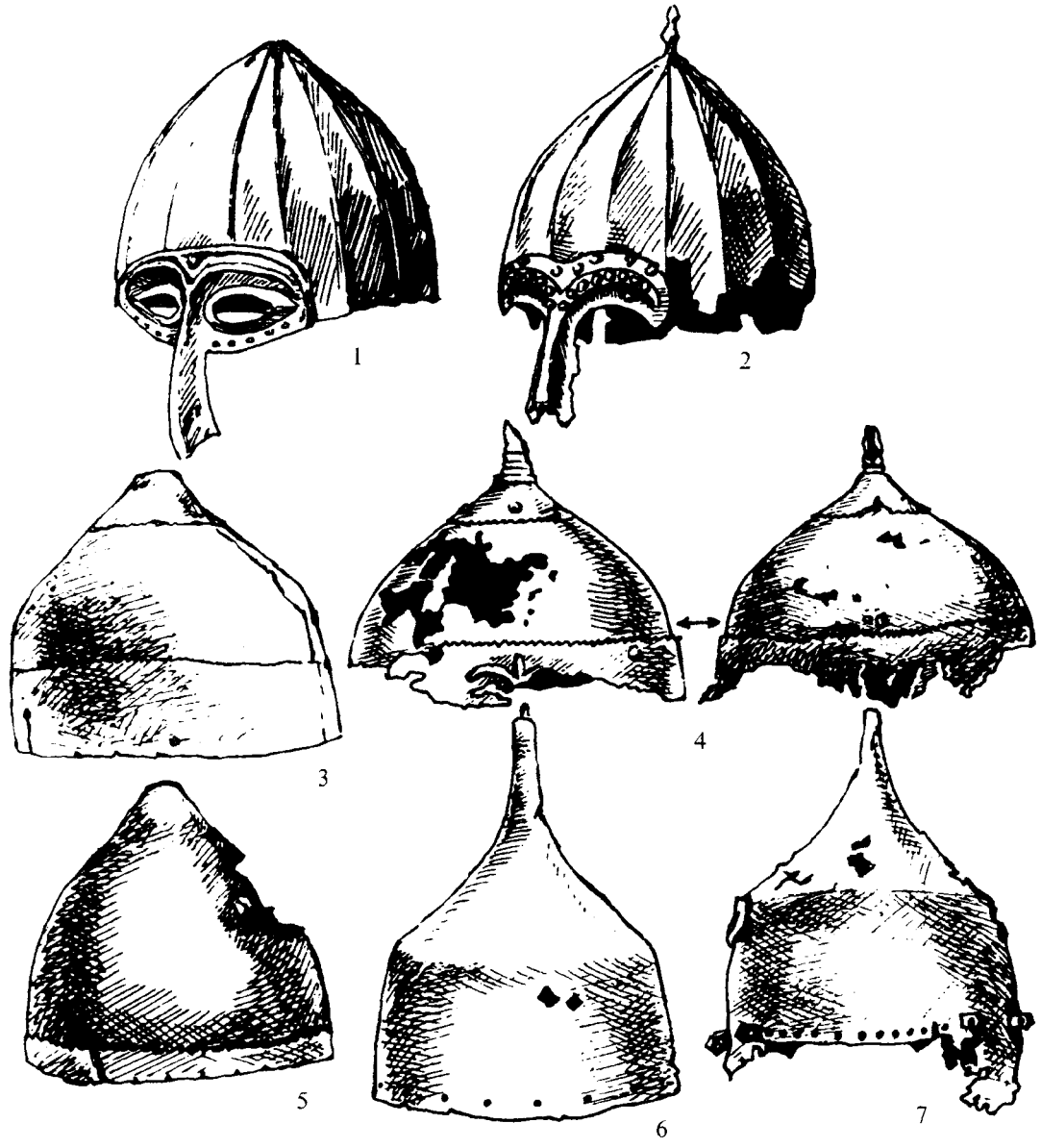

Рис. 2. Шлемы золотоордынского времени. *1 – шлем из с.Никольское, Орловская губ., 2-я пол.XIII в., Эрмитаж; 2 – шлем из кургана в Моску, р-н Тыргу Бужор, Восточная Румыния; 3 – шлем из кургана у г.Остра, р-н Южная Сучава, Восточная Румыния; 4 – шлем из курганного комплекса в Венгрии, Венгерский Национальный музей, Будапешт; 5 – шлем из кургана в Чойош, Венгрия. Венгерский Национальный музей; 6 – шлем из Мельно, р-н Ольштына, Восточная Пруссия; 7 – шлем-баскинет из Торуни, Западная Пруссия, около 1380 г.*

Fig. 2. Helmets of the Golden Horde period. *1 – helmet from Nikolskoye village, Orlovskaya province, 2nd half of XIIIth c., Hermitage; 2 – helmet from the barrow in Moskú, Tyrghu-Buzhor vicinity, Eastern Roumania; 3 – helmet from the barrow near Ostra town, South Souchava vicinity, Eastern Roumania; 4 – helmet from the barrow complex in Hungary, the Hungarian National Museum, Budapest; 5 – helmet from the barrow in Choyosh, Hungary, the Hungarian National Museum; 6 – helmet from Melno, Olshtyn vicinity, Eastern Prussia; 7 – helmet-baskinette from Torun, Western Prussia, about 1380.*

Abb. 2. Helme aus der Zeit der Goldenen Horde. *1 – Helm aus dem Dorf Nikolskoje, Gouvernement Orlow, 2. Hälfte des 13. Jh., Ermitage; 2 – Helm aus dem Grabhügel in Moskú bei Târgu Bujor, Ostrumänien; 3 – Helm aus einem Grabhügel bei Ostra, Süd-Suceava, Ostrumänien; 4 – Helm aus dem Grabhügelkomplex in Ungarn, Ungarisches Nationalmuseum, Budapest; 5 – Helm aus dem Grabhügel in Csojos, Ungarn, Ungarisches*

Nationalmuseum, Budapest; 6 – Helm aus Melno bei Olsztyn, Ostpreußen; 7 – Korbhelm aus Torun, Westpreußen, um 1380.

Dess. 2. Casques de l'époque de la Horde d'Or. *1 – casque du village Nikolskoe, région d'Orel, deuxième moitié du XIII s. , Ermitage; 2 – casque du tumulus à Mosku, région de Tyrgu Bužor, Roumanie de l'Est; 3 – casque trouvé dans le tumulus près de la ville d'Ostra, région deÛžnaâ Sučava, Roumanie de l'Est; 4 – casque issu du complexe de tumulus en Hongrie. Le Musée National de la Hongrie, Budapest; 5 – casque issu du tumulus à Ĉojoš, Hongrie. Le Musée National de la Hongrie; 6 – casque issu de Melno, région d'Olŝtyn, la Prusse de l'Est; 7 – casque-basquinet de Torun, la Prusse d'Ouest, environ 1380*

прутком-шпилем, от которого сохранилась лишь часть. Шлемы с такими признаками, совершенно чуждые Европе, были весьма характерны для золотоордынской паноплии XIV в. (Горелик М.В., 2002, с.75, *17, 18,* особенно *23*; с.77, *6*; с.78, *2*). Второй шлем (рис.2, *7*) хранится в музее г.Торунь и датируется примерно 1380 г. (Nowakowski A., 1994, с.54-55, fig.9). На первый взгляд, он очень напоминает шлем из Мельно, но по устройству своей нижней части, определяющему характер защиты лица, относится, как полагает А.Новаковский, к совершенно другому типу шлемов – баскинету – типу, характерному для Европы 2-й пол.XIV в. Баскинет отличался тем, что имел подвижное по вертикали забрало, защищавшее все лицо или только его центральную часть. Часто забрало имело резко выступающий конический "нос", за что получило немецкое название "хундгугель" – "собачья пасть". А.Новаковский полагает также, что торуньский шлем – изделие славянского мастера, изготовленное по западноевропейскому (низ, защита лица) и восточному (верх) образцам. Если это так, то здесь мы наблюдаем совершенно уникальное явление – случайно дошедшие до нас импортный прототип (шлем из Мельно) и его прямое развитие на местной почве, в рамках европейской системы развития боевых наголовий.

Вместе с тем, мы не можем отбросить вероятность принадлежности и торуньского шлема к ордынскому импорту: очень уж он близок почти по всем признакам местной группе шлемов с забралами в виде специфических, относящихся практически к одному, с вариантами, типу личин – изображений мужского лица с большим горбатым носом, миндалевидными глазами в выпуклых веках, дуговидными бровями, обычно с загнутыми вверх усами, иногда с подвижными бронзовыми ушами в серьгах-колечках (Горелик М.В., 2002, с.25-26; с.78, *2-5, 7*). Вместе с тем, отсутствие каких-либо следов шарнирного крепления в центре налобной части торуньского шлема, на котором, в свою очередь, крепились ордынские забрала-личины, и, напротив, наличие следов крепления на боковых сторонах верха высокого околыша (что характерно для вариантов забрала "хундгугель", полностью закрывающих лицо) позволяет считать более вероятной версию о принадлежности торуньского шлема к типу европейского баскинета, оформленного под ордынский шлем из Мельно.

Обратимся к находкам шлемов, происходящих с территории современной Румынии (рис.2, *2, 3*). Оба они найдены на ее восточных землях, которые во 2-й пол.XIII в. входили в состав территории Улуса Джучи и особенно активно осваивались монголами в правление темника Ногая (Егоров В.Л., 1985, с.32-34). Более того, оба шлема найдены в типичных кочевнических погребениях, датируемых золотоордынским временем, так что, в принципе, их просто нужно относить к наследию золотоордынской культуры. Первый из них (рис.2, *2*) раскопан в 1938 г. в Моску, в районе Тыргу Бужор на юго-востоке Румынии; в комплексе, кроме шлема, находились остатки кольчуги и сабли, удила и бронзовый прут длиной 50 см; кроме воина, в погребении был и конь (Spinei V., 1974, с.397-400, 405). Судя по особенностям погребального обряда: целый конь, распрямленная гривна в виде бронзового (?) прута, в кургане Моску был захоронен этнический половец, что нисколько не мешало ему быть знатным золотоордынским воином, как это было в большом числе случаев, например, с погребенным в кургане "Приверха могила" (впускное погребение № 5) у с.Таборовка Николаевской обл. (Горелик М.В., Дорофеев В.В., 1990, с.125).

Особенность шлема из Моску в том, что он – "серийный" шлем. К этой же серии относятся золоченый шлем (случайная находка) у с.Никольское в Орловской обл. (рис.2, *1*) и, похоже, экземпляр, обнаруженный на городище у с.Городище Хмельницкой обл. (юго-запад Украины) (Петров Ю.Ю., 1997, рис.2, *4*). Что касается последнего экземпляра, то реконструкция его тульи, опубликованная Ю.Ю.Петровым, совершенно не убеждает, поскольку он проявил, мягко говоря, крайнюю невнимательность к некоторым моментам. В частности, он не увидел прямой связи своей реконструкции городищенского шлема с образцами из Никольского и Моску, а также приписал доказательство русского производства шлема из кургана "Хургишца" В.Спинеи, хотя мнение о его изготовлении в мастерских Даниила Галицкого по монгольскому образцу впервые было высказано и обосновано в нашей работе 1990 г. (Горелик М.В., Дорофеев В.В.,

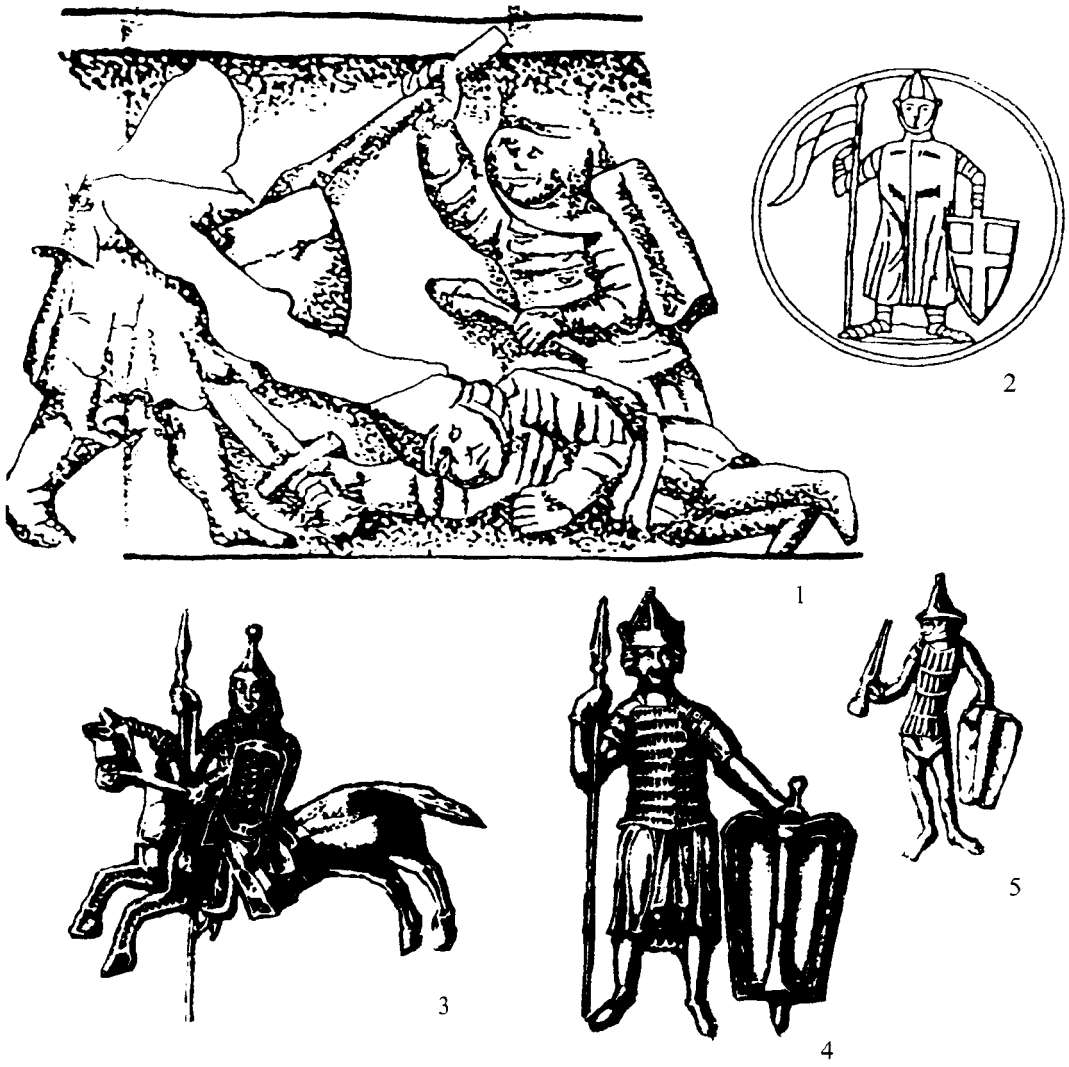

Рис. 3. Горельеф и печати с изображением шлемов монголо-прусского облика. *1 – горельеф с изображением сражения рыцарей Тевтонского Ордена (фигура слева) с пруссами (две фигуры справа) на капители колонны 1300 г. в замке Мариенбурга (Мальборк); 2 – печать Данцигской комтурии Тевтонского Ордена, сер.XIV в.; 3 – печать Тройдена, герцога Мазовецкого (ум. в 1341 г.); 4 – печать Земовита, герцога Мазовецкого, 1343 г.; 5 – печать Кейстута, князя Тракайского, 1387 г.*

Fig. 3. High relief and seals with the imprints of Mongolian and Prussian style helmets. *1 – high relief depicting the battle of the Teutonic Order knights (the figure on the left) with the Prussians (two figures on the right) on the pillar capital of 1300 in Marienburg castle (Malborc); 2 – seal of the Danzig komturia of the Teutonic Order, mid-XIVth c.; 3 – seal of Troiden, Duke of Mazowetz (died in 1341); 4 – seal of Zemowit, Duke of Mazowetz, 1343; 5 – seal of Keistutis, Prince of Trakai, 1387.*

Abb. 3. Hochrelief und Siegel mit der Darstellung der Helme mongolisch-preußischer Form. *1 – Hochrelief mit der Darstellung der Schlacht der Kreuzritter Teutonischorden (Figur links) gegen die Pruzzen (zwei Figuren rechts) im Säulenkapitel aus dem Jahr 1300 im Schloss von Marienburg (Malbork); 2 – Siegel der Danziger Komturei des Teutonischorden, Mitte des 14. Jh.; 3 – Siegel von Troiden, Herzog von Masowien (gest. 1341); 4 – Siegel von Zemovita, Herzog von Masowien, 1343; 5 – Siegel von Keistut, Fürst von Traken, 1387.*

Dess. 3. Hautrelief et sceau portant l'image de la personne généralisée de l'époque mongolo-prussienne. *1 – haut-relief représentant la bataille des chevaliers de l'Ordre Teutons (figure à gauche) contre les Prussiens (deux figures à droite) sur le chapiteau de la colonne de 1300 dans le château de Marienburg (Malbork); 2 – le sceau de la comturie de Dancig de l'Ordre Teuton, la moitié du XIV siècle; 3 – le sceau Trojden du duc Mazovecki (mort en 1341); 4 – le sceau Zemovit du duc Mazovecki, 1343; 5 – le sceau Kejstut du conte de Trakaj, 1387.*

1990, с.123-124), что привело его к абсолютно неверным выводам, как частного, так и общего порядка. Впрочем, эти недостатки стали "хроническими", характерными для ряда молодых петербургских оружиеведов, находящихся под влиянием любительщины военно-исторических клубов.

Городищенский шлем мы условно отнесем к данной серии. Тем более, что он интересен условиями находки. Шлем был обнаружен на черепе воина, убитого при штурме и гибели городища у с.Городище. К сожалению, результаты работ экспедиции 1957-1964 гг. под руководством М.К.Каргера так до сих пор полностью научно не опубликованы, и поэтому общепринятым является мнение, что городище является останками древнего города Изяславля, погибшего в 1240 г. от монголо-татар, о чем говорят многочисленные наконечники стрел характерных им типов, обнаруженные при раскопках, причем даже в бревнах заборов. Мы же полагаем, что данный населенный пункт являлся одним из центров (пограничным) Болховской земли, которая предалась монголам и с 40 гг. XIII в. определенное время служила им зерновой базой. Как известно, это вызвало походы против нее со стороны такого непримиримого борца с завоевателями, как Даниил Галицкий, тем более, что Болховская земля входила в сферу его власти. В то же время, этот князь, как мы отмечали выше, активно использовал вооружение монгольского типа, снарядив им свою дружину. Так что в случае с "Изяславлем" мы видим русских, болховских колаборационистов, часть из которых была снабжена монгольским оружием (шлем рассматриваемой серии, сабля), погибших от русских же противников монгольского владычества.

Шлем из Моску сближает со шлемом из Никольского аналогичная форма граненой тульи, обтянутой в обоих случаях золоченым серебром. Только шлем из Моску имеет короткое навершие в виде двух, поставленных друг на друга объемов: шарика внизу, яйцеобразного сверху. Защита лица в обоих случаях сходна, она обтянута золоченым серебром, хотя в шлеме из Моску чеканные линии, изображающие брови, декорированы медными заклепками. Отдельная налобная пластина с наносником выполнена в форме длинного горбатого носа, с чеканными "бровями" и "веками". Только в шлеме из Никольского защита лица имеет подглазья, тогда как в шлеме из Моску они отсутствуют. Шлем из Городища, не подвергшийся реставрации и ныне, к сожалению, небрежением его хранителей практически разрушенный, был в плане защиты лица ближе шлему из Моску. Отличием его от двух предыдущих образцов было также и то, что грани на нем откованы только на верхней части тульи, так что шлем имел как бы гладкий околыш и, кроме того, были пауже, и, кажется, отсутствовала роскошная дорогая серебряная золоченая обтяжка (во всяком случае, она нигде не упомянута). В.Спинеи, опубликовавший шлем из Моску, атрибутировал его как половецкий, датировав, ссылаясь на работы А.Н.Кирпичникова, Б.А.Рыбакова и других исследователей, XII-XIII вв. (Spinei V., 1974, с.411). Соглашаясь с этническим, но не культурно-историческим определением принадлежности погребенного, следует уточнить датировку шлема. Итак, мы убеждены, что рассматриваемая здесь "европейская" серия шлемов по своему происхождению – ордынская (вопрос генезиса данного типа шлемов находится на стадии решения, но уже сейчас можно связать его с Азиатским Востоком), а датировать их следует, начиная с 30 гг. XIII в. Появление их в Европе прямо связано с монгольским нашествием. Кстати, датируя и атрибутируя шлем из Моску, В.Спинеи обращается для сравнения к шлему из Чойош в Венгрии. Его мы рассмотрим ниже, а пока лишь отметим, что по наличию серебряных накладок рыцарского пояса готического типа в Чойошском погребении, оно может датироваться не ранее 2-й пол.XIII в.

Второй шлем из современной Восточной Румынии был найден при раскопках кочевнического погребения в Остре на юге Сучавы и датирован В.Спинеи XIII-XIV вв. (Spinei V., 1974, fig.35, *1*) (рис.2, *3*). Шлем состоял из невысокого цилиндрического околыша из сваренной полосы железа, сфероконической тульи из одного куска кованого железа с вертикальной линией сварки и невысокого конического подвершья (навершие отсутствует). Шлем является типичным для кочевнических памятников Восточной Европы XIII в., не выделяясь какими-либо яркими особенностями.

Обратимся к венгерским находкам. Самым ярким из них и мастерски сделанным образцом является случайно обнаруженный, беспаспортный, украшенный богатейшим гравированным декором шлем, хранящийся в Венгерском Национальном музее (далее ВНМ) в Будапеште (рис.4, *1*). Я.Кальмар связывает его с исмаилитским Ираном и датирует его XII в. (Kalmar J., 1971, с.264, 21.кер.), а Д.Николль полагает, что он был изготовлен в Иране или на Кавказе в XI-XII вв. (Nicolle D., 1988б, с.534).

Рассмотрим форму данного шлема. Он искусно выкован из одного листа железа, имеет сфероконический силует с характерным, достаточно резким переходом от цилиндрическо-слабоконического околыша к конической тулье; спереди из того же листа выкован небольшой, слегка выпуклый козырек. По форме он очень близок шлему из Плоского (рис.1, *1*) и практически аналогичен еще нескольким, почти столь же хорошо датированным золотоордынским шлемам (рис.4, *2*) (Горелик М.В., Ков-

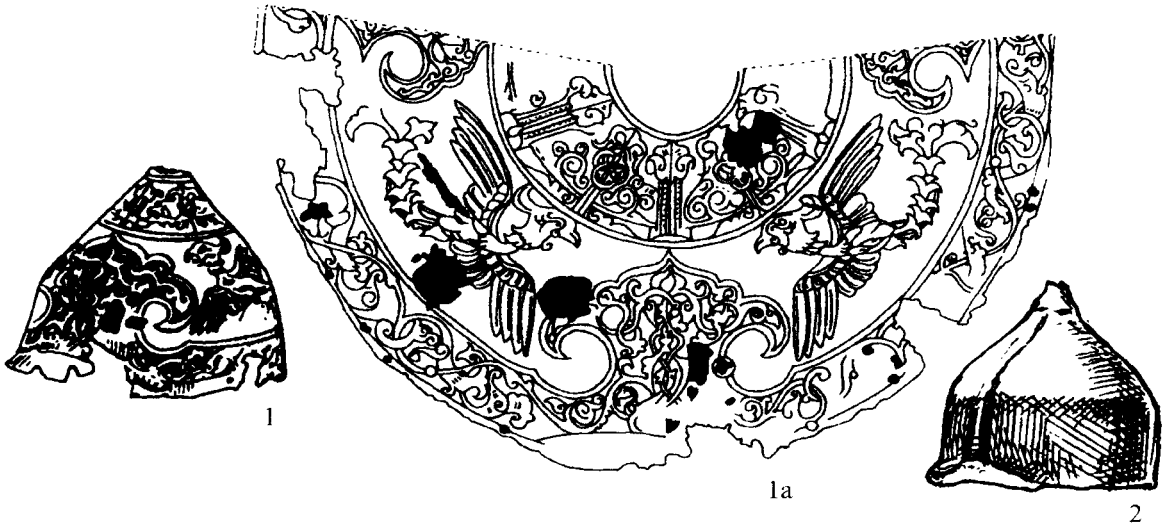

Рис. 4. Шлемы XIII в. *1, 1а – шлем из Венгерского Национального музея, Монгольский Иран, сер. – 2-я пол.XIII в.; 2 – шлем из кургана у с.Ковалевка, р-н г.Николаева, 2-я пол.XIII в.*

Fig. 4. Helmets of the XIII c. *1, 1a – helmet from the Hungarian National Museum, Mongolian Iran, the mid- and late XIIIth c.; 2 – helmet from the barrow near Kovalevka village, Nikolayev city vicinity, the mid – 2nd half of XIIIth c.*

Abb. 4. Helme aus dem 13 Jh. *1, 1a – Helm aus dem Ungarischen Nationalmuseum, der Mongolische Iran, Mitte - 2. Hälfte des 13. Jh.; 2 – Helm aus dem Grabhügel in der Nähe des Dorfes Kowaljowka bei Nikolajew, 2. Hälfte des 13 Jh.*

Dess. 4. Casques du XIII siècle. *1, 1a – casque du Musée National de la Hongrie, Iran Mongolien, milieu – 2-me moitié du XIII siècle; 2 – casque du tumulus près du village Kovalevka, arrondissement de la ville Nikolaev, deuxième moitié du XIII siècle*

паненко Г.Т., 2001, с.155, рис.1, *3*; Горелик М.В., 2002, с.75, *8, 12*). Если же мы обратимся к декору шлема из ВНМ (рис.4, *1а*), то увидим типичный позднесельджукский растительный – на околыше и растительно-эпиграфический – на верхней части тульи орнамент, характерный для искусства Ирана кон.XII – XIII в. Вместе с тем, мы видим фигурные орнаментальные трезубцы – один над лбом, другой над затылком, точно воспроизводящие подобные детали, присущие именно монгольским шлемам и известные как по изображениям, так и по вещественным источникам (Горелик М.В., 1987, рис.11, *6*; 2002, с.71, *6*; с.76, *16-18, 20*). Но самым ярким элементом, атрибутирующим и датирующим этот шлем, являются симметрично расположенные по бокам тульи две фигуры китайских фениксов, исключительно широко распространившихся в Иране с кон.XIII в., особенно в расписной керамике стиля "Султанабад". Так что перед нами – монгольский шлем, украшенный персидским мастером в средневосточной манере XIII в. любимыми монголами и принесенными ими на запад китайскими элементами. Датировать шлем можно от 2-й трети XIII в., когда в захваченном монголами Северном Иране наместник Аргун-ака наладил производство оружия, в том числе и для монгольских воинов (Горелик М.В., 2002, с.25), до рубежа XIII-XIV вв., когда в хулагуидском Иране местные мастера под наблюдением и руководством своих монгольских коллег выделывали для монгольского воинства оружие, о чем выразительно писал Рашид ад-Дин (Горелик М.В., 1987, с.201).

В Венгрии раскопано немало кочевнических курганов с оружием, которые справедливо считаются погребениями половцев-куманов-кунов, бежавших с 1241 г. от монголов в пределы Венгерского королевства, принявших его подданство и христианство, влившихся после XVII в. в венгерский этнос. Наш интерес к данным погребениям обусловлен присутствием в некоторых из них шлемов восточного облика. Принадлежность их знатным половцам не ранее 2-й пол.XIII в. подтверждается наличием в них европейских рыцарских "готических" поясов, распространившихся в Европе с кон.30 гг. XIII в.

Так, в составе депаспортизированного комплекса, хранящегося в Венгерском Национальном музее в Будапеште, наряду с остатками кольчуги, наконечниками стрел, накладками на рыцарский пояс находится шлем (рис.2, *4*). Он имеет форму низкого сфероконуса и состоит из трех частей: нешироко цилиндрического околыша, сферической

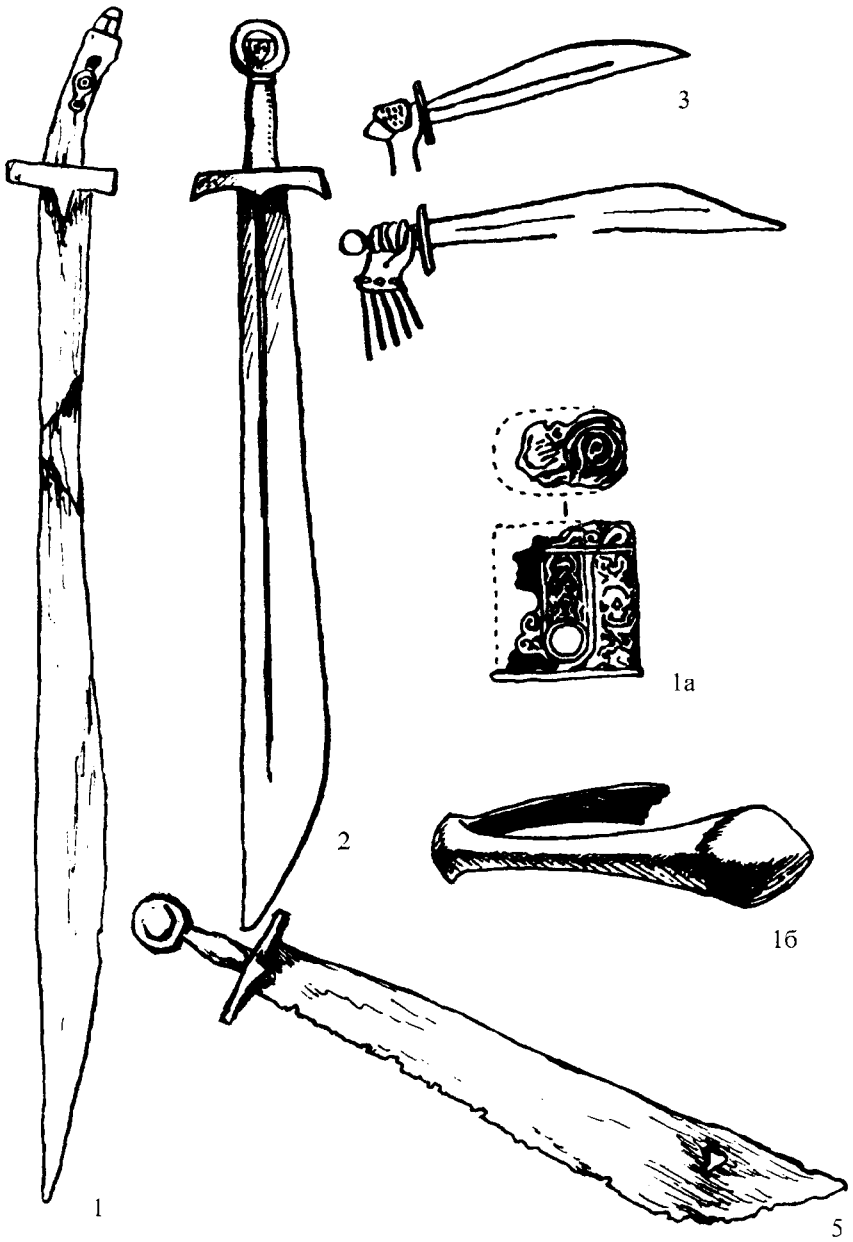

Рис. 5. Фальшьоны XIII-XIV вв. *1, 1а, 1б – "фальшьон", навершие его рукояти и обоймица ножен из кургана у с.Каирка, Херсонская обл., сер. – 2-я пол.XIV в.; 2 – "Кольеровский" фальшьон, кон.XIII в., ризница собора в Дарэме, Англия; 3 – миниатюра из рукописи "История" Квотремера, Париж, 1295–1296 гг.; 4 – миниатюра из рукописи "Апокалипсис Св. Иоанна", Париж (?), 1300 г.; 5 – фальшьон из Музея Клюни, Париж, кон.XIII – XIV в.*

Fig. 5. Falchions of the XIII-XIV c. *1, 1a, 1б – "falchion" hilt top and scabbard ring from the barrow near Kairka villlage, Kherson region, 2nd half of XIVth c.; 2 – falchion of Colier, late XIIIth c., the sacristy of the Durham cathedral, England; 3 – miniature from the manuscript "History" by Quatremer, Paris, 1295-1296; 4 – miniature from the manuscript "St. John's Apocalypse", Paris (?), 1300; 5 – falchion from the museum of Cluny, Paris, late XIIIth-XIVth cc.*

Abb. 5. Fachione aus dem 13. und 14. Jh. *1, 1а, 1б – "Falchion", Knauf des Heftes und Bügel der Scheide aus dem Grabhügel in der Nähe des Dorfes Kairka, Gebiet Cherson, Mitte bis 2. Hälfte des 14. Jh.; 2 – Coliérre-Falchion, England, spätes 13. Jh., die Sakristei einer Kathedrale in Durham; 3 – Paris, Miniatur aus dem Manuskript "Geschichte" von Quautrémére, 1295-1296; 4 – Paris (?), Miniatur aus dem Manuskript "Apokalypse des Heiligen Johann" , 1300; 5 – Paris, Falschion aus dem Cluny-Museum, spätes 13. Jh.-14 Jh.*

Dess. 5. Falchions des XIII-XIV siècles. *1, 1а, 1б – "falšjon", la pointe de sa poignée et l'enveloppe de sa gaine issus du tumulus près du village Kairka, région de Herson, milieu – 2me moitié du XIV siècle; 2 – "falšjon" de "Koljer", fin du XIII siècle, sacristie de la cathédrale de Darem, Angletterre; 3 – miniature du manuscrit "Histoire" de Kvotremer, Paris, 1295 – 1296; 4 – miniature du manuscrit "Apocalypse de Saint-Jean", Paris (?), 1300; 5 – "falšjon" du Musée Kluny, Paris, fin du XIII – XIV siècles*

тульи, плавно переходящей в низкое коническое подвершие, и цилиндрического фигурного ярусного навершия. Верхний край околыша и нижний край подвершия обработаны в характерной золотоордынской манере – мелкими зарубками по краю с торца металлической детали. На начельной части околыша рельефом с изнанки выколочен трилистник. Одинокий трилистник украшает еще два предмета – чело маски-забрала, хранящейся в Государственном Объединенном Музее Татарстана (Горелик М.В., 2002, с.78, *3*), и бок бронзового котла, в котором варили голубую глазурь, покрывавшую изразцы, примененные для облицовки охотничьего дворца ильхана Абаги, построенного в Тахт-и Сулейман (Северо-Западный Иран, провинция Азербайджан) в 70 гг. XIII в. (Naumann R. und E., 1976, с.39-42, 65, Abb.31). Этой дате соответствует и "готический" рыцарский пояс с типичной пряжкой и накладками в форме двусторонних якорьков (Nicolle D., 1988б, № 1518). Таким образом, перед нами типичный монгольский шлем, который можно датировать 2-й пол.XIII в.

Еще один шлем происходит из погребения знатного кумана в Чойош, также хранящегося в Венгерском Национальном музее (рис.2, *5*), сопровождаемого кольчугой с коваными наплечниками, наконечниками стрел, классическими золотоордынскими стременами и "готическим" рыцарским поясом с серебряным набором (Kalmar J., 1971, с.255, 1.кер.; Horvath A.P., 1989, fig.44, 46, Pl.19-21). Он гораздо проще предыдущего, состоит их узкого околыша и высокой сфероконической тульи, а завершается уплощенной выпуклостью. Такие шлемы типичны для находок из кочевнических курганов южнорусских степей XIII в. (Кирпичников А.Н., 1971, табл.XI), но шлем из Чойош имеет характерный золотоордынский признак – мелкие частые насечки по верхнему краю околыша. Датируется он 2-й пол.XIII – нач.XIV в., что подтверждается "готическим" поясом.

Примечательно то, что знатные кочевники европейских степей со 2-й пол.XIII в., в продолжение давней традиции, обозначали высоту своего положения дорогим материалом и специфической формой металлического набора своих парадных поясов. При этом знать Улуса Джучи носила (вне зависимости от этнического происхождения) специфические монгольские пояса (Крамаровский М.Г., 2001, с.37 и сл.), тогда как куманская знать Венгрии предпочитала пояса своей новой социальной среды – европейского рыцарства. Что же касается шлемов, то половецкие ханы и беки Венгрии держались степной традиции, которую продолжали мастера и воины их прародины. Их покупали или захватывали в качестве трофеев.

"Фальшьон" из Каирки

В 1983 г. у с.Каирка (в Присивашье) экспедицией по руководством А.И.Кубышева был раскопан курган 3 (Кубышев А.И. и др., 1983), содержавший исключительное по богатству и разнообразию инвентаря погребение (Толочко П.П., 1999, с.187-190). Важность его состоит еще и в том, что оно предельно точно датируется дирхемами хана Узбека (1312-1341 гг.). В погребении представлен большой набор оружия с сохранившимися практически в целости частями, изготовленными из органических материалов. Среди защитного вооружения – это кольчуга, шлем, створчатые наручи. Из наступательного – лук, стрелы, шестопер и, наконец, уникальное длинноклинковое оружие (рис.5, *1*), названное авторами раскопок и в публикациях саблей (Кубышев А.И. и др., 1983; Толочко П.П., 1999, с.187; Евглевский А.В., Потемкина Тат.М., 2000, с.142). На самом же деле, ничего общего с сабельным форма клинка этого оружия не имеет. Напротив, данный клинок и по форме, и по функции совпадает с клинками, получившими некоторое распространение в Западной Европе с кон.XIII в. (рис.5, *2-5*) – фальшьонами. Это – массивные однолезвийные клинки с прямым обухом; со стороны лезвия клинок сильно расширяется к концу и плавно закругляется, сходясь острием к обуху. Такой клинок, подвластный лишь очень сильной и тренированной руке, исключительно эффекти-

вен в рубяще-режущем действии, превосходя и меч, и даже саблю. Его распространение было ограничено лишь тяжестью такого клинка, которую пытались компенсировать его укорачиванием, отчего страдала эффективность. Но отличие оружия из Каирки от европейских фальшьонов состоит в том, что рукояти этого оружия европейских образцов XIII-XV вв. всегда выполнены как рукояти мечей, т.е. ось ручки продолжает линию прямого обуха. Формы наверший и перекрестий те же, что и у мечей. Экземпляр же из Каирки имеет чисто сабельную рукоять, т.е. поставленную под углом к клинку. Именно рукоять может сбивать с толку исследователя, если он не профессиональный оружиевед с достаточным источниковедческим кругозором.

Характерной деталью ранних фальшьонов является перекрестие, у которого середина сверху ровная, снизу же опускается треугольным мыском. Это очень популярный признак перекрестий европейских мечей XII-XV вв. (Oakeshott E., 1991, с.81, 84, 94, 122, 124, 136, 137, 174-179, 184, 185, 189, 201, 216-218, 268). Брусковидные перекрестия с треугольны-

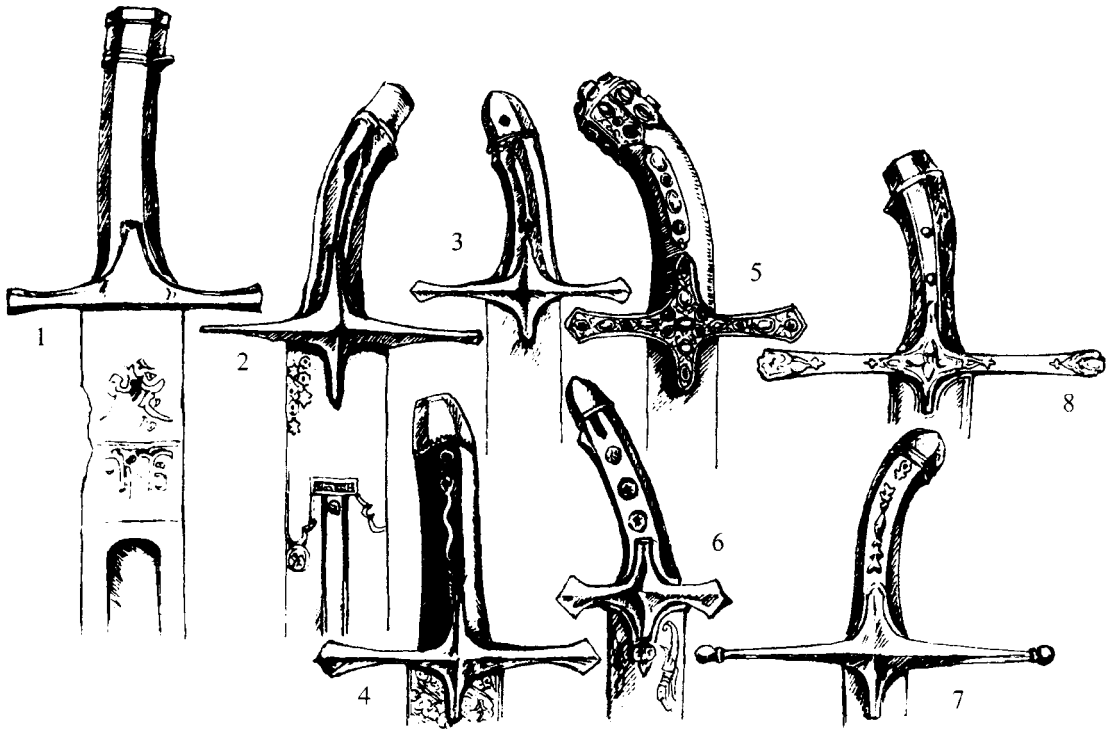

Рис. 6. Сабли и палаши XV-XVI вв. с элементами, присущими фальшьонам. *1-4 – мамелюкские палаши XV в., Каир и Дамаск (1-3 – дворец-музей Топкапы, Стамбул, 4 – Исторический музей, Дрезден); 5 – турецкий палаш XVI в., дворец-музей Топкапы, Стамбул; 6, 7 – венгерские сабли XVI в., Венгерский Национальный музей, Будапешт; 8 – сабля эрцгерцога Фердинанда Тирольского, 1514 г., Художественно-исторический музей, Вена.*

Fig. 6. Sabres and broadswords of the XV-XVI c. with elements typical of falchions. *1-4 – Mameluke broadswords of the XVth c., Cairo and Damascus (1-3 – Topkapy Palace-Museum, Istanbul, 4 – Historic Museum of Dresden); 5 – Turkish broadsword of the XVIth c., Topkapy Palace-Museum, Istanbul; 6, 7 – Hungarian sabres of the XVIth c., Hungarian National Museum, Budapest; 8 – sabre of Ferdinand, Archduke of Tyrol, 1514, FineArts and History Museum, Vienna.*

Abb. 6. Säbel und Pallasche aus dem 15. und 16. Jh. mit den dem Falchion ähnlichen Teilen. *1-4 – Mameluckenpallasche aus dem 15. Jh., Kairo und Damaskus (1-3 – Istanbul, Topkapi Palast-Museum; 4 – Dresden, Historisches Museum); 5 – Türkische Palasche aus dem 16. Jh., Istanbul, Topkapi Palast-Museum; 6, 7 – ungarische Säbel aus dem 16. Jh., Budapest, Ungarisches Nationalmuseum; 8 – Säbel des Erzherzogs Ferdinand von Tirol, 1514, Wien, Kunsthistorisches Museum.*

Dess. 6. Sabres et espèce *de lame tranchante (palache)* des XV – XVI siècles aux éléments propres aux falchions. *1-4 – palaches des mameluks du XV siècle, le Caire et Damask (1-3 – Palais-Musée Topkapy, Istambul, 4 – musée d'histoire, Dresdes); 5 – palache turque du XVI siècle Palais-Musée Topkapy, Istambul; 6-7 – sabres hongroises du XVI siècle, Musée National de la Hongrie, Budapest; 8 – sabre du erzherzog Ferdinand de Tirol, 1514, Musée de peinture et d'histoire à Vienne*

ми мысками, выступающими в середине только в одну сторону, встречаются и у сабель, происходящих из кочевнических погребений юга Восточной Европы XII-XIV вв. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.130-131, 172-175), но у них мыски направлены вверх. Так что перекрестье "фальшьона" из Каирки уникально для своего региона и безусловно отражает связи с Западной Европой. При внимательном взгляде клинок и перекрестье оружия из Каирки все же не идентичны западноевропейским образцам: перекрестье массивнее и грубее европейских, а вот клинок значительно изящнее, тоньше и длиннее, т.е. гораздо более вытянутых пропорций. Поэтому трудно определить точное место производства данного экземпляра, тем более, что типично местное по форме навершие его рукояти (рис.5, *1а*) декорировано в золотоордынском стиле XIV в. (Крамаровский М.Г., 2001, рис.60, 61, 70, 74, с.336), а обоймица ножен (рис.5, *1б*) не имеет ничего общего ни с европейскими, ни с иными западными либо южными образцами. Таким образом, "фальшьон" из Каирки можно предположительно считать изделием, выполненным на юго-западе Улуса Джучи, в одном из пунктов, тесно связанных с западноевропейским ремеслом. Такими местами могли быть Крым, Азак (Азов, Тана), район причерноморского Прикубанья. Там богатый ордынец мог увидеть западноевропейский фальшьон, оценить его боевые качества и заказать себе подобное оружие. Исполнить же его могли целиком местные мастера. Клинок, скорее всего, ковал живущий здесь колонист-европеец, а сборку мог выполнить ордынец.

Но значение находки "фальшьона" из Каирки еще глубже, нежели только свидетельство уникального контакта ордынского и западноевропейского ремесла. Для истории оружия бесценна его рукоять. Ручка имеет специфическую форму изогнутого бруска с внутренним вырезом, сделанным так, что он немного короче внешнего, за счет чего получаются как бы выступы снизу и более выраженный – сверху; выступ сверху является ограничителем для более надежного хвата ладонью. Верхушка рукояти, служащая навершием, имеет вид уплощенного брусочка, более узкого, нежели верхняя часть ручки, и как бы надставленного сверху так, что расширение верха ручки выступает мыском. На плоской щечке ручки имеется металлическая накладка продолговатой, сложноовальной формы. Мы столь подробно описываем эти детали потому, что все они для XV-XVI вв. станут характерными признаками, отличающими большую серию клинкового оружия Мамлюкского и Османского государств, в значительной мере определяющей особенности оружейной школы территорий от Египта до Анатолии.

Ярче всего детали, впервые появившиеся на "фальшьоне" из Каирки, выражены на мамлюкских палашах – оружии с прямым двулезвийным клинком и сабельной рукоятью, выполненных в XV в. (рис.6, *1-4*). Аналогичные предметы делали в XV в. и османские мастера, во многом следовавшие своим коллегам из Каира и Дамаска. Эту традицию продолжает роскошный, усыпанный каменьями турецкий палаш XVI в. (рис.6, *5*). А венгерские сабли нач.XVI в. (рис.6, *6, 7*) точно следуют турецким образцам XV в. Весьма точно воспроизвели формы, заложенные в "фальшьоне" из Каирки, австрийские мастера, изготовившие для эрцгерцога Фердинанда Тирольского в 1514 г. изумительную парадную "венгерскую" саблю (рис.6, *8*).

Таким образом, вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) оказало значительное влияние, а подчас сыграло определяющую роль в развитии оружия не только Востока, но и Европы, в то же время воспринимая и многое заимствуя из арсенала западноевропейского оружейного ремесла.

Литература и архивные материалы

Горелик М.В., 1979. Средневековый монгольский доспех// Третий международный конгресс монголистов. Т.1. Улан-Батор.

Горелик М.В., 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в.// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.

Горелик М.В., 1987. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.)// Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.

Горелик М.В., 1990. Степной бой// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Восточной Азии. Новосибирск.

Горелик М.В., 2002. Армии монголо-татар X-XIV вв. М.

Горелик М.В., Дорофеев В.В., 1990. Погребение золотоордынского воина у с.Таборовка// Проблемы военной истории народов Востока. Вып.II. Л.

Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т., 2001. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды// Археология Поволжья. Пенза.

Гошкевич В.И., 1930. Погребения, датированные джучидскими монетами. Из раскопок И.Я.Стемпков-

ского// Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії Наук. Ч.4-5. Секція археологічна. Одеса.
Евглевский А.В., Потемкина Тат.М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.// САИ. Вып.Е1-36.
Крамаровский М.Г., 2001. Золото чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Нечитайло А.Л., Куприй С.А., Шевченко Н.П., Толкачев Ю.И., Амирханов А.Ш., Абикулова М.И., Былкова В.П., 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г.// НА ИА НАН Украины, № 83/26.
Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. М.
Петров Ю.Ю., 1997. Древнерусские шлемы с полумасками// Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.
Толочко П.П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.
Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. М.
Янин В.Л., 1974. Церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце (О новгородском источнике "Жития Александра Невского")// Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К.Каргера. Л.
Гетов Л., Цанова Г., 1967. Народен музей Казанлък. Старо изкуство. София.
Horvath A.P., 1989. Pechenegs, Cumans, Asians: steppe peoples in medieval Hungary. Budapest.
Kalmar J., 1971. Regy magyar fegyverek. Budapest.
Lugosi J., Temesvary F., 1988. Kardok. Budapest.
Nicolle D., 1988a. Hungary and the fall of the Eastern Europe 1000-1568. London.
Nicolle D., 1988б. Arms and armour of the Crusading Era 1050-1350. V.1. Commentary. V.2. Illustrations. New York.
Nicolle D., 1996. Medieval Warfare. Source book. Vol.2. London.
Naumann R. und E., 1976. Takht-i Suleiman. Munchen.
Nowakowski A., 1994. Arms and armour in the medieval Teutonic Order's State in Prussia. Lodz.
Oakeshott E., 1991. Records of the medieval swords. Woods bridge.
Peers C.J., 1992. Medieval Chinese Armies 1260-1520. London.
Shobel J., 1975. Prunkwaffen. Leipzig.
Spinei V., 1974. Antichitatile nomazilor Turanicu din Moldova in primul sfert al Mileniului al II-la// Studii si cercetari de Istorie veche si Arheologio. 3. Tomul 21. Bucuresti.
Spinei V., 1982. Moldova in seculele XI-XIV. Bucuresti.
Swietoslawski W., 1997. Archeologiczne slady najazdow tatarskich na Europe Srodkowa w XIII w. Lodz.
Thordeman B., 1939. Armour from the battle of Wisby 1361. Stockholm.

Summary

M.V. Gorelik (Moscow, Russia)

Helmets and Falchions: Two Aspects of Mutual Influence of the Mongolian and European Art of War

In the first part of the paper a group of helmets found in Central Europe on the territories extending from Prussia to Bulgaria is described. Our investigation has shown that all the pieces were manufactured in the Empire of Chinghiside, mainly in Ulus Dzhuchi (the Golden Horde), and were brought to Europe during the nomads' raids in the second half of the XIIIth c., on the one hand, and due to Ulus Dzhuchi power expansion in the south-eastern areas of Central Europe, on the other. The situation in Hungarian kingdom was quite different: the Polovets-Kumans, who had settled there, preferred helmets of their traditional design that had been made in their former motherland. We would like to emphasise the existence of war-trade interrelations with Prussia and the neighbouring regions of Poland and Lithuania. In this region under the influence of Mongolian and Russian raids in the second half of the XIIIth c. and close contacts of Alexander Nevsky who adhered to the Mongololian style with the Prussian nobility and also for some other reasons, a specific set of armour (helmets and coats of mail) had formed.

In the second part of the paper we have analysed a unique find in the burial of the Golden Horde period near Kairka village in the area of Sivash, which seems to be very important for armour studies, namely: the "falchion" with a sabre-type hilt. The oriental style of the falchion with a sabre-type hilt in the burial of the Golden Horde of the XIVth c. gives strong evidence in favour of the interaction of the Mongols with the armourers of Western Europe. The shape of the falchion hilt from Kairka is of special importance, as it proves to be a prototype of the basic trend in cold steel hilt design in the Near East countries in the XVth-XVIth cc.

M.V. Gorelik (Russland, Moskau)

Helme und Falchione: zwei Aspekte der gegenseitigen Beeinflussung des Waffenwesens der Mongolen und der Europäer

Im ersten Teil des vorliegenden Beitrages wird eine Gruppe von Helmen behandelt, die im mitteleuropäischen Raum zwischen Preußen und Bulgarien gegraben wurden. Die Forschung ergab, dass sie alle im Reich des Dschigisiden, vorwiegend im Ulus Dschotschi (Goldene Horde), hergestellt worden waren und sowohl durch Nomadeneinfälle in der 2. Hälfte des 13. Jh., als auch durch die Unterwerfung der südöstlichen Gebiete Mitteleuropas dem Ulus Dschotschi nach Europa gelangt waren. Anders war die Lage im Ungarischen Königreich, in dem sich die Kumanen angesiedelt hatten, die den für Steppenvölker gewohnten und in ihrer früheren Heimat gefertigten Helmen Vorzug gaben. In der Studie werden die gegenseitigen kriegshandwerklichen Beziehungen zu Preußen und zu den angrenzenden Gebieten Polens und Litauens näher betrachtet, in denen nach mongolo-russischen Kriegszügen in der 2. Hälfte des 13. Jh. durch enge Kontakte des mongolenfreundlichen Alexander Newski mit dem preußischen Adel und andere Ursachen eine Abwehrrüstung (Helme und Panzer) zu Stande gekommen war.

Der zweite Teil der Studie enthält eine Analyse des einmaligen und für die Waffenkunde wichtigen Fundes in der Bestattung aus der Zeit der Goldenen Horde in der Nähe des Dorfes Kairka im Siwaschgebiet: Falchion, datiert mit den Dirhemen des Usbeken, und versehen mit einem Säbelgriff. Das Vorhandensein des "orientalisierten" Falchions ist ein Zeugnis dafür, dass Mongolen und westeuropäische Waffenmeister eng zusammengearbeitet haben. Von besonderer Bedeutung ist der Griff des Falchions aus Kairka, der die Hauptlinie für die Ausgestaltung der Griffe von Hieb- und Stoßwaffen im 15.-16. Jh. im Nahen Osten vorweggenommen hat.

M.V.Gorelik (Moscou, Russie)

Les casques et les falchions: deux aspects de l'interinfluence de l'art militaire des Mongols et de la fabrication d'armes

La première partie de l'article est consacrée à la série de casques découverts sur le territoire de l'Europe centrale s'étendant de la Prusse à la Bulgarie. L'étude a montré que tous, ils étaient fabriqués dans l'Empire des Čingizides, essenfiellement à Ulus Djuči (la Horde d'Or). Ils se sont trouvés en Europe premièrement après les incursions des nomades dans la 2-me moitié du XIII siècle, deuxièmement en résultat de l'appropriation des terres du Sud-Est de l'Europe centrale par Ulus Djuči. La situation dans le royaume hongrois était toute différente. Des polovec-kuman qui s'y sont installés préféraient porter des casques traditionnels pour les nomades des steppes. On appuie dans cet article le fait des relations militaires et artisanales avec la Prusse et les régions limitrophes de la Pologne et de la Lituanie. Ce qui était le resultat des contacts étroits du mongolophyle Alexandre Nevski avec la noblesse de la Prusse. Et grâce à d'autres raisons encore on voit apparaître un costume de protection (casques et cuirasse).

La deuxième partie de l'article contient l'analyse d'un objet précieux et important pour la science des armes découvert dans une nécropole de la Horde d'Or près du village Kairka, région de Sivaš ce qui est daté par les dirhems d'Usbek sur le "falšjon" ayant une poignée de sabre. La découverte du falšjon "orientalisé" ayant une poignée de sabre dans une nécropole de la Horde d'or témoigne d'une interaction étroite des Mongols et des producteurs d'armes de l'Europe occidentale. La pognée du "falšjon" de Kairka est d'une portée exceptionnelle. Elle représente un prototype de l'ornement principal des pognées d'armes de ce type en Proche-Orient en XV-XVI siècles.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2002 г.

Е.И.Нарожный

О ПОЛОВЕЦКИХ ИЗВАЯНИЯХ И СВЯТИЛИЩАХ XIII-XIV ВВ. СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДОНА

История исследования культовых половецких памятников Восточной Европы хорошо известна специалистам, и здесь нет смысла подробно останавливаться на ее пересказе. В изучении данной проблематики есть немало успехов, но есть до сих пор и ряд весьма важных нерешенных проблем – уточнения верхней границы функционирования половецких святилищ и характер установления на них изваяний. Эта проблема видится актуальной хотя бы потому, что, при доминирующей оценке существования такой традиции в период XII-XIII вв., все попытки увязать заключительный этап половецкой истории с монголо-татарским нашествием порождают массу вопросов, так или иначе диктующих необходимость новых уточнений на этот счет. Этой задаче, отчасти, посвящена данная статья, в которой мы посчитали целесообразным свести воедино многие данные из давно и хорошо известных источников, совокупность которых предопределила появление нового взгляда на функционирование святилищ. Прежде всего, остановимся на вопросе об оценке исторических судеб половецкого населения на территории Северного Кавказа.

Об исторических судьбах северокавказских половцев

Проблема "Половцы на Северном Кавказе" – одна из давних в отечественном кавказоведении. Особо пристальный интерес к ней зародился уже в XIX в., когда здесь начались археологические изыскания, в том числе и в виде разрытия курганов (как это часто именовалось в литературе). Среди исследованных погребальных комплексов выделялись и половецкие. Тюркский характер происхождения этой части кочевого населения Восточной Европы уже в XIX в. вызвал к жизни попытку их сопоставления с этногенезом современных балкарцев и карачаевцев. Тенденция получила развитие в сер.XX в. В 1960 г. в г.Нальчике прошла представительная конференция, посвященная этногенезу карачаевцев и балкарцев, где поставленная в XIX в. проблема получила дальнейшее развитие (Материалы..., 1960). На ней особое внимание было приковано к сообщениям арабского автора ал-Асира о первом появлении Чингизидов на Северном Кавказе в 1222 г., т.е. за год до битвы на Калке. Средневековый автор, в частности, повествуя о продвижении Чингизидов к северу от Дербента, рассказывал о многократных столкновениях на р.Терек монголов с объединенными алано-половецкими соединениями. Не сумев одержать верх над союзными силами, Чингизиды вынуждены были пуститься на хитрость: при помощи многочисленных даров и подношений им удалось уговорить половцев оставить аланов и уйти. После чего, разбив последних, Чингизиды пускаются вслед за половцами. Последующий ход описания этих событий ал-Асиром надолго предопределил подходы кавказоведов к реконструкции исторических судеб половцев Северного Кавказа. Напомним, арабский историк продолжал, что, услышав весть о начале погони Чингизидов, многие половцы, побросав все, стали искать спасения в бегстве. Многие из них укрылись в лесах и болотах, горах. Другие были разбиты. Третья же их часть ушла в сторону русских (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.25, 26), оказавшись затем на Калке среди участников античингизидской коалиции.

Эти сообщения источника, привлекавшие внимание кавказоведов еще задолго до конференции в Нальчике, на форуме 1960 г. стали основой для версии о том, что горы, леса и болота, в которых половцы укрылись, располагались в пределах горной зоны региона, где традиционно обитали предки карачаевцев и балкарцев. Укрывшись там, половцы со временем были ассимилированы, влившись в среду формировавшихся карачаевской и балкарской народностей.

Гипотеза получила еще одно подтверждение после того, как в 1964 г. известной ставропольской исследовательницей Т.М.Минаевой была опубликована обстоятельная статья, в которой приводились свидетельства письменных источников и различные археологические материалы, документировавшие присутствие половцев домонгольской поры на Ставропольской возвышенности, а также на сопредельных с нею территориях Притеречья и Средней Кубани (Минаева Т.М., 1964, с.167-196). В последующее время много усилий кавказоведов было потрачено на поиск примеров, подтверждающих процесс инфильтрации. Половецкое наследие археологического, историко-этнографического и фольклорно-лингвистического характера выявлялось, прежде всего, в зоне, где с глубокой древности обитали предки карачаевцев и балкарцев (Федоров Я.А., 1973, с.220-226; Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978, с.227-290). Несмотря на существование иных, обобщающих работ по архео-

логии и истории кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Плетнева С.А., 1958, 1974, 1981 и др.), в кавказоведении ситуация не менялась.

Новый импульс в развитии отмеченной концепции появился в 1980-е гг. Отталкиваясь от вышеотмечавшейся трактовки сообщений ал-Асира, некоторые коррективы в нее внес В.М.Батчаев, предложив горы, леса и болота локализовать на Верхней Кубани, а процесс миксации половцев с предками балкарцев и карачаевцев датировать периодом XIV-XV вв. (Батчаев В.М., 1980, с.79-95; Батчаев В.М., 1986, с.80-123; Батчаев В.М., 1997, с.60-63). Параллельно утверждалось и об активном процессе седентаризации половцев на равнине Северного Кавказа, этнокультурных их контактах с предками адыгов и пр.

Вместе с попытками решения проблемы этногенеза карачаевцев и балкарцев (при доминирующем участии в нем половецкого населения Северного Кавказа) в кавказоведении значительно активизировался и процесс расширения источниковой базы, главным образом, выражавшийся в публикациях половецких изваяний и сведений о них с территории Пятигорья (Кузнецов В.А., 1980, с.69-78), Средней Кубани (Навротский Н.И., Нарожный Е.И, 1993, с.14, 15), а также всего Прикубанья (Наврот-ский Н.И., 1996, с.157-164; Плетнева С.А., 1996, с.165, 166; Тарабанов В.А., 1991, с.91-94). Появились и сведения о раскопках половецких святилищ на территории Ставрополья (Мирошина Т.В., 1988, с.125, 126; Кореневский С.Н., Андреева М.В., Ульянова Л.В., 1998), из которых опубликовано только одно (Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998, с.231-237). Вместе со святилищами с территории Подонья (Волков И.В., Ларенок П.А., 1988, с.86, 87; Гуркин С.В., 1991, с.103-113; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.114-143) эти материалы способствовали их новому осмыслению на Северном Кавказе. В конце XX в. были выявлены новые погребальные комплексы, связываемые с половцами (Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., 1994, с.23-26; Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1996, с.154-156; Анфимов И.Н., 1996, с.13, 14). Последние наиболее активно изучаются Ю.В.Зеленским, подробно исследующим погребальные обряд и инвентарь этой группы кочевников, пытаясь разобраться в хронологии памятников и т.п. (Зеленский Ю.В., 1997; 1997а; 1998; 1998а-е; 1999; 1999а; 2000 и др.).

Не со всеми наблюдениями Ю.В.Зеленского мы согласны. Например, определенный скепсис вызывают его попытки трактовать половецкими погребальные комплексы, имеющие восточную, западную и северную ориентировку (Зеленский Ю.В., 1999). Довольно экзотично он объясняет и причины достаточно частой встречаемости предметов вооружения у половцев на Кубани (Зеленский Ю.В., 2000а, с.46). Вместе с тем, сделанный анализ письменных свидетельств позволил ему прийти к мнению, что появление половцев на Кубани произошло несколько позже XI в. (Зеленский Ю.В., 1998), что в связи с уточнениями датировок половецких изваяний из Подонцовья (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000, с.227-244) выглядит любопытным. По крайней мере, в контексте этих уточнений может выстроиться и своеобразное хронолого-географическое направление, демонстрирующее процесс постепенного освоения половцами отмеченных территорий от Подонья до Каспийского моря. Но и эти данные не позволяют пока точно определить финальный этап пребывания половцев на Северном Кавказе. Не позволяют это делать и итоги исследований половецких святилищ и изваяний, несмотря даже на то, что в специальной литературе выстроены эволюционные ряды развития половецкой скульптуры, а интересующий нас этап связывают с началом монголо-татарского периода. Утвердившаяся точка зрения заставляет исследователей каждый раз буквально втискивать половецкие памятники во временной отрезок XII-XIII вв. Но эта же концепция и настораживает, т.к. для последующего времени (XIII-XIV вв.) она не дает убедительных объяснений по многим вопросам, в т.ч. и об исторических судьбах половцев в государственной системе Золотой Орды. И это, несмотря на то, что половцев эпизодически упоминают письменные источники вплоть до Куликовской битвы. Чтобы вновь привлечь внимание к этой проблеме, попытаемся взглянуть на некоторые половецкие предметы материальной культуры, изображенные на изваяниях, и проверить их с точки зрения датировок предметов из кочевнического быта, выявленных в погребальных комплексах. Подобная необходимость целесообразна с точки зрения того, что система датировок позднекочевнических, в целом, и половецких памятников, в частности, в известной степени устарела, так как была разработана в кон.50 – сер.60 гг. (Плетнева С.А., 1958; Федоров-Давыдов Г.А., 1966). С тех пор, если не брать во внимание специальные работы, посвященные отдельным микрорегионам Восточной Европы, хронологический фундамент больше никем не проверялся.

О параллелях предметам, изображенным на половецких изваяниях

Еще в 1974 г. С.А.Плетнева, рассматривая на изваяниях изображения колчанов, а также И.В.Малиновская, посвятившая последним специальную работу, справедливо отмечали тот факт, что реальные археологические материалы, известные к тому времени, есть и среди памятников кочевников золотоордынской эпохи (Плетнева С.А., 1974, с.30, 31; Малиновская И.В., 1974, с.132-175). И хотя это обстоятельство было подчеркнуто особо, никаких последствий (за исключением некоторых лаконичных оговорок) данная констатация за собой не повлекла. Помимо изображений колчанов на половецких изваяниях, есть и другие реалии, имеющие прямые аналогии в материалах эпохи Золотой Орды.

В качестве первого примера рассмотрим нередко встречающиеся на изваяниях изображения нагрудных блях (рис.1-3). Г.А.Федоров-Давыдов, обращая на них внимание, в качестве возможной аналогии указывал на наличие таких же блях на статуэтке из Херсонеса (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.175). А вот С.А.Плетнева, касаясь этих же предметов, заключала: "Мы не знаем ни археологических аналогий этим предметам, ни описаний их в письменных источниках" (Плетнева С.А., 1974, с.27). Вместе с тем, значительное количество таких бронзовых блях встречено при исследовании разнообразных горноингушских памятников XIII-XIV вв. (Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1984, с.123-149, рис.3-20; Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989, с.15-75; Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1990, с.37-39 и др.). Все они зафиксированы в погребальных комплексах, надежно датированных закавказскими хулагуидскими и золотоордынскими монетами (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1989, с.44-46). Несмотря на то, что в половецкий и золотоордынский периоды эта часть горной зоны Северо-Восточного Кавказа кочевникам не подчинялась, все инновации кочевнического круга там начинают фиксироваться как минимум с середины – 2-й пол.XIII в. (Нарожный Е.И., 1998, с.9-14). В этом смысле, появление интересующих нас аналогий бляхам, известным по половецким статуям, дает основание считать, что они – раннезолотоордынского времени.

Бронзовые бляхи – округлые, разных диаметров, в погребениях обнаруживаются по одному – двум, реже, сразу трем экземплярам. Как правило, они располагаются в верхней части грудной клетки погребенных, как это изображено и на изваяниях. Часть горноингушских блях – с орнаментом, выдавленным с оборотной стороны (рис.1, *8, 9*; рис.2, *3-7*), но основная масса – без него (рис.1, 2). В нескольких случаях отмечены и остатки крепления ремней (рис.3, *3*), скреплявших две и три (как на изваянии из ГИМ) (Плетнева С.А., 1974, с.194, № 1288) бляхи между собой. Находки подобных предметов – реальное свидетельство того, что это не просто половецкие заимствования обитателями Горной Ингушетии, но и то, что бытовали они в золотоордынскую эпоху и на северокавказской равнине, включенной в состав Золотой Орды, где находились представители самых разнообразных этнокультурных групп кочевого мира.

Помимо бронзовых блях, обратим внимание и на прорисовки крючков, изображенных на половецких изваяниях (Плетнева С.А., 1974, с.32, рис.10, 43). На них крючки крепились к поясу, поэтому их возможное сопоставление с рыболовецкими, как это предполагала С.А.Плетнева, выглядит сомнительным. В горной зоне Ингушетии среди погребального инвентаря женских захоронений нередко встречались крючки (рис.3, *5-8*), своим внешним видом почти ничем не отличавшиеся от колчанных. Но вместе с крючками таких типов встречались и крючки из бронзы (рис.3, *5*), что позволяет их сопоставлять с изображениями на изваяниях. Эти аналогии из Ингушетии также датируются XIII-XIV вв.

Среди предметов, обозначенных на половецкой скульптуре, встречаются и шейные гривны. С.А.Плетнева по этому поводу замечает: "Гривны – наиболее распространенные украшения половецких женщин... Подавляющее большинство женских статуй и даже несколько мужских изображено с гривнами" (Плетнева С.А., 1974, с.45). Археологические находки гривен в памятниках кочевников уже неоднократно становились предметом специального рассмотрения. Расценивая эти предметы как один из признаков высокого социального положения, В.Н.Шалобудов и В.Н.Яремака датируют такие предметы максимум сер.XIII в. (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1987, с.128-135). Не выходящими за эту же дату оценивает гривны и Ю.В.Зеленский (Зеленский Ю.В., 1998, с.35-40). Однако находки гривен есть и в погребальных комплексах, датируемых XII-XIV вв. (Беспалый Е.И., 1998, с.109). А, если иметь в виду комплекс из окрестностей х.Нижняя Козинка на Дону, предварительно отнесенный к XIII-XIV вв. (Горбенко А.А., Кореняко В.А., Максименко В.Е., 1975), то есть все основания говорить о возможности бытования гривен и после сер.XIII в. (Нарожный Е.И., 2000, с.105, 106). На возможность бытования гривен среди кочевников золотоордынской эпохи указывают и другие археологические материалы (Горелик М.В., Дорофеев В.В, 1990). А это еще одна возможность для того, чтобы часть половецких изваяний, имевших изображение гривен, датировать и золотоордынским отрезком времени.

Не меньший интерес вызывают и изображения зеркал на половецких изваяниях, которым в 1974 г. С.А.Плетнева не приводит аналогий, суммарно относя их к XII-XIII вв. Их классификация достаточно добротная (Плетнева С.А., 1974, с.49), особых возражений не вызывает, а вот датировка, обозначенная в пределах XII-XIII вв., видимо, нуждается в уточнениях. Так, зеркала с врезанными либо рельефными линиями, расположенными крест-накрест (рис.4, *1-10*), действительно известны с домонгольского времени: на Северном Кавказе, в аланских памятниках, они обычны даже для X-XII вв. (Савенко С.Н., 1985, с.104). Но есть такие же зеркала и среди памятников XII-XIII вв. (рис.4, *3-5*), а также и среди материалов золотоордынской эпохи (Кузнецов В.А., 1993, рис.124, *4*). Аналогичные им образцы есть и среди погребальных памятников поздних кочевников Дона – Приазовья (рис.4, *3-10*), где их датируют XIII-XIV вв. (Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988, с.123, рис.26, 27; Ларенок В.А., 1992, с.178, рис.10, 20). Близкие, если не тождественные, зеркала встречаются и в погребальных комплексах XIII-XIV вв. кочевников Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поволжья (рис.4).

Зеркала с двумя Х-образно расположенными, пересекающимися линиями (рис.4, *2, 8, 9*) также известны среди золотоордынских памятников Север-

ного Кавказа и Дона (рис.4), в том числе и в погребениях кочевников XIII-XIV вв. (Ларенок В.А., 1991, рис.32, *2*). Другой тип зеркал (рис.5, *1, 4-10)* с абсолютно гладким диском, без орнамента, с петлей и без нее, достаточно часто встречается среди памятников Северного Кавказа на протяжении широкого хронологического отрезка времени: X-XIV вв. (Савенко С.Н., 1985, с.102; Умаров С.Ц., 1970). Особенно много их среди пока неопубликованных раннемусульманских комплексов региона, датируемых XIV в. Присутствуют такие же зеркала и среди позднекочевнического инвентаря XIII-XIV вв. Дона, Северо-Западного Причерноморья, Нижнего Поволжья и Южного Урала (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.17, рис.4, с.35, рис.11, *3;* Ларенок В.А., 1992, с.178, рис.10, 17).

Подобную ситуацию можно отметить и в отношении зеркал, декорированных диаметрально расположенными линиями, проходящими через центр диска (рис.5, *2, 11-13*). Такие же материалы есть среди раннесредневековых памятников Северного Кавказа, например, в одном из половецких комплексов XII-XIII вв. со Средней Кубани. Но такие же находки нам известны и из комплексов данного региона, датированных монетами XIV в. (рис.5, *13*).

Зеркала с арочным и крестовидно-арочным орнаментом (рис.5, *3, 14-18*) обычно своим генезисом сопоставляются с аланами Северного Кавказа (Полякова Г.Ф., 1980; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.81). Они имеют достаточно широкие диапазон бытования и географию распространения (Савенко С.Н., 1985, с.104-105; Полякова Г.Ф., 1980, с.145-146; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.81; Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988, с.121, рис.25, *14*; Белинский И.В., Масловский А.Н., 2000, с.147, рис.25, *14*; Добролюбский А.О., 1988, с.112, табл.VI, 13 и др.). Подавляющее большинство их датируется периодом XIII-XIV вв.

При рассмотрении параллелей зеркалам любопытно отметить, что на половецких изваяниях они показаны крепящимися к поясу при помощи ремней (рис.4, *1, 2*; рис.5, *1-3*). А на некоторых рисунках зеркал с нижнего края диска косо отходит полоска (рис.4, *1, 2*). Обычно в погребальных комплексах поздних кочевников зеркала фиксируются со следами кожаных мешочков либо футляров. Известен и случай, когда зеркало находилось в специальном деревянном футляре (рис.4, *10*), который крепился к поясу (Белинский И.В., Масловский А.Н., 2000, с.147, рис.6, *1*). Есть и зеркала XIII-XIV вв., с нижнего края диска имевшие слабовыраженный выступ или даже длинную металлическую ручку (Мамонтов В.И., 1992, с.40, рис.11, *10*). По всей вероятности, именно такие ручки (рис.4, *11*) и следует сопоставлять с коротким выступом внизу зеркала на каменных изваяниях.

Таким образом, даже беглый обзор известных нам параллелей некоторым типам зеркал, изображенных на половецких изваяниях, показывает, что многие из них встречаются среди погребальных памятников X-XIV вв. Но вряд ли будет справедливым при рассмотрении половецких изваяний ограничиваться подбором параллелей, датируемых только XII-XIII вв. Существование таких же зеркал и в XIII-XIV вв., на наш взгляд, должно предполагать и возможность того, что половецкие изваяния с такими аксессуарами могли изготавливаться и существовать и в золотоордынскую эпоху.

Наряду с изображением нагрудных блях, крючков, гривен, зеркал и колчанов, орнаментированных костяными накладками, на половецкой скульптуре имеются и другие изображения предметов, наносившиеся не только в половецкое, но и в золотоордынское время. Среди них – деревянные, костяные и самшитовые гребни (рис.6, *3, 4*). Хорошо представленные в классификации С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1974, с.46, 49, рис.20, *16*) гребни из археологических раскопок весьма близки тем, которые изображались на изваяниях (Закирова И.А., 1988) не только на территории Волжской Булгарии, а и в Саркеле-Белой Веже. Есть они среди погребальных комплексов XIV в. из Горной Ингушетии (Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1984, рис.1, *21*; Даутова Р.А. и др., 1989, рис.14, 23; Даутова Р.А. и др., 1990; и др.), встречаются гребни как одночастные, так и двучастные. Последние, к примеру, имеют и декор в виде врезанных линий, циркульного орнамента и крестов. Реже – цветное покрытие из органических красителей. Находки гребней из Ингушетии, на что уже обращалось внимание (Ларенок В.А., 1992, с.165; Нарожный Е.И., 1996, с.13-22), достаточно близки предметам из позднекочевнических памятников XIII-XIV вв. Подонья. Помимо этих двух регионов, находки деревянных гребней характерны для позднекочевнических памятников других зон проживания номадов эпохи Золотой Орды (рис.6, *3-5*).

На половецких изваяниях иногда изображались и портняжные ножницы (рис.6, *2, 6-9*). Правда, их восприятие у исследователей неоднозначное. С.А.Плетнева, например, склонна расценивать их как детали декора верхней одежды (Плетнева С.А., 1974, с.42). Однако атрибуция этих изображений, как ножниц, что справедливо полагал в свое время Г.А.Федоров-Давыдов, нам видится более реальной (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.179). Материалы из кочевнических памятников, впрочем, не только из них, но и из погребальных комплексов горной зоны Северного Кавказа, слоя золотоордынских городищ и т.п. демонстрируют то, что ножницы портняжного типа характерны для памятников эпохи раннего средневековья (Мыськов Е.П., 1993, с.78, рис.3, 14; Лугова Л.М., 1998, с.72, рис.2, 10, рис.8, *7*), а также золотоордынского времени (рис.6, *6-9*). Правда, от изображений на изваяниях они отличаются тем, что кольца ножниц не сомкнуты. Более схожие им ножницы, в т.ч. и с подквадратным оформлением колец, встречены (помимо изваяний) на Дону (Ларенок В.А., 1992, с.178, рис.18, *4*) и в горах Северной Осетии (Марченко И.И., Тургиев Т.Б., 1980). Близкие им аналогии есть и в го-

рах, на Верхней Кубани. Другие аналогии происходят из нижневолжских городищ Золотой Орды (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.181, рис.37, *1*). А некоторые специалисты не без основания полагают, что находки таких ножниц – один из хронологических признаков погребений XIV в. (Яворская Л.В., 1999). Таким образом, изображения ножниц на половецких изваяниях также могут свидетельствовать в пользу продления верхней даты последних, вопреки утвердившейся в специальной литературе.

Остается указать и на прорисовки иных изображений, имеющихся на изваяниях. Среди них – изображение крюка, расцененного как трудноопределимый предмет (Плетнева С.А., 1974, с.46, рис.20, *20*). Но, прежде чем обратиться к его возможной функциональной атрибуции, укажем следующее. Близкие крюки есть еще на двух изваяниях, опубликованных Т.М.Минаевой: из Черкесского музея (рис.7, *1-4*), а также из окрестностей станицы Сторожевой (Минаева Т.М., 1964, рис.11, с.185). Рассматривая их и пытаясь атрибутировать крюки, Т.М.Минаева указывала на еще одно изваяние с таким же предметом, в свое время стоявшее на берегу р.Ингул. Изваяния из Черкесского музея и из Сторожевой исследовательница посчитала половецкими (Минаева Т.М., 1964, с.180-187). С такой интерпретацией справедливо не согласился Х.Х.Биджиев (Биджиев Х.Х., 1993), хотя и его этнокультурная атрибуция этих памятников требует специального критического анализа. Не останавливаясь на этой проблеме, позволим себе заметить лишь то, что эти изваяния несколько позднее половецких, хотя их генезис демонстрирует значительную близость к половецкой традиции.

Датируя и функционально определяя крюки из половецких памятников, следует обратиться к изображениям на изваянии из Черкесского музея. На изваянии из музея г.Черкесска есть изображение секиры с длинной ручкой (рис.7, 8), параллели которой можно найти, в основном, среди близких предметов Западной Европы (Boeheim W., 1985, s.373-375) (рис.7, *4, 5*). Такие же секиры в XIV-XV вв. изображены на Тебризских миниатюрах (Горелик М.В., 1982). Наряду с секирой, на изваянии есть и другие предметы. Вопреки точке зрения Т.М.Минаевой, там изображена еще и плеть (рис.8, *2*), имеющая параллели как среди археологического материала раннего средневековья (Ахундов И.В., 1995; Бородовский А.П., 1993), так и на половецких изваяниях (Плетнева С.А., 1974, с.46, рис.20, *20*). Есть и этнографические свидетельства, происходящие с Северного Кавказа (рис.8, *6, 7*), хорошо изученные Э.Аствацатуряном (Аствацатурян Э., 1985).

Другой предмет с длинной деревянной ручкой (рис.8, *3*) можно расценивать как разновидность ударного оружия (известного по материалам домонгольской Булгарии) (рис.8, *8*) типа железных наверший различной конфигурации, при помощи цепи крепившихся к деревянной рукояти (Культура..., 1985). Что же касается крюка, то Т.М.Минаева оценивала его двояко: с одной стороны, она указывала на наличие подобных крюков у чабанов, при помощи которых они ловили овец. А с другой стороны, исследовательница не исключала того, что подобные крюки – вид оружия, использовавшийся для стаскивания всадника с седла (Минаева Т.М., 1964, с.183-185). Последняя атрибуция представляется нам более реальной. Развивая эту версию, укажем на находки наконечников копий в памятниках чжурчжэней, имевших на втоке крюки (рис.9, *3*), (Деревянко Е.И., 1987). Но все они домонгольской поры. Самой близкой аналогией, среди известных нам, можно назвать наконечник копья с отломанным крюком (рис.9, *4*), хранившийся до 1991 г. в числе выразительной коллекции наконечников копий XIII-XIV вв. в школьном музее с.Кошкельды в Чечне (рис.9, *4*), к сожалению, лишь частично введенной в научный оборот (Чахкиев Д.Ю., 1987). Все эти наконечники копий были собраны на небольшой площади в окрестностях г.Гудермеса, где ныне не без основания локализуют место сражения Чингизидов с алано-половецкими войсками в 1222 г., войск Тохтамыша с Тимуром, как, впрочем, и хулагуидо-джучидские военные столкновения XIII-XIV вв. (Джиоев М.К., 1982, с.80-90). Последнее обстоятельство предопределяет то, что отмеченный наконечник копья из с.Кошкельды, в числе иных заимствований чжурчжэньского происхождения (Крамаровский М.Г., 1995), был занесен на Северный Кавказ во время монголо-татарского нашествия.

На возможность отмеченного сопоставления крюков и наконечников копий, в целом, с предметами вооружения, занесенными в Восточную Европу Чингизидами, указывают и другие источники, например, Г.Рубрук (Путешествие..., 1957), на что справедливо обратил внимание А.Н.Кирпичников (Кирпичников А.Н., 1980). А.Н.Кирпичников указывает на наличие подобного оружия у русских ратников, принимавших участие в Куликовской битве (Кирпичников А.Н., 1980). Весьма любопытными являются и наблюдения швейцарского оружиеведа В.Бейхайма. Рассматривая западноевропейские спетумы (рис.9, *5*), исследователь отмечал, что первоначально они имели один крюк (рис.9, *5*) и были занесены в Европу из Причерноморья в XIII-XIV вв. (Boeheim W., 1985, s.353-355). Таким образом, интересующие нас крюки, изображенные на половецких изваяниях, впрочем, как и на изваяниях из Черкесского музея и ст.Сторожевой, реально бытовавшие и занесенные в Восточную Европу Чингизидами, являются предметами вооружения, позже, очевидно, вошедшими в состав вооружения половцев XIII-XIV вв.

Таким образом, перечисленные выше предметы, изображенные на половецких изваяниях, и археологические параллели им, известные на обширной территории в материалах XIII-XIV вв., дают все основания для того, чтобы ставить вопрос о практике

изготовления половецких изваяний и в золотоордынскую эпоху, а не только в XII-XIII вв.

О сооотношении половецких святилищ Дона и Северного Кавказа

Как правило, при датировке святилищ как с каменными, так и с деревянными изваяниями, помимо изображенных на них аксессуаров, еще одним из критериев в определении дат этих памятников используются скромные находки, иногда содержащиеся в составе памятника. Как правило, это керамический бой, фиксируемый вместе с угольками, костями животных и пр. Попытки использования этих находок в качестве датирующего материала (Гуркин С.В., 1991, с.103-113; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.114-143; Волков И.В., Ларенок П.А., 1988, с.86, 87; Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.209-226 и др.) не дают четких зацепок для достаточно узкой датировки святилищ. Более того, нередко находки керамики лишь фиксируются в заполнении ям-котлованов, в которых изначально устанавливались изваяния, что опять-таки может указывать только на нижнюю дату функционирования святилищ. Все это вместе и предопределило наше обращение к археологическим материалам. Учитывая работы о половецких святилищах обобщенного характера (Швецов М.Л., 1979; Гуркин С.В., 1987), в качестве примера мы рассмотрим лишь несколько святилищ Северного Кавказа и Дона. Первое из них – это святилище близ с.Бешпагир в р-не сближения рр.Кубани и Калауса (Ставрополье) (Мирошина Т.В., 1985, с.125, 126). К сожалению, мы располагаем лишь самой общей информацией о памятнике и фотографией изваяния оттуда (рис.12, *1*). Определенный интерес вызывает и святилище из группы Чограй IX к.4 (Арзгирский р-н, Ставропольский край), недавно введенное в научный оборот (рис.12, *2, 3*; 13, *1-4*) А.Г.Атавиным и М.В.Андреевой (Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998, с.231-237). Весьма показательными и информативными представляются и материалы раскопок с окраин г.Ростова-на-Дону (Волков И.В., 1985, с.111-112; Волков И.В., Ларенок П.А., 1988, с.86, 87) (рис.16, *2*; 17), а также святилище из Ростова-на-Дону (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.114-149) (рис.16, *2*; 15, *2-12*). С территории Ростовской области мы используем еще один памятник (Гуркин С.В., 1991, с.14, *1-4*). В качестве своеобразного фона для сопоставлений мы привлекаем и святилища с территории Северо-Западного Причерноморья (рис.10; 11) (Євдокимов Г.Л., Купрій Н.М., 1991, с.264-268).

В 1991 г. С.В.Гуркин предложил новую типологию позднекочевнических святилищ, разделив их на два типа. В первый из них исследователь включил святилища с половецкими изваяниями, стоявшими на вершинах курганов, открытых для обзора со всех сторон. Ко второму типу он отнес те половецкие святилища, в которых изваяния были сокрыты от обзора или были полностью закопаны в ямах (Гуркин С.В., 1991, с.109, 110). Типология С.В.Гуркина была отчасти разделена и С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1996). Комментируя половецкие изваяния из коллекции Армавирского краеведческого музея, С.А.Плетнева заметила: "Производство каменных изваяний было прервано монгольским нашествием... (Эта мысль С.А.Плетневой высказывалась не раз – Е.Н.). Однако произошло это не сразу. Некоторое время культ предков с поклонением их посмертному воплощению – каменным изваяниям – еще продолжал существовать, только последних стали помещать в полускрытых под землей (в ямах) святилищах" (Плетнева С.А., 1996, с.166).

Даже такой лаконичный характер объяснений причин прекращения у половцев традиции использования святилищ вызывает массу вопросов. Применительно к Северному Кавказу непонятным остается время монгольского нашествия: неизвестно, что считать за отправную точку – 1222 г. или же кампанию Чингизидов 1238-1239 гг., когда регион стал объектом их политико-экономического освоения. Требует ответа и вопрос о длительности поклонения изваяниям, т.к. понятие "некоторое время" в условиях нового, золотоордынского этапа истории исследуемого региона выглядит достаточно неопределенным. Некоторые сомнения вызывает и определение второго типа святилищ как "полускрытых" под землею, т.к. во всех известных случаях речь может идти лишь об изваяниях, полностью скрытых землей в специальных ямах. Последнее обстоятельство требует оценивать их как святилища, специально скрытые под землей и вряд ли являвшиеся доступными для посещения и обзора. Объектом для возможного поклонения оставалась верхушка кургана, а сам обряд поклонения спрятанному символу культа мог исполняться как тайное действие.

Святилище Бешпагир, судя по всему, представляло собой подтреугольную яму, в центре которой "было выявлено половецкое "сидящее" (по типу) изваяние (рис.12, *1*), изображавшее мужчину с усами, в шлеме, с нагрудными ремнями, в сапогах и с чашей в руках. Статуя прекрасной сохранности. По бокам от нее в яме было расчищено два скелета в неестественных позах. Видимо, люди были принесены в жертву" (Мирошина Т.В., 1985, с.126). Человеческим жертвоприношением наличие погребенных в святилище определяет С.В.Гуркин (Гуркин С.В., 1991, с.103-110). Исходя из описания святилища, можно заключить, что изваяние было вкопано в дно ямы и полностью скрыто в кургане.

Более полны у нас сведения о другом святилище со Ставрополья, открытом в восточной поле кургана в 6,5 м к востоку от центра. Оно представляет собой округлую в плане яму (рис.12, *3*; 13, *1-4*). В центре ямы, имевшей углубление, был обнаружен постамент каменной статуи. Изваяние (рис.12, *2*; 13, *3, 4*) схоже с бешпагирским. Согласно дальнейшему описанию объекта, можно предполагать следующее: изначально изваяние могло возвышаться над курганом, буду-

чи вкопанным в яму по самую подошву ступней, и было полностью доступно для обзора. Именно эта часть кургана была самая высокая. Со временем, в восточной поле кургана было совершено несколько синхронных половецких захоронений и несколько половецких погребений золотоордынского времени. Перекрытие насыпью всех захоронений, очевидно, и создало итоговую высоту кургана, в результате чего и святилище оказалось полностью под землей в 6,5 м к востоку от верхушки. Важными являются наблюдения А.Г.Атавина и М.В.Андреевой: "Для нас важен факт, – отмечали они, – что святилище довольно долго функционировало не только в половецкое время, но и после татаро-монгольского нашествия. Это можно предполагать исходя из того, что изваяние было найдено на своем месте, а не поваленным, как это обычно встречается при раскопках. В непосредственной близости от него было найдено несколько половецких погребений, а чуть в стороне – захоронения половцев золотоордынского времени. По всей видимости, почитание статуи продолжалось и в этот период. Многие из них были уничтожены, но тысячи стояли на курганах вплоть до XIX – нач.XX в., когда они были перевезены в ближайшие губернские музеи" (Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998, с.233). В подтверждение этой мысли мы можем привести массу сведений, которые вплоть до XVIII-XX вв. фиксировали подобные случаи (Минаева Т.М., 1964, с.167-196; Кузнецов В.А., 1980, с.69-85; Фелицын Е.Д., 1892 и др.). Суммируя их с данными, полученными при раскопках святилищ Г.Л.Евдокимовым и Н.М.Куприй, можно полагать: огромное количество половецких изваяний пережило не только саму завоевательную кампанию Чингизидов, но и Золотую Орду, продолжая оставаться в неизменном виде на приметных точках возвышающегося ландшафта, сохранившись в ряде мест вплоть до XIX-XX вв. Это обстоятельство позволяет считать, что существование таких культовых мест не вызывало у Чингизидов антипатий и стремления к их уничтожению. Во всяком случае, на такую постановку вопроса отчасти указывает и относительная веротерпимость в Золотой Орде, способствовавшая сосуществованию в городах Золотой Орды как христианских церквей (Нарожный Е.И., 1989, с.108-116), так и мусульманских мечетей (Зиливинская Э.Д., 1998, с.16-37). А в ближайшей округе, очевидно, функционировали и языческие, половецкие святилища. Но дело не только в веротерпимости. Многие исследования, опиравшиеся на археологические памятники, главным образом, Восточной Монголии, свидетельствуют, что до прихода в Восточную Европу, а также и в XIII-XIV вв. у части монголов существовал культ предков, артефактами которого являлись монументальные изваяния (Баяр Д., 1985, с.148-153; Майдар Д., 1981, с.55-58).

Вышеотмеченное позволяет считать, что известные случаи сокрытия половецких изваяний и святилищ вряд ли стоит расценивать как типологическую разновидность половецких культовых памятников. Скорее всего, мы имеем дело с одной из форм почитания культа предков, функционировавшего в позднейшем (последнем) этапе половецкой истории. Другими словами, на сокрытии святилищ и изваяний могли отразиться совершенно иные процессы, продиктованные изменениями в мировоззренческой системе половцев. В этой связи обратимся к другим материалам. Нам представляется, что ограничение периода функционирования половецких святилищ монголо-татарским временем – лишь следование сложившимся научным стереотипам, явно устаревшим. Прочно укоренилось в науке и утверждение Г.А.Федорова-Давыдова о том, что после окончания завоевательной кампании Чингизидов половецкая знать была уничтожена (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Это явно преувеличено. Зачем это было нужно делать, если последняя, судя, в частности, по письменным источникам, перешла на сторону победителей.

С.В.Гуркин, изучая святилища Подонья, обратил внимание на памятник (рис.14, *1-3*), где под насыпью кургана было две ямы. В одной из них (рис.14, *2*), расположенной в стороне от верхушки кургана (как и в комплексе Чограй-IX, к.4), находилось изваяние, практически полностью сокрытое в яме (рис.14, *3, 4*). В самом центре кургана (рис.14, *1*), под насыпью, находилась вторая яма значительных размеров без каких-либо признаков погребения в ней. Однако, если сопоставить святилище Г.Л.Евдокимова и Н.М.Куприй, то можно предположить, что первоначально в центральной яме интересующего нас кургана могло размещаться изваяние, почти полностью (в полный рост) возвышавшееся над окружающей местностью. И только со временем в поле кургана была вырыта вторая яма (рис.14, *4*), куда, очевидно, перенесли и вкопали изваяние с таким расчетом, что оно должно было быть полностью спрятано, сокрыто. В принципе, такая последовательность не исключала возможности сохранения кургана как культовой святыни. Точнее говоря, такая процедура напоминает ритуальное захоронение еще недавно почитавшегося первопредка. В развитие этой мысли рассмотрим и другие святилища Донского региона.

В 1988 и 1992 гг. опубликованы неординарные святилища. В первом из них была обнаружена подквадратная оградка из камней, внутри которой находились сразу четыре половецких изваяния (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992). Во второй, близкой по конструкции оградке, найдено одно изваяние (Волков И.В., Ларенок П.А., 1988).

Оба объекта привлекают к себе внимание не только оригинальностью конструкции, которая, кстати говоря, очень близка оградкам из камней золотоордынского времени, раскопанным в Поволжье и на Южном Урале (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988), постепенно, с рубежа XIII-XIV вв., (Яворская Л.В., 1999) сменившейся традицией возведения оградок из сырца. Особенностью указанных оградок является то, что изваяния внутри них зафиксированы уложенными

плашмя, это еще более напоминает ритуальное захоронение изваяний.

В первом святилище, где хорошо были прослежены ямки-котлованы (рис.15, *2-12*) из-под изваяний, последние в двух случаях лежали на спине, головой на восток, лицевой частью вверх (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.118-119). Такая укладка напоминает традиционное трупоположение, присущее половецким погребальным комплексам. В третьем случае изваяние было разбито (при использовании техники), в результате чего его положение не устанавливается. Четвертое изваяние зафиксировано (при восточной ориентировке) на животе, лицом вниз. В этом следует, на наш взгляд, видеть не безразличие к трупоположению, а целенаправленное действие.

Рассмотрим святилище, обнаруженное в г.Ростове-на-Дону (Волков И.В., Ларенок П.А., 1988). По центру внутреннего периметра каменной оградки размещалось несколько ям, определенных авторами публикации как грабительские. Ямы различались по цвету заполнения, что и позволило исследователям реконструировать систему их перекрытия (рис.17, *1*). В одной из них фиксировались кости животных и угольки (рис.17, *1, 4*). Вероятно, это верхний уровень ямы-котлована святилища. Отмечая перекрытие этими ямами катакомбы эпохи бронзы, исследователи отмечают и находки фрагментов баклажки эпохи хазарского каганата (рис.17, *4*). Отталкиваясь от стратиграфических наблюдений И.В.Волкова и П.А.Ларенка, мы предлагаем следующую реконструкцию функционирования святилища. В половецкое время на погребение с флягой "село" святилище, где в специальной яме первоначально было установлено изваяние, лицом ориентированное практически на восток (рис.17). Со временем изваяние было выкопано и завалено таким образом, что оно оказалось лицевой частью вниз, а головой – на северо-запад (рис.16, *2*).

Ориентировка в сторону запада (с некоторым отклонением к северу – сезонное) может также оказаться не случайной, если учесть то обстоятельство, что в XIV в. значительное количество погребальных комплексов, которые сопоставляются с половецкими, также имеют западную ориентировку.

Правомерность или необоснованность высказанных наблюдений может быть подкреплена либо опровергнута со временем, но пока мы склонны расценивать такую обрядность (вертикально вкопанных или горизонтально уложенных) как захоронения функционально исчерпавших себя изваяний в период, когда они стояли на вершинах курганов.

О времени и возможных причинах захоронения изваяний у половцев (сокрытия святилищ)

Как известно, изготовление изваяний, сооружение святилищ и их почитание связаны с культом первопредка. По крайней мере, так половецкие изваяния и святилища оценивали Г.А.Федоров-Давыдов, С.А.-Плетнева и практически все те, кто занимался этой проблемой. Несмотря на созданные эволюционные ряды половецких статуй (Плетнева С.А., 1958, 1981; Федоров-Давыдов Г.А., 1966 и др.) и альтернативные им подходы (Гераськова Л.С., 1982, 1991), либо же новые уточнения к ним (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000), оценка семантики изваяний половцев остается близкой. К.И.Красильников и Л.И.Тельнова, к примеру, так оценивают половецкую традицию: "...несмотря на типологическое разнообразие статуй, мы убеждены в том, что в скульптурах половцев были заложены два идейных смысла, относящихся к одной и той же языческой вере: во-первых, изваяния ассоциируются у нас со святилищем – местом поклонения и жертвоприношений предкам; во-вторых, статуи – это символы-покровители реальных, знатных из числа аристократии, особо отличившихся воинов. Эти два смысла не исключают возможное многообразие социально-культовых процессов, происходивших в половецком обществе на позднем этапе их развития" (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000, с.243). Солидаризируясь с вышесказанным, мы можем добавить лишь следующее: любые фиксируемые изменения отношения половцев к традиционным культам и божествам вряд ли могли являться следствием лишь политико-экономического подчинения Золотой Орде. Чтобы отказаться от многовековой языческой традиции почитания первопредка, необходимы были причины иного и более глубинного смысла. Скорее всего, это связано с изменениями мировоззренческого характера, когда в рамках Золотой Орды половецкая верхушка, а затем и все остальные социальные структуры этого сообщества были вынуждены приобщаться к новым религиозным веяниям. Но вряд ли все это можно объяснять с позиций процесса всеобщей христианизации половцев, хотя полностью последнего мы не можем отрицать. Общеизвестно, что в литературе существуют разрозненные данные письменных источников, позволяющие исследователям ставить вопрос о существовании подобных попыток не только со стороны православной церкви (Малахов С.Н., 1997, с.135-158), но и со стороны католиков (Князький И.Ю., 1995, с.62, 63). Христиан-половцев в Золотой Орде наблюдал Ибн-Баттута, в 1-й трети XIV в. побывавший на территории Поволжья, а затем и Северного Кавказа (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.306). Характер погребальных памятников, связываемых с половцами XIV в., как будто бы не дает четких примеров для подобного сопоставления. Но в целом ряде случаев в материалах Северного Кавказа мы сталкиваемся с половецкими погребениями, имевшими западную ориентировку и полностью безынвентарными. Но и эти объекты могут трактоваться различно, в том числе связываться с воздействием ислама. Как бы там ни было, но интересующие нас процессы внутренних изменений в половецкой среде XIV в. хорошо описывает арабский

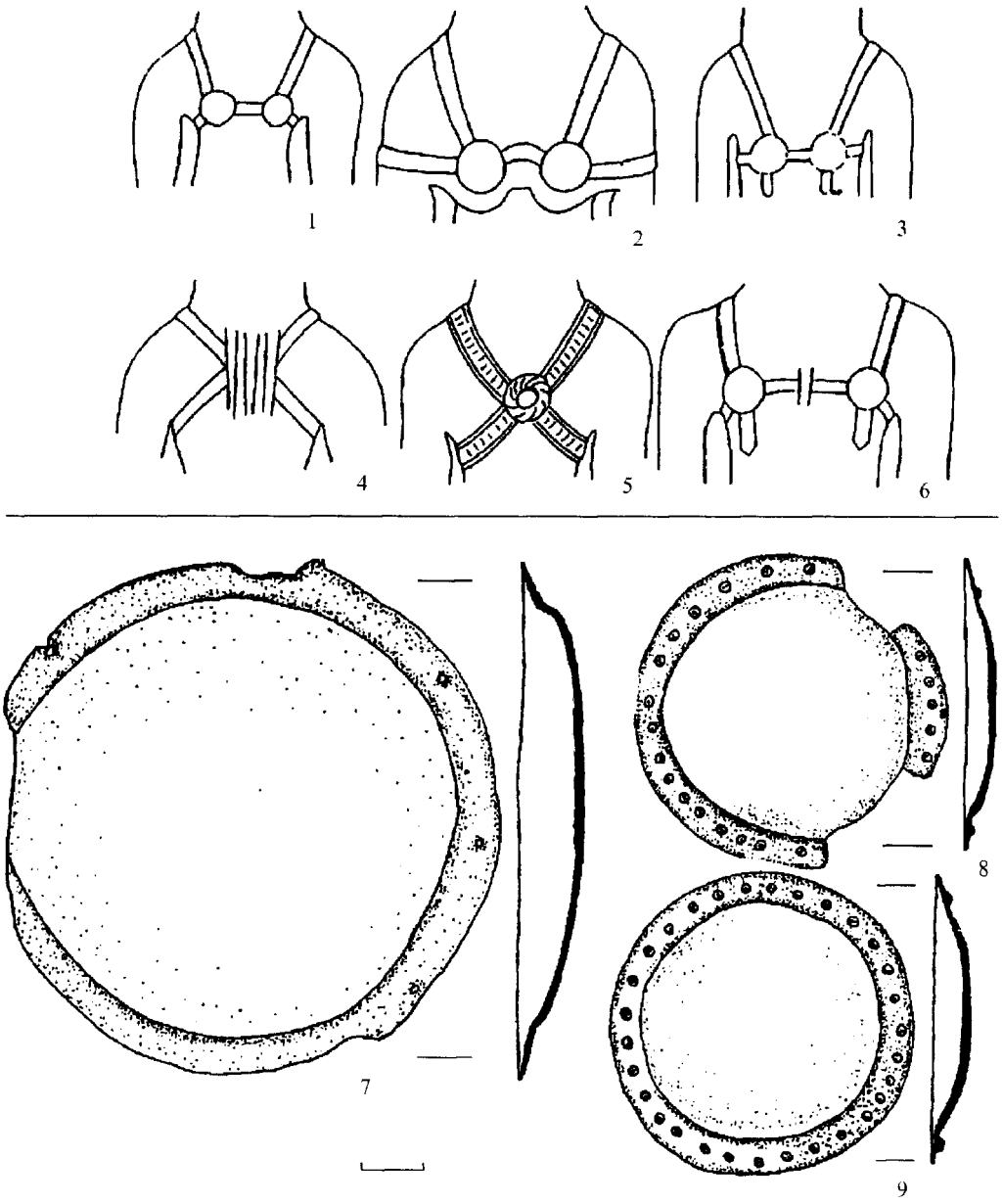

Рис. 1. Бронзовые нагрудные бляхи и их расположение на изваяниях. *1-6 – расположение блях на половецких статуях (по С.А.Плетневой); 7-9 – бронзовые нагрудные бляхи из горной Ингушетии (раскопки Е.И.Нарожного).*

Fig. 1. Bronze chest badges and their position on the statues. *1-6 – badges positions on Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 7-9 – bronze chest badges from the Ingush Republic highlands (excavations by E.I. Narozhny).*

Abb. 1. Brustblechschilder aus Bronze und ihre Lage auf den Steinbildern. *1-6 – die Lage der Blechschilder auf den kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 7-9 – bronzene Brustblechschilder aus Gebirgsinguschetien (Ausgrabungen von E.I. Naroshnij).*

Dess. 1. Plaques pectorales de bronze et leur disposition sur les statues. *1-6 – disposition des plaques sur les statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 7-9 – plaques pectorales de bronze trouvées en Ingouchie montagneuse (fouille de E.I. Narožny)*

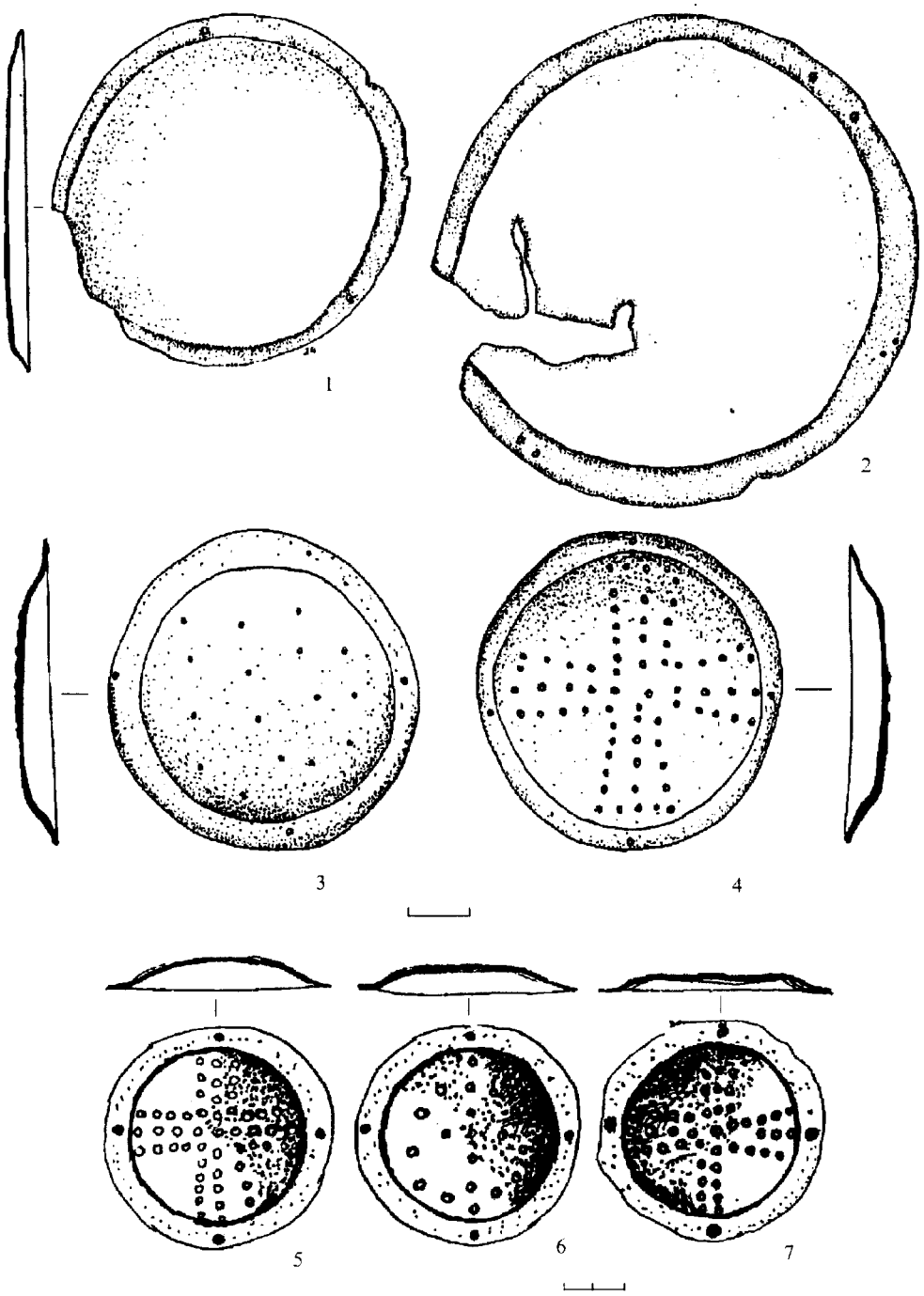

Рис. 2. Бронзовые нагрудные бляхи из горной Ингушетии (Северный Кавказ). *1-7 – бляхи из раскопок Келийского могильника в горной Ингушетии.*

Fig. 2. Bronze chest badges from the mountains of Ingush Republic highlands (The Northern Caucasus). *1-7 – badges found at Keli cemetery of the Ingush Republic highlands.*

Abb. 2. Bronzene Brustblechschilder aus Gebirgsinguschetien (Nordkaukasus). *1-7 – Blechschilder aus den Ausgrabungen des Keli-Grabfeldes in Gebirgsinguschetien.*

Dess. 2. Plaques pectorales de bronze trouvées en Ingouchie montagneuse (Caucase du Nord). *1-7 – plaques issues des fouilles de la nécropole Keli en Ingouchie montagneuse*

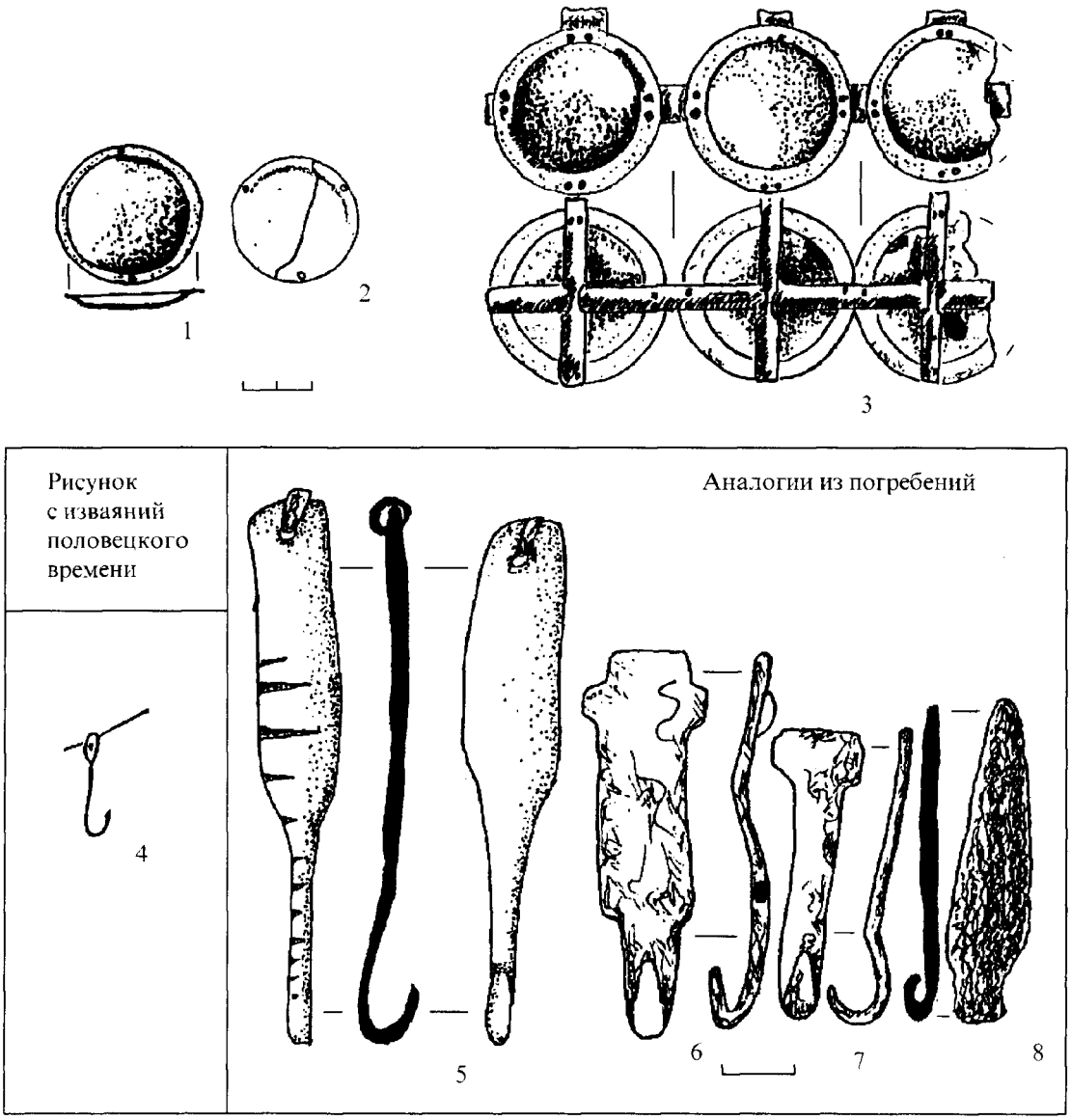

Рис. 3. Бронзовые нагрудные бляхи и крючья из погребений Северного Кавказа. *1-3 – бляхи из погребений Келийского могильника (3 – с кожаными ремнями); 4 – изображение крюка на половецких статуях (по С.А.Плетневой); 5-8 – бронзовый (5) и железные (6-8) крючья из женских захоронений Келийского могильника в горной Ингушетии.*

Fig. 3. Bronze chest badges and hooks from interments of the Northern Caucasus. *1-3 – badges from Keli cemetery (3 – with leather straps); 4 – picture of a hook on Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 5-8 – bronze (5) and iron (6-8) hooks from women's burials of Keli cemetery in the Ingush Republic highlands.*

Abb. 3. Bronzene Brustblechschilder und Haken aus den Bestattungen im Nordkaukasus. *1-3 – Blechschilder aus dem Keli-Grabfeld (3 – mit Lederriemen); 4 – Hakenbild an kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 5-8 – Bronzehaken (5) und Eisenhaken (6-8) aus Frauenbestattungen im Keli-Gräberfeld in Gebirgsinguschetien.*

Dess. 3. Plaques pectorales de bronze et des crochets trouvés dans des tombeaux du Caucase du Nord. *1-3 – plaques appartenant à la nécropole de Keli (3 – avec des ceintures de cuir); 4 – image du crochet sur les statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 5-8 – Crochets de bronze (5) et de fer (6-8) issus des sépultures féminines de la nécropole de Keli en Ingouchie montagneuse*

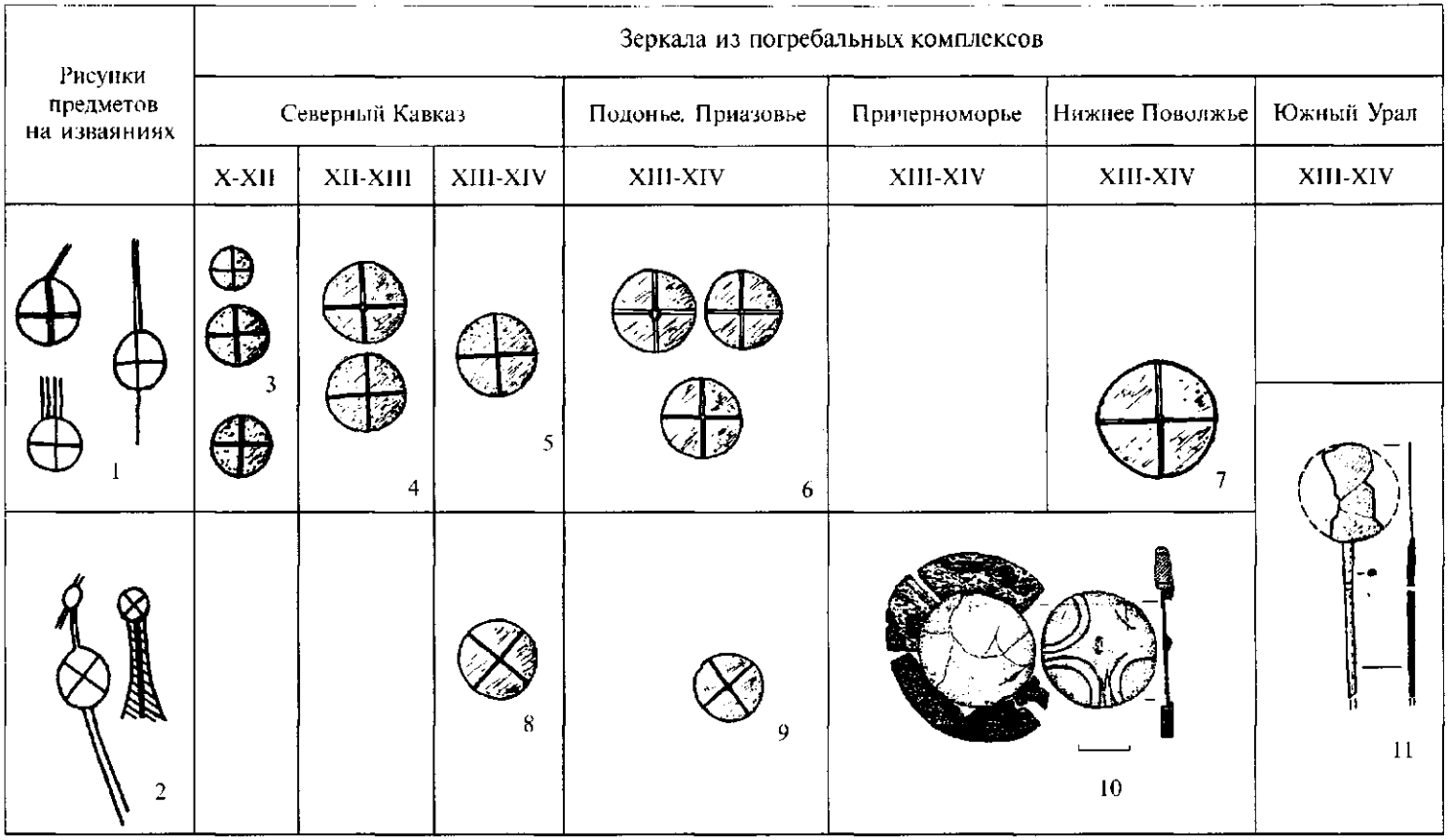

Рис. 4. Зеркала X-XIV вв. Восточной Европы. *1-2 – прорисовки зеркал с изваяний (по С.А.Плетневой); 3-11 – зеркала из погребальных комплексов.*

Fig. 4. Metal mirrors of Xth-XIVth cc from Eastern Europe. *1-2 – drawings of mirrors from statues (according to S.A.Pletneva); 3-11 – mirrors from burial complexes.*

Abb. 4. Metallspiegel, Osteuropa, 10. bis 14. Jh. *1-2 – Abzüge der Spiegel von Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 3-11 – Spiegel aus Grabkomplexen.*

Dess. 4. Miroirs métalliques des X-XIV siècles du territoire de l' Europe de l'Est. *1-2 – croquis des miroirs sur les statues (d'après S.A.Pletneva); 3-11 – miroirs issus des complexes funéraires*

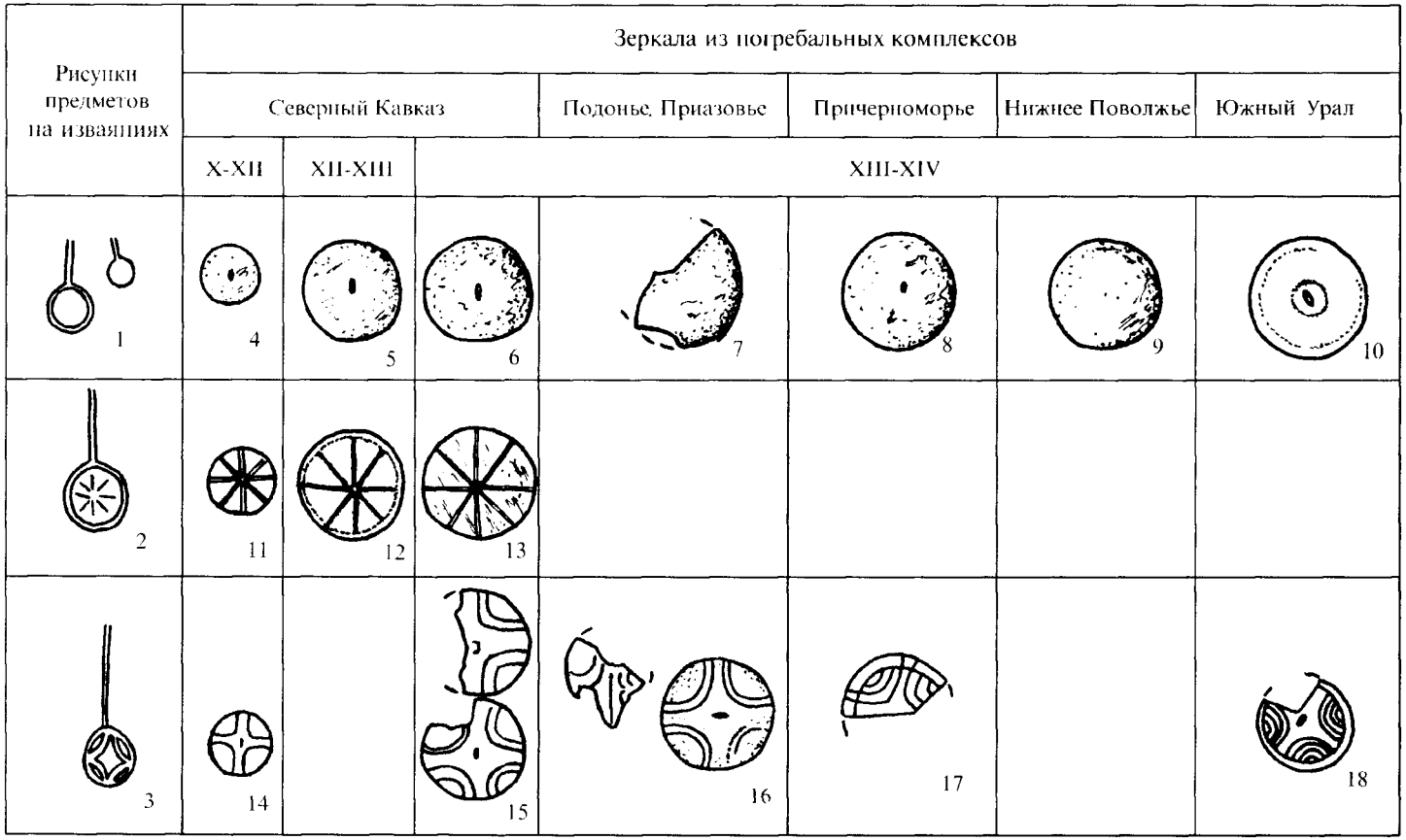

Рис. 5. Зеркала X-XIV вв. Восточной Европы (продолжение). *1-3 – зеркала с половецких изваяний (по С.А.Плетневой); 4-18 – зеркала из погребальных комплексов.*

Fig. 5. Metal mirrors of Xth-XIVth cc from Eastern Europe (continued). *1-3 – mirrors from Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 4-18 – mirrors from burial complexes.*

Abb. 5. Metallspiegel aus Osteuropa (10. bis 14. Jh.) (Fortsetzung). *1-3 – Spiegel von kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 4-18 – Spiegel aus Grabkomplexen.*

Dess. 5. Miroirs métalliques des X-XIV siècles du territoire de l'Europe de l'Est (suite). *1-3 – miroirs des statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 4-18 – miroirs des complexes funéraires*

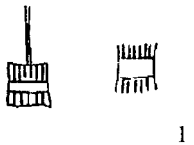
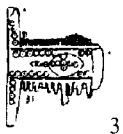
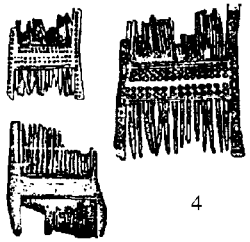
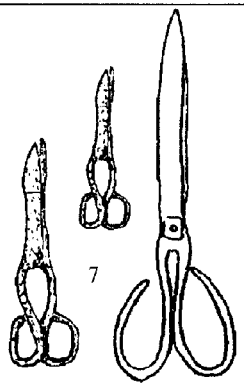
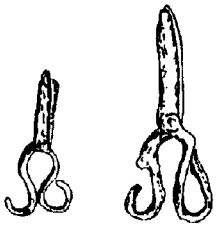
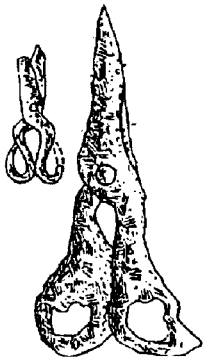
Рисунки предметов с изваяний	Находки из погребальных комплексов			
	Северный Кавказ	Подонье, Приазовье	Нижнее Поволжье	Южный Урал
	XIII-XIV	XIII-XIV	XIII-XIV	XIII-XIV
 1	 3	 4		 5
 2	 6	 7	 8	 9

Рис. 6. Деревянные гребни и портняжные ножницы Восточной Европы эпохи средневековья. *1-2 – изображения на половецких изваяниях (по С.А.Плетневой); 3-9 – находки из погребальных комплексов.*

Fig. 6. Medieval wooden combs and tailor's scissors from Eastern Europe the period of Middle Ages. *1-2 – pictures on Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 3-9 – findings from burial complexes.*

Abb. 6. Holzkämme und Schneiderscheren, Osteuropa, Mittelalter. *1-2 – Darstellungen an kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 3-9 – Funde aus Grabkomplexen.*

Dess. 6. Peignes de bois et ciseaux de tailleur de l'Europe de l'Est à l'époque du Moyen Age. *1-2 – images sur les statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 3-9 – trouvailles des complexes funéraires*

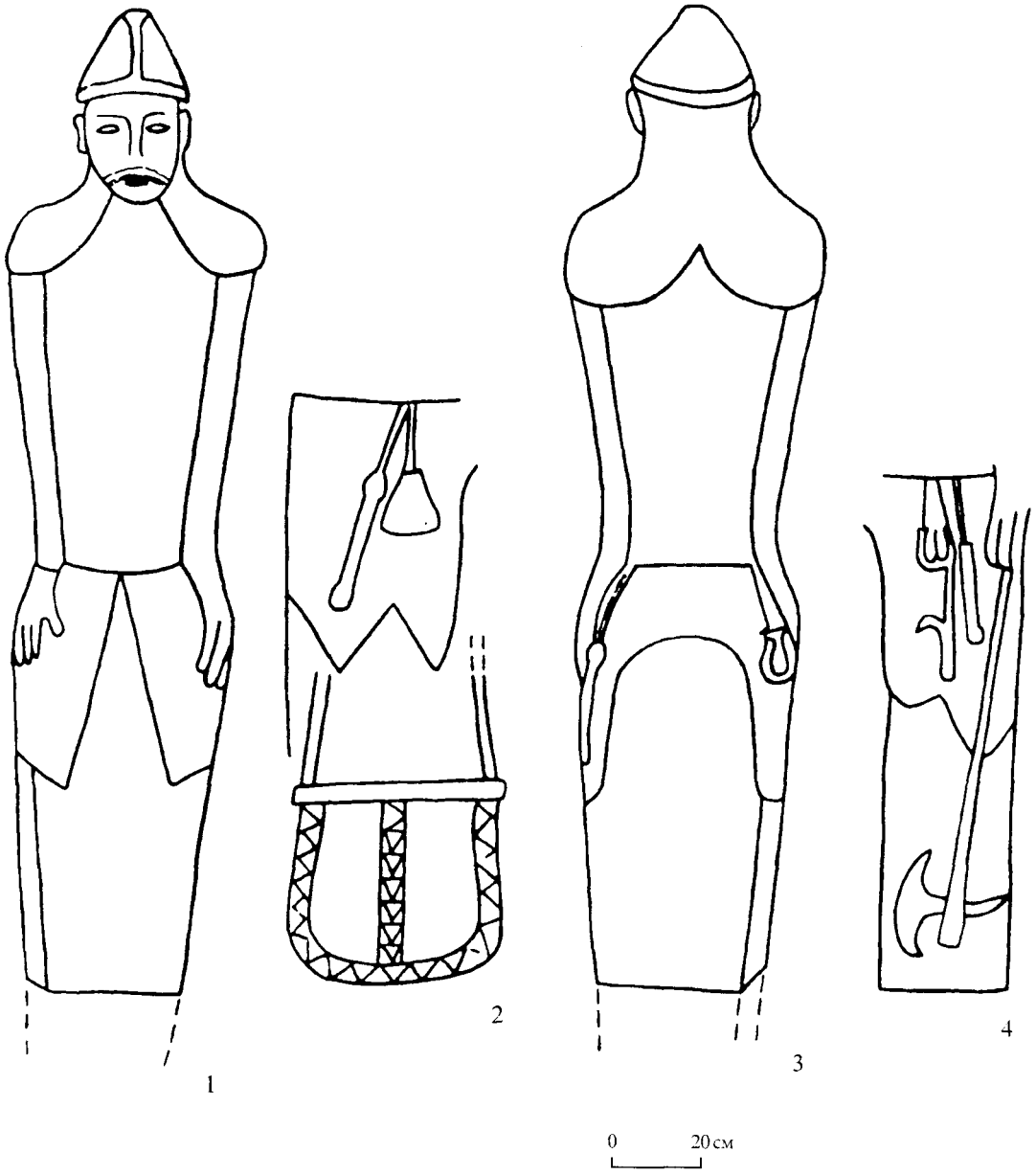

Рис. 7. Каменное изваяние из Черкесского музея (рисунок Т.М.Минаевой).
Fig. 7. Stone statue from Cherkessk Museum (drawing by T.M.Minaeva).
Abb. 7. Die Steinskulptur aus Tscherkessker Museum (Bild von T.M.Minajewa).
Dess. 7. Statue de pierre du musée de Čerkesk (dessin de T.M.Minaeva)

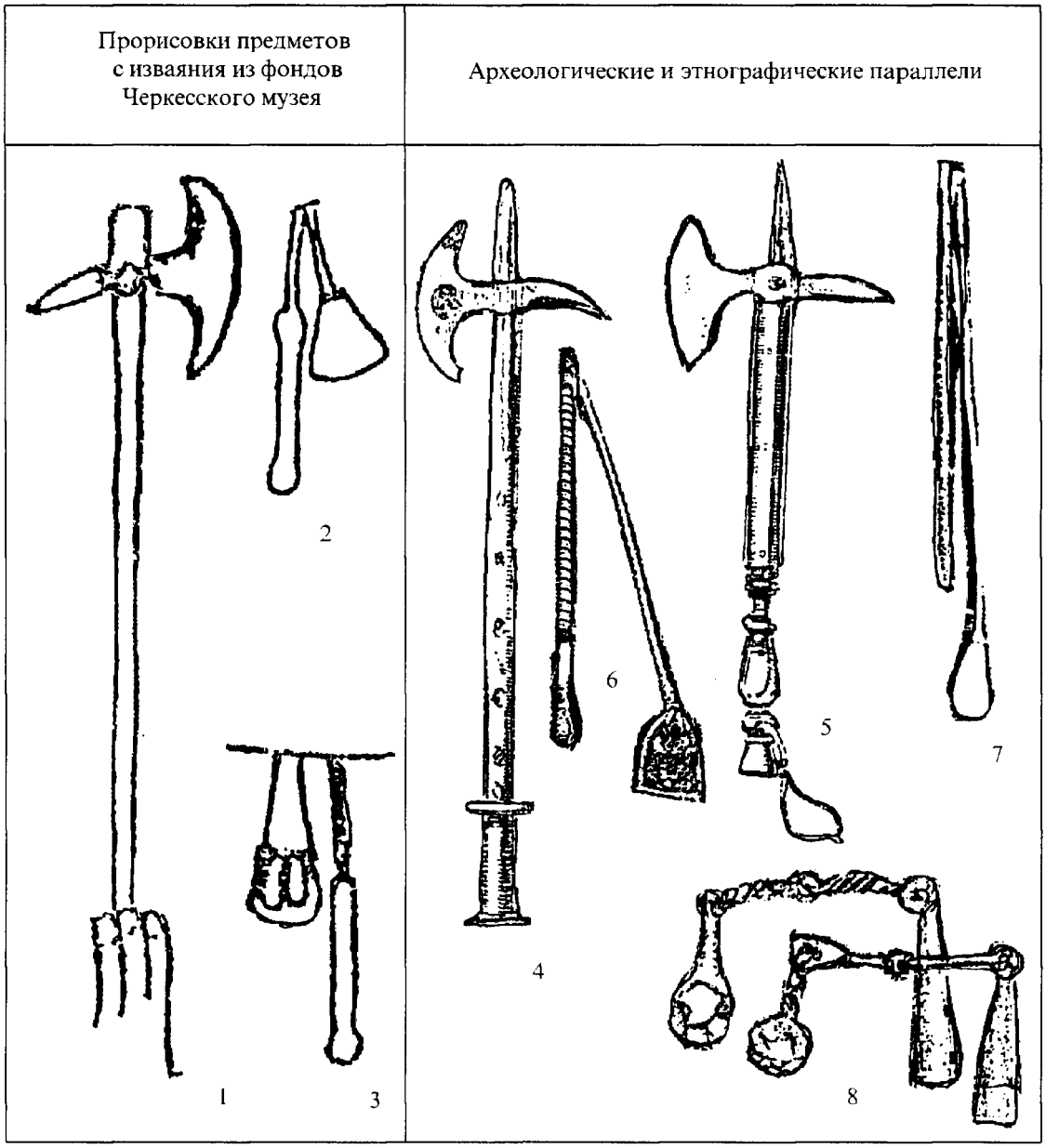

Рис. 8. Предметы воинского снаряжения с изваяния из Черкесского музея и их археологические аналогии. *1-3 – прорисовки изображений с изваяния (по Т.М.Минаевой); 4-5 – Западная Европа; 6-7 – Северный Кавказ; 8 – Волжская Булгария.*

Fig. 8. Articles of warrior's kit on a statue from Cherkessk Museum and their archaeological analogues. *1-3 – drawings of statue (according to T.M.Minaeva); 4-5 – Western Europe; 6-7 – Northern Caucasus; 8 – Bulgaria on the Volga.*

Abb. 8. Gegenstände der Kampfrüstung vom Steinbild im Tscherkesser Museum und ihre archäologischen Analoga. *1-3 – Abzüge der Darstellungen von einem Steinbild (nach T.M. Minaeva); 4-5 – Westeuropa; 6-7 – Nordkaukasus; 8 – Wolgabulgarien.*

Dess. 8. Objets de l'équipement de guerrier de la statue du musée de Ĉerkesk et ses analogies archéologiques. *1-3 – croquis des images de la statue (d'après T.M.Minaeva); 4-5 – Europe occidentale; 6-7 – Caucase du Nord; 8 – Bulgarie sur la Volga*

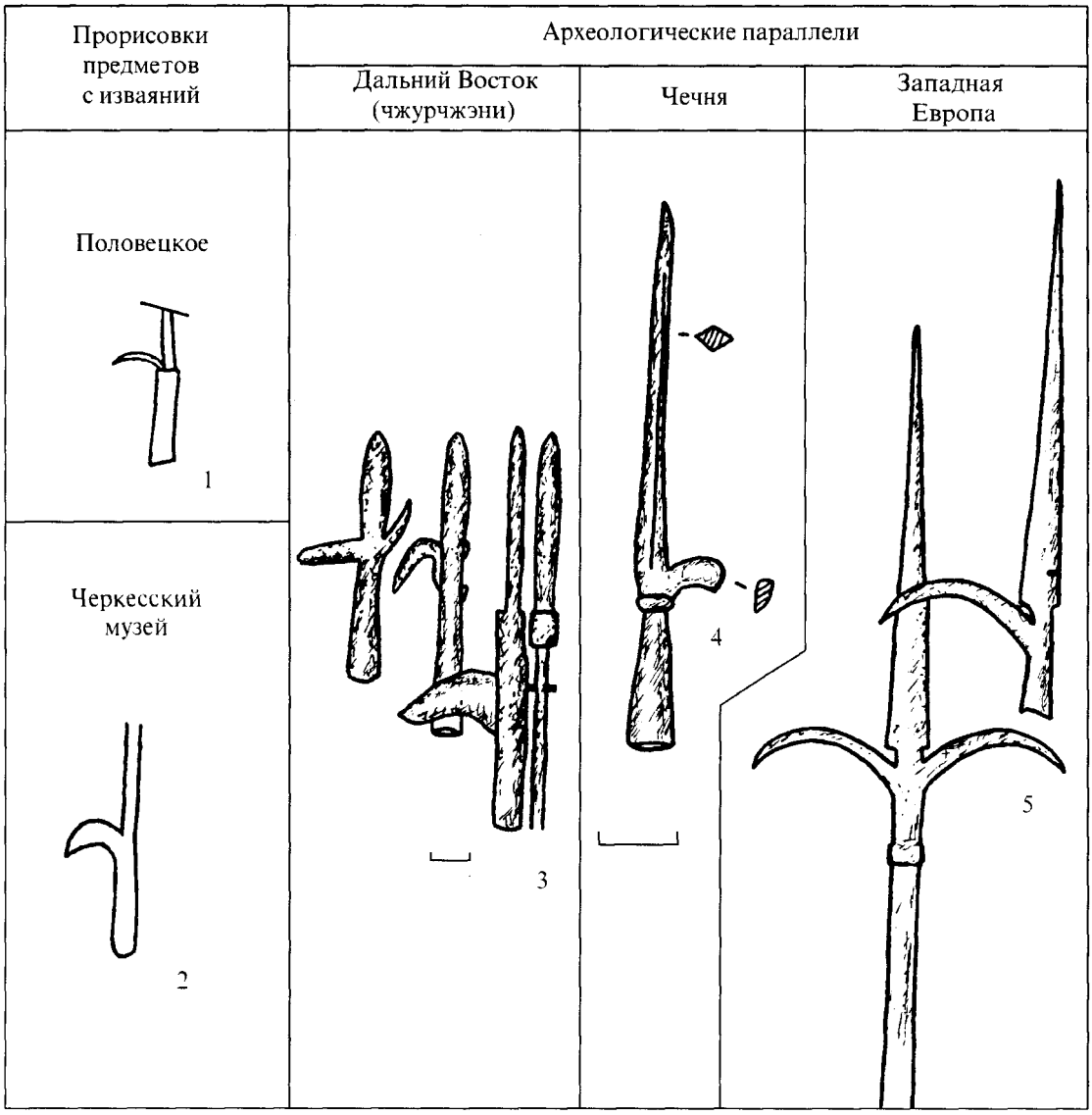

Рис. 9. Предметы воинского снаряжения с изваяний и их археологические аналогии. *1 – крюк с половецких изваяний (по С.А.Плетневой); 2 – крюк с изваяния из Черкесского музея; 3 – копья с Дальнего Востока (по Е.И.Деревянко); 4 – копье с территории Чечни; 5 – предметы вооружения из Западной Европы.*

Fig. 9. Articles of warrior's kit on statues and their archaeological analogues. *1 – hook from Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 2 – hook from a statue in the Cherkessk Museum; 3 – spears from the Far East (according to E.I.Derevianko); 4 – spear from the territory of Chechnya; 5 – armament articles from Western Europe.*

Abb. 9. Gegenstände der Kriegerausrüstung von Steinbildern und ihre archäologischen Analoga. *1 – Haken an Kumanen-Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 2 – Haken von einem Steinbild im Tscherkesser Museum; 3 – Speere aus dem Fernen Osten (nach E.I. Derevjanko); 4 – Speer aus Tschetschnja; 5 – Rüstungsgegenstände aus Westeuropa.*

Dess. 9. Eléments de l'équipement de guerrier des statues et leurs analogues archéologiques. *1 – crochet des statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 2 – crochet de la statue du musée de Ĉerkesk; 3 – lances de l'Extrême-Orient (d'après E.I.Derevânko); 4 – lance du territoire de Ĉeĉenie; 5 – pièces d'armes de l'Europe occidentale*

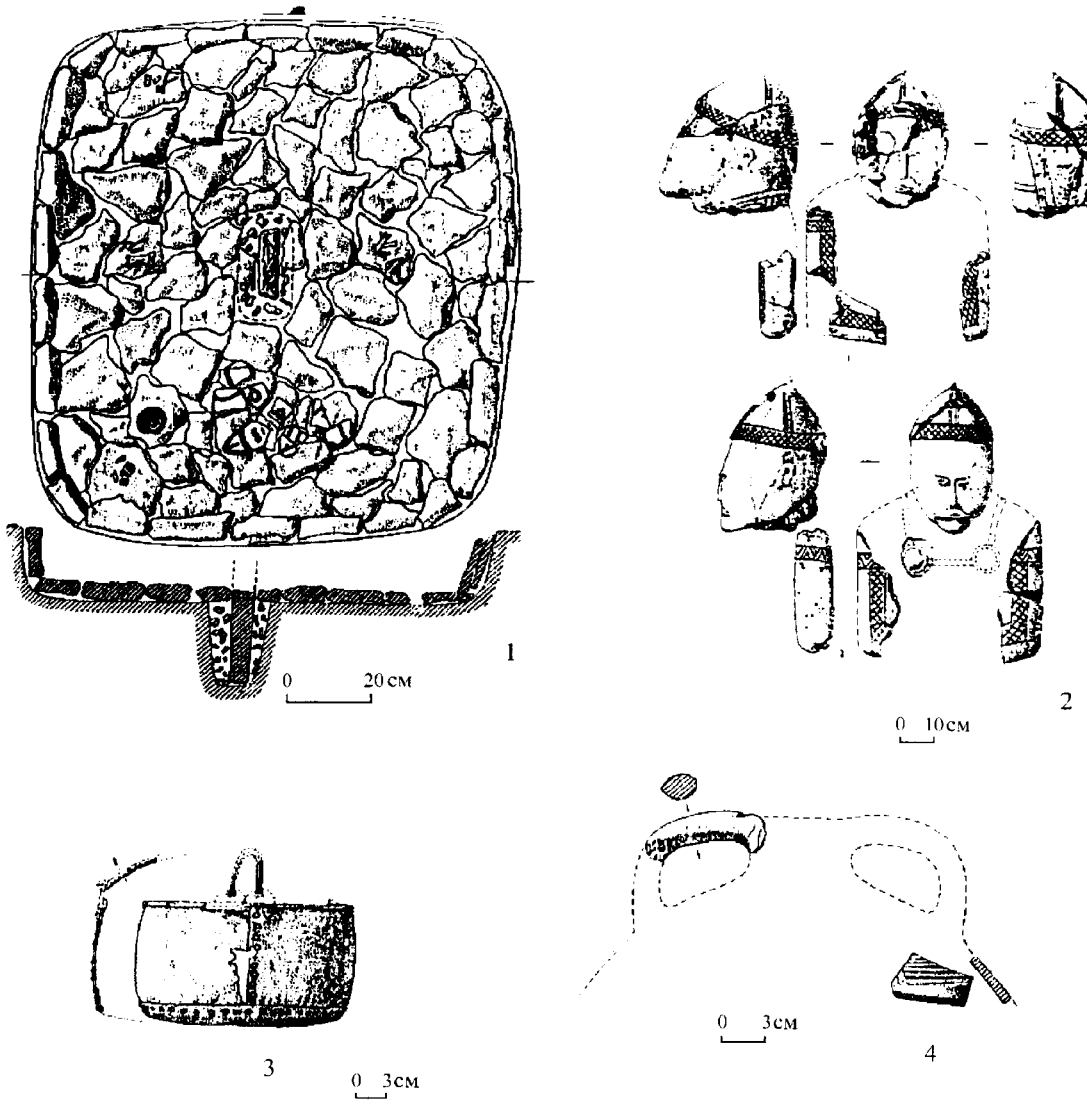

Рис. 10. Половецкое святилище Первомаевка-I, к.4 (Причерноморье) (рис. Г.Л.Евдокимова и Н.М.Куприй). *1 – святилище; 2 – фрагменты изваяний; 3 – бронзовый котел; 4 – фрагмент амфоры.*

Fig. 10. Polovets sanctuary Pervomayevka-I, burial mound 4 (Black Sea Region) (drawing by G.L.Evdokimov and N.M.Kupria). *1– Sanctuary; 2 – fragments of statues; 3 – bronze cauldron; 4 – fragment of amphora.*

Abb. 10. Sanktuarium der Kumanen Pervomaevka-1, Kurgan 4 (Schwarzmeerraum) (Bd. von G.L. Jevdokimov und N.M. Kuprij). *1 – Sanktuarium; 2 – Bruchstücke der Steinbilder; 3 – Bronzekessel; 4 – eine Amphorascherbe.*

Dess. 10. Sanctuaire poloveckien Pervomaêvka-I, tumulus 4 du bord de la mer Noire (dessin de G.L.Evdokimov et de N.M.Kuprij). *1 – sanctuaire; 2 – fragments de statues; 3 – chaudron de bronze; 4 – fragment d'amphore*

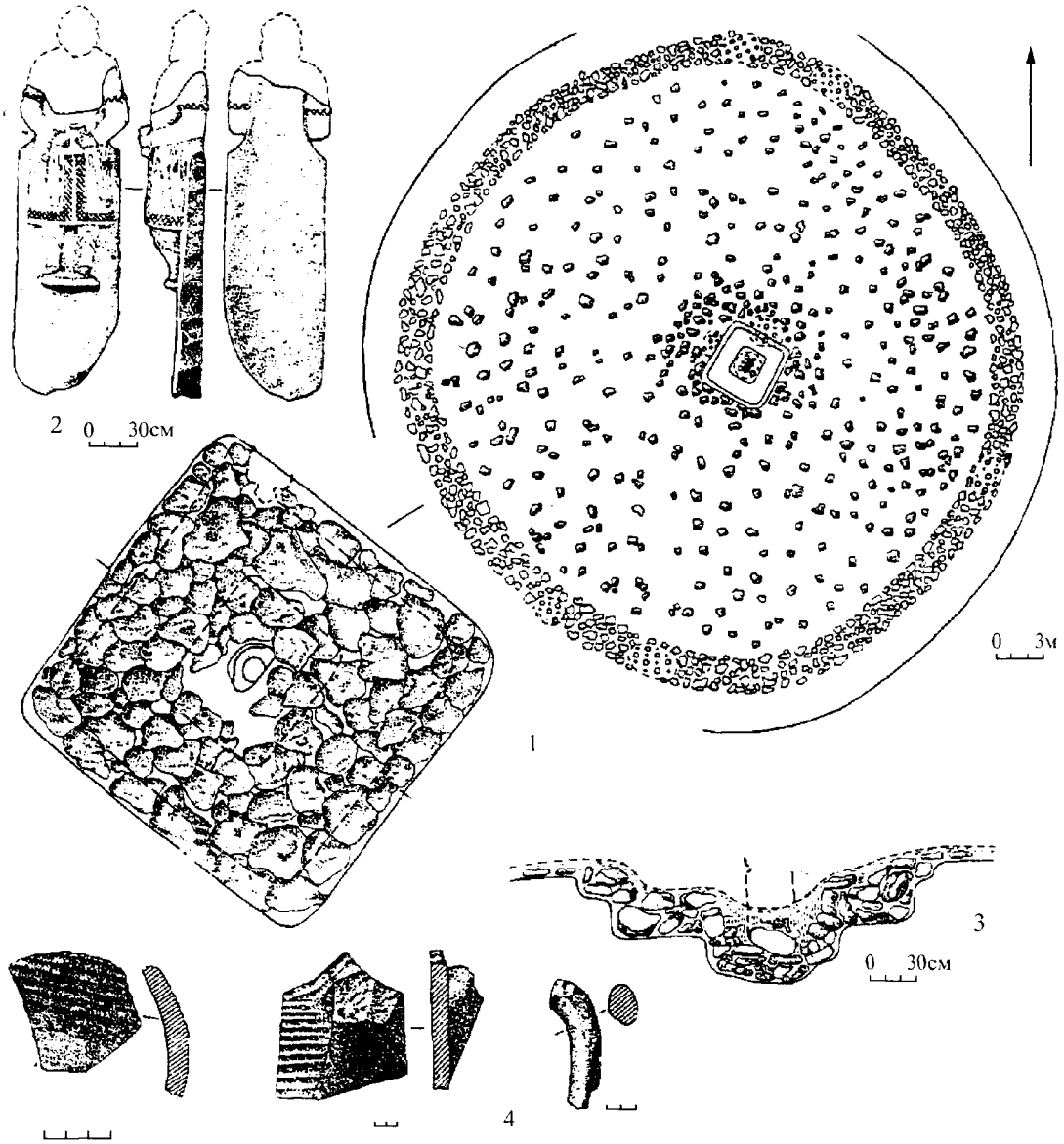

Рис. 11. Половецкое святилище Львово-II, к. 13 (Причерноморье) (рис. Г.Л.Евдокимова и Н.М.Куприй). *1 – святилище; 2 – каменное изваяние; 3 – разрез святилища; 4 – фрагменты керамики.*

Fig. 11. Polovets sanctuary L'vovo-II, burial mound 13 (Black Sea Region) (drawings by G.L.Evdokimov and N.M.Kupria). *1 – sanctuary; 2 – stone statue; 3 – sanctuary section; 4 – fragments of ceramics.*

Abb. 11. Sanktuarium der Kumanen Lvovo-II, Kurgan 13 (Schwarzmeerraum) (Bd. von G.L. Jevdokimov und N.M. Kuprij). *1 – Sanktuarium; 2 – Steinbild; 3 – Querschnitt des Sanktuariums; 4 – Keramikscherben.*

Dess. 11. Sanctuaire poloveckien Lvovo-II, tumulus 13 du bord de la mer Noire (Dessin de G.L.Evdokimov et de N.M.Kuprij). *1 – sanctuaire; 2 – statue en pierre; 3 – section du sanctuaire; 4 – fragments de céramiques*

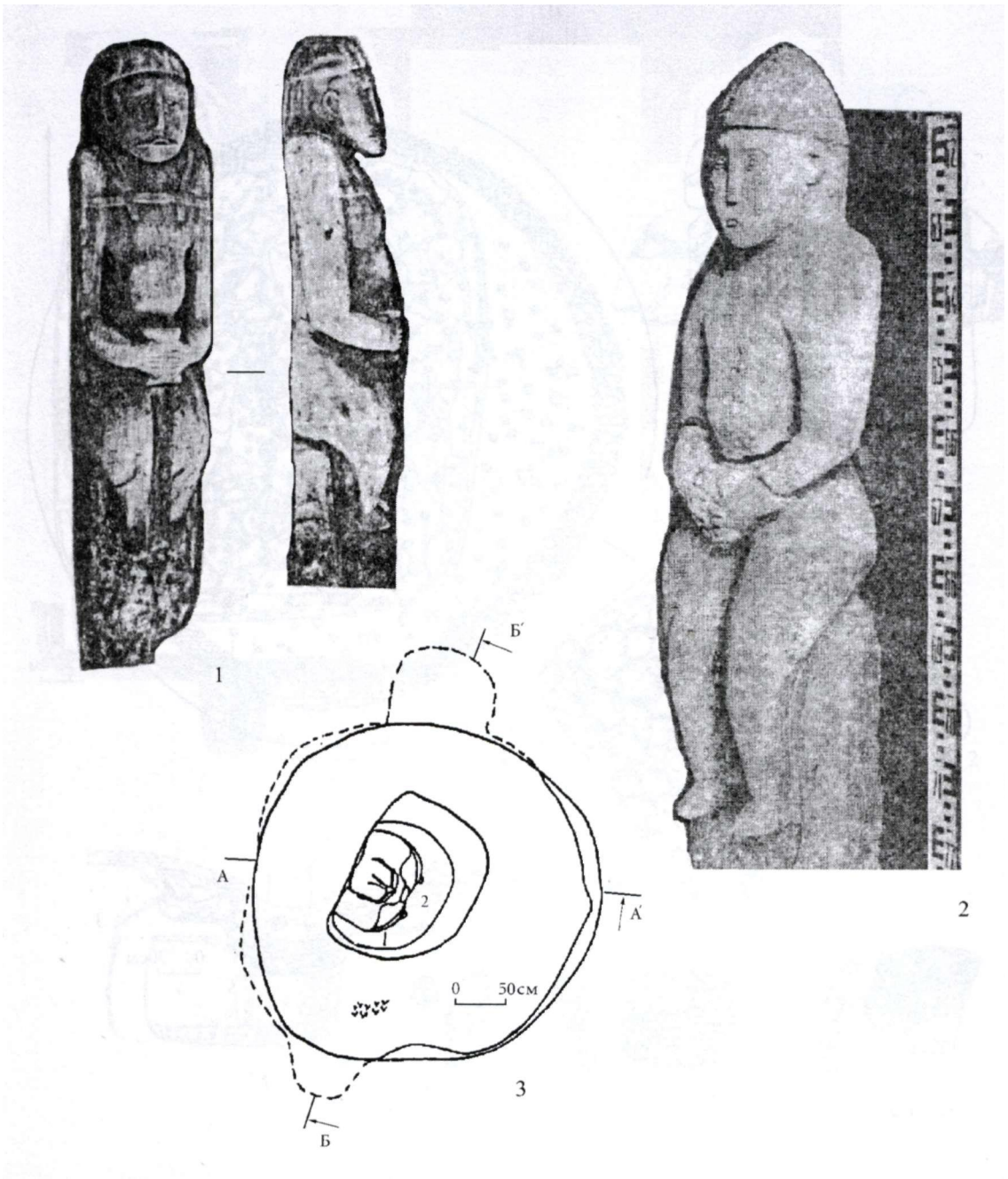

Рис. 12. Половецкие памятники Ставрополья. *1 - изваяние из раскопок Т.В.Мирошиной (Бешпагир); 2 - изваяние из святилища Чограй-IX, к.4 (по А.Г.Атавину и М.В.Андреевой); 3 - план ямы из святилища.*

Fig. 12. Polovets antiquities from Stavropol region. *1 - statue from excavations by T.V.Miroshina (Beshpagir); 2 - statue from a sanctuary Chograj-IX, burial mound 4 (according to A.G.Atavin and M. V.Andreeva); 3 - sanctuary pit layout.*

Abb. 12. Kumanen-Denkmaler aus dem Gebiet Stawropol. *1 - Steinbild aus den Ausgrabungen von T. W. Miroschina (Beschpagir); 2 - Steinbild aus dem Sanktuarium Tschograj-IX, Kurgan 4 (nach A.G. Atavin und M. V. Andrejeva); 3 - Grubenplan des Sanktuariums.*

Dess. 12. Antiquites poloveckiennes du territoire de Stavropolje. *1 - statue desfouilles de T.V.Mirvsina (Bespagir); 2 - Statue du sanctuaire Cograj-lX, tumulus 4 (d'apres A.G. Atavin et M. VAndreeva); 3 - plan de la fosse du sanctuaire*

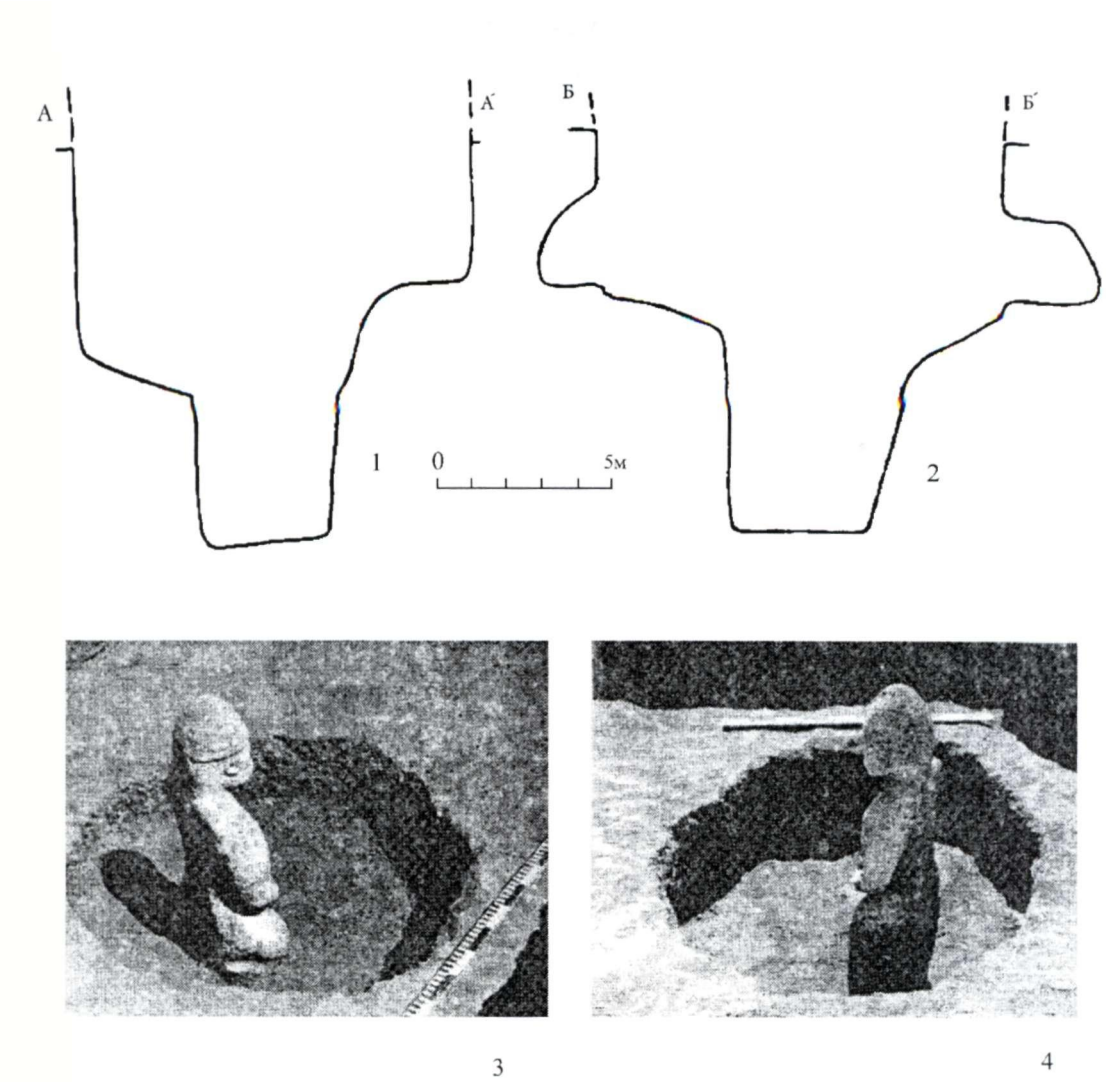

Рис. 13. Половецкое святилище Чограй-1Х, к.4 (Ставрополье). *1-2 - разрезы; 3-4 - фото святилища (1-4 - по А.Г.Атавину и М.В.Андреевой).*

Fig. 13. Polovets sanctuary Chograj-ГХ, burial mound 4 (Stavropol region). *1-2 - section;. 3-4-photo of the sanctuary (1-4 - according to A.G.Atavin and M. V.Andreeva).*

Abb. 13. Sanktuarium der Kumanen Tschograj-IX, Kurgan 4 (Gebiet Stawropol). *1-2 - Querschnitte; 3-4 - Foto des Sanktuariums (1-4 nach A.G. Atavin und M. V. Andrejeva).*

Dess. 13. Sanctuaire poloveckien Cograj-IX, t. 4 de Stavropolje. *1-2 - sections; 3-4 - cliche du sanctuaire (1-4 d'apres A.G.Atavin et M.V.Andreeva)*

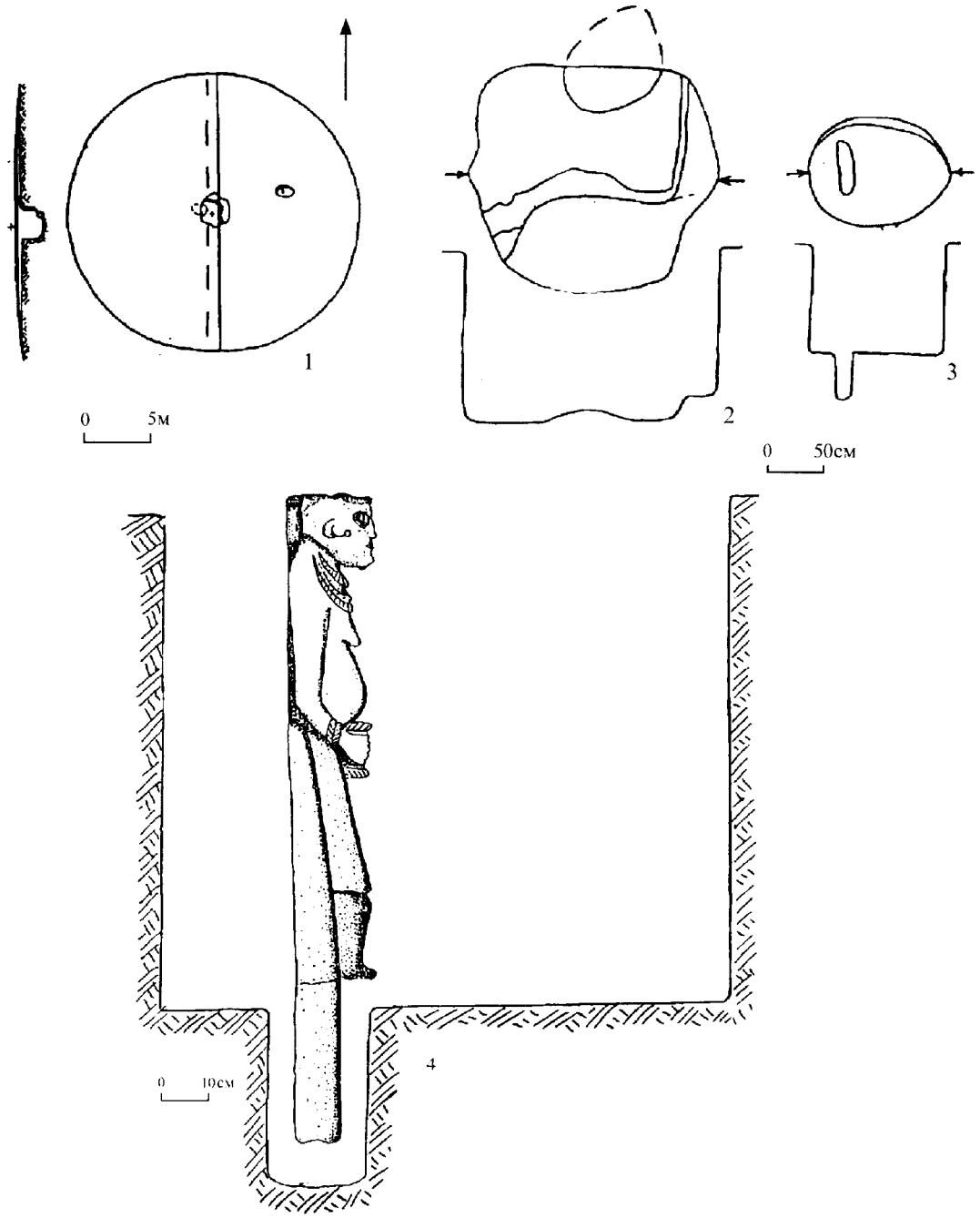

Рис. 14. Святилище Потайной-II, к.5. *1 – план и профиль кургана; 2-3 – планы и разрезы ям № 1 и № 2; 4 – реконструкция расположения изваяния в яме № 2 (1-4 – по С.В.Гуркину).*

Fig. 14. Sanctuary Potainoj-II, barrow 5. *1 – plan and cross section of the burial mound; 2-3 – plans and sections of pits № 1 and № 2; 4 – a statue position in pit № 2 (reconstruction) (1-4 – according to S.V.Gurkin)*

Abb. 14. Sanktuarium Potajnoj-II, Kurgan 5. *1 – der Plan und das Profil des Hügelgrabs; 2-3 – Pläne und Durchschnitte der Gruben № 1 und № 2; 4 – Rekonstruktion der Skulpturlage in der Grube № 2 (1-4 – nach S.V.Gurkin).*

Dess. 14. Sanctuaire du Potajnoj-II, t.5. *1 – plan et profil du tumulus; 2-3 – plans et sections des fosses 1 et 2; 4 – reconstruction de la disposition de la statue dans la fosse 2 (1-4 d'après S.V.Gurkin)*

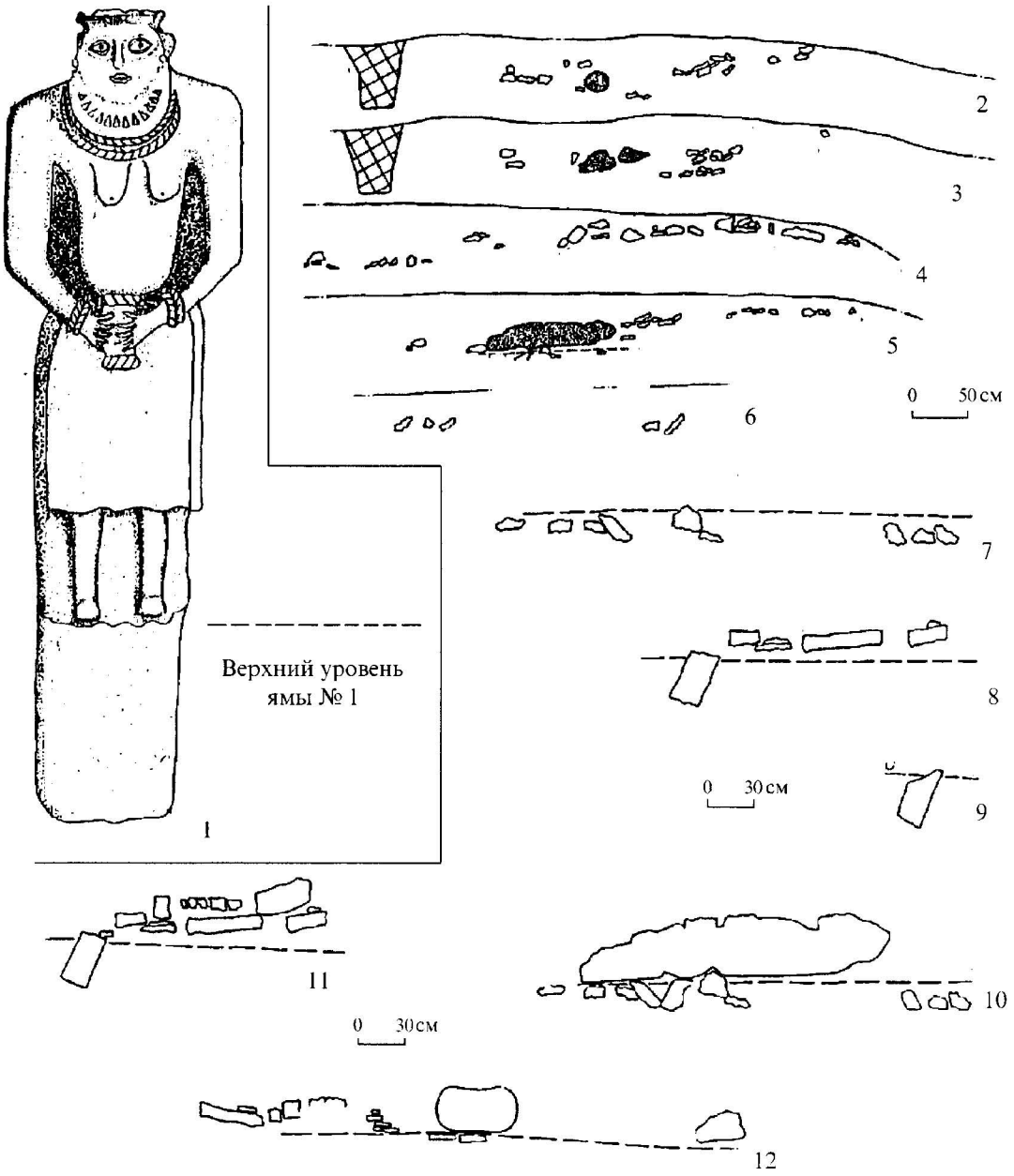

Рис. 15. Расположение изваяний в донских святилищах. *1 – реконструкция положения изваяния в яме № 1 святилища Потайной-II, к.5.; 2-11 – ямы-котлованы из-под изваяний и расположение изваяний в святилище г.Ростова-на-Дону (по Ю.К.Гугуеву и С.В.Гуркину).*

Fig. 15. Positions of statues in sanctuaries of the Don basin. *1 – reconstruction of a statue position in pit No1 of the sanctuary Potainoj-II, burial mound 5; 2-11 – pits for "buried" statues and positions of the statues in the sanctuary on Rostov-on-Don territory (according to Y.K.Guguev and S.V.Gurkin).*

Abb. 15. Lageplan der Steinbilder in den Sanktuarien des Donraumes. *1 – Rekonstruktion der Lage des Steinbildes in der Grube 1 des Sanktuariums Potajnoj-II, Kurgan 5; 2-11 – Steinbildgruben und Lage der Steinbilder im Sanktuarium von Rostow/Don (nach J.K. Gugujev und S.V. Gurkin).*

Dess. 15. Emplacement des statues dans les sanctuaires du Don. *1 – reconstruction de l'emplacement de la statue dans la fosse 1 Potajnoj-II, tumulus 5; 2-11 – fosse-trou de statues et emplacement des statues dans le sanctuaire du territoire de la ville de Rostov-sur-le Don (d'après U.K.Guguêv et S.V.Gurkin)*

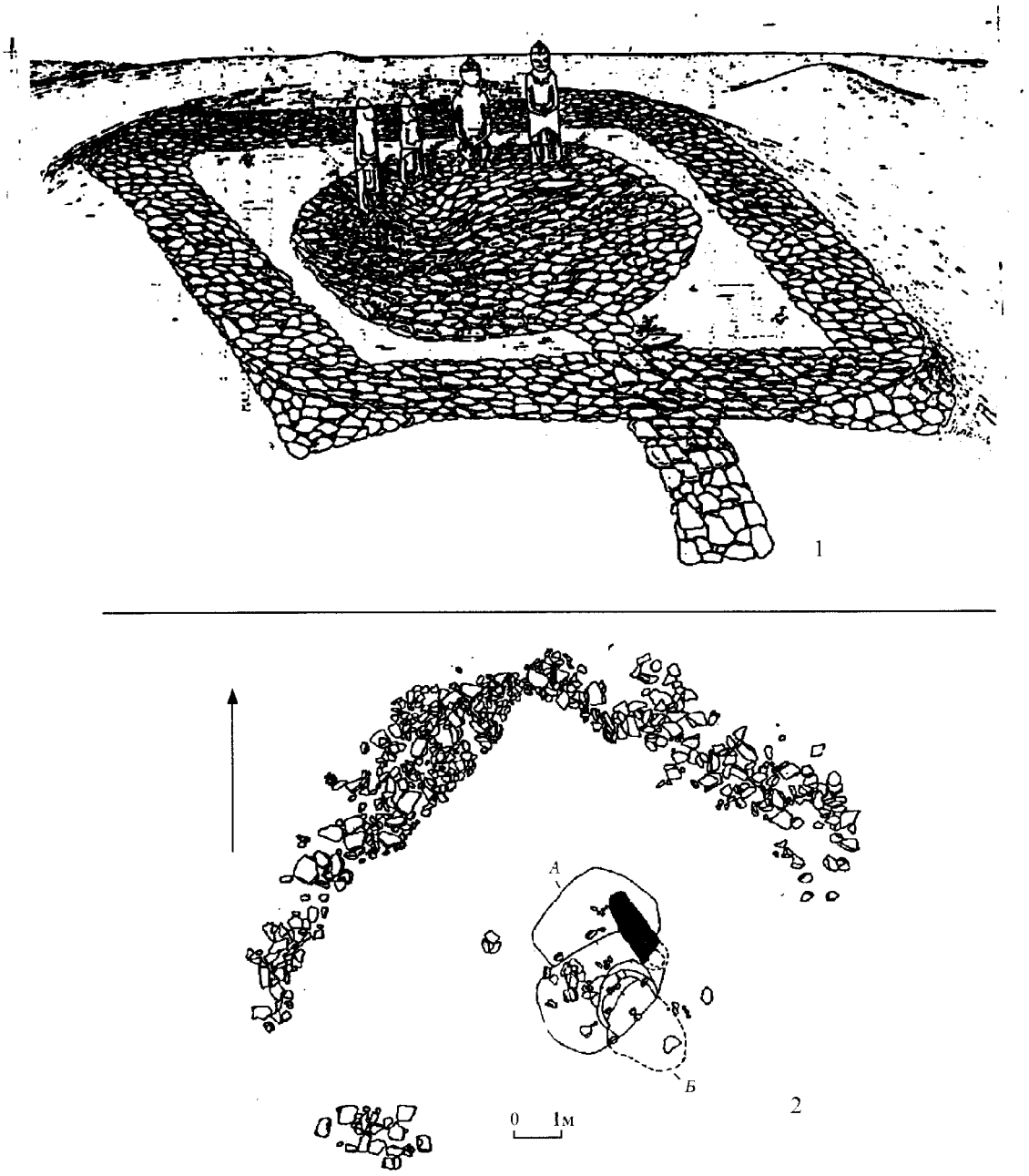

Рис. 16. Половецкие святилища г.Ростова-на-Дону. *1 – реконструкция внешнего вида святилища Ливенцовский-VII, к.2 (по Ю.К.Гугуеву и С.В. Гуркину); 2 – план святилища (по И.В.Волкову и П.А.Ларенок).*

Fig. 16. Polovets sanctuaries in Rostov-on-Don. *1 – exterior of the sanctuary Liventsovskij-VII, burial mound 2 reconstructed (according to Y.K.Guguev and S.V.Gurkin); 2 – sanctuary layout (according to I.V.Volkov and P.A.Laryenok).*

Abb. 16. Kumanen-Sanktuarien der Stadt Rostow/Don. *1 – Rekonstruktion des Aussehens des Sanktuariums Livenzowski-VII, Kurgan 2 (nach J.K. Gugujev und S.V. Gurkin); 2 – Lage des Sanktuariums (nach I.V. Volkov und P.A. Larenok).*

Dess. 16. Sanctuaires poloveckiens de la banlieue de la ville de Rostov-sur-le Don. *1 – reconstruction de l'extérieur du sanctuaire Livencovskij-VII, tumulus 2 (d'après U.K.Guguêv et S.V.Gurkin); 2 – plan du sanctuaire (d'après I.V.Volkov et P.A.Larenok)*

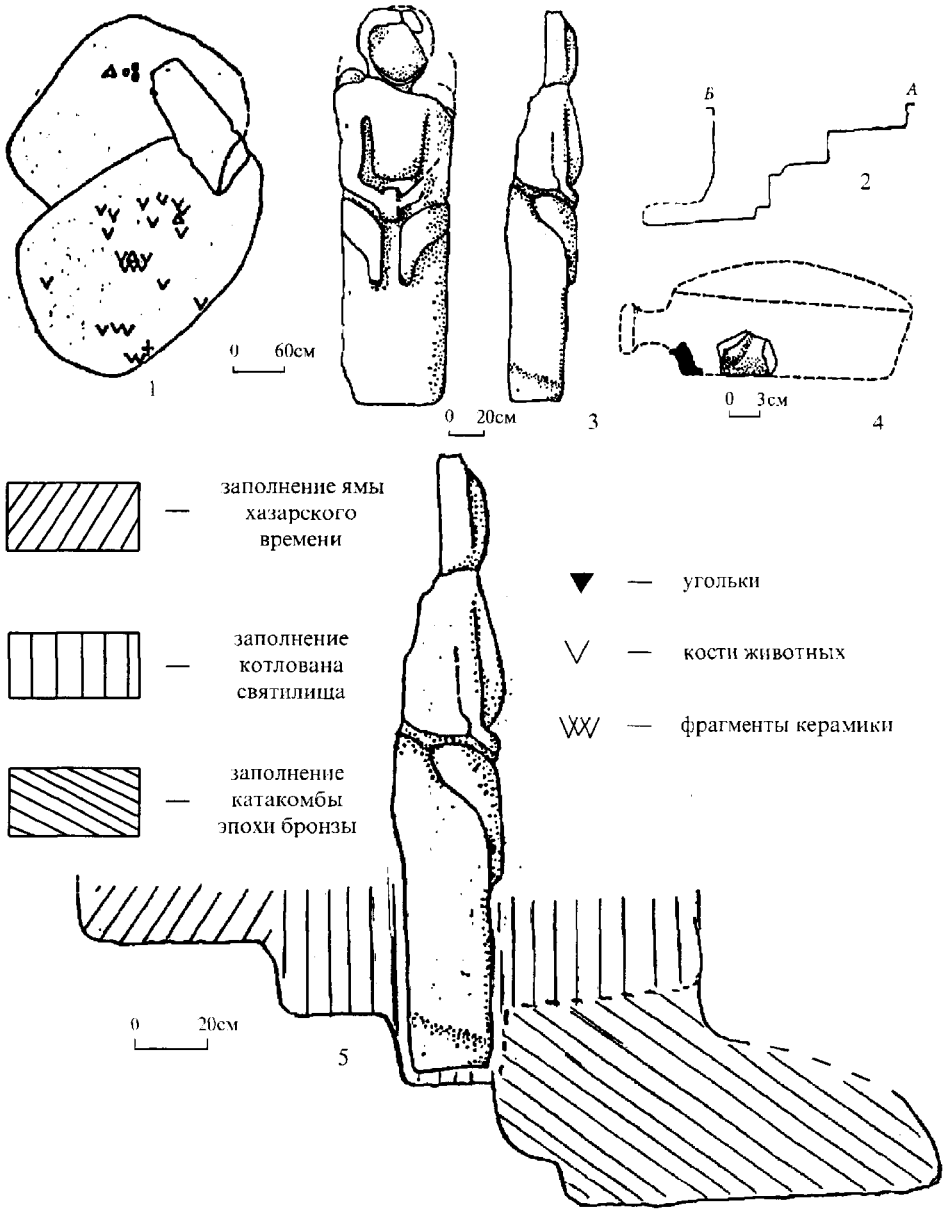

Рис. 17. Половецкое святилище из Ростова-на-Дону. Детали. *1 – план ям котлована святилища; 2 – разрез ямы; 3 – изваяние; 4 – фляжка хазарского времени (по И.В.Волкову и П.А.Ларенок); 5 – реконструкция первоначального расположения изваяния и перекрывание ям эпохи бронзы, хазарского времени и котлована святилища.*

Fig. 17. Polovets sanctuary in Rostov-on-Don. Details. *1 – sanctuary pits layout; 2 – pit section; 3 – statue; 4 – flask of the Khazarian time (according to I.V.Volkov and P.A.Laryenok); 5 – reconstructions of a statue original position and pits' coverings of the Bronze Age, of the Khazarian time and of the sanctuary pit.*

Abb. 17. Kumanen Sanktuarien der Stadt Rostow/Don. Einzelheiten. *1 – Ansicht der Grube Sanktuarien; 2 – Grubenschnitt; 3 – Steinbild; 4 – Feldflsche aus der Chasarenzeit (nach I.V. Volkov und P.A. Larenok); 5 – Rekonstruktion der ursprünglichen Lage des Steinbildes und Überschneidung der Gruben aus der Bronzezeit, aus der Chasarenzeit und der Grube des Sanktuariums.*

Dess. 17. Sanctuaire poloveckien de Rostov-sur-le Don. Détails. *1 – plan de fosse-trou du sanctuaire; 2 – Section de la fosse; 3 – statue; 4 – gourde du temps des Khazars (d'après I.V.Volkov et P.A.Larenok); 5 – Reconstruction de l'emplacement initial de la statue et couverture des fosses à l'époque de bronze des temps des Khazars et du trou du sanctuaire*

автор Ал-Омари. В частности, он, как современник и очевидец тех событий, отмечал: "В древности это государство (т.е. Дешт-и Кипчак – Е.Н.) было страной кипчаков. Но, когда им завладели татары, то кипчаки оказались их ***подданными*** (здесь и далее выделено нами. – Е.Н.). Потом они (татары) ***смешались и переродились*** с ними (Чингизидами), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки или ***одного с ними рода***..." (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.236).

Эта общеизвестная цитата арабского автора понемногу подкрепляется и археологическими наблюдениями. В частности, раскопки и параллельное антропологическое изучение погребенных на мусульманских некрополях золотоордынских городов демонстрирует то, что первое время Чингизиды держались этнически замкнуто (Яблонский Л.Т., 1980, с.142-227). К XIV в. ситуация меняется заметно: на археологическом и антропологическом материале хорошо прослеживается процесс межэтнической миксации пришлых из Центральной Азии, Сибири и Алтая племен с представителями традиционных для домонгольской Восточной Европы групп населения, включая и половцев (Яблонский Л.Т., 1980, с.3-18; 1983, с.220-228; 1987, с.142-220). Этнические особенности, в том числе и характерные черты традиционного погребального обряда, при этом нивелируются и не только за счет смешения, но и в результате исламизации. Последний процесс охватывает не только золотоордынское Поволжье, Северный Кавказ и Подонье (Яблонский Л.Т., 1980, с.3-18; Нарожный Е.И., 1989, с.159-172). Его характерные черты ныне зафиксированы и в центре Монгольской Империи – г.Каракоруме (Войтов В.Е., 1999, с.91-129). На этом фоне включение половцев в активную внутреннюю жизнь и политику золотоордынского государства, вероятнее всего, и повлекло за собой интересующие нас изменения в традиционных языческих культах и обрядах, среди которых был и культ первопредка. В результате в половецких степях, ставших составными административными территориями Золотой Орды, в XIV в. получил распространение обряд сокрытия святилищ и стоявших на них изваяний, заставляя половецкую элиту отдавать последние почести этим первопредкам. Новые религиозные каноны, принципиально новая социокультурная обстановка, а самое главное – активная межэтническая миксация давали для того необходимые основания. Да и половцы к XIV в., вероятно, представляли собой далеко не тот самый исходный этнический массив, каким он был в предмонгольскую эпоху. Погребальные памятники XIV в., а также и нач.XV в. – тому подтверждение.

Мы еще раз подчеркнем то, что предложенный анализ половецких святилищ не претендует на какие-то окончательные выводы. Уточнение проблем, затронутых в данной статье, требует новых археологических материалов, а также коллективного обсуждения.

Литература и архивные материалы

Аствацатурян Э., 1985. Оружие народов Кавказа. М.

Анфимов И.Н., 1996. Новые находки погребений кочевников XII-XIII веков в Восточном Приазовье// Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. Керчь.

Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998. Половецкое святилище из Ставрополья// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Т.1. Ставрополь.

Ахундов И.В., 1995. Плети из могильника у с.Кораблино// Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Батчаев В.М., 1980. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии// Археология и древняя история Кабардино-Балкарии. Вып.1. Нальчик.

Батчаев В.М., 1986. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик.

Батчаев В.М., 1997. Центральный Кавказ в XIII-XV вв.// Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минаевой. Тез. докл. Ставрополь.

Баяр Д., 1985. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака Восточной Монголии// Древние культуры Монголии. Новосибирск.

Белинский И.В., Масловский А.Н., 2000. Позднекочевнический могильник XIII-XIV вв. Козинка-1 на Маныче// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов.

Беспалый Е.И., 1985. Работы Приморского отряда// АО 1983 г. М.

Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск.

Бородовский А.П., 1993. Плети и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири// Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1989. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII-XIV вв.// Научная конференция: "Средневековые города и городская жизнь Кавказа

(В свете археологических данных)". Аннотация. Тбилиси.
Войтов В.Е., 1999. "Усыпальница 1" – некрополь мусульман Каракорума// Материальная культура Востока. М.
Волков И.В., 1985. Охранные раскопки в Ростове-на-Дону// АО 1983 г. М.
Волков И.В., Ларенок П.А., 1988. Половецкое святилище на Нижнем Дону// Вестник МГУ. История. № 1.
Гераськова Л.С., 1982. Классификация скульптуры средневековых кочевников евразийских степей// Новые методы археологических исследований. К.
Гераськова Л.С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.
Горбенко А.А., Кореняко В.А., Максименко В.Е., 1975. Кочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка// СА. № 1.
Горелик М.В., 1982. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV-XV вв.// Mittelalterische Malerei im Orient. Halle (Saale).
Горелик М.В., Дорофеев В.В., 1990. Погребение золотоордынского воина у с.Таборовка// Проблемы военной истории народов Востока. Вып.2. Л.
Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992. Половецкое святилище середины XI – начала XIII в. на Правобережье Дона// Донские древности. Вып.1. Азов.
Гуркин С.В., 1987. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону// СА. № 4.
Гуркин С.В., 1991. Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып.10. Азов.
Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По материалам раскопок Шуанского некрополя)// Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный.
Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1990. Полуподземные склепы Келийского могильника (По материалам охранных археологических раскопок 1987 г.)// Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный.
Деревянко Е.И., 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.
Джиоев М.К., 1982. Алания в XIII-XV в.// Дис. ... канд. ист. наук 07. 00.02. История. М.
Добролюбский А.О., 1988. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.
Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских номадов развитого средневековья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
Євдокимов Г.Л., Купрій Н.М., 1991. Нові половецькі святилища Північного Причорноморья XI-XIII ст.// Золото Степу. Шлезвиг.
Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
Зеленский Ю.В., 1997. Половцы в Прикубанье-Закубанье// Древности Кубани. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1997а. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья// Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир – Москва.
Зеленский Ю.В., 1998. Предкавказские половцы// Древности Кубани. Вып.3. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1998а. Половецкие погребения из Прикубанья-Закубанья// Древности Кубани. Вып.6. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1998б. Шлемы из половецких погребений Прикубанья// Древности Кубани. Вып.9. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1998в. Половцы на Кубани// Древности Кубани. Вып.10. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1998г. К вопросу о времени появления половцев в Предкавказье// Древности Кубани. Вып.11. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1998д. Предметы упряжи из половецких погребений Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.12. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1998е. Типология сопроводительного инвентаря половецких погребений Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.13. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1999. К вопросу об этнической принадлежности погребений XII-XIII вв. из Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.14. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 1999а. Хронология половецких погребений из Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.15. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 2000. Погребальный обряд у половцев Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.16. Краснодар.
Зеленский Ю.В., 2000а. Половецкие погребения с оружием из Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск.
Зиливинская Э.Д., 1998. Мечети Золотой Орды// Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кипчакского времени на Южном Урале. М.
Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988. Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону.
Кирпичников А.Н., 1980. Оружие времени Куликовской битвы// Вестник АН СССР. № 8. М.
Князький И.Ю., 1996. Русь и Орда. М.
Кореневский С.Н., Андреева М.В., Ульянова С.А., 1998. Раскопки Северокавказской экспедиции// АО 1985 г. М.
Крамаровский М.Г., 1995. Монгольская золотая пластинка из коллекции Халаили// Эрмитажные чтения 1986-1994 гг. памяти В.Г.Луконина. СПб.
Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
Кузнецов В.А., 1980. Тюркские изваяния из Пятигорья// Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып.1. Нальчик.
Кузнецов В.А., 1993. Нижний Архыз в X-XII вв. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь.
Культура Биляра. Орудия труда и оружие X-XIII вв., 1985. М.
Ларенок В.А., 1991. Позднекочевнический могильник на р.Сал// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып.10. Азов.
Ларенок В.А., 1992. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х.Семенкин// Донские древности. Вып.1. Азов.
Лугова Л.М., 1998. Нові поховання пізніх кочівників із середньодніпровського лівобереіжжя// Археологічний вісник Лівобережної України. Ч.1-2. Полтава.
Майдар Д., 1981. Памятники истории и культуры Монголии. М.
Малахов С.Н., 1997. Алано-византийские заметки (II)// Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир – Москва.
Малиновская И.В., 1974. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей// Города Поволжья в средние века. М.
Мамонтов В.И., 1992. Курганный могильник Зубовка// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.
Марченко И.И., Тургиев Т.Б., 1980. Грунтовый могильник у с.Дзаурикау// Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе.
Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, 1960. Нальчик.
Минаева Т.М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным// Материалы для изучения истории Ставропольского края. Ставрополь.
Мирошина Т.В., 1985. Раскопки курганов у с.Бешпагир// АО 1983 г. М.
Мыськов Е.П., 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе// Древности Волго-Донских степей. Вып.3. Волгоград.
Навротский Н.И., Нарожный Е.И., 1993. Половецкие каменные изваяния Среднего Прикубанья// К изучению историко-культурного прошлого Прикубанья. Армавир.
Навротский Н.И., 1996. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея// Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир – Москва.
Нарожный Е.И., 1989. О роли христианства в системе Хулагуидо-Джучидских взаимоотношений в Предкавказской зоне// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону.
Нарожный Е.И., 1989а. К этно-социальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам мусульманских некрополей Золотой Орды)// Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
Нарожный Е.И., 1996. Несколько деревянных изделий XIII-XIV вв. с территории Северо-Восточного Кавказа// Вопросы северо-кавказской истории. Вып.1. Армавир.
Нарожный Е.И., 1998. Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого – историческое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук 06.00.07. Археология. Воронеж.
Нарожный Е.И., 2000. К этнокультурной принадлежности некоторых позднекочевнических древностей XII-XIV вв. Северного Кавказа// XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях// МИА № 62.
Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневеко-

вья. М.
Плетнева С.А., 1996. Об армавирской коллекции каменных изваяний// Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир – Москва.
***Полякова Г.Ф.**, 1980. О времени появления зеркал аланской группы на территории Волжской Булгарии//* Тр. ГИМ. Вып.51. История и культура Евразии по археологическим данным. М.
Путешествие в восточные страны П.Карпини и Г.Рубрука, 1957. М.
Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., 1994. Позднекочевническое погребение из Восточного Прикубанья// Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Армавир.
Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1996. Погребение половчанки из Степного Прикубанья// Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир – Москва.
Савенко С.Н., 1985. Хронологические особенности зеркал X-XIII вв. Центрального Предкавказья// Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
Тарабанов В.А., 1991. Половецкие каменные изваяния Краснодарского краеведческого музея// Древности Кубани. Краснодар.
Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. СПб.
Умаров С.Ц., 1970. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII-XVIII вв.// Дис. ... канд. ист. наук 07.00.06. Археология. М.
Федоров Я.А., 1973. Половецкое наследство в Приэльбрусье// Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Фелицин Е.Д., 1892. Археологическая карта Кубанской области. М.
Чахкиев Д.Ю., 1987. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов// Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный.
Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1984. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии// Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1987. Гривны в погребениях средневековых кочевников// Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск.
Швецов М.Л., 1979. Половецкие святилища// СА. № 1.
Яблонский Л.Т., 1980. Население средневековых городов Поволжья (По материалам мусульманских могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Яблонский Л.Т., 1983. Социально-этнические взаимоотношения в золотоордынском городе (По материалам могильников)// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
Яблонский Л.Т., 1987. Социально-этническая структура золотоордынского города по материалам археологии и антропологии (Монголы в средневековых городах Поволжья)// Герасимова М.М, Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
Яворская Л.В., 1999. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (Опыт статистической обработки)// Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья (Научные Школы Волгоградского государственного университета). Волгоград.
Boeheim W., 1985. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig (Репринт 1890 г.)

Summary

E.I.Narozhnyj (Armavir, Russia)

On Polovets Statues and Sanctuaries of XIII-XIV cc.: the North Caucasus and Don Areas

Having the information from the digs of the Polovets sanctuaries in the North Caucasus and Don areas, it can be stated that certain statues were purposefully buried (hidden) into the pits prepared in the earth beforehand. Others were thrown down and put horizontally, with their heads to the east or with some deviation to the west. In the latter case parallels with the Polovets burial rituals can be traced. Thus, hiding the statues by the Polovets who thought them to be the symbol of the ancestors is regarded as a conscious process. The reasons for that are partially explained by the Arabian author of XIV c Al-Omari who spoke about the process of assimilation of the

Polovets and Mongols in XIV c. It was the time of active islamisation in the Golden Horde which influenced the Polovets making them gradually reject their pagan cults in the new conditions. That caused the necessity of ritual burials of their not long ago admired statues.

Along with the attempts to determine the time of breaking the tradition of building sanctuaries and placing statues in them by the Polovets, some artifacts pictured on the statues are being considered in the article. Their numerous analogues from nomadic burial rites of XIII-XIV cc make it possible to believe that, after including the Polovets in the system of the Golden Horde, this tradition had existed up to XIV c.

Je.I. Naroshnij (Armavir, Russland)

Abgötter der Kumanen und Tempel aus dem 13. und 14. Jh. im Nordkaukasus und im Donraum

Auf die Ausgrabungsdaten der kumanischen Tempel von Nordkaukasus und Don stützend, kann man feststellen, dass einige der Statuen speziell in die Erde eingegraben, d.h. in einer eigens dafür ausgeschachtete Grube versenkt wurden. Die anderen wurden waagerecht, Kopf gegen Osten oder abweichend auch gegen Westen, auf die Erde gelegt. Im letzteren Fall sind Parallelen bei den für die kumanischen Beerdigungen kennzeichnenden Ritualen feststellbar. Dadurch scheint die Versenkung der Steingötzen bei den Kumanen, die als Symbol des Ahnenkults aufgefasst wurden, ein bewusst ausgeführter Vorgang gewesen zu sein. Deren Ursachen werden teilweise von al Omari, dem arabischen Schriftsteller aus dem 14. Jh. erklart. Er berichtet über den Prozess der Vermischung von Kumanen und Mongolen im 14. Jh. Dieser Vorgang fiel in die Zeit, wo sich in der Goldenen Horde die Islamisierung intensiv verbreitete. Die Islamisierung erfasste wahrscheinlich auch die Kumanen, und zwang sie in der veränderten Lage die früheren heidnischen Kulte aufzugeben und die noch vor kurzem angebeteten Idole ritualmäßig zu beerdigen.

Als Versuch, die Endzeit Tradition des Tempelbaus und der Aufstellung von Steingötzen bei den Kumanen zu bestimmen, werden einige der Haushaltsgegendtände, die an den Idolen dargestellt sind, im vorliegenden Beitrag betrachtet. Ihre zahlreiche Entsprechungen aus den Nomadenbeerdigungen des 13. und 14. Jh. lassen annehmen, dass auch nach dem Einschluss der Kumanen ins System der Goldenen Horde diese Tradition bis zum 14. Jh. bestanden hat.

E.I.Narožny (Armavir, Russie)

Des sculptures et des sanctuaires des Polovec aux XIII-XIV siècles du Caucase du Nord et du Don

En s'appuyant sur les données des fouilles des sanctuaires du Caucase du Nord et du Don on peut constater le fait que certaines statues ont été enterrées spécialement au dédans de la fosse préparée pour cela. Des autres ont été renversé et placé sur terre horizontalement tête à l'Est avec un petit écart à l'Ouest. On peut voir dans le dernier des parallèles des rituels propres pour des tombeaux des Polovec. D'aprés cela nous comprenons la dissimulation des sculptures chez les Polovec comme le processus conscient. Un auteur arabe du XIV siécle AL-Omarie expliquait des causes de cela en nous annonçant du procédé de mélange des Polovec et des Mongols au XIV siécle. A ce temps-là quand le procédé de l'Islamis, e se répandit activement dans le Horde d'Or qui influa sur les Polovec en les forçant refuser peu à peu des cultes païens. Cela fit la nécessité de l'enterrement rituel des sculptures qu'on considérait récemment come.

En essayant de déterminer le temps de l'achèvement chez les Polovec la tradition de construire des sanctuaires et d'installer des sculptures sur eux on étudie quelques objets de vie représentées sur des statues. Une grande quantité des analogues des tombeaux des nomades des XIII-XIV siècles font penser qu'après l'union des Polovec aves le système du Horde d'Or cette tradition a existé jusqu'au XIV siècle.

Статья поступила в редакцию в январе 2002 г.

А.И.Юдин, А.В.Балановский

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕКОТОРЫХ ПОСЕЛЕНИЙ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ВОЛГИ

Лесостепное Правобережье Волги во 2-й пол.XIII – XIV вв. входило в состав Золотой Орды с территориальным центром – городом Укеком. Полиэтнический состав населения Золотой Орды обусловил культурное многообразие археологических памятников этого времени. Одни из них, например, собственно золотоордынские, за сто с лишним лет археологически изучены относительно подробно (Баллод Ф.В., 1923; Федоров-Давыдов Г.А., 1994; Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998; Недашковский Л.Ф., 2000). Эти памятники дают основной объем информации о развитом средневековье. Другие этнокультурные объекты исследованы в меньшей степени. В частности, о средневековом мордовском населении мы знаем только по результатам раскопок могильников (Арзютов Н.К., 1929; Монахов С.Ю, 1991; Ляхов С.В., 1997; 1999; Моржерин К.Ю., 1997).

Менее всего в регионе исследованы поселения с древнерусскими материалами. Археологическое подтверждение пребывания русского населения в Золотой Орде основывалось на изучении материалов поселений со смешанным этническим составом. До недавнего времени русские средневековые поселения на правобережье Волги были неизвестны, и только в последние годы выявлен ряд памятников с преобладанием древнерусской керамики в культурном слое (рис.1) (Юдин А.И., Балановский А.В., 2001, с.98-101). Именно они являются предметом рассмотрения в данной работе.

Алексеевское городище

Наиболее исследованный памятник Лесостепного Правобережья Волги этого времени – Алексеевское городище. Оно расположено в Волжском районе г.Саратова, примерно в 4-5 км вверх по Волге от исторического центра города. На памятнике хорошо сохранился культурный слой, содержащий находки от эпохи средней бронзы до средневековья. Площадка городища имеет длину от вала до оконечности мыса 155 м, ширину – от 110 м в районе вала до 60 м на оконечности мыса. Высота над уровнем Волги – от 23 до 28 м. Оборонительные сооружения лучше всего сохранились в северной части: здесь вал при ширине в 5-7 м достигает высоты 2-2,5 м со стороны рва и 1-1,5 м – со стороны городища (рис.2).

История исследования. Алексеевское городище периодически осматривается и исследуется археологами с 1921 г. (Юдин А.И., 2000а, с.71-83). Первые материалы с городища собраны и переданы в Саратовский краеведческий музей С.Н.Черновым и П.Н.Шишкиным в 1921 г. П.Н.Шишкин совместно с А.А.Кротковым в 1921-1923 гг. производили здесь небольшие раскопки. В эти же годы городище посетил и П.С.Рыков, а в 1925 г. он начал разведочные раскопки. Уже после первого года раскопок им установлено, что городище было заселено еще в эпоху бронзы, в раннем железном веке занято "каким-то финским племенем", а в средние века – татарским населением. Здесь же, "по обрыву, находятся и поздние золотоордынские погребения" (Рыков П., 1926, с.96, 134; 1931).

Удобное расположение памятника, который в послевоенные годы вошел в черту г.Саратова, постоянно привлекало внимание археологов. В 1947-1948 гг. и в 1959-1964 гг. памятник исследовался И.В.Синицыным. Он закладывал небольшие траншеи вдоль осыпающегося волжского берега и, по сведениям очевидца Е.К.Максимова, на этом участке встречалась, преимущественно, средневековая керамика. В 1967-1969 гг. памятник осматривал Ю.В.Деревягин (Деревягин Ю.В., 1967; 1968; 1969).

В 1971 г. экспедицией ИА АН СССР под руководством Т.А.Хлебниковой проводилось выявление стратиграфии культурных напластований, так как многочисленные посещения памятника и не всегда профессиональные раскопки пагубно сказались на состоянии культурного слоя, что отмечал П.С.Рыков уже в 1931 г.

В верхних 20 см преобладала средневековая керамика, но встречалась и более ранняя. Из средневековых находок представляют интерес придонная часть сосуда среднеазиатского происхождения (XIV в.) из мелкого плотного розоватого теста с бирюзовой поливой и фрагменты чугунного котла (Хлебникова Т.А., 1971).

Раскопки городища были продолжены О.В.Кочерженко в 1992-1993 гг. Было вскрыто около 130 м^2 культурного слоя, обнаружены средневековый могильник, о котором упоминал в своих отчетах

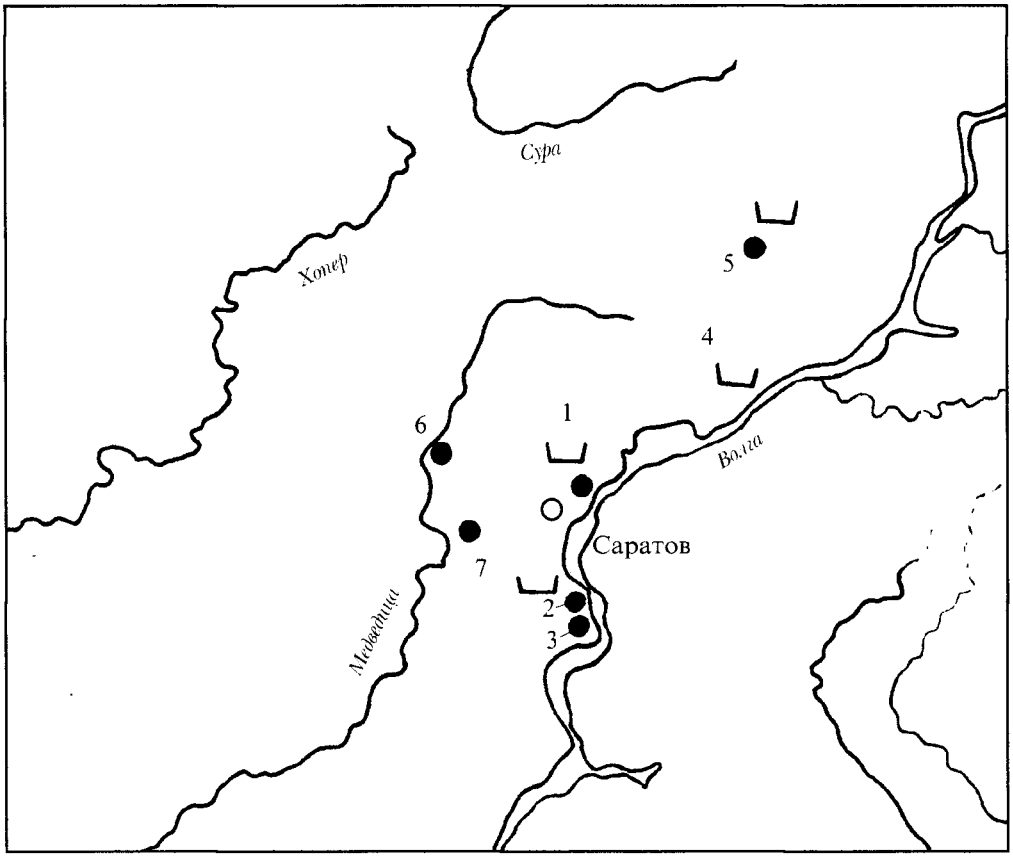

Рис. 1. Археологические памятники с русскими средневековыми материалами пограничья степи-лесостепи на правобережье Волги и Волго-Донском междуречье. *1 – Алексеевское городище и могильник; 2 – поселение и могильник в урочище Мартышкино; 3 – поселения Кондаково 1 и 2; 4 – могильник у г.Вольска; 5 – поселение и могильник у с.Калмантай; 6 – Лысые Горы; 7 – Песчанка.*

Fig. 1. Archaeological sites with medieval Russian materials of the bordering steppe and forest-steppe area on the Volga right bank and the zone between the Volga and the Don. *1 – hillfort and cemetery of Alekseyevka; 2 – settlement and cemetery in remarkable geographical site Martyshkino; 3 – settlement of Kondakovo 1 and 2; 4 – cemetery near the town of Volsk; 5 – settlement and cemetery near village of Kalmantai; 6 – Lysye Gory; 7 – Peschanka.*

Abb. 1. Archäologische Denkmäler mit russischen mittelalterlichen Fundsachen im Grenzgebiet Steppe-Waldsteppe am rechten Ufer der Wolga und zwischen Wolga und Don. *1 – prähistorische Burgwall Aleksejewka und Gräberfeld; 2 – Siedlung und Gräberfeld in der Scheide Martyschkino; 3 – Siedlung Kondakowo 1 und 2; 4 – Gräberfeld bei Wolsk; 5 – Siedlung und Gräberfeld beim Dorf Kalmantaj; 6 – Lyssyje Gory; 7 – Pestschanka.*

Dess. 1. Monuments archéologiques contenant des objets russes du Moyen Age se trouvant à la limite de steppes et forêts de la rive droite de la Volga et sur le territoire entre deux fleuves, la Volga et le Don. *1 – site et nécropole Alekseêvka; 2 – site et nécropole du terrain Martyškino; 3 – sites Kondakovo 1 et 2; 4 – nécropole près de la ville de Vol'sk; 5 – site et nécropole près du village Kalmantaj; 6 – Lysyê Gory; 7 – Pesčanka*

П.С.Рыков, и остатки землянки эпохи финальной бронзы (Кочерженко О.В., 1992; 1993).

Наибольшую известность Алексеевское городище получило как памятник раннего железного века и упоминается практически во всех сводных работах по городецкой культуре (Трубникова Н.В., 1953, с.137, 152-153; Степанов П.Д., 1960, с.70; 1962, с.238, рис.7Д, памятник № 310; Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965, с.33; Миронов В.Г., 1976, с.14; 1989, с.107, 109; 1997, с.212).

Материалы средневековья в литературе практически не отражены: они упоминаются как золотоордынские в работах П.С.Рыкова, а Л.Ф.Недашковский в материалах раскопок Т.А.Хлебниковой обнаружил фрагменты от нескольких сосудов древнерусского облика (Недашковский Л.Ф., 1997, с.233).

Исследования Алексеевского городища в 1998-2000 гг. В 1998 г. были возобновлены исследования памятника с целью научного обоснования необходимости его музеефикации. На оконечнос-

Рис. 2. План Алексеевского городища с раскопами и шурфами 1998-2000 гг.
Fig. 2. Hillfort of Alekseyevka layout with excavations and diggings of 1998-2000.
Abb. 2. Plan der prähistorischen Burgwall Aleksejewka mit Ausgrabungen und Schürfen 1998-2000.
Dess. 2. Plan du site Alekseêvka avec fouilles et fosses carrées de 1998-2000

ти мыса были заложены раскоп 1 и 5 шурфов, равномерно расположенные по всей площади городища. Раскопом 2 произведен разрез вала и рва, сооруженных в раннем железном веке. Культурные напластования практически на всей площади содержали находки эпохи средней и поздней бронзы, раннего железного века и средневековья (Юдин А.И., 2000б, с.195-196), за исключением юго-восточной части площадки, где были обнаружены, преимущественно, поздние отложения. Именно здесь и были сосредоточены исследования в 1999-2000 гг. (раскоп 1). В результате впервые удалось обнаружить остатки двух средневековых построек, хозяйственные ямы и находки, в основной своей массе имеющие русское происхождение. Находки в культурном слое на остальной территории городища, исследованной шурфами и раскопом 2, свидетельствуют о проживании русского населения на всей площади городища.

Всего за три полевых сезона (1998-2000 гг.) на Алексеевском городище вскрыто около 550 м^2 культурных напластований. Толщина культурного слоя на памятнике колеблется от 0,6 до 1,6 м на разных участках городища. Находки средневекового времени сосредоточены, по большей части, в слоях не глубже полуметра.

Жилища и хозяйственные ямы. Исследованные остатки полуземляночных жилищ по ряду признаков, несомненно, русского происхождения и были широко распространены в южнорусских землях, начиная с X в. Лучше сохранилось жилище 1. По классификации П.А.Раппопорта, оно относится к планировочной схеме типа II с левосторонним вариантом размещения печи (Раппопорт П.А., 1975, с.137-141).

Темное, гумусированное заполнение землянки хорошо выделялось на светлом суглинистом материке. Верхняя половина заполнения включала угольки, комочки прокаленной глины, золу, обломки костей животных и рыб, а также несколько десятков фрагментов гончарной древнерусской керамики, принадлежавшей, как минимум, трем сосудам. Ближе ко дну жилища и непосредственно на дне котлована находок было больше, в том числе и керамики. Кроме обломков стенок сосудов, найдены фрагменты венчиков от еще 6 горшков и плоское орудие типа лощила из окаменевшего дерева.

Жилище невелико по размерам. Подквадратный котлован полуземлянки заглублен в материк на 0,3-0,42 м. Длина 2,9-3 м, ширина 2,7-2,9 м. Более длинными сторонами котлован ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Вход в жилище был устроен в виде коридора шириной 0,8-0,9 м и длиной 1 м, примыкавшего к юго-восточной стенке (со стороны Волги) и плавно опускавшегося в котлован (рис.3, *1*).

Вдоль стенок по дну котлована проходит канавка шириной 0,16-0,2 м, на ее дне имеются семь столбовых ямок: две за печью, две по центральной оси, две в противоположных по диагонали углах и еще одна слева от входа. Последняя столбовая ямка вместе с одной из "осевых" ямок, несомненно, являлись частью коридора-входа. Все ямки имели глубину 10-12 см, за исключением двух столбовых ямок по обеим сторонам входа – 20 см (осевая ямка) и 25 см. Кроме того, еще две столбовые "полуямки" в виде небольших выемок были устроены в длинных стенках котлована. Их глубина – 17 и 22 см от верхнего уровня материка. В восточном углу котлована, там, где в землю была зарыта корчага, вместо столбовой ямки был оставлен выступ, возвышающийся на 23 см над уровнем дна жилища и, вероятно, служивший основанием для углового столба.

Земляной пол ровный и хорошо утрамбован. В левом дальнем от входа углу располагалась устьем к выходу глинобитная печь длиной 1,15-1,3 м и шириной 0,7 м. Под печи плоский, подквадратной формы (0,5х0,65 м). Он прокален до красно-кирпичного цвета и покрыт слоем золы, пепла и угольков. В этом слое обнаружен фрагмент днища древнерусского сосуда. Задняя стенка печи имеет полукруглую форму, и здесь сохранилась часть свода высотой до 0,2 м. Сам свод разрушен более поздним захоронением. Глинобитная печь включала в себя деревянный каркас, конструкция которого прослеживается по оставшимся вертикальным и круглым в сечении полостям в стенках печи.

Прямо напротив входа, в 0,9 м от него, на полу жилища был устроен небольшой очаг. Он имел округлую форму 0,43-0,5 м в диаметре, центральная часть плавно заглублена на 5 см в материковое дно жилища. Дно очага прокалено до светло-коричневого цвета. Очаг был заполнен золой и мелкими древесными угольками.

В углу, справа от входа и по диагонали от печи, в дно жилища вкопана крупная корчага. Ее устье слегка возвышалось над полом и наклонено к центру жилища. Корчага имеет плоское широкое дно, округлые бока, невысокую шейку и относительно узкую горловину. Верхняя половина украшена волнистым орнаментом. Максимальное расширение тулова подчеркнуто рядами горизонтальных прочерченных линий. Обжиг неравномерный, преобладают светло-коричневый и светло-красный цвета на поверхности. Черепок плотный, в изломе средняя часть – темно-серая. Высота корчаги 45 см, диаметры: устья – 14 см, максимального расширения тулова – 43 см, дна – 18 см (рис.2, *2*). Аналогичный прием закапывания корчаг в полу известен в жилищах Киева, которые были разрушены во время нашествия 1240 г. (Каргер М.К., 1958, с.325), и в других русских поселениях домонгольского времени.

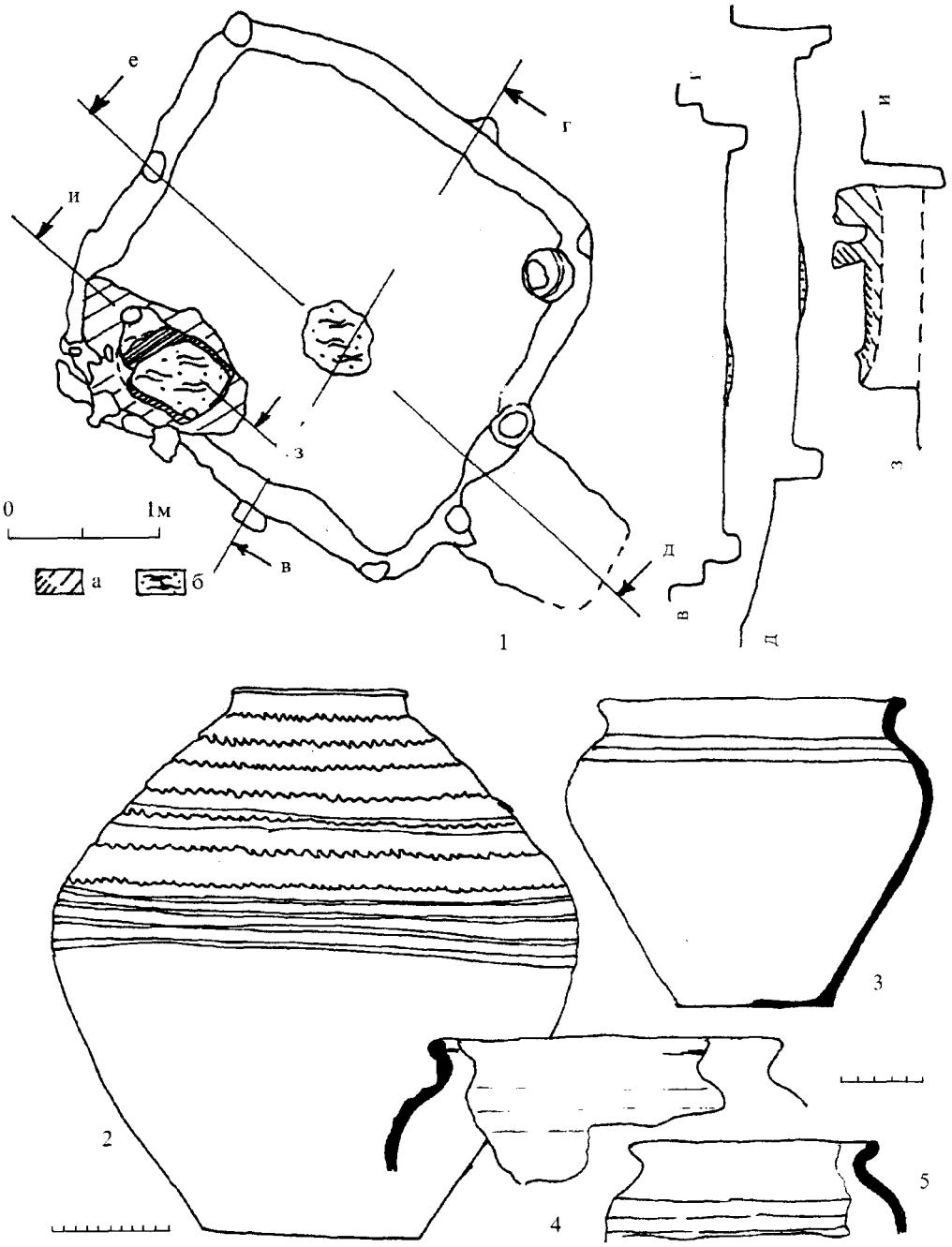

Рис. 3. Алексеевское городище. *1 – план и профили жилища 1; 2 – корчага из жилища 1; 3-5 – русская средневековая керамика из культурного слоя; а – прокаленная глина; б – зола и угли.*

Fig. 3. Hillfort of Alekseyevka. *1 – layout and profiles of dwelling 1; 2 – large earthenware pot from dwelling 1; 3-5 – Russian medieval ceramics from occupation layer; a – tempered clay; б – ashes and coals.*

Abb. 3. Prähistorische Burgwall Aleksejewka. *1 – Plan und Profile der Behausung 1; 2 – Kortschaga aus der Behausung 1; 3-5 – russische mittelalterliche Keramik aus der Kulturschicht; a – durchgeglühter Ton; б – Asche und Kohlen.*

Dess. 3. Site Alekseêvka. *1 – plan et profil du gîte 1; 2 – récipient aux côtés larges et fond étroit (korĉaga) du gîte 1; 3-5 – céramiques russes du Moyen Age extraites de la couche culturelle; a – grès cuit; б – cendres et braise*

В 1,4 м к юго-западу от жилища располагалась хозяйственная яма, круглая в плане, диаметром 1,1-1,2 м и глубиной до 0,43 м. Стенки ямы плавно сужались к округлому дну. Несомненно, что она составляет единый комплекс с жилищем и синхронна ему. Об этом говорит состав находок в заполнении ямы. Верхняя часть хозяйственной ямы была устроена в культурном слое более раннего времени, и поэтому ее приблизительные границы можно было определить только по скоплению крупных рыбьих костей, составлявших основную часть ее заполнения. На дне ямы, кроме костей животных и рыб, найдены: фрагменты серой и красной гончарной средневековой керамики, обломок красноглиняной ручки от сосуда; нуклевидный кусок серого низкокачественного кремня с негативами снятия и следами сработанности по краю ударной площадки; фрагмент венчика лепного сосуда эпохи финальной бронзы, попавший сюда, вероятно, из культурного слоя.

Жилище 2 находится приблизительно в 23 м к юго-западу от первого. На одной линии с ними находились и две хозяйственные ямы. Яма 1, как уже упоминалось, – в 1,4 м к юго-западу от жилища 1, яма 2 – в 6 м к северо-востоку от жилища 2.

На данном участке раскопа материк плавно понижается в южном направлении, в сторону Алексеевского оврага, и поэтому в него врезался только северный угол котлована с глинобитной печью, а остальная его часть была сооружена в культурном слое и не прослеживалась. По расположению остатков печи и двум частично выявленным стенкам котлована установлено, что полуземлянка была ориентирована более длинными сторонами по линии северо-запад – юго-восток, то есть, выходом к юго-востоку, как и в предыдущем случае.

Лучше всего сохранилась часть северо-западной стенки котлована, которая вертикально опускается в материк на 0,32-0,36 м. Заполнение котлована отличалось не столько цветом от окружающих участков культурного слоя, сколько большей насыщенностью находками. В основном, это – фрагменты средневековых русских гончарных горшков, а также кости животных, рыб, угольки, зола и комки обожженной глины от печи. Особенно много керамики обнаружено по дну котлована перед печью и между печью и северо-западной стенкой. Большая ее часть представлена однотипными горшками. Всего здесь обнаружены фрагменты, как минимум, 19 сосудов. Один небольшой горшок графически восстанавливается полностью (рис.4, *1*), а у 10 из них удалось реконструировать верхнюю часть. Диаметры сосудов колеблются от 11 до 22 см. Венчики валикообразные, некоторые с внутренней стороны имеют желобок. Горшки неорнаментированные (рис.4, *2-4*), только на двух из них имеются по две параллельных линии по плечику.

Преобладает светло-коричневый цвет сосудов, но встречаются красно-кирпичный и черный. Большинство сосудов имеют неравномерный обжиг, и все перечисленные цвета и их многочисленные оттенки могут встречаться на одном горшке. Керамика отличается от золотоордынской: она менее плотная, и даже красножгущиеся сосуды в изломе серые или коричневые, тогда как золотоордынские имеют одинаковый цвет по всей глубине черепка.

Глинобитная печь сильно повреждена более поздними погребениями. Сохранились остатки двух стенок в виде двух параллельных рядов комков прокаленной глины, по которым определяются длина (1,05-1,2 м) и ширина (0,7 м) печи. Причем эти комки залегали не на материковом дне котлована, а отделены от него прослойкой (8-11 см) темной гумусированной супеси, в которой встречены несколько фрагментов керамики раннего железного века и один орнаментированный обломок стенки сосуда средней бронзы. Между остатками печи, на дне котлована, зачищено скопление золы и угольков размерами 0,95х0,35 м. Под этим пятном залегала тонкая линза прокаленного песка.

В 0,8 м к западу от печи, уже за пределами котлована, на глубине 0,4-0,47 м от современной поверхности обнаружен развал древнерусского сосуда (рис.3, *3*). Черепки плотные, цвет внешней поверхности темно-серый. По плечику прочерчены три неглубокие параллельные линии, причем на некоторых участках эти линии не заглублены, а как бы "скользят" по поверхности сосуда. Высота горшка 18,5 см, диаметры: венчика 19,6 см, шейки 16,2 см, максимального расширения тулова 21,4 см, дна 9 см. Толщина стенок 6 мм, дна – 3 мм. Среди фрагментов этого сосуда найдены два обломка венчика от еще одного сосуда такого же типа (рис.3, *5*). Обжиг сосуда неравномерный, цвет поверхности плавно меняется от черного до красно-кирпичного. По плечику прочерчены три параллельные линии. Диаметр венчика составляет 14,5 см, шейки – 12,8 см, диаметр максимального расширения тулова – 17,4 см. Приблизительно на этом же уровне в 0,2 м к юго-западу от развалов горшков зачищена небольшая кладка из плоских каменных (аргиллит) плиточек. Камни были выложены неровной цепочкой на протяжении 0,8 м по линии северо-запад – юго-восток. Эта вымостка имеет явно искусственный характер и вместе с развалами сосудов указывает уровень древней дневной поверхности, по которому вычислено, что жилище 2 было заглублено в землю, как минимум, на 0,4-0,5 м.

В 6 м к северо-востоку от жилища исследована хозяйственная яма 2. Над этим местом в процессе исследования культурного слоя отмечалось пятно

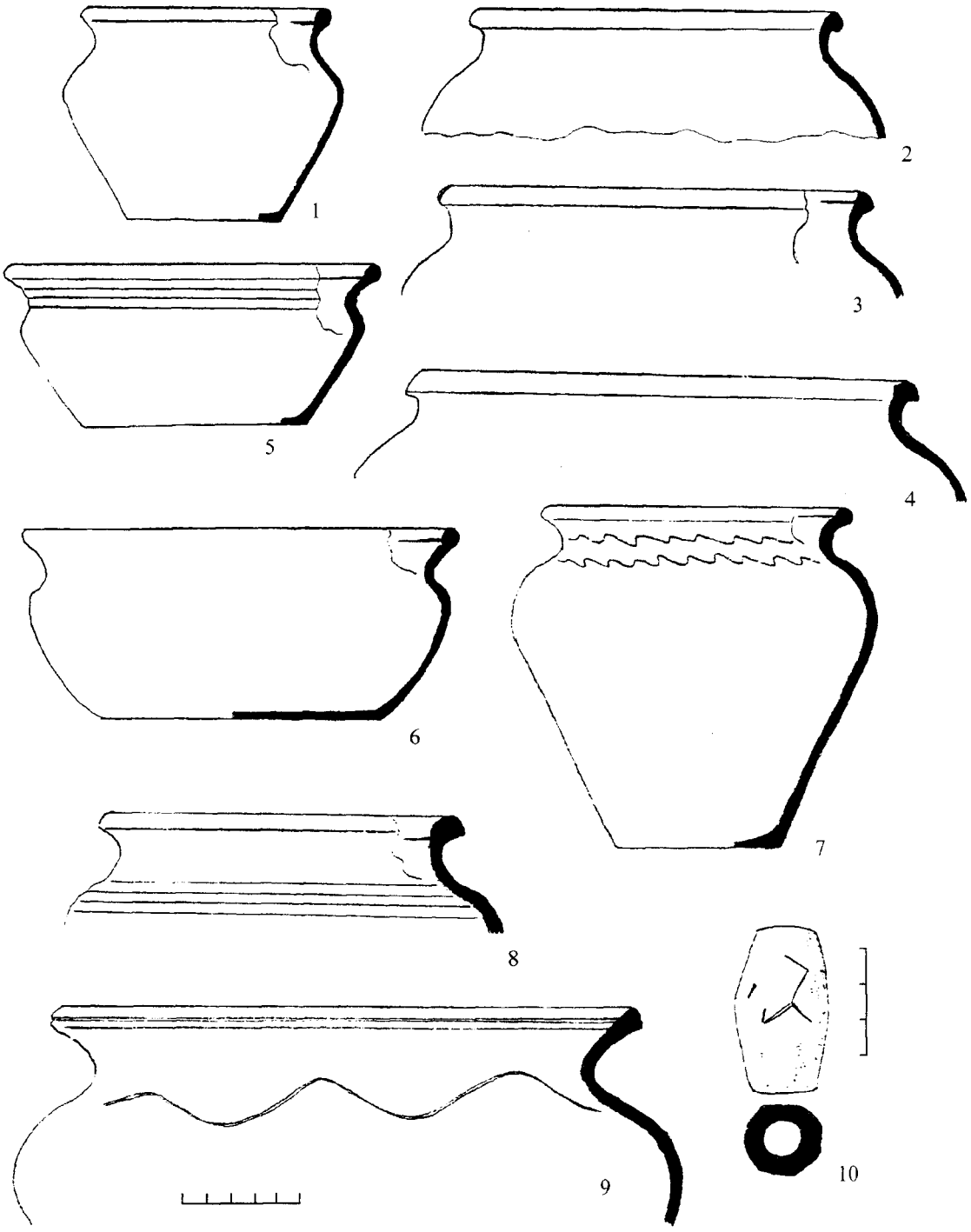

Рис. 4. Русская средневековая керамика из культурного слоя Алесеевского городища (1-9) и керамическое грузило с тамгой (10).

Fig. 4. Russian medieval ceramics from occupation layer of the hillfort of Alekseyevka (1-9) and ceramic plummet with tamga (10).

Abb. 4. Russische mittelalterliche Keramik aus der Kulturschicht der prähistorischen Burgwall Aleksejewka (1-9) und keramisches Angelblei mit Tamga (Eigentumszeichen) (10).

Dess. 4. Céramiques russes du Moyen Age extraites de la couche culturelle du site Alekseêvka (1-9) et plomb en céramique portant un tamga (10)

золы и мелких древесных угольков. Зола и угольки встречались и в заполнении хозяйственной ямы. Яма в плане имеет округлую форму, ее диаметр – 1-1,05 м (на уровне материка) и глубина – 0,38 м. Стенки, как и в яме 1, плавно сужаются ко дну. В заполнении, кроме золы и угольков, встречены в большом количестве кости животных и рыб, куски обожженной глиняной обмазки, фрагмент округлого керамического пряслица, обломки железного ножа и свыше полутора десятка керамических черепков, в том числе фрагменты венчиков от четырех древнерусских сосудов, венчик от сосуда раннего железного века и обломок стенки золотоордынского сосуда с линейным орнаментом.

Еще одна хозяйственная яма в северо-восточной части раскопа 1 была сооружена в культурном слое предшествующего времени. Приблизительный диаметр ямы – около двух метров. Яма плавно сужалась к округлому дну. В заполнении, по всей глубине встречались древесные угольки, зола, кости животных и рыб, большое количество обломков аргиллитовых плиток. Основную массу находок составили фрагменты средневековой русской керамики от, приблизительно, двух десятков сосудов. Также встречено несколько фрагментов золотоордынской посуды, в том числе часть массивного дна от крупного толстостенного сосуда.

Кроме того, в хозяйственной яме были найдены остатки нескольких железных предметов плохой сохранности, в том числе железный нож длиной 15 см и шириной около 2 см с клиновидным в сечении лезвием.

По крупным фрагментам восстанавливается форма трех сосудов – двух мисок и горшка курганного типа. У мисок диаметр устья превышает высоту. Утолщенные валикообразные края венчиков загнуты внутрь, образуя по всему периметру канавку. Шейка одной миски украшена двумя слегка обозначенными каннелюрами. Тесто глины этого сосуда без грубых примесей, обожжено до светло-коричневого цвета (в изломе несколько более темное) и по своему качеству приближается к золотоордынской керамике. Диаметр венчика – 16 см, тулова – 14,8 см, дна – 9,5 см. Высота миски – 6,7 см (рис.4, *5*).

Вторая миска украшена тремя едва заметными горизонтальными линиями по тулову. Цвет поверхности – светло-коричневый, местами переходящий в серый. В тесте глины есть примесь песка, мелкого шамота и белой крошки. Черепок более рыхлый, чем в первом случае, расслаивается. Диаметры: венчика – 19 см, тулова – 18,2 см, дна – 12,3 см. Высота – 8 см (рис.4, *6*).

У горшка курганного типа венчик и его внутренняя сторона оформлены так же, как и у мисок. По шейке горшок украшен двумя волнами. Тесто глины плотное, без заметных примесей, цвет внешней поверхности и в изломе – темно-серый. Диаметры: венчика – 13,2 см, тулова – 15,4 см, дна – 7 см. Высота горшка – 14,5 см (рис.4, *7*). У двух сосудов восстанавливается верхняя часть (рис.4, *8, 9*).

Керамика. Всего в культурном слое обнаружены фрагменты от, приблизительно, 270 сосудов, из них 236 или более 87% – древнерусские и 34 или менее 13% – золотоордынские.

Древнерусская керамика отличается от золотоордынской по формам и составу теста. Преобладает черная и сероглиняная, встречается красноглиняная (серая в изломе). Есть несколько черепков из беложгущейся глины, а также с неравномерным обжигом, когда цвет поверхности на одном сосуде плавно изменяется от черного до красно-кирпичного. Черепки в изломе, по сравнению с золотоордынскими, менее плотные, иногда заметна примесь шамота или песка.

Древнерусская керамика орнаментирована волной (чаще всего однорядной) – 45%, линией – столько же, волной и линией – 10%. Всего орнаментирована, приблизительно, одна треть сосудов.

На нескольких донышках встретились керамические клейма: на двух – в виде круга со спицами (рис.7, *2*), еще на двух, полностью не сохранившихся – сложные геометрические композиции, в одном случае – достаточно редкий вариант стилизованного "знака рюриковичей" (рис.7, *1*). Последнее клеймо находит прямые аналогии в Киеве (Рыбаков Б.А., 1948, с.493, рис.126, *8*) и на городище Титово-Мотыка (Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д., 1967, с.65, рис.22, *2*).

По форме сосуды, в основном, представляют из себя горшки различных размеров так называемого курганного типа. Но изредка встречаются остатки сосудов с прямым венчиком, миски, а в одном случае – уже упоминавшаяся корчага.

Горшки подразделяются на несколько типов. За основу деления взяты формы венчиков. Принято считать, что они наиболее информативны и, как правило, берутся исследователями в качестве основы при типологическом анализе древнерусской керамики (Полубояринова М.Д., 1978, с.89; Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с.21). Впрочем, вопрос о том, что этот показатель обладает наибольшей хронологической информативностью, для нас является открытым, так как гончарные изделия отличаются крайней консервативностью, особенно в чужеродной этнокультурной среде. Во всяком случае, А.А.Мансуров, ссылаясь на данные этнографов Б.А.Куфтина и А.М.Россова, отмечает, что гончары с.Куликово Дмитровского уезда Московской обл. и в 20 гг. XX в. производили тот же тип гончарных форм и даже клеймили их так же, как и в IX-XIV вв. (Мансуров А.А., 1946, с.293). Типоло-

гия древнерусской керамики на основе формы венчика достаточно условна, так как целые сосуды встречаются или реконструируются достаточно редко, а профили верхней части у горшков и, например, мисок почти полностью совпадают (рис.4, *5-7*).

При анализе керамики Алексеевского городища за основу нами взята типология, разработанная для керамики Шиловского поселения в лесостепном Подонье (Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с.21-24). Выделено 5 типов с несколькими подтипами. Разумеется, по мере дальнейшего накопления материала с этого памятника, типология керамики будет уточняться.

I тип (рис.5, *1*). Горшки, не имеющие фигурного профиля венчика, округлые по краю венца (6%). Сосуды такого типа имеют аналоги с типом I из Шиловского поселения на р.Воронеж (Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с.22, рис.9, *1-6*).

II тип (рис.5, *2*). Горшки имеющие венчик с загнутым внутрь краем, образующим в профиль варианты валика (34%). В подтип А (6%) включены венчики с плоской огранкой по внешней стороне (рис.5, *3*), а в подтип Б (12%) – венчики с загнутым внутрь краем, образующим варианты клювовидного профиля (рис.5, *4*).

Они имеют аналоги с типом II уже названного Шиловского поселения, типами V, VI из южного городища Старой Рязани (Стрикало И.Ю., 1996, с.152, рис.3, *7, 8*), а также с типом III из поселения у с.Березовка Волгоградской обл. (Полубояринова М.Д., 1978, с.105, рис.34). Подтип IIБ также имеет аналогии на поселении у с.Березовка (Полубояринова М.Д, 1978, с.92, рис.23, VIII), в Гнилохоперье (Хреков А.А., 1994, с.104, рис.1, IV).

III тип (18%). Горшки с отогнутым наружу венчиком, образующим валики различной формы (рис.5, *5*).

IV тип (20%). Горшки, имеющие венчик с отогнутым наружу краем, образующим варианты клювовидного профиля (рис.5, *6*). Многочисленные аналоги можно найти на Водянском городище (Полубояринова М.Д., 1978, с.152, рис.23, II, IV).

V тип (5%). Горшки, имеющие венчик с отогнутым наружу краем в виде козырька (рис. 7). Сосуды такого типа имеют аналоги с типом 5 классификации Шиловского поселения.

Золотоордынская посуда немногочисленна и тяготеет к верхней части культурного слоя, залегая, в целом, выше древнерусской. Вся керамика красноглиняная, неполивная, за исключением фрагментов придонной части кашинного сосуда с голубой и изумрудной поливой.

Керамика фрагментирована, полностью реконструируемых форм нет (рис.6, *1-11*). Орнаментация обычна для золотоордынского времени в регионе: ряды параллельных прочерченных линий (рис.6, *2, 4, 5, 7, 9, 10*), полосчатое лощение по сырой глине (рис.6, *9, 11*), в одном случае – арочный орнамент (рис.6, *3*). Керамика тонкостенна (за исключением фрагментов от крупных сосудов), обжиг равномерный, цвет поверхности – красно-кирпичный.

Другие находки в культурном слое. Другие средневековые находки немногочисленны. В одном из шурфов найден железный цилиндрический замок (рис.7, *3*). Он сильно корродирован и развалился на две половины. Из-за этого сложно установить тип замка, но нижнее донце цилиндра вполне удовлетворительной сохранности, прорези под ключ в нем нет, что позволяет отнести замок к типу А, по Б.А.Колчину (1977, с.14-16). Замки этого типа были особенно широко распространены на Руси в XI – 1-й пол.XIII в. Ключ от замка типа Г, найденный в центральной части памятника (рис.7, *4*), по той же классификации датируется сер.XIII – сер.XV в.

Представляет интерес железный наконечник копья (рис.7, *5*). Он сильно корродирован. Втулка наконечника сохранилась плохо, по ее краю заметно валикообразное утолщение, а на внутренней стороне есть прикипевшие остатки древесины от древка. Перо наконечника от втулки плавно сужается к вершине. Максимальная ширина пера – около 3,5 см. Толщину установить трудно, так как металл "вскипел" и распался на пластины, так что общая толщина пера достигает 3 см, а поперечное сечение имеет подквадратную форму. Длина наконечника – около 32 см, длина втулки – 12-14 см. Наиболее близкая аналогия обнаруживается на селище 1 у с.Мощины Калужской обл. (Прошкин О.Л., 1997, с.238, рис.7, *8*).

Остальные металлические изделия менее выразительны. Это – дверной пробой в виде плоского приостренного стержня с петлей (рис.7, *10*), однолезвийный черешковый клиновидный в сечении нож (рис.7, *6*), кованые гвозди (рис.7, *8, 9*) и железный предмет, напоминающий обломок черешкового ножа. Но его короткое лезвие подтреугольной формы расковано и приострено на конце (рис.7, *7*). Найден небольшой фрагмент серебряного зеркала без выраженного бортика.

Возможно, на городище было налажено производство железа: шлак и крупные куски крицы залегали в верхней части культурного слоя. Но следует учитывать, что здесь же встречены материалы городецкой культуры, население которой также активно занималось производством и обработкой железа.

Из украшений найдены стеклянная желтого цвета двухчастная бусина (рис.7, *14*) и крупная круглая бусина из горного хрусталя (рис.7, *13*), аналогичная вятичским домонгольского времени (Полубояринова М.Д., 1988, с.159, 162). Оба типа этих бус известны и на Семилукском городище

(кон.XII – 1-я пол.XIII в.) (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996, с.38, рис.16, *25, 26*).

На территории городища обнаружен обломок стеклянного браслета коричневого цвета. По классификации М.Д.Полубояриновой (1963, с.171), это круглый перевитой браслет. Он украшен стеклянной нитью желтого цвета (рис.7, *11*). Аналогичные браслеты известны в больших количествах на Руси в домонгольское время, в Северной Руси продолжали изготавливаться и в XIII-XIV вв. Производство стеклянных браслетов было налажено и в Золотой Орде вплоть до начала XV в. (Полубояринова М.Д., 1988, с.192-193; Галкин Л.Л., 1984, с.218). В культурном слое найден еще один обломок стеклян-

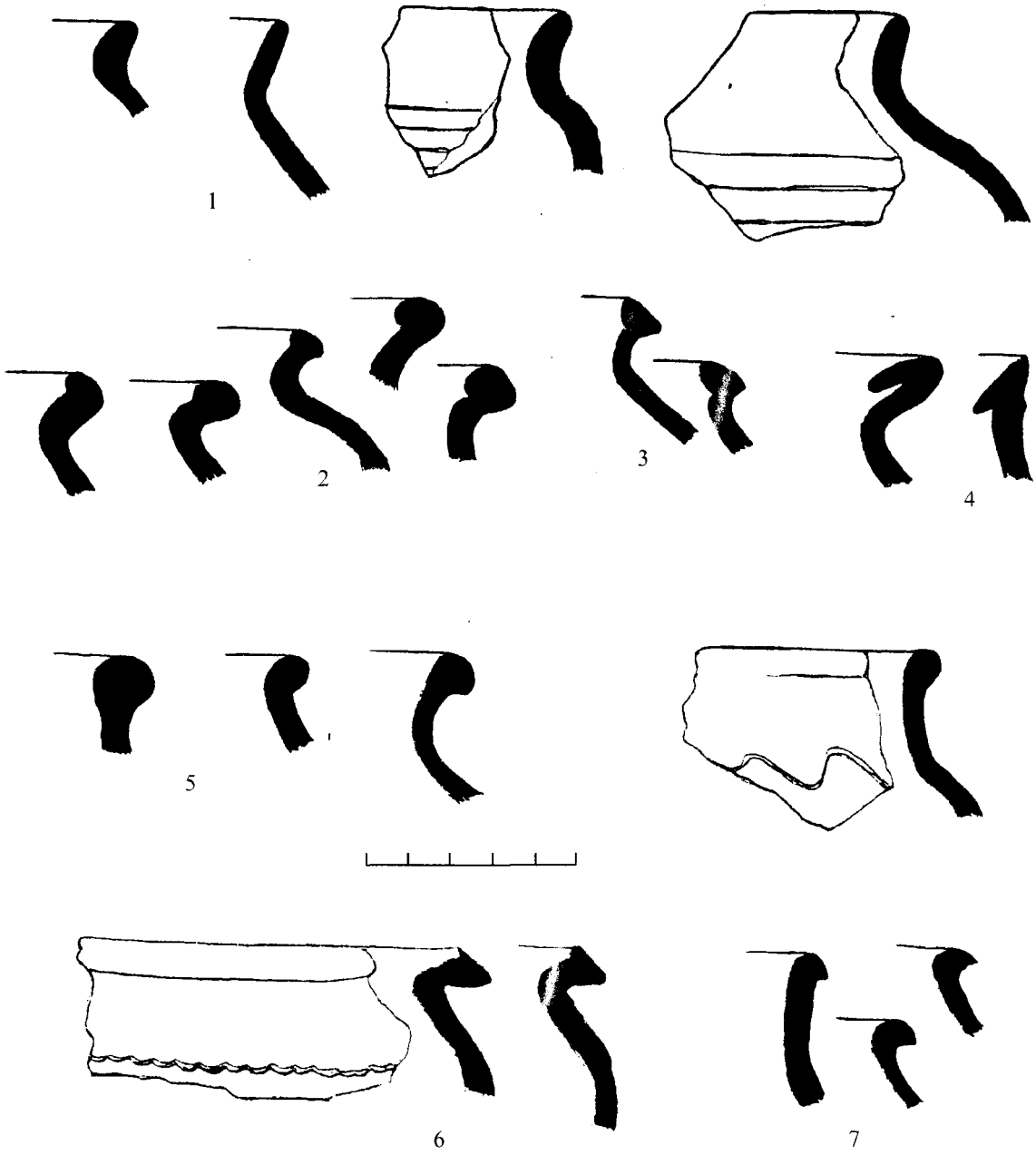

Рис. 5. Типы венчиков древнерусских горшков Алексеевского городища.
Fig. 5. Types of ancient Russian pots rims of the hillfort of Alekseyevka.
Abb. 5. Kronentypen altrussischer Töpfe aus der prähistorischen Burgwall Aleksejewka.
Dess. 5. Types d'ouvertures de pots du site Alekseêvka

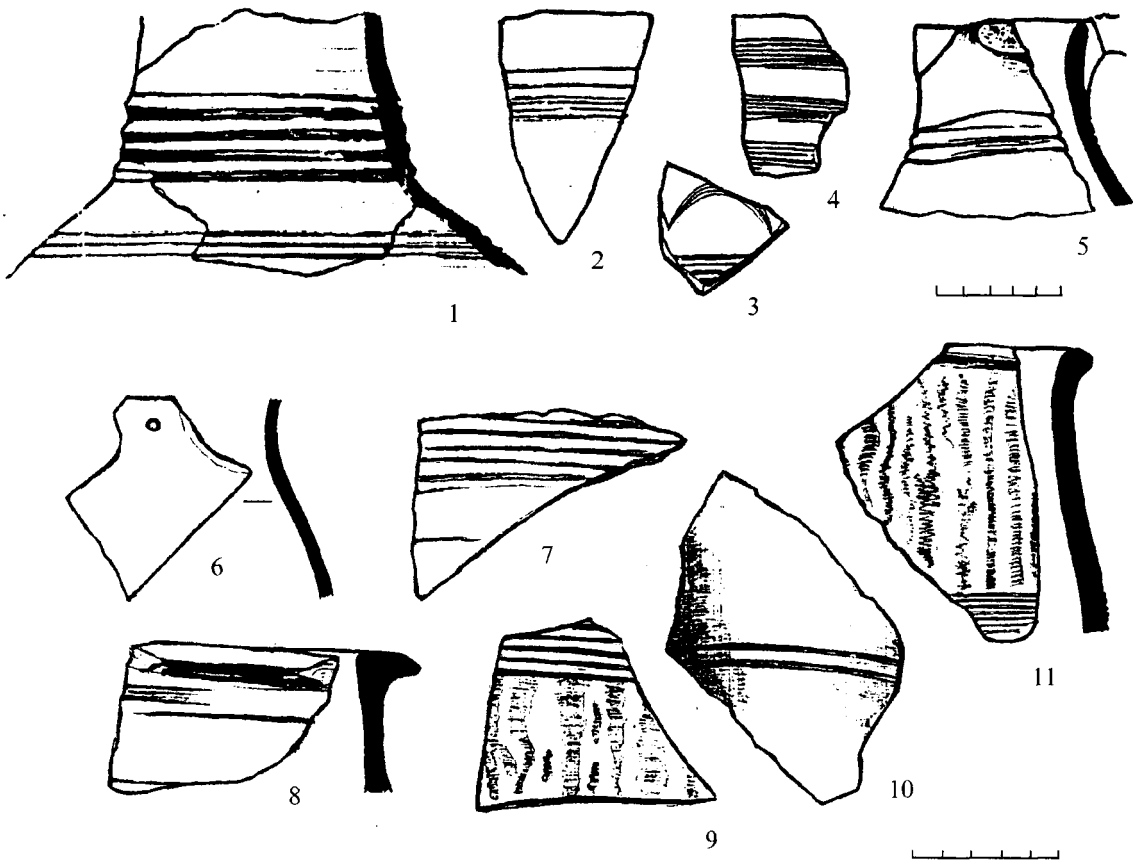

Рис. 6. Золотоордынская керамика из культурного слоя Алексеевского городища.
Fig. 6. Ceramics of the Golden Horde from the hillfort of Alekseyevka occupation layer.
Abb. 6. Keramik der Goldenen Horde aus der Kulturschicht der prähistorischen Burgwall Aleksejewka.
Dess. 6. Céramiques de la Horde d'or extraites de la couche culturelle du site Alekseêvka

ного браслета (?). Вероятнее всего, это производственный брак, так как один конец смят и обломан, когда предмет был еще горячим (рис.7, *12*). Цвет – темно-синий с зеленым отливом.

Найдено керамическое грузило от рыболовной сети, которое, несомненно, следует связывать со средневековым русским населением. Грузило имеет цилиндрическую форму и легкую, едва заметную, огранку. Его длина – 4,5 см, максимальный диаметр – 2,5 см. На грузиле по сырой глине прочерчен знак-тамга (рис.4, *10*). Аналогичные грузила в большом количестве встречаются на древнерусских поселениях сопредельных регионов: Никольевском городище (Хреков А.А., 1994, с.105), Семилукском городище (кон.XII – 1-я пол.XIII в.) (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991, с.100-101; 1996, с.32, 38) и селище у с.Борщево (2-я пол.XIII – XIV в.) (Цыбин М.В., 1987, с.41, рис.2, *9*).

Вероятно, со средневековым временем и русским населением следует связывать находку обломка мельничного жернова из светло-серого плотного мелкозернистого песчаника.

Алексеевский грунтовой могильник

Грунтовой могильник на Алексеевском городище завершает хронологическую колонку памятника. Могильник перекрывает средневековые русские жилища. Особенно хорошо это прослежено над жилищем 2, где погребения 48 и 49 врезались в заполнение котлована, разрушили печь и были совершены на слое гончарной русской керамики.

Исследованные за три года (1998-2000) 79 погребений составляют один комплекс с найденными здесь ранее захоронениями, начиная еще со времени раскопок П.С.Рыкова. Большая часть погребений, за редкими исключениями, залегает на небольшой глубине – 0,3-0,6 м, и поэтому значительная их часть была повреждена при распашке. В процессе раскопок прослежено, что все погребения перекрывают культурный слой русского средневекового поселения, и все они были совершены на протяжении небольшого отрезка времени. Только в одном случае погребение перекрыто более поздним захоронением, значительно отличающимся по об-

ряду от остальных. Как уже было сказано, в 1998-2000 гг. основные исследования были сосредоточены в ЮВ части мыса. Именно этот участок оказался занят грунтовым могильником. Раскопками установлено, что протяженность могильника с запада на восток составляет около 40 м и с севера на юг (учитывая раскоп О.В.Кочерженко) – около 35 м. Раскопками исследована, предположительно, половина сохранившейся части могильника. Планиграфически могильник разделяется на две части: восточную и западную. Все погребения в восточной части имеют ориентировку в ЮЗ секторе, а ряды

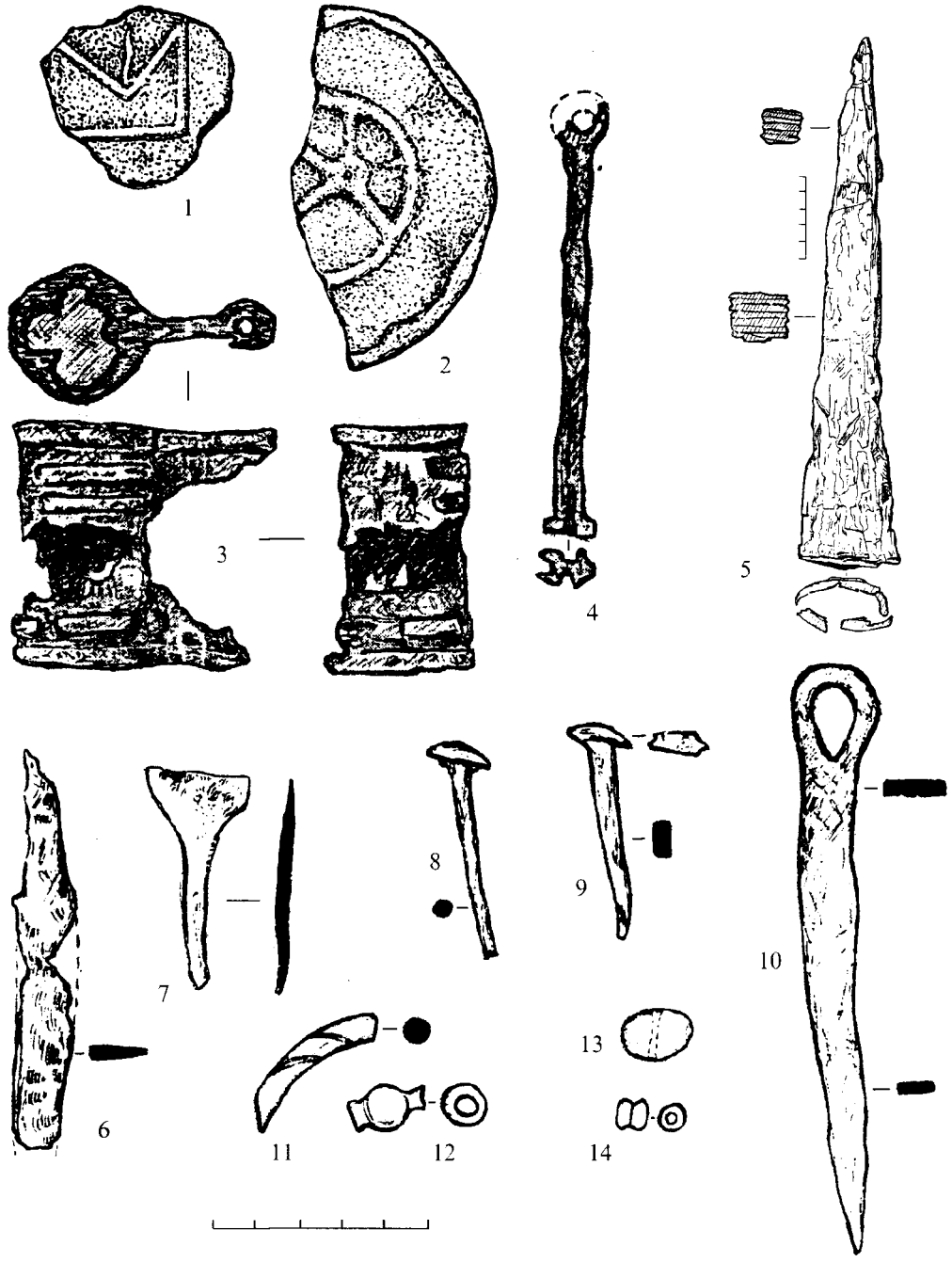

Рис. 7. Находки из культурного слоя Алексеевского городища.
Fig. 7. Finds from the hillfort of Alekseyevka occupation layer.
Abb. 7. Fundsachen aus der Kulturschicht der prähistorischen Burgwall Aleksejewka.
Dess. 7. Trouvailles extraites de la couche culturelle du site Alekseêvka

погребений располагаются по линии ЮЗ – ЮВ. Погребения западной половины могильника расположены рядами с севера на юг, все они имеют строго западную ориентировку или очень незначительное отклонение к югу. Ряды погребений с разной ориентировкой смыкаются в центральной части раскопа, но нигде не перекрывают друг друга, что свидетельствует о непрерывном функционировании могильника на протяжении определенного отрезка времени.

Из 79 исследованных погребений в западной группе расположено 42 захоронения и в восточной – 35. Анализ погребального обряда двух частей могильника показывает, что различия между ними несущественны.

Кроме разных ориентировок, сразу заметно еще одно отличие – в положении головы умершего. Сохранность погребений позволила определить положение черепов в 50 захоронениях: 20 – в восточной группе и 30 – в западной. Для западной группы погребений наиболее характерным является положение черепа на правом виске, т.е. лицом к югу – 57%. У 20% погребений череп развернут влево, а у 23% покоился на затылочной части (в нескольких случаях череп приподнят). В восточной группе у половины погребенных череп лежал на затылке, на левом виске – 35 % и на правом – 15%. По остальным признакам погребального обряда существенных различий не наблюдается. Нет их и среди взрослых и детских погребений. Детские погребения составляют 26% от общего количества в могильнике (24% – в западной группе и 20% – в восточной).

Как уже говорилось, погребения, в целом, залегают неглубоко, что привело к частому нарушению скелетов и плохой сохранности органики. Всего в 5 случаях удалось проследить контуры могильных ям в материке. Они имели размеры в пределах 1,9-2,0х0,7-0,6 м и были незначительно заглублены в материк. Углы могильных ям округлые.

В 44 случаях (56%) сохранились остатки гробов. Количество погребенных в гробах в обеих группах приблизительно равное: 60% – в западной группе и 54% – в восточной. Возможно, их было и больше, т.к. следы древесины отмечены еще в 5 погребениях, но из-за сильного разложения органики не совсем ясно, были ли это гробы или просто доски, перекрывавшие погребения. Из детских погребений в гробах совершено 45%. В двух случаях (пп. 67 и 73) погребения, возможно, были совершены в долбленых колодах. Сохранность древесины плохая, но прослежено, что торцевые стенки были слегка дугообразные, а истлевшие волокна древесины совершенно точно залегали в продольном направлении относительно длинных стенок. Собственно гробы сооружались из досок толщиной до 3 см и шириной от 9 до 20 см. Длина гробов не превышала 2 м, ширина – 0,5-0,7 м. Форма гробов – прямоугольная, иногда они сужались в ногах. Ни в одном случае при сооружении гробов не использовались железные гвозди или скобы, хотя кованые гвозди изредка встречаются в культурном слое. В нескольких случаях поверх крышек гробов были положены одна-две плоские каменные плитки из аргиллита, выходы которого имеются на ближайших береговых обнажениях Волги. Иногда каменные плитки поставлены вертикально между стенкой могильной ямы и гробом с обеих сторон. Несколько детских захоронений без гробов были просто обложены крупными кусками аргиллитового плитняка.

Всего каменные плитки отмечены в четверти погребений. В восточной группе отмечены два случая нахождения небольших каменных плиток под костями стоп, а в западной группе – в двух погребениях по небольшой плитке лежало слева от черепа. Камень в погребальном обряде в западной группе использовался в два раза чаще.

Все умершие положены на спину, вытянуты, различались только положением головы и рук. Отмечено семь вариантов положения рук, причем все варианты встречаются приблизительно в равных количествах в обеих группах. Чаще всего руки согнуты в локте под прямым углом и сложены на животе – 29%. У 15% погребенных руки вытянуты вдоль туловища и сложены в нижней части живота. Достаточно часто (11%) встречается вариант, когда одна рука положена на живот, а другая – на таз. По 8% приходится еще на два варианта: руки вытянуты вдоль туловища; одна рука – на животе, а вторая согнута в локте и положена на плечо. У пяти погребенных (6%) обе руки согнуты в локтях и положены на плечи. Еще у двух умерших (2,5%) одна рука лежит на животе, а вторая вытянута вдоль туловища. По одному случаю приходится на следующие положения рук: на таз и вытянуто; на живот и грудь.

Таким образом, обобщенный и типичный погребальный обряд (в его узком понимании) на Алексеевском могильнике выглядит следующим образом: погребенный ориентирован на запад, положен в гроб на спине, вытянут, руки сложены на животе, что вполне соотносится с христианскими традициями.

В 7 погребениях встречены остатки кожаных тапочек (4 в западной части и 3 – в восточной). В одном из погребений кожаные тапочки имели шов вдоль средней части подошвы, что предполагает их исключительно погребальное назначение. Другой инвентарь в погребениях отсутствовал. В заполнении могил и рядом с костями скелета встречались находки, но все они относятся к культурному слою, в котором совершены погребения, и разновременны (фрагменты керамики бронзового века и городецкой, шлак, керамическое пряслице).

Погребения грунтового могильника можно соотнести со средневековым христианским населением Золотой Орды, хотя, по ряду признаков, их вполне возможно отнести и к мусульманским. Но по аналогии с такими же погребениями на Водянском городище, где были выполнены палеоантропологические определения, установившие захоронения славян (Полубояринова М.Д., 1978, с.79), Алексеевский грунтовой могильник с большой долей вероятности следует связывать с древнерусским поселком. К тому же, по предварительным данным А.И.Нечволоды (г.Уфа), абсолютное большинство погребенных Алексеевского могильника относится к европеоидам.[1] В пользу русской принадлежности могильника говорят и такие факты, как положение рук умерших на плечах, погребальные тапочки со швом на подошве. Отклонение же ориентировок от традиционной западной обычно объясняется трудностью соблюдения всех канонов в условиях чужбины или зимним временем захоронений, т.к. отклонения в ориентировках почти всегда наблюдаются в южном направлении. Наличие планиграфически обособленной части погребений с юго-западной ориентировкой вряд ли говорит о зимнем времени захоронений. В противном случае придется считать, что умерших хоронили в разных частях кладбища в зависимости от времени года.

Черты погребального обряда, отмеченные на могильнике Алексеевского городища, встречаются в могильниках разных областей Средневековой Руси, так как в домонгольское время канонический христианский обряд погребения еще полностью не устоялся. Например, основные черты обряда достаточно хорошо коррелируются с обрядом захоронения в могильнике Переяславля-Рязанского (Судаков В.В., 1992, с.173-175). При западной ориентировке погребенных отмечены отклонения к югу, неустойчивое положение рук (в области живота, таза, вытянуто вдоль тела). Аналогичная картина известна в Городце на Волге (Медведев А.Ф., 1968, с.33, 38-39, рис.9). Здесь исследовано 43 погребения горожан, погибших во время монгольского нашествия 1238 г. Часть погребений с западной ориентировкой также имеет отклонение к югу при различном положении рук. Если обряд захоронения еще не устоялся на Руси в домонгольское время, то вполне логично предположить, что такая же картина будет наблюдаться и среди русских пленников в Золотой Орде.

Дату погребений Алексеевского могильника определить сложно. Со всей определенностью можно говорить о том, что могильник перекрывает культурный слой древнерусского поселка.

Хронология и этнокультурная принадлежность средневековых материалов Алексеевского городища

Хронологические рамки существования средневекового поселка на Алексеевском городище определяются перечисленными находками. Приведенные аналогии домонгольского времени показывают, что нижняя дата, скорее всего, относится к моменту образования Золотой Орды – сер.XIII в. Средневековый поселок на Алексеевском городище, очевидно, был основан русскими людьми, переселенными сюда монголо-татарами из захваченных русских княжеств. Поселок продолжил свое существование и в XIV в. Это подтверждает ключ от замка типа Г, а также находка в центральной части городища, в раскопе Т.А.Хлебниковой (раскопки 1971 г.), обломка чугунного котла, появление которых в южнорусских землях относится ко 2-й пол.XIII – XIV в. (Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с.32).

Неизбежно встает вопрос: почему ранее все исследователи считали памятник золотоордынским? Вероятнее всего, это произошло из-за незначительных масштабов раскопок, когда в распоряжении каждого из исследователей оказывалось относительно небольшое количество материалов, а все фрагменты от красноглиняных сосудов *a priori* относились к золотоордынским, тогда как при накоплении материалов оказалось, что чуть ли не треть древнерусской керамики по качеству обжига приближается к золотоордынской. Неорнаментированные же обломки стенок сосудов, каких на любом поселенческом памятнике большинство, создавали полное впечатление доминирования золотоордынской керамики среди всей средневековой.

Находки русского происхождения достаточно часто встречаются на поселениях Золотой Орды, но там чаще всего преобладает красноглиняная керамика, встречается в значительном количестве поливная и кашинная керамика, нумизматические материалы, а горшки с русскими гончарными традициями немногочисленны. Исследования последних лет выявили в лесостепной зоне правобережья Волги целый пласт поселенческих памятников, на которых древнерусское население, судя по археологическим материалам, явно преобладало.

Русские археологические памятники на территории Золотой Орды рассматривались исследователями неоднократно, наиболее полные данные собраны в работе М.Д.Полубояриновой (1978). Древнерусские находки на памятниках в ближайших окрестностях Укека приведены в работе

[1]Выражаю искреннюю благодарность А.И.Нечволоде за предоставленную информацию.

Л.Ф.Недашковского (1997). Материалы Алексеевского городища по количеству археологических материалов русской культурной традиции явно выделяются среди других памятников золотоордынского времени в окрестностях Саратова – древнерусская керамика составляет более 87 %.

Но по результатам работ кон.XX в. Алексеевское городище не выглядит одиноким по этому показателю, если сравнивать с материалами еще нескольких памятников, находящихся на берегу Волги, но более удаленных от Укека, а также в лесостепной полосе к западу от Волги.

Русские средневековые поселения и могильники правобережья Волги

В хронологическом плане памятники, содержащие русские материалы, не укладываются в узкие рамки существования Золотой Орды, но показательно само наличие практически неизвестной ранее группы памятников, которые можно связывать с русским населением средневекового времени.

Это, в первую очередь, средневековое поселение в урочище Мартышкино, в 6 км к югу от с.Ахмат Красноармейского р-на Саратовской обл. (около 55 км вниз по Волге от Укека). Средневековая керамика Мартышкино, в подавляющем большинстве, представлена типичными сероглиняными русскими горшками с линейным и волнистым орнаментом. Аналогичная керамика часто встречается на золотоордынских памятниках XIV в. Золотоордынская керамика включает фрагменты красноглиняных кувшинов и крупных толстостенных сосудов (Лопатин В.А., 1997, с.60-62).

Рядом с этим поселением исследовался грунтовой могильник того же времени. Погребальный обряд этого могильника идентичен Алексеевскому: погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на ЮЗ, руки в области таза или на груди (Моржерин К.Ю., 1996, с.62-63).

Аналогичный могильник на берегу Волги известен в Вольском р-не. Могильник находится в 1 км к Ю от окраины г.Вольска, занимает небольшой мыс, возвышающийся, приблизительно, на 15 м над уровнем Волги. Могильник открыт в 1981 г. экспедицией С.Ю.Монахова (Монахов С.Ю., 1982), а в 1987 г. здесь было исследовано 4 погребения (Юдин А.И., 1988).

Во всех погребениях умершие лежали на спине, в гробах, головой на ЮЗ. Погребение 1 почти полностью разрушено, положение рук неизвестно. Погребение 2 также разрушено, но устанавливается, что левая рука лежала на груди, а череп повернут вправо. Скелет детского погребения 3 лежал в гробу с небольшим разворотом на правую сторону. Левая рука была положена на грудь, правая – на таз. Правая нога слегка согнута. На ногах сохранились остатки кожаных тапочек.

Погребение 4 сохранилось лучше остальных. Гроб имел прямоугольную форму, длина его 1,8 м, ширина 0,5 м. Левая рука погребенного вытянута и положена под таз, правая – слегка согнута в локте и положена на живот. Череп слегка повернут вправо. На правой ноге сохранились остатки кожаной обуви.

Вполне вероятна древнерусская принадлежность этих двух могильников. Аналогичное предположение высказано также относительно еще нескольких могильников с подобным погребальным обрядом на Самарской Луке, традиционно считавшихся ранее мусульманскими (История Самарского..., 2000, с.306-307).

Еще в нескольких километрах от урочища Мартышкино, ниже по Волге, в окрестностях бывшего села Кондаково известно 4 пункта со средневековой керамикой, на двух из них имеется русская. На поселении Кондаково I ее немного меньше золотоордынской, а на Кондаково II древнерусская керамика преобладает (Четвериков С.И., 1994, с.157; Недашковский Л.Ф., 2000, с.122-123).

Все это показывает, что прибрежная полоса правобережья Волги в пределах Саратовской обл. была достаточно плотно заселена русскими в золотоордынское время. Существование Укека, третьего по величине торгового, ремесленного и культурного центра Золотой Орды в Нижнем Поволжье, мало сказывалось на культурном облике небольших сельских поселений с русским населением: здесь продолжали сохраняться основные этноопределяющие черты, которые археологически особенно хорошо прослеживаются в типах жилищ, керамике и погребальном обряде. Причем наиболее ярко это проявляется именно на небольших поселениях, что уже отмечалось И.Н. Васильевой (История Самарского..., 2000, с.302).

На крупных городищах, типа Увекского или Водянского, с пестрым этническим составом древнерусский компонент выступает не так ярко, хотя прослеживается достаточно отчетливо (Полубояринова М.Д., 1978; Недашковский Л.Ф., 2000, с.106-112; Мыськов Е.П., 2001). В этом плане интересно провести некоторые параллели между Алексеевским городищем и исследованными древнерусскими кварталами Водянского. Правда, в первом случае речь идет о сельском поселении, а во втором – о городе.

Например, при сравнении с "русскими" участками Водянского городища, наблюдается следующая картина. Совпадают типы жилищ: полуземлянка из раскопа II 1967 г. по размерам и конструкции (выступ-вход, расположение печи) аналогична полуземлянке 1 Алексеевского городища. В раскопе III

1968 г. и раскопе I 1969 г. процент древнерусской керамики в нижних слоях выше, чем в верхних, что характерно и для Алексеевского городища. Культурный слой Водянского городища, как и на Алексеевке, перекрывается поздним средневековым могильником. Конструкции могил и их расположение, позы и ориентировки погребенных на обоих могильниках идентичны (Полубояринова М.Д., 1978, с.74-78). Е.П.Мыськов считает, что ранний русский поселок на Водянском городище основан не позднее рубежа XIII-XIV вв., так как в слое не встречено ни одной золотоордынской монеты (Мыськов Е.П., 1998, с.132), что в общем правомерно и для Алексеевского городища, где тоже за все годы раскопок не было нумизматических находок.

Все названные памятники с преобладающим древнерусским культурным компонентом находятся непосредственно на берегу Волги. К западу, в лесостепном Волго-Донском междуречье, поселенческие археологические памятники, за исключением Прихоперья, практически не изучались. Небольшие раскопки проводились на средневековых селище и могильнике у с.Калмантай, и еще имеются отрывочные сведения о поселениях с русской керамикой на левом берегу р.Медведицы (северо-западная окраина пгт.Лысые Горы), на левом берегу р.Широкий Карамыш (левый приток Медведицы) у с.Песчанка Лысогорского р-на (Четвериков С.И., 1993, с.58).

Древнерусские поселение и могильник у с.Калмантай расположены в бассейне р.Терешки (правый приток Волги) в Вольском р-не, на севере Саратовской обл. На исследованном участке культурного слоя встречена только древнерусская керамика, (по большей части, горшки курганного типа), украшенная полосами многорядной волны и линиями. По набору типов горшков и орнаментации наблюдается определенное сходство с керамикой Прихоперья. Древнерусская керамика правобережья Волги, по сравнению с калмантайской, орнаментирована намного проще. Рядом с поселением исследована часть могильника этого же времени. Погребения безынвентарные, умершие лежали головой на З, ЮЗ и в одном случае – на Ю, на спине, вытянуто, руки на груди или животе. Здесь отмечаются те же характерные черты погребального обряда, что и на Алексеевском могильнике, и это еще раз подтверждает древнерусскую принадлежность последнего.

Следует подчеркнуть, что в культурном слое встречена только русская керамика, предметы золотоордынского времени были найдены на поверхности в окрестностях селища (Баринов Д.Г., 2001, с.134-141). Автор раскопок склонен датировать поселение и могильник домонгольским временем.

Древнерусский компонент на поселенческих памятниках проявляется более отчетливо по мере продвижения еще далее на запад. В отличие от поселений прибрежной волжской полосы, они изучены намного полнее. Здесь А.А.Хрековым выявлена и исследуется группа русских средневековых памятников, на части которых выделены домонгольские комплексы. Это – городище Никольевка 1, поселения Шапкино 2, Подгорное, Инясево, Рассказань в бассейне р.Хопер (Хреков А.А., 1994), Алмазово 1 и 2 (Изотова М.А., 1999). Причем многолетние раскопки в этом регионе – лесостепном Прихоперье, а в более широком плане – Верхнем Подонье – позволили определить их место среди других населенных пунктов юго-восточных земель Древней Руси как в домонгольское время, так и во 2-й пол.XIII – XIV в. (Цыбин М.В., 1987; 1997).

Слабая исследованность территории между Волгой и Прихоперьем пока не позволяет решить вопрос о соотношении древнерусских поселений этих двух регионов. Но, несомненно, что начальный этап их формирования проходил совершенно разными путями. Лесостепное Прихоперье было освоено русским населением в результате естественной колонизации в XII – 1-й пол.XIII в., после монгольского нашествия жизнь на поселениях возродилась вновь. В золотоордынское время здесь произошло не только повторное заселение, но даже приводятся данные об увеличении численности населения в XIII-XIV вв. (Цыбин М.В., 1997, с.339-340).

Заключение

Таким образом, исследования последних лет выявили в лесостепном Волжском Правобережье ряд памятников, своим происхождением связанных с древнерусским населением (рис.1). Поселения с древнерусскими материалами по берегу Волги не имеют культурных слоев домонгольского времени, их возникновение целиком связано с образованием Золотой Орды в сер.XIII в. и насильственным переселением людей из покоренных областей, в том числе и Руси.

Сложнее по имеющимся материалам определить время возникновения древнерусских населенных пунктов на обширной территории, разделяющей Прихоперье и побережье Волги. В физико-географическом отношении это – южная окраина лесостепи с пойменными лесами и остепненными водоразделами. Русское население могло появиться здесь не обязательно насильственным путем, а постепенно переселяясь в буферную зону, занимая наиболее залесенные участки. Такую вероятность нельзя исключать для северных районов Саратовской обл., иначе сложно объяснить появление таких поселений как Калмантай в верховьях небольшой речки, вдали от торговых путей и не имеющих в культурном слое золотоордынскую керамику. Но

хронологическую позицию таких памятников можно будет определить только после широкомасштабных раскопок.

В любом случае, появление серии средневековых поселений, содержащих преобладающее количество русских материалов, позволяет по-иному рассматривать этнокультурные аспекты региона в это время.

Археологические материалы дают основание предположить, что социальное положение древнерусского населения не ограничивалось двумя категориями – рабами и полузависимыми ремесленниками (Полубояринова М.Д., 1978, с.36-37). Русское население небольших сельских пунктов, скорее всего, находилось в какой-то форме феодальной зависимости, сохраняя свой традиционный уклад жизни и культуру на протяжении длительного времени, благодаря компактному поселению в чужеродной среде. Об этом же свидетельствуют и данные, полученные на Водянском городище, где состав находок свидетельствует, что древнерусское население имело собственное имущество и жилые дома (Мыськов Е.П., 2001, с.258). Подробно рассмотреть вопрос о социальном положении русских невольников станет возможным по мере накопления нового археологического материала.

Подобные памятники, в культурном слое которых преобладают русские средневековые материалы, пока отмечены только на правобережье Волги, на заволжских золотоордынских поселениях русская керамика встречается почти всегда, но никогда не составляет основу комплекса.

Литература и архивные материалы

Арзютов Н.К., 1929. Финский могильник XIII-XV вв. близ г.Аткарска// Тр. НВИК. Саратов.

Баллод Ф.В., 1923. Приволжские "Помпеи". М.; Пг.

Баринов Д.Г., 2001. Средневековые поселение и могильник у с.Калмантай// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 гг. Вып.4. Саратов.

Галкин Л.Л., 1984. Стеклянная мастерская на городище Селитренное// СА. № 2.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.

Деревягин Ю.В., 1967. Отчет о находках в Саратовской области в 1967 году// Архив ИА РАН. Р-1, 3430.

Деревягин Ю.В., 1968. Отчет об археологических разведках в Саратовской области [1968]// Архив ИА РАН. Р-1, 3855.

Деревягин Ю.В., 1969. Отчет о разведках и раскопках в Саратовской области [1969]// Архив ИА РАН. Р-1, 3990.

Изотова М.А., 1999. Древнерусское поселение Алмазово II// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып.3. Саратов.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье, 2000. М.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л.

Кочерженко О.В., 1992. Отчет об археологических раскопках Алексеевского городища (Саратовская область)// Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35в.

Кочерженко О.В., 1993. Охранные раскопки городища Алексеевское и курганной группы у с.Свищевка// Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35б.

Лопатин В.А., 1997. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып.2. Саратов.

Ляхов С.В., 1997. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII-XIV вв. в 1996 году// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып.2. Саратов.

Ляхов С.В., 1999. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып.3. Саратов.

Мансуров А.А., 1946. Старорязанские и пронские гончарные клейма// СА. № VIII.

Медведев А.Ф., 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге// КСИА. Вып.113.

Миронов В.Г., 1976. Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М.

Миронов В.Г., 1989. Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье в 1918-1977 годы (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья)// Археология восточноевропейской степи. Саратов.

Миронов В.Г., 1997. К вопросу о жилищах и хозяйственно-бытовых сооружениях на городецких памятниках Саратовского Поволжья (историографический очерк)// Археологические памятники Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып.2. Саратов.
Монахов С.Ю., 1982. Отчет об археологических исследованиях в Вольском районе в 1981 г.// Архив ИА РАН. Р-1, 8625.
Монахов С.Ю., 1991. Новые исследования грунтового Аткарского могильника// Археология Восточно-Европейской степи. Вып.2. Саратов.
Моржерин К.Ю., 1996. Раскопки грунтового могильника XIV века в урочище Мартышкино// Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып.1. Саратов.
Моржерин К.Ю., 1997. Комаровский грунтовой могильник XIII-XIV вв. на р.Сердобе// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып.2. Саратов.
Мыськов Е.П., 1998. Общие итоги исследований Водянского городища в 1992, 1997 годах// Проблемы археологии юго-восточной Европы (тез. докл. междунар. конф.). Ростов-на-Дону.
Мыськов Е.П., 2001. Русский поселок и русский квартал Водянского городища// Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып.1. Волгоград.
Недашковский Л.Ф., 1997. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округи// Этногенез и этнокультурные контакты славян. Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т.3. М.
Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.
Прошкин О.Л., 1997. Древнерусский слой Мощинского городища// РА. № 2.
Полубояринова М.Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода// МИА. № 117.
Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р.Воронеж// Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
Пряхин Д.С., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище XII-XIII вв. на р.Дон (итоги раскопок 1984-1986 гг.)// Археология славянского юго-востока. Воронеж.
Пряхин Д.С., Цыбин М.В., 1996. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987-1993 гг.)// На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.
Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище. САИ. Вып.Е1-32.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Рыков П., 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет)// Изв. КИИЮВО. Т.1. Саратов.
Рыков П., 1931. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г.// Изв. НВИК. Т.IV. Саратов.
Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура// САИ. Вып.Д1-14.
Степанов П.Д., 1960. Хвалынские городища// Тр. СОМК. Вып.3. Саратов.
Степанов П.Д., 1962. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья// МИА. № 111.
Стрикалов И.Ю., 1996. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани// Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.
Трубникова Н.В., 1953. Племена городецкой культуры// Тр. ГИМ. Вып.2.
Судаков В.В., 1992. Славянский могильник Переяславля-Рязанского// Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Хлебникова Т.А., 1971. Отчет о работе на Алексеевском городище у г.Саратова в 1971 г.// Архив ИА РАН. Р-1, 4397.
Хреков А.А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья// Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.
Цыбин М.В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII-XIV вв. в Среднем Подонье// Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
Цыбин М.В., 1997. Юго-восток русских земель во второй половине XIII-XIV в. (к изучению этнокультурных процессов)// Этногенез и этнокультурные связи славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.3. М.
Четвериков С.И., 1993. Отчет о научно-исследовательской работе. Выявление и картографирование археологических памятников в Лысогорском районе Саратовской области// Архив Управления по историко-культурному наследию Саратовской области. № 14.

Четвериков С.И., 1994. Раскопки грунтовых средневековых могильников в Саратовском Поволжье// АО 1993 г. М.

Юдин А.И., 1988. Отчет об археологических разведках в бассейнах рек Терешки и Большого Карамана в 1987 году// Архив ИА РАН. Р-1

Юдин А.И., 2000а. Алексеевское городище в г.Саратове: итоги и перспективы исследования// Поволжский край. Вып.11. Саратов.

Юдин А.И., 2000б. Алексеевское городище: от средней бронзы до позднего средневековья// Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (матер. межд. научн. конф.). Саратов.

Юдин А.И., Балановский А.В., 2001. Позднесредневековые русские памятники лесостепного правобережья Нижней Волги// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Матер. Всеросс. научно-практ. конф. Астрахань.

Summary

A.I.Yudin, A.V.Balanovsky (Saratov, Russia)

On Ethnic and Cultural Attribution of Certain Medieval Settlements Situated in the Forest-Steppe Areas of the Volga Right Bank

The artifacts of the Russian origin in the settlements of the Golden Horde were found frequently, though they were not numerous. In recent years archaeological sites with medieval Russian materials have been found in the forest-steppe zone of the Lower Volga basin. They are settlements and ground sepulchres located on the Volga right bank (i.e. Alekseyevka site, Martyshkino, Kondakovo 1 and 2, Volsk) and in the forest-steppe of the Volga and Don interfluve (Kalmantay, Lysyje Gory, Peschanka).

The hillfort of Alekseyevka and a ground burial site in the city of Saratov have been investigated best of all. The medieval settlement on the Alekseyevka site was founded by the Russian people who had been moved to that place by the Tatar-Mongols from the captured Russian principalities in the later part of the XIIIth c. The evidence that the settlement had existed as far back as in XIVth c. has been provided by a number of finds. Russian ceramics makes up to 87% of all the finds in the occupation layer, while the samples of the Golden Horde ceramics are scarce. Semi dugout dwellings with pise ovens have been found. The burials of the ground cemetery were performed according to the Christian rites.

Other little settlements have also preserved the basic features of ethnic culture that can be easily traced archaeologically in the types of dwelling places, ceramics and funeral rites. The settlements containing Russian materials have no evidence of the occupation layers previous to the Mongols' arrival. They appeared on the Volga right bank as a result of the Golden Horde formation in the mid-XIIIth c.

The archaeological materials obtained permit to determine the social status of the Russian population. It can be assumed that it involved not only slaves and semi-dependent craftsmen, i.e. the two social categories known from literature. Most probably, the population of rural settlements was in a certain status of feudal dependence, yet retaining their traditional mode of living and culture for a long time due to their compact settling in foreign surroundings.

As for the territories between the Volga and the Don, the Russian population might have colonized them before the Mongolian invasion, or they could have gradually moved to the border area between Rus and the Golden Horde, settling in the woodlands, just as it had happened westwards, in the forest-steppe area of the Khoper basin.

A.I. Judin, A.V. Balanovskij (Saratow, Russland)

Ethnische und kulturelle Zugehörigkeit mancher hochmittelalterlichen Siedlungen im Waldsteppengebiet des rechten Wolgaraumes

Die Funde russischer Herkunft kommen ziemlich oft in den Siedlungen der Goldenen Horde vor, ihre Anzahl ist aber gewöhnlich nicht groß. In den jüngsten Jahren wurden im Waldsteppengebiet der Unteren Wolga mittelalterliche Denkmäler bekannt, die die russische Bevölkerung hinterlassen hatte. Das sind die Siedlungen

und die Gräberfelder am rechten Wolgaufer (Burgwall Alexejewskoje, Martyschkino, Kondakowo 1 und 2, Wolsk) und im Waldsteppen-Zwischenstromgebiet der Wolga und des Don (Kalmantaj, Lysyje Gory, Pestschanka).

Am besten erforschtes Denkmal ist der Ringwall Alexejewskoje und das Erdgräberfeld in Saratow. Die aus dem Mittelalter stammende Siedlung Alexejewskoje wurde von den Russen gegründet, die in der 2. Hälfte des 13. Jh. von Mongolen und Tataren aus den eroberten russischen Fürstentümern übersiedelt worden waren. Einige Funde lassen erkennen, dass diese Siedlung noch im 14. Jh. bestanden hat. Die russische Keramik beträgt in der Kulturschicht über 87%, wobei die Keramik der Goldenen Horde nicht zahlreich ist. Entdeckt wurden halb in die Erde versenkte Behausungen mit Lehmöfen. Die Bestattungen dieses Erdgräberfeldes hatten nach christlicher Sitte stattgefunden.

Im kulturellen Antlitz dieser Kleinsiedlungen sind die wichtigsten ethnischen Identifizierungsmerkmale erhalten geblieben, die archäologisch an Typen von Behausungen, an Keramik und Bestattungsritual besonders deutlich erkennbar sind. Die Wolgasiedlungen mit russischen Materialien weisen keine Kulturschichten aus der vormongolischen Zeit auf, so dass ihre Entstehung voll und ganz auf die Gründung der Goldenen Horde in der Mitte des 13. Jh. zurückzuführen ist. Die Funde geben Aufschluss über die soziale Lage der russischen Bevölkerung. Diese beschränkte sich nicht auf die aus den schriftlichen Quellen bekannte Teilung in zwei Gruppen – Sklaven und halbabhängige Handwerker. Die russische Dorfbevölkerung stand eher in einer Form der feudalen Abhängigkeit, wobei sie dank ihrer dichten Ansiedlung in der fremden Umgebung die herkömmliche Lebensweise und Kultur auf die Dauer erhalten konnte.

Ins Gebiet zwischen der Wolga und dem Don müssen die Russen im Zuge der Kolonisierung noch in der vormongolischen Zeit gekommen sein oder sie siedelten sich nach und nach ins Grenzgebiet zwischen der Goldenen Horde und der Rus über, indem sie die am dichtesten bewaldeten Flächen für sich beanspruchten, genau so, wie sie das bereits westlich davon im Waldsteppengebiet am Fluss Choper getan hatten.

A.I.Udin, A.V.Balanovski (Saratov, Russie)

Sur l'appartenance ethnoculturelle de quelques sites du Moyen Age avancé situés sur les terrains de steppes et forêts de la rive droite de la Volga

Des trouvailles d'origine russe sont assez fréquentes sur les campements de la Horde d'or, mais elles ne sont pas nombreuses dans leur totalité. Ces derniers temps on a découvert des monuments du Moyen Age abandonnés par la population russe sur la zone de steppes et forêts de la basse Volga. Ce sont des sites et des nécropoles ras le sol situés sur la rive droite de la Volga (site Alekseêvka, Martyškino, Kondakovo 1 et 2, Vol'sk) et ceux situés dans la zone de steppes et forêts entre deux fleuves, la Volga et le Don (Kalmantaj, Lysyê gory, Pesĉanka).

Le site Alekseêvka et le monument ras le sol de la ville de Saratov sont le mieux étudiés. Une cité du Moyen Age située dans la zone d'Alekseêvka avait été fondée par les Russes, déportés des principautés russes par des tataro-mongoles dans la 2-me moitié du XIII siècle. La cité fonctionnait encore au XIV siècle, ce qui est confirmé par une série de trouvailles. Ce sont des céramiques russes qui constituent 87 % de trouvailles dans la couche culturelle, tandis que celles de la Horde d'or ne sont pas nombreuses. On découvre des gîtes à moitié sous terre équipés de foyers en terre battue. Des inhumations de la nécropole ras le sol avaient été faites selon le rite chrétien.

L'image de ces petits sites garde des traits ethniques principaux bien décelables par les archéologues d'après des types de gîtes, de céramiques et du rite funéraire. Ces sites d'origine russe sur les bords de la Volga n'ont aucune trace de couche culturelle antérieure de l'époque des mongoles. Leur apparition est liée exceptionnellement à la formation de la Horde d'or au milieu du XIII siècle.

Les données archéologiques permettent de comprendre la situation sociale de la population russienne. Ce n'étaient pas seulement des esclaves et des artisans à demi assujettis, comme on l'apprend à partir des sources scientifiques. La population russe des sites ruraux se trouvait probablement sous forme de dépendance féodale qui lui permettait de conserver son mode de vie et sa culture pendant une longue période grâce à son existence compacte dans un milieu étranger.

La population russe pourrait vivre sur le terrain entre deux fleuves, le Don et la Volga, à la suite de la colonisation à l'époque antérieure aux mongoles, ou bien elle pourrait déménager progressivement dans la zone limitrophe entre La Horde d'or et la Russie, s'installant surtout dans les forêts, comme cela avait eu lieu plus à l'Ouest, sur les territoires de steppes et forêts au bord du Hoper.

Статья поступила в редакцию в 2001 г.

Э.Д.Зиливинская, С.Н.Алексейчук

УСАДЕБНОЕ ЗДАНИЕ НА XV РАСКОПЕ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА[1]

В исследованиях, посвященных раскопкам золотоордынских городов, неоднократно отмечался усадебный характер их застройки (Федоров-Давыдов Г.А., 1964, с.251; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.14, 15; Мухамадиев А.Г. и др., 1970, с.69; Егоров В.Л., 2000, с.268 и т.д.). Усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан занимали значительную площадь. Они состояли из дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек. Каждая усадьба имела свой водоем (хаус) и была обнесена забором (дувалом). Часто на ее территории располагались ремесленные мастерские, продукция которых использовалась внутри усадьбы и при избытке могла поступать на рынок. В настоящее время полностью исследовано около 15 усадебных зданий в золотоордынских городах. Большая часть их находится в Нижнем Поволжье и лишь одно – за его пределами на Кучугурском городище на Нижнем Днепре (Довженок В.Й., 1961, с.187-192). Материалы раскопок усадеб Царевского и Водянского городищ опубликованы полностью (Федоров-Давыдов Г.А., 1964, с.251; Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970, с.68-172; Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974, с.89-132; Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970, с.124-132; Мухамадиев А.Г., 1974, с.80-89; Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1978, с.88-113). Г.А.Федоровым-Давыдовым опубликовано здание на VIII раскопе Селитренного городища (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.54-56). Остальные усадебные постройки Селитренного городища и Хаджитархана охарактеризованы очень кратко (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.52-59). В связи с этим подробная публикация усадебного здания, исследованного на XV раскопе. Селитренного городища представляется вполне актуальной.

В 1985, 1987-89 и 1994 гг. Поволжской экспедицией под руководством Г.А.Федорова-Давыдова был исследован участок Селитренного городища, расположенный в низине между холмами Красный и Кучугуры примерно в 300 м к северу от уреза городища (рис. 1). Раскоп XV был разбит на холме диаметром 30-35 м и высотой 1,2-1,5 м над уровнем окружающей степи. Растительность на этом возвышении была редкая, представленная отдельными кустиками солянок и "перекати-поля". На поверхности холма в изобилии встречались обломки обожженных кирпичей и белой известковой обмазки. В центральной его части находилось воронкообразное углубление диаметром около 5 м, которое представляло собой остатки поздней грабительской ямы с сильно оплывшими краями.

В 1985 г. раскоп копался под руководством Н.М.Булатова при участии В.Л.Егорова, Э.Д.Зиливинской и Т.В.Скоробогатовой. Н.М.Булатовым были вскрыты помещения 4, 5 и часть помещения 2. В 1987-1989 и 1994 г. раскоп вела Э.Д.Зиливинская под руководством Г.А.Федорова-Давыдова (Зиливинская Э.Д., 1988, 1989, 1990, 1995)[2]. В 1997 г. работы на XV раскопе были продолжены (Зиливинская Э.Д., 1998), однако полностью, вся территория усадьбы до сих пор не исследована. Общая площадь XV раскопа составила 1576 м^2.

Большую часть XV раскопа занимала богатая усадьба, центром которой являлся большой многокомнатный дом из сырцового кирпича. К дому примыкал ряд хозяйственных построек. Территория усадьбы была обнесена оградой из сырцового кирпича на основании из битого жженого кирпича и шлака. Все выявленные постройки и сооружения на XV раскопе можно отнести к четырем периодам существования. К I периоду относится дом № 2 с деревянными стенами и небольшая землянка, расположенные за пределами усадьбы, а также несколько ям. Во II периоде был построен непосредственно дом № 1, являвшийся центром усадьбы с примыкающими к нему постройками. К III периоду относятся 25 погребений, совершенных непосред-

---

[1] Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 02-06-80251.

[2] Мне хотелось бы выразить глубокую благодарность Г.А.Федорову-Давыдову за предоставленную возможность ведения работ на этом раскопе, работы над материалом и за его ценные консультации. Также я благодарю В.Л.Егорова за постоянную помощь и советы по ведению раскопа и В.Л.Антонова и С.С.Филимонова, производивших большую часть архитектурных съемок на данном объекте (Э.Д.Зиливинская).

ственно на территории усадьбы и частично перерезавших стены построек и усадебную ограду. В IV периоде прямо на погребения был поставлен дом № 3.

Наиболее интересным объектом на XV раскопе является усадебный дом № 1. Здание было квадратным в плане размерами 20,0 м по оси север-юг и 19,5 м по оси запад-восток. Стены его были сложены из большеформатного сырцового кирпича (50-52х25-26х6-7 см) на глиняном растворе (рис.2). Все стены, как наружные, так и внутренние, делящие здания на помещения, имели аналогичное строение. Основания стен толщиной 105-110 см состояли из слоев в два кирпича, положенного в тычок, чередующихся со слоями, где между двумя рядами, лежащими ложком, один ряд положен тычком. Начиная с шестого слоя кладки, стены сужаются до 80-90 см, и каждый слой ее составляет два ряда кирпичей, один из которых положен в тычок, а другой – в ложок. Расположение рядов в слоях чередуется. Нижняя, цокольная, часть здания до уровня сужения стен изнутри была заполнена субструкцией толщиной до 60 см, на которую настилались полы и были поставлены внутренние конструкции. Субструкция цокольной части здания состояла из желто-коричневого комковатого суглинка однородной структуры.

После полного исследования помещений здания полы были сняты и субструкция вынута до материка (рис.3). Это позволило точнее проследить строение нижней части стен, а также найти стену в северной части помещения 2, которая была скрыта под полом и не продолжалась выше его уровня. Стены сохранились на различную высоту – от 7-8 до 20 слоев кладки. Некоторые из них прослеживались с первого штыка. Наружная поверхность внешних стен была покрыта глиняной обмазкой, толщина которой достигала 10 см. В толще обмазки прослеживалось до 5 слоев, по 2 см толщиной. Два внешних слоя были серо-желтого цвета, третий слой имел светло-желтую окраску, и два внутренних – красно-коричневую. Обмазка имела примесь мелко рубленой соломы и половы. Стены были поставлены на материк. Вдоль всех четырех стен со стороны двора была сделана завалинка из шлака и битого кирпича шириной от 0,9 до 2,1 м. Наибольшую ширину она имела у северной стены. Высота завалинки составляла 20-50 см над уровнем материка. Сверху она была перекрыта плотно утоптанной поверхностью двора, что хорошо было видно на профилях раскопа.

Дом № 1 на XV раскопе был построен по единому, четко разработанному плану. Объем здания был разделен двумя меридиональными стенами на три ряда помещений почти одинаковой ширины. Вход в дом находился по центру южной стены. Он вел в небольшое помещение 1, представлявшее собой входной тамбур или прихожую. Далее к северу от тамбура находился большой парадный зал (пом.2). В западном и восточном рядах находилось по три жилых комнаты, которые соединялись с залом. За время существования дома жилые комнаты подвергались многочисленным перестройкам. В некоторых из них насчитывается до пяти строительных периодов. В двух комнатах найдены сооружения, назначение которых не совсем понятно. Они находятся в цокольной части, ниже уровня пола, и, возможно, не использовались жильцами дома. Поэтому они отнесены нами к нулевому периоду.

О единстве первоначального плана постройки свидетельствует и тот факт, что жилые комнаты, расположенные друг против друга с западной и восточной сторон, имели сходную внутреннюю планировку и аналогичное назначение. Это особенно четко видно при подробном описании помещений.

Помещение 1

Помещение 1 находилось в южной части центральной линии комнат здания (рис.2, 4, 5). Оно имело прямоугольную форму и было вытянуто в широтном направлении. Размеры его составляли 5,80х3,25 м. В помещение со двора усадьбы вел дверной проем шириной 5,80 м. В этом проеме три нижних слоя кирпичей кладки были положены во всю толщину стены (106 см), а следующие два слоя состояли из сырцов, положенных в 1 ряд тычком или в два ряда ложком (52 см). Северный край этой части стены совпадал с краем нижних слоев кладки, а с южной стороны образовывалась ступенька шириной 54 см. На верхний слой кирпичей стены в проеме была положена тонкая нивелировочная подсыпка, на которой покоились кирпичи вымостки пола помещения 1. Со стороны двора к проему южной стены вела сильно утоптанная поверхность двора, которая постепенно повышаясь с отметки -39 до отметки -5, образовывала своеобразный земляной пандус. Этот пандус заходил на нижнюю ступеньку южной стены на 12 см и обрывался резкой прямой линией. Можно предположить, что в канавке шириной 42 см, которая была образована северной границей пандуса и краем кладки узкой части стены, мог находиться деревянный брус дверной рамы.

Западная стена помещения 1 являлась восточной стеной помещения 3. Она имела высоту 2-4 слоя кладки над уровнем пола (над уровнем широкой, цокольной части стены, высота которой 6 слоев кладки). Толщина стены составляла 80 см. Восточная стена являлась западной стеной помещения 6. Толщина ее составляла 90 см, высота – 4-5 слоев над уровнем пола. Северная стена сохранилась на вы-

соту 3 слоя кладки, толщина ее составляла 80-85 см. В 2,25 м от СЗ угла помещения в стене был сделан проем шириной 1,10 м. Он был несколько смещен (на 10 см) к западу относительно центральной оси здания. Вертикальные поверхности стен помещения 1 были покрыты тремя слоями глиняной обмазки. Обмазка была сделана из коричневой глины с примесью соломы. Общая толщина ее – 6 см.

Вдоль западной и восточной стен помещения были сделаны прямоугольные суфы шириной 110 см. Их подпорные стенки сложены из сырцов размерами 21х20х4 см. Западная стенка сохранилась на высоту одного слоя кладки, а восточная – трех слоев. Северными концами эти стенки упирались в северную стену помещения, а южными, вероятно, в деревянные конструкции обрамления дверного проема.

Пол помещения 1 был выложен обожженным кирпичом на известковом растворе. Сохранился небольшой участок вымостки пола в южной части помещения. Два ряда кирпичей были положены на поверхность верхнего слоя кладки южной стены вдоль ее длины. К ним примыкал участок пола из кирпичей, положенных по косой. Возле западной суфы также обнаружены отпечатки двух рядов кирпичей, идущих вдоль нее. Можно предположить, что бордюр из двух рядов прямолежащих кирпичей обрамлял вымостку пола из кирпичей, положенных косо, со всех сторон. В проходе между помещениями 1 и 2 сохранился порог, выложенный из оббитых кирпичных брусков квадратного сечения (5 см). При расчистке помещения 1 были найдены две монеты с датами 1350 гг. и 1365/66 гг.

Помещение 9

Первоначально при строительстве дома, с северной стороны от помещения 2 находился еще один входной тамбур (помещение 9), симметричный помещению 1 относительно широтной оси здания (рис.4, 5). Внутренние размеры его составляли 6,0х2,0 м. Северная стена тамбура была возведена только до уровня цоколя. Вероятно, здесь был сделан проход, который вел во двор. Южная стена была обнаружена при выемке субструкции под полом II периода. Цокольная часть ее имела высоту 6 слоев кладки и ширину 1,10 м. В центральной части стены сохранился участок седьмого слоя кладки шириной 76 см. С восточного и западного концов кладка седьмого слоя была обрублена, и вдоль стен были сделаны проходы шириной 150 см. После снятия штукатурки с восточной стены помещения в том месте, где к ней примыкала описываемая стена, обнаружилась штроба верхней, более узкой, части стены. Обломанные сырцы выступали на 3-15 см из плоскости восточной стены. То есть, здесь первоначально была стена, которая потом была срублена. Западный конец стены приходится на северную часть прохода в помещение 5. Вероятно, в I периоде проход был более узким (уже примерно на 25 см), а потом был расширен.

Помещение 2

Помещение 2 представляло собой большой прямоугольный зал, который находился к северу от помещения 1 (рис.2). Западная стена отделяла его от помещений 3, 4, 5, а с восточной стороны находились помещения 6, 7, 8. Все комнаты, кроме помещения 4, соединялись с залом проходами. За время существования дома зал претерпел кардинальную перестройку; в нем четко прослеживаются два строительных периода.

I строительный период (рис.4, 5)

В I периоде размеры зала составляли 13,3х5,8-6,0 м. С северной стороны находилось помещение 9, через которое также можно было попасть во двор.

Пол помещения 2 в I строительном периоде мог быть тем же, что и во II.

II строительный период (рис.12, 13)

Во II строительном периоде площадь помещения 2 была увеличена за счет уничтожения северного тамбура. Проем в северной стене был заделан досками, южная стена помещения 9 была срублена до уровня цоколя, а ее первоначальный порог оказался под суфой II периода. Под суфой после ее снятия был обнаружен хорошо утоптанный глинобитный пол I периода, который перекрывал выступ цоколя северной стены.

Во II периоде зал был сильно вытянут в меридиональном направлении; размеры его составляли 14,4х5,8-6,0 м. Северная стена помещения 2 была сырцовой только до уровня цоколя; выше она, вероятно, была деревянной. На это, косвенно, указывает тот факт, что глинобитная суфа, расположенная в северной части зала, заходит на кладку кирпичей стены. Западная и восточная стены помещения 2 были покрыты тремя слоями глиняной обмазки с примесью мелко рубленой соломы. Толщина каждого слоя составляла 1,5 см. Первый слой обмазки был прослежен ниже уровня кирпичного пола, то есть при отделке помещения сначала были оштукатурены стены, а потом уложены кирпичи пола. Следующие два слоя обмазки являются результатами ремонта и идут до уровня пола.

Пол помещения 2 был выложен обожженными кирпичами на известковом растворе. В разных частях помещения вымостка пола имела различное

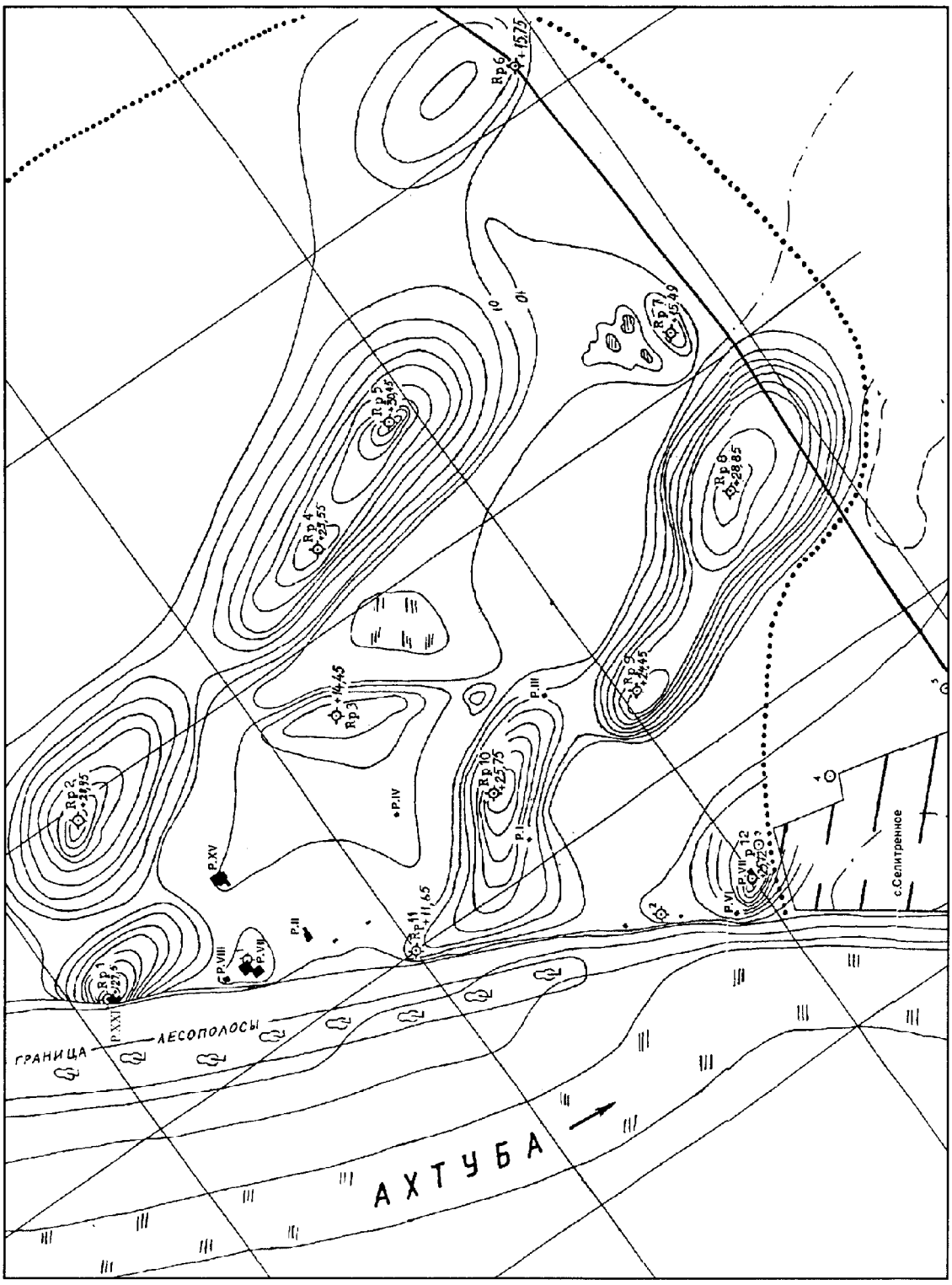

Рис. 1. Топоплан Селитренного городища.
Fig. 1. Topographic plan of Selitrennoye fortified ancient settlement.
Abb. 1. Grundriss des Selitrennij-Burgwalls.
Dess. 1. Plan topographyque du site de Selitrennojé

строение. В южной части, вдоль восточной и западной стен была сделана кладка шириной в 6 рядов кирпича и длиной в 14 рядов. Кладка была почти полностью разобрана, но хорошо читалась по отпечаткам кирпичей. Там, где вымостка сохранилась, видно, что поверхность их не носит следов затертости, а известковый раствор швов заходит на поверхность кирпичей. Таким образом, можно предположить, что в этой части пола по нему не ходили. Возможно, он был покрыт коврами или кошмами. От прохода из помещения 1 прослеживался участок вымостки пола из кирпичей, положенных по

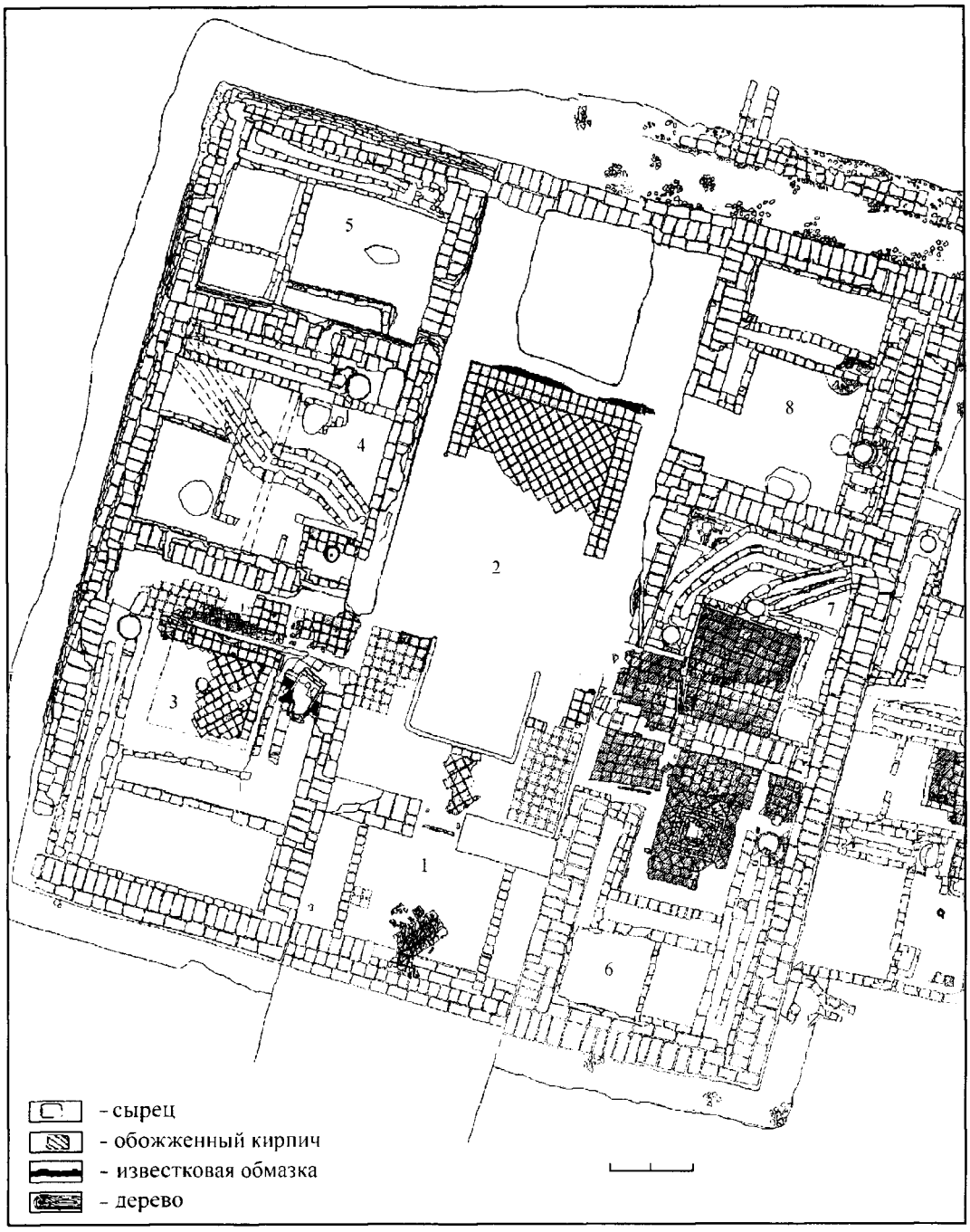

Рис. 2. Здание на XV раскопе, общий план.
Fig. 2. Building at XVth dig-out, the general layout.
Abb. 2. Gebäude in der 15. Grabung, Gesamtansicht.
Dess. 2. Bâtiment dans la fouille XV, plan général

диагонали. С севера эта вымостка ограничена одним рядом прямой кладки, а в проходе между помещениями 1 и 2, вероятно, были положены два ряда прямолежащих кирпичей, которые упирались в линию порога. Кирпичи этой части пола сильно затерты и выщерблены, что вполне естественно, так как здесь находился проход. Каждый из трех участков П-образного пола в южной части зала имел ширину 145 см.

С внутренней стороны вымостки были ограничены канавкой шириной 12 см и глубиной 8 см, в которой местами наблюдались остатки деревянного бруса. Пространство, охваченное с трех сторон кладкой этого пола, представляло собой ровную глинобитную поверхность. Скорее всего, здесь тоже были положены кирпичи, но отпечатки их не сохранились.

Центральная часть помещения 2 была перерезана большой грабительской ямой и пол здесь был разобран. Участок пола в северной части помещения представлял собой кладку из кирпичей, положенных по диагонали, которая с востока, севера и запада была ограничена бордюром из двух рядов кирпича. Эта вымостка не доходила на 70 см до восточной и западной стен и заканчивалась в 3,8 м от северной стены.

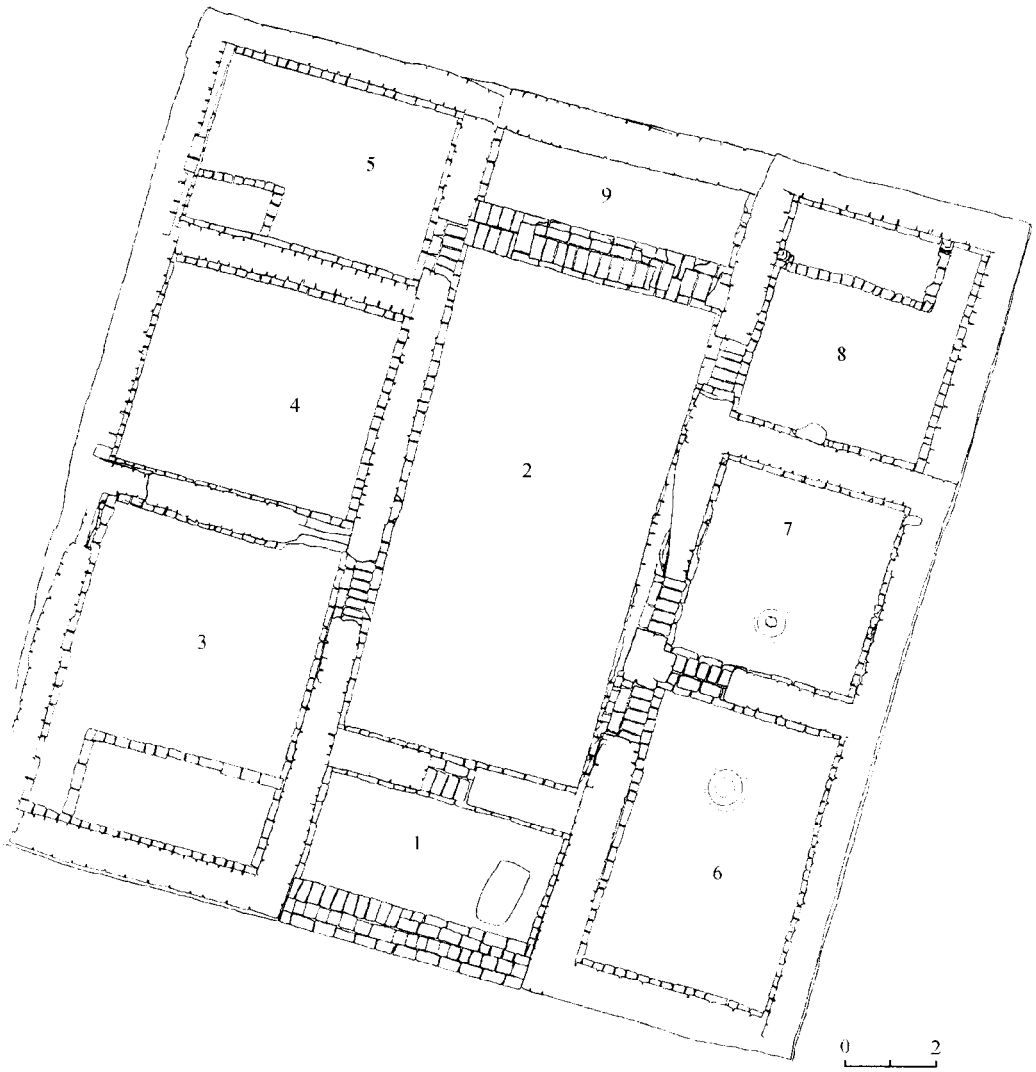

Рис.3. Здание на XV раскопе, общий план на уровне цокольной части.
Fig. 3. Building at XVth dig-out, the general layout at the ground floor level.
Abb. 3. Gebäude in der 15. Grabung, Gesamtansicht in der Sockelebene.
Dess. 3. Bâtiment dans la fouille XV, plan général au niveau du rez-de chaussée

В северной части помещения 2 была сооружена большая глинобитная суфа прямоугольной формы. Она имела длину 3,8 м и ширину 3,0 м. Высота ее составляла 30 см над уровнем пола. Подпорные стенки суфы не сохранились, возможно, они были деревянными. Южный край суфы отстоял на 38-40 см от края пола. На этом пространстве прослеживались отпечатки плоско положенной доски, ограничивающей кирпичную вымостку. Между суфой и меридиональными стенами помещения 2 были оставлены проходы шириной 150 см. Северный край суфы заходил на цокольную часть северной стены на 25 см. Вероятно, он примыкал к верхней, деревянной части стены.

В помещении 2 была найдена бронзовая петля, изделие из кости неопределенного назначения и 2 медные монеты 1340 гг. и 767 г.Х. (1365/66).

С восточной и западной сторон от центрального зала находились жилые помещения.

Помещение 3

Помещение 3 располагалось в юго-западном углу дома (рис.2). Комната имела прямоугольную форму. Размеры ее составляли 7,40 м по линии С-Ю и 5,60 м по линии З-В. С юга и запада помещение 3 было ограничено внешними стенами здания. Стены помещения выше цоколя сохранились на

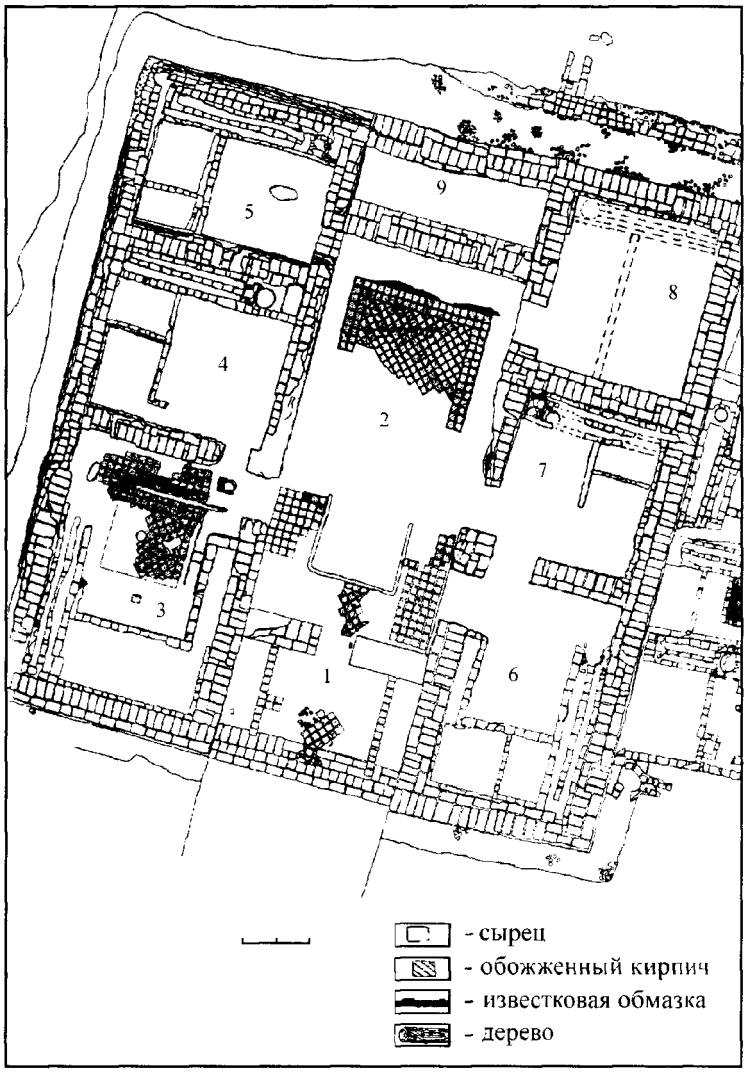

Рис. 4. Здание на XV раскопе, общий план конструкций I строительного периода.
Fig. 4. Building at XVth dig-out, the general layout of the 1st construction period structures.
Abb. 4. Gebäude in der 15. Grabung, Gesamtansicht der Baugruppen aus der 1. Bauperiode.
Dess. 4. Bâtiment dans la fouille XV, plan général de la costruction de la phase I de travaux

высоту 4 слоев кладки. Южная и восточная стены помещения 3 были покрыты слоем глиняной обмазки толщиной 2 см, которая начиналась с уровня полочки цоколя стен. На восточной стене обмазка западного ее фаса переходит на торец и потом на восточный фас, то есть на западную стену помещения 2. Таким образом, первоначальное оштукатуривание стен, очевидно, проводилось сразу после их возведения, до сооружения внутренних конструкций помещения. Помещение 3 соединялось с помещением 2 скользящим проходом, идущим вдоль его северной стены. Ширина прохода составляла 110 см. Во все строительные периоды помещение 3 соединялось с помещением 4 проходом в восточной части его северной стены. В последнем строительном периоде был прорублен проход в западной части северной стены. Подробней об этом будет сказано ниже. В помещении 3 было выявлено три строительных периода.

0 строительный период (рис.3)

К 0 строительному периоду относится стенка из сырцового кирпича размерами 50х25х7 см. Она поставлена на материк и сохранилась на высоту 7-8 слоев кладки. Стенка шла параллельно южной стене здания на расстоянии 2,0 м от ее края в верхней части и 1,8 м от ее края в цокольной части. Восточный край стенки упирался в подпольную часть восточной стены помещения и находил на полочку, образованную сужением стены в подпольной части. Не доходя до нижнего фаса западной стены помещения на 80 см, стенка поворачивала на юг и упиралась в южную стену помещения, также заходя на полочку. Высота ее в этой части составляла 8 слоев кирпича. Назначение этой конструкции не совсем понятно, ясно лишь, что она возведена одновременно с капитальными стенами здания.

I строительный период (рис.4, 5)

В I строительном периоде сырцовая стенка 0 строительного периода продолжала существовать. Внутренний объем помещения был засыпан субструкцией примерно на 60 см. Все сооружения I строительного периода возводились с этого уровня. В восточной части помещения 3 построена стенка из сырца большого формата (50х25х6 см). Она шла параллельно восточной стене помещения на расстоянии 60 см от нее. Южный конец ее упирался в стенку 0 строительного периода. Здесь высота кладки составляла 1 слой. От угла стена продолжалась на 3,35 м к северу, потом поворачивала на восток и упиралась в восточную стену помещения. В этой части кладка стены сохранилась на высоту 5 слоев кирпича. Очевидно, это и была ее настоящая высота, так как поверхность суфы следующего периода находилась непосредственно над ней. Эта стенка, а также стенка 0 строительного периода являлись подпорными стенками суфы. Внешняя поверхность их была покрыта глиняной штукатуркой в 2 слоя общей толщиной 2 см. При выборке заполнения суфы найден красноглиняный кувшинчик, две стеклянные бусины, стеклянная вставка и костяная обойма ножа.

Западную часть П-образной суфы занимал кан. Для его сооружения был срублен до уровня пола западный отрезок стенки 0 строительного периода и на него поставлена восточная стенка кана. Кан сложен из сырцового кирпича размерами 52х26х7 см. Впоследствии он был разобран, и от него сохранились лишь отдельные кирпичи нижнего слоя кладки.

Пол помещения 3 в I строительном периоде был кирпичным. Он имел различную систему кладки. Вдоль северной стены помещения шла вымостка из 4,5 рядов кирпича на известковом растворе шириной 108 см. В центральной своей части она была разобрана и прослеживалась по очень четким отпечаткам кирпичей. Сохранившиеся кирпичи этого пола были сильно затертыми и растрескавшимися. В восточной части этой вымостки, как раз напротив прохода в помещение 4 делана тошна № 2. Она дошла до нас в виде неправильно округлой ямы с сужающимися ко дну стенками. Верхний диаметр ее 40 см, диаметр дна – 28 см, глубина – 73 см. Сверху тошна была заложена 4 кирпичами, из которых сохранилось только 2 с западной стороны. Описанная вымостка была отделена от остального пола канавкой шириной 14 см и глубиной 10 см. Стенки и дно этой канавки сохранили остатки обмазки известковым раствором. Скорее всего, здесь был проложен деревянный брус, отделявший вымостку пола в северной части помещения от остальной площади пола.

Центральную часть помещения 3 занимала вымостка из обожженных кирпичей на известковом растворе, положенных по диагонали. Размеры ее составляли 2,6 м по линии З-В и 2,3 м по линии С-Ю. Эта вымостка ограничена бордюром из прямолежащих кирпичей. Вдоль восточного ее края он выложен в 1,5 кирпича, вдоль северного – в один и три четверти кирпича. Кроме того при разборке суфы II строительного периода найдены остатки известкового раствора и отдельные отпечатки кирпичей, которые свидетельствуют о том, что кладка пола из кирпичей, ориентированных по осям помещения шла вплоть до стенок суфы. В косой кладке два кирпича были заменены изразцами бирюзового цвета.

В центре пола находилась тошна № 1. Ее поглощающий колодец был сделан из перевернутого

вниз горлом хума с отбитым дном. Высота хума 105 см, максимальный диаметр - 80 см. В заполнении хума найдены обломки слива тошны. Он представлял собой красноглиняную керамическую плиту в виде шестиугольника (24 см в сечении) со штампованным растительным орнаментом и дырочкой посредине (рис.6). Плита покрыта поливой бирюзового цвета. Там же находился мраморный предмет в виде восьмигранной призмы, с округлым верхом (рис.7). Сечение ее основания составляло 12 см, высота - 10 см. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, этот предмет представлял собой гирю весом 1850 г. (Федоров-Давыдов Г.А., 2001, с.222).

Северная стена помещения 3 была покрыта белой известковой штукатуркой толщиной 0,5 см. Штукатурка крепилась на глиняном растворе. Нижний ее край находился ниже поверхности кирпичного пола, то есть в помещении сначала оштукатурили стены, а потом положили кирпичи пола.

II строительный период (рис.12, 13)

Во II строительном периоде П-образная суфа была расширена. Стенки ее сложены из сырцового кирпича размерами 36х18х4 см. Ширина восточной части суфы составила 1,3 м, южной - 3,2 м. Стенки суфы сохранились на высоту 4-6 слоев кладки. Поверхность стенок суфы покрыта глиняной обмазкой толщиной 1,5 см. Западную часть суфы занимал двухканальный кан, который был построен на месте разобранного кана I строительного периода. Стенки его сильно разрушены. Ширина каналов кана составляла 22-27 см. В окончании западного канала кана была сделана яма сажеприемника. Общая ширина суфы, которую занимал кан, составляла 1,1 м.

Топка кана в виде тандыра диаметром 58 см находилась в северной его части, в 5,6 м от ЮЗ угла помещения. Тандыр сохранился на высоту до 36 см.

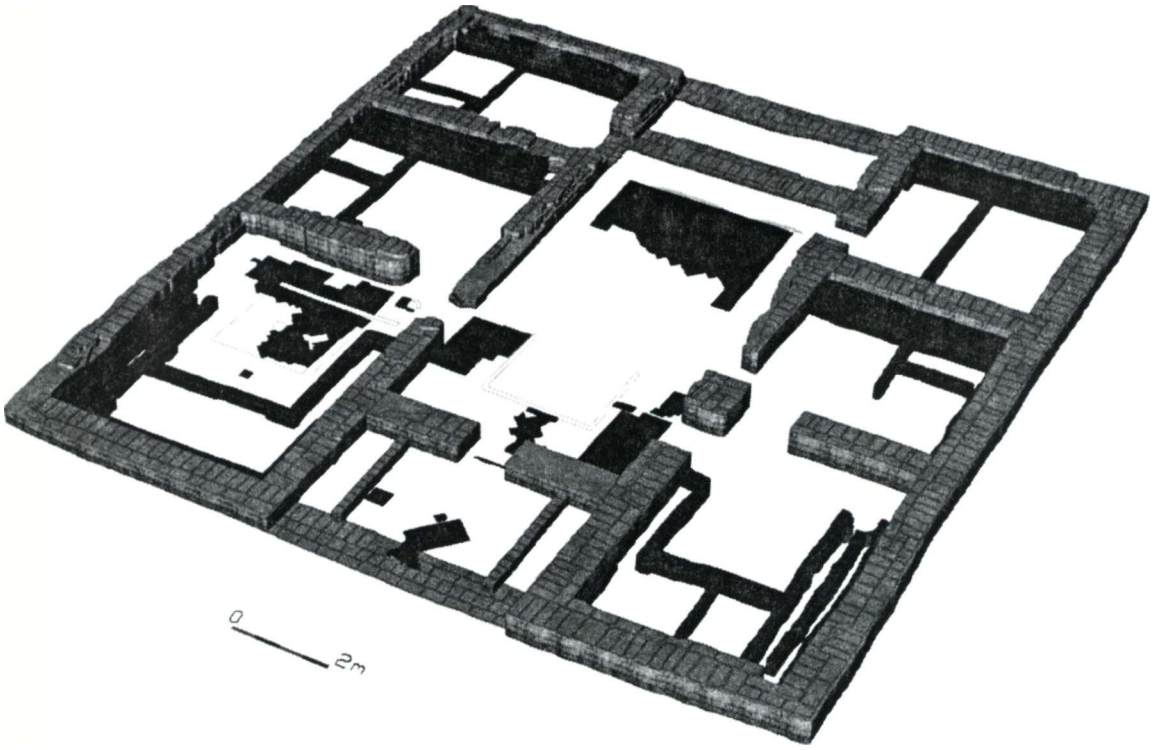

Рис. 5. Здание на XV раскопе, общий план конструкций I строительного периода, компьютерная модель.

Fig. 5. Building at XVth dig-out, the computer-aided general layout of the 1st construction period structures.

Abb. 5. Gebaude in der 15. Grabung, Gesamtansicht der Baugruppen aus der 1. Bauperiode, PC-Modell.

Dess. 5. Batiment dans la fouille XV, plan general de la construction de la phase I de travaux, version d'ordinateur

Снаружи он ограничен стенками из целых сырцов и обломков высотой в 4 слоя кладки. В северной стенке тандыра находилось прямоугольное (23x25 см) топочное отверстие, перед которым в полу была сделана небольшая ямка для золы. Внутренняя поверхность тандыра была покрыта насечками в виде вертикальных пучков волнообразных и прямых линий.

На восточной суфе, у ее северного края, была расчищена конструкция сложной формы из обожженного и сырцового кирпича. Ось ее имела отклонение к В относительно меридиональных стенок суфы. Общие размеры конструкции составляли 120x100 см. Северо-восточный конец имел прямоугольную форму, а ЮЗ - закругленную. Северо-западная, северо-восточная и юго-восточная стенки были сложены из сдвоенных сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Каждая стенка состояла из двух рядов сдвоенных кирпичей. Кирпичи крепились между собой известковым раствором. На СЗ стенке конструкции был сделан выдающийся наружу пилон. Все эти стенки были снаружи оштукатурены известковым раствором в 2 слоя. Длина сырцовых стенок - 70 см, толщина - 14 см, сохранились они на высоту 30 см. С южной стороны внутренний объем этой конструкции был ограничестенкой из обломков обожженного кирпича высотой 10 см. Кирпичи были специально оббиты таким образом, чтобы сложенная из них стенка представляла собой как бы половину восьмиугольника. Они также были скреплены известковым раствором. С востока и запада от этой конструкции, в пределах поверхности суфы, находились треугольные площадки, покрытые известковой обмазкой, причем восточная площадка имела явный уклон к югу. При расчистке этой конструкции было найдено много осколков кашинных изразцов бирюзового цвета, а также кусков штукатурки. При ее разборке выяснилось, что она стояла на платформе из сырцовых кирпичей со следами прокаленности. Данное сооружение можно было бы интерпретировать как дополнительный очажок, однако на поверхности известковой обмазки совершенно не обнаружено следов сажи.

Пол помещения 3 во II строительном периоде оставался прежним; он был лишь слегка разобран

Рис. 6. Плита тошны из помещения 3.
Fig. 6. Toshna (drain) plate of chamber 3.
Abb. 6. Toschny-Platte aus dem Raum 3.
Dess. 6. Plaque de tochnau (trou decharge) du local 3

при расширении суфы таким образом, что границы его упирались в стенки новой суфы. Часть пола, идущая от прохода в помещение 2 была обновлена. Кирпичи этой вымостки имели гораздо лучшую сохранность, а известковый раствор швов натекал на поверхность кирпичей и не был затерт. Участок новой кладки перекрыл тошну № 2, которая во II строительном периоде не функционировала. Стены, а также, возможно, потолок помещения 3 в этом периоде были оштукатурены и оформлены различными лепными украшениями, которые были найдены при расчистке комнаты. Богатое оформление стен и пола позволяет предположить, что помещение 3 являлось парадным, хотя по своей структуре оно является типично жилым.

В заполнении помещения 3 найдены две медные монеты 1362/63 гг. и 1365/66 гг.

Помещение 4

Помещение 4 располагалось к северу от помещения 3 (рис.2). Западная стена его являлась внешней стеной здания, северная стена - южной стеной помещения 5. Южная стена была общей с помещением 3. Она имела характерную для внешних стен кладку. В цокольной части высота ее составляла 6 слоев, в верхней части сохранилось 7 слоев кладки. Восточная стена помещения являлась одновременно западной стеной помещения 2. Высота ее над уровнем пола - 6 слоев кладки. Размеры комнаты составляли 5,6 м по линии 3-В и 5,0 по линии С-Ю. В помещении было выявлено 5 строительных периодов.

I строительный период (рис.4, 5)

Вдоль северной стены помещения, вплотную к ней, был сложен двухканальный кан из сырцов размерами 38x16x5 см. Стенки кана лучше всего сохранились в восточной и средней части. Высота их - 5-6 слоев кладки. Ширина каналов составляла 24-26 см. Западный конец стенок кана был разрушен, так как его перерезал кан II строительного периода. Северный канал кана заканчивался ямкой сажеприемника. Общая ширина кана - 105 см. В 4,2 м от западной стены помещения к кану был при-

Рис. 7. Мраморный предмет из помещения 3.
Fig. 7. Marble object from chamber 3.
Abb. 7. Marmorgegenstand aus dem Raum 3.
Dess. 7. Objet en marbre du local 3

строен тандыр. У стенки тандыра каналы кана были заложены сырцовыми кирпичами в 3 слоя. На этом уровне тандыр соединялся с каном при помощи двух круглых отверстий диаметром 3 см. Тандыр сохранился на полную высоту (54 см). Диаметр его составлял 56 см. В южной стенке тандыра и его обкладке на уровне пола находилось топочное отверстие прямоугольной формы (15x16 см). На внутренней поверхности тандыра были сделаны насечки в виде чередующихся пучков прямых и волнообразных линий, идущих вертикально. Стенки тандыра и кана были очень сильно прокалены. Южная стенка кана, ограничивая тандыр, шла дальше, вплоть до восточной стены помещения, образуя дополнительную маленькую суфу к востоку от тандыра.

К южной стенке кана примыкала стенка суфы, которая шла параллельно западной стене помещения в 2,0 м от нее. Не доходя на 60 см до южной стены помещения, она поворачивала к востоку и обрывалась на расстоянии 50 см от угла. Стенка суфы была сложена из сырцового кирпича размерами 38x16x5 см. В южной части она сохранилась на высоту четырех слоев, а в северной – была почти полностью разрушена каном II строительного периода. При выборке заполнения суфы внутри нее была обнаружена стенка, которая делила ее на две части. Стенка располагалась в 2,4 м от южной стены помещения. Основание стенки находилось на 40 см выше уровня материка. Стенка была сложена из малоформатного сырца и имела довольно значительный прогиб к северу. Назначение ее не совсем понятно. Возможно, она отгораживала в объеме суфы пространство, которое могло быть использовано как погребок.

Пол помещения 4 в I строительном периоде был глинобитным. В южной стене комнаты, в 30 см от ее ЮВ угла, был сделан проход шириной 70 см, ведущий в помещение 3. На полу I периода была найдена медная монета, чекана Сарая-ал-Джедид, анонимная 1350 гг.

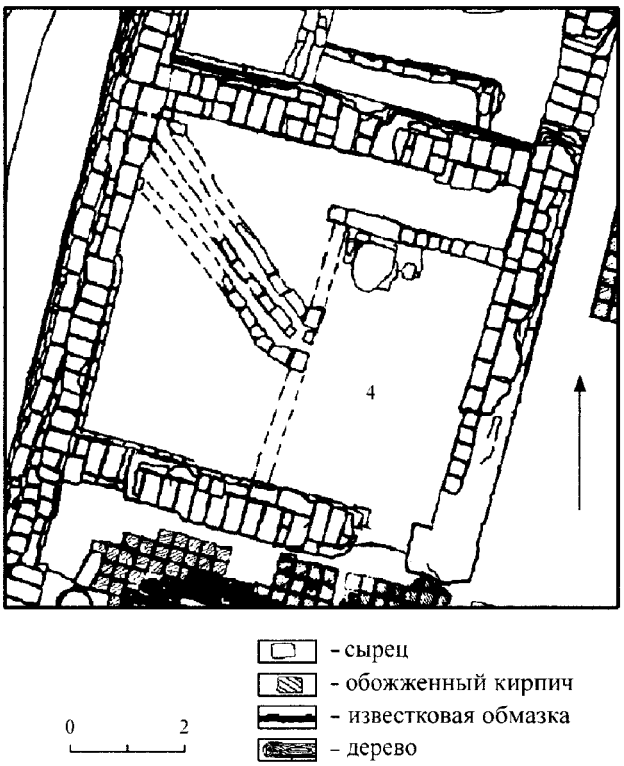

Рис. 8. План помещения 4 во II периоде.
Fig. 8. Chamber 4 layout in the 2nd period.
Abb. 8. Grundriss des Raumes 4 aus der 2. Bauperiode.
Dess. 8. Plan du local 4 en phase II

II строительный период (рис.8, 9)

Во II строительном периоде была расширена западная суфа. От ее стенки сохранился лишь небольшой отрезок, который был включен в кан III строительного периода. Ширина западной суфы составила 2,86 м. Стенка была сложена из сырцов зеленого цвета, сохранилась на высоту 3 слоев. В центральной части этой суфы был проложен кан, сложенный также из зеленых сырцов. Размеры их 36x18x6 см, кладка в 3 слоя. Стенки кана начинались в 185 см от южной стены помещения и шли к вертикальному дымоходу кана I периода. Ширина каналов составляла 14 и 25 см. Топка этого кана находилась, вероятно, вне пределов суфы.

Во II периоде, в углу, образованному стенками суфы, были пристроены две печки из сырцового и обломков обожженного кирпича. Они имели подковообразную форму. Печки вплотную примыкали к северной стенке суфы и были обращены устьями на юг. Размеры восточной печки 22x29 см, ширина устья 50 см, высота стенок – 20 см. Размеры западной печки 53x65 см, ширина устья 50 см, высота стенок – 35 см. Стенки их были прокалены до красного цвета. Пол комнаты был глинобитным, находился на 6 см выше пола I периода. Проход в помещение 3 оставался без изменений.

III строительный период (рис.10, 11)

В III периоде помещение было кардинально перестроено. Большую часть его занимала Г-образная суфа. Стенки суфы отгораживали в ЮВ углу комнаты пол размерами 110x180 см. Таким образом, северная часть суфы имела ширину 5,0 м, а западная – 3,8 м. Стенки суфы были сложены из малоформатного сырца и сохранились на высоту пяти слоев – северная и трех слоев – западная. Снаружи стенки суфы были оштукатурены глиняным раствором толщиной 1,5 см. Внутри суфы находился причудливо изогнутый кан. Он начинался у ЮВ угла суфы, шел полукругом до остатков суфы II периода и соединялся там с каном II периода. Место их соединения прослеживалось весьма отчетливо по разнице в цвете сырцов и отсутствию перевязки в кладке в месте стыка. Каналы кана III периода имели ширину 24 и 28 см. Стенки каналов сохранились в южной части на высоту 4-6 слоев, а в западной 2-3 слоев. В южной части кана находилась печь прямоугольной формы размерами 40x35 см из сырцового кирпича. Печь имела квадратное устье (20x20 см), которое было обращено на пол помещения. Впоследствии печь была разобрана, и остатки ее прослеживались только на дне кана. Пол помещения 4 в III строительном периоде был глинобитным, и находился на 6 см выше пола II периода. В это время проход, соединяющий помещения 3 и 4 был расширен до 110 см. Он был сделан скользящим вдоль восточной стены. Остатки первоначальной восточной стенки прохода были прослежены под уровнем пола III периода.

IV строительный период (рис.12, 13)

В IV строительном периоде восточная стенка суфы была перенесена на 50 см к востоку и, таким образом, площадь пола составила 110x130 см. Эта стенка уложена не в перевязку, а пристроена впритык к южной стенке суфы III периода. Высота ее три слоя. В это время обе стенки были покрыты известковой штукатуркой толщиной 2 см. Кан оставался прежним, в него лишь был встроен новый тандыр диаметром 52 см.

Пол был выложен обожженными кирпичами на известковом растворе. Известковая обмазка стенок суфы заходит под кирпичи пола, то есть здесь, как и в других помещениях, пол был уложен после того, как оштукатурены стены. Перед устьем тандыра в полу кирпич отсутствовал, и таким образом была сделана ямка для золы. В центре пола находилась тошна. Поглощающий колодец ее был сделан из хумчи с отбитым дном, закопанной горлом вниз. Высота сосуда – 40 см, максимальный диаметр – 40 см. Проход в помещение 3 также был выложен кирпичами, которые являлись продолжением кладки пола. Кирпичи были уложены в 4 ряда по линии З-В и в 1,5 ряда по линии С-Ю. Вымостка не доходила до стенок прохода, и это пространство было залито белым известковым раствором. Южный край этой вымостки также обмазан известковым раствором, на котором сохранились отпечатки деревянного бруса, отделявшего этот пол от пола в помещении 3. Вполне вероятно, что пол IV периода в помещении 4 был уложен одновременно с обновленным участком пола в СВ углу помещения 3.

В заполнении помещения 4, под полами V периода были найдены две красноглиняные чаши с гравировкой и желтой поливой, красноглиняная чаша с росписью ангобом и желтой поливой, резная костяная бляшка и бронзовая серьга в виде знака вопроса, большое количество фрагментов неполивной и поливной керамики, а также медная монета 1365/66 гг.

V строительный период (рис.14, 15)

В V строительном периоде все предыдущие конструкции были засыпаны нивелировочной подсыпкой и помещение было разделено надвое фахверковой перегородкой в меридиональном направлении. От стенки сохранилась канавка шириной 15 см и глубиной 10 см, в которой были прослежены

остатки деревянного бруса. Таким образом, помещение 4 было разделено на западное помещение 4А и восточное - 4Б.

Помещение 4А имело длину 5,0 м (по линии С-Ю) и ширину 2,9 м. Основной объем его был занят П-образной суфой. Западная и восточная части суфы имели ширину 90 см. Южный их край не доходил до южной стены на 90 см. Южная стенка суфы отстояла на 1,8 м от южной стены помещения. Таким образом ширина суфы в этой части составляла 3,2 м. Стенки суфы высотой 15-20 см были сложены из сильно оплывших сырцов.

В восточной части суфы находился тандыр диаметром 52 см. От него к СЗ углу комнаты шел двухканальный кан полукруглой формы. Ширина каналов его колебалась от 22 до 27 см. Стенки кана были сильно оплывшими и имели высоту 30-35 см. В конце западного канала кана находилась ямка сажеприемника.

Пол помещения 4А был выложен обожженным кирпичом на известковом растворе. Он находился на 20-25 см выше уровня пола предыдущего периода. В центре пола была сделана тошна с колодцем из закопанного вниз горлом хума с отбитым дном. Максимальный диаметр хума составлял 70 см, высота хума - 120 см.

Помещение 4А соединялось с помещением 3 скользящим проходом вдоль западной стены. Ширина его составляла 100 см. Проход был прорублен в стене в V строительном периоде. Пол прохода был выложен кирпичами, которые являлись продолжением кладки пола. При расчистке помещения 4А был найден фрагмент бронзового сосуда.

Помещение 4Б имело длину 5,0 м и ширину 2,5 м. Большая его часть была занята Г-образной суфой. Западный отрезок суфы имел ширину 90 см, северный - 4,0 м. Таким образом, площадь пола составляла всего 1,6x1,0 м.

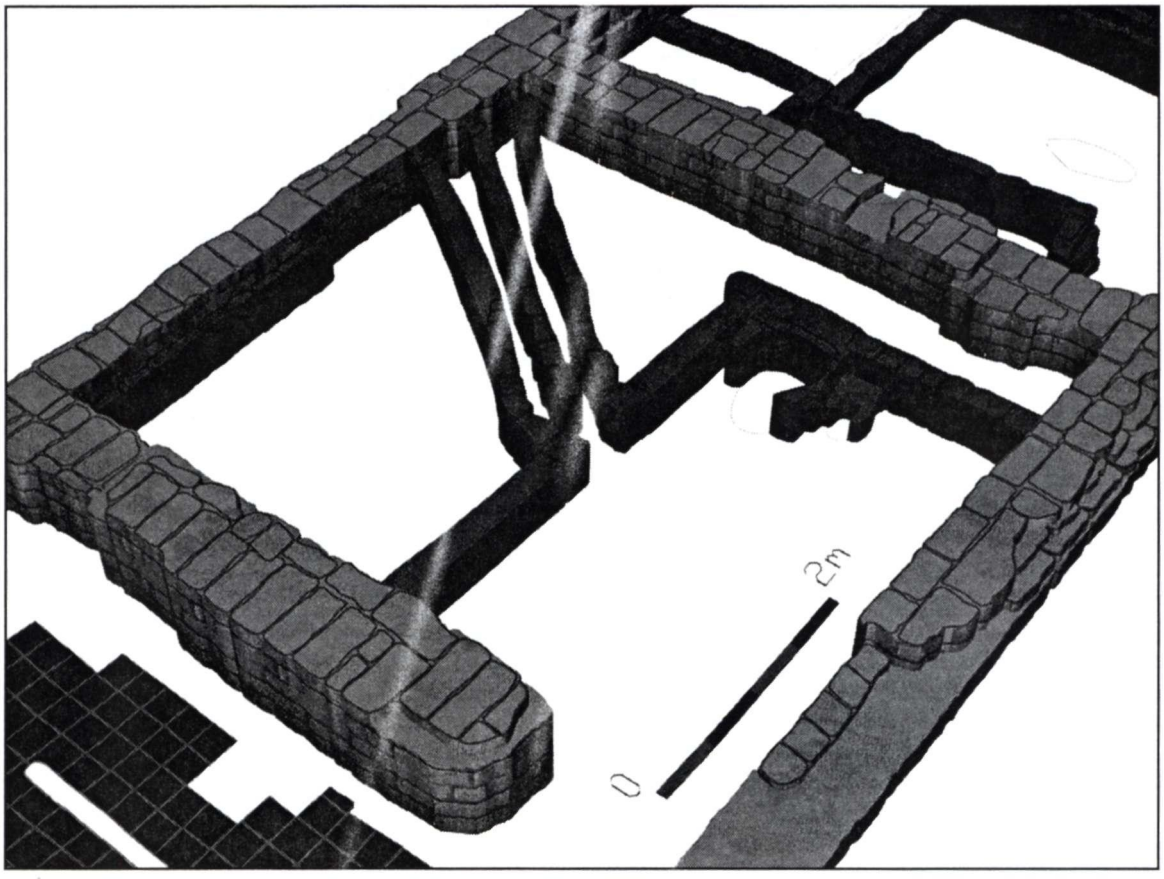

Рис. 9. Компьютерная модель помещения 4 во II периоде.
Fig. 9. Computer model of chamber 4 in the 2nd period.
Abb. 9. PC-Modell des Raumes 4 aus der 2. Bauperiode.
Dess. 9. Modele d'ordinateur du local 4 en phase II

В западной суфе, почти вплотную к южной стене комнаты, был встроен тандыр диаметром 50 см. Высота его стенок составляла 25 см. При его разборке выяснилось, что под ним находились остатки другого тандыра диаметром 70 см. Устье тандыра было обращено к востоку: в восточной стенке суфы было сделано отверстие 30 см шириной. От тандыра шел двухканальный кан полукруглой формы, который заканчивался у восточной стены помещения, на расстоянии 2,25 м от его СВ угла. Стенки кана были сложены из сильно оплывших сырцов. Они имели высоту 22-27 см. Ширина каналов кана – 20-22 см. Сырцовые кирпичи южной стенки суфы также были довольно плохой сохранности. Высота стенки составляла 20 см.

Пол помещения был глинобитным. Он находился примерно на 20 см выше уровня кирпичного пола IV строительного периода. В проходе помещения 4Б был сделан порог из 1 ряда сырцового кирпича, положенного в 4 слоя. Этот порог ограничивал нивелировочную подсыпку пола V периода.

Таким образом, помещение 4 во все периоды было активно жилым. В I и II периодах оно служило, в основном, для хозяйственных целей (выпечки лепешек, приготовления пищи). В III и IV периодах увеличение площади суфы превращает его в спальню. В V периоде происходят какие-то процессы, которые приводят к разделению ее на два отдельных жилых помещения.

Помещение 5

Это помещение находилось в СЗ части дома, к северу от помещения 4 (рис.2). Оно имело прямоугольную форму и размеры 3,9 м по линии С-Ю и 5,6 м по линии З-В. Северной и западной его стенами являлись внешние стены здания. Восточная стена отделяла его от помещения 2. Над уровнем цокольной части она сохранилась на высоту 4 слоев кладки. В 30 см от ЮВ угла помещения в стене имелся проем шириной 130 см. Во время существования входного тамбура к северу от помещения 2 (пом.9) проем должен был быть уже, примерно 105 см шириной. К сожалению, плохая сохранность северного торца дверного проема не позволила про-

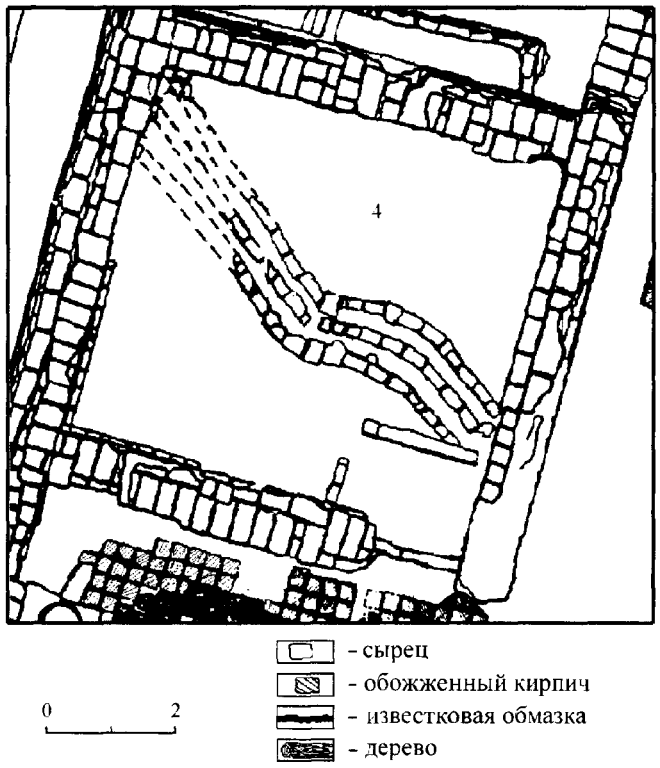

Рис. 10. План помещения 4 в III периоде.
Fig. 10. Chamber 4 layout in the 3d period.
Abb. 10. Grundriss des Raumes 4 aus der 3. Bauperiode.
Dess. 10. Plan du local 4 en phase III

верить это предположение. Порог прохода приходился на уровень верхнего слоя кладки цокольной части стены. Южная стена комнаты являлась северной стеной помещения 4. Она сохранилась на 6-8 слоев кладки в высоту над уровнем пола. В помещении можно выделить два строительных периода.

I строительный период (рис.4, 5)

Вдоль северной стены помещения был сложен двухканальный кан из сырцов размерами 36х18х4 см. Кан был сильно разрушен. Стенки его сохранились на высоту 5 слоев кладки у топки и 4 – на остальном протяжении. Ширина каналов составляла 20 см. С восточной стороны кана, в 30 см от восточной стены комнаты, находился очажок, сложенный из сырцов и обломков обожженного кирпича. Размеры его – 50х50 см. Южная стенка кана упиралась в восточную стену комнаты. Общая ширина кана составляла 80 см.

Параллельно западной стене помещения, в 2,2 м от нее, находилась стенка суфы. Одним концом она упиралась в стенку кана, другим – в южную стену помещения. Стенка была сложена в 1 ряд сырцовых кирпичей и имела ширину 22 см. Высота ее – от 1 до 4 слоев кладки. Внутри суфы была сделана перегородка, которая была параллельна южной стене и находилась в 105 см от нее. Стенка имела небольшой прогиб к северу. Она стояла на материке и была высотой в 6 слоев кладки. Сырцовые кирпичи стенки имели размеры 26х17х7 см. Западным концом стенка упиралась во внешнюю стену здания, пятый и шестой слои ее кладки лежали на ступеньке цокольной части стены. В 1,95 м от западной стены эта стенка под прямым углом поворачивала к югу и шла до южной стены помещения.

Пол комнаты был глинобитным. В полу помещения была найдена яма неправильно овальной формы размерами 85х24 см и глубиной 35 см. Яма имела неровные стенки и плоское дно. Возможно, это остатки тошны.

II строительный период (рис.12, 13)

Во II периоде была увеличена площадь суфы. Вдоль южной стенки комнаты к ней была сделана небольшая пристройка шириной 70 см и длиной 2,6 м. Стенки ее были сложены из сырцов размерами 24х16х8 см.

При расчистке помещения 5 был обнаружен клад из 16 китайских монет XIII в. и две фарфоровые китайские вазы с росписью кобальтом во фрагментах. На одной изображен процветший лотос, а на другой – лотосы и водоплавающие птицы (рис.16, 17). Также найдено бронзовое кольцо с насечками, фрагмент железного стремени, железный наконечник стрелы, железная пластина с бронзовой накладкой, железные и костяные предметы, степень сохранности которых не позволяет определить их назначение, а также медная монета 1350 гг.

Помещение 6

Помещение 6 находилось в ЮВ углу дома (рис.2). Оно имело прямоугольную форму и размеры 4,5х6,7м. С востока и юга помещение 6 ограничено внешними стенами здания. Западная стена являлась одновременно восточной стеной помещения 1, северная – южной стеной помещения 7. В помещении 6 было выявлено три строительных периода.

I строительный период (рис.3, 4)

От I строительного периода сохранилась лишь П-образная суфа, которая впоследствии была включена в объем суфы II периода. Подпорная стенка суфы была сложена из сырцовых кирпичей 26х26х6 см, то есть половинок большеформатного сырца. Высота суфы составляла 4 слоя кладки. Внешняя поверхность стенки была покрыта глиняной обмазкой. Широкая часть суфы (2,3 см шириной) находилась в южной части помещения. Западная часть суфы имела ширину 60 см и длину 2,9 м от ЮЗ угла помещения. Восточную часть суфы занимал кан. Об этом свидетельствует тот факт, что в ЮВ углу комнаты в южной стене находилась ниша вертикального дымохода, которая была сделана одновременно с возведением внешних стен здания. Вероятнее всего, кан I строительного периода в дальнейшем был подвергнут перестройке и тот кан, который был расчищен, относился ко II строительному периоду.

При выборке заполнения южной суфы обнаружилась стенка, которая разделяла ее надвое. Она находилась в 2,1 м от западной стены комнаты и была параллельна ей. Стенка была сложена из сырцов размерами 28х15х4 см и имела высоту девяти слоев кладки. Основание ее лежало на 16 см выше уровня материка, на слое субструкции. Начиная с пятого слоя кладки, южный конец стенки опирался на выступ цокольной части южной стены комнаты.

Пол I строительного периода в помещении 5 не сохранился. Возможно, он был кирпичным, так как нивелировочная подсыпка под полом II периода имела значительную примесь кирпичной крошки.

Стены помещения в I периоде были покрыты глиняной обмазкой с примесью мелко нарубленной соломы. Обмазка была положена в 1 слой и имела толщину 2-3 см. Стены комнаты были оштукатурены до возведения внутренних конструкций, так как стенки кана и суфы примыкают к слою штукатурки.

В I строительном периоде помещение 6 соединялось проходами с помещениями 2 и 7. Оба прохода находились в СЗ углу комнаты. Проход в западной стене имел ширину 135 см. Северная стенка его находилась в 23 см от СЗ угла помещения 6. Порог находился на уровне седьмого слоя кладки, то есть первого слоя над уровнем цоколя. Со стороны помещения 2 на уровне пола в южной стенке прохода была сделана врезка глубиной 12 см и высотой 7 см. В это углубление, очевидно, вставлялся южный конец деревянного бруса, отделявший вымостки полов в помещениях 2 и 6.

В помещение 7 вел проход шириной 135 см. Западная стенка его отстояла на 30 см от СЗ угла помещения 6 и от ЮЗ угла помещения 7. Со стороны помещения 6 в нижней части его восточного торца была сделана аналогичная врезка глубиной 10 см и высотой 6 см для укрепления восточного конца деревянного бруса, разделявшего полы помещений 6 и 7. Порог также находился на уровне седьмого слоя кладки.

II строительный период (рис.18)

Во II строительном периоде была расширена П-образная суфа. Подпорная стенка западной части суфы была сложена вплотную к суфе I периода, а подпорная стенка южной суфы была перенесена на 70 см к северу. Таким образом ширина западной суфы составила 0,8 м, а южной - 2,9 м. Стенки суфы сложены из сырцов размерами 42x17x5 см, 22x20x6 см и 22x16x6 см. Высота кладки 5 слоев сырца, причем самый нижний слой лежал ниже уровня кирпичей пола, то есть пол был вымощен уже после возведения суфы. Внешняя поверхность стенок была покрыта глиняной обмазкой толщиной 1 см.

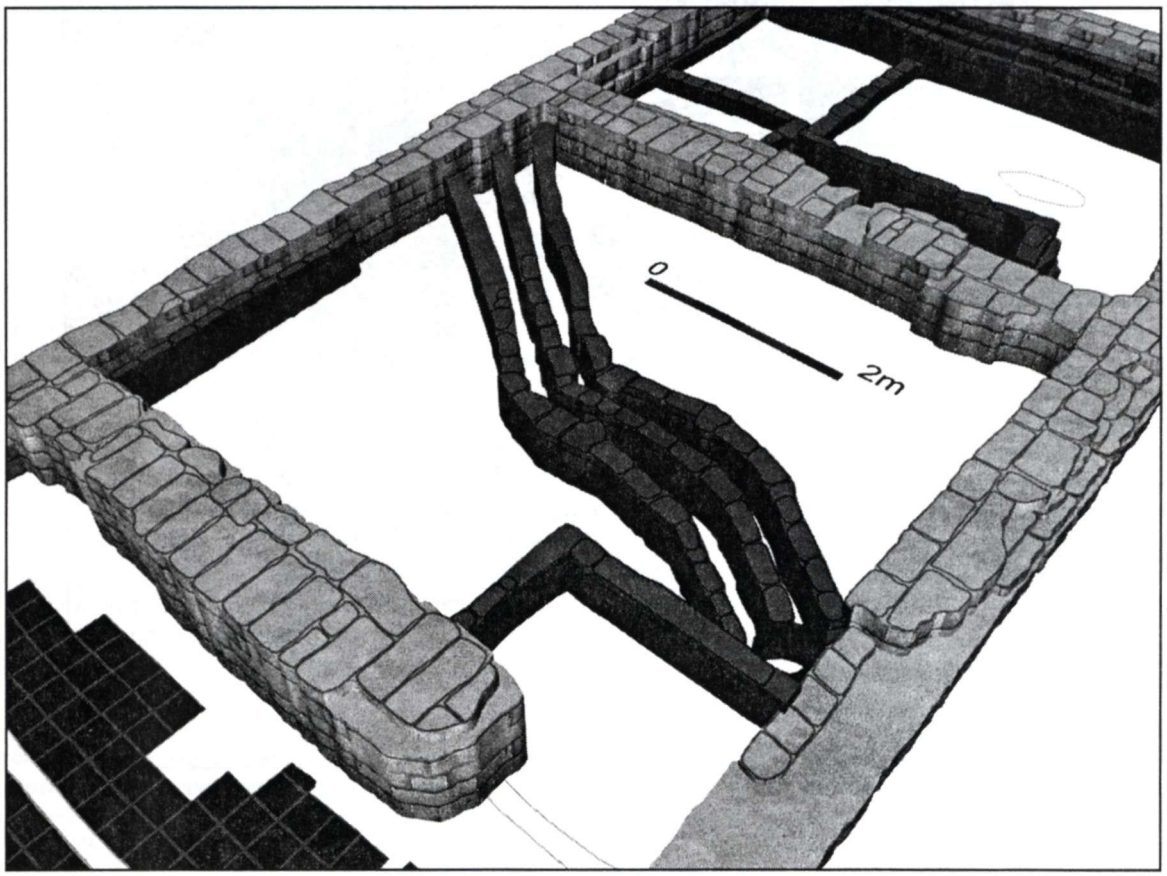

Рис. 11. Компьютерная модель помещения 4 в III периоде.
Fig. 11. Computer model of chamber 4 in the 3d period.
Abb. 11. PC-Modell des Raumes 4 aus der 3. Bauperiode.
Dess. 11. Modele d'ordinateur du local 4 en phase III

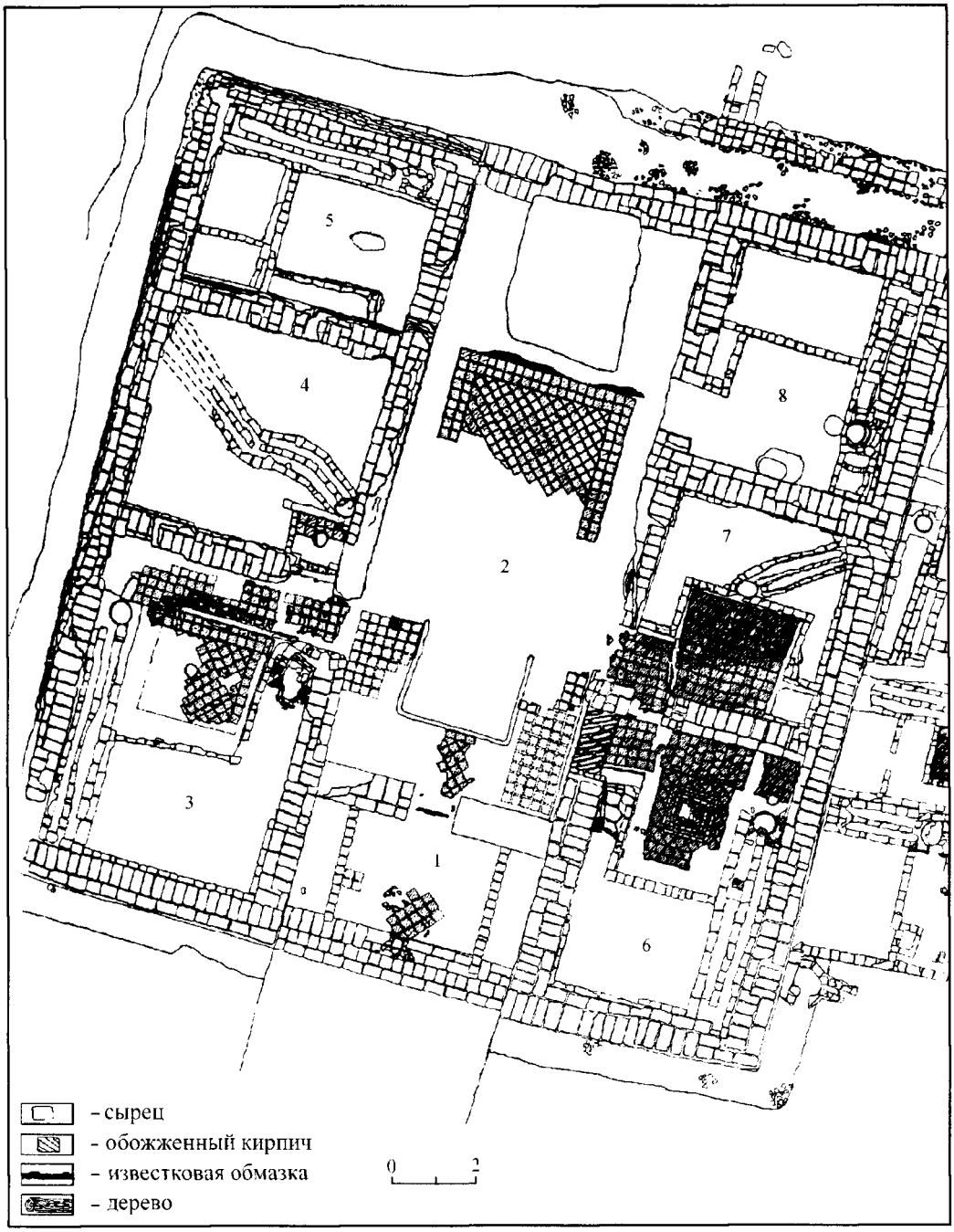

Рис. 12. Общий план здания в IV период существования. IV период в пом. 4, 8 соответствует III периоду в пом. 6, 8 и II периоду в пом. 2, 3, 5.

Fig. 12. General layout of the building in the 4th period of its existence. The 4th period in chambers 4 and 8 corresponds to the 3d period in chambers 6, 8 and to the 2nd period in chambers 2, 3 and 5.

Abb. 12. Gesamtansicht des Bauwerkes in der 4. Bestehensperiode. Die 4. Periode i Raum 4, 8 entspricht der 3. Periode im Raum 6, 8 und der 2. Periode im Raum 2, 3, 5.

Dess. 12. Plan général du batiment en phase IV de son existence. La phase IV du bâtiment 4, 8 correspond à la phase III du bâtiment 6, 8 et à la phase II du batiment 2, 3, 5

В заполнении суфы были найдены фрагменты сероглиняной штампованной фляги и железный нож.

Ширина западной части суфы составляла 1,1 м. В ней находился двухканальный кан, сложенный из сырцов большого и малого форматов. Стенки кана имели ширину от 18 до 22 см и сохранились на высоту трех-пяти слоев кладки. Ширина восточного канала кана составляла 24 см, западного – 28 см. В западном канале сохранилась часть его перекрытия из обожженных кирпичей. Восточный канал заканчивался прямоугольной (25x18 см) нишей вертикального дымохода. Каналы кана соединялись между собой, так как разделяющая их перегородка на 40 см не доходила до южной стены комнаты.

В северной части кана находился тандыр диаметром 50 см в верхней части. Книзу он расширялся до 64 см. Высота тандыра – 36 см. На внутренней стороне тандыра были сделаны насечки в виде вертикальных пучков волнообразных и прямых линий. Стенка, ограничивающая тандыр с северной стороны, была разрушена. В стенке тандыра с северной стороны было прослежено топочное отверстие шириной 20 см и высотой 17 см. В полу перед ним была сделана небольшая круглая ямка для золы. С каналами кана тандыр соединялся двумя круглыми отверстиями диаметром 6 см, которые были расположены в северной стенке тандыра на высоте 30 см от его дна.

Пол помещения 6 был выложен обожженными кирпичами на известковом растворе и украшен бирюзовыми изразцами. Кирпичи имели различные размеры – от 20,5x20,5x4 см до 22,5x22,5x4 см. Вымостка пола в различных частях помещения была не одинакова. В СВ углу, перед печкой находился участок пола в 4 кирпича по линии З-В и 5 кирпичей по линии С-Ю. Кирпичи положены прямо, рядами в обоих направлениях. С западной стороны этого участка находился разрыв шириной 18-20 см, в котором, вероятно, был проложен деревянный брус. Далее вдоль северной стены находился участок пола длиной 9 рядов и шириной 4,5 ряда кирпичей, причем ряды кладки совпадают только по оси С-Ю, а по линии З-В они смещены на полкирпича.

С западной стороны этой вымостки также наблюдался разрыв шириной около 20 см, отделяющий его от следующей кладки. Самый западный участок пола вдоль северной стены имел длину 6 и ширину 5-5,5 кирпичей, рядность которых совпадает в обоих направлениях. В проходе между помещениями 6 и 2 этот участок пола был ограничен деревянным брусом, отпечатки которого были прослежены.

В центре комнаты, между стенками суфы, пол был выложен фигурно. Вдоль стенок суфы вымостка пола была разобрана, однако сохранившиеся остатки известкового раствора позволяют утверждать, что вдоль суфы был сложен бордюр из кирпичей, ориентированных по осям комнаты. Вдоль западной суфы могло лежать 2 ряда кладки, вдоль южной – 4 ряда, 2 из которых сохранились, и вдоль восточной стенки было 1,5 ряда кирпичей. Далее к центру помещение окаймлено квадратом кладки из половинок кирпичей, распиленных в виде треугольников и целыми кирпичами, положенными "ромбом". В середине углов этого квадрата вставлены бирюзовые изразцы на кашинной основе, имевшие форму квадратов со стороной 6 см. Еще дальше к центру положен квадрат из бирюзовых изразцов различной длины, имевших ширину 6 см. Следующий ряд кладки находился чуть ниже по уровню. Он был сложен из прямоугольных половинок кирпичей. За ним следует еще одна окантовка аналогичными бирюзовыми изразцами и ряд треугольных кирпичиков, заглубленный еще на 4 см. В центре этого пола находилась обкладка слива тошны из обломков кирпичей, которую также обрамлял квадрат из бирюзовых изразцов. Колодец тошны был сделан из хума с отбитым дном, который был вкопан горлом вниз. Высота хума – 100 см, максимальный диаметр – 75 см, диаметры горла и дна – по 36 см.

Стены комнаты во II и III строительных периодах были оштукатурены. На восточной стене, к северу от тандыра, известковая штукатурка толщиной 0,3 см сохранилась на высоту 40 см. Образуя слегка закругленный угол, она переходит на северную стену. Стены помещения 6 были оштукатурены после укладки кирпичей пола, так как раствор слегка заходит на кирпичи. Кроме того, на поверхности северной стены комнаты, в центральной ее части, сохранился участок серого известкового раствора толщиной 2,5 см. Он начинался у разрыва кладки пола в восточной части комнаты и шел к западу на 165 см. На этом растворе сохранились отпечатки кирпичей, которыми была облицована стена. Кладка имела высоту в 2 ряда. Эти кирпичи, лежащие плашмя, были обнаружены при расчистке помещения. Кроме того, в завале было найдено огромное количество обломков известковой штукатурки и архитектурного декора в виде закругленных карнизов и штампованных уголков с прорезанными в них листочками. Этот декор, вероятнее всего, относился как к III, так и ко II периодам.

Во II периоде был перестроен проход в помещение 2. Северная стенка прохода была передвинута на 23 см к северу, и проход был сделан скользящим. Стенка в этом месте была срублена до восьмого слоя кладки снизу, то есть на один слой выше порога. С южной стороны проход был частично заложен. Закладка была сделана весьма небрежно. В проходе между помещениями 2 и 6 стен-

ка, образующая южный торец нового прохода, была сложена из обломков сырцов и обожженных кирпичей, носящих следы вторичного использования (обгорелые, со следами сажи, с белой штукатуркой, нестандартные зеленого цвета). Толщина стенки 12 см. Пространство между ней и южным торцом I строительного периода шириной 13 см было забутовано строительным мусором. Внешние поверхности стены были оштукатурены и шов закладки не был заметен. Таким образом, ширина прохода почти не изменилась, она стала составлять 133 см.

Аналогичная картина наблюдалась и в проходе между помещениями 6 и 7. Проход был сужен до 80 см с частичной закладкой в восточной части. Закладка его производилась следующим образом: по торцу была сделана стенка из сырцов шириной 18 см, пространство между ней и старым торцом было забутовано строительным мусором, состоящим из обломков сырцов, обожженных кирпичей, белой штукатурки. Торцы как первоначального, так и вторичного проходов, были покрыты слоем глиняной обмазки толщиной 1,5 см.

III строительный период (рис.12, 13)

BIII строительном периоде комната была подвергнута незначительным перестройкам. Кан и большая часть суфы остались прежними. Была лишь продлена на 36-38 см западная часть суфы. Северная стенка ее была сложена из обожженных кирпичей, поставленных на ребро. Сохранился нижний слой кладки этой стенки. Он состоял из брусочков, выпиленных из кирпичей высотой 5 см и шириной 6 см. Целые кирпичи, образовывавшие следующий слой, упали к северу и были хорошо видны при расчистке завала в этой части помещения. Между этой стенкой и кладкой пола прослеживалась канавка, вероятно, от деревянного бруска шириной 8 см.

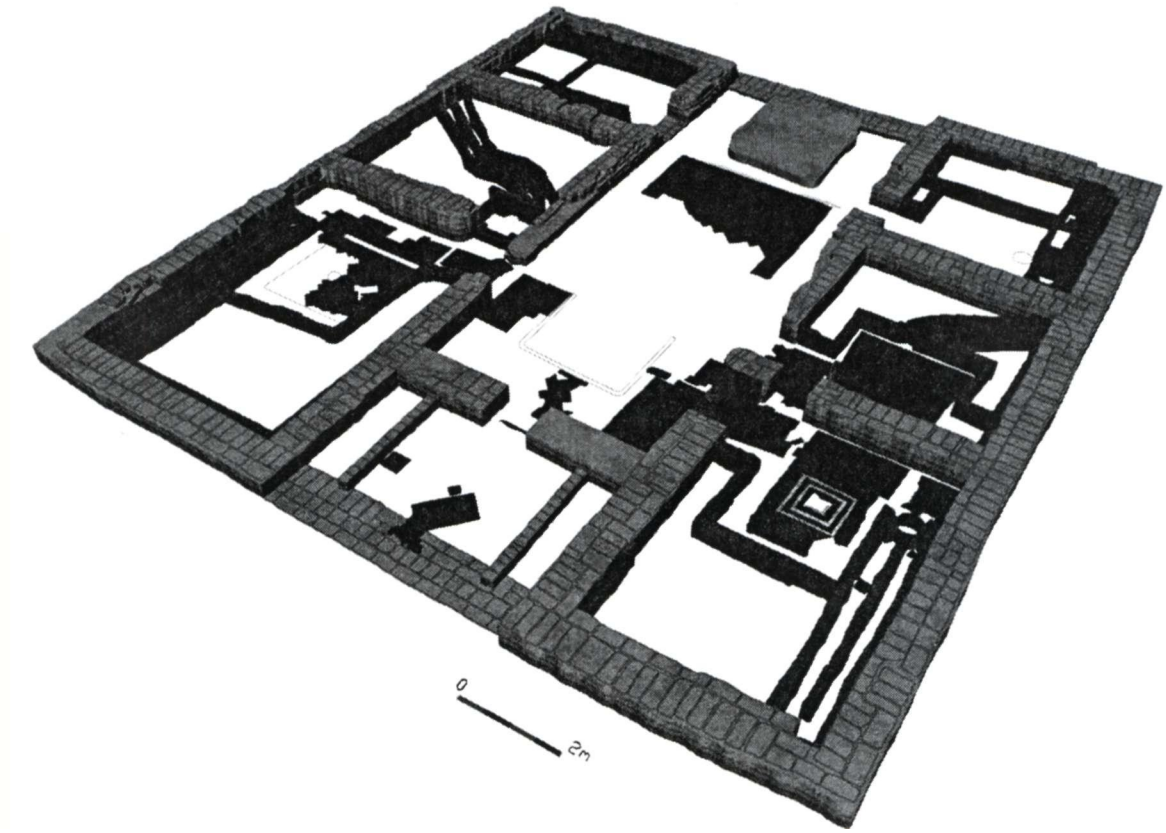

Рис. 13. Компьютерная модель здания в IV период существования.
Fig. 13. Computer-aided layout of the building in the 4Ш period of its existence.
Abb. 13. PC-Modell des Bauwerkes in der4. Bestehensperiode.
Dess. 13. Modele d'ordinateur du batiment en phase IV de son existence

На новой части суфы была поставлена печка, сложенная из сырца, обломков обожженных кирпичей и известковых блоков. Печка представляла собой камеру, прямоугольную, с закругленным южным концом, ориентированную длинной осью под углом 18° по отношению к западной стене комнаты. Длина камеры 1,1 м, ширина предположительно 0,6 м (западная часть печки разрушена), но несомненно, она находилась в пределах суфы.

Северная стенка камеры печки была сложена из двух рядов сырцов, поставленных на ребро и скрепленных известковым раствором. Западная стенка состояла из двух сырцовых и одного обожженного кирпича, стоящих на ребре. Южная стенка из обожженного кирпича, стоящего на ребре образовывала с ней угол 125°. Все стенки очага сохранились на высоту 8-10 см. Дно печки состояло из сырцов, положенных плашмя. Дно и внутренняя поверхность стенок печки были сильно прокалены. Пространство между западной стеной комнаты и стенкой печки было заполнено тремя слоями треугольно вырезанного сырца, положенного плашмя на известковом растворе. Эта закладка образовывала ступеньку высотой 18 см, южная стен

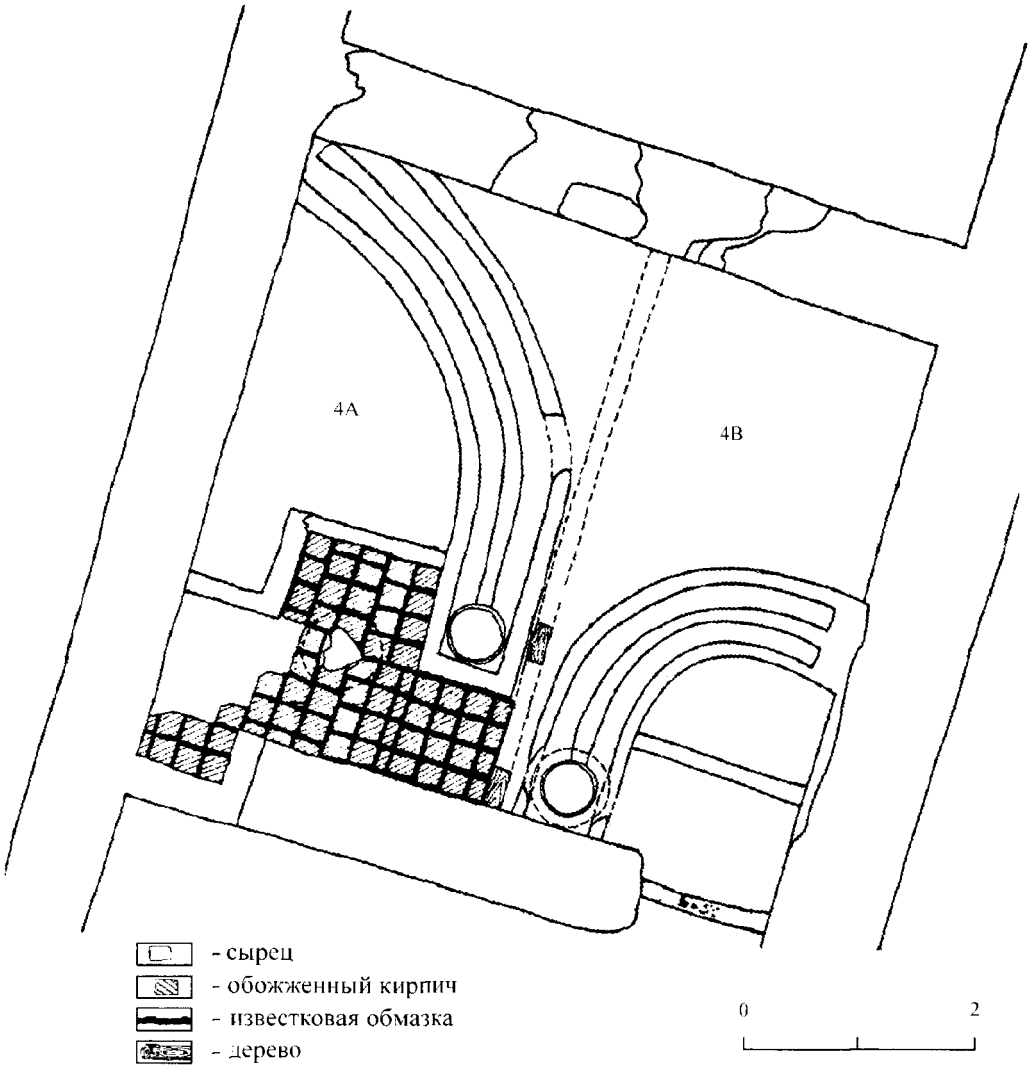

Рис. 14. План помещения 4 в V периоде.
Fig. 14. Chamber 4 layout in the 5th period.
Abb. 14. Grundriss des Raumes 4 aus der 5. Bestehensperiode.
Dess. 14. Plan du local 4 en phase V

ка которой была оштукатурена белым раствором. Южнее этой ступеньки был положен известковый блок трапециевидной формы. Эта печка расположена симметрично аналогичной конструкции на восточной суфе помещения 3.

В III строительном периоде пол помещения оставался прежним. Он был частично разобран вдоль стенок суфы так, что образовались проходы шириной 25-40 см. Возможно, вдоль суфы кладка сильно износилась, здесь были вынуты кирпичи и положены доски.

Проход между помещениями 2 и 6 в III периоде был полностью заложен, и в центральный зал теперь можно было попасть только через помещение 7. На кирпичи пола была положена забутовка из битого сырца и обломков белой штукатурки. Эта забутовка имела высоту 46 см. Выше нее была сделана закладка из сырцов зеленого цвета на растворе из коричневой глины. Сырцы были поставлены на ребро перпендикулярно оси стены. Закладка из сырцов сохранилась на высоту 10 см. Сырцы имели длину 54 см и толщину 4 см.

В помещении 6 найден небольшой костяной диск. В заполнении суфы III периода находилась монета 1365/66 гг.

Таким образом, помещение 6 по своей структуре является жилым, а по оформлению – парадным, так же как и помещение 3. Планировка этих комнат симметрична, причем симметрию старались сохранить и во время перестроек. Их интерьер отличается во всех периодах только незначительными деталями.

Помещение 7

Помещение 7 занимало среднее положение в восточном ряду комнат (рис.2). Южная стена его была общей с помещением 6, восточная – являлась внешней стеной дома. Западная стена, общая с помещением 2, имела толщину 1,0 м и высоту 9-10 слоев сырца над уровнем пола. Северная стена, высотой до 12 слоев кладки и толщиной 82 см, отгораживала комнату от помещения 8. Размеры помещения 7 по линии З-В – 4,5 и 4,7 м – по линии С-Ю. В помещении 7 было прослежено три строительных периода.

I строительный период (рис.3, 4)

К I периоду относится двухканальный кан, сложенный вдоль северной стены помещения. Кан сложен из сырцов размерами 34х15х4,5 см. Северная стенка его сохранилась полностью. Она имела высоту от двух до семи слоев кладки. Средняя и южная стенки сохранились на высоту соответственно семи и пяти слоев. Каналы кана имели ширину 25 см, стенки и дно их были сильно прокалены. На востоке северный канал кана заканчивался прямоугольной нишей вертикального дымохода, которая была выложена при возведении стены дома. Ниша начиналась с уровня ступеньки цоколя и прослеживалась на высоту 8 слоев кладки стены. Ширина ее 20 см, глубина – 26 см. В нише были найдены обломки дымогарной керамической трубы.

Кан отапливался тандыром, который был расположен в западной его части. Тандыр был сильно разрушен каном II периода. Участок стенки его сохранился на высоту до 20 см. На ней были насечки в виде чередующихся пучков прямых и волнообразных линий, идущих вертикально. С востока тандыр был ограничен стенкой в два слоя сырца, а с севера – в четыре слоя. С западной стороны сырцы были поставлены на ребро короткой стороны. Размеры сырцов – 34х23х5 см. Потом прямо в этот тандыр был вставлен другой, меньшего диаметра (42 см). Устье его было обращено к югу и имело ширину 30 см. Стенки тандыра сохранились на высоту 20 см. Рисунок на стенках тандыра состоял из перекрещивающихся пучков прямых линий.

Между топкой кана и западной стеной помещения оставалось пространство размерами 85х100 см. Здесь, вероятно, находилась небольшая суфа, на которую ставили посуду при приготовлении пищи. Западная стенка ее стояла на выступе стены и имела 5 слоев кладки в высоту. Это была ее настоящая высота, так как в СЗ углу сохранился участок глиняной, а по ней – известковой обмазки поверхности суфы. В ее заполнении у северной стенки находились сильно закопченные сырцы, стоящие на ребре короткой стороны. Стенки были сильно прокалены, а на дне лежал слой золы. Это позволяет предположить, что печь была сначала здесь, а потом уже в кан были встроены тандыры. После снятия слоя глиняной обмазки с южной стенки кана, обнаружилось устье первоначальной печи, расположенное в 32 см от западной стены помещения. Ширина его – 23 см, высота – 22 см.

Перпендикулярно кану, в 160 см от восточной стены помещения, была сложена стенка суфы в 1 ряд сырца. Кладка сохранилась на высоту 1 слоя, который был положен на поверхность пола. Южный конец стенки был разрушен. Снаружи стенка суфы и стенки кана были покрыты глиняной обмазкой в два слоя толщиной по 2 см каждый.

В суфе, в 180 см от северной стены, параллельно ей была сложена стенка, которая начиналась с уровня субструкции, находившегося на 20 см выше уровня материка. Сохранилось шесть слоев кладки из сырцов размерами 36х16х4,5 см. Западный конец стенки упирался в субструкцию, восточный – в стену комнаты. Назначение этой стенки не совсем

понятно, но она полностью симметрична стенке в суфе I периода помещения 4.

Стены помещения в I периоде были покрыты слоем глиняной обмазки толщиной 2 см. Участок пола I периода был найден при выборке суфы в пространстве между канами II и III периодов. Пол глинобитный, плотно утрамбованный, со следами золы.

В I периоде проход между помещениями 6 и 7 имел первоначальную ширину (135 см). Кроме того, в ЮЗ углу комнаты имелся проход в западной стене, ведущий в помещение 2. Он начинался в 30 см от ЮЗ утла помещения 7. Ширина его составляла 132 см. Со стороны помещения 2 в нижней части северной стенки прохода, над полочкой цоколя стены, была сделана врезка глубиной 16 см и высотой в 1 кирпич. Вероятно, она служила для укрепления конца деревянного бруса, из которого был сделан порог. Торец прохода был покрыт тонким слоем известковой штукатурки.

II строительный период (рис.19, 20)

Во II периоде был перестроен кан. Западная часть кана I периода была разрушена, и стенки его доложены таким образом, что они подходили к проходу в помещение 2. Кан стал полукруглым, и каналы его, соединяясь с каналами предыдущего кана, выходят в тот же вертикальный дымоход в СВ углу комнаты. Стенки кана сохранились на полную высоту (семи слоев сырца). Ширина каналов кана 18-20 см, размеры сырцов - 32x14x4 см. В южной части кана находился тандыр диаметром 40 см и высотой 25 см. В южной стенке тандыра и стенке суфы, ограничивавшей его с юга, было сделано прямоугольное топочное отверстие шириной 35 см и высотой 24 см. На внутренней поверхности тандыра были сделаны насечки в виде пучков прямых и волнообразных линий, идущих вертикально.

К кану была пристроена подпорная стенка, которая ограничивала массив северной суфы шири-

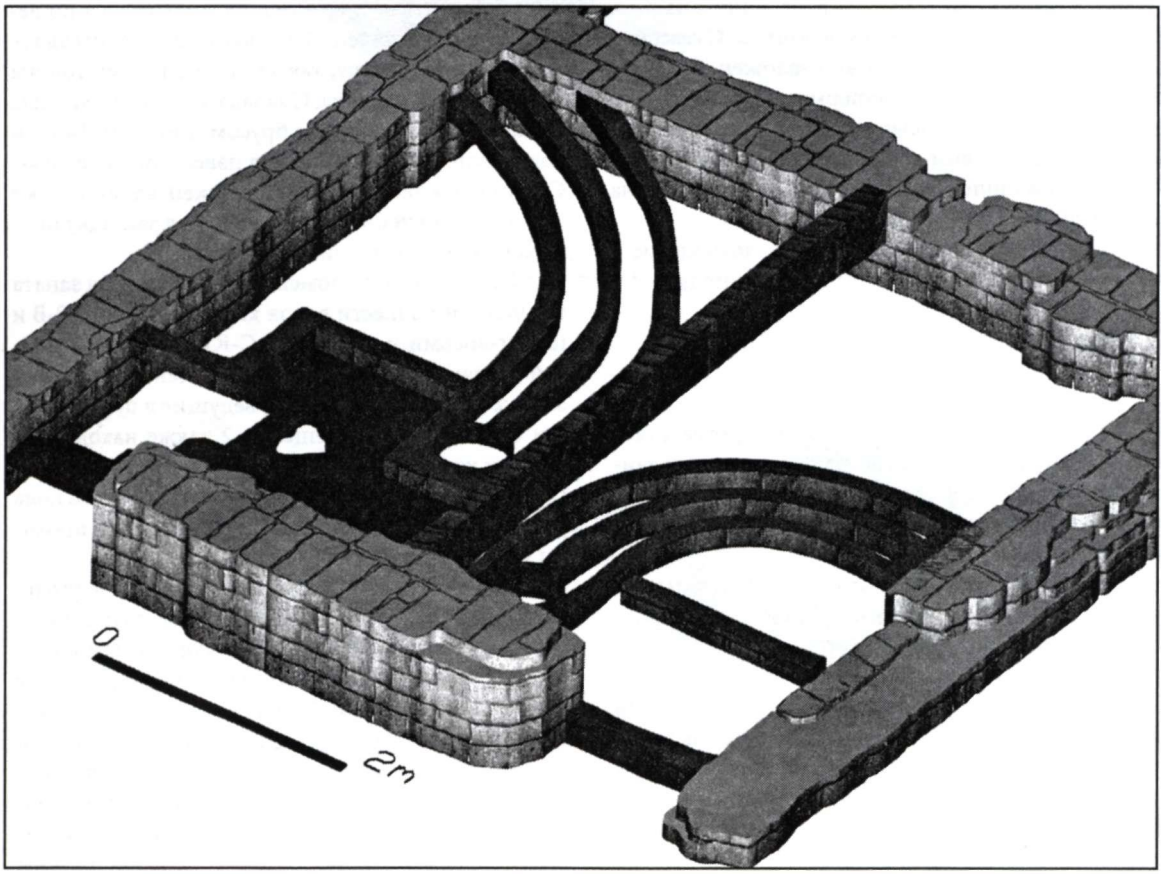

Рис. 15. Компьютерная модель помещения 4 в V периоде.
Fig. 15. Computer model of chamber 4 in the 5th period.
Abb. 15. PC-Modell des Raumes 4 in der 5. Bestehensperiode.
Dess. 15. Modele d'ordinateur du local 4 en phase V

ной 2,2 м. Не доходя до восточной стены комнаты, стенка поворачивает на юг, образуя восточную суфу 80 см шириной, которая заканчивается в 1,1 м от южной стены. Высота суфы – семь слоев кладки, кирпичи такие же, как в кане. Внешняя поверхность стенки суфы была покрыта глиняной обмазкой толщиной 3 см. При выборке заполнения суфы была найдена медная монета 1350 гг.

После разборки пола III строительного периода, на глубине 3-5 см под ним, обнаружилась гладкая ровная поверхность со следами известкового раствора. Вероятно на ней лежал пол II периода, выложенный из обожженного кирпича. В центре этого пола находилась тошна. Устье ее было обложено обломками жженых кирпичей. Яма колодца тошны перерезала глинобитный пол II строительного периода. В нем четко прослеживалась яма диаметром 75 см. Резервуар тошны был сделан из хума с отбитым дном, который был перевернут горлом вниз. Диаметр дна хума – 25 см, диаметр горла – 23 см, максимальный диаметр – 68 см, высота – 87 см.

Во II периоде проход в помещение 2 был перестроен. Южная стенка его была передвинута на 30 см к югу, и проход был сделан скользящим. С северной стороны проход был частично заложен. Закладка была сделана из целых малоформатных (32x16x4 см) сырцов и обломков с засыпкой щелей строительным мусором. Этот новый торец прохода находился почти на одной линии с южной стенкой кана. Ширина нового прохода стала составлять 125 см.

Частичная закладка прохода в помещение 6 также, вероятно, относится к этому периоду.

III строительный период (рис.12, 13)

К III строительному периоду относится еще одна перестройка кана. Топочное отверстие и тандыр кана II периода закладываются, а новый тандыр встраивается в середину северной суфы. От него прокладывается полукруглый кан, который, перерезая восточный конец канов I и II периодов, идет к тому же вертикальному дымоходу. Высота стенок кана – 7 слоев кладки. Сырцы малоформатные, плохой сохранности. Ширина каналов кана – 15-16 см. Тандыр, примыкавший к середине северной стенки суфы, был небольшим, диаметром 36 см. Стенки его максимально сохранились на высоту 30 см. Южная стенка сильно разрушена, в ней наблюдались остатки устья шириной 26 см. Насечки на внутренней поверхности тандыра состояли из пучков вертикальных линий.

Стенки суфы в III периоде остались прежними, но были покрыты слоем известковой штукатурки толщиной в 1 см. В южной и западной стенках суфы снаружи были сделаны врезки прямоугольного сечения шириной 8 см и глубиной 6 см. В этих нишах были вертикально закреплены деревянные столбики, отпечатки которых были хорошо видны в известковом растворе желобка, проложенного в полу вдоль стенки суфы. Первая нишка находилась на расстоянии 30 см к востоку от СЗ угла суфы, вторая в 38 см к западу от СВ угла, третья в 20 см к югу от того же угла и четвертая – в 65 см к югу от третьей. Южная стенка восточной части суфы не носила следов известковой штукатурки.

Вдоль стенок суфы, вплотную к их основанию, была проложена канавка шириной 4 см и глубиной 2-3 см, стенки и дно которой были обмазаны известью. На известковой обмазке были отчетливо видны отпечатки деревянного бруска.

Пол помещения был выложен обожженным кирпичом на известковом растворе. Кирпичи пола сильно потрескались, особенно в центральной части комнаты. В проходе они сохранились несколько лучше. Весь пол состоял из двух участков. Основную площадь комнаты занимала вымостка из кирпичей, ориентированных сторонами по осям помещения, положенных рядами с небольшим смещением. По обеим осям здесь насчитывалось по десять рядов кирпичей. Этот пол имел значительное понижение к центру, так как просел в яму тошны предыдущего периода. С запада эта вымостка была ограничена деревянным брусом шириной 14 см и толщиной 13 см, лежащим в известковой канавке. Северный конец его был положен вдоль стенки суфы, а южный был врезан на 5 см в закладку прохода между помещениями 6 и 7.

Западная часть помещения также была занята вымосткой из шести рядов кирпичей по оси З-В и шести-восьми рядов по оси С-Ю. Рядность кирпичей сохраняется по обоим направлениям. Эта вымостка заходила в проходы, ведущие в помещения 2 и 6. На пороге помещения 2 также находились остатки канавки от деревянного бруса шириной 10 см и толщиной 8 см. Вся система кладки этого пола указывает на то, что он был положен, когда проходы уже были сужены.

В ЮВ углу помещения находилась прямоугольная в плане яма размерами 95x85 см и глубиной 65 см. Между южной стенкой восточной суфы и краем ямы, на уровне пола, сохранились фрагменты доски шириной 10 см. Вероятнее всего, эта яма являлась погребком с деревянной крышкой. По всей видимости, погребок был отгорожен от кирпичного пола какой-то загородкой, для крепления которой вдоль края пола была сделана известковая канавка. Кроме того, на поверхности южной стены комнаты, как раз на границе пола, четко прослеживался поворот известковой штукатурки к северу, то есть оштукатуренный угол. Загородка, вероятно, являлась продолжением стенки суфы и могла быть деревянной. Возможно на ней крепился большой

Рис. 16. Ваза из китайского фарфора из пом. 5.
Fig. 16. China porcelain vase from chamber 5.
Abb. 16. Vase aus chinesischem Porzellan aus dem Raum 5.
Dess. 16. Vase en porcelaine chinois du local 5

Рис. 17. Ваза из китайского фарфора из пом. 5.
Fig. 17. China porcelain vase from chamber 5.
Abb. 17. Vase aus chinesischem Porzellan aus dem Raum 5.
Dess. 17. Vase en porcelaine chinois du local 5

прямоугольный фриз из штампованного ганча, обломки которого были найдены в этом углу помещения (рис.21, 22).

Стены комнаты в III строительном периоде были оштукатурены белым раствором толщиной 0,2 см. Штукатурка хорошо сохранилась практически на всех стенах. Она покрывает швы закладки проходов, что еще раз свидетельствует о том, что в III периоде проходы уже были узкими. Большое количество обломков штукатурки, а также известковых карнизов, косяков и ганчевого декора было найдено при разборке помещения (рис.23, 24). К бытовым находкам в помещении относятся фрагменты неполивной и поливной керамики, бронзовая обойма, фрагменты китайских фарфоровых сосудов с росписью кобальтом.

Таким образом, помещение 7 было жилым, в нем, как и в помещении 4, происходила активная хозяйственная деятельность и оно подвергалось многочисленным перестройкам.

Помещение 8

Помещение 8 находилось к северу от помещения 7, в СВ углу здания (рис.2). Размеры его составляли 5,2 м по оси С-Ю и 4,6 м по оси З-В. С севера и востока помещение было ограничено внешними стенами здания, на юге граничило с помещением 7, а на западе с помещением 2. В западной стене комнаты был сделан проем шириной 130 см. Он начинался в 30 см от ЮЗ угла помещения. Первоначально порог прохода приходился на уровень седьмого слоя кладки (I слой над цоколем стены). В процессе жизнедеятельности кирпичи порога стерлись, и в средней его части появились выщербины. Проход не прорубался и не закладывался.

Стены помещения были покрыты тремя слоями глиняной штукатурки общей толщиной в 5 см. В помещении выделяются четыре строительных периода.

I строительный период (рис.3, 4)

К I строительному периоду относится отрезок стены, который стоял на выступе цоколя северной стены. Длина его 180 см. Отрезок стены прослеживался на расстоянии 1,7 м от СЗ угла помещения и не доходил на 1,1 м до СВ угла. Здесь он, вероятно, был перерезан каном последующих периодов. Кладка сохранилась на высоту 3 слоев сырца. Сырцы имели размеры 33x17x5 см. С наружной стороны стенка была оштукатурена саманной обмазкой толщиной 3-5 см, которая была сильно закопчена. Кирпичи стенки носили следы прокаленности. Вероятнее всего эта стенка является остатками кана, который был сложен вдоль северной стены, как и в помещении 5, расположенном напротив, в западной жилой части дома.

II строительный период (рис.25, 26)

Ко II периоду можно отнести Г-образную стенку, стоящую на материке. Отрезок ее, положенный по оси З-В, находился в 135 см от северной стены помещения, параллельно ей. Не доходя 85 см до восточной стены помещения она поворачивала под прямым углом и упиралась в северную стену. Она сложена из сырцов размерами 26x20x7 см. Кладка сохранилась, в основном, на 6 слоев, то есть на высоту цоколя. На ее северном и западном концах прослеживались остатки еще двух слоев кладки, кирпичи которых заходили на выступ цоколя.

К северу от этой стенки, у угла, который она образует с западной стеной помещения, вплотную примыкал остаток кладки в 9 слоев сырца такого же формата. Кладка имела длину 34 см, ее восточный конец был обрублен. Внутренняя поверхность пространства, образованного Г-образной стенкой и внешними стенами помещения 8 была покрыта слоем саманной обмазки толщиной до 3 см. Снаружи стенка под полом не была оштукатурена. Лишь у угла, где сохранился 1 слой кладки над уровнем пола, внешняя поверхность кирпичей этого слоя была покрыта глиняной штукатуркой толщиной 1-1,5 см с очень гладкой поверхностью. Несомненно, над полом эта стенка являлась стенкой суфы. Кан от этой суфы, вероятнее всего, был сложен вдоль восточной стены помещения и разобран при перестройке в III периоде. Пространство между Г-образной стенкой и стенами помещения было заполнено битым пережженным сырцом от этого кана, сажей, золой и пережженными костями. Во всем остальном помещении под полом была чистая субструкция. Западная стенка кана, возможно, была поставлена на меридиональный отрезок Г-образной стенки, как это было, например, в помещении 3.

У поворота Г-образной стенки, с южной стороны, была пристроена тошна диаметром 22-25 см и глубиной 55 см. Колодец тошны был сложен из половинок жженых кирпичей, разрезанных по диагонали и уложенных таким образом, что длинная сторона треугольников была обращена внутрь тошны. Размеры кирпичей – 19x19x4 см. Кладка колодца состояла из девяти слоев кирпича. На кирпичах были следы белого известкового раствора, то есть были использованы кирпичи от пола. Пол помещения во II периоде был глинобитным.

III строительный период (рис.27, 28)

Сооружения III периода в помещении сохранились полностью. Вдоль восточной стены был

сложен двухканальный кан. Каналы кана тянулись от северной стены на длину 3,2 м. Стенки их были сложены из сырцов размерами 32x15x5 см. Высота стенок составляла семь-восемь слоев кладки. Изнутри стенки каналов кана были сильно закопчены. Ширина каналов – 25,5 см. Восточный канал заканчивался нишей вертикального дымохода, которая была выложена в северной капитальной стене здания. Ширина ниши – 26,5 см, глубина – 30 см. Перед вертикальным дымоходом для улучшения тяги оба канала были частично заложены половинками сырцов в три слоя. Частично сохранилось перекрытие каналов кана. Они были перекрыты сырцами размерами 36x23x5,5 см, положенными поперек каналов. Зазор на средней стенке между кирпичами перекрытия был забит глиняным раствором. В канале кана был найден обломок бронзового сосуда.

В южной части кана, в 137 см от южной стены, располагалась круглая в плане печь диаметром 50-55 см. В нее был встроен тандыр диаметром 36 см. Печь сохранилась на полную высоту (43 см), тандыр – на высоту 30 см. Под печи был сильно прокален, в заполнении было много золы. Печь имела устье, обращенное к западу. Топочное отверстие прямоугольное шириной 30 см, высотой – 25 см. Перед топкой в полу была сделана круглая ямка для золы.

Между печью и южной стеной помещения находилось небольшое пространство суфы длиной 120 и шириной 105 см. В его заполнении сохранились остатки печи или обкладки тандыра. Печь круглая, диаметром 55 см. Она отстояла на 65 см от южной стены помещения.

Кроме того, в западной стенке суфы было найдено топочное отверстие еще более ранней печи,

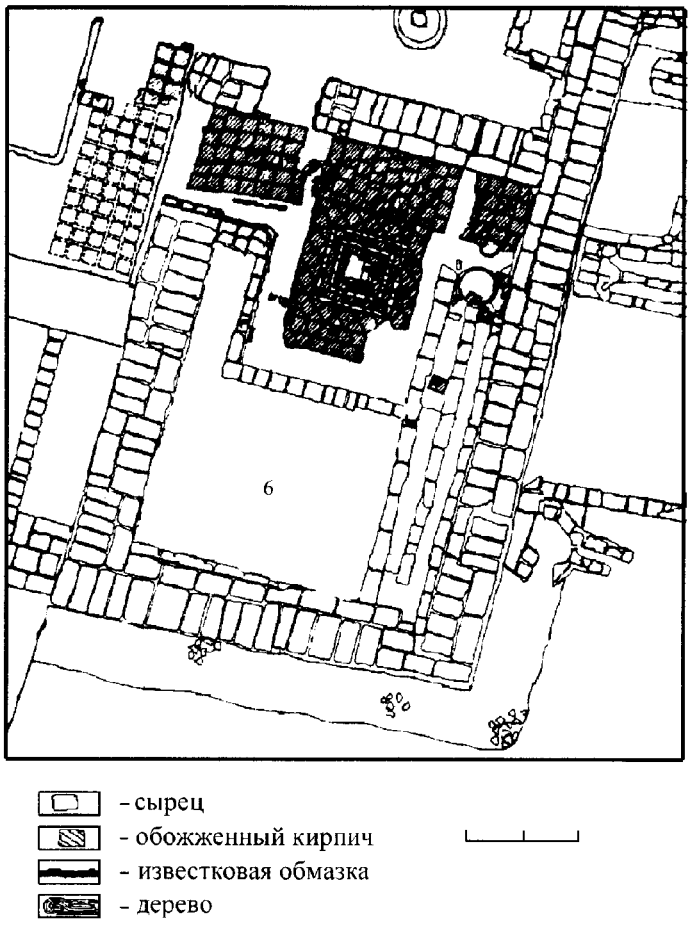

Рис. 18. План помещения 6 во II периоде.
Fig. 18. Chamber 6 layout in the 2nd period.
Abb. 18. Grundriss des Raumes 6 aus der 2. Bestehensperiode.
Dess. 18. Plan du local 6 en phase II

отапливавшей этот кан. Оно располагалось в 30 см от южной стены помещения и было впоследствии заложено обломками сырцов и замазано глиной. Ширина отверстия – 37 см, высота – 25 см. Наличие здесь первоначальной печи подтверждает также сильная закопченность стенок внутри суфы. Возможно также, что одна из двух первоначальных печек или обе они относились к кану II периода, который, вероятнее всего, также был сложен вдоль восточной стены.

Перпендикулярно кану, на расстоянии 2,0 м от северной стены, была сооружена стенка суфы. Она была сложена из сырцов размерами 32x20x5 см и обломков, обращенных рваными краями внутрь суфы. Стенка суфы имела высоту семь слоев кладки и была положена на уровень пола. Стенка упиралась в западную стену помещения, то есть суфа с каном образовывали Г-образную фигуру. При выборке заполнения суфы III периода, которая полностью включила в себя суфу II периода, было найдено большое количество керамики. Это донце красноглиняной поливной чаши с желтой поливой, донце красноглиняной поливной чаши с прочерченым орнаментом и подглазурной росписью, красноглиняная поливная чаша с зеленой поливой, две целых кашинных чаши с подглазурной полихромной росписью и прозрачной поливой, крупные фрагменты двух таких же чаш, красноглиняный сосуд-альбарелло с зеленой поливой. Также в заполнении суфы находились обломки железного цилиндрического замка и медные монеты, одна из которых датируется 1340 гг., а три других – 762 г.Х. (1360/61 гг.).

Пол помещения был глинобитным, покрытым толстым (2-3 см) слоем золы. У южной стены в полу была сделана прямоугольная в плане яма размерами 108x62 см и глубиной 42 см. Яма имела довольно ровные стенки, в дне ее было сделано чашевидное углубление диаметром 50 см. Возможно, эта яма являлась погребком.

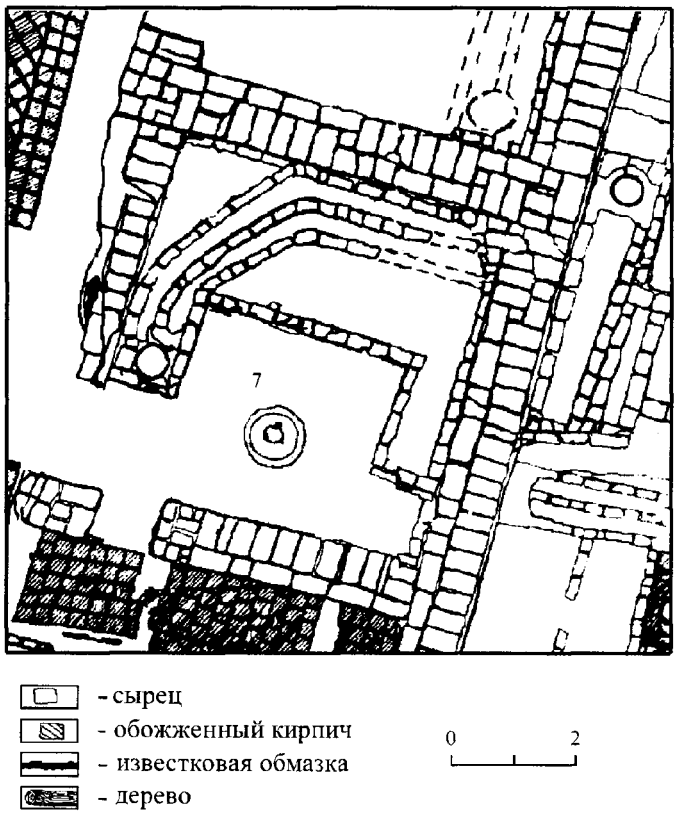

Рис. 19. План помещения 7 во II периоде.
Fig. 19. Chamber 7 layout in the 2nd period.
Abb. 19. Grundriss des Raumes 7 aus der 2. Bestehensperiode.
Dess. 19. Plan du local 7 en phase II

IV строительный период (рис.12, 13)

В IV периоде была сделана небольшая перестройка суфы. Вдоль западной стены, вплоть до прохода была пристроена суфа размерами 150х65 см. Стенки ее были из сырцов размерами 32х16х4 см. В высоту сохранилось 6 слоев кладки. Таким образом, вся суфа стала иметь П-образную форму. Снаружи все стенки суфы были покрыты слоем глиняной обмазки толщиной 1-2 см.

В заполнении помещения обнаружены бронзовый ключ, фрагмент бронзовой цепочки и стеклянная бусина бочонковидной формы черного цвета с желтым орнаментом.

Помещение 8, как и помещение 5, было довольно скромно оформленной жилой комнатой. Несмотря на обилие строительных периодов, в нем не наблюдается такой активной хозяйственной деятельности, как в помещениях 4 и 7.

Пристройка

С восточной стороны к внешней стене дома была сделана пристройка в виде нескольких помещений с деревянными стенами на сырцовом цоколе (рис.29-31). Пристройка была сделана уже после того, как дом был построен и существовал некоторое время. Конструкции помещений пристройки поставлены на завалинку из шлака и битого кирпича, примыкавшую к восточной стене и на поверхность двора. Для выведения полов на уровень завалинки во всех помещениях пристройки под полом насыпан слой субструкции. Кроме того, внешняя поверхность восточной стены покрыта пятью слоями саманной обмазки общей толщиной 10 см. Эта обмазка является именно наружной штукатуркой капитальной стены дома, так как она идет сплошным слоем по всей стене, и в тех местах, где к ней нет пристройки. Следовательно, до возведения пристройки стена дома ремонтировалась пять раз. Тем не менее, сооружение пристройки относится ко времени жизни основного дома, поэтому помещениям дома и пристройки дана сплошная нумерация.

Помещение 15

Помещение 15 было самым южным в пристройке. Комната была прямоугольной в плане, размерами 3,7х4,2 м. С запада она была ограничена капитальной стеной дома, остальные стены были деревянными на сырцовом цоколе. На верхнем слое кладки во многих местах сохранился глиняный раствор с отпечатком бревна в виде полукруглой в разрезе ложбинки. Цоколь южной стены сохранился на два слоя кладки, восточная стена была высотой четыре слоя, причем на четвертом слое были видны отпечатки бревна. Северная стена, общая с помещением 10, в восточной части имела три слоя кирпичей, на которых лежало бревно. Западный конец бревна был положен на глиняном растворе непосредственно на завалинку дома. В цоколе этой стены были прослежены две столбовые ямки.

Восточная стена помещения снаружи была оштукатурена глиной (0,5 см). В 1,4 м от ЮВ угла комнаты снаружи была пристроена небольшая суфа шириной 38-40 см и длиной 1,75 м. Стенки ее были сложены из сырца в 2 слоя высотой, а внутренний объем забутован субструкцией. Северная и южная стенки суфы были покрыты толстым слоем известковой обмазки (1,5 см). На северной стенке облицовка сохранилась на высоту примерно еще 2,5 слоев кладки, что говорит о том, что суфа была выше. С востока к ней подходил пандус высотой 15 см и длиной 1,1 м из плотно утрамбованной глиняной субструкции.

Основную часть помещения занимала П-образная суфа. Подпорная стенка основной части суфы находилась на расстоянии 2,2 м от капитальной стены дома. Она была сложена из сырцов размерами 30х16х4 см в 6 слоев. В южной части суфа имела выступ размерами 75х60 см, который отстоял на 10 см от южной стены комнаты. Высота кладки здесь 3 слоя. Внешняя поверхность суфы была покрыта глиняной обмазкой толщиной 0,5 см. Стенка суфы в нижней части была облицована бордюром из кирпичных треугольников, положенных на известковый раствор. Треугольники были вырезаны из обожженных кирпичей и имели стороны 16-17 см и основания 14 см. Они были положены поочередно вверх и вниз основаниями так, что образовывали непрерывную полосу вдоль основания суфы. В непотревоженном состоянии сохранился лишь один такой треугольник; остальные прослеживались по отпечаткам на растворе.

Северную часть суфы занимал двухканальный кан. Он был сложен из сырцов размерами 34х16х4 см. Стенки сохранились на высоту шести-семи слоев кладки. Ширина северного канала кана 17 см, южного – 22 см. Кан не доходил до капитальной стены дома на 35 см. Это пространство было забутовано глиной. В СЗ углу кана сохранились остатки вертикального дымохода в виде ямки диаметром 25 см и глубиной 8 см. Стенки его были сложены из сырцов, поставленных на ребро. В восточной части кана находился сильно разрушенный тандыр диаметром 57 см. Стенки его максимально сохранились на высоту 20 см, дно было выложено сырцом и прокалено. Снаружи тандыр был укреплен сырцовыми стенками высотой в 2-6 слоев. Устье тандыра в восточной его стенке имело ширину 20 см.

Пол помещения был выложен обожженным кирпичом, положенным рядами вдоль осей поме-

щения на известковом растворе. Нетронутый участок пола сохранился только перед каном; на остальной площади он был разобран. Кирпичи имели размеры 21х21х5 см. Толщина субструкции под полом достигала 35 см. В центре пола находилась тошна в виде хумчи с отбитым дном, перевернутой горлом вниз. Диаметр дна и горла ее 15 см, максимальный диаметр 40 см, высота – 65 см.

Помещение 10

Помещение 10 примыкало к помещению 15 с северной стороны, имея с ним общую стену. Цоколь восточной стены комнаты был высотой в 3 слоя сырца, на которые был положен глиняный раствор, носивший отпечаток бревна. Северная стенка сохранилась фрагментарно на высоту двух кирпичей. Размеры помещения 2,8 м в меридиональном направлении и 3,7 м – в широтном. Помещение 10 имело два строительных периода.

I строительный период (рис.29)

Вдоль северной стены был сложен двухканальный кан шириной 78 см. Стенки кана были из сырцов размерами 32х13х4 см и сохранились на высоту семи-восьми слоев кладки. Ширина каналов кана 20-22 см. В западном конце кана находился тандыр диаметром 50 см. Стенки его были сильно разрушены и имели максимальную высоту 30 см. В южной стенке тандыра было прослежено прямоугольное топочное отверстие шириной 12 см и высотой 30 см. На внутренней поверхности тандыра были сделаны насечки в виде пересекающихся пучков линий. Пучки направлены по диагонали, перпендикулярно друг другу, и вертикально.

Перпендикулярно кану, на расстоянии 1,3 м от капитальной стены дома, шла подпорная стенка суфы. Она сохранилась фрагментарно на высоту шести слоев в объеме другой суфы. Стенка стояла непосредственно на завалинке у основной стены дома. Южный конец ее упирался в стену, то есть в I периоде суфа была Г-образной. Внешняя поверхность стенки суфы и кана была покрыта глиняным раствором толщиной 0,5 см. Пол в I периоде был глинобитным.

II строительный период (рис.30)

Во II периоде суфа была расширена и была сделана П-образной. Западная ее часть была увеличена до 2,2 м, а южная имела ширину 60 см при длине 70 см. Стенки суфы сохранились на высоту 8 слоев. Нижний слой был положен на подсыпку толщиной 20 см. Внешняя поверхность суфы была оштукатурена глиной. Кан во II периоде оставался прежним.

Пол был вымощен обожженным кирпичем на известковом растворе. Кирпичи лежали рядами, ориентированными вдоль осей помещения. Размеры кирпичей 21х21х5 см. В центре пола находилась тошна со сливом в виде кирпича с дырочкой посредине. Этот кирпич находился на 7 см ниже уровня пола. Возможно, тошна существовала и в I периоде, так как глинобитный пол заходил на ее стенки. В качестве резервуара тошны служил хум, поставленный горлом вниз. Дно его не было отбито; в нем лишь была сделана круглая дыра диаметром 16 см. Диаметр дна и горла хума 25 см, максимальный диаметр 43 см, высота 75 см.

Помещение 11

Помещение 11 являлось самым северным в ряду пристроек к восточной стене дома. Южная стена его была общей с помещением 10. Цоколи западной и северной стен лежали на материке. Они были сложены из сырцов размерами 26х21х5 см и имели высоту 2-3 слоев кладки. На восточном цоколе сохранился след бревна. Северный конец восточной стены загибался к западу, и помещение имело трапециевидную форму. Длина комнаты по оси С-Ю – 4,5 м, ширина в южной части – 3,5 м и 2,8 м – в северной. В помещении 11 было выявлено три строительных периода.

I строительный период (рис.29)

Вдоль капитальной стены дома, на расстоянии 16 см от нее был сложен двухканальный кан. Сырцы кладки большеформатные, размерами 42х22х6 см. Высота стенок кана от одного до трех слоев. Ширина каналов 20 и 23 см. У южной стенки кана каналы его соединялись проемом шириной 22 см. За ЮЗ углом кана находились остатки вертикального дымохода, который вплотную примыкал к капитальной стене дома. Стенки его были сложены из сырцов, стоящих на ребре длинной стороны. Западная стенка дымохода сохранилась на высоту 90 см, остальные разрушены дымоходом III периода. На севере кана находилась прямоугольная печка размерами 37х78 см, которая была почти полностью разрушена и прослеживалась по прокаленному дну.

Суфа в I периоде была Г-образной. Перпендикулярно стенкам кана из такого же большеформатного сырца была сделана подпорная стенка суфы. Ширина суфы в этой части 90 см. Высота стенки 5 слоев кладки. Стенки суфы и кана снаружи были покрыты глиняной обмазкой 1,5 см толщиной. Впоследствии суфа была значительно расширена. Она была сделана П-образной. Южная часть ее имела ширину 2,3 м, а восточная – ширину 45 см при

длине 110 см. Стенки суфы сохранились на высоту трех слоев кладки, внешняя поверхность их была покрыта глиняной обмазкой. Пол комнаты был глинобитным.

II строительный период (рис.30)

Кан не был перестроен, зато была значительно расширена суфа. Суфа II периода была П-образной. Южная часть ее имела ширину 2,3 м, а восточная - ширину 45 см при длине ПО см. Стенки суфы сохранились на высоту 3 слоев кладки, внешняя поверхность их была покрыта глиняной обмазкой. Пол комнаты был глинобитным.

III строительный период (рис.31)

В III периоде был перестроен кан. Южная суфа осталась в тех же пределах, но стенки ее были повышены до семи слоев кладки. Вплотную к западной стенке восточной суфы пристроили еще одну стенку, которая расширила ее до 66 см.

Кан был поставлен на кан I периода. Он имел один канал. Стенки его были сложены из сырцов размерами 37x20x6 см. Общая высота стенок 7-8 слоев кладки. Канал кана на севере имел ширину 40 см, к югу он сужался до 28 см. В ЮЗ углу кана был встроен вертикальный дымоход. Он представлял собой прямоугольный в плане короб, стенки которого были сложены из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро короткой стороны. Размеры его сечения 24x19 см, высота - 90 см. Внутри короба проходила дымоходная труба, отпечатки которой сохранились на его внутренней обмазке, а фрагменты были найдены в завале.

В северном конце кана находился тандыр диаметром 36 см, который сохранился на полную высоту (40 см). Тандыр соединялся с каном при помощи двух круглых отверстий диаметром 7 см, которые находились на высоте 20 см от дна. В восточ-

Рис. 20.Компьютерная модель помещения 7 во II периоде.
Fig. 20. Computer model of chamber 7 in the 2nd period.
Abb. 20. PC-Modell des Raumes 7 in der 2. Bestehensperiode.
Dess. 20. Modele d'ordinateur du local 7 en phase II

ной стенке тандыра и его обкладке было сделано прямоугольное топочное отверстие шириной 24 см и высотой 35 см. С севера тандыр был ограничен стенкой высотой в 7 кирпичей. Внутренняя поверхность тандыра была покрыта насечками в виде перемежающихся вертикальных пучков прямых и волнообразных линий.

Южная суфа осталась в тех же пределах. Вплотную к западной стенке восточной суфы пристроили еще одну стенку, которая расширила ее до 66 см. Стенки суфы II периода были отремонтированы сырцами, которые имели размеры 26х21х5 см. Общая высота стенок суфы составила 10 слоев. Вплотную к восточной стенке кана была поставлена стенка, северный конец которой упирался в стену комнаты так, что в СЗ углу образовалась хозяйственная полочка размерами 87х70 см.

Все внутренние конструкции помещения 11 сохранились на полную высоту. Как горизонтальные, так и вертикальные поверхности суф были обмазаны глиной толщиной 4-5 см. Пол также был глинобитным. Поверхность его была поднята на 23 см над уровнем пола II периода.

В помещении 11 найдены два небольших красноглиняных кувшина, керамическая крышка, железный светец, железный топор и медная монета 1350 гг.

Помещения 12 и 13

Помещения 12 и 13 с востока примыкали к помещению 10. От них сохранились сырцовые цоколи стен высотой в 3 слоя кладки. Перегородка между ними имела четыре слоя кладки. Северная и южная стены этих комнат являлись продолжением соответствующих стен помещения 10. Размеры помещения 12 – 2,8х0,6 м; помещения 13 – 2,70х2,35 м. Никаких внутренних конструкций в них обнаружено не было. В заполнении помещения 12 найдена медная монета 1350 гг. Еще три монеты этого же времени находились на участках, примыкающих к помещениям 12 и 13 с юга.

Помещение 14

Примыкало с севера к помещениям 12 и 13. Стены его сохранились фрагментарно в цокольной части. Высота кладки стен 3-4 слоя. Размеры помещения 2,4х3,2 м. Внутренние конструкции отсутствовали.

К комплексу пристройки относилась печь, приставленная к восточной стене усадебного дома и южной стене помещения 15 (рис.30). Она была поставлена на завалинку дома. Топка печи имела круглую в плане форму диаметром 59-63 см. Она была сложена из сырцов размерами 30х20х5 см. Кладка в 2 слоя. Устье печи было обращено к югу и имело ширину 25 см и длину 40 см. От топки на восток шел канал шириной 17 см. Стенки его были сложены из сырцов, поставленных на ребро. Канал сохранился на длину 85 см.

* * *

При исследовании усадьбы на XV раскопе было найдено 67 медных монет и одна серебряная. Они датируются от 30 гг. XIV в. до 1365/66 гг. (определение монет было проведено Г.А.Федоровым-Давыдовым). Самые ранние монеты, найденные непосредственно внутри дома, относятся к 1340 гг. Одна из них находилась в помещении 2, другая – в заполнении суфы II и III периодов в помещении 8. Однако в том же заполнении найдено три монеты 1360/61 гг. Поэтому можно предположить, что ранняя монета попала туда случайно или осталась от I строительного периода. В помещении 4, на полу I строительного периода лежала монета 1350 гг. Самые поздние монеты, найденные в доме, относятся к 1365/66 г. Одна из них находилась в помещении 4, ниже уровня полов V строительного периода. К сожалению, большая часть монет не привязана жестко к каким-либо внутренним конструкциям, поэтому хронологию существования усадьбы можно представить лишь приблизительно. Центральный дом усадьбы, вероятно, был построен в кон.30 или нач.40 гг. XIV в. Самая первая перестройка в помещении 4 относится ко времени не ранее 50 гг., а сооружения III строительного периода в помещении 8 были возведены после 1361 г. Пристройка к восточной стене усадебного дома была сделана не позднее 50 гг. Последняя перестройка в помещении 4 была сделана после 1365/66 гг. Помещение было поделено надвое и обе комнаты продолжали некоторое время функционировать. Таким образом, можно предположить, что вся усадьба в целом прекратила свое существование не ранее кон.60 гг. или в нач.70 гг. XIV в.

Неоднозначно обстоит дело и с перестройками внутри здания. Не все строительные периоды можно синхронизировать. Более того, возможно, перестройки в разных помещениях дома не всегда делались одновременно. С большой долей вероятности можно говорить только о сосуществовании отдельных строительных периодов в разных частях здания. Попробуем разобраться в этом сложном вопросе.

Во входном тамбуре (помещение 1) перестроек не было. В помещении 2 была сделана одна перестройка, в результате которой была срублена северная стена, и объем помещения 2 был увеличен за счет присоединения помещения 9. В результате этого появилась возможность расширить проход в

помещение 5. В помещении 5 выделяются два строительных периода. Во II периоде к основному объему суфы была пристроена небольшая суфа в южной части комнаты. Возможно с этим связано расширение прохода между помещениями 2 и 5 (перенос его северной стенки на 25 см), но это совершенно не обязательно. Перестройка дверного проема могла быть сделана как до, так и после увеличения объема суфы в помещении 5.

В помещении 3 была сделана одна перестройка, которая свелась к расширению суфы и частичной перекладке полов. Кладка пола в центральной части помещения под стенками новой суфы была разобрана. В северной части комнаты, перед проходом в помещение 4, был положен участок нового кирпичного пола, перекрывшего тошну № 2. Следует заметить, что расширение суфы и ремонт пола в проходе могли быть сделаны не одновременно, и они относятся нами к II периоду условно. И.В.Волковым была высказана остроумная гипотеза о том, что тошна № 2 была сооружена в I периоде для обслуживания одновременно двух помещений (3 и 4), а тошна № 1 появилась только во II периоде. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Нам представляется, что в центре комнаты тошна была сделана с самого начала, так как никаких следов ремонта кладки пола не прослеживалось. Можно, конечно, предположить, что вымостка вокруг тошны была переложена полностью, но это не находит подтверждения. Если бы во II периоде пол был переложен, то под его кирпичами должна была сохраниться нивелировочная поверхность первоначального пола, в случае, если он был кирпичным или плотная поверхность глинобитного пола. Такие полы предыдущих периодов прекрасно прослеживались в помещениях 4, 6 и 7. В помещении 3 ничего подобного не наблюдалось. Более того отпечатки кирпичей пола, прослеженные под стенками суфы II периода, по уровню полностью совпадают с основанием кладки в центральной части комнаты. То есть, вымостка пола с тошной посредине была сделана уже в I периоде. Тошна 1, скорее всего, действительно была сделана для помещения 4, так как в I-III периодах своей тошны там не было. В IV периоде в полу помещения 4 была сделана тошна, а тошна 2 в помещении 3 перекрывается кир-

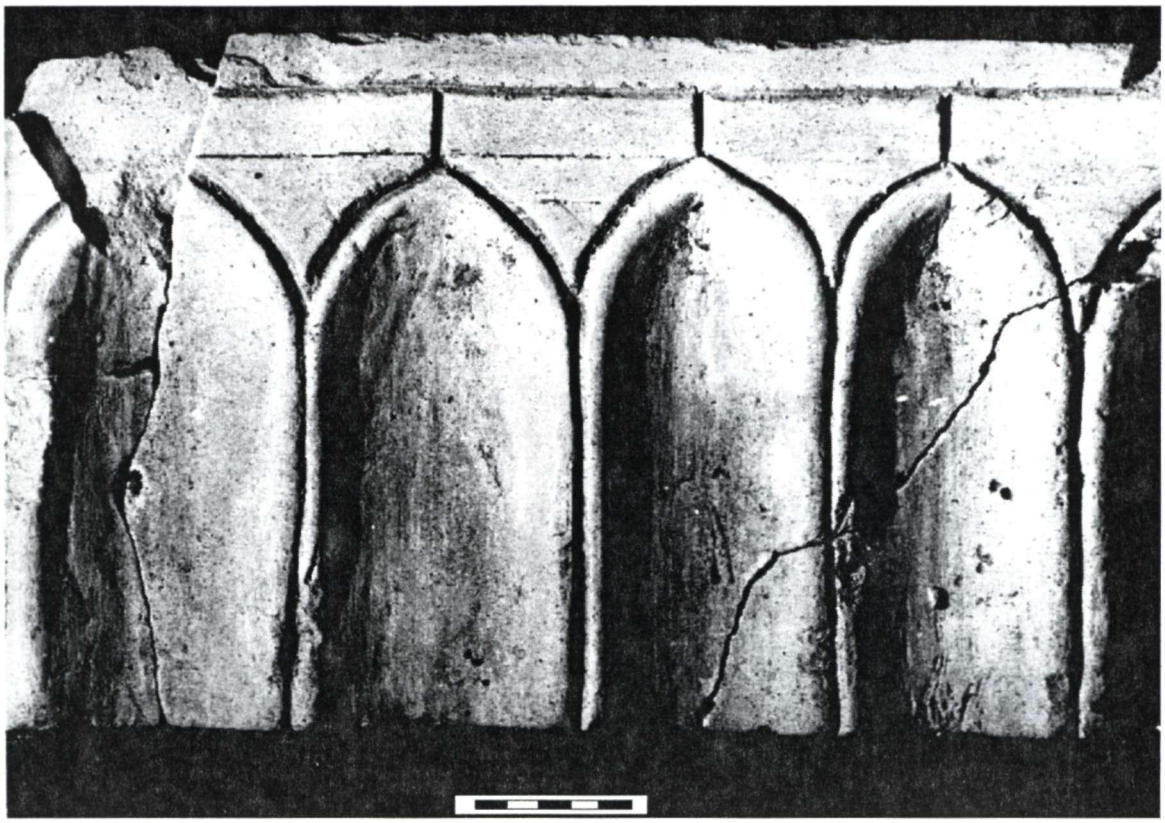

Рис. 21. Панно из штампованного ганча из пом. 7.
Fig. 21. Panel of stamped carved plaster from chamber 7.
Abb. 21. Wandbild aus dem gestempelten Gantsch aus dem Raum 7.
Dess. 21. Panneau couvert d'etampes d'argile de haute qualite du local 7

пичной вымосткой. Кстати, кирпичи этой вымостки имели лучшую сохранность и поверхность лежала на 4-5 см выше, чем поверхность остального пола. Таким образом, II строительный период (точнее, перекрытие тошны 2) в помещении 3 синхронен IV строительному периоду в помещении 4.

Некоторые выводы можно сделать о синхронности перестроек в помещениях 6 и 7, которые были соединены проходом. В I строительном периоде проход между комнатами имел ширину 135 см. Во II строительном периоде проход был частично заложен с восточной стороны, и ширина его стала составлять 80 см. Кирпичный пол III периода в помещении 7 проложен внутри этого узкого прохода. Белая штукатурка стен также перекрывает заложенный участок прохода. Таким образом, ремонт III периода в помещении 7, был сделан после перестройки II периода в помещении 6.

Интерьеры помещений во всех периодах 3 и 6 почти идентичны и отличаются лишь в мелких деталях. И, хотя в помещении 3 выделено два строительных периода, а в помещении 6 - три, деление это, как уже говорилось, во многом условно. Скорее всего, можно предположить, что однотипные перестройки (расширение суф, установка дополнительных печек) в них делались одновременно.

Интересно проанализировать планировку центрального дома и ее изменения в процессе существования усадьбы. Прежде всего, в этом здании обращает на себя внимание довольно высокая культура строителей, возводивших его. Все стены здания, как внешние, так и внутренние - капитальные, сложенные вперевязку, что свидетельствует о едином планировочном замысле. Кладка стен везде регулярная, сделанная по одной системе, из стандартных сырцовых кирпичей. Для Золотой Орды это не является общим правилом. В больших, довольно зажиточных домах часто стены отдельных помещений строятся из различных материалов, причем сами комнаты не всегда возводятся одновременно, а постепенно пристраиваются друг к другу (Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970, с.80-85,114-116; Мухамадиев А.Г., 1974, с. 80-89; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.74). Или же внешние стены здания делаются капитальными, а внутренние перегородки могут быть фахверковы-

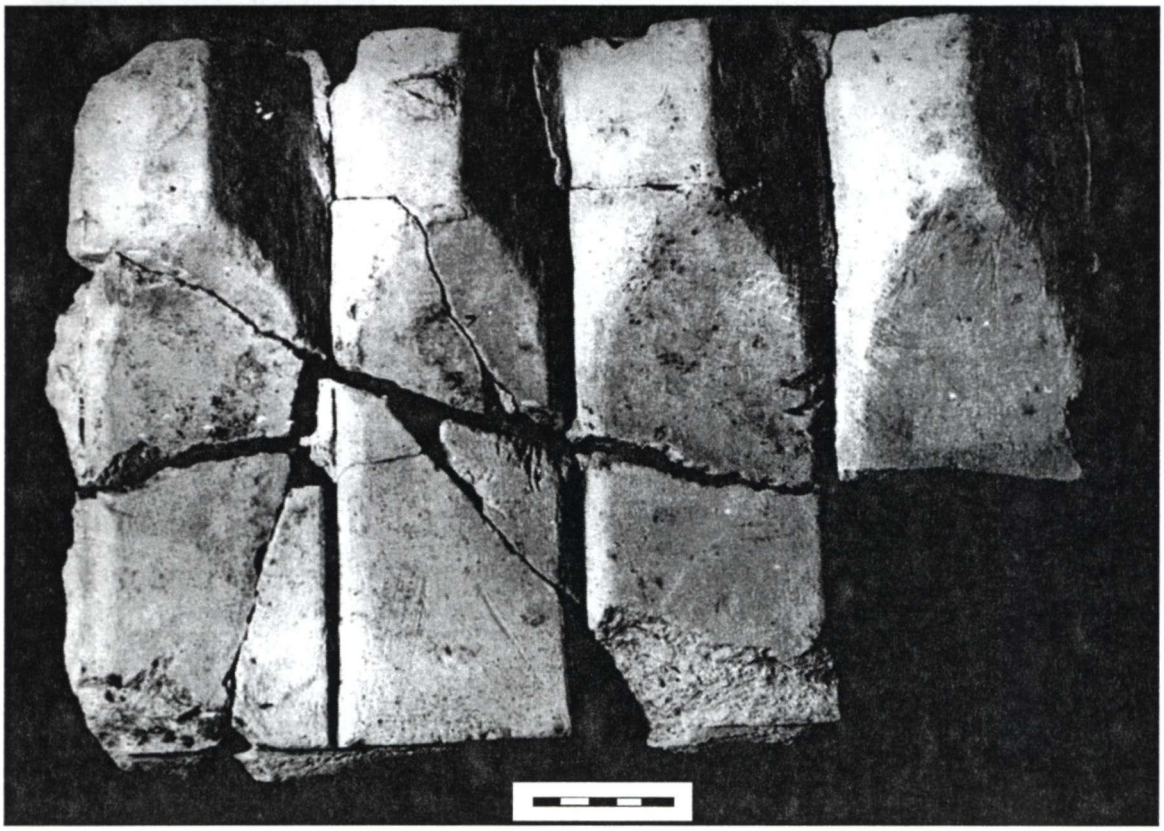

Рис. 22. Панно из штампованного ганча из пом. 7.
Fig. 22. Panel of stamped carved plaster from chamber 7.
Abb. 22. Wandbild aus dem gestempelten Gantsch aus dem Raiim 7.
Dess. 22. Panneau couvert d'etampes d'argile de haute qualite du local 7

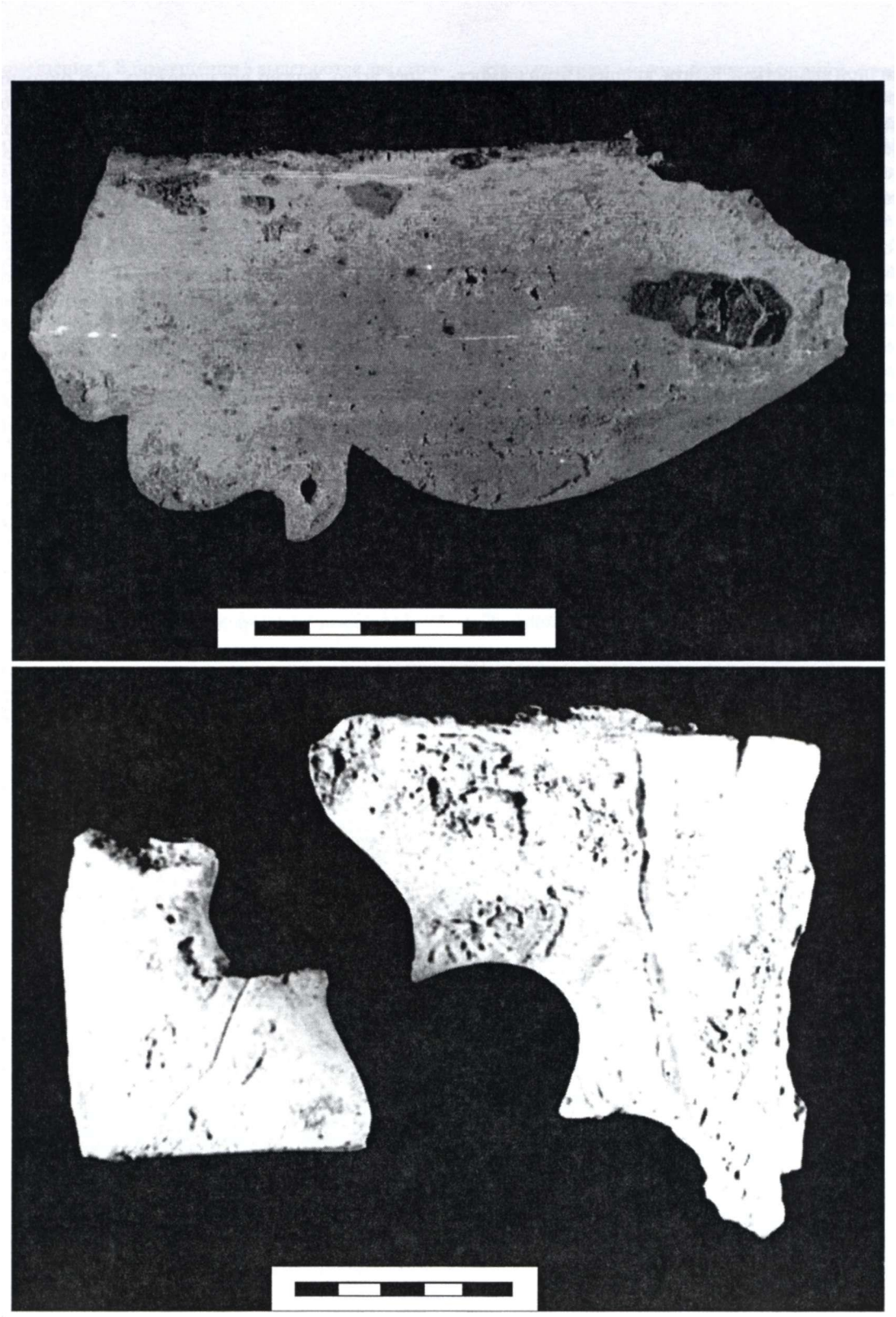

Рис. 23. Декор из штампованного ганча из пом. 7.
Fig. 23. Decoration of stamped carved plaster from chamber 7.
Abb. 23. Dekor aus dem gestempelten Gantsch aus dem Raum 7.
Dess. 23. Decoration en etampes d'argile de haute qualite du local 7

Рис. 24. Декор из штампованного ганча из пом. 7.
Fig. 24. Decoration of stamped carved plaster from chamber 7.
Abb. 24. Dekor aus dem gestempelten Gantsch aus dem Raum 7.
Dess. 24. Decoration en etampes d'argile de haute qualite du local 7

ми (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.57). Для многих построек характерна небрежность в возведении стен, отсутствие прямых углов, нерегулярность кладки, использование битых кирпичей и сырцов, а зачастую и строительного мусора.

В I периоде, то есть во время постройки, здание имеет довольно четкую планировку. В центре его находился большой парадный зал, который имел два входа. В него можно было попасть со двора через небольшие помещения, расположенные с северной и южной сторон. Г.А.Федоров-Давыдов называет подобные помещения айванами (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.54, 57, 59). Однако нам кажется, что более правильно считать их входными тамбурами, так как, скорее всего, они не были открытыми. В южной стене помещения 1 была прослежена канавка, в которую, вероятно, был уложен нижний брус деревянной стены. На наличие здесь стены косвенно указывает и тот факт, что суфы, пристроенные к восточной и западной стенам комнаты, имеют только меридиональные подпорные стены, а с юга ничем не ограничены. Южный тамбур имел несколько большие размеры, чем северный, так как главный вход в здание находился с южной стороны.

С востока и запада от центрального зала находилось по три жилых помещения. Комнаты восточного ряда несколько уже (4,5 м), чем комнаты западного (5,6 м). Обе линии жилых помещений имеют одинаковое членение. С южной стороны каждого ряда находятся жилые, парадно оформленные помещения 3 и 6. Они соединены с помещениями 4 и 7, которые также были жилыми, но выполняли и хозяйственные функции. Вместе они образуют два жилых блока, но в восточном блоке оба помещения имеют выходы в центральный зал, а западный блок соединяется с залом одним общим проходом. В последнем периоде проход между помещениями 6 и 2 закладывается, и восточный блок соединяется с залом только через помещение 7. С северной стороны находятся скромно оформленные жилые комнаты 5 и 8, которые во все периоды соединяются только с центральным залом. Размеры помещений одинакового назначения не соответствуют полностью друг другу, но по назначению они идентичны. Некоторые различия наблюдаются в деталях оформления восточных и западных помещений, однако, в целом, в I периоде внутренние конструкции комнат восточной части являются как бы зеркальным отражением таковых в западных помещениях.

К сожалению, нам ничего не известно, о том, кто населял центральные дома золотоордынских усадеб. Тем не менее, анализ перестроек позволяет сделать некоторые предположения о процессах, происходивших в доме за 25-30 лет его существования. Прежде всего, рассмотрим центральный зал. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, центральный зал в золотоордынских усадьбах служил для торжественных церемоний и приемов (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.55). В I периоде размеры его составляют 13,3х6,0 м. Во II периоде происходит увеличение площади зала (14,4х6,0 м) за счет уничтожения северного тамбура. Проход в северной стене при этом заделывается досками, в результате пространство дома становится более замкнутым. На месте северного айвана ставится суфа, на которой, вероятно, восседал хозяин дома во время приемов. Вместе с тем увеличивается площадь пола в зале, что позволяет вмещать большее количество гостей. То есть перестройка центрального зала свидетельствует об активной общественной жизни обитателей дома.

Очень незначительные перестройки были сделаны в парадных помещениях 3 и 6. За все время в них были только несколько расширены суфы и местами переложен пол. Причем зеркальное расположение внутренних конструкций, вплоть до таких мелких деталей, как дополнительные печки на суфах, соблюдалось во всех периодах. Этот факт может свидетельствовать о том, что в течение всего существования дома у него был один хозяин, и в нем проживал единый коллектив.

Наиболее активно перестраивались помещения 4 и 7, так как, вероятно, в них протекала наиболее активная жизнь. В помещении 4 во все периоды происходило увеличение площади суфы, что, вероятно, было связано с ростом численности его обитателей. Перестройка канов была необходима для лучшего обогрева все увеличивающегося объема суфы. В III и IV периодах суфа занимает уже большую часть комнаты. В V периоде помещение 4 перегораживается, и на его месте возникают два отдельных помещения. Это может быть связано с качественными изменениями в составе населения дома, например, с выделением новой малой семьи или какими-то другими процессами. При этом обе комнаты сохраняют связь с парадным помещением 3, то есть жилой блок продолжает существовать.

Несколько иные процессы происходили в восточном жилом блоке. В помещении 7 была сделана только одна полная перепланировка. Скорее всего, она имела простую бытовую причину. В I периоде суфа находилась у восточной стены, прямо напротив прохода в помещение 2. Она являлась зеркальным отражением суфы в помещении 4. Но в помещении 4 не было прохода в помещение 2, поэтому там суфа увеличивалась, не меняя своей ориентации. Здесь же суфа была перенесена в более укромное и защищенное от сквозняков место – к северной стене комнаты. При этом площадь суфы не стала больше. Все остальные перестройки в помеще-

нии 7 связаны только с дальнейшим благоустройством комнаты: для лучшего обогрева меняется расположение кана, вкапывается тошна, пол мостится кирпичом, в углу устраивается погребок, в стенку суфы встраиваются деревянные брусья, на которых, вероятно, крепилась какая-то загородка или занавес. То есть, в восточных помещениях не происходило значительного роста численности обитателей, зато они неуклонно заботились о своем комфорте.

Наиболее непотревоженным осталось помещение 5. В нем была только пристроена небольшая дополнительная суфа. Возможно, здесь жил один человек, мало нуждающийся в изменении своей жизни, или же это была комната для гостей. Кстати, по площади она была самой маленькой в доме.

В помещении 8 также была сделана всего одна полная перепланировка: суфа была перенесена от восточной стены к северной. Причины, вероятно, те же, что и в помещении 7: суфу передвинули подальше от входа к глухой стене. В дальнейшем несколько раз перестраивались печки, причем положение кана не менялось. Суфа была увеличена очень незначительно, то есть здесь тоже количество обитателей не становилось больше.

Трудно судить, кто жил в пристройке к основному дому. Скорее всего, здесь могли жить слуги или какие-то зависимые люди. Все перестройки в помещениях 9 и 11 сводятся к увеличению площади суф. Вполне вероятно, что эти комнаты сначала были чисто хозяйственными с небольшими суфами-полочками, а потом стали жилыми, и суфы стали выполнять функции кроватей.

Характерной чертой дома на XV раскопе является наличие центрального зала. Пространство зала разделено на три части. Это П-образная вымостка в южной части помещения, фигурно выложенный

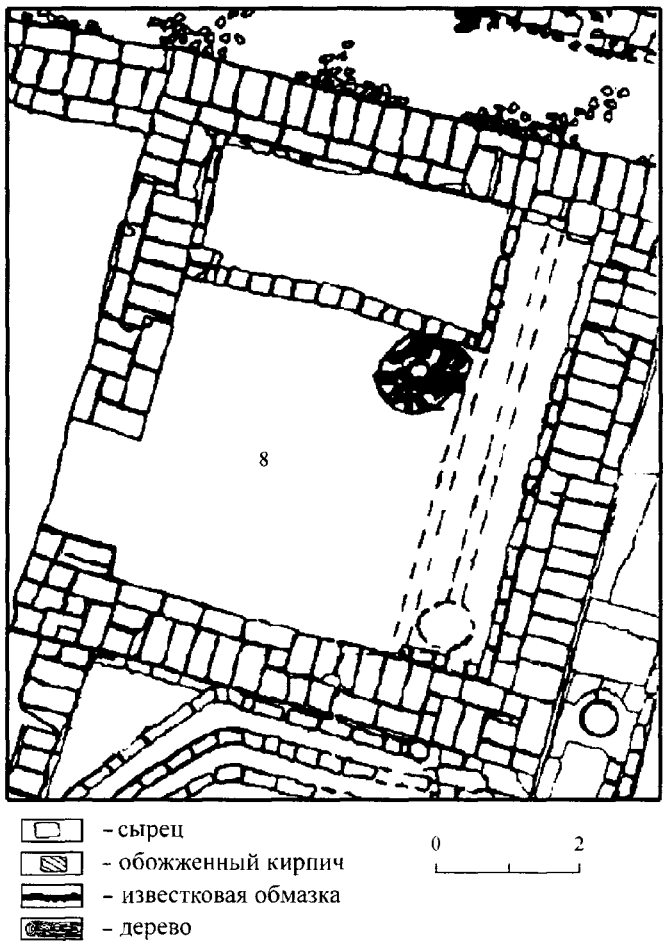

Рис. 25. План помещения 8 во II периоде.
Fig. 25. Chamber 8 layout in the 2nd period.
Abb. 25. Grundriss des Raumes 8 aus der 2. Bestehensperiode.
Dess. 25. Plan du local 8 en phase II

пол в центре и большая глинобитная суфа в северной части. Аналогичную планировку имел другой усадебный дом, раскопанный Поволжской экспедицией на VIII раскопе, в том же районе городища, между холмами Кучугуры и Красный (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1977; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.54-56). Он находился примерно в 350 м к югу от раскопа XV. В плане дом этой усадьбы был почти квадратным, только несколько больших размеров (23,8х24,2 м). Его внешние и внутренние капитальные стены имели точно такую же систему кладки и были сложены из сырцовых кирпичей такого же размера, как на раскопе XV. Центральную часть здания также занимал парадный зал. Он был разделен на три части. С южной стороны находилась возвышенная прямоугольная платформа, в центре – кирпичный пол с бассейном и в северной части зала – возвышение с четырьмя столбами для балдахина. С юга и севера зал был окружен входными тамбурами с Г-образными суфами вдоль стен. Таким образом, центральные ряды помещений в домах на VIII и XV раскопах почти полностью идентичны.

В доме на VIII раскопе остальные помещения также располагались в два ряда с восточной и западной сторон от зала, однако не все они были жилыми. Помещения образовывали несколько блоков, каждый из которых был соединен как с центральным залом, так и с двором усадьбы.

Еще одна усадьба, расположенная между этими двумя была раскопана В.Л.Егоровым на XI раскопе (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1978-1982; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.57, 58). Дом ее насчитывал около 30 помещений различного назначения. Капитальные стены дома были сложены из обожженного кирпича. Композиционным центром здания являлся богато украшенный зал для приемов. С южной стороны в него можно было попасть через входной тамбур с суфами вдоль стен и небольшой распределительный тамбур. Южная часть зала была занята вымосткой из обычного жженого кирпича. В центре находился большой квадратный пол, фигурно выложенный большими прямоугольными плитами и шестиугольными кирпичами. В полу была сделана большая тошна. В северной части зала находилось возвышение, также вымощенное кирпичем. С северной стороны зала находились 2 помещения, вероятно, аналогичные южным. Все остальные комнаты дома были расположены в несколько рядов с восточной и западной сторон от центральной линии помещений.

Таким образом, в трех усадебных домах, исследованных на Селитренном городище, жилые и хозяйственные помещения располагаются по сторонам центрального парадного зала. Во всех зданиях залы имеют одинаковое членение и даже близкие размеры. Они составляют соответственно 15,2х7,0 м на XI раскопе, 14,8х6,7 м на VIII раскопе и 14,4х6,0 м на XV раскопе (во II периоде). Рассмотренные факты позволяют отнести эти дома к определенному типу усадебных построек, отличительной чертой которых является наличие центрального парадного зала, который представляет собой композиционный центр здания. Зал выполнял также определенную общественную функцию. Он являлся пространством, объединяющим всех обитателей дома и представлявшим их во время торжественных мероприятий.

К типу домов с центральным залом относится во II периоде здание аристократической усадьбы в восточном районе Царевского городища (Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970, с.88-113). К сожалению, оно было полностью разобрано и по отпечаткам кирпичей удалось проследить только его общую планировку.

Можно попытаться проследить истоки развитой и устойчивой планировки домов с центральным залом. Трудно предположить, что она возникла самостоятельно в городах, основанных бывшими кочевниками. И.В.Волковым было высказано утверждение, что усадебные дома с центральным залом по планировке напоминают дворец великого каана в Каракоруме, описанный Рубруком. Рубрук пишет, что "дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые его стороны отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево, а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы... Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами... остается пустым; именно там ставится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, а с левого – женщины. Дворец простирается с севера на юг" (Путешествия.., 1957, с.159). Таким образом, у Рубрука описывается прямоугольное в плане здание, вытянутое с севера на юг, внутреннее пространство которого разделено на нефы рядами колонн. Сходные по типу синхронные по времени дворцы, где действительно имелись залы, разделенные рядами колонн на нефы, были частично раскопаны С.В.Киселевым (Древнемонгольские города, 1965, с.138-165, 329-369). По мнению большинства исследователей, в том числе и автора раскопок, эти дворцы вообще не были жилыми, и служили только для торжественных приемов (Древнемонгольские города, 1965, с.159). На XV раскопе Селитренного городища мы имеем типичное жилое здание квадрат-

ное в плане, три части которого нельзя назвать нефами. Единственное сходство между селитренским усадебным домом и описанным Рубруком ханским дворцом состоит в том, что в обоих зданиях вход находился с южной стороны, владелец должен был сидеть на возвышении в северной части, а домочадцы располагались вдоль боковых стен. Все эти признаки характерны для любого монгольского жилища. Монгольские юрты и поныне ставят дверью на юг, а северная их часть считается наиболее почетной (Кондратьева М.И., 1935, с.28; Щепетильников Н.М., 1960, с.23; Жуковская Н.Л., 1988, с.16). На то, что в ориентировке золотоордынских домов входом на юг, сказалась монгольская традиция, указывал и В.Л.Егоров (Егоров В.Л., 1970, с.187). Кроме всего прочего, дворцы в Монголии были построены по китайским образцам и, вероятно, китайскими мастерами. Довольно трудно предположить, что в сер.XIV в. на Волге жили артели китайских строителей, да и в облике построек золотоордынских городов не наблюдается существенного китайского влияния.

Большинство исследователей, занимавшихся изучением архитектуры и строительства в городах Золотой Орды, указывали на влияние Ирана и Средней Азии на их формирование (Бартольд В.В., 1922, с.42; Баллод Ф.В., 1923, сЛ 18; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.268; Айдаров С.С., 1976, с. 139, 142; Смирнов А.П., 1976, с.3-7). Конечно, этот влияние было не единственным, в сложении не только архитектуры, но и самой культуры Золотой Орды приняли участие все завоеванные монголами народы, но нам представляется, что истоки планировки усадебных зданий с центральным залом нужно искать в Средней Азии домонгольского времени. На это указывают, прежде всего, материалы, из которых они построены и строительная техника. Сырцовый кирпич применялся в средневековье повсеместно, но размеры болынеформатных сырцов в кладке стен зданий на VIII и XV раскопах и система

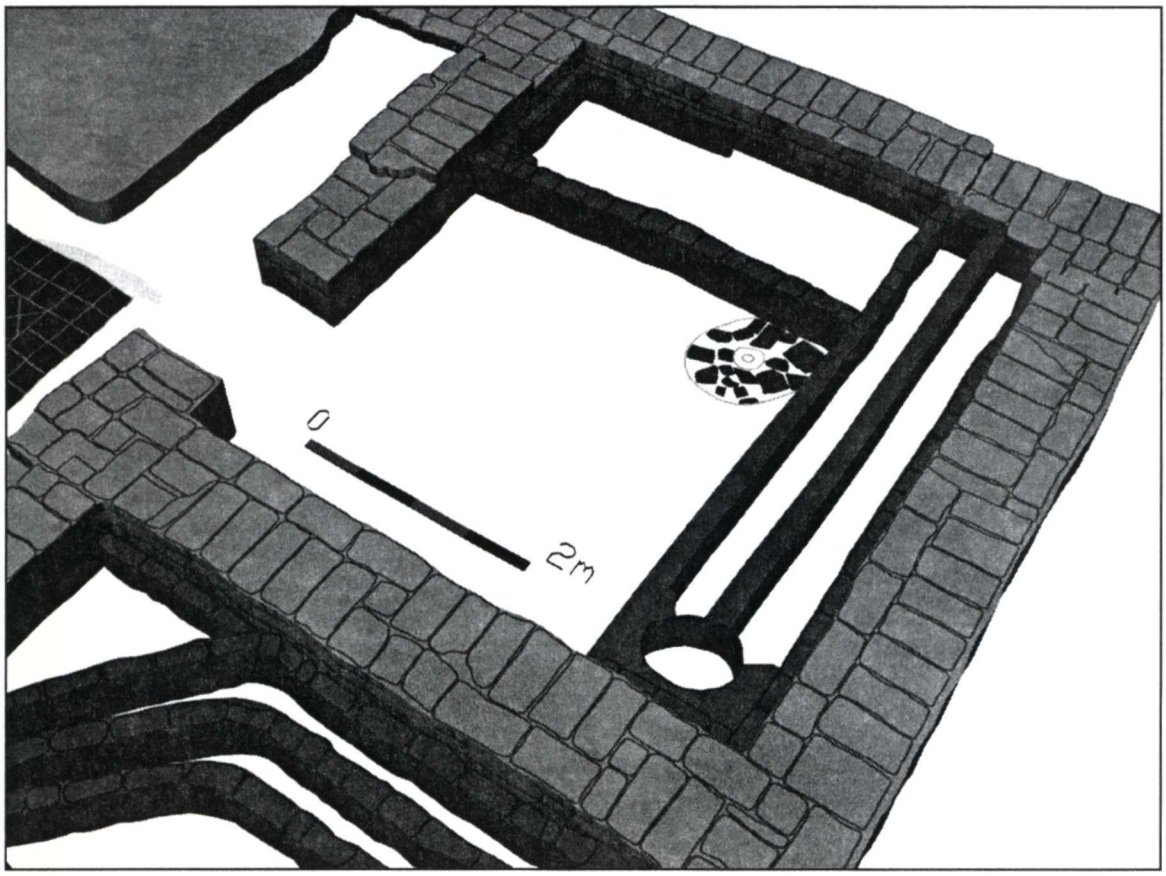

Рис. 26. Компьютерная модель помещения 8 во II периоде.
Fig. 26. Computer model of chamber 8 in the 2nd period.
Abb. 26. PC-Modell des Raumes 8 in der 2. Bestehensperiode.
Dess. 26. Modele d'ordinatur du local 8 en phase П

кладки в точности соответствуют среднеазиатским (Воронина В.Л., 1953, с.3-36). Архитектурный декор в виде поливных кирпичей и резного ганча также заимствованы из среднеазиатского зодчества (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.166).

Города Средней Азии существенно отличались по своей структуре от городов Золотой Орды. Уже в раннем средневековье основу застройки шахристана составляют кварталы сплошной застройки, отделить отдельные жилища в которых часто бывает достаточно сложно (Беленицкий А.М. и др., 1973, с.23-42). Такая же структура сохраняется в городах Средней Азии в домонгольское и золотоордынское время, что хорошо видно на примере раскопок в Южном Казахстане (Акишев К.А. и др., 1987; Байпаков К.М., 1986). Поэтому аналогов золотоордынским усадебным домам в крупных городах Средней Азии нет и быть не может. Иначе обстоит дело с небольшими городищами, являвшимися центрами сельскохозяйственной округи. В сельской местности строились усадьбы, некоторые из которых имеют черты сходства с золотоордынскими.

На городище Султан-кала была раскопана часть дома домонгольского времени (XII – нач.XIII в.), в котором имелся большой зал или двор, вымощенный кирпичом с тошной посредине (Лунина С.Б., 1969, с.119-122). К сожалению, в публикации не приводится план здания и не указываются размеры зала. Неизвестно также, был ли этот двор (зал) внутренним. Однако, оформление пола очень близко к таковому в золотоордынских домах с центральным залом.

В Таласской долине Киргизии было исследовано несколько домов с центральными залами. На поселении Ак-тобе I было раскопано здание размерами 25,3x19,4 со стенами, сложенными из пахсы. Вдоль всех четырех его стен располагались небольшие помещения, которые сообщались с централь-

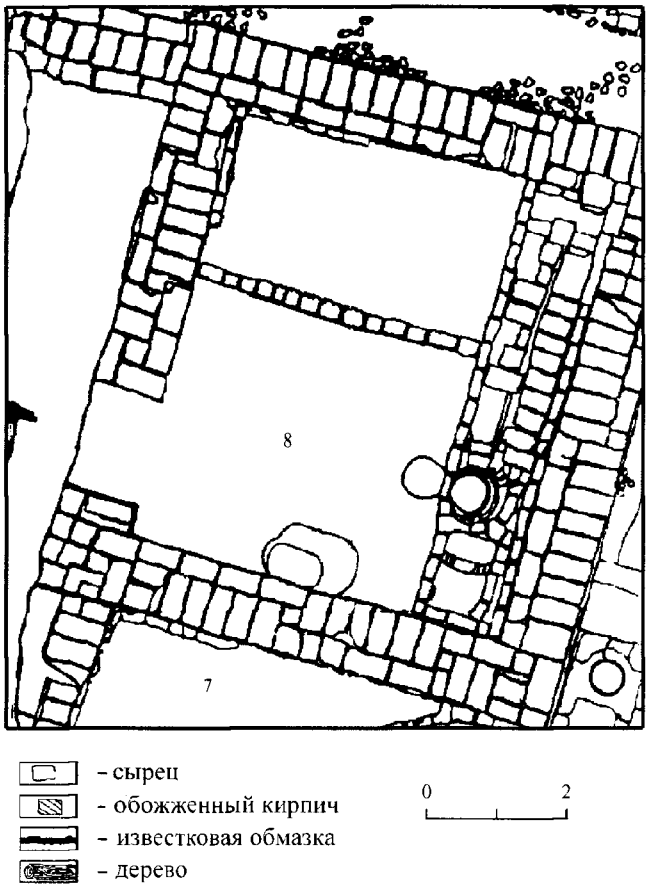

Рис. 27. План помещения 8 во II периоде.
Fig. 27. Chamber 8 layout in the 2nd period.
Abb. 27. Grundriss des Raumes 8 aus der 2. Bestehensperiode.
Dess. 27. Plan du local 8 en phase II

ным залом дверными проемами или открытым пространством (Бубнова М.А., 1963, с.135-137). Несколько домов такого же плана раскопал П.Н. Кожемяко там же в Киргизии на Краснореченском городище (Кожемяко П.Н., 1967, с.53-90; Байпаков Н.М., 1986, с.154). Дома принадлежат зажиточным слоям населения и датируются X-XИ вв. В плане они близки к квадрату. Вход в здание ведет в небольшой тамбур, который при помощи узкого коридора соединяется с залом. В зале вдоль стен были сделаны суфы, а стены были украшены резными алебастровыми панелями и резной штукатуркой, окрашенной в разные цвета. По периметру здания расположены жилые помещения, также выходящие в центральный зал. Автор раскопок определяет зал, как парадное помещение для приемов гостей (Кожемяко П.Н., 1967, с.85, 86).

Некоторое сходство наблюдается у домов Золотой Орды 8 типа с сельскими усадебными постройками Хорезма XII-XIII вв. (Неразик Е.Е., 1976, с.74-81, 89-90, 94-96). Среди этих построек Е.Е.Неразик выделяет дома с центральным коридором. Эти здания, квадратные или прямоугольные в плане были разделены проходящим по центру коридором. Комнаты располагались попарно симметрично относительно оси здания (Неразик Е.Е., 1976, с. 182). Другой тип представляют дома центрического плана, основой композиции которых был центральный зал, квадратный или прямоугольный в плане (Неразик Е.Е., 1976, с.182). Размеры центрального зала в усадебных домах Хорезма обычно не превышают размеров других помещений, а функционально он выполняет роль распределительного тамбура, коридора или хозяйственного помещения с очагами. В некоторых случаях центральный зал мог быть богато украшен. По пропорциям и расположению помещений к золотоордынским домам более близки дома с центральным коридором. Они разделены стенами на три примерно равные части. Среднюю линию помещений занимает

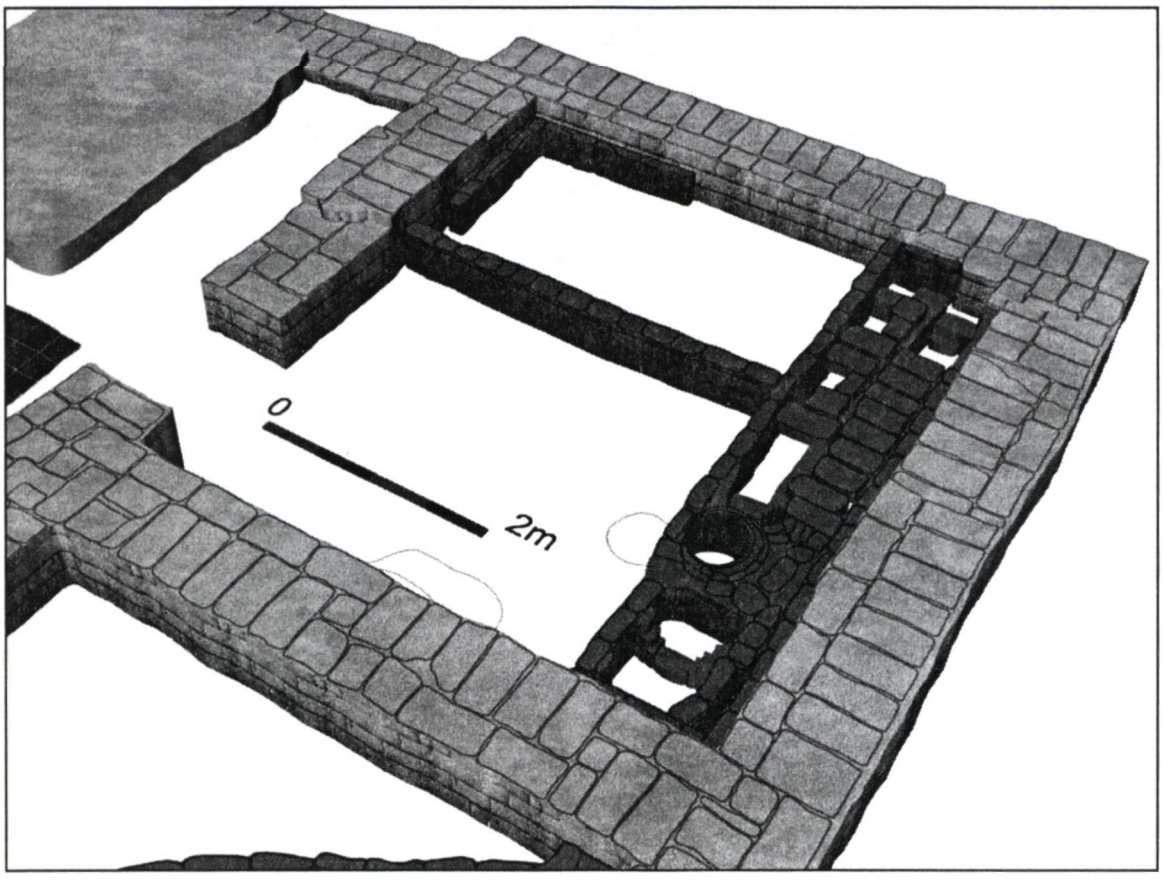

Рис. 28. Компьютерная модель помещения 8 во II периоде.
Fig. 28. Computer model of chamber 8 in the 2^{0d} period.
Abb. 28. PC-Modell des Raumes 8 in der 2. Bestehensperiode.
Dess. 28. Modele d'ordinatur du local 8 en phase II

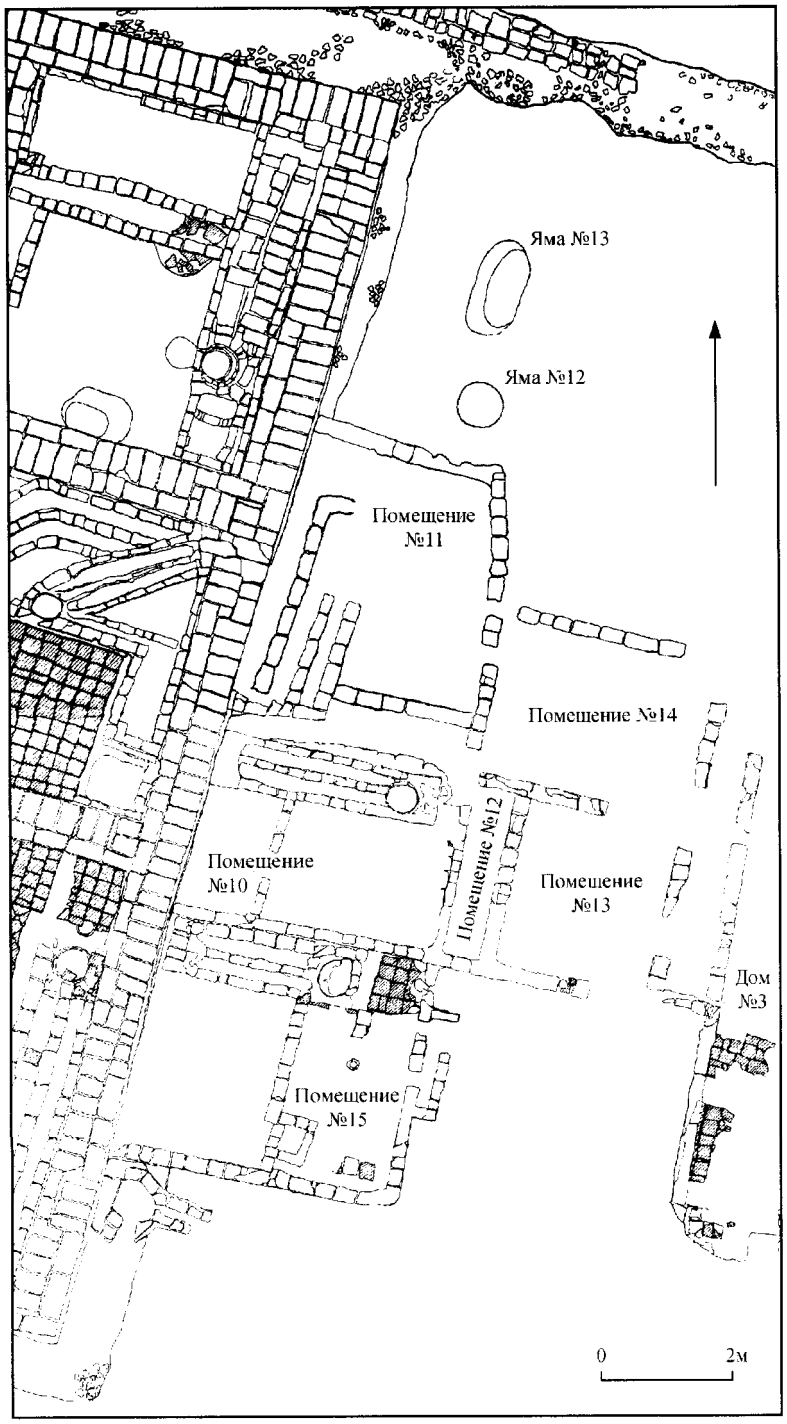

Рис. 29. План пристройки в I периоде.
Fig. 29. Annex layout in the 1 st period.
Abb. 29. Grundriss des Anbaugebaudes in der 1. Bestehensperiode.
Dess. 29. Plan d'une dependance en phase I

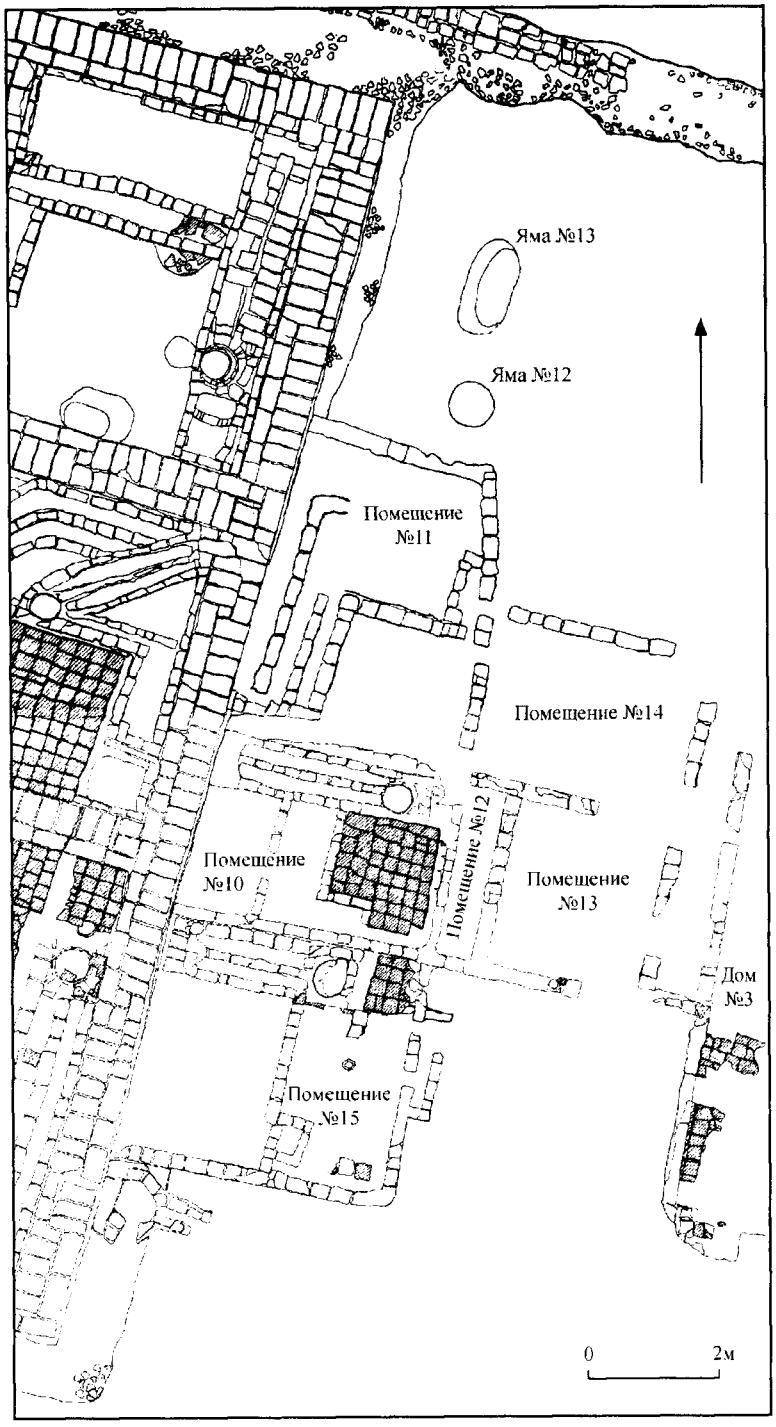

Рис. 30. План пристройки во II периоде.
Fig. 30. Annex layout in the 2nd period.
Abb. 30. Grundriss des Anbaugebäudes in der 2. Bestehensperiode.
Dess. 30. Plan d'une dépendance en phase II

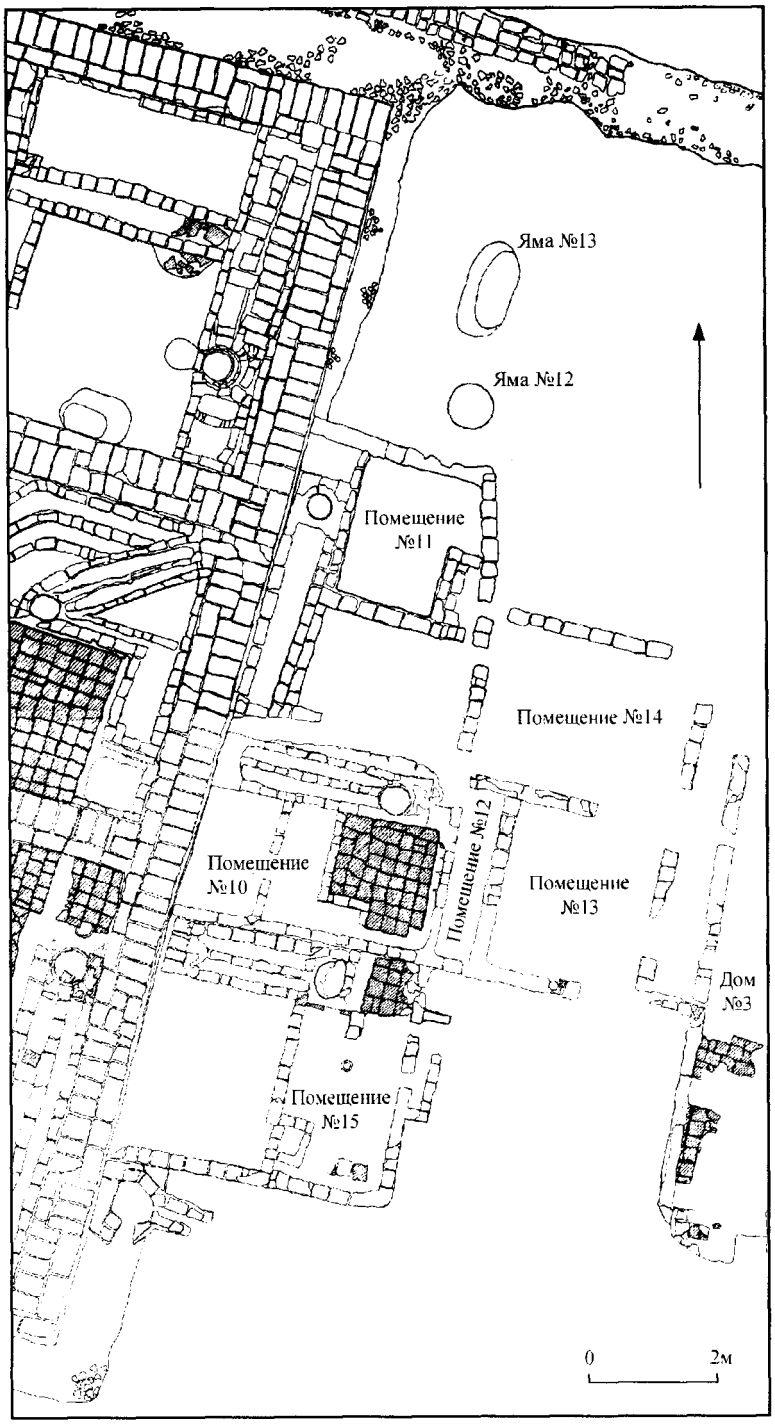

Рис. 31. План пристройки в III периоде.
Fig. 31. Annex layout in the 3d period.
Abb. 31. Grundriss des Anbaugebäudes in der 3. Bestehensperiode.
Dess. 31. Plan d'une dépendance en phase III

сильно вытянутый коридор, с двух сторон которого находятся входные тамбуры. То есть, структура средней части дома такая же, как в селитренских домах, и помещения, названные Е.Е.Неразик "коридорами", по своему расположению и пропорциям идентичны их "центральным залам". Остальные комнаты, как и в золотоордынских домах, расположены с двух сторон от коридора и соединяются только с ним.

Наряду с несомненным сходством в планировке, хорезмийские усадебные дома во многом отличаются от золотоордынских. Они были построены из пахсы, а не из сырца и жженого кирпича. Над некоторыми помещениями был сделан второй этаж, а в Золотой Орде его не было. Существенно отличаются интерьеры помещений и их назначение. Прежде всего, это касается центрального зала. Как уже говорилось, в Хорезме центральный зал или коридор часто использовались как хозяйственные помещения, а комната для гостей (михман-хана) находилась в одном из боковых помещений. В домах Золотой Орды центральный зал не просто группировал вокруг себя остальные комнаты, но и имел общественное значение. Это было парадное, богато украшенное помещение с подиумом и тахтой хозяина в северной части и скамьями для гостей по стенам. В центре такого зала мог быть декоративный бассейн или тошна. Различались и интерьеры жилых помещений. В золотоордынских домах он был весьма однообразен и состоял из П-образной или Г-образной суфы с тандыром и каном и тошной, что характерно как для домов рядового населения, так и для зажиточных усадеб (Егоров В.Л., 1970, с.185, Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.47-59). В среднеазиатских домах суфы часто имели другую форму, а тошны и очаги другую конструкцию.

Особо следует остановится на ориентировке зданий. В домах на Краснореченском городище главный вход в усадебные дома мог находиться с западной стороны (дом № 1), с северо-восточной или северо-западной сторон (дома № 3 и № 5) (Кожемяко П.Н., 1967, с.55, 77, 85). В сельских усадьбах Хорезма коридор имеет направление С-Ю или СЗ-ЮВ, но главный из двух входов может находиться как с южной и юго-восточной сторон (дом № 60 в Кават-калинском оазисе, дом № 1 в Дарьялык-куль, дом № 18 в Акча-Гелин), так и с северной или северо-западной (дом № 43 в Кават-калинском оазисе, дом № 2 в Айгельды) (Неразик Е.Е., 1976, с.74, 79, 90, 94, 97, 133). В доме № 41 в Кават-кале коридор был вытянут в широтном направлении, а парадный вход находился с западной стороны (Неразик Е.Е., 1976, с.79). В золотоордынских домах средняя линия помещений всегда расположена вдоль оси С-Ю, а главный вход находится с северной стороны, что является, как уже упоминалось, монгольской традицией.

Интересно, что одно из зданий с центральным коридором в Кават-калинском оазисе (дом № 43) было перестроено в эпоху Золотой Орды сообразно вкусам новых жильцов (Неразик Е.Е., 1976, с.80-82). Проход через парадный северный вестибюль был заложен и здание стало соединяться с улицей через южный, маленький и узкий вестибюль. В северной части коридора (зала) было возведено П-образное сооружение со стенками из обожженного кирпича. Е.Е.Неразик рассматривает эту конструкцию, как "почетное место" хозяина дома (Неразик Е.Е., 1976, с.82). Исследовательница обращает внимание на то, что такое же сооружение было открыто в парадном зале дворцового комплекса XIV-XV вв. на городище Ак-тий в Киргизии (Заурова Е.З., 1970, с.32-34; Заурова Е.З., 1977, с.106-126). Сходство этого памятника с усадебными домами Нижнего Поволжья отмечал и Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.76). Но и в этом случае имеется много отличий в интерьере и оформлении здания.

Таким образом, истоки планировки золотоордынских домов с центральным залом находятся, скорее всего, в Хорезме. Тем не менее, существенные различия в организации внутреннего пространства и его оформлении не позволяют говорить о прямом заимствовании. В Средней Азии были переняты только основные принципы планировки, а воплощение их в жизнь в Золотой Орде было вполне оригинальным.

Литература и архивные материалы

Айдаров С.С.,1976. Архитектурные комплексы средневекового Болгара// Архитектурное наследство. XXIV.M

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата.

Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата.

Баллод Ф.В., 1923. Приволжские "Помпеи". Москва; Петроград.

Бартольд В.В., 1922. История Туркестана. Ташкент.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.

Бубнова М.А., 1963. Средневековое поселение Ак-тобе I у с.Орловка// Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Воронина В.Л., 1953. Древняя строительная техника Средней Азии// Архитектурное наследство. № 3.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
Довженок В.Й., 1961.Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя// Археологічні пам'ятки УРСР. Т.10. К.
Древнемонгольские города, 1965. М.
Егоров В.Л., 1970. Жилища Нового Сарая// Поволжье в средние века. М.
Егоров В.Л., 2000. Города Руси и Золотой Орды в XIII-XIV вв. – общее и особенное// Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
Жуковская Н.Л., 1988. Категории и символика традиционной культуры. М.
Заурова Е.З., 1970. Дворцовое здание XIV-XV вв. на городище Акчий в Киргизии// Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л.
Заурова Е.З., 1977. Раскопки на городище Акчий// Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
Зиливинская Э.Д., 1989. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1988 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 14632, 14633.
Зиливинская Э.Д., 1990. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1989 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 13666.
Зиливинская Э.Д., 1995. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1994 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 18414.
Зиливинская Э.Д., 1998. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1997 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 21172.
Зиливинская Э.Д., Федоров-Давыдов Г.А., 1988. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1987 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 14651.
Кожемяко П.Н., 1967. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище// Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе.
Кондратьева М.И., 1935. О юртообразных зданиях внешней Монголии// СЭ. № 3.
Лунина С.Б., 1969. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригородов// Труды ЮТАКЭ. Т.14.
Мухамадиев А.Г., 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.// Города Поволжья в средние века. М.
Мухамадиев А.Г., Вайнер И.С., Федроров-Давыдов Г.А., 1970. Археологические исследования Царевского городища// Поволжье в средние века. М.
Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае// СА. № 3.
Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1978. Раскопки усадьбы на Царевском городище// Вестник МГУ. № 3.
Неразик Е.Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (X-XIV вв.). М.
Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. М.
Смирнов А.П., 1976. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле Волжских Болгар// Средневековые памятники Поволжья. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1964. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг.// СА. № 1.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт. М.
Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Т.В., 1978. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1977 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 6887.
Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища)// Города Поволжья в средние века. М.
Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг.// Поволжье в средние века. М.
Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М., 1982. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1981 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 9677.
Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., 1977. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1976 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 6168.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., 1979. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1978 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 8263.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., Богословский О.В., 1981. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1980 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 8269.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., Паромов Я.М., 1980. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1979 г.// НА ИА РАН, Р-1, № 8266.

Щепетильников Н.М., 1960. Архитектура Монголии. М.

Summary

E.D. Zilivinskaya, S.N. Alexejchuk (Moscow, Russia)

Country Estate Building at XVth Dig Out of Selitrennoye Ancient Settlement

The investigations devoted to the excavations of the Golden Horde towns repeatedly pointed out the country-estate manner of their housing system. The country estates of the feudal nobility and prosperous townsmen occupied considerable area. They comprised the building for the owner, the living quarters for the servants and the household buildings. A country estate of this type was excavated by the Volga area expedition headed by G.A. Fyodorov-Davydov at Selitrennoye settlement (Saray) in 1987-1989. A square in its cross-section building (20.0 m´19.5 m) with the walls made of large pieces of burnt brick was partitioned by meridional walls into three series of compartments. The central series consisted of a wind porch and a big central hall. The western and the eastern series contained three living chambers each connected with the hall. During the existence of the building the living chambers were often reconstructed. In the towns situated on the Volga there are several country-estate buildings of a similar design which permits to consider them as a certain type of structures. Their distinctive feature is the main central hall, which is a compositional centre of the building serving as a space for ceremonial occasions. The origins of this layout can be traced to the country-estate buildings of Khoresm; however, the design of the chambers and their purpose in the Golden Horde were original.

E.D. Zilivinskaja, S.N. Alexejčuk (Moskau, Russland)

Herrensitzgebäude der 15. Grabung des Selitrennoje-Burgwalles

In den Studien über die Ausgrabungen der Städte der Goldenen Horde wurde mehrmals die Herrensitzart ihrer Bebauung betont. Die Herrensitze der Noblesse und der reichen Stadtbewohner nahmen große Flächen ein. Sie umfassten ein Herrenhaus, Behausungen der Diener und Wirtschaftsgebäude. Einer dieser reichen Herrensitze wurde 1987 bis 1989 von der Wolga-Expedition unter Leitung von G.A. Fjodorov-Davidov im Slitrennoje-Burgwall (Saraj) ausgegraben. Ein Gebäude mit dem quadratischen Grundriss (20,0 mal 19,5 m) mit Großbacksteinwänden war mit meridionalen Innenwänden in drei Zimmerreihen geteilt. Die mittlere Reihe bestand aus einem Eingangsvorraum und einem großen Galaraum. In der westlichen und in der östlichen Reihe lagen je drei Wohnzimmer, die mit dem Galaraum verbunden waren. In der Bestehenszeit des Hauses wurden die Zimmer mehrmals umgebaut.

In den Städten am unteren Wolgalauf sind einige Herrensitze mit dem gleichen Grundriss bekannt, so dass sie sich zu einem besonderen Bautyp zusammenfassen lassen. Als ihr besonderes Merkmal gilt das Vorhandensein eines zentralen Galaraumes, der die bauliche Mitte des Gebäudes darstellt und für feierliche Höhepunkte diente. Die Vorbilder dieses Grundrisses sind in den Herrenhäusern von Choresm feststellbar, allerdings war die Ausgestaltung der Räume und deren Bestimmung in der Goldenen Horde anders.

E.D.Zilivinskaâ, S.N.Aleksejčuk (Moscou, Russie)

Une maison et dépendances provenant de la fouille XV du site de Selitrennojé

Les recherches concernant les fouilles des villes de la Horde d'Or ont souvent souligné le caractère particulier de leur manière de construction. Les maisons et dépendances de la noblesse féodale et des citadains prospères occupaient une surface considérable. Le complexe comprenait une maison du propriétaire, des locaux destinés aux servants, des locaux de services différents. Un des complexes pareils a été découvert sur le site Selitrennoé en 1987-89 par l'expédition des bords de la Volga dirigée par G.A.Fedorov-Davydov. Une maison carrée (20,0 sur 19,5m) aux murs de briques cuites de grand format était Eé par les murs méridionaux en trois rangées d'appartements. La partie centrale se composait d'une entrée et d'une grande salle de gala. Dans chacune des parties Est et Ouest il y avait trois pièces donnant sur le salon. On voit bien que les chambres avaient été plusieurs fois reconstruites.

On connait quelques bâtiments de type pareil sur les bords de la basse Volga, ce qui permet de les comparer. Leur trait distinctif est la présence d'une salle de gala qui représente le centre de toute la composition et qui servait aux manifestations solennelles. On trouve des sources de cette planification dans des propriétés de Khorezm, tandis que leur décoration et leur destination dans la Horde d'Or avait été différente.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2003 г.

Э.Е.Кравченко

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЛЯПИНСКАЯ БАЛКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

В последней четверти XX в. во время археологических разведок в Северо-Восточном Приазовье было открыто значительное количество поселений. На большинстве этих памятников исследования ограничились сбором подъемного материала, осмотром обнажений и шурфовкой. Лишь несколько поселений подверглось стационарным археологическим раскопкам. На них преобладали материалы эпохи бронзы и более раннего времени. Немногочисленные средневековые находки, зачастую воспринимавшиеся как не заслуживающий внимания материал, не издавались, или публикация их носила самый общий характер (Шапошникова О.Г., 1970, с.150, рис.9).

Действительно, средневековые материалы, происходящие с памятников Северо-Восточного Приазовья, выглядят более бедно и сильно уступают в количественном отношении находкам с синхронных им поселений, расположенных в среднем течении Северского Донца. Тем не менее, интерес к ним обусловлен тем фактом, что приазовские памятники представляют, в основном, поселения и стойбища, оставленные кочевниками и полукочевым населением. Данные об этом населении, в основном, пополняются за счет исследования курганных погребений позднекочевнического времени, дающих богатую, но несколько одностороннюю информацию. Изучение мест, где это население проживало, вне сомнений, могло бы существенно увеличить наши сведения о средневековых обитателях приазовских степей.

Одним из таких памятников является многослойное поселение в Ляпинской балке, охранные исследования которого производились экспедицией Донецкого областного краеведческого музея в 1992г. (Полидович Ю.Б. и др., 1992)[1]. До настоящего времени публикация материалов раскопок ограничивалась небольшой заметкой (Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е., 1993), в которой была дана самая общая информация о поселении. Предлагаемая статья ставит целью введение в научный оборот материалов, происходящих из средневековых слоев этого интересного памятника.

Общие сведения о поселении

Поселение расположено у восточной окраины г.Мариуполь на правом берегу Ляпинской балки, в 1,5 км от места впадения ее в Азовское море. Памятник занимает слабовыраженный мысообразный выступ, ограниченный с севера и юга двумя древними ярами. Площадка, на которой расположено поселение, относительно пологая (угол уклона 20-30°) (рис.2, *2*), что отличает ее от прилегающих склонов, имеющих большую крутизну (до 45-60°). В целом, поселение занимает единственный на этой территории пригодный для жизни и хозяйственной деятельности участок.

Воду жители памятника, по-видимому, брали из ручейка, который и сейчас протекает по дну балки. В древности этот ручей не был более полноводен, чем в настоящее время. Данный вывод был сделан Н.П.Герасименко, обследовавшей разрез, проведенный от линии квадратов 16Д раскопа вниз по склону (рис.2, *2*). Здесь, на нижнем участке склона, прямо под дерном, находился слой чистой глины, не содержащий каких-либо следов длительного воздействия воды. Высота от уровня воды до участков, содержащих культурные отложения средневекового времени, составляла не менее 2-2,5 м.

Участок, удобный для хозяйственной деятельности, привлек внимание населения расположенного рядом с ним микрорайона Восточный г.Мариуполя. В 80 гг. XX в. на мысу были устроены огороды, и произведено террасирование площадки поселения. Современное хозяйственное использование сильно повредило верхние горизонты культурных отложений памятника. На глубину 0,25-0,50 м культурный слой был полностью разрушен. Это существенно осложнило работу со средневековыми материалами поселения.

Во время проведения исследований 1992 г. на поселении был заложен раскоп площадью 608 м^2, который имел сложную конфигурацию. Он располагался в центральной части мысообразного выступа у края крутого спуска в балку (рис.1). Раскопом были выявлены культурные остатки, относя-

[1] Автор статьи пользуется случаем поблагодарить Ю.Б.Полидовича, В.В.Цимиданова и В.И.Кузина за предоставленный к публикации материал, а также выразить благодарность сотрудникам МКМ: главному хранителю фондов Якушенко Л.С., с.н.с. Кучугуре Л.И., реставратору Ладкину А.В.

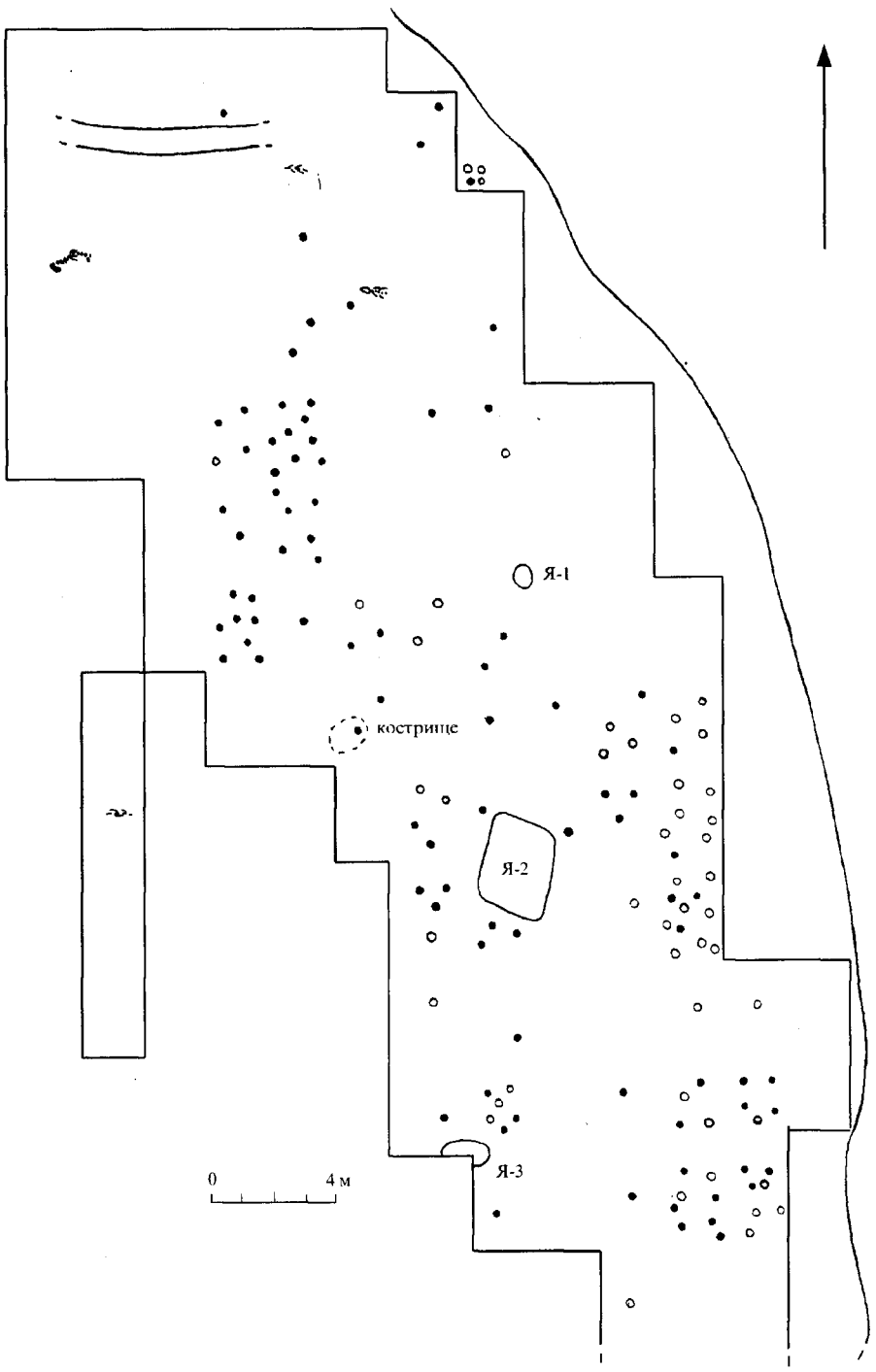

Рис. 1. Ляпинская балка. Общий план раскопа. ○ – находки керамики хазарского времени; ● – находки керамики золотоордынского времени.

Fig. 1. Lyapinskaya balka. Generall layout of the excavation site. ○ – ceramics of the Khazarian time; ● – ceramics of the Golden Horde period.

Abb. 1. Steppenschlucht Ljapinskaja. Gesamtansicht der Grabung. ○ – Keramikfunde aus der Chasarenzeit; ● – Keramikfunde aus der Zeit der Goldenen Horde.

Dess. 1. Creux de Lapino. Plan général de la fouille. ○ – Céramiques trouvées se rapportant au temps des khazars ; ● – Céramiques trouvées se rapportant au temps de la Horde d'or

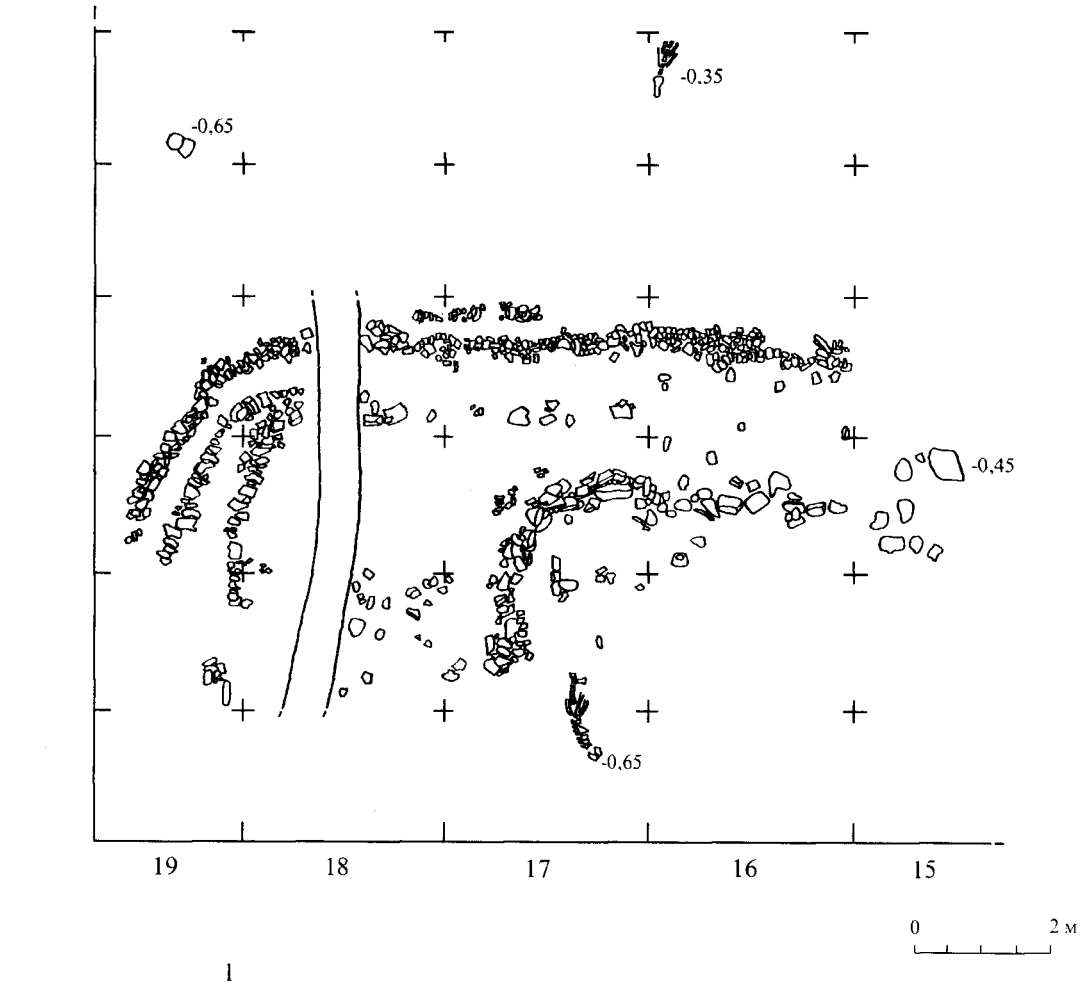

Рис. 2. Ляпинская балка. *1 – план восточной части раскопа; 2 – разрез по склону.*
Fig. 2. Lyapinskaya balka. *1 – eastern part of the excavation site layout; 2 – slope section.*
Abb. 2. Steppenschlucht Ljapinskaja. *1 – Grundriss des Ostteils der Grabung; 2 – Schrägschnitt.*
Dess. 2. Creux de Lapino. *1 – Plan de la partie Est de la fouille; 2 – section du flanc*

щиеся к двум эпохам – бронзы (срубная культура) и средневекового времени. Последние материалы, в свою очередь, представлены двумя горизонтами, один из которых относится к хазарскому, а другой – к золотоордынскому времени. Со средневековыми горизонтами соотносились три ямы и 4 комплекса, определяемые нами как жертвенные.

Стратиграфическая ситуация на площадке мыса была следующая. Верхние 0,7-0,8 м представлены гумусным слоем, поврежденным при террасировании на 0,25-0,5 м. Местами нижняя часть гумуса имела серо-черный цвет. Ниже залегал бурый слой, подстилаемый светло-серыми эоловыми наносами, которые были зафиксированы в траншее. Еще ниже шел глинистый материк. Все культурные остатки, обнаруженные на памятнике, в том числе и находки эпохи бронзы, залегали в верхней части гумуса. Подстилающий его бурый слой не содержал каких-либо находок и, вероятнее всего, сформировался до времени появления на площадке поселения.

Выяснение границ распространения на поселении Ляпинская балка археологического материала хазарского и золотоордынского времени – непростая задача в связи с поврежденностью культурных напластований, а также с тем, что абсолютное большинство находок представлено фрагментами красноглиняной керамики, происходящих от амфор и кувшинообразных сосудов. Мало того, статистические данные о глубинах залегания тех фрагментов, которые можно было уверенно отнести к тому или иному периоду, показывают, что первоначально материалы золотоордынского и хазарского времени имели очень близкую глубину залегания. По всей видимости, оба средневековых горизонта лежали непосредственно друг над другом, что привело к взаимному проникновению археологических артефактов из одного слоя в другой. В целом же, средневековые материалы залегали непосредственно над напластованиями эпохи бронзы, причем конструкции каменных сооружений бронзового века к моменту заселения площадки в средневековье частично находились на поверхности. Это напоминает ситуацию на поселении Раздольное в среднем течении р.Кальмиус (Кравченко Э.Е., 2001, с.197).

Значительная часть фрагментов, обнаруженных при раскопках средневековых слоев, трудноопределима. Часть из них представлена небольшими обломками амфорных стенок с примесью мелких частичек слюды в плотном тесте. Определить их хронологические рамки представляется затруднительным в связи с тем, что такого типа амфорная керамика встречается как на памятниках золотоордынского времени, так и на поселениях, относящихся к позднему этапу существования салтово-маяцкой культуры. Фрагменты амфор подобного типа в большом количестве представлены на Сидоровском городище (Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001, с.245-246). Трудно отнести к какому-то конкретному периоду в рамках эпохи средневековья и многочисленные мелкие осколки красноглиняных сосудов. В связи с этим, в качестве хронологических реперов брались только те предметы, которые можно было четко определить. Для салтово-маяцкой культуры это – фрагменты причерноморских амфор, амфор класса 24 (рис.7, *1, 4-5, 7-9*) (Романчук А.И. и др., 1995, с.50-52, рис.20-22), котлов с внутренними ушками, горшков с полосчатым рифлением, серолощеной корчаги, развал верхней части которой был обнаружен в заполнении ямы 2. К этому же времени относится небольшое количество обломков стенок лепных сосудов (возможно, тех же котлов) с примесью речного песка в тесте. В связи с измельченностью и схожестью указанных фрагментов с керамикой эпохи бронзы, они в учет не брались. В целом же, материалов хазарского времени относительно немного. Даже при учете того факта, что четко отнести к VIII-X вв. можно лишь часть имеющегося в раскопе материала, визуально видно, что салтовская керамика составляет не более 1/4 части от общего количества фрагментов средневековой посуды, обнаруженных при раскопках поселения. Расположение этих находок на общем плане раскопа (рис.1) показывает, что подавляющая часть их сконцентрирована в районе квадратов АД-6-12, т.е. занимает компактный участок, локализующийся в центральной части мысообразного выступа у его края, близ спуска к ручью. Здесь же, завершая этот участок с запада, находится археологический комплекс – яма 2, который также можно отнести к хазарскому времени.

Материалы хазарского времени

Яма 2 (помещение 1) имела прямоугольную форму 2,9х2,1 м (в нижней части – 2,9х1,3 м) и была ориентирована длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ. Западная часть ямы имела сглаженный ступенчатый уступ, полого спускающийся книзу (рис.3). Слабовыраженный уступ имела и противоположная – восточная часть ямы. Заполнение комплекса слоистое. В северной части оно было повреждено поздней столбовой ямой. В ее засыпке встречено несколько фрагментов золотоордынских амфор и фрагмент сосуда казацкого времени. Ниже разрушенного террасированием слоя, в верхней части заполнения, яма была занята золистой линзой. В нижней ее части лежал череп коня, направленный храпом на запад. В золе на разных уровнях встречались обломки костей животных, фрагменты керамики. Там же (уровень – 45-55 см) находился развал верхней части серолощеной корчаги (рис.6).

Нижняя часть заполнения ямы представляла слой, образовавшийся в процессе замывания комплекса сточными водами, идущими вниз по склону. По всей видимости, в процессе этого был размыт находящийся у западной стенки котлована земляной уступ, имевший ширину 0,8-1 м, в результате чего западная стенка сооружения приобрела покатую, наклонную форму. Нижняя часть котлована (1,3х2,9 м) имела открытый очаг, расположенный в южном углу (диаметр 0,55 м), и овальное углубление в центральной части (1х0,8х0,1 м).

Приведенные данные позволяют рассматривать яму 2 как котлован углубленного в грунт полуземляночного помещения с открытым очагом и уступом – нарами. Вещественный материал из его заполнения, в том числе и развал верхней части серолощенной корчаги, поверхность которой имеет характерный известковый налет от длительного нахождения в золистом слое, свидетельствует, что данная постройка относится к хазарскому времени.

Жертвенные комплексы. По нашему мнению, к этому же периоду относятся несколько археоло-

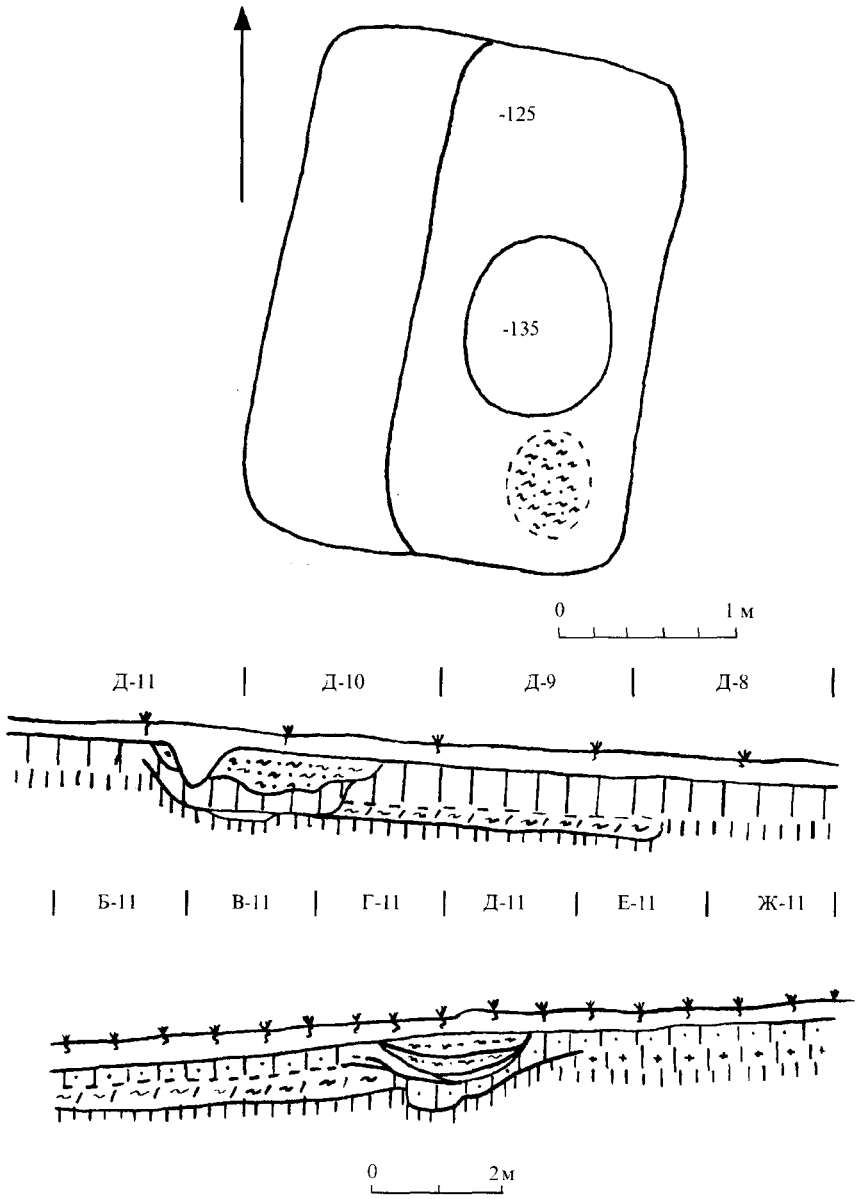

Рис. 3. Ляпинская балка. План и разрезы помещения хазарского времени.
Fig. 3. Lyapinskaya balka. Layout and sections of the premises of the Khazarian time.
Abb. 3. Steppenschlucht Ljapinskaja. Grundriss und Querschnitte eines Raumes aus der Chasarenzeit.
Dess. 3. Creux de Lapino. Plan et sections d'un local des temps des khazars

гических комплексов, расчищенных в северной части раскопа. Здесь, в квадратах 17-МЛ, на глубине 0,65 м был обнаружен лошадиный позвоночник с ребрами. К востоку от них находились таз и лопатка, поверх которой лежала кость конечности. Нижняя часть ребер была обрублена (рис.4). Еще один подобный комплекс обнаружен в квадрате 16-Ж. Здесь на уровне –0,35 м также была выявлена позвоночная часть лошади с ребрами. Такой же комплекс был расчищен в квадрате 18-З. Целая конечность и позвоночник коня были найдены в квадрате 11-Л.

Авторы раскопок охарактеризовали указанные комплексы как следы разделки туш (Полидович Ю.Б. и др., 1992, с.6). Нам представляется более вероятным, что они связаны с культово-обрядовой практикой.

Известно, что лошадь занимала значительное место в жизни и мировоззрении древнего населения. Особенно ярко это проявлялось у кочевых и полукочевых народов, быт которых без коня вообще был немыслим (Кубарев В.Д., 1984 с.71; Липец Р.С., 1982; 1984; Новосильцев А.П., 1990, с.145-146; Феофилакт Симокатта, 1996, с.190). Определенные части тела лошади являлись элитными. К ним относилась спинная часть животного (Фазлаллах Рашид-ад-Дин, 1987, с.67). Средневековые путешественники неоднократно отмечали, сколь бережно относились кочевники к еде, особенно к мясной пище (Карпини дель Плано, 1957, с.35; Рубрук Гильом, 1957, с.95). Вряд ли они без особой необходимости допустили бы уничтожение большого количества мяса, тем более элитных и самых вкусных частей туш животных.

По нашему мнению, комплексы в северной части раскопа нельзя считать захоронениями павших животных (так как они разделаны). По той же причине их нельзя считать просто выброшенными тушами. Скорее всего, конские кости, обнаруженные в квадратах северной части раскопа, являются жертвенными комплексами, которые относились к хазарскому времени. В пользу такой датировки, по нашему мнению, может свидетельствовать то, что указанный участок находился за пределами поселения VIII-X вв. На этом же участке расчищен ров, отмечающий границу золотоордынского поселения (о нем речь пойдет ниже). Один из комплексов находится перед рвом, другие же за ним, т.е., часть участка, на котором обнаружены кости лошадей, относилась к территории золотоордынского поселения, другая же находилась за его пределами. Нам представляется, что наличие комплексов, имеющих отношение к культово-обрядовой практике, более вероятно на территории, смежной с жилой частью, чем, собственно, на населенной людьми части поселения.

Несмотря на наличие на территории памятника полуземляночной постройки, Ляпинская балка VIII-X вв. не создает впечатления стационарного поселения. Против этого свидетельствует немногочисленность находок, компактность их расположения (в центральной части мыса, вокруг постройки), а также сам археологический материал. Он представлен обломками котлов с внутренними ушками (рис.5, *6*), фрагментами серолощеной корчаги (рис.6), единичными фрагментами горшков с полосчатым рифлением (рис.5, *1-3*) и немногочисленными обломками причерноморских амфор. Наиболее вероятно, что на территории Ляпинской балки в раннесредневековое время существовало небольшое кочевье или сезонное стойбище.

Материалы золотоордынского времени

Как и находки предыдущего периода, золотоордынские материалы, в основном, представлены керамикой. Из археологических комплексов этим временем датируется кострище и две хозяйственные ямы.

Неглубокая **хозяйственная яма 1** была сильно повреждена. Сохранилась ее нижняя часть, имеющая круглую форму, диаметром 0,5 м, в которой содержались кости барана со следами рубки и фрагменты красноглиняных сосудов (Полидович Ю.Б. и др., 1992, с.6).

Яма 3 имела овальную форму (1,7х1 м) и была углублена в грунт на 1,5 м. В заполнении комплекса было найдено несколько фрагментов керамики (Полидович Ю.Б. и др., 1992, с.6).

Кострище было обнаружено в квадрате 12-Ж. Линза золы имела овальную форму 0,5х0,7 м. В соседних с кострищем квадратах наблюдалось скопление золотоордынской керамики. По всей видимости, кострище представляло собой отопительное сооружение постройки. Наиболее вероятно, постройки, связанные с золотоордынским слоем, являлись наземными сооружениями, остатки которых были полностью уничтожены во время террасирования площадки.

К золотоордынскому времени относятся и остатки неглубокого рва, зафиксированные в квадратах 18-ИКЛ. Ров имел глубину и ширину в нижней части в пределах 1 м (рис.2, *1*) и прорезал археологические комплексы эпохи бронзы. Вполне вероятно, что он отмечал границу золотоордынского поселения. В пользу этого может свидетельствовать концентрация близ рва фрагментов золотоордынской керамики, находки которых за рвом не фиксируются. К этому необходимо добавить, что ров расположен на значительном расстоянии от места концентрации находок хазарского времени.

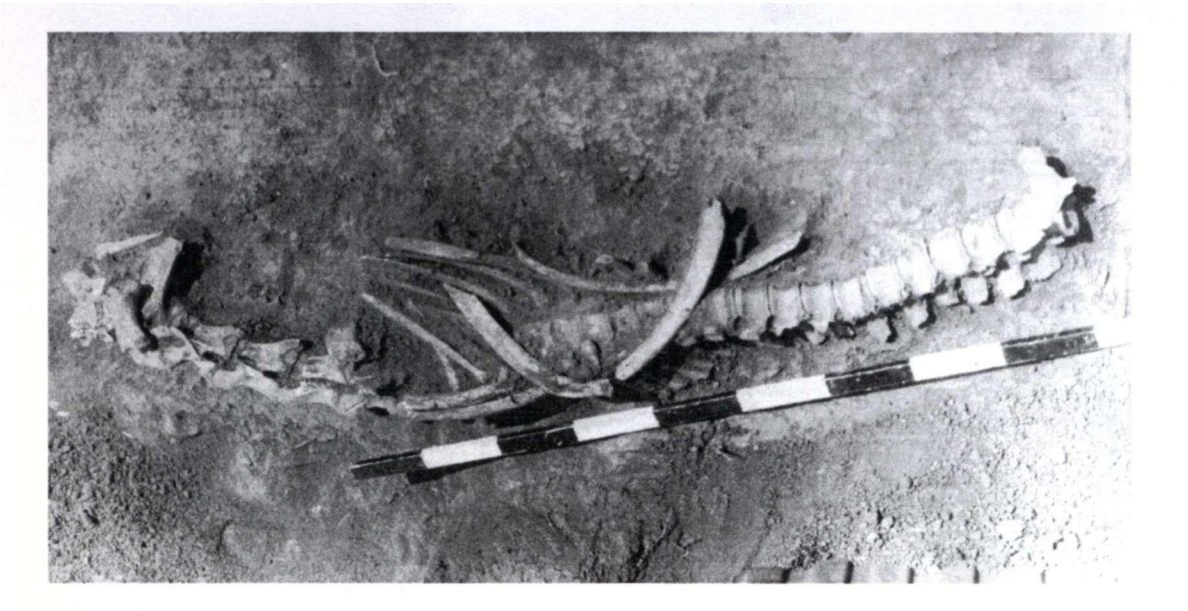

Рис. 4. Ляпинская балка. Части лошадиного скелета в восточном секторе раскопа.
Fig. 4. Lyapinskaya balka. Parts of a horse skeleton in the eastern sector of the excavation site.
Abb. 4. Steppenschlucht Ljapinskaja. Pferdeskelett im ostlichen Teil der Grabung.
Dess. 4. Creux de Lapino. Parties d'un squelette de cheval trouve dans le secteur Est de la fouille

Материалы, происходящие из культурного слоя золотоордынского времени, представлены керамикой, металлическими и костяными предметами.

Керамика наиболее многочисленна и почти вся неполивная. Встречен только один красноглиняный фрагмент, имеющий покрытие зеленой поливой поверх белого ангоба (рис.11, 7).

Значительную группу представляют обломки амфор с дуговидными ручками. Точное количество фрагментов этого вида посуды определить вряд ли возможно, так как многие мелкие обломки могут относиться как к амфорам, так и к имеющим близкое по фактуре тесто кувшинообразным сосудам. Визуально обломки от амфор составляют не менее 1/4 части от всего керамического комплекса памятника. Амфоры имеют тесто оранжевого, иногда коричневого цвета, с обычной примесью мелкозернистого песка и мелко истолченных частичек слюды. Орнаментация представлена полосой мелкого рифления в верхней части сосуда (рис.7).

На двух фрагментах амфор имеются граффити, процарапанные по обожженным стенкам. Оба знака сохранились фрагментарно. В одном случае это - прямая линия. В другом - у основания ручки амфоры прочерчена восьмеркообразная фигура (рис.7, 2). В целом, амфорная керамика памятника довольно однородна: фрагменты сосудов отличаются друг от друга лишь цветом керамического теста.

Кувшины (рис.8; 9; 10) представляют собой наиболее многочисленную группу среди керамического комплекса золотоордынского поселения. Значительная часть обломков имеет покрытие внешней поверхности желтым или красным ангобом. Одним из наиболее распространенных элементов орнаментации являлась проработка корпуса сосуда вертикальными пролощенными линиями. Иногда они сочетаются с прочерченным орнаментом в виде однорядной или многорядной, прямой или волнистой линии на плечиках или в центральной части сосуда (рис.8,*2, 4,*5), с круглыми наколами у основания горлышка кувшина, оттисками гребенчатого штампа (рис.8, *4).* Некоторые кувшины имели на плечиках или в центральной части уплощенный подтреугольный орнаментированный валик. Среди фрагментов венчиков встречены обломки, имеющие слив (рис.8, 3). Венчики у кувшинов утолщались (рис.8, *1;* 9). В одном случае (рис.9, *8)* имеется четко выраженное манжетовидное завершение края венчика кувшина. Подобного вида сосуды известны на ряде памятников золотоордынского времени на территории Донецкого края (Царино городище на Северском Донце, Раздольненское кочевье) (Кравченко Э.Е., 2001, с.200; рис.3, *4).* Один кувшин имел на горлышке широкие параллельные линии (рис.9, 3). Полностью был реконструирован кувшин, покрытый красным ангобом и орнаментированный пролощенными линиями в сочетании с прочерченной волной в центральной части сосуда (рис.8, 2). По своему виду, керамическому тесту, системе изготовления, а также орнаментации он находит многочисленные парал-

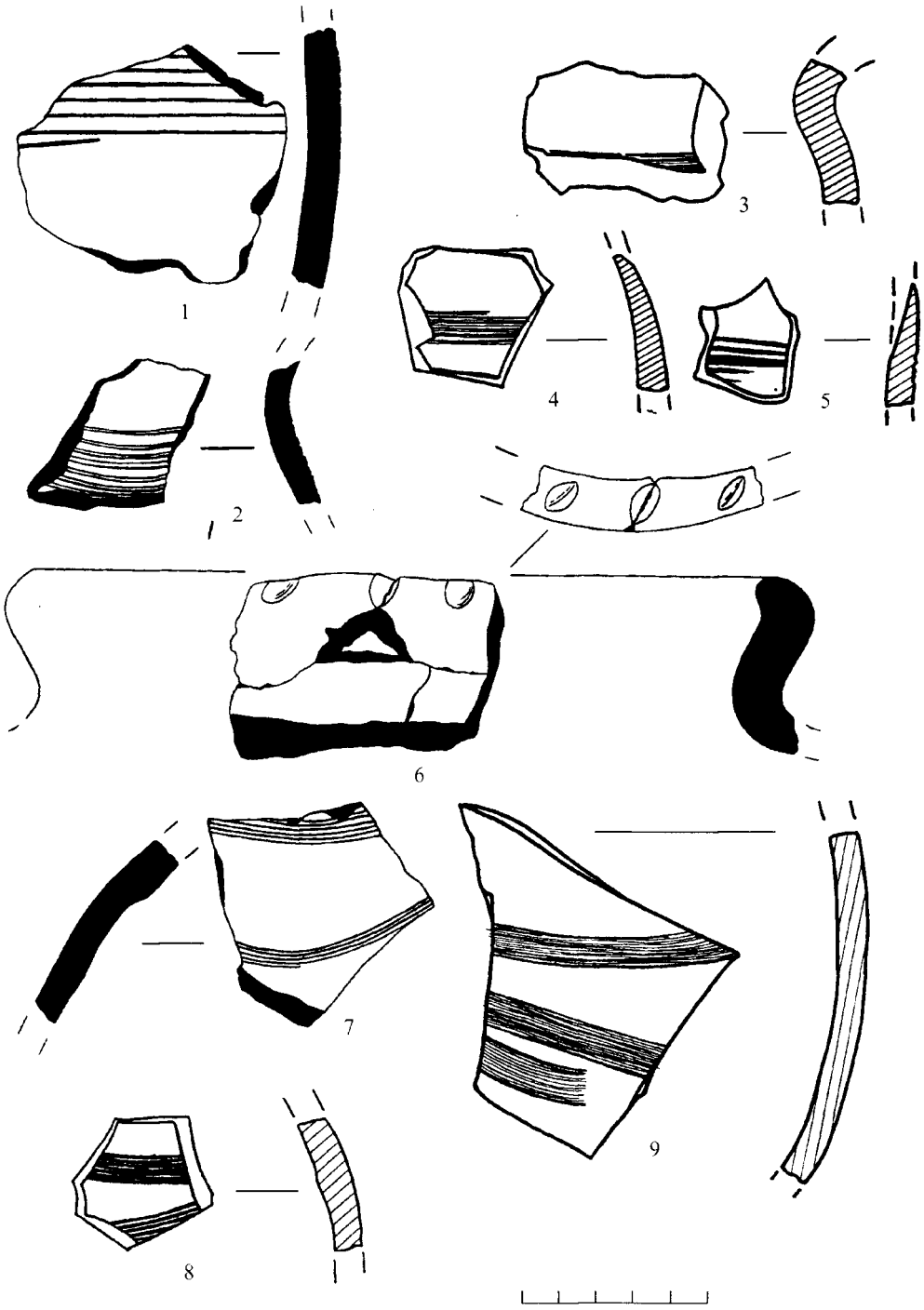

Рис. 5. Ляпинская балка. Фрагменты керамики хазарского времени. *1-3 – горшки с полосчатым рифлением; 4-5, 7-9 – фрагменты амфор; 6 – венчик лепного котла.*

Fig. 5. Lyapinskaya balka. Ceramic fragments of the Khazarian time. *1-3 – pots with chequered stripes; 4-5, 7-9 – fragments of amphoras; 6 – modelled cauldron rim.*

Abb. 5. Steppenschlucht Ljapinskaja. Bruchstücke der Keramik aus der Chasarenzeit. *1-3 – Töpfe mit Schnurmuster; 4-5, 7-9 – Bruchstücke von Amphoren; 6 – Rand eines bosselierten Kessels.*

Dess. 5. Creux de Lapino. Fragments de céramiques des temps de khazars. *1-3 – pots au dessin en relief rayé; 4-5, 7-9 – fragments d'amphores; 6 – bord d'une chaudière*

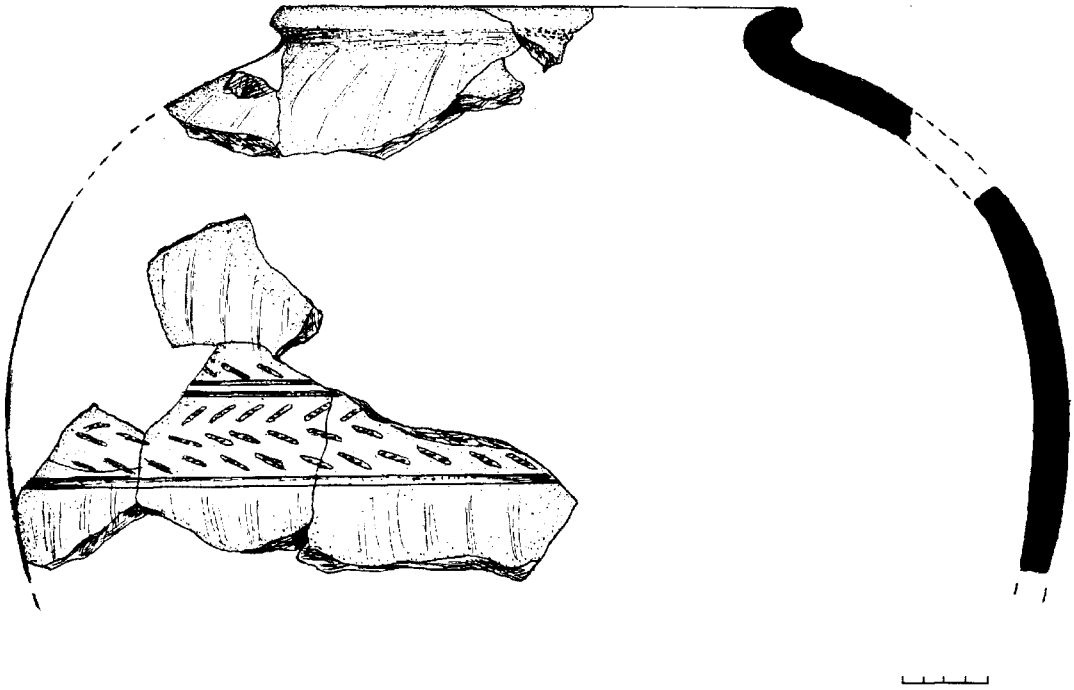

Рис. 6. Ляпинская балка. Корчага из помещения VIII-X вв.
Fig. 6. Lyapinskaya balka. A large earthenware pot from the premises of the VIIIth-the Xth cc.
Abb. 6. Steppenschlucht Ljapinskaja. Kortschaga aus dem Raum des 8.-10. Jh.
Dess. 6. Creux de Lapino. Un récipient issu d'un local des VIII-X siècles

лели среди керамики, встречающейся на территории Золотой Орды (Перевозчиков В.И., 1996, табл.1, 9; Кравченко А.А., 1986, рис.21, *1, 5*).

В керамическом комплексе Ляпинской балки среди прочих обломков кувшинов выделяется небольшая группа фрагментов. Это – стенки кувшинов, отличающиеся от основной части материала фактурой черепка и беловато-серым цветом керамического теста. Орнаментальные мотивы на них представлены различными комбинациями, выполненными волнистыми линиями (рис.11, *6, 13, 14*).

Другие виды сосудов малочисленны. Так, среди находок имеется венчик широко открытого горшка (рис.10), напоминающего по профилировке древнерусскую гончарную посуду, а также венчик красноглиняной узкогорлой кубышки (рис.9, *6*). У данного сосуда была ручка, которая не сохранилась.

Из **прочих предметов** можно назвать грубо выточенные из стенок керамических сосудов грузики (рис.11, *1, 4, 5*), фишки (рис.11, *2, 3*) и лощило, сделанное из ручки кувшина (рис.11, *15*).

Костяные предметы представлены находками двух астрагалов с процарапанными на них знаками в виде решетки.

Металлических предметов немного. Это фрагмент острия сабли (рис.11, *12*), изогнутая железная пластина (рис.11, *16*) и обломок чугунного котла (рис.11, *11*). Последний предмет найден в слое и, как нам представляется, может иметь отношение к датировке комплекса.

В целом, комплекс находок из золотоордынского слоя поселения Ляпинская балка довольно беден в сравнении, например, с таким крупным памятником, как Царино городище на Северском Донце. Наряду с этим, он отличается от поселений, оставленных кочевым населением (Раздольненское кочевье на р.Кальмиус), большей насыщенностью слоя археологическим материалом. Кроме этого, если сравнивать золотоордынское поселение в Ляпинской Балке с Раздольненским кочевьем, то заметно и отличие в планиграфическом расположении археологического материала на этих двух памятниках. На кочевье Раздольное практически все находки расположены в центральной части мыса. Та же картина наблюдается и с материалами горизонта VIII-X вв. на Ляпинской балке. Материалы же золотоордынского времени здесь расположены по всей поверхности раскопа, то есть практически по всей площадке мыса. Все это, как и значительное число археологического материала, сближает

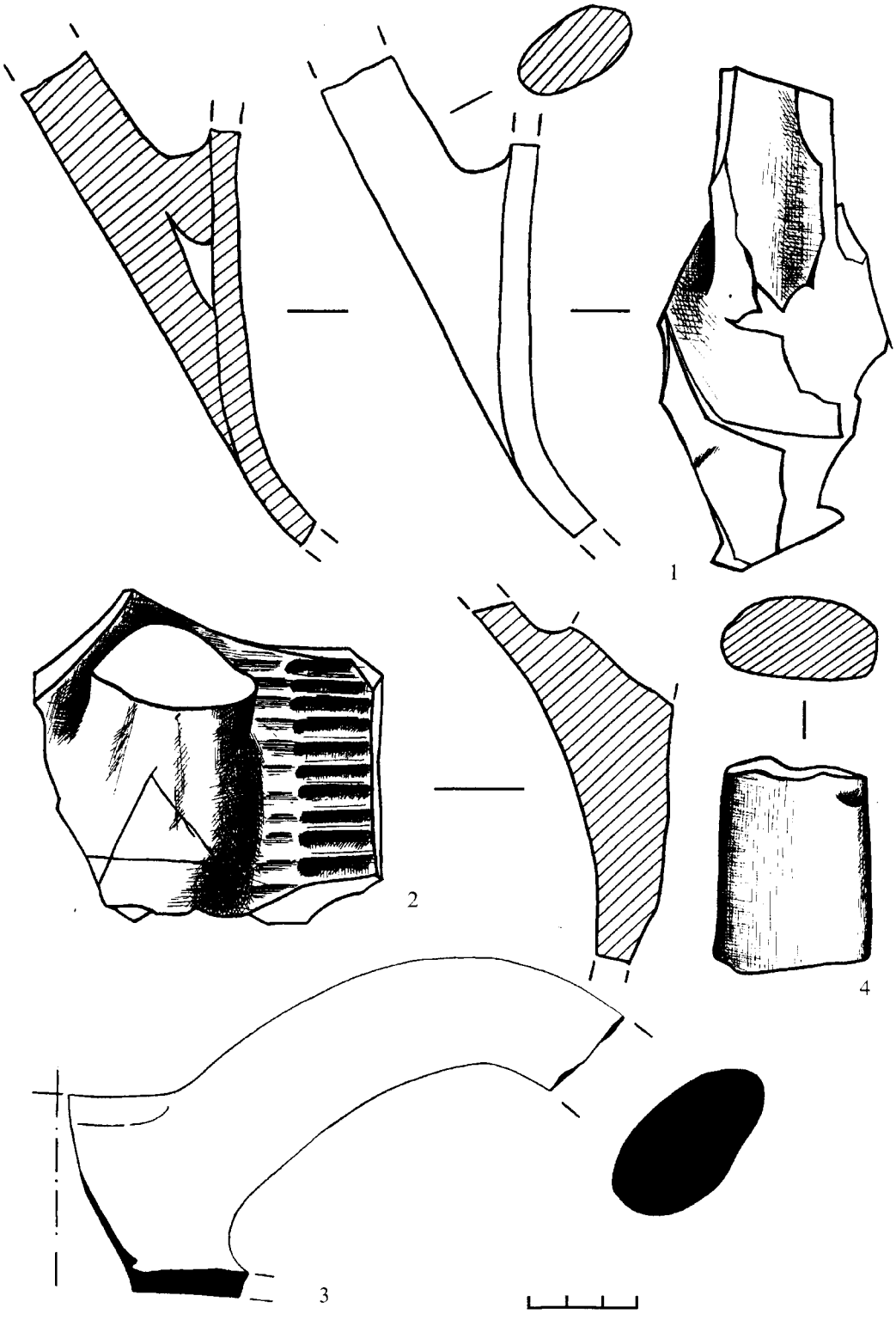

Рис. 7. Ляпинская балка. Фрагменты амфор из золотоордынского слоя.
Fig. 7. Lyapinskaya balka. Fragments of amphoras from the layer of the Golden Horde period.
Abb. 7. Steppenschlucht Ljapinskaja. Bruchstücke von Amphoren aus der Schicht der Zeit der Goldenen Horde.
Dess. 7. Creux de Lapino. Fragments d'amphores issus de la couche de la Horde d'Or

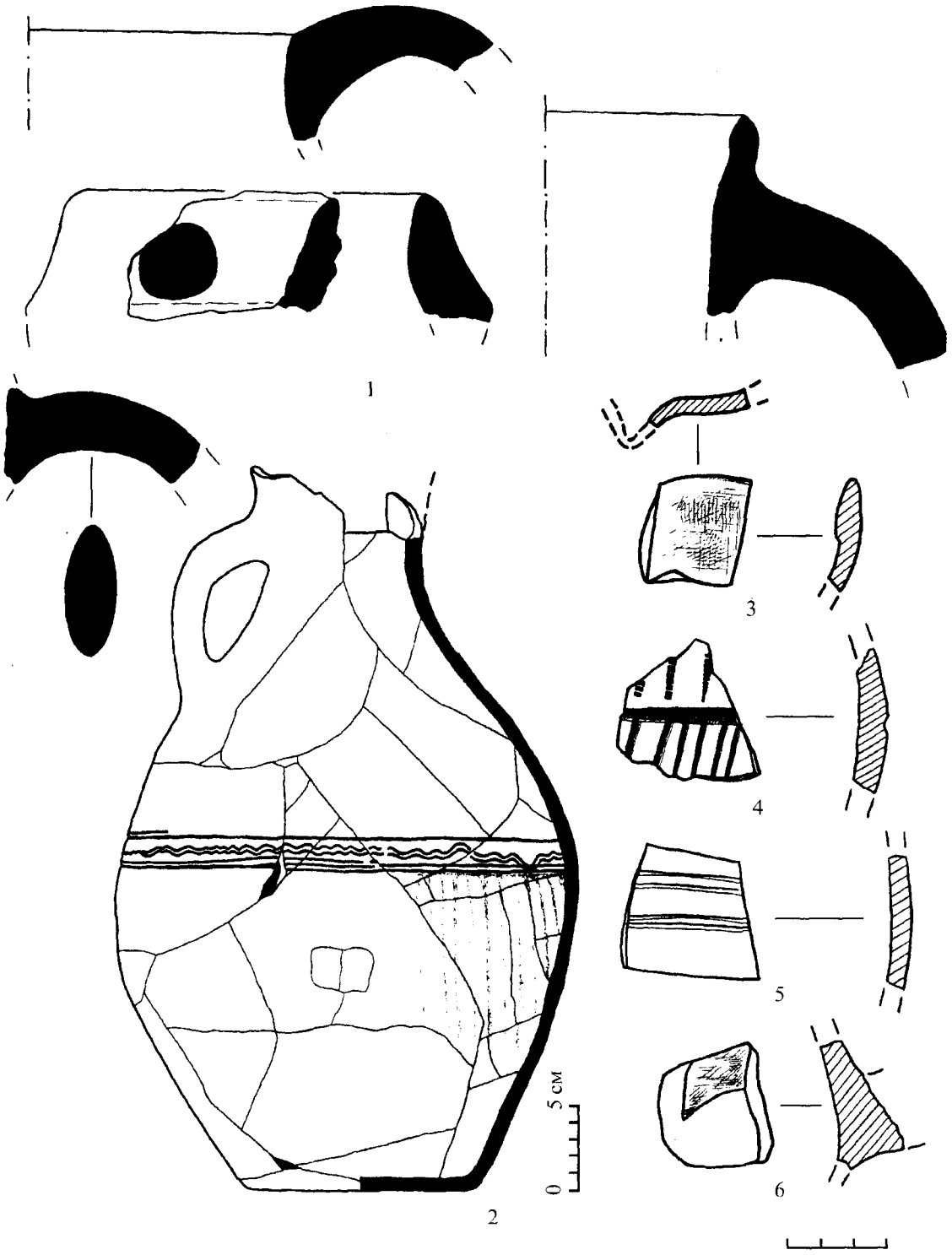

Рис. 8. Ляпинская балка. Кувшин и фрагменты кувшинов золотоордынского времени.
Fig. 8. Lyapinskaya balka. A jug and fragments of jugs of the Golden Horde period.
Abb. 8. Steppenschlucht Ljapinskaja. Krug und Bruchstücke der Krüge aus der Zeit der Goldenen Horde.
Dess. 8. Creux de Lapino. Une cruche et des fragments de cruches de l'époque de la Horde d'Or

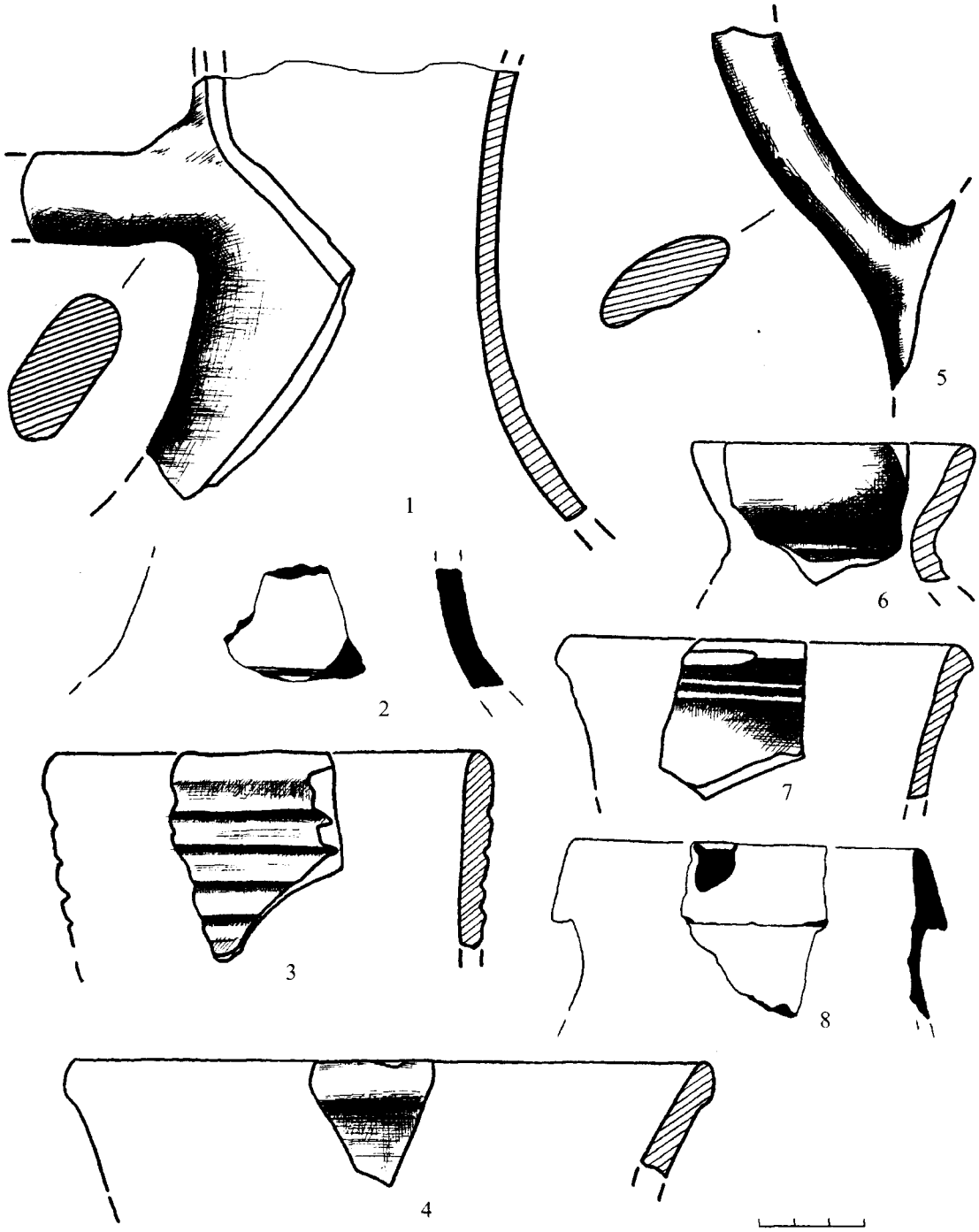

Рис. 9. Ляпинская балка. Фрагменты кувшинов из золотоордынского слоя.
Fig. 9. Lyapinskaya balka. Fragments of jugs from the layer of the Golden Horde period.
Abb. 9. Steppenschlucht Ljapinskaja. Bruchstücke der Tonkrüge aus der Schicht der Goldenen Horde.
Dess. 9. Creux de Lapino. Fragments de cruches dans la couche de la Horde d'Or

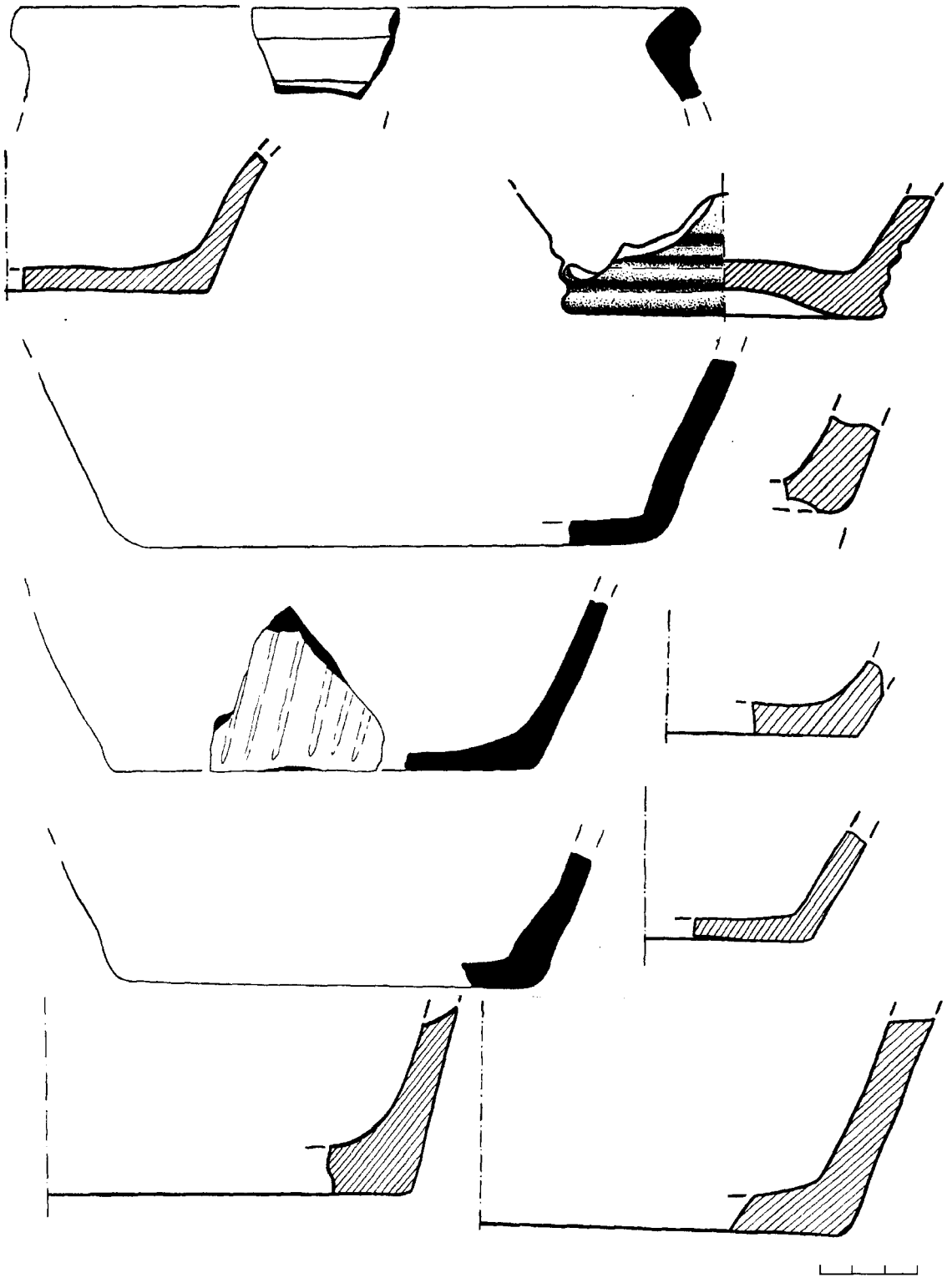

Рис. 10. Ляпинская балка. Фрагменты керамики из золотоордынского слоя.
Fig. 10. Lyapinskaya balka. Ceramic fragments from the layer of the Golden Horde period.
Abb. 10. Steppenschlucht Ljapinskaja. Bruchstücke der Keramik aus der Schicht der Goldenen Horde.
Dess. 10. Creux de Lapino. Fragments de céramiques dans la couche de la Horde d'Or

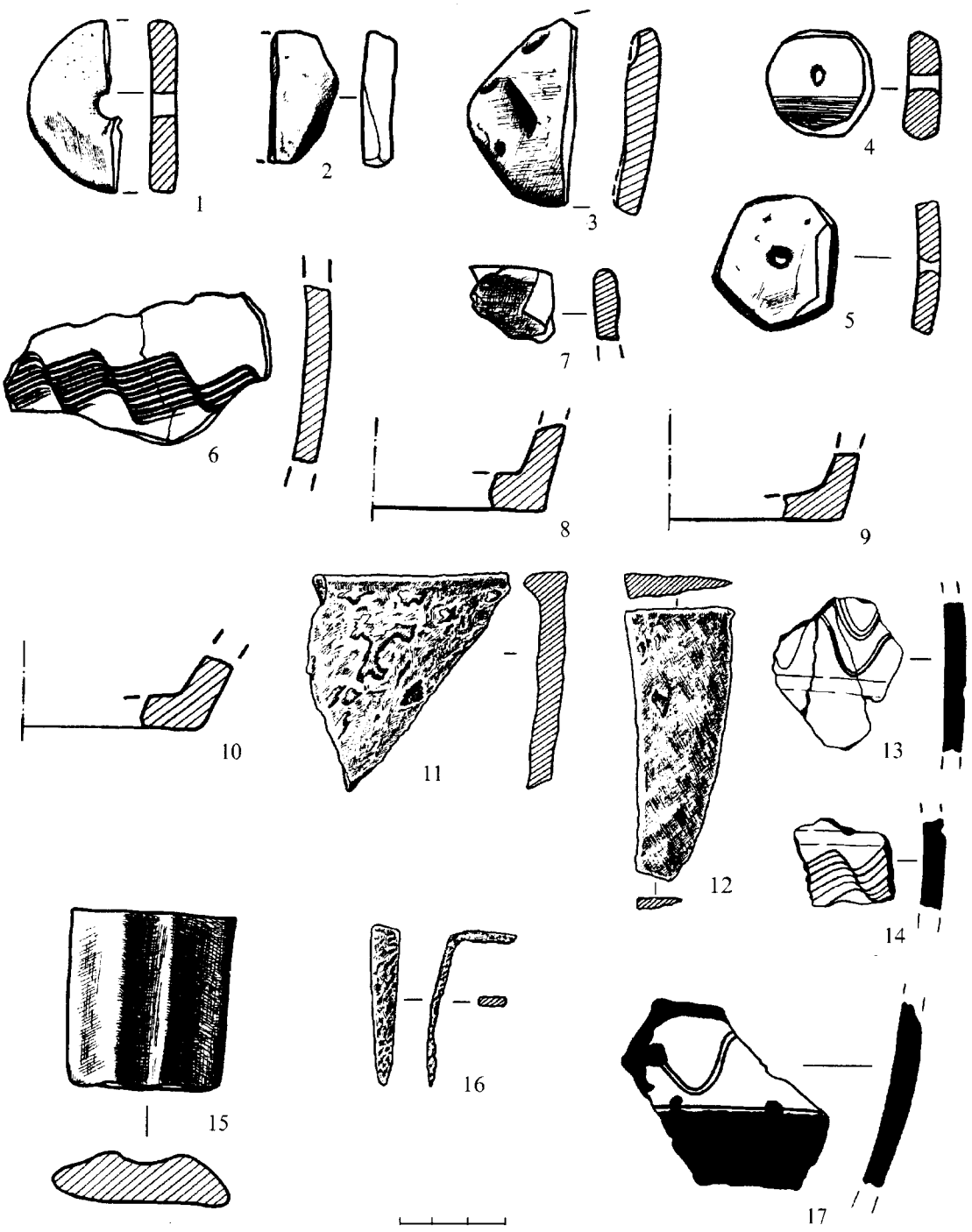

Рис. 11. Ляпинская балка. Предметы из золотоордынского слоя. *1, 4, 5 – грузики; 2, 3 – обломки фишек; 6, 8-10, 13, 14, 17 – фрагменты кувшинов; 7 – фрагмент поливного сосудика; 11 – фрагмент венчика чугунного котла; 12 – фрагмент острия сабли; 15 – лощило; 16 – обломок железной пластины.*

Fig. 11. Lyapinskaya balka. Objects from the layer of the Golden Horde period. *1, 4, 5 – plummets; 2, 3 – fragments of chips; 6, 8-10, 13, 14, 17 – fragments of jugs; 7 – fragment of a small glazed vessel; 11 – cast-iron cauldron rim fragment; 12 – fragment of a sabre edge; 15 – polisher; 16 – iron plate fragment.*

Abb. 11. Steppenschlucht Ljapinskaja. Funde aus der Schicht der Goldenen Horde. *1, 4, 5 – Gewichte; 2, 3 – Bruchstücke von Spielmarken; 6, 8-10, 13, 14, 17 – Bruchstücke der Tonkrüge; 7 – Bruchstück eines Gießgefäßes; 11 – Bruchstück des Kranzes eines Gußeisenkessels; 12 – Bruchstück einer Säbelklinge; 15 – Poliereisen; 16 – Bruchstück einer Eisenplatte.*

Dess. 11. Creux de Lapino. Objets trouvés dans la couche de la Horde d'Or. *1, 4, 5 – des plombs; 2, 3 – fragments de fiches; 6, 8-10, 13, 14, 17 – fragments de cruches; 7 – fragment d'un petit récipient; 11 – fragment du bord d'une chaudière en fonte; 12 – fragment de la pointe d'une sabre; 15 – polisseuse; 16 – un fragment d'une plaque en fer*

золотоордынскую Ляпинскую балку с поселениями, оставленными оседлым населением.

Наряду с этим, с золотоордынским слоем не связано ни одного котлована помещений. Это свидетельствует о том, что для поселения золотоордынского времени были характерны наземные сооружения, возможно, близкие по виду шалашу или юртообразным постройкам, встречаемым на памятниках, оставленных кочевниками. Наиболее вероятно, что они были разрушены при террасировании площадки мыса. Кострище в квадрате 12-Ж, скорее всего, являлось отопительным сооружением одной из таких построек.

Немаловажным представляется факт, что среди материалов золотоордынского поселения полностью отсутствуют какие-либо предметы, связанные с земледелием. В то же время, о доминирующей роли скотоводства в хозяйственной жизни золотоордынской Ляпинской балки говорит большое количество костей животных в культурном слое.

Ситуацию проясняет грунтовый могильник, который был раскопан близ поселения. Материалы исследований этого объекта публикуются в настоящем сборнике (см. статью А.В.Евглевского и В.К.Кульбаки). Об одновременности золотоордынского могильника и его неразрывной связи с публикуемым памятником свидетельствуют их близкое расположение, отсутствие рядом с могильником других поселений, а также наличие в культурном слое Ляпинской балки чугуна. Последнее позволяет датировать золотоордынский слой поселения 2-й пол.XIV в. В захоронениях могильника встречены серебряные монеты с именем Абдаллах-хана, что позволяет их отнести к тому же времени. По обряду погребений указанный могильник близок к погребальным памятникам, оставленным кочевым населением. Тем не менее, над погребениями отсутствуют курганные насыпи. Последнее, по нашему мнению, совпадающему с мнением авторов публикации материалов данного могильника, является свидетельством в пользу того, что этот объект был оставлен населением, недавно осевшим и полностью еще не простившимся с кочевыми традициями.

Историческая панорама 2-й пол.XIV в. в Северо-Восточном Приазовье

Появление во 2-й пол.XIV в. в степном Северо-Восточном Приазовье поселений типа Ляпинской балки вполне согласуется с политической обстановкой того времени на данной территории. Во время междоусобицы в Золотой Орде (60-80 гг. XIV в.) наблюдался сильный упадок отдельных регионов государства. Особенно пострадали города Нижнего Поволжья. Раскопки на их территории свидетельствуют о сильном упадке в 60-80 гг. XIV в. некогда крупных и процветающих центров этого региона (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.272; Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с.86, 88). После битвы при Синих Водах (1362 г.) значительный участок западных территорий, ранее принадлежавших Золотой Орде, отошел к Литве (Шабульдо Ф.М., 1987, с.60-62, 70-71). В нач.60 гг. XIV в. в западных областях Золотой Орды развернулась ожесточенная борьба между местными правителями, победу в которой одержал крымский правитель Мамай (Шабульдо Ф.М., 1987, с.60-62). К середине 1377 г. под его контролем находились почти все улусы, расположенные к западу от Волги (Шабульдо Ф.М., 1987, с. 114). Монеты с именем ставленника Мамая – Мухаммед-Булака – чеканятся на монетных дворах в Новом Маджаре, Хаджи Тархане, Новом Крыме и в Орду (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.280). Тем не менее, ни одной монеты с именем этого правителя, выпущенной в столичных городах, не известно. По всей видимости, власть Мамая над частью Поволжских земель была кратковременной и непрочной (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.289).

В целом же, основными регионами, где в течение всего периода смуты происходили столкновения между претендующими на престол представителями золотоордынской аристократии, являлись Поволжье и западные области государства, отошедшие после битвы при Синих Водах к Литве. Участок степи между Днепром и Доном и почти вся территория Крыма находились длительное время во владении одного правителя – Мамая, прочно обосновавшегося вместе со своими ставленниками –

ханами Абдаллахом и Мухаммед-Булаком в Крыму и на смежных с ним степных территориях Северного Причерноморья. Соответственно это должно было стабилизировать обстановку на перечисленных землях, а также способствовать притоку на них населения из соседних территорий, разоренных войной.

Указанное предположение в связи со слабой изученностью поселений золотоордынского времени на Северском Донце, в Северном Приазовье и на Донецком кряже является не более чем **рабочей гипотезой**. Тем не менее, есть свидетельства в ее пользу. Так, данные нумизматики показывают, что в 70 гг. XIV в. кочевые степи Приазовья на какое-то время втягиваются в систему товарно-денежных отношений (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с.110-111). Большинство обнаруженных здесь серебряных монет несет на себе в качестве выходных данных надпись "чекан Орды". Топография находок этих монет очерчивает замкнутую область в Северном Приазовье (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с.109). Это было связано с нуждами экономики, т.е. с ростом товарообмена на этих территориях. Та же ситуация наблюдается и на крупном памятнике в среднем течении Северского Донца – Царином городище. Абсолютное большинство монет, обнаруженных на нем, несет на себе имена Абдаллаха и Мухаммед-Булака. Чеканены они либо в Орде, либо представляют из себя анонимные и анэпиграфные пулы, датирующиеся этим же временем[2]. Именно во 2-й пол.XIV в. в степях между Днепром и Доном появляется местное чугунолитейное производство, которое было новинкой для данного региона (Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1992, с.102-113). Явные следы его зафиксированы на Царином городище. Технологию литья чугунных изделий на берега Северского Донца могли принести переселенцы с Поволжья.

Сходная картина наблюдается и на побережье Азовского моря (могильник в Ляпинской балке, пос.Обрыв). Несмотря на слабую исследованность указанной территории, уже сейчас ясно, что здесь находится довольно большое количество золотоордынских поселений, датирующихся 2-й пол.XIV в. К этому времени относится большинство найденных там монет. В правление хана Абдаллаха наблюдается подъем производства медной монеты и в золотоордынском Азаке (Фомичев Н.М., 1981, с.240).

Таким образом, междуречье Днепра и Дона, а также территория Крыма были важными владениями Мамая не только в политическом отношении, но и составляли основную часть его улуса, территорию, на которой он собирал воинские силы, необходимые для борьбы за власть. В свете этого вполне объясним факт роста здесь количества населенных пунктов, а также экономического развития указанных земель в тот период, когда основная часть территории Золотой Орды лежала в руинах. Последнее обстоятельство было обусловлено как меньшей их разоренностью во время смуты (они находились в стороне от основных военных действий), так и переходом сюда беженцев с территорий, пострадавших от военных конфликтов, расположенных как к западу, так и к востоку от указанных земель. В стимулировании притока на степные пространства между Доном и Днепром переселенцев был кровно заинтересован темник Мамай, которому требовались людские ресурсы для достижения его претензий на власть. Вполне вероятно, что, наряду с жителями оседлых регионов, в степи Северо-Восточного Приазовья приходили и разоренные военными действиями кочевники. Именно таким населением и могли быть основаны в Приазовье поселения типа Ляпинской балки. Тем не менее, спокойствие и на этих землях было относительным. Об этом свидетельствует наличие рва, ограждавшего поселение, который, возможно, представлял собой остатки упрощенной линии укреплений.

Дальнейшая судьба этих памятников не ясна. Вполне вероятно, что после прихода к власти Тохтамыша эти поселения были уничтожены, а население их переселено. Вместе с тем, они могли и функционировать вплоть до кон.XIV в., когда основная часть оседлых поселений на территории Северо-Восточного Приазовья прекращает свое существование. Сохранились лишь единичные поселения, расположенные на побережье Азовского моря (пос.Обрыв), где, кстати, зафиксированы находки монет Крымского ханства. Возможно, о них и ведется речь в книге С.Герберштейна (1526 г.), который указывал на наличие каких-то оседлых татар близ Малого Танаиса (Северского Донца) (Герберштейн С., 1908, с.154).

---

[2] Подготовка к публикации комплекса монет, происходящего с Царина городища, ведется А.В.Евглевским и коллективом авторов.

Литература и архивные материалы

Герберштейн С., 1908. Записки о московских делах. СПб.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.). К.
Кравченко Э.Е., 2001. Средневековые комплексы с поселения Раздольное на р.Кальмиус// Археологический альманах № 10. Донецк.
Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001. Сидоровское городище// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк.
Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1992. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
Карпини дель Плано, 1957. История монгалов// Путешествие в Восточные страны Карпини и Рубрука. М.
Кубарев В.Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
Липец Р.С., 1982. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе// Обряды и обрядовый фольклор. М.
Липец Р.С., 1984. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.
Новосильцев А.П., 1990. Хазарское государство и его роль в жизни народов Восточной Европы и Кавказа. М.
Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., Кузин В.И., 1992. Отчет об археологических раскопках новостроечной экспедиции отдела ОПА ДОКМ в 1992 г.// НА ИА НАНУ 1992/84.
Перевозчиков В.И., 1996. Классификация археологического материала золотоордынского времени (по материалам раскопок и сборов 1960- пп.1990 гг.). Азов.
Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л. В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург.
Рубрук Гильом, 1957. Путешествие в Восточные страны// Путешествие в Восточные страны Карпини и Рубрука. М.
Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987. Огуз-наме. Баку.
Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет// Нумизматика и эпиграфика Т.1. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья// СА. № 3.
Феофилакт Симокатта, 1996. История. СПб.
Фомичев Н.М., 1981. Джучидские монеты из Азака// СА. № 1.
Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е., 1993. Раскопки поселения у г.Мариуполь// Археологічні дослідження на Україні 1992 р. К.
Шабульдо Ф.М., 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К.
Шапошникова О.Г., 1970. Багатошарове поселення поблизу с.Роздольне на р.Кальміус. К.

Summary

E.Ye.Kravchenko (Donetsk, Ukraine)

The Medieval Settlement Complex in Lyapinskaya Balka in the North-East of the Azov Sea Area

In 1992 the expedition of Donetsk Museum of Regional Studies carried out excavations of a settlement in Lyapinskaya balka in the eastern suburb of the town of Mariupol (Donetsk province). Alongside with the materials of the Bronze Age found on the site, medieval layers dating back to VIIIth - Xth cc. and late XIVth c. have been excavated.

We have cleared out a foundation pit of a semi-dug construction that belongs to the archaeological complexes of the VIIIth-Xth cc. The finds were scarce and compacted on the cape grounds, giving evidence that in the Khazarian time the settlement was just a small (may be seasonal) camp of nomads. Bone remnants of cut horse carcasses belonging to that time were found beyond the settlement borders, and might have been the cult complexes.

The settlement of the Golden Horde period occupied the whole cape grounds.The materials found there were mainly ceramics. Onland construction of the XIVth c. (light huts and yurta-like constructions) were not preserved after the territory of the site had been subject to terracing. A fragment of a cast-iron cauldron found in that layer allows us to date the settlement back to late XIVth c.

A ground cemetery located near the site (see the paper by A.V. Yevglevsky and V.K. Kulbaka in this book) gives evidence that the settlement in Lyapinskaya balka was founded by the nomads who had just passed to a settled life. The suggestion is backed by the fact that no objects connected with land cultivation have been found on the site, while a great number of animal bones is present in the occupation layer.

The second part XIVth c. is known to be characterized by intestine wars in the Golden Horde, and such settlements might have appeared in the north-east steppes of the Azov sea area due to the population migration from the regions ravaged by war to a relatively more peaceful lands.

E.Je. Kravčenko (Donezk, Ukraine)

Mittelalterlicher Siedlungskomplex Steppenschlucht Ljapinskaja im Nordostraum des Asowschen Meeres

1992 führte die Expedition des Landeskundemuseums des Gebietes Donezk Ausgrabungen einer Siedlung am östlichen Rand der Stadt Mariupol. Neben dem Inventar der Bronzezeit besaß dieses Grabmal mittelalterliche Schichten, die aus dem 8. bis 10. Jh. bzw. aus dem späten 14. Jh. stammen.

Aus den archäologischen Komplexen des 8. bis 10. Jh. wurde die Grube einer Halberdhütte ausgeschachtet. Wenige Funde und deren dichte Konzentration auf der Kapfläche zeugen davon, dass diese Stätte in der Chasarenzeit ein Nomadenlager oder ein kleines Jahreszeitlager war. Aus der selben Zeit stammen auch die hinter den Siedlungen entdeckten ausgeschlachteten Pferdeskelette, so dass es sich hier eventuell um Kultstätten handelt.

Die Siedlung aus der Zeit der Goldenen Horde umfasste die gesamte Kapfläche. Unter den Materialien sind überwiegend Keramikgegenstände. Die Bodenbauten des 14. Jh. (leichte Zelte oder Jurten) sind nicht erhalten geblieben, weil die Grabstättenfläche terassenartig angelegt ist. Ein in der Schicht entdecktes Kesselbruchstück lässt diese Siedlung mit der 2. Hälfte des 14. Jh. datieren.

Die Entstehung derartiger Siedlungen in der 2. Hälfte des 14. Jh. im Nordosten des Steppengebietes am Asowschen Meer ist auf die relativ ruhige Situation in diesem Raum und auf die Zuwanderung der Bevölkerung aus den durch den Krieg verwüsteten Regionen zurückzuführen.

E.E.Kravĉenko (Donetsk, Ukraine)

Complexe moyenâgeux Creux de Lapino dans la partie Sud-Est du bord de la mer d'Azov

En 1992 une expédition du musée régional ethnographique de Donetsk accomplissait des fouilles dans le Creux de Lapino à l'extrémité Est de la ville de Mariupol de la région de Donetsk. Outre des objets qui appartiennent à l'époque du bronze, le monument contenait des couches du moyen âge relatives aux VIII-X et à la 2-me moitié du XIV siècle.

Dans les complexes archéologiques on a dégagé une cave d'une construction à demi sous terre. Le peu de trouvailles et leur disposition compacte dans cet endroit témoignent de ce que dans les temps des khazars c'était un campement de nomades ou un petit arrêt saisonnier. En dehors du site on a découvert les os des corps écartelés de chevaux, ce qui fait penser aux complexes de culte.

Le site de l'époque de la Horde d'Or occupait tout le territoire du promontoir. Des objets trouvés étaient pour la plupart des céramiques. Les constructions sur terre du XIV siècle (des huttes légères ou en forme de yourtes) n'existent plus à cause de la mise en terrasses du territoire du monument. La trouvaille d'un fragment de chaudière en fonte permet de dater le site de la 2-me moitié du XIV siècle.

La nécropole en terre, situé à côté du monument (voir l'article de A.V. Evgevski et V.K.Kulbaka dans ce recueuil) confirme que le site du Creux Lapino fut abandonné par des nomades devenus sédentaires il n'y a pas longtemps. Ce qui est confirmé également par l'absence d'objets ayant rapport à l'agriculture et la présence d'un grand nombre d'os d'animaux dans la couche culturelle.

L'apparition des sites pareils dans la 2-me moitié du XIV siècle, à l'époque des guerres intestinales dans la Horde d'Or même dans les steppes du bord Nord et Est de la mer d'Azov, pourrait être liée à la situation relativement tranquille sur ces terres et à l'immigration des peuples venus des territoires ravagés par la guerre.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2002 г.

А.В.Евглевский, В.К.Кульбака

ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЯПИНСКАЯ БАЛКА ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ[1]

В 1987 г. при проведении строительных работ была разрушена часть грунтового могильника, располагавшегося на восточной окраине г.Мариуполя в районе жилого массива "Восточный". Он занимал уплощенные возвышения двух склонов правой стороны Ляпинской балки, выходящей к побережью Азовского моря (рис.1).

Оперативными спасательными работами археологической экспедиции Мариупольского краеведческого музея под руководством В.К.Кульбаки здесь было выявлено 33 погребения золотоордынского времени (Кульбака В.К., 1999). В 1998 г. на территории могильника были проведены контрольные разведочные работы, в результате которых в западной его части было обнаружено еще 5 погребений того же периода.

Погребение 1 находилось в южной части западной группы могил и было полностью разрушено в процессе строительных работ. Вещи из него (серьга, бусы и зеркало) были переданы строителями в музей[2].

– Серьга медная, в виде знака вопроса, изготовлена из круглой в сечении проволоки диаметром (далее ∅) 0,1 см, ∅ кольца серьги – 2 см, ∅ петли – 0,5 см (рис.3, *1*).

– Бусы из непрозрачного стекла светло-желтого цвета, рубчатые в плане и овальные в сечении. Всего 11 штук. ∅ колеблется в пределах 0,5-0,7 см (рис.3, *2*).

– Зеркало из светлой бронзы представляет собой диск ∅ 9,5 см с узким бортиком по краю и с шишкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято рельефным изображением геральдических животных в сочетании с растительным орнаментом(рис.3, *3*)[3]. Реконструкцию данному сюжету можно дать следующую. По периметру – растительный орнамент в виде лозы (?). В центральном поле – четыре животных по кругу. В центре – конический выступ-ручка, припаяна. Внешний бортик невысокий, до 3 мм.

Погребение 2 находилось в южной части западной группы могил. Контуры ямы проследить не удалось, так как заполнение состояло из материкового грунта. Дно находилось на глубине 0,95 м от поверхности. Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на З, руки вытянуты вдоль туловища (рис.4). Под черепом обнаружена серьга, под кистью левой руки находился целый комплект вещей: железный нож, 3 железные пряжки, бронзовый крючок, бусина, кремневый наконечник стрелы, серебряная монета и 3 костяных изделия (рис.3, *5*).

– Крючок бронзовый, рыболовный, с расплющенным ушком, из проволоки ∅ 0,1 см. Длина (далее – Д.) – 3,5 см (рис.3, *6*).

– Бусины стеклянные (10 шт.), темного цвета, практически одинакового ∅, равного 0,7 см. Все они имеют неправильно-овальную форму с уплощенной верхней и нижней поверхностями. Восемь бусин изготовлены из полупрозрачного желтовато-зеленого стекла. Одна из них двойная (не разрезана), имеет восьмеркообразную в поперечном сечении форму. Две бусины сделаны из стекла темно-синего, близкого к черному цвету. Поверхность всех бусин расчленена глубокими вертикальными бороздами, нанесенными по незастывшему изделию (рис.3, *7*).

– Пуговица-пряжка костяная, ∅ – 1,8 см, по краю видны следы орнамента в виде насечек. ∅ отверстия – 0,7 см (рис.3, *8*).

– Поплавок(?) костяной, овальной формы, с небольшим пазом по нижнему краю бортика и отверстием в центре. ∅ отверстия – 0,2 см. Размеры поплавка: 2x1,4 см (рис.3, *9*).

---

[1] Авторы статьи искренне благодарят сотрудника Мариупольского краеведческого музея А.С.Ладкина, коллег по научно-исследовательской группе Донецкого национального университета Э.Е.Кравченко и В.В.Мирошниченко за помощь в зарисовке и фотофиксации ряда вещей.

[2] К сожалению, ко времени подготовки материалов могильника к изданию, ряд вещей из-за своей плохой сохранности оказался непригодным к зарисовке, реконструкции форм и, следовательно, к атрибутированию.

[3] Рисунок зеркала отсутствует, поскольку сделать его из-за крайне высокой степени стертости не представляется возможным. Дана фотография предмета.

– Пряжка костяная – регулятор для натяжения поводка рыболовной снасти. Овальная в плане, с двумя отверстиями, равноудаленными от центра. Д. – 2,8 см, ширина (далее Ш.) – 1,8 см, ∅ отверстий – 0,3 см (рис.3, *10*).

– Наконечник стрелы из кремня, обломан, использовался вторично. Д. – 3,5 см (рис.3, *11*).

– Монета серебряная – дирхем Абдаллах-хана 767 г.Х. (1365/1366 гг.). Вес 1,11[4] (рис.3, *12*).

Л.с.: "Аллах/ Абд-/ (х)ан; да длится вечно/ владычество его!"

О.с.: "Чекан/ Орды/ года/ 767".

– Нож с обломанным концом, рукоять со следами дерева. Клинок треугольный в сечении. Д. сохранившейся части – 11 см (рис.3, *13*).

– Пряжка железная, плоская, подовальной формы, ∅ – 4 см, сечение овальное – 0,8 см, язычок отломан (рис.3, *14*).

– Пряжка железная круглой формы, ∅ – 2,5 см, сечение овальное – 0,5 см (рис.3, *15*).

– Пряжка железная, плоская, с одной овальной, а другой – выступающей в виде треугольника сторонами, без язычка (обломан). ∅ – 3,5 см, сечение овальное (рис.3, *16*).

– Серьга из низкопробного серебра, концы разомкнуты. Изготовлена из тонкой проволоки ∅ до 0,2 см. ∅ серьги – 2,3 см (рис.3, *17*).

Погребение 3 находилось в 8 м севернее погребения 2, на глубине 0,6 м, заполнено материковым грунтом. Скелет ребенка лежал вытянуто, на спине, головой на СВ. Кости очень плохой сохранности. Под нижней челюстью обнаружены фрагмент зеркала и бусы (рис.6, *7*).

– Бусы стеклянные, сферические, окислены, ∅ – 0,7 см (10 экз.) (рис.6, *8*).

– Фрагмент зеркала из белого сплава с широким ободком по краю. На сохранившейся части орнаментального поля рельефно изображены ноги лошади. По краю диска проходит круговая орнаментальная зона, на сохранившейся части которой видны фрагментированные изображения двух цапель. Примерный ∅ диска зеркала – 15 см (рис.6, *9*).

Погребение 4 находилось в 10 м севернее погребения 3, на глубине 0,98 м, контуры ямы не прослеживались. Погребенный лежал вытянуто, головой на В. У его правого плеча обнаружена бусинка (рис.4, *1*).

– Бусинка из непрозрачного стекла, окислена (разбита), ∅ – 0,7 см (рис.4, *2*).

Погребение 5 находилось в 3 м южнее погребения 4, на глубине 0, 95 м. В материке обнаружен костяк взрослого человека, который лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Безынвентарное (рис.4, *9*).

Погребение 6 находилось в 5 м к ЮВ от погребения 5, на глубине 0,57 м. Юго-западная часть погребения срезана скрепером во время строительных работ. Погребенный лежал на спине, головой на СВ, руки вытянуты вдоль туловища. С обеих сторон головы обнаружено по серьге (рис.6, *10*).

– Серьга медная (?) в виде знака вопроса, ∅ сечения прута – 0,15 см. Прямая часть серьги обернута тонкой проволочкой ∅ 0,03 см. Внешний ∅ кольца серьги – 2,3 см (рис.6, *11*).

– Серьга медная (?), близкая по форме первой, на конце – бусина из непрозрачного стекла салатного цвета. Внешний ∅ кольца серьги – 2,4 см, ∅ сечения прута – 0,16 см (рис.6, *12*).

Погребение 7 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 6. В материке обнаружена длинная узкая яма с закругленными углами размерами: 2,2х0,65 м и глубиной 1,1 м. На дне в вытянутом положении на спине лежал костяк взрослого человека, ориентированный головой на СВ. Берцовые кости левой ноги погребенного имели следы перелома. В юго-западной части погребения находились удила, 2 стремени, небольшая бронзовая плошка, на правой ноге лежал колчан со стрелой внутри. У левой кисти обнаружено кресало с кремнем и 3 монеты, справа от погребенного, у таза – 2 астрагала овцы/козы и фрагменты железных колец, на груди человека находились 2 железные бляхи. Под стенками, у правой и левой рук погребенного, обнаружены кости животного (рис.5, *1*).

– Наконечник стрелы железный пламевидной формы, круглый в сечении. Д. пера – 3 см, черешка – 3 см (рис.5, *2*).

– Монета серебряная – дирхем Узбек-хана без даты.

Л.с.: В фигурном ободке: Султан/ Узбек-хан/ изображение тамги дома Бату.

О.с.: В круговом ободке: "Нет бога, кроме/ Аллаха. Мухаммед/ посланник Аллаха".

На лицевой стороне – надчеканка "хан". Вес – 0,97 (рис.5, *3*).

– Монета серебряная – дирхем Узбек-хана без даты.

Л.с.: В фигурном ободке: "Султан/ Узбек-хан/ изображение тамги дома Бату".

О.с.: В круговом ободке: "Нет бога, кроме/ Аллаха. Мухаммед/ посланник Аллаха".

На лицевой стороне, на краю монетного поля, просматривается фрагмент надчеканки(?). Вес – 1,10 (рис.5, *4*).

– Монета серебряная – дирхем Узбек-хана без даты.

[4] Вес монет здесь и далее дается в граммах.

Л.с.: В фигурном ободке: "Султан/Узбек-хан/ изображение тамги дома Бату".

О.с.: В круговом ободке: "Нет бога, кроме/ Аллаха. Мухаммед/ посланник Аллаха".

На оборотной стороне сделана надчеканка "хан". Вес – 1,04 (рис.5, *5*).

– Плошка бронзовая, грубой работы, изготовлена из листа бронзы, края рваные, неровные, в дне несколько дыр, образовавшихся при соединении ковкой листа из двух полос металла. Ручка изготовлена из длинной полоски такого же листа, края ее рваные, неровные. Концы ручки продеты в небрежно пробитые отверстия в стенках плошки и загнуты. Неаккуратное выполнение (возможно, "наспех") и сама конструкция плошки ставит под сомнение ее практическое применение. Возможно, ее помещение в могилу имело ритуальное значение. ∅ плошки – 15 см, Ш. ручки – 1,5 см (рис.5, *6*).

– Кольцо железное ∅ 2,3 см, круглое в сечении (сечение – 0,5 см), соединялось с другим аналогичным кольцом, возможно, для крепления колчана (рис.5, *7*).

– Кресало удлиненно-овальной формы с широкой овальной прорезью. Д. – 9,5 см, Ш. – 3 см (рис.5, *8*).

– Пластины железные, нагрудные, от кожаного панциря (2 экз.) размерами: 7х4,5 см, толщиной до 0,5 см. На лицевой стороне пластин имеется по две заклепки. Пластины, очевидно, крепились к мягкой подкладке с помощью заклепок с округлой полусферической шляпкой (рис.5, *10-11*).

– Удила двухзвеньевые с трензельными кольцами. Д. грызла – 8 см, форма сечения грызла не определяется, ∅ колец – 4,5 см, сечение – 0,7 см (рис.5, *12*).

– Отщеп кремня подтреугольной формы со следами боковых сколов, патинизирован (рис.5, *9*).

– Стремя арочной формы со скругленной верхней частью дужки с прорезью для путлища. Высота стремени – 15,4 см. Ш. подножки – 5,6 см (рис.5, *13*).

– Стремя арочной формы с округлой верхней частью дужки, с прорезью для путлища. Дужка стремени в сечении подтреугольная. Высота стремени – 14,8 см, Ш. подножки – 5,5 см (рис.5, *14*).

– Колчан берестяной, расширяющийся кверху. Д. колчана – 66 см, Ш. в верхней части – 20 см, в нижней – 11 см. В нижней и средней частях – железные оковки (рис.5, *15*).

– Лук, сильно фрагментирован (рис.5, *16*).

– Фрагмент пряжки железной, овальной формы, сечением 0,5 см (рисунок из-за плохой сохранности изделия не выполнен).

Погребение 8 находилось в 3 м к В от погребения 5, на глубине 0,9 м. В материковом грунте вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека, головой на СВ. В левой стороне грудной клетки обнаружен железный наконечник стрелы (?), справа от черепа – серьга, у правого плеча – бусы (рис.4, *7*).

– Серьга серебряная (?) в виде знака вопроса, изготовлена из тонкой проволоки сечением 0,1 см. У основания кольца стержень обвит проволочкой. Д. серьги – 3,1 см (рис.4, *5*).

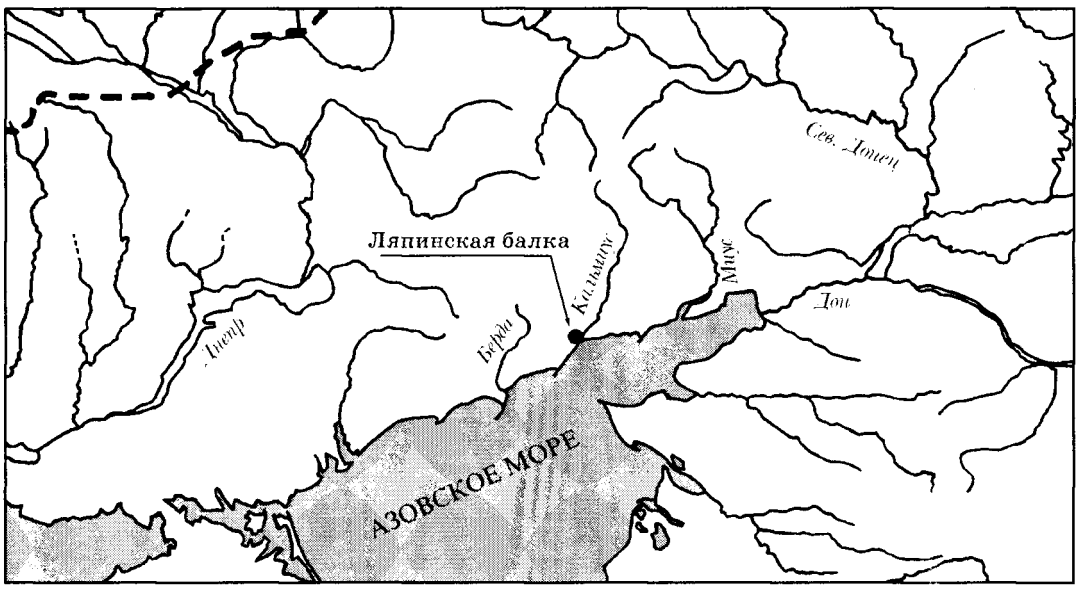

Рис. 1. Карта-схема местонахождения грунтового могильника Ляпинская балка.
Fig. 1. Map of location and layout of the ground burial Lyapinskaya Balka.
Abb. 1. Lageplan des Gräberfeldes Steppenschlucht Ljapinskaja.
Dess. 1. Carte-schéma de la situation de la nécropole au ras du sol creux de Lapino

– Бусы пастовые биконические (4 экз.), ∅ – 0,5 см (рис.4, *6*).

– Наконечник стрелы (?) железный. Перо – подквадратное в сечении, черешок – квадратный, фрагментирован (рисунок из-за крайне плохой сохранности изделия не выполнен).

Погребение 9 занимало крайнее северное положение в западной группе погребений. В материке на глубине 0,75 м обнаружен скелет взрослого человека, лежащий вытянуто на спине, головой на СВ. Справа от черепа обнаружена серьга, у правой кисти – остатки свинцового (?) изделия (рис.4, *3*).

– Серьга бронзовая в виде разомкнутого кольца из проволоки сечением 0,1 см, ∅ – 2 см (рис.4, *4*).

– Свинцовое (?) изделие не сохранилось и, следовательно, его описание и зарисовка не выполнены.

Погребение 10 находилось в 3 м к СВ от погребения 8, на глубине 0,5 м. Скелет погребенного сохранился плохо, он лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, *1*). Инвентарь в погребении не обнаружен.

Погребение 11 находилось в 5 м к СЗ от погребения 10 на глубине 0,63 м. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Безынвентарное (рис.4, *8*).

Погребение 12 находилось в северной части восточной группы погребений. Положение скелета установить не удалось, поскольку он был полностью разрушен строителями. Сохранились некоторые вещи: нож, пряжка и кресало с кремнем.

– Кресало (фрагмент) калачевидное, без язычка, с загнутым концом. Д. сохранившейся части – 6 см (рис.8, *12*).

– Отщеп кремня подтреугольной, неправильной формы, размерами 4х2,7 см, с двух сторон на кремне – следы забитости (рис.8, *13*).

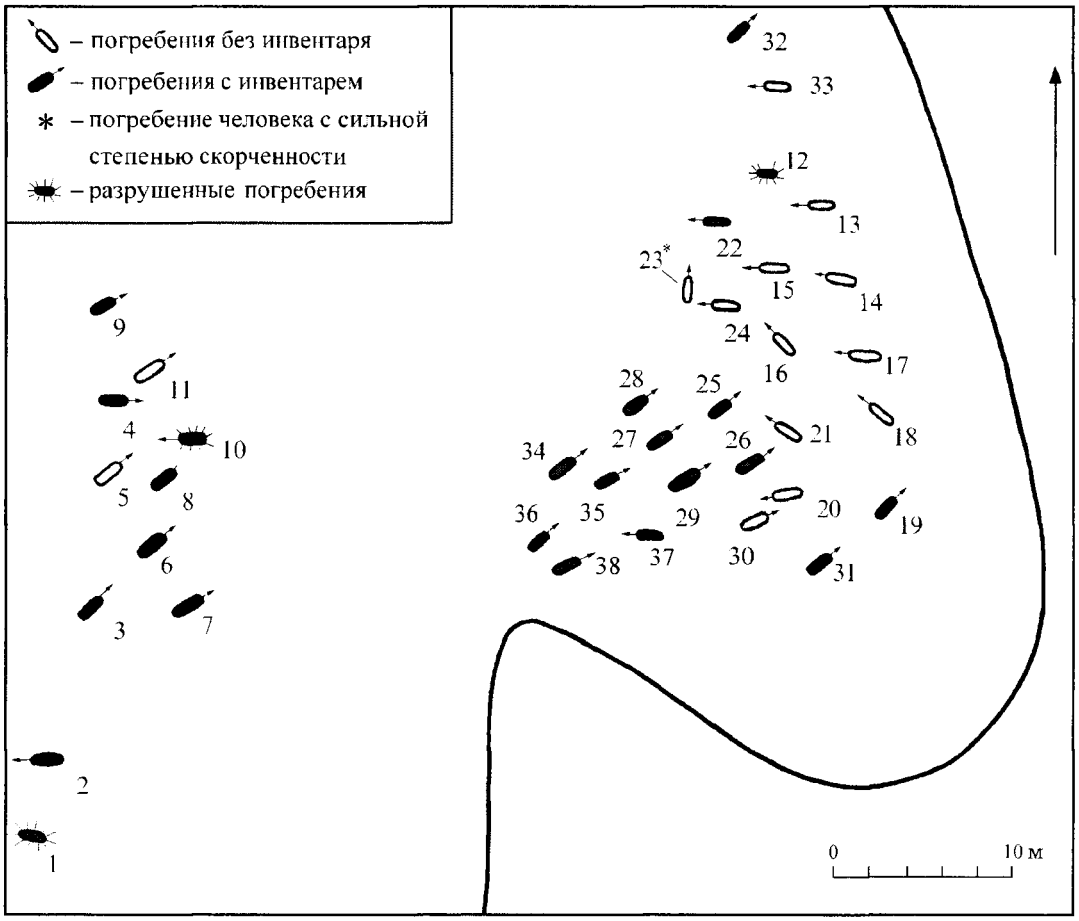

Рис. 2. План-схема грунтового могильника Ляпинская балка на окраине г.Мариуполя.

Fig. 2. Map of location and layout of the ground burial Lyapinskaya Balka in the housing estate at the outskirts of the town of Mariupol.

Abb. 2. Lagerplan des Gräberfeldes Steppenschlucht Ljapinskaja am Rande der Stadt Mariupol.

Dess. 2. Plan-schéma du monument au ras du sol situé dans creux de Lapino d'une banlieue de la ville de Mariupol

– Пряжка железная, поясная, округлая, с прямым основанием, на котором крепился узкий прямой язычок, размерами 6,5х6,0 см (рис.8, *14*).

– Нож подтреугольный в сечении, лезвие разбито. Д. сохранившейся части – 17 см, максимальная Ш. равна 2,3 см (рис.8, *15*).

Погребение 13 находилось в северной части восточной группы погребений. Контуры ямы проследить не удалось. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З. Руки слегка согнуты в локтях. Кисти лежат на тазовых костях. Глубина погребения – 0,87 м (рис.7, *2*). Погребение безынвентарное.

Погребение 14 находилось в 4 м к югу от погребения 13, на глубине 0,83 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, *3*). Безынвентарное.

Погребение 15 находилось в 3 м к З от погребения 14, на глубине 0,92 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, *5*). Безынвентарное.

Погребение 16 находилось в 4 м к Ю от погребения 15, на глубине 0,87 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (рис.7, *6*). Безынвентарное.

Погребение 17 находилось в 4 м к Ю от погребения 14, на глубине 0,73 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, *4*). Безынвентарное.

Погребение 18 находилось в 3 м к Ю от погребения 17, на глубине 0,70 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (рис.7, *7*). Безынвентарное.

Погребение 19 находилось в 6 м к Ю от погребения 18, в южной части восточной группы могил, на глубине 0,6 м. Погребение сильно разрушено землеройными животными, возможно, ограблено. По сохранившимся костям можно определить, что скелет лежал головой на СВ. В погребении обнаружены: нож, булава, наконечник стрелы и железное кольцо (рис.4, *10*).

– Наконечник стрелы железный, бронебойного типа, ромбический в сечении. Д. пера – 3,5 см, сохранившаяся часть черешка – 1,5 см (рис.4, *11*).

– Булава железная шаровидной формы, слегка приплюснутая с полюсов с широким отверстием в центре. ∅ булавы – 4 см, высота – 3 см, ∅ отверстия – 2 см (рис.4, *12*).

– Кольцо железное, подквадратное в сечении, ∅ – 4 см (рис.4, *13*).

– Нож прямой с деревянной рукояткой и медным перекрестием (кинжал ?). Д. ножа – 20 см, Ш. – 2,5 см (рис.4, *14*).

Погребение 20 находилось в 6 м к З от погребения 19, на глубине 0,70 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис.7, *8*). Безынвентарное.

Погребение 21 находилось в 4 м к С от погребения 20, на глубине 0,70 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. У его левого плеча обнаружены фрагменты свинцового (?) изделия (рис.7, *9*) непонятной формы и назначения.

– Свинцовое изделие рассыпалось при расчистке и, следовательно, не описано и не зарисовано.

Погребение 22 находилось в северной части восточной группы погребений, в 5 м к З от погребения 13, на глубине 0,45 м. Кости ребенка плохой сохранности лежали не в анатомическом порядке. Судя по ним, погребенный лежал на спине, головой на З. Возле черепа обнаружены бусы, серьга и пуговица (рис.8, *1*).

– Серьга медная (?) круглая, фрагментированная, из проволоки сечением 0,2 см, ∅ – 2 см (рис.8, *2*).

– Пуговица керамическая, круглая, слегка утолщенная, с двумя отверстиями. ∅ – 1,5 см, толщина – 0,4 см. Внешняя поверхность пуговицы имеет покрытие темно-синей кобальтовой глазурью. Полива на фронтальной и тыльной поверхностях предмета вытерта до ангоба, приобрела светло-серый цвет (рис.8, *3*).

– Бусы (рис.8, *4*) представлены 20 целыми и девятью обломками. Все бусины имеют уплощенно-шарообразную форму. Изготовлены из темно-синего, желтовато-зеленого (непрозрачного) и светло-зеленого стекла. Размеры бусин различны. Мы думаем, что это обусловлено характером их изготовления (навивка на стержень с последующим разрезанием). Две из них не разрезаны, в результате чего имеют восьмеркообразную форму.

а) бусы из зеленого непрозрачного стекла. Округлые в сечении, ∅ – 0,6 см (5 экз);

б) бусы из темно-синего непрозрачного стекла ∅ – 0,7 см (1 экз.), ∅ – 0,4 см (6 экз.);

в) бусы стеклянные мелкие зеленого(?) цвета, ∅ – 0,4-0,7 см (3 экз.).

Погребение 23 находилось в 5 м к ЮЗ от погребения 22, на глубине 0,65 м. Скелет лежал скорченно на левом боку, головой на С. Ноги согнуты в коленях, подтянуты к животу, руки согнуты в локтях, кистями на животе (рис.6, *13*). Безынвентарное.

Погребение 24 находилось в 6 м к Ю от погребения 22, на глубине 0, 60 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З. Руки слегка разведены в локтях, берцовые кости ног отсутствуют (рис.7, *10*). Безынвентарное.

Погребение 25 находилось в 6 м к Ю от погребения 24 на глубине 1,20 м. Яма прямоугольной формы, с закругленными углами, размерами 1,9х0,8 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На дне вытянуто на спине, головой на СВ лежал скелет взрослого человека. У левой кисти погребенного обнаружена булава и 2 железных кольца, еще 1 кольцо вместе с рамкой пряжки находились справа от погребенного. В восточном углу находились кости животного (рис.9, *1*).

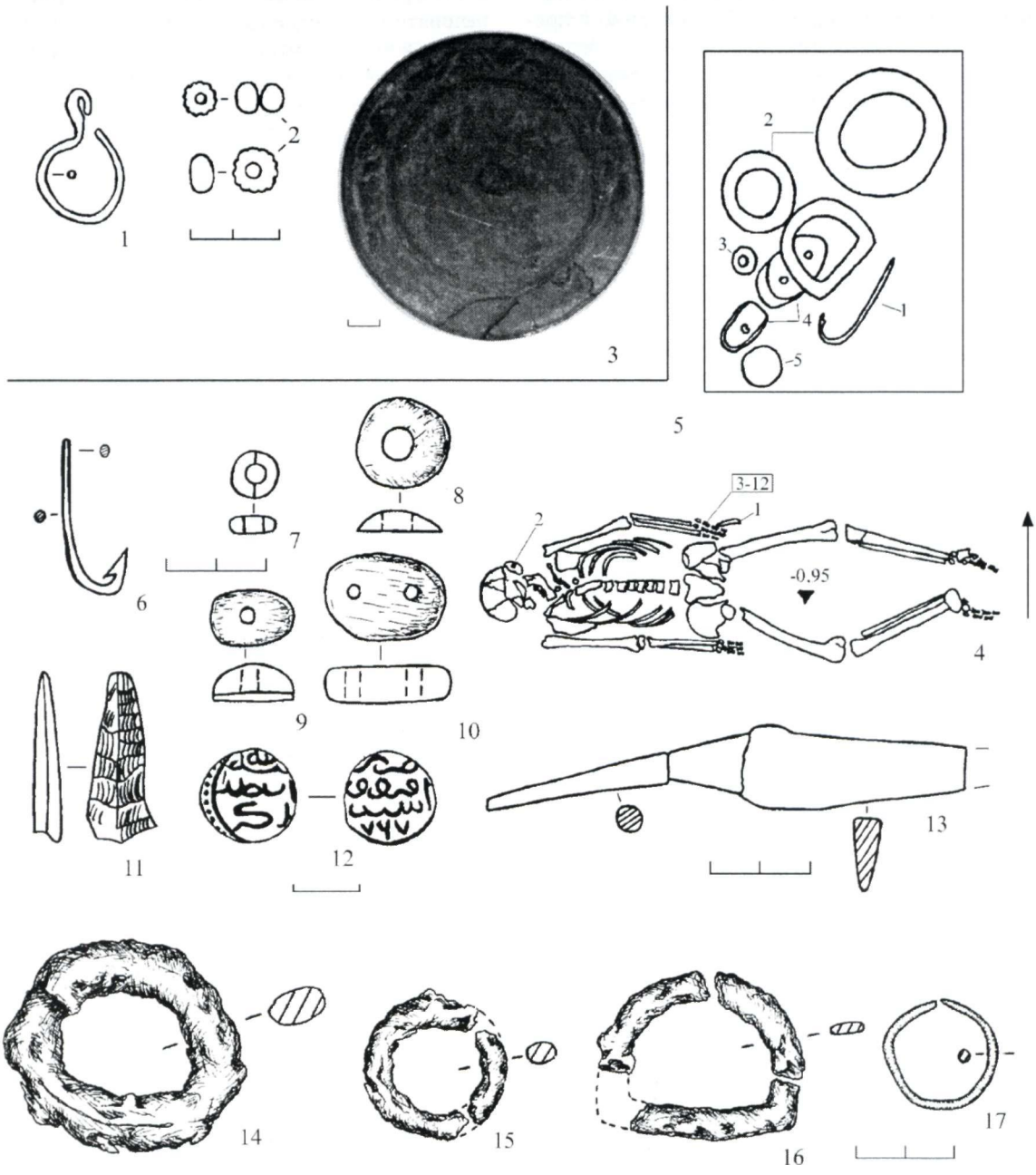

Рис. 3. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-3 - вещи из разрушенного погребения 1: *1 - серьга медная; 2 - бусы стеклянные; 3 - зеркало бронзовое.* 4-17 - погребение 2: *4 — план погребения; 5 - ситуационный план расположения вещей, обнаруженных под кистью левой руки; 6 - крючок рыболовный; 7 — бусина стеклянная; 8 — пуговица (ворворка) костяная; 9 - поплавок (?) костяной; 10 — пряжка костяная; 11 - наконечник стрелы кремневый; 12 - монета серебряная; 13 - бритва (?); 14-16 - рамки от железных пряжек; 17 - серьга серебряная.*

Fig. 3. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-3 - objects from the destroyed burial 1:7 - *copper earring; 2 - glass beads; 3 - bronze mirror.* 4-17 - burial *2:4- burial plan; 5 - situational location plan of objects found under the left hand; 6 -fishing hook; 7 - glass bead; 8 - bone button (vorvorka); 9 - bone float (?); 10- bone buckle; 11 - flint arrowhead; 12 - silver coin; 13 - rasor (?); 14-16 - iron buckle frames; 17 - silver earring.*

Abb. 3. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-3 – Gegenstände aus einem zerstörten Grab 1: *1 – Kupferner Ohrring; 2 – Glasperlen; 3 – Spiegel aus Bronze.* 4-17 – Grab 2: *4 – Grabgrundriss; 5 – Lageplan der Gegenstände, die unter der linken Hand entdeckt wurden; 6 – Angelhaken; 7 – Glasperle; 8 – Knochenknopf (Klammer); 9 – Knochenschwimmer (?); 10 – Knochenspange; 11 – Pfeilspitze aus Feuerstein; 12 – Silbermünze; 13 – Rasierklinge (?); 14-16 – iron buckle frames; 17 – Silberner Ohrring.*

Dess. 3. La nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-3 – objets trouvés dans le tombeau ruiné 1: *1 – boucle d'oreille en cuivre; 2 – collier en pâte; 3 – miroir en bronze* . 4-17 – tombeau 2: *4 – plan du tombeau; 5 – plan de la disposition des objets trouvés sous la paume de la main gauche; 6 – hameçon; 7 – perle de verroterie; 8 – bouton (vorvorka) en os; 9 – flotteur (?) en os; 10 – fibule en os; 11 – pointe d'une flèche en silex; 12 – pièce de monnaie en argent; 13 – rasoir (?); 14-16* – Encadrements des fibules en fer*; 17 – boucle d'oreille en argent*

– Булава железная подовальной в плане формы, несколько приплюснутая с полюсов, с довольно выраженными, но округлыми боками и с зауженной шейкой, отделенной узким пояском. Поверхность сильно бугристая, полностью выщербленная. По технике изготовления она близка булаве из погребения 19. Высота – 3 см, ∅ – 4,7 см, ∅ отверстия – 1,5-1,6 см (рис.9, *2*).

– Кольца железные, круглые, сечением 0,5-0,7 см, ∅ – 2,5 см (1 экз.); 2,7 см (1 экз.); 3 см (1 экз.) (рисунки из-за плохой сохранности предметов не выполнены).

– Пряжка железная поясная, прямоугольная в плане, овальная в сечении, размеры 4х3 см (рисунок из-за плохой сохранности предмета не выполнен).

Погребение 26 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 25, на глубине 0,98 м. Яма имела прямоугольную форму с закругленными углами, размерами 1,8х0,6 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Справа от черепа находилась серьга, под левой стороной грудной клетки – зеркало, у левого плеча – ножницы, у правой ключицы – шило (рис.10, *1*).

– Шило (?) плохой сохранности, подквадратное в сечении, Д. сохранившейся части – 8 см (рис.10, *2*).

– Ножницы шарнирные, с двумя петлевидными несомкнутыми ушками. Длина лезвия – 16,5 см, максимальная Ш. – 1,5 см, общая Д. – 26 см (рис.10, *3*).

– Зеркало из светлой бронзы (?) в форме диска с узким бортиком по краю и шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято рельефным изображением: растительный орнамент в центре и круговая арабская надпись по краю, разделенная специальными знаками на две части. ∅ зеркала – 8,9 см, высота бортика – 0,4 см (рис.10, *4*). Развертка надписи зеркала – на рис.10, *5*.

– Серьга медная(?) в виде знака вопроса из проволоки сечением 0,1 см, стержень обмотан тонкой проволокой, конец стержня – пружинкой из этой проволоки, на конце стержня надета граненая бусина. Д. стержня – 4,5 см, ∅ кольца – 2,2 см (рис.10, *6*).

Погребение 27 находилось в западной части восточной группы могил, в 5 м к З от погребения 26, на глубине 1,13 м. Узкая прямоугольная яма с закругленными углами размерами 2,0х0,5 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, кистью на костях таза. У предплечья левой руки находились нож и кресало с кремнем, выше таза – железное кольцо и 3 пряжки (рис.9, *3*).

– Пряжка железная прямоугольной формы, с язычком. Размеры 2,5х1,8 см (рис.9, *4*).

– Пряжка железная, овальной формы, без язычка. Д. – 2,5 см, Ш. – 1,2 см (рис.9, *5*).

– Кольцо железное с заведенными друг за друга концами, ∅ – 2,3 см (рис.9, *6*).

– Пряжка железная, фрагментированная, подпрямоугольная, язычок обломан (рис.9, 7).

– Кресало калачевидной формы с несомкнутыми концами, прямоугольное в сечении. С внутренней стороны имеется небольшой подтреугольный язычок. Д. кресала – 8 см, Ш. – 3 см (рис.9, *8*).

– Отщеп кремня неправильной прямоугольной формы размерами 3,5х2,8 см, со следами забитости (рис.9, *9*).

– Нож железный, клинок подтреугольный в сечении, с упором. Д. – 14,5 см, наибольшая Ш. – 1,8 см (рис.9, *10*).

Погребение 28 находилось в 3 м к СЗ от погребения 27, на глубине 0,95 м. Яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,8х0,6 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Справа напротив локтя и слева напротив лицевой части черепа находились невыразительные фрагменты костей животных. Справа у черепа лежала серьга. У левого плеча погребенного находился нож, под левой частью грудной клетки найдены зеркало и пряслице, под правой кистью – разложившийся железный предмет (рис.11, *3*).

– Пряслице из стенки амфоры красного цвета, ∅ – 5,1 см, ∅ отверстия – 0,7 см (рис.11, *1*).

– Серьга медная в виде знака вопроса, изготовлена из проволоки сечением 0,2 см, ∅ петли – 1,7 см (рис.11, *2*).

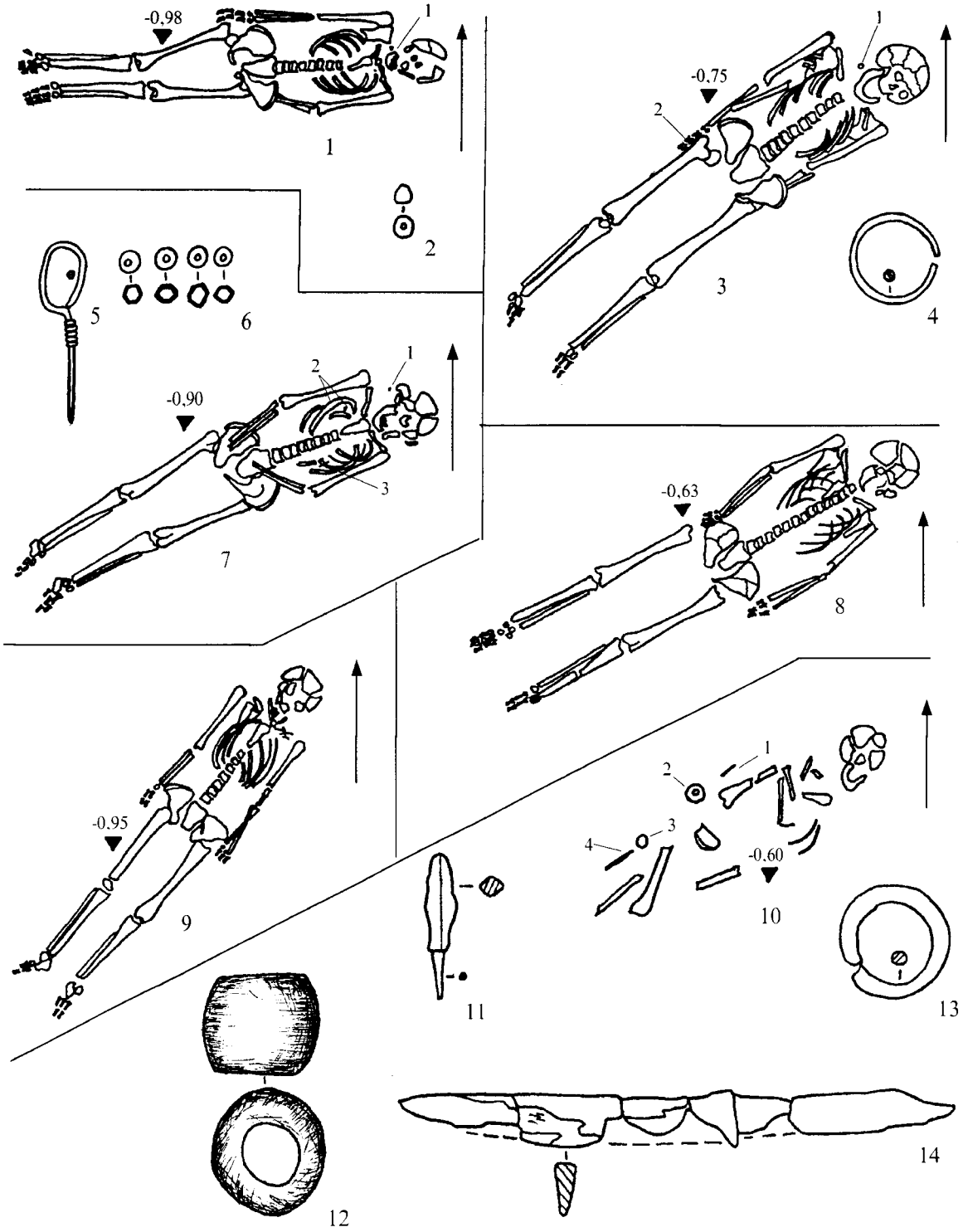

Рис. 4. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-2 – погребение 4: *1 – план погребения; 2 – бусинка стеклянная.* 3-4 – погребение 9: *3 – план погребения; 4 – серьга бронзовая.* 5-7 – погребение 8: *5 – серьга серебряная; 6 – бусины стеклянные; 7 – план погребения.* 8 – погребение 11. 9 – погребение 5. 10-14 – погребение 19: *10 – план погребения; 11 – наконечник стрелы; 12 – булава железная; 13 – кольцо железное; 14 – нож.*

Fig. 4. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-2 – burial 4: *1 – burial plan; 2 – glass bead.* 3-4 – burial 9: *3 – burial plan; 4 – bronze earring.* 5-7 – burial 8: *5 – silver earring; 6 – glass beads; 7 – burial plan.* 8 – burial

11. 9 – burial 5. 10-14 – burial 19: *10 – burial plan; 11 – arrowhead; 12 – iron mace; 13 – iron ring; 14 – knife.*

Abb. 4. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-2 – Grab 4: *1 – Lageplan der Bestattung; 2 – Glasperle.* 3-4 – Grab 9: *3 – Lageplan der Bestattung; 4 – Ohrring aus Bronze;* 5-7 – Grab 8: *5 – Ohrring aus Silber; 6 – Glasperlen; 7 – Lageplan der Bestattung.* 8 – Grab 11. 9 – Grab 5. 10-14 – Grab 19: *10 – Lageplan der Bestattung; 11 – Pfeilspitze; 12 – Eisenkeule; 13 – Eisenring; 14 – Messer.*

Dess. 4. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-2 – tombeau 4: *1 – plan du tombeau; 2 – perle en pâte.* 3-4 – tombeau 9: *3 – plan du tombeau; 4 – boucle d'oreille en bronze.* 5-7 – tombeau 8: *5 – boucle d'oreille en argent; 6 – perles en pâte; 7 – plan du tombeau.* 8 – tombeau 11. 9 – tombeau 5. 10-14 – tombeau 19: *10 – plan du tombeau; 11 – pointe d'une flèche; 12 – massue en fer; 13 – anneau en fer; 14 – couteau*

– Нож с рукоятью, лезвие клиновидное в сечении. Рукоять круглая в сечении, ее Д. – 3,5 см. Д. лезвия – 7,4 см, Ш. – 1,1 см (рис.11, *4*).

– Зеркало из светлой бронзы (?) в форме диска с узким бортиком по краю и шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято рельефным изображением: растительный орнамент в центре и круговая арабская надпись по краю, разделенная специальными знаками на две части. Изделие аналогично зеркалу из погребения 26, но гораздо сильнее стерто. ∅ зеркала – 8,2 см, высота бортика – 0,25-0,27 см (рис.11, *5*).

Погребение 29 находилось в 3 м к ЮВ от погребения 27, на глубине 1,3 м. Яма – длинная прямоугольная, с закругленными углами, размерами 2,3х0,65 м. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на СВ. Локти слегка разведены в стороны. У правой ступни обнаружен нож плохой сохранности, на пальцах правой руки – 2 бронзовых (?) кольца, у правого плеча – пуговица и бусинка, у левой ключицы – ножницы и железный предмет, под правой частью грудной клетки – зеркало и остатки изделия из свинца. Под грудной клеткой находились позвонки животного, кости животного также обнаружены под восточной стенкой ямы (рис.12, *8*).

– Ножницы шарнирные. Рукояти оформлены в виде своеобразной восьмерки. Д. лезвия – 13 см, Ш. – 2,5 см, ∅ колец – 5,2 см, сечение – 0,6 см (рис.12, *1*).

– Пластина железная неясного назначения. Д. – 6,2 см, Ш. – 1,5 см (рис.12, *2*).

– Пуговица керамическая, покрытая темно-синей поливой, круглая, слегка выпуклая, с двумя отверстиями. ∅ – 1,7 см (рис.12, *3*).

– Кольцо бронзовое(?), разомкнуто, ∅ – 2 см, сечение – 0,2 см (рис.12, *4*).

– Кольцо бронзовое(?), разомкнуто, ∅ – 2,1 см, сечение – 0,3 см (рис.12, *5*).

– Бусина круглая, из стекловидной пасты. ∅ – 0,9 см, ∅ отверстия – 0,3 см (рис.12, *6*).

– Зеркало из белого сплава. В центре с тыльной стороны имеется петля, лицевая сторона с валиком по центру зеркала заполирована. ∅ зеркала – 6,7 см (рис.12, *7*).

– Нож. Не сохранился.

Погребение 30 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 29, на глубине 0,75 м. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СВВ (рис.12, *9*). Безынвентарное.

Погребение 31 находилось в южной части восточной группы могил. Прямоугольная яма с закругленными углами имела глубину 1,32 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СВ. У правой кисти обнаружено зеркальце, у левой – фрагменты ножниц и кожаный футляр, у левого плеча – зеленый шарик из непрозрачного стекла с остатками свинцового (?) изделия, у правой ключицы – серьга и бусинка, под северной и южной стенками – кости животного (рис.6, *2*).

– Сумочка-футляр бежевого цвета, сделана из цельного куска кожи, перегнутого пополам(?) и сшитого по бокам нитками. Размеры 5,5х3,6 см (рис.6, *1*).

– Зеркало (1/2 часть) из сплава серого цвета. На обратной стороне имеется небольшая боковая ручка. ∅ зеркала – 6,3 см. На тыльной стороне предмета просматривается затертый орнамент: в центре зеркала – едва заметный круг; по периметру расположены полукруги чуть меньшие по диаметру, чем центральный. Прямые аналогии такой орнаментации зеркал в позднекочевнических памятниках нам обнаружить не удалось (рис.6, *3*). Близкие аналогии подобной орнаментации имеются на аланских зеркалах более раннего периода (Плетнева С.А., 1989, с.101, рис.52, 114)

– Серьга медная в виде знака вопроса из проволоки сечением 0,1 см. На стержень намотана тонкая проволочка (рис.6, *4*).

– Вставка в перстень зеленая стеклянная, ∅ – 1 см (рис.6, *5*).

– Бусинка стеклянная маленькая круглая желтоватого цвета, ∅ – 0,3 см (рис.6, *6*).

– Ножницы (невыразительные фрагменты). Рисунок из-за плохой сохранности изделия не выполнен.

Погребение 32 находилось в самой северной части восточной группы могил. Глубина ямы 0,75 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки слегка согнуты в локтях, кистями на костях таза. У левого предплечья обнаружен нож (рис.12, *10*).

– Нож с клиновидным в сечении лезвием. Д. лезвия – 12 см, Ш. – 1,5 см (рис.12, *11*).

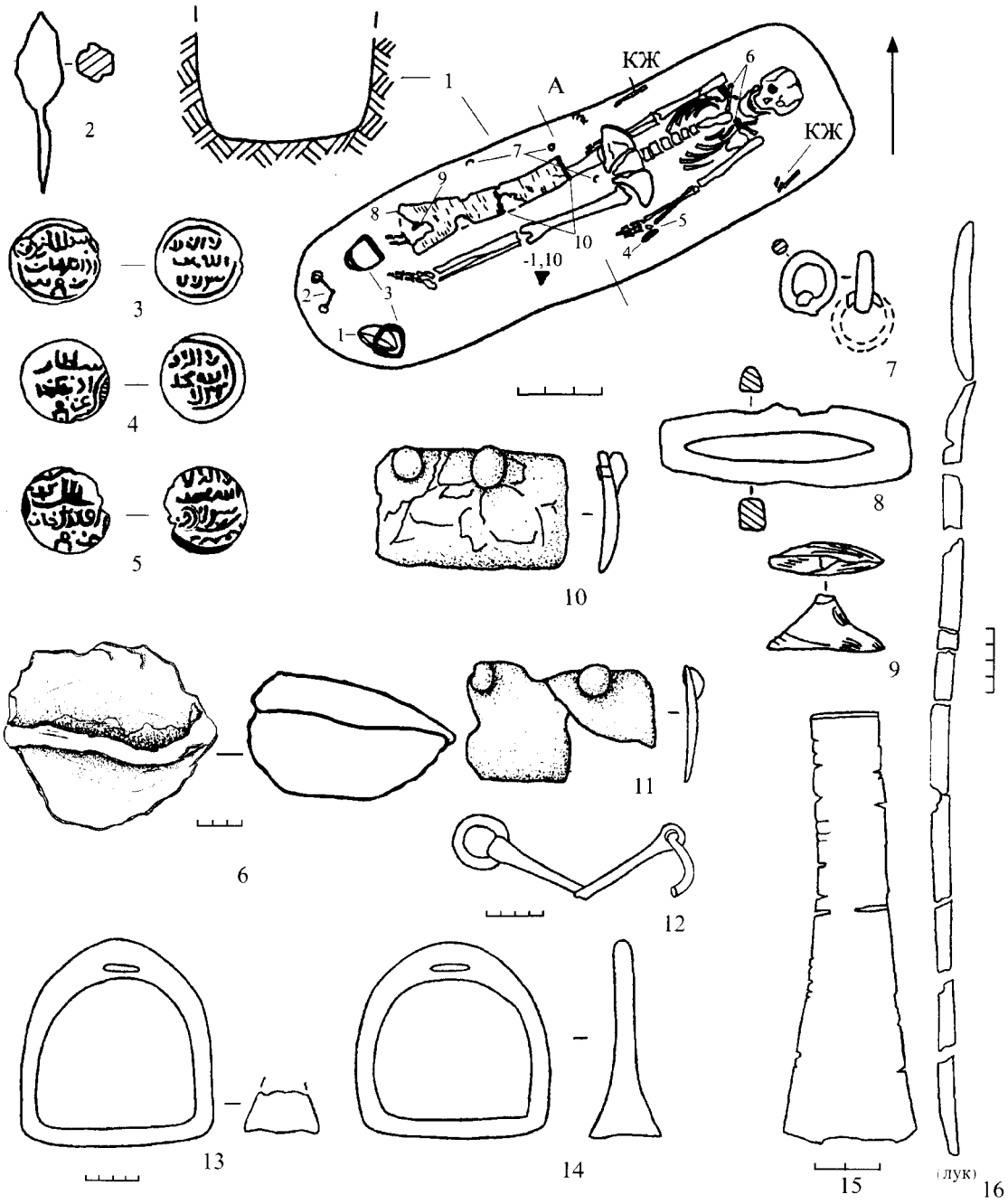

Рис. 5. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-16 – погребение 7: *1 – план и разрез погребения; 2 – наконечник стрелы; 3-5 – монеты серебряные; 6 – плошка; 7 – кольцо от крепления колчана; 8 – кресало 9 – кремень; 10-11 – бляхи нагрудные железные; 12 – удила; 13-14 – стремена; 15 – колчан; 16 – лук.*

Fig. 5. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-16 – burial 7: *1 – burial plan and cross section; 2 – arrowhead; 3-5 – silver coins; 6 – saucer; 7 – quiver fastening ring; 8 – steel for striking sparks from flint; 9 – flint; 10-11 – iron breast plates; 12 – bit; 13-14 – stirrups; 15 – quiver; 16 – bow.*

Abb. 5. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-16 – Grab 7: *1 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 2 – Pfeilspitze; 3-5 – Silbermünzen; 6 – Glockenschale; 7 – Ring von der Köcherbindung; 8 – Schlagfeuerzeug; 9 – Feuerstein für das Schlagfeuerzeug; 10-11 – Brustblechschilde; 12 – Trense; 13-14 – Steigbügel; 15 – Köcher; 16 – Bogen.*

Dess. 5. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-16 – tombeau 7: *1 – plan et section du tombeau; 2 – pointe d' une flèche; 3-5 – pièces de monnaie en argent; 6 – jatte; 7 – anneau de fixation du carquois; 8 – briquet; 9 – silex de briquet; 10-11 – fibules de poitrine en fer; 12 – freins de cheval; 13-14 – étriers; 15 – carquois; 16 – arc*

Погребение 33 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 32, на глубине 0,73 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З. Руки согнуты в локтях, кисти – на костях таза (рис.8, *5*). Погребение безынвентарное.

Погребение 34 находилось в западной части восточной группы могильника. Яма сооружена в предматериковом грунте; дно находилось на уровне 0,6 м от поверхности. Контуры ее не прослеживались. На уровне 0,2 м от поверхности яма была перекрыта плоскими камнями небольших размеров. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль туловища. Около локтя левой руки находились железные пластина и застежка (рис.13, *3*).

– Пластина железная подтреугольной формы размерами 5х4 см. Толщина пластины – 0,2 см (рис.13, *1*).

– Подвеска (?) железная листовидной формы, с крючкообразной дужкой и двумя небольшими заклепками в нижней и верхней ее частях. Размеры застежки – 9х2,2 см, толщина – 0,5 см (рис.13, *2*).

Погребение 35 находилось в западной части восточной группы могил. Могильная яма имеет глубину 0,4 м от поверхности, в результате чего ее контуры не прослежены. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Около правой бедренной кости была найдена медная (?) серьга с бусиной, около шейных позвонков находились бусины из непрозрачного стекла (рис.13, *6*).

– Серьга медная (?) в виде знака вопроса, изготовлена из круглой в сечении проволоки ∅ 0,1 см. Прямая часть серьги обмотана тонкой проволокой. На конец надета стеклянная бусина округлой формы. ∅ кольца серьги – 2 см, Д. ее – 2,8 см (рис.13, *7*).

– Бусины из непрозрачного стекла, круглые в плане, овальные в поперечном сечении. ∅ – 0,6-0,9 см. Всего 5 экз. (рис.13, *8*).

Погребение 36 находилось в самой западной части восточной группы могильника. Сооружено на уровне 0,5 м от поверхности, контуры ямы не прослеживались. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Около шейных позвонков найдены стеклянные бусины (рис.13, *4*).

– Бусины круглые из непрозрачного стекла зеленого цвета, покрыты патиной, овальные в сечении. ∅ – 0,5-0,7 см. Всего 4 экз. (рис.13, *5*).

Погребение 37 находилось в западной части восточной группы могил. Яма была вырыта в материке и засыпана материковой глиной. Контуры ее не прослеживались. Дно ямы находилось на уровне 0,8 м от поверхности. В заполнении встречены небольшие камни. Скелет взрослого человека был уложен вытянуто на спине, головой на З. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая, согнутая в локте, лежала кистью на правом крыле таза. На левой бедренной кости находился длинный нож, еще один нож меньших размеров обнаружен под правым крылом таза. Около кисти левой руки лежал кремень, а около правого локтя – железный стержень (шило?) и кресало. Вокруг обеих ступней ног были найдены железные заклепки. У левого плеча находились кости животных (рис.8, *6*).

– Нож с обломанной рукоятью, клиновидный в сечении. Д. лезвия – 6,5 см, Ш. – 1,4 см (рис.8, *7*).

– Кресало калачевидной формы с высоко поднятыми загнутыми концами (один обломан). С внутренней стороны есть небольшой подтреугольный язычок. Д. кресала – 4 см, Ш. – 5 см (рис.8, *8*).

– Отщеп кремня неправильной подтреугольной формы со следами ударов. Размеры 3,5х2,5 см (рис.8, *8а*).

– Шило (?) с рукавом для насадки, подквадратным в сечении. Д. – 10 см, толщина – 0,8 см (рис.8, *9*).

– Нож клиновидный в сечении. Д. лезвия – 13 см, Ш. – 2 см (рис.8, *10*).

– Заклепки (14 шт.) железные грибовидной формы. ∅ – 0,7 см, толщина – 0, 4 см, толщина ножки – 0,15 см (рис.8, *11*).

Погребение 38 находилось в западной части восточной группы могил. Дно могильной ямы зафиксировано на уровне 1,2 м от поверхности. Яма имела прямоугольную форму с закругленными углами, размерами 1,9х0,67 м, и была ориентирована по линии ЮЗЗ-СВВ. В ее заполнении встречались фрагменты деревянного перекрытия. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СВВ. Руки были вытянуты вдоль туловища. Левая кисть находилась под левым крылом таза. Слева от черепа была найдена бронзовая подвеска, которая лежала на тлене буро-коричневого цвета. Около левого плеча находились кости животных. Под правым крылом таза найдено 3 бронзовых бубенчика и стеклянная "уточка" (рис.13, *12*).

– Подвеска бронзовая ромбовидной формы с загнутыми краями. Сделана из тонкой пластинки толщиной до 0,1 см. В верхней части есть круглая дужка с остатками железа в середине. С внутренней стороны остался кусочек кожи, который прикреплен к изделию двумя бронзовым заклепками. Размеры подвески 2,2х2,3 см (рис.13, *9*).

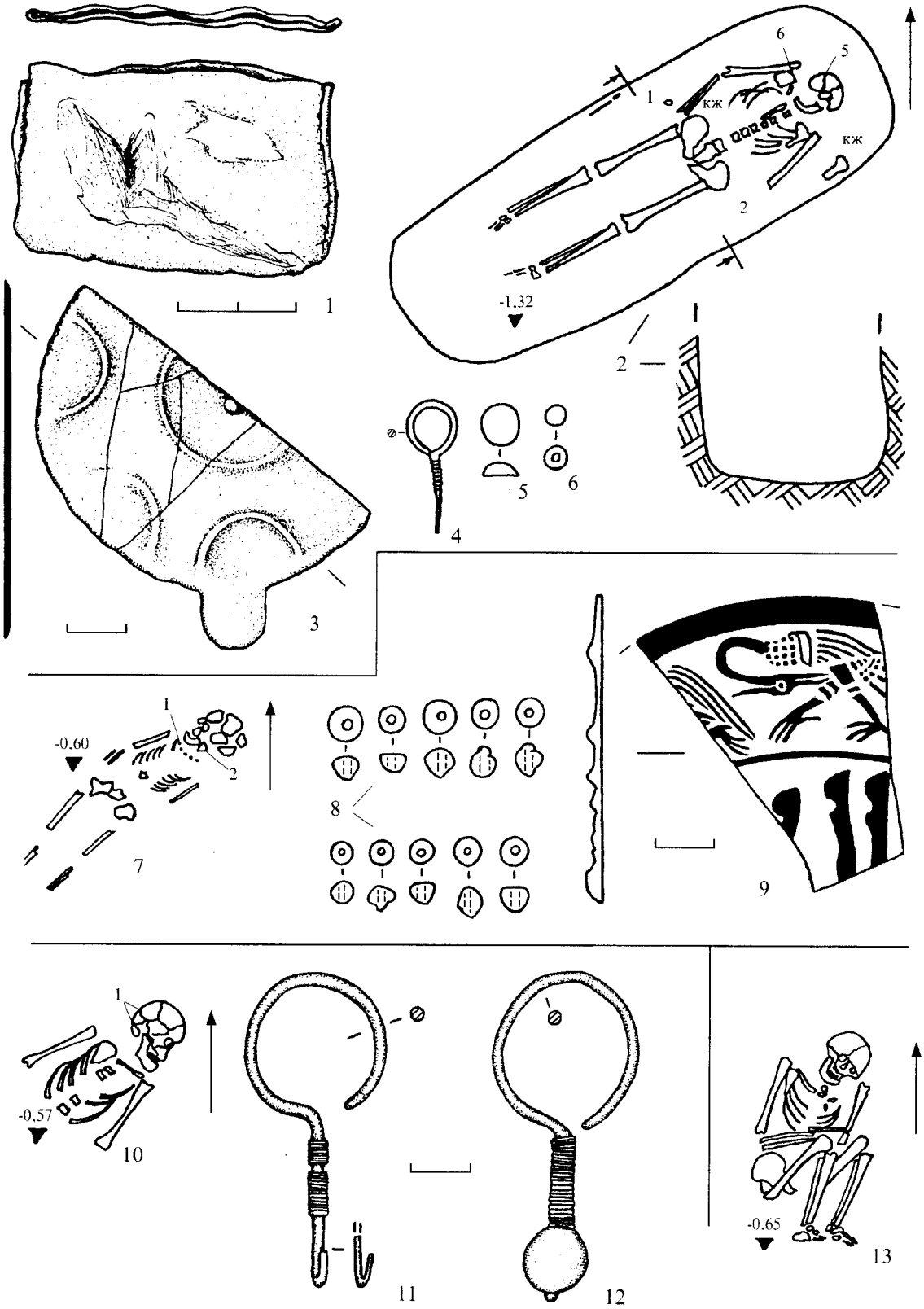

Рис. 6. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-6 – погребение 31: *1 – футляр кожаный; 2 – план и разрез погребения; 3 – зеркало; 4 – серьга; 5 – вставка в перстень из стекла (?); 6 – бусина.* 7-9 – погребение 3: *7 – план погребения; 8 – бусы стеклянные; 9 – зеркало (фрагмент).* 10-12 – погребение 6: *10 – план погребения; 11-12 – серьги.* 13 – погребение 23.

Fig. 6. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-6 – burial 31: *1 – leather case; 2 – burial plan and cross section; 3 – mirror; 4 – earring; 5 – glass ring insert (?); 6 – bead.* 7-9 – burial 3: *7 – burial plan; 8 – glass beads; 9 – mirror (fragment).* 10-12 – burial 6: *10 – burial plan; 11-12 – earrings.* 13 – burial 23.

Abb. 6. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-6 – Grab 31: *1 – Lederfutteral; 2 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 3 – Spiegel; 4 – Ohrring; 5 – Glaseinlage in den Fingerring (?); 6 – Glasperle.* 7-9 – Grab 3: *7 – Lageplan der Bestattung; 8 – Glasperlen; 9 – Spiegel (Bruchstück).* 10-12 – Grab 6: *10 – Lageplan der Bestattung; 11-12 – Ohrringe.* 13 – Grab 23.

Dess. 6. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-6 – tombeau 31: *1 – gaine en cuir; 2 – plan et section du tombeau; 3 – miroir; 4 – boucle d'oreille; 5 – enchâssement de bague en verroterie (?); 6 – perle.* 7-9 – tombeau 3: *7 – plan du tombeau; 8 – perles en verroterie; 9 – miroir (fragment);* 10-12 – tombeau 6: *10 – plan du tombeau; 11-12 – boucles d'oreille.* 13 – tombeau 23

– Бусы (низка) состояли из нескольких видов. Три из них имели форму уточек. Уточка А (рис.13, 10а) сделана из стекла бело-серого цвета с зеленоватым оттенком. Имеет горизонтально сплюснутый хвостик, округлую грудку, круглую головку с намеченным носиком и глазами. Через голову книзу идет отверстие небольшого диаметра. Высота уточки – 0,9 см, Д. – 1,3 см (рис.13, *10*). Уточка Б (рис.13, 10б) отличалась от первой только цветом стекла, из которого была изготовлена. Точно установить цвет трудно, так как поверхность предмета сильно окислена. Наиболее вероятно, что цвет бусины был или светло-зеленый или салатный. Еще одна уточка(?) (рис.13, 10в) сохранилась фрагментарно. Она была изготовлена из непрозрачного стекла желтоватого цвета с розовым отливом.

Две бусины из голубого стекла имели форму неправильных вытянутых цилиндров с огранкой (рис.13, *13*). Среди набора выделяется девять мелких бусин, изготовленных при помощи навивки. Абсолютное большинство их сделано из желтовато-зеленого стекла и имеет неправильную форму, колеблющуюся от биконической до яйцеобразной с уплощенными основаниями. Из них одна бусина темная, что возможно обусловлено цветом ее стекла. Большинство бусин – перламутровые неправильно-шарообразной формы неодинаковых размеров (рис.13, *14*).

– Бронзовые пуговицы-застежки (3 шт.) с округлым туловом и выделенными овальными петлями. ∅ тулова – от 0,7-0,85 до 0,68-0,8 см (рис.13, *11*).

Погребальный обряд

Внешние признаки погребений на некрополе отсутствовали, но в древности могилы, очевидно, как-то были обозначены, так как в их расположении наблюдается система: на обоих участках прослеживаются ряды, идущие вдоль длинной оси склонов. Случаев прямой стратиграфии между погребениями не зафиксировано. Более того, все они располагались друг от друга примерно на равных расстояниях, составляющих 3-4 м (рис.2).

Из 38 обнаруженных погребений к мужским по инвентарю можно отнести 7 (пп.2, 7, 12, 19, 25, 27, 37), к женским – 9 (пп.1, 4, 6, 8, 26, 28, 29, 31, 38). Детских – пять (пп.3, 22, 30, 35, 36). Остальные при отсутствии антропологических данных определить пока не представляется возможным. Кроме того, 2 комплекса (пп.1, 12) полностью разрушены во время строительных работ. Удалось собрать только инвентарь этих погребений.

Памятник визуально делится на 2 компактные группы могил – западную и восточную. При этом резко бросается в глаза их неравномерность. Восточная – гораздо более представительна.

Все захоронения по ориентировке умерших можно разделить на 4 группы. Самая многочисленная представлена погребениями, ориентированными на СВ (19). Это погребения: 3, 5-9, 11, 19, 25-29, 31, 32, 34-36, 38. Затем следует группа с западной ориентировкой (10): пп.2, 10, 13-15,17, 22, 24, 33, 37. На СЗ ориентировано 3 умерших (пп.16, 18, 21). Остальные распределяются так: на В – 1 (п.4), СВВ – 1 (п.30), ЮЗЗ – 1 (п.20) и С – 1 (п.23).

Захороненные с ориентацией в восточный сектор (всего 21) ощутимо превышают по своему количеству комплексы с ориентировкой в западный сектор (14). В них сосредоточено явное большинство обнаруженного в могильнике инвентаря. Наиболее представительным по количеству и категориям вещей является погребение 7. Только три захоронения с восточной ориентировкой умерших (пп.5, 11, 30) не имеют сопроводительного инвентаря. В нескольких комплексах есть по 1-3 предмета.

Отсутствие или почти полное отсутствие вещей в ряде погребений с восточными ориентировками (пп.4, 5, 9, 11, 30, 32, 36) может свидетельствовать о том, что требования исламских норм (если они вообще имели место в погребальной обрядности относительно этой группы умерших) отражены в каждом конкретном случае индивидуально. В одних это могло проявляться в изменении некоторых прежних традиционных норм в организации пространства могильной ямы и положения умерших и приведения их в соответствие с особенно-

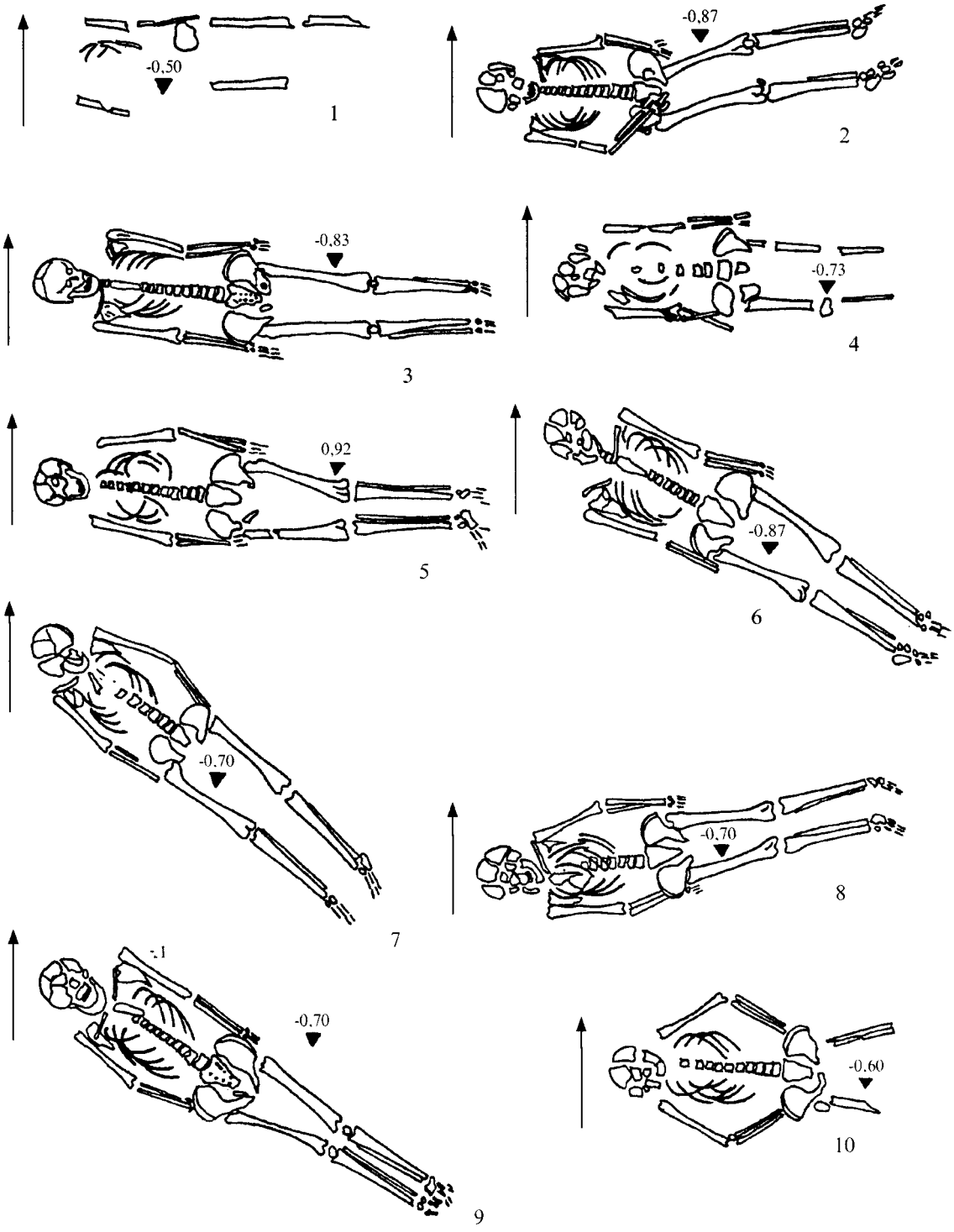

Рис. 7. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1 – погребение 10; 2 – погребение 13; 3 – погребение 14; 4 – погребение 17; 5 – погребение 15; 6 – погребение 16; 7 – погребение 18; 8 – погребение 20; 9 – погребение 21; 10 – погребение 24.

Fig. 7. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1 – burial 10; 2 – burial 13; 3 – burial 14; 4 – burial 17; 5 – burial 15; 6 – burial 16; 7 – burial 18; 8 – burial 20; 9 – burial 21; 10 – burial 24.

Abb. 7. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1 – Grab 10; 2 – Grab 13; 3 – Grab 14; 4 – Grab 17; 5 – Grab 15; 6 – Grab 16; 7 – Grab 18; 8 – Grab 20; 9 – Grab 21; 10 – Grab 24.

Dess. 7. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1 – tombeau 10; 2 – tombeau 13; 3 – tombeau 14; 4 – tombeau 17; 5 – tombeau 15; 6 – tombeau 16; 7 – tombeau 18; 8 – tombeau 20; 9 – tombeau 21; 10 – tombeau 24

тями внедрения ислама в сознание общины, оставившей данный могильник, а в других – в применении необходимых типов могильных ям или в устранении инвентаря. Иногда реализовывались сразу все указанные требования и, возможно, другие.

Погребения с инвентарем как с западной, так и восточной ориентировками есть в обеих частях могильника, тогда как с безынвентарными фиксируется иная ситуация. Подобные погребения с западной ориентировкой (за исключением разрушенного п.10, где теоретически также мог быть инвентарь, а ориентация, возможно, установлена ошибочно) сосредоточены исключительно в восточной части могильника. Так же обособленно выглядят и четыре захоронения в северной части западной группы могильника (пп.4, 5, 9, 11). Все они ориентированы в восточный сектор и то ли вообще не имеют инвентаря (пп.5, 11), то ли сопровождающие их вещи представлены единичными находками: серьгой (п.9) и бусиной (п.4). Относительно компактно размещены и детские погребения. Четыре из пяти устроены в южной части могильника (пп.3, 30, 35, 36) и только п.22 (возможно, это был ребенок более старшего возраста) находилось в северной.

Стоит отметить и два погребения, устроенных в самой северной (поздней) зоне восточной части могильника и с наших исследовательских позиций кажущихся как бы не на своем месте. Это п.32 с ориентировкой умершего на СВ, где обнаружен только один нож, и п.12 – полностью разрушенное с четырьмя предметами (нож, пряжка, кресало и кресальный кремень). Их расположение на "мусульманском" участке некрополя объяснить однозначно довольно сложно (такие случаи также известны и на других памятниках). Однако и просто назвать этот факт неким исключением из правил, в виду полного, на наш взгляд, отсутствия у древних такого понятия, как исключение, не хотелось бы. Закономерность в любом случае есть и, возможно, она скрывается за неутешительными событиями, связанными с последней фазой функционирования могильника, когда выполнять те или иные нормы обрядности становилось уже не настолько обязательным, как раньше. Какого-либо территориального размежевания могил по полу или другим признакам нам не удалось проследить.

Безынвентарные грунтовые погребения, входящие в могильники эпохи Золотой Орды, исследователями, обычно, определяются как мусульманские. При выявлении особенностей такой обрядности погребенных, в частности, и могильников, в целом, их этническая атрибуция является наиболее проблематичной частью. Проблема усиливается еще и тем, что западная ориентировка погребенных и некоторые позиции рук и ног как обязательное требование мусульманской обрядности, нередко оказывается лишь совпадением старых (языческих) этнических традиций с канонами ислама или нормами христианства (Евглевский А.В., 1990, с.134). Многообещающим компонентом исследования в таких случаях всегда будет анализ антропологического материала. Однако для могильника Ляпинская балка его привлечение пока находится в плоскости перспективы. Если еще учесть, что не сохранились формы надмогильных сооружений, а погребальные конструкции представляют из себя простые ямы или вообще не прослеживаются, то в таких условиях нам остается лишь анализировать способ трупоположения умерших.

К числу погребений могильника, устроенных с чертами мусульманского обряда (не путать с ортодоксальной обрядностью), в первую очередь, относим 11 безынвентарных комплексов с ориентацией умерших в западный сектор (пп.10, 13-18, 20, 21, 24, 33). Оговоримся, что в одном погребении (п.21) у левого плеча умершего были обнаружены фрагменты свинцового (?) изделия непонятной формы и назначения, которые трудно интерпретировать как инвентарь, и, к тому же, фрагменты могли попасть в могилу с помощью землеройных животных. Поэтому мы сочли возможным отнести это захоронение к мусульманскому кругу. Кроме некоторого различия в ориентировках умерших, возможно, связанных с сезонными отклонениями, положения скелетов, в целом, едины: ноги во всех случаях вытянуты, но лишь в пяти они сближены в коленях, что, видимо, свидетельствует о пеленании умерших перед захоронением (пп.14, 15, 16, 20, 21); руки в четырех случаях (пп.14-17) также вытянуты и плотно прижаты к туловищу; у 7 из 11 погребенных одна или обе руки в разной степени согнуты в локтях. В тех случаях, где хорошо определяется позиция лица умерших, они направлены вверх (пп.13-15, 21). У двух погребенных лица повернуты вправо, т.е. к югу (пп.20, 24). В трех погребениях (пп.16-18) ориентацию лица установить невозможно. Выясняя мусульманские признаки в обрядности погребенных в Ляпинской балке, отметим, что среди позиций умерших нет такой языческой черты, как укладка рук на поясе, трактующаяся исследователями как отклонения от нормы, и отмечаемая даже, на хорошо известных могильниках. Нет в позициях

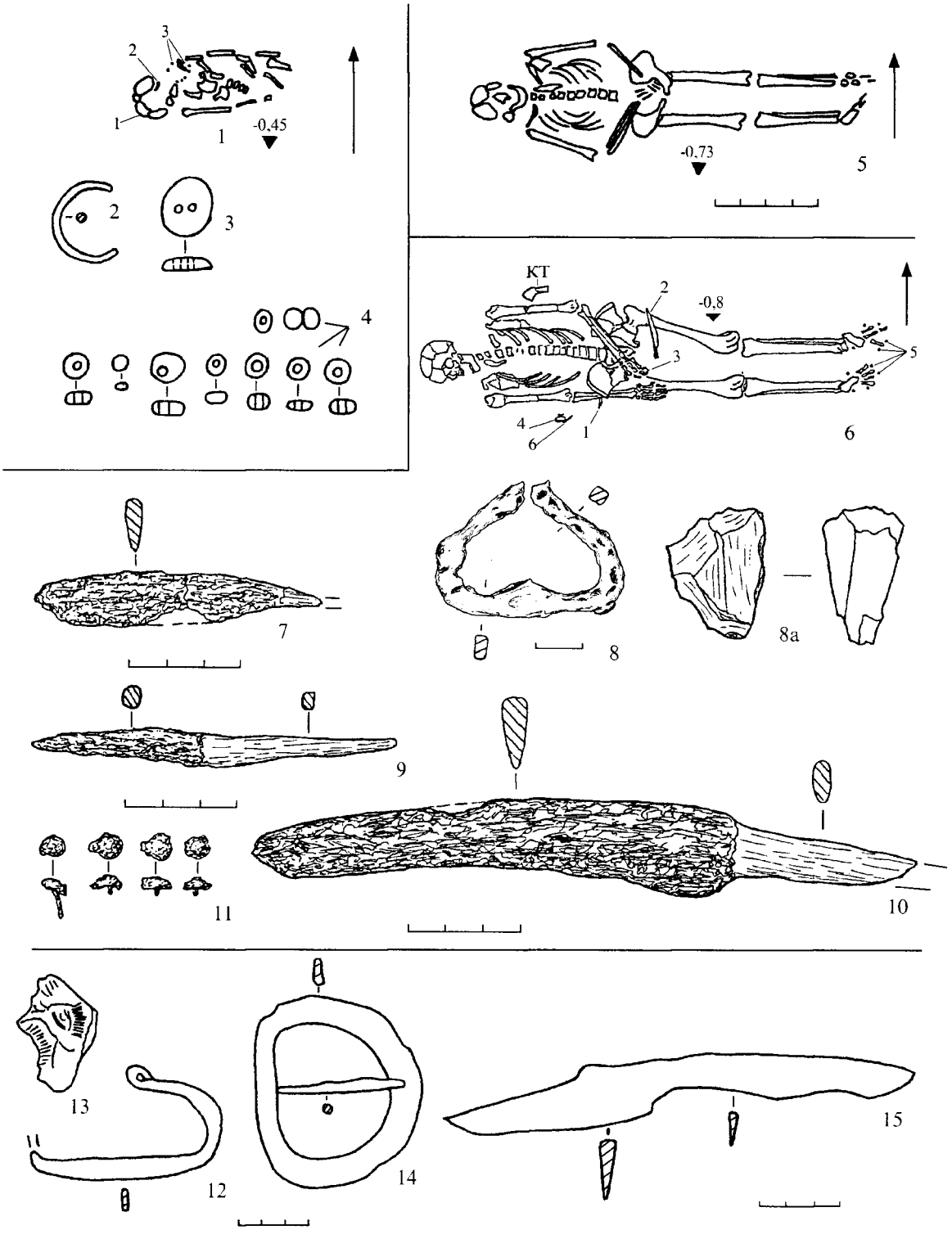

Рис. 8. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-4 – погребение 22: *1 – план погребения; 2 – серьга медная; 3 – пуговица стеклянная; 4 – бусы стеклянные.* 5 – погребение 33. 6-11 – погребение 37: *6 – план погребения; 7 – нож (фрагмент); 8 – кресало; 8а – кремень; 9 – шило; 10 – нож; 11 – заклепки железные.* 12-15 – вещи из разрушенного погребения 12: *12 – кресало; 13 – кремень; 14 – пряжка поясная; 15 – нож.*

Fig. 8. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-4 – burial 22: *1 – burial plan; 2 – copper earring; 3 – glass button; 4 – glass beads.* 5 – burial 33. 6-11 – burial 37: *6 – burial layout; 7 – knife (fragment); 8 – steel for striking sparks from flint and 8a – flint; 9 – awl; 10 – knife; 11 – iron rivets.* 12-15 – objects from the destroyed burial 12: *12 – steel for striking sparks from flint; 13 – flint; 14 – belt buckle; 15 – knife.*

Abb. 8. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-4 – Grab 22: *1 – Lageplan der Bestattung; 2 – Kupferner Ohrring; 3 – Knopf aus Glas; 4 – Glasperlen.* 5 – Grab 33. 6-11 – Grab 37: *6 – Lageplan der Bestattung; 7 – Messer (Bruchstück); 8 – Schlagfeuerzeug; 8a – Feuerstein; 9 – Ahle; 10 – Messer; 11 – Eisennieten.* 12-15 – Funde aus dem ausgeraubten Grab 12: *12 – Schlagfeuerzeug; 13 – Feuerstein; 14 – Gürtelschnalle; 15 – Messer.*

Dess. 8. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-4 – tombeau 22: *1 – plan du tombeau; 2 – boucle d'oreille en argent; 3 – bouton en pâte de verroterie; 4 – collier en pâte.* 5 – tombeau 33. 6-11 – tombeau 37: *6 – plan du tombeau; 7 – couteau (fragment); 8 – briquet; 8a – silex; 9 – alêne; 10 – couteau; 11 – rivet en fer.* 12-15 – objets trouvés dans le tombeau ruiné 12: *12 – briquet; 13 – silex; 14 – fibule de ceinture; 15 – couteau*

всех 11 рассматриваемых погребенных и завала на правый бок, свойственного для ортодоксальной мусульманской обрядности.

К числу погребений с чертами мусульманской обрядности с большой степенью вероятности можно отнести и п.37, где, кстати, представлен небольшой набор инвентаря (кресало и кремень к нему, два ножа, шило, заклепки от обуви). Умерший мужчина: 1) ориентирован головой на запад; 2) лицом к югу (на кыблу); 3) правая рука согнута, а левая, согнутая в локте, диагонально пересекая таз лежит на правом бедре. Эти признаки полностью согласуются с признанной Е.А.Халиковой вариативностью реконструированного ею мусульманского обряда Волжской Болгарии (Халикова Е.А., 1986). Что касается вещей, то совершенно прав И.Л.Измайлов, который напоминает, что "запрета на положение вещей в могилу нет ни в хадисах, ни в шариате, ни в поздних установлениях и трактовках. Это как бы подразумевается само собой. Все дело в том, что умерший мусульманин должен быть погребен в специальной одежде (или завернут в саван), что предполагает, как правило, отсутствие деталей одежды, бытовых вещей и даже украшений. Как правило, но не как категорический запрет. При этом надо учитывать, что с точки зрения мусульман вещи не были "нечистыми" и не могли осквернить могилы" (Изложение начал..., 1850, с.70-71; цит.: Измайлов И.Л., 2001, с.64). Указанный блок признаков п.37, характеризующих мусульманскую обрядность, полностью сводит на нет значение наличия в могиле вещей.

Близкие позиции захороненных в могильнике Ляпинская балка в большом количестве зафиксированы на многих грунтовых могильниках. Но упомянем лишь один из наиболее показательных, с точки зрения интересующей нас так называемой переходной обрядности, имеющей место в публикуемом могильнике, – некрополь у городища Верхний Джулат. Во всех 10 исследованных там могил, размещенных в мечети и рядом с ней, умершие лежат вытянуто на спине и ориентированы головами на З. Что же касается направленности лиц у последних, то, в отличие от погребенных из могильника Ляпинская балка, они во всех случаях устремлены на Ю, т.е. на кыблу (Милорадович О.В., 1963, с.82). Погребения, размещенные в столь святом месте, каким является мечеть, где умершие уложены на спине, т.е. не по ортодоксальной мусульманской норме, говорят сами за себя. Такие захоронения в средневековую эпоху не исчерпываются приведенным примерам и требуют, конечно же, особого рассмотрения, но это тема отдельного исследования.

Обрядность сопоставленных могильников невольно приводит нас к заключению о непоследовательности и постепенности (хотя и весьма кратковременной) конфессиональных перемен на ранних стадиях этого процесса, где наиболее диагностическим показателем является ориентировка человека на кыблу. Очевидно в происходившей религиозной переориентации оседающих кочевников не предусматривалось какой-то экстренной (коренной) ломки старых традиционных верований. Другими словами, на материалах могильника Ляпинская балка мы видим не только переходные черты от одной обрядности к другой, но, в известной степени, и процесс органичного, мирного проникновения мусульманских канонов в языческую среду, что невольно приводило к некой промусульманской религиозной форме вероисповедания. Две совершенно разнородные группы захоронений с разной обрядностью и целый ряд "промежуточных"(переходных) форм, если, конечно, последнее есть результат именно влияния ислама, а не какого-то иного процесса, "вытеснявшего" старые языческие традиции (схожего, например, с угасанием курганного обряда в позднекочевнической среде), сосуществовали в жизни поселка недолго. Все вместе они смогли вместиться в довольно краткий промежуток времени функционирования могильника, что уже само по себе свидетельствует о непростом процессе мировоззренческих перемен.

Рядом находящиеся погребения с ортодоксальным мусульманским обрядом и могилы с языческими чертами мы находим и на многих других грунтовых могильниках золотоордынской эпохи. В

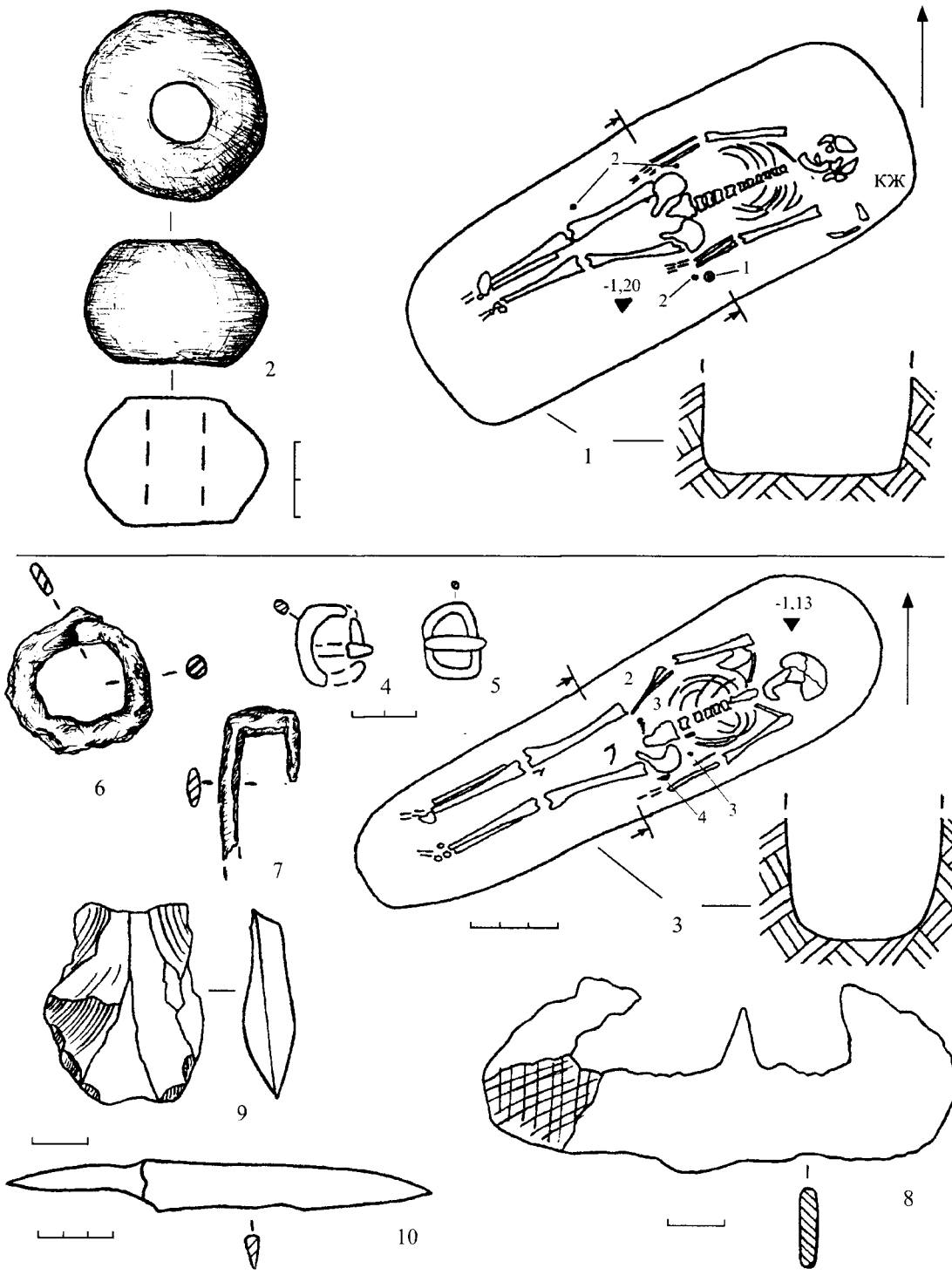

Рис. 9. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-2 – погребение 25: *1 – план и разрез погребения; 2 – булава железная;* 3-10 – погребение 27: *3 – план и разрез погребения; 4-5 – пряжки железные; 6 – кольцо железное; 7 – рамка от пряжки; 8 – кресало; 9 – кремень для кресала; 10 – нож.*

Fig. 9. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-2 – burial 25: *1 – burial plan and cross section; 2 – iron mace;* 3-10 – burial 27: *3 – burial plan and cross section; 4-5 – iron buckles; 6 – iron ring; 7 – buckle frame; 8 – steel for striking sparks; 9 – flint; 10 – knife.*

Abb. 9. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-2 – Grab 25: *1 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 2 – Eisenkeule;* 3-10 – Grab 27*: 3 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 4-5 – Eisenspangen; 6 – Eisenring; 7 –* Metallrahmen vom Schnallriemen; *8 – Schlagfeuerzeug; 9 – Feuerstein; 10 – Messer.*

Dess. 9. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-2 tombeau 25: *1 – plan et section du tombeau; 2 – massue en fer;* 3-10 – tombeau 27: *3 – plan et section du tombeau; 4-5 – fibules en fe r; 6 – anneau en fer; 7 – encadre ment de fibule; 8 – briquet; 9 – silex pour le briquet;10 – couteau*

частности, на мусульманском некрополе Селитренного городища раскопаны 2 погребения с ориентировкой умерших на восток; у некоторых других языческие черты проявляются в обращении лица вверх; в трех случаях при погребенных обнаружены вещи: две монеты, две височные подвески, бусы (Яблонский Л.Т., 1978, с.182). Подобные языческие "отклонения" Л.Т.Яблонский объясняет "некоторой слабостью мусульманизации населения Золотой Орды даже в ее столице" (Яблонский Л.Т., 1978, с.182). В целом соглашаясь с этим мнением, уточним, что речь, на наш взгляд, должна идти не столько о слабости пропаганды ислама и его внедрения в этом государстве (чему противоречит, например, большое количество культовых построек), сколько как о той или иной фазе его становления и характере распространения. Данный процесс в Золотой Орде шел на государственном уровне и по нарастающей, (в рамках всего Улуса Джучи, а не в отдельно взятом населенном пункте или этнокультурной группы), хотя и относительно долго. Всевозможные же черты языческого происхождения в погребальном обряде могильников – это следствие естественного процесса перехода с одной мировоззренческой платформы на другую, а каждое погребение на таких смешанных могильниках следует рассматривать индивидуально, устанавливая для них, прежде всего, хронологические позиции. Ведь совершенно очевидно, что процесс исламизации, особенно в условиях широких степных просторов, не мог на своих ранних стадиях полностью и равномерно поглотить старый менталитет, традиции, правила, нормы. Должно было пройти время, чтобы все унифицировалось под воздействием единого канона, причем такие переходные этапы для каждой этнокультурной группы протекали, в силу многих причин, различно. Практически также мыслит и И.Р.Газимзянов, который пишет, что вариабельность на раннемусульманских могильниках следует объяснять многокомпонентностью происхождения тех или иных обрядовых групп и разных культурных традиций (Газимзянов И.Р., 2001, с.135).

Таким образом, утверждение Е.А.Халиковой, что всевозможные отклонения от норм ортодоксальной мусульманской обрядности не могут на полном основании находиться в рамках последней (Халикова Е.А., 1978, с.208), мы принять не можем. Не согласны мы и с мнением Г.М.Давлетшина, который пишет, что "ислам в Улусе Джучи, особенно в кочевых степях, распространялся долго, с большим трудом. Поэтому среди кочевников он укрепился лишь силовыми методами" (Давлетшин Г.М., 2001, с.129). Необходимо видеть разницу между процессом постепенной смены вероисповедания (отказ от веры, конечно же, был очень болезненным) и силовыми методами распространения ислама. Относительно легко и быстро сменить ее могла лишь верхушка Золотой Орды, но не массы населения Степи с особенностями его консервативной народной культуры. Об этом может косвенно свидетельствовать история принятия иудаизма в Хазарском Каганате. Необходимо определиться и относительно самого термина "отклонение" в контексте погребального обряда. Отклонения можно понимать и как пережитки язычества, и как варианты мусульманской обрядности на разных стадиях ее распространения и в разных условиях. Для широких слоев языческого населения Степи ислам, видимо, в большей степени, лишь рекомендовался, внедрялся, поощрялся и стимулировался, чем навязывался. Не требует доказательств и то, что процесс исламизации в городах шел значительно интенсивнее, последовательнее и строже, чем в Степи. Это и объясняет то, что мусульманские могильники городов представляют из себя совсем иное явление, нежели затерянные в степи небольшие поселковые могильники. Следование веяниям ислама в глухой сельской местности, находящейся вдалеке от крупных очагов распространения ислама, чем-то напоминает чеканку в провинции монет – подражаний центральным выпускам. Такие монеты нередко имели: небрежный внешний вид, нарушение веса и каллиграфии, грамматические ошибки. В целом же, распространение ислама в Улусе Джучи, рассматривалось ханами, в первую очередь, с геополитических целей, а не идеологических. Отсюда, а также по целому ряду других причин, археологически зафиксирована непоследовательность и поверхностность внедрявшихся норм ислама.

Сказать наверняка о том, оставлен ли могильник Ляпинская балка двумя или большим количеством этнокультурных групп – значит сделать поспешный вывод. Мы не знаем, какой был до исламизации предыдущий погребальный обряд той группы населения, которая оставила погребения, ориентированные в западный сектор. Поэтому мы не можем говорить о едином этнокультурном кол-

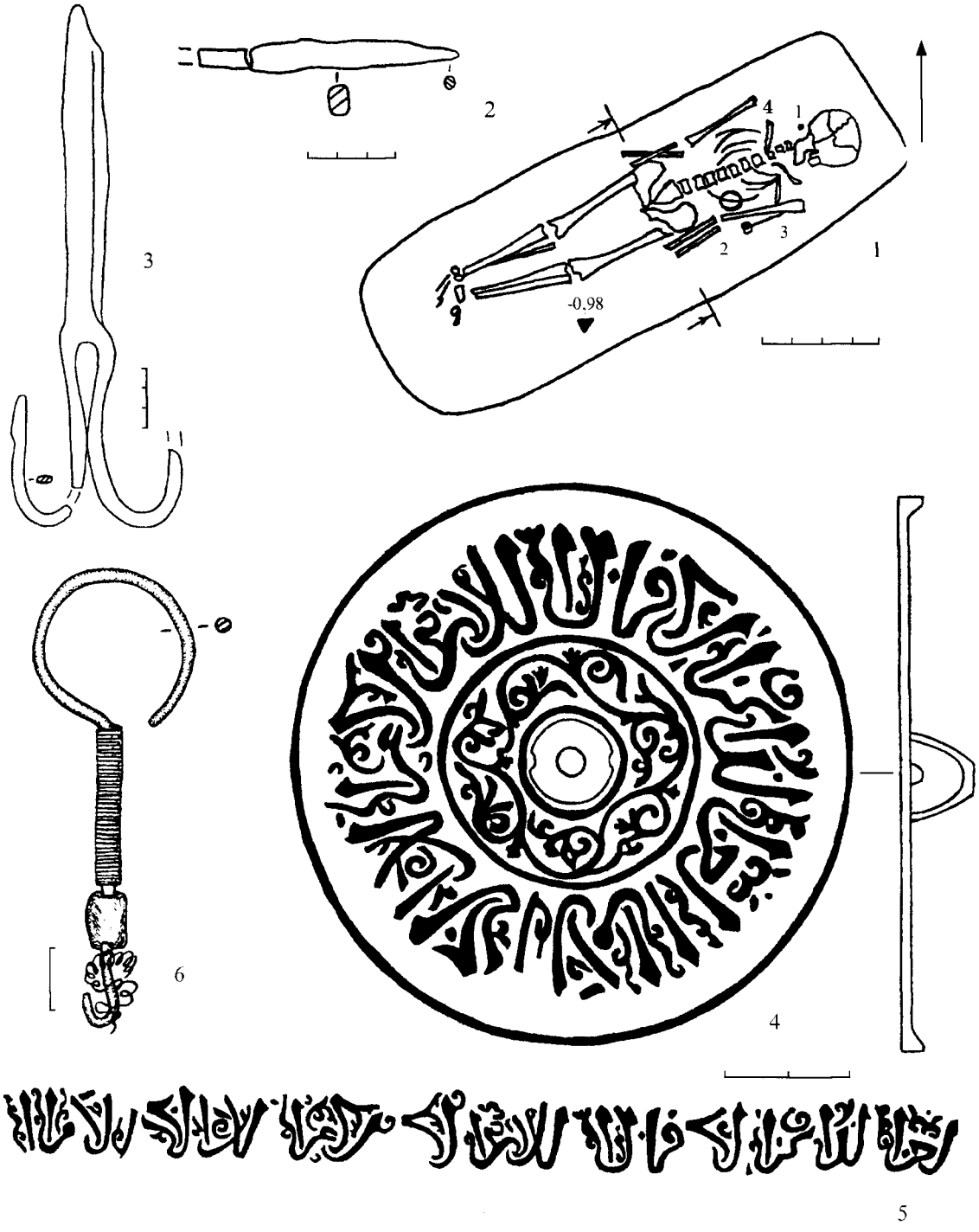

Рис. 10. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-6 – погребение 26: *1 – план погребения; 2 – шило; 3 – ножницы; 4 – зеркало; 5 – развертка надписи на зеркале; 6 – серьга (медная?).*

Fig. 10. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-6 – burial 26: *1 – burial plan; 2 – awl; 3 – scissors; 4 – mirror; 5 – mirror inscription display; 6 – (copper?) earring.*

Abb. 10. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-6 – Grab 26: *1 – Lageplan der Bestattung; 2 – Ahle; 3 – Schere; 4 – Spiegel; 5 – Spiegelbild der Aufschrift; 6 – Ohrring (Kupfer?).*

Dess. 10. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-6 – tombeau 26: *1 – plan du tombeau; 2 – alêne; 3 – ciseaux; 4 – miroir; 5 – décryptage de l'inscription sur le miroir; 6 – boucle d'areille (en cuivre ?)*

лективе, устроившем могильник, как и полностью отрицать это. Если мы предположим, что в поселке параллельно функционировала принципиально разная погребальная обрядность, то тогда необходимо учитывать как минимум три версии. Первая – возможно, на близлежащем от могильника поселении проживали разные этносы; вторая – следствие разных социальных групп; третья – внутри этнически однородного коллектива существовали разные мировоззренческие языческие традиции, корнями уходящие в глубь веков. Если же эти факторы в тех или иных пропорциях и комбинациях имели место одновременно (что нам представляется наиболее приемлемой версией), то тогда мнение А.О.Добролюбского о том, что единообразие золотоордынского обряда на том или ином могильнике является якобы отражением единоэтничности (Добролюбский А.О., 1985, с.91), принять никак нельзя. Единообразие обряда грунтовых могильников золотоордынского времени – это, как правило, лишь следствие какого-то социокультурного процесса, а причины – разные. Каковы были доисламские черты обрядности у того или иного коллектива, оставившего погребения данного могильника, установить, как мы уже указывали выше, довольно не просто. От того, каким было содержание (мировоззренческая нагрузка) этих признаков, мог зависеть и характер изменений, происходивших под воздействием исламизации.

Вовсе не означает, что в унифицированной обрядности не было вариаций. Наоборот, местные природные условия, социальная неоднородность, этнокультурные традиции, откуда, как и с каким содержанием шло проникновение ислама в Степь, конечно же, накладывали свой отпечаток на погребальную обрядность. Поэтому какая-то единая схема унифицирования обряда, как, например, упомянутая модель А.О.Добролюбского, вряд ли может быть приемлема для более полного считывания информации из источника.

В обрядности могильника Ляпинская балка осталось рассмотреть погребение человека с сильной степенью скорченности (п.23). Поиск аналогий такому погребению затруднен тем, что нередко исследователи позу на спине с сильной скорченостью ног непреднамеренно не разделяют с погребенными в сидячем положении. Поэтому нам трудно, например, понять, что имел в виду Ф.В.Баллод, который охарактеризовал погребение сидящего мужчины, обнаруженного в золотоордынском Укеке: "... положение мощного костяка совершенно определенно указывает на погребение в сидячем положении в нише в северо-западном конце могильной ямы..."(Баллод Ф.В., 1923, с. 22). Упомянем и единственное погребение сильно скорченного человека из огромного грунтового могильника Мамай-Сурка (п.31) (Ельников М.В., 2000, с.48). Подобные примеры можно было бы продолжить.

Анализ погребального инвентаря

Несмотря на то, что из 38 погребений могильника лишь половина представлена сопровождающим инвентарем, тем не менее на памятнике обнаружен, кроме обычных, ряд уникальных для грунтовых могильников золотоордынского времени Юго-Восточной Европы вещей.

Удила. Только в одном погребении (п.7), где представлен наиболее многочисленный и разнообразный инвентарь, обнаружены предметы конского снаряжения – стремена и удила, свидетельствующие о еще недавнем кочевом образе жизни умершего. В удилах, из-за плохой сохранности, отметить что-то специфическое трудно. Датировка определяется в довольно широких хронологических рамках: X-XIV вв.

Стремена. К сожалению, приходится констатировать, что к началу подготовки материалов могильника к публикации, стремена сильно расслоились. Поэтому по фрагментам одного из них сделан рисунок-схема (рис.5, *13*), а второе нам удалось воспроизвести, очевидно, без особых искажений (рис.5, *14*). Несмотря на плохую сохранность стремян, их можно отнести к родственным типам. Первое (рис.5, *13*) имеет более архаичный облик.

Поскольку у обоих стремян подножки относительно широкие (соответственно 5,5 и 5,6 см), а форма верхней части дужки одного из них достаточно округлая, то их с большой долей вероятности можно считать типично золотоордынскими вещами. Первое стремя (рис.5, *13*) с некоторой натяжкой можно отнести к типу EI. В известной классификации Г.А.Федорова-Давыдова такому типу стремени, как на рис.5, *14* (кстати, судя по нашим архивным данным, являющегося в этот период в восточноевропейских степях одним из наиболее распространенных), типологического места не нашлось. Наиболее близким ему можно считать тип EI (по Г.А.Федорову-Давыдову) с характерной для ляпинского экземпляра округлой верхней частью дужки и широкой подножкой, а также EII, у которого практически идентична округлая форма верхней и боковых дужек. Таким образом, стремена из могильника Ляпинская балка логично разместить между двумя упомянутыми типами по классификации Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.12). Кстати, все приведенные ученым аналогии относятся к XIV в., что довольно показательно, так как нередко типы стремян, близкие к EI и EII, исследователи ошибочно относят не только к XII-XIII вв., но даже к XI в.

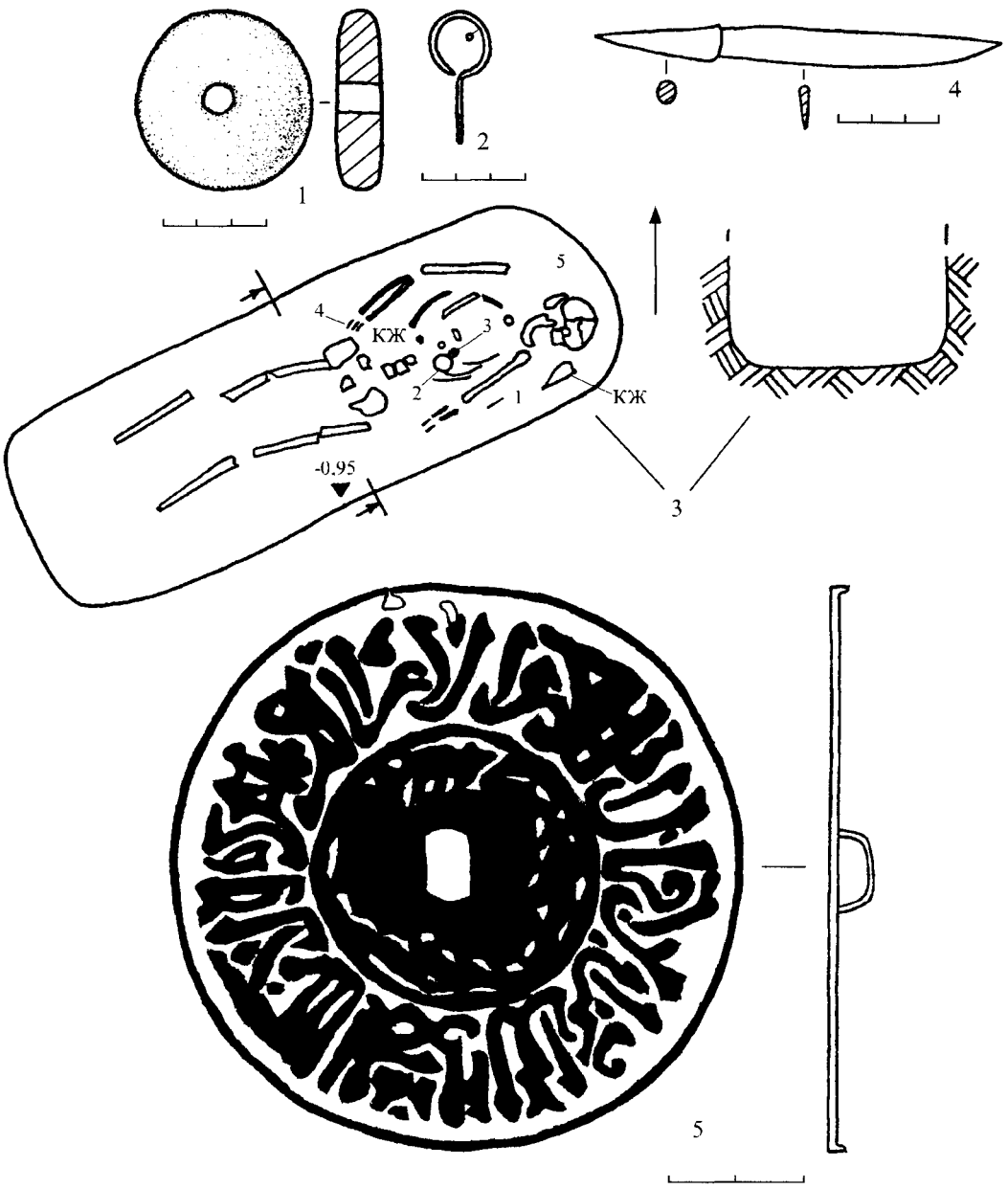

Рис. 11. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-5 – погребение 28: *1 – пряслице; 2 – серьга; 3 – план и разрез погребения; 4 – нож; 5 – зеркало.*

Fig. 11. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-5 – burial 28: *1 – distaff; 2 – earring; 3 – burial plan and cross section; 4 – knife; 5 – mirror.*

Abb. 11. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-5 – Grab 28: *1 – Handrädchen; 2 – Ohrring; 3 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 4 – Messer; 5 – Spiegel.*

Dess. 11. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-5 – tombeau 28: *1 – engin à filer; 2 – boucle d'oreille; 3 – plan et section du tombeau; 4 – couteau; 5 – miroir*

Лук. Остатки луков в археологических памятниках – чрезвычайно редкая находка. Чаще всего из-за крайне неудовлетворительного состояния о них практически ничего нельзя сказать. Так же обстоит дело и с луком из Ляпинской балки (п.7). Отсутствие в погребении каких-либо костяных или металлических деталей от него (сохранился лишь деревянный тлен) позволяет считать его простым луком.

В 60 гг. XX в. Г.А.Федоров-Давыдов отмечал, что простой лук в погребениях поздних кочевников не зафиксирован (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.25). Возможно, с тех пор такие находки стали известны, однако, мы об этом можем утвердительно говорить лишь только относительно экземпляра из Ляпинской балки.

Колчан. Костяные и реже металлические детали (дерево и кожа практически никогда не сохраняется), сохранившиеся от колчанов, – относительно частая находка в подкурганных позднекочевнических памятниках. В грунтовых могильниках они встречаются несравненно реже.

Колчан из п.7, по-видимому, был изготовлен из двух слоев плотной бересты и имел деревянное или берестяное днище (круглое или овальное). Обнаруженные рядом с колчаном два железных кольца, очевидно, являлись деталями его крепления. Мы полагаем, что внутрь колчана по всей его длине вставлялась деревянная планка, к которой приклепывались упомянутые железные кольца. Предназначалась такая конструкция для подвешивания колчана к поясу или через плечо на перекидном ремне.

Укладку колчана на правой ноге погребенного, возможно, следует понимать так, что он носился воином с правой стороны, тогда как лук, в таком случае, должен быть подвешен слева. Для удобства пользования колчаном в бою его могли подвешивать на ремне через левое плечо так, чтобы он находился с правого бока, карманом на уровне локтя (Медведев А.Ф., 1966, с.22).

Наконечники стрел. В могильнике они обнаружены в 3 погребениях (п.2 – рис.3, *11*; п.19 – рис.4, *11*; п.7 – рис.5, *2*). В двух комплексах их местонахождение известно: в п.7 – найден в колчане, лежащем на правой ноге; в п.2 – под кистью левой руки. В п.19, частично разрушенном, положение наконечника напротив правой плечевой кости, возможно, следует считать не in situ. Два железных бронебойных наконечника (пп.7 и 19) типичны для позднезолотоордынского времени, а в раннезолотоордынский период они встречаются несравненно реже. Воин, защищенный панцирем, распространение которых в Восточной Европе М.В.Горелик совершенно верно увязывает с золотоордынским временем (Горелик М.В., 1983), был все же уязвим, если в него попадали стрелой с таким наконечником.

Крайне интересен кремневый наконечник из п.2; он заполирован, что может свидетельствовать о долгом его ношении в сумке вместе с прочими предметами. Возможно, он был задействован в комплексе в качестве оберега. В любом случае нахождение кремневого наконечника стрелы в погребении эпохи развитого средневековья привлекает к себе особое внимание.

Навершия булав (боевые гири). Эти предметы вооружения в памятниках золотоордынского времени встречаются довольно редко. В могильнике Ляпинская балка навершия булав (их еще можно назвать боевыми гирями) обнаружены дважды (пп.19, 25), а оригинальность этих находок предопределило наше повышенное к ним внимание. В обрядности обоих погребений много общего: во-первых, они расположены в одной (восточной) части могильника; во-вторых, погребения ориентированы идентично – на СВ; в-третьих, они весьма бедны по инвентарю (2 и 4 предмета соответственно); в-четвертых, навершия булав были обнаружены у пояса, хотя и с разных сторон погребенных.

Подавляющее большинство наверший булав обнаружено на Северном Кавказе. Они, а также большая группа другого ударного (родственного булавам) оружия, совсем недавно были опубликованы Е.И.Нарожным и Д.Ю.Чахкиевым (Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 2003, с.126-127, рис.1, 2).

Один экземпляр из Ленинохабльского могильника в Адыгее весьма схож с булавой из п.25 (рис.9, *2*), хотя последняя более приземистой формы и не с такими сильно округленными боками, как ленинохабльская (Тарабанов В.А., 1984). Близкий экземпляр приведен в упомянутой публикации Е.И.Нарожного и Д.Ю.Чахкиева, только непонятно, где он обнаружен: в могильнике "Мохде" или в Эгикальском склеповом могильнике. Предмет имел железный гвоздь для крепления с древком (Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 2003, с.144, рис.2, *2*).

Еще одно навершие близкого типа происходит из Поволжья, но оно имеет гораздо более выраженные острые боковые грани (Федоров-Давыдов Г.А., 1994).

Второму навершию булавы из могильника Ляпинская балка (п.19, рис.4, *12*) близок экземпляр в виде уплощенного шара из Эгикальского склепового могильника. Правда, это навершие несколько большего диаметра и с гораздо более округлыми боками (Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 2003, рис.2, *6*).

Предмет (∅ – 3,7 см, Н – 2,8 см, ∅ отверстий: на входе – 0,9 см, на выходе – 0,6 см), происходящий из заполнения помещения 5 салтово-маяцкого слоя городища Сидорово, практически идентичен навершию из п.25 не только по своим параметрам и конфигурации, но и сильной степенью корродированности (Кравченко Э.Е., 2002, рис.18,

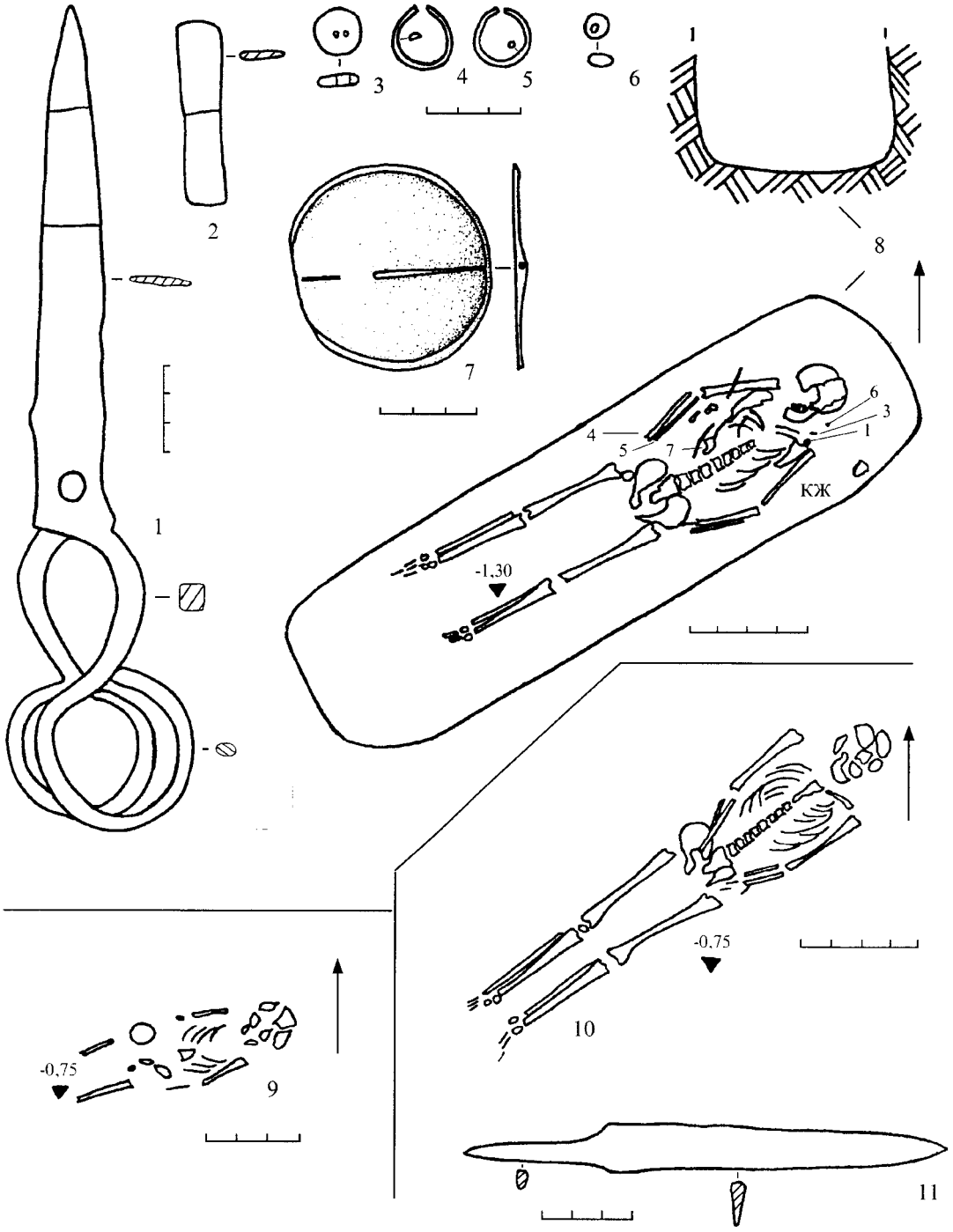

Рис. 12. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-8 – погребение 29: *1 – ножницы; 2 – пластина железная; 3 – пуговица стеклянная; 4-5 – кольца серебряные (?); 6 – бусина стеклянная; 7 – зеркало; 8 – план и разрез погребения.* 9 – погребение 30. 10-11 – погребение 32: *10 – план погребения; 11 – нож.*

Fig. 12. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-8 – burial 29: *1 – scissors; 2 – iron plate; 3 – glass button; 4-5 – silver (?) rings; 6 – glass bead; 7 – mirror; 8 – burial plan and cross section.* 9 – burial 30. 10-11 – burial 32: *10 – burial plan; 11 – knife.*

Abb. 12. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-8 – Grab 29: *1 – Schere; 2 – Eisenplatte; 3 – Glasknopf; 4-5 – Silberringe (?); 6 – Glasperle; 7 – Spiegel; 8 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung.* 9 – Grab 30. 10-11 – Grab 32: *10 – Lageplan der Bestattung; 11 – Messer.*

Dess. 12. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-8 – tombeau 29: *1 – ciseaux; 2 – plaque en fer; 3 – bouton en verroterie; 4-5 – anneaux en argent (?); 6 – perle en pâte de verroterie; 7 – miroir; 8 – plan et section du tombeau. 9 – tombeau 30. 10-11 – tombeau 32: 10 – plan du tombeau; 11 – couteau*

3). Невольно напрашивается мысль, что эти две вещи могли быть сделаны в единых производственных традициях, и, если бы не относительно большое расстояние между местами находок, и не совершенно разные эпохи, то версия о происхождении их из одной мастерской выглядела бы вполне убедительно.

Очень близкая аналогия булаве из п.19 происходит из числа случайных находок, обнаруженных на Царином городище (с.Маяки) в среднем течении р.Северский Донец. Место находки этой булавы локализуется на золотоордынском участке городища, где материалы ранее 2-й пол.XIV в. не встречаются. Параметры царинского навершия таковы: ∅ – 4,7 см, Н – 3,6 см, ∅ отверстия – 1,9 см (Фонды Славянского краеведческого музея Донецкой области. Шифр КСМ 14952/а-487) (Фонды Славянского краеведческого музея Донецкой области. Шифр СКМ 14952/а-487).

Находка булавы, подобной навершию из п.19, известна в подкурганном погребении знатного кочевника у с.Родионовка 3/1, четко датирующимся джучидскими монетами сер.XIV в. Она отличалась от изделия в Ляпинской балке лишь несколько большими размерами (∅ – 5,2 см, Н – 4 см, ∅ отверстий: на входе – 2,0 см, на выходе – 1,7 см). У родионовской булавы сохранилась деревянная рукоять длиной 88 см, а также железный четырехгранный гвоздь, служивший клином, соединяющим рукоять и навершие (Кубышев А.И. и др., 1982).

В связи с упоминанием последней находки отметим, что если она, без всяких сомнений, использовалась как боевое оружие, то оба предмета из Ляпинской балки так трактовать с полной уверенностью нельзя, поскольку они имели значительно меньшую массу, чем родионовская булава, и внешне выглядят совершенно невнушительно (высота по 3 см, диаметр – 4 и 4,7 см). Хотя обращает на себя внимание диаметр отверстия для древка, который равен у изучаемых наверший соответственно 1,6 и 2,0 см. Это означает, что если у этих булав были древки, то они, очевидно, имели (пропорционально массе) несколько меньшую длину, чем родионовская, т.е. примерно 60 см (п.25) и 70 см (п.19). Естественно, ощутимо меньшей была и убойная сила ляпинских булав. Нельзя исключать и того, что древков у этих наверший не было. Тогда навершие могло подвешиваться на ремне или цепи и служить боевой гирей. Последнее предположение косвенно укрепляет мнение, высказанное Д.Ю.Чахкиевым, С.А.Головановым, Е.И.Нарожным. Они пишут, что булавы могли применяться и в качестве метательного оружия. В боевой обстановке они были одинаково удобны как пешим, так и конным воинам (Чахкиев Д.Ю., 1986, с.73). В любом случае отмеченные для булав и др. параметры из могильника Ляпинская балка были вполне подходящими для того, чтобы применять эти предметы в бою. Другое дело, в каком конкретно сражении их логично было использовать, точнее говоря, против какой экипировки противника такое оружие будет эффективно. Ясно, что тяжело вооруженного воина им не одолеть, но против легко оснащенного и даже "средней" защищенности противника такие булавы (гири) вполне могли быть применены.

К XV в. этот вид оружия, не успев в полной мере занять свое место в арсенале кочевников, выходит из боевого назначения. "Подобные предметы начинают превращаться в своего рода символы социальной иерархии, становятся почетным оружием, что, впрочем, было характерно и для территории Руси, а еще позднее – для казачьих образований Северного Кавказа, сохранивших булавы именно в таком значении" (Науменко В.Е., Фролов Б.Е., 2001; цит. по: Нарожный Е.И., 2003, с.137). Косвенно об указанной тенденции может свидетельствовать то, что в булавах из Ляпинской балки отсутствуют железные гвозди или другие приспособления, которые скрепляли бы навершия с рукоятями. То есть булавы, в принципе, могли быть положены в погребения в качестве символа. Другими словами, эти предметы, может быть, совсем недавно утратили свою первоначальную (боевую) функцию и теперь, возможно, лишь напоминали о былой военной службе умершего. Если древние мыслили примерно так, как мы сейчас, то в таком случае булавам необходимо было придать соответствующий облик, например, повредить или положить в несвойственное для предмета место в могиле, или "организовать" с их участием некую комбинацию вещей. Впрочем такого рода "преобразования" вещей в погребальном обряде не исчерпываются приведенными формами. Другое дело, что в условиях угасания позднекочевнического курганного обряда во 2-й пол.XIV в., когда, кстати, всевозможные преобразования вещей были и гораздо более выражены, и разнообразнее, чем в грунтовых могильниках, та-

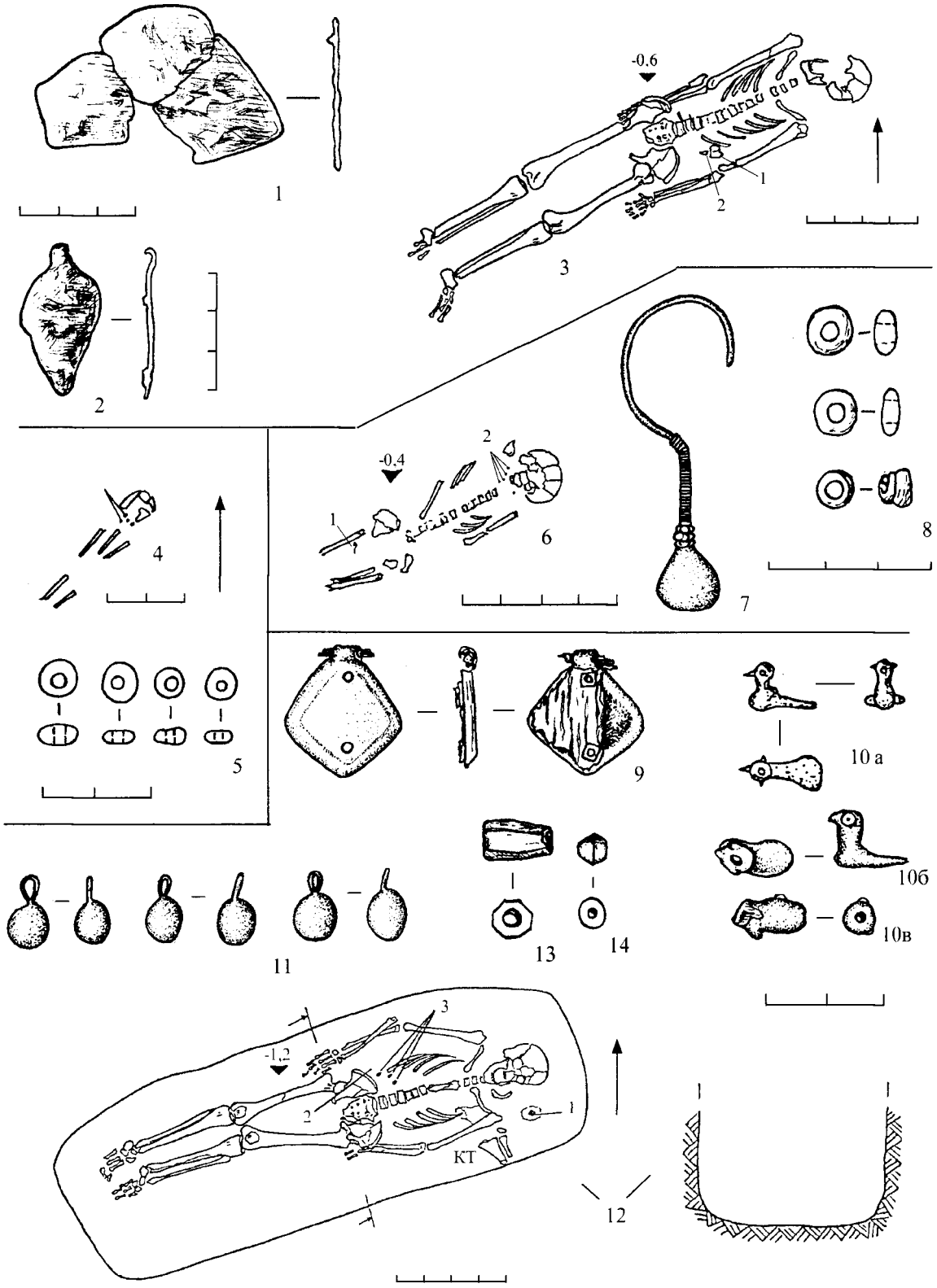

Рис. 13. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-3 – погребение 34: *1 – пластина железная; 2 – застежка железная; 3 – план погребения.* 4-5 – погребение 36: *4 – план погребения; 5 – бусины стеклянные.* 6-8 – погребение 35: *6 – план погребения; 7 – серьга; 8 – бусины стеклянные.* 9-14 – погребение 38: *9*

– подвеска бронзовая; 10а-в – фигурки в виде уточек из пасты; 11 – бубенчики бронзовые; 12 – план и разрез погребения; 13 – бусина стеклянная; 14 – бусина перламутровая.

Fig. 13. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-3 – burial 34: *1 – iron plate; 2 – iron clasp; 3 – burial plan.* 4-5 – burial 36: *4 – burial plan; 5 – glass beads.* 6-8 – burial 35: *6 – burial plan; 7 – earring; 8 – glass beads.* 9-14 – burial 38: *9 – bronze pendant; 10a-в – paste figurines in the form of ducks; 11 – bronze little bells; 12 – burial plan and cross section; 13 – glass bead; 14 – pearl bead.*

Abb. 13. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-3 – Grab 34: *1 – Eisenplatte; 2 – Eisenspange; 3 – Lageplan der Bestattung.* 4-5 – Grab 36: *4 – Lageplan der Bestattung; 5 – Glasperlen.* 6-8 – Grab 35: *6 – Lageplan der Bestattung; 7 – Ohrring; 8 – Glasperlen.* 9-14 – Grab 38: *9 – Gehänge aus Bronze; 10а-в – Figuren in der Form von Wildenten aus Glaspaste; 11 – Schelle aus Bronze; 12 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 13 – Glasperlen; 14 – Perlmutterperlen .*

Dess. 13. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-3 – tombeau 34: *1 – plaque en fer; 2 – fibule en fer; 3 – plan du tombeau.* 4-5 – tombeau 36: *4 – plan du tombeau; 5 – perles en verroterie.* 6-8 – tombeau 35: *6 – plan du tombeau; 7 – boucle d'oreille; 8 – perles en pâte.* 9-14 – tombeau 38: *9 – pendentif en bronze; 10а-в* – figurines en *pâte de verre sous forme de canards; 11 – clochettes en bronze; 12 – plan et section du tombeau; 13 – perle en verroterie; 14 – perle*

кие черты функционирования вещей не всегда в достаточной степени археологически уловимы.

Что касается места изготовления ляпинских наверший булав, то их весьма несовершенные формы, обработка и качество металла означает, что они, вероятнее всего, производились в не очень развитом ремесленном месте. Таковым могло быть небольшое поселение Ляпинская балка, исследованное недалеко от могильника (материалы поселения опубликованы в данном сборнике).

Анализируя навершия булав, нельзя обойти стороной вопрос об их терминологии. Нередко из-за своих небольших размеров они атрибутируются исследователями как кистени. С этим вряд ли стоит соглашаться, так как кистени от булав отличаются, прежде всего, наличием у них петли для крепления к ремешкам или цепям. Если их все же отнести к особому виду кистеней, не имеющих петель, в таком случае крепежным устройством должно было бы служить что-то заменяющее. Так, на одном конце соединительного стержня, вставленного в отверстие навершия, все равно необходима будет какая-то петля, а на другом – нечто похожее на шляпку, которая не давала бы навершию двигаться. Однако подобные конструкции в развитом средневековье европейской Степи нам не известны. Фиксацию навершия с рукоятью с помощью ремня, просто продетого через отверстие, как это, например, сказано в статье А.В.Комара и О.В.Сухобокова (Комар А.В., Сухобоков О.В., 2000), конечно же, нельзя исключать, но эффективность такого безметаллического крепления была бы явно ниже. Во время удара ремень будет перетираться, а какая-либо кожаная петля, которая бы фиксировала навершие, может сыграть нежелательную амортизирующую роль. Или в свою фразу "просто подвешивались на ремешке" [подчеркнуто нами – А.Е., В.К.] упомянутые исследователи внесли другой смысл?

В связи с атрибуцией подобного рода вещей встает и следующий вопрос. Все возможные типы кистеней, как собственно и булавы, шестоперы, перначи, брусы, боласы, чеканы, буздыханы и другие типы ударного оружия, естественно, изготавливались исключительно из тяжелых твердых материалов (камень, чугун, железо и бронза), позволяющих нанести противнику силовой поражающий удар. Когда же кистенями или булавами называют предметы, похожие на них, но изготовленные из кости, рога и дерева, то это, по меньшей мере, просто не вяжется с их функцией. Их следует считать навершиями рукоятей плетей, посохов, жезлов и, возможно, иных вещей. Таким предметам, относящимся к различным культурным пластам древней и средневековой эпох, посвящены целые разделы в монографиях и специальные статьи.

Пластины от кожаного панциря. Это довольно редкие находки для грунтовых могильников; несколько чаще они встречаются в подкурганных кочевнических погребениях позднезолотоордынского времени. Своеобразным подтверждением этому (хотя по отношению к очень далекому от Северо-Восточного Приазовья региона) может служить мнение известного оружиеведа Ю.С.Худякова, который указывает, что пластины от кожаного панциря "в синхронных памятниках за пределами Минусинской котловины на сопредельных территориях нам не известны" (Худяков Ю.С., 1980, с.125). Такие пластины известны из материлов, происходящих, в основном, с территорий, находящихся далеко на востоке от интересующего нас региона. Совершенно идентичные нашим найдены в упомянутой Минусинской котловине (Абазы, Белый Яр). У Ю.С.Худякова они значатся как пластины 3 типа пластинчатого доспеха (Худяков Ю.С., 1980, с.121, табл.XLI). Судя по тому, что ляпинские пластины имеют всего по две заклепки, смещенные к одному из краев, то они, исходя из реконструкции Ю.С.Худякова, крепились к боковой части панциря, под плечом (Худяков Ю.С., 1980, с.118, табл.XXXIX; с.125, табл.XLIII).

Панцирь из Абазы автором находки А.Н.Липским был датирован X-XIV вв. (Худяков Ю.С., 1980, с.125), что является очень широкой датировкой, которая позволяет предполагать их длительное бытование в Сибирском регионе. В то же время в одной из своих работ М.В.Горелик отмечает, что Ю.С.Худяков (Худяков Ю.С., 1980, с.125) относит комплекс из Абазы к XII-XIII вв. (Горелик М.В., 1983, с.251). Однако Ю.С.Худяков ни на с.125, ни на других страницах в своей статье, такой более узкой даты, чем у А.Н.Липского, не дает. Сам же М.В.Горелик, опираясь на некоторые данные Я.И.Сунчугашева (Сунчугашев Я.И., 1979, с.133-134), относит этот памятник к XIII-XIV вв. (Горелик М.В., 1983, с.252). Несмотря на, очевидно, совершенно случайно получившуюся хронологическую путаницу, датировка М.В.Горелика не вызывает сомнения, поскольку из комплекса Абазы происходит чугунный котел, характерный именно для этого периода, что хорошо известно по литературе. В отмеченной статье М.В.Гореликом приведены такие же пластины, происходящие из Абакана, а также Крыма или Северного Кавказа (депаспортизированы), хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Их датировка – кон.XIV – XV в. – вряд ли может вызывать сомнения (Горелик М.В., 1983, с.252, 255).

Находка панцирных пластин из Ляпинской балки – новое подтверждение тому, что в самом кон.XIV – XV в. кольчуга в степной полосе Восточной Европы, как и на Руси, уступила место панцирю. Так, еще в 1959 г. А.Ф.Медведев писал, что в Новгороде в слоях XIV-XV вв. на 9 остатков пластинчатых доспехов приходится 1 обрывок кольчуги (Медведев А.Ф., 1959, с.173-175, 178-180). А одновременные слои в Пскове содержали только панцирные пластины (Кирпичников А.Н., 1971, с.16). Такое соотношение панцирей и кольчуг не является исключением и для памятников поздних кочевников. Но еще в сер.XIV в. ситуация была совсем иная, когда даже в очень богатых по инвентарю комплексах умершие, без сомнения, весьма знатного происхождения были одеты в кольчугу, кстати, гораздо менее дорогую, чем панцирь.

Хорошей сохранности пластинчатый доспех, принадлежащий кочевнику позднезолотоордынского времени, обнаружен и в одном из курганов у с.Джангала (Западно-Казахстанская обл.). Пластинки этого панциря имели отверстия с боков и по верхнему ровному краю (Синицын И.В, 1956).

Пластина неясного назначения. В.п.34 (рис.13, *1*) найдена еще одна фрагментированная железная пластина неясного назначения. Но, учитывая, что это – женское погребение, то пластина, на которой сохранилась заклепка, вероятно, была задействована в составе какого-то женского украшения.

Мини-сумочка. Сумочки, подобные обнаруженной в п.31, иногда встречаются в погребениях поздних кочевников, однако из-за того, что они изготавливались из кожи или ткани (или в их сочетании), то сохраняющиеся к моменту раскопок остатки, как правило, оказывались крайне непригодными для описания форм.

Кожаная сумочка 10x8 см с отворотом почти до середины высоты была найдена в кочевническом погребении XIV в. у с.Семенкин 16/1 на р.Сал (Ларенок В.А., 1992, с.180, рис.11, *4*). Похожая по форме сумочка, но несколько большего размера, приведена у Г.А.Федорова-Давыдова. Как и сумка из Ляпинской балки, она имела отворот, но не по всей высоте, а лишь до середины (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, рис.12, *7*, с.86). Исследователь отмечал, что четырехугольные кожаные, но большие сумки известны среди материалов Нового Сарая XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.86). Кстати, среди материалов кочевников Поволжья вообще оказалось большинство таких находок. Такого типа мини-сумки нам пока не известны в памятниках, датирующихся раньше, чем XIV в.

Кресала. В могильнике обнаружено 4 кресала. Среди них 3 калачевидных: с заостренным язычком (п.27), с закругленным (п.37) и без язычка (п.12), а также удлиненно-овальное (п.7). Такое количество кресал для грунтовых могильников – ощутимый показатель, так как больше (5 экз.) было найдено только в огромном могильнике Мамай-Сурка, расположенном на берегу Каховского водохранилища (Нижний Днепр). Другое дело, подкурганные погребения кочевников, где эта категория инвентаря встречается довольно часто. Так, на 2000 г. нам было известно 293 погребения с этой вещью, что составляет 13% от общего количества комплексов номадов (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.183).

Калачевидные кресала из могильника Ляпинская балка относятся к двум вариантам: с язычком (п.27, рис.9, *6*; п.37, рис.8, *8*) и без язычка (п.7, рис.8, *12*). У кресала из п.27 концы несомкнуты, прямые и заострены (рис.9, *6*), а у экземпляра из п.37 концы высоко подняты и утолщены (рис.8, *8*). Язычок у кресала из п.27 треугольный, высокий и узкий (рис.9, 6), а у экземпляра из п.37 он – приземистый, представляющий из себя плавный дуговидный бугорок. Примечательно, что эти два экземпляра (если их типологически раздробить на варианты), хотя довольно длительное время сосуществовали, тем не менее в крайних их хронологических границ несколько расходятся. В то время как кресала, подобные экземпляру из п.27, бытовали достаточно долго, то кресала, близкие экземпляру из п.37, только начинали распространяться. И наоборот, когда первые уже стали выходить из употребления, вторые находились на пике распространения. Основания у

таких кресал в местах перехода в концы имеют высокий округлый подъем. Сами концы высоко подняты, сближены между собой и всегда загнуты во внешние стороны. Язычки у кресал массивные, нередко заостренные на вершине, чаще высокие. Одно из таких кресал обнаружено в Яблуновке (Поросье) в погребении из кургана 53 (Покас П.М., Стародуб А.В., 1991, рис.39). Аналогии кресалам этого варианта самые многочисленные в эпоху развитого средневековья. Они были распространены "на территории Центральной, Северной и Восточной Европы, в Азии проникли до Забайкалья и Приамурья. Время их бытования очень широкое. ... Кресала этого варианта часто встречаются в погребениях поздних кочевников (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.183, 185).

В доступных нам материалах грунтовых некрополей удалось обнаружить только одно калачевидное кресало с подтреугольным (узким) язычком. Оно происходит из могильника Мамай-Сурка (п.711) (Ельников М.В., 2000, рис.6, *10*). Однако следует оговориться, что это кресало, равно как и два ляпинских экземпляра, хотя и относятся к типу калачевидных кресал, но как варианты все три заметно различаются между собой. Концы у кресала из Мамай-Сурки изогнуты так, что вплотную примыкают к язычку, образуя петли. Такая форма несколько напоминает букву "В". Правда рисунок этого кресала выполнен настолько непрофессионально, что наличие у него язычка мы можем, исходя из известных нам аналогий, только предположить. Именно присутствие во всех этих случаях у В-образных кресал язычков позволяет нам провести такое сравнение.

Третье калачевидное кресало без язычка из п.12 (рис.8, *12*), вообще, оказалось единственным среди материалов грунтовых могильников, хотя безрезультативность поисков аналогий нас несколько удивила. Дело в том, что этот вариант калачевидных кресал, судя по подкурганным памятникам (13 экз.), был распространен только в золотоордынское время (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с.41; 2000, с.185), и поэтому в "инвентарных" грунтовых погребениях этого времени такие находки вполне логичны и ожидаемы.

Завершая обзор калачевидных кресал, необходимо сказать, что датировка последних в литературе не выносится за пределы позже, чем XIII в. Более того, исследователи склонны причислять этот тип в число тех, которые, на их взгляд, отражают именно материальную культуру X-XI вв., что является серьезной ошибкой. Следовательно, это не может не влиять на датировку многих изучаемых памятников. Видимо, настало время для более тщательного анализа всех формообразующих элементов этих вещей. Пора использовать и развивать дальше уже давно имеющиеся данные лабораторных анализов на предмет их химического состава, что, на наш взгляд, представляет собой весьма перспективное направление изучения кресал. А пока при датировках памятников с такими находками надо быть предельно осторожными, в полной мере используя другие вещи, а также особенности погребального обряда.

Удлиненно-овальное кресало (п.7) имеет для степей Восточной Европы те же хронологические рамки бытования, что и рассмотренный предыдущий вариант калачевидных кресал, т.е. 2-я пол.XIII – XIV в. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996; 2000, с.195). Аналогия этому кресалу в грунтовых могильниках нашлась только в п.921 могильника Мамай-Сурка (Ельников М.В., 2000, рис.6, *9*). А вот в курганных захоронениях кочевников удлиненно-овальные кресала встречаются гораздо чаще (13 экз.). Их концентрация по непонятным пока причинам приходится (в отличие от всех остальных типов кресал) на относительно небольшой регион – Нижний Дон, к которому территориально примыкает Северо-Восточное Приазовье, точнее устье Кальмиуса, где и расположен могильник Ляпинская балка (см. карту-схему: Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000).

Ножи. В 8 погребениях (пп.2, 12, 19, 27, 28, 29, 32, 37 (2 экз.)) могильника найдено 9 ножей. В 5 случаях они входили в состав инвентаря мужских погребений, в 2 – женских (п.28, 29), а для п.32 у нас нет необходимых данных для определения половой принадлежности умершего. Все ножи, за исключением одного, совершенно расслоившегося (из п.29), разнотипные, но объединяются небольшими размерами, что позволяет отнести их к категории бытовых. Подобные ножи, как известно, относятся к числу наиболее распространенных находок для всех культур эпохи железа. Они превалируют не только в составе инвентаря погребальных памятников, но и часто встречаются на поселениях.

Четыре ножа из пп.19, 27, 28, 32 – универсально-бытовые. К данной группе ножей они относятся в виду своей главной формообразующей особенности (соотношение лезвия и черенка рукояти). Конец лезвия у них лежит на оси, проведенной через черешок, или слегка возвышается над ней, что позволяет ножам этого типа быть полифункциональными. Спинка у таких ножей ровная или почти ровная. Угол между осью черешка и спинкой ножа, как правило, не превышает 13°. Размеры их различны, но в целом, универсально-бытовые ножи уступают по своим параметрам некоторым специальным видам, например, охотничьим и боевым. Лезвия универсально-бытовых ножей имеют разнообразно оформленный переход к черешку, но у всех экземпляров из могильника Ляпинская балка он имеет

уступчики, как со стороны спинки, так и со стороны лезвия. Эта конструктивная особенность ножей, как считает Л.Л.Савченкова, не связана ни с их специализацией, ни с хронологией (Савченкова Л.Л., 1996, с.28). У ножей из п.27 (рис.9, *10*) и п.32 (рис.12, *11*) черешок переходит в лезвие относительно плавно. У ножа из п.19 хорошо выраженные уступы оформлены с обеих сторон (рис.4, *14*). Также два уступа есть и у ножа из п.28, но у последнего они устроены таким образом, что выглядят несколько шире, чем лезвие у основания (рис.11, *4*). Таких ножей, как в п.28, нам не известно в грунтовых могильниках, а в подкурганных захоронениях из-за большого количества имеющихся у нас памятников поздних кочевников их поиск еще не завершен. Датировать универсально-бытовые ножи практически невозможно, настолько размыты и широки их хронологические рамки, далеко выходящие за пределы средневековой эпохи.

К числу специальных относятся четыре ножа из публикуемого могильника. Три из них (п.12, рис.8, *15*; п.37 (2 экз.), рис.8, *7*, *10*) – столярные и, очевидно, предназначены для резьбы по дереву (Савченкова Л.Л., 1996, с.29). Однако между собой они отличаются по устройству лезвия относительно черешка. У обоих экземпляров из п.37 – конец лезвия опущен ниже черешка; спинки у них, равно как и у ножа из п.12, горбатые. Такие ножи в подкурганных погребениях и в грунтовых могильниках дозолотоордынского времени нам неизвестны. Следовательно, на материале некрополя Ляпинская балка такой тип ножей в рамках позднекочевнической культуры до основательного просмотра источников, логично датировать не ранее XIII в. К XIV в. относятся близкие им по форме ножи из Болгара, кстати, выделенные Л.Л.Савченковой в отдельный тип. Она пишет, что четыре ножа были найдены в золотоордынском слое XIV в., а один – в раннем домонгольском слое X-XI вв. (Савченкова Л.Л., 1996, с.29).

Четвертый нож из числа специальных, обнаруженных в могильнике Ляпинская балка, функционально не ясен (п.2, рис.3, *13*). Возможно, это – бритва, и если это так, то тогда край лезвия у нее частично обломан.

Что касается могильника Мамай-Сурка, к вещевым аналогиям которого мы намерены в данной статье и дальше регулярно обращаться, то здесь следует отметить, что по имеющимся у нас на 1999 г. данным, там, среди почти тысячи погребений, было обнаружено всего лишь 8 ножей. Примечательно еще то, что все целые экземпляры (5) ножей из Мамай-Сурки относятся к числу универсально-бытовых.

Шилья. Эти бытовые предметы, как правило, не привлекают к себе внимания исследователей, что, в общем-то, не удивительно, так как данная категория вещевого мира практически не поддается какой-либо развернутой систематизации.

В могильнике Ляпинская балка шилья встречены дважды (п.26 – рис.10, *2*; п.37 – рис. 8, *9*). Шилья в памятниках, оставленных поздними кочевниками, встречаются, преимущественно, в золотоордынское время, причем чаще в грунтовых могильниках.

Если находка шила в мужском погребении (п.37) логична, то в женском погребении (п.26) это – не совсем обычное явление. Подробно не останавливаясь на объяснении этого, можно сказать, что роль таких, не свойственных половозрастным данным погребенных предметов (а нахождение шила в женском погребении – это как раз тот самый случай), в семиотическом аспекте получала дополнительное усиление. Какое именно – это особая тема, уводящая в сторону от задач публикации материалов могильника. Кроме того, расположение шила в п.26 у правой ключицы, а в п.37 у правого локтя (не на своих местах) также требует специального осмысления.

Плошка. В могильнике обнаружена одна бронзовая плошка (п.7, рис.5, *6*). Подобные предметы, изготовленные из железа или бронзы, нередко встречаются в кочевнических погребениях позднезолотоордынского времени. Практически все известные нам находки выполнены "на скорую руку". Изготавливались они чаще всего из металлического диска, края которого иногда слегка загибались вовнутрь. Возможно, таким образом крепилась какая-то внутренняя, очевидно, деревянная обкладка. Прогнутый центр таких чашечек в некоторых случаях имел утолщения с целью установления их на ровную поверхность. Впрочем, конструкции и формы, как и способы изготовления этих предметов, были самыми разнообразными, и подвергнуть их какой-либо упорядоченной классификации довольно трудно.

Назначение плошек, очевидно, было самым различным. В одних случаях они могли служить емкостью для еды или, скажем, питья кумыса. В других – в них могли что-то подогревать (необязательно съестное). О последнем предположении свидетельствует экземпляр, обнаруженный в погребении Кировский-IV, 12/1 на Нижнем Дону, где дно у кованной бронзовой плошки было покрыто сажей (Ильюков Л.С., 1981).

Довольно непрезентабельный вид плошек, сделанных грубо и часто имеющих следы ремонта, породил у отдельных исследователей мнение, что эти вещи были сугубо ритуальными. Отрицать, в принципе, такой взгляд до их специального изучения было бы явно поспешно. В то же время они были, как нам представляется, не более культовыми, чем

остальные вещи, обнаруживаемые в погребальных комплексах. Другое дело, что каждый предмет выполнял свою функцию в могильной яме. Вряд ли эту функцию можно назвать вторичной по отношению к изначальному назначению вещи. Положенные в погребение вещи сразу же начинали исполнять свою новую роль, где их предыдущее "прижизненное" назначение не актуализировалось. Определять их как сугубо погребальные, т.е. специально изготовленные для этой цели, нет никаких оснований, поскольку практически все находки плошек (известные нам), судя по данным отчетов и публикаций, несли следы их эксплуатации в бытовой сфере. Частичное же изменение у некоторых плошек формы с помощью надрезов и других действий, если и считать их культовыми операциями (хотя это, скорее, было сделано в процессе изготовления вещей), – лишь способ реорганизации предмета, как, например, это было в случаях с распрямлением шейных гривен в позднекочевнических погребениях XII-XIV вв. (Евглевский А.В., 1998, с.141-156). Но если гривен до погребального ритуала в распрямленном виде не существовало, то плошки, судя по этнографическим данным, а также в силу приведенных выше фактов, функционировали.

Относительно плошки из Ляпинской балки приведенные выше размышления нельзя считать достаточными. Рваные края и дыры в дне трудно совместимы с ее использованием в быту. Мало этого, ручка прикреплена так, что не может выдержать даже малой нагрузки.

Рыболовные снасти. Лишь в одном погребении (п.2, рис.3, *6, 9, 10*) обнаружен набор таких предметов. В его состав вошли: рыболовный крючок, поплавок (?) и пряжка-регулятор натяжения поводка. Нахождение в погребении данного комплекта, очевидно, свидетельствует о возросшем значении у жителей поселка рыбного промысла, который в отличие от кочевников-скотоводов, очевидно, стал для них постоянным занятием. По нашему мнению, набор рыболовной снасти и пряслице, найденные в могильнике, косвенно свидетельствуют о становлении у оставившей могильник общины оседлого образа жизни.

Пряслице. К числу бытовых предметов принадлежат пряслица. В могильнике Ляпинская балка найдена всего одна такая вещь (п.28, рис.11, *1*).

В других золотоордынских грунтовых могильниках полуоседлых кочевников они нам не известны, включая довольно представительный (83 погребения) Каменский могильник на р.Конке (Северное Приазовье). Исключением является только Мамай-Сурка, где по данным на 1999 г. обнаружено 6 пряслиц в 4 комплексах (пп. 477, 548, 777, 831) и среди подъемного материала этого же могильника (2 экз.). Примечательно, что находки пряслиц в погребальных памятниках с широко датирующимся средневековым инвентарем и невыразительным обрядом, исследователями, нередко, отождествляются с салтово-маяцкой культурой, поскольку именно для этих памятников они весьма характерны.

Пуговицы. Пуговицы, найденные в погребениях могильника, делятся на 2 группы: шаровидные (3 экз. – п.38) и плоские (3 экз. – пп.2, 22, 29). Шаровидные, изготовленные из бронзы, чрезвычайно широко распространены в средневековых памятниках и не имеют твердой даты; аналогии им в позднекочевнической культуре, равно, как и в последующее время, вплоть до XVIII в., просто "бесчисленны".

Костяные полусферические пуговицы типа той, что найдена в п.2 – частая находка в позднекочевнических подкурганных памятниках; но среди материалов грунтовых могильников они встречаются значительно реже. Назначение таких пуговиц было полифункционально.

Две керамические пуговицы, покрытые темно-синей поливой, имеют по два отверстия (п.22, рис.8, *3;* п.29, рис.12, *3*). Такие пуговицы встречаются в золотоордынских памятниках. Например, два экземпляра известны нам из Мамай-Сурки (п.179) (Ельников М.В., 2001, рис.29, с.89).

Грубо изготовленная фаянсовая пуговица цвета морской волны такого же типа, как и в Ляпинской балке, обнаружена в золотоордынском погребении женщины у с.Третьяки-IV, 32/1 на р.Хопер (левый приток Дона). Кстати, набор инвентаря, его характерные особенности, а также погребальный обряд этого комплекса практически идентичны публикуемым материалам из Ляпинской балки (Ефимов К.Ю., 1985).

Ножницы. В могильнике обнаружено трое ножниц (пп.26, 29, 31). О ножницах из п.31 по оставшимся от них фрагментам ничего определенного сказать нельзя, остальные два экземпляра сохранились относительно неплохо. Ножницы из п.26 (рис.10, *3*) хорошо известны в средневековых памятниках Европы, они имеют многочисленные аналогии как в грунтовых, так и в подкурганных комплексах, ссылаться на которые вряд ли есть необходимость. Ножницы из п.29 (рис.12, *1*) встречаются гораздо реже, чем экземпляр из п.26.

Подобные ножницы (как в п.29), с хорошо выраженными восьмерковидными кольцами-скобами, происходят из погребения у с.Троицкое 5/1 (Степное междуречье Днепра и Южного Буга). У этого образца – изогнутые и короткие лезвия (Гребенников Ю.С. и др., 1991). Комплекс, где они обнаружены, по ряду черт погребального обряда и датирующему инвентарю относится к развитому золотоордынскому времени.

Близкая аналогия ножницам из п.29 известна из материалов погребения Волга-Чограй-43, 2/2 (Васюткин С.М. и др., 1992). Отличие этого экземпляра от ножниц из п.29 состоит лишь в том, что лезвия ножниц из погребения у Волги-Чограй гораздо короче (т.е. лезвие и рукоять практически равны между собой по длине), чем у ножниц из могильника Ляпинская балка.

Зеркала. Наиболее многочисленной и аттрактивной группой среди инвентаря могильника являются зеркала. Все 6 обнаруженных зеркал относятся к 5 совершенно разным по происхождению типам.

1. Зеркало из п.29 без бортика и с одним (!) центральным валиком, делящим тыльную его поверхность на две равные части, принадлежит к числу относительно редких типов. Показателен тот факт, что на остатках крупнейшего средневекового ремесленного центра Восточной Европы – Болгаре, где в большом количестве производилось множество типов зеркал, – подобных данному найдено всего 2 экз. (Полякова Г.Ф., 1996, с.223). Близкое, но более упрощенное (гладкое) зеркало с невысоким, относительно узким и сужающимся кверху бортиком происходит из грунтового могильника Мамай-Сурка, п.621 (Каприцын И.И., 1994, рис.26). В памятниках поздних кочевников такие зеркала, как из п.29, иногда принимаются за зеркала с крестовидным орнаментом или совершенно гладкие.

2. Оригинальный экземпляр с боковой короткой округлой ручкой, без бортика и с неизвестным нам в золотоордынском массиве зеркал вариантом геометрического орнамента (центральным кругом и полукругами по периметру) обнаружено в п.31. Основная территория распространения зеркал с близкой орнаментацией приходится на Северокавказский регион. Нетипичный орнамент в совокупности с отсутствием у рассматриваемого экземпляра краевого бортика ставит его в ряд уникальных предметов, точных аналогий которым нам неизвестно не только в грунтовых, но и в позднекочевнических подкурганных памятниках Восточной Европы.

В то же время, Е.И.Нарожный в статье, опубликованной в данном томе, указывает на якобы подобные аналогии, но без боковых ручек (Нарожный Е.И., 2003, с.248). Однако просмотр литературы, на которую опирается автор, не подтвердил его информацию. То есть, ни в книге В.А.Иванова и В.А.Кригера (Иванов В.А, Кригер В.А., 1988), ни в статье В.А.Ларенка (Ларенок В.А., 1992) мы не нашли такого типа зеркал.

В чем же причина? Е.И.Нарожный, ссылаясь (без указания на страницу) на публикацию С.Н.Савенко (Савенко С.Н., 1985), пишет: "Другой тип зеркал с абсолютно гладким диском, без орнамента, с петлей и без нее, достаточно часто встречается среди памятников Северного Кавказа на протяжении широкого хронологического отрезка времени: X-XIV вв." (Нарожный Е.И., 2003, с.248). Эта информация нас заинтересовала. Желая убрать появившиеся сомнения, мы обратились к работе С.Н.Савенко. Место, где он писал бы о зеркалах с абсолютно гладким диском, т.е. без орнамента, мы, к сожалению, так и не нашли. Зато на с.102 исследователь указывает, что "для позднего этапа [XII в. – А.Е., В.К.] характерны: повторяющиеся круговые валики, без заполнения зон..." (Савенко С.Н., 1985, с.102). Видимо, Е.И.Нарожный принял схему зеркала с показанным бортиком по краю, изображенного у С.Н.Савенко на табл.I (Савенко С.Н., 1985, с.102, тип I, подтип I), за зеркало с абсолютно гладкой поверхностью и без бортика. Кстати, С.Н.Савенко вообще отказался от учета в своей типологии признака "бортик", объясняя это тем, что часть сведений из используемого им источника зеркал не содержала на этот счет необходимой информации (Савенко С.Н., 1985, с.98).

Относительно близкое по типу зеркало обнаружено в позднекочевническом погребении 2 кургана 9 могильника Зубовка. Однако зубовское зеркало отличается от рассматриваемого из п.31 крайне тонким и небольшим диаметром диска (4 см), переходящим в длинный стержень рукояти (Мамонтов В.И., 1992, с.40, рис.11, *10*). Похожее зеркало найдено в кургане 5 могильника Солодовка-II. Зеркало из Солодовки диаметром 6 см изготовлено из бронзы. "Вместе с диском отлит и короткий черешок ручки, отчего на диске остался след узкого рельефного валика у основания рукояти. По краю диска идет слабо заметный валик" (Мамонтов В.И., 1993, с.163, рис.7, *б*). Комплекс датируется авторами публикации XIII-XIV вв. Собственно, все варианты зеркал с боковыми ручками (судя по просмотренному нами инвентарю) встречены в памятниках XIV в. и, очевидно, представляют собой один из наиболее поздних типов этой категории бытовых вещей эпохи Золотой Орды.

3. Зеркало с сочетанием растительного и животного орнамента из п.1, в отличие от двух предыдущих, представляет собой один из наиболее распространенных типов в Золотой Орде. Данное зеркало крайне плохой сохранности, но все же его с уверенностью можно отнести к типу с зонально расположенным орнаментом, где фигуры бегущих по кругу животных опоясываются растительными побегами. Поверхность поля рассматриваемого экземпляра разделена выпуклыми ободками на два пояса. Внешний заполнен стилизованными цветочными формами, среди которых, исходя из аналогий, есть виноградные лозы, а на внутреннем изображен круговой гон зверей, где две собаки (?) преследуют убегающих зайцев (?). Судя по характерному "смазанному" внешнему виду и неудовлетворительно-

му состоянию, данное зеркало, очевидно, было отлито по оттиску в глине, изготовленному по уже довольно сработанному оригиналу или даже копии от последнего. На это указывает заметная шероховатость орнаментальной плоскости, сглаженность узора. Примечательно, что слабая сохранность наблюдается у всех без исключения известных на сегодня экземпляров данного типа зеркал. Г.А.Федоров-Давыдов указывал, что все они являются литейными репликами привозных восточных оригиналов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.82). Аналогии данному зеркалу обнаружены, например, в грунтовом могильнике Каменка, п.78 (Сымонович Э.А., 1956, рис.35), в Болгаре (Полякова Г.Ф., 1996, с.231, рис.73, *7*), на Увекском городище (Полякова Г.Ф., 1996, с.231, рис.73, *7;* Недашковский Л., Ракушин А., 1998, рис.1, *9;* Недашковский Л.Ф., 2000, рис.9, *12).*

4-5. Два совершенно идентичных зеркала обнаружены в пп.26 (рис.10, *4*) и 28 (рис.11, *5*). На них изображен один из вариантов арабского благопожелательного текста, выполненного почерком "насх", расположенного вокруг центральной орнаментальной розетки. На внешних поясах обоих зеркал передано одинаковое типичное каноническое изречение мусульманского Востока: "Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь" (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.83). Перевод такой надписи впервые был выполнен Н.Ф.Катановым еще в 1898 г. (Катанов Н.Ф., 1898), причем из-за не очень хорошей сохранности попавших к нему экземпляров ее прочтение далось ему не сразу. В другой статье, где было опубликовано аналогичное зеркало, происходящее из кургана у с.Нижняя Дуванка Купянского уезда (ныне Харьковская обл.), он немного видоизменил свое первичное прочтение, придав последнему по сути родственный вариант (Катанов Н.Ф., Айналов Д.В., 1902, с.469).

Перевод Г.А.Федорова-Давыдова, лишь в самых незначительных нюансах отличается от вариантов прочтения Н.Ф.Катанова, однако, ученый сделал своеобразный синтез из них, максимально приблизив его и к употребляющимся на Средневековом Востоке благопожеланиям и одновременно русифицированному пониманию сути текста.

Данный тип зеркал представлен в монографии Г.А.Федорова-Давыдова изображением одной из трех находок с Царевского городища (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.79, рис.13, CI). Такое же зеркало, хранящееся в фондах Волгоградского областного краеведческого музея, опубликовано Н.В.Хабаровой (Хабарова Н.В., 1994, с.218, рис.2, *1*), принявшей версию прочтения Г.А. Федорова-Давыдова. Типологический анализ этого типа зеркал на основании находок 19 экз. был сделан в фундаментальной статье Г.Ф.Поляковой, посвященной изделиям из цветных металлов, обнаруженных в Болгаре. Автор предпочла дать наиболее ранний из имеющихся в литературе вариантов – перевод прочтения Н.Ф.Катанова 1898 г. (Полякова Г.Ф., 1996, с.230, рис.73, *5*).

Зеркала точно такого же типа, но отлитые в других формах, обнаружены и в нескольких золотоордынских погребениях: в грунтовом могильнике у с.Передельск Луганской обл. в нижнем течении Северского Донца (Горелик А.Ф., Выборный В.Ю., 1994); в кургане у с.Власовка 3/1 на р.Ворона в Верхнем Подонье (Березуцкий В.Д., 1985) и в разрушенном погребении в г.Ростов-на-Дону (Кузьмин В.И., 2000, с.274, 275, рис.1, *1*; Косяненко В.М., 1992, с.24).

Обломки зеркал этого типа присутствуют в поъемном материале Царина городища в среднем течении Северского Донца. Обнаружены они на участке памятника, где в большом количестве встречаются медные монеты 2-й пол.XIV в. Найденные экземпляры хранятся в фондах Славянского краеведческого музея.

Еще одно такое же зеркало найдено в кургане 7 могильника Новозаведенное-II в бассейне р.Кумы (Северо-Восточное Предкавказье). Параметры данного зеркала почти идентичны зеркалу из п.26: ∅ диска 8,67-8,7 см, высота бортика 0,4-0,63 см (Волков И.В. и др., 2001, с.128). Авторы публикации отмечают, что новозаведенское зеркало является ранней копией таких зеркал, объясняя это тем, что при неоднократном копировании металлических предметов с оригиналов (за счет усадки глинянного слепка-оттиска при высыхании и самой отливки при охлаждении) происходило постепенное уменьшение размеров получаемых реплик (Волков И.В. и др., 2001, с.129-130). Поскольку зеркало из п.26 (рис.10, *4*) могильника Ляпинская балка имеет диаметр диска 8,9 см, т.е. больше, чем у новозаведенского, то, вероятно, оно еще относительно более раннее, чем новозаведенское. Разумеется, хронологический разрыв мал, так как, в любом случае, в многочисленных мастерских при интенсивности отливок таких копий временной интервал между ними не может быть большим. Продолжение выяснения технологических особенностей изготовления зеркал, без сомнения, – весьма перспективное направление.

Качественно по-иному изготовлено зеркало (рассматриваемого типа) из п.28 Ляпинской балки (рис.11, *5*). Оно имеет диаметр 8,2 см, высоту бортиков 0,25-0,27 см и очень низкий расплывчатый рельеф изображения, поэтому кажется сильно стертым, но, очевидно, это в большей степени есть результат копирования. Более того, копирование данного зеркала, вероятнее всего, произведено с сильно выработанной отливочной формы. Правда, следует оговориться, что зеркала с низким рельефом изображения данного типа не обязательно могут быть следствием изношенности формы для их литья. Так, в статье И.В.Волкова, В.Е.Маслова и

В.Г.Петренко приведено зеркало, хранящееся в ГИМе и исследованное Г.Ф.Поляковой, у которого низкий (0,2 см) бортик и еще более низкий, но в то же время исключительно четкий рельеф изображения (Волков И.В. и др., 2001, с.130). Следовательно, можно говорить о бытовании качественных образцов с низким рельефом, которые могли копировать в тот же период (Волков И.В. и др., 2001, с.130).

Благодаря упомянутой выше публикации, нам стало известно о находках еще 4 зеркал рассматриваемого типа (Волков И.В. и др., 2001, с.130). Этот материал исследователям удалось собрать с различной степенью информативности, но несмотря на это, он позволяет сделать следующее заключение. Во-первых, экземпляр из п.26, очевидно, наиболее ранний из всех известных на сегодня в литературе; во-вторых, степень изученности этого типа, похоже, ощутимо выше всех остальных золотоордынских зеркал; в-третьих, довольно представительная подборка ныне известных зеркал этого типа, возможно, позволит в ближайшем будущем окончательно выяснить их генезис и еще дальше продвинуться в вопросе об эволюции золотоордынских зеркал и их хронологическом соотношении между собой. Правда, уже сейчас можно принять точку зрения, по которой происхождение зеркал типа тех, что найдены в пп. 26 и 28, связывается с расцветом Болгара. Так или иначе, но именно в Волжской Болгарии этот тип наиболее распространен (Полякова Г.Ф., 1996, с.230; Волков И.В. и др., 2001, с.131). Бытование же данных зеркал на территориях, подвластных Золотой Орде, по мнению И.В.Волкова и его соавторов, можно отнести ко времени до "великой замятни" (1-я пол.60 гг. XIV в.), хотя исследователи не исключают и более длительное хождение (Волков И.В. и др., 2001, с.131). Нам представляется, что вторая часть суждения наших коллег явно предпочтительнее.

Углубившись в данную тему, нельзя не сказать и о стилистических особенностях надписей зеркал. С этой целью воспользуемся профессиональным описанием, сделанным для аналогичного зеркала Д.Г.Мухаметшиным и Ф.С.Хакимзяновым. "На нем у декоративного почерка насх вертикали высоких букв кверху расширяются и вершины завершаются типичным стрельчатым оформлением. Низкие буквы приподняты до половины высоких и густое употребление растительных побегов над ними заполняет пустоту и уравновешивает надпись" (Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996, с.299).

Сложное переплетение растительных элементов букв, стилизация их начертания, стиль почерка, с одной стороны, обладают датирующими возможностями, а с другой, в известной степени, предопределяют вариабельность прочтения. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н.В.Хабаровой, считающей, что по орнаментальным мотивам зеркал, как яркой характерной черте, можно наглядно представить эклектизм вкусов и разнобой в стиле, распространенных в золотоордынское время (Хабарова Н.В., 1994, с.219). К сказанному добавим, что, очевидно, типы зеркал со структурно сложными орнаментальными мотивами, несмотря на господствующую в тех или иных регионах моду на них, имеют каждый свою "родину" происхождения (государство, город, ремесленный цех, конкретного автора), как, кстати, и свой ареал, и пик бытования. Позже они послужили прототипами для копирования другими ремесленными центрами, включая золотоордынские.

Отмеченное дает основание продолжить дальнейшее уточнение перечисленных особенностей, что, в свою очередь, почти наверняка, со временем даст опору для установления их еще более точной датировки и места изготовления.

Вопрос о локализации места происхождения (производства) "первых" оригиналов ставится уже давно, однако, за исключением отдельных типов, существенного сдвига в сторону отнесения их к конкретным среднеазиатским, иранским или другим центрам пока еще нет. Значительной преградой в этом вопросе являются: недоступность специальной литературы, находящейся, преимущественно, в библиотеках дальнего зарубежья, а также фондов мусульманского зарубежного Востока. Одним словом, на данном этапе изучения материала, по мнению специалистов, пока невозможно выяснить принадлежность типов почерка к определенным школам каллиграфии и, тем более, хотя бы относительно точно локализовать место производства зеркал (Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996, с.299). Но все же решение этого вопроса, очевидно, следует ожидать в ближайшем будущем, так как данные эпиграфики в историческом срезе XII-XV вв. уже дают не только относительно узкие хронологические рамки, но и локализуют очаги их бытования, происхождения и панораму распространения. Так или иначе, но датировка этого типа зеркал находится в полном соответствии с данными эпиграфического порядка, а также с типичным для этой эпохи орнаментальным обрамлением текста. Видимо стоит иметь в виду доводы И.В.Волкова, В.Е.Маслова и В.Г.Петренко о том, что время проникновения этого типа зеркал приходится на правление хана Узбека (1312-1342), когда после принятия этим ханом ислама, золотоордынские ремесленные центры стали синхронно с традиционными типами отливать зеркала с сугубо каноническими, мусульманскими абстрактными и широко распространенными благопожелательными формулами (Волков И.В. и др., 2001, с.131). Во всяком случае, нам не известно ни одного случая, чтобы зеркала этого типа встретились в закрытых комплексах с датировкой более ранней, чем официальное при-

нятие ислама в Золотой Орде. Более того, мы думаем, что время их появления приходится на рубеж 40-50 гг. XIV в., когда расцвет золотоордынских городов, в частности Сарай ал-Джедид, достиг своего пика.

Благопожелательные фразы данного типа зеркал никогда не содержат ни собственного имени, ни имени владельца, ни мастера. Это является свидетельством того, что они отливались в большом количестве для приобретения их всеми желающими. Зато текст зеркал придавал последним (и без того в сознании их владельцев достаточно мифологизированным) дополнительное символическое охранительное значение. Наряду с практическим применением они должны были оказывать и определенное психологическое воздействие на человека (Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996, с.304).

Такие зеркала, как и все другие вещи с благопожелательными надписями, были очень популярны и имели в XIV в. весьма обширное распространение, расходясь в многочисленных копиях по всему мусульманскому миру (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с.105; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996, с.296), заполнив степные пространства от Среднего Поволжья на запад, восток и юг. Больше всего они известны в Волжской Болгарии, а также в Средней Азии и на Алтае. Совмещая в себе функции утилитарных предметов и своеобразных амулетов, зеркала были популярными предметами купли-продажи (Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996, с.296).

6. Фрагмент зеркала с изображением на внешнем орнаментальном поле стилизованной цапли (?) и конских ног на внутреннем (п.3, рис.6, *9*) представляет собой уникальный для восточноевропейских степей образец художественного ремесла. Аналогии данному зеркалу нам не известны. Сюжет и стиль изображения сохранившихся частей цапли и коня, наличие довольно широкого краевого нерельефного пояска, а также изготовление зеркала из серебра (?; анализ не проводился) – все это дает основание предполагать, что оно было отлито в одном из центров, изготовлявших высокохудожественную продукцию, возможно, расположенном на территории Ирана. Если мы правы, то это лишний раз подтверждает уже хорошо известный факт о контактах Золотой Орды с этим регионом. Однако, по мнению М.Г.Крамаровского, данное зеркало не относится к кругу иранских изделий. На наш вопрос он ответил следующее: "Думаю, что зеркало не иранское. Оно вполне может быть и ордынское, поскольку декор с изображением цапель – журавлей есть на зеркале с изображением охот из нашего [эрмитажного – А.Е., В.К.] собрания"[5]. Так как в имеющейся в распоряжении авторов литературе публикации этих зеркал нет, связь их с экземпляром, найденным в могильнике Ляпинская Балка, осталась для нас невыясненной.

Важно отметить, что данное зеркало, несмотря на его хорошую сохранность, возможно, является самой ранней вещью могильника. На такую мысль нас натолкнуло то обстоятельство, что нередко древние предметы, в том числе и фрагменты зеркал, помещались в погребения в качестве оберегов. Об одном таком зеркале сообщают Н.И.Гиджрати и В.Х.Тменов, описывая погребения в каменных ящиках, раскопанных на холме Бузуни-Хума (Северный Кавказ): "Обломок зеркала из погребения № 5 – наиболее древнее изделие, обнаруженное в инвентаре раскопанных погребений. ... В данном случае мы имеем дело со вторичным использованием древнего предмета" (Гиджрати Н.И., Тменов В.Х., 1988, с.175).

Завершая краткий анализ обнаруженных в могильнике зеркал, в целом, согласимся с Л.Ф.Недашковским, что эта категория вещевого мира золотоордынской эпохи была гораздо шире распространена в городах, но представлена там меньшим разнообразием типов, чем у кочевников Степи (Недашковский Л.Ф., 2000, с.66). Уточним лишь то, что такое количество зеркал у номадов археологами фиксируется лишь в грунтовых могильниках и в наиболее поздних, основных курганных погребениях 2-й пол.XIV в. Подобное, видимо, следует объяснить тем, что кочевники Степи были гораздо более открыты для импорта, чем городское население Золотой Орды, хотя бы потому, что в городах в необходимом количестве было хорошо налажено производство многих категорий художественных изделий (включая зеркала).

Если первые пять проанализированных зеркал отлиты в глиняных формах, изготовленных путем оттиска от готового зеркала, то шестое зеркало (из белого металла), судя по характеру рельефа, очевидно, изготовлено в каменной, так называемой жесткой форме (Недашковский Л.Ф., 2000, с.66).

Подвески (?) также, как и многие другие находки могильника, относятся к числу типов, редко встречаемых в погребениях поздних кочевников. В могильнике обнаружены 2 оригинальные подвески.

Первая из них, в виде железной пластины, напоминающей лепесток, очевидно, представляет собой лишь одну половину целого предмета (п.34, рис.13, *2*). Пять подобных подвесок (?) обнаружены в очень выразительном по набору вещей погребении Московский-II, 18/1 из бассейна р.Сал. Подвески являлись составными частями серебряной ажурной броши. Все пять имеют одинаковую кап-

[5] Из личного письма одному из авторов.

левидную форму, выполнены из золотой фольги и снабжены проволочными петельками. Каждая привеска состоит из 2 спаянных половинок. Привески, по мнению авторов отчета, либо в момент захоронения, либо в результате деятельности грызунов были отделены от корпуса броши и в процессе раскопок найдены в разных местах (Ильюков Л.С., 1986). Погребение по целому ряду признаков, на наш взгляд, датируется золотоордынским временем.

Вторая подвеска (п.38, рис.13, *9*), изготовленная из тонкой бронзовой пластинки, чем-то напоминает по своей форме хорошо известные в позднекочевнической культуре лазуритовые ромбовидные подвески. Судя по тому, что с внутренней стороны изделия остался кусочек кожи, который крепился к основе двумя бронзовыми заклепками, его можно определить как украшение женской одежды. Аналогов ему среди имеющихся у нас источников обнаружить не удалось.

Серьги в виде разомкнутого кольца. В могильнике обнаружено 5 таких находок (пп.2, 9, 22, 29 (2 экз.). Изготовлены они: из низкопробного серебра – п.2; бронзы (?) – п.9, 29 (2 экз.) и меди (?) – п.22. Диаметры серег от 2,0 до 2,3 см, а сечений – от 0,1 до 0,3 см. Такие серьги – частая находка в погребениях поздних кочевников. Они распространены очень широко как территориально, так и хронологически.

В могильнике Мамай-Сурка подобные изделия изготовлены из бронзовой проволоки и встречены в большом количестве. Это, например, пп.94 и 312 (Ельников М.В., 2001, с.51, рис.16; с.144, рис.49).

Серьги в виде знака вопроса обнаружены в 7 погребениях могильника. За исключением одного случая (п.6), когда в могильной яме было обнаружено 2 серьги, в остальных встречено по одному экземпляру (пп.1, 8, 31, 26, 28, 35). Все погребения женские, умершие ориентированы головами (кроме одного полностью разрушенного) исключительно на СВ, что, по-видимому, не случайно. Примечательно, что в тех погребениях, где было найдено по одной серьге, все они лежали в районе правого виска. Правда, в одном погребении (п.35) серьга лежала около правой бедренной кости, однако, учитывая, что правая сторона скелета подростка частично нарушена, первоначальное положение серьги, косвенно, по аналогии с другими погребениями могильника, где были обнаружены серьги, также логично локализовать у правого виска. Такое же положение "одиночных" серег в виде знака вопроса у правого виска погребенных характерно и для других памятников рассматриваемого круга.

Все серьги, за исключением лишь одной из п.1, принадлежат к самому распространенному типу VI, по Г.А.Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.39), и датируются не ранее золотоордынского периода.

Бусы. Найдены в большинстве женских погребений (в 9 из 15), где был сопровождающий инвентарь. Они различной конфигурации: в основном шарообразной формы с уплощенными основаниями. Многие бусины имеют неправильную форму, что обусловлено техникой их изготовления (навивка). Поверхность некоторых бус расчленена продольными рубцами (п.1, рис.3, *2, 3*). Изготовлены они из стекла различных цветов и оттенков. Диаметр бус колеблется от 0,3 до 0,9 см, но при этом около половины бусин имеют диаметр 0,7 см.

В коллекции присутствует группа бус, изготовленных из перламутра (п.38). Они имеют неправильную форму, что, по всей видимости, обусловлено характером материала, из которого эти бусы изготовлены (неравномерная толщина стенок раковин).

Рубчатые бусы из п.2 имеют широкие хронологические рамки. Так, в среднем течениии Северского Донца близкие им по способу изготовления и форме бусы встречаются на поселениях вплоть до 1-й пол.XVIII в. (Казачья Пристань) (Кравченко Э.Е. и др., 1999, с.6).

Большинство бус, за исключением фигурных в виде уточек (п.38, рис.13, *10а, 10б, 10в*), внешне трудно отличимы от бус, обнаруженных в памятниках более ранних степных кочевых культур. В случаях с невыразительным инвентарем датировка таких комплексов в отчетах экспедиций нередко неоправданно удревняется, порой на несколько веков. Так округлые, круглые и овальные бусы, близкие по формам ляпинским, изготовленные из стекловидного состава, встречаются в срубной и сарматской культурах, а рубчатые (п.1, рис.3, *2, 3*) часто находят в сарматских и савроматских памятниках.

Аналогии почти всем бусам из могильника Ляпинская балка в огромном количестве имеются в Мамай-Сурке (несколько десятков погребений). Многие из видов ляпинских бус есть в Каменском могильнике на р.Конке (Сымонович Э.А., 1956) и в других грунтовых могильниках.

Три бусины в форме уточек – единственные зооморфные вещи, обнаруженные в могильнике (п.38). Предметы изготовлены из стекла белосерого цвета с зеленоватым оттенком (рис.13, *10а, б, в*). В уточках имеются крохотные отверстия, проходящие вертикально через головки к основанию.

Наиболее близкие аналогии данным бусам происходят из грунтового могильника Мамай Сурка, где, по нашим данным, уже известно не менее 6 таких находок: пп.585 (1 экз.), 594 (3 экз.), 651 (1 экз.); 829 (1 экз.) (Каприцын И.И., 1994, рис.17, *10*; рис.19, *10*; рис.31, *9*; 1996, рис.23, *11*). Все фигурки изготовлены из стекла, а отверстия для подвешивания (продевания нитки) также, как и в случаях с нашими

уточками, проделаны в головках птиц вертикально через макушку.

Похожая бусина/подвеска в форме уточки найдена в одном из раскопов Селитренного городища (Бусятская Н.Н., 1976, с.61, табл.I, *2*). Известны такие бусы и в средневековом Болгаре (Полякова Г.Ф., 1996, рис.64, *8*).

Находки бус в виде уточек обнаружены в могильнике не случайно. Очевидно в Золотой Орде это был весьма популярный образ. Изображение утки нередко помещали на стенках и донышках чаш. В частности, один из таких выразительных рисунков находим на донышке кашинного сосуда из раскопок золотоордынского Белгорода на Днестре (Кравченко А.А., 1986, с.96, рис.37, *5*). Интересно, что изображения уток на керамике, зафиксированные в Белгороде на Днестре, стилистически абсолютно идентичны рисункам из разных, далеко удаленных друг от друга регионов, что может свидетельствовать об исключительной популярности этого образа, символизирующего у многих народов благополучие (Кравченко А.А., 1986, с.94).

Фигурки-уточки, изготовленные из разного сырья, а также изображение уточек, помещенных на многих предметах, чаще всего сосудах, – образ, воплощенный в памятниках именно оседлых культур. Находка в могильнике данных фигурок в определенной степени наталкивает на мысль о процессе переориентации жителей поселка с охоты на сугубо степную фауну, которая тяготеет к рекам и другим водоемам. Сказанное, в совокупности с другими характерными чертами могильника, может свидетельствовать об уже свершившемся переходе бывших кочевников к оседлому образу жизни.

Впервые же такие изображения появляются в Восточной Европе еще в эпоху неолита, где образы водоплавающих птиц составной частью входили в мировоззренческую систему, отводящую водной стихии немаловажную роль во взаимодействии человека и природы (Китицына Л.С., 1976, с.88-89).

Утка, вообще, принадлежит к числу семантически емких образов. Помимо оберега, она имела значение символа небесной влаги и неба, т.е. верхнего мира (Павлова А.Н., 1997; 2001, с.315). "Птица считалась воплощением света, жизни, а утка – воплощением женщины" (Патрушев В.С., Митюкова Е.А., 2001, с.322).

Астрагалы овцы/козы – нередкая находка в археологических памятниках различных культурных пластов, и рассматриваются они как один из видов сопроводительного инвентаря. У поздних кочевников встречаются реже, чем в предыдущие эпохи. Интересны они, прежде всего, с двух позиций: как атрибуты игры и гаданий, и с точки зрения их охранительной функции. В совокупности эти и другие свойства астрагалов содержат в себе немало информации семиотического характера, но, к сожалению, они ни разу не стали поводом к специальному исследованию археологов-медиевистов.

Монеты. Обнаруженные в двух погребениях 4 золотоордынских дирхема позволяют уточнить и без того хорошо определяемую дату могильника.

Дирхему из п.2 (рис.3, *12*) наиболее близки четыре дирхема Абдаллаха чекана Орды 767 г.Х. (1365/1366 гг.) из клада, обнаруженного вблизи Сарая. Два из них очень схожи по типу штемпеля дирхему из Ляпинской балки. Отличие состоит лишь в наличии на сарайских экземплярах украшения из 6 точек, образующих своеобразную звездочку (Григорьев В.В., 1850, с.33). Время попадания дирхема в некрополь Ляпинская балка более менее ясно. Хорошей сохранности, он явно "выпал" в погребение не намного позднее, чем был отчеканен. Скорее всего это произошло во 2-й пол.70 гг. XIV в.

Заметим, что 767 г.Х. примечателен – это был самый разгар происходящей в Золотой Орде ханской междоусобицы. В связи с этим отметим, что еще в 1992 г., критически разбирая традиционно принятую в литературе периодизацию золотоордынских памятников Нижнего Поволжья, Е.П.Мыськов указал на очень важный факт. Специально исследовав все доступные исследователю погребения с джучидскими монетами, он не выявил среди последних более поздней, чем с датой 1364 г. (765/766 г.Х.). Именно в это время, по мнению Е.П.Мыськова, произошел распад Золотой Орды на несколько самостоятельных улусов, который автоматически привел к разрушению товарно-денежных отношений (Мыськов Е.П., 1992, с.19). Видимо, этот процесс не был в одинаковой мере разрушительным на всей территории Золотой Орды.

Интересны и три недатированных дирхема Узбека, очевидно чеканенные в Крыму (Френ Х.М., 1832, с.9, № 64, табл.II, XLVIII), из п.7 с проставленными на них надчеканками, относящимися к тем же смутным для Золотой Орды 60 гг. XIV в. На двух из них стоит хорошо известная в литературе надчеканка в виде слова "хан". Чаще всего эта надчеканка встречена на монетах, выпущенных в Булгаре (Янина С.А., 1954). Кстати, исследовательница зафиксировала их там только на меди (пулах). В последующее время такая надчеканка стала выявляться и среди дирхемов (Северова М.Б., 1990, с.45; Лебедев В.П., Дунин В.Н., 1997, с.29). Большое количество надчеканок "хан" в Булгаре на пулах Хызра, единичных экземплярах, принадлежащих ханам Кильдибеку (763 г.Х.) и Мир-Пуладу (764 г.Х.), а также их полное отсутствие у Абдаллаха (764-770 гг.Х.=1362-1369 гг.) позволяет отождествить данную группу монет с последним из указанных ханов (Янина С.А., 1954).

На третьем дирхеме на лицевой стороне, возможно, также помещена надчеканка. Во всяком слу-

чае, вдоль края монетного поля ясно видно вторичное изображение, которое имеет вид овальной решетки. Точно такой же "орнамент-надчеканка" есть на одном из дирхемов хана Узбека из клада, обнаруженного в медресе (помещение 18) г.Крыма и помещенного в статье М.Б.Северовой. Важно отметить, что на монете, опубликованной М.Б.Северовой, кроме отмеченной особенности, есть еще надчеканка в виде изображения портала – символа ворот Генуи (Северова М.Б., 1990, с.45, рис.III, 9).

Эти надчеканки, на первый взгляд, могли появиться не ранее 1421 г., так как именно в этом году миланский герцог Филипп Мария Висконти, владевший Генуей и ее колониями с 1421 по 1435 г., выпустил первые аспры генуэзской колонии Кафы (Ретовский О.Ф., 1914, с.1). На лицевой стороне этих аспров и помещался портал. Следовательно такая надчеканка, логически, могла появиться на джучидских монетах не ранее 1421 г. Однако М.Б.Северова указывает, что несколько стертых монет с такой надчеканкой известны с датами кон.XIV в. (Северова М.Б., 1990, с.45). Одним словом, дирхемы Узбека [как, возможно, и других ханов – А.Е., В.К.], по мнению исследовательницы, могли находиться в обращении и в XV в. Но поскольку на экземпляре из Ляпинской балки изображения портала нет, а видна только надчеканка в виде решетчатого овала, то относить этот дирхем к кон.XIV – 1-й пол.XV в. воздержимся. Учитывая же некоторое время хождения монет в обращении и, по-видимому, позднюю "надчеканку" – "решетчатый овал", датировку могильника можно приблизить к 80-90 гг. XIV в.

Заключение

Могильник Ляпинская балка представляет собой промежуточное звено, несущее на себе влияние оседлой культуры золотоордынских населенных пунктов и традиций кочевой Степи. Собственно синкретизм золотоордынской культуры, составной, автономной частью которой была ее кочевая сторона, уже давно отмечен исследователями. Испытав мощное влияние золотоордынских центров, Степь с ее многовековыми многокомпонентными и разноэтничными традициями, в известной степени, преобразовалась в совершенно необычное культурное явление. В данном могильнике мы видим уникальное сочетание многих культурных тенденций, появившихся в период угасания культурного многообразия Золотой Орды. Это и отражение процесса оседания кочевников на землю, имущественное неравенство, мирное сосуществование и переплетение язычества и ислама, дальние торговые связи и некоторые другие явления.

До сих пор считалось, что в позднезолотоордынских грунтовых (кон.XIV в.) посткочевнических погребениях наблюдается небольшой ассортимент сопроводительного инвентаря. Однако могильник Ляпинская балка оказался в этом плане редким исключением. Более того, здесь обнаружен целый ряд таких типов вещей, которые на сегодня насчитывают лишь единицы, а некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. Такое положение дел и предопределило наше пристальное внимание к инвентарю могильника.

Наиболее ранним, по нашему мнению, являлось разрушенное п.1. Кроме того, что оно занимало самую юго-западную точку могильника, откуда, как уже было отмечено выше, последний и расширялся, в инвентаре также представлены относительно ранние типы, по сравнению с вещами остальных погребений. Это и вопросовидная серьга без обмотки проволокой, и рубчатые бусы и, конечно же, зеркало с так называемым гоном зверей, являющееся относительно остальных зеркал могильника самым ранним типом.

С точки зрения выяснения верхней даты памятника, отметим, что оба погребения с монетами располагались в западной (ранней) части могильника. Все же захоронения с выраженными чертами мусульманской обрядности, являясь самыми поздними, в отличие от наиболее ранних комплексов, сосредотачивались в восточной группе. Такое взаиморасположение этих групп позволяет предложить следующую реконструкцию расширения могильника. Некрополь, по-видимому, увеличивался сначала с запада (пп.1-3, 6-8) на восток (пп.19, 25-31, 34-38), затем на север в западной группе (пп.4, 5, 9-11) и, наконец, на север в восточной группе (пп.12-18, 20-24, 32, 33). В дальнейшем некрополь, если бы не какие-то серьезные причины, скорее всего, расширялся бы вновь в западном направлении, заполняя образовавшееся пространство между западной и восточной частями могильника. Об этом свидетельствует размещение п.23, без сомнения, являвшегося одним из наиболее поздних, если не позднейшим погребением.

Сопроводительный инвентарь, как и целый ряд черт погребального обряда, даже без учета обнаруженных в могильнике монет хорошо датирует памятник 2-4 четв.XIV в. Монеты же позволяют определить нижнюю датировку – как минимум 80 гг.

Учитывая, что могильник рос в течение какого-то времени, верхняя его хронологическая граница, очевидно, близка к самому концу XIV века.

Итак, публикуемый памятник, очевидно, следует отнести ко времени стремительного упадка степной (кочевой) золотоордынской культуры, когда интенсивно стали происходить кардинальные изменения в мировоззрении кочевников, вызванных, в первую очередь, массированным проникновением ислама.

Литература и архивные материалы

Баллод Ф.В., 1923. Приволжские "Помпеи" (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). Москва; Петроград.

Березуцкий В.Д., 1985. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской обл. в 1985 г.// НА ИА РАН, № 11856.

Бусятская Н.Н., 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII-XIV вв.)// Средневековые памятники Поволжья. М.

Васюткин С.М., Кольцов П.М., Николаева Н.А., 1992. Средневековые погребения зоны канала Волга-Чограй// Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста.

Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г., 2001. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье// РА. № 2.

Газимзянов И.Р., 2001. Еще раз о могильнике "Бабий Бугор"// Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.

Гиджрати Н.И., Тменов В.Х., 1988. Погребения в каменных ящиках на холме Бузуни-Хума (сел.Махческ)// Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Горелик М.В., 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в.// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.

Горелик А.Ф., Выборный В.Ю., 1994. Научный отчет. Раскопки у с.Передельское Станично-Луганского р-на Луганской области в 1994 г.// НА ИА НАНУ, № 1994/62.

Гребенников Ю.С., Симоненко А.В., Смирнов И.А., 1991. Отчет о работах Николаевской экспедиции в 1991 г.// НА ИА НАНУ, № 91/161.

Григорьев В.В., 1850. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая// Записки археолого-нумизматического общества. Т.II. СПб.

Давлетшин Г.М., 2001. Некоторые вопросы исламизации общества Улуса Джучи и Волжская Булгария// Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.

Добролюбский А.О., 1985. Могильники средневековых кочевников в междуречье Днестра и Дуная// Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Евглевский А.В., 1990. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Луганск.

Евглевский А.В., 1998. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв.// Археологический альманах. № 7. Донецк.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья// ДАС. Вып.6. Донецк.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.

Ельников М.В., 2000. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье// Археологічний літопис Лівобережної України. Ч.1-2. Полтава.

Ельников М.В., 2001. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). Т.1. Запорожье.

Ефимов К.Ю., 1985. Отчет о раскопках курганов близ с.Третьяки Борисоглебского р-на Воронежской области в 1985 г.// НА ИА РАН, № 10825.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.

Изложение начал мусульманского законоведения. СПб., 1850.

Измайлов И.Л., 2001. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских булгар// Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.

Ильюков Л.С., 1981. Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском р-не Ростовской обл. в 1981 году// НА ИА РАН, № 8867.

Ильюков Л.С., 1986. Отчет об исследовании курганных могильников в Мартыновском р-не Ростовской области в 1986 году// НА ИА РАН, № 11601-11601а.

Каприцын И.И., 1994. Отчет о полевых исследованиях на могильнике "Мамай-Сурка" в Каменско-Днепровском районе Запорожской области в 1994 г.// НА ИА НАНУ, № 1994/117.

Каприцын И.И., 1996. Отчет о раскопках средневекового могильника "Мамай-Сурка" в Каменско-Днепровском районе Запорожской области в 1996 г.// НА ИА НАНУ.

Катанов Н.Ф., 1898. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу археологии, истории и этнографии// ИОАИЭ. Т.XIV. Вып.6.

Катанов Н.Ф., Айналов Д.В., 1902. Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губернии. Харьков.

Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.// САИ. Вып.Е1-36.

Китицына Л.С., 1976. Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш I// Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Комар А.В., Сухобоков О.В., 2000. Вооружение и военное дело Хазарского каганата// Восточноевропейский археологический журнал. 2(3). – (http://archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_suchobokov.htm).

Косяненко В.М., 1992. Новые поступления XI-XIV вв. в фонды Ростовского областного музея краеведения// Межрегиональная конференция "Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды". Тезисы докладов. Волгоград.

Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). К.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Кузин В.И., 1999. Отчет об охранных археологических исследованиях в Славянском районе в 1998 г. Донецк// Архив АНИГИФ ДонНУ. Донецк.

Кравченко Э.Е., 2002. Отчет о работах на Сидоровском городище в полевой сезон 2001 г. археологической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея// Архив АНИГИФ ДонНУ. Донецк.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Куприй С.А., Полин С.В., Николова А.В., Нечитайло А.Л., Шевченко Н.П., Шилова Т.П., 1982. Отчет об исследованиях Херсонской археологической экспедиции в 1982 году// НА ИА НАНУ, № 1982/4.

Кузьмин В.И., 2000. Позднекочевническое погребение на территории г.Ростов-на-Дону// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов.

Кульбака В.К., 1999. Звіт про дослідження курганів та грунтового могильника на території м.Маріуполя. // НА ИА НАНУ, № 98/26.

Ларенок В.А., 1992. Об этнической принадлежности погребенных в кургане у х.Семенкина// Донские древности. Вып.1. Азов.

Лебедев В.П., Дунин В.Н., 1997. Золотоордынские монеты из находок в Городце на Волге// Древности Нижегородского Поволжья. Вып.2. Нумизматический сборник. Т.I. Нижний Новгород.

Лубо-Лесниченко Е.И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.

Мамонтов В.И., 1992. Курганный могильник Зубовка// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.

Мамонтов В.И., 1993. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II// Древности Волго-Донских степей. Вып.3. Волгоград.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого// МИА. № 65.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв.// САИ. Вып.Е1-36.

Милорадович О.В., 1963. Средневековые мечети городища Верхний Джулат// МИА. № 114.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996. Надписи на металлических изделиях// Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Мыськов Е.П., 1992. О периодизации золотоордынских памятников Нижнего Поволжья// Межрегиональная конференция "Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды". Тезисы докладов. Волгоград.

Нарожный Е.И., 2003. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Донецк.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XIV вв.)// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.2. Армавир.

Науменко В.Е., Фролов Б.Е., 2001. Регалии Кубанского казачества. Краснодар.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Недашковский Л., Ракушин А., 1998. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища// Татарская археология. № 1. Казань.

Павлова А.Н., 1997. Космологические символы в древнемарийском искусстве IX-XI вв. (семантический анализ археологического материала). Дис. ... к.и.н. Йошкар-Ола.

Павлова А.Н., 2001. К семантике древнемарийских женских головных уборов// Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып.2. Казань.

Патрушев В.С., Митюкова Е.А., 2001. Костюм финно-угров Поволжья// Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып.2. Казань.

Покас П.М., Стародуб А.В., 1991. Отчет о работе курганного отряда Днепровской Древнерусской экспедиции в 1991 г.// НА ИА НАНУ, № 91/25б.
Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов// Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
Ретовский О.Ф., 1914. Генуэзско-татарские монеты// Известия Императорской археологической комиссии. Вып.51. Петроград.
Савенко С.Н., 1985. Хронологические особенности зеркал X-XII вв. н.э. Центрального Предкавказья// Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
Савченкова Л.Л., 1996. Черный металл Болгара. Типология// Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
Северова М.Б., 1990. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа// СГЭ. Вып.LIV.
Синицын И.В., 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане// Труды Института истории, археологии и этнографии. Т.I. Археология. Алма-Ата.
Сунчугашев Я.И., 1979. Древняя металлургия Хакассии. Эпоха железа. Новосибирск.
Сымонович Э.А., 1956. Погребения X-XII вв. Каменского могильника// КСИИМК. № 65.
Тарабанов В.А., 1984. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по материалам 1973 г.)// Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Френ Х.М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К.Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М.Френа. СПб.
Хабарова Н.В., 1994. Средневековые зеркала из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Случайные находки// Древности Волго-Донских степей. Вып.4. Волгоград.
Халикова Е.А., 1978. О могильнике "Бабий Бугор" в Болгарах// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
Халикова Е.А., 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – нач.XIII в. Казань.
Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск.
Чахкиев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И., 1986. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов// Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.
Яблонский Л.Т., 1978. Исследование средневекового некрополя на городище у с.Селитренное// Полевые исследования Института этнографии 1976 г. М.
Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг.// МИА. № 42.

Summary

A.V.Yevglevsky, V.K.Kulbaka (Donetsk, Mariupol, Ukraine)

The Ground Burial of the Golden Horde Period in Lyapinskaya Balka in North-Earsten Azov Territories

The article is devoted to an extraordinary ground burial of the middle XIVc. comprising 38 interments. The monument was excavated at the outskirts of the town of Mariupol in the estuary of the river Kalmius flowing into the Azov Sea.

Generally, the funeral ritual of the burial ground can be divided into two groups. The first group icludes the dead oriented towards the sunrise, predominantly (19 out of 21) to the north-east. All of them are supplied with some appliances. The dead had been buried by the pagan ritual, though in an obviously simplified, unified form, i.e. without any wooden frames serving as coffins, horses, lining, steps and other features of the ritual characteristic of the earlier period. The second group of the dead is oriented towards to the western section of the sky (14 complexes) with obvious predominance of strictly western orientation. Most interments in this group have no accompanying appliances, others have very few items. Apparently, in this group the features characteristic of the muslim funeral ritual prevail over the pagan ritual features.

The appliances found in the burial confirm the idea of syncretism of the Golden Horde culture whose constitutive autonomous part was its nomadic/seminomadic "version".

This monument displays a unique combination of most tendencies realized within the period of the highest peak of the Golden Horde, i.e. reflection of the process of the nomadic tribes' settlement, property inequality, peaceful coexistence of heathenism and Islam within the same group of people, as well as far-reaching commercial links and some others.

A.V.Jevglevskij, V.K.Kulbaka (Donezk, Mariupol, Ukraine)

Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja aus der Zeit der Goldenen Horde im Nordostraum des Asowschen Meeres

In dieser Studie wird eine ungewohnliches Graberfeld aus der Mitte des 3. Viertels des 14. Jh. behandelt, das 38 Bestattungen umfasst. Diese Begrabnisstatte wurde am Rande der Stadt Mariupol an der Mundung des Flusses Kalmius ins Asowsche Meer ausgegraben.

Der Beisetzungsritual der Grabstatte lasst deutlich eine Teilung in 2 Leichengruppen erkennen. Die eine bilden die Verstorbenen, die dem Sonnenaufgang zugewandt sind, wobei die meisten (19 von 21) die N-W-Orientierung haben. Alle sind mit ungleich vielen Grabbeigaben versehen. Diese Verstorbenen wurden nach heidnischer Tradition bestattet, allerdings bereits in einer sehr vereinfachten und einheitlichen Form, d.h. ohne jegliche Totenwohnstatten, Pferde, seitliche Grabwandnischen, Stufen.

Die zweite Gruppe der Bestatteten ist gegen den westlichen Bereich des Himmelsgewolbes orientiert (14 Grabkomplexe). Die Bestattungen dieser Gruppe enthalten vorwiegend kein Begleitinventar und die ubrigen nur sehr wenige Gegenstande. In dieser Gruppe sind die Merkmale der moslemischen Begrabnisrituale eindeutig erkennbar.

Die Grabbeigaben bestatigen den Synkretismus der Kultur der Goldenen Horde, deren autonomer Bestandteil die nomadische bzw. halbnomadische "Version" war. Aus diesem Grabmal lasst sich auf eine einmalige Verflechtung der meisten Tendenzen schließen, die in der Blutezeit der Goldenen Horde vorherrschten. Genannt seien vor allem die Sesshaftwerdung der Nomaden, die besitzmaßige Imparitat, friedliches Nebeneinander von Heidentum und Islam in einer Gemeinschaft, ferne Handelsbeziehungen u.a.m.

A.V.Jevglevskij, V.K.Kulbaka (Donezk, Mariupol, Ukraine)

La nécropole au ras du sol Creux de Lapino des temps de la Horde d'Or située dans la partie nord-est du bord de la mer d'Azov

L'article est consacré à une nécropole au ras du sol peu ordinaire datée du milieu du XIV siècle et qui réunit 38 tombeaux. Ce monument archéologique provient des fouilles dans la banlieue de la ville de Mariupol, située dans l'embouchure du fleuve Kalmius qui se jette dans la mer d'Azov.

Le rite funéraire de cette nécropole embrasse deux groupes de morts. Le premier comprend des morts orientés du côté du lever du soleil, dans la majorité de cas (19 de 21) au nord-est. L'enterrement est effectué suivant la tradition payenne, mais le rite est simplifié, c-à-d il n'y a ni cercueil, ni cheval, ni terrasse, ni gradin.

Le deuxième groupe de morts est orienté dans la partie ouest du ciel (14 complexes) à l'ouest par excellence. La majorité écrasante de tombeaux de ce groupe n'a aucun mobilier. Ou il n'est pas nombreux, il faut reconnaître la prédominence des traits du rite musulman.

Le mobilier des tombeaux confirme l'avis de plusieurs chercheurs quant au syncrétisme de la culture de la Horde d'Or dont la "version" nomade ou demi-nomade fait une partie autonome.

Ce monument présente la coexistence de plusieurs tendences de la période de l'épanouissement de la Horde d'Or. Ce sont les traits du début de la vie sédentaire de nomades del, l'inégalité de propriété, de la coexistence pacifique du paganisme et de l'islam dans une collectivité, des relations commerciales avec des pays lointains.

Статья поступила в редакцию в феврале 2003 г.

Е.С.Отин

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Часть 1. Каяла[1]

Полѣчю, рече, зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ в Каялѣ рѣцѣ.
("Слово о полку Игореве")

В одном из своих фундаментальных исследований "Слова о полку Игореве", говоря о невозможности идентификации гидронима *Каяла* с каким-то определенным географическим объектом Половецкой земли, академик Б.А.Рыбаков пишет: "Все варианты определения места битвы Игоря с Кончаком, которые базируются на созвучности названий рек в бассейне Северского Донца и Дона, *должны быть признаны непригодными*" (выделено автором). И далее: "Весь разнобой определений места битвы Игоря происходил от искушения найти на современной географической карте р.Каялу. Но поиски, которые велись более столетия, так и не выявили ее ни на "Большом чертеже" XVI в., ни на картах XVII-XVIII вв., ни на картах нашего времени. Исключение составляет только статья В.М.Глухова, который отыскал железнодорожную станцию Каялу в 30 км южнее Ростова-на-Дону" (Рыбаков Б.А., 1971, с.222-223)[2]. Как известно, гипотеза В.М.Глухова не нашла поддержки у историков и лингвистов (Кудряшов К.В., 1958, с.49; Попов А.И., 1969, с.182). Известный советский ономаст А.И.Попов вполне справедливо отметил отсутствие этимологической общности между *Каялою* "Слова о полку Игореве" и названием притока Егорлыка (в бассейне Маныча) – *Калалы* (*Калала*)[3]: если первая является типичной формой тюркского прилагательного со значением "скалистая", то другая – такое же прилагательное, но образованное от апеллятивной основы *кала* – "крепость". В этом же районе протекает иная речка с подобным названием – *Калаус* (впадает в озеро Шара-Халсун, образованное Восточным Манычем) (Костенков К. и др., 1861, с.83), которое расчленяется на монголо-тюркский географический термин *ус* – "речка" и компонент *кала* в определительной функции (тюркский топонимический изафет). Как известно, авторы других гипотез место боя Игоревой рати с половцами связывают со средним течением Северского Донца (идентифицируя *Каялу* с его притоками – Каменкой, Айдаром, Быстрой и др.), или же переносят его в приморские районы Северного Приазовья, отождествляя *Каялу* с Кальмиусом (Н.О.Аристов; в наши дни этой точки зрения некоторое время придерживался и К.В.Кудряшов) (Аристов Н.О., 1877, с.20; Кудряшов К.В., 1958, с.58) или Мокрыми Ялами (А.В. Лонгинов, Б.А.Рыбаков) (Лонгинов А.В.,1892; Рыбаков Б.А., 1969)[4]. Сторонники отождествления *Каялы* с Мокрыми Ялами (левым притоком Волчьей, л.п.Самары, л.п.Днепра) указывали на созвучность названия *Ялы* с исходной частью гидронима *Каялы* (предположительно несклоняемой формой топонимического прилагательного), допуская, очевидно, что в процессе дальнейшего развития он утратил свой начальный состав. С "лингвистических позиций" попытался подойти к обоснованию этой тождественности поэт Олжас Сулейменов (Сулейменов Олжас, 1968). Он отказывает компоненту *ялы* в лексической самостоятельности, считая его осколком полного имени (*Каялы*), которое вначале выступало с препозитивным детерминативом *су* (*су Каялы*), но в дальнейшем пережило фонетическую

---

[1] Отін Є.С. Гідроніми Східної України. Київ - Донецьк, 1977. С.26-40.

[2] Речь идет о статье В.М.Глухова "К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь", опубликованную в XI т. "Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы" (Л., 1955). Название этой станции иногда выступало и в форме *Каял* (Список населенных мест Области войска Донского, 1905, с.496).

[3] Оба варианта зафиксированы, например, в 1 части XVI т. "Военно-статистического обозрения Российской империи", который посвящен Ставропольской губернии (Военно-статистическое обозрение..., 1851, с.43).

[4] Б.А.Рыбаков позднее изменил свою точку зрения, принял толкование Е.В.Барсова (подробно об этом см.: Рыбаков Б.А., 1971, с.224).

субституцию (замену глухого гортанного *к* на *х*) и народно-этимологическое сближение со славянским прилагательным *сухая*. Звуковая и словообразовательная эволюция, согласно О.Сулейменову, проходила в такой последовательности:

I этап существования гидронима
(тюркский) *су Каялы* → *Сукаялы*
↓
II этап (славянский)
а) фонетическая субституция *Сухаялы*
↓
б) народно-этимологическое
переосмысление *Суха Ялы*
↓
в) морфологическая
перестройка имени *Сухие Ялы*[5]

Гипотеза О.Сулейменова уязвима во многих местах. В тюркской гидронимии географический термин *су*, как правило, употребляется после собственного имени: препозитивное же *су* утрачивает признаки термина, приобретая функции определения. Поэтому неправдоподобным представляется его постановка перед другим топонимическим прилагательным (*каялы*). Кроме того, у нас нет достаточных оснований считать, что топонимическое прилагательное *каялы* в тексте "Слова" было несклоняемым, как это вытекает из гипотезы О.Сулейменова и как считают некоторые другие исследователи (Pritsak O., 1964, с.61; Menges K., 1951, с.29)[6].

В своей содержательной рецензии на изданный в Гааге словарь к "Слову о полку Игореве" Т.Чижевской И.Г.Добродомов и И.С.Улуханов, на наш взгляд, убедительно показали "неправомерность отнесения гидронима *Каяла* к несклоняемым словам" (Вопросы языкознания, 1966, с.120). Всякие попытки связать *Каялу* с гидронимом *Ялы* бесплодны как с исторической, так и с лингвистической точки зрения. Первые фиксации гидронима *Ялы* находим на карте Украины, которая охватывает территорию военных действий 1736-1739 гг. (составитель неизвестен), где речка с таким названием изображена как правое ответвление р.Берды (*Berda R*, ее левое ответвление в верховьях – *Kalmic R.*, то есть р.Кальмиус) (Кордт В., 1931, карта № 23), и на "Генеральной карте от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова" 1743 г. (Генеральная карта...). В тюркских языках омонимичный апеллятив, выступая в значениях "берег", "побережье", "набережная", имеет ограниченное распространение. В.В.Радлов указывает лишь на крымское и османское "наречия", то есть на языки крымских татар и турок, Л.З.Будагов – только на турецкий язык (Радлов В.В., 1905, с.165; Будагов Л.З., 1871, с.341). Эта лексема присутствует и в греческом языке (γιαλός – "берег", "побережье").

Крымские татары, ногайцы, а потом и крымские ("мариупольские") греки, которые поселились в кон. XVIII в. в необжитых степях Северного Приазовья, этим словом вначале называли урочище – широкую, богатую луговой растительностью пойму л.п.Волчьей или "высокие глинистые берега" (Материалы к оценке..., 1904, с.14) левой стороны Мокрых Ялов, а потом уже, благодаря топонимической метонимии, это имя получила

---

[5] Что касается народно-этимологического переосмысления других монголо-тюркских детерминативов *-гол* и *узен*, которое допускает автор, то тут он чрезмерно преувеличивает результаты этого процесса, утверждая, что от этих терминов происходят многочисленные гидронимы в бассейнах Днепра и Дона типа *Узенькая, Голая, Голенькая* и т.д. О гетерогенной природе исходной морфемы *гол* (от лит. *-gala, -galas*, что обозначает "край, конец", и от лексемы мордовского происхождения; добавим также и тюркско-монгольский термин) уже писалось в топонимической литературе (Zajączkowski A., 1949, с.172). О.Сулейменов усматривает географический термин *гол* в составе словоформы *тарголовое* (конъектура О.Сулейменова: *Торголовое*) из летописной фразы о битве 1185 г. "Игоря же бяхуть яли *тарголове*, мужь именем Чилбук". Как считает А.Зайончковский, "это, очевидно, собирательное название, которое обозначает половецкий род, образовано славянами с помощью форманта *-ове* от слова *targyl* – "пегий конь" (Труды Отдела древнерусской литературы ..., 1958, с.46). Польский исследователь приводит целый ряд примеров того, как названия коней становились древнетюркскими родо-племенными названиями (этнонимами) – от масти коней ("орда, которая имеет коней той или иной масти") (там же, с.33 и сл.).

[6] Как несклоняемую форму приводит данный гидроним Р.О.Якобсон в своем переводе "Слова" на современный русский язык (Якобсон Р.О., 1958, с.116-121). В некоторых поэтических переводах "Слова" встречаются и ничем не оправданные формы женского рода – *Каяль* и мужского – *Каял* , например: "И в Каяль-реке бобровый Я рукав мой омочу" (И.И.Козлов. Плач Ярославны, 1825 г.); "Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке *Каял*" (В.Брюсов. Певцу Слова, 1912 г.); "... Омочу я свой рукав бобровый Во *Каял-реке* той половецкой" (стихотворный перевод "Слова" О.Скрипова, изданный в Ростове-на-Дону в 1970 г.); "На *Каял-реке* тьма свет покрыла" (там же) и пр.

и сама река[7]. В некоторых селах Донецкой области, например, в Степном (Новоселовка № 1) и Зажиточном (Чермалык), колхозные земли ("поля") и огороды на берегу Кальмиуса до недавнего времени назывались *ялус*. Это свидетельствует о том, что деэтимологизация гидронима в речи "мариупольских греков" (по языковому признаку они делятся на тюркофонов и эллинофонов) – явление сравнительно недавнего времени[8]. Наш гидроним не одинокий в топонимии юга. Выше Мокрых Ялов (с их левым притоком – Ялами Сухими) в *р.Волчью* впадают еще одни Сухие Ялы (на ряде рукописных карт XVIII в. эти два притока Волчьей именовались соответственно *Нижними и Верхними Ялами*). Сравните еще название балки *Яла* в бассейне Кривого Торца (Маштаков П.Л., 1934, с.54). Один из левых притоков Сухой Волновахи (п.п. Кальмиуса) еще в прошлом веке назывался *Сара Яла* (Материалы к оценке..., 1904, с.22). В крымской топонимии: *Ялы Богазы* (небольшая теснина на пути из с.Отуз к морю) (Кеппен П., 1837, с.104), урочище *Ялы Тузла* (Дубровин Н., 1887, с.93), *Микрояло* – "малый берег" и *Мегаяло* – "большой берег" – греческие названия местности с крутым склоном к морю около Балаклавы (*яло* < γιαλος или το γιαλο) (Белецкий А.А., 1969, с.211). Сравните также балканский гидроним *Яла* – название правого притока речки Босни (Головацкий Я., 1884, с.368). И.Заимов отмечает частое употребление географического термина *ялията* в бассейнах Вита и Янтры (Заимов И., 1959, с.292).

Все эти факты свидетельствуют о первичности гидронима *Ялы*, который возник самостоятельно, а не в результате мнимой деформации тюркского топонимического прилагательного *Каялы*. Таким образом, гипотеза А.В.Лонгинова (К.В.Кудряшова – Б.А.Рыбакова)[9] – О.Сулейменова неудовлетворительна и в топонимическом отношении.

"Внутренняя форма" гидронима *Каяла* достаточно ординарна в тюркской (и не только тюркской) гидронимии. В XII в. "скалистых" или "каменистых" рек в Половецкой земле, очевидно, было много. Но только одна из них осталась в памяти русичей, пять раз отразившись в поэтическом тексте "Слова" и один раз – в летописном рассказе о походе Игоря (в текст "Задонщины", как известно, этот гидроним проник из "Слова"). Нигилистическое отношение к реальности *Каялы*[10] было вызвано тем, что она действительно не была выявлена среди названий притоков Северского Донца, которые дошли до нас. Но *Каяла* названа в "Слове" "рекой половецкой" – свидетельство того, что она была значительной по размерам и поэтому хорошо известной (маленькая речка вряд ли получила бы такое определение, сравните хронологически отдаленную параллель: "Волга, русская река"). Была ли на территории Северного Приазовья, заселенной в XII в. разными половецкими объединениями Черной Кумании, такая река? Есть некоторые основания допустить, что была, но находилась она не там, где происходило противоборство русских с половцами, описанное в "Слове" и в Ипатьевской летописи.

Некоторые рукописные карты 2-й пол.XVIII в., а также отдельные издания XVIII-XIX вв. свидетельствуют, что в гидронимии приморских районов нынешней Запорожской области, до 60 гг. XIX в. заселенных ногайцами, было несколько составных названий с топонимическим прилагательным *каялы*. Часть из них позднее подверглась универбации – стяжению в одно слово, иные в наше время уже забыты[11]. Два из них – в бассейне р.Молочной (летописной Сутини): балка *Каялы Кулак* (*Куялы Кулак, Каикулак* и др.) и речка *Каялы Джуюшан* (*Каялышан, Каялыша* и др. с левым притоком-балкой *Каялыкула (к)*. На восток от озера Молочного в Азовское море впадает р.Лозоватка, которая в XVIII в. во многих географических источниках именуется также *Бердянкой (Бердинкой)* или *Нижней Бердой*, а в списке населенных мест Таврической губернии, изданном в 60 гг. XIX в., названа еще *Бердыкай Али* (ис-

---

[7] Сравните аналогичного происхождения гидроним *Берег* – название верховьев Оки, куда в XVI в. высылались отряды для наблюдения за крымскими татарами (Памятники дипломатических и торговых..., 1890, с.17).

[8] Сейчас, как показывают материалы топонимических экспедиций Донецкого университета в села крымских ("мариупольских") греков, гидроним *Ялы* стойко связывается в языковом сознании с апеллятивом *яли* – "зеркало".

[9] В скобках приводятся фамилии исследователей, которые определенное время придерживались этой гипотезы, но впоследствии изменили свое отношение к ней.

[10] Ср. замечание В.П.Андриановой-Перетц: "Был сделан ряд попыток пояснить название реки "Каяла" из подобных географических имен, но в новейших работах дается перевес гипотезе М.Грамматина, который еще в 1823 г. предложил объяснить "Каялу" как производное от глагола "каяти" (Андрианова-Перетц В.П., 1968, с.91).

[11] Варианты этого и других гидронимов с прилагательным *каялы* и указания на источники см. в нашем "Каталоге рек Северного Приазовья" (Отин Е.С., 1974; 1975).

каженная запись составного гидронима *Берды Каялы*) (Списки населенных мест..., 1865, с.24).

Наконец, еще далее на восток в Азовское море впадает Берда, по которой в XVIII в. проходила граница между Россией и страной Восточный Ногай – материковыми владениями крымского хана. В ее названии отразилась та же реалия – каменистость берегов реки.

В гибридном славянско-тюркском гидрониме *Каялы Берд* мы имеем дело с типичной этимологической фигурой, которая возникла благодаря заимствованию тюрками старого славянского названия и повторного отражения в дотопонимическом значении тюркского определения *каялы* тех же особенностей географического объекта. Жаль, что Тунманн не называет источника, откуда он взял название одной из важнейших рек страны Восточный Ногай. В предисловии к русскому переводу книги Тунманна *Der Krimische Staat* справедливо отмечается: "Работа Тунманна является квинтэссенцией всего известного и доступного западноевропейской науке того времени о Крымском ханстве, и в этом ее значение для нас, тем более, что автор пользуется не только имеющейся тогда печатной литературой, но и не опубликованными источниками". И далее: "Он очень точно (сравнительно, конечно) передает огромное количество татарских и ногайских географических названий, которые приводились в предшествующей литературе искаженно", "он упоминает много рек (особенно на материке), до того в литературе неизвестных, частично теперь исчезнувших". Кроме того, высказывается допущение, что Тунманн собирал также "разные устные сведения" о Крымском ханстве, "более богатые, нежели литературные" (Тунманн, 1936, с.7, 11).

На составленной нами карте (рис.1) названий рек с семемами "камень", "скала" в топонимии Юго-Восточной Украины ареал гидронимов с топонимическим прилагательным *каялы* очерчен пунктирной линией. Это район, где в XI-XII вв. кочевала сутенская группа половцев, которая подверглась в 1103 г. сокрушительному разгрому русскими дружинами. "Степи южнее орды Бурчевичей (от р.Конки до моря)", как отмечает в своем исследовании половецких каменных изваяний С.А.Плетнева, были территорией "достаточно насыщенной статуями, а значит, и зимовищами. Район Западного Приазовья до самого Перекопа более всего можно отождествить с Лукоморьем, которое не один раз упоминалось русскими летописцами", хотя "летопись ни разу не указывает географических ориентиров Лукоморья". Лукоморская половецкая орда находилась "в сравнительной близости" от Руси (Плетнева С.А., 1974, с.21)[12], и русичи, осуществляя в последней четв. XII в. успешные походы в глубь степи, безусловно были знакомы с некоторыми топонимами этого района Половецкой земли и в первую очередь, конечно, с названиями рек, которые играли важную роль в жизни кочевников. Значительными водными артериями половецкого Лукоморья были реки *Сутин* или *Сутень* (современная р.Молочная)[13] и *р.Берда* (гипотетическая *Каяла*, или одна из *Каял*, точнее – самая большая из *Каял*). В определенной мере это подтверждается и тем, что в тексте "Слова о полку Игореве" *Каяла* территориально связывается с "синим морем", что́ рефреном проходит через все поэтическое повествование. Сравните: "**О! далече зайдє соколъ птиць бья – къ морю. А Игорева храброго плъкы не крѣсити**". "**Къ синему морю**" несутся "**бусови врани**" в "**мутном снє**" Святослава. "**Морє**" и "**Каяла-рѣка**" связаны в плаче Ярославны (ср.: "**омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ**" и "**Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на морє рано**").

"Море" "Слова о полку Игореве", небезосновательно подытоживает Б.А.Рыбаков, это никак не маленькое озерцо, соленое степное "морце", как пишет К.В.Кудряшов. Море здесь звучит торжественно и величественно – как определение "конца Поля Половецкого" (Рыбаков Б.А., 1971, с.237).

Почему же известное автору "Слова о полку Игореве" кыпчакское название реки Берды в дальнейшем не упоминается ни в одном из памятников и снова фиксируется только накануне присоединения Крыма к России в труде Тунманна и некоторых материалах сер.XIX в. (в списке населенных пунктов Таврической губернии)? Это, очевидно, произошло в результате присоединения приазовских земель к половецким владениям и значительного ослабления русского присутствия на данной территории. Русские забыли этот гидроним (хотя речка и связанное с ней урочище остались известны им благодаря более позднему славянскому топонимическому эквиваленту *Берда*), который продолжал свое существование в других тюркских языках Се-

[12] Как известно, во время одного из таких удачных походов в 1183 г. был пленен (исторгнутый "из луку моря") и убит лукоморский хан "поганый Кобяк".

[13] По нашим данным, славянская топонимическая калька *Молочные Воды* в памятниках появляется лишь с кон. XV в. (Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.11, 1975, с.21). В "Книге путешествия" Э.Челеби (XVII в.) эта речка еще носит тюркское название *Сют*, у Тунманна – *Сутсу*, в жалобе крымских татар на запорожцев 1748 г. – *Сутьбой* (там же).

верного Приазовья в последующие столетия, куда он проникает из половецкого языка. В монгольскую эпоху "кыпчаки (половцы) были главным населением степи" (Дешт-и-Кыпчак) (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.67) и преемственность географических названий в тюркской среде тут, вероятно, еще долгое время не нарушалась. Поэтому семантически прозрачное для крымских татар и ногайцев топонимическое прилагательное *каялы*, которое в более позднее время слилось – в функции дифференцирующего определения – со славянским названием *Берд(а)*, могло быть продолжением соответствующего топонимического прилагательного половецкой эпохи. Можем ли мы на этом основании утверждать, что речка *Каяла* в "Слове о полку Игореве" и приазовская *Каялы Берд* тождественны между собой? Сделать такой вывод мешает не только "география похода Игоря" (Б.А.Рыбаков), но и, как увидим, особенность стилистического функционирования этого географического названия в художественном тексте памятника.

Из всех существующих историко-географических схем похода Игоревого войска наиболее обоснованным (за исключением некоторых деталей чисто топонимического характера) нам представляется вариант Б.А.Рыбакова. Осуществив скрупулезное сопоставление текстов "Слова" и киевской хроники 1185 г. в составе Ипатьевской летописи, Б.А.Рыбаков четко размежевывает "поэтическую Каялу" и "реальный Сюурлий" (Рыбаков Б.А., 1971, с.236)[14]. До него многие исследователи маршрута Игоревого похода относили эти названия к разным географическим объектам. Так, А.В.Лонгинов считал, что Сюурлий – это р.Орлова в бассейне Волчьей, л.п.Самары днепровской, а *Каяла* – современные *Ялы*. По мнению Н.В.Сибилева, *Сюурлий* – это р.Голая Долина, л.п.Сухого Торца, а *Каяла* – какая-то иная река этого района (Сібільов М.В., 1950, с.107-108). Согласно К.В.Кудряшову, *Сюурлий* – это место впадения Голой Долины в Сухой Торец, а *Каяла* – р.Каменка, п.п.Северского Донца (Кудряшов К.В., 1958, с.58-59) и т.д.

В летописном рассказе о походе Игоря указаны реальные географические ориентиры движения русских дружин и столкновения их с половцами – Оскол, Донец, Сальница, Тор и др. Одним из таких реально существовавших географических объектов, несомненно, была речка *Сюурлий*, о которой трижды говорится в Киевской летописи и пять раз – в "зашифрованном" виде (под именем *Каялы*) – в "Слове о полку Игореве". Этимология гидронима *Сюурлий* уже давно привлекала внимание исследователей. П.Е.Ваденюк, усматривая в начальном составе названия *Сюурлий* связь с тюркским словом *су* – "вода", толковал гидроним как "половецкий перевод Тора" (связывая последний, в свою очередь, со славянским корнем *-тор-* в словах *торный* и *проторить*, "который выражает понятие движения") (Ваденюк П.Е., 1878, с.57). К.В.Кудряшов усматривал в гидрониме отображение тюркского апеллятива *суярлы* "разветвление рек", "разлив воды" (Кудряшов К.В., 1958, с.58). Б.А.Рыбаков этимологизирует *Сюурлий* как "комариная река", "река комаров", отождествляя ее с современной р.Гнилушей, л.п. Самары в ее верховьях (Рыбаков Б.А., 1971, с.244).

При этимологизировании гидронима *Сюурлий* не следует упускать еще одну возможность – вполне возможную связь его с тюркским географическим термином *саур* (*сауыр*), который обозначает бугры со сглаженными вершинами округлой формы (его первоначальное значение – "круп коня") (Конкашпаев Г.К., 1963, с.32)[15], тем более что битва на р.Сюурлий (или на "поэтической Каяле") проходила недалеко от "шеломени" (как допускает Б.А.Рыбаков, водораздела Днепра и Дона) (Рыбаков Б.А., 1971, с.245, карта). В связи с этим особое значение приобретает сообщение В.Н.Татищева (на которое в свое время обратил внимание и К.В.Кудряшов) (Кудряшов К.В., 1958, с.58)[16], что от реки Сюурлий половцы отступили за какую-то "гору". Учитывая это, гидроним *Сюурлий* может быть истолкован и как топонимическое прилагательное (с суффиксом *-лы*) от географического термина *саур*

[14] Сравните еще: "Внимательный к географическим деталям летописец Рюрика точно обозначает место битвы – на берегу речки Сюурлий; он трижды называет эту реку, не говоря ни одного слова о Каяле. Река Каяла, река плача и печали, появляется только в позднем дополнении автора Повести, которое было написано тогда, когда "Слово о полку Игореве" уже существовало" (Рыбаков Б.А., 1969, с.63).

[15] Другая лексико-семантическая параллель: казахский апеллятив *эркеш* – "горб (верблюда)" и казахский географический термин *эркеш* – "вершина горы". Семантический переход "горб (верблюда)" > "горный хребет, горб, бугор, возвышенность" отмечается и в других тюркских языках (Мусаев К.М., 1975, с.122-124).

[16] "Сопоставляя данные Татищева с Ипатьевской летописью, – пишет Б.А.Рыбаков, – мы видим, что в распоряжении Татищева был такой вариант киевского свода, в котором было значительно больше выдержек из черниговско-северского летописца" (Рыбаков Б.А., 1971, с.31).

(*Сюурлий* < *Саурли?*). В топонимии Северного Приазовья и сейчас сохраняется несколько названий высот (могил) с этим термином, который превратился в речи славянского населения в семантически неясное собственное имя[17]. Наиболее известная – *Саур-Могила* находится в верховье р.Камышевахи, л.п.Севастьяновки, л.п.Крынки, п.п.Миуса; другая (*Савур-Могила*) – в Токмакском районе Запорожской области, восточнее села Новопрокофьевки (см. карту).

В тексте "Слова о полку Игореве" *Каяла* как название речки, где происходила битва русских с половцами, встречается пять раз. Что касается шестого упоминания *Каялы* – как места гибели Изяслава Ярославича, то тут, очевидно, прав А.И.Попов, который квалифицировал его как "результат неточного прочтения" иного собственного имени и предложил конъектуру: "*Съ тая же Канины...*" (Попов А.И., 1967, с.216-218)[18]. Неудачные попытки найти "реальную" *Каялу* породили в последнее время нигилистическое отношение к признанию самой возможности существования такой реки. В новейших работах отмечается возвращение к старым взглядам на *Каялу* как на реку тоски и печали, как на "жаль-речку" (Барсов Е.В., 1889, с.356); вслед за Е.В.Барсовым определяется "символическое", а не географическое значение этого имени. Эта точка зрения последовательно проводится в монографии Б.А.Рыбакова "Слово о полку Игореве и его современники". Л.А.Дмитриев, как и П.Е.Ваденюк (который тоже считал, что *Каяла* "никогда не существовала как название географическое") (Ваденюк П.Е., 1878, с.57)[19], связывал гидроним с глаголом *каяти* (Дмитриев Л.А., 1953, с.36). Эта мысль была подвергнута критике со стороны топонимиста А.И.Попова, который убедительно доказал, что нет никакого основания выводить чисто куманское название половецкой реки *Каялы* ("скалистая") из древнерусского *каяти* (Попов А.И., 1969, с.182). Признавая правильной "барсовскую" формулу: "Каяла-река – Жаль-река", Б.А.Рыбаков, в отличие от других сторонников этой гипотезы, связывает Каялу с кыпчакским словом *qajaly* – "печаль" (со ссылкой на Н.А.Баскакова) и видит тут "игру слов", которая возникла при сближении половецкого *qajaly* с древнерусским *каяти* (Рыбаков Б.А., 1971, с.224). С этим трудно согласиться. Это был бы единственный тюркизм "Слова" с абстрактным значением и, возможно, единственный древнерусский топоним, который возник благодаря каламбуру. Пародийное использование этих созвучных слов предусматривает адекватность их восприятия, иначе не было бы никакого смысла в этой фигуре, она бы оставалась непонятной другим.

Весьма сомнительно, чтобы кыпчакское слово с абстрактным значением "печаль" было широко известно населению Киевской Руси (за исключением, конечно, переводчиков, но не для них же создавалось "Слово"). С топонимической точки зрения наиболее вероятным представляется отнесение *Каялы* к кыпчакскому прилагательному qajaly (мнение К.Менгеса, А.И.Попова и других исследователей) (Menges K.H., 1951, с.28-29; Попов А.И., 1969, с.182). Даже бросив беглый взгляд на карту гидронимов с семемами "скала" и "камень" в топонимии Юго-Восточной Украины, мы видим, что на этой территории данный естественный признак отразился в названиях многих рек, источников и балок. Очевидно, *Каял* в Половецкой земле было немало, как много Каменок, Скелеваток, Ташлыков и т.д. в современной топонимии Украины. Но только одну из них упоминает автор, употребляя ее имя обобщенно – как название половецкой реки вообще. Вполне вероятно, что такой реальной *Каялой* (то есть *Каялой*, которая имела географическое значение) могла быть река, которая спустя шесть столетий "объявилась" с гибридным тюркско-славянским именем *Каялы Берд(а)*. Гидроним *Каяла* (< *Каялы*) сначала соотносился русскими с конкретным географическим объектом в районе кочевий лукоморских половцев, потом эта связь могла ослабеть и совсем оборваться, и *Каяла* превратилась в обобщенное название всякой половецкой реки (как в народной поэзии славян гидроним *Дунай* стал обобщенным назва-

---

[17] Эта лексема обнаруживается и в первой части названия крымского села (около Бахчисарая) – *Сююрташ* (у Тунманна – *Сорташ*) (Тунманн, 1936, с.36, 87), которая по структуре является именным детерминативным словосочетанием, в котором "определяемое и определение выражено существительным" (Баскаков Н.А., 1975, с.140). А.И.Попов предложил иную этимологию гидронима *Сюурлий* – от *Сярі-лі* – "скалистая" (Попов А.И., 1971, с.34).

[18] Поправка А.И.Попова была поддержана В.П.Андриановой-Перетц (Андрианова-Перетц В.П., 1968, с.103), но "не успела" попасть во 2 выпуск "Словаря-справочника" "Слова о полку Игореве", составленного В.Л.Виноградовой (Л., 1967).

[19] Предполагаемую связь с глаголом *каяти* автор подчеркивает и постановкой ударения на первом слоге гидронима *(Кáяла)*.

нием всякой реки, в том числе и Дона)[20]. Это допущение подтверждается и самим текстом "Слова": "**погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя**". Значение "половецкая река вообще" присутствует и в определенном месте в плаче Ярославны: "**Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ**". Оба представленных тут гидронима имеют значение "река вообще" (соответственно русская и половецкая). Мы имеем дело с реализованным с помощью топонимов явлением, которое Д.С.Лихачев квалифицирует как "стилистическую симметрию". "В стилистической симметрии, – пишет он, – важно не то, в чем члены симметрии расходятся между собой, а то, что в них есть общее... Неточность симметрии составляет саму ее суть, позволяя в обоих случаях симметрии принимать только узкую совпадающую часть, отбрасывая "индивидуальные" особенности каждого члена" (Лихачев Д.С., 1967, с.173).

Учитывая все вышесказанное, мы не можем согласиться с точкой зрения Б.А.Рыбакова, что "находясь на берегу Сейма, притока Десны, который впадает в Днепр, Ярославна могла обращаться к Днепру с такой просьбой только в том случае, *если река Каяла находилась в бассейне Днепра*" (выделено нами – Е.О.) (Рыбаков Б.А., 1971, с.222). "Слово о полку Игореве" – художественное произведение. Использование его данных в историко-географических концепциях похода Игоря должно быть очень осторожным. Вряд ли Ярославна имела настолько точные географические знания, что представляла *Каялу* притоком Днепра (точнее – как один из незначительных притоков его левого притока - Самары). Такая гипертрофированная научная точность в поэтическом тексте "Слова" маловероятна. Исследователи "Слова" неоднократно отмечали его "разнообразную и многоплановую символику" (Якобсон Р.О., 1958, с.111), использование для создания "символического образа точной системы реалий" (Лотман Ю.М., 1958, с.40) и т.д.

Тропеическими сдвигами характеризуется и использование в тексте "Слова" собственных имен вообще и географических названий в частности. Автор "Слова", пишет Г.Ф.Корзухина, "вплетает в текст имена языческих богов, он вспоминает готских дев и Бусово время, у него какие-то реминисценции, связанные с Дунаем, и очень интересная серия упоминаний о Трояне. Поразил его воображение и Тмутараканский болван, независимо от того, сам ли он его видел, или только слышал о нем" (Корзухина Г.Ф., 1974, с.29). Перед нами то, что академик Д.С.Лихачев в докладе на Всесоюзной научной конференции, посвященной 175-летию первого издания "Слова о полку Игореве" (которая состоялась в сентябре 1975 г. в Чернигове), назвал "масштабным восприятием мира", "стилем монументального историзма", который пронизывает всю литературу Древней Руси. Этот стиль "характеризуется прежде всего стремлением рассмотреть объект изображения с больших дистанций – дистанций разнообразнейших: пространственных, временных, иерархических. Поэтическое, в эстетическом отношении ценное и важное только то, что может быть изображено великим и могучим в перспективе огромных расстояний" (Лихачев Д.С., 1975, с.6). *Море, Дон Великий* и *Каяла* – вот те наиболее отдаленные географические объекты земли Половецкой, которыми в "Слове" обозначены крайние рубежи похода Игоревой рати:

"**Чръныя тучи съ моря идутъ... Быти грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону Великому! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго!**".

Как в плаче Ярославны Каяла условно-поэтически сближается с *Дунаем*, так и в приведенном отрывке она называется рядом с *Доном Великим*, но это, понятно, еще не доказательство того, что *Каяла* была как-то географически связана с этой рекой. Ошибка некоторых исследователей заключается в том, что они игнорировали специфику стилистического строя "Слова", буквально толкуя выражение "**на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго**". Это условно выбранные ориентиры земли Половецкой, названия которых стали своеобразными поэтическими метафорами. Знаменательно, что в другом месте плача Ярославны в роли поэтического эквивалента *Каялы* выступает "море": "**Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано**". Сравните также: "**въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону**".

В основе "поэтической Каялы", вероятно, лежит реальная река с таким же именем, одна из

[20] Сравните в "Задонщине"; "**Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликове**"; "... **лѣжали трупи крестьянские аки сѣнныи стоги у Дуная великаго на брѣзе**" (в списке Ундольского; в других списках – *Дона*). Такое переносное, условно-поэтическое употребление собственного имени *Дунай* следует отличать от перехода его в омонимичный апеллятив, что фиксируется разными славянскими языками (см. об этом: Moszyński K., 1939, с.1563-1564; Rozwadowski J., 1948, с.295-297; Zierhoffer K., 1957, с.162-163).

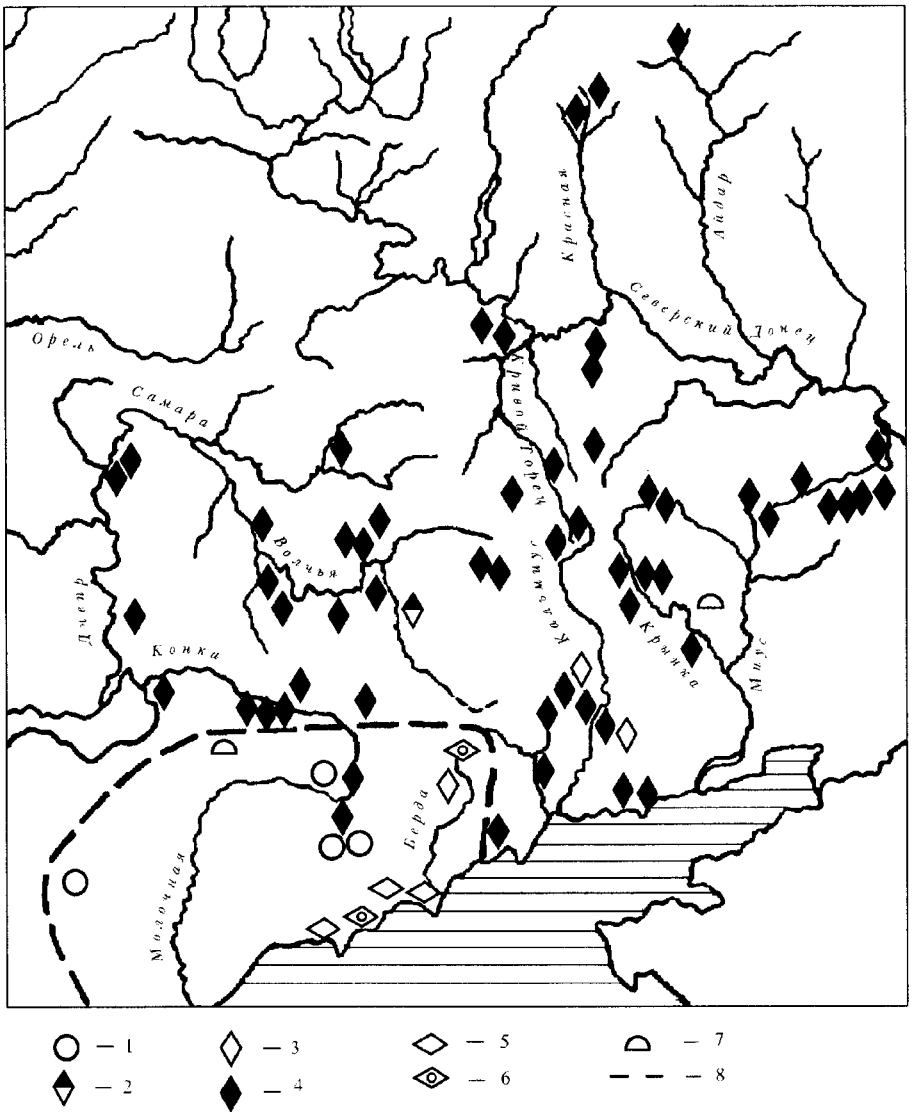

Рис. 1. Гидронимы с семемами "скала", "камень" в топонимии Юго-Восточной Украины. *1 – тюркские гидронимы с лексемой* ***qajaly****: 1) Каялга (Калга); 2) Каялы Кулак; 3) Каялышан (Каялы Джуюшан, Каялыша); 4) Каялыкула (к); 5) Берды Каялы (Бердыкай Али); 6) Каялы Берт; 2 – крымскогреческий гидроним с лексемой хая; 3 – тюркские гидронимы с лексемой таш; 4 – славянские (укр., рос.) гидронимы с лексемами кам'ян- (камен-), скель- (скал-), кремен-; 5 – славянские гидронимы с лексемой бердо; 6 – объединенные в одном названии славянская тополексема Берда с тюркским детерминативом (Каялы, Отaлы, Гелач); 7 – оронимы Саур (Савур) – могила; 8 – ареал гидронимов с топонимическим прилагательным qajaly.*

Fig. 1. Hydronyms with the sememes "rock", "stone" in the toponymy of the south-eastern Ukraine. *1 – Turkish hydronyms with the lexeme* ***qajaly****: 1) Kayalga (Kalga); 2) Kayaly Kulak; 3) Kayalishan (Kayaly Dzhuyushan, Kayalisha); 4) Kayalikula (k); 5) Berdy Kayaly (Berdikay Ali); 6) Kayaly Bert; 2 – Crimean Greek hydronym with the lexeme khaya; 3 – Turkish hydronyms with the lexeme tash; 4 – Slavonic (Ukrainian, Russian) hydronyms with the lexeme kamyan- (kamen-), skel- (skal-), kremen-; 5 – Slavonic hydronyms with the lexeme berdo; 6 – toponyms combining Slavonic topolexeme Berda and Turkish determinative (Kayaly, Otaly, Gelach); 7 – oronyms Saur (Savur)- mogila; 8 – the area of hydronyms with the toponymic adjective qajaly.*

Abb. 1. Hydronyme mit den Sememen "Skala" (*Fels-*), "Kamen'" (*Stein-*) in den Ortsnamen der Südostukraine. *1 – türkische Hydronyme mit dem Lexem* ***qajaly****: 1) Qajalga (Qalga); 2) Qajaly Qulak; 3) Qajalyschan (Qajaly Dschujuschan, Qajalischa); 4) Qajalykula (k); 5) Berdy Qajaly (Berdyqaj Ali); 6) Qajaly Bert; 2 – krim-griechisches Hydronym mit dem Lexem chaja; 3 – türkische Hydronyme mit dem Lexem tasch; 4 – slawische (ukrainische und*

russische) Hydronyme mit den Lexemen kamjan (kamen), skel- (skal-), kremen-; 5 – slawische Hydronyme mit dem Lexem berdo; 6 – in einem Ortsnamen zusammen gefügte slawische Topolexeme Berda mit einem türkischen Determinativ (Qajaly, Otaly, Gelatsch); 7 – Oronym Saur (Sawur)-Grab; 8 – Areal der Hydronyme mit dem toponymischen Adjektiv qajaly.

Dess. 1. Hydronymes aux sémèmes "roche", "pierre" en toponymie de l'Ukraine Sud-Est. *1 – hydronymes turcs au lexème* ***qajaly****: 1) Kaalga (Kalga); 2) Kaaly Kulak; 3) Kaâlyŝan (Kaâly Džuuŝan, Kaalisa); 4) Kaâlikula (k); 5) Berdy Kaâly (Berdykaj Ali) ; 6) Kaâly Bert; 2 – hydronyme krymskogrec au lexème haa; 3 – hydronymes turcs au lexème taŝ; 4 – hydronymes slaves (ukrainiens, russes) aux léxèmes kam'jan- (kamen-), skel- (skal-), kremen-; 5 – hydronymes slaves au lexème berdo; 6 – topolexème slave Berda réuni dans un nom au déterminatif turc (Kaâly, Otaly, Gelaĉ); 7 – oronyme Saur (Savur)- mohyla; 8 – espace d'hydronymes à l'adjectif toponymique qajaly*

рек земли Половецкой[21]. Этому допущению совсем не противоречит тот факт, что гидроним *Каяла* зафиксирован только одним памятником – "Словом о полку Игореве"[22]. Единичные упоминания в памятниках и других рек земли Половецкой (например, *Сутин, Тор, Дегей, Сальница*) не означают, естественно, что они были мало известны на Руси XII в. Если бы битва с половцами произошла не на реке Сюурлий, а на какой-то другой реке земли Половецкой, то и она так же могла быть поименована автором "Слова" *Каялой*. Поэтому мы считаем малоперспективными попытки связать этимологическое значение гидронима ("каменистая", "скалистая") с природными признаками реальных географических объектов (а именно от этого этимологического значения отталкиваются некоторые историки в поисках загадочной *Каялы*). Реальная Каяла, очевидно, была настолько же далекой от места битвы Игоря, как и Дунай от "заборола" Путивля, на котором причитала Ярославна. Перед нами одна из тех мнимых "неточностей" в самом поэтическом произведении древнерусской литературы, которая органично вытекает из всего его стилистического пространства[23].

Таким образом, подобно "поэтическому *Дунаю*" славянской народной поэзии, который утратил свое собственно топонимическое, или "географическое", значение, "поэтическая *Каяла*" в "Слове о полку Игореве" также изначально имела свой топонимический объект. На наш взгляд, им могла быть нынешняя приазовская река Берда, кыпчакское название которой было усвоено русичами XI-XII вв. во время их успешных походов в половецкое Лукоморье. Популярность этого имени в русской среде, которая отождествляла *Каялу* с одним из хорошо известных на Руси XII в. районов половецких кочевий в Северном Приазовье, послужила причиной того, что *Каяла* в художественном тексте "Слова" превратилась в обобщенное название половецкой реки вообще, в поэтический эквивалент летописного гидронима *Сюурлий*, и собственно в этом ее символическое значение.

Литература и архивные материалы

Андрианова-Перетц В.П., 1968. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII вв. Л.

Аристов Н.О., 1877. О земле Половецкой. К.

Барсов Е.В., 1889. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник Киевской дружинной Руси// Чтение в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн.2. М.

Баскаков Н.А., 1975. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М.

Белецкий А.А., 1969. Греческие элементы в географических названиях Крыма// Этимология. 1967. М.

[21] К слову, это дополнение – *"рѣкы половецкыя"*– еще один аргумент в пользу реального существования Каялы. Сравните также другие свидетельства (в Ипатьевской летописи, под 1193 г.) про *Илту* – "реку половецкую", в названии которой А.И.Попов находит тот же суффикс *-лы* (Попов А.И., 1971, с.34).

[22] Более поздние случаи его использования в памятниках – в киевской хронике 1185 г., "Задонщине" и в "Истории про великого князя Московского" А.М.Курбского (в форме *Кула*) – явно вторичного происхождения (см. об этом подробно в книге Б.А.Рыбакова "Слово о полку Игореве и его современники").

[23] Предостерегая от прямолинейного восприятия отдельных мест в "Слове о полку Игореве", академик Д.С.Лихачев в своем интервью корреспонденту "Литературной газеты" достаточно точно отметил: "...граница действительного и выдуманного в древней литературе проходила ближе к действительности, нежели она проходит сейчас, и с этой точки зрения комментарии историков "Слова " очень ценные, но все же, все же... "Слово" – это поэтическое произведение, а не документ, и на пути предъявления к нему исторического счета мы должны быть очень осторожны. Не всякое поэтическое лыко можно вставить в историческую строку " (Лихачев Д.С., 1975, с.6).

Будагов Л.З., 1869. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.1. СПб.
Будагов Л.З., 1871. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.2. СПб.
Ваденюк П.Е., 1878. Где нужно искать ту реку, на берегу которой 5-го мая 1185 года был разбит Игорь Святославич Новгородский и которая названа Каялой?// Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т.2. К.
Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16. Ч.1. Ставропольская губерния. 1851. СПб.
Вопросы языкознания, 1966. № 6.
Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова, 1743 р. Рукопись. ЦГВИА, ед. хр. 20 114.
Головацкий Я., 1884. Географический словарь западнославянских и южнославянских земель и прилегающих стран. Вильно.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
Дмитриев Л.А., 1953. Глагол "каяти" и река Каяла в "Слове о полку Игореве"// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.9. М.; Л.
Дубровин Н., 1885. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.1. 1775-1776 гг. СПб.
Дубровин Н., 1885. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.2. 1778 г. СПб.
Дубровин Н., 1887. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.3. 1779-1780 гг. СПб.
Заимов И., 1959. Местните имена в Придопско. София.
Кеппен П., 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.
Конкашпаев Г.К., 1963. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата.
Кордт В., 1931. Матеріали до історії картографії України. Частина 1. К.
Корзухина Г.Ф., 1974. Еще раз о Тмутараканском болване// Культура средневековой Руси. Л.
Костенков К., Барбот-де-Марни Н., Крыжин Н., 1861. Очерк Восточного и Западного Маныча// Журнал Министерства государственных имуществ. Ч.76. Кн.1.
Кудряшов К.В., 1958. Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.14. М.; Л.
Лихачев Д.С., 1967. Поэтика древнерусской литературы. Л.
Лихачев Д.С., 1975. Солнце русской поэзии// Литературная газета. 22 октября.
Лонгинов А.В., 1892. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса.
Лотман Ю.М., 1958. О слове "папорзи" в "Слове о полку Игореве"// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.14. М.; Л.
Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть, 1904. Вып.1. Мариупольский уезд. Екатеринослав.
Маштаков П.Л., 1934. Список рек Донского бассейна. Л.
Мусаев К.М., 1975. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). М.
Отин Е.С., 1974. Каталог рек Северного Приазовья// Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.10. К.
Отин Е.С., 1975. Каталог рек Северного Приазовья// Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.11-12. К.
Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, 1890. Т.1. СПб.
Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
Попов А.И., 1967. "Каяла" и "Канина" в "Слове о полку Игореве"// Русская литература. № 4.
Попов А.И. 1969. Заметки о "Слове о полку Игореве"// Русская литература. № 4.
Попов А.И., 1971. К изучению гидронимики Украины// Питання гідроніміки. К.
Радлов В.В., 1893. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1. СПб.
Радлов В.В., 1899. Опыт словаря тюркских наречий. Т.2. СПб.
Радлов В.В., 1905. Опыт словаря тюркских наречий. Т.3. СПб.
Радлов В.В., 1911. Опыт словаря тюркских наречий. Т.4. СПб.
Рыбаков Б.А., 1969. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г.// Труды Отдела древнерус-

ской литературы. Т.XXIV. Литература и общественная мысль Древней Руси. Л.
Рыбаков Б.А., 1971. "Слово о полку Игореве" и его современники. М.
Сібільов М.В., 1950. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського// Археологія. Т.4. К.
Списки населенных мест Российской империи, 1865. Т.XLI. Таврическая губерния. СПб.
Список населенных мест Области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., 1905. Новочеркасск.
Сулейменов Олжас, 1968. Где река Каялы?// Литературная Россия. № 38(298).
Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
Тунманн, 1936. Крымское ханство. Симферополь.
Якобсон Р.О., 1958. Изучение "Слова о полку Игореве" в Соединенных Штатах Америки// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.14. М.; Л.
Menges K.H., 1951. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian Epos „The Igor'Tale". New York.
Moszyński K., 1939. Kultura ludova słowian. Cz.II. Z.2. Kraków.
Pritsak O., 1964. Der Flussname 'Kalka'// International Journal of Slavic Lingvistics and Poetics. Vol.VIII.
Rozwadowski J., 1948. Studia nad nazwani wód słowiańskich. Kraków.
Zajączkowski A., 1949. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław.
Zierhoffer K., 1957. Nazwy miejscowe pólnocnego Mazowsza. Wroclaw.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

Kayala

The critical analysis of the existing etymologies of the hydronym *Kayala* in the text of "The Song of Igor's Campaign" which corresponds to the name *Syuurliy* in the chronicle about Prince Igor's campaign in 1185 is presented. An assumption about *Kayala* being a poetic equivalent for the real hydronym *Syuurliy* is being motivated. In the artistic language of "The Song..." the name *Kayala* is a generalized designation of any Polovets river as well as the Danube is often a symbol of a Slavonic river in the Slavonic folk poetry.

E.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Kajala

Eine kritische Betrachtung der bestehenden Ethymologien des Hydronyms *Kajala* im Text des "Igorliedes" ("Das Lied von der Heerfahrt Igors") liegt vor. Diesem Hydronym entspricht in der Chronik über die Heerfahrt des Fürsten Igor 1185 der Name *Sjuurlij*. Die Hypothese wird begründet, dass Kajala eine poetische Entsprechung des reale Hydronyms *Sjuurlij* ist. In der künstlerischen Sprache des "Igorliedes" ist der Name *Kajala* eine verallgemeinernde Bezeichnung jedes kumanischen Flusses, genauso wie in der slawischen Volkspoesie die *Donau* oft zu einem Symbol jedes slawischen Flusses wird.

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

Kaâla

Est présentée l'analyse critique des étymologies existantes de l'hydronyme *Kaâla* dans le texte du "Dit de la campagne d'Igor" auquel dans les annales relatant la campagne du prince Igor en 1185 correspond le nom *Suourliï*. Des preuves sont données à l'appui de l'hypothèse que Kaâla est l'équivalent poétique de l'hydronyme réel *Suourliï*. Dans le style poétique du "Dit" le nom *Kaâla* est la désignation généralisée de n'importe quelle rivière polovcienne comme dans la poésie slave populaire *le Danube* se présente en tant que le symbole de la rivière slave.

Часть 2. Форма *тарголове* в летописном свидетельстве о битве Игоря с половцами (1185 г.) на фоне ранневосточнославянских и древнетюркских бессуффиксных топоэтнонимов[1]

Одним из загадочных слов в известном летописном свидетельстве о походе северского князя Игоря Святославича на половцев 1185 г. является гапакс *тарголове*. В таком виде эта словоформа зафиксирована в Ипатьевском списке летописи, датированном, учитывая почерк и бумагу, 1-й четв.XV в. Встречается он в том фрагменте летописного текста, где рассказывается о пленении Игоря: "**Игоря же бяхуть яли Тарголове моужь именем Чилбоукъ а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь**..." (ПСРЛ, т.2, с.938, стб. 87, IV, с.644). В таком виде это слово попадает и в Хлебниковский список Ипатьевской летописи (XVI в.). Напротив, в более поздний – Ермолаевский список (кон.XVII – нач.XVIII в.) оно вносится в искаженном виде: "**Игоря же бяху яли Торгови му(ж) Чилбук**..." (ПСРЛ, т.2, с.52, раздел "Приложение"). Еще большему искажению подвергается слово в Густинской летописи 1670 г: "**Ятъ же бы[ть](с) и самъ кн[я]зь Игорь о(т) Та[р]галомъва мужа Чи[л]бука**" (Літописні оповіді..., с.144, 161). Как нетрудно заметить, последний отрывок содержит и другие лексико-грамматические расхождения с ранней редакцией летописного рассказа о походе Игоря, которая дошла до нас.

Кто же такие *тарголове*, как эта форма осмысливалась и объяснялась исследователями? В.Н.Татищев в своей "Истории Российской с древнейших времен" дает такой перевод этого отрывка: "Игоря взяли Торговы мужи Чилбук, Всеволода взял Роман князь" – в первой редакции; "Потом половцы разделили князей: Игоря взяли Торгов воевода Чилбук, Всеволода – Роман князь" – в другой редакции книги (Літописні оповіді..., с.112). Маргинальная пометка "Торг. кн." свидетельствует, что В.Н.Татищев связывал *тарголове* с антропонимом (очевидно, с именем предполагаемого половецкого военачальника) *Торг*, игнорируя всю остальную часть гапакса – *олове*. В "Примечаниях" к третьему тому "Истории государства Российского" (к его 3 главе) М.М.Карамзин приводит в вольном пересказе отрывок из Киевской летописи: "**И розведени быша, и пойде каждо в своя вежи. Игоря же бяху яли Тарголовъ мужъ Чилбукъ, а Всеволода Романъ Кзичь**" *(История государства Российского..., с.32)*, где форма *тарголове* трансформируется в относительное прилагательное от антропонима *Таргол*.

В 1853 г. объяснить форму *тарголове* стремится экстраординарный профессор Казанского университета И.Березин: "Половецкие ханы, вожди и вообще половцы имеют тюркские имена..." – отмечает он и среди них приводит антропоним *Таргъ*, или *Тарголъ*, этимологизируя его последний вариант на базе тюркской апелятивной словоформы *таркаул* "разбрасыватель" (Березин И., 1853, с.239).

Нам не известны другие попытки толкования и перевода этой формы в XIX в. И только в последние десятилетия было предложено еще три варианта передачи формы *тарголове* в переводах отрывка из Ипатьевской летописи. Первый из них – *тарголовец* – принадлежит известному историку, профессору МГУ К.В.Кудряшову: "Игоря взял Тарголовец, муж по имени Чилбук" (Кудряшов К.В., 1959, с.86). Отметим неточность: в летописных текстах это слово употреблено во множественном числе с флексией *-ове*. Понятно, что Игорь был пленен людьми с собирательным именем *тарголове*, одним из представителей которых (скорее всего, вождем) был половец по имени Чилбук. Обе части сообщения об этом объединены синтаксической сочинительной связью, присущей древнерусской разговорной речи, причем другая часть выполняет функцию уточнения: "**Игоря же бяхуть яли Тарголове // мужь именемь Чилбоукъ**".

Другой вариант перевода принадлежит С.А.Плетневой и В.Ю.Франчук. Первая из них (в книге о половецких изваяниях) включает суффиксально дооформленное ею и реально нигде не зафиксированное этническое название *Тарголовичи* в перечень названий половецких орд, морфологически освоенных древними русичами (с помощью патронимического суффикса *-ичи*): *Токсибичи, Чагровичи, Етебичи, Тетьробичи, Улашевичи* и др. (Плетнева С.А., 1974, с.22). Этот искусственно созданный этноним использовала и В.Ю. Франчук при переводе вышеприведенного фрагмента летописного текста: "Игоря ж взял в плен муж по имени Чилбук из Тарголовичей" (Літописні оповіді..., с.185). В нем правильно передано то, что Чилбук – один из представителей какой-то группы половцев, но само название этой группы приводится в "препарированном" виде.

Наконец, заслуживает внимания попытка О.Сулейменова приблизить первую часть *тар-* к названию реки *Тор*, а *-голове* связать с расширенным монголо-тюркским гидрографическим термином *гол* "река". Он впервые реконструировал древний вариант гидронима *Тор* в сочетании с этим термином – *Таргол* (Сулейменов О., 1968, с.21). Однако никаких пояснений значения первой части гид-

[1] Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. К.: Наукова думка, 1992. С.42-48.

ронима и разночтения а/о в *Торъ* и *тарголове* он не приводит. Термин *гол* казахский поэт ошибочно усматривает и в составе многих исконно славянских гидронимов типа *Гола, Голенькая* (от *голый* "чистый, безлесный, лишенный растительности"), *Лупоголова, Окаголова* (где *голова* – славянский географический апелятив со значением "исток, вершина, начало реки"). Предложенный О.Сулейменовым перевод: "Игоря взял муж по имени Чилбук с речки Таргол", то есть Тор, неточный, потому что в нем не учитывается форма множественного числа с флексией *-ове*. Этот элемент гапакса поэтом не объяснен.

Игорь Святославич был пленен половцами, во главе которых стоял знаменитый хан Кончак. Его вежи находились на р.Тор (нынешний Казенный Торец, п.Северского Донца, протекает на территории Донецкой обл.). Это было могущественное государственное образование. Сохранились неопровержимые свидетельства о их численности в междуречье Среднего Донца и Нижнего Тора не только при Кончаке, но и в более ранний период, когда донецкое объединение половцев возглавлялось ханами Шаруканом, Сугром и Отроком; самое большое количество половецких каменных идолов, которые дошли до нас, как показало картографирование их распространения, выполненное С.А.Плетневой, приходится именно на данный район. Одной из орд этого могущественного половецкого союза, разбросанного в степи после их разгрома русскими князьями в результате победоносных походов в степь 1109, 1111 и 1116 гг., была орда, названная С.А.Плетневой *Торголовичами* (в летописи: *тарголове),* которая в 70 гг. XII в. влилась в созданное Кончаком новое племенное объединение, "самое большое государственное объединение половцев" (Плетнева С.А., 1974, с.22). Факт существования крупного половецкого центра "между Северским Донцом и Тором" признает К.В.Кудряшов (Кудряшов К.В., 1948, с.133) и другие исследователи. К этим вновь объединенным "восточным половцам, которые занимали Подонье и были под эгидой Шаруканидов" (в отличие от западных половцев – Бонякидов), против которых и был организован поход Игоря, И.Г. Добродомов относит имеющийся в тексте "Слова" этноним *хинове* или *хины*, из реконструированной формы **хынъ* < *ḳŷn* (Добродомов И.Г., 1978, с.103, 126). Итак, *тарголове* были, очевидно, составной частью хинов, какой-то ордой, которая входила в союз восточных половцев.

В форме *тарголове*, как и в *хинове*, явно выделяется флексия именительного падежа множественного числа (*ŭ*- основ). Она оформляет и другие этнонимные образования, например: *ковуеве*, или *коуеве* (Ипат. лет.: "**иже бяху с Ольстиномъ коуевѣ**", "**возмятошася ковуеве в полку, побѣгоша**") (ПСРЛ, 1962, т.2, XVI с., 938 стб., 87, IV с., 642), *отперлюеве* (Плетнева С.А., 1974, с.22) и др. Захваченный *тарголами*, под предводительством Чилбука, князь Игорь находился в плену у Кончака на р.Тор, о чем говориться в Ипатьевской летописи. Тут, очевидно, была резиденция этого половецкого хана. Этот достоверный исторический факт делает правдоподобным предположение о том, что этноним *тарголове* прямо связан с "полным" вариантом названия речки, который содержит в своем составе географический термин. "Усеченная" форма гидронима *Торъ* приводиться в тексте Ипатьевской летописи немного ниже, в описании побега Игоря из половецкого плена: "перееди на ону сторону Тора с конем поводнымъ". О происхождении гидронима *Тор* нам приходилось писать и раньше (Отин Е.С., 1987, с.133-136). Примечательно, что несколько выше *Тора* (**Таргола*) в Северский Донец впадает его левый приток (далее л.п.) *Оскол*, вторая часть названия которого содержит такой же термин-индикатор, но с иным альтернантом начального согласного, обусловленного глухостью предыдущего звука (ср. *Оскол, Ворскол*, современная *Ворскла*, но *Варгол*, **Таргол* и др.). Гидроним Оскол И.Г.Добродомов выводит из первичной формы **Аскол* "река ясов (асов), ясская (аланская) река". На ее берегах проживали восточно-иранские племена ясов, или *асов*, и тюркские кочевники, которые пришли сюда позже, назвали эту реку "по ираноязычному населению, которое проживало тут" (Добродомов И.Г., 1988, с.87-88). Это типичный тюркский изафетный этногидроним.

Однако историческая ономастика, славянская и тюркская, знает примеры образования этнонимов и от географических названий (топоэтнонимы). Чаще всего это суффиксальные топоэтнонимы, но среди древнерусских обозначений этноса, производных от топонимов, встречаются и такие, где роль словообразовательного форманта выполняет флексия множественного или единственного числа (в последнем случае она переносится в топоэтноним из омонимичного топонима в результате его деонимизации, вызванной лексической метонимией). Г.А.Хабургаев называет такого рода образования "первичными (бессуффиксными) этнонимами" и указывает, что в "Повести временных лет" они представлены пятью словами: *деревa* (**въ Деревѣхъ**), *дулеби*, **Поля* (**на Полѣхъ**), **Сѣверъ** и **хърватѣ**. Он делает вывод, что "образованиям с суффиксом *-ан-е* предшествовали "бессуффиксные" термины, которые закрепились как географические названия (они и послужили производящими основами для поздних народнонаименований), и что собственно "бессуффиксные" термины могут происходить исторически от собственно племенных названий (первичных этнонимов)" (Хабургаев Г.А., 1970, с.200, 201, 209). Подобными топоэтнонимами, образованными в результате чистой

трансонимизации (или точнее – деонимизации топонима при его переходе в этноним без выраженной суффиксации), Г.Ф. Ковалев считает древние названия народов *Морава* и *Литва* (Ковалев Г.Ф., 1980, с.71). Сравните в "Слове о полку Игоревом": "**Ту Нѣмцы и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю...**"; в Лаврентьевской летописи: "**яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава** (в других списках: **Морава** – Е.О.) **и прозвашася Морава**" (ПСРЛ, т.I, 1962, 540 стб., – 6). К этой группе бессуффиксных топоэтнонимов с собирательным значением примыкает и племенное название ***Сѣверъ*** (его поздние афиксально распространенные варианты: ***Сѣвера, Сѣверо, сѣверянє***). Сравните в Лаврентьевской летописи: "**а другзии съдоша по Десне и Сели** (то есть Семи – Е.О.) **и нарекоша сѣвѣръ**". По мнению В.В.Иванова и В.Н.Топорова, эта этническая группа восточных славян была северной по отношению "к иранским племенам скифского типа", находилась на "северном краю скифского мира" и ее этническое имя представляет собой перевод "иранского обозначения севера" на славянский язык (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1980, с.30-31).

Таким же "бессуффиксным" топоэтнонимом является форма *Дунай*, которая встречается в начале Никоновской летописи (XVI в.) с собирательным значением "дунайские славяне". Неизвестный составитель этого летописного сборника во 2-й пол.XVI в. мог перенести ее в текст из какого-то более раннего источника. В разделе, где рассказывается о расселении славян (под 859 г.), читаем: "**По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли Словенє обаполъ Дуная, гдѣ естъ нынѣ Угорскаа земля и Болгарскаа. И отъ тѣхъ Словенъ разидошася по земли, и на которомъ мѣстѣ сѣдоша, отъ того и имя собѣ нарекоша: сѣдоша на рѣцѣ Моравѣ и нарекошася Моравляне, а другзіи нарекошася Чеси, а иніи Хорвати Бѣліи, иніи Сербіи, иніи Хорутане, иніи Дунан**" (ПСРЛ, 1862, т.9, с.3). Примечательно, что несколько ниже (под тем же 859 г.) этот же топоним приводится уже в суффигированном виде – *Дунаичи*: "**поищемъ и уставимъ таковаго** (князя – Е.О.) **или отъ насъ, или от Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунаичевъ, или от Варягъ**" (ПСРЛ, 1862, т.9, с.9). Вполне возможно, что в древности существовал и сингулятивный вариант этнонима – *Дунай*. Позднее он мог отразиться и в антропонимии восточных славян благодаря распространенному ономасиологическому сдвигу "этноним → антропоним". В Ипатьевской летописи под 1281 г. упомянут воевода *Дунай*. Это имя имеет и один из персонажей былин. Могло быть и употребление топоэтнонимов без суффиксов, которые, как правило, выступали с собирательным значением, и при указании на единичного представителя данного этноса (ср. более поздний аналог в памятниках южнорусского региона XV-XVII вв.: "*литва* Васко Микифоров", "*литва* Игнатко Павлов" и т.д. (Волкова Н.А., 1987, с.98-102). Образование этнонимов на базе суффиксально недооформленных топонимов вследствие их трансонимизации происходило в восточнославянских языках вплоть до нового времени. Сравнить, например, этноним *москва* "русский народ, русский (< Москва)" в староукраинском языке XVI-XVII вв. Близко к таким наименованиям этноса стоит форма *бухары*, которая относится к бухарским купцам, в XVII-XVIII вв. торговавшим в Сибири; отмечена в зачине шуточной песни из сборника Кирши Данилова: "Там на горах наехали бухары..." (Древние российские стихотворения..., 1977, с.213).

Такого рода топоэтноним мог быть и гапакс *тарголове*, как название половецкой орды, использованный только в форме множественного числа. Сейчас трудно определить, произошла ли этнонимизация гидронима **Таргол* на славянской или на тюркской языковой основе. Дело в том, что тюркским языкам древности также известны этнонимы, которые возникли путем деонимизации географических названий и перехода их в этнонимы. Это, например, название тюркского племени *хорзум* (< *Хорзум* < *Хорезм*) (Еремеев Д.Е., 1970, с.139), этноним *argu* в "Дивану лугат-ит-тюрк" Махмуда Кашгарского (XI в.), образованный от названия области между Таласом и Баласагуном (от апеллятива *argu* "межгорье"); этноним *aramut* – от названия местности *Aramut* (Махпиров В.У., 1980, с.42, 45) и др.

Если даже название половецкой орды (или той части хинов, которая территориально была связана с Тором) – тюркского происхождения, то в тексте Ипатьевской летописи она предстает перед нами уже как грамматически освоенное определение территориальной и в этом понимании – этнической группы половцев Среднего Придонечья. В равной мере возможно и то, что этнонимическая форма *тарголове* функционировала как аллоэтноним – название всей группировки тюркских половцев, которая бытовала в языке русских дружинников, осуществлявших систематические походы против донецких половцев.

Все сказанное позволяет нам не согласиться не только с приведенной выше этимологией И.Березина, но и с известным польским тюркологом А. Зайончковским, который связывал *тарголове* с древним обычаем тюрков давать родовые названия по масти коней, бывших во владении той или иной орды. Он сближает летописных *тарголов* со словом *targyl* "полосатый", прилагательным для обозначения масти коней (Zajączkowski A., 1949).

Остается объяснить разногласия в написании (и, очевидно, в произношении) элемента *тор/тар* в гидрониме и топоэтнониме. Мы исходим из того, что *тар* является тюркским прилагательным со зна-

чением "узкий, тонкий". Он зарегистрирован и в известном памятнике кыпчакского (куманского, половецкого) языка "Codex Cumanicus". *Таргол, или *Тор*, – это "неширокая река", очевидно, в сравнении с какой-то другой рекой, которая находится рядом, возможно, самим Донцом. В состав половецкого (кыпчакского) союза входили и племена с огузской языковой основой. Гидроним *Тор* мог сформироваться в диалектах половецкого языка с огузскими чертами, одной из которых было огубленное å в начале слога. Они, к тому же, испытали влияние булгарского языка. Булгары, как известно, наряду с асами, были создателями т.н. салтовской культуры, материальных следов которой осталось много на смежной территории. Изменение å> о > у в начале слога на булгарской основе хорошо отражена в чувашском языке, в верхних диалектах которого представлена лабиализация å > о. Кроме того, в тюркских языках мы находим немало примеров, которые свидетельствуют и о "комбинаторной обусловленности" лабиализации å, в том числе и перед *р* (Щербак А.М., 1970, с.40), что также могло иметь место в огузско-булгаро-кыпчакских диалектах половецкого союза. Освоение славянами слова *тар* с предполагаемым å давало разные результаты: *о* и *а*. Аналогично древнебулгарское личное имя *Баян* в "Слове о полку Игореве" передается в форме *Боян* (с *о* на месте тюркского *а* в первом слоге), которое позднее вследствие народной этимологии (под влиянием глагола *баяти* "говорить") изменяется в *баянъ* (Менгес К.Г., 1979, с.81-82 в). С другой стороны, тюркский этноним **tatran* (tat-ra-n) передан в тексте "Слова" без изменения *а* первого слога в *о*: татраны (тв. п. ед. ч.) (Менгес К.Г., 1979, с.137). В своем "изолированном" состоянии *Таръ* мог испытать влияние со стороны славянской основы *-тор-*. В свете сказанного мы считаем, что вышеупомянутый отрывок из описания похода князя Игоря в Ипатьевской летописи следует переводить не так, как он представлен в существующих изданиях. Гапакс *тарголове* является этническим наименованием той части донецких половцев во главе с Кончаком, которая свои главные кочевья имела на р.Тор. Очевидно, это были какие-то отборные части половецкого войска, ханская "гвардия". Именно им, своим *тарголам*, доверяет захватить Игоря Кончак, который явно не был заинтересован в его гибели на поле боя (о чем прямо говорится в летописи: "Тогда же на полъчи Кончакъ поручися по свата Игоря зане бяшеть ранен") и стремился при разделе добычи и знатных пленных получить свой главный трофей. Он везет его к себе на берега *Тора*, или **Таргола*, где находились сторожевые вежи преданных ему *тарголов*. Поэтому отрывок, где сообщается о захвате Игоря половцами, предлагаем переводить так: "пленили Игоря таргольские половцы (или тарголы) во главе с мужем по имени Чилбук".

Литература и архивные материалы

Березин И., 1853. Первое нашествие монголов на Россию// Журнал Министерства народного просвещения. Ч.29. Июнь.

Волкова Н.А., 1987. Где люди живут, такое "имя" и носят// Русская речь. № 6.

Добродомов И.Г., 1978. О половецких этнонимах в древнерусской литературе// ТС. 1975. М.

Добродомов И.Г., 1988. Оскол: Этимологический этюд// СТ. № 2.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, 1977. М.

Еремеев Д.Е., 1970. К семантике тюркской этнонимии// Этнонимы. М.

Иванов В.В., Топоров В.Н., 1980. О древних славянских этнонимах: Основные проблемы и перспективы// Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. К.

История государства Российского, сочинение Н.М.Карамзина, 1842/ Издание 5-е. Кн.1. Т.1-4. СПб.

Ковалев Г.Ф., 1980. Собирательные этнонимы в "Повести временных лет"// Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж.

Кудряшов К.В., 1948. Половецкая степь. М.

Кудряшов К.В., 1959. Про Игоря Северского, про землю Русскую: Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. М.

Літописні оповіді про похід князя Ігоря. 1988/ Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В.Ю.Франчук. К.

Махпиров В.У., 1980. Смысловые модели этнонимов "Дивану-лугат-ит-тюрк" Махмуда Кашгарского и их типологическая классификация// Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая. Алма-Ата.

Менгес К.Г., 1979. Восточнославянские элементы в "Слове о полку Игореве". Л.

Отин Е.С., 1987. Тор и Краматорск// Русская речь. № 5.

Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е4-2.

ПСРЛ, 1962. Т.1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Фототипическое воспроизведение 2-го изд. 1926/1928. М.
ПСРЛ, 1962. Т.2. Ипатьевская летопись. М.
ПСРЛ, 1962. Т.2. Ипатьевская летопись. 52, раздел "Приложение". М.
ПСРЛ, 1862. Т.9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.
Сулейменов Олжас, 1968. Где река Каялы?// Литературная Россия. № 38 (298).
Хабургаев Г.А., 1970. Этнонимия "Повести временных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза. М.
Щербак А.М., 1970. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.
Zajączkowski A., 1949. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

The Form of *Targolove* in the Chronological Evidence about Igor's Battle with Polovtsy (1185) against the Background of the Early East-Slavonic and the Ancient Turkic Suffixless Topoethnonyms

The existing interpretation and variants of the translation of *targolove* into the modern language of the text of Ipatjev's annals in which the captivity of Seversky Prince Igor by the Polovtsy in 1185 has been mentioned (in the works by Tatitschev V.N., Berezin I., Kudryashov K.V., Zainchkovsky A., Pletnyova S.A., Franchuk V.Y.) have been examined. The analysis of the word-form *targolove* permitted a conclusion that this is the local metonymic topoethnonym devoid of the suffix arragement and formed as a result of the transference of the reconstructed name of the river (*Targol) on to the ethnic group which lived in the adjacent area. The inflection of the plural *-ove* performed the function of the ethnoformant.

E.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Die Form *targolowe* im Chronikzeugnis der Schlacht Igors gegen die Kumanen (1185) auf dem Hintergrund der frühen ostslawischen und alttürkischen suffixlosen Topoethnonymen

Behandelt werden die bestehenden Deutungen und Varianten der Übersetzungen in die moderne Sprache des Hapaxes targolowe im Text der Ipatjev-Chronik (Studien von V.N. Tatischev, I. Beresin, K.W. Kudrjaschow, A. Zajontschkowski, S.A. Pletneva, V.J. Frantschuk), in denen über die Gefangennahme Igors, des Fürsten von Novgorod-Severskij, berichtet wird. Die Analyse der Wortform targolowe ließ zur Schlussfolgerung kommen, dass dies der lokale metonymische Topoethnonym ist, der keine suffixale Formung erfahren hatte und im Ergebnis einer Übertragung des rekonstruierten Flussnamens (Targol) auf die ethnische Gruppe entstanden was, die im angrenzenden Gebiet gelebt hatte. Die Pluralflexion –owe sorgte für die Ethnoformanten-Funktion.

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

La forme *targolove* dans les annales relatant la bataille d'Igor contre les Polovec (1185) construite sur le modèle des toponymes sans suffixes des anciennes langues slaves orientales et des anciennes langues turques

Sont considérées les interprétations et les variantes existantes de la traduction en langue moderne du hapax *targolove* dans le texte des annales Ipatievski, où l'on parle de la captivité par les Polovec du prince Igor de Seversk en 1185 (dans les travaux de V.N.Tatichtchev, I.Berezine, K.V.Koudriachov, A.Zaïontchkovski, S.A.Pletniova, V.Y.Frantchouk). L'analyse de la forme du mot *targolove* a permis d'en venir à la conclusion que c'est un topoethnonyme métonymique local n'ayant pas reçu de suffixe, apparu en raison du transfert du nom de rivière reconstruit (*Targol) sur un groupe ethnique habitant un territoire limitrophe. La flexion du pluriel *-ove* remplissait la fonction de l'ethnoformant.

Часть 3. Калка[1]

Первым, кто затронул вопрос о происхождении этого гидронима, был Н.О.Аристов, который считал Калку аллегровой формой названия *Каялка* (Аристов Н., 1877, с.20). Вместе с тем, важно объяснить редукцию ударного слога в упомянутом деминутиве так же, как и доказать идентичность Калки и загадочной Каялы. Следующей по времени является ономасиологически неубедительная этимология Д.И.Эварницкого, которая основывается на случайном звуковом совпадении с турецким словом *калка* – "щит, навес" (Эварницкий Д.И., 1890, с.160). Таким же невниманием к принципам топонимической ономасиологии отличается и толкование К.В.Кудряшова: "*Halka* (Калка) значит круг, воронка (...) *Halkalanmak* применительно к воде означает расходиться кругами, воронкой. При быстром течении в скалистых, извилистых берегах на поверхности реки действительно наблюдаются воронки, которые расходятся" (Кудряшов К.В., 1948, с.73). Чрезвычайно прямолинейным мыслится автору этот переход тюркского апеллятива в название реки.

Вопросу о происхождении гидронима *Калка* посвящено специальное исследование О.Прицака (Гарвадский университет) "*Der Flussname Kalka*" (Pritsak O., 1964, с.61-66). Летописную форму *Калка* автор считает производной от первичной *Kalky*, которая была переосмыслена русскими как форма именительного или винительного падежа множественного числа. Как несклоняемая форма интерпретируется им также и вариант мужского рода *Калакъ* (отсюда, вследствие морфологического усвоения гидронима, в Синодальном списке Новгородской I летописи появляется форма творительного падежа – "надъ р□кою надъ Калкомъ"). По О.Прицаку, *Kalky* < **Qalqï*, *Kalak* < **Qalaq* (**Qalqï* ∞ * *Qalaq*), где **qal-* "камыш" в гуннобулгарской группе тюркских языков возникло из *qaš-*. В **Qalaq* (из **Qašaq*) конечный элемент гидронима (*-aq*) рассматривается О.Прицаком как деминутивный суффикс. Таким образом, гидронимические образования *Qalqï* и *Qalaq*, которые предшествуют древнерусским летописным вариантам *Калка* и *Калакъ*, по мнению О.Прицака, имели значение "место, поросшее камышом".

Остаются невыясненными как различия в гласных в составе суффиксов вариантов мужского рода – *Калакъ* (он считается О.Прицаком "основной формой" названия реки) и *Калъкъ* (то есть *-акъ// -ъкъ*), так и происхождение зафиксированного "Книгой Большому чертежу" бессуффиксного варианта *Кала* (последний как топонимическое приложение вошел в состав гидронима *Кальмиус*).

Наконец, И.Г.Добродомов предпринял попытку вывести гидроним *Калка* из "булгарской разновидности термина *qašqa*", в котором на месте общетюркского *š* находим булгарское *l* (булгарский ламбдаизм) (Советская тюркология, 1973, с.115).

Наиболее убедительной, на наш взгляд, является этимология М.Фасмера, которая базируется на сближении корня *Кал-* с омонимичным апеллятивом (Фасмер М., 1964-1973, т.2, с.169), невзирая на замечания одного из рецензентов его словаря о "единичности" этого образования в гидронимии днепровского бассейна (Rocznik sławistyczny, 1960, с.134).

Название реки Калки (в "Книге Большому чертежу" – *Калы*) хорошо соотносится с гидрографической характеристикой Кальмиуса (тождественность Калки и Кальмиуса или его правого притока Кальчика сегодня у большинства ученых уже не вызывает сомнений) – реки с мутной и очень минерализованной водой, топким руслом и берегами[2]. Его "течение почти не заметно, отсюда происходит болотный вкус воды (...). Русло реки и берега глиняные", – писал о Кальмиусе в сер.XIX в. Штукенберг (Stuckenberg I., 1847, с.225).

Для авторов летописных рассказов о первой битве русских с татарами *Калка* уже достаточно известное в Северном Приазовье название реки. Новейшие археологические данные показывают, что территория на восток от Днепровского Левобережья, как и само левобережье, заселялась славянами со стороны западных – правобережных районов, хотя время и границы такого расселения определяются по-разному (Третьяков П.Н., 1953, с.156, 254-259; Ляпушкин И.И., 1961, с.256, 357, 366; Шрамко Б.А., 1962, с.264-265).

Уже в кон.IX – X в. и до XII в. славянское племя северян прочно утверждается на речных путях к Азовскому морю. "Проводниками раннего славянского продвижения на восток и юго-восток должны были быть северяне", – писал Ю.В.Готье (Готье Ю.В., 1930, с.225). С его выводами солидарен и П.Н.Третьяков (Третьяков П.Н., 1953, с.259). На берегах Азовского

---

[1] Отин Є.С. Гідроніми Східної України. Київ – Донецьк, 1977. С.9-16.

[2] Кальмиус – одна из наиболее типичных рек сульфатного класса – протекает в VI зоне мутности, которая колеблется в пределах от 500 до 1000 г/м^3. В период летней межени вода Кальмиуса становится еще больше минерализованной, доходя до 1333 мг/л (Соколов А.А., 1952, с.186; Шамов Г.И., 1959, с.172; Очерки по гидрографии рек СССР, 1953, с.42; Коненко Г.Д., 1952, с.127).

моря и в Подонье жили и летописные „бродники", славянское "воинственное население, прототип позднейшего казачества" (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.203) (они, "бродники", к слову, брали участие в битве с татарами на Калке в 1223 г.).

Днепровских славян, которые осуществляли экспансию в юго-западном направлении, могла поразить значительная мутность воды приазовских рек, в частности Кальмиуса, который своими истоками почти вплотную подходил к р.Волчьей, левого притока (далее л.п.) Самары, л.п. Днепра. Это могло отразиться и на названии Калка (*Кала*). Различие в степени замутненности Днепра и рек Приазовья было известно и древним грекам. Геродот в IV книге своей "Истории" так пишет о Борисфене: "Вода его на вкус очень приятна, чиста, тогда как реки, которые текут рядом с ним, имеют мутную воду". На это указывает и римский географ 1-й пол. I в. н.э. Полоний Мела во 2-й книге "De situ orbis". К этому следует еще добавить большой перепад в зонах мутности этих рек, вдоль которых могло происходить расселение приднепровских славян на юго-восток – до Синего моря: если левобережные притоки Днепра от Киева до Днепропетровска имеют показатель среднеречной мутности от 50 до 100 г/м^3, то Кальмиус (прежняя Калка) протекает в зоне, где этот показатель составляет 500-1000 г/м^3 (Шамов Г.И., 1959, с.172). Высказанное предположение тем более достоверно, что Кальмиус так же, как и левый приток Днепра – Самара с Волчьей, на протяжении длительного времени был известен как важнейшее звено итинерия приднепровских славян в их связях с юго-востоком – побережьем Азовского моря, Тмутараканью, Хазарией и Кавказом (Брун Ф.К., 1879, с.120).

Следует иметь в виду продуктивность корневого элемента *кал* в восточноевропейской топонимии. Приведем несколько примеров. В "Росписи Донецким сторожам" (1571 г.) это река *Калище*, которая гипотетично определяется как приток Мерла (Беляев И., 1846, с.18; Марголин С.Л., 1948, с.25), в "Переписи слободских полков гвардии майора Хрущова" (1732 г.) – р.*Кальница*. Сравните еще: *Кальника* – правый приток (далее п.п.) Соби, л.п. Южного Буга (Кеппен П., 1837, с.59; Маштаков П.Л., 1934, с.36); ручьи *Калек* и *Каленец* (первый приток р.Базыга, другой – р.Тигода) (Реки и леса Ленинградской области, 1929, с.52, 132). Корень *кал-* отразился в топонимии других славянских территорий. Сравните: *Kalivody* (чешский топоним 1389 г.) (Šmilauer V., 1960, с.80), многочисленные названия с этим корнем в польской топонимии: *Kal* (название села), *Kalna* – река в бассейне Одера, *Kalwa* (озеро), *Kalawa* (река в бассейне Малой Панвы, п.п.Одера), несколько ойконимов – *Kałka, Kałki* (село, озеро), *Kały* (озеро) и много других (Rospond S., 1951, с.113-114) ; в бассейне Вислы: *Kalec* (озеро) *Kaleń* ("woda stojąca"), *Kalek, Kalk, Kalnica, Kalna, Kalawa, Kalenica* (Hydronimia Wisły, 1965, с.20, 134, 178, 202, 237, 251, 432, 479, 494, 568) и др.; в топонимии Лемковщины: *Kalnica, Kalna* и т.д. (Stieber Z., 1948, с.23). Сравнить еще: болгарские гидронимы *Кальница* (п.п.Тунджи), *Калник* и *Кални извор* (притоки Виты), *Канагьол, Канлъдере* (последние два гидронима, как считает В.Георгиев, – отуреченные формы болгарского названия *Кална*) (Георгиев Вл., 1960, с.49). Многочисленные примеры можно найти и на других славянских территориях (Schultheis J., 1967, с.507-511).

Таким образом, только на юге европейской части СССР есть группа рек, в названиях которых отразилась корневая морфема *кал-*, которая ставит название *Калка* в определенный тополексемный ряд. Вероятно, следует исходить из допущения о гетерогенности восточноевропейской гидронимии с корнем *кал-*: наряду с поздними гидронимическими наслоениями восточнославянского периода здесь могут быть выявлены образования раннего славянского и дославянского периодов.

Мы допускаем, что название *Калка* (или *Кала*) возникло на основе славяно-скифских, или славяно-иранских (если придерживаться традиционного взгляда на иранское происхождение скифского языка[3]), языковых контактов как следствие "мнимого перевода" какого-то гидронима с индоевропейским корнем **kel-// *kāl-* "черный". Наложение славянского гидронима на среднеиранское речное название имело место в районе возможного славяно-сарматского (или аланского) пограничья, которое находилось, как считают археологи, в междуречье Днепра и Северского Донца, то есть там, где протекал доисторический пра-Кальмиус. Восточные славяне, знакомые с топонимическими структурами типа *Калка*, могли воспринять как "свое" тождественное в морфемно-семантическом отношении образование иранского происхождения.

На славянских землях можно найти и другие случаи "мнимых (воображаемых) переводов" первичных гидронимов. Для примера сошлемся на гидронимы *Висла* и *Десна*. Первый из них, как считает Я.Розвадовский, накладывается на более ранний кельтский гидроним с индоевропейским корнем *veis-*, а другой – на иран. *dašina* – "правая" (Rozwadowski J., 1948, с.17, 19, 291). Естественно, "мнимый перевод" славянами арийского гидронима с индоевропейским корнем **kel-// *kāl-* мог и не

[3] Ср.точку зрения К.Треймера (Австрия) о принадлежности скифов к "древнеанатолийскому языковому кругу" (IV Международный съезд славистов, 1962, с.420).

быть идентичным. Тут могла иметь место обычная конвергенция подобных значений: "черная" (река) ∾ "грязная" (река). Итак, в данном случае не исключается переосмысление славянами одного из древних "цветовых" названий рек индоевропейского происхождения на юго-востоке Европы.

Корневая морфема гидронима *Калка* корреспондирует с такими словоформами, как: санскр. *kālas* – "черный, темно-синий"; *kalká* – "грязь, грех", *kálusa* – "грязь, черный"; *kalanka* – "пятно, ржавчина" (Pokorny J., 1947, с.547); осет. *kaelaex* – "скользкая (от снега, льда) дорога" (Абаев В.И., 1958, т.1, с.577); новоперс. *čarma* – "плесень"; курд. *čerme* "белый" (последние два примера – со следами ротацизма) и др. Таким образом, *Калка* (или *Кала*) – одна из древнейших "черных рек" на юге Восточной Европы, название которой позднее было переосмыслено как "грязная, илистая, мутная", что отвечало ее гидрографическим особенностям и вытекало из значения славянского апеллятива.

До недавнего времени считалось, что в древнеиранских языках не было сонанта *l*, присутствующего в корневой части гидронима *Калка*[4]. На этой позиции стоял А.Мейе и Ф.Ф.Фортунатов (Мейе А., 1938, с.131; Фортунатов Ф.Ф., 1956, с.273); этот согласный не включал в фонетическую систему скифского языка и В.И. Абаев, который допускал, однако, переход *r* >*l* (ламбдаизм) в аланских диалектах в фонетически связанной позиции (перед i) (Абаев В.И., 1949, с.202), но в поздних своих работах по скифскому языку и исторической фонетике осетинского языка это положение В.И.Абаевым было пересмотрено. Венгерский ученый Дж.Гарматта в своей статье об иранских собственных названиях в греческой эпиграфике на юге России доказывает наличие фонемы *l* в диалектах древних иранцев (Harmatta J., 1950-1951, с.290); А.А.Зализняк, рассматривая характер языковых контактов между славянскими и скифо-сарматскими племенами, допускает, что фонологически самостоятельное употребление *l* в скифском языке наблюдается сравнительно рано (Зализняк А.А., 1963, с.23). И, наконец, к ценным и убедительным выводам пришел сам В.И.Абаев в специальном исследовании о фонеме *l* в осетинском языке (Абаев В.И., 1964).

Говоря об условиях возникновения вторичного *l*, автор отмежевывает большое количество слов, в которых наличие *l* нельзя подвести ни под одну из определенных им формул развития осетинского ламбдаизма. "Если рассматривать эти слова, – пишет он, – то окажется, что многие из них ... индоевропейского происхождения и притом такие, в которых *l* был в индоевропейском языке. Создается впечатление, что в этих случаях осетинский язык вопреки иранскому ротацизму удерживал индоевропейское *l*, то есть дает такую же картину, какую находим в санскрите". Сохранение и.-е. *l* проявляется, по наблюдениям В.И. Абаева, "в строго определенной группе слов: в ареальных скифоевропейских изоглоссах, то есть в словах, которые в скифо-осетинском языке не унаследованы из древнеиранского, а возникли вследствие контактов с европейскими языками: славянскими, балтийскими, "прототохарским", германским, итальянским".

К перечисленным В.И.Абаевым соответствиям (*laesaeg* – "лосось", *laenk* – "впадина", *ulaen* – "волна", *gaelaes* – "голос" и многим другим) можно включить и осетинское слово *kaelaex* – "скользкая (от снега, льда) дорога", которое сам исследователь соотносит с русским диалектным словом *калуга* – "грязюка, болото" (Абаев В.И., 1958, т.1, с.577). Появление фонемы *l* в скифо-осетинском языке он датирует периодом не позднее V в. до н.э. Об этом свидетельствуют скифские имена, которые содержат *l*, у Геродота и в памятниках более позднего – сарматского периода, имена мифологических родоначальников скифов *Колаксай* и *Липоксай* в эпических рассказах (Миллер Вс., 1886, с.263, 270; 1913, с.85-86), самоназвания скифов *сколоты, паралаты* (Артамонов М.И., 1953, с.180-181) и др.

Таким образом, в условиях скифо-европейских ареальных контактов вполне возможно сохранение плавного *l* в и.-е. корне **kāl*-; эта лексическая изоглосса позднее отражается в названиях *Калка (Кала)* и, возможно, *Калюс* (бассейн Днепра; ср.санскр. *kálusa* – "грязь, черный").

"Мнимый перевод" иранского гидронима с и.-е. корнем **kāl*- мог и не сопровождаться переоформлением структуры гидронима, т.е. велика вероятность того, что формант *-k(a)* также дославянского происхождения. В данном случае идет речь еще про один славяно-иранский словообразовательный параллелизм – на этот раз целостнолексемную топонимическую тождественность[5].

---

[4] В "Altiranisches Wörterbuch" Х.Бартоломе (Strassburg, 1904) иранские рефлексы индоевропейского **kāl*-, **kēl*- отсутствуют, но словарь Покорного дает древне- и среднеиранские соответствия – *caile* и *gaile* (оба в значении "пятно" с примечанием: "mit unklaren Verhältnis zu kel-") (Pokorny J., 1947, с.548).

[5] Вопрос о славянско-неславянских целостнолексемных соответствиях в последнее время привлекает к себе все большее внимание этимологов. Особенно четко это положение было сформулировано в докладе О.Н.Трубачева "Работа над этимологическим словарем славянских языков" на первом Московском симпозиуме по этимологии 25-31 января 1967 г. (Вопросы языкознания, 1967, №4).

Суффиксальная примета *-k-* (в составе формантов *-ka, -aka, -ag*) широко представлена в скифских антропонимах, вкрапленных в греческие эпиграфические тексты Северного Причерноморья. Вс.Миллер назвал *-aka* "любимым иранскими языками" суффиксом (Миллер Вс., 1886, с.242; 1913, с.83, 88, 93, 95). По наблюдениям С.А.Жебелева, в надписях Северного Причерноморья около 70 собственных имен, "притом явно туземных", в своей конечной части имеют *-ak* или *-ag* (Жебелев С.А., 1953, с.108). Суффиксы *-ak* или *-ek* распространены и в топонимии современных ираноязычных территорий (Розенфельд А.З., 1962, с.69; Савина В.И., 1964, с.161). Структурным аналогом гидронима *Калка* (и его летописных вариантов *Калакъ, Калъкъ*) может служить название левого притока Семи-*Анака* (из иран. **ар-aka*). В свете гипотезы об иранских истоках названия *Калка* объясняются и звуковые различия в суффиксальной части вариантов мужского рода гидронима *Калакъ и Калъкъ (Калокъ)*. Эти расхождения – следствие отображения на славянской почве аланских суффиксов *-āk(-āg)* и *-ăk (-ăg)*, широко присутствующих в антропонимии припонтийских надписей, которые, по наблюдениям В.И. Абаева, могли широко выступать в значении "усиливающего основу наращения, которое не придавало ей особого оттенка" (Абаев В.И., 1949, с.222)[6].

Суффикс *-k(a)* присутствует и в топонимии других территорий, издавна заселенных индоевропейцами. Как "сравнительно редкий" формант древнеевропейской гидронимии он приводится Г.Краэ (главным образом в германской и литовской гидронимических номенклатурах) (Krahe H., 1963, с.296-297). Интересно, что и тут отмечается такая же синонимия деривационных аффиксов, что и на славянских землях. Сравните, с одной стороны, *Калка, Калакъ, Калъкъ* и их коррелят *Кала* ("Книга Большому Чертежу"), а с другой стороны, Nerka//Nera, Arika/Ara, Salika/Sala, Varika/Vara и др. (Krahe H., 1963, с.314-316, 330, 333, 335, 338).

Не только в период возникновения, но и в период освоения гидронима славянами (или конфронтации иранского и древнеславянского гидронимов с тождественными структурами – в рассмотренном выше случае "мнимого перевода") название *Калка*, возможно, никогда не воспринималось как деминутив, и суффикс этого названия всегда имел релятивное значение.

В области ономастического словотворчества среднеиранский субстрат на территориях со смешанным населением мог играть роль катализатора, который ускорил становление новых ономастических структур. На специфические славяно-иранские инновации в области личных имен указывает в своих образцовых трудах по славянской антропонимии Т.Милевский. Сравните также предположение Т.Лер-Сплавинского о том, что продуктивность типичного для Среднего Днепра (и редкого в бассейнах Одера и Вислы) суффикса -ь < *-i была, возможно, активизирована славяно-иранскими и славяно-фракийскими контактами[7].

Литература и архивные материалы

Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.; Л.

Абаев В.И., 1958-1973. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1-2. М.; Л.

Абаев В.И., 1964. Фонема l в осетинском// Иранская филология. Л.

Аристов Н.О., 1877. О земле Половецкой. К.

Артамонов М.И., 1953. Этнический состав населения Скифии// Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. К.

Беляев И., 1846. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.

Брун Ф.К., 1879. Черноморье. Т.1. Одесса.

Георгиев Вл., 1960. Българска етимология и ономастика. София.

Готье Ю.В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.

Жебелев С.А., 1953. Скифский рассказ Геродота// Северное Причерноморье. М.; Л.

[6] Некоторые структуры иранского ономастикона припонтийских надписей как в словообразовательном, так и в семантическом отношении проявляют идентичность с одной из летописных разновидностей гидронима *Калка – Калакъ* (*Калъкъ*, например, в Синодальном и Комиссионном списках Новгородской I летописи; в Новгородской IV летописи – *Калъкъ*: **"над Калкомъ"**, **"за Калокъ рѣку"**). Сравните собственное имя Σιαύακος (со вторичным греческим окончанием -os), которое В.Миллер соотносит с иранским прилагательным syāva – "черный": *syāva-ka.

[7] В связи с этим большой интерес вызывает гипотеза В.И.Абаева о субстратных (скифских) источниках перехода g > γ (h) в некоторых славянских языках (Абаев В.И., 1964, с.43, и далее).

Зализняк А.А., 1963. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами// Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР. № 38. Славянское языкознание.
Кеппен П., 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.
Коненко Г.Д., 1952. Гидрохимическая характеристика малых рек УССР. К.
Кудряшов К.В., 1948. Половецкая степь. М.
Ляпушкин И.И., 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа (Археологические разыскания о времени заселения левобережья славянами). М.; Л.
Марголин С.Л., 1948. Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI в.// Военно-исторический сборник. М.
Маштаков П.Л., 1934. Список рек Донского бассейна. Л.
Мейе А., 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.
Миллер Вс., 1886. Эпиграфические следы иранства на юге России// Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь.
Миллер Вс., 1913. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях// ИАК. Вып.47. СПб.
Очерки по гидрографии рек СССР, 1953. М.
Реки и леса Ленинградской области, 1929/ Сост. Д.Ф.Шанько. Л.
Розенфельд А.З., 1962. Топонимика Ванжа// Топонимика Востока. М.
Савина В.И., 1964. О типах словообразования топонимов Ирана// Топонимика Востока. Новые исследования. М.
Советская тюркология, 1973. Баку. № 4.
Соколов А.А., 1952. Гидрография СССР. Л.
Третьяков П.Н., 1953. Восточнославянские племена. М.
Трубачев О.Н., 1967. Работа над этимологическим словарем славянских языков// Вопросы языкознания. № 4.
Фасмер М., 1964-1973. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4. М.
Фортунатов Ф.Ф., 1956. Избранные труды. Т.1. М.
IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, 1962. Т.2. М.
Шамов Г.И., 1959. Речные наносы. Л.
Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
Эварницкий Д.И., 1890. Вольности запорожских казаков. СПб.
Harmatta J., 1950-1951. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia// Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. I. Budapest.
Hydronimia Wisły, 1965. Cz I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym/ Pod red. P.Zwolińskiego. Wrocław – Warszawa – Kraków.
Krahe H., 1963. Die Struktur der alteuropäischen Hydronimie. Wiesbaden.
Pokorny J., 1947. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern.
Pritsak O., 1964. Der Flussname 'Kalka'// International Journal of Slavic Lingvistics and Poetics. Vol.VIII.
Rocznik sławistyczny, 1960. T.XXI. Cz.I.
Rospond S., 1951. Słownik nazw geograficznych Polski Zachodnej i Północnej. T.I. Wrocław – Warszawa.
Rozwadowski J., 1948. Studia nad nazwani wód słowiańskich. Kraków.
Schultheis J., 1967. Zu einigen slawischen Toponymen auf- kal-// Zeitschrift für Slawistik. B.XII. H.4.
Stieber Z., 1948. Toponomastyka Lemkowszczny. Cz.I: Nazwy miejscowości. Łódź.
Stuckenberg I., 1847. Gidrographie des Russischen Reiches. B.III. St. Petersburg.
Šmilauer V., 1960. Osídlení Čech ve světle místních jmen. Praha.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

Kalka

The existing etymologies for the name of the river Kalka (N.Aristov, D.Evarnitskiy, M.Fasmer, O.Pritsak, I.Dobrodomov) on the banks of which the battle with Tatar-Mongols resulting into a defeat of the Russian armed force took place in 1223 are considered. The author shares M.Fasmer's point of view that the hydronym has a

Slavonic root *kal* "dirt"; at the same time, the possibility of an earlier "Scythian" origin of this river name is not ruled out with the Indo European **kel- // *kāl-* "black" being "pseudo-translated" by the Slavs: *Kala/Kalka* – "black" (river)> *Kala/Kalka* -"dirty" (river).

E.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Kalka

Im Beitrag werden die bestehenden ethymologischen Flussnamen von *Kalka* behandelt, auf dessen Ufern im Jahre 1223 die Schlacht gegen die Kumanen stattfand, die das russische Heer schlugen (siehe die Studien von N.Fristov, D.Ewarnizkij, M.Fasmer, O.Pritsak, I.Dobrodomov). Der Autor teilt die Meinung von Fasmer, dass der Flussname eine slawische Wurzel *kal* "Schmutz"; hat er kann aber auch auf einen früheren skythischen Ursprung zurückgeführt werden: auf das indoeuropäische **kel- / *kāl-* "schwarz",das von den Slawen falsch übersetzt wurde: Kala /Kalka "schwarzer" (Fluss) > *Kala / Kalka* "schmutziger" (Fluss).

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

Kalka

Sont considérées les étymologies existantes du nom de la riviére *Kalka* sur les bords de laquelle en 1223 a eu lieu la bataille contre les Polovec qui s'est soldée par la défaite des drougines russes (N.Aristov, D.Evarnitski, M.Fasmer, O.Pritsak, I.Dobrodomov). L'auteur partage le point de vue de M.Fasmer croyant que l'hydronyme a la racine slave *kal* "boue", mais n'exclut pas pour autant la possibilté de l'origine plus ancienne ("scythique") de ce nom de rivière – avec la racine indoeuropéenne **kel- // *kāl-* "noir" en admettant "sa traduction imaginaire" par les Slaves: *Kala / Kalka* (rivière) "noire" > *Kala / Kalka* (rivière) "boueuse".

Часть 4. Топонимический аспект одного события древнерусской истории[1]

Неоднократные попытки определить место битвы русских с татаро-монголами на реке Калке делались без должного внимания к топонимическому аспекту проблемы. Тем временем, на наш взгляд, именно тут кроются некоторые еще не использованные возможности, выявление которых может обогатить довольно скупые сведения о месте битвы в 1223 г. Кроме того, анализ структуры гидронима в древнерусский и в более поздние периоды вызывает и собственно топонимический интерес.

Уже летописи дают нам противоречивые сведения. Наряду с "канонизированной" в современной исторической литературе формой *Калка* (см.: Ипатьевская летопись, Львовская летопись, Московский летописный свод кон.XV в. и др.) обычною была и форма мужского рода – *Калакъ*, *Калокъ* (*Калъкъ*) (см.: Синодальный и Комиссионный списки Новгородской I летописи, Новгородская IV летопись и др.). Сравните также формы непрямых падежей, которые тоже отражают вариант мужского рода *Калъкъ*: "**на Калцѣхъ**" (Новгородская IV летопись, в дополнении по Голицинскому списку 1-й пол.XVI в.; Софийский харатейный номоканон), "**на Калкохъ**" (в Русинской летописи, написанной западнорусской скорописью XVII в.), "до Калковъ" (Строевский список Псковской II летописи и др.)[2].

Очевидно, отголоском варианта мужского рода является форма прилагательного в "Задонщине"("**а от Калатьския рати до Мамаева побоища**"). В XVIII в. форму мужского рода использовал также В.Н.Татищев: "В сей (Донецкой провинции – Е.О.) есть река *Калк* или Калмиас..." (Татищев В.Н., 1950, с.123). Наконец много источников приводят плюральную разновидность гидронима – сообщают о битве "**на Калкахъ**" (**Калкохъ**, **Калцѣхъ**) в 1223 и 1380 гг. (Новгородская IV летопись, Синодальный список Псковской II летописи, Львовская летопись, Московский летописный свод кон.XV в. и др.). Эта

[1] Статья была напечатана в журнале "Мовознавство". 1976. № 4. С.57-61.

[2] Варианты гидронима *Калка* со ссылками на источники приводятся в нашем "Каталоге рек Северного Приазовья" (см.: Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.11. К., 1975, с.46).

форма встречается и в "Повести о перенесении иконы Николы Заразского" (по списку Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина, полуустав XVI в.) (Воинские повести ..., 1949, с.249).

В некоторых текстах XV-XVI вв. (например, в Троицкой летописи, в Софиевской I летописи по списку Оболенского, который является древнейшей редакцией памятника (Софийская летопись..., 1925, с.205) регистрируется форма с деминутивным суффиксом *-ец* – *Калец*.

Большой интерес вызывают случаи конфронтации в одном и том же тексте обеих форм гидронима – *Калка* и *Калец* (во второй из них суффикс *-ец* имел деминутивное значение), которые свидетельствуют о начале процесса гидронимной дифференциации в системе Калок. Сравните: "**И оттуда же идоша до нихъ 8 дни до рѣки Калки. И ту срѣтоша сторожеве татарове и удариша на полци рускыя. Сторожемъ же бившимся с полки рускими, и убенъ быстъ ту Иоанъ Дмитриевичъ и иная 2 съ нимъ. Татаромъ же отъехавшимъ на прочнѣ рѣцѣ Калецѣ** (варианты: **Калцѣ** – в Толстовском, Уваровском, Бальзеровском и Синодальном списках; **Кальцѣ** – Карамзинском списке. – Е.О.) **срѣтоша татарове половецкия полки и рускии. Князь же Мистислав Мьстиславичь повелѣ преди и перенти рьку Калку Данилови съ полкы и инѣмь полкомъ с нимъ, а самъ по нихъ перенде. И зандоша за рѣку за Калку , и послаша въ сторожехъ Ярына с полци с половци, а сами станомъ сташа ту**" (Софиевская I летопись, с.242 св. – 243). В Ипатьевской летописи выступает еще старая форма названия: "...**татаромъ же отъѣхавшимъ напрочьнѣ рѣцѣ Калъкѣ** " (в других списках – **Калкѣ**) (Ипатьевская летопись, 1908, с.743).

Насколько нам известно, указания целого ряда летописей (особенно Троицкой и Софиевской I летописей) на какую-то "*прочну*" речку в районе битвы русских с татарами не были учтены ни одним из историков при определении места битвы[3]. "**Прочна рѣка Калец**" не учтена и в схеме битвы на реке Калке Е.Разиным (Разин Е., 1940, с.95), обошел ее молчанием и К.В.Кудряшов, а тем не менее она заслуживает внимания. Здесь четко размежеваны *Калка* и какой-то ее приток – "**прочьна рѣка**" **Калець** (друс. **прочьнъ** "другой, следующий, иной").

Первая встреча русских с татарским авангардом – "сторожами", вероятно, произошла где-то в междуречье Калки и какого-то, очевидно, правого притока ее – летописного *Кальца*. Правильное определение этого притока составляет значительную трудность вследствие большого количества правых притоков Кальмиуса. Вместе с тем понятно, что реки *Калка* и *Калец* не могли быть очень отдалены одна от другой; вероятнее всего в летописи идет речь о районе слияния этих рек (междуречном "угле"). Об этом свидетельствует, во-первых, быстрый выход татар на Калец; во-вторых, соответствующий шаг Мстислава Киевского (перемещение с полками на другую, в направлении Кальца, сторону Калки, если допустить, что русские полки преследовали татар давно известным славянам и тюркам в Приазовье путем, маршрут которого частично совпадал с направлением русла Кальмиуса (Калки) (Кудряшов К.В., 1954, с.119). Где-то здесь, наверное, и следует искать "**мѣсто каменисто**", на котором находился стан Мстислава. Это могли быть или скалистая местность в районе слияния с Кальмиусом его полноводного притока – Мокрой Волновахи, в этом районе типично горной речки, которая течет в глубоком каньоне (в этом случае *Калец* – это Мокрая Волноваха), или один из каменистых холмов на берегах р.Кальчик около с.Кременевки, или же, наконец, возвышенность вблизи места слияния с Кальмиусом его главного притока – Кальчика (теперь в черте г.Мариуполя). Татарские "сторожи" могли намеренно заманить русских в междуречье Калки и Кальца, которое послужило потом плацдармом для разгрома русских дружин.

Отнесение загадочного "**мѣста камениста**" далеко на запад, до Каменных могил (Кудряшов К.В., 1954, с.119), по нашему мнению, безосновательно. Во-первых, сами Каменные могилы географически не связаны с Кальчиком (то есть с одной из Калок), в своих истоках очень узким и маловодным ручейком, который вряд ли мог быть взят во внимание при тактических расчетах противоборствующих сторон. Кроме того, следует учитывать, что Каменные могилы, которые К.В.Кудряшов отождествляет с "местом каменистым", находятся все же далеко от маловодных истоков Кальчика. Территория урочища орошается рекой Бердой и ее притоками (например, ручьем Каратыш). В связи с этим совсем неясным становится и сам маневр русского войска, описанный в ряде летописей. Во-вторых, неубедительным для топонимиста является и ссылка К.В.Кудряшова на то, что "речка Кальчик и теперь называется Калкой". Как увидим ниже, это, вероятнее всего, образование секундарного происхожде-

---

[3] Выражение "**на прочьнѣ рѣцѣ**" в свое время вызывал колебания у первого издателя Лаврентьевской и Троицкой летописей, который предложил два варианта прочтения этого места: "**татаромъ же отъѣхавшимъ напрочь рѣцѣ Калъкѣ**" (Ипатьевская летопись) и "**татаромъ же отъѣхавшимъ прочь, на рѣцѣ Калъцѣ срѣтоша татарове половецькыя полкы и русскыи**" (Троицкая летопись). Однако уже в другом издании (1908) эта неточность была устранена.

ния (результат обновления суффиксальной части гидронима)[4].

Форма *Калец* сохраняется на протяжении следующих столетий, однако ее географическая привязка часто изменялась. Иногда *Кальцем* назывался сам Кальмиус[5]. Этот переход деминутива в название главной реки мог быть вызван изменениями в смысловой структуре гидронима *Калка:* в период массового появления деминутивных названий притоков с суффиксом *-ка* формы *Калец* и *Калка* стали осмысливаться как изофункциональные, следствием чего и явились случаи замены второй из них первой. Закреплению же за главной рекой названия *Калец* помешали, во-первых, "сила сопротивления" другого не менее активного форманта *-ка* (в истории нашего гидронима – древнейшего), во-вторых, тенденция к устранению деминутивов на *-ец* (с помощью суффиксов *-ка* и *-чик*) и, в-третьих, утверждение в качестве названия главной реки сложного гидронима *Кальмиус.* Часто *Кальцем* назывался главный приток Кальмиуса – нынешний Кальчик. Сравните в "Донских делах" (1638 г.): "...потому, что межъ Крыму и Азова кочуютъ Большово Ногаю мурзы с улусы своими по Калмиюсу, и по *Кальцу*, и по Бердам, и по Молочным Водам..."[6]. И, наконец, название *Калец* связывается только с одним п.п. Кальчика (или Великого Кальчика), который берет начало около современного районного центра г. Володарска (бывшая станица Никольская)[7].

Если рассматривать варианты гидронима по мере того, как они фиксируются в памятниках, то следующей формой является *Кала* (во множественном числе – *Калы*), ее приводит "Книга Большому чертежу": "**А отъ рѣчки Ѳлкуваты къ верхъ рѣчкамъ къ Каламъ** <...> **А отъ рѣчекъ отъ Калъ къ рѣчкѣ къ Короташу ...**" (Книга Большому чертежу, 1838, с.2.) В этом названии, очевидно, таком же древнем, как и *Калка*, представлена индоевропейская гидронимическая модель "корень плюс суффикс *-а*".

Вариант *Кальчик*, который стал теперь основным официально принятым названием главного притока Кальмиуса, фиксируется только с нач.XVIII в. Упоминается он, например, в "Изъяснении" к российской карте Причерноморья и Крыма 1736-1739 гг., где он записан как *Холчик* (Кудряшов К.В., 1948, с.153), а также Д.И.Эварницким: "Велено владѣть запорожцам от Днѣпра рекою Самарою, Волчьими Водами, Бердою, Кальчиком и Кальмиусом й протчими впадающими в нихъ рѣчками" (из приказа 10 августа 1756 г.) (Эварницкий Д.И., 1888, с.135). Приводит его и академик И.А.Гильденштедт в "Дневнике путешествия в Южную Россию (1773-1774 гг.)" (Шугуров М., 1879, с.222). В XIX в. *Кальчик* становится настолько общепризнанным названием главного притока Кальмиуса, что вытесняет все другие варианты гидронима и другие славянские и тюркские названия рек его системы.

Если возникновение деминутива *Калец* объясняется потребностью в дифференциации наименований главной реки и ее основного притока, то причину вытеснения варианта *Калец* деминутивным образованием *Кальчик*, очевидно, следует видеть в стирании уменьшительного значения в суффиксе *-ец*, что было поддержано аналогичными явлениями в области апеллятивной лексики, где этот процесс имел более общий характер. Кроме того, на обновление суффиксальной части гидронима (*-ец*

---

[4] Сомнения относительно архаичности современной формы *Калка* были высказаны еще в 1915 г. В.Саханевым: " нынешнее наименование Кальчика Калкой есть или приурочение исторического имени к этой речке (у населения ходят слухи о том, будто бы тут когда-то происходила битва), или же Калка просто переиначенное название Кальчика" (Всев. Саханев. Разведка на месте битвы при р.Калке 1224 г.// "Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества". Пг., 1915, т.11, с.27).

[5] Форму *Калеца* (имен. пад. един. ч.) использует в новое время и Д.Бантыш-Каменский в "Истории Малой России" (СПб. – К. – Х., 1903, с.496). Как название главной реки вариант *Калец* использован М.М.Карамзиным в "Истории государства Российского" (Изд.4, СПб., 1833, т.3, с.234), а также И.И.Срезневским в статье "Русское население степей и южного поморья в XI-XIV вв." (Изв. ОРЯС. СПб., 1859-1860, т.8, с.316), Д.Багалием в "Истории Северской земли до половины XIV ст." (К., 1882, с.19), М.Ф.Сумцовым в "Малорусской географической номенклатуре" (К., 1886, с.5) и др.

[6] Русская историческая библиотека. Т.18. Донские дела. Кн.1. СПб., 1989, с.702-703. Формой *Калец* обозначен нынешний Кальчик в указах Екатерины II (1779 г.) и Азовской губернской канцелярии (1780 г.). См.еще: Географическо-статистический словарь Российской империи/ Сост. П.Семенов. СПб., 1863, т.1, с.21; Русский энциклопедический словарь. СПб., 1877, т.2, с.636; Энциклопедический словарь Ф.Павленкова. Изд.2-е. СПб., 1905, с.834.

[7] Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862, с.29; Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть. Вып.1. Мариупольский уезд. Екатеринослав. 1904, с.34; Всев. Саханев. Указ. соч, с.23; К.В.Кудряшов Историко-географические сведения о половецкой земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г.// Известия Государственного Географического Общества, 1937, № 1, с.65 (карта); Каталог рек Украины. К, 1957, с.1135.

> *-чик)* могла оказать влияние и соответствующая словообразовательная закономерность в апеллятивах, где формы на *-ец* "вытесняются формами на *-ик* и *-чик*" (Грамматика русского языка, 1953, с.266).

Наконец, следует остановиться на варианте *Калка* вторичного происхождения. Только так называет нынешний Кальчик В.И.Григорович, который побывал в 1873 г. в селах, основанных в кон. XVIII в. крымскими, или "мариупольскими", греками (Енисалу, Чердаклы, Эски-Крым) (Григорович В.И., 1916, с.309). Сейчас так именуют Кальчик жители сел, расположенных вдоль его притоков. Как свидетельствуют данные топонимических экспедиций в бассейн р.Кальчик летом 1964 и 1966 гг. и ответы корреспондентов, это преимущественно села, которые находятся в верховьях Кальчика – на север и северо-запад от с.Кременевка (Список населенных пунктов Донбасса, 1924, с.73, 75).

Значительно реже это название относится к так называемому Большому Кальчику и его притокам (форма *Калка*, например, зарегистрирована в 1963-1964 гг. в селах Волонтеровка и Каменск вблизи Мариуполя; у с.Старый Крым *Калкою* иногда называют еще правый приток Большого Кальчика – Попову балку). Иногда это название даже переносят на весь Кальмиус[8] (последний случай был зарегистрирован в 1964 г. в с.Заможное).

Калка – своего рода "просторечный" вариант общепринятого названия *Кальчик*[9]. Существование этого варианта вряд ли можно связывать с сохранением древней топонимичной традиции. Скорее всего в последние столетия он возникает вследствие исключительно сильной экспансии суффикса *-ка* в южнорусской и украинской топонимиях. Став "ведущим суффиксом" (Никонов В.А., 1959, т.5, z.2, s.329) в топонимии южнорусских степей, которая в большинстве своих звеньев начинает складываться только в XVI-XVII вв., формант *-ка* или обновляет суффиксальную часть в названии *Калец*, или "модернизирует" гидронимический вариант *Кала*. В первом случае преобразование структуры гидронима могло быть поддержано тенденцией, которая интенсивно проявлялась в области апеллятивной лексики, к сокращению следов второй палатализации. Она обозначилась в фактах замены суффиксального *-ц-* после гласных переднего ряда согласным *-к-* (Борковский В.И., Кузнецов П.С., 1963, с.174). Популяризации варианта, который недавно возник, способствовала и хорошо сохранившаяся в народе память о битве русских с татарами на реке Калке. Что касается другого допущения, то оно находит опору и в некоторых фактах славянской гидронимии. На многочисленные случаи аналогичных отношений производности указывает в исследовании названий славянских вод Я.Розвадовский (Rozwadowski J., 1949, s.1, 90, 94, 108, 115, 142, 150, 199, 213, 301). Сравните первичные формы Owanta, Iłża, Eka, Nacza, Okrzeja с секундарными образованиями с обновленной суффиксальной частью – Owanka, Iłżanka, Ikówka, Naczka, Okrzejka и др. Следует подчеркнуть, что формы типа Owanka, Naczka, Okrzejka не деминутивные наименования притоков, а вторичные, "современные" названия тех же рек.

Итак, морфологическая структура гидронима *Калка* на протяжении длительного времени варьировалась за счет обновления ее суффиксальной части (*-ка*$_1$, *-ец*, *-а*, *-чик*, *-ка*$_2$) или за счет включения основы *Кал-* в топонимическую композиту *Кальмиус*. Доводы К.В.Кудряшова в пользу отнесения места битвы 1223 г. к крайним западным ответвлениям Кальчика малоубедительны, поскольку, кроме иных неточностей, основываются на безоговорочном отождествлении древней *Калки* (*Калки* с элементом *-ка*$_1$) с омонимичным названием позднего происхождения (*Калкой* с элементом *-ка*$_2$). При определении места битвы 1223 г. к ценным выводам, на наш взгляд, может привести историков правильная интерпретация приведенных выше сведений Троицкой и Софиевской летописей, которые вносят в этот вопрос достаточно четкие топонимические коррективы.

Литература и архивные материалы

Борковский В.И., Кузнецов П.С., 1963. Историческая грамматика русского языка. М.
Воинские повести древней Руси, 1949. М.; Л.
Грамматика русского языка, 1953. Т.1. М.
Григорович В.И., 1916. Записки антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра// В.И.Григорович. Собрание сочинений (1864-1876). Одесса.
Ипатьевская летопись// ПСРЛ. Изд. 2-е. 1908. Т.2. СПб.
Книга Большому чертежу, 1838. Изд. 2-е. СПб.

[8] Список населенных пунктов Донбасса, 1924, с.73, 75.

[9] *Калкою* назван Кальмиус во втором томе "Географическо-статистического словаря Российской империи" П.Семенова (с.451). В статье отразились колебания в отнесении к одному и тому же объекту современного названия *Кальмиус* и, как считает автор, "древнего" – *Калка*.

Кудряшов К.В., 1948. Половецкая степь. М.
Кудряшов К.В., 1954. О местоположении реки Калки// ВИ. № 9.
Никонов В.А., 1959. География русских суффиксов// Onomastica. Т.5.
Разин Е., 1940. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914-1918 гг. М.
Софийская летопись (вып.1.)// ПСРЛ. 1925. Т.5. Л.
Список населенных пунктов Донбасса (итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии, январь – февраль 1923 г.), 1924. Т.6. К.
Татищев В. Н., 1950. Избранные работы по географии России. М.
Шугуров М., 1879. Дневник путешествия в Южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1873-1874 г.// Записки ООИД. Том одиннадцатый. Одесса.
Эварницкий Д.И., 1888. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб.
Rozwadowski J., 1949. Studia nad nazwani wód słowiańskich. Kraków.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

The Toponymic Aspect of a Certain Event in the Ancient Russian History

This article contains criticism of K.V.Kudryashov's hypothesis about the site of the battle of the Russians with the Tatar-Mongols on the river Kalka in 1223 considering the data of the historical toponymy. The improbability of the fact that it took place in the upper reaches of the Kalchik in the region of the settlement Kamennye Mogily is being demonstrated. The analysis of the geographical names has shown that the ancient Russian Hydronym Kalka ($Kalka_1$) in terms of world-building is not identical to the modern name Kalka ($Kalka_2$) in the hydronymy of the river Kalmius. This should be taken into consideration while determining "the stony place" where Mstislav's camp was located and the battle occurred.

Je.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Die toponymische Seite eines Ereignisses aus der altrussischen Geschichte

Hier wird die Hypothese von K.W. Kudrjaschov bezüglich des Austragungsortes der Schlacht des russischen Heeres gegen die Tataren und Mongolen im Jahre 1223 an der Kalka unter Berücksichtigung der Erkenntnisse der historischen Toponomastik kritisiert. Für wenig wahrscheinlich wird gehalten, dass diese Schlacht am Oberlauf der Kaltschik in der Landschaft Kamennyje Mogily ("Steingräber") ausgetragen wurde. Die Analyse der geografischen Ortsnamen zeugt davon, dass das russische Hydronym Kalka ($Kalka_1$) aus der Sicht der Wortbildung mit dem heutigen Namen Kalka ($Kalka_2$) in der Hydronymie des Flusses Kalmius nicht übereinstimmt. Dies muss bei der Bestimmung des Ortes "mesta kamenista" ("steiniger Ort"), an dem Mstislaw sein Lager aufgeschlagen und die Schlacht stattgefunden hat, in Betracht gezogen werden.

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

L'aspect toponymique d'un événement de l'histoire de l'ancienne Russie

L'article fait la critique de l'hypothèse de K.V.Koudriachov sur le lieu de la bataille des russes contre les mongolo-tatars sur la rivière Kalka en 1223 en tenant compte des données de la toponymie historique. Il est prouvé qu'il est peu probable qu'elle eût lieu au pays d'amont de Kaltchik aux environs du lieu nommé Kamenny jé Moghily. L'analyse des noms geographiques montre que l'hydronyme russe ancien Kalka ($Kalka_1$) sur le plan de la formation de mots n'est pas identique au nom moderne Kalka ($Kalka_2$) dans l'hydronymie de la riviere Kalmius. Il faut prendre cela en considération en definissant " le lieu pierreux " où se trouvait le camp de Mstislav et a eu lieu la bataille.

Статья поступила в редакцию в январе 2002 г.

А.М.Поливанов

"ВОСТОЧНАЯ" ГИПОТЕЗА О МЕСТЕ БИТВЫ ИГОРЯ С ПОЛОВЦАМИ (р.Россошь, бассейн среднего течения Дона)

Величайший памятник средневековой русской поэзии "Слово о полку Игореве", как и все другие, вошедшие в фонд мировой литературы, привлекает к себе внимание исследователей с давних пор. Уже первые издатели этого произведения пытались его объяснить с исторической и географической точек зрения. Однако, несмотря на то, что со времени его создания прошло восемь веков и он имеет весьма обширную историографию, историческая наука до сих пор не пришла к общему мнению о маршруте похода и месте битвы князя Игоря с половцами. Существуют десятки различных версий маршрута и только часть из них обстоятельно опровергнута последующими исследователями (табл.1). Из всех версий, пожалуй, только гипотеза Н.Н.Поливанова остается пока еще достаточно устойчивой.

Исходной посылкой и основой для изложения нашей версии послужила цитата из "Слова...":

"Игорь пронзил свой ум крепким намерением, заострил свое сердце мужеством и, преисполнившись боевого духа, повел свои храбрые полки на Половецкую землю за землю Русскую... добиться Великого Дону... Хочу с вами, русские, либо голову свою сложить, либо напиться шеломом из Дона", –

так автор поэмы устами князя Игоря излагает цель похода, который был предпринят им и соратниками в "конец поля Половецкого", т.е. к среднему течению Дона. Игорь явно намеревался защитить Северские княжества от набегов половцев.

При определении маршрута похода Игоря в половецкие земли мы учитывали основные положения оперативно-тактических действий любых наступающих войск. Это – выбор пункта сосредоточения и кратчайшего пути маршрута, скрытое сближение с противником и обеспечение внезапности вступления в бой.

Поставленные вопросы потребовали привлечения данных тех наук, без использования которых, по нашему полному убеждению, невозможно их комплексное решение.

Историческая география. 1. Реки Волга, Дон, Донец и Оскол на протяжении восьми веков сохранили свои названия, поэтому для определения маршрута похода князя Игоря (*позрим синего Дона,... искусити Дону великого,... испити шеломом Дону,... к Дону вои ведет*) составим географическую карту того времени и нанесем на нее пункты, где находилось войско Игоря во время солнечного затмения 1 мая 1185 г., и где состоялась встреча князей Игоря и Всеволода.

2. Название р.Сюурлий – это гидроним тюркского происхождения. Переводится по слогам "су" – вода и "ур" – бить, разливаться. Общее значение – разливающаяся вода. Второй разлив рек этого района имеет отличительную особенность – быстрый подъем уровня воды со стороны, противоположной стоку реки. По этой гидрологической особенности и географическому положению р.Ольховатку можно отождествить с р.Сюурлий.

3. В долине р.Черная Калитва, ниже по течению от Ольховатки – пойменные болота, а село, расположенное там же, называется Заболотовка. И характер местности, и современное название населенного пункта подтверждают наличие "болот и грязных мест", которые "мостили половецкими нарядами, плащами, шубами и охабнями" воины князя Игоря для того, чтобы преодолеть эти места (в пятницу 10 мая).

4. Название р.Сальница в XII в. сохранилось, очевидно, с тех времен, когда здесь жили славяне. Дано оно было по специфике воды в реке – "сальной". В XVII в. эта река стала называться Гнилушей, потом Гнилой Донец, а в настоящее время – Черная Калитва. Все эти три трансформированные гидронима отражают одну и ту же особенность – мутной воды реки, которой она отличается от остальных рек региона.

5. Название р.Каяла произошло, как считает языковед-тюрколог Н.А.Баскаков, не из общепринятого тюркологами названия "qaja" – скала, а от огузо-половецкого слова "qoγa" – осока, либо от "qyja" – болотного растения рогоз. Он считает, что название р.Каяла связано с растительностью по ее берегам – зарослям осоки, рогоза, кияка. Русская адаптация – Каяла (Баскаков Н.А., 1985, с.112-113).

Поэма "Слово о полку Игореве" – настоящее зеркало географических знаний своего времени. По названиям городов, рек и стран, какие употребляет ее автор, можно представить географическую карту XII в. от Волги до Дуная и от Черного моря до Балтики.

Географические названия, сохранившиеся до настоящего времени, и будут служить основой карты XII в., как бы ее контурами, которые надо еще дополнить топонимами летописей. Мы пока не

имеем достоверных сведений о том, какие были тогда у русских князей карты, но, что военачальники хорошо ориентировались на местности, знали основные пути и расстояния между городами и реками – можем сказать достаточно уверенно, хотя бы потому, что князь Игорь "*мыслию поля мерил от Дона Великого до Донца*" (табл.2).

Физическая география. В связи с тем, что р.Оскол на протяжении восьми веков сохранила свое название, следует более детально и всесторонне рассмотреть и топографическую обстановку в этом регионе.

Границы распространения почв оказывают прямое влияние на растительность, а она, в свою очередь – на военную стратегию и геополитическую обстановку XII в. на юго-восточном пограничье Руси.

В верхнем течении р.Оскол до пос.Волоконовка почвы серые, лесные, черноземы выщелоченные и оподзоленные. На юг от Волоконовки, в среднем и нижнем течении р.Оскол, почва – чернозем обыкновенный. Граница между различными видами почв проходит по р.Тихая Сосна – Волоконовка, далее – на юго-запад. Севернее этой границы еще два-три столетия тому назад росли дубовые леса, что подтверждают письменные источники, карты и сохранившиеся до нашего времени отдельные дубравы, леса и реликтовые сосняки на мелах. Южнее границы простирались разнотравно-типчаково-ковыльные степи (Физическая учебная карта, 1974). Местность в среднем и нижнем течении р.Оскол – степная, открытая.

Естественная граница между степью и лесостепью была в то время этнополитической границей – между русскими и половецкими землями (Плетнева С.А., 1977, с.46-61).

Гидрология. Река Черная Калитва – правый приток Дона, в среднем течении имеет широкую, сильно разработанную, асимметрическую долину с крутым правым берегом и пологим левым, с явно выраженной надпойменной террасой. Пойма хорошо развита, ее ширина 0,8-1,2 км. В пойме реки есть озера и низинные болота: они располагаются у впадения притоков и в нижнем течении. Так, озеро Лиман находится на левом берегу после впадения р.Россошь в Черную Калитву. Русло реки извилистое, с характерным свободным меандрированием. Ширина русла в межень 4-10 м, в паводок – до 70 м.

Продолжительность половодья, в среднем, – с 3 декады марта до 2-3 декады апреля. Высота подъема воды более 2 м, а в исключительно многоводные годы – до 3-4,5 м. За период половодья проходит в среднем 60% годового стока воды. Существенный подъем уровня может произойти при интенсивном таянии снега за пять-три и даже одни сутки. Интенсивность подъема – при низком половодье – несколько сантиметров в сутки, а в многоводные весны – до 2 м. Спад воды идет более медленно: в среднем, 5-10 см в сутки, но в отдельные годы до 25-30 см. На малых реках половодье заканчивается раньше, на Дону затягивается до конца мая – начала июня. Продолжительность половодья зависит не только от объема воды, накопленного к периоду таяния снега, но и от залесенности бассейна и температурного режима окружающей среды. По гидрометеорологическим сведениям, среднегодовой расход воды для Черной Калитвы – 291 м^3 в секунду, но максимальный расход половодья может доходить до 429, а расчетный до 648 м^3.

При меридиональном направлении течения Дона, таяние снега в нижней части бассейна начинается несколько раньше, чем в верхней. Неодновременность стока талых вод показывает прохождение двух фаз половодья. Сначала проходят воды ближайших, более южных притоков, нормирующих первую фазу половодья, называемую "казачьей" "холодной" от того, что воды ближайших притоков не успели достаточно прогреться. Затем с некоторым опозданием, примерно на две-три недели, а иногда до месяца, проходит вторая фаза "русская" – "теплая" из более отдаленных северных частей бассейна, прогревшаяся при своем течении на юг. Средней многолетней датой наивысшей точки половодья можно считать 16 мая.

Наблюдения с 1895 по 1947 гг. характерных расходов воды по месяцам в среднем течении Дона (г.Лиски) даны в исследовании "Практическая гидрология" (с.230, табл.92).

Анализируя эти таблицы, можно сделать следующие выводы:

1. Весенние половодья на притоках среднего течения Дона (Черная Калитва с Россошью) повторяются дважды:

а) сначала при таянии снега в нижнем и среднем течении Дона (степной район);

б) затем при таянии снега в верховьях Дона, где местность лесистая.

2. Если учитывать, что залесенность верховьев Дона восемь веков тому назад была значительно выше настоящей, то с уверенностью можно заключить, что цифры расхода талых вод были выше, чем теперь, а значит, площадь разлива была как "море", о котором сказано в "Слове о полку Игореве".

3. Заключительный этап битвы войск князя Игоря с половцами проходил в период пика второго половодья рр.Черная Калитва и Россошь (10-12 мая 1185 г., т.е. 2-4 мая нового стиля).

4. Более высокий пик половодья вызван подпором паводковых вод Дона, который наступает спустя несколько недель, а именно, в конце апреля – начале мая.

Рассмотрим, как надо понимать слово "море", которое упоминает Ипатьевская летопись, – "*а прочии в море истопоша*". Что это за "море" и где оно могло быть?

По ходу изложения летописи можно понять, что оно было тут же рядом, в районе битвы. Нельзя не согласиться с К.В.Кудряшовым, что под термином "море" автор "Слова о полку Игореве" и летописцы понимали любой водоем, достаточный по своим размерам и глубине, чтобы быть местом гибели измотанных битвой воинов Игоревой рати. Он это подтверждает многими примерами (Кудряшов К.В., 1947,1959).

Дополнительную ясность того, как понимать в летописи слово "море", внес П.Житецкий, который нашел и опубликовал в 1889 г. рукопись XVII в. с заглавием: "Синонима словено-русская". В ней приводится алфавитный словарь украинских слов с переводом их на русский язык. Там сказано: "МОРЕ – состав водный, ОЗЕРО" (Житецкий П., 1889).

Люблю отчизну я...
(. . . . .)
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, **подобные морям**...
(выделено нами – А.П.)
М.Ю.Лермонтов. "Родина", 1841 г.

Так и великий Лермонтов разлив рек назвал морем. Термин "*море*" и теперь употребляется во всех случаях, когда очень много чего-то (цветов, зерна, радости, народа, продуктов и т.д.)[1]

В нашей "восточной" гипотезе место битвы – это междуречье Ольховатки (Сюурлий), Россоши (Каялы) и Черной Калитвы (Сальницы), где было море (*много*) воды при втором половодье.

Астрономия. Для определения географических координат пункта форсирования Северского Донца войском князя Игоря 1 мая 1185 г. мы воспользовались исследованиями Д.О.Святского, в которых приводятся основные данные солнечного затмения этого дня.

Согласно летописям, воины Игоря "*Идучи... к Донцу; на вечерне мая 1 дня увидели солнечное затмение, которого осталась часть, яко луна трех дней*". По этим сведениям нетрудно определить фазу солнечного затмения, которая равна 0,82. Зная фазу затмения, можно рассчитать расстояние от изолинии с Ф=1,00 до изолинии с Ф=0,82.

Проведя изолинию Ф=0,82 параллельно изолинии с Ф=1,00, увидим, что она пересечет Северский Донец на 50°18' северной широты, 38°50' восточной долготы (Святский Д.О., 1915). Это и будет место, где на берегу Северского Донца солнечное затмение застало дружину Игоря (рис.1).

Выдержки из "Слова..." и расчеты по определению координат солнечного затмения в совокупности позволили выделить 5 этапов похода (табл.3).

1-й этап (23 апреля – 1 мая)

Во вторник, 23 апреля 1185 г., дружина Игоря выступила в поход из Новгорода-Северского и через девять дней к концу дня 1 мая подошла к Северскому Донцу.

2-й этап (2 – 5 мая)

2 мая, переправившись через Северский Донец, дружина следует к р.Оскол, где ждет два дня князя Всеволода.

3-й этап (6 – 10 мая)

Объединенная дружина князей Игоря и Всеволода 6 мая направляется от р.Оскол к "самому концу половецкой степи" – Великому Дону. 10 мая, около полудня, подойдя к р.Сюурлий, дружина встретила половцев.

4-й этап (10 мая)

Вторая половина дня 10 мая – начало боевых действий между объединенной дружиной Игоря и

---

[1] В 1995 г. мы представили на рецензию в Московский геолого-разведочный институт наши исследования по гидрологии предполагаемого района битвы кандидату географических наук А.А.Лучшевой и получили от нее положительную рецензию. Приводим ее текст.

"В работе А.М.Поливанова «Маршрут похода князя Игоря на половцев и место битвы 11-12 мая 1185 г.» изложены «общие гидрологические сведения» о районе завершающего этапа маршрута и места битвы князя Игоря с половцами.

Условия формирования паводковых вод в районе среднего течения р.Дон, описание гидрографии и залесенности в статье обосновывают образование «моря», повлиявшее на условия и исход битвы.

Подробно изложены фазы половодья, приведены сведения о максимальных расходах воды и датах их наступления. Все эти данные проанализированы за большой период фактических наблюдений.

Состоянием водных объектов, исследованных в работе, автор дает возможность обосновать гидрологические условия в районе битвы. В статье есть указание на то, что на левом берегу р.Черная Калитва в среднем ее течении создаются условия безводности, которые вызвали большие осложнения при продвижении войск князя Игоря. В представленной статье А.М.Поливанова изложены новые сведения о гидрологических условиях в районе (предполагаемом – А.П.) битвы, поэтому ее необходимо представить к опубликованию.

Доцент, кандидат географических наук А.А.Лучшева
г. Москва, 28.12.95 г."

	Год создания или опубликования версии	Автор	Исходный пункт	Предполагаемый район битвы		Расстояние от Новгород-Северского до места битвы (в км)	Время движения войска				Кто опроверг гипотезу
				город, река в настоящее время	координаты		с 23 апреля по 2 мая		со 2 по 10 мая		
							расстояние в км	средняя скорость км/сут.	расстояние в км	средняя скорость км/сут.	
1	1797	Карамзин Н.М.	г.Новгород-Сев. 52° с.ш. 33° 15' в.д.	р.Сал	47°30'с.ш. 41° в.д.	800	280	31,1	520	73	Бутков П.Г., Арцибашев Н.С., Аристов Н.Я., Лонгинов А.В., Кудряшов К.В., Афанасьев В.А. и др.
2	1877	Аристов Н.Я.		г.Горловка (через р.Орель). р.Тор	48°20'с.ш. 38° в.д.	740	280	31,1	460	67	Кудряшов К.В.
3	1892	Лонгинов A.R.		Вел.Новоселка	47°30'с.ш. 36°50' в.д.	620	280	31,1	340	50	Кудряшов К.В., Рыбаков Б.А.
4	1937	Кудряшов К.В.		г.Горловка, р.Тор	48°20'с.ш. 38° в.д.	610	310	34,4	300	43	Кудряшов К.В. 1946 г.
5	1939	Афанасьев В.А.		г.Белая Калитва	48° с.ш. 41° в.д.	720	280	31,1	440	63	Кудряшов К.В. 1947 г.
6	1941	Поливанов Н.Н.		г.Россошь, р.Россошь	50° 10' с.ш. 39°30' в.д.	490	280	31,1	210	30	
7	1946	Кудряшов К.В.		г.Славянск (через г.Путивль)	48°50'с.ш. 37°40' в.д.	550	310	34,4	240	34	Кудряшов К.В. 1959 г.
8	1956	Федоров В.Г.		реки Орель и Орелька	48°50'с.ш. 36° в.д.	580	280	31,1	240	34	Кудряшов К.В., Рыбаков Б.А.
9	1959	Кудряшов К.В.		г.Славянск (через г.Рыльск)	48°50'с.ш. 37°40' в.д.	520	280	31,1	240	34	Поливанов А.М.
К)	1971	Рыбаков Б.А.		реки Самара и Бык	48°30'с.ш. 36°40' в.д.	550	280	31,1	270	38	Гетманец М.Ф., Поливанов А.М.
11	1973	Германец М.Ф.		г.Славянск, р.Макатиха	48°50'с.ш. 37°40' в.д.	520	280	31,1	240	34	11оливанов А.М., Пядышев Г.Е.
12	1976	Поливанов А.М.		г.Россошь, р.Россошь	50°10'с.ш. 39°30' в.д.	520	310	34,4	210	30	
13	1980	Пядышев Г.Е.		р.Крайняя Балаклейка	49 '30' с.ш. 36°40' в.д.	490	280	31,1	210	30	11оливапов А.М.

Табл. 1. Гипотезы исследователей маршрута похода войска князя Игоря 1185 г.

Table 1. Various hypotheses concerning Prince Igor' expedition rout in 1185.

Tab. 1. Hypothesen der Erforscher der Route von dem Heeresfeldzug des Fursten Igor 1185.

Tabl. 1. Hypotheses avancees par les explorateurs de l'itineraire de la marche des troupes du prince Igor en 1185

	Дата	Географические пункты. Полководец	Расстояние в верстах	Время пути в сут.	Средняя скорость верст /сут.[2]	Источник
1	782 г.	Париж - Порта Вестпалика Карл Великий	900	60	15	Дельбрюк Ганс, с.49
2	1111г. 26.02 - воскр. 07.03 - вторник	Переяславль - р.Ворскла Большой поход русских князей	240	10	24	Кудряшов К.В., 1959, с.20
3	1111г. 08.03 - среда 19.03 - воскр.	р.Ворскла - р.Донец Большой поход русских князей	200	11	18	Там же. с.21
4	1159 г.	Крема - Манербио Император Фридрих	62	2-3	20-30	Дельбрюк Ганс, с.239
5	1185 г. 23.04 - вторник 01.05 - среда	Новгород-Северский - р.Донец Князь Игорь Северский	280	9	31	Ипатьевская летопись
6	1185 г. 23.04-01.05	Новгород-Северский - Уды (в районе Злочева)	280	9	31	Рыбаков Б.А., 1971, с.231
7	1380 г. август	Москва - Куликово поле Дмитрий Донской	280		20-30	Разин Е.А., 1957, с.
8	1475 г. 20.06-23.06	Москва - Волок Царь Иван III с главными силами	101	3	33	Соловьев СМ., 1960, с.18
9	1475 г. 23.06-29.06	Волок - Торжок Царь Иван III	173	6	29	Там же. с.18
10	1477 г.	Москва - Торжок Царь Иван III	274	11	24	Там же. с.27
11	1552 г.июль - август	Москва - Казань Царь Иван IV	840	42	20	Разин Е.А., 1957, с.
12	1812 г. 06.10- 10.10	Москва - Мало-ярославец Наполеон	120	4	30	Норов В.С., 1834, с. 14
13	1812 г. 14.10-22.10	Малоярославец - Вязьма Наполеон	186	8	23	Там же, с. 14-25
14	1812 г. 22.10- 26.10	Вязьма - Дорогобуж Наполеон	82	4	20	- // -
15	1812 г. с 2-х часов дня 11.10 до утра 12.10	Тарутино - Малоярославец Кутузов, форсированный марш русских войск	40	1	40	- // -
16	1897 г.лето	Опытная проверка скорости движения пехоты, выполненная курсантами военного училища			25-28	Дельбрюк Ганс, с.361
17	1941 г.	Полевой устав Красной Армии			24-30	Полевой устав.... 1941
18		"... дневной переход русских дружин равнялся 25-30 верстам..."				Кудряшов К".В., 1947, с.52
19		Нормальный переход суворовских войск составлял 28-35 верст в сутки, т.е. в 3-4 раза превышал общепринятые в то время нормы суточного перехода на Западе. При форсированном марше расстояние увеличивалось до 50 верст				Иванов В.М., 1976. с.86-93

[2] Общая средняя скорость - 27, 3 верст в сутки (верста - русская мера длины, равная 500 саженям (1,0688 км). До 20 в. существовала межевая верста (1000 саженей - 2,1336 км), употреблявшаяся для межевания и определения расстояний между населенными пунктами// Советский энциклопедический словарь, М., 1989. С.212).

Табл. 2. Скорость движения конницы с пехотой в многодневных переходах (примеры из исторических событий разных эпох).

Table 2. Average speed of cavalry and infantry during long marches (based on historical evidence of different epochs).

Tab. 2. Die Bewegungsgeschwindigkeit der Kavallerie mit Infanterie bei vieltägigen Marschen (Beispiele aus historischen Ereignissen unterschiedlicher Epochen).

Tabl. 2. Vitesse de la marche de cavalerie et d'infanterie pendant les passages de plusieurs jours (exemples tirés des données historiques des époques différentes)

Всеволода и половцами. Победа русских над передовыми отрядами половцев.

5-й этап (11 и 12 мая)

На рассвете, в субботу 11 мая, русские были окружены половцами, после чего началась битва, которая длилась два дня и закончилась в день Святого Воскресенья 12 мая на р.Каяле у Великого Дона победой кочевников.

Археология. "К сожалению, никакими археологическими данными, относящимися к походу Игоря, наука не располагает", – так писал М.Ф.Гетманец в статье "По следам князя Игоря" (Гетманец М.Ф., 1976). Спустя 26 лет, этот тезис, к сожалению, по-прежнему остается актуальным, не позволяющим окончательно локализовать место битвы.

В 1976 г. во время нашей первой экспедиции в г.Россошь местный историк-краевед А.Я.Морозов передал нам археологическую находку – железный наконечник копья с большим слоем коррозии (рис.2). Он был найден в 1973 г. на дне р.Россошь в 200-250 м вниз по течению от городской плотины. Найденный наконечник, по классификации А.В.-Кирпичникова, соответствует типу III-а и датируется XII в. Данной категории оружия с 1853 г. по 1966 г. на территории Европейской части России было найдено и занесено в свод ученого 754 экз. (Кирпичников А.В., 1966, с.68-95). Если мы обратимся к географии этих находок, то кроме 15 экз., датируемых IX – нач.XI в., не имеющих отношения к нашему исследованию, остальные 739 относятся к XII в. и найдены на территории русских княжеств. На "Половецкой земле" ни одной паспортизированной случайной находки, относящейся к XII-XIII вв., не обнаружено. Кстати, крайне редки находки копий этого времени и в погребальных комплексах.

Вероятность случайного попадания копья в реку (не в ходе сражения) чрезвычайно мала, так как такой вид оружия имел в то время большую ценность, а также достаточные размеры, чтобы не быть просто потерянным. Поэтому можно с большой степенью вероятности предположить, что копье или обломок древка с металлическим наконечником попал в реку в схватке русского воина с противником – "ту ся копиемъ приламати... на реке Каяле, у Дону великаго", – так красноречиво и ясно повествует автор "Слова" о битве.

Эта первая археологическая находка, найденная в предполагаемом месте битвы, кстати, представленная в 1978 г. на собрании Российского Географического общества, на наш взгляд, дает некоторые основания продолжать археологические поиски в устье р.Россошь и прилегающем районе. Возможно, именно она – первое вещественное доказательство правоты нашей гипотезы[3]. Во всяком случае, пока ни для одной из многих других версий нет достаточно обоснованных находок в их подтверждение.

Во время первой экспедиции (1976 г.), целью которой была "визуальная" отработка версии, нас заинтересовали курганы, расположенные на пути из Воронежа в Россошь. Особый интерес представляют, с нашей точки зрения, 19 курганов вокруг озера Лебяжье – в предполагаемой зоне боевых действий 11-12 мая 1185 г. на высоком (правом) берегу и левом (пойменном) берегах р.Россошь (Каяле).

Конечно же, до проведения раскопок этих курганов нет никаких оснований считать последние местом захоронения павших в битве воинов, однако, нельзя этого и отрицать. Но даже, если их будущее археологическое изучение не подтвердит наши предположения, то это все равно не может быть основанием для опровержения версии, поскольку до сих пор не было обнаружено ни одного массового захоронения, связанного с исторически известными битвами эпохи средневековья. Возможно, погибших, в виду экологического фактора и отсутствия достаточных возможностей, погребали в грунтовых могилах, стертых на сегодня с лица земли, или просто сжигали. Что же касается всего комплекса наступательного и защитного вооружения, то оно, возможно, собиралось на месте битвы, как ценнейшие для того времени вещи.

Фольклор. Воронежская газета "Коммуна" 3 октября 1976 г. поместила статью "Загадка старины седой". Ее автор историк-краевед из г.Россошь А.Я.Морозов рассказал о наших поисках и обратил-

[3] В 1998 г. случайно был найден второй наконечник копья древнерусского происхождения XI-XII вв. на вспаханном поле вблизи хутора Перещепного Россошанского р-на Воронежской обл., в 16 км к югу от г.Россошь.

День похода	Месяц, число		День недели	Географическое место, где находилась дружина	Событие	Научно-исторический источник	Расстояние от Новгород Северского в верстах	Средняя скорость в верстах
1 2 3 4 5 6 7 8	Апрель	23 24 25 26 27 28 29 30	Вт. Ср. Чт. Птн. Суб. Воскр. Пнд. Вт.	Новгород-Северский г.Рыльск	Выступление дружины в поход в день Святого Георгия	Поэма, Ипатьевская и Лаврентьевская летописи	90	34
9 10 11		1 2 3	Ср. Чт. Птн.	Правый берег р.Северский Донец в р-не г.Волчанска	Неполное солнечное затмение в 17 ч. 07 мин.	Поэма, астрономические расчеты, Ипатьевская и Лаврентьевская летописи	310	
12 13 14 15 16 17	1s	4 5 6 7 8 9	Суб. Воскр. Пнд. Вт. Ср. Чт.	Правый берег р.Оскол (около Волоконовки)	Дружина князя Игоря ждет Всеволода с курянами	Поэма и Ипатьевская летопись	380	30
18		10	Птн.	Устье р.Ольховатки (Сюурлий)	Переправа через Ольховатку. Встреча с половцами. Победный бой	Поэма и Ипатьевская летопись	485 510	26
19		11	Суб.	Долина левого берега р.Черная Калитва (от Ольховатки до г.Россошь)	Бой весь день			
20		12	Воскр.	Правый берег устья р.Россошь (Каялы)	Разгром войска пленение князя Игоря			

Табл. 3. Хронология похода по дням[4].
Table 3. Day-by-day chronology of the expedition.
Tab. 3. Tageschronologie des Feldzuges.
Tabl. 3. Chronologie de la marche au jour le jour

Средняя скорость 28,2 версты в день.

ся к землякам с просьбой помочь собрать возможные свидетельства, относящиеся к истории края.

Эта статья заинтересовала читателей. К примеру, местная жительница по фамилии Махаринец прислала в редакцию рассказ своей бабушки, прожившей сто лет. Суть его в том, что в 3-4 км от г.Россошь выше по одноименной реке между селами Висицкое и Николаевка, на правом высоком берегу есть место, которое жители называли "Велыкой Прыстин". По преданию давным-давно на той высокой стороне были озера и болота. И там была битва, которая шла день, ночь и еще день, и все люди в этой битве погибли, а в болотах было потоплено много оружия и золота. На то место боялись даже гонять лошадей в ночное. Говорили, что туда приходят приведения и слышится стон из-под земли. Там же в старину были курганы, эта женщина видела их, когда была маленькой (Морозов А.Я., 1976).

Во время второй экспедиции (1977 г.) мы обследовали местность, о которой говорится в предании. Действительно, на правом крутом берегу р.Россошь расположен х.Висицкий. В 1-1,5 км севернее хутора, на гребне возвышенности, в ложбине сохранилось озерко диаметром около 70 м. Вблизи озерка – три кургана и еще два – в сторону хутора. Один из курганов еле заметен, так как распахан и по нему проходит лесополоса. Житель хутора 82-летний В.Е.-Фоменко, назвав это озерко "Лебяжьим", сказал, что помнит его с детских лет. В те времена глубина озера достигала "трех тростников" – то есть 6-7 м.

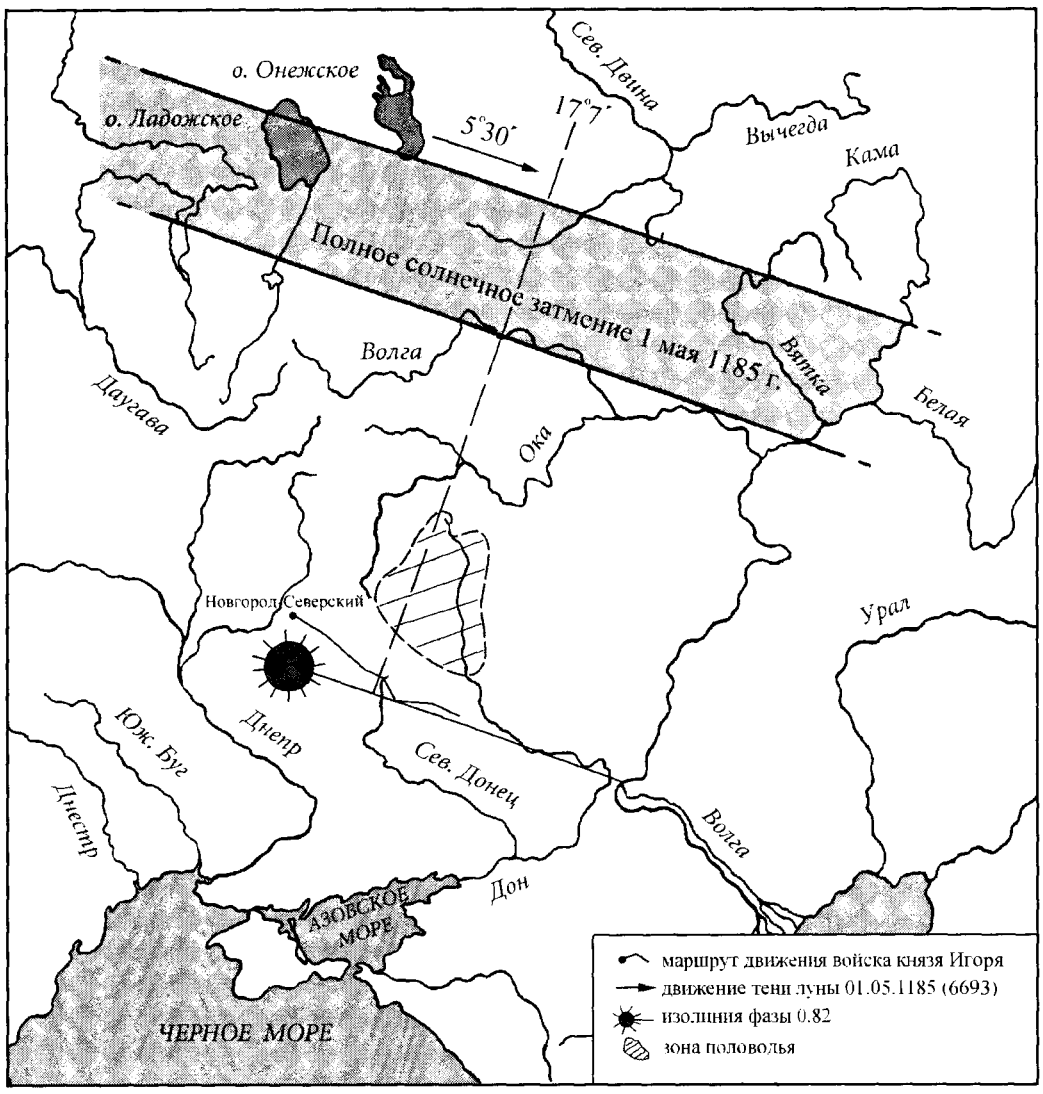

Рис. 1. Карта района, где находилось войско Игоря во время солнечного затмения 1 мая 1185 г.
Fig. 1. Map of Prince Igor's army location during the eclipse on 1st May, 1185.
Abb. 1. Karte der Gegend, wo sich das Heer Igors zur Zeit der Sonnenfinsternis am 1. Mai 1185 befand.
Dess. 1. Carte de la zone de campement des troupes d'Igor au moment de l'éclipse du soleil le 1 mai 1185

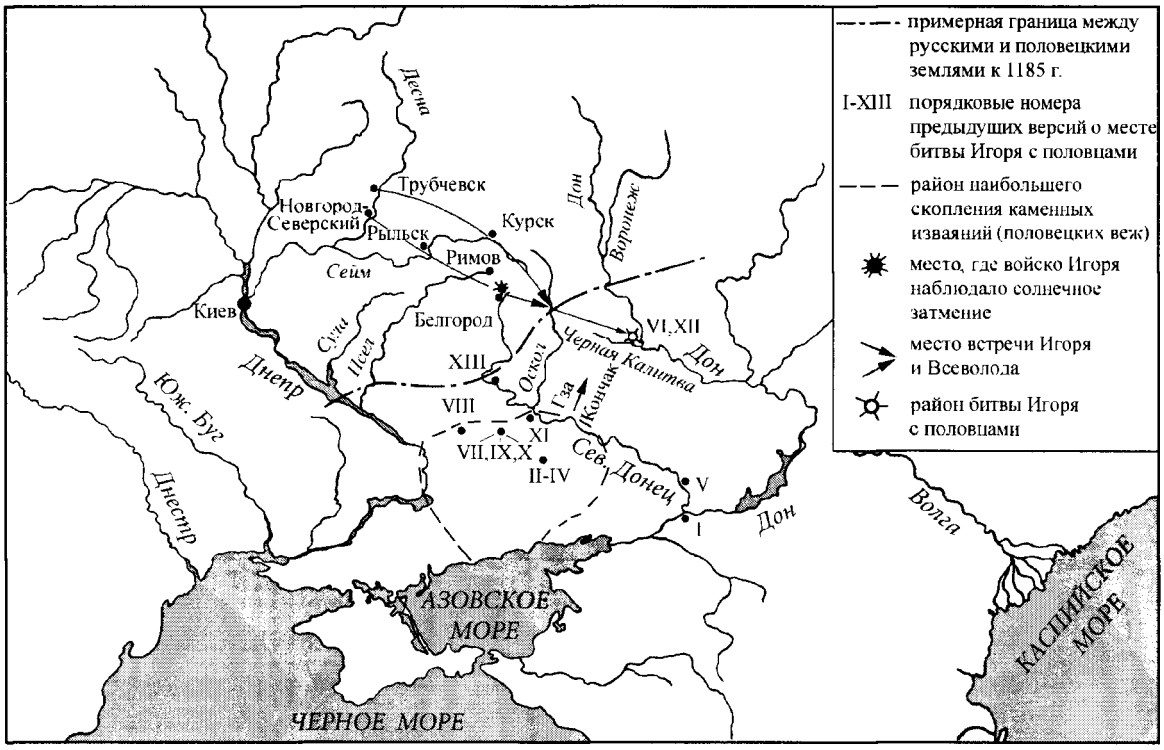

Рис. 2. Карта локализации места битвы 11-12 мая 1185 г. Игоря с половцами.
Fig. 2. Map locating the site of Igor's battle with the Polovets on 11-12 May, 1185.
Abb. 2. Lokalisierungskarte des Schlachtortes Igors gegen die Kumanen am 11.-12. Mai 1185.
Dess. 2. Carte de localisation de l'endroit de bataille d'Igor contre les Polovec les 11-12 mai 1185

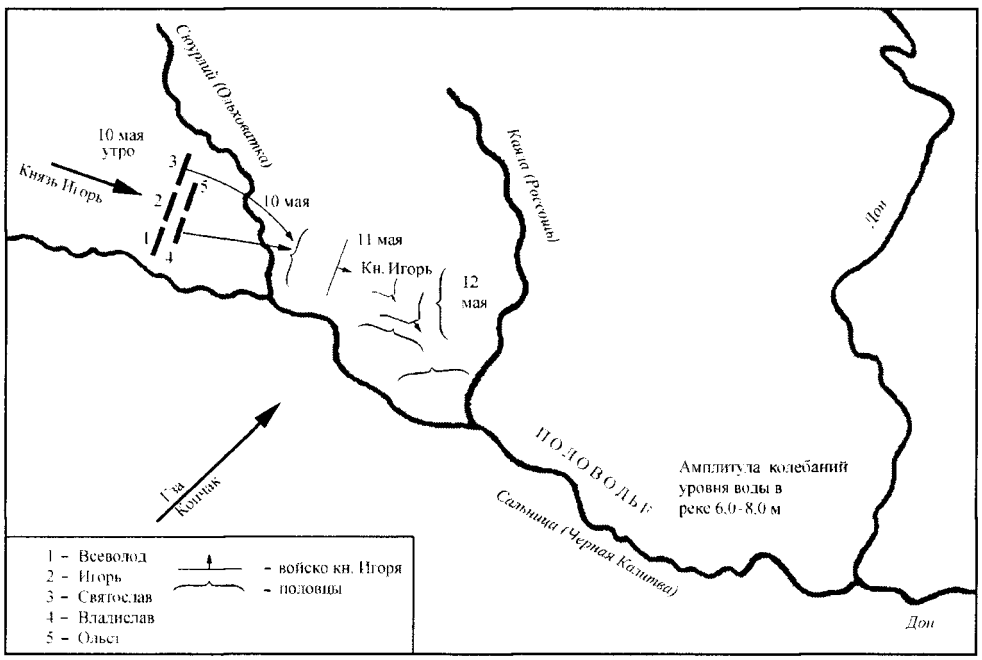

Рис. 3. Карта-схема сражения войск Игоря с половцами 10-12 мая 1185 г.
Fig. 3. Scheme-map of the battle between Igor's army and the Polovets on 11-12 May, 1185.
Abb. 3. Karte der Schlacht des Heeres Igors gegen die Kumanen am 10. bis 12. Mai 1185.
Dess. 3. Carte-schéma de la bataille d'Igor contre les Polovec les 11-12 mai 1185

***

Соединение в единое целое определения скорости движения войска и астрономических явлений, сопоставление текстов летописей и научных данных позволило выработать версию о маршруте похода и месте битвы.

На основании того, что на протяжении восьми веков рр.Дон, Донец и Оскол сохранили свои названия, была составлена географическая карта того времени, на которой с помощью астрономических расчетов было выявлено место, где войско князя Игоря застало солнечное затмение 1 мая 1185 г., и где состоялась его встреча с князем Всеволодом. Проанализированные письменные источники, геолого-почвенные, гидрологические данные местности и растительности, зоны маршрута и сложившаяся оперативно-тактическая ситуация – все это позволило сделать вывод, что место встречи войск князей Игоря и Всеволода на р.Оскол должно было находиться:

1. На правом берегу р.Оскол.
2. Вне территории половецкой земли, но в непосредственной близости от нее.
3. В зоне лесов.
4. На маршруте: Новгород Северский – р.Северский Донец – р.Оскол – "край половецкой земли" – Дон Великий.
5. На относительно минимальных расстояниях от Новгорода Северского и Курска.
6. На исторически сложившемся транспортном пути из русских княжеств в половецкую землю.

Уточнив пункт сосредоточения, определяем и основное направление пути к месту роковой битвы. Данный вывод явился, пожалуй, главной точкой опоры, к которой логично привязались и все другие сведения, собранные нами. Среди последних особо ценное значение имеет комплексный и глубокий анализ гидрологической обстановки, сложившейся на момент битвы. В данной "восточной" гипотезе место битвы – это междуречье Ольховатки (Сюурлии), Россоши (Каялы) и Черной Калитвы (Сальницы), где было море (много) воды при втором половодье (рис.3). Итак, опираясь на источники, попробуем реконструировать развитие событий.

Автор Ипатьевской летописи начинает изложение событий с указания даты и дня недели: это очень важно для составления графика похода. Лаврентьевская летопись дополняет Ипатьевскую другими событиями, происходившими в то же время. Для большей ясности соединим изложение двух летописей в общее описание похода, придерживаясь последовательности по времени и смыслу того, о чем они повествуют[5].

"Во вторник, 23 апреля [1185 г.] Игорь Святославич поехал из Новгорода-Северского к р.Донцу. Когда они шли к р.Донцу, в вечерний час [17 часов 7 минут] Игорь посмотрел на небо и увидел солнце стоящим, как месяц[6]. Переправился через Донец и пришел к Осколу и ждал два дня брата своего Всеволода. И оттуда пошли к Сальнице [Черная Калитва]. И вошли в Половецкую землю. Русские пошли к вежам.

На утро в пятницу [10 мая], в обеденное время, на другой стороне р.Сюурли [Ольховатка] половцы приготовились к бою. Половцы же, не пуская в вежи, встретили их [русских] и, не дождавшись дружины, сошлись в бою и были побеждены. Русские били и брали в плен половцев [10 мая]. Мы сами к половцам пришли; их самих разбили. Ныне [10 мая] пойдем на них за Дон и до конца изобьем их; если нам будет и там победа, то пойдем на них и в луку моря, где не ходили и деды наши. И ночевали там [с 10 на 11 мая]. На рассвете в субботу [11 мая] начали выступать половецкие полки, словно лес. [Русские князья] посоветовавшись, хотели с боем дойти до р.Донца [вернуться назад], но не приняли такое решение, так как не стали оставлять черных (пеших) людей врагам. Говорили: "Если побежим, спасемся сами, а черных людей оставим, то будет нам грех, что их выдали врагам". И так сражались весь день [11 мая] до вечера; когда же настала ночь субботняя [с 11 на 12 мая], русские пошли с боем. На рассвете в воскресенье [12 мая] смутились ковуи [черные] в полку и побежали. И так, в день святого воскресенья, на р.Каяле побеждены были наши. Князья были в плен взяты, вся дружина избита. Возвратились половцы с победою великою".

Литература и архивные материалы

Баскаков Н.А., 1985. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М.
Гетманец М.Ф., 1976. По следам князя Игоря и памятники древнерусской литературы. Л.
Дельбрюк Ганс, 1938. История военного искусства в рамках политической истории. Т.3. М.

[5] Наши дополнения оформлены в квадратных скобках, а подчеркнутый текст взят из Лаврентьевской летописи.

[6] Начало неполного солнечного затмения 1 мая 6693 (1185) г. определено по "Канону Оппольцера" (с.38).

Житецкий П., 1889. Синонима словена-русская. М.
Иванов В.М., 1976. Внезапность в полководческом искусстве// Военно-исторический журнал. № 9.
Ипатьевская летопись, 1908. ПСРЛ. Т.2. СПб.
Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып.2. М.; Л.
Кудряшов К.В., 1947. Слово о полку Игореве в историко-географическом освещении.
Кудряшов К.В., 1948. Половецкая степь: Очерки исторической географии. М.
Кудряшов К.В., 1959. Про Игоря Северского, про землю русскую: Ист.-геогр. очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. М.
Морозов А.Я., 1976. Загадка старины седой// "Коммуна" от 3 октября: газ. Воронеж.
Норов А.С., 1834. Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб.
Плетнева С.А., 1976. Хазары. М.
Плетнева С.А., 1977. Исчезнувшие народы. Половцы// Природа. № 2.
Полевой устав Красной Армии, 1941.
Разин Е.А., 1957. История военного искусства. Т.2. М.
Рыбаков Б.А., 1971. "Слово о полку Игореве" и его современники. М.
Святский Д.О., 1915. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Петроград.
Соловьев С.М., 1960. История России с древнейших времен. Т.3. М.
Физическая учебная карта, 1974.

Summary

A.M.Polivanov (Moscow, Russia)

"Eastern" Hypothesis of the Site of Prince Igor's Battle with the Polovtsy (the River Rossosh in the Middle Don Basin)

The origin of the "eastern" version of the site of Igor's battle with the Polovtsy is the text of the poem in which Prince Igor explains the purpose of the expedition undertaken by him and his companions-in-arms "to the end of the Polovets' field", i.e. to the mid flow of the Don. Igor obviously intended to defend "Severskiye" principalities from the nomads' raids.

On the basis of the fact that the rivers Don, Donets and Oskol have retained their names during 800 years a geographical map of that time has been made on which the site where Prince Igor's troops witnessed the sun eclipse on May 1, 1185 and where they met Vsevolod has been found using astronomical calculations. This conclusion has become a pivotal point with which other scholarly data are in good logical agreement. The most valuable data have been provided by thorough analysis of hydrological situation in the area at the time of the battle. According to the "Eastern" hypothesis, the battle took place in the area between the rivers Olkhovatka (Syuurliy), Rossosh (Kayala) and Black Kalitva (Salnitsa), which were full due to the second flood.

A.M.Polivanov (Moskau, Russland)

"Östliche" Hypothese über den Austragungsort der Schlacht Igors gegen die Kumanen (die Rossosch, Mittellauf des Don)

Die Grundlage für die "östliche" Version des Austragungsortes der Schlacht Igors gegen die Kumanen bilden die Worte "an das weiteste Randgebiet des Kumanenfeldes" aus dem altrussischen Epos "Das Lied von der Heerfahrt Igors", d.h. bis an den Mittellauf des Don, mit denen der Fürst das Ziel seines Feldzuges dargestellt haben soll, die "nördlichen" Fürstentümer vor Nomadeneinfällen unter seine Obhut zu nehmen. Hiermit handelt es sich um die erste komplexe Studie zum Austragungsort der Schlacht Igors gegen die Kumanen. Durch eine zusammenhängende Betrachtung der Angaben über das Tempo der Truppenbewegung und die im Epos erwähnten astronomischen Erscheinungen sowie eine Gegenüberstellung von zeitlich geordneten Angaben aus der historischen und physikalischen Geografie unter Berücksichtigung der Angaben aus den anderen Wissenschaften konnten neue Erkenntnisse über die Route der Heerfahrt Igors und über den Austragungsort seiner Schlacht gegen die Komanen gewonnen werden. Da die Flussnamen Don, Donez und Oskol seitdem

unverändert geblieben sind, konnte die geografische Karte jener Zeit rekonstruiert werden, auf der mit Hilfe der astronomischen Berechnungen der Ort ermittelt wurde, an dem das Heer Igors am 1. Mai 1185 von der Sonnenfinsternis überrascht worden war und sein Zusammenschluss mit dem Heer des Fürsten Wsewolod stattgefunden hatte. Diese Feststellung bildet das Mittelstück der Hypothese, an das sich alle übrigen vom Verfasser innerhalb von mehr als 25 Jahren zusammengetragenen wissenschaftlichen Daten logisch knüpfen. Darunter sind die Ergebnisse einer komplexen und tiefgreifenden Analyse der hydrologischen Situation, die sich zum Zeitpunkt der Schlacht herausgebildet hatte, von besonderer Bedeutung. Gemäß dieser "östlichen" Hypothese fand die Schlacht zwischen den Flüssen Olchowatka (Sjuurlija), Rossosch (Kajala) und Tschernaja Kalitwa (Salniza) statt, die nach der zweiten Überschwemmung sehr wasserreich geworden waren. Einen wichtigen Nachweis für diese Annahme erbrachte der zufällige Fund eines nach der allgemein anerkannten Typologie von A.V. Kirpitschnikov mit dem 12. Jh. datierten Wurfspeers im Fluss Rossosch am mutmaßlichen Austragungsort der Schlacht. Das ist die erste, aber leider auch bisher die einzige Verifikation der Hypothese Polivanovs.

A.M.Polivanov (Moscou, Russie)

Hypothèse "orientale" du lieu de la bataille du prince Igor contre les Polovec (rivière Rossoŝ, bassin du Don moyen)

Le point de départ de la version "orientale" concernant le lieu de la bataille d'Igor contre les Polovec émane des paroles de l'auteur du poème qui, par la bouche du prince, explique le but de la campagne qu'il entreprend, accompagné de ses guerriers, pour aller "jusqu'au bout du champ de Polovec", c'est-à-dire jusqu'au courant moyen du Don. Il est évident qu'Igor avait l'intention de protéger les principautés "Séverski" des incursions de nomades.

En partant du fait que les fleuves Don, Donec et Oskol avaient conservés leurs noms durant ces huit siècles, on a créé une carte géographique de l'époque où, grâce aux calculs astronomiques, on a défini le lieu où les troupes d'Igor avaient survécu l'éclipse du soleil du 1er mai de 1185 et où il avait rencontré Vsevolod. Il se peut que cette conclusion a servi de point de départ principal pour pouvoir y associer toutes les autres données scientifiques que. Parmi ces dernières il y en a une qui acquiert une portée déterminante et qui est une analyse profonde et complexe de la situation hydraulique pour le moment de la bataille. Selon cette hypothèse "orientale" le lieu de bataille se trouve entre les rivières Olhovatka (Sŭurlij), Rossoŝ (Kaâla) et Ĉernaâ Kalitva (Salnica) – l'endroit où il y avait de l'eau (beaucoup d'eau) à cause de la deuxième inondation.

Статья поступила в редакцию в феврале 2003 г.

Приложение к статье А.М.Поливанова

Н.Н.Поливанов

ВНУК БОЯНА*

Драматическая трилогия
в составе трех драматических хроник:
1. На Дон великий – 5 картин
2. За землю русскую – 3 картины
3. Слово внука Бояна – 4 картины

ПРОЛОГ
Певцу неумолкающего слова

Тебя, поэт, могу ли я назвать,
Когда от нас ты скрыл свое прозванье
Нет! Имя как твое, никто не знает...
Так слава безымянная твоя
Осталась на века. И дивно всем,
Что лучшего и мудрого певца,
Поэта древней Киевской Руси,
Теперь мы даже прозвища не знаем.
Где слава, равная твоей, певец?
Кто столько дани от поэтов
Мог собрать, как ты, великий внук Бояна,
Тем "Словом", где поведал бурю жизни,
И чувством где познал родную быль?
Кто знал, как ты, красоты древней речи?
И с кем, как не с тобой, в беседах вся
Природа тайны чувства открывала
Друзьям твоим, участье проявляя.
А кем воспета первая любовь
Всего многострадального народа,
Родная, наша, Русская земля?
Певец! Ты тайну предпочел своей
Великой чести: сам же СЛАВОЙ стал
Тобою гордых, правнуков славян.
Так скрыть себя – не волен ты, поэт.
Твое неумолкающее Слово
Поведало не только, кем ты был,
Что ведал, мыслил, что ты ненавидел,
Но в чем себе признаться не хотел,
Кого за песню, как мечту любил,
Жалея сердцем пламенным поэта?

Москва, 1940

Действующие лица в трилогии

СЛАВА	– ближний боярин князя Игоря, поэт, композитор.
ОЛЕНА	– его жена, молочная сестра княгини Евфросини Ярославны.
СУСАННА	– их дочь, 16 лет.
ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ	– князь Новгород-Северский.
КНЯГИНЯ ЕВФРОСИНЬЯ ЯРОСЛАВНА	– его жена, дочь князя Галицкого Ярослава Осмомысла.
ДМИТРИЙ	– сын конюшего боярина Ивана Жиги, 17 лет.
ЛЮДМИЛА	– его сестра, 16 лет. Сенная девушка боярыни Олёны.
ПЕТР СЕМЕНОВИЧ	– бунтарь, друг детства боярина Славы.
НИКИТА	– его сын, 17 лет.
АРХИПЫЧ	– старый сотник, настоятель города Путивля.
РОГУЙЛО	– тысяцкий, военачальник Игоревой дружины.
ТИМОФЕЙ РОГУЙЛОВИЧ	– его сын.
ИЛЬЯ	– боярский тиун.
БОБОК	– боярский закуп (*ролейный холоп*).

*В тексте поэмы Н.Н. Поливанова "Внук Бояна" корректорами было сделано не менее 500 всевозможных правок (опечатки, грамматические ошибки, оформление текста), оставшихся после первого выхода в свет этого произведения, изданного в Москве.

ЗНЕДЬ – мечник-гуляка, трус, шпион, узник.
БОЯРИН ПЕГОЙ – посол великого князя Всеволода Третьего Большого Гнезда.
ГУКА – игумен Владимирский.
МАРФА – свояченица Никиты.
ЕЛЬХВАН – знатный татарин из Батыевой орды.
БОЯРЕ, ВОИ, МЕЧНИКИ, СМЕРДЫ, ДВОРОВЫЕ, ХОЛОПЫ, ТАТАРЫ, ГОРОЖАНЕ и ГОРОЖАНКИ ПУТИВЛЯ и др.

"На Дон великий"

КАРТИНА 1

Горница в доме боярина в г.Новгороде-Северском. Поздняя осень 1184 года. За окнами лениво падает крупный снег. Хозяин читает. Боярыня вышивает. Сусанна и Никита за столом пишут на листках тонкой розовой бересты переводы с двух греческих книг.

СУСАННА
(*читает по написанному ею переводу*)
Сын, Одиссеем любимый здесь, так отвечал Менелаю:
"Нестору все, что о нем ты, Диоса питомец, поведал,
Мы перескажем, прибывши к нему. О! Когда бы вернувшись
В дом мой, в Итаку, я мог бы отцу моему Одиссею
Также поведать, яку мне честь воздавал здесь и сколь же
Я повезу от тебя дорогих и различных подарков".
Закончил тут мой Телемак беседу,
И с ним я кончила свой переклад.
НИКИТА
А я-то мнил, что с Телемаком вечно
Беседу ты, Сусанна, поведешь.
Ну чем он не жених тебе? Подумай:
Царевич, честен...
СУСАННА
Вот пристал. Он грек,
Сей Телемак, а я по грецки плоше
Могу, чем батюшка, вести беседу:
Так свату от ворот сих – поворот...
Сидел и выдумал меня просватать.
Ха-ха, ха-ха. Лучше ты поведай,
Когда с твоим Босфором в Кимерии
Покончит ноне Геродот? Я мню,
Его вам в лес мой батюшка не даст.
НИКИТА
Да, видно здесь без графика земли
Нельзя понять границ Понтикапеи,
Где скифы продавали грекам хлеб.
СУСАННА
А графики, что батюшка составил.
Ты их глядел?
НИКИТА
Там только реки есть,
Что в Днепр текут, да берег моря Понта:
От Ольвии к Дунаю и Царьграду.
СЛАВА
Ты прав, Никитушка, здесь Геродота
Без графиков земель понять нельзя.
Понтикапею греки основали
На берегу протока в море Понт,
Насупроти низины Лукоморья.
Беда, что графики нам не достать.
Ее составить я могу на память,
Как помню ту, что видел в Киеве...
ОЛЕНА
Так видно и она погибла в граде,
Когда весь Киев рать Андрея жгла?
НИКИТА
Вот лиходей!
СЛАВА
То тяжко помянути...
Что ты переложил? Ну покажи.
СУСАННА
(*глядя в оконце*)
Гляди-ка, матушка, как снег валит.
Пожалуй завтра на санях поедут.
ОЛЕНА
И в самом деле. Слава, погляди.
СЛАВА И СУСАННА
Скорей бы уж зима!
СУСАННА
Ха-ха, ха-ха.
В едино слово, батюшка, с тобой.
Ха-ха. Вот как наскучила нам осень.
ОЛЕНА
Как мыслишь, Слава? Можем ехать
По первопутку?
СУСАННА
Батюшка, поедем
Домой. Ведь в Оболонье веселей.
СЛАВА

Проведати, родимые, хочу
О сем у князя Игоря. Коли
Не нужен к сроку – можем ехать.
ОЛЕНА
Мы третью осень в непогодь и холод
С тобою в Новом Городе живем,
С того тебе и скука. Мне же скорбно
Расстаться с Ярославной: дружны мы.
Вот скоро год их княжей свадьбе,
А я все не нарадуюсь на них,
Она приводит мне на память детство,
Как весело жилося нам тогда
В далеком Галиче. С княгиней Ольгой
Особняком мы жили в княжем замке,
И тут княжна-малютка родилась.
Княгиня ж Юрьевна от огорченья
Кормить свою малютку не смогла,
И матушка моя княжну вскормила.
А тут и вовся спалился князь,
И Юрьевне пришлось до братьев ехать.
СУСАННА
А с Ярославною вы дома жили?
ОЛЕНА
Пока князь не вернул свою семью.
Разлучницу же, попадью, бояре
В полюдье князя взяли и сожгли.
СУСАННА
Ой! Страсть какая!
ОЛЕНА
Будто злую ведьму.
СЛАВА
Была та попадья – лихая баба:
И замутила княжую семью.
Бояр же Галича ровнять не с нами:
Свои дружины воев есть у них.
Ну, князю и пришлось на том мириться.
(*Входит Петр и снимает новый нагольный полушубок*)
ПЕТР
Опять зашел, проститься. Завтра едем
По первопутку.
ОЛЕНА
Прямо в Куний лог?
ПЕТР
Нельзя, боярыня. Не мало снасти
Из Оболонья надо в лес везти.
Что наказать Илье-тиуну?
ОЛЕНА
Семеныч, печи накажи топить:
Мы скоро сами едем в Оболонье.
ПЕТР
Попомню.
СУСАННА
Дядя Петр, скажи Илье,
Чтоб санки починил: я поломала,
А под застреху их убрал Кирья.
СЛАВА
Достану шахматницу?
ПЕТР
Что ж, давай.
(*Усаживается играть в шахматы*).
НИКИТА
Я сам скажу. С Кирьюшей их починим.
СУСАННА
Ты по зиме когда приедешь к нам?
НИКИТА
Я чаю, с батюшкой на святках будем.
СУСАННА
Тебе... не страшно жить с отцом в лесу?
НИКИТА
Ну вот! В лесу князь-князем я живу:
Ни тесноты нет никакой, ни скуки.
На зверя с нами ходит пес Кощей.
Гораздо знает он обычай зверя
И дикой птицы, он же сторож нам.
Еще на белу стал учить я щена,
Что на лису сменял, да молод пес:
Еще нет настоящего в нем смысла.
СУСАННА
Тебе в охоту, вижу, жить в лесу.
А мне одной зимою в Оболонье
Порою в непогодь такая скука.
Задует вьюга. По полю метет.
Из дома даже носа не покажешь.
Иль гололедь ударит так, что даже
В избу к Машутке по льду не пройдешь.
НИКИТА
А песни не охота разве петь?
А книги иль беседа с батюшкой
Наскучить разве может?
СУСАННА
Книги мне
Порой мешают думать. Лист прочтешь,
А что прочла, не помню – будто снег
Глаза порошит изморосью мелкой.
И страшный вепрь, рассерженный тобой,
Тебя, Никитушка, клыком пыряет...
Мотнешь главой – и вепря нет. Пропал.
Глядишь кругом – сама как не своя.
НИКИТА
А ты, Сусанна, о зверях не думай:
С моею силой им меня не взять.
СУСАННА
Зверей жалею я. За что их бить?
И все же зверь иной тебе опасен.
СЛАВА
Зимой на что ты ждешь большой забой?
ПЕТР
По нонешней весне и лету надо
Большой приплод ждать вепря, бел да кун.
ОЛЕНА
Илье пишу привести вам со снастью

Капусты кадь да масло, сыр и соль.
НИКИТА (*Сусанне*)
Хочу я чести заслужить в дружине,
Да батюшка не хочет отпустить.
СЛАВА (*Петру*)
Пасись, тебя прошу, до насту вепря.
А как у малого рука и глаз?
ПЕТР
Да ничего. С одной стрелы он белу
Без промаха собьет с березы в глаз,
А вепря топором спокойно рубит.
СЛАВА
Могуч! Никитушка пошел в отца.
Что силы дал ему твой лов звериный
В те зимы, что ты жил вдовцом в лесу?
Ведь у тебя буй-туром малый вырос.
ОЛЕНА
Все тужишь ты, что нету своего?
СЛАВА
О том ужо поговорим особо.
Постой! Мне хода нет. Опять ничья.
СУСАННА (*Никите*)
Пока ему ты нужен – покорися.
ПЕТР
Пойду с собою уложу в дорогу
Скалу, что батюшка твой дал, и чернь,
Да песнь Гомерову про Илион
(*уходит*).
СЛАВА
Ты, значит, князю наотрез сказал,
Что казначеем быть ему не хочешь?
ПЕТР
Найдет не вора князь и без меня...
Тут позавчера песню я сложил.
Не весела она – зато правдива.
СЛАВА
(*доставая гусли*)
Так надо спеть по свычаю гусляров.
ПЕТР
(*доставая список и настраивая гусли*)
спою и в списке передам... Так чуйте.
"Горе русское"

Знать стряслася беда, мной нежданная.
Не вернется ко мне ясный сокол мой.
Нет кормильца в семье. Нет защитника.
Что нам ноне творить? Чем кормитися?

Жить в Руси не дают беды лютые,
Горемычным людям непощадные.
Уж как перва беда – утеснения
От могутных людей, володетелей.

А вторая беда – войны частые
Тех крамольных князей ненасытныих,
Как изжить нам беду, что соромит всех?
Кто отучит князей от крамолы их?

Города брать на щит, не жалеючи
Ни церквей, ни домов, ни скотинушки.
А дворища пожечь с нашим хлебушком.
Нас самих полонить, будто ворогов.

Тех опричь всех побед, третья злая смерть
От лихой той орды, половещины.
Днем и ночью мы ждем злой ватаги той.
Вся работа из рук даже валится.

В поле землю орем – сами ждем беды:
Как наскочит орда, перевяжут нас.
Бабам, девкам – позор, неминучий всем,
Стариков перебьют со детьми во дворе.

Кто им гож – поведут вицей связанных,
А кто биться зачнет – переколют тех.
Ой стряслася беда, мной нежданная.
Знать в могиле сырой ясный сокол мой.
СЛАВА
Гораздо ты поведал русски беды.
Да, мню я, петь не станут.
ПЕТР
Почему?
СЛАВА
Да ты не кажешь, как изжить беду.
А песней надо душу отвести.
ПЕТР
Одна беда цепляет за другую.
А чем изжить? Не ведаю. Бог весть.
Иной раз, как в тумане, я хожу.
А корня не найду, что держит беды.
СЛАВА
Ну, первую беду ты больше вздумал,
Ничто она на людях. Где теснят?
Кого? На то есть суд по "Русской Правде"
И милость княжья на судах.
ПЕТР
Кому?..
Небось ты, Слава, ведаешь и сам,
Что княжей милости на всех не хватит.
А "Правду Ярославу", знать князью,
Загнули, как полозья, ровно к санкам.
Так смерда вольного в холопью яму,
По всей, по "Русской Правде" прокатить,
Никто в судах за грех не почитает,
С холопами ж вся Русская земля
Погибнуть может от поганых ханов.
СЛАВА
Да... Знаю... Правда в тех судах не барзо,
Где князь тиуну суд чинить дает.
ПЕТР
Помога людям от обид – побег.
Земля ведь велика – не сыщут, но –

Пока. А коли тесно будет? Ну,
В ту пору порешат в Руси бояр
И огнищан, як зачинали смерды
В залесье, у Ростова, а потом
Под Киевом, при князе Мономахе.
СЛАВА
Ты забываешь, что бояре едут
За князем в поле конны, людны и
Со снедью. Так без бояр и Русь
Оборонить от половчан не сможем.
ПЕТР
Ну знаем тех бояр, что в полк идут,
А сами только ждут, самим бы лишь
От князя добывать земли угодья.
А там в закупы да в холопы всех
Окрестных смердов загонять.
Не верю я боярам! Ровно все им,
Кто будет князь: была б княжая милость.
Князьям, а не земле бояре служат.
На том стоит вся княжая крамола,
Что пагубой всем руссичам грозит.
ОЛЕНА
Ты, Петр Семеныч, тем бесчестишь нас.
ПЕТР
Прости, боярыня. То не про вас,
Про все боярство речь веду.
СЛАВА
Привык с тобою я о смердах спорить,
И ты всегда мне кажешь жизнь не так,
Как выглядит она из под моей
Боярской шапки, но так, как есть она.
Я смердов, правда, часто забываю,
Да ты мне нужды кажешь их и горе.
(*Входит Никита*).
Но честь тебе даю за то, что ты
Всегда нам в обороне помогал,
Хотя от князя никогда не брал
Ни милости, ни чести никакой.
Но может скучно то хозяйке?
СУСАННА
Право,
Поведай лучше, дядя Петр, как вы
В ученье жили с батюшкой моим.
Не мало подивиться вам пришлось
В ту пору в стольном Киеве.
СЛАВА
И то,
Семеныч, вспомним, что допреж бывало?
НИКИТА (*Сусанне*)
О чем здесь спорили?
СУСАННА
О смердах все.
ПЕТР
Мне любо. Ну, зачни про дядю Клима.
СЛАВА
Я помню, батюшка повел меня
В ученье Климу, старому бойцу,
Что в строках стоял княжой дружины,
Всю жизнь свою, при князе Мономахе.
Тогда минуло мне лишь десять лет.
Сначала Клим поставил меч точить.
ПЕТР
С обеда же, в училище Софии,
Нам дьяк долбил псалтырь и беглый счет.
СЛАВА
Спустя неделю дали мне коня.
Ты нашим был десятником тогда.
Как любо было нам лозу ракиты
Мечом и саблею кривой рубить
С обеих рук и с хода, и с коня,
Иль плыть чрез Днепр на перегон.
ПЕТР
Тебя ведь чуть не утопили стогны
Великой бури на Днепре.
СЛАВА
Скажу.
Нельзя забыть, как ты меня спасал:
Мы плыли на конях с копьем, щитом,
Раздетые, без седел, но в шеломах.
Вдруг вижу, понесло меня на дуб.
Я в сторону. Тут вал меня хватил
В шелом. Повис он на горбу и тянет
Подвязом голову назад. Дышать
Нельзя. Темно в очах.
СУСАННА
Ну что же дале?
СЛАВА
Очуял. Петр под вздох рукою трет.
Лежу я на мели. Все стогны кипом
Вокруг меня. А бешенной слюной
Плюет Словутич в ярости своей,
Что нас не взял в голодно чрево.
Вот с той поры с тобой мы стали дружны.
ПЕТР
Поведай лучше о великом торге,
С Мытища, где жирели князь с дружиной,
Где челядь разну: мужиков и девок,
Как скот с кощеями скупали гости,
Где стон мешали с песней и слезу –
С вином.
ОЛЕНА
И сколь греха на торге было?
Он, правда, древним стал. А ноне
Заморских нет товаров на торгу.
СУСАННА
Каких?
СЛАВА
Да все там было: кони, скот,
Бочонки воска, меда, вицы, снасть.
Смола и деготь, скора ворохами,
Бухарские платы, ковры, посуда
Из олова индийского, мечи

Заморского изделья франков,
Кинжалы из Дамаска, в серебре
Георгии с чеканью хитрой, с чернью,
Гудцы гудут на гуслях, а свирцы –
На разных на свирелях. Говор, крики.
Таджик мне хвалит своего коня.
(*Незаметно для рассказчика входят Людмила и Дмитрий. Остановились на задней части сцены*).
Армяне обступили двух варягов,
Ковры персидские меняя на
Янтарь. Здесь ворохи персидской юфти.
Араб зовет смотреть индийский яхонт,
Смарагд, алмаз, топазы и сапфир
Граненый, в золотых серьгах и гривнах,
И даже голубую бирюзу.
Но все ж своим товаром он не спорит
С издельем наших дивных рукоделов,
Чеканщиков по золоту, киян.
Ну, что еще сказать мне про товары?
Узорочье всегда у греков было:
Лари сукном накроют, а поверх
Разложат паволок да аксамит,
Так жен, старух и молодиц сберут
Со всех рядов. А говору средь них, –
Куда, сорокам так не стрекотать.
(*Людмила и Сусанна принимаются хохотать и хлопать в ладоши*).
СУСАННА
Как весело должно быть на торгу!
ЛЮДМИЛА
А где же торг такой?
НИКИТА
То было в Киеве допреж.
СУСАННА
Да сплыло.
ЛЮДМИЛА
Куда же все девалось?
СУСАННА
Скажи! Куда?
СЛАВА
С Багдада все индийские товары
Везут уж за Царьградом морем в Гену
И Веденец, а Киев в стороне остался.
Сто лет на море бились крестоносцы,
Чтоб сарацин и татей извести.
ОЛЕНА
А извели лишь наш торговый путь,
Что из Варяг шел в Греки по Днепру.
СЛАВА
От славы Киева осталась ноне
Одна сороковая часть. И князь
Его великий уж не может спорить
С другим великим Всеволодом князем.
СУСАННА
Но лепоту всю киевских хором
И княжи пиры ты видел сам?
СЛАВА
Мой батюшка до князя Изяслава
Водил меня, когда я отроком
Дружины еще не встал в Чернигов.
Я помню, на пиру князь Изяславу
Старины пел про Дюка и Садко
Да песнь про славну Вену на Дунае.
И князь стопой пожаловал вина
Да гуслями, что здесь лежат.
СУСАННА
А что,
Велик был пир в ту пору в гридне?
СЛАВА
Гостей заморских боле сорока
Да всех мужей старейших града было
С боярами старой дружины – сотни,
А сколь – не перечесть!
СУСАННА
Вот глянуть бы!
НИКИТА
А где же пировали? Во дворе?
ПЕТР
Зачем? Княжая гридня поместит
Пятьсот за браными столами.
СУСАННА
О!
ЛЮДМИЛА
Цела ли гридня та?
ПЕТР
Сгорела вся,
С полатой и хоромами в пожог
Кромешный. Лишь остался княжий терем,
За то, что медными листами крыт
И сам весь белокаменный до кнеся.
ЛЮДМИЛА
Мы за тобой, Никита, ведь пришли.
Ты помоги нам волка затравить.
ДМИТРИЙ
Привез нам батюшка...
ЛЮДМИЛА
В дубовой клети.
Такой большой!
ДМИТРИЙ
Волк молодой для садки.
ЛЮДМИЛА
На льду
Поймали конюха, на Волковке.
ДМИТРИЙ
Так выпустить из клети мы боимся.
Он третий день не ест, все воду пьет
И зубы скалит, как увидит нас.
ЛЮДМИЛА
То, право, хорошо, что он не ел?
Лютее будет он в бою со псами...
Тебе ль бояться волка молодого?

Ведь ты одной рукой его задушишь.
НИКИТА
Когда матерый отдался в полон,
То вольны честно мы убить его –
Он сам без жалости разбой ведет.
Но коль дразнить иль псами затравить,
То стыд пред ним я не хочу принять.
ДМИТРИЙ
Какой же стыд? Ведь зверь то, а не гость
Заморский и не князь?
ЛЮДМИЛА
Стыдиться зверя?
Ха-ха, ха-ха, ха-ха.
ОЛЕНА
(*Сусанне*)
Никита, верно, лешего зимой
Боится. Или грех увидел здесь.
СУСАННА
Он так бы и сказал. Он строг в себе.
НИКИТА
Ну, как глядеть я должен на него,
Как покажу себя я злее зверя?
Ты хочешь, дабы почитал я сам
Себя за гада. Я уж не сопляк,
Что смеха каждого страшиться.
Не смеха твоего, своего стыда боюся.
Ищи себе холопа средь кощеев.
ДМИТРИЙ
Ну, не сердись, Никита. Просто мне
Хотелось хватке научить борзых
Тех псов, что княжьи табуны сторожат.
Придется конюха заставить, Мишку.
НИКИТА
Своей учебой псов людей ты гадишь.
СУСАННА
А коль матерый Мишку разорвет?
ЛЮДМИЛА
Забота! Мишка ведь княжой холоп.
Ну брось с матерым! Нам еще объезди,
Никита, жеребца.
НИКИТА
Из Кабарды?
ДМИТРИЙ
Пригнали князю тот косяк из Курска.
И все одной породы, слышь, таджиков.
НИКИТА
Вот глянути б!
ДМИТРИЙ
Могучи статны кони,
И все, как на подбор – белы, как снег.
НИКИТА
А где те кони?
ДМИТРИЙ
В Комонь поле. Здесь.
Гляди за реку. В левом там загоне.
НИКИТА
Коль вы не будете матерого травить,
Любого жеребца я вам объезжу.
Но только ноне. Завтра еду в лес,
Так будет недосуг.
ДМИТРИЙ
Мы будем ждать.
Когда придешь?
НИКИТА
Да хоть сейчас.
ДМИТРИЙ
Пойдем. (*Уходят*).
ЛЮДМИЛА (*Сусанне*)
А мы из сада поглядим с тобою,
Как через голову Никита полетит.
(*Людмила уходит. Сусанна в нерешительности стоит*).
СЛАВА
Никитин стыд мне люб. Ты знаешь, Петр,
Завидна молодая прямота.
Ведь у него-то совесть с ним живет,
Как ровня, дружная и любая ему,
Но непокорная и грозная,
Когда ее не чуют.
ПЕТР
Да. Посмотрим.
Та совесть будет ли Никите в прок
И дале в жизни. Прям он даже псу
И зверю. Верно силу свою чует.
В тиши лесной, как властель он живет
И кривды никакой не принимает.
СЛАВА
Не то, что градские ребята здесь,
Димитрий с этою Людмилой Жигой.
ПЕТР
Коню не одолеть мого Никиту.
Не выпустит, я знаю, он коня,
Хотя бы тот пустился в пляс.
СЕННАЯ ДЕВУШКА (*входя*)
Идет княгиня Евфросинья Ярославна
До милости, боярыня, твоей.
(*Сидевшие встают и кланяются. Входит княгиня Ярославна*).
ЯРОСЛАВНА
Бывайте здравы! Князь ушел с обеда
Проверить точку стрел, мечей и сулиц,
Так на оружном на дворе ему
До вечера, я мню, пробыть придется.
Хотела к вам с обеда подойти,
Да задержали пасынки меня:
Друг другу уступить никак не могут.
Вишь новы чепраки не поделили.
ПЕТР
А как же землю Русскую поделят?
ЯРОСЛАВНА
Обоим люб чепрак с листами клена
Шитьем зеленым.

СУСАННА
Тот, что у тебе
Твои строчили девки?
ЯРОСЛАВНА
Да, узор,
Что ты составила со мною, и я
Велела вырезку берестову
С него нарезать.
СУСАННА
Вот, Ярославна, я хочу
Здесь повиликою узор составить.
Еще не знаю, где он будет.
Смотри, вот здесь и здесь у нас листки –
Концами врозь,
А между ними – цвет.
ЯРОСЛАВНА
Да он не ляжет. Надо повернуть.
А где нашла ты с кольцами стропила?
СУСАННА
Я с бабушкина рушника взяла.
.....
Высоки кони у таджиков? Что?
ЯРОСЛАВНА
Почто тебе-то знать?
СУСАННА
То так себе.
Сейчас... Сейчас приду.
(*Уходит*).

ОЛЕНА
(*ставит прялку княжне,*
садится за свою прялку, Ярославна – за другую.
Олена запевает)
В теплом краю,
За горбатой горою,
Жили славяне все родом своим.
СЛАВА
Напев сей миннезингеров нам чужд.
Послушать я хочу старину нашу,
Про нашу реку славную, Дунай.
ОЛЕНА
Тогда пусть Ярославна запевает.
ЯРОСЛАВНА (*поет*)

Вдоль по синему Дунаеви,
По раздольицу широкому,
То не гость ведет кораблики:
Крепких десять и един насад. (*2 раза*).

То могута-Судислав ведет.
Те кораблики украшены,
Корабельщики наряжены
Не сидят, понуря голову. (*2 раза*).

А в насадах тех дружинушка
Мерным ладом, под весельный мах
Песней тешит князя, славую,
Со с невестою прекрасною. (*2 раза*).

Ко дубраве, лесу Венскому,
Князь-могута те суда ведет,
Веном-выкупом груженые,
Все товарами заморскими. (*2 раза*).

Князь то вено, дедним свычаем,
Тестю своему названному
Передаст при дедах племени,
На Даждьбожьем на святилище. (*2 раза*).

Пошли насады к берегу,
Где гора стоит священная
И дубравушка заветная,
Со Даждьбожьим со святилищем. (*2 раза*).

А из Вены, славна города,
Встреча Судислава ждет.
Ко Дунаю ход спускается
С песней свадебной, веселою. (*2 раза*).

На перед два буйных молодца
Высоко несут Даждьбога стяг
С черно-красными разводами,
С золотыми оторочками. (*2 раза*).

А за ним идет старейший дед,
Бел как лунь, с цветом на посохе.
Со подручным внуком-отроком
И жрецами Вены-города. (*2 раза*).

В честь невесты песни хор поет.
В лад той песни им гудцы гудут
И свирели заливаются.
Ладна песня сердце радует. (*2 раза*).

Князь с дружиною на брег вступил,
И хлеб-соль ему поднес старик.
Поздоровались по свычаю,
По славянскому, по деднему. (*2 раза*).

Тут сказал великий венский дед:
“Пусть же свадьба князя будет здесь залог
Новых свадеб дружек-молодцев:
Тем погасит родовую месть”. (*2 раза*).

Всем люба была та дедня речь,
И запели люди Славу громкую:
“Слава, Свет-Ярило на небе.
Славим мы Даждьбога песнями. (*2 раза*).

Славна наша мать сыра-земля,
Все дубравушки зеленые,
Медом, бортями богатые,
Рыбой красною велик Дунай”. (*2 раза*).

Славят Вену, крепкий Вышгород
Все славяне, где бы не жили,
А по синему Дунаеви
Славят Вену все в особицу. (*2 раза*).

Вена, страж была от ворогов,
А теперь ты будь помогою
От усобиц родов, мести злой
Меж славян на веки вечные. (*2 раза*).

Занавес.

КАРТИНА 2

Сцена во дворе боярина. Оттепель под вечер марта 1185 г. Через ворота и двор к самому крыльцу оярского дома подъезжает на чубаром жеребце князь Игорь. Сопровождают его стремянной и четыре оя. Молодцевато соскочив с коня, князь отдает поводья стремянному.

КНЯЗЬ ИГОРЬ
Чубарого я крепко натрудил.
Его досуха будешь выводить,
А ячменя задашь ему под утро.
Посменно стерегчи всю ночь ворота.
В обед пришлю сказать, когда поедем.
СЛАВА (*выходя на крыльцо в рубахе*)
Добро пожаловать, наш светлый князь!
Твою, мы просим, милость, гостем нашим
Пожаловать в избенку твоего
Слуги и друга.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Я, Слава, завернул
Проведать ноне, глядючи, знать, на ночь.
Боярыня здорова? Живы все?
(*Взошли с боярином в сени. Стремянной садится на крыльцо, а вои отводят лошадей и выводят их, обмениваясь изредка фразами*).
ПЕРВЫЙ
Здесь угостят за ужином не худо.
ВТОРОЙ
Вестимо всем: боярин княжий сват.
ПЕРВЫЙ
Я здесь бывал. Его тиун Илья
Не скупо нас попотчует вином.
ТРЕТИЙ ВОИН СНЕДЬ
Не скоро, знать, с объезда мы вернемся.
ВТОРОЙ
А сласть тебе какая в самой пост
По слободе шататься без забавы?
Чай нагулялся в масляные дни?
СНЕДЬ
А ляд на кой нам здесь гоняться?
ВТОРОЙ
Спроси у князя. Вишь, что захотел!
ЧЕТВЕРТЫЙ
Молчи, уж, Снедь: его не распознать!
ПЕРВЫЙ
Намедня он в Трубчевск со мной гонял,
И с князем Всеволодом целый день
Доспехи ратные и всяку снасть
Считали. Пробу брали стрел каленых
На лук разрывчатый. А тетиву
Трехжильную, еленью испытали
На сотню стрел щита насупроти.
СТРЕМЯННОЙ
Остыли комони. Ведите к сену.
(*Вои уводят коней под навес. В то же время, на противоположном от боярского дома конце двора, между сараем и крыльцом избы тиуна, сидит на опрокинутой телеге без колес Бобок, закуп, и долбит в передней подушке телеги дыру для шкворня. С ним ведет беседу, расположившись в непринужденной позе, дед Данило*).
ДАНИЛО
Илья-то? Да. Он может затянуть
От норова, а не прибытка ради.
БОБОК
Да что с меня возьмешь, коль закуп я?..
ДАНИЛО
Вестимо. Кабы смердом был с достатком,
То зятюшка тебя бы обобрал
Как липку... Да. Немилосерд Илья,
Хотя он зятем мне, да горек хлеб
Его приходится мне есть.
БОБОК
Пойми, весна близка. Коли сажать
Меня на землю, надо снасть готовить.
ДАНИЛО
Небось, боярин не забыл, коли
Сказал при выкупе твоем у Гуци.
БОБОК
Да, вишь, тиун Илья-то норовит
Зажать вот здесь работой по двору.
А как боярин отдал волость всю
Тиуну?.. Знать прибытка ради?
ДАНИЛО
Боярин ставит супроти устава
В походы князя втрое боле воев.
Ну князь ему угодьев не жалеет.
А как доспеть коней, оружье, снасть,
И как ему за всеми углядеть.

Вестимо, верховодит всем Илья.
Тиун ведь весь его, холоп.
БОБОК
И вор.
ДАНИЛО
Умеет скорою одною крыть
Расход на комоней и по доспехам.
БОБОК
А закупы, что на земле сажены
Легко ли свой повоз им сдать тиуну?
Легко ли дать им столь ячменя и жита?
ДАНИЛО
Ишь глупый, студено тебе, щенок!
(*Берет на руки и потом за пазуху щенка с крыльца избы тиуна*).
БОБОК (*работая, поет песню*)
То не зверь лесной опутан
В крепкие тенета.
Добра молодца связали
Кабалой, долгами.
Не порвать тенета зверю,
Не бывать на воле...
ДАНИЛО
Никак боярин к нашему приехал?
БОБОК
Не гоже видишь, дедушка Данило!
Приехал князь из Новгорода, Игорь.
(*Марфа с Кирьюшей выходят на крыльцо. Кирьюша, надевая полушубок, бежит к лошадям*).
МАРФА (*кричит ему вдогонку*)
Зови, Кирьюша, воев к нам погреться.
(*Кирьюша подбегает к стремянному, и стремянной вместе с Кирьюшей подходит к крыльцу*).
МАРФА (*стремянному*)
Надолго ль к нам приехали вы с князем?
СТРЕМЯННОЙ
Не ведаем мы княжих разных дел.
МАРФА
Кирьюша, не сори. (*К стремянному*) А сам
Кто будешь?
СТРЕМЯННОЙ
Мы из Дядьковичей. Дворище наше
Полдня не будет хода за Трубчевск,
Где Острая Лука на этом бреге.
МАРФА
Давно уж служишь князю в стремянных?
СТРЕМЯННОЙ
Да как сказать. Еще я сызмальтства
Был крестным взят на Комонь-Слободу.
Мой дядя старым конюхом служил
И честь имел от князя как боярин.
Я сиротою стал, когда отца
Живым на первой рудне завалило.
МАРФА
Зачем же он на рудню ту попал?
СТРЕМЯННОЙ
Отец, мой батюшка, со всем дворищем.
Как сокол, говорят, остался гол,
Не от врагов, а от своей дружины,
Князь Святослава Володимича.
ДАНИЛО
Постой! Откуда Святослав-то этот?
СТРЕМЯННОЙ
А тот, что княжил раньше у себя в Березом.
Так вот ему, отсюда в свой удел,
Дружиной силой указали путь
Князья другие, двое Святослава:
Отец – князь Игоря, да Святослав,
Великий князь, что ноне держит Киев.
ДАНИЛО
Ишь Ироды! И сколько их таких
В дружинах ходят всяких лиходеев.
Вынь, милый, да полож – вот наша жизнь.
(*Мечники конфузливо переглядываются*).
СТРЕМЯННОЙ
Что делать? Тут отец отдался в закуп
В Трубчевске Жиге, огнищанину.
Богат был этот Жига, гостем ездил,
Возами скору одное возил,
Что закупы ему набьют за зиму,
По Навле, Волковке в лесах.
ДАНИЛО
В своем болоте всяк кулик – велик.
БОБОК
А сами все в долгу как в репьях?
(*Из избы выходит Щерба, смерд*).
СТРЕМЯННОЙ
И вот за Судостью нашел отец
Большой железный камень в волчьей яме.
Привез хозяину. Тот князю дал.
Отправил князь с отцом своего тиуна
Да чеха Мечислава к яме в лес.
КИРЬЮША
Ужель за камнем, дядя, в даль такую?
СТРЕМЯННОЙ
Ну да! Чтоб выковать железо из него
Тот камень добыли. Потом сложили
Здоровый горн. Нажгли сто куч угля
И крицу на горне ковать взялися.
Тут мой отец был князем выкуплен
И гривны получил. Да скоро в рудне
Засыпан был землей и смерть нашел.
ДАНИЛО
Судьба иному – мать, но чаще – ворог.
СТРЕМЯННОЙ
С тех пор при княжих комонях стою.
ЩЕРБА
Ты, значит, курицы княжой племянник?
МАРФА
Никак Илья приехал? С вами здесь

Заговорилась я.
КИРЬЮША.
Да с ним Никита.
(*Семен, возчик, приносит два больших, но легких тюка, обвязанных мочальными веревками*).
СЕМЕН
Илья привез из леса... разну скору.
МАРФА
Неси ко мне в избу.
СЕМЕН
Ловчего
Шатун-медведь помял. Чуть ходит.
Его мы костоправу в Городище
Свезли на наш погост, его же парня
Сейчас мы привезли во двор.
МАРФА
Несчастие!
Он сиротой, гляди, останется:
Мать умерла давно. Зови Никиту.
СЕМЕН
Идет с Ильей.
КИРЬЮША
А сам Никита цел?
(*Подходит тут Илья в сапогах, полушубке, поверх бараний тулуп. С ним подходит парень лет 17-ти, Никита в полушубке. Шапки у всех меховые. Парень идет за хозяйкой в избу. Кирьюша идет за ними*).
ИЛЬЯ (*стремянному*)
Пожаловал ты к нам, Михал Кирилыч.
Я гостю рад. Князь Игорь, как, здоров?
СТРЕМЯННОЙ
Не обессудь. К тебе мы на ночь глядя.
Не знает устали наш светлый князь,
А милостью его мы все довольны.
(*Подходит конюх Сухач, коваль Рубец, кладовщик Баклан и мечники*).
ИЛЬЯ (*мечникам*)
Ну, други, комоней поставьте в стойла,
А справив их, поужинаем все.
(*Конюху Сухачу*)
Дозорному отдашь ты ключ от стоил
И сена лучшего спусти коням.
Овса отпустишь – сколько вои спросят.
(*Стремянному*)
Меня, Кирилыч, ты не обессудь:
С людьми до ужина след посудачить.
(*Мечники с конюхом Сухачом уходят*).
(*Ковалю Рубцу*)
Тебе что надо?
РУБЕЦ
Поутру сварю
Баклану два тесла да три горбуши.
В обед пусть угля подвезут еще.
Ковать кругом мне мерина гнедого
Да наточить пять копий и секир.
ИЛЬЯ (*кладовщику Баклану*)
Начнем, Баклан, с обеда в кладовой
Тяжелый весь товар с тобой сличать,
А поутру отправишь в кузню уголь.
(*Марфе*)
Привез я, Марфа, сироту из леса.
МАРФА
Я знаю. Нас Никита не объест.
ИЛЬЯ
Да где же он?
КИРЬЮША (*из двери*)
Никита влез погреться.
ИЛЬЯ (*Марфе*)
Никита нужен мне. Блюди его,
Чтоб прижился. И пусть дружит с Кирьюшей.
ЩЕРБА
Колод тех радня, Илья Борисыч!
Дозволь у липова леска оставить
Мои колоды, что три лета там
Стояли.
ИЛЬЯ
Мне твоих колод не надо:
Своих теперь не мало у меня.
Но тесно там всем пчелам будет вместе.
Не хватит взятка. Воска мы и меда
Со пчельника, боюсь, не доберем.
ЩЕРБА
Уважь! Тебе, Борисыч, порадею.
Мне не с руки далече пчел везти.
ИЛЬЯ
Да нешто трудно сто колод отвезть?
Или земля тебе сошлася клином?
ЩЕРБА
Оставить без присмотра их боюсь:
Повадится медведь иль кто еще.
Нельзя оставить пчел никак далеко.
Колода-то не борть – ведь на низу.
ИЛЬЯ
Ну что ж, подумай. Как из доли сделать?
И мне скажи.
ЩЕРБА
Да хоть бы так. Уважь!
Чай, не зажмешь меня издолью тяжкой?
ИЛЬЯ
Об этом толковать придешь поутру.
Да только не скупись. Сам знаешь, чаю,
Что липовый лесок прибыток твой
От меда с воском подымет в краты три.
(*Щерба уходит*).
(*Закупу Бобку*)
Ну ты чего?
БОБОК
Тяжка моя судьбина.
Мне не с руки возить и воду, и дрова.
Работаю весь день, а все нет толка.

ИЛЬЯ
Что ж, за тебя я буду сам возить.
БОБОК
Добытка нет. Семья в другом дворище.
И, как сгорел, подняться не могу.
ИЛЬЯ (*смеясь*)
Ты что ж, Бобок, в тиуны захотел?
Иль в конюхи, чтоб взять прибыток?
БОБОК
На землю посади меня, Борисыч!
Прибыток дам и выкуплю себя.
ИЛЬЯ
А по двору возить – нанять мне с воли?
Поди, проспись.
БОБОК
Я хмеля в рот не брал.
Но если уж работать тут я нужен,
Бери во двор и всю мою семью.
ИЛЬЯ
Ха-ха! Ты, может, здесь задумал строить?
Давай весь выкуп и ступай домой.
Коль кун пятьнадесят уплотишь.
(*Входит на крыльцо. Марфе в дверь*)
Достать на ужин браги жбана два,
Да после щей подай стерляжью закусь.
(*Стремянному*)
Ты комоней смотрел, Михал Кирилыч?
(*уходит вместе со стремянным в конюшню*).
БОБОК (*Даниле*)
Боярина тиун всех злыдней злей.
ДАНИЛО
Илья Борисыч с нашего дворища.
А знаешь: смерд богат, что бык рогат.
БОБОК
Беда – крестьянска наша не помога.
Ему все смех, а мне хоть в петлю лезь.
ДАНИЛО
Тебе, Бобок, нельзя Илью корежить,
Ты плетью обуха не перебьешь.
БОБОК
А как же ваш Кошель из Городища?
Такой же закуп был, как я сейчас.
А, слышно, выкуп дал на той неделе?
ДАНИЛО
Кошель был смердом в слободе. Затем
Закупом стал боярина Щербины
И хочет отбояриться со всей семьею в лес.
Завел на гари неплохую пашню.
А мехом оправдался года в три.
БОБОК
Слыхал и я, что лес от злой неволи
Спасал немало семей закупов.
ДАНИЛО
Не только лес. Смотри, простор Посеймья
Все заселяют беглые рабы.
Поэтому не могут и тиуны
Вас крепко жать.
БОБОК
Боятся, что сбегут?
ДАНИЛО
Куда один баран, туда и стадо.
БОБОК
А нешто беглых не догнать?
ДАНИЛО
В далекой дебри леса, в логах, в ярах,
А также в поле чистом, средь лесов,
Не только люди, – кречет с поднебесья,
Двора и даже пашню не найдет.
Сбежал – и нет, пока он сам не выйдет.
БОБОК
Спасительная Русская Земля!
ДАНИЛО
За то и величаем нашу землю
Кормилицей, и матерью зовем,
И нет другой, просторней и богаче.
БОБОК
Вестимо, не сменяем мы ее.
И камушка врагу не отдадим,
Его не пустим и землю топтать.
А вот зачем боярам отдают
Князья все лучшие земли угодья
И ловы разные по рекам и в лесах?
ДАНИЛО
То временный обычай вам не гожь.
Князей весь род боронить землю должен
От половчан и суд в полюдье править.
А всем боярам и своим дружинам
Пусть платит кунами, а не землей.
Допреж и было так.
(*Прибегают две девушки лет по 16-ти. Сусанна в куньей шубке и Маша в бараньей шубке*).
СУСАННА
Кирьюши нет?
Бобок! Нам запряги большие сани.
Да сена положи охапки три.
(*Кирьюша выбегает из двери*)
Мы едем покататься. С нами едешь?
А то, Бобка, чтоб правил, мы возьмем.
КИРЬЮША
Да как же ехать. У меня Никита.
СУСАННА
Как гоже! Где же он? Поедем все.
БОБОК
А вам боярыня позволит?
(*Никита вышел на крыльцо*)
СУСАННА
Позволила! Сама велела ехать.
Мы песню стали петь, а матушка
Просила тише петь, а там и вовсе
Князь Игоря беседе помешать
Сбоялася.

(*Бобок уходит*).
МАША
Споемте в хороводе.
ДАНИЛО
Такого нет дружка, как матушка.
(*Маша, Кирьюша, Сусанна и Никита берутся за руки и поют: "во лузях, уж как во лузях, зеленых лузях"*).
МАРФА (*выходя из избы, ворчит на молодежь*)
Вот выдумали кататься в самый пост!
ДАНИЛО
Оставь их, Марфа! Ведь вы сами были
Веселыми девчатами с сестрой.
МАРФА
Оно хоть так, но нас строжила тетка.
ДАНИЛО
Как долго лихо помнится тобой.
Ведь пост положен тем, кто пожил,
А велики ль грехи-то этих всех ребят?
И одного мого греха не стоят.
(*Молодежь разделилась на пары и поет по очереди: "А мы просо сеяли... А мы просо вытопчем... А чем же вам вытоптать. А мы пустим комоней, комоней". Кирьюша берет гусли и играет. Остальные поют: "Как за речкою за быстрой"... Сусанна и Маша пляшут плавно русскую, кружась одна за другой*).
ИЛЬЯ (*подходит со стремянным*)
Боярышня веселье завела?
Ну что ж, поедете вы все кататься?
Бобок запряг. В санях больших просторно.
Приладил он гнедого на унос
И полость меховую вам положит.
СУСАННА
Бежим одеться, Маша, потеплее.
Скорее. (*Убегает*).
МАША (*убегая*)
Санки привяжи к дровням.
Кирьюша! Не забудь про санки. Слышишь?
(*Кирьюша и Никита идут за ними к саням*).
ИЛЬЯ
Ну вот и убрались. Прошу тебя,
Михал Кирилыч, отведай нашей
Хлеба-соли.
(*Мечникам*)
Ну, пойдемте все.
А ты что ж, дедушка? Ведь места хватит.

Занавес.

КАРТИНА 3

Сцена в горнице боярина Славы в Оболонье, близ Городища на Десне. Горница дома с окнами, частично слюдяными. По стенам имеет широкие лавки и в простенках полки с книгами, свитками, и на одной лежат гусли. Теплая стена горницы, где нет окон, завешана шкурой громадного медведя, шея и передние лапы которой свешиваются с лавки наперед, образуя теплое сиденье. Тут же на лавке лежат две большие меховые подушки рысьего меха. Часть стены и шкуры завешаны оружием и доспехами. Боярыня Олена и дочь ее Сусанна заняты уборкой комнаты. Входят в полушубке и меховой шапке князь Игорь и хозяин, боярин Слава в рубашке, без шапки.

КНЯЗЬ ИГОРЬ (*снимая шапку и отвешивая поклон*)
Здорова будь, боярыня Олена!
Тебе поклон привез от Ярославны.
(*Раздевается и передает полушубок хозяину*).
ОЛЕНА
Будь здоров и сам, наш светлый князь!
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Здорова ль крестница моя, Сусанна?
Растешь ты словно алый цвет весною.
СУСАННА
Здорово, крестный батюшка мой, князь!
Княгиня-матушка, гляди, совсем
Меня забыла?
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Нет! Твоим узором
Потник нарядный ладно вышивает
И шлет тебе поклон да нарезной
Узор. Для плата, что ль? Не ведаю.
В сумах седла привез на девяти листах
Скалы.
СУСАННА
А я бы здесь ее с горы на реку
В своих бы санках знатно прокатила.
Вот поглядеть бы мне узор ее.
СЛАВА
Поутру разглядишь. (*Князю*) Милости
Прошу, чем потчевать тебя прикажешь?
КНЯЗЬ ИГОРЬ
К тебе приехал я не в гости, сват!
С тобою думу крепкую обдумать.
Мне надо так, чтоб нам не помешали.
(*Олена берет под руку Сусанну и уводит*).
СЛАВА

Готов я, светлый князь, с тобою думать.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Обсудим так, чтоб тайный замысел
Не знал никто из здешних и чужих.
Пока совет держать с тобою буду,
Придется сватье нас посторожить.
СЛАВА
Тебе виднее, князь. Обсудим так.
Олена никого к нам не допустит.
(*Входит Олена с двумя ковшами браги на подносе*).
ОЛЕНА
Отведай, светлый князь, с пути-дороги
Боярской браги. Я сама варила,
Как в Галиче княгиня-матушка,
Олена Юрьевна, меня учила.
(*Князь Игорь берет с подноса ковш браги. Поднос Олена ставит на стол*).
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Спасибо, сват и сватья. Ласковый
Привет всегда я рад услышать в вашем доме
И быть у вас всегда отрадно мне.
Делил ведь с вами я не только радость.
Ты в сечах злых не раз меня спасал,
Теперь твоя нужна мне голова,
Чтоб думу крепкую обдумать тайно.
СЛАВА (*Олене*)
Но, чтоб никто нас тайно не подслушал,
Поторопись прошу саму тебя
И не пускать в избу к нам никого.
ОЛЕНА
Держи совет, наш светлый князь, спокойно,
Хоть целу ночь. Подслушать я не дам
Беседы вашей. И за то порукой.
(*Зажигает еще 3 восковые толстые свечи на одном подсвечнике и кладет с ним рядом еще 6 свечей*).
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Достань-ка, Слава, графику земли,
Что сам искусно так составил.
Ведь в ней скорее порешим свои
Сумненья многих и великих дум.
(*Слава достает с полки свиток карты, накатанный на палку и вешает ее на два деревянных гвоздя на стене между окном и гуслями*).
СЛАВА
Вот эдак, князь, тебе виднее будет.
(*Подвигая подсвечник к карте*).
Здесь город наш. Здесь ленту вьет Десна.
От Брянска на Трубчевск и Северск Новый.
Тут Сейма нить бежит с полудня в Курск.
Левее – наш Путивль и наше устье
С шеломом сосенным насупроти.
Чернигов здесь. Вот Днепр и стольный Киев.
За топью Припети Случеск и Менск с Литвой.
Вот в дебрях деревлянских город Туров
Игвару Пенелопы – Ольгин холм
У пепелища злого Коростеня.
(*Олена уходит*).
Подальше там Двина от Вицепска
К варягам потянулась через Полоцк...
КНЯЗЬ ИГОРЬ (*перебивая*)
Постой! А где Донец, Оскол и Дон?
Где Таракани славной лукоморье?
СЛАВА
Вот здесь. Смотри! Я здесь графил не зря.
Танаис древний был у Геродота,
Теперь то наш спокойный славный Дон.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Пока чужой, но скоро наш он будет.
СЛАВА
Он будет наш? Не спорю. Но когда?..
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Об этом я хочу держать совет.
Задумал я испить шеломом Дону,
Чтоб закрепить за Русью новый путь
В Царьград и к берегам богатым моря.
Орда засела крепко на низовьях
И заступила к морю нам пути
Днепром и Доном. Ну князья Днепровья
Сряжают по весне провод на низ
Товаров гречников и мыт берут
Зато с лихвой в Мытищах на Подоле.
Так рассуди ж, как нам обиду
Сию изжить, коль заколожен
Великий Дон?
СЛАВА
И ты замыслил, князь?..
КНЯЗЬ ИГОРЬ
На Дон идти
Задумал я давно и разузнал
Наверно, где опорные места
От устья Сальницы до самого
До моря. От гостей и самого
От хана Кончака. Дивишься ты?
Когда все лето я сторожил с ним
У града Стародуба от смолян.
СЛАВА
А он не понял, почему
Ты мыслью по Дону все бродишь?
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Нет.
Пойми ты в толк, что мы зажмем орду,
Коли острогами обставим Дон
От устья самой Сальницы до моря.
А половецкая земля тогда
Освободит исконный к морю путь
Гостей Северы Северским Донцом,
И враг не сможет пакости чинить
Ни нам в Посейме, ни гостям в пути.
Тогда мы Таракань свою поддержим,
И, укрепив стол славного Мстислава,

Владыкой станем мы у двух морей,
Чтоб позабыть Мытище на Подоле.
Что мыслишь, Слава, ты о деле сем?
СЛАВА
Твой, княже, замысел высок и славен.
Да... На Дону поставить новый торг...
В нем ты прозрел потомков наших славу,
К востоку путь указывая им.
Недаром ты в гнезде Даждьбожа внука!
Твой замысел хулить нельзя, мой князь!
Но кто его исполнит? Я не знаю.
Об этом надо думать, не спеша.
(*Подходит к столу и наливает из чеканного жбана две серебряные чарки*).
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Ты, кажется, вино там наливаешь?
Но я к тебе приехал не на пир
И выпью чарку лишь за здравье друга.
СЛАВА
А я за здравье князя моего
И славу мудрого его княженья (*пьют*).
Три череда я вижу в замысле твоем:
На Лукоморье княжество крепить,
Когда теченье Дона на низу
Острогами закрепят наши вои.
Но для того должно не вежи брать,
А Поле Дикое в конец очистить
От силы всей поганой без остатка
В гаях у Дона или где в яругах,
Чтоб вновь творить нам пакость не могли.
Но мыслю, это сделать трудно:
Поганы ханы, нашу рать завидя,
Сокличут половчан со всех далеких веж
И сечей злой ответят нашим воям.
На то готовить надо рать большую.
Всего с пол-сорок тысяч воев.
Без них весь замысел погибнет твой.
Без них идти на дальний Дон не можно.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Но мы на поле будем биться,
А не в глухой яруге. А потому,
Поганых силу увидав большую,
Всегда мы сможем отступить назад.
Терпеть же их набеги нам не можно:
Безлюдеть начинает мой удел.
Разбой их лют. Не знает Гза пощады.
Не знает торга древние права.
Теперь же в прошлых трех годах их вежи
Забрали наши у брегов Днепра.
Так вновь на них ударить свежей ратью,
Есть лучший способ кончить их разбой.
СЛАВА
Причин не мало, чтоб идти полком,
Но, чтобы подставлять отцову шею,
Ведь нету ни одной. И в самом деле.
Не думаешь ли ты, что Гза иль твой
Кончак сидят сейчас без дела
И не готовят всяку ратну снасть?
Иль вежи боронить им не охота?
Иль им трудней, чем нам купить мечей?
Иль заманут всю рать к воде в яруги
С безводной степи ханам не суметь?
А русская земля с твоей бедою,
Сама она, что претерпеть должна?
КНЯЗЬ ИГОРЬ
По этому всему, пока те ханы
Ждут нашей рати от брегов Днепра,
Ударить надо на Донские вежи.
СЛАВА
Но чтобы верно счет вести такой,
Нам Поле Дикое все ведать должно
Не хуже их, чтоб знать, где их орда,
Иль свой вести одной неделей позже
Полка других князей с левад Днепра.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Ты смыслил гоже. Редкий даже князь
Такую прямоту горазд намыслить,
И слово каждое твое забыть нельзя,
Но ты не помнишь то, что нам бояться
Приходится не меньше разных тут:
Все люди ждут, чтоб я их оборонил.
Поганых сила надмевается.
Уж скачет враг, чтоб мы не сняли жатвы
И зорят землю русскую враги,
А княжества победные безлюдит.
Помехой ныне мне людская скорбь.
А зим пяток помедли, мне и вовсе
Поспорить в поле с ханами не смочь.
СЛАВА
Тогда разведай, где стоят их вежи
И ближних только оттони.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Поверь!
Весною в полк пойдут со мной в охоту,
Которые у края все равно
В дворищах ждут набега от поганых
И, если им с полком моим нейти,
Они сбегут ко князю Всеволоду
На берег Клязьмы или же Москвы.
СЛАВА
Ты видишь сам, что захватить весь Дон
За лето ты не сможешь.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Встать же крепко
Двумя острогами на ближнем берегу
Я должен. Медлить не могу я в том.
То правда ли, не ведаю, но тайну
Имею весть, что летом поведет
Киян на Дон князь Святослав.
В ту пору должно два острога нам
Иметь у Сальницы и Битюга.
СЛАВА

Тебе вдогонку не пойдут князья.
Но первому идти? Подумать надо!
Не выждать ли поход их со Днепра?
Да и рубить весной острог не гоже:
Ведь лес в соку, а нам не лыко драть.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Вестимо так. Зимой рубить спокойно.
По снегу ханы не придут с ордой
Чинити пакости, помехи деля.
Но нечем нам зимой кормить коней.
Так стерегчи придется нам, пока
Остроги срубят.
СЛАВА
Чу! Сусанна кличет.
Гляди приехал кто-то к нам во двор.
(*Слава торопливо одевается и направляется к двери. Князь Игорь также берется за шапку*).
Занавес.

КАРТИНА 4

Сцена во дворе боярского дома. Вечер. Во двор через ворота, у которых стоит "решеточный" боярина и дозорный мечник князя, въезжают розвальни с привязанными санками. Кроме коренного, еще одна лошадь на уносе. Правит Бобок. Из розвальней выскакивают Кирьюша, Маша, Сусанна и медленно вылезает Никита. Сани с Бобком отъезжают.

СУСАННА
Тебя, Кирьюша, забранят, что ужин
Ты прогулял?
КИРЬЮША
Там княжий стремянной.
Мой батя коли пьет, меня и садит
За стол с собой: он рад, что в нетях я.
Сейчас отдельно матушка накормит,
И заберемся мы с Никитою на печь...
СУСАННА
А я хотела к нам позвать Никиту.
Он скажет матушке, как зверь помял
Отца и как своими он боками
Меня спасал от полыньи.
НИКИТА
Ну, вот!
Подумают, что в полынью попала.
Не гоже мне к боярыне идти:
Ты погляди, как я одет, Сусанна:
Сюда попал, как был с отцом в лесу.
СУСАННА
Ты что ж, забыл, как батюшка мой дружен
С твоим отцом и как всем нам ты люб?..
Скажи: ты на меня сердит, Никита,
За то, что ошибла санками тебя,
Когда с ухаба понеслась к зажоре?
КИРЬЮША (*убегая домой*)
Ну, приходи, Никита, спать на печь!
МАША
Я побегу домой: иззябли ноги.
НИКИТА
Ну, полно, Лада... Я давно привык
Кататься по льду, словно серый волк.
А побежал под санки я, как только
Свернула ты заметно к полынье.
СУСАННА
Так, значит, ты, Никита, не подумал,
Что санками так сильно ушибу?..
НИКИТА
Ничуть! Зато избегла ты зажоры,
А то бы нам с тобою быть в воде...
СУСАННА
Не пропаду, Никита, я с тобою...
Могу без страха хоть на крайний свет.
НИКИТА
Ну, полно, Лада! Зря почто казать?
Отец, небось, засватает к Успенью
Тебя богатому боярину.
СУСАННА
Ну, нет! Ты батюшку знать должен.
С твоим отцом он дружен сызмальства.
А приневолить он меня не хочет,
Да и не может: я не полонянка,
Что приведена из чужой земли,
Но русская, исконная славянка.
А в семьях ведь у нас все девушки свободны.
НИКИТА
Но батюшка, отец твой, все корит
Мово, что он князьям служить не хочет,
А я не честен, коль в сечи не бился,
Коль Русь я не стерег.
СУСАННА
Мой батюшка
Корит, а честь Петру дает высоку,
Что он простить князьям не мог
Былой позор, пожога стольна града,
И сам князей корит за все крамолы,
А имя князь Андрея он не может
Без гнева даже слышать.
НИКИТА
Так и мне
Служить князьям не по сердцу: князь Игорь

Своих-то, правда, кормит и сторожит,
А сколько от других дружин поборов!..
Заняться торгом – совесть не велит:
Там без греха не проживешь и часу.
А если промыслять зверей в лесу,
То твой отец и думать не позволит
Заслать сватов. Так вот беда-то в чем.
СУСАННА
Никитушка, ты не горюй, соколик:
Высоко честен ты в себе; я чту,
Жалею я тебя без всякой меры
И все устрою я с отцом сама.
Ступай к Кирьюше лучше, отогрейся...
Соколик мой! У нас ты поживешь.
Пока Петра подлечат на погосте.
Прости, Никитушка (*целует его, Никита в свою очередь целует Сусанну, Сусанна идет к дому; Никита входит в избу тиуна*).
СУСАННА
(*обернувшись, смотрит, как Никита идет, слегка прихрамывая*)
Сердечный! Как меня жалеет лада...
Небось, другому б не пришло на ум
Так под удар саней себя подставить.
Хромает – значит больно; терпит все.
Скажу! Пусть матушка вином промоет
И пусть завяжет чистым полотном.
(*Говор, скрип отворяемых ворот, лай собак*).
А кто же это к нам приехал? (*Бежит к воротам*). Как?!
Княгиня-матушка! Сама! Вот диво!
(*Влезает на повозку и целуется с Ярославной*).
Сейчас я матушке скажу. Вот радость!
(*Олена выходит на крыльцо, а за ней сват и князь с накинутыми на плечи полушубками*).
СУСАННА (*кричит*)
Княгиня-матушка приехала,
А с ней Архипыч и дружина вся.
ЯРОСЛАВНА (*подходя к крыльцу*)
Ну, нет! Со мной пока не вся.
(*Целуется с Оленой и с князем Игорем*).
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Голубка ясная, моя княгиня,
Поведай мне: случилось что-нибудь?
ЯРОСЛАВНА
Тебя зовет в поход князь Святослав.
За мной привел дружину тысяцкий.
РОГУЙЛО
Привел дружину я, как был указ
Тобою дан о спешном выходе.
Князь Рюрик подал весть, что в полк идет
На половцев. Он зов тебе прислал. (*Подает бумагу*).
КНЯЗЬ ИГОРЬ
А что ж, Рогуйло, пишет Святослав?
РОГУЙЛО
Князь Рюрик пишет, что идет с дружиной
Днепром на половецки дальни вежи,
Что по реке за Половещином,
И нас он будет ждать до воскресенья.
Дружина здесь. Осталась в Городище.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
До воскресенья Рюрик будет ждать?
А ноныче у нас уже четверг
В начале. Да... поспеть нам эдак трудно...
Но в Киев непошто нам всем спешить:
Устанут наши комони и вои...
Пошлю гонца. С дружиной же пойду
Через Десну, там полем, прямо к Суле
И по реке к Коневу подойдем
Ко времю переправы Рюрика
Дружин.
РОГУЙЛО
Иначе, князь, нам трудно будет,
А наискось успеем, не спеша.
СЛАВА
Кто с ним идет?
КНЯЗЬ ИГОРЬ
То Рюрик не напишет.
Не можно здесь об этом говорить.
Пойду в избу прочесть. (*Уходит с Ярославной и Оленой*).
СЛАВА
(*замечая, что Снедь их подслушивает*)
Ты здесь пошто?
СНЕДЬ (*мечник*)
Я обронил здесь пряжку от ремня.
АРХИПЫЧ
Ты кто?
СНЕДЬ
Я княжий мечник: двор сторожим.
АРХИПЫЧ
А как зовут?
СНЕДЬ
Фомой. Прозванье Снедь.
АРХИПЫЧ
Пошли мне стремянного. (*Снедь уходит*).
Всюду послух
Подслушать рад. Уж изловили трех...
А подсылает всех следить за нами
Какой-то князь: ему все надо знать.
СЛАВА
А может он Смоленску служит...
Иль ханам весть дает через гостей?
АРХИПЫЧ
Я укажу следить за этим Снедем.
От князя же возьму его к возам.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
(*возвращаясь с крыльца избы, тысяцкому*)
Распоряди людей по Городищу.
Костров не жечь. Дозоры вчетвером
Поставь кругом и дай чередовому

Указ: за шум и буйство выводить
Людей, кто будет пьян, с дворов в овины.
Подковы, снасть, доспехи и возы
Поутру сотники пускай осмотрят
И скажут мне.
РЕШЕТОЧЫЙ (*от ворот*)
Пускать проезжих?
СЛАВА
Ты не кричи: к тебе я подойду.
(*Арихипыч и Слава направляются к воротам. Ворота отворяют, и въезжает один из подъехавших 10 всадников. Слезает с коня и со Славой возвращаются к крыльцу дома, где князь Игорь*).
СЛАВА
Как кстати. Милости прошу, боярин!
БОЯРИН
Я в Новгород спешил, но в слободе
Узнал, что здесь князь Игорь. Мне он нужен.
СЛАВА
Вот князь у моего крыльца.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Я рад, что ты меня застал, боярин!
БОЯРИН
А тайны нет, куда, князь, собирался?
Здоров будь, светлый князь!
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Какая тайна?
Ты нам сосед и верный старый друг.
Зовет князь Рюрик снова на поганых
За Ворсклу. Мне идти придется так:
По Суле до Конова, там сойдусь
С киянами. А вас не известили?
БОЯРИН
И князя Ярослава Рюрик звал.
Да нам идти нельзя. Хотели тоже
По Суле. Только снегу нет как нет.
Остался голый лед на все на поле.
О том пути нам нечего и думать.
Тебе идти придется по Десне
До самого Днепра.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Так Ярослав
В поход пойдет иль нет?
БОЯРИН
Князь отказался.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Нечестно на поганых нам не идти.
Поганые нам общие враги.
СЛАВА
Но как же ты пойдешь, коль голый лед
На Суле?
РОГУЙЛО
Нам беречь коней важнее
Похода дальнего, когда враги
Весной грозят нам по всему Посеймью.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Ты что ж, опять боишься за Путивль?
РОГУЙЛО
Нам кончить нужно заборол детинца.
Тогда Путивль заступит ханам путь
На всю Десну и Северск Новый.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Сегодня в полк дружину мы сряжаем,
Так о Путивле думать недосуг.
(*Князь Игорь отходит с Архипычем в сторону*).
СЛАВА (*Илье*)
К утру сряди пол-сорок наших воев.
Доспехи я проверить сам приду.
Рубец пускай проверит все подковы.
(*Бобок с поклоном подходит к Славе*).
СЛАВА
Тебе чего?
БОБОК
Боярина прошу я милости
Пустить меня в поход с дружиною.
Я посторожить землю русскую
Хочу, и честь я пред тобой возьму.
СЛАВА
Сряжайся. Любо мне, что ты охоч.
Твой долг я на себя возьму сполна,
Коль чести ратной ты в сечи заслужишь.
(*Илье*)
Еще Бобка беру я стремянным,
Ему доспех и меч дашь по руке.
(*Бобок отходит. Князь Игорь с Архипычем подходят к тысяцкому*).
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Придется у тебя Архипыча
Мне взять. Да он уж устарел в поход.
Он будет настоятелем Путивля.
К Егорию ему я поручаю
Окончить тын острога у реки
И заборол у Северских ворот.
Он возьмет холопов, сколько нужно
И пусть отсюда вольных плотников
Наймет. Ему две сотни воев надо,
Пока с тобою будем мы в отлучке.
Дружину князь Владимира считать
При сем не надо. А эти пусть сидят
И боронят с Архипычем Путивль.
СУСАННА (*на ходу своему отцу*)
Нельзя ли, батюшка, Никиту воем
Поставить: помогать Архипычу?
СЛАВА
А чем поможет? Он в дружине не был.
АРХИПЫЧ
Какой Никита?
СЛАВА
Локоть. Сын Петра.
СУСАННА
Он все умеет. Приучен в лесу

Искать звериный след.
АРХИПЫЧ
Давай возьму
К себе в подручные, а то я бегать
По годам устарел и все прошусь
У князя, где бы мне оседло жить.
РОГУЙЛО
Тогда спокойны будем за Путивль.
Но я боюсь, что комоней погубим,
Сиречь на реке, на Суле.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Ты мне, Рогуйло, вновь перечить хочешь?
СЛАВА
Рогуйло прав: без комоней дружина
Погибнуть может вся.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Так вы меня
До Рюрика решили не пускать?
СЛАВА
Твоей княжой мы воле не перечим,
Когда тебе погибели не видим,
Но здесь мы правду все казать должны,
Хотя бы гнев ты положил на нас.
Смотри ты сам. Твоя княжая воля.
Мы в полк идти готовы, знаешь сам.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Ну, будь по-вашему. Веди, Рогуйло,
Дружину завтра в Новый Град назад.
Сегодня вам опять я уступил.
Но тот другой свой полк, о чем с тобой
Имел сегодня думу, я выполню,
Пока закончат новый заборол.
В Путивле, исподволь, сберу свой полк
С дружинами Трубчевска, Рыльска и Курян.
А может Ярослав нам даст свою,
А если нет, черниговских ковуев
С Ольстином попрошу у Ярослава.
СЛАВА
Ну что же. В добрый час! Пойдем на Дон.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Давай держать с тобой мы в строгой тайне,
Куда свой полк весной я поведу.
(*За сценой слышна песня дружинников*)

Гой, дружинушка,
Сила грозная
Князя Игоря
Святославича.
Ты готова ли
Заступить врагу
Путь дороги все
В землю русскую.

Мы готовы здесь
Силой грозную
Удалых бойцов
Дружных воев всех
Сечу злую дать
Злобну ворогу.
Да забудет путь
В землю русскую.

(*Занавес опускается медленно под песнь дружинников*).

КАРТИНА 5

На сцене представлен рассвет в загородной у г.Путивля усадьбе князя Владимира Игоревича. Слева – широкое крыльцо княжеских хором. Справа – боярский дом. Оба дома в ряду с кустами и деревьями. На задней сцене видны очертания Путивльского детинца за 1 километр. Дозорный стоит у задней стены, и видно, как на башне города дают световой сигнал. Пять раз кружится светлое пятно слева направо. Дозорный, увидев сигнал, подходит к боярскому дому и стуком вызывает ключницу к двери.

ДОЗОРНЫЙ
Буди боярина. Скажи, вам знак
Дают из города.
КЛЮЧНИЦА
Кто там? Что тебе?
ДОЗОРНЫЙ
Боярина буди.
КЛЮЧНИЦА
Сейчас. Да вон он.
БОЯРИН
Что тут у вас?
ДОЗОРНЫЙ
Огнем кружат из города.
БОЯРИН
В какую сторону кружат?
ДОЗОРНЫЙ
Да вот.
Смотри, боярин. Видишь сам небось.
БОЯРИН (*считая*)
Пяток кругов направо – разумею.
(*Ключнице*)
Иди, Петровна, разбуди княгиню.
Скажи, что вести добрые от князя
Гонец сейчас из града привезет.
КЛЮЧНИЦА
Бегу, бегу, родимый!

Путь врагу на Северск
Заступил князь Игорь,
И вернет навечно
Нам великий Дон.
Русской всей земле
Славу мы споем.

Чу, запели песни
По градам веселым.
Звон в продедню славу
Русской всей земле.
Князю и дружине
Славу спели мы.

НАСТОЯТЕЛЬ (*встает с ковшом*)
Сусана! Я хочу за батюшку
Твоего здесь выпить ковшик пенной браги.
Я друг ему. Не раз мы вместе с ним
От русской от земли поганых гнали
И в сечах часто с ним до смерти бились,
Но не срамили русской мы земли.
А дома у себя, в веселу пору,
Он песни также ладно петь умеет
И говорил недавно пред походом,
Что молодеет в половину лет,
Хотя до сорока еще не дожил,
Когда он слышит песни Ярославны,
Княгини нашей молодой.
НИКИТА
Как мы
Сейчас и сами убедились в том.
За здравие княгини выпьем все.
За здравие княгини! (*Все*) Будь же здрава!
Пусть песнь твоя прославит Русь навеки!
Занавес.

"За землю русскую"
Драматическая хроника

КАРТИНА 6

СЦЕНА НА ПЛОЩАДИ В ПУТИВЛЕ
На рассвете. На крыльцо белодубовое выходит из дома настоятель

НАСТОЯТЕЛЬ
Заря багряна свет уж запалила.
Дойти узнать, как город стерегли
И не было ли зарева за Сеймом.
В прохладе утра крепко спит Путивль,
И даже псы дозорные не брешут
Ни в граде здесь, ни в слободах,
Ни в тайниках у Сейма за острогом...
Теперь надежен новых заборол,
И зла напасть поганых нам не страшна,
Когда крепки засовы новых врат,
А наш детинец заборен весь дубом.
(*Подходит к тысяцкому*)
Ну как, боярин, ночь в дозоре шла?
И не видать ли где огня за Сеймом?
БОЯРИН
Все, слава Богу, тихо за рекой.
Поганых ведь князья загнали к Дону.
НАСТОЯТЕЛЬ
Ну я, боярин, был бы боле рад,
Когда б князья побили их поближе. (*Задумчиво*).
А встреча первая за Диким Полем,
У речки Сальницы, меня не тешит. (*Задумывается*).
Далече залетело Ольгово,
Хороброе гнездо, Даждьбога внука...
Не спится все же мне. Все думаю,
Не заманили бы бесовы дети
Весь княжий полк с Шеломеня в яруги,
Где нашим воям биться неспособно.
БОЯРИН
И нам, скажу, боярин, думно тоже:
От князя двадцать дней, как вести нет.
А мой Борис, младой, как в воду канул,
Уйдя напред с Владимира полком.
И вести все не шлет с гонцами князя.
Да что уж о себе. Княгиню жаль.
До света здесь прошла на заборол.
Идет, гляжу, сама, как не своя.
НАСТОЯТЕЛЬ
Печальная. Куда пошла княгиня?
БОЯРИН
Сидит вон за коморой полуденной.
Подымешься за клетью, где смола.
НАСТОЯТЕЛЬ
Смотреть, боярин, нам придется в оба
За полем и рекой. Пойдем со мной.
БОЯРИН
Сейчас я догоню. Скажу Никите.
(*Никите*)
Тебе решеточных проверить надо у северны
ворот.
Потом меня найдешь на полуденной,

Туда дозорных смену приведешь.
НАСТОЯТЕЛЬ (*на ходу*)
Блюсти княгиню как зеницу ока
Обязан я. Но более того
Я сам хочу за счастье горемычной,
Свет Ярославны, жизнь отдать свою.
Отверг я от себя посулы князя,
Сказав похода дальнего в канун
За пиром скромным в день его рожденья:
"Спокоен будь, любимый князь и друг,
Тебе служить, блюсти княгиню нашу
От ворога, считаю я за честь,
Которую не может дать все злато".
Он ведал доблесть ратную мою,
Пока я годен был в походы дальни.
БОЯРИН
Ну, полно, князь спокоен за княгиню.
НАСТОЯТЕЛЬ
Но вот она терзается душой.
А вправе ль я неправдой обнадёжить.
Когда я сам спокойствия лишен
За Святославича с его дружиной
Да и за весь далекий полк князей.
Склонилась вон за дуб и смотрит в поле.
Боярин! Здесь не гож подъем смолы.
Узка. Нельзя так лестницу оставить.
Стеснит во время приступа она
Подъем смолы наверх и разной снасти.
БОЯРИН
Широкой здесь никак не разместить.
Подумать надо, как здесь переделать.
НАСТОЯТЕЛЬ
(*взошел на стену. Боярин отстал по лестнице. Сверху боярину*)
Пусть обыденком намостят здесь скат.
Ну вот сейчас с восходом Свет-Ярила
И степь видна по Сейму до Клепал,
Селищи все видны, как на ладони.
Спокойно поле, гари нет нигде.
А здесь гнилищ уж начали покосы
И берюжане делают остожье.
(*Подходит к Ярославне*)
Что, пташка ранняя? Что матушка-княгиня
Оставила высокий терем свой,
С зарания придя на заборало?
Здоровье как твое, господь хранит?
ЯРОСЛАВНА
Кажется, боярин, я здорова,
Но с думами нигде мне не житье.
Ума не приложу, зачем так долго
От Игоря нет вести никакой.
НАСТОЯТЕЛЬ
Гонцам, ты знаешь, матушка-княгиня,
Не близок путь от Сальницы реки,
Где рать княжая захватила вежи
И отогнала хищного врага...
На днях с гонцом еще получим вести.
ЯРОСЛАВНА
Не знаю, как сказать тебе, боярин,
Но все из памяти моей не сходит,
Что Свет-Ярило путь ему затмило.
НАСТОЯТЕЛЬ
Ну полно, матушка, моя княгиня.
(*Прохаживается, всматриваясь в степь за рекой*)
ЯРОСЛАВНА
Скажи, что думаешь о нашем князе
И о судьбе всех тех, что с ним ушли?
(*Слышен рожок пастуха*)
НАСТОЯТЕЛЬ (*тихо в сторону*)
Схватило грудь. Что ей сказать на это?
Не знаю сам. Но лгать ей не могу.
Нельзя сокрыть в ответ такому взгляду
И капли правды, ясной для меня.
(*Подходя к Ярославне, громко*)
Коль нет гонцов, то признак то недобрый.
Положим, мог поганый половчин
Гонца забить на Диком своем Поле
Ну одного иль двух еще гонцов,
Но мы пяти гонцов срок пропустили,
А вести нет о княжием полку.
БОЯРИН (*подходит к ним, всматриваясь вдаль*)
Однако признак есть, хоть переняли
На Диком Поле несколько гонцов,
Но нет беды с полком и нашим князем.
Смотри за Сеймом, как спокойно все:
Нигде не видно дыма от пожаров,
Не видно ночью зарева нигде.
То верный признак, что враги не могут
Тревожить села и нести разбой.
Но если бы поганых злая сила
Полк Игоря развеяла, как прах,
То здесь погана свора уж была бы,
В набеги их пылали бы селища,
И хан Посейме грозно воевал.
ЯРОСЛАВНА
Надежи и в тебе я мало вижу.
Пойду домой: ударят скоро к службе.
Пошли за мной, коль будет только весть.
НАСТОЯТЕЛЬ
Ушла... Я более ее за полк
И самого князь Игоря в тревоге.
Уж думаю послов срядить на Дон,
До хана Кончака, что с князем нашим
В товарищах сторожил от смолян.
А ждать гонца пожалуй уж напрасно...
БОЯРИН
То значит неминучая беда
Стряслась со всем полком и князем?
НАСТОЯТЕЛЬ
Чем дольше полк идет по Дику Полю,

Тем больше ворогов собрал он к сечи.
БОЯРИН
То так. Да случай может помогчи.
НАСТОЯТЕЛЬ
А случай на другой Путивль к осаде
Готовить нам, зато что ворог зол.
БОЯРИН
Вестимо ты, боярин, правду кажешь.
Петра я вызову из Оболонья.
НАСТОЯТЕЛЬ
Он плохо ходит ноне от медведя, да!..
Но нам нужны не ноги,
А глава его. Никто хитер,
Как он и барзо ловок строить ямы,
Засеки и все снасти при осаде.
Занавес.

КАРТИНА 7

СЦЕНА В ГРИДНЕ КНЯЗЯ ПУТИВЛЬСКОГО

В гридне стоят и нервно толкуют настоятель и путивльский боярин Беловод Просович.

БОЯРИН
Постой, боярин, в толк не понял я,
Погибла рать? Князья все в полону?
Но где же от гостей он это слышал?
НАСТОЯТЕЛЬ
Старик Гарпун был в Курске на торгу.
Там продал снасти знаемым гостям,
Что ворочалися из Белых Веж
Донских и снова на Дон плыть хотели.
БОЯРИН
Подумать надо, гостю веру дать,
За то, что их могли так получить.
НАСТОЯТЕЛЬ
Гарпун гостей тех знает уж давно
И сказывает, этим верить можно.
БОЯРИН
А сами гости-то откуда те?
НАСТОЯТЕЛЬ
Болгарин был, да двое из Рязани.
БОЯРИН
На реку, знать, Сосну и Сейм брали
Те вон в Курск, а может – полем шли?
НАСТОЯТЕЛЬ
Не знаю, как брели, но в Курск пришли;
И настоятель Курска, Клим Сагутьев,
Дознал и не замешкал путивлян
Сюда отправить на возу в Путивль.
Вот их Гарпун и обогнал за Рыльском.
БОЯРИН
Не верю я, боярин. Кто здесь бахарь?
НАСТОЯТЕЛЬ
Я тоже верить вести не хотел...
БОЯРИН
Да живы ли князья? Замучить могут.
НАСТОЯТЕЛЬ
Полка его допреж я ведал тугу.
Ему перечил, чтоб не шел далеко,
Иль ждал похода наших со Днепра.
Но сам не верил я поганых силе
И верить ей доселе не могу.
БОЯРИН
Где сила их, коль прошлым еще летом
Мы забирали вежи по Днепру.
Иль шли они тогда неполной ратью,
Как русичам Кобяк попал в полон.
НАСТОЯТЕЛЬ
Крамолы меж князей быть не могло,
За то, что все свои и крепко дружны...
"Легла вся рать и сеча зла была"?..
БОЯРИН
То значит орды все собрались к сечи:
Проведали о нашем, знать, полку...
НАСТОЯТЕЛЬ
Узнаем боле мы от тех людей,
Что утекли, спаслись от страшной сечи
И едут к нам из Курска на возу.
БОЯРИН
Придется нам, боярин, ждать набега,
Коль этот смерд Гарпун не бахарь-лгун.
ОТРОК ДЕЖУРНЫЙ (*входя с докладом*)
Приехали из Курска.
БОЯРИН
Те? Сюда их!
НАСТОЯТЕЛЬ
Боярыня, коль здесь, ты ей скажи.
Она, коль можно, позовет княгиню.
(*Дежурный отрок уходит*).
Как весть ее убила... Вот судьба.
Несчастная! Уехать вдаль за мужем,
Оставить славу своего отца,
Владыки Галича и Перемышля,
Роскошные палаты и сады,
Где ни жары, ни стужи не бывает.
И полюбить далекого вдовца
За то, что он, живя в глухой Севере
Всю жизнь, от злого моря диких орд,
Боронит землю Русскую. И что же?
Вот через год и муж уехал вдаль.
БОЯРИН
И может быть совсем? Судьбу кто знает?

(*В гридню быстро входят: сотник Слава с подвязанной рукой и мечник Снедь. За ними теснятся несколько женщин-путивлянок. Их расталкивает настоятель Путивля, тысяцкий Мстислав Архипыч. Трем женщинам удается пройти в гридню. Потом дежурный сотник дверь закрывает, но в течение дальнейшей сцены пропускает в гридню по одному из именитых бояр Путивля*).

НАСТОЯТЕЛЬ (*на ходу*)
Скажите: правда, будто рать погибла?
СЛАВА
Легла вся наша рать.
АРХИПЫЧ
А как же ты,
Боярин, ране был хоробрый сотник?
Зачем дерзнул ты бросить нашу рать?..
Почто же ты оставил поле сечи?..
Ну что же?.. Слышишь?.. Молви чередом!
Что же ты молчишь?.. Мольбою прав не будешь...
СЛАВА (*рассказывает сначала как бы в забытьи*)
Очнулся ночью я... Шелом рассечен.
А вся рука – немая и в крови...
Иссох я весь: меня томила жажда...
В очах огни кружатся ходуном...
Чуть светит низкий месяц, полный крови,
На кучи мертвые... И зрю я:
Лежат и не ворохнутся, не дремят,
Не дышат: уж застыли груди их...
Открыты очи их, на звезды смотрят.
Им гляну в очи – жаль мне душу рвет.
И вздох хмелит меня кровавой прелью;
На броне, на челе у многих кровь.
То пятнами густая кровь темнеет,
То общей лужею застыла кровь,
И я застыл, как в леднике, ознобом...
НАСТОЯТЕЛЬ (*задумчиво*)
Никто их тяжки раны не утрет
На теле их жестоком.
СЛАВА
Я ли бахарь?
1-я ЖЕНЩИНА (*тихо*)
Ой! Чур меня спаси! Ой, какая страсть.
Чур! Чур меня.
НАСТОЯТЕЛЬ
Чему же тут не верить?
Ты правду кажешь: сеча зла была.
СЛАВА
Уж, думал, что я сплю... Протер и вижу:
Раздулись брюхи комоней застылых.
А здесь копье вонзилось в бок коня
И машет древком: комонь редко тычет
Кому-то темною своей ногой
В кровавый блин, то в шею, то в плечо.
2-я ЖЕНЩИНА
Боярин! Ты мого Никифора не видел?
НАСТОЯТЕЛЬ
Пожди! Пускай нам скажет все чредой.
СЛАВА
Смешались на земле шеломы наши,
Щиты червленны, брони чешуя,
Мечи вреженые, от них обломки,
Одежда, тулы, луки, стрелы, копья.
Поганых шапки, сабли, батаги...
И всяк доспех скорбит меня злой тугой...
Здесь на земле, как смоляков щепа,
От крови темна ломь доспехов: луцев,
Кинжалов, сулиц, сабель и мечей –
Все иступила темна ржа от крови.
Все изломал булат и лег в пыли.
ОТРОК ДЕЖУРНЫЙ
Там ратну снасть, гляди, всю поломали,
А как ее доспеть?
НАСТОЯТЕЛЬ
Не снасть считать.
За землю русскую там люди пали!
СЛАВА
Вот, в полукруг, лежат, себе отвалом,
С полсорок тел поганых, без голов;
А двум из них наш меч смахнул заплечье;
А посреди лежит наш Громобой,
Кузнец из Рыльска накрошил поганых
И оком смотрит... А в другом – стрела...
Набили мы поганых много боле,
Чем было нас до сечи злой самих.
3-я ЖЕНЩИНА
Так как же сам остался жив?
НАСТОЯТЕЛЬ
Постой!..
Так значит, кто же одолел в той сечи?
СЛАВА
Того и сам понять я в толк не мог,
Но как хватился!.. Нет креста шейного.
Наружу выворочен мой карман:
Меня, знать, почитали мертвым...
Враги добили наших! Пала Русь!
Так жить почто? О, Русская земля!
Ты за щеломенем уже далеко.
Завыли волцы. Знать, в яруге пир.
Метутся уж рыскучих тамых стени:
Мигают очи их средь мертвых тел.
А там, к ракитам у нешеломяня,
Смотрю – костры, полсорока поболе,
И пьяный, слышно, песню затянул...
(*Входят из внутреннего покоя княгиня и боярыня ОЛЕНА. За сценой с площади доносится несильный гул от толпы*).
3-я ЖЕНЩИНА
Да как, боярин ты, ушел оттуда?
СЛАВА

От сечи, вижу, ворог ослабел,
То значит только малые ватаги
Поскачут зорить сирых на Руси.
Постерегчи же Русь смогу, быть может,
Коль ноги от поганых унесу.
И я решил потонку, затемно, уйти:
А то прикончат вовсе поутру.
Тогда пополз я от костров подале,
Свой правя путь среди убитых тел.
В леваде перебрел реку Каялу
И перед светом в тростие залег.
Веселья их весь день не слышно было.
А вечером я Снедя увидал,
Как от реки он полз к сухому яру.
Его я той же ночью разыскал,
И вместе с ним мы побрели ночами,
При свете же ховались по ярам.
(*Гул от народного говора доносится громче*).
НАСТОЯТЕЛЬ
Ну что ж князья? Как билися дружины?
СЛАВА
Князей живыми видел я в бою.
И слуху не было во время сечи, чтоб князь какой погиб...
(*На сцене 5 минут общее молчание. Среди этого молчания гул от народа доносится очень громко*).
ЯРОСЛАВНА
Смотрите. Там
Путивличи сошлись и ждут вестей.
Негоже нам держать совет особый.
Пусть весь народ узнает правду всю.
НАСТОЯТЕЛЬ
Дозволь, княгиня матушка, нам выйти
На площадь, вече где, как исстари
Ведется на Руси по княжествам
Могутным. Все уведают о сечи.
Нужа велит нам обсудить беду,
Как землю Русску оградить от лиха
И путь крамешным ханам заступить.
ГОЛОСА
Идем на вече! Все на вече! Вече!
(*Поворот сцены*)
Звон вечевого колокола.
Занавес.

КАРТИНА 8

Занавес открывает площадь в детинце г.Путивля, которая кишит народом. Гул от говора и горячих споров едва дают различать отдельные голоса спорящих.

ЛАБАЗНИК (*Осетреннику*)
А ты сказать им должен,
Что много милости у хана Гзы,
И всех он уравняет малой данью.
ОСЕТРЕННИК
Вестимо так, коль не обманешь ты.
ЛАБАЗНИК
Сказал, что заплачу, так слово свято.
Пойми... (*шепчет Осетреннику*).
ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ
Ишь! Сами в гридне заперлись!
ЛАБАЗНИК (*Осетреннику*)
И будем мы боярами с тобой...
Тебе еще рожна какого надо?
1-я ЖЕНЩИНА
Сложил свою он буйну голову... (*Плачет*)
1-й ГОРОЖАНИН
Надежнее бежать за лес, и крышка.
2-й ГОРОЖАНИН
Постой! Вот дурья голова твоя.
Куда бежать? Зачем? Подумал ты?
1-й ГОРОЖАНИН
Своя рубашка, знаешь, ближе к телу,
А ждать кого? Дождешься только хана.
(*Из княжей гридни на широкое крыльцо отворяется дверь. Выходят и направляются к вечевому помосту бояре с княгиней. Снедь подходит к Лабазнику и с ним тихо говорит. Говор, брань и шум на площали сначала усиливаются, но, при появлении княгини, говор тише, и некоторые ей кланяются. Идти им приходится в тесноте. На помост входят: настоятель, Ярославна, Слава и двое бояр. Во время прихода бояр к помосту раздаются на авансцене голоса спорящих*).
1-й СМЕРД
Вестимо! Им чего бояться здесь?
1-й ГОРОЖАНИН
Живьем нас заберут.
ОСЕТРЕННИК (*Трофиму*)
Чего полезли?
1-й СМЕРД
Пойми ты в толк, Трофим, что во дворищах,
Ведь нам промеж сохи да бороны,
От половчан нияк не сохраниться
ТРОФИМ (*градский стражник*)
Успеют из дворищ укрыться в град
Путивль. Догляд лишь нужен за рекою.

1-я ЖЕНЩИНА
А может уж поганые за Сеймом?
2-я ЖЕНЩИНА
Вон Марья, так их видела сама.
МАРЬЯ
Не верите? Пусть очи мои лопнут:
Троих намедня в сутемках за Сеймом
Сама я видела. Такой страшенный
Один!..
ГОЛОСА
Не вой.
Да где же вой?
Чуй!
НАСТОЯТЕЛЬ
Сейчас, наш сотник вам поведает.
ГОЛОСА
Чего там?
Тише.
Чуйте.
Эй! Чуйте! Настоятель речь ведет.
(*Говор затихает*).
1-я ЖЕНЩИНА
Скажи, боярин, жив ли мой Иван?
НАСТОЯТЕЛЬ
Сейчас поведает наш сотник вам,
Як рати бились в сечи на Дону.
1-й ГОРОЖАНИН
Сгубили только там себя и нас.
2-я ЖЕНЩИНА
А может к нам идут?
ГОЛОСА
Да чуйте! Чуйте!
СЛАВА
Князь Игоря живого помню в сечи.
Дрались князья, наотмашь, впереди,
И тысяцкие с ними, у стягов.
А от князей своих и наших сотни
Нигде врага не отставали бить
Мечами, копьями и топорами.
НАСТОЯТЕЛЬ
Но где же зачалась та злая сечь?
СЛАВА
На Сальнице узнали мы, что враг
Сбирает орды заступить нам путь
На Дон Великий. Шли мы, словно, краем
Земли незнаемой. Так ждать не ждали,
Что орды половецины все близ
И от засухи половцы кочуют
С низовьев Дона за травой в левады
Соседних рек донских. Тут видим сами,
Что надо уходить нам за рубеж.
А вот куда? Назад идти в Путивль?
Нечестно и далеко. Дон же ближе.
Так князь решил наш через ночь идти
По левому по берегу реки,
Все прямо Сальницей, за Дон Великий,
И вот под вечер было то, в Пяток
Николин, в самом усть-реки Сюурли
Быстрина поперек, а там ватага.
Стрелки на нас пустили по стреле
И наутек...
СТАРИК (*из толпы*)
Заманивать им любо.
СЛАВА
Принять, знать, сечу ворог не хотел.
Зато, собрав своих, с утра Субботы
Орда поганых оступила нас.
Ударила жара, а комони
Остались не поены. Воду видим,
Идем весь день по склону ровному
К леваде Сальницы реки, а к ней
Не подвести коней обстрела ради
С другого брега. Тяжко нашим воям.
И комони, не поены, ослабели.
К воде, знай, рвутся, к бою непригодны.
Вели их тесным косяком внутри,
А сами, отступя кругом, все пеши.
Сечем орду пробиться дабы к Дону
И наступаем на врага вперед.
А слева половцы нас жмут к реке.
Насели, давят и ни шагу прочь...
Заколешь комоня, а враг, кривой
Своею саблею, пешой дерется.
Несется по полю поганый визг,
Как будто в пал попали кабанята,
Тут крики наших, ржанье, лязг мечей,
Удары, копий треск и конский топот
Глушат нам стоны, писк каленых стрел
И даже сотников приказы воям.
Два дня рубили бесовых детей
Без сна, почти без отдыха и пищи.
Убыла наша рать. А все же сечем
Мечами харалужными по шеям
И гремлем их аварские шеломы.
Мы колем копьями врага и коней,
А стрелы их все брызжут, жалят нас.
Редеет рать. Все меньше русских воев.
Ан с гиком прет уж новая орда,
Да тесно нам уже от павших трупов.
НАСТОЯТЕЛЬ
А все же наши вои честно бились?..
Как? В нетях не было ни одного?
СЛАВА
Да нетям деться некуда! Однако
Ковуи сдали поле в третий день,
Поутру воскресенья. Лихо – видим.
Князь Игорь захотел их обернуть,
И больше я князь Игоря не видел...
Полез ко мне тут ярый половчин.
Хватил его мечом своим в оплечье:
Да затупился харалужный меч,
Иль бронёй тот прикрыл свое оплечье.

Он только зашатался. Как-то здесь
Ему и удалось ошеломить
Меня под правым ухом. Я и пал
На спины двух курян, навек уснувших...
Заснули крепко наши на пиру,
А сватов, того крепче напоили.
Закажут половцы своим сынам
И правнукам, как русских звать на бой!..
НАСТОЯТЕЛЬ
Мы знаем. Ты буй-туром бьешься в сечи.
СЛАВА
Да! Вои от меня не отстают.
НАСТОЯТЕЛЬ
Тебе, боярин, честь даем такую ж,
Как тем, что положили головы
Свои за землю русскую.
НАСТОЯТЕЛЬ
Кто знает?
Откуда весть, что князя полонили?
СНЕДЬ (*входя на помост*)
Я видел так, поутру в третий день,
Ковуев захотел вернуть князь Игорь
Догнал их. Видим. Те все ж наутек
И не послухались, а князь обратно
Спешил к своим. Но здесь уже гналась
За ним с арканами врагов ватага,
И на скаку поганые его
Связали на глазах у наших воев,
Лишь через перестрела одного
От наших.
НАСТОЯТЕЛЬ
Говоришь, что сам ты видел?
А что ты делал? Где ты был тогда?
СНЕДЬ
Я нес тогда остатки стрел для воев
С возов своих. Гляжу, князь Игоря
Связали те и в миг помчали коней.
НАСТОЯТЕЛЬ
Ты, значит, сам в сечи совсем не бился?
СНЕДЬ
Мой меч... был сломан... Взял копье одно...
Сломал. Потом другое.
НАСТОЯТЕЛЬ
Правду молвишь!
Другое здесь мы слышим от другого:
Не биться, кажут куре петухом.
ОДИН ИЗ НАРОДА
И заяц не оборонится туром.
(*Презрительный ропот в толпе*)
НАСТОЯТЕЛЬ
А много ли спаслось от сечи воев?
СНЕДЬ
Ополониться половцам пришлось,
Не больше, эдак, сотнями тремя
Пострелянных. А так бредут потонку,
Как мы ушли, не боле сорока,
Ковуев кроме.
НАСТОЯТЕЛЬ
Как тебя не взяли?
СНЕДЬ
Я снял доспехи и одежду всю.
Здесь потный обвалялся темной пылью,
А хоботом коня накрыл главу,
И так лежал полдня покойно, а в сутемках я в тростие уполз.
(*Многие жестами выражают свое презрение к Снедю, некоторые жесты показывают возмущение путивлян*).
ГОЛОС ИЗ НАРОДА
Яка всем помочь – пагуба!
Он послух!
НАСТОЯТЕЛЬ
Такой не может в сечи помогчи!
Идти ты можешь, Снедь! Не нужен боле.
(*Снедь уходит с помоста. Его народ пихает. Поднимается говор в толпе. Затихают, когда НАСТОЯТЕЛЬ поднимает руку*).
ГОЛОС ИЗ НАРОДА
Вот от таких и гибла наша рать!
Боярин (*Архипычу*)
Что здесь он будет делать. Должно вести
Пошли Фому за Снедем посмотреть.
ГОЛОС ИЗ НАРОДА
Коли не он сгубил, так завтра сгубит!
БОЯРИН
Отправим в Новгород его в Пяток,
Коль сам домой он рано не уедет.
НАСТОЯТЕЛЬ (*Архипычу*)
Смекнул, небось, что он разгадан нами.
ЯРОСЛАВНА (*к народу твердо, с расстановкой, подавляя слезы*)
Погибла рать... Мужья одних погибли,
А у других томятся в злом плену.
Своих нам слез не иссушить горючих.
Злой тугой скорбь у каждой налегла.
А нонче ведь не след ей быть помехой
Тому, как оборонить наш Путивль,
Как поблюсти сирот и вдов от лиха
И княжеству рать новую доспеть.
Прошу здесь всех людей в том мне помочь,
А вашего, бояре, жду совета.
ГОЛОС ИЗ НАРОДА
Беде то, ведь, слезам не помогчи.
Побережем людей и скот в дворищах!
Постережем от ворога всю Русь!
(*В народе говор согласия и одобрения*).
БОЯРЕ
Поможем, государыня княгиня!
КРИКИ ИЗ ТОЛПЫ
Мы землю Русскую обороним!
НАСТОЯТЕЛЬ (*подымает руку – знак внимания*)

ГОЛОСА
Эй чуйте! Не шумите вы гораздо!
Не выдадим!
СЛАВА
Осталась здесь лишь доля
Хороброго гнезда Даждьбожа внука,
Но кликнем, и поможет все гнездо!
ОДИН ИЗ НАРОДА
На помощь стерегчи позвать Чернигов!
ЯРОСЛАВНА
Не будем часу мы терять!
НАСТОЯТЕЛЬ
Пойду.
Вокруг острога выставить дозор.
СВАТ (*настоятелю*)
Пока я здесь, смотреть с тобою станем
В четыре глаза зорко за рекой,
За городом, острогом и за полем.
ГОЛОС ИЗ НАРОДА
Дозоры выставь! За реку! За Сейм!
В Чернигов надо весть подать и в Киев!
Доспеть нам копий! Нам смолы привесть!
НАСТОЯТЕЛЬ
Идти на Дон с полком я устарел,
Но голову свою кладу порукой,
Что ханам не бывать у нас в детинце,
Недаром сорок лет я ханов бью.
Путивля им никак не взять на щит,
А долго, ведь, они сидеть не станут.
ГОЛОС ИЗ НАРОДА
Не станут надолго! Им то не в мощь!
Указывай, что делать нам, Архипыч!
СЛАВА (*обращаясь к боярам*)
Пока Архипыч выставит дозор,
Пойдемте все бояре в княжью гридню,
Обсудим все дела по череду.
ЯРОСЛАВНА (*обращаясь к боярам и сходя с помоста*).
На вас на всех, бояре, я надеюсь.
(*Народ теснится к Славе узнать судьбу близких. Толпа с говором жмется к задней стене сцены, окружая боярина Славу. Проходят по авансцене два торговых гостя: ГУЩА И ЧЕРНЯК. Разговаривают и останавливаются*).
ГУЩА
Зачем на Дон князьям-то было лезть?
Себя с полком, всего лишь, погубили.
Сидели бы, так целы были б все.
ЧЕРНЯК
Ой, Гуща! Игорь крепко промахнулся!
Но кабы захватил он Дон, наш торг
С тобой пошел бы ходко по Аксаю
На Кабарду. А нам на Дон свезли б
Арабы, персы, греческие гости
Товар из Сурожа, Георгии,
Синопии и даже из Царьграда.
А здешние купцы за нами бы
Тянулися гостить. Да нам и эдак
Убытка нет. Доспеть им нову рать
Нельзя без нас, без нашего товара
Тяжелого. И за ценой не станут:
Теперь железа только подавай.
ГУЩА
Известно. Только Игорь мне остался,
За три десятка комоней, в долгу.
Таджик знакомый жеребят мне сбыл,
А князь их на племя взял в Комонь-поле.
Желаю: князь всегда мне в срок платил.
ЧЕРНЯК
Да! Без него-то вряд ли что заплатят,
Коль в полону... Я чаю, выкупят.
ГУЩА
Нам след, как вызволить его, прикинуть?
Как будем мы с тобою на Донцу,
Посул я дам свому тиуну Лавру:
Он ловок и у ханов знает всех.
ЧЕРНЯК
Куда ловчей! Я знаю, коль придется
Он комоня из пекла уведет.
(*Гости проходят*)
НАСТОЯТЕЛЬ (*проходя, боярину*)
Тебе, боярин, знать придется вновь
Поехать в Киев.
СЛАВА
Да, пока враги
По вежам ран своих не зализали.
БЕЛОВОД ПРОСОВИЧ
А то бы съездил я...

Занавес.

КАРТИНА 9

Поруб (*подземная темница*) в Путивле. Стены, пол и потолок рубленой темницы из толстых бревен. Отворенное отверстие (*люк*) в углу потолка пропускает косой луч весеннего предвечернего солнца. Никакой мебели нет. На полу лежат группами в различных позах, а также сидят человек тридцать холопов и два узника. По лестнице, без тетивы, ступени которой выпущены врубами из боковой стены, спускается из люка холоп Кречет.

КРЕЧЕТ
А сколько вас всего людей здесь будет?
ЯКИМ КОСОЙ
Холопов тридцать да закованных:

Лабазник здешний, соль что продавал,
Да что утек сюда от сечи, Снедь.
КРЕЧЕТ
И что ж, давно сидите в порубе?
ЯКИМ КОСОЙ
Да ночью перегнали нас сюда,
Как только хан с ордою подступил.
КРЕЧЕТ
Да, сила с ним немалая!
Едва из Новгорода добрались сюда
Те вои, что со мною ехали,
Орда насела на острог, да так,
Что по реке весь табор их стоит.
Гляди острог пожгут, а то возьмет
Орда поганых.
ЛАБАЗНИК
Где нашел поганых?
КРЕЧЕТ
Поведай, Клим Зубок, як здесь у вас
В Путивле?
КЛИМ ЗУБОК
Бык нас задавил работой!
ПЕСНЯ ХОЛОПА
(*в противоположном углу запевают песню. Сначала один, потом несколько человек: "Разудалая головушка"*)

Разудалая головушка
Не страшится темной ноченьки,
Грома, бури, непогодушки.
Зверя лютого, рыскучего.

Всех зверей лютее вороги,
Что отняли молоду жену,
Погубили малых детушек,
Как забрали всех в неволюшку.

Так смотреть назад мне некуда;
Все пути ведь мне заказаны,
А холопам все равно не жить:
Мне в неволе, здесь, как в порубе.

Лучше мне уйти в горелый лес
Беду мыкать в зиму лютую,
А по лету в Диком Поле жить
С волей-волюшкой да с удалью.

КЛИМ ЗУБОК
Сам ты расскажи, как в Новом Граде
Живется нашим.
КРЕЧЕТ
Так чуйте.
ШИЛО
Знамо чуем.
КРЕЧЕТ
В Новом граде
Повсюду тихо. Нашим стало легче,
Як вся дружина с князем Игорем
Ушла. Тиуны Язва и Оса
Хоти орут, но воли не дают
Рукам за то, что стражи стало мало.
Но в косовицу и жнитво, вестимо,
Досталось женам да и нам. Потом
Ко Спасу прикатил от вас Владимир.
КЛИМ ЗУБОК
Лебедки нашей брат?
КРЕЧЕТ
Он самый. Вот
Гуляка – князь!
ШИЛО
И здесь гулял да пил.
КЛИМ ЗУБОК
Зато его и выслал Бык отселя.
КРЕЧЕТ
Як же настоятель князя мог
Отправить?
КЛИМ ЗУБОК
Нам вестимо все. Ну, словом,
Архипыч наказал Лебедке выслать
Владимира на ловы по Десне.
КРЕЧЕТ
Но мешкать он не стал и в Новом граде:
Вдову дьякову изловил да девку
И подался в село княжое.
КЛИМ ЗУБОК
Пес!
В отца пошел: жену тот вовсе выгнал.
(*В углу запевают песню:*)

Гой ты, белый свет,
Воля-волюшка!
Не сменю тебя
На златую клеть,
Зелено вино,
Хор: Меды хмельные,
На покой – приют?
Милованьице.

Помнишь белый свет
Воля-волюшка!
В темном порубе
Мы слюбилися,
В темну ноченьку
Хор: Мы спозналися,
Как ушел-убег
Из неволюшки.

Помню в эту ночь,
Воля-волюшка!
Я княлся тебе
Боронить тебя,
Не бросать-терять

Хор: Ни на срок – на год,
Не ронять твоих
Гривен-яхонтов.

Верь мне, Ладушка,
Воля-волюшка!
Что врагам твоим
Заступлю я путь,
Что мне вороги,
Хор: Кто тебе гроза,
Огнищанин страж,
Иль доносчик злой.

А друзья твои –
Мне товарищи.
Броня кто тебе,
Брат названный мой.
Хор: Сбережем тебя.
Верь! Не выдадим!
Намилуемся
С волей-волюшкой.

КРЕЧЕТ
А как у вас в Путивле здесь с тиуном?
ШИЛО
Да туга нам от княжего тиува Язвы.
ИВАН ТЕСЛО
Долбим теслом от света до обеда,
А там до сутемок.
КРЕЧЕТ
Постой! Постой!
Что половцев не слышно? Где полон?
КЛИМ ЗУБОК
Полон по вежам роздали. А Игорь
И Владимир в ставке Кончака
Засели надолго видать: попа
Позвал к себе отсюда. Ждем мы ханов
Со дня Петрова. Ямы им готовим.
Да что-то вот нейдут. Должно ослабели.
ШИЛО
Чего ослабели? Хан до нас придет.
КЛИМ ЗУБОК
И надо нам помочь. Мне осетренник
Намедня сказывал, что милости
У ханов тех немало.
КРЕЧЕТ
Как сказать?
Откуда столько милости возьмут?
Вестимо, хуже нам от ханов тех
Не будет: что им взять, коль я холоп?
Да семей нам уж не видать совсем.
Коли угонят в вежи нас к себе.
ШИЛО
Да хан на нас ведь может положиться
И город нам отдать, чтоб мы блюли.
КРЕЧЕТ
Возиться с градом не с руки тем ханам.
Обычай их забрать в полон, а град
Сожгут, чтоб николи не заступал
Ватагам путь на русские селища.
(*Раздается набат, и к люку подходит страж, который наклоняется и кричит в темницу*).
СТРАЖ
Поганые сейчас острог зажгли
И граду нашему грозят поджогом.
Так если кто из вас оборонять
Строенье града от поджога хочет, пускай
выходят.
(*Снизу несколько секунд молчание*)
Чуяли меня?
ГОЛОС
Да ладно, чуем!
СТРАЖ
А то и вас самих
Зажарят в порубе!
(*Несколько голосов снизу: "Сейчас идем!" несколько человек поднимаются по лестнице, в том числе Кречет. Вдогонку им реплики: "Спужалися!", "Ишь лезут на помогу!"*)
ГОЛОС СТАРИКА
Пошли пожог тушить женатые.
ШИЛО
А что же хлопям молодым
Свое не поискати счастье в Диком Поле?
ГОЛОС СТАРИКА
Да что зря бехарить! И каждому
Не по сердцу помоги не давать,
Коль туча здесь повисла на землю,
На русскую, и город вишь пожгут.
ИВАН ЗУБОК
Надея у меня, что хан всех вас
Не станет в порубе держать и часа
И даст нам вольную, а нам придется
С волюшкой во полюшке пожить –
Деваться больше некуда.
ГОЛОС
Может быть.
Недолго ждать. Развязка всем близка.
ШИЛО
А ну, затянем песню. Ну зачни!
(*Поют*)

Здравствуй полюшко широкое,
Дико Поле половецкое.
Сызнова я здесь, непрошенный,
не по зову твоему пришел,
Не за милость-подарками:
Я пришел пожить с хозяюшкой,
Со своею волей-волюшкой.

На родимой на сторонушке
Ту хозяюшку обидели:

Не почтили правдой-совестью.
Так в бесчестье мне не гоже жить,
А на княж бои кромешные,
Что поживу озорным дают,
Мне и глянуть так не по сердцу.

Я по свычаю товарища,
Казака-бойца удалого
От сего дня полевать зачну;
Да не волка, зверя лютого:
Половощину поганую,
Из Посеймья, что ведет полон,
Вицей вязанный да комоней.

Оглядись-ка, Поле Дикое,
Как само ты все затоптано
Злой ордою половецкою,
поросло полынью горькою
От горючих слез невольничьих,
Так тебе ховати от меня
Половчан тех ровно непочто.

Вспомни, полюшко широкое.
Сколько наших сел с дворищами
На груди твоей здесь выжжено,
Зверя лютого сбегалося,
Врана трупного слеталося.
Так тебе не миновать идти
По пути со мною об руку.

Обернись же Поле Дикое,
Нашим полем, русскою землей.
Не скупись добытком-жиром мне,
Береги от зверя комоня,
Утаи курень мой по яру
Да слепи лучами солнышка
Зорки очи злого ворога.
Занавес.

КАРТИНА 10

Из хроники СЛОВО ВНУКА БОЯНА

Сцена в жилой избе ближнего боярина в Путивле. (*Май месяц 1186 г.*)

СУСАННА
Когда же комоней тех уберут?
НИКИТА
Их у Острога в землю закопают.
Большая часть их пала в волчьи ямы.
СУСАННА
Но как твой батюшка мог угадать,
Где кольями устроить надо ямы?
Удумал как. Выходит, что одна
Петрова голова гораздо их
Богатырей полсорока иль боле.
ОЛЕНА
Как рады все, что кончился набег, и половцев нет боле у Путивля.
СУСАННА
Ты думаешь, они домой ушли?
НИКИТА
Не знаю... Чаю так. Куда ж еще-то?
Без комоней им воевать нельзя.
А наших не сыскать нигде в дворищах,
Коли с Егория их всех угнали в лес,
За дальние гнилища и протоки.
Теперь идет хан Гза с набитым носом
Домой.
ОЛЕНА
Но много он пожог дворищ.
НИКИТА
Не дали здесь ему ополониться.
(*Входят Петр и Архипыч*)
АРХИПЫЧ
Ну что ж, боярин, мы пришли, обсудим.
СЛАВА
(*сидя за столом. Отрываясь на минуту от писания*)
Сейчас я допишу. Тогда обсудим.
АРХИПЫЧ
Никита! Завтра утром ты проверишь
Дозоры и заставы за рекой.
С урядником поедешь сам двенадцать.
НИКИТА
Поедем затемно?
АРХИПЫЧ
Езжай по тай.
Коль ваших комоней не слышно будет,
Проверишь тонко и услышишь все.
Пасись потемок в зарослях ракиты.
Ведь след врагов на тропах не остыл.
НИКИТА
А все на прежних ли местах дозоры?
АРХИПЫЧ
Степану сотнику известно все.
Тебе укажет, кто и где сторожит.
СУСАННА
Ночной дозор ты уж привык нести?

Пасися тьмы.
НИКИТА
Звериную скучнее
Стеречь тропу в потемках целу ночь.
АРХИПЫЧ (*тихо Петру*)
Никита молод, но как тур хоробрый.
Смекнет неплохо в самый жаркий бой.
А в пекло сам не лезет на рожон.
Вот мой Борис был горячее в драке.
ПЕТР
И силушку померить с ним бы мог.
АРХИПЫЧ
Да я не чаю, что он жив остался.
Вчера у Троицы я записал
Его в синодик для сорокоуста.
ПЕТР
Пождал бы с поминаньем. Вот небось
Пойдут князья на Дон.
ОЛЕНА
Там отполонят
Несчастных, что томятся в злом плену.
АРХИПЫЧ
Горяч Борис был в драке, так не чаю,
В сечи такой ему остаться живу.
И гибель рати пережить не мог.
СУСАННА
А я, так чаю, твой Борис вернется:
Пострелянным легко попасть в полон.
АРХИПЫЧ
Князья пойдут, когда им князь великий
Подаст из Киева могучий клич.
Нехай вся Русь и Галичь и Залесье
Подымутся и вызволят князей
И наших славных воев из полона!
СЛАВА
Готовлю этот клич для князя Святослава.
Великий князь мне поручил составить
Такое свое слово золотое
Ко всем князьям, что помощь могут дать
Осиротелым княжествам Северы.
Да не легко то слово составлять.
И с вами я хочу опять одумать,
Как волю добрую князей поднять
И не единым словом не зажечь
Обычной их крамолы, Русь жалея.
НАСТОЯТЕЛЬ
Ну что ж, боярин, как же порешим
Со зовом в помощь Всеволода князя.
СЛАВА
Помоги от него нам трудно ждать.
Большой в избе, вестимо, не сосед,
Но обойти его нельзя со зовом.
Довольны будем, чтобы не мешал.
Помога нам из Киева была,
Когда смутился весь народ в Посеймье.
Нам летось помогли в селищах здесь.
В Посеймье утишить селян разруху,
Но по весне дружин тех не было,
И Гза немало здесь пожог дворищ.
НАСТОЯТЕЛЬ
Да видно нам помоги одного
Князь Святослава мало.
СЛАВА
Поэтому готовлю этот клич
Ко всем князьям, чтоб помогли Севере,
Как указал мне старый Святослав,
Помочь нам вызволить несчастных наших
Из злой неволи. Я читал ему
Как собрались, как Полем Диким шли
И сечу злую дали у Каялы.
Как дорого продали жизнь свою
Те вои, что легли и свою волю
Немногие, что смерти не нашли.
Заплакал князь, наш старый Святослав,
Как я ему прочел. Потом поведал,
Что вещий сон ему предрек беду,
Хотя не ведал о полку Северы.
И тут же сам задумал помощь нам.
Вы знаете, как от него доспели
Три целых воза сулиц и мечей.
Они нам хана помогли прогнать
И отстоять Путивль.
АРХИПЫЧ
Спасибо князю.
Мечей бы без него нам не достать готовых.
СЛАВА
Знает старый князь обычай
Кромешных ханов. Так и молвил мне:
Наскока ханов жди на Сейм весной,
Как поле даст траву. Спешат пусть с севом,
А комоней скорее за лес гнать.
Большой орды не жди. Ослабли ханы.
Десяток лет им после сечи злой
Придется силы набирать.
НИКИТА
Как дивно
Вещает старый князь.
ОЛЕНА
Великий друг
И страж земли он Русской.
СУСАННА
Как видит он
Случится что должно.
ПЕТР
Печется князь
Не о своем прибытке: стар и славен,
Повсюду честен, как великий князь
Забыл, небось, как лез он в княжьи споры.
ОЛЕНА
Кто старое помянет...

ПЕТР
Я молчу.
Сам вижу: старый князь сейчас нам нужен.
СЛАВА
Так вот великий князь готов дать клич.
Он скажет Золотое слово всем
Князьям о том, что полк князя Игоря
Погиб за землю Русскую и сечей
Он силу половецкую ослабил,
Что силы нет у нас ни Дон забрать,
Ни боронить всю Русь от орд поганых,
И то, что все князья отполонить
Должны несчастных пленников.
Вот я сложил то "Золотое слово"
И князю отвезу.
АРХИПЫЧ
С Днепра пойдут
Князья, да эти силы не горазды.
Нам других позвать придется так,
Чтоб Всеволода не обидеть зовом.
СЛАВА
Его позвали.
ПЕТР
Всеволода звать
На помощь не легко. Подумать надо.
СЛАВА
Вот зов ко князю Суздальской земли:
"Великий князе Всеволоде!
Не мыслю ти прилетети издалеча,
Огня злата стола поблюсти?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
А Дон шеломы выльяти!"
АРХИПЫЧ
Ему-то любо будет. Да! Силен!
ПЕТР
Его другим ничем не призовешь.
Себя лишь показать и взять полон.
СЛАВА
Пождем еще княгиню. Надо нам
Согласье взять ее, вписать ли плач?
СУСАННА
Я чла тот клич княгини Ярославны.
Ты, батюшка, о скорби всех вдовиц
Отпишешь там князьям?
СЛАВА
Да узрят князи
Ту ничет жалощами зелена
Трава, на жен в Путивле глядючи.
ПЕТР
Князья вдовиц тех не жалеют.
ОЛЕНА
У многих ум зла туга полонила.
Ни думой сдумати им милых лад,
Ни мыслью смыслити.
СЛАВА
Да, правда! Правду,
Петр, ты молвишь, смердов им не жаль.
Нельзя князьям писать о всех вдовицах.
(*Входит отрок. Настоятелю*)
ОТРОК
К тебе, боярин, дело там.
НАСТОЯТЕЛЬ
Что нужно?
ОТРОК
У Рыльских у ворот возы стоят.
Уходят люди в дальние дворища.
Так луци княжие и топоры
У них у всех забрать в оружный двор?
НАСТОЯТЕЛЬ
Здесь дело не рассудишь заглаза.
Со мною Петр. Хлопот по горло разных.
СЛАВА
Не мешкайте с Петром, вы у ворот,
Чтоб думу учинить нам с Ярославной,
Закончить слово плачем на забрале.
(*Петр, настоятель и отрок уходят*).
ОЛЕНА
Тебе виднее, Лада, но признайся,
Когда писал о скорби Ярославны,
Ты так ее жалел, что позабыл
Меня?
СЛАВА
А что же! Я еще не стар.
И все обличье, кажется, нехудо.
Да мой обычай и мой норов стар.
Я многим песни пел, но Лады деля
Все песни те мои, пою ли я,
А то пишу, единого хочу:
Да будет это любо моей Ладе.
СУСАННА
Не может быть! Ты помнишь и меня.
СЛАВА
Сусанна! Помни, ты – мой поздний век,
А весь мой век – одна Олена Лада.
СУСАННА
А я тебя и матушку жалею,
Вас поровну. Да еще...
НИКИТА
Дозволь, боярин, слово молвить мне,
А то сватов заслать.
СЛАВА
Да здесь
Свои, так попросту обсудим.
А то, как водится, давай сватов.
Но помни в тяжкую сию годину
Веселым быть на свадьбе не могу.
Коль рать погибла, в полону князья
И от поганых людям столько лиха,
Вино мне не пойдет из чаши в горло,
И мыслити о сем я не могу.

(*Входит настоятель*).
НАСТОЯТЕЛЬ
Так здесь о чем, боярин, дума будет?
СЛАВА
Княгине не любо, что песнь ее
Записана в то Слово о полку.
НАСТОЯТЕЛЬ
Но, как ты записал ту песнь княгини?
А то по-разному та пета песнь.
СЛАВА
Все лучшее из песен я запомнил
И из того составил песнь одну.
Судите сами, ладно ль записал.
Но, может, не любо княгине то,
Как я составил песнь ее на память.
ОЛЕНА
Княгиня чла, что Слава записал.
Люба ей запись та, да вот казать
Свое ей горе тяжко пред чужими.
НАСТОЯТЕЛЬ
Тогда почто же песню ту писать?
СЛАВА
Нужна она!
ОЛЕНА
А почему нужна?
СЛАВА
Князья услышат горе всей земли.
НАСТОЯТЕЛЬ
Попросим мы княгиню песню спеть.
СЛАВА
Так позови, Сусанна, Ярославну.
НАСТОЯТЕЛЬ
Ну покажи, боярин, как ту песню
Ты записал?
СЛАВА
Читай вот так отсюда.
НАСТОЯТЕЛЬ
Ярославна рано плачет в Путивле на забрале.
ЯРОСЛАВНА (*входит*)
Читаете вы Слово о полку?
СЛАВА
Ты чла его?
ЯРОСЛАВНА
Прочла и в толк понять
Я не могу, почто про князь Андрея
Ты, Слава, не обмолвился и словом:
Ведь князь Андрей обстроил все залесье,
Украсил град Владимир, что на Клязьме,
И заселил залесские все земли.
НАСТОЯТЕЛЬ
То так, княгиня! Только многим ведь
Не люб князьям он в Киевской земле,
За то, что рать его взяла на щит
Наш стольный Киев град.
СЛАВА
Пожог ему
Кияне не простят и не забудут.
И с ними первый я. Хвалить его
Я не могу, а хаить – не с руки
Мне в Слове, где зову на помощь брата.
Его же Суздальской земли владыку.
И так ему не будет любо то,
Что Золотое Слово здесь промолвит
Не он, князь Всеволод Владимирский – владыка,
Но Святослав, печальник всей Руси.
ЯРОСЛАВНА
Ну, как хотите. Можно без Андрея.
А вот зачем ты, Слава, песнь мою
Вписал? Не по сердцу мне песню ту казать
Князьям, боярам, воям, что чести будут.
НАСТОЯТЕЛЬ
Княгини слезы то не гоже нам
Казать.
СЛАВА
Ты будешь слышать дивны слезы княгини
нашей, а не бабий рёв.
Попросим мы княгиню
Спеть ту песнь.
СУСАННА
А ты на гуслях, батюшка, сыграй.
ЯРОСЛАВНА
Не пела я ту песню по заказу,
Для вас же я, бояре, песнь спою.
Но петь с припевом буду так,
Как пела я недавно у Коморы.
СЛАВА
Услышите, как плачет Ярославна.
Да чуют плач ее князья-могуты,
Отец, владыка Галицкой земли,
И дядя Митрий в Суздале далеком.
Пусть жаль им отне сердце стягнет. Чуйте!
(*Ярославна поет, а Слава играет на гуслях*)
Полечу зигзицею
По Дунаеви,
Омочю бобрян рукав
Во Каяле реце,
Утру князю кровь со алых ран
На жестоцем его теле.
О, Ветре-ветрило!
Чему мечеши?
Хиновские стрелки
На свои нетрудные крыльцы,
На мои лады вои
Мало тебе разве
Вверху под облака веять,
Лелеючи корабли на сине море?
Чему мое веселие по ковылю развею.
Полечу зигзицею
По Дунаеви,

Омочю бобрян рукав
Во Каяле реце,
Утру князю кровь со алых ран
На жестоцем его теле.
О, Днепре Словутичу!
Ты пробил еси каменные горы
Сквозь землю половецкую.
Ты лелеял еси на себе
Святославли насады
Да полку Кобякова.
Взлелеял мою ладу ко мне,
Дабы не слала к нему
Слез на море рано.
Полечу зигзицею
По Дунаеви,
Омочю бобрян рукав
Во Каяле реце,
Утру князю кровь со алых ран
На жестоцем его теле.
Светлое и пресветлое Солнце!
Всем тепло и красно еси.
Почему простерло горячие свои лучи
На лады вои.
В поле безводном
Жаждою им луки свело,
Тугою им тулы заткнуло.
Полечу зигзицею
По Дунаеви,
Омочю бобрян рукав
Во Каяле реце,
Утру князю кровь со алых ран
На жестоцем его теле.

СУСАННА
Как ладно, Ярославна, ты поешь.

НИКИТА
Гораздо ты составил. Так и мнится
Сейчас зачнет живой Словутич Днепр
Насад лелеять Лады Ярославны.

СЛАВА
Молчишь, Архипыч, и Семеныч тоже.

ПЕТР
А Игорь князь позволил бы казать
Всю тайну скорбь своей жены княгини.

НАСТОЯТЕЛЬ
Чтоб вызволить князей из злой неволи,
Все честные усилья хороши.
А песнь сия правнучки Мономаха
С гнездом Олега споры утишит.

ОЛЕНА
Да он затих уже от самой свадьбы князя.

СЛАВА
Кто испытал неволю и полон
Отрадный. Где? В тенетах своей Лады,
Тот в толк поймет и ропот Андромахи,
Что Гектора дала на жертву Трое,
И скорбный стон несчастной Ярославны
Неслышен ход. Прошло веков полсорок,
Как пал Пергам на прах своих сынов.
Пройдут века над Русскою землей,
Но кто душой певцам внимать умеет,
Услышит вновь и ропот Андромахи,
И тот же стон с забрала над Путивлем.
Тот сердца стон и слезы Ярославны
Мне подала, как лучшие алмазы...
А вставил их, как мог я рукодел,
В златой венец ее же вечной славы!

ЯРОСЛАВНА
Согласна я! Но сих алмазов хватит,
Я верю, друг, и для венца тебе!

ПЕТР
У греков ведь поэты получали
Из лавра лишь, без золота, венец.

СЛАВА
Ну, Лада, молви, любо ли тебе?

ОЛЕНА
Когда я чту, что ты сложил, мой Лада,
Зело дивлюся я тебе, ничем
Тебя жалею. Ты стоишь пред нами,
Как в песне нашей богатырь-могута.
Как властель речи, словно всех владыка:
Дуная, Солнца, моря, птах – всего.
Как ум велит, ты ставишь их, где надо,
Где любо им и нам. А в лепоте
Тебе наказа нет. Ты сам для многих
Наказом стал. Как греки чтут слепца
Гомера, так тебя у нас гусляры,
Сказители и книгочтеи всяки
При дальних внуках наших славить будут.

СЛАВА
Не хаешь? Я кажусь тебе... павлином...
Пожди-пожди! Виновен здесь не я:
Обильна лепотою Русская
Земля. А наша речь славянская
Росла и крепла в лепоте лесов,
Холмов, полян, озер, под шелест листьев,
И говор студенца и щекот славий.
Так как же эта речь могла не взять
Зигзицы грусть и трепета осины,
Красу дубрав, уречья, бора, зорь,
Всю силу грома, вешний блеск Ярила...
А песне звон дал гомон певунов.

СУСАННА
Так значит мы у пташек петь учились?
Забавно то, ха-ха-ха-ха.

СЛАВА
Всем знамо, не у рыб.

СУСАННА
(*хлопает в ладоши*)
Ха-ха-ха-ха.

Занавес.

КАРТИНА 11

Гридня князя в Путивле. Декорации те же, что в картине 7. Ярославна сидит у стола на кресле. По другую сторону того же стола княжее кресло с повешенным полотенцем на поручнях. Перед ней стоит Слава и настоятель.

ЯРОСЛАВНА
Дивлюсь! От дяди Митрия ко мне?
Когда ж боярин тот сюда приехал?
НАСТОЯТЕЛЬ
Вчера приехал в сутемках из Кром
С игумном. Их за ужином почтил
И разузнал, что едут в стольный Киев
Владыку звать святить те храмы,
Что в новых градах Суздальской земли
Князь Всеволод поставил, и просити
Нарекчи игумна архиреем.
Боярина того звать Семеоном.
Тебя, княгиня, он сыздетства знает
И хочет передать поклон тебе.
ЯРОСЛАВНА
Его зовут, ты кажешь, Семеоном,
А прозвище-то как боярина?
Пегой?
НАСТОЯТЕЛЬ
Он самый. Все пытал меня,
Поганых как набег мы отбивали.
Сейчас пошел осматривать Детинец.
СЛАВА
Пасись, Архипыч, все ему казать!
НАСТОЯТЕЛЬ
К нему приставил сотника Степана.
Он знает, что ему казать нельзя.
СЛАВА
Так! Мнится, государыня княгиня,
Что тот боярин не спроста поклон
Привез соломенной вдове от дяди
С игумном тем, чтоб ублажить тебя.
Вестимо всем, что жаден дядя твой,
Великий князь на Володимире.
Не хочет ли прибрать к рукам Северы
Все княжества, пока в отлучке их
Князья?
НАСТОЯТЕЛЬ
Так сих гостей принять придется
На думе средь бояр своих и тамых,
Что при тебе от всех градов северских,
Уклада доля общих важных дел.
СЛАВА
Архипыч правду молвит.
ЯРОСЛАВНА
Я согласна.
Зови его с игумном и бояр.
Я выйду к ним с боярыней Оленой,
И мнится мне, что дядя Всеволод
Не тронет нас, коль весть подать, что скоро
Домой вернется князь.
НАСТОЯТЕЛЬ
Уверим сла.
Тебя то он не тронет. Спора нету.
Да княжество под руку заберет
Себе. Пришлет намест себя бояр
Или князька, что под рукою ходит.
А мне на старости, вестимо что
Да и другим за верну нашу службу,
Останется отъезд к другому князю.
ЯРОСЛАВНА
Ну нет! На то согласья я не дам.
(*Уходят: Ярославна – во внутренние покои, настоятель – на крыльцо*).
СЛАВА
Царицу Пенелопу в ней я вижу.
А где ее Улисс? Никто же весть,
Хоти успел князь утекчи от хана,
Коль половчанин правду молвит нам.
НАСТОЯТЕЛЬ (*возвращаясь, оглядывается кругом*).
Хочу, пока не собрались бояре,
Тебе поведать тайну весть одну.
Поверишь? Князь ушел не к нам, а на низ!
СЛАВА
Не может быть! На Нижний Дон? Куда?
Зачем? Не в Таракань же плыть ему.
НАСТОЯТЕЛЬ
Княгиню я пугать не захотел.
СЛАВА
Вестимо! Тем жива, что князь к ней едет.
Все путает тебя и бахарит.
Язык, что захватили мы под Суджей?
НАСТОЯТЕЛЬ
Постой винить! Я дело вел не зря.
К нему лабазника я посадил,
Что в порубе сидел со Снедью,
Им дал наговориться ночи три,
Я допросил лабазника поутру.
СЛАВА
Ишь торгаши! По всякому лопочут.
НАСТОЯТЕЛЬ
Так вот язык ему поведал, что
Нашли в Донце насад, в котором Игорь
Уплыл из ставки хана Кончака
На низ Донцом, пока Кончак и Гза
Пошли набегом к нам.
СЛАВА

То значит правда
Одна лишь весть, что князя нет в плену.
НАСТОЯТЕЛЬ
Но где же князь? Зачем ему плыть на низ?
Не стретить, дабы хана Кончака?
Постой! Постой! Теперь я разумею.
Князь Игорь плыл на Дон, чтоб замести
Следы и сбить погоню ханов с толку.
А там за Доном на верх, без помех.
Он едет к нам.
НАСТОЯТЕЛЬ
Так веришь сам, боярин,
Что князь на днях вернется?
СЛАВА
Верно так.
Но лучше нам княгиню не тревожить...
НАСТОЯТЕЛЬ (*уходя*)
Пойду проведать пленного, что нам
Дозор ведет от самых от клепал.
(*Неспеша, собираются бояре*).
1-й БОЯРИН (*кланяясь Славе*)
Ты как здоров, боярин?
СЛАВА
Слава Богу.
А ты как сам, Степаныч, ноги носишь?
2-й БОЯРИН (*Славе*)
Что нам привез от Всеволода князя?
3-й БОЯРИН
Небось, князь Всеволод и сам смекает,
Что нам нужна помога.
1-й БОЯРИН
Сладу нет
С ордой поганых.
3-й БОЯРИН
Да... Лишь он надежда.
2-й БОЯРИН
Подумаешь! Ему нужда какая
Таскать для нас орехи из огня.
3-й БОЯРИН
Ну как же! Он у вас великий князь.
2-й БОЯРИН
Да не один. И в Киеве великий
Такой же князь, наш старый Святослав.
1-й БОЯРИН
Такой же?
3-й БОЯРИН
Ишь сравнил!
1-й БОЯРИН
У Всеволода
На сколь же больше рати, градов, сел!
3-й БОЯРИН
И землю всю свою в отчину держит
На век. Не то, что волостью, как все
Князья другие...
2-й БОЯРИН
А кто пожог наш Киев и дворища,
Как не его же старший брат Андрей?
1-й БОЯРИН
Вот вспомнил!
2-й БОЯРИН
Ольговичей кто обидел?
СЛАВА
Тс...
(*Входит княгиня Ярославна с боярынями. Бояре ей молча кланяются и рассаживаются по лавкам у стен гридни лишь после того, как княгиня села в свое кресло у стола. Настоятель и Слава садятся ближе к столу на такие же лавки у стен, как и другие бояре*).
ЯРОСЛАВНА
Прошу, бояре, вас послушать, с чем
Приехал к нам от Всеволода князя
Боярин – сол Пегой.
НАСТОЯТЕЛЬ
Сдается мне,
С далекой Клязьмы этот сол приехал
От князя Всеволода неспроста:
Как раз придавит нас, пока нет князя.
2-й БОЯРИН
Коли с подвохом слово его будет,
Придется это дело затянуть.
СЛАВА
Почто спешить? Успеем дать ответ,
Когда вернется князь наш, Игорь.
ЯРОСЛАВНА
Правда!
Спасибо за совет, бояре. Так
Зови, боярин, сла, что к нам приехал
От князя Всеволода.
НАСТОЯТЕЛЬ
Я иду. (*Уходит*).
(*Бояре тихо между собой разговаривают. Ярославна подзывает Славу и тихо с ним говорит*).
3-й БОЯРИН (*соседу своему тихо*)
Чего бояться нам свого же князя
Великого, коль ханы нам грозят?
2-й БОЯРИН (*тихо, иронически*)
Знать, в Новом городе поганы ханы
Не так грозят, як грозен Всеволод
Великий, князь.
3-й БОЯРИН (*громче*)
А как он знает день,
Коли князья вернутся из полона?
1-й БОЯРИН
Дивлюсь и я. Да не поспел спросить.
(*Входят два гридня, расступаясь, остаются по бокам входной двери. За ними входит настоятель на 1/3 гридни и, обращаясь к Ярославне, громко произносит*)
НАСТОЯТЕЛЬ
Идет к тебе с великокняжьим словом

Боярин Симеон Пегой и с ним
Отец Лука, Владимирский игумен.
(*Настоятель отходит в сторону. Пегой, важно входя в меховой невысокой шапке, следом за настоятелем, останавливается посреди гридни и отвешивает поклон княгине, касаясь рукой пола. В стороне становится тощий игумен в длинной черной мантии*).
ПЕГОЙ
Великого князь Всеволода я
Поклон передаю тебе, княгиня!
ЯРОСЛАВНА
Мне любо, что меня великий князь,
Мой дядя Митрий, здесь не забывает.
Здоров ли дядя, наш великий князь?
Великая княгиня как здорова
Со чадами?
ПЕГОЙ
Здоровы все. Тебя,
Княгиня, помнят и забавы деля
Малому сыну княжичу твому
Изделья костяные шлют с ларцами.
(*Передает белые резные из кости 2 ларца. Ярославна ставит ларцы на стол*).
Еще великая княгиня шлет
Тебе с игумном хлебцы поминальны.
(*Указывает на игумна*).
ИГУМЕН
(*кланяется княгине поясным поклоном и передает ей из серой пшеничной муки круглое небольшое пекарное изделие*)
Принесена княгинею к обедне
И вынута за упокой души
Той Евфросиньи, схимонахини,
Что матушкой твоей в миру была,
Княгинею Оленой Юрьевной.
А над гробницею ее в соборе
Горит неугасимое кадило.
(*Подавая второй хлебец*)
А вот сия – о здравии плененных.
ЯРОСЛАВНА
Спаси Господь тебя, святой отец!
Когда на Клязьму ты обратно едешь?
ИГУМЕН
Не вем, коли благословит владыко.
ПЕГОЙ
Обратно к Петрову хотели мы
Поспеть, коль в Киеве не будем мешкать.
ЯРОСЛАВНА
Коль будет по пути, я вас прошу
Заехать и принять покров, что шью
Я тонкими узорами для храма,
Гробницу матушкину им покрыть.
ПЕГОЙ
Еше великий князь велел сказать,
Что, если Игорь князь нескоро будет,
То ехала б с дитятею к нему,
А стерегчи Северу от поганых
В ту пору он поможет.
ЯРОСЛАВНА
Знайте все,
Бояре, как великий князь печется,
Зато силен и честен он по всей
Руси. А вот, когда князь Игорь будет...
Архипыч скажет нам.
НАСТОЯТЕЛЬ
Не позже так
Среды, дня через три, приедет наш
Князь Игорь к нам в Путивль.
(*Движение среди бояр*).
ПЕГОЙ
Откуда вести?
НАСТОЯТЕЛЬ
Сейчас я Тимофея допросил.
Он тысяцкого сын, Рагуйлы.
ЯРОСЛАВНА
Где он?
НАСТОЯТЕЛЬ
Он был в плену, и хан Кончак его
Со словом к нам своим сюда пустил.
СЛАВА
Так где же он?
ЯРОСЛАВНА
Давай его сюда!
НАСТОЯТЕЛЬ (*открывая дверь*)
Войди-ка, Тимофей Рагуйлович!
(*Входит Рагуйлович*).
РАГУЙЛОВИЧ
Князь Игорь едет к нам из ставки хана.
ПЕГОЙ
Так князь бежал из плена?
РАГУЙЛОВИЧ
Князь ушел.
Похоже, что за ним свои пришли.
Измена тоже объявилась хану.
Со словом послан я к нему от хана.
2-й БОЯРИН
Задумал нову пакость хан?
1-й БОЯРИН
Вестимо!
РАГУЙЛОВИЧ
Но только мира хочет хан Кончак!
ЯРОСЛАВНА
Но как же Игорь князь отстал от Тимофея
НАСТОЯТЕЛЬ
Дорогой дальнею поехал князь
И скоро будет здесь.
СЛАВА
Вестимо так!
ПЕГОЙ
Мне ноне в Киев след спешить. Прости!
Так ждать князь Игоря мне недосуг.

ЯРОСЛАВНА
Прощайте! Буду ждать...
ИГУМЕН
Прости, княгиня!
ПЕГОЙ
Здорова будь же, матушка-княгиня!
(*Пегой и игумен уходят. Бояре встают*).
ЯРОСЛАВНА (*подзывает Рагуйловича*)
Куда же князь ушел из ставки хана?
РАГУЙЛОВИЧ
То было за неделю до Егорья.
Ушел наш князь и ровно в воду канул.
Погони гнали по Донцу, на Суджу,
На все поля к Осколу, Псиолу...
ОЛЕНА
Ну...
РАГУЙЛОВИЧ
Но след простыл, и князя не нашли,
А в день Егорья, в усть реки Айдара,
Нашли насад, в чем князь от Тора плыл,
И тут смекнули мы, что князь ушел
За средний Дон. Смекнул, видать, и хан.
Потом, спустя неделю, хан меня
Позвал и в путь срядил со стражею.
ЯРОСЛАВНА
А как здоровье князя? Как рука?
РАГУЙЛОВИЧ
Еше по осени оздоровела,
И князь немало ездил по зиме.
(*Рагуйлович уходит, окруженный боярами*).
ЯРОСЛАВНА
(*встает, опираясь на руку боярыни Олены, Славе*)
О чем все думаешь? Ты все молчишь?
СЛАВА
Я знаю: Игорь князь приедет скоро
И вместо дней готов считать часы.
ЯРОСЛАВНА
Пойду на волю. Там на забороле
Я нагляжуся в даль и отдохну.
(*Бояре медленно расходятся, толкуя между собой. Гридни и слуги оправляют скатерти и ковры. Ярославна уходит, и видно через окно, как она идет по заборолу к коморе. Слава, пока не вышли все из гридни, зажав голову, садится на лавку за столом. Затем нервно вскакивает*).
СЛАВА (*один ходит по гридне*)
Вернется ли?.. Я молвил: "Да, вернется...",
Не верю, что ее я обманул.
(*Входит боярыня Олена*).
ОЛЕНА
Как думаешь, удастся Игорю
Пробраться к нам сюда?.. Ну что же, Слава?
СЛАВА
Я князя жду скорее, чем Архипыч,
Но если князь недели две помедлит,
То быть беде, а путь ему нелегок.
Но коли путь ему свободен был,
Он будет здесь сегодня... Да он здесь!
(*Во время их разговора в гридню входит князь Игорь и Ярославна*).
СЛАВА
Ну радость! Светлый день!
ОЛЕНА
Себе не верю.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Мне тоже чудится, что я во сне.
НАСТОЯТЕЛЬ (*входя*)
Княгиню я сберег и Гзу отбили.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Спасибо. Мне поведал наш дозор.
СУСАННА
Княгиня! Радость-то какая всем!
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Вы, други, рады мне, да я то сам
Себе не рад.
ЯРОСЛАВНА
Устал с пути, мой Лада?
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Иное. Силы нет забыть беду.
СЛАВА
Ну, полно, князь!
ОЛЕНА
Беда не грех.
СЛАВА
Поверь мне,
Всю половещину ослабил ты.
НАСТОЯТЕЛЬ (*Игорю*)
К тебе здесь сол от хана Кончака.
Сегодня Тимофей Рагуйлович
Пришел. Он выпущен из ставки хана,
И ханское к тебе имеет слово.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Зови скорей! От хана сла я ждал.
(*Входит Рагуйлович*)
РАГУЙЛОВИЧ
К тебе я, светлый князь, от хана послан.
Кончак мне наказал сказать тебе,
Что он с тобой навеки хочет мира
И не сердит за то, что ты ушел.
А дочку Кончаковну хочет он
За княжича Владимира...
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Кого?
РАГУЙЛОВИЧ
Женить Владимира он собирался.
ЯРОСЛАВНА
То студно дело, если сам не хочет.
КНЯЗЬ ИГОРЬ (*Рагуйловичу*)
А князь Владимир хочет взять ее?
РАГУЙЛОВИЧ
Я видел рядом их веселыми.

За пиром князь Владимир здравницу
Твою при хане пил и мне сказал,
Что просит твоего на брак согласья.
По нашему по свычаю Кончак
Из ханской ставки шлет тебе поклон.
Он хочет впредь с тобою мирно жить,
И мир с тобой скрепить женитьбой князя.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Ступай! Я позову тебя опять.
(*Рагуйлович уходит*). (*Игорь Ярославне*)
Придется нам помолвку объявить
И молодым тем здравницу испить.
Я к ужину сейчас приду. Готовьте.
На скромный ужин наш зови боярынь.
(*Женщины уходят*).
Я верю Кончаку лишь половину.
Но одному мне с ним не воевать.
НАСТОЯТЕЛЬ
Худой сей мир все ж лучше доброй ссоры.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Пока я на него не поднял Русь.
Вестимо, половцы уже не те
Сейчас, что были ране. Землю нашу
Уже им нонече не одолеть.
Но сам-то сдал я в сечи много силы:
Дружина у Каялы полегла.
Своей мне рати боле не кресити
И не доспеть дружины мне такой.
СЛАВА
Я изготовил Слово о полку,
Как мне наказ дал старый Святослав,
Ко всем князьям, что помощь могут дать
Освободить несчастных от полона
И в Русь поганым затворить ворота.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Сегодня дай мне Слово то прочесть.
Не миновать искать нам помощь ту.
Та помощь нам нужна не для меня.
Не я один в напасти от поганых:
Над всею Русью туга налегла,
А княжества победные в тревоге.
А потому я должен, Русь жалея,
Здесь поступиться норовом своим.
За Русь я отдал боевую силу,
Теперь же наниче ей послужу.
СЛАВА
Князей мири! Веди их рати в поле.
Ты тем погасишь силу злой орды.
КНЯЗЬ ИГОРЬ
Ты тот же, Слава! Да. Ты угадал,
И рядом мысль твоя идет с моею.
С тобою вместе мы поедем в Киев.
И ведай: ханам Русь не уступлю.

Занавес.

КАРТИНА 12

ЭПИЛОГ

Сцена у избы мельника Никиты на речке Десне летом 1238 г. Сбоку изба в 3 окна с крыльцом. На заднем плане огород и пчельник с колодами. Около избы высокий толстый пень, в виде стола. На нем закрыто глубокое деревянное блюдо. Направо, у сарая, на бревне сидит татарин Пельхван и делает из дерева игрушку-коня для мальчика Бориса 6-ти лет.

НИКИТА
Теперь бы нижний жернов мне сменить.
Надежи мало в ем: истерся!
СЛАВА
Да велика ль работа для него,
Коль люди убегли иль перебиты
По всей Пахре и в сторону к Москве.
А с речки с нашей, со Десны, немного
Тебе помола подвезут.
(*Входят 3 женщины: старуха Сусанна и две сестры Марья и Марфа. Сусанна несет корзину лечебных трав, Марфа – 2 корзины грибов, а Марья – на коромысле мокрое белье*).
НИКИТА
И то!
Пожалуй выстоит наш жернов?
Пускай стоит, пока подыщем.
МАРФА (*перебирая грибы*)
Где?
Искать-то здесь? Возьмите наш с Неглинной:
Разломана ведь мельница в Москве.
НИКИТА
Ну полно! Что ты, Марфа? Как же можно?
Тебе самой пригоден будет жернов.
Найдется мельник. Снасть наладит всю,
Починит избу. Вот тебе и хлебно.
МАРФА
Какой там хлеб! Москвы-то нет. Пойми:
Людишек перебили, слободу
Сожгли. А от детинца там осталась
Одна лишь печь с трубой княжой избы.
НИКИТА

Мне чудно, как сама живой осталась?
МАРФА
Мой Федор был в отлучке. Тут как раз
Приспело мне: пришлось идти в погост.
К Николе на полях, до бабки. Рядом!
А все ж едва дошла. Все ждут татар.
Сколь страху было. Только, слава Богу,
Не тронули татары наш погост.
СЛАВА
А долго ль на Москве орда стояла?
МАРФА
Дня два на мельнице стоял их хан
Бату. Задула непогодь. А снега-то
Не барзо. Сыро. Первопутка нет.
Вот ночи две татары у пожаров
Порты сушили. По ту пору вся
Орда с Москва-реки пошла на Клязьму.
Стояла наша мельница цела.
Но, как Бату возы свои стал вьючить,
За полчаса клети, як не бывало:
Костры зажгли, нажарили еды
И поднялись на стольный Володимир.
СУСАННА
Выходит, на погосте ты спаслась.
НИКИТА
А что же в доме ты нашла?
МАРФА
Подождите!
Спустя неделю я пришла домой
С младенцем. Пусто. Скот забит и съеден.
Нашла муки мешок на чердаке.
Ждала все Федора до самой Пасхи. (*Плачет*).
Да ждать, гляжу, напрасно. Страшно жить.
Среди пожарища. Людишек нету,
Зато по лугу бродят волцы днем.
А ночью не заснешь от их грызни
И воя. А к весне поели волки
Все трупы по Москве и стали жадны.
Не смела я три дня на речку выйти.
Вот и живи, коль любо там, а я,
Никита, не могу о том и смыслить.
СЛАВА
Не вдруг оправится родная Русь
От этого погрома.
НИКИТА
Да, не скоро!
МАРФА
Да некому и оправляться. Где
Людишки-то? Погибли все!
До вас еще не добрались татары!
НИКИТА
Полгода целых ждем их каждый день.
СУСАННА
Ну полно! Видишь деток? Подрастут!
Поставят города и заселят
Селища снова.
МАРФА
Кабы так случилось!
А то ведь их орда все жгет
И режет наш народ. И я сбежала,
Чтоб не видать оглоданных костей,
Не слышать крик голодного малютки.
Не видя радости, она погибла!
Да вижу здесь лишь можно смерти ждать!
Татары вас еще, знать, не нашли.
А про Десну, вестимо, не забудут,
Когда покончат с Суздальской землей.
На мельнице сидеть у вас опасно.
Вот за рекою Яхромой в лесах,
Где брат живет в Киеве, средь болот,
Там можно жить, не думая о смерти.
СЛАВА
Остерегись ты про Киево баить.
Вестимо, в дебрях тех среди болот
Киева вовсе не найти врагу,
Да ведь идти тебе туда неделю.
МАРФА
А что же? Завтра же пойду туда.
Кого здесь ждать – дождешься только хана!
И вам бы всем со мной идти в Киево.
СЛАВА
Там есть сынов немало тех друзей,
Что в Киеве со мной учились
И бились с половецкою ордой.
Да сам я устарел идти в Киево,
А землякам письмо я напишу,
Чтоб мир и жизнь, и речь свою блюли.
Коль завтра едешь, я пойду писать.
СЛАВА (*отходя с Никитой в сторону*)
Зачем тревожить их (*показывая на женщин*),
Но мы-то знаем,
Что случаем не видели в лесу
Татар. А может, их увидим скоро.
Одно я ведаю, что нелюбо
Татарам здесь остаться, жить в лесу.
НИКИТА
Вестимо, им со всей ордой и стадом
Недолго шляться по лесам и рекам,
И может отсидимся здесь еще.
СЛАВА
Да, нас всех русичей в лесу не сыщут,
Хоти искать им лета три в гаях,
По падям бора и лесным чащобам.
Таится наши знают где в лесу.
А помню, сказывал не раз покойный
Отец твой, Петр, что беды наш народ
Все переносит, как ребенок малый:
Забьется в колыбель иль убежит. (*Слава уходит*).
СУСАННА (*Марфе*)
Ты погостила бы у нас недельку.
МАРФА

Да ждать мне нечего: дождешься хана!
СУСАННА (*смеясь*)
Домашний есть у нас: Пельхван живет.
ПЕЛЬХВАН (*подходя*)
Меня ты кличешь, что ль?
БОРИС
Дядя Пеля!
А хвост повесишь нашему коню?
(*Игрушку рассматривают Марфа и Пельхван*).
МАРФА (*Пельхвану*)
Давно ты здесь живешь?
ПЕЛЬХВАН
Да зиму всю.
С ордой приехал осенью в лес,
А до того мы жили в юртах все.
МАРФА
Так круглый год средь поля и живете
В тех юртах?
ПЕЛЬХВАН
Да, в тех юртах вся орда.
И жены с нами в юртах. Жить там вольно.
Кумыс хорош, кумыс мы вволю пьем.
МАРФА
Пила. Поганый он: нагноем затхнет.
ПЕЛЬХВАН
Хе! Иок. Хорош он, как вино.
Кумыса выпил – песню я запел.
А жены служат мне, пилав несут.
МАРФА
Так коли жить там гоже вам, зачем
Орда пришла из поля к нам в болото,
За лес дремучий? Здесь ведь поля нет.
ПЕЛЬХВАН
Так мудрый хан Бату орду спасал:
Кобылы нам дороже жен.
МАРФА
Ты бахарь!
БОРИС
Здесь уши будут?.. Дядя Пеля! Уши?
ПЕЛЬХВАН
Да! Холка здесь. Зачем? С конем жену
Добудет каждый. Так? А вот с женой
Татарину коня добыть? Помысли!
Два лета злой шайтан губил кобыл.
Траву два лета не дал. Дохли кони.
Кумыс пропал. И жеребят носить
Кобылы перестали. Дохли люди.
Могута наш Бату сберег орду,
И всех повел нас за травою следом.
Бату проведал, что Ока велика,
И комони траву найдут в лугах.
МАРФА
Сдается, что от ваших от кобыл
Пришла на Русь великая беда,
А от татаровой мой лада смерть
Принял.
ПЕЛЬХВАН
Не ведал твой могуты хана.
Урус хорош. Я сам уведал то,
Когда меня недужного Никита
Нашел в лесу и спас, как кунака.
Да лишь не ведает урус, что земли
До всех морей под властью быть должны
Могуты хана всех монголов.
МАРФА
Где ж
Нам вести то, что ваша вся земля?
Живем ведь мы в лесу, так что нам вести!
НИКИТА (*открывая блюдо с медом*)
Ну вот и соты – будет мед у нас.
Да! Новый наш медочек духовитый.
Отведай, дитятко! (*Ставит блюдо на столпень*).
БОРИС
Дай дяде Пеле.
СЛАВА (*подходит с листом скалы и кладет этот лист на стол*).
Мы с ним медок отведаем с кваском.
Сусанна! Дай-ка жбан кваску с ковшом.
СУСАННА (*из окна избы*)
Сейчас подам.
НИКИТА (*Пельхвану*)
А ноги как твои?
ПЕЛЬХВАН
Могу на конь садиться. Обе ноги
Здоровы у меня. Теперь опять
Джигитом буду, как и был, Пельхваном.
В Орду поеду скоро. Нужен конь.
СЛАВА
А где теперь орда?
ПЕЛЬХВАН
Была за Тверью.
Никита сказывал, что от Можайска
Прошла орда недавно на Оку
Пратвою.
(*Входит Сусанна со жбаном квасу*).
СЛАВА
Что ж, опять урусу будешь
Творить победы?
ПЕЛЬХВАН
Иок, не буду, дед!
Мое ведь слово крепко. Твой Никита
Кунак мне стал, и вы мне кунаки.
Уруса пальцем обижать не стану.
А хан мой вашим стал теперь царем.
СУСАННА
Мы яко своему тебе обвыкли.
Пельхван! Испей-ка с батюшкой кваску.
(*Слава берет ковшик браги, Пельхван – другой ковшик. Пельхван стоя пьет, а Слава идет со своим ковшом в правый угол авансцены и,*

держа в одной руке ковшик, а другой соты, садится на бревно, у стены омшанника. Женщины лакомятся медом, черпая ложкой и закусывая хлебом. Никита вышел за левую заднюю кулису и быстро возвращается с поднятыми руками с криком: "Идут татары! В лес бегите!" Женщины от этого крика, схватив Бориса, бросаются за правую кулису в омшанник. Никита подходит к старику Славе, загораживая своей спиной его от татар. Следом за Никитой с левого заднего угла врываются татары, заполняют часть сцены, но дальше их не пускает Пельхван, который поставил ковшик на стол, поднял руки и осаживает татар назад, откуда они пришли. Крики татар не дают возможности различить отдельные голоса. Когда татары очистили дворик и ушли на плотину, Пельхван возвращается на авансцену к старикам Никите и Славе. Во время присутствия татар на сцене остается все время неподвижной фигура Славы с ковшом браги и куском в руках).

СЛАВА (*Пельхвану, не вставая*)
Пельхван! За здравие твое я выпью брагу,
Да и во рту, ведь, что-то пересохло.
ПЕЛЬХВАН
В орду поеду я, своих нашел!
НИКИТА
Нашли они тебя.
ПЕЛЬХВАН
А вас не тронут.
Задерживать своих мне здесь нельзя.
Давай, Никита, лист скалы скорей.
Ярлык вам напишу, чтоб жили мирно,
И вас татары здесь тогда не тронут.
(*Уходят с Никитой на крыльцо мельницы. С плотины доносится отдаленный гул татарского говора. Слава встает и берет со стола исписанный лист скалы*).
СЛАВА
Ну, слава Богу, хоть остались живы.
СУСАННА
Пельхван, должно быть, их начальник был.
МАРИЯ
Поэтому не тронут нас татаре?
СЛАВА
Пока не тронут. Но держать тебя
Здесь, Марфа, все же не хочу. Ступай!
Вот передай Никифору писание.
В Киеве передай ему поклон.
И землякам, что помнят нас с Никитой.
СУСАННА
А что ты им в Киеве написал?
СЛАВА
Коль хочешь ты, Сусанна, чти писанье.
Прочти и бережно в холстину крепко
Скалу ту закатай.
БОРИС
А как же коник?
МАРИЯ (*берет на руки Бориса*)
Сынок! Давай почуем, что прочтет
Нам бабушка Сусанна.
СУСАННА
Ну, так чуйте! (*Читает письмо*)
Далеким беженцам из Киевской
Руси, в Залесье Яхрома реки,
За новый град княжой, сожженный Дмитров,
В поселок новый отвести в Киево
Всем нашим новоселам здравным быть
И не забыти стольный Киев-град!
Потомки ваши, как и вы, песок!
На ореве своем орати будут,
Имеючи себе добыток скудный,
А память славной Киевской земли
Киево, ваш поселок, сохранит
Одним прозваньем пустоши песчаной,
Заросшей вереском и сосняком
Другую память заложили вы,
Уйдя от теплых вод Днепра за лес
Туда, в Киево унесли с собой
Вы говор, что слагали наши предки
В привольной, некогда, земле полудня.
Провижу, что основу нашей речи
Потомки у Киева сохранят
За топью непролазных дебрей леса,
Не ведая, что в речи этот клад
Ценнейших наших русских самоцветов,
Что ныне говор наш да песни красят
И будут вечно красить русску речь.
Пройдут века неволи, гнета, скорби.
За там в Киеве дальние потомки
За говор благодарный будут вам
И воздадут киянам честну память!
(*Никита возвращается с ярлыком и кладет ярлык на стол*).
НИКИТА
Ярлык оставил наш Пельхван, а сам
С татарами уедет на Пахру.
СЛАВА
Да как бы не остался кто из них.
НИКИТА
Придется проследить, чтоб все ушли.
(*За сценой слышна негромкая татарская песня, спокойно мелодией выражающая радость возвращающихся домой кочевников. Песня постепенно затихает. Женщины и Слава стоят в неподвижных позах, лишь маленький Борис теребит Марию вопросами: "А дядя Пеля хвостик конику забыл повесить?"*).
БОРИС
А где же дядя Пеля? Он ушел?

СЛАВА
Настало время так Руси забиться,
Как малому ребенку в колыбель.
Крамолы княжие сгубили Русь
Да верую, что ненадолго то.
Как Муромец Илья, почуя силу,
Воспрянет Русь на грозного врага,
Но мало нас осталось, так беречь
Мы каждого должны.
СУСАННА
Леса укроют!
СЛАВА
Да, русская земля спасенье нам
Своими дебрями, болотами
И лесом, где живут, кто жив остался.
Но сила от врагов не в тех лесах
И не в земле, а в людях, нас самих.
Нам тяжко жить сейчас. Теперь придется!
Но в славный час дождутся наши внуки
Изгнанья грозного врага Руси.

Занавес.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКМ	– Азовский краеведческий музей
АКМЗ	– Астраханский краеведческий музей-заповедник
АНИГИФ ДонНУ	– Археологическая научно-исследовательская группа исторического факультета Донецкого национального университета
АН УРСР	– Академія Наук Української Радянської Соціалістичної Республіки
АО	– Археологические открытия
АП УРСР	– Археологічні пам'ятки Української РСР. К.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
ВГПИ	– Волгоградский государственный педагогический институт
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
Вестник МГУ	– Вестник Московского государственного университета
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет
ВООПИК	– Всесоюзное общество охраны памятников и культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГНПУ	– Государственное научно-производственное учреждение "Наследие". Астрахань.
ДАС	– Донецкий археологический сборник
ДВДС	– Древности Волго-Донских степей. Волгоград
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	– Известия Археологической комиссии. СПб.
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины. К.
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук. М.
Изв. АН Каз. ССР	– Известия Академии наук Казахской ССР
Изв. АН Турк. ССР	– Известия Академии наук Туркменской ССР
ИИАЭ АН Каз. ССР	– Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. СПб.
ИКИИЮВО	– Известия краеведческого института истории Юго-Восточной области при Саратовском государственном университете
ИНВИК	– Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов
К.	– Киев
КИИЮВО	– Краеведческий институт истории Юго-Восточной области при Саратовском государственном университете
КИСЭПИ	– Калмыцкий институт социально-экономических и правовых исследований. Элиста
КНИИИФЭ	– старое наименование КИСЭПИ (см. выше)
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
М.	– Москва
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКМ	– Мариупольский краеведческий музей
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии Национальной Академии Наук Украины. К.
НА ИА РАН	– Научный архив Института археологии РАН. М.
НВИК	– Нижне-Волжский институт краеведения

ОАК	– Отчет археологической комиссии
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология. М.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
СОМК	– Саратовский областной музей краеведения
СПб.	– Санкт-Петербург
СТ	– Советская тюркология
СЭ	– Советская этнография. М.
Тр. АН Тадж. ССР	– Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АС	– Труды Археологического съезда
ТС	– Тюркологический сборник. М.
ТСА РАНИОН	– Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук
УІЖ	– Український історичний журнал
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад

Краткие сведения об авторах

Алексейчук Сергей Николаевич	Россия. Москва. Институт этнологии и антропологии им.Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, младший научный сотрудник
Балановский Александр Васильевич	Россия. Саратов. Государственный университет, доцент исторического факультета, канд. ист. наук
Васильев Дмитрий Викторович	Россия. Астрахань. Государственный университет, старший преподаватель кафедры истории России
Горелик Михаил Викторович	Россия. Москва. Институт востоковедения РАН, старший научный сотрудник, академик Общероссийской академии киноискусств, канд. искусствоведения
Гречкина Татьяна Юрьевна	Россия. Астрахань. Государственное научно-производственное учреждение "Наследие", заведующая сектором археологии
Евглевскии Александр Викторович	Украина. Донецк. Национальный университет, старший научный сотрудник археологической научно-исследовательской группы исторического факультета
Зиливинская Эмма Давидовна	Россия. Москва. Институт археологии РАН, научный сотрудник, канд. ист. наук
Кищенко Валентин Григорьевич	Украина. Донецк. Физико-технический институт, научный сотрудник
Кравченко Эдуард Евгеньевич	Украина. Донецк. Национальный университет, старший научный сотрудник археологической научно-исследовательской группы исторического факультета
Круглов Евгений Викторович	Россия. Волгоград. ООО "Хазар", генеральный директор
Кульбака Владимир Константинович	Украина. Мариуполь. Гуманитарный институт, старший преподаватель кафедры исторических дисциплин
Лесничий Петр Петрович	Украина. Днепропетровск. Национальный университет, аспирант кафедры историографии и источниковедения
Нарожный Евгений Иванович	Россия. Армавир. Государственный педагогический институт, доцент кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин, директор Центра археологических исследований, канд. ист. наук
Отин Евгений Степанович	Украина. Донецк. Национальный университет, декан филологического факультета, профессор, доктор филологических наук
Поливанов Алексей Матвеевич	Россия. Москва. Исследователь поэмы "Слово о полку Игореве"
Рассамакин Юрий Яковлевич	Украина. Киев. Институт археологии НАН Украины, старший научный сотрудник, канд. ист. наук
Шалобудов Владимир Николаевич	Украина. Днепропетровск. Национальный университет, старший научный сотрудник лаборатории археологии Приднепровья
Юдин Александр Иванович	Россия. Саратов. Управление по историко-культурному наследию Министерства культуры Саратовской области, главный специалист, канд. ист. наук

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Круглов Е.В. (Волгоград)
Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников 13

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. (Астрахань, Москва)
Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги . . . 83

Кравченко Э.Е. (Донецк)
Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке 123

Кищенко В.Г. (Донецк)
Стрелы древних и средневековых культур Евразии: Реконструкция 131

Шалобудов В.Н. , Лесничий П.П. (Днепропетровск)
Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья). 193

Рассамакин Ю.Я. (Киев)
Погребение знатного кочевника на реке Молочной: Опыт реконструкции вещевого комплекса 207

Горелик М.В. (Москва)
Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела 231

Нарожный Е.И. (Армавир)
О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона 245

Юдин А.И., Балановский А.В. (Саратов)
Об этнокультурной принадлежности некоторых поселений развитого средневековья Лесостепного Правобережья Волги 275

Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н. (Москва)
Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища 295

Кравченко Э.Е. (Донецк)
Средневековый комплекс поселения Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье 345

Евглевский А.В., Кульбака В.К. (Донецк, Мариуполь)
Грунтовой могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья 363

Отин Е.С. (Донецк)
Вопросы исторической ономастики Северного Приазовья 405

Поливанов А.М. (Москва)
"Восточная" гипотеза о месте битвы Игоря с половцами (р.Россошь, бассейн среднего течения Дона) 431

Приложение к статье А.М.Поливанова: Поливанов Н.Н. Внук Бояна 443

Список сокращений 487

Краткие сведения об авторах 489

INDEX

Preface 9

Kruglov E.V. (Volgograd)
Pecheneg and Oguz Tribes: Certain Problems of Archeological Sources 13

Vasilyev D.V., Grechkina T.Yu., Zilivinskaya E.D. (Astrakhan, Moscow)
Samosdelka Settlement: the Monument of the Pre-Mongol
Period in the Lower Reaches of the Volga 83

Kravchenko E.Ye. (Donetsk)
A Noble Warrior's Interment of XIIIth c. on the River Kalka 123

Kischenko V.G. (Donetsk)
The Arrows of Ancient and Medieval Cultures of Eurasia: Reconstruction 131

Shalobudov V.N., Lesnichiy P.P. (Dnepropetrovsk)
Experience of Reconstruction of Late Nomads' Carts
(on the Material of Polovets Burials in the Dneper Region) 195

Rassamakin Yu.Ya. (Kiev)
A Noble Nomad's Interment on the River Molochnaya:
Experience of Reconstruction of a Set of Objects 207

Gorelik M.V. (Moscow)
Helmets and Falchions: Two Aspects of Mutual Influence
of the Mongolian and European Art of War 231

Narozhnyj E.I. (Armavir)
On Polovets Statues and Sanctuaries of XIII-XIV cc.:
the North Caucasus and Don Areas 245

Yudin A.I., Balanovsky A.V. (Saratov)
On Ethnic and Cultural Attribution of Certain Medieval Settlements
Situated in the Forest-Steppe Areas of the Volga Right Bank 275

Zilivinskaya E.D., Alexejchuk S.N. (Moscow)
Country Estate Building at XVth Dig Out of Selitrennoye Ancient Settlement 295

Kravchenko E.Ye. (Donetsk)
The Medieval Settlement Complex in Lyapinskaya Balka
in the North-East of the Azov Sea Area 345

Yevglevsky A.V., Kulbaka V.K. (Donetsk, Mariupol)
The Ground Burial of the Golden Horde Period in Lyapinskaya Balka
in North-Eastern Azov Territories 363

Otin E.S. (Donetsk)
Problems of Historical Onomastics of the Northern Azov Areas 405

Polivanov A.M. (Moscow)
"Eastern" Hypothesis of the Site of Prince Igor's Battle with the Polovtsy
(the River Rossosh in the Middle Don Basin) 431

Supplement to the article by A.M.Polivanov:
Polivanov N.N. Boyan's Grandso 443

List of abbreviations 487

List of Authors 489

INHALTSVERZEICHNIS

Vorwort 9

Kruglov Je.V. (Wolgograd)
Petschenegen und Ogusen: einige Probleme der archäologischen Quellen 13

Vassiljev D.V., Grečkina T.Ju., Zilivinskaja E.D. (Astrachan, Moskau)
Burgwall Samosdelka – Baudenkmal aus der vormongolischen Zeit am unteren Wolgalauf . . 83

Kravčenko E.Je. (Donezk)
Bestattung eines vornehmen Kriegers aus dem 13. Jh. an der Kalka 123

Kiščenko V.G. (Donezk)
Pfeile aus den altertümlichen und mittelalterlichen Kulturen Eurasiens: Rekonstruktion . . 131

Šalobudov V.N., Lesničij P.P. (Dnepropetrovsk)
Versuch einer Rekonstruktion der Wagen aus der späten Nomadenzeit
(nach Grabungen der Kumanen-Grabstätten im Dneprraum) 193

Rassamakin Ju.Ja., (Kyiw)
Grabstätte eines vornehmen Nomaden am Fluss Molotschnaja:
Versuch einer Rekonstruktion des Gegenständekomplexes 207

Gorelik M.V. (Moskau)
Helme und Falchione: zwei Aspekte der gegenseitigen Beeinflussung
des Waffenwesens der Mongolen und der Europäer 231

Naroshnij Je.I. (Armavir)
Abgötter der Kumanen und Tempel aus dem 13. und 14. Jh. im Nordkaukasus
und im Donraum 245

Judin A.I., Balanovskij A.V. (Saratow)
Ethnische und kulturelle Zugehörigkeit mancher hochmittelalterlichen
Siedlungen im Waldsteppengebiet des rechten Wolgaraumes 275

Zilivinskaja E.D., Alexejčuk S.N. (Moskau)
Herrensitzgebäude der 15. Grabung des Selitrennoje-Burgwalles 295

Kravčenko E.Je. (Donezk)
Mittelalterlicher Siedlungskomplex Steppenschlucht Ljapinskaja
im Nordostraum des Asowschen Meeres 345

Jevglevskij A.V., Kulbaka V.K. (Donezk, Mariupol)
Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja aus der Zeit der Goldenen Horde
im Nordostraum des Asowschen Meeres 363

Otin Je.S. (Donezk)
Probleme der historischen Onomastik des Nordraumes des Asowschen Meeres . . . 405

Polivanov A.M. (Moskau)
"Östliche" Hypothese über den Austragungsort der Schlacht Igors gegen
die Kumanen (die Rossosch, Mittellauf des Don) 431

Anlage an den Beitrag von Polivanov A.M.: Polivanov N.N. Der Enkel Bojans . . . 443

Abkürzungsverzeichnis 487

Über Autoren 489

SOMMAIRE

Préface 9

Kruglov E.V. (Volgograd)
Peĉeneg et oguz: certains problèmes des sources archéologiques 13

Vasiliev D.V., Greĉkina T. Û., Zilivinskaâ E.D. (Astrakhan, Moscou)
Le site de Samosdelka situé dans le courant bas de la Volga – monument de la période prémongole 83

Kravĉenko E.E. (Donetsk)
L'inhumation d'un guerrier noble au XIII s. bord du fleuve Kalka 123

Kišĉenko V.G. (Donetsk)
Les flèches des cultures anciennes et moyenageuses de l'Eurasie: Reconstruction . . . 131

Šalobudov V.N., Lesniĉij P.P. (Dniepropetrovsk)
Reconstruction des charrettes de nomades tardifs
(d'après les fouilles de nécropoles sur les bords du Dniepr) 193

Rassamakin Û.Â. (Kiev)
La tombe d'un nomade noble au bord de la rivière Moloĉna:
Tentative de reconstruction d'un complexe à effets 207

Gorelik M.V. (Moscou)
Les casques et les falchions: deux aspects de l'interinfluence de l'art militaire des Mongols et de la fabrication d'armes 231

Narožny E.I. (Armavir)
Des sculptures et des sanctuaires des Polovec aux XIII-XIV siècles
du Caucase du Nord et du Don 245

Udin A.I., Balanovski A.V. (Saratov)
Sur l'appartenance ethnoculturelle de quelques sites du Moyen
Age avancé situés sur les terrains de steppes et forêts de la rive droite de la Volga . . . 275

Zilivinskaâ E.D., Aleksejĉuk S.N. (Moscou)
Une maison et dépendances provenant de la fouille XV du site de Selitrennojé . . . 295

Kravĉenko E.E. (Donetsk)
Complexe moyenâgeux Creux de Lapino dans la partie Sud-Est
du bord de la mer d'Azov 345

Evglevski A.V., Kulbaka V.K. (Donetsk, Mariupol)
La nécropole au ras du sol Creux de Lapino des temps de la Horde
d'Or située dans la partie nord-est du bord de la mer d'Azov 363

Otine E.S. (Donetsk)
Problèmes de l'onomastique historique de la partie nord de la mer d'Azov 405

Polivanov A.M. (Moscou)
Hypothèse "orientale" du lieu de la bataille du prince Igor contre les Polovec
(rivière Rossoŝ, bassin du Don moyen) 431

Appendice à l'article de A.M.Polivanov: Polivanov N.N. Le petit-fils de Bojan . . . 443

Liste des abréviations 487

Notices sur les auteurs 489

Праці з археології

СТЕПИ ЄВРОПИ В ЕПОХУ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ

Том 3

Половецько-золотоординський час

Російською мовою

Відповідальний секретар Потьомкіна Т.М.
Технічний редактор Бистрий О.Г.
Дизайн: Євглевський О.В.
Коректори: Потьомкіна Т.М., Полякова О.О., Усачук А.М.
Комп'ютерний набір Полякова О.О.
Комп'ютерна верстка: Бистрий О.Г., Бистра М.О.

Адреса редакції: Україна 83055 м.Донецьк, вул.Університетська, 24, історичний факультет ДонНУ, археологічна науково-дослідна група
E-mail: evgl@dongu.donetsk.ua (Євглевський О.В.)

Підписано до друку
Ум. друк. арк.69,7
Формат 70x100/16

Папір Coloteeh (Швеция)
Тираж 300 прим.
Замовлення №725

Видавництво Донецького національного університету
Адреса видавництва: Україна 83055 м.Донецьк, вул.Університетська, 24